ГОДЪ 34-Й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

5.

Приложена книга „Архива Князя Воронцова

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1896.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

1896 годъ.

Соколовъ М. Святый Стефанъ, епископъ Пермскій († 1396 года Апрѣля 26). „Церковныя Вѣдомости № 16.

Вотчина Ростовскаго архіерейскаго дома въ годы 1629—1631: села Вексицы, Филимоново, гора Благовѣщенская. „Ярославскія Епарх. Вѣд.“ № 11.

Матеріалы для исторіи Владимирской епархіи. Выпускъ 4-й. Юрьевская десятина жилыхъ данныхъ церквей и пустовыхъ церковныхъ оброчныхъ земель „Владимирскія Епарх. Вѣд. № 6.

И. А. К. Воскресенскій Новодѣвичій монастырь въ С.-Петербургѣ. „Церковныя Вѣдомости“ №№ 12—13.

Звѣревъ Ст. Надгробное слово префекта Евфимія Болховитинова 1790 г. „Богословскій Вѣстникъ“, Апрѣль.

Поповъ К. М. Чинъ священнаго коронованія. (Историческій очеркъ образованія Чина) „Богословскій Вѣстникъ“, Апрѣль.

Д—скій А. Св. Стефанъ, епископъ Пермскій. (Къ 500-лѣтію его кончины, † 26 Апрѣля 1396 г.). „Московскія Церк. Вѣд.“ № 16.

Скворцовъ Н. Московская Церковная Старина. Уничтоженныя церкви въ мѣстности Пречистенскаго сорока. Церковь Саввы Стратилата на Знаменкѣ. „Московскія Церк. Вѣд.“ № 16.

Села Ростовскаго и другихъ уѣздовъ по писцовой книгѣ стольника Степана Жадовскаго да подъячаго Мартына Антонова 1676—1679 годовъ. Село Павловское и его угодья въ 1629—1631 гг. Наводненіе въ г. Угличѣ въ 1719 году. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 16.

Извѣковъ Н. Труды профессора Московской Духовной Академіи Александра Θеодоровича Лаврова-Платонова, какъ члена Комитета по вопросу о реформѣ духовнаго суда. „Московскія Церк. Вѣд.“ № 16.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1896.

2.

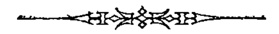
РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1896.

КНИГА ВТОРАЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

КЪ ИСТОРІИ ПУГАЧОВЩИНЫ.

I.

Вступленіе.—Причины мятежей.—Масленскій бунтъ.—Самозванецъ Каменщиковъ („Алтынный Глазъ").

Пугачовщина далеко еще не вполнѣ выяснена и описана. Большинство изслѣдованій касалось мятежа преимущественно въ Поволжскихъ губерніяхъ и южной части Урала, между тѣмъ какъ о дѣйствіяхъ Пугачова и его сообщниковъ въ сѣверной части Пріуралья, особенно въ провинціяхъ Уфимской и Исетской, свѣдѣній очень мало [1].

Пользуясь данными Тургайскаго областнаго и нѣкоторыхъ Оренбургскихъ архивовъ, а также записками современника, поручика Андрея Егоровича Поспѣлова, печатавшихся въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1869 г., и статьею Зырянова „Пугачовскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ" („Пермскій Сборникъ" 1859, I), осмѣливаемся начертить картину мятежа въ сѣверныхъ частяхъ Оренбургскаго края и указать происшедшія послѣ того событія, которыя имѣли тѣсную связь съ общимъ охватившимъ этотъ край волненіемъ.

Извѣстно, что край Оренбургскій, населенный разнородными племенами Башкировъ, Мордвы, Черемисъ, Вотяковъ и другихъ инородцевъ, издавна былъ мѣстомъ постоянныхъ мятежей, волненій и посягательствъ на цѣлость Русской имперіи, какъ со стороны Башкировъ, такъ и со стороны Киргизовъ, хотя считавшихся подвластными намъ, но въ сущности не признававшихъ никакой власти, даже власти своихъ хановъ [2]. Переселенные сюда изъ центральныхъ областей Россіи Русскіе и другіе инородцы (Чуваши, Мордва и Черемисы), разбросавшіеся въ дебряхъ Башкиріи небольшими по-

---

[1]) Исключеніе представляетъ монументальный трудъ Н. Ѳ. Дубровина „Пугачовъ и его сообщники" Спб. 1884 г. 3 тома; однако и этому почтенному изслѣдователю остались неизвѣстными нѣкоторыя данныя, сообщаемыя въ настоящей статьѣ. Ред.

[2]) Г. Мордовцевъ въ 1-мъ томѣ своихъ „Самозванцевъ" (стр. 287) пишетъ относительно Киргизовъ, что „Большая орда управлялась въ то время (т. е. Пугачовскаго бунта) ханомъ *Эрали* (!), Средняя—Аблаемъ и меньшая—Нурали-ханомъ. Состоя подъ покровительствомъ (!) Русскаго правительства, они были самыми безпокойными сосѣдями и, какъ подвластные Русскому престолу Киргизъ-Кайсаки, давали намъ, въ случаѣ необходимости, *помощь войскомъ*". Можемъ увѣрить автора, что Большая орда въ то время была подчинена Зюнгорскому владѣльцу, а Эрали, братъ Нурали-хана, никоимъ образомъ не могъ управлять сю и никогда не управлялъ. Киргизы также никогда не давали и до сихъ поръ не даютъ намъ „помощи войскомъ".

селками, сами подчинялись вліянію тѣхъ же туземцевъ, а мѣстныя власти не обращали никакого вниманія на нравственное состояніе мѣстнаго населенія.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ злоупотребленія властей, такъ какъ объ этомъ уже писалось не разъ. Воеводы и различные подъячіе обирали елико возможно не только Башкировъ и другихъ туземцевъ, но и Русскихъ*), и обращались съ ними просто по варварски, какъ будто это были не люди. Но всего больше терпѣли крестьяне горныхъ заводовъ Урала отъ своихъ прикащиковъ, конторщиковъ, управляющихъ и т. п., власть и самоуправство коихъ не знали себѣ границъ. За долго еще до Пугачовскаго бунта и много спустя послѣ него здѣсь творились такія безобразія, такія душу раздирающія сцены безчеловѣчнаго обращенія, что, въ силу необходимости, изнывшіе подъ тяжестью непосильныхъ работъ крестьяне возставали противъ своихъ притѣснителей, такъ какъ суда и управы на нихъ трудно было найти въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, а до Петербурга въ то время, при невозможныхъ путяхъ сообщенія, добраться было не легко, чтобы „повѣдать Царю-батюшкѣ про свое лютое горе". А если и находились такіе смѣльчаки, что пускались въ далекій путь, то ихъ, по распоряженію тѣхъ же властей, перехватывали по дорогѣ и, какъ колодниковъ, подъ строгимъ карауломъ, отправляли назадъ, гдѣ имъ готовы были плеть и розги.

Такимъ образомъ, въ отдаленномъ отъ центра просвѣщенія и государственнаго строя Оренбургскомъ краѣ царили полный произволъ, попраніе всякихъ человѣческихъ правъ и утѣсненіе темнаго люда всяческими поборами. Въ концѣ концовъ народъ не выдержалъ тягости такого гнета, и вся эта масса крестьянъ, инородцевъ и казаковъ ополчилась противъ своихъ притѣснителей, чтобы сбросить съ себя ярмо ненавистнаго ига, благо для подстрекательства ихъ находились „благодѣтели и защитники", готовые стать во главѣ мятежнаго движенія.

Значительныя волненія Башкировъ и другихъ инородцевъ, не говоря уже о набѣгахъ Киргизовъ, не прекращались до 1755 года, начиная съ 1584 г. и, даже ранѣе, съ 1574 года, когда въ Башкиріи начала строиться Уфа; первый же бунтъ крестьянъ, какъ указываютъ источники, открылся только въ 1760 году въ Масленскомъ острогѣ бывшей Исетской провинціи (нынѣ Челябинскаго уѣзда). Крестьяне здѣсь взбунтовались, потому что ихъ передали въ этомъ году „въ крѣпость" извѣстному богачу и владѣльцу Уральскихъ желѣзно-дѣлательныхъ заводовъ Никитѣ Демидову съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто задѣльной платы, онъ вносилъ за нихъ въ казну подати и повинности; они были недовольны такой выгодной для правительства сдѣлкой, лишавшей ихъ свободы, и хотѣли вооруженной силой добиться прежнихъ правъ. Но волненіе это скоро было подавлено, и бунтовщики, казалось, подчинились требованію правительства, хотя не надолго.

Въ слѣдующемъ 1761 году, въ той же Исетской провинціи, появился первый въ краѣ *Русскій* возмутитель казакъ Чебаркульской крѣпости Ѳедоръ

*) До чего сильно было взяточничество, видно изъ письма А. Ватазиной къ Елисаветѣ. „Русскій Архивъ" 1867 г. Ред.

Каменщиковъ (онъ же Слудниковъ), прозванный почему-то „Алтыннымъ Глазомъ“, который впослѣдствіи снова вооружилъ противъ правительства крестьянъ Масленскаго острога и Броневской слободы [1]).

Первымъ его дѣйствіемъ, показавшимъ склонность его къ убійству и мятежамъ, была подача челобитной на притѣсненіе казаковъ со стороны ихъ старшинъ. Хотя иныя его жалобы оказались справедливыми, но по слѣдствію онъ былъ признанъ виновнымъ, такъ какъ не могъ доказать, что есаулъ Фальковъ грозилъ ему „поркой“, а атаманъ Симоновъ удерживалъ, при раздачѣ казакамъ фуражныхъ денегъ, отъ каждаго рубля по 5 коп.; что онъ же Симоновъ принуждалъ казаковъ безплатно возить подрядный провіантъ и безвинно билъ и сажалъ подъ караулъ тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались на это, и дѣлалъ незаконный поборъ съ казаковъ „для исходатайствованія у подполковника Могутова [2]) жалованія за бытность ихъ на линейной службѣ, спустя долгое послѣ самаго побора время“. Ложью было признано и заявленіе Каменщикова въ челобитной, что всѣ мірскіе люди послали его жаловаться на старшинъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, повело къ заключенію его въ 1761 году подъ стражу въ казармахъ Троицкой крѣпости. Въ Апрѣлѣ 1765 года, выйдя однажды изъ тюрьмы, онъ замѣтилъ, что ножныя кандалы на немъ были очень плохи, сшибъ ихъ съ ногъ камнемъ и бѣжалъ изъ подъ караула. Такъ по крайней мѣрѣ потомъ на допросѣ онъ говорилъ самъ. Но по всей вѣроятности побѣгъ этотъ былъ задуманъ имъ ранѣе; еще сидя въ казармахъ, онъ подговаривалъ караульныхъ на свою сторону и писалъ государственнымъ крестьянамъ Буткинской слободы (Исетской же провинціи), что по освобожденіи его изъ острога онъ будетъ хлопотать по дѣлу ихъ о спорной землѣ съ Татарами. Крестьяне прислали ему 120 рублей и взялись собрать еще 200.

На первый разъ Каменщикову достаточно было этихъ средствъ, чтобы освободиться изъ подъ стражи. Онъ сообщилъ о своемъ планѣ подъячему Кузьмѣ Мерзлякову и просилъ его пріѣхать въ Троицкую крѣпость къ нему „для письмоводства по Буткинскимъ дѣламъ“. Въ Мартѣ 1765 года Мерзляковъ дѣйствительно прибылъ въ Троицкъ съ крестьяниномъ Буткинской слободы Симономъ Телминовымъ и остановился на квартирѣ у драгуна Оренбургскаго полка Петра Долгихъ, который также „издавна былъ знакомъ“ съ Каменщиковымъ. Пріѣхавшіе объяснили драгуну свое дѣло, тотъ тотчасъ же отправился въ острогъ и привелъ къ себѣ Каменщикова [3]).

При этомъ свиданіи съ Мерзляковымъ Каменщиковъ показывалъ ему печатный указъ императора Петра Ѳедоровича, данный будто бы на его имя,

---

[1]) Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Каменщикова и о волненіи крестьянъ заимствованы изъ дѣла № 61, на 112 листахъ, Тургайскаго областнаго архива.

[2]) Наказный атаманъ Оренбургскаго войска.

[3]) По какому праву Долгихъ приводилъ Каменщикова изъ тюрьмы, того изъ дѣла не видно.

но не объяснилъ ему ни содержанія, ни времени выхода указа этого [1]). И послѣ этого, при разныхъ другихъ случаяхъ, онъ неоднократно говорилъ ему что Петръ III живъ и слышалъ-де, что онъ часто съ бывшимъ губернаторомъ Волковымъ [2]) наѣзжалъ по ночамъ въ Троицкую крѣпость для развѣдыванія о народныхъ обидахъ и останавливался у того же драгуна Долгихъ. Послѣдняго Каменщиковъ еще раньше привлекъ на свою сторону, увѣривъ его, что Волковъ лично обѣщалъ ему Каменщикову не оставить его и поручился въ этомъ именемъ императора Петра III [3]).

Такимъ путемъ Каменщиковъ успѣлъ подговорить къ себѣ въ сообщники и Мерзлякова, котораго потомъ употреблялъ вмѣсто писаря, и съ помощію этихъ двухъ друзей бѣжалъ изъ Троицкой тюрьмы. Зная, что Исетскаго вѣдомства Масленскаго острога и Борневской слободы крестьяне, недавно приписанные къ заводамъ дворянина Демидова, были недовольны своимъ положеніемъ, и вѣроятно, „разсчитывая на мятежное расположеніе умовъ ихъ", онъ направился прямо къ нимъ и объявилъ себя тамъ сенатскимъ курьеромъ Михаиломъ Рѣзцовымъ, посланнымъ по именному высочайшему указу для разслѣдованія обидъ и притѣсненій, дѣлаемыхъ крестьянамъ прикащиками Демидова.

Народъ повѣрилъ этому, и среди крестьянъ началось сильное волненіе. Недовольные со всѣхъ сторонъ стекались къ нему, прося помощи и защиты. Каменщиковъ принималъ ото всѣхъ на свое имя прошенія и всѣмъ обѣщалъ милости. Потомъ онъ съ своими сообщниками сталъ разъѣзжать по селамъ и деревнямъ и всюду сѣялъ „мятежныя внушенія". Людей, повиновавшихся ему, онъ ласкалъ и обнадеживалъ обѣщаніями ходатайствовать за нихъ не только въ Сенатѣ, но даже предъ самой Государыней. Неповиновавшихся же ему и обличенныхъ по доносамъ крестьянъ въ какихъ либо притѣсненіяхъ онъ сажалъ подъ караулъ и приказывалъ бить плетьми, а домà и имущество ихъ или запечатывалъ или забиралъ себѣ.

Чтобы не попасть въ руки правительства, „Алтынный Глазъ" постоянно имѣлъ при своей квартирѣ стражу и окружалъ себя довѣренными людьми. Когда въ Маѣ 1765 года для поимки его въ Масленскій острогъ пріѣ-

[1]) Впослѣдствіи въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Каменщикова, нашлись два указа, однимъ изъ коихъ (25 Декабря 1761 г.) извѣщалось о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны и повелѣвалось присягать Петру III.

[2]) Дмитрій Васильевичъ Волковъ, при вступленіи на престолъ Петра III, былъ назначенъ тайнымъ секретаремъ особаго совѣта, всѣ члены коего „думали головой Волкова". Его перу принадлежатъ грамота дворянству 1762 г., затѣмъ проектъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи и обширная „*записка*" объ Оренбургской губерніи, которою онъ управлялъ съ 1762 по 1766 годъ. Эта записка напечатана въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1859 г. №№ 50, 52 и 1860 г. № 1.

[3]) На допросѣ въ Оренбургской губернской канцеляріи онъ въ этомъ не сознался (см. ниже). Между тѣмъ почти одновременно, среди крестьянъ другихъ деревень Исетской провинціи носились слухи, что Петръ III не умеръ, а живъ и скрывается у Яицкихъ казаковъ. Въ 1763 году въ селѣ Чесноковкѣ (въ 18 верстахъ отъ г. Уфы) попъ и дьячекъ по фамиліи Ѳедоровы служили даже благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи отъ смерти императора Петра III (см. Памят. книж. Уфимской губерніи 1873 г. ч. II, стр. 102).

халъ коммисаръ Калининъ и явился въ домъ, гдѣ онъ жилъ, то „стоявшій на часахъ крестьянинъ Иванъ Шимолинъ“ предупредилъ его о грозящей опасности, и Каменщиковъ успѣлъ бѣжать.

Разъѣзжая по деревнямъ, Каменщиковъ дѣлалъ съ крестьянъ поборы деньгами по 9 коп. съ души, изъ коихъ 6 коп. для себя, а 3 коп. для постоянно находившагося при немъ крестьянина Семена Косенки, его вѣрнаго тѣлохранителя. Встревоженное угрожающей опасностью, мѣстное начальство не разъ посылало для поимки его людей, но Каменщиковъ приказывалъ схватывать ихъ, заключалъ подъ стражу и билъ плетьми. Мало этого, какъ облеченное большими полномочіями лицо, онъ нисколько не страшился предъявлять различныя требованія и къ властямъ, посылая свои грозные ордеры, которые ему сочинялъ и переписывалъ Мерзляковъ, и въ Шадринскую управительскую канцелярію, и къ комисару Окуневскаго дистрикта *).

Вліяніе его возрастало съ каждымъ днемъ, и число приверженцевъ день ото дня увеличивалось. Тщетны были всѣ усилія мѣстнаго начальства захватить преступника. Видимо онъ былъ очень опасенъ для правительства, ибо указомъ Сената отъ 1 Іюля 1765 года было объявлено 50 рублей награды за его поимку, и прощеніе вины, если бы поймавшій его оказался даже главнымъ его сообщникомъ.

Прослышавъ объ этомъ и, вѣроятно, предвидя себѣ худой конецъ, Каменщиковъ рѣшилъ скрыться отъ преслѣдованія, но самымъ дерзкимъ и страннымъ способомъ. Онъ объявилъ крестьянамъ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ хлопотать за нихъ, и требовалъ выборныхъ, чтобы съ ними вмѣстѣ подать челобитную. Мужички охотно исполнили его приказаніе. Чтобы еще больше убѣдиться въ ихъ полномъ ему повиновеніи и согласіи подать жалобу на обидчиковъ, 500 Масленскихъ и Броневскихъ крестьянъ по его требованію были приведены священникомъ села Охлупіевскаго къ присягѣ. Отъ Масленскаго острога и Броневской слободы для принесенія жалобы на заводскихъ прикащиковъ явились выборными Егоръ Прокофьевъ и Кирила Ширяевъ, а отъ Буткинскихъ крестьянъ, по дѣлу о спорной землѣ съ Татарами, Семенъ и Никита Телминовы.

Съ этими представителями „міра“ и съ женой своей Василисой Лукьяновой Каменщиковъ отправился въ столицу. На пути, въ дер. Починокъ (Казанск. у.), въ день Апостоловъ Петра и Павла, онъ стрѣлялъ изъ ружья, приказывалъ считать народъ при выходѣ изъ церкви и захватилъ съ собой дворового человѣка отставного морского капитана Аристова—Ѳедора Андреева, обѣщая представить его Государынѣ за то, что онъ донесъ ему, будто тамошніе помѣщики, въ томъ числѣ и Аристовъ, хотѣли убить его.

По дорогѣ въ Петербургъ, Каменщиковъ выдавалъ себя то курьеромъ, то вахмистромъ Бахметевымъ, то „полковникомъ, а по выслугѣ лѣтъ генераломъ“ и свободно бралъ себѣ подводы и проводниковъ. Доѣхавъ никѣмъ не задержанный до столицы, онъ остановился на квартирѣ у монастырскаго

*) Въ то время Шадринскъ и Оса входили въ составъ Оренбургской губерніи.

писаря Ивана Сажина, который и сочинилъ ему челобитную въ 48-ми пунктахъ. Отъ Сажина Каменщиковъ перешелъ въ домъ къ помѣщичьему бѣглому слугѣ Алексѣю Васильеву; но тутъ счастье измѣнило ему: одинъ изъ его сообщниковъ, Никита Телминовъ, прельстясь обѣщанной за него наградой, явился въ главную Полицеймейстерскую Канцелярію и донесъ на него. Каменщикова тотчасъ же схватили вмѣстѣ съ сообщниками, затѣмъ допрашивали въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи а потомъ въ Сенатѣ. Но какъ изъ допросовъ „о прямомъ его Каменщикова злоумышленномъ намѣреніи не открылось“, то Сенатъ отправилъ его съ товарищами въ Оренбургъ, предписавъ губернской канцеляріи дослѣдовать дѣло на мѣстѣ преступленія, судить виновныхъ и обо всемъ донести въ Сенатъ.

Преступники прибыли въ Оренбургъ 8 Марта. Но и здѣсь по слѣдствію также ничего злонамѣреннаго не открылось. На спросѣ его, откуда онъ знаетъ, что императоръ Петръ III живъ и „проговаривалъ о томъ Петру Долгихъ и Кузьмѣ Мерзлякову“, Каменщиковъ отвѣчалъ, что зналъ „по увѣренію Чебаркульской крѣпости казака Копона Бѣлякина, который-де говорилъ, будто императоръ Петръ ѣздилъ съ губернаторомъ Волковымъ *въ образѣ шута*, и хотя-де онъ Каменщиковъ тому было повѣрилъ, но какъ увѣдомился, что оной казакъ за такое затѣйное произношеніе высѣченъ плетьми, то уже и вѣрить не сталъ“.

Губернская канцелярія, разобравъ проступки виновныхъ, 18 Октября 1766 года присудила: Каменщикова и Мерзлякова, по наказаніи кнутомъ и вырѣзаніи ноздрей, въ ссылку на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу вѣчно; Семена Телминова, Өедора Андреева, Ивана Шимолина и Сергѣя Телминова (у котораго Каменщиковъ „стаивалъ“ на квартирѣ) къ наказанію кнутомъ, Прокофьева же и Ширяева—наказанію плетьми.

Такимъ образомъ кончилась попытка перваго самозванца для возбужденія народа противъ властей. Но въ сердцахъ крестьянъ и казаковъ не могла потухнуть брошенная имъ искра: „живъ Царь - батюшка, защитникъ нашъ“, и какъ только вѣсть о появленіи Пугачова на Яикѣ достигла сѣверныхъ предѣловъ Оренбургской губерніи, народъ снова пришелъ въ движеніе.

*

Излагаемыя въ слѣдующихъ трехъ главахъ событія и особенно числа не совсѣмъ согласуются съ тѣмъ, что̀ мы читаемъ у Дубровина. Правильность своихъ утвержденій предоставляемъ защищать самому автору. Ред.

II.

Слухи о Пугачовѣ.—Сборъ войскъ къ Оренбургу.—Дѣйствія Пугачова подъ этимъ городомъ.—Бригадиръ Корфъ.—Участь Чернышова.—Мѣры къ убійству Самозванца.—Хлопуша и его дѣйствія.

Задавшись цѣлію писать о Пугачовѣ только то, что̀ невѣрно передано прежними изслѣдователями или то, что̀ еще мало извѣстно, мы не будемъ касаться здѣсь и повторять еще разъ всю родословную этого самозванца, его появленіе на Яикѣ и его первые успѣхи до прибытія къ Оренбургу. Извѣстно уже, что мятежныя дѣйствія его отъ Яицкаго городка до „столицы

степей" шли такъ скоро и скрытно, что въ Оренбургѣ тогда только узнали о случившемся, когда толпы мятежниковъ стали появляться близъ Бердской слободы. Тутъ только Оренбургское начальство увидѣло необходимость въ рѣшительныхъ мѣрахъ и дало знать о появленіи Пугачова всѣмъ подвѣдомственнымъ крѣпостямъ съ приказаніемъ о немедленной высылкѣ отрядовъ для защиты города [1]).

По этому приказанію отъ Звѣриноголовскаго пѣхотнаго батальона былъ командированъ въ Оренбургъ секундъ-маіоръ Шкабскій, съ двумя ротами, изъ коихъ одною, за неимѣніемъ капитана, командовалъ поручикъ Поспѣловъ, авторъ записокъ, на которыхъ мы здѣсь основываемся. Отрядъ выступилъ изъ крѣпости того же названія 14 Октября 1773 года и продолжалъ путь форсированнымъ маршемъ, нигдѣ почти не останавливаясь за исключеніемъ двухсуточной стоянки въ крѣпости Верхне-Яицкой [2]), для пріема денежной казны 3 тыс. рублей на жалованіе и порціонные и гдѣ къ отряду были еще прикомандированы, при одномъ казачьемъ сотникѣ, сто человѣкъ Исетскихъ казаковъ и двѣсти человѣкъ Башкировъ.

Соединенному отряду этому однако не пришлось дойти до Оренбурга. На пути получено было приказаніе: казакамъ Исетскимъ остаться въ крѣпости Орской, а пѣхотѣ и Башкирамъ идти въ Верхне-Озерную для подкрѣпленія ся гарнизона, который состоялъ всего лишь изъ 80-ти солдатъ, „старыхъ и дряхлыхъ инвалидовъ и конфедератовъ", 100 Калмыковъ, 30-ти Бердскихъ казаковъ и 45-ти человѣкъ жителей, „престарѣлыхъ отставныхъ казаковъ и солдатъ, на которыхъ никоимъ образомъ нельзя было надѣяться, въ случаѣ нападенія на крѣпость непріятеля". Но и посланный отрядъ не пришелъ туда полностію. По дорогѣ Башкиры разбѣжались, и въ Озерную 29 Октября вступили только двѣ роты пѣхоты. Однако комендантъ крѣпости полковникъ Демаринъ былъ радъ и такому подкрѣпленію „здоровыхъ" силъ и въ тотъ же день распредѣлилъ всю прибывшую команду по фасамъ, поручивъ начальствованіе надъ каждымъ особому офицеру.

Тѣмъ временемъ Самозванецъ, значительно усилившись толпами Башкировъ и разной заводской черни, обольщенной его обѣщаніями освободить отъ крѣпостныхъ работъ, собралъ около себя тысячъ 50 войска и двинулся на Заводы [3]), гдѣ, отливъ пушки и тѣмъ увеличивъ свою очень плохую артиллерію, снова подступилъ блокировать Оренбургъ, непрестанно безпокоя его гарнизонъ своими дерзкими приступами и нанося существенный уронъ городу [4]).

Бригадиръ Корфъ, слѣдовавшій на помощь Оренбургу съ вспомогательными командами изъ Троицка, Озерной и другихъ мѣстъ, былъ атако-

---

[1]) Записки поручика Поспѣлова („Оренбургскія Губернскія Вѣдомости" 1869 г. № 26).

[2]) Нынѣ уѣздный городъ Верхнеуральскъ.

[3]) Теперь г. Орскъ.

[4]) Записки Поспѣлова. У Пушкина же (Ист. Пуг. Бун. III, 29—30) показано, что Заводы взяты Хлопушею, который выслалъ оттуда Пугачову и артиллерію. Но, какъ увидимъ ниже, Хлопуша выпущенъ изъ острога позже присоединенія къ Пугачову Заводовъ.

ванъ Пугачовымъ почти подъ самыми стѣнами города и едва спасся, благодаря только во-время высланному изъ Оренбурга отряду, и мятежникамъ достались нѣсколько повозокъ, шедшихъ въ хвостѣ отряда Корфа.

На другой день, 14 Ноября 1773 года, между Оренбургомъ и Чернорѣченской крѣпостью, Самозванецъ сдѣлалъ такое же неожиданное нападеніе на вспомогательный корпусъ изъ Симбирскаго и Ставропольскаго батальоновъ полковника Чернышова, который, совсѣмъ не ожидая непріятельскаго нападенія, шелъ безъ всякихъ походно-боевыхъ предосторожностей. Между тѣмъ Пугачовъ былъ заранѣе извѣщенъ о движеніи этого отряда и заблаговременно съ своей толпой засѣлъ въ густыхъ кустарникахъ, растущихъ около р. Сакмары по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой лежалъ путь Чернышовскаго отряда, и когда этотъ безпечный военачальникъ вошелъ въ середину засады, мятежники всѣми силами разомъ ударили на него [1]). Хотя Чернышовъ стойко принялъ ударъ врага и бился отчаянно, „съ непоколебимымъ мужествомъ"; но численность непріятельскихъ войскъ превосходила втрое болѣе его отрядъ, и въ концѣ концовъ, лишившись артиллеріи, на первыхъ же порахъ схватки отбитой бунтовщиками, онъ принужденъ былъ сдаться [2]). Посланныя изъ Оренбурга на выручку его войска не успѣли придти во время и могли только убѣдиться въ оплошности и гибели Чернышова.

Пугачовъ, захвативъ весь отрядъ несчастнаго полковника (500 челов. пѣхоты при 12-ти офицерахъ [3]), мѣдныя пушки съ артиллерійскими запасами, денежныя суммы и весь обозъ, съ торжествомъ возвратился въ Берду, гдѣ на другой день была расправа съ несчастными плѣнниками. Самозванецъ предлагалъ Чернышову вступить въ ряды его войскъ, но мужественный полковникъ съ гордостью отвергъ это позорное предложеніе, публично назвавъ Пугачова измѣнникомъ и воромъ, и вмѣстѣ съ другими своими офицерами былъ тотчасъ же повѣшенъ.

Ужасъ объялъ всѣхъ жителей и военачальниковъ въ Оренбургѣ, когда было получено извѣстіе объ участи Чернышова. Слабый и трусливый до нельзя Рейнсдорпъ [4]) совсѣмъ потерялъ голову и не зналъ, на что́ рѣшиться.

[1]) Записки Поспѣлова. Пушкинъ же (III, 40) приписываетъ гибель Чернышова измѣнѣ нарочно подосланнаго къ нему Пугачовымъ сотника Падурова. Между тѣмъ и по настоящее время Чернорѣченская дорога проходитъ между кустарниками, въ лѣсу (хотя теперь уже рѣдкомъ), и слѣд. показанію Поспѣлова можно дать болѣе вѣроятія. Кромѣ того Пушкинъ утверждаетъ, что Чернышовъ имѣлъ дѣло съ Пугачовымъ ранѣе Корфа. (Тоже утверждаетъ и г. Дубровинъ). Но г. Мордовцевъ („Отеч. Записки" 1868 Августъ) въ данномъ случаѣ сходится съ записками Поспѣлова.

[2]) Въ своихъ показаніяхъ Пугачовъ не говоритъ о сильномъ сопротивленіи, но сообщаетъ о томъ, что Чернышовъ хотѣлъ убѣжать переодѣвшись въ мужицкое платье и сѣвъ на козлы саней. Ред.

[3]) У Пушкина (III, 41) въ отрядѣ Чернышова на 1500 солдатъ и казаковъ и 500 Калмыкъ при 12 пушкахъ, показано *36 офицеровъ*, число коихъ, соображаясь съ численностью войскъ, кажется преувеличеннымъ. По запискамъ же Рычкова (стр. 337) было: „солдатъ гарнизонныхъ—600, Ставропольскихъ Калмыковъ — 500, да крѣпостныхъ казаковъ 100; и того—1200 человѣкъ".

[4]) Генералъ-поручикъ Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ былъ Оренбургскимъ губернаторомъ съ 1769 по 1781 годъ.

Понимая всю опасность отъ непріятеля и видя, что предпринимаемыя войсками неудачныя вылазки оканчивались каждый разъ жертвами врагу, уменьшая и безъ того незначительный гарнизонъ Оренбургской крѣпости. Онъ въ концѣ концовъ надумалъ побѣдить Самозванца хитростью, которая заключалась ни больше, ни меньше, какъ въ томъ, чтобы тайнымъ образомъ убить Пугачова. Но какъ сдѣлать это? Заманить Самозванца въ Оренбургъ было нельзя, онъ даже во время схватокъ не подъѣзжалъ близко къ городу; слѣдовательно оставался лишь одинъ исходъ: подослать кого-нибудь къ нему, чтобы совершить задуманное дѣло. Какъ утопающій за соломинку, ухватился Рейнсдорпъ за эту мысль и употребилъ „всѣ способы къ отысканію такого усерднаго къ отечеству человѣка, который бы пожертвовалъ своею жизнью къ освобожденію города отъ напраснаго разоренія и жителей отъ напрасной смерти", такъ какъ можно было предвидѣть впередъ, что смѣльчаку такому казаки не простятъ убійства ихъ предводителя. „По многомъ стараніи", наконецъ, такой „усердный къ отечеству человѣкъ" отыскался, и гдѣ же? Среди „заключенныхъ въ острогѣ ссыльныхъ колодниковъ, содержавшихся за разбои и душегубства". То былъ извѣстный всему Заволжью каторжникъ Хлопуша, судившійся не разъ за свои преступленія. Но это нисколько не помѣшало Рейнсдорпу воспользоваться его услугами, такъ что злѣйшій преступникъ и душегубецъ, благодаря безхарактерности, слабоумію и трусости главнаго начальника края, вызвался быть *спасителемъ своего отечества*.

Когда Хлопушѣ было сдѣлано это предложеніе, онъ не только охотно, но даже „съ великою клятвою" принялъ его, „обѣщаясь, по разрѣшеніи его отъ узъ и по выпускѣ изъ города, явясь къ сему злодѣю, при удобномъ къ тому случаѣ умертвить его соннаго и тѣмъ возстановить тишину въ государствѣ" *).

— Смерть-де моя, умильно говорилъ каторжникъ, уменьшитъ злодѣйства, за которыя безпрестанно угрызаетъ меня совѣсть, за что̀, можетъ, получу отъ Создателя моего прощеніе грѣхамъ моимъ.

Плохо понимавшій по-русски, Нѣмецъ-губернаторъ вполнѣ повѣрилъ искренности льстивыхъ словъ разбойника и выпустилъ его на свободу въ полной надеждѣ, что онъ неминуемо исполнитъ свое клятвенное обѣщаніе. „Но посуда, въ которой былъ деготь, напитавшись его духа, не можетъ ничѣмъ отъ него освободиться кромѣ огня". Такъ и этотъ извергъ, „будучи исполненъ всякаго распутства и кровожадности", не могъ уже сдѣлаться

---

*) Пушкинъ (III, 29) объясняетъ, что Хлопуша выпущенъ Рейнсдорпомъ для распространенія въ Пугачовской шайкѣ увѣщательныхъ манифестовъ. Но врядъ ли подобное можетъ быть основательно. Для такихъ сравнительно ничтожныхъ и все же не настолько опасныхъ для жизни посланнаго порученій не было никакой надобности выпускать каторжника, который 20 лѣтъ разбойничалъ въ этихъ краяхъ, три раза ссылался въ Сибирь и три раза бѣжалъ оттуда. Скорѣе можно согласиться съ показаніемъ Поспѣлова („Оренб. Губ. В." 1869, № 26), что Рейнсдорпъ, отправляя къ Пугачову Хлопушу, хотѣлъ разомъ отдѣлаться отъ обоихъ: Хлопуша убилъ бы Самозванца, а казаки убили бы его.

честнымъ человѣкомъ и совершить что-либо полезное, когда не былъ рожденъ для того. И какъ только его освободили отъ оковъ, онъ тотчасъ же забылъ свои клятвы и, явившись къ Пугачову, представился ему вѣрнымъ слугой.

— Я невольникъ, сказалъ онъ Самозванцу, нарочно выпущенъ изъ острога для вашего убійства. Но сіе гнусное предпріятіе исполнить не въ состояніи и не имѣю намѣренія, а предаю себя въ ваше милостивое распоряженіе, съ непремѣннымъ обѣщаніемъ хранить ваше здравіе и служить вамъ со всякою вѣрностію до послѣдней капли крови, не жалѣя живота моего.

Предводитель мятежниковъ былъ крайне удивленъ такимъ неожиданнымъ предупрежденіемъ и особенно чистосердечнымъ признаніемъ Хлопуши. Онъ горячо благодарилъ каторжника, обласкалъ его, щедро наградилъ деньгами и тутъ же произвелъ его прямо въ полковники, ввѣривъ ему командованіе надъ четырехтысячной толпой своей разношерстной рати, съ которой потомъ послалъ его взять крѣпости Пречистенскую, Воздвиженскую и Верхне-озерную.

III.

Хлопуша подъ Верхне-озерной.—Укрѣпленіе и гарнизонъ ея.—Дѣйствія мятежниковъ.—Слухи о пораженіе Кара. — Отсутствіе Хлопуши. — Пугачовъ самъ идетъ на Верхне-озерную.—Взятіе Ильинской.—Гибель Исетскихъ казаковъ.—Бомбандировка Озерной.—Воззваніе Пугачова и отвѣтъ гарнизона его казакамъ.—Послѣдняя попытка Самозванца завладѣть Верхне-озерной.

Первыя дѣйствія новаго мятежнаго предводителя были изъ удачныхъ. Хлопуша скоро, безъ всякаго почти сопротивленія, завладѣлъ Пречистенской и Воздвиженской и, усиливъ свой отрядъ гарнизонами этихъ крѣпостей, двинулся на Верхне-озерную, которая въ то время представляла видъ четырехугольника съ 8-ю фасами. Укрѣпленіе ея состояло изъ небольшаго землянаго вала и рва, съ шестью бастіонами и двумя воротами. Расположена была она на мѣстности ровной, окруженной съ одной стороны озеромъ, а съ двухъ другихъ большими и крутыми оврагами.

Комендантъ крѣпости, полковникъ Демаринъ, былъ человѣкъ опытный, боевой. Мало надѣясь на вѣрность, стойкость и храбрость крѣпостныхъ защитниковъ, особенно же Башкировъ, Калмыковъ и казаковъ, онъ размѣщалъ послѣднихъ по фасамъ такъ, чтобъ они были всегда между солдатами прибывшихъ ротъ Звѣриноголовскаго батальона. Такъ, напримѣръ, у поручика Поспѣлова на бастіонѣ по серединѣ куртины, примыкавшей къ большому оврагу съ Оренбургской стороны, стояло 25 солдатъ и 45 человѣкъ Башкировъ, Калмыковъ и казаковъ, и какъ только, во время сраженія, кто-либо изъ нихъ проявлялъ попытку къ измѣнѣ, солдаты кололи и били его „безъ всякаго помилованія". Распоряженіе это ни для кого не было тайной и впослѣдствіи имѣло хорошія послѣдствія. Инородцы боялись своихъ больше, нежели непріятеля, и потомъ, во время двухъ мятежныхъ нападокъ, хотя и дрались съ бунтовщиками не особенно стойко и охотно, но уже не выходили изъ повиновенія своимъ начальникамъ.

Постоянная опасность, угрожавшая Верхне-озерной отъ Пугачовскихъ полчищъ, была такъ велика, что гарнизонъ, не исключая и фасныхъ командировъ, всю осень и зиму 1773 года провелъ въ землянкахъ, нарочито вырытыхъ въ крѣпостномъ валу, такъ что крѣпость постоянно находилась въ полной готовности къ встрѣчѣ врага.

Хлопуша зналъ объ этомъ и, чтобъ обмануть бдительность гарнизона, подступилъ къ Верхне-озерной „въ ночь на 18-е Ноября" *) и, подъ прикрытіемъ темноты, успѣлъ разставить артиллерію, чтобы потомъ, разомъ открывъ огонь со всѣхъ сторонъ, сбить противника и, не давъ ему времени опомниться, тотчасъ же начать приступъ, для чего въ имѣвшихся по обѣимъ сторонамъ крѣпости оврагахъ залегли на штурмъ остальные мятежники.

Планъ былъ составленъ умѣло. Приготовленія бунтовщиковъ велись такъ тихо, что въ крѣпости ничего не было слышно. И очень легко бы нечаянное нападеніе это увѣнчалось успѣхомъ, если бы одинъ изъ мятежниковъ, въ разстояніи не болѣе ста шаговъ отъ вала, не выстрѣлилъ и тѣмъ не подалъ сигнала наружнымъ часовымъ крѣпости, которые, услышавъ его, тотчасъ же дали знать полковнику Демарину, ударили тревогу; гарнизонъ встрепенулся и подъ ружьемъ занялъ свои мѣста.

Такимъ образомъ, благодаря самому незначительному обстоятельству, надежды Хлопуши не оправдались. Замѣтивъ въ крѣпости шумъ и возню, онъ отказался отъ мысли тотчасъ же, т. е. ночью, дѣлать приступъ и открылъ только сильный артиллерійскій огонь, продолжавшійся до самаго разсвѣта, хотя безъ всякаго вреда для гарнизона. Это много помогло осажденнымъ собраться съ силами и грудью дружно встрѣтить врага. При ночномъ же нападеніи мятежниковъ, пользуясь темнотой, всѣ тѣ, на вѣрность коихъ была плохая надежда, свободно бы передались бунтовщикамъ, и крѣпость конечно была бы взята.

На учащенную пальбу противника гарнизонъ, въ свою очередь, чтобы не остаться въ долгу и не показать своихъ слабыхъ сторонъ, также отвѣчалъ выстрѣлами, но только „жалостными холостыми зарядами", сберегая боевые, въ которыхъ ощущался сильнѣйшій недостатокъ, до болѣе рѣшительныхъ минутъ.

Съ наступленіемъ дня мѣткость непріятельскихъ орудій значительно увеличилась, нанося существенный уронъ гарнизону, особенно изъ одной пушки, поставленной противъ бастіона посрединѣ куртины. Хотя отъ губительнаго огня ея защищалъ крѣпостной валъ, куда чаще всего ложились непріятельскія ядра, однако перелеты давали себя чувствовать стоявшимъ позади крѣпостной батареи, „Калмыцкимъ людямъ", вырвавъ изъ нихъ нѣсколько человѣкъ убитыми. Два-три удачныхъ выстрѣла изъ крѣпости заставили, наконецъ, не только замолчать эту пушку, но повредили ее такъ, что мятежники принуждены были убрать ее съ позиціи. Въ это время, противъ угловаго бастіона, за небольшой, на-половину врытой въ землю, избой, явилась другая пушка, выстрѣлы которой еще больше приносили вреда осажденнымъ, а заставить

*) 23 Ноября по Дубровину. Ред.

ее замолчать было довольно трудно, такъ какъ мятежники, сдѣлавши изъ нея залпъ, тотчасъ же укатывали за избу, гдѣ, зарядивъ, снова ставили на мѣсто. Долго крѣпостные канониры мучились сбить ее съ боя. И въ концѣ концовъ, выбравъ минуту, когда бунтовщики устанавливали ее на линіи огня, мѣтко прицѣлились: грянулъ выстрѣлъ, и часть мятежной пушки отлетѣла въ сторону. Непріятель въ силу необходимости принужденъ былъ прекратить пальбу. Тогда съ обѣихъ сторонъ началась сильнѣйшая ружейная перестрѣлка. Засѣвшія въ оврагахъ толпы мятежниковъ нѣсколько разъ бросались на приступъ, но каждый разъ встрѣчались крѣпостной картечью, оставляя позади себя груды мертвыхъ тѣлъ. Мятежникамъ не въ моготу было наступать подъ убійственными выстрѣлами. Они прекратили штурмовое движеніе и снова засѣли по оврагамъ, зачастивъ оттуда стрѣлами изъ луковъ [1]) и выстрѣлами изъ ружей и орудій, не причинявшими никакого вреда осаждаемымъ, должно быть, потому что непріятельскіе канониры были плохими артиллеристами или же, какъ завербованные силой изъ взятыхъ Хлопушею крѣпостей, не хотѣли вредить своимъ. Какъ бы то ни было, но много орудійныхъ ядеръ не долетало до крѣпости, а еще того больше перелетало за крѣпость въ необъятную степь.

Видя такую неудачу и, очевидно, не желая по пусту терять зарядовъ, Хлопуша еще разъ рѣшился на отчаянный приступъ, но также всюду, на всѣхъ фасахъ отражаемый мѣткими выстрѣлами, не имѣлъ успѣха и съ значительнымъ урономъ, передъ закатомъ солнца, принужденъ былъ отступить отъ крѣпости.

Какъ велика была потеря мятежниковъ, этого не удалось узнать осажденнымъ, но, должно быть, не малая, если самъ Хлопуша старался скрыть это и, передъ вторымъ (послѣднимъ) приступомъ, велѣлъ собрать тѣла своихъ убитыхъ и закопать ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы ихъ нельзя было отыскать противнику. Съ нашей же стороны было убито: 1 капралъ, 1 солдатъ, 3 казака, 1 Башкирецъ, двѣ женщины внутри крѣпости, и ранено девять человѣкъ.

Слѣдующую ночь (т. е. на 19-е Ноября), хотя мятежниковъ уже не было видно по близости, гарнизонъ Верхне-озерной провелъ, не смыкая глазъ, въ еще большей тревогѣ, чѣмъ наканунѣ. Вдали слышались сильные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, заставляя крѣпостныхъ жителей трепетать въ непрестанномъ ожиданіи снова увидѣть врага и недоумѣвать, гдѣ, у кого и съ кѣмъ происходила схватка. Только на утро загадка эта разъяснилась.

Пугачовъ, стоявшій еще въ Бердѣ, узнавъ о приближеніи генерала Кара [2]), спѣшившаго съ своимъ отрядомъ на помощь къ Оренбургу, встрѣтилъ его со всей своей ратью верстахъ въ ста отъ города и нечаяннымъ нападеніемъ привелъ въ такой невыразимый ужасъ отрядъ, что солдаты, по-

---

[1]) Башкиры и другіе инородцы были вооружены стрѣлами, луками, копьями, топорами и даже просто кольями.

[2]) Атаковалъ Кара подъ деревнею Юзеевой не Пугачовъ, а Овчинниковъ, 9 Ноября (Дубровинъ). Ред.

бросавъ оружье, передались на сторону Самозванца и выдали ему руками всѣхъ офицеровъ, которые потомъ были повѣшены. Самъ же Каръ едва могъ спастись бѣгствомъ [1]).

Между тѣмъ Хлопуша, покинувъ Озерную, направился въ Берду, предварительно завернувъ къ Кондуровскимъ Татарамъ [2]) и приказавъ имъ поддерживать блокаду Верхне-озерной впредь до его прибытія съ новыми силами для окончательнаго ея разгрома.

Положеніе крѣпости было самое плачевное. Татары эти соединились съ Башкирами и день и ночь своими набѣгами тревожили гарнизонъ. Всѣ сообщенія съ окружающею мѣстностью были прерваны. Не представлялось положительно никакой возможности выѣхать изъ крѣпости за хлѣбомъ, за дровами или за кормомъ для лошадей. Бунтовщики сожгли все обывательское сѣно, вслѣдствіе чего скотъ умиралъ голодной смертью. Если же кто-нибудь рѣшался выѣзжать изъ крѣпостныхъ стѣнъ, чтобы накосить камыша для своей скотины, мятежники, скрывавшіеся въ кустахъ, захватывали такихъ смѣльчаковъ въ плѣнъ и тутъ же убивали на мѣстѣ.

Черезъ восемь дней Верхне-озерную постигло еще большее несчастіе. Пугачовъ, воротившись послѣ пораженія Кара въ Берду и узнавъ тутъ отъ Хлопуши [3]) о постигшей его неудачѣ, вскипѣлъ неукротимымъ гнѣвомъ противъ „царской" ослушницы и, чтобы достойно наказать ея слабыхъ защитниковъ, нисколько не мѣшкая, увеличилъ толпу Хлопуши еще 3-мя тысячами „разной сволочи", самъ принялъ надъ ней командованіе и двинулся къ Верхне-озерной. На пути онъ, однако, перемѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто этой крѣпости пошелъ къ Ильинской, гдѣ гарнизонъ состоялъ всего изъ двухъ ротъ пѣхоты, подъ начальствомъ коменданта маіора Заева и небольшаго числа казаковъ.

Здѣсь Самозванецъ появился также совершенно неожиданно и тотчасъ началъ приступъ, предварительно открывъ сильный орудійный огонь. Бой продолжался „съ утра и съ вечера", и хотя гарнизонъ упорно защищался, но численное превосходство непріятельскихъ силъ побѣдило его мужество, и крѣпость пала, чему больше способствовало еще то, что вмѣсто землянаго вала она „была обнесена *ветхимъ деревяннымъ заплотикомъ*", который, бу-

---

[1]) Въ „Ист. Пуг. б." III, 39, разсказано такъ: „Каръ цѣлые восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе 120 человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими". Но Пушкинъ самъ сомнѣвался въ вѣрности донесенія Кара. Г. Мордовцевъ же (Самозванцы, I, 169) говоритъ, что подробности о пораженіи Кара до сихъ поръ у насъ никому не извѣстны. Оба пріурочиваютъ это пораженіе прежде гибели Чернышова, что́ явно противорѣчитъ логическому выводу, такъ какъ Чернышовъ былъ посланъ изъ Симбирска ранѣе Кара, и это подтверждается приведенными Пушкинымъ записками Рычкова (350—351).

[2]) Кондуровская Татарская слобода, нынѣ Кондуровскій казачій поселокъ Орскаго уѣзда, основана въ 1745 г. на р. Сакмарѣ, близъ кр. Воздвиженской.

[3]) Пушкинъ (III, 39) увѣряетъ, что Хлопуша ранѣе соединился съ Пугачовымъ и принималъ вмѣстѣ съ нимъ участіе въ пораженіи Кара, чего на самомъ дѣлѣ не могло быть.

дучи не въ состояніи выдержать непріятельскую канонаду, былъ скоро сбитъ до основанія [1]).

„Невозможно изобразить вкорененной злобы и варварства сего злодѣя, какое онъ оказалъ при взятіи сей несчастной крѣпости“, повѣствуетъ поручикъ Поспѣловъ. „Маіора Заева и всѣхъ не токмо офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ и капраловъ, словомъ всѣхъ большихъ и малыхъ чиновниковъ, приказалъ повѣсить, а иныхъ и другимъ разнымъ смертямъ предать, равно-жъ и изъ солдатъ оставилъ самую малѣйшую часть. Сверхъ же сего, безчеловѣчный сей извергъ не могъ удовольствоваться и насытить кровожаждущую душу свою мщеніемъ немалаго числа мужескаго пола людей, но предалъ и всѣхъ женщинъ смерти, не щадя при томъ малыхъ дѣтей и беззлобивыхъ младенцевъ“ [2]).

Захвативъ потомъ всѣ денежныя суммы, какія были въ крѣпости, провіантъ, всѣ съѣстные припасы, артиллерію, ружья, порохъ, въ которомъ особенно нуждался, и отправивъ все это окольными путями въ Берду, Пугачовъ не оставилъ камня на камнѣ въ Ильинской „обративъ ее въ пепелъ, такъ что ни кола не осталось“, и на другой день выступилъ съ намѣреніемъ идти на Озерную, чтобы также, по примѣру первой, и эту стереть съ лица земли; но Провидѣніе Божіе сохранило ее и на этотъ разъ.

Слѣдуя туда, Самозванецъ получилъ извѣстіе, что въ Оренбургѣ открылся сильнѣйшій голодъ и поэтому генералъ Рейнсдорпъ выслалъ изъ города 500 Исетскихъ казаковъ [3]) подъ начальствомъ атамана Севастьянова, которые, возвращаясь въ свои станицы, шли по тракту на Орскъ и на ночь съ 24-го на 25-е Ноября должны были остановиться въ крѣпости Красноярской [4]), въ 74 верстахъ отъ Оренбурга.

Пугачовъ несказанно обрадовался этому извѣстію и вмѣсто того, чтобы идти на Озерную, вторично оставилъ ее въ сторонѣ и повернулъ на Кондуровскую слободу, гдѣ, переночевавъ, на другой день двинулся къ Гирьяльскому редуту (между крѣп. Озерной и Красногорской), чрезъ который лежалъ путь казачьяго отряда. Онъ не дошелъ нѣсколько верстъ до селенія, чтобы удобнѣе было слѣдить за казаками и остановился на сосѣднихъ горахъ.

Ничего не предвидя опаснаго, Исетцы безпечно, безъ всякихъ предосторожностей, вступили въ укрѣпленіе, и часть ихъ, по распоряженію Севастьянова, отправилась за сѣномъ. Этимъ случаемъ не замедлилъ воспользоваться все время слѣдившій за ними Пугачовъ и, какъ только посланные

[1]) По „Ист. Пуг. б.“ (IV, 45—47) Ильинская взята Хлопушей и оставлена цѣлой, а 27 Ноября Пугачовъ еще разъ подступалъ къ ней, разрушилъ ее и затѣмъ пошелъ на Озерную.

[2]) Пощаду получилъ лишь капитанъ Башаринъ, такъ какъ солдаты его роты упросили Пугачова простить его за то, что „онъ въ ихъ солдатскихъ нуждахъ не оставлялъ ихъ“. Ред.

[3]) Исетскіе казаки, косвенно подчинявшіеся Оренбургскому войску, населяли Исетскую провинцію, состоявшую въ то время изъ уѣздовъ Челябинскаго, Шадринскаго, Окуневскаго, Картамышевскаго и Увельскаго.

[4]) Красноярская или Красногорская крѣпость, нынѣ Красногорскій поселокъ Оренбурскаго войска, расположена на томъ самомъ мѣстѣ на берегу р. Урала, гдѣ 1-го Августа 1741 г. былъ заложенъ г. Оренбургъ.

фуражиры скрылись изъ вида, быстро подступилъ къ редуту, окружилъ его со всѣхъ сторонъ и потребовалъ отъ оставшихся казаковъ сдачи. Застигнутые врасплохъ, полуголодные воякп бросили оружіе и безъ всякаго сопротивленія покорно отдались на волю побѣдителя, моля о помилованіи. По этому варвару были чужды порывы состраданія и милосердія. Не взирая на просьбы ихъ, онъ тутъ же приказалъ повѣсить атамана, есаула и всѣхъ офицеровъ, оставивъ лишь простыхъ казаковъ, да и тѣхъ, должно быть, не надѣясь на ихъ вѣрность ему, привелъ къ присягѣ и распредѣлилъ между своими толпами [1]).

Между тѣмъ посланные на фуражировку казаки (около 30 человѣкъ), нагрузили сѣномъ телѣги и медленно возвращались къ редуту. Но, замѣтивъ еще издали что-то неладное, рыскавшихъ кругомъ укрѣпленія какихъ-то всадниковъ, они смекнули въ чемъ дѣло, побросали воза и давай Богъ ноги— около полуночи прибѣжали къ Верхне-озерной.

Полковникъ Демаринъ, боясь измѣны, долго не соглашался впустить ихъ въ крѣпость, не смотря на то, что разсказы ихъ дышали чистосердечнымъ признаніемъ и заслуживали полнаго вѣроятія; а потому, хотя они и были впущены, но изъ предосторожности ихъ посадили въ пустой погребъ, дверь коего завалили снѣгомъ и къ погребу приставили караулъ, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, казаки эти не могли передаться мятежникамъ или сообщить имъ о недостаткахъ гарнизона. Крѣпость съ этого дня приняла всѣ мѣры предосторожности и защиты, такъ какъ не было уже никакого сомнѣнія, что Пугачовъ теперь пойдетъ на Озерную, до которой отъ Гирьяльскаго редута было всего 21 верста, и дѣйствительно нестройныя толпы мятежниковъ не замедлили появиться подъ стѣнами ея.

Покинувъ „въ 3 часа по-полуночи" редутъ Гирьяльскій, Самозванецъ уже на разсвѣтѣ наступающаго 26-го Ноября [2]) былъ въ виду гарнизона Озерной. Онъ остановился верстахъ въ двухъ, расположился съ своими „главными силами" на горѣ съ Оренбургской стороны „на значительныхъ интервалахъ", „а среди горы" [3]) поставилъ Башкирцевъ и другой почти ничѣмъ невооруженный сбродъ, которому приказалъ „*гикать*", чтобы тѣмъ нагнать „паническій страхъ" на осаждаемыхъ. Но маневръ этотъ не имѣлъ никакого успѣха: главныя силы противника, разбросанныя по горѣ нѣсколькими отрядами, не производили внушительнаго вида своею численностію и за отдаленностью отъ крѣпости казались „маленькими кучками"; гиканье же трусливыхъ Башкировъ совсѣмъ не достигало гарнизона, чтобы могло напугать его.

---

[1]) Въ „Самозванцахъ" (I, 160) о голодѣ Оренбургскомъ описывается такъ: „А между тѣмъ Оренбургъ чувствуетъ недостатокъ въ припасахъ, высылаетъ сильный отрядъ на фуражировку, и изъ этого отряда въ стычкѣ съ толпами Пугачова погибаетъ разомъ 300 человѣкъ". Не объ Исетскомъ ли отрядѣ говоритъ г. Мордовцевъ?

[2]) Пушкинъ говоритъ, что Верхне-озерная осаждалась два раза и показываетъ, что во второй разъ Самозванецъ подошелъ къ ней 30-го Ноября. („Ист. Пуг. б., IV, 47); а у г. Мордовцева совсѣмъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ.

[3]) „Сзади горы" должно понимать по отношенію къ крѣпости, а не отряда Пугачова.

Простоявъ такимъ образомъ съ четверть часа безъ всякаго результата, Пугачовъ сталъ спускаться въ оврагъ, который, начинаясь въ 30 саж. отъ фаса по срединѣ куртины, тянется верстъ на десять къ сторонѣ Оренбурга. Онъ былъ настолько широкъ и глубокъ, что, спустившись въ него съ своей арміей, Самозванецъ скрылся изъ глазъ слѣдившаго за нимъ гарнизона.

Предводитель мятежниковъ снова пустился на хитрости. Раздѣливъ толпы свои на двѣ части и поставивъ одну противъ другой, онъ приказалъ имъ открыть съ обѣихъ сторонъ сильную перестрѣлку, желая, видимо, обмануть защитниковъ Озерной, что на его армію будто бы напали правительственныя войска и такимъ образомъ возбудивъ рвеніе въ осаждаемыхъ, хотѣлъ вызвать ихъ въ поле, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ и захватить въ плѣнъ. Гарнизонъ Озерной дѣйствительно былъ пораженъ такимъ маневромъ Самозванца, и полковникъ Демаринъ долго колебался, не зная, на что рѣшиться: сдѣлать ли, пользуясь этой „сумятицей“, неожиданную вылазку на противника и обратить его въ бѣгство, или же держаться выжидательнаго положенія. Послѣ „нѣкотораго размышленія“, онъ призналъ послѣднѣе болѣе раціональнымъ и тѣмъ спасъ крѣпость.

Отвлекая вниманіе гарнизона мнимымъ сраженіемъ, Пугачовъ однако не оставался въ бездѣйствіи и постепенно готовился къ приступу. Онъ оставилъ часть своихъ войскъ въ первомъ оврагѣ, приказалъ спѣшиться остальнымъ толпамъ и, позади пригорковъ, провелъ ихъ въ другой оврагъ, съ противоположной стороны крѣпости такъ тихо и скрытно, что осажденные даже не замѣтили этого движенія.

Занявъ „противъ угловыхъ бастіоновъ съ лицевой стороны“ двѣ небольшихъ горки, въ ста саженяхъ отъ крѣпости, и поставивъ на нихъ свои единороги, противникъ разомъ изъ всѣхъ орудій открылъ по крѣпости сильную кононаду. Послѣ каждаго выстрѣла мятежники увозили орудія за пригорки, заряжали ихъ тамъ и потомъ снова, безъ всякаго для себя урона, ввозили на гору для новаго залпа.

Вскорѣ, окруженный свитой человѣкъ въ 50 Яицкихъ казаковъ между пушками показался самъ Пугачовъ „*подъ краснымъ знаменемъ*“ и „проѣзжая очень тихо мимо крѣпостныхъ стѣнъ, останавливался на нѣкоторое время для переговоровъ съ осаждаемыми“. Тѣлохранители его кричали крѣпостнымъ жителямъ:

„Эй вы, солдаты, казаки, Калмыки, Башкирцы! Взирайте всѣ, взирайте на своего государя Петра Өедоровича! Вотъ онъ изволитъ шествовать подъ симъ знаменіемъ. Не мѣшкайте и сдавайте крѣпость и вашихъ начальниковъ! Вамъ никакого озлобленія не будетъ учинено: государь милосердъ, прощаетъ васъ во всѣхъ вашихъ преступленіяхъ; а ежели вы не учините сего, то почувствуете всю тяжесть его монаршаго гнѣва по взятіи сей крѣпости“.

Наши солдаты съ презрѣніемъ отвергли это позорное предложеніе.

— У насъ нѣтъ государя, „съ поносительствомъ“ отвѣчали они имъ; всѣ мы знаемъ, что Петра Өедоровича давно на свѣтѣ нѣтъ. Всему госу-

дарству извѣстно, онъ представился и погребенъ въ Петербургѣ. У насъ нынѣ императрицей Екатерина Алексѣевна, государыня благоразумная, кроткая и милосердная. Мы всѣ ее любимъ и за нее стоимъ и стоять будемъ до послѣдней капли крови. Очувствуйтесь лучше вы, Яицкіе казаки! Смягчите злостью наполненныя сердца ваши! Посмотрите кому вы служите, кого называете государемъ? Сей есть воръ и извергъ рода человѣческаго, съ Дону простой казакъ Емелька Пугачовъ, который и къ вамъ присталъ къ такимъ же ворамъ", и проч. [1]).

Можетъ быть, отвѣтъ этотъ принадлежалъ офицерамъ, а солдаты только повторяли за ними; но во всякомъ случаѣ рѣзкія и правдивыя слова эти не пришлись по сердцу Пугачовцамъ, и они стали стращать гарнизонъ угрозами, обѣщаясь отомстить всѣмъ послѣ взятія Озерной. Потомъ начали кричать Исетскимъ казакамъ: „Эй вы, Исетскіе казаки! Съ чѣмъ вы посланы сюда, чтобы по сіе время молчать и не исполнять даннаго вамъ приказанія? Что мѣшкаете! Что не зажигаете крѣпость?"...

Оскорбленные поношеніемъ и ругательствами мятежниковъ, солдаты наши открыли по нимъ ружейный огонь; „но Богу, видно, угодно было, грѣхъ нашихъ ради, попустить сего злодѣя для нашего наказанія: не только его, но и единаго человѣка изъ его свиты трафить не могли, и они остались безъ всякаго поврежденія" [2]).

Свита Пугачовская отхлынула и, миновавъ крѣпость, спустилась въ „Малый" оврагъ, откуда бунтовщики открыли учащенный ружейный огонь. Но такъ какъ оврагъ былъ слишкомъ глубокъ, то для выстрѣловъ имъ приходилось выбѣгать наружу, гдѣ они терпѣли пораженіе отъ мѣткаго огня съ крѣпости, чѣмъ скоро охладился ихъ пылъ.

Видя значительную убыль своей арміи и принимая во вниманіе близкое разстояніе оврага отъ крѣпости, Самозванецъ, наконецъ, приказалъ своимъ толпамъ идти на приступъ.

— Грудью, други, грудью! поощрялъ онъ ихъ.

Но никто не трогался съ мѣста.

— Сунься-ка самъ! Рази не видишь, какъ намъ пули въ лобъ прилетаютъ? отвѣчали ему его „подданные".

Въ тоже самое время изъ непріятельскихъ пушекъ, поставленныхъ противъ угловыхъ бастіоновъ, открылась безпрерывная пальба, которая въ началѣ была почти недѣйствительной, но когда туда явился Пугачовъ и перепоролъ нагайками въ виду крѣпости [3]) своихъ артиллеристовъ, то выстрѣлы послѣднихъ стали наносить сильнѣе вредъ осаждаемымъ, особенно

---

[1]) См. Орен. Губ. Вѣд. 1869 г., № 26.

[2]) Тамъ же, записки Поспѣлова. Мы нарочно останавливаемся на этихъ подробностяхъ, чтобы показать пріемы военныхъ дѣйствій Самозванца.

[3]) Вотъ какова была тактика Пугачова, и г. Мордовцевъ (Самозванцы, I, 193) напрасно увѣряетъ, что „всѣ распоряженія Пугачова основаны на правилахъ военнаго искусства и исполняются по этимъ правиламъ. *Его войска преданы ему и хорошо дисциплинированы*"...

пока на батареяхъ присутствовалъ самъ Пугачовъ и указывалъ канонирамъ стрѣлять вдоль по куртинамъ. Очевидно, онъ былъ близко знакомъ съ тѣмъ „моральнымъ впечатлѣніемъ", какое производило дѣйствіе артиллерійскаго огня во флангъ.

Такое распоряженіе было не безуспѣшно. У осажденныхъ оказался значительный уронъ, и многіе упали духомъ. Прежде всѣхъ смѣшались Калмыки и, оставивъ крѣпостныя стѣны, бѣжали укрыться въ землянки, вырытыя въ валу. Демаринъ приказывалъ выгонять ихъ оттуда. Въ крѣпости поэтому начались безпорядки. Пугачовъ, видя это, рѣшилъ воспользоваться минутой и снова двинулся на штурмъ; но встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, принужденъ былъ отступить съ урономъ обратно въ оврагъ и болѣе на приступъ уже не отваживался.

По отбитіи этого штурма полковникъ Демаринъ сосредоточилъ артиллерійскій огонь противъ непріятельскихъ батарей и, препятствуя правильному дѣйствію ихъ, мѣткостью крѣпостныхъ выстрѣловъ заставилъ непріятеля сняться съ позиціи и прекратить канонаду. Дѣйствіе артиллеріи уже не возобновлялось болѣе, за то ружейная пальба не прекращалась съ обѣихъ сторонъ до самой ночи.

На другой день, вслѣдствіе своего неуспѣха, Пугачовъ отступилъ отъ крѣпости, обѣщаясь прибыть къ ней съ свѣжими силами, чтобы непремѣнно разорить ее до основанія безъ всякой пощады гарнизону.

Послѣ его отступленія заключенные въ погребъ Исетскіе казаки были выпущены и подвергнуты самому строгому допросу относительно воззванія Пугачовской свиты по поводу подсыла ихъ для зажженія крѣпости во время нападенія Самозванца. Но казаки клятвенно отреклись отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и были освобождены изъ подъ ареста.

IV. *)

Осада Кондуровскими Татарами Верхне-озерной. — Недостатокъ провіанта.—Посылка за нимъ въ кр. Орскую.—Состояніе этой крѣпости.—Извѣстіе о пораженіи Пугачова кн. Голицынымъ.—Разореніе Кондуровской слободы. — Посылка поручика Поспѣлова за мукой въ Башкирію и его возвращеніе.—Набѣги Киргизовъ на Орскую и другія крѣпости.

Пообѣщавъ снова вернулся къ Озерной, Пугачовъ не оставилъ ея безъ наблюденія. Неизмѣнные союзники его Кондуровскіе Татары и Башкиры опять окружили крѣпость и безпрестанно безпокоили ея гарнизонъ своими дерзкими набѣгами. Дѣйствія ихъ для осажденныхъ были, пожалуй, опаснѣе, чѣмъ самъ Пугачовъ съ своей ратью, такъ какъ не проходило дня, особенно праздничнаго, чтобы они не сдѣлали нападенія, разсчитывая на оплошность ея защитниковъ. И эти набѣги продолжались до тѣхъ поръ, пока не выпалъ глубокій снѣгъ, который, препятствуя дѣйствіямъ Татаръ враз-

---

*) Прошу читателей обратить вниманіе на эту главу, содержаніе коей не было извѣстно ни Пушкину, ни Мордовцеву, ни мѣстному историку Р. Г. Игнатьеву, ни другимъ.

сыпную, заставилъ ихъ отступить отъ крѣпости. Къ этому примѣшалось другое „и немалое несчастіе“—недостатокъ провіанта, который „долженствовало перевозить изъ Орской крѣпости (въ разстояніи 150 верстъ отъ жительствъ и дороги“), а какъ крѣпость „содержалась въ безпрестанной блокадѣ, то послать за онымъ (провіантомъ) отъ сего было не можно“, почему жители и гарнизонъ „пришли въ крайнюю нужду“ *).

Таково было положеніе Верхне-озерной во время осады ея Татарами и Башкирами. Всѣ пути до Орска, гдѣ въ то время находился генералъ Станиславскій, были захвачены мятежниками. Чтобы посылать туда за провіантомъ, прямо нужно было рисковать посланными людьми. Демаринъ „кличъ кликнулъ“, и на зовъ его откликнулись „охотниками“ два казака, которые за 25 рублей каждый согласились доставить къ генералу Станиславскому „требованіе о провіантѣ“. Охотники были выпущены изъ крѣпости ночью *пѣшкомъ*, и имъ было приказано „слѣдовать позади рѣки Яика по возможности безопасными мѣстами“ и только по ночамъ, дабы не попасться въ руки непріятелю или Киргизъ-Кайсакамъ. Черезъ 10 дней, потерпѣвъ „задержку отъ стужи и Киргизовъ“, казаки прибыли въ Орскъ и явились къ коменданту.

Генералъ - маіоръ Станиславскій, получивъ отъ Демарина скорбную вѣсть о непремѣнной и скорѣйшей присылкѣ провіанта, такъ какъ „въ случаѣ промедленія невозможно будетъ защищать“ Озерную, тотчасъ же распорядился отправить туда муки, крупы, овса „*на 85-ти подводахъ*, положа на каждую только по двѣ четверти“, изъ опасенія большой тяжестью обременить слабосильныхъ лошадей, которымъ предстоялъ бездорожный путь. Транспортъ отправился подъ прикрытіемъ роты мушкатеръ, при двухъ единорогахъ, и „къ великому порадованію“ жителей прибылъ въ Озерную 8-го Января 1774 года.

Но продовольствія этого могло достать не надолго. Поэтому полковникъ Демаринъ посылалъ въ Орскъ за провіантомъ еще два раза. Послѣдній разъ былъ посланъ поручикъ Поспѣловъ и какъ нарочно, при обратномъ его слѣдованіи въ Озерную съ провіантомъ, генералъ Станиславскій отказалъ ему въ конвоѣ, потому что крѣпость эта въ это время находилась въ самомъ тревожномъ состояніи. Гарнизону и жителямъ грозила опасность со стороны Орскихъ казаковъ, жившихъ при крѣпости отдѣльнымъ „форштадтомъ“. Они, въ надеждѣ, что Станиславскій дастъ подъ свозъ провіанта значительное прикрытіе, надумали воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и послали къ Пугачову нарочныхъ, чтобы онъ немедленно спѣшилъ къ нимъ на условленное мѣсто, предварительно бы увѣдомивъ о своемъ приближеніи, чтобы они могли заранѣе ночью перебить всѣхъ солдатъ, разставленныхъ у нихъ по квартирамъ. Замыселъ заговорщиковъ не удался лишь потому, что одинъ изъ нихъ, почти въ туже минуту, какъ были отправлены гонцы къ Самозванцу, явился къ генералу Станиславскому и разска-

*) Записки Поспѣлова. (Орен. Губ. В. 1869, № 27).

залъ ему обо всемъ. Послѣдній тотчасъ же приказалъ перевязать всѣхъ казаковъ, „оставя только малыхъ ребятъ" и, забивъ въ колодки, посадилъ въ винный погребъ, вырытый въ горѣ [1]), откуда предварительно выбрали вино. Въ погоню же за посланными былъ командированъ офицеръ съ 20 драгунами, которые на четвертый день догнали ихъ и, отобравши у нихъ письмо къ Пугачову, представили къ коменданту. И хотя потомъ измѣнники эти, „при допросахъ, кои чинены имъ пристрастно съ великимъ истязаніемъ, и чинили во всемъ запирательство, но привезенное письмо явно изобличало ихъ измѣну, за что, къ чувствительному наказанію, генералъ приказалъ всѣ дома ихъ разломать до основанія и раздать жителямъ".

Такимъ образомъ Поспѣловъ долженъ былъ отправиться съ транспортомъ безъ всякаго прикрытія, если не считать взятыхъ имъ изъ Озерной 25-ти Калмыковъ, на защиту коихъ была плохая надежда, и онъ „всякую минуту былъ въ величайшей опасности, ожидая злодѣйскаго нападенія".

На четвертый день пути, пройдя разоренную Пугачовымъ Ильинскую крѣпость, Поспѣловъ замѣтилъ вдали двухъ верховыхъ казаковъ, ѣхавшихъ по направленію отъ Верхне-озерной къ нему. Думая, что это разъѣздъ изъ какой нибудь Пугачовской шайки, онъ пріостановился и послалъ впередъ двухъ Калмыковъ узнать и разспросить, что это за люди, откуда они, и если окажутся лихими злодѣями, немедленно донести ему. Но верховые эти оказались Озернинскими казаками, отправленными полковникомъ Демаринымъ на-встрѣчу транспорта съ радостнымъ извѣстіемъ о пораженіи генераломъ Голицынымъ Пугачова подъ Татищевой крѣпостью. Демаринъ писалъ Поспѣлову, что князь Голицынъ, разбивъ Самозванца, гналъ его до Сакмарскаго городка, что все пространство отъ Татищевой до Сакмарска устлано трупами мятежниковъ и что столица Пугачова Берда вся истреблена и состоитъ теперь подъ вѣдѣніемъ Оренбурга, а самъ „злодѣй бѣжалъ и гдѣ нынѣ скрывается, неизвѣстно" [2]).

Полковникъ Демаринъ воспользовался этимъ случаемъ и, „ища свою сатисфакцію въ отомщеніе за безпокойство" Верхне-озерной Кондуровскими Татарами, двинулъ на ихъ слободу 100 челов. солдатъ и 50 Калмыковъ и казаковъ при одномъ капитанѣ и двухъ субалтернъ-офицерахъ, приказавъ

[1]) Должно быть въ горѣ Преображенской.

[2]) Поспѣловъ въ своихъ запискахъ, основываясь на ордерѣ къ нему полковника Демарина, указываетъ днемъ пораженія Пугачова *8-е Марта*. (См. „Оренб. Губ. Вѣд." 1869, № 27). Очевидно, это или описка или опечатка за неразборчивостью рукописи, такъ какъ первая побѣда кн. Голицына надъ скопищами Пугачова подъ Татищевой точно установлена—22-го Марта. Но здѣсь приходится замѣтить разногласіе въ числахъ относительно освобожденія г. Оренбурга отъ осады: Пушкинъ (V, 66—67) говоритъ, что кн. Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ 26-го Марта 1774 г. и, слѣдовательно, съ этого времени Оренбургъ освободился отъ полчищъ бунтовщиковъ, ибо иначе какимъ образомъ кн. Голицынъ могъ проѣхать къ нему? Рычковъ указываетъ пріѣздъ Голицына съ легкимъ конвоемъ 31-го Марта (стр. 498), а мѣстный (позднѣйшій) изслѣдователь Р. Г. Игнатьевъ, ни на чемъ не основываясь, настойчиво увѣряетъ, что гор. Оренбургъ освобожденъ отъ осады 29-го Марта („Оренб. Епарх. Вѣдом. 1874, № 2, стр. 69).

употребить всѣ способы, чтобы разорить ее. Татары сначала было вступили съ отрядомъ „въ жестокое сраженіе, которое продолжалось немалое время“, но напослѣдокъ принуждены были „ретироваться“ за р. Сакмару, которая вслѣдствіе быстраго теченія противъ ихъ селенія не замерзаетъ зимой, такъ что „за торопливостію многіе изъ нихъ перетонули, а многіе побиты, и тако симъ врагамъ христіанства учинено изрядное возмездіе не только убивствомъ нѣкоторыхъ, но и сущимъ раззореніемъ“.

На третій день послѣ встрѣчи съ посланными къ нему казаками, Поспѣловъ прибылъ съ транспортомъ въ Озерную, сдѣлавъ 150 верстъ пути отъ Орской крѣпости ровно въ 8 сутокъ вслѣдствіе усталости, худобы и безсилія полуголодныхъ лошадей.

Вскорѣ потомъ онъ былъ командированъ съ 5-ю сотнями казаковъ и Калмыковъ въ Башкирію для отысканія муки и *для публикованія манифеста о поимкѣ злодѣя* Емельки Пугачова.

Въ этой командировкѣ Поспѣловъ пробылъ болѣе двухъ недѣль, разъѣзжая по Башкирскимъ селеніямъ; но онъ не могъ исполнить возложеннаго на него порученія прежде всего потому, что въ селеніяхъ на его пути не было „ни одного человѣка“. Послѣ разбитія Пугачова и разоренія Кондуровской слободы Башкиры, опасаясь той же участи, покинули свои жилища и бѣжали въ горы. Тѣ же изъ Башкиръ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, при приближеніи Русскихъ фуражировъ, старались скрыться отъ нихъ.

Доѣхавъ до одного Башкирскаго селенія, оказавшагося также совершенно безлюднымъ, Поспѣловъ хотѣлъ переночевать въ немъ; но вдругъ къ нему прискакалъ какой-то Башкирскій сотникъ и извѣстилъ его, что не далеко собирается значительная партія Башкировъ, которая намѣревается напасть на селеніе и захватить его. Поручикъ до-того перетрусилъ, что, не провѣривъ этого сообщенія, собралъ свой отрядъ и отправился поспѣшно въ обратный путь, и всю ночь Русскіе вояки скакали, не останавливаясь. Только пробѣжавъ верстъ 60, когда уже всякая опасность миновала, отрядъ остановился на отдыхъ въ пустой деревушкѣ и, накормивъ лошадей найденнымъ здѣсь овсомъ, продолжалъ весь день свой путь дальше.

Проѣхавъ еще много пустыхъ селеній, наконецъ, къ вечеру того же дня казаки достигли Башкирской деревни, не оставленной жителями. Видя, что лошади ихъ, сдѣлавшія въ сутки болѣе ста верстъ, отказывались служить дольше, они обратились къ Башкирцамъ съ просьбой перемѣнить лошадей, и тѣ охотно согласились на это.

Оставивъ своихъ изнуренныхъ клячъ въ этой деревушкѣ и немного отдохнувши здѣсь, фуражиры, въ сопровожденіи проводниковъ-Башкировъ, передъ разсвѣтомъ выѣхали далѣе и „весь остатокъ той ночи и наступающаго дня, ѣхавши на свѣжихъ лошадяхъ, къ полудню прибыли въ лежащую на самомъ берегу Сакмары большую деревню, населенную Казанскими Та-

тарами, которые, не принимая участія въ Пугачовскомъ бунтѣ, много потерпѣли отъ Самозванца" [1]).

Надѣясь на ихъ вѣрность, Поспѣловъ рѣшился остаться у нихъ и, отпуская отъ себя взятыхъ изъ Башкирскаго селенія проводниковъ, приказалъ имъ доставить сюда оставленныхъ у нихъ лошадей отряда съ тѣмъ, чтобы потомъ получить своихъ. На пятый день Башкирцы привели казачьихъ коней и при этомъ доносили, что та шайка, которая намѣревалась напасть на отрядъ Поспѣлова, *состоящая изъ 300 человѣкъ*, дѣйствительно „доѣзжала до того селенія", гдѣ онъ хотѣлъ заночевать и распрашивала о немъ окрестныхъ жителей; но узнавъ, что онъ уже болѣе сутокъ, какъ бѣжалъ изъ селенія этого, не преслѣдовала его и воротилась назадъ...

Трусливый поручикъ, возвратившись потомъ въ Верхне-озерную, такъ и доложилъ объ этомъ коменданту Демарину. Послѣдній былъ крайне пораженъ такой вѣстью, что командиръ пятисотеннаго вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ отряда испугался 300 невооруженныхъ Башкирцевъ. Разсказывая въ своихъ запискахъ этотъ случай, Поспѣловъ оправдывается лишь тѣмъ, что „потомъ, спустя нѣкоторое время оказалось, что Емелька Пугачовъ, не будучи пойманъ и скрываясь тогда въ Башкиріи, находясь отъ меня не въ дальнемъ разстояніи и слыша неоднократно, что я публикую манифестъ о поимкѣ сего злодѣя, приказалъ Башкирцамъ меня поймать, которыхъ нарочно для сего собралось ровно 300 человѣкъ; но я благодарю Бога, что Онъ всесильной Своей рукою отъ сего меня избавилъ, а то досталось бы пить мнѣ отъ сего злодѣя горькую чашу" [2]).

Таковы были у насъ военачальники!

V.

Осада Уфы.—Слухи по городу.—Вѣсти о Пугачовѣ.—Боевыя силы Уфы.—Чика и Губановъ.—Переговоры Чики.—Подметныя письма.—22 Октября 1773 г.—Недостатокъ продовольствія.—Дальнѣйшія дѣйствія наступающихъ.—Купецъ Дюковъ.—Начало 1774 года.—25-е Января и 25-е Марта.—Появленіе Михельсона и освобожденіе города.—Казнь Чики.

Въ то время какъ Самозванецъ бродилъ около Оренбурга и по линейнымъ крѣпостямъ, наводя всюду ужасъ и разрушеніе, во имя его бунтъ вспыхивалъ и въ другихъ мѣстахъ Пріуралья. Провинціи Уфимская, Исетская и Верхне-Яицкая не замедлили примкнуть къ общему мятежу. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ молвой въ народѣ о Пугачовѣ, высказались необыкновенное броженіе умовъ, безсознательная вѣра въ царственное происхожденіе его и полная готовность покориться ему, какъ властителю, обѣщающему „царскаго благосердія ради" разныя льготы и вольности, а главное уничтоженіе крѣпостнаго ига и воеводъ съ ихъ „утѣсненіями и чрезвычайными поборами".

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что это была Сеитовская Татарская слобода, или Каргале (по Пушкину), въ восемнадцати верстахъ отъ Оренбурга.

[2]) См. его записки („Оренб. Губ. В." 1869, № 27).

Для бунтовщиковъ тамъ было открыто свободное поле побѣдъ, такъ какъ долженствовавшія служить опорой Русской власти наши крѣпости стояли или полуразрушенными или имѣли такіе незначительные и вмѣстѣ съ тѣмъ плохіе гарнизоны, что они были годны лишь для содержанія карауловъ по тюрьмамъ да острогамъ, но ни въ коемъ случаѣ не для защиты крѣпостныхъ стѣнъ и жителей, а тѣмъ болѣе для усмиренія непокорныхъ.

Главный центръ Сѣверной Башкиріи и нашъ оплотъ въ ней, городъ Уфа, хотя еще въ 1728 году Петромъ II признавался „военнымъ пунктомъ" и въ 1732 году, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, обнесенъ „рвомъ, валомъ и палисадомъ, съ исправленіемъ старинной крѣпости [1]), но во время Пугачовскаго возмущенія представлялъ незначительное укрѣпленіе изъ „стараго вала и частокола". Гарнизонъ же его состоялъ въ это время изъ 200 солдатъ и нѣсколькихъ Казаковъ Уфимской станицы.

Задолго еще до появленія Пугачова на Яикѣ, именно въ началѣ 1773 года, стали появляться въ Уфѣ разныя „знаменія", которыя уже заранѣе пугали народъ пришествіемъ чего-либо необычайнаго. Такъ, въ Февралѣ этого года протоіерей Смоленскаго собора Іаковъ Невѣровъ и воевода Уфимскій, коллежскій совѣтникъ Алексѣй Никифоровичъ Борисовъ, доносили: первый преосвященному Лаврентію (Барановичу), епископу Вятскому [2]), а второй—Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, что въ соборѣ Смоленской Б. М. каждый день, „когда на утрени начнутъ читать шестопсалміе („Слава въ вышнихъ Богу") раздается въ сводахъ колокольный звонъ или гулъ". Народъ былъ въ смятеніи. Страхъ и ужасъ обуяли жителей. И хотя по полученіи этого извѣстія изъ Оренбурга для разслѣдованія такого необыкновеннаго событія былъ командированъ архитекторъ Казановъ, который нашелъ, что гулъ происходитъ отъ креста, слабо утвержденнаго въ главѣ надъ сводомъ, и поэтому крестъ звонитъ, колеблемый при сильномъ вѣтрѣ, глава была разобрана, при чемъ оказалось, что крестъ упирался на связи, потомъ глава была вновь сложена, и крестъ прочно утвержденъ въ сводѣ, не касаясь связей; но гулъ въ сводѣ попрежнему продолжался.

— Знать, Богу угодно за грѣхи наказать насъ! говорилъ народъ. Погибнетъ Уфа! И многіе изъ жителей хотѣли бѣжать изъ города.

— Самъ христіанскій Богъ разгнѣвался на Русскихъ и хочетъ казнить ихъ! всюду разглашали Башкиры и Татары.

Волненіе умовъ было страшное. Всѣ, отъ мала до велика, готовились къ карѣ Господней, ждали суда Божія. Дѣло дошло до Сената, до Государыни, и 14-го Іюля 1773 года, за № 8.887, Сенатъ предписалъ Оренбургскому губернатору „употребить всѣ мѣры къ изслѣдованію гула для спокойствія народа" [3]). Рейнсдорпъ пригласилъ епископа Вятскаго и Велико-пермскаго

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6.226.

[2]) Нынѣшняя Уфимская губернія въ то время подчинялась въ духовномъ отношеніи Вятской епархіи. Смоленскій соборъ—нынѣ церковь Св. Троицы на углу Посадской и Троицкой улицъ.

[3]) Тургайск. област. арх., столпы указовъ, за 1773 г., лист. 105—119.

Лаврентія въ Уфу; но чѣмъ „порѣшено" было это событіе, изъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ, къ сожалѣнію, не видно.

Скоро Рейнсдорпу было уже не до того. 8-го Августа Уфимскіе воевода и комендантъ получили отъ него секретныя предписанія о появленіи на Яикѣ Пугачова и о принятіи мѣръ къ защитѣ города и успокоенію народа [1]). Власти Уфимскія, описывая беззащитность своей крѣпости, просили прислать хоть тотъ драгунскій (Уфимскій) полкъ, который ранѣе стоялъ въ Уфѣ, и снабдить боевыми припасами. Но Рейнсдорпъ выслалъ только 3.500 патроновъ и 50 пудъ пороху, отказавъ въ присылкѣ военнаго отряда [2]). Комендантъ Уфы, полковникъ Сергѣй Степановичъ Мясоѣдовъ снова (20-го Августа) просилъ о помощи, но на этотъ разъ не получилъ никакого отвѣта. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Уфы началось волненіе среди крестьянъ и инородцевъ. Въ Сентябрѣ появились въ Уфѣ Русскіе и Татарскіе возмутительные листы Самозванца къ народу. 12-го Сентября листы эти были посланы къ Рейнсдорпу съ новымъ требованіемъ прислать войско, но отъ него также не было отвѣта [3]).

Уфа была въ самомъ жалкомъ состояніи. Кругомъ рыскали мятежники, хотя еще не набѣгая на нее. Изъ уѣзда въ городъ бѣжали помѣщики и духовенство. 14-го Сентября воевода Борисовъ и комендантъ Мясоѣдовъ собрали жителей города и объявили о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи защищаться и не сдавать городъ мятежникамъ, если послѣдніе нападутъ на него. Духовенство собралось въ Смоленскій соборъ; былъ отслуженъ молебенъ. Протоіерей Невѣровъ съ крестомъ въ рукахъ и съ чудотворными, очень чтимыми иконами Богоматери Казанской и Смоленской, несомыми хоругвеносцами, вышелъ изъ собора къ народу, напомнилъ горожанамъ долгъ присяги и заклиналъ Богомъ бороться съ мятежниками до послѣдней капли крови. „Пресвятая Богородица спасетъ насъ!" осѣняя православныхъ крестомъ, сказалъ онъ. И весь городъ, всѣ сословія, помѣщики, солдаты, крестьяне, казаки, откликнулись на этотъ зовъ. Тутъ двадцатитрехлѣтній Ростовскій купецъ Иванъ Игнатьевичъ Дюковъ, проживавшій по своимъ торговымъ дѣламъ въ Уфѣ, взялъ у отца-протоіерея изъ рукъ икону и со словами: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!" кликнулъ кличъ молодцамъ изъ купцовъ и мѣщанъ. Всѣ люди, отъ воеводы, коменданта, воинскихъ чиновъ и до простыхъ обывателей, благоговѣйно преклонили колѣна предъ мѣстными святынями и торжественно присягнули защищать другъ друга и Св. Церковь до послѣдняго издыханія. Минута была самая трогательная. Врядъ ли кто удержался отъ слезъ въ это время. Въ тотъ же день, какъ говоритъ преданіе, на сводахъ собора пересталъ слышаться гулъ.

Несчастіе соединило всѣхъ, не смотря на степень развитія, положенія и знатности. Сословія всѣ ополчились поголовно и требовали оружія и

---

[1]) Изъ дѣла Тург. обл. архива. О возмутителѣ Емелькѣ Пугачовѣ, № 85, I, лист. 140—141.

[2]) Тамъ же, листъ 152 и 160.

[3]) Тамъ же, л. 841.

пороху. Дюковъ, этотъ второй Мининъ [1]), предводительствовалъ мѣщанами, купцами и разночинцами изъ отставныхъ, коихъ набралось 204 человѣка, способныхъ стать подъ ружьемъ. Дворянство составило ополченіе изъ 250 человѣкъ, подъ начальствомъ отставнаго секундъ-маіора Николая Николаевича Пекарскаго [2]), Уфимскаго предводителя дворянства. *Штатная рота* „Уфимскихъ инвалидовъ" въ 200 человѣкъ, 150 Уфимскихъ казаковъ, до 40 пушекъ съ 58-ю артиллеристами, частію бывшими при нихъ и частію набранными изъ отставныхъ, стали подъ команду командира роты капитана Кузьмы Кузьмича Пастухова. А всего въ Уфѣ нашлось 862 защитника, готовыхъ „положить животъ свой за други своя". Орудія распредѣлены были на четыре крѣпостныхъ и одну подвижную (съ легко-конной запряжкой) батареи. Одна изъ нихъ въ 12 орудій была поставлена на берегу Бѣлой по направленію Оренбургской дороги, другая (6 пушекъ) на горѣ Усолкѣ, третья, въ 8 пушекъ, на кладбищѣ, лицомъ на Сибирскую дорогу, и четвертая, съ 6-ю орудіями на горѣ надъ р. Бѣлой близъ нынѣшняго архіерейскаго дома. Остальныя восемь орудій составили подвижную батарею. Кругомъ города были назначены казачьи разъѣзды и патрули [3]).

Приготовившись такимъ образомъ къ встрѣчѣ врага, комендантъ и воевода съ казакомъ Матрусинымъ послали Рейнсдорпу донесеніе и снова просили помощи. Но посланный, всюду задерживаемый волновавшимися уже крестьянами и Башкирами, которые даже грозили убить его, едва-едва добрался 30-го Сентября 1773 года до Оренбурга, гдѣ уже началась въ это время Пугачовская осада [4]), такъ что о высылкѣ въ Уфу какой либо помощи и думать было нельзя.

Одновременно съ этимъ, того же 30-го числа, чрезъ торговаго человѣка изъ казаковъ Василія Трифонова, въ Уфѣ было получено извѣстіе, что къ городу подвигается непріятельская рать въ 10 тыс. человѣкъ Башкировъ, крестьянъ, Татаръ, Мордвы и казаковъ съ предводителями ихъ Яицкимъ казакомъ Иваномъ Зарубинымъ (или по просту Чикою) и Уфимскимъ уроженцемъ, торговымъ человѣкомъ изъ казаковъ, Василіемъ Губановымъ.

27-го Сентября Чика пировалъ на Богоявленскомъ (мѣдноплавильномъ) заводѣ, прикащикъ коего и всѣ заводскіе крестьяне, видимо, держа сторону злодѣевъ, даромъ угощали ихъ, а 30-го Сентября онъ занялъ окрестности Уфы [5]).

На другой день, т. е. 1-го Октября, чуть свѣтъ, когда еще въ церквахъ служили заутреню, Уфимскіе разъѣздные казаки замѣтили приближающіяся толпы мятежниковъ: съ Оренбургской стороны шелъ Чика и остановился въ 18 верст. въ с. Чесноковкѣ, а по Сибирской дорогѣ подвигался

---

[1]) Разница лишь въ томъ, что Мининъ былъ говядарь, Дюковъ рыбный торговецъ

[2]) Извѣстный своими учеными трудами покойный академикъ П. П. Пекарскій, какъ можно прослѣдить по родословнымъ записямъ дворянъ Уфимской губерніи, доводится роднымъ внукомъ ему.

[3]) Дѣло Тург. Обл. архива № 85, т. III, листъ 3117 и т. д. (см. журналъ „Осады Уфы").

[4]) Тамъ же л. 330. Книга явокъ Оренбург. губерн. канцел. 1773, л. 30.

[5]) Сыскн. дѣло Уфимск. воевод. канцел. 1773 г., вязка II, л. 110.

Губановъ къ с. Богородскому, также въ 18-ти верс. отъ города. Отряды были громадные. Въ нихъ, кромѣ Башкировъ и крестьянъ, были замѣтны солдаты и Яицкіе казаки съ нѣсколькими орудіями.

Объ этомъ сейчасъ же донесено было воеводѣ, который немедленно отправился въ соборъ и оттуда, послѣ обѣдни, былъ совершенъ крестный ходъ кругомъ города.

На слѣдующій день двѣ партіи охотниковъ вышли изъ Уфы попытать счастія въ борьбѣ съ врагомъ. Одна изъ нихъ въ 30 человѣкъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и казаковъ съ Дюковымъ во главѣ направилась по Сибирской дорогѣ; другая же въ 25 стрѣлковъ, подъ начальствомъ сержанта Ладыгина, переправилась за Бѣлую на Оренбургскую сторону.

Дюкову посчастливилось встрѣтить толпу Башкировъ около 100 человѣкъ; завязалась перестрѣлка, и плоховооруженные мятежники скоро бѣжали, оставивъ трехъ убитыми (у насъ же убитъ одинъ мѣщанинъ); но охотники, боясь засады, не преслѣдовали противника и 3-го числа возвратились въ Уфу. Ладыгинъ же съ своей партіей успѣлъ только разузнать, что Чика сильно укрѣпляется въ Чесноковкѣ, и 4-го Октября вернулся въ городъ.

Погода въ это время стояла сырая, шли дожди, дороги по окрестностямъ были испорчены. Только съ 8-го Октября начались первые морозы; окрайны Бѣлой начали замерзать. Но бунтовщики еще не показывались близъ города, ожидая, должно быть, когда рѣка замерзнетъ совсѣмъ. Лишь 9-го числа утромъ на противоположной сторонѣ Бѣлой появился небольшой отрядъ Яицкихъ казаковъ съ бѣлыми платками на пикахъ *). Видимо они вызывали переговорщиковъ. Воевода послалъ на лодкѣ къ нимъ Дюкова, и когда онъ переѣхалъ на другую сторону, къ нему подъѣхали двое мятежниковъ: одинъ повидимому казачій начальникъ, другой, одѣтый въ офицерскій мундиръ, изображалъ при немъ нѣчто въ родѣ адъютанта, ближайшаго совѣтника.

— Кто у васъ тутъ воевода и комендантъ? спросилъ казакъ Дюкова. Гдѣ они? Я желаю видѣть ихъ и говорить съ ними.

Дюковъ отвѣчалъ, что онъ посланъ отъ воеводы. Что̀ вамъ, господа, нужно?

— Намъ нечего съ тобой говорить. Ступай, скажи воеводѣ и коменданту, чтобы они не противились законному государю!

Посланный въ точности исполнилъ желаніе мятежниковъ. Воевода и комендантъ, посовѣтовавшись между собой, приказали Дюкову передать бунтовщикамъ, что-де начальство Уфимское и само видитъ, что городу не устоять, но народъ-де хочетъ защищаться и не только не послушаетъ ихъ, а даже могутъ убить, ежели они только помыслятъ о сдачѣ города, пока-де надо выждать время, и потомъ они сдадутъ городъ.

Мятежные предводители выслушали Дюкова и потомъ съ гнѣвомъ сказали ему: „По указу Его И. В-ва дается вамъ сроку три дня на размышленіе, или страшитесь государева гнѣва“.

*) Дѣло Уфимс. комендан. канцеляр. 1773, в. 3 и 4, листы 11, 13, 118 и 119.

— Да ты, умная голова, не изъ командировъ-ли будешь? спросилъ Дюкова мнимый офицеръ.

— Нѣтъ! Я только теперь временный солдатъ всемилостивѣйшей Государыни нашей и долженъ исполнять волю начальства.

— Хорошо баишь, умная голова! Такъ скажи своему начальству что̀ слышалъ, да и жителямъ скажи, а особливо господамъ казакамъ: имъ не гоже, тяжкій грѣхъ есть поднимать руку на законнаго государя; Богъ и царь накажутъ ихъ.

Воевода, комендантъ и множество горожанъ стояли на берегу, когда Дюковъ воротился съ такимъ отвѣтомъ и объявилъ его имъ.

— Что-жъ, православные, али намъ сдавать городъ? Какъ вы хотите, а я до послѣдняго издыханія буду стоять за вѣру, Государыню нашу и отечество: вѣдь я присягу принималъ! сказалъ тутъ воевода.

— Мы тоже всѣ присягали. Хошь сечасъ веди насъ противъ злодѣевъ! завопилъ народъ [1]).

Три условленныхъ дня мятежники дѣйствительно нигдѣ не показывались. Холода за это время усилились, и власти, опасаясь скораго замерзанія рѣки, много защищавшей городъ отъ скопищъ мятежниковъ, старались поддерживать его искусственно, приказывая горожанамъ и воинскимъ людямъ каждый день расчищать полыньи.

На четвертый день утромъ на берегу Бѣлой снова явились съ бѣлыми значками казаки. Опять къ нимъ посланъ былъ Дюковъ. На этотъ разъ предводитель бунтовщиковъ, оказавшійся самимъ Чикою, былъ одѣтъ въ мѣховой полушубокъ съ Андреевскою звѣздой на груди.

— А гдѣ-жъ воевода? встрѣтилъ онъ посланнаго. Я хочу говорить съ головой, а не съ хвостомъ.

Борисовъ, въ сопровожденіи секретаря своего Протопопова и еще одного дворянина, немедленно поѣхалъ къ Чикѣ, который по прежнему требовалъ сдачи Уфы. Но воевода тоже отвѣчалъ ему, какъ и ранѣе черезъ Дюкова [2]).

— Охъ, смотри! Это твоя хитрость протянуть время! сказалъ ему Чика. Не думаешь ли ты обмануть государя? Не думаешь ли, что помощь подойдетъ? Не жди: самъ государь стоитъ подъ Оренбургомъ!

Борисовъ еще разъ повторилъ свое обѣщаніе, упомянувъ при этомъ, что „теперь до поры, до времени нѣтъ нужды вести переговоры, а когда нужно, онъ самъ дастъ знать Зарубину (т. е. Чикѣ“).

— Ладно! промолвилъ Чика. Переговоровъ не будетъ, дамъ вамъ время подумать; но помни, воевода, за твое упорство ты и все твое начальство будете повѣшены, городъ сожженъ, жители перебиты, а иные проданы Киргизамъ.

---

[1]) Разговоры эти въ нѣсколько измѣненномъ и слишкомъ пространномъ видѣ значатся въ особой запискѣ Уфимской коменд. канц. в. 4, листы 130—284.

[2]) Дѣло Тург. обл. ар. № 85, III, л. 50 и 51.

Чика уѣхалъ. Борисовъ возвратился въ Уфу. Въ карманѣ его секретаря Протопопова оказались незамѣтно положенныя казаками Пугачовскія прокламаціи. Ихъ тотчасъ же запечатали въ конверты и положили хранить въ денежный сундукъ. Но на другой день точно такія же воровскія письма были наклеены на воротахъ отставнаго солдата Чибурина по Сибирской улицѣ и на стѣнѣ церкви свв. мучен. Флора и Лавра въ Флоровской улицѣ. Поэтому, какъ эти письма, такъ и письма, представленныя Протопоповымъ, въ тотъ же день были сожжены рукой палача. и жителямъ объявлено съ барабаннымъ боемъ, что всякій, кто найдетъ подобныя письма, немедленно долженъ представлять ихъ въ воеводскую канцелярію; кто же отыщетъ виновнаго въ распространеніи писемъ будетъ награжденъ, а кто утаитъ ихъ будетъ повѣшенъ [1]).

Чика и Губановъ вездѣ устроили разъѣзды, не допуская никого въ городъ, особенно же съѣстные припасы и дрова, грабили проѣзжихъ, захватывали въ плѣнъ и убивали.

Поутру 18-го числа на Сибирской дорогѣ показалась толпа Башкировъ, вооруженныхъ большею частію кольями и топорами. На встрѣчу имъ вышли капитанъ Пастуховъ съ 50 солдатами и Дюковъ съ нѣсколькими мѣщанами. Бунтовщики было храбро ринулись на горсть Уфимскихъ защитниковъ, но при первомъ же залпѣ солдатъ разстроились и постыдно бѣжали, потерявъ двухъ человѣкъ убитыми и нѣсколько ранеными; трое мятежниковъ были захвачены въ плѣнъ. Побѣда эта досталась намъ очень легко: только одинъ солдатъ былъ раненъ стрѣлой.

Плѣнниковъ допрашивали въ комендантской канцеляріи, и они показали, что у Губанова 8,000 войска и 9 пушекъ [2]).

Настала зима. Ледъ покрылъ всѣ рѣки. Бѣлая, не смотря на тщетныя усилія горожанъ задержать ея замерзаніе, наконецъ, стала. Чика началъ готовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и 19-го Октября вызвалъ къ себѣ на совѣтъ Губанова. Мятежники рѣшили дѣйствовать дружно; но впослѣдствіи Губановъ почему-то не сдержалъ своего слова. Говорятъ, что онъ боялся, какъ-бы воевода и комендантъ, за его измѣну, не погубили его семью, жившую въ то время въ Уфѣ.

22-го числа утромъ, Чика со всѣми своими силами выступилъ изъ Чесноковки и, занявъ лѣвый берегъ Бѣлой, противъ главной крѣпостной батареи, открылъ изъ своихъ пушекъ частый артиллерійскій огонь. Изъ города также отвѣчали изъ всѣхъ пушекъ, направленныхъ на Оренбургскую дорогу. Одновременно по Сибирской дорогѣ показался съ разношерстной ратью Губановъ и, не дойдя верстъ двухъ до города, остановился въ выжидательномъ положеніи.

Орудійная пальба Чики продолжалась до вечера. Къ сумеркамъ выстрѣлы замѣтно стали рѣдѣть и, наконецъ, мятежники совсѣмъ прекратили стрѣльбу и не спѣша стали отступать. Воспользовавшись этимъ моментомъ,

[1]) Дѣло о Пугачовѣ № 85, III, 38.

[2]) Дѣло Уфим. коменд. канц. 1773, л. 39.

когда уже совершенно стемнѣло, отставной прапорщикъ Ерлыковъ съ 20 солдатами и Дюковъ съ 60-ю своими молодцами захватили два легкихъ орудія, спустились мимо нынѣшняго архіерейскаго дома къ Бѣлой, перешли ее, незамѣтно пробрались перелѣскомъ и неожиданно ударили въ тылъ противнику, открывъ залпъ изъ ружей и орудій. Мятежники были устрашены такимъ внезапнымъ нападеніемъ, бросили на мѣстѣ дѣйствія свои четыре пушки безъ лафетовъ, 13 плѣнниковъ и 28 человѣкъ убитыми и отъ страха постыдно бѣжали. Дюковъ и Ерлыковъ за темнотой ночи не преслѣдовали врага и воротились въ городъ, гдѣ народъ радостно привѣтствовалъ ихъ. И не смотря на позднее уже время, въ Смоленскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ о столь счастливой побѣдѣ. Радость Уфимцевъ была невыразима.

Въ туже ночь захваченныхъ плѣнныхъ допрашивали въ комендантской канцеляріи, и изъ допросовъ ихъ выяснилось, что у Чики было до 10 тыс. мятежниковъ и 24 пушки безъ лафетовъ. Кромѣ того онъ послалъ на Заводы еще за пушками. Въ лагерѣ его Чесноковкѣ постоянно пируютъ казаки, развратничаютъ и сорятъ деньгами на право и на лѣво. Чика и Губановъ ведутъ непрерывную переписку съ Пугачовымъ. Всѣ получаемые отъ послѣдняго изъ Берды приказы Чика прочитываетъ, собравъ, по казацкому обыкновенію кругъ и потомъ ужъ отдаетъ соотвѣтствующее приказаніе. Мятежники дѣйствовали только съ согласія своихъ предводителей; Яицкіе же казаки могли поступать такъ, какъ имъ вздумается.

Потерпѣвъ первое свое пораженіе подъ Уфой, Чика долго не показывался подъ ея стѣнами. Впрочемъ были схватки, но очень незначительныя 27-го Октября на Сибирской, а потомъ на Оренбургской дорогахъ; затѣмъ 29-го числа и 2-го и 4-го Ноября шайки бунтовщиковъ подступали къ Уфѣ и, выпустивъ нѣсколько ядеръ, уходили, не нанеся урона осажденнымъ.

8-го Ноября посланные Чикой переговорщики снова требовали отъ воеводы сдачи города, но по прежнему безуспѣшно. 10 и 11-го Дюковъ, сержантъ Ладыгинъ и урядникъ Поповъ еще разъ дѣлали вылазки за р. Бѣлую и оба раза удачно. Дюковъ былъ всегда впереди съ своими молодцами *).

Между тѣмъ въ Уфѣ ощущался все больше и больше недостатокъ въ продовольствіи и другихъ жизненныхъ припасахъ. Все страшно вздорожало. И если бы, какъ говоритъ преданіе, не Золотуха (предмѣстье города близъ Усольскихъ горъ), то жители всѣ повымерли бы съ голода. Пользуясь крутизнами занимаемаго ими мѣстоположенія на мысѣ, между рр. Уфой и Бѣлой, недоступнымъ для мятежниковъ, жители Золотухи своими запасами хлѣба, сѣна и прочаго, хотя не за дешевую цѣну, но все таки дѣлились съ горожанами. Между тѣмъ за Бѣлой были городскіе стога сѣна, почему-то не уничтоженные мятежниками; но до нихъ трудно было добираться. 17-го Ноября капралъ Семечкинъ съ 15-го солдатами рѣшился было попользоваться сѣномъ. Въ это время бунтовщики окружили его со всѣхъ сторонъ,

---

*) Дѣло Уфимской коменд. канцеляріи 1773, в. 3, л. 204—214.

и лихая попытка закончилась тремя убитыми и семью ранеными; и если бы на выручку не подоспѣлъ капитанъ Пастуховъ съ сотнею солдатъ и двумя орудіями, то всѣ смѣльчаки эти достались бы въ жертву врагамъ.

Послѣ этого до 21-го Ноября съ обѣихъ сторонъ стояло затишье. Непріятель ничего не предпринималъ. Только утромъ, въ день праздника Введенія во храмъ Богородицы, едва отошла церковная служба, съ южной стороны загремѣли орудія Чики. И въ тоже время съ Сибирской дороги появились шайки Губанова съ 7-ю пушками и остановились отъ города приблизительно на пушечный выстрѣлъ.

Уфимское начальство раздѣлило гарнизонъ на двое: одна часть его, подъ начальствомъ воеводы, заняла Сибирскую улицу и всѣ выходы съ Сибирской стороны; другая же, подъ управленіемъ коменданта, обратилась на Оренбургскую дорогу.

Теперь у Чики были уже единороги и мортиры. Но, поставивъ противъ города три батареи, онъ попрежнему не причинялъ вреда гарнизону. Должно быть, артиллеристы его не умѣли стрѣлять, такъ что за время дневнаго боя зажгли ядромъ одну лишь отдѣльно стоявшую избу близъ Бѣлой; но народъ, разобравъ ее тотчасъ же, не далъ распространиться огню. Напрасно Чика въ своемъ бараньемъ, крытомъ бархатомъ, полушубкѣ съ Андреевской звѣздой на груди и въ высокой овчинной шапкѣ, скакалъ отъ орудія къ орудію, отъ пѣхоты къ конницѣ, поставленнымъ внѣ дѣйствія огня, и отъ конницы опять къ пушкамъ, билъ нагайками артиллеристовъ, понукалъ казаковъ, кричалъ на пѣхотинцевъ; дѣло мало спорилось. За весь день въ Уфѣ было только трое убитыхъ, между тѣмъ какъ отъ мѣткихъ крѣпостныхъ выстрѣловъ мятежники падали рядами. Подъ Чикой убита сначала одна лошадь; онъ пересѣлъ на другую; къ вечеру убили и другую, онъ пересѣлъ на третью и все продолжалъ скакать неистово по полю, усѣянному тѣлами мятежниковъ. Губановъ же все время боя бездѣйствовалъ.

Уже смерклось, когда Чика, убравъ пушки, медленно потянулся въ свой лагерь. Слѣдомъ за нимъ тихо, осторожно, тѣмъ же путемъ, какъ 22-го Октября, выступили 240 Уфимцевъ съ двумя орудіями. Молодцамъ и на этотъ разъ посчастливилось. Они захватили 40 человѣкъ въ полонъ, уложивъ 30 мятежниковъ убитыми и ранеными. Въ тоже время съ Сибирской стороны съ 300 солдатъ при двухъ пушкахъ вышли на Губанова маіоръ Пекарскій и купецъ Дюковъ. Но того давно и слѣдъ простылъ. Только въ хвостѣ его колонны наши воины настигли запоздавшую шайку, изъ которой 20 человѣкъ пало мертвыми и 15 взято въ плѣнъ. Всѣ захваченные мятежники потомъ оказались или крестьянами, или Башкирами, Чувашами и другими инородцами; но не было ни одного Яицкаго казака.

Уфа ликовала. Въ церквахъ радостно звонили колокола, служили молебны, народъ торжествовалъ, молился и славилъ Бога.

Между тѣмъ комендантъ и воевода видѣли горестное состояніе города: хлѣба нѣтъ, боевые запасы истощились, держаться дольше и защищать городъ было нечѣмъ.

Посовѣтовавшись, они еще разъ послали въ Оренбургъ двухъ надежныхъ людей съ просьбой о помощи, хотя хорошо знали о плачевномъ состояніи этого города; а на другой день повѣдали горожанамъ о своемъ тяжкомъ горѣ. Народъ не смутился, не палъ духомъ. Всѣ были вполнѣ увѣрены, что они безъ всякой посторонней помощи отстоятъ городъ. Среди жителей носились даже слухи, что изъ церкви Св. Пророка Иліи выѣзжалъ на конѣ мужъ свѣтлый и грозный видомъ, наводитъ страхъ на осаждающихъ; на колокольнѣ Успенскаго монастыря вырѣзанный изъ желѣза въ видѣ флюгера ангелъ постоянно, въ какой бы ни было вѣтеръ, стоитъ обращенный лицомъ къ Чесноковкѣ и угрожаетъ мятежникамъ. Многіе вѣрили предсказанію отца Невѣрова, „Богородица спасетъ насъ", такъ какъ два приступа какъ нарочно отбиты въ дни Богородичныхъ празднованій: 22-го Октября и 21-го Ноября. Народъ даже самъ хотѣлъ идти на мятежниковъ въ Чесноковку, разбить ихъ, разграбить и уничтожить это разбойническое гнѣздо и только благодаря совѣтамъ и благоразумію воеводы коменданта не привелъ въ исполненіе такой пагубной затѣи.

Чтобы насколько возможно сберечь боевые припасы, съ этого дня гарнизонъ сталъ уклоняться отъ безполезной перестрѣлки съ мятежниками, когда они подходили незначительными партіями. Но бунтовщики, получивъ хорошій урокъ, долго не показывались. Лишь ночью 6-го Декабря мятежники незамѣтно пробрались въ городъ, подожгли домъ на Флоровской улицѣ и въ общей суматохѣ начали грабить и убивать. Въ церквахъ ударили набатъ, караульщики затрещали въ трещетки, народъ сбѣжался, затушилъ пожаръ, лихо и скоро расправился съ мятежниками, захвативъ въ плѣнъ четверыхъ, изъ коихъ на другой день трое были повѣшены, а четвертый съ отрѣзанными носомъ и ушами былъ отправленъ къ Чикѣ, „дабы не позволялъ онъ другой разъ разбойничать" [1]).

Послѣ этого мятежники не отваживались уже дѣлать воровскіе набѣги Весь Декабрь и почти Январь 1774 года прошли спокойно. Чика два раза опять было предлагалъ условія сдачи города, но также не имѣлъ успѣха [2]).

25-го Января былъ сильный буранъ. Мятежники воспользовались этимъ временемъ и рано утромъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Народъ перетрусилъ. Звуки набата смѣшались съ отчаянными воплями. Гарнизонъ, ободряемый начальниками, хотя держался стойко, но не могъ выдержать насѣдающихъ на него массъ.

Сдѣлавъ сильный залпъ изъ орудій, поставленныхъ на льду Бѣлой, Чика съ своими казаками бросился на главную крѣпостную батарею и тотчасъ же почти безъ боя завладѣлъ ею. Одновременно Губановъ ворвался съ Сибирской улицы и захватилъ всѣ поставленныя тамъ противъ него пушки. Наконецъ, съ Усольской улицы ломились еще бунтовщики. Тогда бой закипѣлъ въ городѣ, въ каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ. Громадные

---

[1]) Дѣло Оренбург. оберъ-коменд. 1774, вязко 3, л. 71.

[2]) Дѣло о Пугачовѣ, № 85, т. VI, л. 40 и т. д.

сугробы снѣга выше заборовъ не давали ходу мятежникамъ и были чуть ли не единственной защитой осажденнымъ въ домахъ жителямъ. Плохо вооруженные Чикинскіе пѣхотинцы вязли въ снѣгу, мѣтко поражаемые пулями. Больше всѣхъ въ этомъ бою отличились Ладыгинъ съ своими стрѣлками и Дюковъ съ молодцами - мѣщанами. Первый хотѣлъ было обойти въ тылъ Чики, но былъ убитъ, и команда его разсѣялась. Къ счастію, подоспѣли 4 орудія легкой батареи и картечью очистили дорогу. Подъ Чикой была убита лошадь, онъ пересѣлъ на другую. Но, не смотря на его хладнокровіе (стоя на горѣ, онъ самъ руководилъ сраженіемъ), поражаемые картечью и пулями солдатъ капитана Пастухова, мятежники дрогнули и бросились бѣжать, вязли въ снѣгу и снова попадали подъ выстрѣлы. Вскорѣ главная батарея надъ Бѣлой была отбита, силы у защитниковъ прибавилось, выстрѣлы участились. Чика уже не могъ удержать бѣгущихъ, старавшихся скрыться отъ губительнаго огня въ овраги, гдѣ они гибли въ сугробахъ. Мятежный предводитель и самъ едва-едва убрался оврагомъ на Золотуху.

Тѣмъ временемъ на Сибирской сторонѣ бой еще продолжался. Губановъ сильно насѣдалъ; но подоспѣвшая, послѣ пораженія Чики, батарея заставила его остановиться. Картечь и здѣсь скоро произвела потрясающее дѣйствіе. Губановскіе сообщники бѣжали, устилая землю мертвыми и ранеными и побросавъ захваченныя крѣпостныя и три своихъ пушки, которые были поставлены на полозья.

Надвинулась уже ночь, когда былъ окончательно отбитъ приступъ. Горожане молились по церквамъ, гарнизонъ убиралъ тѣла своихъ убитыхъ, которыхъ отыскалось только 20 человѣкъ и которые на другой же день съ честью были погребены при Смоленскомъ соборѣ [1]).

Третій разъ Уфа праздновала побѣду надъ врагами. Подъемъ духа былъ сильный. Солдаты и народъ всѣ поголовно собирались идти добить противника въ Чесноковкѣ. Роптали на начальство и видѣли уже измѣну. „Въ Чесноковку, на злодѣя Чику!“ слышались крики. Начальство, понимая опасность и зная про недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, голодъ и болѣзни въ городѣ, всѣми мѣрами старалось отговорить жителей отъ этого безумнаго шага.

Воевода нѣсколько разъ уговаривалъ народъ, обѣщалъ самъ идти на врага въ Чесноковку, когда придетъ время, „а теперь надо обождать“. Духовенство ободряло и наставляло православныхъ въ терпѣніи и въ повиновеніи властямъ. Каждый праздникъ кругомъ города совершался крестный ходъ съ хоругвями и иконами Смоленской и Казанской Богоматери. Жители говѣли, исповѣдывались и причащались, каждый день готовясь къ смерти. А тѣмъ временемъ голодъ и дороговизна жизненныхъ припасовъ усиливались все больше и больше [2]) Разсказываютъ, что солдатамъ выдавали хлѣба „по

---

[1]) Всего во время осады Уфы было убито 100 человѣкъ, тѣла коихъ покоятся въ трехъ ямахъ около этого собора или нынѣ Троицкой церкви. Много умерло отъ голода и различныхъ болѣзней, усилившихся въ это время въ городѣ.

[2]) Пудъ ржи продавался по 1 р. 20 к., пудъ пшеницы по 1 р. 60 к. Ред.

полупайку"; а чтобы не кормить даромъ арестантовъ изъ мятежниковъ, начальство распорядилось утопить ихъ въ Бѣлой, для чего была выстроена надъ прорубью изба, гдѣ вмѣсто пола былъ сдѣланъ прорубъ, такъ что всякій входившій въ нее арестантъ неминуемо попадалъ въ воду, и народъ прозвалъ избу эту *„тайной тюрьмой“* [1]).

27-го Января Чика снова появился подъ городомъ, но, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, ушелъ обратно. 30-го числа они опять вмѣстѣ съ Губановымъ обстрѣливали Уфу, но также безъ всякаго успѣха. Въ крѣпости сберегали боевые заряды и на десять-двадцать выстрѣловъ мятежниковъ выпускали одинъ или два крѣпостныхъ. 3-го Февраля Чика снова палилъ по городу, почти безъ всякаго вреда, если не считать того, что во время крестнаго хода изъ Христорождественскаго женскаго монастыря мятежнымъ ядромъ перешибло пополамъ одну послушницу, несшую икону, и двухъ контузило. Но послѣ этого, въ теченіе всего Февраля и Марта, мятежники ничего не предпринимали, посылая въ городъ только свои воровскія письма [2]), коимъ уже не вѣрилъ народъ, а рвался все сразиться съ врагомъ.

Наконецъ, въ Уфѣ открылась ранняя весна. Была сильная распутица. Чика и Губановъ попрежнему бездѣйствовали. Вдругъ, въ ночь на 25-го Марта, вдали, по Оренбургской дорогѣ, Уфимцы увидѣли зарево, какъ бы отъ большаго пожара. „Что бы значило это?“ недоумѣвали они. По обыкновенію въ 3 часа ночи, такъ какъ къ тому же день былъ праздничный, ударили къ заутрени; народъ потянулся въ храмы Божіи, начальство собиралось въ Смоленскомъ соборѣ. Какъ разъ въ самый разгаръ богослуженія прискакалъ къ собору офицеръ и объявилъ жителямъ, что наканунѣ Чика былъ разбитъ подполковникомъ Михельсономъ [3]). Уфа была освобождена. И въ тотъ же день во всѣхъ церквахъ были отслужены благодарственные молебны. По окончаніи литургіи въ Смоленскомъ соборѣ протоіерей Невѣровъ сказалъ прочувствованное слово, на текстъ „Сея бо насъ спасла есть, Богородице!“ И добавилъ въ заключеніе: „Завѣщая потомкамъ или жителямъ сего богоспасаемаго града туже вѣрность Царю и отечеству и ко всякой власти отъ Царя поставленной, завѣщаемъ имъ не забыть никогда день спасенія сего града — день двадцать пятаго Марта“.

Но, увы, только черезъ сто лѣтъ горожане Уфимскіе вспомнили эти знаменательныя слова и съ 25-го Марта 1874 года установили каждогодно совершать въ Троицкой церкви поминовеніе всѣхъ защитниковъ Уфы отъ мятежныхъ нападеній Чики и Губанова.

---

[1]) Оренб. Губ. Вѣд. 1864 г. ст. Сомова „Описаніе Уфы“. Преданіе это заимствовано изъ неизданныхъ записокъ о Пугачовскомъ бунтѣ современника, В. А. Рембелинскаго.

[2]) Дѣла Оренб. оберъ-коменд. 1774, в. 3, л 73—75.

[3]) Покойный Р. Г. Игнатьевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ (Орен. Лист. 1877, № 16, Орен. Епар. Вѣд. 1874 г., № 8, Уфим. Губ. Вѣд. 1874, № 12, Справоч. Книж. Уфим. губ. 1883 г. стр. 289) говоритъ, что Уфу освободилъ князь Петръ Михайл. Голицынъ. Странно тогда, какимъ же образомъ онъ 22 Марта того же года очутился подъ Оренбургомъ и захватилъ кр. Татищеву, отъ которой до Уфы не менѣе 300 верстъ. Явная несообразность.

Михельсонъ, не останавливаясь въ Уфѣ, преслѣдовалъ мятежниковъ. Губановъ, узнавъ о пораженіи Чики въ Чесноковкѣ, того же 25-го Марта бѣжалъ въ Табынскъ. А въ это время Чика скрывался въ Богоявленскомъ заводѣ, гдѣ прикащикъ купца Твердышова, напоивъ его допьяна виномъ, далъ знать о томъ Михельсону, которому потомъ и выдалъ его руками [1]). Губановъ же, по преданію, самъ явился къ Михельсону и отдался ему. Ихъ обоихъ привезли въ Оренбургъ, гдѣ допрашивали и пытали, а потомъ, послѣ поимки Пугачова, отправили въ Петербургъ.

10-го Января 1775 года въ Москвѣ былъ казненъ Пугачовъ. Чику же и Губанова, „со всякою потѣшностью“, повезли въ Уфу, гдѣ они были посажены въ застѣнокъ подъ соборной колокольней, а *10-го Февраля 1775 года* [2]), при громадномъ собраніи народа, была совершена казнь надъ ними.

Чикѣ отрубили голову и воткнули ее на шесть, который былъ выставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда онъ дѣлалъ на городъ нападенія, а тѣло его было сожжено. Губанову также отрубили голову, которую вмѣстѣ съ тѣломъ потомъ сожгли палачи и развѣяли прахъ его по вѣтру [3]). Преданіе же указываетъ, что трупъ Губанова былъ отданъ его семейству и погребенъ за р. Бѣлой, близъ Оренбургской дороги, гдѣ (многіе старожилы еще помнятъ) стоялъ каменный столбикъ, вмѣсто надгробнаго креста, безъ надписи [4]).

Сообщая объ осадѣ Мензелинска, г. Юдинъ ничего не говоритъ о побѣгѣ воеводы Можарова и маіора Тихановскаго въ Казань. Какъ видно изъ рапорта Брандта, они были преданы за таковой поступокъ суду. Убѣжалъ съ своего поста и комендантъ Бузулука подполковникъ Вульфъ, зять Брандта. Желательно ,чтобы г. Юдинъ точнѣе указалъ на чемъ онъ основывалъ свое сообщеніе. Ред.

VI.

Осада Мензелинска.—Вылазки гарнизона противъ мятежниковъ. — Волненіе подъ Челябинскомъ.—Распоряженіе воеводы Веревкина. — Хорунжій Невзоровъ.—Манифесты Пугачова и ихъ значеніе. — Декалонгъ и его объявленіе.—Побѣда Декалонга и освобожденіе Челябинска отъ осады.

Никогда еще крестьянское возстаніе не было такъ сильно, какъ въ Декабрѣ 1773 года. Бунтъ разгорался чуть не съ каждымъ часомъ. Образовавъ множество отрядовъ, бунтовщики разбрелись во всѣ стороны, всюду устилая путь свой убійствами и освѣщая пожарами. Многолюдная Кундравинская

---

[1]) Дѣло о Пугачовѣ, № 85, т. VI, л. 343 и 401.

[2]) Относительно казни Чики и Губанова много разногласій: то они казнены 25-го Января (Орен. Губ. Вѣд. 1847, № 12—15), то въ первыхъ числахъ Февраля (Оренб Губ. Вѣд. 1852, № 8, 14—16). Но въ донесеніи воеводы Оренбургскому губернатору отъ 16 Февраля (дѣло № 85, т. VIII, л. 301) точно указано вышепоказанное нами число.

[3]) Что былъ за человѣкъ Губановъ, какая его была цѣль, бросивъ жену и дѣтей, присоединиться къ Самозванцу, изъ дѣлъ архивныхъ нельзя ничего почерпнуть. Даже въ сентенціи отъ 10 Января 1775 г. о немъ не упоминается, а между тѣмъ архивныя дѣла называютъ его главнымъ сообщникомъ Пугачова.

[4]) Орен. Губ. Вѣд. 1852 г. № 8.

слобода Исетской провинціи [1]) первая примкнула къ волновавшимся Башкирамъ, которые, только что усмиренные лѣтъ 20 тому назадъ во время Бурзянскаго возмущенія, снова воспрянули духомъ и, соединившись съ крестьянами и мастеровыми горныхъ заводовъ, терзали предѣлы Оренбургской губерніи [2]).

Въ Декабрѣ 1773 года значительная шайка ихъ подступила къ Мензелинску, въ то время очень плохенькому уѣздному городишкѣ, который не представлялось взять никакой трудности, если бы мятежники дѣйствовали умѣло.

Положеніе города было самое плачевное. Изъ 130 отставныхъ солдатъ съ однимъ оберъ-офицеромъ большая часть была выведена въ Уфу. Въ Мензелинскѣ же оставались лишь старики, да малыя дѣти [3]). Но однако и съ такими ничтожными средствами, жители сумѣли выйти побѣдителями, когда бунтовщики съ 23-го по 25-е Декабря подвергли городъ бомбардировкѣ.

Раздраженные этой неудачей, на слѣдующій день, 26-го числа, мятежники рѣшили во что бы то ни стало завладѣть городомъ. 10 тысячъ ихъ съ 14-ю пушками, подъ начальствомъ Башкирскаго старшины Татарина Саяфина, окружили городъ со всѣхъ сторонъ и сначала открыли огонь съ р. Мензелы по городскому пикету, стоявшему въ концѣ Панской слободы. Но командиръ пикета этого, капитанъ Тихановскій отвѣчалъ имъ тѣмъ же, а чтобы бунтовщики не могли переправиться черезъ рѣку, приказалъ спустить въ этомъ мѣстѣ воду. Тогда мятежники отступили и, переправившись ниже, напали на шедшаго съ командой изъ Нагайбацкой крѣпости капитана Алексѣева. Завязалась отчаянная схватка. Толпа бунтовщиковъ, насѣдая на команду, приблизилась къ городу и зажгла гумна и одинъ крайній дворъ. Изъ города дали сильный залпъ. Мятежники остановились, но потомъ, послѣ неудачной попытки склонить горожанъ къ добровольной сдачѣ города, снова ринулись на крѣпостные валы. Съ часу дня до сумерекъ бились враги, но въ концѣ концовъ, потерявъ три пушки, принуждены были отступить съ значительнымъ урономъ. У насъ же было убито шесть человѣкъ и нѣсколько раненыхъ, въ томъ числѣ капитанъ Алексѣевъ въ руку пикой.

Извѣдавъ картечь Мензелинскихъ пушекъ, мятежники уже не подступали близко къ городу; только конныя партіи ихъ въ 200—300 всадниковъ разъѣзжали по окрестностямъ и препятствовали жителямъ выѣзжать изъ города за необходимыми предметами продовольствія. Видя нерѣшительность бунтовщиковъ, горожане надумали сдѣлать противъ нихъ вылазку, и когда, 12-го Января, партія въ 300 конныхъ и пѣшихъ Башкировъ показалась вблизи

---

[1]) Нынѣ Троицкаго уѣзда Оренбургской губерніи казачья станица.

[2]) Изъ рапортовъ Михельсона А. М. Бибикову видно, до какого ожесточенія дошли Башкиры: „въ нихъ злость и жестокость съ такою яростью вкоренились, что рѣдкій живой въ полонъ отдавался, а которые и были захвачены, то нѣкоторые вынимали ножи изъ кармановъ и рѣзали людей ихъ ловившихъ“. Ред.

[3]) Справочн. книжка Уфимской губ. 1883 г., II, стр. 296.

города, а потомъ скрылась изъ вида, маіоръ Петровъ и прапорщики Дударь и Самарцевъ съ отрядомъ вышли въ поле и, не смотря на глубокій снѣгъ, засѣли въ кустахъ около дороги. Чрезъ нѣсколько минутъ бунтовщики снова показались и направились къ Мензелинску; но какъ только они миновали кусты, солдаты дали ружейный залпъ и потомъ бросились на нихъ въ тылъ. Въ тоже время изъ города вышли съ командой маіоръ Головъ и капитаны Евсѣевъ и Рушинскій и съ противоположной стороны начали тѣснить мятежниковъ. Башкиры смѣшались и бросились къ дер. Мазиной, откуда, поддержанные новыми толпами, воротились назадъ; но дружнымъ натискомъ Мензелинцы сломили ихъ и преслѣдовали до Мазиной, захвативъ 2-хъ въ плѣнъ и 22 убитыми. Одновременно съ другой стороны у дер. Деуковой маіоръ Ляховичъ и капитанъ Евсѣевъ съ 80 человѣками пѣхоты и мѣщанъ обратили въ бѣгство 500-ную толпу, полонивъ одного старшину Абдулу Егафѣева и 50 Башкировъ со знаменемъ, которое было въ рукахъ убитаго въ дѣлѣ Башкирскаго сотника.

Такъ блистательно были отражены противники, которые хлынули прочь и больше за все время Пугачовскаго мятежа не показывались подъ Мензелинскомъ. Жители же въ воспоминаніе этого событія установили каждогодно въ Маѣ ко дню Св. Николая Чудотворца приносить изъ г. Елабуги икону Спаса Нерукотворнаго Образа и совершаютъ моленія о погибшихъ въ бою предкахъ своихъ [1]).

Бунтъ тѣмъ временемъ разгорался съ большей силой и перешелъ далѣе къ границамъ Сибири. Въ Январѣ 1774 года опасность уже угрожала г. Челябинску, бывшему тогда центромъ управленія Исетской провинціи, въ кругъ которой входили вся Зауральная Башкирія и уѣзды или по тогдашнему дистрикты: Исетскій (Челябинскій), Шадринскій, Окуневскій, Куртамышевскій и Увельскій. Воеводою въ то время въ Челябинскѣ былъ стат. сов. Алексѣй Петровичъ Веревкинъ, человѣкъ умный и энергичный. Такъ какъ въ провинціи совсѣмъ не было войскъ, ибо большая часть Исетскихъ казаковъ была выведена въ Оренбургъ и по прилинейнымъ ближайшимъ къ Оренбургу крѣпостямъ, то онъ, когда получилъ отъ Рейнсдорпа первое извѣстіе о появленіи Пугачова и открытіи мятежа въ сосѣднихъ провинціяхъ, для защиты ввѣреннаго ему края сдѣлалъ слѣдующее довольно оригинальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣльное распоряженіе.

Первымъ дѣломъ онъ приказалъ изъ всѣхъ людей выбрать 1300 здоровыхъ и способныхъ къ строю человѣкъ, назвавъ этотъ отрядъ *временнымъ казачествомъ*, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ казаковъ имѣлъ свое огнестрѣльное оружіе, у кого какое найдется, и запасъ провіанта на двѣ недѣли; а потомъ велѣлъ собраться въ Челябинскъ всѣмъ отставнымъ солдатамъ, проживающимъ въ слободахъ [2]).

Распоряженіе это было исполнено въ скоромъ времени, хотя не безъ нѣкоторыхъ злоупотребленій со стороны ближайшихъ его помощниковъ.

---

[1]) Изъ дѣла Тург. областнаго архива № 85.

[2]) Пермскій Сборн. 1859, кн. I, Ст. Зырянова. „Пугачовскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ“.

Такъ напримѣръ, въ казаки набирались люди одинокіе, бѣдные, дряхлые или малолѣтки, на которыхъ была плохая надежда въ защитѣ. Чтобы точно установить кого должно выбирать въ казаки, Веревкинъ издалъ другое распоряженіе, „дабы люди набирались здоровые и немалолѣтніе отъ семи человѣкъ одинъ, а остальные шесть должны снабдить его необходимой одеждой, верховой лошадью съ приборомъ и сѣдломъ, фуражомъ и провіантомъ и по 25 коп. деньгами съ каждаго въ мѣсяцъ, приказавъ брать казаковъ изъ большихъ семей, гдѣ было пять-шесть человѣкъ работниковъ; въ тѣхъ же семействахъ, гдѣ было менѣе этого числа душъ, чтобы не разстраивать хозяйства и домашняго быта, не позволялось никого назначать въ казаки *).

Такимъ образомъ составилось временное ополченіе съ воинами въ различныхъ одѣяніяхъ и съ разнообразнымъ вооруженіемъ: у кого были винтовки, у кого ружья - турки, у кого сабли и казачьи шашки, а нѣкоторые были просто съ кольями и рогатинами. Тѣмъ временемъ шайка Башкировъ уже успѣла занять Кундравинскую слободу, обыватели которой встрѣтили ихъ съ почестью, а священникъ вышелъ съ крестомъ. Находившіеся тамъ для защиты слободы крестьяне-казаки схватили своего командира поручика Максимова и выдали его мятежникамъ. Поручикъ былъ посаженъ подъ стражу и на другой день повѣшенъ.

Бунтовщики сожгли тутъ всѣ „конторскія" дѣла, разграбили казенное имущество и, выпивъ двѣ бочки вина, сопровождаемые крестьянами-казаками и Кундравинскими жителями, направились къ Чебаркульской крѣпости, гдѣ были также встрѣчены священникомъ съ крестомъ и народомъ. На другой день, въ праздникъ Крещенія Господня, мятежники, послѣ обѣдни ходили съ крестнымъ ходомъ на воду, при чемъ священникъ на эктеніяхъ поминалъ императоромъ Петра Өеодоровича.

Отъ Чебаркуля до Челябинска оставался одинъ лишь переходъ, и бунтовщики намѣревались подступить къ нему 7-го Января. Въ городѣ въ это время было неспокойно. Среди Челябинскихъ казаковъ, тайно возбуждаемыхъ хорунжимъ Невзоровымъ, началось волненіе, которое вскорѣ разразилось открытымъ возмущеніемъ.

Дня за два до нападенія на Челябинскъ бунтовщиковъ, въ Воскресенье, 5-го Января, когда народъ еще былъ у заутрени, казаки эти во главѣ съ Невзоровымъ напали на часовыхъ, карауливших только что привезенныя съ Сибирской линіи пушки, поставленныя на городской площади противъ церкви и до́ма воеводы, связали ихъ, завладѣли орудіями, зарядили ихъ и повернули по улицамъ, чтобы стрѣлять по городу; но подоспѣвшіе крѣпостные артиллеристы прогнали ихъ штыками.

Воевода, бывшій въ это время въ церкви, услышавъ шумъ и тревогу, вышелъ на площадь. Мятежники бросились на него, связали и потащили его на воеводскій дворъ „чинить надъ нимъ судъ и расправу". Богъ знаетъ,

*) Предписаніе Долматскому мірскому старостѣ отъ секундъ-маіора Завороткова, отъ 10 Декабря 1773 года.

чѣмъ бы кончилась эта схватка, если бы не подоспѣли тѣже артиллеристы, которые съ помощію оружія отбили у казаковъ несчастную жертву. Казаки разбѣжались. Невзоровъ, видя неудачу, поспѣшилъ скорѣе скрыться въ Чебаркуль, но пятерыхъ его главныхъ сообщниковъ успѣли схватить и посадили въ тюрьму *).

Тѣмъ временемъ предводитель мятежныхъ шаекъ, пировавшихъ въ Чебаркульской крѣпости, называвшій себя полковникомъ, наградивъ Чебаркульскаго попа за усердіе „двумя ведрами вина и деньгами" и захвативъ потомъ пять бывшихъ тамъ пушекъ, 7-го Января двинулся къ Челябинску. Городъ еще за три версты встрѣтилъ мятежниковъ пушечными выстрѣлами, на что и они отвѣчали тѣмъ же, и чтобы похвалиться предъ горожанами своей „несмѣтной силой", разсыпали въ одиночку по возвышенностямъ въ окрестностяхъ Челябинска временныхъ, передавшихся имъ, казаковъ (крестьянъ). Маневръ этотъ однако не имѣлъ никакого существеннаго значенія. Жители Челябинска твердо рѣшились защищаться до послѣдней капли крови.

Слѣдующій день бунтовщики ничего не предпринимали. Только одинъ Невзоровъ не разъ подъѣзжалъ къ крѣпости и убѣждалъ часовыхъ сдаться „законному государю" и отворить наступающимъ ворота. Желаніе его, наконецъ, исполнили; но едва лишь онъ въѣхалъ въ городъ, какъ тѣже часовые связали его и представили въ воеводскую канцелярію, а на другой день его водили по городу въ *конскихъ* желѣзахъ на показъ народу, какъ измѣнника.

Утромъ 9-го числа мятежники ближе подвинулись къ городу и начали пальбу, которая продолжалась до полудня, не причинивъ однако гарнизону никакого вреда. Тогда бунтовщики, видя, должно-быть, безуспѣшность своихъ дѣйствій и невозможность побѣдить городъ, хотя и были подкрѣплены четырьмя сотнями Баштымскихъ крестьянъ при двухъ орудіяхъ, отхлынули отъ Челябинска къ дер. Шершневой, гдѣ къ нимъ присоединились еще несколько шаекъ изъ рабочихъ Кыштымскаго, Каслинскаго и Ураимскаго заводовъ.

Со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень текли къ мятежникамъ вооруженныя и невооруженныя шайки крестьянъ. Этому особенно способствовали листы, распространяемые агентами Пугачова, въ которыхъ такъ заманчиво для простаго, угнетеннаго крѣпостнымъ правомъ люда проповѣдывалась „вольность". Вотъ одинъ изъ этихъ листовъ:

„Божею милостію, мы, Петръ Третій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и проч., и проч., и проч., объявляемъ во всенародное извѣстіе.

„Не безъизвѣстно есть каждому вѣрноподданому рабу, какимъ образомъ мы отъ недоброжелателей и завидцевъ общаго покоя Всероссійскаго и по всѣмъ правамъ принадлежащаго Престола лишены были; а нынѣ Всемогущій Господь, неизрѣченными Своими праведными судьбами и моленіемъ и

*) Показаніе перебѣжавшаго изъ Челябинска въ Шадринскъ посадскаго Прокопія Чебыкина въ дѣлѣ о Пугачовѣ въ архивѣ бывшаго Шадринскаго уѣзднаго суда, № 5547.

усерднѣйшимъ желаніемъ нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, и завидцевъ общему покою и благотишію подъ ноги наши повергае ъ; токмо и нынѣ нѣкоторые, ослѣпясь невѣдѣніемъ или помрачены отъ зависти злобою, не приходятъ въ чувства и высокой власти нашей чинятъ противленіе и непокореніе и тщатся процвѣтшееся имя наше такимъ образомъ, какъ и прежде, угасить и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ и истинныхъ сыновъ отечеству, аки младенцевъ, осиротить. Однако мы, по природному нашему и вѣрноподданныхъ неизрѣченному великодушію, буде кто и нынѣ, возникнувъ изъ мрака невѣдѣнія и пришедъ въ чувство, власти нашей покоритесь, всемилостивѣйше прощаемъ; сверхъ того, всякой *вольности* отечески васъ жалуемъ. А буде-же кто и за симъ въ такомъ же ожесточеніи и суровости останется и данной намъ отъ Создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный нашъ и неизбѣжный гнѣвъ, чего ради отъ насъ, для надлежащаго исполненія и всенароднаго истиннаго познанія, симъ и публикуется".

„Манифестъ" этотъ [1]) изданъ „Декабря ..... дня 1773 года" и подписанъ однимъ словомъ „Петръ".

Конечно, крестьяне нисколько не задумывались надъ тѣмъ, вправду ли, настоящій ли Петръ III писалъ и слалъ къ нимъ такіе „милостивыя" грамотки или то дѣлалъ Самозванецъ. Поэтому шли и шли подъ знамена „чудесно спасшагося" Царя. И хотя одновременно въ противовѣсъ этому мѣстныя власти (не только главное начальство края, но даже воеводы и коменданты крѣпости), чтобы направить народъ на путь истины, также издавали воззванія, но имъ уже никто не вѣрилъ, отчасти потому, что слишкомъ много было воззваній этихъ [2]), которыя каждый изъ начальствующихъ варіировалъ по своему, стараясь подѣйствовать на темную массу то угрозами (какъ, напримѣръ комендантъ Верхояицкой крѣпости полковникъ Ступишинъ), то ласками и, обѣщаніемъ милостей (какъ генералъ-поручикъ Декалонгъ), а отчасти и, главнѣе всего, потому что большинство властей было не любимо народомъ, такъ какъ даже въ обыкновенное время своими дѣйствіями возбуждало всеобщую ненависть.

Собравшись толпой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, мятежники отъ Шершевой снова подступили къ Челябинску, на этотъ разъ, видимо, съ твердымъ намѣреніемъ завладѣть имъ, и обложили его со всѣхъ сторонъ, не пропуская ни коннаго, ни пѣшаго внутрь города и оттуда.

Управитель Окуневскаго уѣзда Томиловъ, извѣстясь о грозившей Челябинску опасности, собралъ 100 человѣкъ крестьянъ и въ половинѣ Января 1774 года выступилъ съ ними, намѣреваясь если не прогнать отъ Че-

---

[1]) Напечатанъ въ „Пермскомъ Сборн." 1859, кн. I и перепечатанъ въ „Орен. Губ. Вѣд." 1869, № 45. Еще характернѣе воззванія Грознова. См. Дубровинъ II, 220--221. Ред.

[2]) Кромѣ приложенныхъ къ „Истор. Пугач. бун." Пушкина, ихъ можно еще найти въ „Перм. Сбор." 1859, кн. I, „Оренбур. Губер. Вѣдом." за 1868 г., № 33 и за 1869 г. № 46, въ „Памят. книж. Оренб. губер." 1865 г., стр. 133 и друг. изданіяхъ. Затѣмъ въ воззваніяхъ своихъ правительство иногда прибѣгало къ завѣдомой и очевидной лжи. Ред.

лябинска мятежниковъ, то хоть дать какую либо помощь городу. Но узнавъ, что всѣ пути къ Челябинску заняты уже Башкирами, заблагоразсудилъ за лучшее воротиться въ Окуневскъ [1]).

Челябинскъ находился въ самомъ безвыходномъ положеніи. Помощи ни откуда, гарнизонъ малъ, а между тѣмъ толпы мятежниковъ съ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе и болѣе. Очевидно, ихъ привлекала сюда „богатая казна“, которая по ихъ мнѣнію, должна была находиться въ Челябинскѣ, такъ какъ въ немъ сосредоточивалось все управленіе обширной Исетской провинціи. Къ счастью горожанъ, мятежники не производили еще серьезныхъ дѣйствій и ограничивались лишь обложеніемъ города; должно быть, хотѣли выморить его осадой.

Одинъ изъ мятежныхъ предводителей Михаилъ Ражевъ, отобравъ лучшія силы бунтовщиковъ изъ подъ Челябинска и оставивъ тутъ лишь однихъ Башкировъ, въ концѣ Января двинулся на Міасскую крѣпость и далѣе до села Бродокалмацкаго, покоряя себѣ всѣ лежащія на пути деревни. Тѣмъ временемъ другія шайки, дойдя предѣловъ Окуневскаго дистрикта, захватили близъ него лежащіе пригороды: форпостъ Карачельскій и богатое село Воскресенское [2]).

Опасаясь за участь своего города, Окуневскій управитель просилъ старосту Воскресенскаго села прислать имѣвшіяся тамъ пушки и послалъ для того своего канцеляриста Шляпкина; но послѣдній 7-го Февраля донесъ ему, что исполнить приказанія не можно, такъ какъ селомъ этимъ успѣли завладѣть мятежники, „изъ коихъ 90 было Русскихъ и 10 Башкировъ“, и жители уже присягнули Самозванцу. Мятежники сожгли дѣла сельской конторы, въ кабакѣ выпили все вино, а цѣловальника за то, что у него оказалось мало выручки, избили, старосту-же „за опубликованіе присылавшихся прежде распоряженій начальства о Пугачовѣ“, высѣкли плетьми и заковали въ желѣза, послѣ чего, набравъ въ разныхъ мѣстахъ у обывателей пожитковъ на десять возовъ и захвативъ двѣ пушки, на лошадяхъ Воскресенскихъ крестьянъ увезли это имущество въ Карачельскій форпостъ. „Здѣсь, какъ удалось узнать Шляпкину посредствомъ шпіонства, бунтовщики похвалялись набрать войска до 10 тысячъ и идти чрезъ два дня къ Окуневску; а ушло ихъ къ Долматову монастырю и къ городу Шадринску пять тысячъ, отправлено на низъ по Тоболу въ Куртамышъ до шести тыс. и около Челябинска, кромѣ Башкировъ, стоитъ однихъ Русскихъ девять тыс., которые осажденныхъ въ Челябинскѣ продержать безъ баталіи вплоть до Благовѣщенія, а потомъ, ежели не покорятся, они поступятъ съ ними, какъ съ злодѣями, вооруженной рукой“.

Чувствуя, что ему не справиться съ буйной ватагой, Томиловъ забралъ изъ Окуневска пушки, казну и канцелярію и поспѣшилъ скрыться въ

[1]) Изъ отношенія Томилова къ Шадринскому коменданту 17 Января 1774 г. (дѣло бывшей Окуневской управит. канцеляріи).

[2]) Село это ранѣе принадлежало архіерейскому дому митрополита Сибирскаго и Томскаго.

Исетскъ; но по дорогѣ, въ селѣ Мехомскомъ, былъ встрѣченъ посланнымъ къ нему отъ Шадринскаго коменданта нарочнымъ, съ приглашеніемъ идти въ Шадринскъ, какъ мѣсто болѣе безопасное для проживанія, и Томиловъ направился туда, гдѣ и жилъ все время до усмиренія мятежа (до 9-го Апрѣля 1774 г.).

Послѣ удаленія его, мятежники не только взяли приступомъ Окуневскъ, но прошли даже до предѣловъ Куртамышевскаго уѣзда. Предводитель ихъ Ражевъ, усилившись еще больше солдатами и крестьянами захваченныхъ селъ, крѣпостей и городовъ, пошелъ къ Сѣверу по р. Міясу къ Долматову монастырю [1]), съ цѣлью завладѣть его сокровищами, которыми тотъ въ то время славился. Бунтовщики употребляли всѣ мѣры, чтобы овладѣть хорошо укрѣпленнымъ монастыремъ, дѣйствуя на осажденныхъ то угрозами, то увѣщаніями съ обѣщаніемъ различныхъ льготъ и вольностей [2]). Съ каждымъ днемъ толпы ихъ усиливались, замѣняя убитыхъ и раненыхъ новыми силами, а монастырь изнемогалъ отъ тяжести полутора мѣсячной осады; силы защитниковъ съ каждымъ днемъ слабѣли, боевые запасы истощились, продовольствія уже не хватало.

Въ это самое тяжкое время, когда Челябинскъ едва держался, Шадринскъ также былъ обложенъ кругомъ, Окуневскій и Куртамышевскій уѣзды разграблены мятежниками, и въ послѣднихъ числахъ Февраля съ своимъ трехтысячнымъ корпусомъ въ предѣлы Исетской провинціи вступилъ давно ожидаемый „надъ Сибирскими войсками главный командиръ“, генералъ-поручикъ Декалонгъ.

Прежде всего онъ очистилъ отъ мятежныхъ шаекъ г. Шадринскъ, назначивъ комендантомъ его маіора Кенига и закрывъ въ немъ всѣ кабаки, въ которыхъ обыкновенно сообщники Пугачова спаивали народъ и склоняли его „разными злокозненными прельщеніями“ въ подданство Самозванца. Затѣмъ онъ обратился къ жителямъ Исетской провинціи съ воззваніемъ, призывая ихъ къ покорности законной государынѣ и объявляя, что „если которыя по тракту къ Екатеринбургу селенія еще тѣмъ ядомъ (мятежа) заражены, то бъ очувствовались; жители оныхъ присылали ко мнѣ встрѣчу отъ себя лучшихъ мірянъ съ признаніемъ своего преступленія, которые, получа прощеніе, паки въ жительство отпущены будутъ; а какъ я съ состоящими при мнѣ войсками, коихъ не менѣе трехъ тысячъ, имѣю слѣдовать къ Екатеринбургу, для того въ деревнѣ Коротковой, въ Долматовѣ монастырѣ и въ прочихъ по тракту лежащихъ мѣстахъ приготовить къ продовольствію тѣхъ войскъ провіанта, овса и сѣна безнедостаточно“ [3]).

---

[1]) Долматовъ мужскій монастырь расположенъ на лѣвомъ берегу р. Исети, въ 158 верстахъ отъ Екатеринбурга, по дорогѣ къ Шадринску. Еще въ 1762 монастырскіе крестьяне взбунтовались противъ монаховъ. Возстаніе это извѣстное подъ именемъ „Дубинщины“, усмирено было съ большой жестокостью. Ред.

[2]) Священникъ села монастырскаго Никольскаго поддерживалъ духъ возмущенія. Ю. Б.

[3]) Перм. Сборн. 1859 г., кн. I. „Оренб. Губ. Вѣд.“ 1869, № 46.

Но воззваніе это на первыхъ порахъ нисколько не подѣйствовало на народъ. Не смотря на дальнѣйшее движеніе Декалонга отъ Шадринска, неистовства мятежниковъ продолжались, и жертвой ихъ сдѣлался Усть-Міасскій винокуренный заводъ, разграбленный бунтовщиками. Одновременно съ этимъ Ражевъ, снявъ осаду Долматова и оставивъ осаду Челябинска на долю Башкировъ и разной сволочи, стягивалъ свои лучшія силы къ р. Уксянкѣ, чтобы дать Декалонгу генеральное сраженіе и воспрепятствовать его движенію въ глубь провинціи.

Дѣйствительно подъ Уксянкой произошло жаркое дѣло, длившееся подрядъ нѣсколько часовъ и, не смотря на то, что у Декалонга было всего нѣсколько пушекъ, а у мятежниковъ до 50 орудій и численность ихъ далеко превышала численность правительственныхъ войскъ, побѣда была на нашей сторонѣ. Мятежники были разбиты на-голову и бѣжали, оставивъ на полѣ боя 800 человѣкъ убитыми и до 1000 ранеными и 26 орудій.

Такая побѣда возвысила Декалонга въ глазахъ народа; теперь воззваніе его было болѣе убѣдительнымъ, и къ нему начали поступать просьбы о помилованіи, провинившіеся называли его *отцомъ* и просили его „смиловаться надъ ними". И генералъ, чтобы наглядно доказать народу, какъ слуги законной Государыни чужды звѣрства и озлобленія Пугачовскихъ предводителей, прощалъ виновныхъ, отдавая въ руки правосудія только главныхъ и серьезныхъ зачинщиковъ.

Послѣ побѣды Декалонгъ вернулся въ Шадринскъ, чтобы дать тамъ нѣкоторый отдыхъ войскамъ, время отъ времени посылая небольшіе отряды по окрестнымъ деревнямъ и селамъ для очищенія ихъ отъ мятежниковъ. Но отряды эти мало имѣли успѣха, такъ какъ бунтовщики соединялись большими партіями, съ которыми трудно было справиться мелкимъ отрядамъ. Тогда Декалонгъ самъ со всѣми своими войсками вновь выступилъ изъ Шадринска и направился къ Челябинску, усмиряя по дорогѣ попутныя села. Но лишь только онъ удалялся, какъ бунтъ вспыхивалъ снова и ожесточался еще болѣе. Декалонгъ понялъ, что, пока глава мятежа не будетъ у него въ рукахъ, прочнаго спокойствія нельзя ожидать. Поэтому онъ рѣшился настичь самого Самозванца, который уже свирѣпствовалъ въ Карагайской крѣпости. Но приблизившись туда, Декалонгъ засталъ только дымившіяся развалины— Пугачовъ громилъ Троицкую.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЧИНОВНИКА СТАРАГО ВРЕМЕНИ

(Петра Ивановича Голубева [1]).

Въ продолженіе производства дѣлъ о расходахъ на войну съ Турціею въ 1828 и 1829 годахъ, директоръ часто посылалъ меня къ министру для доклада особенно экстренныхъ бумагъ, и тогда-то я увидѣлъ близко этого необыкновеннаго человѣка [2]). Множество дѣлъ, въ которыхъ онъ, своею расчетливостію и предвидѣніемъ послѣдствій какихъ либо финансовыхъ мѣръ, доставлялъ казнѣ огромныя выгоды, производились въ моемъ отдѣленіи. Такъ, въ 1829 году, онъ купилъ у коммерческаго дома Сегенъ и К° 100 т. Голландскихъ червонцевъ по 10 р. 20 к. и отдалъ ихъ на заграничные расходы по 11 руб. 75 к.; слѣдовательно выигралъ при этомъ оборотѣ 155 т. руб. Съ этими бумагами я посланъ былъ къ нему въ Духовъ день 1829 года, когда въ лѣтнемъ саду во всѣхъ сторонахъ гремѣла музыка и толпилась огромная масса гуляющихъ. Министръ жилъ тамъ же во дворцѣ Петра I-го вмѣсто дачи, чтобы менѣе тратилось времени на пересылку бумагъ за городъ обратно. Я, за тѣснотою, не могъ пройти къ его квартирѣ со стороны Инженернаго замка, а зашелъ съ Невы. У меня было только два предписанія Главному Казначейству: одно, чтобы принять отъ Сегена и К° 100 т. черв. и отпустить имъ 1.020.000 руб., а другое выдать эти червонцы по извѣстному назначенію, поставя ихъ въ расходъ суммою въ 1.175.000 ассиг. Подписавъ эти бумаги, онъ съ улыбкою спросилъ меня: *Каково?*» Я отвѣчалъ «*превосходно, ваше сіятельство*». Вообще онъ терпѣть не могъ никакой болтовни, какъ бы она ни была краснорѣчива, и Басинъ нравился ему въ особенности тѣмъ, что умѣлъ избѣгать всякихъ предисловій и послѣсловій, но ограничивался только словами самыми необходимыми, стараясь лишь отвѣчать на вопросы графа.

Однажды, тоже лѣтомъ 1829 года, получена была отъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора графа Воронцова съ

---

[1]) См. выше книга I, стр. 513.

[2]) Графа Е. Ф. Канкрина. П. Б.

нарочнымъ бумага, по которой требовалось немедленно ассигновать въ его распоряженіе 100 т. р. на расходы по прекращенію бывшей тогда въ Одессѣ чумы. Это требованіе нельзя было отложить ни на одинъ день; но и слишкомъ поспѣшное исполненіе казалось невозможнымъ потому, что на отпускъ этихъ денегъ не было еще испрошено высочайшее разрѣшеніе. Розенбергъ послалъ меня съ этою бумагаю къ министру, узнать, что по ней будетъ приказано. Войдя въ кабинетъ, я сказалъ: «Ваше сіятельство графъ Воронцовъ»... *Снаю, но что намъ тѣлать? Государь теперь полѣнъ, и я никакими токлатами безпокоить его не смѣю!*» Я доложилъ, что графъ Воронцовъ обязанъ доставлять пищу оцѣпленнымъ домамъ. Графъ отворилъ ключемъ бюро и, доставъ оттуда какую-то бумагу, сказалъ:

«*А Иванъ Иванычъ вѣрно тумаетъ, что я просѣвалъ испросить плаговременно нужныя певелѣнія... Нѣтъ, патюшка, напишите ассигновку по высочайшему повелѣнію и пришлите мнѣ къ подписанію съ курьеромъ*».

Такъ и было сдѣлано.

Одинъ разъ при мнѣ откланивался графу Егору Францовичу вновь опредѣленный вице-губернаторъ *), которому онъ далъ такое напутственное наставленіе: «Не подписывайте бумагъ, не читая; та не посволяйте себѣ на носу пирюльки точить!!!»

Мнѣ однажды случилось въ присутствіи графа защищать противъ директора особенной канцеляріи по кредитной части (въ послѣдствіи министра и графа Врончении) составленный въ департаментѣ нашемъ расчетъ съ Кабинетомъ Его Величества въ суммѣ, какая Кабинету слѣдовала изъ добычи золота и серебра на Колывановоскресенскихъ Нерчинскихъ заводахъ. Мое защищеніе этого расчета прошло очень благополучно, и графъ, отпуская меня, удостоилъ благосклонною улыбкою, которая очень меня порадовала.

Вообще, приводя себѣ на память приказанія и поступки этого великаго министра, я не могу умолчать о нихъ, желая принесть и мою убогую жертву памяти этого незабвеннаго государственнаго человѣка. Мои воспоминанія о графѣ, конечно, очень бѣдны, и я не считаю себя достойнымъ коснуться его исторіи, къ величайшему сожалѣнію еще никѣмъ не начатой, исторіи требующей отъ ея составителя высокихъ финансовыхъ свѣдѣній и дарованій, чтобы понять и объяснить всѣ дѣйствія величайшаго изъ министровъ.

Изъ разныхъ остатковъ суммъ, пріобрѣтенныхъ его же бережливостію и не входившихъ въ государственный бюджетъ, составилъ онъ

*) Бывшіе вице-губернаторы переименованы потомъ предсѣдателями казенныхъ палатъ.

значительные капиталы и построилъ изъ нихъ биржевые пакгаузы и таможенный скверъ (они приносятъ порядочный ежегодный доходъ казнѣ и величайшую пользу купечеству), основалъ Технологическій Институтъ съ православною церковью и всѣми его практическими заведеніями; развелъ на гласисѣ здѣшней крѣпости превосходный публичный садъ, назвавъ его Александровскимъ паркомъ (въ самомъ же дѣлѣ паркъ этотъ долженъ бы былъ считаться живымъ и вѣчнымъ монументомъ самого графа), построилъ также Пѣвческій мостъ *), украсивъ такимъ образомъ дворцовую площадь, окончилъ великолѣпный соборъ Смольнаго монастыря, начатый при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, по плану знаменитаго архитектора Растрелли, воздвигнулъ множество памятниковъ сраженій отечественной войны 1812 года. Но самое важное изъ его распоряженій по части департамента Государственнаго Казначейства было учрежденіе гербовыхъ квитанцій. Дѣло это производилось не въ нашемъ первомъ, но въ третьемъ отдѣленіи бухгалтеріи, котораго начальникомъ былъ статскій совѣтникъ Севриновъ. За участіе въ этихъ трудахъ графъ наградилъ его орденомъ Св. Анны 2 степени, украшеннымъ брилліантами.

Мѣра эта совершенно прекратила милліонныя кражи казначеевъ, которые утаивали доходы въ свою пользу.

Приспособленіе таможеннаго тарифа къ современнымъ требованіямъ народа, въ видахъ усиленія доходовъ временныя мануфактурныя выставки, въ обѣихъ столицахъ, фабричныхъ и мануфактурныхъ произведеній, возстановленіе упадшихъ питейныхъ доходовъ, распространеніе золотыхъ пріисковъ, улучшеніе технической части монетныхъ дворовъ, громадное увеличеніе банковыхъ оборотовъ, доставившихъ обильный источникъ денежныхъ суммъ для устройства разныхъ шоссированныхъ дорогъ, военныхъ сооруженій и проч., всѣ эти дѣйствія составляютъ истинную славу министра, но принадлежатъ, какъ сказано, его исторіи.

Съ увеличеніемъ нашихъ работъ по части ассигнованія суммъ на военные расходы, Басинъ ходатайствовалъ о помѣщеніи меня въ казенную квартиру. Мнѣ ее дали, но крайне дурную, хотя очень об-

---

*) У графа Канкрина была страсть къ постройкамъ, которыя иногда не удавались. Такъ одинъ мостъ (кажется, на Крюковомъ каналѣ) провалился въ день его освященія, что дало поводъ къ строфѣ въ шуточномъ стихотвореніи С. А. Соболевскаго *Канкриніада*:

Кто странѣ, скажите, отчей
Придалъ исполинскій ростъ?
Кто построилъ чудный зодчій
Самопадающій мостъ?

ширную; она испорчена была наводненіемъ, но черезъ годъ я, по назначенію директора, перемѣнилъ ее на болѣе удобную во второмъ или антресольномъ этажѣ. Казенная квартира дана мнѣ очень кстати, потому что кромѣ чрезвычайно умножившихся въ первомъ отдѣленіи бухгалтеріи временно распорядительныхъ и счетныхъ работъ по военнымъ обстоятельствамъ, возложены были на это отдѣленіе по высочайшей волѣ навсегда постоянныя обязанности—представлять разные срочные счеты и еженедѣльную вѣдомость о чрезвычайныхъ по государству расходахъ. Чтобы не утомлять высочайшее вниманіе, нужно было писать эту вѣдомость на одной страницѣ обыкновеннаго листа, слѣдовательно оставалось вносить только важнѣйшія статьи расходовъ кратко и ясно, показывая издержки мелочныя итогомъ. Представленная за одну недѣлю вѣдомость возвращалась отъ Государя министру, а тотъ подносилъ въ тоже время новую. Приготовленіе этой вѣдомости требовало особенной точности и тщательности въ редакціи, такъ какъ Государь обращалъ на всѣ ея статьи особое высочайшее вниманіе.

Другое, болѣе тяжкое дѣло относилось къ общимъ обязанностямъ по исполненію высочайшаго повелѣнія о представленіи отчетовъ о дѣйствіяхъ каждаго министерства и управленія.

Здѣсь до перваго отдѣленія бухгалтеріи, т. е. до меня, касались только численность по обороту суммъ, а она-то и составляла чрезвычайную трудность, такъ какъ, по обширности Имперіи, невозможно было получать изъ губерній къ сроку для составленія этого предварительнаго отчета нужныя свѣдѣнія, и во многихъ случаяхъ неизбѣжно было извлекать цыфры изъ приблизительныхъ соображеній. При первомъ приступѣ къ этому дѣлу оно оказалось совершенно невозможнымъ. Написано было директоромъ Розенбергомъ, Басинымъ, мною, огромное число формъ и примѣрныхъ счетовъ, но всѣ они далеко неудовлетворяли требованіямъ. Мы опасались, что со временемъ, при сличеніи цыфръ, составленныхъ по примѣрнымъ соображеніямъ, съ цыфрами настоящихъ отчетовъ, откроются большія несходства, и можно подвергнуться за невѣрности въ суммахъ отвѣтственности и даже гнѣву Государя Императора; но наконецъ Богъ вразумилъ насъ одолѣть этотъ тяжкій трудъ и, послѣ мукъ, потерпѣнныхъ при составленіи этого почти невозможнаго отчета за первые три года, дѣло облегчилось опытомъ и постепенно придуманными облегчительными формами.

Текстъ этого отчета, въ самомъ началѣ, порученъ былъ Александру Максимовичу, а потомъ поручался другимъ лицамъ, по избранію директоровъ; цыфры же главнѣйше требовались отъ перваго отдѣленія бухгалтеріи.

Въ званіи бухгалтера я былъ ровно 8 лѣтъ и почти во все это время не имѣлъ своей воли. Отправляясь къ роднымъ на Петербургскую Сторону, я выбиралъ время, смотря по ходу дѣла, и уѣзжалъ изъ департаментскаго дома, даже на часъ, не иначе, какъ съ дозволенія начальника отдѣленія, который всегда зналъ, гдѣ меня отыскать въ случаѣ надобности. Онъ однако не требовалъ такой рабской покорности, а я самъ, опасаясь быть причиною какой либо остановки въ дѣлахъ по военному времени, добровольно наложилъ на себя тяжелое бремя такой зависимости.

Въ Январѣ 1829 года я получилъ чинъ 8-го класса и орденъ Св. Анны 2-й ст. Василій Степановичъ пригласилъ меня съ женою на вечеръ и при многихъ гостяхъ, въ присутствіи бывшаго нашимъ главнымъ начальникомъ въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ А. И. Миллера, благодарилъ за мое примѣрное, какъ онъ тогда выразился, усердіе къ службѣ, и облобызавъ возложилъ на меня орденъ. Это былъ мой тріумфъ. Честь дороже денегъ.

1829 годъ окончился для меня не совсѣмъ счастливо: начальникъ и благодѣтель мой, директоръ департамента, тайный совѣтникъ Розенбергъ скончался внезапно, 16 Декабря. Мѣсто его заступилъ въ качествѣ управляющаго департаментомъ вице-директоръ Николай Романовичъ Политковскій. Онъ любилъ всѣхъ сослуживцевъ и былъ любимъ всѣми. Эта прекрасная, благороднѣйшая душа не могла быть съ черствымъ чиновничьимъ сердцемъ, и Николай Романовичъ, сокровище своихъ друзей, отлично образованный и принадлежавшій къ лучшему обществу, не имѣлъ дарованій присяжнаго сидѣльца, а потому не могъ при такомъ министрѣ, какъ графъ Канкринъ, наслѣдовать званіе директора.

Послѣ утвержденія росписи на 1830 годъ, Николай Романовичъ выпросилъ мнѣ и моему товарищу, другому бухгалтеру, Н. Р. Кондратьеву всемилостивѣйшія награды, по бриллiантовому перстеньку изъ Кабинета.

Въ Розенбергѣ я лишился втораго отца, но Богу угодно было послать мнѣ другаго покровителя: изъ сердитаго грубаго, взыскательнаго командира, Василій Степановичъ обратился въ благодѣтельнаго и внимательнаго начальника, какъ я уже и говорилъ.

Хотя Турецкая война окончилась еще въ Сентябрѣ 1829 г., но расчеты и разныя претензіи по этой войнѣ не только не уменьшались, но еще увеличивались, а между тѣмъ возникла новая переписка и отчетность по войнѣ противъ Польскихъ мятежниковъ. Дошло до того, что мы иногда сидѣли въ департаментѣ съ 8 часовъ утра до 9 часовъ

вечера, не имѣя времени дойти нѣсколько шаговъ до своихъ квартиръ въ домѣ департамента.

Наступилъ 1831 годъ, въ Польшѣ и Западномъ нашемъ краѣ появилась холера. Въ это время я чуть не попалъ въ бѣду отъ одного безтолковаго писца. Изъ нѣкоторыхъ губерній требовались для дѣйствующей арміи и въ зараженныя холерою мѣстности врачи. Надобно было дать циркуляръ нѣкоторымъ казеннымъ палатамъ, чтобы онѣ отпускали для этихъ медиковъ прогоны и путевое пособіе въ вѣдѣніи губернаторовъ. Точныя слова этой циркулярной ассигновки были изложены такъ: «*на отправленіе въ дѣйствующую армію врачей отпустить* и проч. Два писца, каждый въ своей долѣ, по нѣскольку экземпляровъ написали это какъ слѣдовало; третьему же вздумалось написать: на отравленіе въ дѣйствующей арміи врачей отпускать.... Всѣхъ бумагъ было до 18 совершенно одинаковаго содержанія. По настоящему довольно было бы прочесть одну или двѣ бумаги, а повѣрку прочихъ предоставить писцамъ; но зная этихъ господъ очень хорошо, я прочиталъ каждую самъ, и дойдя до *отравленія* страшно испугался. Мнѣ представилось, что какой-то злой духъ вертится между нами, ища, кого погубить. Въ самомъ дѣлѣ тогда распространилась между черни молва, что холеры нѣтъ, а людей отравляютъ умышленно. Что̀ было бы со мною, если бы эти бумаги были отправлены безъ должной осмотрительности, и кто бы мнѣ повѣрилъ, что это написано по ошибкѣ?

Въ Іюнѣ 1831 года появилась страшная эта болѣзнь и у насъ въ Петербургѣ. Изъ первыхъ ея жертвъ былъ нашъ безподобный Николай Романовичъ. Исполнивъ христіанскій долгъ, онъ послѣ исповѣди и св. причастія потребовалъ секретаря и приказалъ при себѣ написать докладную записку о выдачѣ изъ канцелярской суммы пособій нѣкоторымъ чиновникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Министръ тотчасъ утвердилъ эту записку и прислалъ къ Николаю Романовичу; но онъ былъ уже безъ чувствъ, и мы не могли его поблагодарить, а только помолились объ упокоеніи прекрасной души его.

Департаментъ былъ впрочемъ очень счастливъ добрыми начальниками. Къ намъ поступилъ директоромъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ I-й. При началѣ моей службы въ 1811 году онъ былъ начальникомъ перваго стола бывшей экспедиціи о государственныхъ доходахъ. И тогда еще Дмитрій Максимовичъ, любимый всѣми сослуживцами, былъ отличнымъ дѣлопроизводителемъ, имѣя прекрасный даръ излагать ясно и всегда удовлетворительно самые многосложные предметы въ нашей бюрократіи. Кромѣ службы онъ бывъ весьма ревностнымъ членомъ тогдашняго Общества Любителей Словесности (о чемъ

сказано выше), сдѣлался извѣстнымъ своими разборами синонимъ, какъ-то: *почитаю* и *уважаю*, *ученость* и *просвѣщеніе* и проч. По этому случаю онъ получилъ прозваніе (псевдонимъ) *Словомъ*. Въ послѣдствіи, при открытіи нашего департамента, былъ онъ начальникомъ перваго распорядительнаго отдѣленія, потомъ здѣшнимъ вице-губернаторомъ, находился заграницею при генер.-интендантѣ Канкринѣ для ликвидаціонныхъ расчетовъ съ жителями Нѣмецкихъ владѣній, за поставки для войскъ; по возвращеніи въ Россію, сдѣланъ вице-директоромъ департамента государственныхъ имуществъ, затѣмъ директоромъ канцеляріи министра финансовъ и наконецъ поступилъ въ директоры къ намъ.

Со вступленіемъ Дмитрія Максимовича началась новая эпоха для департамента. Отчетность его доселѣ представляема была только одному Государственному Совѣту; а съ 1831 года ревизія отчетовъ казенныхъ палатъ, производившаяся въ Государственномъ Контролѣ, возложена на департаментъ Государственнаго Казначейства съ тѣмъ, чтобы онъ, по предварительномъ обревизованіи губернскихъ отчетовъ, представлялъ Контролю общій о государственныхъ доходахъ и расходахъ отчетъ. Исполненіе этого новаго закона требовало измѣнить совершенно весь счетный составъ департамента, согласить съ его возможностію и средствами слишкомъ распространенныя требованія Контроля и дать этому обширному дѣлу правильный и удобный ходъ.

Это могъ совершить и совершилъ только Дмитрій Максимовичъ. Онъ своими практическими и неопровержимыми доводами поставилъ Государственный Контроль въ необходимость отступиться отъ всѣхъ излишнихъ подробностей и принять формы болѣе ясныя и краткія по проектамъ не Контроля, а самаго департамента, которому впрочемъ не дано для совершенія этого дѣла никакихъ вспомогательныхъ суммъ въ дополненіе къ штату 1821 года.

При дѣятельномъ содѣйствіи самого директора, одолѣны ревизіонными отдѣленіями всѣ трудности, и первый отчетъ доставленъ Контролю въ опредѣленный срокъ; а потомъ привычка чиновниковъ и вновь допущенныя, по сношенію съ Контролемъ, облегченія дали этому огромному дѣлу успѣшный ходъ, но съ непремѣннымъ условіемъ постоянныхъ послѣобѣденныхъ занятій всѣхъ контрольныхъ нашихъ частей. Главнымъ облегченіемъ въ этомъ дѣлѣ было сокращеніе формъ отчета, представляемаго ежегодно министромъ финансовъ Государственному Совѣту. Представленіе объ этомъ писано самимъ Дмитріемъ Максимовичемъ и принадлежитъ къ образцамъ превосходнаго дѣловаго слога. Лучшими сотрудниками Дмитрія Максимовича въ этомъ гигантскомъ трудѣ по части отчетной были: начальникъ 2-го отдѣленія бухгалтеріи

М. М. Севриновъ и бухгалтеры С. М. и А. М. Кобылины, Ермолинъ и Криль.

Такъ наши съ Басинымъ дѣйствія (государственный бюджетъ и военныя дѣла) отошли на второй планъ дѣйствій департамента.

Въ 1832 году Басинъ и П. П. Янжулъ-Михайловскій утверждены вице-директорами, первый за труды, второй изъ особаго уваженія, какое всегда питалъ въ душѣ своей Дмитрій Максимовичъ въ памяти бывшаго управляющимъ экспедиціею, Лубьяновича.

На мѣсто начальника отдѣленія Басина было два кандидата, бухгалтеры Н. Р. Кондратьевъ и я. Министру угодно было избрать меня. Записка объ этомъ написана была собственною рукою Дмитрія Максимовича и утверждена графомъ Канкринымъ 20 Января 1832 года, но я никогда прямыхъ докладовъ Дмитрію Максимовичу не имѣлъ, и ихъ удержалъ за собою Басинъ. Къ министру я также во все время управленія Княжевича департаментомъ не показывался. При всемъ томъ Дмитрій Максимовичъ избралъ для меня прекрасную квартиру (одну изъ лучшихъ въ домѣ департамента) въ 4-мъ этажѣ, на углу Садовой и Италіянской улицъ. Окладъ моего жалованья составлялъ по штату 4000 р. ассигн. въ годъ.

Долгъ благодарности и глубокаго душевнаго почтенія къ Д. М. Княжевичу побуждаетъ меня посвятить нѣсколько строкъ памяти этого незабвеннаго начальника. Какъ директоръ, онъ строго требовалъ, чтобы каждый чиновникъ старательно исполнялъ свои обязанности; но, какъ добрѣйшій человѣкъ, отечески входилъ въ семейственныя обстоятельства подчиненныхъ и пособлялъ имъ, сколько дозволяли служебныя средства. Стараніями его многія изъ дѣтей чиновниковъ получили на счетъ казны воспитаніе; многимъ оказана отъ правительства помощь на пользованіе трудныхъ недуговъ, даны значительныя вспомоществованія въ тѣсныхъ обстоятельствахъ семейной жизни; большая часть чиновниковъ украшена орденами. Словомъ, управленіе его было для всѣхъ насъ золотымъ временемъ.

Никогда начальники отдѣленій не пользовались такимъ уваженіемъ своихъ директоровъ, какъ при Дмитріѣ Максимовичѣ. Онъ обращеніемъ съ нами разъяснилъ, что̀ значила поговорка Петра Великаго «*время работѣ, веселью часъ*». Въ дѣлахъ онъ былъ всегда первымъ труженикомъ: бумагу, написанную не совсѣмъ ловко, онъ исправитъ безъ гнѣва; негодную, какія иногда случались, напишетъ самъ безъ всякихъ выговоровъ и замѣчаній дѣлопроизводителю; но, будучи отъ природы чувствителенъ и слѣдовательно горячъ, онъ не могъ владѣть собою, если замѣчалъ въ чиновникѣ нерадѣніе и особенно подлость, когда иной старается свою вину взвалить на товарища.

Дмитрій Максимовичъ былъ красавцемъ до старости, высокъ ростомъ и дороденъ; но это не мѣшало ему работать съ утра до вечера, а иногда просиживать за дѣлами цѣлыя ночи. За то были дни, когда онъ радушно приглашалъ къ себѣ обѣдать начальниковъ отдѣленій, и они вмѣстѣ съ его родственниками и знакомыми участвовали въ его семейныхъ праздникахъ. Между прочимъ мы всякій годъ были приглашаемы на Большую Охту, 5 Іюля, на поминки покойнаго Корнилія Антоновича Лубьяновича (бывшаго управляющимъ экспедиціею о доходахъ), котораго память для Дмитрія Максимовича была священна.

Увлекшись однако пріятными воспоминаніями о нашемъ любимомъ начальникѣ, я многое не досказалъ о своемъ семействѣ.

Послѣ несчастнаго разрѣшенія Софьи Петровны въ 1825 году первымъ младенцемъ, намъ Богъ далъ второе дитя, дочь Марію. Она родилась благополучно и была, повидимому, очень здоровая дѣвочка; но мы съ женою лишились ея, держась, по неопытности нашей, чужихъ совѣтовъ. Старшая сестра увѣрила Софью Петровну, что она не можетъ кормить свое дитя сама, и что надо взять кормилицу; въ ожиданіи, покуда найдутъ послѣднюю, кормили дитя соской. Дѣвочка эта, казалось, имѣла свой упорный характеръ и, привыкнувъ къ соскѣ и рожку, не хотѣла уже никакъ взять груди. Къ несчастію, ко времени ея рожденія, я переѣхалъ въ первую казенную квартиру, крайне сырую послѣ бывшаго наводненія. Отъ неестественной пищи и дурнаго помѣщенія, дитя видимо истощалось изо дня въ день, и мы схоронили ее зимой 1826—1827 на четвертомъ мѣсяцѣ отъ рожденія.

Эта малютка едва было не увлекла за собою въ могилу и мать свою: Софья Петровна, стараясь всячески приспособлять младенца къ принятію груди, простудилась и получила жестокую грудницу. При весьма ограниченныхъ способахъ я не щадилъ ничего для пользованія жены. Ее лечилъ очень извѣстный докторъ-акушеръ, г. Гейдельбергъ, получая по 5 р. за визитъ, и не только не доставилъ облегченія, но грудница угрожала воспаленіемъ. Случайно, товарищъ мой Н. Р. Кондратьевъ посовѣтовалъ мнѣ употребить средство, испытанное въ подобномъ случаѣ его женой: какую-то воду Бенедикта Руланда (Aqua Benedicti Rulandi). Надобно было взять двѣ равныя части тертой моркови и березоваго толченаго угля, смѣшать вмѣстѣ то и другое, поливъ это одною ложкой сказанной воды; смѣсь эту, завернувъ холстинною ветошкой, прикладывать къ больному мѣсту. Это средство перешло къ г. Кондратьеву отъ знаменитаго въ наше время медика, Христіана Яковлевича Витта. Жена моя, употребивъ это лекарство въ нѣсколько пріемовъ, получила совершенное исцѣленіе.

Въ 1829 году родился у меня сынъ Григорій. Опять свояченица моя настояла взять кормилицу; но для хорошей кормилицы средства наши были очень еще недостаточны, и намъ пришлось взять такую, какая попалась подъ руку. Вышло, что это была опытная плутовка и кормила нашего младенца, будучи беременна, что̀ объявилъ департаментскій докторъ, П. В. Богословскій. Разумѣется, мы ее прогнали и взяли другую, одобренную уже докторомъ; эта, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ, объявила, что она по какимъ-то, навѣрное, вымышленнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, ни за что́ у насъ оставаться не можетъ. Съ этимъ вмѣстѣ у нея обнаружился какой-то тяжелый кашель, который немедленно сообщился и дитяти. Такъ потеряли мы и третье дитя, но по крайней мѣрѣ своимъ горькимъ опытомъ научились, что вмѣсто этихъ поганыхъ бабъ, принимающихъ на себя изъ корысти питаніе младенцевъ, гораздо лучше, если дитя будетъ питаться молокомъ своей матери.

Въ 1831 году Богъ далъ мнѣ, 12-го Апрѣля въ Вербное Воскресенье, сына Николая. Замѣчательно, что онъ родился въ тотъ самый моментъ, когда раздался первый звонъ колокола къ поздней обѣднѣ; но не далъ знать о своемъ рожденіи крикомъ, и голосъ его услышали мы чрезъ нѣсколько секундъ послѣ его рожденія. Это показывало его болѣзненныя начала, которыя впослѣдствіи развивались довольно сильно. Его долго наблюдалъ очень опытный докторъ Шибель и не скрывалъ отъ насъ своего опасенія, что если это дитя останется въ живыхъ, то нельзя будетъ надѣяться на его хорошія умственныя способности. Это пророчество не сбылось. Правда, малютка началъ ходить только по четвертому году; но скоро обнаружилъ удивительную память и любознательность, необыкновенное незлобіе, примѣрное послушаніе и любовь къ умственнымъ занятіямъ, отъ которыхъ благоразумнѣе было бы его отвлекать, чтобы на счетъ излишнихъ свѣдѣній пріобрѣсти для него долю здоровья. Онъ окончилъ съ отличіемъ гимназическій курсъ, вышелъ изъ университета первымъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета, но имѣлъ несчастіе, еще учась въ гимназіи, простудиться; при усиленныхъ занятіяхъ въ университетѣ у него явилась глухота, которая сперва преслѣдовала его періодически, а къ 20-лѣтнему возрасту обратилась постоянно въ тѣлесный недостатокъ весьма трудно излечимый. Были недѣли, что онъ вовсе не могъ слушать лекцій; но товарищи отдавали ему свои записки, и онъ составлялъ изъ нихъ особые мемуары. Впрочемъ его исторія ему и принадлежитъ.

Послѣднимъ нашимъ дитятею была родившаяся въ 1834 году дочь Марія. Эта дѣвочка, вскормленная матерью, росла благополучно и

также одарена отличными способностями; училась въ Институтѣ Св. Екатерины и при выпускѣ награждена первою золотою медалью.

Обращаюсь опять къ главному элементу жизни моей, т. е. къ службѣ.

Въ числѣ чиновниковъ второго отдѣленія бухгалтеріи былъ очень замѣчателенъ по необыкновеннымъ дарованіямъ помощникъ бухгалтера, Александръ Ивановичъ Криль. Ближайшими его начальниками были два брата Кобылины. Они почему-то не давали ему большаго хода, вѣроятно опасаясь, при возвышеніи его, проиграть во мнѣніи высшаго начальства, которое не могло бы не замѣтить необыкновенныхъ талантовъ этого молодаго человѣка. Такимъ образомъ онъ долго оставался въ тѣни, и таланты его были извѣстны только товарищамъ. При утвержденіи меня начальникомъ отдѣленія, мнѣ предложено было избрать на свое мѣсто достойнаго чиновника; я просилъ назначить Криля, и его тотчасъ же утвердили къ намъ въ первое отдѣленіе бухгалтеромъ.—Я сдѣлалъ это сколько изъ желанія вывести Криля изъ его замкнутаго положенія въ департаментѣ на Божій свѣтъ, столько же съ намѣреніемъ доставить службѣ отличнаго дѣлопроизводителя; но Кобылины не могли съ нимъ разстаться. Они считали его своимъ ученикомъ, отчего поступокъ мой приняли за совершенный дневной грабежъ и рѣшились насолить мнѣ въ свою очередь. Въ самомъ дѣлѣ я поступилъ неосторожно, взявъ изъ ихъ среды, безъ всякаго предварительнаго съ ними объясненія, человѣка, безъ котораго они не могли обойтись; этимъ неловкимъ съ моей стороны поступкомъ я далъ имъ случай разыграть со мною пословицу водевиль: «на чужой каравай—ротъ не разѣвай, а пораньше вставай, да свой доставай».

Въ противоположность даровитому Крилю, служилъ въ третьемъ бухгалтерскомъ отдѣленіи бухгалтеръ Дмитрій Герасимовичъ Чулковъ. Онъ былъ и старъ, и грубъ, и крайне безтолковъ, такъ что не знали, куда его дѣвать.

Тогда третье отдѣленіе, окончивъ отчетность за прежне время, соединилось со вторымъ, и оба они поступили подъ начальство старшаго Кобылина, соединясь для одного общаго дѣла: отчетности за новѣйшее время.

Гг. Кобылины ловко доказали, что они, потерявъ Криля, лишились лучшаго работника и не могутъ уже удостовѣрить, что новая отчетность Государственному Контролю пойдетъ съ должнымъ успѣхомъ. По настояніямъ ихъ, Чулкова посадили ко мнѣ, а Криля взяли опять въ отчетныя отдѣленія. Нечего было дѣлать. По совершенной неспособности Чулкова, оставалось мнѣ, какъ лакею, стать на запятки за обѣими каретами, т. е. отвѣчать за начальника отдѣленія и править

должность бухгалтера. По счастію, у насъ въ отдѣленіи по штату 1821 года положено три бухгалтерскихъ вакансіи; я сталъ просить о помѣщеніи на третью, не занятую съ самаго открытія департамента, вакансію одного, также отличнаго чиновника, Михайла Дмитріевича Шемадамова, но не изъ чужихъ, а собственно изъ нашихъ, 1-го отдѣленія бухгалтеріи. Ходатайство мое объ этомъ подкрѣпилъ Василій Степановичъ Басинъ, и это исполнилось, чѣмъ я совершенно спасенъ отъ страшныхъ и даже невыносимыхъ трудовъ. Эта интрига удалась Кобылинымъ такъ легко, потому что послѣ выбытія изъ департамента ихъ начальника М. М. Севринова, сдѣланнаго еще въ 1827 году Пермскимъ вице-губернаторомъ, старшій Кобылинъ, Семенъ Михайловичъ, заступилъ его мѣсто, и при помощи старшаго брата, Андрея Михайловича, отличнаго знатока въ счетномъ дѣлѣ и превосходнаго дѣлопроизводителя, имѣлъ вліяніе на ходъ дѣлъ всѣхъ счетныхъ частей департамента, кромѣ нашего 1-го отдѣленіе бухгалтеріи. Такимъ образомъ, хотя Криль поступилъ не въ 3-е отдѣленіе, а на вакансію, открывшуюся послѣ Чулкова, во 2-е, но все же былъ въ полномъ распоряженіи Кобылиныхъ.

Съ 1833 года мое положеніе въ департаментѣ чрезвычайно измѣнилось. Прежде всѣ мои труды совершались въ глазахъ директора, и я дѣйствовалъ почти независимо, по его приказаніямъ; но Дмитрій Максимовичъ, желая сохранить правила дисциплины и не зная меня такъ хорошо, какъ зналъ Розенбергъ, обращался во всѣхъ случаяхъ къ вице-директору, предоставя даже ему докладывать всѣ обыкновенныя по отдѣленію исходящія бумаги, за моею скрѣпою.

Скоро мой добрѣйшій Василій Степановичъ смекнулъ, какъ ему надобно дѣйствовать; онъ подписывалъ себѣ свои пенсіонныя ассигновки и со стороны казалось, что онъ всегда озабоченъ и занятъ дѣлами; съ нимъ, какъ съ оракуломъ въ казусныхъ дѣлахъ, совѣтовались; ему поручались болѣе важныя дѣла на предварительное заключеніе, а онъ сталъ передавать ихъ въ 1-е отдѣленіе бухгалтеріи, т. е. мнѣ, и дошло до того, что если какую нибудь затруднительную бумагу не берутъ ни въ какое отдѣленіе, то ее директоръ передавалъ на разрѣшеніе Басину, тотъ мнѣ, и наконецъ канцелярія департамента приняла за правило: «если бумагу никто не беретъ, отдавать Голубеву».

Министру обыкновенно докладывали директоръ съ вице-директоромъ Басинымъ и нѣкоторыми начальниками отдѣленій. Разумѣется, докладныя бумаги, заготовляемыя къ подпису министра по моей части, отдавались Василію Степановичу. Ему было хорошо: онъ походилъ на орангутанга, который, поймавъ кошку, доставалъ лапками изъ печи

горячіе каштаны. Въ случаѣ, когда что нибудь не удавалось, виноватъ былъ начальникъ отдѣленія, а весь успѣхъ въ дѣлахъ принадлежалъ ему, какъ старшему. При этомъ невольно вспомнишь поговорку употребляемую, въ подобныхъ случаяхъ нашими мужичками: «ему блинки да пышечки, а мнѣ пинки, да тишечки». Были однако люди, которые понимали, кто именно достаетъ и кто именно ѣстъ каштаны; первый между этими людьми былъ мой прежній начальникъ и благодѣтель, Александръ Максимовичъ Княжевичъ.

Надобно сказать, что мой добрѣйшій начальникъ Василій Степановичъ, кромѣ свойственнаго всѣмъ старичкамъ недуга, жадности, побуждающей схватить при случаѣ лишнюю тысячу, страдалъ отчасти и другою болѣзнію, небольшимъ тщеславіемъ. Бывая иногда, по случаю разсмотрѣнія государственной росписи Комитетомъ Финансовъ, въ предверіи этого Комитета, онъ всегда восхищался величавыми манерами нѣкоторыхъ вельможъ, между прочими князя Алексѣя Борисовича Куракина, котому любилъ подражать, иногда въ манерахъ: говорилъ съ высшими по своему, торопливо, съ низшими, подражая князю, величественно и протяжно; при входѣ съ лѣстницы въ департаментъ снимали его соболью шубу нѣсколько сторожей. Онъ проходилъ въ комнату общаго присутствія шаркая и слегка кланяясь на обѣ стороны и нѣсколько досадуя, что чиновники обѣихъ сторонъ не всѣ отвѣчали ему на поклоны; чихая, кланялся и благодарилъ, хотя никто изъ присутствовавшихъ и не думалъ ему здравствовать, такъ какъ старика не любили и охотно надъ нимъ подшучивали.

Это я написалъ отнюдь не для того, чтобы глумиться надъ уважаемымъ мною начальникомъ, но въ своемъ мѣстѣ этихъ записокъ, отдавъ справедливость хорошимъ его качествамъ, не рѣшаюсь умолчать и о его слабостяхъ, свойственныхъ всякому человѣку, и только различныхъ своими симптомами. Я назвалъ его добрѣйшимъ Васильемъ Степановичемъ. Онъ былъ дѣйствительно добръ, но, предаваясь иногда припадкамъ ребяческаго тщеславія и чванства, дѣлалъ зло противъ воли.

Такъ онъ привыкъ смотрѣть на меня отнюдь не какъ на труженика, обремененнаго множествомъ разнородныхъ дѣлъ начальника отдѣленія, но какъ на своего адъютанта. Иногда, не обращая никакого вниманія на то, что я занятъ исполненіемъ какихъ либо очень нужныхъ бумагъ, онъ требовалъ меня къ себѣ чрезъ курьера за сущими пустяками и, кажется, большею частію для того, чтобы показать при постороннихъ свою власть и величіе, а потомъ самъ же дѣлалъ понужденіе окончить скорѣе мои бумаги, изъявляя свое нетерпѣніе, что онѣ еще не готовы.

Однажды, возвратясь отъ министра, онъ передалъ мнѣ крошечный листокъ съ нѣсколькими строками, написанными собственноручно министромъ графомъ Егоромъ Францовичемъ, и приказалъ отправить этотъ лоскутокъ немедленно къ князю А. С. Меньшикову, бывшему тогда начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба и Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Дѣло касалось продажи Военному Министерству пороха, выдѣланнаго на Финляндскомъ Эстермюрскомъ заводѣ. Листочикъ этотъ я передалъ нашему журналисту, А. А. Постникову, и просилъ послать эту бумажку тотчасъ же. Вышла прескверная исторія. Графъ Е. Ф. Канкринъ приказалъ послать эту записочку князю Меньшикову съ надписью на конвертѣ: *особенно секретно, въ собственныя руки*, а этого-то и не сдѣлано. Князь Меньшиковъ, чувствуя всю важность записки, не ясную для насъ, простыхъ чиновниковъ, жаловался нашему графу, что ее прислали въ Морское Министерство неосторожно, безъ надписи секретно, и она потому раскрыта не самимъ княземъ, а чиновникомъ, которому предоставлено распечатывать всѣ обыкновенныя бумаги.

Не знаю, кто былъ тутъ виноватъ: я ли, не выслушавъ порядочно приказанія и не передавъ его, какъ должно, или журналистъ не выслушалъ меня порядочно; но во всякомъ случаѣ былъ очень не правъ и Василій Степановичъ: нечего было ему звать меня, онъ долженъ былъ, оставивъ на этотъ разъ княжеское свое величіе, потрудиться исполнить въ точности самъ приказаніе министра, надписавъ какъ было сказано на конвертѣ, или по крайней мѣрѣ велѣвъ сдѣлать это при себѣ журналисту.

Графъ Егоръ Францовичъ страшно разсердился, разругалъ бы Басина въ пухъ; но въ моментъ перваго гнѣва, попался не онъ, а невинный директоръ Дмитрій Максимовичъ.

Басинъ однако не оставилъ этого даромъ, позвалъ къ себѣ журналиста Постникова и сдѣлалъ ему любезность, сказавъ такую пріятную рѣчь: «Какой ты, братецъ, выросъ большой, а ничего не умѣешь порядочно сдѣлать! Какъ же ты отправилъ къ князю Меньшикову важную и очень секретную бумагу и не написалъ даже обыкновенное слово: въ собственныя руки». Сказавъ это, нашъ вице-директоръ быстро обернулся и ушелъ изъ этой комнаты, не слушая никакихъ оправданій журналиста. Къ удивленію моему, собственно мнѣ Василій Степановичъ не сказалъ ни слова.

Во множествѣ дѣлъ, захваченныхъ въ 1-е отдѣленіе бухгалтеріи и совершенно не принадлежавшихъ ему по учрежденію департамента, нѣкоторыя были многосложны и затруднительны, напримѣръ: о поступленіи въ Россійскую казну Персидской и Турецкой контрибуцій,

о суммахъ, которыя Государственное Казначейство обязано отдавать, по учрежденію Бессарабской области, тамошнему 10 процентному капиталу на устройство этого края; о вознагражденіи Курляндской помѣщицы баронессы Клопманъ за земли ея, отошедшія подъ Ковенское шоссе; о вознагражденіи Австрійскаго подданнаго барона Сакелларіо за 50 т. быковъ, поставленныхъ имъ для войскъ нашихъ во время войны съ Турціею 1828 — 1829 гг., разсмотрѣніе и заключеніе по указамъ Сената разныхъ другихъ претензій поставщиковъ во время той же войны и прочее исполненіе экстренныхъ бумагъ, поступавшихъ въ большіе праздники, на томъ основаніи, что я жилъ на казенной квартирѣ. Такъ въ 1831 году, по случаю предназначеннаго тогда путешествія по губерніямъ Великаго Князя Цесаревича (нынѣ царствующаго Императора) надобно было приготовить докладныя бумаги къ всеподданнѣйшему докладу о суммахъ, которыя слѣдовало отпустить здѣсь и отпускать въ губерніяхъ по этому случаю. Это надобно было сдѣлать начальнику 3-го распорядительнаго отдѣленія Слонецкому, но его директоръ пощадилъ ради наступавшей Св. Пасхи, и такое чрезвычайно спѣшное и хлопотливое дѣло, гдѣ всякій промахъ, всякая недомолвка въ предписаніяхъ могли быть опасны, передали мнѣ. Чиновники на Страстной недѣлѣ говѣютъ, и я говѣлъ. Докладныя бумаги Государю объ этихъ расходахъ составилъ и переписалъ я самъ, потому что никого не нашли дома. Въ Свѣтлое Воскресенье, возвратясь отъ заутрени, очень усталый, я погрузился въ глубокій отрадный сонъ; вдругъ, въ два часа ночи, курьеръ, присланный отъ директора, прямо ко мнѣ съ утвержденными уже Государемъ бумагами, разбудилъ меня и объявилъ, что Дмитрій Максимовичъ требуетъ, чтобы эти бумаги были приготовлены въ тотъ же самый день. Нечего дѣлать, я сѣлъ за работу, которую и окончилъ къ 10 часамъ Воскреснаго дня; надобно было переписывать болѣе 30 бумагъ не одинаковаго содержанія, но съ разными варіантами. Для одного меня это было физически невозможно, и я на этотъ разъ употребилъ въ дѣло подлѣйшее обыкновеніе таскаться къ начальству съ поздравленіями. Каждаго изъ приходившихъ ко мнѣ съ визитомъ молодыхъ чиновниковъ какъ моего, такъ и другихъ отдѣленій, я, во имя начальства, усаживалъ за работу, и такимъ образомъ часу въ 4-мъ дня бумаги были готовы. Потомъ, разумѣется, и всѣ послѣдствія о расходахъ по этому дѣлу, и разные вопросы Казенныхъ Палатъ поступали ко мнѣ. Кажется, за это дѣло я украшенъ орденомъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною. Результаты дѣлъ, о которыхъ упомянулъ я выше, окончились довольно выгодно для казны. Мы составили новыя правила для отчисленія въ Бессарабскій 10% капиталъ ежегодныхъ

суммъ на устройство тамошняго края; изъ предъявленныхъ долговъ этому капиталу на Государственномъ Казначействѣ за прежнее время, простиравшихся по исчисленію Бессарабской Казенной Палаты до 780 т. р. ассиг., мы, примѣнясь къ тѣмъ же правиламъ, предложили уплату Бессарабскому начальству только 67 т. р. На всѣ эти предложенія изъявлено согласіе генералъ-губернатора графа (впослѣдствіи князя) Воронцова. Но главная выгода производившихся объ этомъ расчетовъ состояла въ томъ, что вновь данныя правила устранили и на всѣ послѣдовавшіе годы слишкомъ роскошное отчисленіе суммъ въ пользу 10% капитала изъ общихъ государственныхъ доходовъ. Скажу не въ похвальбу себѣ, но какъ сущую истину, что всѣ эти правила для расчетовъ о 10% капиталѣ и всѣ сокращенія, сдѣланныя въ расходахъ казны по этому случаю, принадлежатъ собственно мнѣ, безъ участія г.г. директора и Басина. Неумѣренныя требованія баронессы Клопманъ за земли ея, отошедшія подъ Ковенское шоссе, по сдѣланнымъ съ нашей стороны замѣчаніямъ, приведены въ размѣръ опредѣленный закономъ и правилами, основанными на точнѣйшихъ исчисленіяхъ. Требовательный и настойчивый иностранецъ, баронъ Сакелларіо, не смотря на всѣ свои домогательства, вмѣсто огромныхъ процентовъ на проценты за многіе годы, удовлетворенъ очень въ уменьшенномъ видѣ, нежели онъ себѣ представлялъ; съ такою же осмотрительностію и стараніемъ соблюсти пользу казны представляемы были заключенія въ Правительствующій Сенатъ по всѣмъ подобнымъ дѣламъ, находившимся въ разсмотрѣніи нашего 1-го отдѣленія бухгалтеріи. Успѣшное производство этихъ дѣлъ доставляло вице-директору Басину, который по нимъ докладывалъ, уваженіе графа Канкрина и безпредѣльную довѣренность директора.

Въ 1834 году я разлучился съ любезнымъ товарищемъ по службѣ Николаемъ Род. Кондратьевымъ. Его сдѣлали начальникомъ 1-го контрольнаго отдѣленія, а на мѣсто его ко мнѣ поступилъ бухгалтеромъ столоначальникъ 2-го распорядительнаго отдѣленія Василій Осип. Будкинъ. Это былъ очень умный человѣкъ могъ очень скоро и правильно составлять дѣловыя бумаги, но не столько былъ знакомъ со счетною частію и особенно съ дѣломъ о составленіи росписи, требующимъ немаловременнаго опыта. Это перемѣщеніе для него было тяжело, да и съ моей стороны потребовало особенно усиленнаго труда; но «*Господь помощникъ мой и избавитель мой, на него уповахъ*»... Г. Будкинъ недолго пробылъ въ этой должности; какая-то страшная болѣзнь, въ родѣ размягченія мозга, свела его преждевременно въ могилу. Помощникъ его г. Сапожниковъ занялъ мѣсто бухгалтера по части росписи. Онъ получилъ образованіе въ Главномъ Инженерномъ училищѣ,

выпущенъ саперным офицеромъ, служилъ во время Турецкой войны 1828—1829 годовъ и перешелъ въ гражданскую службу. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ удивительныя способности для счетной части. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы кто нибудь могъ быстрѣе его въ самыхъ затруднительныхъ справкахъ извлекать искомыя цыфры и распутывать самые неясные счеты; но каждому свое: онъ мало былъ ознакомленъ съ правилами Русскаго языка. Впрочемъ я отъ этого не встрѣчалъ затрудненій, и дѣло наше пошло несравненно успѣшнѣе прежняго.

Въ 1835 году директоръ нашъ, г. Княжевичъ 1-й, отпущенъ былъ въ отпускъ за границу, но болѣе для пользы службы, нежели для собственнаго отдыха.

Г.г. Княжевичи владѣютъ, между прочимъ, виноградными садами въ Крыму. Великій государственный хозяинъ, графъ Егоръ Францовичъ, желая улучшить винодѣліе въ Тавридѣ, предложилъ Дмитрію Максимовичу обозрѣть виноградники на Рейнѣ и, если возможно, пригласить въ Россію хорошихъ винодѣловъ для улучшенія Крымскихъ садовъ.

Управленіе департаментомъ нашимъ, на время отсутствія Дмитрія Максимовича, поручено вице-директору департамента внѣшней торговли, состоявшему при министрѣ тайному совѣтнику Ивану Максимовичу Ореусу. Онъ служилъ нѣкогда въ бывшей экспедиціи о доходахъ столоначальникомъ и былъ хорошо знакомъ со многими нашими чиновниками. Скоро онъ познакомился и со мною, часто въ департаментѣ приходилъ въ 1-е отдѣленіе бухгалтерій, садился возлѣ меня, требовалъ объясненій по предметамъ, касавшимся моего отдѣленія и другихъ частей департамента и всегда, повидимому, оставался доволенъ моими объясненіями, приходилъ въ департаментъ обыкновенно не позже 9 часовъ и заставалъ меня всегда на мѣстѣ и за дѣломъ. Лѣтомъ 1835 года онъ жилъ на дачѣ въ Гесслеровой аллеѣ, идущей отъ Широкой улицы на Петербургской Сторонѣ къ Крестовскому острову, а не подалеку отъ него нанималъ и я лѣтнюю квартиру. Мы часто встрѣчались по утру, идя къ должности. Онъ обыкновенно въ такомъ случаѣ дружески разговаривалъ со мною, но не иначе, какъ о предметахъ служебныхъ. Не смотря на временную обязанность свою въ отношеніи къ нашему департаменту, онъ исправлялъ ее съ особеннымъ усердіемъ.

При немъ возникло очень важное дѣло противъ интересовъ казны. Изъ разныхъ Польскихъ фундушей или суммъ, поступившихъ въ массу общественныхъ капиталовъ дворянства Гродненской губерніи, обращено было въ казну за недоимки около 1 мил. руб. ассиг. Дворянствомъ предъявленъ былъ споръ, разрѣшенный Сенатомъ въ

пользу истцовъ съ тѣмъ, чтобъ взятые изъ фундушей деньги возвратить отъ Министерства Финансовъ *съ накопившимися процентами.* Иванъ Максимовичъ очень озаботился этимъ дѣломъ и потребовалъ, чтобы каждый начальникъ отдѣленія представилъ ему свое мнѣніе, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ заплатить эти проценты, т. е. по 4%, 5% и 6%. Отъ меня этого мнѣнія не требовалось, потому что отдѣленіе мое было въ завѣдываніи г. Басина. По представленнымъ мнѣніямъ надо было, по самому меньшему размѣру, заплатить дворянамъ процентовъ не менѣе 200 т. рубл., такъ какъ принадлежавшія имъ суммы были взяты въ разные сроки, но въ началѣ текущаго столѣтія.

Въ одно прекрасное утро, Василій Степановичъ, придя противъ обыкновенія, очень рано въ департаментъ, пригласилъ меня въ комнату общаго присутствія и спрашивалъ, что́ я думаю объ этомъ разсчетѣ съ дворянствомъ.

Зная, что большая часть взятыхъ изъ фундушей за недоимки денегъ употреблена была на разные расходы и только самая небольшая часть, до рѣшенія разныхъ тяжебныхъ дѣлъ, обращалась въ Банкѣ и Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, я сказалъ, что всего проще оставалось бы въ этомъ дѣлѣ придержаться буквы сенатскаго рѣшенія и не высчитывать проценты, а выдать столько, сколько ихъ получится отъ кредитныхъ установленій, такъ какъ Сенатомъ велѣно возвратить капиталъ съ *накопившимися*, а не съ *причитающимися* процентами. Едва успѣлъ я это сказать, какъ вошелъ къ намъ Иванъ Максимовичъ и показалъ Басину свою записку, по которой были исчислены очень умѣренные проценты, но все же около 200 т. рубл. серебромъ на весь капиталъ. В. С. Басинъ очень любезно отвѣчалъ, что не напрасно ли мы цыфиряли, разсчитывая проценты, и не лучше ли, придержась буквѣ сенатскаго рѣшенія, выдать ихъ столько, сколько получимъ сами отъ банковъ.

Иванъ Максимовичъ сложилъ свою записку въ четверо и спряталъ въ карманъ, поручивъ Басину доложить *его* мнѣніе министру.

Графъ Канкринъ нашелъ это мнѣніе совершенно справедливымъ. Вмѣсто 200 т. р. сер. заплачено процентовъ только 90 т. р. ассигн. Дворянство жаловалось Государю, но по заключенію Комитета Министровъ и высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, распоряженіе Министерства Финансовъ признано правильнымъ, и разсчетъ о 90 т. р. оставленъ во всей силѣ.

По этому дѣлу ходатайствовалъ въ Сенатѣ нѣкто г. Жальветръ, изъ Польскихъ урожденцовъ. Онъ былъ сильно убѣжденъ, что по точному смыслу рѣшенія, кромѣ капитала, получитъ онъ непремѣнно и самые высокіе проценты; но случилось не такъ, и онъ, будучи весьма

преклонныхъ лѣтъ, не могъ этого перенести; кажется, этотъ случай заставилъ его вскорѣ переселиться на тотъ свѣтъ, къ отцамъ и братіямъ Рѣчи Посполитой.

Настало время составленія государственной росписи на 1836 годъ. Иванъ Максимовичъ видѣлъ ясно, какъ умный человѣкъ, что главнымъ распорядителемъ и мастеромъ этого дѣла былъ самъ министръ и работалъ не иначе, какъ съ Василіемъ Степановичемъ, а послѣдній со мною. Министръ диктовалъ Басину всѣ доклады Государю, какіе находилъ нужными, наиболѣе важныя сношенія съ разными вѣдомствами о сокращеніи расходовъ по разнымъ министерствамъ; секретари писали также, по диктовкѣ графа, представленія о бюджетѣ Комитету Финансовъ и Государственному Совѣту. Въ чемъ же состояли наши бухгалтерскіе труды по росписи? Надобно сознаться, что они были довольно маловажны.

Нашимъ дѣломъ было наблюдать, чтобы въ смѣты разныхъ министерствъ не входили статьи, не разрѣшенныя высочайшими повелѣніями, чтобы таксовые и курсовые разсчеты были составлены вѣрно, чтобы сроки отпуска суммъ были соотвѣтственны существующимъ на то правиламъ и, наконецъ, чтобы каждая смѣта содержала опредѣленныя назначенія: сколько, откуда и какими частями слѣдуетъ къ выполненію расходовъ. Доходы требовали менѣе работы нашей, потому что смѣты о нихъ составлялись департаментомъ Министерства Финансовъ и подъ особеннымъ наблюденіемъ самого графа.

Для удобнѣйшихъ его соображеній мы составляли какъ о доходахъ, такъ и о расходахъ сравнительныя вѣдомости о суммахъ настоящаго и слѣдующаго бюджетнаго года, показывая въ нихъ возвышеніе или упадокъ каждой статьи доходовъ и объясняя достаточно основанія, принятыя какимъ-либо министерствомъ къ увеличенію расходовъ, также причины исключенія изъ счетовъ или послѣдовавшаго въ нихъ сокращенія. Для этой чисто-бухгалтерской работы нужны были усидчивость, привычка и аккуратность.

Графъ не любилъ умниковъ и терпѣть не могъ ничьихъ указаній въ финансовомъ дѣлѣ кромѣ высочайшей воли.

Какъ отличный въ свое время генералъ-интендантъ, онъ обращалъ особое вниманіе на расходы Военнаго Министерства и часто дѣлалъ весьма удачныя сокращенія расходовъ по военному и другимъ вѣдомствамъ, съ высочайшаго на то соизволенія. За всѣмъ тѣмъ онъ очень уважалъ и наши неособенно-важные труды, награждая охотно дѣятельность и усердіе. По утвержденіи росписи на 1836-й годъ я получилъ, по высочайшему повелѣнію, въ награду столовыя деньги по 2.000 р. ассигн. въ годъ, покуда находиться буду на службѣ. Эта ми-

лость исходатайствована мнѣ Иваномъ Максимовичемъ и Василіемъ Степановичемъ въ самомъ началѣ 1836 года. Скоро возвратился изъ-за границы Дмитрій Максимовичъ, и дѣла пошли прежнимъ порядкомъ; Ореусу вновь пришлось управлять, тоже временно, департаментомъ разныхъ податей и сборовъ.

Съ назначеніемъ мнѣ прибавочнаго содержанія средства въ пользу моего семейства и, главное, для образованія моихъ дѣтей, значительно увеличились.

Хотя я сказалъ въ одномъ мѣстѣ, что исторія моего сына принадлежитъ ему; но за его дѣтство обязанъ отвѣчать я, какъ отецъ. Въ 1836 году ему минуло 5 лѣтъ. Онъ выучился читать почти играючи. Главною моею заботою было внушить ему, прежде всѣхъ познаній, начатки христіанства. Онъ любилъ бесѣдовать со мною и особенно съ большою охотою слушалъ разсказы мои изъ священной исторіи. Какъ ребенокъ, онъ иногда шалилъ, не слушался, капризничалъ, докучалъ просьбами о невозможномъ, выводя иногда изъ терпѣнія меня и мать. По его возрасту очень мудрено было убѣдить его словами, и хотя я это пробовалъ, но онъ слушалъ и дѣлалъ свое. Не мудрствуя лукаво, я объявилъ ему, что если онъ солжетъ или ослушается, то будетъ больно наказанъ розгами. Помня изреченіе Петра I-го *«всуе законы давать, если ихъ не исполнять»*, я однажды что-то запретилъ ему, но чрезъ 10 минутъ онъ принялся опять за тоже; у меня недостало впрочемъ столько лютости, чтобъ его высѣчь, я ему повторилъ приказаніе: перестань! слушаться! Не пересталъ таки и ослушался; я его очень больно высѣкъ; потомъ въ подобныхъ запрещеніяхъ онъ, желая продолжать шалость, смотрѣлъ на меня, что́ я скажу; тогда я громко говорилъ *слушаться* и, какъ бы забава интересна для него ни была, онъ повиновался. Такимъ только способомъ я могъ избѣжать надъ нимъ частыхъ тѣлесныхъ наказаній и, говоря объ этомъ, не могу не вспомнить словъ библейскихъ: «любишь сына—не жалѣй жезла». Другой семейный законъ мой предложилъ я Софьѣ Петровнѣ, чтобъ она говорила съ обоими нашими дѣтьми не иначе, какъ по-французски, предоставя самому себѣ Русскій языкъ. Жена моя, не безъ затрудненія, на это согласилась и впослѣдствіи увидѣла сама прекрасные плоды этого правила. На шестомъ году сынъ мой могъ уже вести дѣтскій разговоръ по-французски, и даже малютка дочь наша, подражая брату, лепетала тоже по-французски на четвертомъ году возраста.

Уже въ первые годы младенчества дѣтей моихъ очень замѣтно было большое различіе въ ихъ характерахъ. Одинъ находилъ величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы бесѣдовать со мною, особенно о религіи, слушать исторію о сотвореніи міра, о пришествіи къ людямъ

Іисуса Христа Сына Божія, о будущемъ блаженствѣ добрыхъ, о безконечномъ страданіи злыхъ; другая любила болѣе всего быть съ малютками своего возраста, рѣзвиться и дѣлать всевозможныя сальто-мортале, но была такъ жива и ловка, что никогда не ушибалась, чего, при ея чрезвычайной рѣзвости, мы безпрестанно опасались. Оба, сынъ и дочь, были одарены отличною памятью. Я занимался только съ сыномъ, мать—собственно съ дочерью. Мои занятія отнюдь не были для меня трудомъ, напротивъ того пріятнѣйшимъ отдыхомъ послѣ служебныхъ занятій. Чистописаніе, цыфры, начала рисованія, были игрушками для моего малютки, тогда какъ никакія обольщенія не могли подѣйствовать на дочь мою, чтобъ она согласилась заняться прилежно хотя одинъ часъ. Сѣсть смирно и заниматься было для нея наказаніемъ. Бѣгать, болтать, распѣвать какія-нибудь пѣсенки, вотъ что́ было ея любимымъ занятіемъ. Одинъ разъ мнѣ надобно было за что-то ее наказать, я сорвалъ пучекъ крапивы и хотѣлъ порядочно поучить шалунью; это было въ саду; она спряталась отъ меня въ кустахъ и, увидя, что я готовъ ее схватить, побѣжала отъ меня, и я съ полчаса напрасно за нею бѣгалъ; наконецъ, мнѣ стали смѣшны мой гнѣвъ на ребенка и ея кошачья быстрота; я бросилъ крапиву, позвалъ Машу къ себѣ, обѣщая прощеніе; она бросилась ко мнѣ на шею, и съ тѣхъ поръ мы съ нею помирились.

Мы съ женою усиливали свое стараніе о дѣтяхъ по мѣрѣ ихъ возраста. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы сынъ мой учился по-нѣмецки, но не книжному, а разговорному языку. Къ этому открылся прекрасный случай. У жены моей была очень хорошая знакомая, статская совѣтница Александра Ивановна Барклай-де-Толли, урожденная баронесса Ховенъ, супруга покойнаго генералъ-лейтенанта Бибикова и по второму замужеству родственница генералъ-фельдмаршала. Мужъ ея служилъ при Дрезденской миссіи и не находилъ удовольствія въ любви и дружбѣ своей супруги, которая, на Нѣмецкомъ языкѣ, была очень умная, а на Русскомъ—очень гордая и капризная дама. Она издавна любила мою Софію Петровну, и однажды мы, вмѣстѣ съ этой барыней, наняли дачу на Петербургской Сторонѣ. Отъ нечего дѣлать, она очень занялась моимъ Николинькой; къ радости нашей малютка полюбилъ ее и скоро привыкъ лепетать съ нею по-нѣмецки. Александра Ивановна, привыкнувъ къ моей семьѣ, не хотѣла, съ окончаніемъ лѣта, разъѣхаться съ нами и продолжала свои почти шуточныя занятія съ Николинькой. Года черезъ два онъ сталъ очень порядочно говорить по-нѣмецки, и мы взяли ему учителя, который могъ уже съ нимъ заниматься грамматически. Это былъ молодой и любезный Нѣмецъ изъ Риги, г. Томсонъ. Къ сожалѣнію, онъ занимался съ

моимъ ребенкомъ не болѣе года и потомъ вступилъ въ коронную службу въ одной изъ Остзейскихъ губерній.

Я ничего не жалѣлъ, чтобы продолжать начатое и обратился къ бывшему въ лютеранскомъ училищѣ Св. Петра инспектору Геккеру, извѣстному составленіемъ хорошей Нѣмецкой грамматики, съ убѣдительнѣйшею просьбой давать уроки моему сыну; но этотъ почтеннѣйшій человѣкъ не могъ на это согласиться, а рекомендовалъ мнѣ одного магистра Кенигсбергскаго университета, г. Вольфа, съ тѣмъ, чтобъ онъ преподавалъ моему сыну и Латинскій языкъ. Дѣло наше съ г. Вольфомъ пошло какъ нельзя лучше. Онъ не зналъ ни слова по-русски и кое-какъ лишь могъ объясняться на Французскомъ языкѣ, почему долженъ былъ преподавать латынь по-нѣмецки. Для Французскаго языка мы пригласили одного изъ младшихъ преподавателей 2-го Кадетскаго Корпуса г. Собера, бывшаго храбраго гусара Наполеоновской арміи 1812 года. Дѣти наши очень полюбили его. Они, конечно, не могли пріобрѣсти отъ него большихъ познаній; но онъ, будучи родомъ изъ Парижа, прелюбезно болталъ съ ними и скорѣе забавлялъ ихъ, нежели училъ; за то и былъ *не дорогъ.*

И не только дѣти, а всѣ мы полюбили душевно этого ветерана. Для меня онъ былъ забавенъ искусствомъ своимъ ломать нашъ Русскій языкъ. Часто разсказывалъ онъ мнѣ про Наполеона I-го, какъ онъ, въ день своего рожденія 3 (15) Августа, на военныхъ парадахъ разъѣзжалъ по рядамъ и дарилъ заслуженныхъ воиновъ полновѣсными Наполеондорами. Я говорилъ ему, что они, вѣроятно, были выбиты изъ золота, наловленнаго копьемъ въ разныхъ Европейскихъ государствахъ. Соберъ сердился. Иногда онъ повѣствовалъ намъ свою исторію, какъ грозно, весело и величественно шли они отъ Нѣмана до Москвы, а я спросилъ его: «Отчего же, г. Соберъ, вы говорите только о томъ, какъ весело войска ваши шли до Москвы; разскажите-ка, пожалуйста, какъ-то вы шли отъ Москвы и отчего не долго тамъ погостили?» Онъ надулся и съ досадою сказалъ: «Что же дѣлать, несчастіе можетъ случиться со всѣми».

Соберъ при обратномъ шествіи изъ Москвы взятъ былъ съ прочими толпами Бонапартовской сволочи въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, и гурты ихъ, отчасти подъ карауломъ деревенскихъ бабъ, разведены были по разнымъ губерніямъ. Соберъ попалъ въ Саратовъ. Тамъ ихъ на первый разъ заперли въ какой-то сарай; по счастію, при осмотрѣ плѣнныхъ какимъ-то чиновникомъ, Соберъ отличился хорошимъ своимъ произношеніемъ; за это взяли его учителемъ къ дѣтямъ губернатора, и съ того времени началось его педагогическое поприще. Онъ проболталъ у насъ болѣе года и передалъ свое мѣсто другому учи-

телю, своему товарищу г. Риго. Отъ послѣдняго мы получили только ту пользу, что онъ отпускалъ часто гостить къ намъ своего сына, Альфреда, съ которымъ дѣти мои играя упражнялись во Французскомъ языкѣ. Но какъ правильный ходъ ученія для толстаго, лѣниваго г. Риго былъ невозможенъ, то мы принуждены были взять человѣка болѣе способнаго. То былъ г. Ложье, красавецъ, умница, человѣкъ довольно образованный, и занятія съ нимъ дѣтей моихъ принесли имъ явную пользу. Онъ такъ же, какъ г. Вольфъ, пріѣхалъ недавно изъ Парижа, гдѣ почтенный его родитель имѣлъ ресторанъ на одномъ изъ бульваровъ, не зналъ по-русски ни слова, но полюбилъ насъ и Русскую ботвинью, которую называлъ *la soupe froide*.

Преподаваніе Русской грамматики, Русской и всеобщей географіи, ариѳметики, закона Божія я принялъ на себя. Менѣе всего мой ученикъ успѣвалъ въ географіи отъ тягостной ея номенклатуры. Это меня очень безпокоило; я всячески старался облегчить моему малюткѣ изученіе этой варварской науки. Напрасно, мнѣ кажется, называютъ ее пріятною; если учиться ей, какъ должно, то она очень тяжела.

Есть старинная пѣсня Аргонавтовъ: «*свѣтъ троякій зря счастливы очи*". Ея музыка лучше словъ; мы съ сыномъ любили пѣть одинъ изъ ея куплетовъ, именно:

„Образъ Діевъ, стѣны Вавилонски,
Гробъ Мавзоловъ и колоссъ Родосскій,
Ѳаросъ, пирамиды, съ храмомъ Артемиды,
Прахъ противъ нашихъ великихъ дѣлъ".

По легкости, съ которою сынъ мой выучилъ эти названія семи чудесъ свѣта, мнѣ пришла мысль, нельзя ли этотъ же способъ примѣнить и къ другимъ названіямъ историко-географическимъ, которыхъ огромная масса такъ обременяетъ память. Я сдѣлалъ опытъ, и онъ удался превосходно. Изъ этого составилась метода, которую одобрили многіе очень умные и надъ которою смѣялись многіе не очень глупые люди.

Вотъ въ чемъ дѣло. Если ребенокъ отъ природы имѣетъ музыкальную, хотя небольшую способность, напримѣръ, вѣрный слухъ, то въ успѣхѣ изученія множества собственныхъ именъ въ кратчайшее время сомнѣваться нельзя.

Мы начали съ Русской географіи. Взяли Архангельскую губернію. Надо было для этого расположить названія городовъ такъ, чтобы они подходили къ кадансу голоса или напѣва какой-либо музыкальной штуки, напримѣръ:

Архангельскъ,
Холмогоры,
Мезень, Кемь, Онега, Шенкурскъ, (Кола) и Пинега.
(bis) Кола и Пинега;
или
Каменецъ-Подольскъ, Проскуровъ,
Летичевъ, Литинъ, Брацлавъ,
Винница, Гайсинъ и Балта,
Могилевъ и Ольгополь,
Ушица, Ямполь.

Архангельскіе города подходили удобно на голосъ всѣмъ извѣстной Русской пѣсни «*Во саду ли, въ огородѣ*». Подольскую губернію пѣли мы на голосъ марша «*Громъ побѣды раздавайся*»; но послѣдніе два города, Ушица, Ямполь, нужно повторять, поддѣлываясь къ музыкальному размѣру.

Совокупное повтореніе въ школахъ почти на-распѣвъ таблицы умноженія отчасти указываетъ на возможность успѣха моей методы.

Такъ изученіе названій Американскихъ штатовъ съ ихъ городами было для насъ легко и пріятно.

На 11 году надобно было начать понемногу заниматься математикою повыше тѣхъ свѣдѣній, нежели могъ сообщить я самъ. Добрѣйшій нашъ Нѣмецко-латинскій учитель, бывъ тогда гувернеромъ въ приготовительномъ отдѣленіи Главнаго Педагогическаго Института, рекомендовалъ мнѣ для этого студента Жирухина, бывшаго послѣ адъюнктъ-профессоромъ математики въ томъ же Институтѣ. Испытавъ моего сына въ ариѳметикѣ, г. Жирухинъ нашелъ возможнымъ начать съ нимъ алгебру и геометрію. Къ сожалѣнію, г. Жирухинъ преподавалъ эти предметы мальчику 11 лѣтъ, какъ 20-лѣтнему студенту: прочтетъ, бывало, свою лекцію, возметъ 5 р. и уйдетъ. Я, человѣкъ православный, не могъ ни съ которой стороны судить о достоинствѣ преподаванія Агарянской науки, *алгебры*, и потому дѣло шло неуспѣшно. Однако же случилось, что, во время преподаванія Жирухинымъ геометріи, пришелъ къ намъ родной племянникъ Софьи Петровны, молодой инженерный офицеръ путей сообщенія Краснопольскій *); онъ нашелъ это преподаваніе слишкомъ непрочнымъ и принялъ великодушно на себя досказать своему маленькому двоюродному брату все то, чтó Жирухинъ преподалъ, но не сыну моему, а пріятному зефиру, который леталъ около, слушая его краснорѣчіе.

Вообще душевная благодарность моя и жены моей къ благородному истинно-родственному пособію М. Я. Краснопольскаго, въ выс-

*) Строитель, впослѣдствіи, знаменитыхъ мостовъ по Американской системѣ въ городахъ Псковѣ и Островѣ.

шей степени добросовѣстному преподавателю Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ г. Вольфу и за пріятнѣйшую болтовню съ нашими дѣтьми по-французски г. Ложье, сохранится нами до гроба.

Возвращаюсь къ предметамъ службы. Директоръ нашъ много и долго убѣждалъ графа Канкрина усилить денежныя средства департамента, чтобы нѣкоторымъ увеличеніемъ рабочихъ силъ нѣсколько соразмѣрить тяжкіе труды чиновниковъ счетныхъ отдѣленій; но все это было безуспѣшно. Дмитрій Максимовичъ, къ большой досадѣ впрочемъ министра, бросилъ довольно неблагодарную для него службу въ Министерствѣ Финансовъ и перешелъ въ вѣдомство Народнаго Просвѣщенія. Тогдашній министръ, графъ Уваровъ, опредѣлилъ его попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Въ Августѣ 1837 года къ намъ поступилъ аристократъ, бывшій управляющимъ въ Заемномъ Банкѣ, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко. Онъ началъ по-русски, съ хлѣба соли. Дмитрій Максимовичъ и директоры прочихъ департаментовъ Министерства Финансовъ, канцеляріи министра и всѣ наши начальники отдѣленій приглашены были къ великолѣпному обѣду, гдѣ за каждымъ гостемъ былъ особый слуга. Ливреи слугъ были двухъ гербовъ, краснаго—князя Безбородко и синяго—фамиліи Кушелевыхъ. Обѣдъ происходилъ на извѣстной дачѣ, находящейся на Выборгской сторонѣ, на берегу Невы.

Наканунѣ графъ А. Г. принялъ департаментъ и спросилъ перваго меня, вѣроятно, зная, что отъ моего отдѣленія представляются срочныя бумаги и вѣдомости къ всеподданнѣйшимъ докладамъ. Первымъ его со мною словомъ было: «Познакомьте меня съ вашимъ отдѣленіемъ». Я доложилъ: «Не позволите ли, ваше сіятельство, для предварительнаго обозрѣнія предметовъ, относящихся къ моему отдѣленію, почтительнѣйше представить образцы срочныхъ счетовъ, докладываемыхъ Государю, и дѣло о составленіи росписи на истекающій годъ?»—«*Очень хорошо, потрудитесь прислать мнѣ все это подъ конвертомъ*», что́ я и сдѣлалъ. Оно было очень удобно, потому что графъ А. Г., желая ознакомиться съ дѣлами и обозрѣвъ ихъ предварительно, могъ сдѣлать мнѣ всѣ необходимые вопросы, тогда какъ, не видя ихъ, онъ нескоро бы понялъ меня, и на мое разглагольствіе потребовалось бы очень много времени. Графъ А. Г. былъ высоко образованный и, главное, добрый человѣкъ. Онъ имѣлъ дипломъ отъ Московскаго Университета на степень доктора этико-политическихъ наукъ и, самое главное: получая съ имѣній своихъ 900 т. р. ассиг. ежегоднаго дохода, самъ собственноручно велъ счеты своимъ доходамъ и расходамъ.

Въ первые годы своего вступленія къ намъ директоромъ онъ много сдѣлалъ добра департаменту. Чего не могъ достигнуть Дмитрій

Максимовичъ, то графъ Кушелевъ - Безбородко испрашивалъ у министра скоро и легко. Такъ онъ доставилъ прибавку счетнымъ частямъ нашимъ до 85 т. р. ассигн. въ годъ.

Изъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій онъ обратилъ преимущественно вниманіе на Семена Михайловича Кобылина и на меня, потому что въ моемъ отдѣленіи были бюджетная и кассовая части, а у перваго отчетность Государственному Контролю и Государственному Совѣту. Часто требовалъ онъ насъ къ себѣ по утрамъ въ свой городской домъ (у Гагаринской пристани). За нами обыкновенно пріѣзжала карета четвернею съ двумя гайдуками въ алыхъ ливреяхъ.

Графъ старался ознакомить насъ съ принятою имъ методою счетоводства по его имѣніямъ, желая примѣнить ее къ счетамъ Государственнаго Казначейства. Сущность этой методы состояла въ томъ, чтобы главный сводъ счетовъ всегда представлялъ вѣрные итоги: назначенія, прихода, расхода и наличности суммъ, долги дебиторовъ и долги кредиторамъ. Всѣ подверженныя измѣненіямъ цыфры, напримѣръ, *назначенія* писались какъ въ общемъ сводѣ, такъ и частныхъ счетахъ красными; неизмѣняемыя (*приходъ, расходъ и наличность*) черными чернилами.

Мы докладывали, съ своей стороны, что находимъ этотъ порядокъ чрезвычайно удобнымъ и постараемся ввести его, гдѣ окажется возможнымъ. Это очень пріятно было графу.

Вскорѣ по его вступленіи къ намъ случилось одно очень экстренное и важное дѣло по моему отдѣленію.

Въ 1837 году Государь Императоръ поручилъ министру объяснить Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу (нынѣ царствующему Императору) систему финансовъ Имперіи въ видѣ лекціи, въ составъ которой потребовалось не слишкомъ подробное, но обстоятельное объясненіе государственной росписи. Графъ Канкринъ приказалъ директору сдѣлать по этому предмету записку или объяснительное описаніе всѣхъ статей росписи, показавъ доходъ изъ налоговъ прямыхъ по окладамъ въ частности и годовое вступленіе по назначенію росписей текущаго года; налоги косвенные по способу взиманія съ обозначеніемъ общей годовой бюджетной цыфры каждаго наименованія. Прочіе неопредѣленные и случайные доходы приказано было показать по соображенію съ отчетами послѣднихъ лѣтъ, объяснивъ, по какимъ именно случаямъ они поступили и поступить могутъ.

Расходы росписи слѣдовало раздѣлить такъ: содержаніе высочайшаго двора и духовенства, платежъ долговъ, народное образованіе, издержки на сохраненіе внѣшней и внутренней безопасности государства, на взиманіе доходовъ, пути сообщенія и публичныя зданія, со-

держаніе контроля и почтъ. Каждая изъ этихъ главныхъ статей должна была имѣть свои подраздѣленія, чтобы дать ясное понятіе о всѣхъ видахъ государственныхъ расходовъ.

Дѣло это графъ Александръ Григорьевичъ возложилъ собственно на меня, и какъ онъ этимъ очень спѣшилъ, то надобно было заниматься день и ночь въ продолженіе двухъ сутокъ. По окончаніи всей этой работы составилась очень порядочная, по числу листовъ, книжечка. Къ величайшему моему счастію, и директоръ, и министръ остались вполнѣ ею довольны, тогда какъ, зная до какой высокой степени доходили въ подобныхъ дѣлахъ свѣдѣнія министра, я очень боялся неудачи.

Другой экземпляръ этой книги, очень чисто переписанной, хранился у меня въ департаментѣ; но эту книжку какіе-то злодѣи, не украли, а такъ себѣ—тихонько взяли и унесли домой.

Роспись на 1838 годъ подъ надзоромъ министра совершилась благополучно.

Великодушный графъ Александръ Григорьевичъ не оставилъ безъ особеннаго уваженія трудовъ по описанію росписи и исходатайствовалъ мнѣ награду необыкновенную: я удостоился получить, въ чинѣ 7 класса (надворнаго совѣтника) орденъ св. Владимира 3-й степени, кромѣ того 1000 р. ассигн. единовременно. Въ докладной запискѣ объ орденѣ сказано, однакоже, что онъ жалуется за участіе въ трудахъ по составленію росписи, такъ какъ неудобно было бы просить награды за трудъ по описанію ея, порученный собственно министру.

За роспись 1839 года и отчетность за 1836 и 1837 годовъ исходатайствовано графомъ директоромъ небывалое прежде денежное награжденіе мнѣ и обоимъ братьямъ г.г. Кобылинымъ по 5000 р. ассигн.; съ легкой руки графа А. Г., начали испрашивать у Государя денежныя награды каждый годъ всѣмъ начальникамъ отдѣленій по росписи и отчетности, но не въ такомъ уже размѣрѣ, а не выше 2000 р. ассигн. или 600 рубл. сер., и съ тѣмъ вмѣстѣ въ этой монаршей милости участвовали, по соразмѣрности званій, бухгалтеры и протчіе чиновники. Это продолжалось десять лѣтъ и прекратилось при министрѣ графѣ Вронченкѣ, на докладѣ котораго о томъ же награжденіи послѣдовала высочайшая резолюція въ Январѣ 1840 года: «Дѣлали свое дѣло; дать половину и впредъ не представлять».

Въ 1841 году, по случаю переложенія ассигнацій на серебро, высочайше учреждена въ Министерствѣ Финансовъ при департаментѣ Государственнаго Казначейства коммиссія, составленная изъ депутатовъ всѣхъ министерствъ и управленій подъ предсѣдательствомъ нашего директора, для переложенія на серебро всѣхъ штатовъ. Цѣль этой

коммиссіи состояла въ томъ, чтобы каждый опредѣленный окладъ переложенъ былъ въ круглую, сколько возможно, сумму, для удобнѣйшаго дѣленія на третныя и мѣсячныя части; чтобы разные вычеты, слѣдующіе въ инвалидный и пенсіонный капиталы, также удобно дѣлились безъ мелкихъ долей копейки и чтобы, наконецъ, переложеніе сдѣлано было, сколько позволитъ возможность, безъ ущерба для казны и чиновниковъ. Управляющимъ дѣлами этой коммиссіи сдѣланъ былъ я. Она продолжалась болѣе года и навлекла мнѣ множество хлопотъ сверхъ обыкновенныхъ занятій по должности. Соглашеніе мнѣній разныхъ депутатовъ, составленіе журналовъ, извѣщеніе министровъ и главно-управляющихъ о постановленіяхъ коммиссіи; распубликованіе чрезъ Правительствующій Сенатъ переложенныхъ на серебро штатовъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ испрашиваніе разрѣшеній Комитета Министровъ; нѣкоторые слишкомъ мелочные разсчеты, которые коммиссія обязана была повѣрить, напримѣръ, переложеніе разныхъ таксъ, военныхъ табелей, вещеваго довольствія войскъ, кормовыхъ денегъ и проч. терзали насъ своею меледой и подробностью. Но въ этомъ чрезвычайно многотрудномъ дѣлѣ были мнѣ превосходными помощниками бухгалтеры моего отдѣленія гг. Сапожниковъ и Шемадамовъ.

Послѣдній, человѣкъ съ отличными дарованіями, изобрѣлъ средство къ облегченію расчетовъ нашихъ.

Посредствомъ его таблички можно очень легко перечислять какія угодно цыфры серебряныхъ денегъ на ассигнаціи и съ такимъ же удобствомъ обратно переводить ассигнаціи на серебро.

Съ нѣкоторою привычкою чиновники дѣлали такимъ способомъ переложеніе очень скоро, но не всякій могъ сдѣлать эту привычку; это удавалось только людямъ, способнымъ къ головному счисленію. Объ этомъ счастливо придуманномъ способѣ я довелъ до свѣдѣнія графа А. Г. Онъ велѣлъ Шемадамову сдѣлать при себѣ перечисленіе какой-то большой ассигнаціонной суммы, и даровитый Шемадамовъ объявилъ ему въ тотъ же моментъ сумму, которую она составитъ на серебро. Графъ не вѣрилъ, полагая, что это какой нибудь фокусъ; раздѣлилъ данную сумму самъ на 350 и убѣдился, что способъ этотъ превосходенъ. Съ тѣхъ поръ онъ обратилъ на Шемадамова особенное вниманіе, но, къ несчастію, не могъ ничего сдѣлать этому отличному чиновнику, кажется потому, что отношенія директора къ министру нѣсколько измѣнились, по какимъ-то неслужебнымъ обстоятельствамъ.

Мы, всѣ подчиненные графа А. Г., любили его какъ своего благодѣтеля; одинъ я оказался ему неблагодарнымъ отъ предосудительной вспыльчивости и нетерпѣливости своей. Покаюсь въ этомъ.

Въ 1842 году надо было избрать въ Государственномъ Казначействѣ разные свободные капиталы до 8 милл. руб. сер. для обращенія въ составъ неприкосновеннаго фонда, предположеннаго для обезпеченія хода въ народномъ обращеніи государственныхъ кредитныхъ билетовъ. На совѣщаніе съ Васильемъ Степановичемъ о томъ, какіе капиталы должны быть обращены въ составъ этого фонда, директоръ употребилъ все присутственное время, 13 Сентября 1842 г., и приказалъ мнѣ написать немедленно, по ихъ соображеніямъ, нужныя бумаги. Занявшись этимъ тотчасъ же, я замѣтилъ, что не всѣ суммы, которыя на этомъ совѣщаніи избраны, могли быть взяты въ составъ фонда, такъ какъ нѣкоторые капиталы получили уже всѣ или частію назначенія высочайше утвержденныя Государемъ Императоромъ, почему и слѣдовало соображенія нашихъ командировъ измѣнить. Я заготовилъ всѣ по этому предмету довольно сложныя и большія бумаги и, считая своею обязанностію доложить ихъ предварительно г. Басину, отправился къ нему на квартиру въ 7 часовъ вечера, но мнѣ сказали, что онъ въ церкви; потомъ еще въ 9 часовъ — объявили, что онъ прогуливается и когда возвратится неизвѣстно; послѣ того ходилъ къ нему въ 10 часовъ—объявили, что спитъ, а будить не смѣютъ; былъ и поутру, но мнѣ сказано, что Василій Степановичъ желаетъ объясниться въ департаментѣ со мною, а въ департаментъ его превосходительство пожаловалъ отъ обѣдни, когда пріѣхалъ и самъ директоръ, то есть во второмъ часу, и спѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ Басинымъ къ министру.

Я представилъ графу свои бумаги. Начавъ ихъ мелькомъ разсматривать, онъ увидѣлъ одну сумму 56/т. рубл., которую онъ считалъ слишкомъ мелочною и, остановясь на этомъ, объявилъ, что бумаги мои никуда не годятся и что я, когда дѣло идетъ о 8,000,000 рубл. сер., пишу о такой ничтожной суммѣ, какъ 56/т. рубл. сер. Мнѣ это показалось крайне обиднымъ тѣмъ болѣе, что всѣ начальники отдѣленій были въ общемъ собраніи предъ докладомъ въ комнатѣ присутствія; а при томъ злой духъ внушилъ мнѣ, что если я проглочу этотъ выговоръ безмолвно, то за этимъ останется терпѣть и тогда, если аристократу вздумается плюнуть мнѣ въ глаза. Я дрожалъ, слезы явились у меня на глазахъ, но почтительнѣйше доложилъ графу, что о 56/т. написаны слова не мои, а позаимствованы въ точности изъ подлиннаго высочайшаго повелѣнія; основаніе же, по которому неизбѣжно было отступить отъ назначеній, сдѣланныхъ на вчерашнемъ совѣщаніи, я всячески старался довести до свѣдѣнія Василья Степановича, и для того нѣсколько разъ являлся къ нему, чтобы предварительно показать свою работу, но не былъ принятъ его превосходительствомъ.

Графъ, пересмотрѣвъ опять всѣ бумаги, началъ ихъ скрѣплять одну за другою. Когда онъ окончилъ подписи, я, въ величайшемъ смущеніи, доложилъ ему: «Ваше сіятельство, я, прослуживъ 32 года, никогда не получалъ выговоръ за работу, но всегда имѣлъ я счастіе пользоваться признательностію начальства и вашею въ особенности; а потому испрашиваю великодушнаго прощенія въ томъ, что горе свое о настоящемъ со мною случаѣ не имѣю силы перенести и скрыть отъ васъ и моихъ товарищей». Съ этимъ словомъ я вышелъ изъ комнаты общаго присутствія; а графъ, вскочивъ съ своего мѣста, взялъ меня подъ руку и началъ ходить со мною по отдѣленію, дѣлая разные вопросы, касавшіеся этихъ бумагъ, но не сказалъ ни одного слова въ извиненіе своего опрометчиваго выговора.

Вслѣдъ за тѣмъ другой весьма непріятный случай явно охладилъ расположеніе графа ко мнѣ и моему отдѣленію.

Онъ увлекся какою-то страстію вводить разныя формы счетовъ и табелей ненужныхъ вовсе для службы, но довольно затруднительныхъ. Пріѣхавъ однажды въ департаментъ, по своему обыкновенію около $1\frac{1}{2}$ часа пополудни, онъ пришелъ къ намъ въ 1-е отдѣленіе и обратился съ приказаніемъ ко мнѣ и Шемадамову, чтобы мы сдѣлали табели на большихъ Александрійскихъ листахъ, изъ которыхъ можно бы было видѣть ежемѣсячное поступленіе доходовъ и выполненіе расходовъ, суммы, высланныя въ Главное Казначейство изъ казначействъ уѣздныхъ, суммы, остающіяся въ недоимкѣ изъ доходовъ, недоплаченные расходы и ожидаемые еще къ высылкѣ въ Казначейство.

Я удивлялся, отчего графъ, пробывъ у насъ директоромъ около 6 лѣтъ, не могъ замѣтить, что, по отдаленности нашихъ отчетныхъ смѣтъ, подобныя свѣдѣнія не могли быть никогда получаемы къ удобнымъ для нашихъ соображеній срокамъ, что эти мѣсячныя свѣдѣнія всегда были бы и не полны и не вѣрны, что къ тому времени, когда могли они быть доставлены, оканчиваются и самые годовые отчеты по всѣмъ оборотамъ Государственнаго Казначейства и что, наконецъ, заведеніе этихъ новыхъ табелей было бы для тружениковъ-чиновниковъ совершенною казнію Данаидъ, такъ какъ цыфры въ этихъ табеляхъ надобно было безпрестанно перемѣнять и часто самыя табели переписывать. Но графъ, нисколько не думая объ этомъ, требовалъ, чтобы въ табеляхъ показывались цыфры: неизмѣняемыя—черными чернилами, а предполагаемыя—красными. Я улыбнулся совершенно противъ воли своей. Графъ строго на меня взглянулъ и, не окончивъ съ нами, ушелъ въ свой кабинетъ. Говоря объ этомъ, я проклинаю свою неумѣстную, хотя не умышленную, улыбку; ибо графъ, не смотря на капризы большаго барина, за свое великодушіе и стараніе о всѣхъ насъ заслужи-

валъ глубочайшее почтеніе и признательность цѣлаго департамента. Можно было бы, не входя въ большіе диспуты, завести эти табели, и потомъ прекратить ихъ, ибо скоро самъ графъ убѣдился бы въ совершенной невозможности выполненія его плана.

Тѣмъ досаднѣе казалась мнѣ моя безумная улыбка, что наступило время опредѣлять моего сына въ гимназію: при благорасположеніи ко мнѣ начальства, его тотчасъ бы приняли туда на казенный счетъ, но разсердивъ графа, я могъ опасаться отказа. Поэтому я не осмѣлился просить директора лично, а обратился къ одному изъ нашихъ начальниковъ отдѣленія, управлявшему конторою по имѣніямъ графа, г-ну Виноградову, который взялъ это дѣло на себя съ удовольствіемъ. Я желалъ опредѣлить сына во 2-ю гимназію, слыша много хорошаго о ея преподавателяхъ. Графъ далъ мнѣ знать, что онъ готовъ это сдѣлать, но велѣлъ меня спросить: почему же я не желаю помѣстить сына въ 1-ю гимназію? Я отвѣчалъ, что готовлю своего сына не для высшаго общества и болѣе надѣюсь на преподавателей 2-й гимназіи.

Въ Августѣ 1842 г. исходатайствовано высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи сына во 2-ю гимназію съ платою за него изъ казны 214 р. 28 к. и единовременно на обзаведеніе 14 р. 28½ коп.

Мы съ сыномъ поѣхали къ графу на дачу благодарить его, и онъ, повидимому, принялъ насъ очень благосклонно.

Въ 1842 году графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ оставилъ министерскій постъ, и на мѣстѣ его явился въ качествѣ управляющаго Министерствомъ Финансовъ тайный совѣтникъ Ѳедоръ Павловичъ Вронченко.

Вскорѣ послѣ этого наша коммисія о переложеніи на серебро окончилась, и всѣ участвовавшіе въ ней чиновники представлены къ наградамъ. Собственно на счетъ мой графъ А. Г. распорядился такъ: я былъ управляющимъ дѣлами коммисіи, но въ представленіи о наградахъ названъ депутатомъ со стороны Министерства Финансовъ, а званіе управлявшаго дѣлами приписано правителю канцеляріи нашего департамента, г. Диденко, собственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы доставить ему хорошую награду, тогда какъ онъ не переступилъ ни разу даже чрезъ порогъ коммисіи. Ему, всѣмъ депутатамъ другихъ министерствъ и обоимъ бухгалтерамъ, моимъ помощникамъ, гг. Сапожникову и Шемадамову, даны денежныя награды, соотвѣтствующія полугодовому жалованью, а мнѣ объявлено монаршее благоволеніе.

Высочайшимъ указомъ 16 Января 1844 г. графъ Кушелевъ - Безбородко пожалованъ сенаторомъ, а начальникомъ департамента нашего сдѣланъ бывшій мой командиръ и постоянный благодѣтель, Але-

ксандръ Максимовичъ Княжевичъ. Вскорѣ и графа Канкрина смѣнилъ товарищъ его Вронченко.

Повидимому этимъ назначеніемъ былъ очень недоволенъ В. С. Басинъ. Онъ, въ ту самую минуту, когда новый директоръ хотѣлъ войти въ свой кабинетъ, подалъ просьбу объ отставкѣ. Это было впрочемъ очень грубо. Еще при вступленіи къ намъ графа Кушелева графъ Канкринъ докладывалъ Государю, что хотя Басинъ по старшенству и долженъ былъ занять мѣсто директора, но по старости своей отказывается отъ этой должности и, оставаясь въ званіи вице-директора, можетъ своею опытностію быть весьма полезенъ на службѣ, за что и пожаловали Басину единовременно 10/т. рубл. Продавъ, такимъ образомъ, свое право, онъ уже не имѣлъ причины думать, что его обошли при избраніи директора, послѣ Кушелева.

Со вступленіемъ Александра Максимовича, порядокъ службы снова измѣнился. Онъ не подписывалъ бумагъ какъ баринъ, на кредитъ, но читалъ каждую непремѣнно, и надобно было очень изучить свое дѣло прежде нежели пойдешь съ нимъ къ докладу въ кабинетъ директора.

Въ 1844 году новое наше начальство исходатайствовало высочайшее соизволеніе, по которому дочь моя опредѣлена въ Институтъ св. Екатерины на казенное содержаніе. Принеся благодарность мою Александру Максимовичу, я счелъ это милостію Провидѣнія за непризнанные, но тяжкіе труды въ нашей коммисіи.

Скоро новый, но отлично опытный директоръ нашъ убѣдился въ быстромъ и правильномъ теченіи дѣлъ въ моемъ отдѣленіи, безъ всякаго уже участія вице-директора Басина, съ которымъ онъ не хотѣлъ имѣть никакихъ объясненій. Наступило время къ составленію росписи на 1845 годъ. Я уже сказалъ прежде, что геній графа Канкрина выносилъ всѣ трудности этого чрезвычайно важнаго финансоваго дѣла. Всѣ доклады о немъ Государю, Комитету Финансовъ и Государственному Совѣту бывшій министръ диктовалъ своимъ секретарямъ и присылалъ къ намъ лишь для переписки, и отъ департамента требовалъ по этому предмету однѣхъ справокъ. Теперь всѣ труды по росписи остались на обязанности начальника отдѣленія; ему пришлось отвѣчать за всѣ промахи и упущенія, которыя могли случиться при разсмотрѣніи смѣтъ разныхъ вѣдомствъ и составленіи изъ нихъ общаго государственнаго бюджета. По обширности департамента, новому директору трудно было ознакомиться вдругъ со всѣми подробностями этого дѣла и объяснять министру, тоже мало знакомому со смѣтами, разные случаи, встрѣчающіеся при ихъ разсмотрѣніи.

Разсматривая роспись 1844 года, министръ Вронченко весьма основательно пожелалъ удостовѣриться, согласно ли съ предположеніемъ поступаютъ разные доходы, неимѣющіе опредѣлительнаго назначенія, и не производится ли какихъ либо лишнихъ расходовъ противъ исчисленій по смѣтамъ министерства?

Для этого надобно было обратиться къ отчетности, и Александръ Максимовичъ поручилъ начальнику отдѣленія С. М. Кобылину составить такія табели, которыя выражали бы вѣрно, какъ дѣйствительное поступленіе доходовъ, такъ и выполненіе расходовъ.

Эти табели сдѣланы были въ отчетныхъ отдѣленіяхъ немедленно. Министръ доложилъ ихъ Государю съ объясненіемъ, что, до поступленія его министромъ, многіе доходы и расходы поступали далеко не соотвѣтственно съ назначеніемъ. Поэтому высочайше повелѣно исправить смѣты о тѣхъ и другихъ, прибавя недостающее и исключивъ излишнее. Исполненіе этого высочайшаго повелѣнія принадлежало къ обязанностямъ моего 1-го отдѣленія. Высочайшую волю относительно расходовъ сообщили прочимъ министрамъ, объ исправленіи исчисленій доходовъ дали знать прочимъ департаментамъ нашего министерства и объявили графу Киселеву, министру государственныхъ имуществъ. Послѣдствіемъ этого было, что смѣты возвысились на 5/м. р., отчего даже за замѣномъ оказавшихся по нѣкоторымъ статьямъ доходовъ открылся дефицитъ до $3\frac{1}{2}$ м. р.

Это событіе, возможное при какихъ либо несчастныхъ обстоятельствахъ, было слишкомъ несообразно съ благополучными свѣдѣніями объ урожаѣ, цѣнахъ на провіантъ и при совершенномъ спокойствіи въ политическихъ взаимныхъ отношеніяхъ Европейскихъ государствъ во второй половинѣ 1844 года.

Я сдѣлалъ примѣрное о бюджетѣ 1845 года соображеніе съ показаніемъ дефицита въ $3\frac{1}{2}$ милліона. Директоръ докладывалъ это соображеніе безъ меня. Вронченко испугался его результатовъ, и не безъ причины.

Онъ потребовалъ меня къ 6 часамъ вечера того же дня, и у насъ происходилъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.

Онъ (показывая мнѣ соображенія по бюджету). Вы, милостивый государь, знаете это соображеніе?

Я. Долженъ знать, ваше высокопревосходительство.

Онъ. Долженъ! Да знаете ли?

Я. Знаю.

Онъ. Я просилъ бы васъ покорнѣйше объяснить мнѣ, какой дьяволъ заставилъ васъ показать дефицитъ въ $3\frac{1}{2}$ мил. Понимаете ли вы,

милостивый государь, что при благополучномъ положенiи государства этого не можетъ быть.

Я. Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

Онъ. Зачѣмъ же вы написали здѣсь такую дичь?

Я. Эти счеты не что иное, какъ простое сложенiе предполагаемыхъ на 1845 годъ доходовъ и расходовъ; изъ ихъ взаимнаго сравненiя выходитъ, что первые недостаточны на покрытiе вторыхъ.

Онъ. Тутъ есть какая нибудь ошибка.

Я. Осмѣливаюсь доложить, что въ этомъ дѣлѣ ошибки не допускаются.

Онъ. Отчего расходы по всѣмъ почти вѣдомствамъ стали выше, нежели въ нынѣшнемъ году?

Я. Отъ увеличенiя примѣрно назначаемыхъ расходовъ, не имѣющихъ опредѣлительнаго назначенiя.

Онъ. На какомъ основанiи вы это сдѣлали?

Я. По высочайше утвержденной 15 Сентября докладной запискѣ вашего высокопревосходительства.

Онъ. Государю угодно было приказать, чтобы и доходы возвысились по тѣмъ статьямъ, гдѣ они показывались невѣрно.

Я. Они поставлены были въ бюджетѣ 1844 г. графомъ Егоромъ Францовичемъ, и въ примѣрномъ исчисленiи на 1845 увеличены въ нѣкоторыхъ статьяхъ, согласно съ послѣдними табелями, доложенными Государю.

Онъ. Вы изволите мнѣ дичь пороть! Я вамъ говорю, что доходы надо возвысить соразмѣрно расходамъ.

Я. Каждая цыфра доходовъ неопредѣленныхъ поставлена изъ записки 15 Сентября, а государственныя подати и всѣ окладные доходы въ тѣхъ самыхъ цыфрахъ, какiя мы получили изъ прочихъ финансовыхъ департаментовъ и Министерства Государственныхъ Имуществъ. Но если благоугодно будетъ сдѣлать увеличенiе въ нѣкоторыхъ статьяхъ сверхъ того, то это зависѣть будетъ отъ назначенiя вашего высокопревосходительства.

Онъ. Почему же департаментъ Казначейства допустилъ въ прежнихъ смѣтахъ несоотвѣтственное съ дѣломъ уменьшенiе расходовъ?

Я. Бывшiй г. министръ, зная все это въ подробности, находилъ невозможнымъ поправлять цыфры неопредѣленныхъ расходовъ; потому что если нѣкоторые изъ множества подобныхъ расходовъ увеличиваются, то передержки въ тоже самое время покрываются уменьшенiемъ издержекъ на другiе предметы. Такъ напримѣръ, во время рекрутскихъ наборовъ, статья на содержанiе рекрутъ возвышается болѣе нежели на $1\frac{1}{2}$ м. р., но въ тоже время увеличивается и доходъ, вносимый на

эту надобность отдатчиками рекрутъ; суммы на чрезвычайные по губерніямъ расходы никогда, даже и приблизительно, въ бюджетѣ опредѣлены быть не могутъ, то увеличиваясь, то уменьшаясь по разнымъ непредвидимымъ обстоятельствамъ. Нельзя также не доложить о платежахъ Придворной Конторѣ за чрезвычайные расходы: они въ недавнихъ еще годахъ не превышали 120—160 т. въ годъ, и только въ 1844 году ассигновано было 445 т., которыя, по высочайшему повелѣнію 15 Сентября, поставлены въ бюджетъ 1845 года.

Онъ. Такъ вы находите, что дополнять такіе расходы не слѣдовало?

Я. Точно такъ, слѣдуя правиламъ бывшаго министра.

Онъ (громовымъ басомъ). Азіатскій образъ мыслей!! Съ этимъ словомъ онъ ударилъ кулакомъ по столу и вышелъ изъ кабинета, оставя тамъ меня одного.

Зная страшно подозрительный характеръ Вронченки, я вышелъ изъ кабинета въ ближайшую комнату, чтобы удалить подозрѣніе, что я безъ него читалъ какія нибудь секретныя бумаги.

Министръ, возвратясь изъ внутреннихъ комнатъ, грозно спросилъ: Отчего вы здѣсь, а не тамъ?

— Оттого, ваше высокопревосходительство, чтобы не дать подозрѣнія на себя, что я читалъ на столѣ ваши бумаги.

Онъ не сказалъ ничего и долго ходилъ большими шагами по комнатѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и раздумья онъ отпустилъ меня, приказавъ мнѣ явиться къ нему завтра въ 8 часовъ утра.

Явясь къ назначенному времени, я былъ тотчасъ же позванъ къ Ѳедору Павловичу и нашелъ его гораздо спокойнѣе. Онъ спросилъ, что̀ я думаю о возможности покрыть исчисленный дефицитъ. Я отвѣчалъ, что если бы при дальнѣйшемъ ходѣ росписи не встрѣтилось къ тому благопріятныхъ обстоятельствъ къ сокращенію расходовъ, то можно было бы уменьшить сумму, списываемую въ бюджетѣ изъ доходовъ на случай слабаго поступленія недоимокъ. Эта сумма составляла до 7 м. и въ благополучные годы была слишкомъ велика въ сравненіи съ дѣйствительною надобностью. Министръ, сказавъ, что онъ и самъ тоже думаетъ, отпустилъ меня очень ласково и послѣ говорилъ директору, что онъ нашелъ во мнѣ очень толковаго чиновника (это передалъ мнѣ Александръ Максимовичъ).

Роспись 1845 года окончилась благополучно и безъ всякаго дефицита. Директоръ поручилъ мнѣ лично представить ее министру. Вронченко съ большею благосклонностію поблагодарилъ меня и удостоилъ пожатія руки.

Въ Маѣ 1845 года рѣшились отпустить В. С. Басина на покой. За его долговременную и дѣйствительно полезную службу министръ

предложилъ ему мѣсто члена въ совѣтѣ своемъ, съ тѣми окладами, какіе В. С. получалъ, и съ вознагражденіемъ за потерю казенной квартиры деньгами. Объ этомъ заготовлена была всеподданнѣйшая докладная записка въ двухъ видахъ: одна на 1000 рублей и другая на 1500 р. въ годъ. Эти два экземпляра надобно было приготовить и послать къ Вронченкѣ непремѣнно въ назначенный срокъ, и они были готовы. Василій Степановичъ неожиданно пришелъ въ мое отдѣленіе и, взявъ у меня со стола, прочелъ обѣ записки, а ту которая написана была о производствѣ только одной тысячи разорвалъ въ клочки и ушелъ, не сказавъ ни слова. Былъ уже 6-й часъ. Мнѣ крайне досадно было докладывать объ этомъ директору, тогда какъ было приказано отнюдь не показывать эти экземпляры Басину.

Когда я разсказалъ Александру Максимовичу, какъ В. С. взялъ у меня эти бумаги штурмомъ, онъ, въ величайшемъ гнѣвѣ на этотъ дерзкій поступокъ, приказалъ вмѣсто разорваннаго экземпляра написать другой, и записка все таки послана къ назначенному сроку въ двухъ видахъ.

Я былъ увѣренъ, что Басина непремѣнно накажутъ за эту дерзость, ограничивъ ему квартирныя деньги тысячею р.; но великодушный нашъ директоръ не хотѣлъ мстить старику, и Вронченко испросилъ ему 1500 р. сер. сверхъ всѣхъ окладовъ, производившихся по должности вице-директора.

Но не для всѣхъ и не всегда Ѳедоръ Павловичъ расположенъ былъ къ добру: онъ дѣлалъ его для чиновниковъ только по настояніямъ и просьбамъ ближайшаго начальства и не бралъ на себя труда замѣчать усердіе тѣхъ, которые день и ночь трудились въ его глазахъ. Такъ первая составленная имъ роспись угрожала дефицитомъ, но онъ былъ устраненъ. Единственнымъ въ этомъ случаѣ помощникомъ его былъ я. Онъ, впрочемъ, понималъ это вполнѣ и ограничился лишь пожатіемъ мнѣ руки.

Напротивъ того, судьбѣ угодно было поставить меня передъ нимъ мишенью, а его сдѣлать стрѣлкомъ, который учился стрѣльбѣ въ цѣль: ѣдкіе, иногда безъ всякой причины, выговоры, вѣчный шумъ и крикъ отъ того только, что, не зная порядочно счетнаго дѣла, онъ, по своей врожденной подозрительности, боялся ошибокъ, но никогда не былъ въ силахъ отвратить или предупредить ихъ, что́ видно изъ сказаннаго выше, когда онъ согласился напичкать въ роспись безъ толку пустыхъ расходовъ. Изъ нихъ между прочимъ Придворной Конторѣ уплачивалась сверхъ обыкновенной смѣты такая сумма, какая дѣйствительно была издерживаема ею на непредвидѣнныя надобности и большею частію не превышала 100 т. или 200 т. въ годъ; но когда назначили ей

на 1845 годъ 445 т. р., то контора уже постоянно требовала каждый годъ всю эту сумму вполнѣ.

Если какой нибудь финансовый департаментъ значительно возвыситъ свою смѣту, то всѣ объясненія по этому предмету требовались отъ меня. Напримѣръ, департаментъ сборовъ проситъ прибавить на заготовленіе вина 2 или 3 милліона. Вронченко требовалъ, чтобы я доказалъ ему необходимость этой прибавки ведрами, чарками и рублями, чего нельзя было видѣть изъ смѣты. Въ такомъ случаѣ поднималась страшная буря, почему департаментъ Казначейства, т. е. я, представитель его, не можетъ дать порядочнаго объясненія; резонъ нашъ, что мы не имѣемъ возможности входить въ подробности чужаго дѣла не годился: шумъ и ругательство не прекращались до тѣхъ поръ, покуда не допросишься у дѣлопроизводителей департамента сборовъ, личными объясненіями, всѣхъ основаній сдѣланной добавки до послѣдняго рубля и до каждаго ведра. Разумѣется, что господинъ, понимающій дѣло, потребовалъ бы этихъ объясненій изъ первыхъ рукъ, а не отъ посторонняго мѣста. Между тѣмъ собраніе всѣхъ этихъ объясненій увеличивало вдесятеро обыкновенный трудъ при разсмотрѣніи смѣтъ. Весь этотъ тяжкій безпорядокъ происходилъ отъ того, что Вронченко никогда не разсматривалъ самъ финансовыхъ смѣтъ, а приказывалъ отсылать ихъ къ намъ, заботясь только о томъ, чтобы на конвертѣ, въ которомъ онѣ посылаются, написано было «*весьма нужное*».

Изъ привычнаго усердія къ своей должности, я дѣйствительно сбился съ такта, котораго надобно было держаться во время правленія Вронченка. Изъ дѣлъ моего отдѣленія было видно, что многія министерства изъ тѣхъ суммъ, которыя отпускаются имъ по росписямъ, составляютъ у себя экономическіе капиталы и, отличаясь въ годовыхъ отчетахъ бережливостью, продолжаютъ обременять Государственное Казначейство напрасными издержками, требуя на разные предметы болѣе, нежели нужно, съ надеждою увеличивать такимъ образомъ свои экономическіе капиталы.

Я разсказалъ объ этомъ Александру Максимовичу, и вслѣдъ за тѣмъ статсъ-секретарь Танѣевъ объявилъ всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ высочайшее повелѣніе доставлять министру финансовъ о подобныхъ капиталахъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

Съ этимъ вмѣстѣ открылась для министра финансовъ полнѣйшая возможность къ правильному разсмотрѣнію смѣтъ. Лишнія или избыточныя требованія денегъ по ежегоднымъ смѣтамъ легче было обнаружить теперь, нежели прежде, и въ случаѣ значительнаго преумноженія какихъ либо капиталовъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначе-

нія и составленныхъ большею частію изъ самыхъ же источниковъ казны, можно было обращать на подкрѣпленіе Казначейства.

Но въ тоже время явилась для департамента Государственнаго Казначейства новая, чрезвычайно тяжкая работа: по каждой такой вѣдомости высочайше повелѣно было министру финансовъ докладывать Государю Императору о томъ, въ какомъ положеніи находятся эти капиталы и чтó можно взять изъ нихъ для пособія Государственному Казначейству.

Иногда со стороны прочихъ министровъ дѣлаемы были протесты на замѣчанія министра финансовъ относительно предположеній его о возможности исключить въ смѣтѣ какую либо изъ этихъ капиталовъ сумму, съ обращеніемъ требуемаго расхода на собственные способы требовательнаго вѣдомства, или взять изъ капитала часть денегъ на общія надобности по росписи. Изъ этого возникла очень сложная переписка, о возбужденныхъ спорахъ необходимо было доводить до высочайшаго свѣдѣнія. По счастію, Государь Императоръ всегда принималъ нашу сторону, и мы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣли уничтожить излишнихъ требованій и взять въ казну избыточныхъ капиталовъ всего до 5 милліоновъ рублей.

Предъ министромъ, желавшимъ искренно доставить пользу казнѣ, подобныя дѣйствія департамента были бы немаловажною заслугою; но Ѳедоръ Павловичъ, стараясь только объ очищеніи входящихъ бумагъ, мало обращалъ вниманія на послѣдствія своей бюрократіи.

Такимъ образомъ и я отъ своего грознаго министра не получилъ никакого благоволенія, а напротивъ того, онъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ мнѣ, что я перессорилъ его съ другими министрами и между прочимъ, что графъ Киселевъ не хочетъ смотрѣть на него прямыми глазами. Въ самомъ дѣлѣ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, имѣя многіе хозяйственные и запасные капиталы, принуждено было подѣлиться съ нами гораздо болѣе, нежели другія вѣдомства.

Не получая за свои труды ничего, мнѣ оставалось въ утѣшеніе свое пѣть Малороссійскую пѣсню: «*Биду соби купилá, да за свои гроши*».

Я долженъ признаться, что претерпѣнныя мною непріятности по расчетамъ о капиталахъ были достойнымъ мнѣ наказаніемъ, во 1-хъ за то, что я неосновательно вмѣшался не въ свое дѣло, забывъ правило опытныхъ Русскихъ людей «*на работу не набивайся, и отъ работы не отказывайся*». Мнѣ можно было предвидѣть, что прикосновенность къ интересамъ постороннихъ вѣдомствъ произведетъ безпрерывные съ ними споры и огромнѣйшую переписку, какъ это дѣйствительно и случилось; во 2-хъ, что Вронченко никогда не имѣлъ спо-

собности быть признательнымъ къ труду; что при его невниманіи къ счетному дѣлу трудно будетъ доказывать ему справедливость нашихъ выводовъ и, наконецъ, что изысканіе главныхъ финансовыхъ мѣръ ни въ какомъ случаѣ не относится къ обязанностямъ начальника отдѣленія, какъ простаго исполнителя буквы закона и воли начальства. И такъ, надѣлавъ глупостей, справедливо претерпѣть и ихъ послѣдствія.

Въ исходѣ 1847 года открылся на 1848 годъ огромный дефицитъ по чрезвычайному возвышенію цѣнъ на провіантъ и фуражъ. Государь Императоръ объявилъ Вронченкѣ, что самъ желаетъ заняться разсмотрѣніемъ смѣтъ и повелѣлъ доставить ихъ къ себѣ немедленно.

Это было для Вронченки громовымъ ударомъ: по этому Государь могъ сдѣлать ему такіе вопросы, на которые ему было бы слишкомъ тяжело отвѣчать. Онъ своеручно приготовилъ докладную записку, въ которой довольно ловко успокоилъ Государя, что со стороны Министерства Финансовъ сдѣланы всѣ возможныя распоряженія къ сокращенію расходовъ, и что по принятымъ мѣрамъ къ покрытію росписи 1848 года особыхъ затрудненій встрѣтиться не можетъ.

Это было 25 Декабря 1847 года, въ праздникъ Рождества; я былъ нездоровъ и никакъ не ожидалъ въ такой великій день служебной тревоги. Вдругъ, около 9 часовъ утра, получаю отъ директора записку съ приказаніемъ явиться немедленно къ министру; узнаю тамъ все, что́ сказано выше. Объяснительную записку Вронченко составилъ и послалъ къ Государю до пріѣзда Александра Максимовича и отпустилъ насъ съ тѣмъ, чтобы доставить къ нему тотчасъ же всѣ подлинныя смѣты министерствъ, на случай, если бы Государю, и за всѣми объясненіями, благоугодно было разсматривать это дѣло въ подробности. Я поѣхалъ въ департаментъ, собралъ смѣты и на двухъ курьерскихъ санкахъ отправилъ ихъ къ министру, явясь и самъ слѣдомъ за ними. Между тѣмъ записка, составленная министромъ, возвратилась съ разными высочайшими резолюціями, и съ тѣмъ вмѣстѣ отправленія къ Государю подлинныхъ смѣтъ не потребовалось. Александръ Максимовичъ довезъ меня въ своемъ экипажѣ до департамента и простился со мною, сказавъ, что остальное время праздника, кажется, наше. Но въ три часа, когда я только сѣлъ за нашъ семейный обѣдъ, директоръ пріѣхалъ ко мнѣ на квартиру и объявилъ, что отъ Государя получены два тюка бумагъ и разныхъ вѣдомостей о капиталахъ, находившихся къ тому времени въ разныхъ вѣдомствахъ, и что Государю угодно, чтобы всѣ эти свѣдѣнія были немедленно разсмотрѣны и чтобы заключеніе министра финансовъ о томъ, сколько изъ нихъ можно взять для покрытія росписи, представлено было Его Величеству непремѣнно въ тотъ же самый вечеръ. По счастію всѣ эти вѣдомости

были мнѣ хорошо знакомы изъ практики за предшествовавшіе годы. Осталось пересмотрѣть на-скоро, нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь новаго. Я доложилъ объ этомъ Александру Максимовичу, и мы, отправясь въ департаментъ и расположась въ его кабинетѣ, начали составлять всеподданнѣйшую докладную записку, которая однакоже ни въ какомъ случаѣ не могла быть слишкомъ кратка. Пересмотрѣвъ всѣ эти фоліанты, мы собрали довольно данныхъ, чтобы составить нѣчто дѣльное, и богатырь Александръ Максимовичъ продиктовалъ мнѣ начало, я написалъ справки, которыя успѣлъ извлечь въ такое короткое время, а заключеніе составили мы общимъ совѣтомъ. Было уже 8 часовъ вечера, но директоръ и я еще не обѣдали. Явился къ намъ нашъ отличный писецъ Сапожниковъ и, сосчитавъ строки, объявилъ, что онъ можетъ окончить нашу бумагу перепискою на чисто къ 11 часамъ ночи. Нечего было дѣлать; онъ сѣлъ переписывать. Александръ Максимовичъ поѣхалъ домой, сказавъ, что возвратится часамъ къ 9-ти, я тоже пошелъ обѣдать и потомъ отправился къ Сапожникову, чтобы разрѣшать могущіе встрѣтиться при перепискѣ вопросы. Все это благополучно окончилось въ присутствіи уже самого Александра Максимовича, и молодецъ Сапожниковъ переписалъ записку безъ малѣйшей ошибки и подчистки. Директоръ былъ этому чрезвычайно радъ, опять пригласилъ меня съ собою къ министру. Вронченко также былъ очень доволенъ запискою и тотчасъ же препроводилъ ее къ Государю въ собственныя руки. Мы опять отправились по домамъ.

Въ часъ ночи директоръ пріѣхалъ ко мнѣ съ высочайше утвержденными записками министра финансовъ. Одна изъ нихъ была та, которую составили о капиталахъ; другая представлена Его Величеству наканунѣ Рождества вообще о положеніи въ то время доходовъ и расходовъ, на 1848 годъ предполагаемыхъ; она-то и произвела страшную тревогу въ праздникъ. Въ этой запискѣ допущено было между прочимъ одно, собственно мое, предположеніе, одобренное какъ директоромъ такъ и министромъ безъ малѣйшаго измѣненія, относительно того, какъ производить изъ банковъ займы для шоссейныхъ работъ съ выполненіемъ платежей процентовъ и погашенія изъ земскихъ сборовъ, не стѣсняя послѣднихъ и не обременяя Государственнаго Казначейства. Противъ этой статьи Государь Императоръ изволилъ написать собственноручно «*хорошо*». Это доставило мнѣ высокое наслажденіе, котораго я не испытывалъ прежде и не забуду никогда.

Войдя ко мнѣ въ комнату, Александръ Максимовичъ сказалъ: «Вотъ, П. И., Государь утвердилъ всѣ наши предположенія и противъ вашей статьи о займахъ на счетъ земскихъ сборовъ написалъ «*хорошо*»; я заѣхалъ къ вамъ нарочно для того, чтобы сказать объ этомъ

и выиграть для васъ время, чтобы можно было завтра что нибудь сдѣлать для исполненія высочайшихъ повелѣній». Я рѣшился на радостяхъ почтительнѣйше предложить Александру Максимовичу бокалъ шампанскаго; онъ выкушалъ и, поблагодаривъ, уѣхалъ.

За роспись 1848 г. директоръ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, я обычную награду наравнѣ съ отчетными и ревизіонными начальниками отдѣленій. Они обыкновенно получали по 600 рублей каждый.

Александръ Максимовичъ разсказывалъ, что онъ имѣлъ счастіе приносить лично всеподданнѣйшую благодарность за пожалованный ему орденъ Бѣлаго Орла, и что Государь Императоръ изволилъ ему сказать: «Да, я васъ порядочно помучилъ въ Рождество».

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я получилъ доказательство Русской правды, которая выражена въ пословицѣ: *за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ*».

Увидимъ послѣ, что благороднѣйшій Александръ Максимовичъ Княжевичъ, сдѣлавшись самъ министромъ, успѣлъ поправить то, чего не съумѣлъ сдѣлать невнимательный и черствый Вронченко, отнявшій у насъ даже то, что̀ было исходатайствовано не имъ, а графомъ Егоромъ Францовичемъ; именно постоянное денежное награжденіе за роспись и годовую отчетность.

Въ 1847 году сынъ мой окончилъ очень счастливо гимназическій курсъ. На выпускномъ экзаменѣ ему дали первую серебряную медаль съ надписью *преуспѣвающему*; онъ говорилъ рѣчь, въ которой выразилъ благоговѣйно благодарность Государю за свое образованіе, начальству гимназіи за попеченіе о питомцахъ, учителямъ въ особенности за то, что они, указавъ ему путь къ небу, научили быть полезнымъ обществу на землѣ. Эта рѣчь принята была всѣми присутствовавшими очень благосклонно. Двое изъ нихъ особенно обласкали моего сына: одинъ, протоіерей Маловъ, знаменитый въ свое время проповѣдникъ, остановилъ молодаго оратора, когда онъ сошелъ съ каѳедры, благословилъ его и совѣтовалъ преимущественно заниматься Русскою словесностію; другой, какой-то полковникъ Генеральнаго Штаба, привѣтствовалъ разными желаніями счастія въ службѣ и въ жизни. Получивъ аттестатъ, сынъ мой тотчасъ же поступилъ въ здѣшній университетъ по историко-филологическому факультету. Директоръ нашъ выпросилъ ему стипендію въ 175 рублей сер. въ годъ, и на это, по докладу министра, изъявлено высочайшее соизволеніе.

Въ 1847 году, кромѣ обыкновенныхъ занятій по моему 1-му отдѣленію мнѣ поручено было управленіе 1-мъ распорядительнымъ отдѣленіемъ, по случаю отъѣзда за границу статскаго совѣтника Григорьева, начальника этого отдѣленія. Такъ съ начала моей службы со-

ставилось нѣсколько лѣтъ, что я не могъ пользоваться красотами лѣта, собственно за недосугомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей за себя и другихъ.

Въ 1848 году посѣтила Петербургъ страшная холера, отъ которой въ Іюнѣ скончалась мать моя; вслѣдъ затѣмъ подвергся этой страшной болѣзни и я самъ, но стараніями придворнаго доктора Ѳедора Ѳедоровича Риттиха, на этотъ разъ, отдѣлался отъ смерти.

Въ 1848, 1849, 1850 и 1851 годахъ труды по росписи, особенно въ остальное время года, были едва выносимы отъ развитія дѣлъ, возникавшихъ вслѣдствіе высочайшей воли о строгомъ пересмотрѣ капиталовъ, находившихся въ распоряженіи разныхъ министровъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Государь Императоръ всегда изъявлялъ высочайшую волю, чтобы роспись непремѣнно была оканчиваема къ 1-му Января наступающаго года, хотя смѣта Военнаго Министерства получалась всегда почти въ послѣднихъ числахъ Декабря. Зная напередъ, что наша работа передъ окончаніемъ росписи не можетъ быть отсрочена ни на 24 часа, я обращался съ просьбами въ канцелярію Военнаго Министерства, и почтеннѣйшій начальникъ тамошней бухгалтеріи, теперь дѣйствительный статскій совѣтникъ Никаноръ Егоровичъ Викторовъ, сообщалъ намъ со всею готовностію и радушіемъ, которыя такъ свойственны этому отлично умному и образованному человѣку, всѣ необходимыя о расходахъ Военнаго Министерства свѣдѣнія, предварительно формальнаго ихъ доставленія въ Министерство Финансовъ, и такимъ только способомъ мы были въ состояніи исполнять высочайшія повелѣнія объ окончаніи росписи 31-го Декабря.

Въ 1851 году Вронченко ѣздилъ за границу для поправленія здоровья, но при возвращеніи оттуда въ глубокую осень простудился, и хотя употреблены были всевозможныя усилія къ его пользованію, но въ семидесятые годы, не смотря на его гигантскія силы, смерть взяла свое, и онъ скончался въ Апрѣлѣ 1852 года отъ водяной болѣзни.

Управленіе Министерствомъ поручено его товарищу, Петру Ѳедоровичу Броку, облеченному вскорѣ въ званіе министра финансовъ. Послѣ бурь и урагановъ, претерпѣнныхъ мною при докладахъ Вронченкѣ, наступило для меня время болѣе счастливое. Никогда не случалось, чтобы я вышелъ изъ кабинета Петра Ѳедоровича, всегда внимательнаго къ дѣльному труду, обиженнымъ или недовольнымъ, и что́ бы о немъ ни говорили, но я считаю все мое время, проведенное подъ его начальствомъ, особенно счастливымъ.

Смѣты на 1853 годъ разсмотрѣны были благополучно, безъ всякаго крика и шума, потому что Петръ Ѳедоровичъ понималъ счетное

дѣло гораздо лучше своего предмѣстника. Роспись утверждена въ обыкновенное время, и мнѣ съ моимъ отдѣленіемъ исходатайствована награда 2000 р. сер., изъ которыхъ я получилъ въ прежнемъ размѣрѣ 600 р., а 1400 р. раздѣлены бухгалтерамъ и прочимъ чиновникамъ.

Въ Апрѣлѣ 1854 г. А. М. Княжевичъ оставилъ департаментъ и возведенъ въ званіе почетнаго опекуна С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Простясь съ нимъ, мы всѣ считали себя осиротѣвшими. На мѣсто его командиромъ нашимъ поступилъ бывшій прежде Волынскимъ, потомъ Кіевскимъ предсѣдателемъ Казенной Палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Кирилловичъ Ключаревъ, сынъ протоіерея Астраханскаго собора и магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи. Онъ служилъ прежде въ разныхъ вѣдомствахъ, не пользуясь большимъ счастіемъ по службѣ; потомъ поступилъ, какимъ-то случаемъ, къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу (въ послѣдствіи князю) Воронцову, и съ того времени фортуна ему улыбнулась.

Алексѣй Кирилловичъ явился къ намъ въ департаментъ 15 Мая 1854 г. и въ этотъ день только познакомился со всѣми старшими чиновниками, почтивъ вице-директоровъ, г.г. Севринова и С. М. Кобылина пожатіемъ рукъ, чего удостоился и я. На слѣдующій день онъ позвалъ всѣхъ столоначальниковъ, бухгалтеровъ и контролеровъ и пригласилъ ихъ признаться ему откровенно: нѣтъ ли у кого изъ нихъ залежавшихся бумагъ или упущеній по дѣламъ, внушивъ при томъ, что гораздо лучше признаться въ самомъ началѣ его вступленія, нежели допустить, чтобы онъ самъ или случай открыли за ними какія либо неисправности. На этотъ разъ такихъ грѣшниковъ не оказалось. Далѣе онъ потребовалъ образчики чистописанія всѣхъ канцелярскихъ служителей, со спискомъ получаемаго каждымъ изъ нихъ жалованья. Разсмотрѣвъ все это со вниманіемъ, онъ приказалъ правителю канцеляріи составить докладную записку, въ которой испрашивалось разрѣшеніе: писцамъ, неимѣющимъ хорошихъ почерковъ, уменьшить жалованье на 50 и даже на 100 р. въ годъ. Къ несчастію, министръ утвердилъ это крайне бѣдственное для писцовъ предположеніе, можетъ быть и дѣльное, примѣняя службу ихъ къ найму рабочихъ, но несправедливое въ понятіяхъ о достоинствѣ службы, которая никогда безъ вины не отнимаетъ того, что̀ отъ нея пріобрѣтено. Въ этомъ случаѣ открылось, что многіе изъ писцовъ, не имѣвшихъ хорошаго почерка, были очень полезны для дѣлопроизводства и потому лишь не имѣли штатныхъ мѣстъ, что не было вакансій. Изъ чиновниковъ моего отдѣленія никто не подвергся этой проскрипціи. У насъ были чиновники, опредѣленные для усиленія департамента, и на нихъ,

по особому высочайшему соизволенію, производилась опредѣленная сумма. Всѣ эти господа, въ томъ числѣ извѣстный публицистъ Андрей Александровичъ Краевскій, уволены.

Въ это время у насъ было два вице-директора, дѣйствительные статскіе совѣтники, М. М. Севриновъ и С. М. Кобылинъ. Первый, завѣдывая распорядительными отдѣленіями, обязанъ былъ представлять министру, въ докладной день нашего департамента, по Средамъ, свѣдѣнія о состояніи кассъ Государственнаго Казначейства и распредѣлять свободныя суммы для отпуска главнымъ вѣдомствамъ, какъ-то: Коммиссіи Погашенія долговъ, Военному и Морскому Министерствамъ и Главному Управленію Путей Сообщенія. Вскорѣ по своемъ вступленіи въ департаментъ, Ключаревъ взялъ на себя это распредѣленіе, и затѣмъ вице-директору осталось подавать къ подписанію только ассигновки по этому предмету и безмолвствовать передъ министромъ. Другой вице-директоръ занимался собственно по счетной части и являлся къ министру съ представленіями годовыхъ отчетовъ. Директоръ очень крѣпко взялся за эту часть, хотя не сдѣлалъ къ ней заранѣе необходимой привычки. Онъ началъ съ того, что приказалъ купить себѣ колоссальные счеты съ крупными костями, на которыхъ впрочемъ вовсе нельзя было порядочно считать. Алексѣй Кирилловичъ скоро замѣтилъ, что С. М., проникнутый въ плоти и крови цыфрами, былъ далеко не отличный дѣлопроизводитель, и съ него перваго началось гоненіе. Оно скоро дошло до того, что директоръ, приглашая г. Кобылина въ общее собраніе начальниковъ счетныхъ отдѣленій, дѣлалъ ему разныя замѣчанія и выговоры, едва ли однако справедливые, и находилъ даже удовольствіе подшучивать надъ нимъ, называя его часто въ шутку *отцемъ счетоводства*, и тѣмъ напоминалъ намъ свои богословскіе термины и свое происхожденіе. Но отливались и волку овечьи слезы. Одинъ разъ министръ, говоря о чемъ-то по росписи со мною, назвалъ нашего Алексѣя Кирилловича «*поповскими*»... (принадлежностями), разумѣется, не въ его присутствіи. Вообще Петръ Ѳедоровичъ, превосходный бюрократъ, былъ очень недоволенъ редакціею департамента подъ управленіемъ Ключарева.

Севриновъ, по семейнымъ обстоятельствамъ встрѣтивъ надобность въ денежномъ пособіи, обратился съ просьбою, изложенною въ почтительномъ письмѣ къ Петру Ѳедоровичу. Это письмо министръ передалъ Ключареву, и оно осталось безъ послѣдствій.

Въ концѣ 1854 года умеръ отъ внезапнаго удара всѣми уважаемый, трудолюбивѣйшій начальникъ 2-го отдѣленія бухгалтеріи Андрей

Михайловичъ Кобылинъ (братъ вице-директора), а осенью 1855 скончался грудною водяною болѣзнію вице-директоръ Севриновъ.

Со мною, покуда, Алексѣй Кирилловичъ былъ въ ладахъ.

Въ Октябрѣ 1854 я получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ Февралѣ 1856 года утвержденъ вице-директоромъ на мѣсто Севринова; въ Апрѣлѣ 1857, на Пасху, пожалованъ мнѣ орденъ св. Станислава 1-й степени, возложенный на меня рукою директора. Во все это время я пользовался постоянно благосклонностію министра, являлся при каждомъ докладѣ на тѣхъ же почти основаніяхъ, какія введены были Ключаревымъ для Севринова, но сохранилъ преимущество представлять доклады о росписи.

Все мое служебное время и очень часто цѣлые вечера проходили въ подписываніи департаментскихъ бумагъ. Зрѣніе мое начало слишкомъ явно ослабѣвать, и наконецъ я не могъ въ пяти шагахъ разглядѣть знакомаго человѣка.

Ревнивый къ власти Алексѣй Кирилловичъ не могъ терпѣть, чтобы кто нибудь изъ его подчиненныхъ въ присутствіи министра выступалъ за предѣлы молчанія. Онъ бралъ съ собою къ докладу начальниковъ отдѣленія только для того, чтобы, въ случаѣ вопросовъ министра, пріискать въ дѣлѣ какую нибудь цитату.

Въ 1857 году купленъ былъ у Военнаго Министерства домъ на Литейной бывшаго Департамента Военныхъ Поселеній, для помѣщенія въ немъ Главнаго Казначейства. Встрѣтилась надобность сдѣлать въ этомъ домѣ капитальныя исправленія какъ для удобнѣйшаго храненія суммъ, такъ и для пріема стекающейся въ Казначейство въ извѣстные дни мѣсяца публики. Перестройка эта, къ несчастію, по ошибкѣ нашего директора, ввѣрена, по контракту съ торговъ, нѣкоему Змигродскому. Для этого учреждена коммиссія, въ которую избрали меня, съ архитекторомъ и экзекуторомъ нашимъ, при достаточномъ числѣ нижнихъ служителей. Строеніе это производилось слишкомъ медленно, потому что подрядчикъ удерживалъ плату рабочимъ и, наконецъ, вовсе остановилось. На основаніи контракта министръ приказалъ удалить подрядчика и окончаніе перестройки поручилъ коммиссіи. Изъ этого возникло очень кляузное многотомное дѣло по протесту подрядчика на архитектора. Я былъ главнымъ производителемъ этого дѣла; но по недоброжелательству Ключарева не получилъ за огромные по этому дѣлу труды никакого вознагражденія, а между тѣмъ однажды едва было не сдѣлался жертвою своего усердія къ службѣ, рискуя пропасть на строеніи, по непривычкѣ ходить по щебню и лѣсамъ.

Года три или четыре со времени поступленія къ намъ директоромъ Алексѣя Кирилловича, я былъ самымъ довѣреннымъ и надеж-

нымъ его совѣтникомъ и никогда не думалъ, чтобъ онъ сдѣлался ко мнѣ холоденъ и неблагодаренъ, но увы! *лучшее всегда хорошему злодѣй.*

10 Апрѣля 1858, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, чиновники Министерства Финансовъ обрадованы были назначеніемъ новаго начальника. Александръ Максимовичъ, оставя нашъ департаментъ въ званіи директора, возвратился министромъ.

Первые доклады новый министръ принималъ въ комнатахъ, гдѣ собирался комитетъ финансовъ. Въ Субботу, около 3-хъ часовъ пополудни, курьеръ объявилъ, что министръ меня требуетъ.

Я принятъ былъ его высокопревосходительствомъ съ особеннымъ благоволеніемъ. Онъ сказалъ мнѣ: «Петръ Ивановичъ, *не желаете ли вы поработать со мною?*» Я поклонился низко, и въ туже минуту блеснула у меня въ головѣ мысль, что министръ намѣренъ употребить меня въ родѣ чиновника особыхъ порученій, и что я буду поставленъ чрезъ то въ ужасное положеніе распоряжаться въ департаментѣ по приказанію министра мимо Ключарева; а въ такомъ случаѣ онъ, имѣя надъ чиновниками власть чародѣя, парализируетъ всѣ мои дѣйствія и совершитъ мое паденіе на первыхъ порахъ; это могло случиться даже не въ первые дни, а въ первые часы моего участія въ дѣлахъ до совершеннаго устраненія изъ департамента хитраго и опытнаго въ интригахъ Алексѣя Кирилловича. Другая мысль, посланная мнѣ тогда же Богомъ, состояла въ томъ, что я могу быть учтивѣе съ подчиненными и добрѣе къ нимъ нежели Ключаревъ, но едва ли буду въ силахъ принести пользу службѣ настолько же, какъ онъ, человѣкъ, одаренный превосходными физическими и душевными силами и при томъ отлично образованный. Занявъ его мѣсто недостойно, я былъ бы тяжко виноватъ передъ Богомъ и Государемъ, и никакіе ордена, никакія денежныя награды не утѣшили бы меня въ послѣднюю минуту жизни отъ угрызенія совѣсти за подлый поступокъ своекорыстія и честолюбія. Чрезъ минуту послѣ сдѣланнаго мнѣ предложенія, я вторично поклонился министру и, поблагодаривъ его за великодушное приглашеніе, отвѣчалъ, что, при всемъ желаніи моемъ воспользоваться предлагаемою мнѣ высокою честію, не имѣю силъ принять эту милость при моихъ преклонныхъ лѣтахъ и по крайней слабости зрѣнія. Посмотрѣвъ на меня съ какою-то недовѣрчивостію, Александръ Максимовичъ сказалъ: «Что̀ вы Петръ Ивановичъ? Вѣдь я старѣе васъ, но могу еще много трудиться».—«Я никогда не осмѣлюсь сравнивать свои бѣдныя способности съ дарованіемъ и высокими способностями вашего высокопревосходительства». Одержавъ такимъ образомъ побѣду надъ своимъ честолюбіемъ, я вышелъ изъ кабинета, поклонясь въ третій разъ.

Ключаревъ дожидался въ департаментѣ моего возвращенія. Я разсказалъ ему о своемъ разговорѣ съ министромъ, но не во всей подробности, а стараясь дать видъ, что онъ хотѣлъ поручить мнѣ одно постороннее дѣло, отъ котораго я отказался по слабости зрѣнія.

Но Алексѣя Кирилловича провести трудно, и съ тѣхъ поръ обращеніе его со мною, всегда почти любезное, рѣшительно измѣнилось.

Одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ, начальникъ отдѣленія Ѳедоръ Антоновичъ Миллеръ, издавна знакомый съ членомъ Государственнаго Совѣта Прянишниковымъ, слышалъ отъ него, что Александра Максимовича спрашивали, какъ онъ терпитъ въ средѣ своихъ директоровъ Ключарева, и что онъ на это отвѣчалъ такъ: «Что же мнѣ дѣлать? Въ департаментѣ Казначейства два вице-директора; одинъ слишкомъ старъ для этой должности, а другому я предлагалъ, но онъ отказался по слабости зрѣнія».

Первый докладъ Ключарева со мною происходилъ въ кабинетѣ при библіотекѣ Министерства Финансовъ, гдѣ бываютъ собранія разныхъ комитетовъ. Ключаревъ вошелъ къ министру первый и вышелъ, имѣя багряное лицо, какъ раскаленное желѣзо. Надобно думать, что Александръ Максимовичъ сдѣлалъ ему порядочный нагоняй за неприличное обращеніе съ чиновниками и жестокость съ нѣкоторыми изъ нихъ. *Но выправитъ горбатаго могила, а упрямаго дубина*, говаривалъ нашъ старикъ экзекуторъ и казначей Чивилевъ.

Алексѣй Кирилловичъ былъ весьма бережливъ на канцелярскую сумму, но только, какъ послѣ оказалось, чрезвычайно дорого платилъ поставщику за бумагу; а впрочемъ пособія изъ нея бѣднѣйшимъ чиновникамъ дѣлались очень рѣдко, и то развѣ по ходатайству его задушевнаго друга Тристана; у насъ трудно было выпроситься въ отпускъ на обыкновенный законный срокъ, 28 дней, но на два и болѣе мѣсяцевъ отпускали охотно, потому что жалованье въ такомъ случаѣ оставалось въ экономіи департамента, и такими и тому подобными средствами, составлялись значительные остатки. Директоръ самъ назначалъ изъ нихъ пособія двумъ вице-директорамъ, всѣмъ начальникамъ отдѣленія, правителю канцеляріи, начальнику архива и экзекутору, а прочимъ чиновникамъ раздавались награды по назначенію начальниковъ отдѣленій, съ большими однако перемѣнами по волѣ директора, который былъ не прочь исполнять просьбы знакомыхъ дамъ и вліятельныхъ лицъ вообще. Раздавались однако не всѣ остаточныя деньги, и директоръ, во время бытности министромъ П. Ѳ. Брока, всегда оставлялъ свободными 2 т. рубл. Эту сумму Петръ Ѳедоровичъ обыкновенно разрѣшалъ директору взять себѣ. Казалось, что эта продѣлка, при вступленіи Александра Максимовича и послѣ нахлобучки,

данной директору, о которой я сказалъ выше, прекратится; но нѣтъ, онъ подъѣхалъ и къ новому министру съ такимъ же расчетомъ, предоставляя остаточныя 2.000 руб. на его благоусмотрѣніе. Александръ Максимовичъ написалъ на докладной объ этомъ запискѣ резолюцію: «*Раздѣлить и эту сумму на чиновниковъ*»....

Кромѣ Ильенки Алексѣй Кирилловичъ терпѣть не могъ очень старослуживыхъ начальниковъ отдѣленій статскихъ совѣтниковъ Савицкаго и Миллера. Въ представленіи къ наградамъ въ Комитетъ Министровъ въ 1859 году оба они были пропущены, но отъ министра финансовъ представленіе возвращено съ приказаніемъ включить ихъ обоихъ въ это представленіе, независимо отъ общихъ правилъ, за отличіе, къ слѣдующимъ чинамъ. Тотъ и другой произведены въ концѣ 1859 г. года въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Передъ тѣмъ, также безъ всякаго со стороны Ключарева ходатайства, я получилъ въ Великую Субботу 1859 знаки ордена Св. Анны первой степени. Эту совершенно нежданную мною награду приписываю я за необыкновенные труды по росписямъ нѣкоторыхъ годовъ, оставленные безъ вниманія министромъ Вронченкомъ.

Осенью 1859 года, вечеромъ, заѣхалъ навѣстить меня племянникъ министра, Максимъ Дмитріевичъ Княжевичъ. За бокаломъ шампанскаго, говоря о томъ, о семъ, я высказалъ ему свою затаенную мысль оставить службу и обратился къ нему съ просьбою сдѣлать для меня величайшее одолженіе, поговорить, при случаѣ, съ дядюшкой о моей отставкѣ съ пенсіею, которая была бы достаточна на мое нероскошное, но безбѣдное содержаніе въ старости. Максимъ Дмитріевичъ взялся за это очень радушно. Недѣли черезъ двѣ онъ высказалъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ. Я говорилъ съ дядею о вашемъ желаніи оставить службу. Онъ удивился и спросилъ, чтó это значитъ? «Я полагаю продолжалъ Максимъ Дмитріевичъ, что у нихъ нелады съ Ключаревымъ».— «Пустое, сказалъ министръ; теперь это довольно трудно: если я выпрошу у Государя порядочный пенсіонъ Голубеву, то и другіе два вице-директора, С. М. Кобылинъ и Григорьевъ *), также будутъ просить объ увольненіи съ пенсіями. Впрочемъ подумаю». Я очень былъ благодаренъ Максиму Дмитріевичу за исполненіе моей просьбы.

Между тѣмъ отношенія мои къ Алексѣю Кирилловичу съ часу на часъ становились холоднѣе. Не смотря на груды доставшихся на мое разсмотрѣніе бумагъ, которыя надобно было подписывать очень осторожно, онъ иногда поручалъ мнѣ и нѣкоторыя постороннія дѣла, но докладывалъ министру исполненіе по нимъ самолично. Разныя замѣ-

*) Этотъ вице-директоръ прибавленъ къ составу департамента въ 1859 году, послѣ передачи въ его вѣдѣніе особой части земскихъ повинностей.

чанія казеннымъ палатамъ по ревизіоннымъ отдѣленіямъ передавалъ на резолюцію любимца своего Ж—и, котораго мы съ Жуковскимъ*) называли Тристаномъ-пустынникомъ. Этотъ Тристанъ, хотя очень плохой грамотѣй, не спускалъ ни одной бумаги, чтобы ее не перекроить по своему для того, чтобы явить директору новые опыты своего усердія и прилежанія.

Такъ прошли 1859 и 1860 годы.

Еще со времени вступленія Александра Максимовича на министерскій постъ, Алексѣй Кирилловичъ взялъ, какъ Атлантъ, все бремя дѣлъ на одного себя, и я уже не докладывалъ бумагъ по росписи.

Товарищъ мой, Семенъ Михайловичъ, разлучился съ незабвеннымъ Алексѣемъ Кирилловичемъ и получилъ мѣсто управляющаго Главнымъ Казначействомъ, а вице-директоромъ опредѣленъ начальникъ 3-го распорядительнаго отдѣленія, бывшій нѣкогда секретаремъ при графѣ Канкринѣ, статскій совѣтникъ Александръ Кирилловичъ Жуковскій.

Въ 1861 году Алексѣй Кирилловичъ пожелалъ отправиться съ супругою и воспитанницей за границу и получилъ увольненіе на 5 мѣсяцевъ, а управленіе департаментомъ поручено мнѣ съ Жуковскимъ, которому предоставлены доклады по распорядительнымъ отдѣленіямъ; но важнѣйшіе предметы, какъ то представленіе проектовъ для всеподданнѣйшихъ докладовъ, удовлетвореніе главнѣйшихъ вѣдомствъ суммами и всѣ особенно экстренные случаи, оставлены на моей отвѣтственности. Труды по званію вице-директоровъ не были и не могли быть сняты. Къ этому присоединилась еще тревожная и пустѣйшая обязанность подписывать новый выпускъ билетовъ Государственнаго Казначейства. Этого мало: случилось такъ, что и министръ получилъ высочайшее разрѣшеніе отправиться на два мѣсяца, съ Іюля, для обозрѣнія казенныхъ палатъ и уѣздныхъ казначействъ подмосковныхъ и другихъ среднихъ и южныхъ губерній до Симферополя, а управленіе министерствомъ поручено его товарищу, тайному совѣтнику Шигаеву, человѣку не слишкомъ знакомому съ ходомъ нашего дѣла, а притомъ крайне трусливому и недовѣрчивому.

Ключаревъ уѣхалъ въ половинѣ Мая. Министръ въ началѣ Іюня. Первый счелъ долгомъ распустить разныхъ дѣлопроизводителей, въ томъ числѣ правителя канцеляріи, на продолжительные сроки, кого въ отпускъ, кого съ порученіями ревизовать уѣздныя казначейства и наконецъ нѣкоторыхъ для излеченія тяжкихъ болѣзней, извѣстныхъ въ публикѣ подъ общимъ названіемъ: *febris pritvorialis*. Онъ, кажется,

*) Начальникъ 3-го распорядительнаго отдѣленія, сдѣланный вскорѣ потомъ вице-директоромъ.

имѣлъ тайную мысль доказать вселенной, что безъ него департаментъ нашъ существовать не можетъ.

Благодаря однако милостивое Провидѣніе, дѣла наши шли благополучно.

Въ Августѣ 1861 г. скоропостижно скончался управлявшій главнымъ Казначействомъ г. Кобылинъ. Товарищъ министра, Шигаевъ, я, Жуковскій, всѣ члены и чиновники Казначейства проводили С. М. на вѣчный покой. Казначейскіе были увѣрены, что на его мѣсто непремѣнно поступить долженъ былъ я, и забавно было видѣть, какъ они выстроились на кладбищенской дорожкѣ и творили мнѣ чуть не земные поклоны. Я внутренно смѣялся на этотъ церемоніалъ, вспомнивъ извѣстную басню В. Пушкина:

„На утренней зарѣ,
Въ день праздничный, противъ иконы,
Сидѣла мышь на алтарѣ
И видя, что народъ творитъ предъ ней поклоны“ и проч.

Впослѣдствіи справедливѣйшее начальство нашло чиновника болѣе меня достойнаго занять это мѣсто, на которое и возведенъ бывшій предсѣдатель Лифляндской казенной палаты Матвѣй Осиповичъ Лешевичъ *); а меня, какъ церковную мышь, оставили въ когтяхъ Ключарева.

Со мною не церемонились, тѣмъ болѣе, что я отказался отъ предложенія *поработать съ министромъ*, т. е. стать на степень, съ которой можно шагнуть въ директоры. Но разность обязанностей директора съ обязанностями управляющаго Главнымъ Казначействомъ слишкомъ велика. Сравнивая ихъ работы, перваго можно примѣнить къ живописцу, а другаго назвать маляромъ. Честный маляръ не возметъ на себя обязанностей живописца и не откажется отъ своего искусства писать по трафареткѣ: такъ и я не отказался бы отъ должности управляющаго Казначействомъ, котораго всѣ дѣйствія направляются директоромъ департамента. Впрочемъ я утѣшался мыслію, что *обѣщали подумать* о моей участи, и что меня вѣрно сдѣлаютъ, по примѣру другихъ, хотя членомъ Совѣта Министерства Финансовъ; но не случилось и того. Мнѣ оставалось послѣ этого ожидать, что, при окончательной потерѣ зрѣнія, получу по уставу 1827 года пенсію, ничтожную для грѣшника, но слишкомъ достаточную для праведника—572 рублей сер. въ годъ.

---

*) Этотъ господинъ нашелъ себѣ сильное покровительство генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній, князя Суворова - Рымникскаго, теперь здѣшняго генералъ-губернатора, который и выпросилъ ему мѣсто управляющаго главнаго Казначейства.

Послѣдняя награда, которую получилъ я, была—великолѣпный орденъ св. Анны 1-й степени, и я думалъ, что мнѣ придется, современемъ, украшаясь алою лентою черезъ плечо, ходить въ сапогахъ безъ подошвъ, такъ какъ все, чтó я накопилъ въ теченіе многихъ лѣтъ изъ ежегодныхъ наградъ, отдано было въ приданое за дочерью, и это заставило меня *просить*.

Я обратился въ своемъ раздумьѣ къ директору канцеляріи министра финансовъ Θедору Тимоѳеевичу Фанъ-деръ Флиту и представилъ ему, что хотя я ни въ какомъ случаѣ не надѣюсь и не считаю себя достойнымъ какихъ либо наградъ, но, зная великодушіе Александра Максимовича, предполагаю возможнымъ, что его высокопревосходительству благоугодно будетъ, во вниманіе къ прежнимъ моимъ трудамъ, пожаловать мнѣ новую награду, которая, въ порядкѣ вещей, состоять должна въ знакахъ того же ордена, украшеннаго Императорскою короною, и потому осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить не включать меня въ представленіе, такъ какъ награда этимъ орденомъ сопряжена со взносомъ денегъ для меня затруднительнымъ.

Почтеннѣйшій Θедоръ Тимоѳеевичъ, выслушавъ меня съ особенною благосклонностію, обѣщалъ сдѣлать все, чтò отъ него зависитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ 30 Августа 1861 года готовилось представленіе къ наградамъ, но не общее по министерству, а только о нѣкоторыхъ чиновникахъ.

Θедоръ Тимоѳеевичъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ объясненія со мною, былъ до того внимателенъ, что самъ пожаловалъ ко мнѣ въ департаментъ съ пріятною вѣстію: что онъ былъ требованъ въ Москву по телеграфу и между прочимъ говорилъ обо мнѣ съ министромъ и что Александръ Максимовичъ точно имѣлъ намѣреніе представить меня къ наградѣ орденомъ Анны 1-й степени съ короною, но, узнавъ нежеланіе мое получить орденъ, представилъ меня къ денежной наградѣ 2000 р. съ отнесеніемъ ихъ къ секретнымъ суммамъ, отпущеннымъ на извѣстные Государю Императору расходы, чтобы не дѣлать вычета на инвалидовъ. Эти 2000 рублей были мнѣ присланы изъ канцеляріи министра финансовъ 30 Августа 1861 года въ день св. Александра Невскаго.

Какъ эта награда была особенною милостію, независимо отъ наградъ обыкновенныхъ и секретная, то я могъ думать, что имѣю нѣкоторое право получить еще что нибудь по представленію въ Комитетъ Министровъ за обыкновенные труды по должности вице-директора; но этого не случилось, и весьма справедливо, ибо желанія наши слишкомъ неумѣренны. Впрочемъ, кажется, судьбѣ не хотѣлось баловать меня деньгами. 13 Іюня 1861 г., еще до отъѣзда министра изъ С.-Пе-

тербурга, исполнилось пятидесятилѣтіе моей дѣйствительной службы Товарищъ мой, вице-директоръ Жуковскій, докладывалъ объ этомъ Александру Максимовичу; но онъ, пересмотрѣвъ мой формулярный списокъ, нашелъ, что я произведенъ въ офицеры 31 Декабря 1812 года и объявилъ, что Государь Императоръ жалуетъ награды за 50-лѣтнюю службу собственно въ офицерскихъ чинахъ, то мнѣ нужно будетъ еще повременить; но въ Февралѣ 1862 года А. М. Княжевичъ смѣнился, и юбилей мой состояться не могъ. Объ этомъ сказано будетъ далѣе.

Во время управленія моего департаментомъ случились два очень непріятныя обстоятельства, и я не перестаю возсылать свои грѣшныя молитвы съ благодареніемъ Господу Богу за то, что они прошли благополучно.

21 Іюня 1861 года получено въ департаментѣ требованіе коммиссіи финансовъ Царства Польскаго, чтобы заплатить ей 6257 р. сер. за такую же сумму, выданную изъ ея кассы на счетъ нашей казны, живущимъ въ царствѣ владѣльцамъ билетовъ одного изъ многихъ Русскихъ заграничныхъ займовъ, на полугодовой срокъ за проценты. Въ отношеніи коммиссіи сказано, что она препровождаетъ *при семъ* подлинные, уже уплаченные купоны Государственной (нашей) Коммиссіи погашенія долговъ и вѣдомость о нумерахъ купоновъ.

По заведенному издавна въ департаментѣ нашемъ порядку, входящія бумаги на имя департамента распечатываетъ при курьерѣ правитель канцеляріи, за командировкою котораго должность эту исправлялъ чиновникъ особыхъ порученій Гербаневскій. Послѣ сдѣланной помѣты правителемъ канцеляріи, бумаги пересматриваются директоромъ. Для пріема денегъ, присылаемыхъ въ департаментъ, командируется казначей или его помощникъ въ почтамтъ. Вложенные въ конвертахъ денежные документы или свидѣтельства, обязательства и проч. правитель канцеляріи тотчасъ же, по распечатаніи конверта, передаетъ казначею съ его отмѣткою на полученной бумагѣ, что документы имъ приняты. Г. Гербаневскій, вѣроятно не прочтя бумаги о сказанныхъ 6257 р., отдалъ ее съ прочими бумагами ко мнѣ; я, въ увѣренности, что приложенные къ ней купоны переданы, по введенному порядку, для храненія казначею, или лучше сказать при чрезвычайномъ множествѣ дѣла, не посмотрѣвъ хорошенько, возвратилъ эту бумагу съ прочими въ канцелярію. Бумага записана въ реестръ и была отдана къ исполненію въ 1-е отдѣленіе бухгалтеріи; но ни тамъ, ни въ другомъ отдѣленіи, куда ее отдавали, не принята, и такимъ образомъ въ спорахъ и пререканіяхъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

Около 20 Іюля взялъ наконецъ ее начальникъ 1 отдѣленія бухгалтеріи П. Н. Тюринъ и, приступивъ къ исполненію, увидѣлъ, что указанныхъ въ отношеніи купоновъ и вѣдомости нѣтъ. Начали справляться; оказалось, что ихъ не было вовсе прислано, однако можно было подумать, что они выкрадены, такъ какъ они не были отмѣчены платежными знаками, слѣдовательно по нимъ какой-нибудь злоумышленникъ могъ получить деньги въ другой разъ. Тотчасъ же мы увѣдомили объ этомъ коммиссію финансовъ Царства, замѣтивъ ей, что купоны, по которымъ слѣдуетъ заплатить 6257 р. слѣдовало отослать къ намъ не съ простой, а съ денежной корреспонденціей, и просили выслать ихъ къ намъ, если они были не приложены. Цѣлые 1½ мѣсяца не было никакого отвѣта, и уже лишь въ началѣ Сентября эти купоны присланы сюда съ нарочнымъ чиновникомъ. Во все это время я страдалъ жестокими сомнѣніями.

Другое обстоятельство было еще опаснѣе.

Въ 3-мъ распорядительномъ отдѣленіи, которое никогда не отличалось сохраненіемъ канцелярскаго порядка, пропало присланное изъ Сената на заключеніе министра финансовъ подлинное дѣло, на 4500 листахъ, о наслѣдственномъ дѣлежѣ и по расчету съ казною помѣщиковъ Браницкихъ и князя Сапѣги. Это было доложено мнѣ 8 Августа 1861 г. Мы съ г. Жуковскимъ приказали столоначальнику Потемкину, человѣку не безъ способностей и очень трудолюбивому, но слабому съ подчиненными, употребить всѣ возможныя средства къ отысканію этого дѣла, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ можетъ пострадать.

Какъ въ 3-е распорядительное отдѣленіе часто поступали подобныя дѣла и пересылались въ другія министерства или были возвращаемы съ требованными заключеніями, то мы съ Жуковскимъ и начальникъ того отдѣленія Якубовскій были увѣрены, что дѣло это отослано куда нибудь по ошибкѣ.

Ключареву объ этомъ донесъ другъ его Тристанъ въ своей съ нимъ интимной перепискѣ.

По возвращеніи, въ началѣ Октября, Алексѣй Кирилловичъ немедленно допросилъ Потемкина, какъ случилась эта пропажа, и объявилъ, что если дѣло не найдется въ теченіе недѣли, то г. Потемкинъ будетъ подвергнутъ слѣдствію и суду, а самъ въ первый же свой докладъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра, присовокупивъ мнѣніе, что много упущено времени къ отысканію пропавшаго дѣла, что̀ и твердилъ постоянно, желая выказать неисправности, которыхъ при его управленіи, какъ думалъ онъ, случиться бы не могло; но всякій разъ, когда была объ этомъ рѣчь, я повторялъ ему, что онъ самъ на-

шелъ нужнымъ дать Потемкину еще недѣлю для отысканія дѣла, сверхъ того времени, которое назначили мы съ Жуковскимъ.

Слѣдователемъ былъ назначенъ чиновникъ при министрѣ Ѳедоръ Прохоровичъ Мицкевичъ. Его посылалъ министръ въ Москву, разузнать, не попало ли это дѣло ошибкою въ тамошній Сенатъ; но тамъ ничего не открыли. Слѣдствіе продолжалось около года, и по окончаніи слѣдственное производство представлено, по закону, на разсмотрѣніе Совѣта Министерства Финансовъ. Совѣтъ постановилъ передать слѣдствіе на разсмотрѣніе Уголовной Палаты. Ключаревъ настоялъ, чтобы и оба вице-директоры дали за своимъ подписомъ объясненіе, что было сдѣлано ими къ отысканію пропавшаго дѣла.

Наканунѣ того дня, когда надобно было отправить слѣдственныя бумаги въ Уголовную Палату, явился въ домъ къ Ѳ. П. Мицкевичу какой-то господинъ и, въ отсутствіе хозяина, отдалъ дворнику огромную связку, запечатанную и адресованную на имя Мицкевича. Это было пропавшее дѣло. Мицкевичъ представилъ его, при рапортѣ, въ департаментъ, и формалистъ нашъ, Алексѣй Кирилловичъ, собравъ начальниковъ отдѣленій, велѣлъ начальнику 3-го отдѣленія пересмотрѣть при нихъ и пересчитать всѣ листы по описи. Все оказалось исправнымъ и цѣлымъ.

Кто взялъ это дѣло изъ департамента и кто принесъ его къ Мицкевичу, это осталось доселѣ тайною.

Ключаревъ наказалъ виноватыхъ порядочно; въ 1861, 1862 и 1863 годахъ ни Потемкину, отцу 8-хъ дѣтей, ни его подчиненнымъ, не давалось никакого пособія. Жестоко, но справедливо.

Чиновники Министерства Финансовъ, для которыхъ со вступленія Александра Максимовича на министерскій постъ наступилъ золотой вѣкъ, думали со введеніемъ блистательной новой системы питейныхъ сборовъ, что его благодѣтельное управленіе будетъ продолжительно, и ошиблись: въ Февралѣ 1862 г. пронесся слухъ и, къ несчастію, неложный, что онъ оставляетъ Министерство новому преемнику, управлявшему дѣлами Комитета Финансовъ, тайному совѣтнику Михаилу Христофоровичу Рейтерну.

Когда послѣдовалъ объ этомъ высочайшій указъ, всѣ чиновники Министерства явились въ залахъ дома министерскаго (противъ Мраморнаго дворца) для представленія новому начальнику въ присутствіи Александра Максимовича, которому директоръ нашъ, мы, вице-директоры и всѣ начальники отдѣленій нашего департамента рѣшились принести искреннѣйшую благодарность за его кроткое и благодѣтельное управленіе.

Мы явились для этого къ бывшему министру въ часъ пополудни. Камердинеръ извѣстилъ насъ, что Александръ Максимовичъ приглашаетъ всѣхъ насъ въ залу. Ключарева еще не было, и мнѣ, какъ старшему, досталось представить его высокопревосходительству прочихъ товарищей. Когда онъ вышелъ къ намъ, я сказалъ: «За отсутствіемъ директора, потребованнаго Михаиломъ Христофоровичемъ, имѣю честь представить вашему высокопревосходительству благодарныхъ чиновниковъ департамента Государственнаго Казначейства. Каждый изъ насъ питаетъ надежду, что, и оставя Министерство, вы не лишите насъ своего высокаго покровительства». Онъ чрезвычайно ласково отвѣчалъ:

«Я всегда любилъ департаментъ Государственнаго Казначейства, но теперь уже не имѣю возможности быть ему полезнымъ попрежнему». Потомъ онъ обратился очень милостиво къ вице-директору Жуковскому и нѣкоторымъ ветеранамъ нашимъ, поговоривъ съ каждымъ изъ насъ со свойственною ему благосклонностію, и потомъ распрощался. Послѣ этого намъ объявлено, что бывшій министръ испросилъ у Государя Императора всемилостивѣйшую награду на департаментъ Государственнаго Казначейства 24.000 рублей.

Распредѣленіе этой суммы предоставлено директору. Онъ не упустилъ при этомъ случаѣ ужалить вице-директоровъ, давъ имъ по 450 р. сер., даже менѣе нежели нѣкоторымъ начальникамъ отдѣленій.

Надобно сказать, что Ключаревъ, отличною исправностію по службѣ, пріобрѣтая постепенно, хотя не сердечное къ себѣ расположеніе, но довѣренность министра, скоро забылъ данную отъ него сначала жестокую гонку и возобновилъ свой терроризмъ надъ чиновниками; будучи однако не хитрымъ, но очень лукавымъ человѣкомъ, онъ ловко принялъ всѣ мѣры, чтобъ до министра не доходили слухи о его лютости; для этого онъ удивительно былъ ласковъ и любезенъ съ нѣкоторыми господами, имѣвшими доступъ къ Александру Максимовичу, расположилъ ихъ въ свою пользу такъ, что они, изъ признательности къ нему, не оглашали скверныхъ его поступковъ, и такимъ образомъ онъ дѣлалъ, что̀ хотѣлъ. Само собою разумѣется, что еслибъ Александръ Максимовичъ зналъ все, что́ у насъ дѣлается, то никакъ не допустилъ бы Алексѣю Кирилловичу обидѣть вице-директоровъ, а назначилъ бы имъ награды по собственному усмотрѣнію.

Получивъ это награжденіе, мы опять отправились благодарить Александра Максимовича, и я почтительно и въ глубокомъ молчаніи ему поклонился.

Наступилъ первый докладной день новому министру. По заведенному порядку, и я пошелъ со всѣми кассовыми счетами при директорѣ, который убѣдительно просилъ меня, идучи со мною, не говорить ни

слова съ министромъ, «такъ какъ я, сказалъ Алексѣй Кирилловичъ, заготовилъ записку, написавъ въ ней все то, что́ нужно было бы объяснять на словахъ». Это мнѣ казалось очень страннымъ, но было дѣйствительно такъ: онъ хотѣлъ превратить меня въ безсловесные.

Во время этихъ передвиженій по службѣ, случилось, что жену мою посѣтила родственница бывшаго министра, родная сестра покойной его супруги, глубоко имъ уважаемая Александра Христіановна Христіани, вдова генералъ-лейтенанта. При разговорѣ о случившейся перемѣнѣ министра, жена моя изъявила, что мы крайне опечалены, лишась Александра Максимовича, на котораго, сказала Софья Петровна, мы возлагали надежду, что мужъ мой, оканчивая службу, не останется безъ куска хлѣба, и даже теперь надѣемся, что бывшій министръ не оставитъ въ этомъ случаѣ оказать свое содѣйствіе и покровительство. Отвѣчали: Неужели вы думаете, Софья Петровна, что Александръ Максимовичъ можетъ унизиться до того, чтобы просить Рейтерна? Видя, какъ разсыпались надежды наши, жена моя залилась слезами и сказала: «Мы не позволимъ себѣ этого думать, но Максимъ Дмитріевичъ довелъ до свѣдѣнія министра, еще въ концѣ 1859 года, что Петръ Ивановичъ желаетъ оставить службу по слабости зрѣнія, и проситъ исходатайствовать небольшое, но достаточное содержаніе въ отставкѣ за его очень долговременную службу, и г. министръ обѣщалъ *подумать*». Генеральша отвѣчала: «мы объ этомъ не слыхали».

Послѣ этого мнѣ съ женою оставалось на старости ожидать горькую бѣдность съ ея лишеніями. Но Богу угодно было спасти насъ сверхъ всякаго чаянія.

При этомъ я не могу не вспомнить, что бывшій вице-директоръ по управленію земскими повинностями, Григорьевъ, въ 1861 году, по болѣзни уволенъ былъ по всеподданнѣйшему ходатайству Александра Максимовича съ пенсіею 2570 р. въ годъ. Видя этотъ примѣръ, я хотѣлъ также попытать счастія и думалъ было обратиться съ просьбою къ Петру Өедоровичу Броку, при которомъ хотя не долго служилъ, но былъ взысканъ неоднократно его милостями (онъ далъ мнѣ мѣсто вице-директора и орденъ Св. Станислава 1-й степени); но, не зная его отношеній къ Михаилу Христофоровичу, рѣшился искать своего блага прямою дорогою.

Но прежде я долженъ сказать, что хотя мнѣ много, часто и несправедливо приходилось терпѣть отъ Ключарева непріятности, но я, принявъ еще въ молодости своей за непремѣнное правило никогда не идти противъ ближайшаго начальника, не далъ ему никакого повода питать ко мнѣ вражду, и до послѣдней минуты нашей съ нимъ служ-

бы, онъ часто бесѣдовалъ со мною дружески, называя меня иногда, можетъ быть, въ шутку, дипломатомъ.

Такъ однажды лѣтомъ 1862 г. въ откровенномъ разговорѣ, я объяснилъ ему, что моя продолжительная служба довела до послѣдняго разстройства мое зрѣніе, и что я не могу уже быть полезнымъ службѣ на столько, какъ бы желалъ, всепокорнѣйше просилъ его сдѣлать для меня милость переговорить предварительно съ новымъ министромъ о моемъ желаніи и узнать, могу ли я надѣяться получить возвышенную противъ обыкновеннаго устава пенсію.

Онъ однако сталъ совѣтовать мнѣ послужить еще и не торопиться выходить изъ департамента. Подумавъ хорошенько, я находилъ и самъ, что лучше было бы прослужить хотя съ годъ при новомъ министрѣ и постараться заслужить, если возможно, его вниманіе, нежели рисковать, что онъ можетъ напомнить мнѣ извѣстное примѣчаніе Св. Зак. т. III уст. о пенсіяхъ, гдѣ строго запрещено ходатайствовать о назначеніи пенсій сверхъ окладовъ закономъ положенныхъ; а притомъ я видѣлъ много примѣровъ на службѣ, что настоянія подчиненныхъ лицъ скорѣе могутъ вредить, нежели приносить пользу.

Вскорѣ начали оказываться примѣры великодушнаго вниманія со стороны Михаила Христофоровича къ старымъ и добросовѣстно служившимъ чиновникамъ. Многіе, уволенные отъ службы, получили пенсіоны съ нѣкоторыми прибавками къ установленнымъ окладамъ и нѣкоторымъ оставлено даже при увольненіи полное содержаніе, производившееся на службѣ, между прочимъ чиновникъ особыхъ порученій дѣйствительный статскій совѣтникъ Долгій уволенъ съ окладомъ 2000 р.

Были примѣры испрошенныхъ сверхъ закона возвышенныхъ окладовъ и по другимъ вѣдомствамъ. Въ Октябрѣ 1862 года получено было отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ о назначеніи возвышенной пенсіи одному заслуженному чиновнику по карантинной части. Министръ финансовъ изъявилъ на это свое согласіе. Алексѣй Кирилловичъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и, показавъ мнѣ бумагу эту, сказалъ, что онъ, имѣя въ виду желаніе мое оставить службу, изъявилъ готовность, если я не перемѣнилъ намѣренія, просить министра объ исходатайствованіи мнѣ у Всемилостивѣйшаго Государя производства, при увольненіи отъ службы, полнаго содержанія, какое получалъ я въ званіи вице-директора. Я покорнѣйше просилъ исполнить это благодѣтельное для меня намѣреніе.

Въ первый же послѣ того докладъ Алексѣй Кирилловичъ говорилъ объ этомъ съ Михайломъ Христофоровичемъ и, выйдя изъ кабинета, сказалъ: «молитесь Богу, Петръ Ивановичъ; министръ согласился назначить вамъ, за вашу долговременную службу, въ пенсію всѣ ваши

оклады и приказалъ заготовить объ этомъ всеподданнѣйшую докладную записку». Я поблагодарилъ директора отъ всей души. Впрочемъ мнѣ извѣстно было, что мѣсто мое нужно было для его задушевнаго друга—Тристана Ж—го.

Тутъ случились обстоятельства, которыя отчасти замедлили мое увольненіе и побудили самого Алексѣя Кирилловича оставить службу, хотя онъ былъ еще въ полныхъ силахъ продолжать ее съ прекрасными надеждами въ будущемъ изловить Бѣлаго Орла и облечься въ алый, сенаторскій мундиръ.

Обо мнѣ Алексѣй Кирилловичъ представилъ министру въ половинѣ Октября 1862 проектъ всеподданнѣйшей записки; но, по случаю отъѣзда Государя Императора въ Москву, Михаилъ Христофоровичъ отозвался, что этимъ дѣломъ надо повременить до возвращенія Его Величества. А съ директоромъ, совершенно неожиданно, случилось вотъ чтó:

Давно продолжались между Министерствомъ Финансовъ и Главнымъ Управленіемъ Почтъ горячіе споры о претензіяхъ на казну содержателей вольныхъ почтъ за излишне выставленныхъ на разныя станціи лошадей, за вновь учрежденныя въ разныхъ мѣстностяхъ станціи и проч. Всякая по этимъ предметамъ бумага почтоваго вѣдомства возбуждала, по резолюціямъ Алексѣя Кирилловича, строгую критику и возраженія, отчего завязывалась на долго переписка; подобная полемика открывалась и съ другими вѣдомствами, конечно съ желаніемъ уменьшить издержки Государственнаго Казначейства; но тѣмъ не менѣе всѣ эти, слишкомъ досадные для разныхъ управленій споры, не всегда правильные съ нашей стороны, распространяли о нашемъ директорѣ весьма непріятные слухи; даже замѣтки о немъ въ одномъ заграничномъ журналѣ много вредили ему въ мнѣніи всѣхъ правительственныхъ лицъ. Особенно недоволенъ имъ былъ бывшій главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ Өедоръ Ивановичъ Прянишниковъ, какъ за безпрерывные споры и возраженія по дѣламъ, такъ и за одного издавна покровительствуемаго имъ чиновника, который служилъ у насъ начальникомъ отдѣленія и, бывъ принужденъ Алексѣемъ Кирилловичемъ выйти изъ департамента, съ большимъ семействомъ остался безъ всякихъ средствъ къ содержанію, лишась при томъ казенной квартиры. Говорятъ, что это общее нерасположеніе къ нашему директору высшихъ сановниковъ было причиною, что онъ принужденъ былъ оставить службу.

Въ Ноябрѣ, по возвращеніи изъ Москвы Государя, Алексѣй Кирилловичъ представлялъ снова министру проектъ докладной записки о моемъ увольненіи. Выйдя послѣ того изъ кабинета съ большимъ смущеніемъ, онъ объявилъ мнѣ, что и на этотъ разъ министръ отложилъ

это дѣло до времени и что впрочемъ оно будетъ исполнено по данному уже слову. Оказалось, что самъ Алексѣй Кирилловичъ получилъ предложеніе оставить Министерство Финансовъ, съ тѣмъ впрочемъ, что усердіе его къ службѣ и превосходное управленіе департаментомъ будутъ достойно вознаграждены.

Въ самомъ дѣлѣ онъ получилъ отъ директора канцеляріи министра финансовъ отъ 28 Декабря 1862 г. письмо, въ которомъ Ѳедоръ Тимофеевичъ изъяснилъ, что Государь Императоръ, по представленію министра финансовъ, во вниманіе къ отличнымъ заслугамъ Алексѣя Кирилловича, всемилостивѣйше увольняя его, по болѣзни отъ службы, пожаловалъ ему 4000 р. пенсіи и сверхъ того къ ежегодному производству въ теченіе 12 лѣтъ 3000 арендныхъ денегъ. Это письмо по просьбѣ директора прочтено было мною предъ всѣми начальниками отдѣленій, и мы поздравили его съ монаршею милостію.

Потомъ Алексѣй Кирилловичъ объявилъ намъ и твердилъ всѣмъ, кто хотѣлъ его слушать, что онъ сдѣлается Кіевскимъ мѣщаниномъ, избирая богоспасаемый градъ Кіевъ постояннымъ мѣстомъ своего пребыванія. Онъ не забылъ своего Тристана, выхлопотавъ ему мѣсто предсѣдателя Витебской Казенной Палаты.

Опасаясь, чтобы дѣло о моемъ увольненіи не окончилось также неудачно, какъ при содѣйствіи Максима Дмитріевича Княжевича, я просилъ Алексѣя Кирилловича доложить министру, въ родѣ напоминовенія о моей просьбѣ; онъ это на радостяхъ своихъ исполнилъ, и Михаилъ Христофоровичъ, повторивъ данное слово уволить меня съ полнымъ содержаніемъ, прибавилъ къ тому, что надобно нѣсколько недѣль обождать, такъ какъ было бы неловко вдругъ уволить изъ департамента директора и старшаго его помощника.

Приказомъ объ отставкѣ А. К. Ключарева не спѣшили, и онъ остался управлять департаментомъ до прибытія своего преемника, бывшаго Пензенскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Купріянова. Онъ пріѣхалъ въ Февралѣ 1863 г. Мы съ вице-директоромъ Жуковскимъ являлись къ нему; онъ заплатилъ намъ за это учтивѣйшимъ визитомъ. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что на мое мѣсто приготовленъ уже какой-то его protégé, чиновникъ, состоявшій при Костромскомъ гражданскомъ губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ Поповъ. Г. Купріяновъ предложилъ мнѣ оставаться въ должности нѣсколько времени до пріѣзда г. Попова. Наконецъ записка объ увольненіи меня съ пенсіею по 2570 руб. сер. въ годъ состоялась и удостоена высочайшаго соизволенія 12 Апрѣля 1863 года.

Принеся благодареніе Господу Богу, я положилъ въ сердцѣ своемъ постоянно и съ усердіемъ ежедневно молиться о здравіи и счастіи благодѣтельнаго Михаила Христофоровича, исполняя это до послѣдней минуты своей жизни.

Теперь обращусь нѣсколько назадъ, чтобы сказать о моемъ юбилеѣ.

Чиновникъ, прослужившій 52 года, изъ которыхъ 44 былъ не писаремъ, а дѣлопроизводителемъ, между прочимъ 24 года участвовалъ въ составленіи росписи, имѣлъ разныя особыя порученія, сохраняя всегда неукоснительно интересы казны и всегда добросовѣстно исполняя приказанія, заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, милость правительства.

Но почему-то мое полувѣковое труженичество не было увѣнчано. Люди, которыхъ меньше тормошили разными экстренностями, меньше обременяли дѣломъ, праздновали свои юбилеи, а для меня это отсуждено. Правда, что мнѣ исходатайствована возвышенная пенсія, но если бы этого не сдѣлали, то меня жестоко обидѣли бы въ сравненіи съ г. Григорьевымъ, который за свое болѣзненное состояніе на службѣ, уволенъ съ окладомъ, какой дали и мнѣ—2570 р. Но за то я былъ великолѣпно вознагражденъ другимъ образомъ.

Удостоивъ вспомнить докладъ Жуковскаго о моемъ 50-лѣтіи, бывшій министръ финансовъ и главнѣйшій благодѣтель мой, Александръ Максимовичъ, былъ столько внимателенъ къ моей службѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ на квартиру 31 Декабря 1862 года, когда исполнилось мнѣ пятьдесятъ лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ. Меня въ это время не было дома. Я со всѣмъ семействомъ отправился въ этотъ день на Петербургскую Сторону отслужить благодарственный молебенъ въ томъ же самомъ храмѣ, гдѣ бѣдная мать моя совершила свою молитву слишкомъ за полвѣка назадъ, представляя меня на службу. По окончаніи молебна я отправился въ департаментъ, а жена и дочь мои домой. Поговоривъ съ ними и желая меня видѣть, бывшій министръ поѣхалъ въ штабъ и принялъ на себя трудъ взойти въ верхъ, по 92 ступенямъ, что̀ по его лѣтамъ была слишкомъ дорогая жертва. Онъ внезапно вошелъ къ намъ въ вице-директорскую комнату и поздравилъ меня, спросивъ: какую награду исходатайствовало мнѣ начальство за мою усердную и 40 лѣтъ ему извѣстную службу? Я съ глубокою чувствительною благодарностію доложилъ его высокопревосходительству, что мнѣ, на старости, обѣщанъ кусокъ хлѣба назначеніемъ возвышенной пенсіи, съ чѣмъ вмѣстѣ я не смѣю и помышлять о какой либо еще наградѣ, чтобы не лишиться той, какая обѣщана. При прощаніи, посмотрѣвъ на меня, онъ изволилъ сказать: «*Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы можете еще служить*». Этимъ словомъ окончился мой юбилей.

Александръ Максимовичъ могъ сказать это, потому что я, пока былъ на службѣ, всячески старался держаться прямо, ходить проворно и подкрашивалъ свои волосы; но еслибъ онъ взглянулъ на меня черезъ недѣлю послѣ отставки, такъ повѣрилъ бы, что я одряхлѣлъ, посѣдѣлъ и сдѣлался дѣйствительно негоднымъ для службы.

Въ половинѣ Мая 1863 года пріѣхалъ изъ Костромы преемникъ мой г. Поповъ; 16-го числа я подписалъ послѣднія вице-директорскія бумаги и простился съ любезными сотрудниками.

Такъ кончилась служба моя, продолжавшаяся съ 13 Іюля 1811 по 17 Мая 1863, слишкомъ 52 года.

Я терпѣть не могъ клянчить передъ начальствомъ, но подъ старость убѣдился, *что дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.* При этомъ у меня былъ въ глазахъ и убѣдительный примѣръ, какъ справедливы библейскія слова «*просите, и дастся вамъ*». Семенъ Михайловичъ Кобылинъ попросилъ и получилъ мѣсто управляющаго Главнымъ Казначействомъ; еще попросилъ, ему исходатайствована прибавка 1.000 рубл. къ ежегодному содержанію; опять попросилъ, — поморщились, но дали ему въ ссуду 4.000, а со смертію его этотъ долгъ сложили. Всѣ эти милости пролились на него въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ бытности управляющимъ.

Не получивъ юбилейной награды, которой не лишенъ былъ даже и Степанъ Николаевичъ Савицкій, добрый человѣкъ, но не болѣе, я рѣшился переговорить объ этомъ съ г. Купріяновымъ и объяснилъ ему слѣдующій резонъ.

— Вашему превосходительству извѣстно, что я оставляю службу по крайней слабости зрѣнія; но думаю, что послѣ нѣкотораго отдыха и при употребленіи медицинскихъ пособій, могъ бы нѣсколько поправить мои глаза, но издержки на это выше моихъ средствъ, принимая даже въ расчетъ пожалованную пенсію; долговременная опытность моя и непривычка къ взяткамъ могли бы еще пригодиться для службы. Итакъ, не изволите ли испросить у министра денежное мнѣ вспомоществованіе на пользованіе зрѣнія? Онъ отвѣчалъ, что находитъ мое желаніе весьма справедливымъ и предложилъ мнѣ написать объ этомъ письмо министру, обѣщая и съ своей стороны употребить ходатайство въ мою пользу. «Если же, сказалъ онъ, г. министръ встрѣтилъ бы затрудненіе войти по этому предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ, то обѣщаю сдѣлать вамъ пособіе на счетъ канцелярской суммы».

Но дѣла такого рода совершаются удобнѣе при личномъ ходатайствѣ ближайшаго начальства, а не просительными письмами чиновниковъ, всегда досадными для высшаго начальства, и хотя Максимъ Хри-

стофоровичъ ангелъ доброты, но все таки не раздаватель милостыни (aumonier), а министръ финансовъ, обязанный беречь, а не расточать казну; кромѣ того, не зная обстоятельствъ, которыя давали мнѣ право надѣяться на исполненіе моей просьбы, легко могъ счесть меня человѣкомъ слишкомъ требовательнымъ и неблагодарнымъ; а если бы рѣшиться на то, чтобъ описать порядочно обстоятельства моей службы, то это было бы не письмо, а цѣлая исторія; мнѣ не хотѣлось утруждать министра чтеніемъ пустяковъ: бросилъ это.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о моемъ послѣднемъ свиданіи съ Ключаревымъ.

Передъ отъѣздомъ въ Кіевъ, онъ пришелъ въ департаментъ проститься и, любя церемоніалы по своему клерикальному расположенію, онъ созвалъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій въ комнату вице-директоровъ, торжественно благодарилъ ихъ за службу и объявилъ, что онъ вскорѣ уѣзжаетъ отсюда и намѣренъ сдѣлаться навсегда *Кіевскимъ мѣщаниномъ*. Никто не сказалъ ему ни слова, и на его привѣтъ «*прощайте, господа*», всѣ отвѣчали полупоклономъ. Никто не провожалъ его по выходѣ изъ комнаты кромѣ экзекутора и его любезнаго Тристана.

Потомъ, кажется, наканунѣ своего отъѣзда, онъ опять побывалъ въ департаментѣ, но уже не созывалъ чиновниковъ, а попросилъ къ себѣ меня, расположась въ отдѣленіи о государственной росписи и принялъ меня очень ласково, потому что передъ тѣмъ я благодарилъ его искренно и почтительно за мою пенсію. Разговаривая со мною о Кіевѣ, онъ сказалъ, что онъ надѣется проводить тамъ время пріятно и счастливо, какъ въ то время, когда онъ былъ тамъ предсѣдателемъ Казенной Палаты. Я—признаюсь въ своей неловкости—отвѣчалъ ему: «Безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, пребываніе ваше въ Кіевѣ послѣ столь продолжительныхъ и важныхъ трудовъ государственной службы, будетъ для васъ и семейства вашего особенно пріятнымъ, если только какія нибудь воспоминанія прошедшаго не будутъ безпокоить васъ». Онъ нахмурился, какъ осенній туманъ, и съ досадою сказалъ: какія же эти воспоминанія?—Обширныя занятія вашего превосходительства сопровождались всегда тяжкими трудами и заботами, о которыхъ воспоминанія, какъ объ ужасныхъ снахъ, едва ли не будутъ безпокоить васъ въ продолженіе жизни, ибо они приходятъ на память противъ воли нашей.—Онъ однако не оставилъ безъ наказанія этихъ, въ самомъ дѣлѣ, досадныхъ словъ: простился, облобызавъ начальника и бухгалтеровъ 1-го отдѣленія, а со мною сухо раскланялся.

*

Оканчивая описаніе моей пятидесяти-двухъ-лѣтней службы, я долженъ присовокупить, что мои неважные, но полезные труды сдѣла-

лись извѣстными Государю Императору Александру Николаевичу. Когда я благодарилъ Петра Өедоровича Брока за избраніе меня въ 1856 году вице-директоромъ, онъ сказалъ мнѣ, что Государю Императору благоугодно было спросить: не тотъ ли это Голубевъ, который занимался по части государственной росписи? Такой же точно вопросъ сдѣланъ былъ Его Императорскимъ Величествомъ Александру Максимовичу Княжевичу при подписаніи высочайшаго рескрипта о пожалованіи меня орденомъ Св. Анны первой степени, какъ объявилъ мнѣ бывшій министръ при докладѣ нашего департамента. Брокъ и Княжевичъ спрашивали меня, какимъ образомъ я сдѣлался извѣстнымъ Государю Императору, и я отвѣчалъ, что лично я никогда не имѣлъ счастія представляться Его Величеству, а полагаю, что подпись моя на дѣловыхъ бумагахъ очень часто представлялась на высочайшее воззрѣніе и что эти самыя бумаги доставили мнѣ счастіе только однимъ именемъ удостоиться высочайшаго вниманія.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о результатѣ воспитанія моихъ дѣтей.

Сынъ мой, по окончаніи въ 1851 году курса наукъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, получилъ званіе—степень кандидата историко-филологическаго факультета, награжденъ по опредѣленію Университетской конференціи Ивановскою преміею 300 руб. сер. и получилъ дозволеніе поступить на службу въ какой либо министерскій департаментъ. Право это предоставлено было тогда по закону только тѣмъ студентамъ, которые при испытаніи признаны будутъ первыми въ познаніяхъ; прочіе же, окончившіе курсъ кандидатами или дѣйствительными студентами, должны были поступать на службу не иначе, какъ въ губернскія или уѣздныя присутственныя мѣста. Въ 1857 году сынъ мой началъ независимую жизнь, женясь на дочери коллежскаго совѣтника Лукинскаго, воспитанной въ училищѣ Орд. Св. Екатерины въ одно время съ моею дочерью.

Дочь моя вышла изъ Института въ 1850 г. и награждена при выпускѣ первою золотою медалью. Въ 1852 году мы выдали ее замужъ за капитана лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Бухмейера. Въ 1854 онъ произведенъ былъ въ подполковники и отправился во время бывшей съ Англо-Французами войны въ дѣйствовавшую армію и на походѣ, близъ Бахчисарая, скончался.

Въ 1856 году она вторично вышла въ замужество за отставнаго прапорщика строительнаго отряда вѣдомства путей сообщенія Шимана.

3-го Іюля 1864.

Записки Петра Ивановича Голубева любезно сообщены въ „Русскій Архивъ“ роднымъ его внукомъ Павломъ Викторовичемъ Шиманомъ. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА*).

1865—1875 годы.

Кромѣ разсказаннаго случая, когда мнѣ пришлось охранять самолюбіе Рудинскаго съ рискомъ для себя, разскажу еще одинъ, который прямо рисуетъ характеръ его, а отчасти имѣетъ и общій интересъ. Вечеромъ, въ совершенно необычное время, получаю отъ него запискою приглашеніе придти къ нему на квартиру немедленно. Рудинскій встрѣчаетъ меня словами: выручайте, И. А., на васъ надежда... Оказывается, что Рудинскій получилъ изъ Окружнаго Суда повѣстку о назначеніи его, по желанію которой-то изъ сторонъ, экспертомъ по уголовному дѣлу. Помнится, что это было знаменитое въ свое время дѣло Волоховой, во всякомъ случаѣ, то, въ которомъ участвовалъ экспертомъ профессоръ анатоміи Ив. М. Соколовъ. Что же, спрашиваю, васъ встревожило въ такомъ приглашеніи? Я на вашемъ мѣстѣ принялъ бы его съ удовольствіемъ: гражданскій долгъ, честь, любопытство... «Подите вы, очень мнѣ все это нужно. Какой нибудь мальчишка, брехунъ будетъ вертѣть, выворачивать тебя на потѣху публики, которая чортъ знаетъ изъ кого и состоитъ. Потомъ въ газеты тебя втянутъ, да и своя братія пойдетъ прохаживаться на твой счетъ. Ни за что̀ не поѣду; лучше штрафъ заплачу, вотъ тутъ (тычетъ въ повѣстку) онъ и назначенъ. Да вѣдь этимъ пожалуй не отдѣлаешься: понравится, опять будутъ таскать!—«Да, говорю, отдѣлываться, такъ отдѣлаться разъ на всегда». Мы и отдѣлались чрезъ командующаго войсками по служебнымъ причинамъ.

Нежеланіе Рудинскаго фигурировать въ роли эксперта на судѣ я понимаю. При своемъ самолюбіи, какъ я говорилъ уже, онъ не былъ ни краснорѣчивъ, даже не рѣчистъ и не находчивъ, а безъ того и другого и свѣдущій экспертъ обрекается на судѣ чему-то въ родѣ истязанія. Въ то время положеніе эксперта-врача на судѣ было еще хуже теперешняго. Тогдашніе прокуроры и адвокаты, злоупотребляя своимъ

---

*) См. выше I, стр. 77.

положеніемъ на трибунѣ и пользуясь своею привычкою къ публичному разглагольствованію съ одной стороны, и неопытностью, не подготовленностію къ публичной судебно-медицинской дѣятельности по новому уставу врачей, дозволяли себѣ нерѣдко невыносимое глумленіе надъ инымъ экспертомъ, мѣшавшимъ обвиненію или защитѣ. Впрочемъ и въ настоящее время прорываются такія выходки сторонъ противъ экспертовъ, что только можно удивляться, какъ терпитъ судъ такія вещи, которыя невозможны въ порядочномъ обществѣ и во всякомъ случаѣ не проходятъ тамъ безнаказанными. Такъ, очень недавно, въ Петербургѣ прокуроръ, дѣлая оцѣнку экспертизы д-ра Ш., вызваннаго защитою по дѣлу одного врача, позволилъ себѣ сказать: д-ръ Ш. здѣсь на судѣ величался профессоромъ; онъ, правда, читалъ лекціи въ какомъ-то заведеніи, но профессоромъ можетъ считаться только in partibus infidelium, хотя у него развязности и апломба больше, чѣмъ у иного настоящаго профессора. Къ чему это было сказано? Съ какой стороны могло клониться къ уясненію истины? Д-ръ Ш. дѣйствительно читалъ лекціи по судебной медицинѣ въ одномъ изъ спеціально-юридическихъ заведеній и при томъ, какъ спеціалистъ-акушеръ, былъ компетентенъ въ вопросѣ, по которому давалъ свое заключеніе. Какъ же это защитникъ не догадался попросить судъ занести слова прокурора въ протоколъ? Тогда, можетъ быть, не послѣдовало бы обвинительнаго приговора, и во всякомъ случаѣ получился бы поводъ къ кассаціи. Человѣкъ почтенный (г. Ш. тайный совѣтникъ по чину) и къ самому дѣлу непричастный третируется на судѣ, какъ мазурикъ, и такое третированіе со стороны трибуны несомнѣнно импонируетъ суду и присяжнымъ. Какая польза отъ этого правосудію? Вообще, положеніе у насъ врачебной экспертизы и самая экспертиза на судѣ оставляетъ желать многаго въ интересахъ правосудія, и ненормальность эта сознается врачами, чему служитъ доказательствомъ возникшая по этому вопросу медицинская литература. Она же, эта ненормальность или неправильность постановки судебной экспертизы, доказывается тѣмъ, что чрезъ 30 лѣтъ судебной практики по новому уставу все еще слишкомъ часто компрометируютъ и медицинскую науку и правосудіе иногда діаметрально противорѣчащія одно другому заключенія экспертовъ по одному и тому же вопросу, что̀ при настоящемъ состояніи врачебныхъ наукъ должно бы встрѣчаться, какъ исключеніе, зависящее при томъ отъ случайныхъ причинъ. Въ настоящее время это разногласіе экспертовъ зависитъ отъ того, что врачъ не знаетъ, чего держаться, уголовнаго ли закона, который ему случайно, но поверхностно знакомъ, XIII-го ли тома законовъ, который остается сухою вѣткой на новомъ судѣ, или иностранныхъ учебниковъ, составленныхъ примѣнительно къ мѣстной

юрисдикціи, по которымъ учатъ студентовъ наши профессора, или же стоять на чисто-научныхъ основаніяхъ, предоставляя суду и сторонамъ понимать и толковать ихъ, какъ умѣютъ и какъ хотятъ. Во всякомъ случаѣ, врачей нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы они относились равнодушно къ новымъ своимъ обязанностямъ по судебнымъ уставамъ. Напротивъ, уголовные процессы съ врачебной экспертизой возбуждали въ нихъ живѣйшій интересъ, и по нѣкоторымъ процессамъ, какъ Волоховой, Антона Свинаря, Сары Бернаръ и др., возникла цѣлая литература, плодившаяся, именно, на разногласіи взглядовъ на дѣло. Споры велись съ страстностью, съ увлеченіемъ; антагонисты не щадили другъ друга, а экспертамъ иногда больно доставалось отъ товарищей. Вотъ чего еще боялся Рудинскій.

Здѣсь кстати сказать кое-что и относительно положенія врачей по судебнымъ уставамъ. При отсутствіи у насъ института спеціальныхъ судебныхъ врачей, судебная повинность, сверхъ общей для всѣхъ обязанности присяжнаго засѣдателя, увеличивается, кромѣ экспертизы на судѣ, еще экспертизою на предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, всякій врачъ, какъ обязанный являться для вскрытія, напр., мертвыхъ тѣлъ, подвергается въ силу закона произволу слѣдователя. Одинъ на уѣздъ врачъ, называющійся уѣзднымъ, назначенный для экспертизы на предварительномъ слѣдствіи, можетъ имѣть, какъ это и бываетъ, выгодныя постороннія занятія, практику, службу на фабрикахъ и т. д., и при хорошихъ отношеніяхъ къ слѣдователю можетъ свободно предаваться этимъ занятіямъ за счетъ привлекаемыхъ слѣдователемъ для замѣны его постороннихъ врачей. Такъ несомнѣнно и бываетъ. Напр., мнѣ извѣстенъ случай, когда при подобныхъ обстоятельствахъ военный врачъ, въ Ржевѣ, по недоразумѣнію, зная военный порядокъ и субординацію, но не зная судебныхъ уставовъ, не принялъ присланной ему непосредственно слѣдователемъ повѣстки и не поѣхалъ на слѣдствіе. Слѣдователь оштрафовалъ его; врачъ отказался платить штрафъ; послѣдовала продажа имущества съ аукціоннаго торга. Врачъ былъ любимъ офицерами, которые явились покупателями на имущество врача и купивъ тотчасъ же возвратили его ему. Не знаю, какъ все это выглядитъ со стороны правды и права, но по личному опыту знаю, что свое право слѣдователь можетъ обратить въ допеканье врача. Будучи главнымъ врачемъ военнаго госпиталя въ Луцкѣ, я, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, чрезъ моихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ, сталъ во враждебныя отношенія ко всему чиновному кружку въ городѣ. Подчиненные и сослуживцы мои были въ городѣ аборигены, а я пришлый; они свои люди, а я чужой. Дѣло затѣялось страшное для меня, стоившее мнѣ десяти

лѣтъ жизни, по крайней мѣрѣ, и кончилось тѣмъ, что весь госпиталь, начиная съ начальника госпиталя и кончая послѣдней сестрой милосердія, былъ разогнанъ: остался только я одинъ, также не пожелавшій оставаться на мѣстѣ битвы, хотя бы и побѣдителемъ. Но пока велась борьба, въ числѣ другихъ средствъ, вздумали допекать меня и судебнымъ слѣдователемъ. Получаю я отъ него повѣстку на вскрытіе трупа верстъ за 30 отъ города и при этомъ увѣдомленіе, что слѣдователь заѣдетъ за мной въ такомъ-то часу. Милости просимъ, думаю; посмотримъ, кто останется въ дуракахъ. Слѣдователь пріѣхалъ и требуетъ, чтобы я поторопился выходить. Я прошу его зайти ко мнѣ въ квартиру, потому что я не готовъ.

«Какъ же говоритъ онъ, входя; я же писалъ вамъ, что заѣду въ такомъ-то часу; теперь десятью минутами позже».

— У меня есть тоже свои служебныя дѣла, которыя бросить я не могу. Но не въ этомъ дѣло. Скажите, пожалуйста, что̀ васъ заставило привлечь именно меня къ этому вскрытію?

«Уѣздный врачъ заболѣлъ, я и пригласилъ васъ».

— Но у меня есть четыре ординатора, почему вы не привлекли кого либо изъ нихъ?

«Это мое дѣло. Я приглашаю, кого хочу, и въ этомъ случаѣ никто мнѣ указывать не можетъ».

— Это я знаю. Ѣдемте. Но я обязанъ васъ предупредить, г. слѣдователь, что прежде, чѣмъ я приступлю къ вскрытію, долженъ буду потребовать отъ васъ составленія протокола въ этомъ моемъ заявленіи вамъ, что я страдаю дальтонизмомъ.

«Что это такое?»

— Состояніе зрѣнія, при которомъ не различаются совсѣмъ нѣкоторые цвѣта, а другіе показываются фальшиво или неясно. Мнѣ такой протоколъ необходимъ для того, чтобы не отвѣчать за то, что я поневолѣ могу напутать въ актѣ о вскрытіи.

«Нѣтъ, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вамъ и ѣздить?»

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Другихъ приглашеній на слѣдствіе, конечно, я уже не получалъ; но въ этотъ разъ никто и изъ моихъ ординаторовъ также потревоженъ не былъ.

*

Выше, по случаю исторіи съ писаремъ Окружнаго Совѣта, я сказалъ, что въ исходѣ докладовъ инспектора командующему войсками я былъ заинтересованъ, и это я считаю нужнымъ пояснить. Доклады начальниковъ отдѣловъ бывали очередные и экстренные. Первые для каждаго назначались не менѣе, какъ по два раза въ недѣлю, въ опредѣленные дни. Для медицинскаго инспектора были назначены Поне-

дѣльники и Четверги. Я убѣдилъ Рудинскаго выпросить только одинъ день для доклада, именно Понедѣльникъ, на чтó тотъ и согласился, не находя для себя удовольствія лишній разъ въ недѣлю бесѣдовать съ Гильденштуббе. Поступилъ я такъ потому, что Рудинскій, не зная службы, весьма трудно усвоивалъ дѣло, почему и не могъ доложить его какъ слѣдуетъ. Отъ этого происходило, что иные важные, необходимые въ служебныхъ интересахъ доклады проваливались у командующаго войсками, чтò, впрочемъ, Рудинскаго не печалило, и не безпокоило. Командующій войсками не разрѣшилъ, а мнѣ-де наплевать, какъ хочетъ! Но для меня это было не все равно: изъ-за чего же работать, если результатъ труда зависитъ отъ глупости одного и самодурства другого? По этой причинѣ я и придумалъ готовить Рудинскаго къ докладу у Гильденштуббе, какъ къ экзамену, составляя для этого конспектъ, въ которомъ были бы, по возможности, предусмотрены всѣ возраженія. Продѣлывать это два раза въ недѣлю было бы скучно и для Рудинскаго, и для меня; поэтому мы и успѣли устроить такъ, чтобы остаться при однихъ Понедѣльникахъ. Въ Субботу я предъявлялъ бумаги къ докладу, излагалъ ихъ сущность и то, чтó по нимъ требуется сдѣлать; въ Воскресенье составлялъ конспектъ, который и посылалъ вмѣстѣ съ бумагами къ Рудинскому, а въ Понедѣльникъ репетировалъ его. Первый опытъ такихъ докладовъ имѣлъ слѣдующій результатъ. Рудинскій возвращается отъ Гильденштуббе довольный и сіяющій. «Я такъ ему все по вашей запискѣ и прочелъ. Со всѣмъ согласился и все разрѣшилъ, сказалъ онъ. Это вы хорошо придумали».

У Рудинскаго, впрочемъ, было одно достоинство, которое для всѣхъ его служебныхъ недостатковъ служило противовѣсомъ; по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ. Онъ былъ чуждъ той служебной политики, которая, чтобы сдѣлать самый необходимый, неотложный шагъ, прежде справляется и обнюхиваетъ, какъ могутъ думать или взглянуть на данное дѣло вверху тѣ или другія лица, не причинитъ ли онъ какого-либо неудобства или непріятности кому-либо, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самому шагнувшему. Этимъ въ служебной политикѣ и опредѣляется умѣстность и своевременность служебнаго шага, хотя бы надобность въ немъ была неотложная, вопіющая. Рудинскій не придерживался такой политики, можетъ быть, потому, что не понималъ ея, и готовъ былъ во всякое время идти кверху, по начальству, со всякимъ дѣломъ, лишь бы оно казалось ему полезнымъ и основательнымъ, а главное было подготовлено, какъ облупленное яйцо, и могло идти бумажнымъ порядкомъ, само собою, не требуя отъ Рудинскаго ни труда, ни хлопотъ. Оттого при немъ оказалось возможнымъ вчи-

нать и проводить успѣшно такія дѣла, которыя немыслимы были ни при Яновскомъ, ни при Добряковѣ. Этимъ качествомъ Рудинскаго можно объяснить и то, что при его главномъ инспекторствѣ впослѣдствіи удалось окончить благополучно дѣло объ увеличеніи медицинскимъ чинамъ столовыхъ денегъ, начатое еще при Козловѣ, но остановившееся на полудорогѣ, не смотря на пресловутыя умѣнье и ловкость послѣдняго проводить всякія служебныя дѣла. Дѣлу этому оказался тормозъ въ недостаткѣ средствъ, могло также мѣшать и интендантство, и само министерство, дорожившее остатками отъ большаго некомплекта въ то время врачей; но, будучи поставлено основательно и прямо и направлено въ законномъ, форменномъ порядкѣ, а не окольными путями, оно безъ особаго труда преодолѣло существовавшія препятствія. Рудинскому, я увѣренъ въ этомъ, было безразлично положеніе военно-врачебнаго сословія, но онъ тѣмъ не менѣе оказалъ ему важную услугу, потому что не прочь былъ сдѣлать добро чужими руками.

Такъ было и съ квартирными деньгами для секретарей въ окружныхъ управленіяхъ. Въ теченіе шести-семи лѣтъ всѣ управленія осаждали главное управленіе и надоѣдали своимъ командующимъ войсками этимъ дѣломъ, но оно не подвигалось впередъ. Поступивъ въ управленіе, и я, съ своей стороны, предложилъ поднять это дѣло вновь. На это мнѣ отвѣчали, что уже и писано и говорено достаточно, такъ что поднимать это дѣло больше и неудобно и безполезно. Вы неправильно вели его, говорю я; оно должно быть направлено чрезъ Окружный Совѣтъ, тогда избѣгнетъ скользкой канцелярской дороги и волею-неволею будетъ разсмотрѣно, не останется подъ сукномъ. Для такого направленія существуютъ и по закону достаточныя основанія. Право на квартирныя деньги врачамъ и фармацевтамъ предоставлено абсолютно и при всѣхъ условіяхъ такою-то статьею, но отнято у секретарей административнымъ распоряженіемъ главнаго штаба, который такой компетенціи не имѣетъ. Яновскій съ Добряковымъ замахали руками. Но что̀ не удалось сдѣлать при нихъ, то легко сдѣлалось при Рудинскомъ.

Другое дѣло, которое мнѣ удалось провести, чрезъ Совѣтъ, касалось увеличенія штата писарей и отпуска денегъ на канцелярскіе расходы. Первыхъ было только двое, а послѣднія были такъ мизерны, что не хватало на бумагу и т. п. расходы. По недостатку писарей, а также по незнанію всѣми канцелярскаго порядка, никакихъ такъназываемыхъ дѣлъ въ управленіи не заводилось и не существовало, почему нельзя было разобраться въ бумагахъ и ни за чѣмъ слѣдить. Вслѣдствіе этого пришлось мнѣ самому писать прямо на-бѣло много

бумагъ, а для пустыхъ банальныхъ надписей, какъ и для обычныхъ повтореній, напоминаній и т. п. заготовить трафареты, образцы, подъ номерами, и раздать ихъ для руководства писарямъ: пиши-молъ по такому-то номеру туда-то о томъ-то. Но при всемъ томъ, чтобы добиться нужнаго порядка въ дѣлопроизводствѣ и не имѣть задержанныхъ, неисполненныхъ бумагъ, пришлось завести вечернія занятія, конечно, въ моемъ присутствіи, то-есть, работать по вечерамъ самому вмѣстѣ съ писарями, такъ какъ иначе никакой пользы отъ такихъ вечернихъ занятій не могло быть. Это было необходимо потому, что почти вся работа по управленію падала на *первое*, медицинское, отдѣленіе; для фармацевтическаго же и ветеринарнаго оставались маленькія крохи ея, какъ вообще, по самому устройству управленія, такъ особенно, впослѣдствіи, по методѣ Рудинскаго, запрягавшаго меня и въ чужія сани. Такъ, еще и при Яновскомъ было, что, ожидая его капризной явки въ управленіе изъ квартиры Добрякова (для чего не имѣлось назначеннаго времени), всѣ давно передѣлали все свое маленькое дѣло и разбрелись по домамъ подъ разными служебными предлогами: фармацевтическій помощникъ въ аптечный магазинъ, ветеринаръ—въ какой-либо конскій лазаретъ, бухгалтеръ—въ интендантство, и всѣ они, уходя, наказываютъ: если-де его п-во спроситъ меня, пожалуйста скажите, что я отправился туда-то по такому-то дѣлу и, конечно, въ этотъ день въ управленіе никто изъ нихъ не возвращался. Если же Яновскій, заставши всѣхъ въ управленіи, бесѣдовалъ въ своемъ кабинетѣ, открывавшемся въ квартиру Добрякова, съ кѣмъ-либо и затягивалъ свое торчанье въ управленіи за обычные часы занятій и если я на просьбу томящихся бездѣльемъ сослуживцевъ отвѣчалъ отказомъ, предлагая имъ самимъ доложить инспектору, что у нихъ нѣтъ дѣлъ для доклада ему, и что имъ нужно отлучиться по служебной надобности, то происходило слѣдующее. Товарищъ мой, секретарь-фармацевтъ, не имѣвшій возможности и предлога показывать себя въ нѣтѣхъ, какъ вообще, такъ и въ особенности, когда его начальникъ, фармацевтъ, помощникъ инспектора, находился на лицо, принимался за принесенный съ собою романъ или, чаще впослѣдствіи за французскіе діалоги, держа книгу такъ, чтобы при входѣ Яновскаго удобно было спрятать ее подъ столъ. Французскими діалогами товарищъ занимался потому, что разсчитывалъ жениться на богатой купеческой дочкѣ, въ чемъ впослѣдствіи и успѣлъ на свою гибель. Остальные, томившіеся бездѣльемъ и скукою, а иной разъ и голодомъ, сослуживцы бродили взадъ и впередъ по единственной для канцеляріи комнатѣ, жгли безъ жалости одну папиросу за другою и то-и-дѣло подходили ко мнѣ: да, скоро ли же, вы И. А.? «Подождите, господа, сейчасъ;

одна или двѣ бумаженки осталось». Окончивъ предположенное на этотъ день дѣло, я собиралъ бумаги и шелъ къ инспектору, напутствуемый просьбами: скажите, что у меня нѣтъ бумагъ къ подписи, у меня нѣтъ дѣлъ къ докладу и т. д. Управившись съ Яновскимъ, я говорилъ ему, что по другимъ отдѣленіямъ нѣтъ ни дѣлъ къ докладу, ни бумагъ къ подписи, и что не позволитъ ли онъ чиновникамъ разойтись, потому что уже столько-то часовъ. Обыкновенно такой докладъ я дѣлалъ прежде всего и, получивъ разрѣшеніе, выходилъ тотчасъ же въ канцелярію и объявлялъ, что, господа, можете-молъ расходиться, окружный инспекторъ не имѣетъ на этотъ день въ васъ надобности. И все моментально разлеталось, исключая иногда тѣхъ, кому Яновскій не давалъ разрѣшенія, желая съ ними поговорить. Эти оставались съ кислѣйшею гримасою. Явно, значитъ, было для всѣхъ, что дѣла у меня много, что управляться съ нимъ было для меня трудно, если я, не для удовольствія же своего, запрягъ себя съ писарями въ вечернія занятія. Однако, по спеціальной тупости, которую я считаю свойственною исключительно врачамъ, украшающимъ себя, какъ фальбалой, комическою гуманностью, я потерпѣлъ непріятность за эти занятія отъ добрѣйшаго Добрякова. Писарямъ, конечно, было не понутру, что ихъ я заставилъ работать по вечерамъ, чего не было ни въ одномъ изъ окружныхъ управленій, и писаря пожаловались на меня Добрякову, бывшему помощникомъ, но исправлявшему должность инспектора, въ ожиданіи Рудинскаго, который былъ уже назначенъ. По своей дешевой добротѣ, Добряковъ вступился за писарей и напалъ на меня. «Писаря жалуются, что вы изнуряете ихъ работой, назначили самовольно вечернія занятія!»—А развѣ они на меня или за меня работаютъ, а не вмѣстѣ со мною?—Все равно, я этого дозволить не могу.»—И не дозволяйте, если это вамъ угодно. Но, я удивляюсь, какъ вы, служившій секретаремъ и теперь помощникомъ инспектора въ управленіи, не понимаете, въ какомъ безпорядкѣ у васъ находится дѣлопроизводство. Я не говорю уже о томъ, какъ это затрудняетъ службу и въ какое положеніе можетъ поставить насъ предъ новымъ начальникомъ, котораго мы не знаемъ. Возможна вѣдь и ревизія управленія. Кто тогда возьметъ на себя отвѣтственность за безпорядокъ, не вы ли? Если такъ, то для меня безразлично: я буду работать столько же, сколько и другіе, и писаря не будутъ изнуряться.— «Но вѣдь у насъ нѣтъ средствъ, какъ въ другихъ управленіяхъ».— Это не оправданіе; у насъ могутъ спросить, почему же мы молчали, не просили этихъ средствъ?—Мое предсказаніе о ревизіи дѣлопроизводства исполнилось вскорѣ послѣ увеличенія штата въ управленіи, но она не была уже мнѣ опасна. Производившій канцелярскій

смотръ генералъ самъ немного смыслилъ въ этомъ дѣлѣ и былъ доволенъ, что, выкликая по входящимъ и исходящимъ журналамъ бумаги, тотчасъ же слышалъ отъ меня, отвѣчавшаго по настольному реэстру: здѣсь, то-есть, дѣло номеръ такой-то, страница такая-то.

При очевидной для всякаго недостаточности средствъ у нашей канцеляріи входить въ Окружной Совѣтъ съ докладомъ объ увеличеніи ихъ было рискованно. Начальники другихъ отдѣловъ, довольные составомъ своихъ канцелярій и имѣя возможность пополнять его прикомандировкою чиновниковъ и писарей изъ подвѣдомственныхъ заведеній, могли отнестись несочувственно къ нашей нуждѣ, какъ потому, что не видѣли надобности и въ самомъ нашемъ управленіи, такъ и потому, что могли припомнить причиненныяимъ въ Совѣтѣ Яновскимъ непріятности и отплатить за нихъ. Чтобы задуманное дѣло не провалилось, я обставилъ его такъ. Отъ инспектора разосланы были по всѣмъ управленіямъ запросы о доставленіи по встрѣтившейся надобности свѣдѣній о томъ, сколько въ истекшемъ году было входящихъ и исходящихъ бумагъ, сколько къ текущему году состояло сверхштатныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и писарей, прикомандированныхъ, и осталось ли что либо отъ канцелярской суммы за всѣми въ годъ расходами. Свѣдѣнія были получены, и по нимъ оказалось, что, напр., въ окружномъ штабѣ, на каждаго писаря приходилось по одной съ дробью бумагѣ въ день, тогда какъ въ нашемъ управленіи почти по двадцати, и изъ канцелярскихъ суммъ у всѣхъ оказались остатки. Съ такимъ матеріаломъ уже можно было идти въ Совѣтъ съ докладомъ объ увеличеніи штата, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Еще заботой моей было добыть управленію сколько нибудь сносное помѣщеніе, что́ отчасти требовалось и моими личными интересами. Женившись и ожидая увеличенія семейства, я не могъ уже обходиться тремя маленькими и неудобно-расположенными комнатками, при томъ грязными и кишѣвшими тараканами, которыхъ развели жившіе около меня писаря. Квартира моя далеко не стоила тѣхъ квартирныхъ денегъ, которыя мнѣ, наконецъ, были разрѣшены; я не прочь былъ уйти на вольную квартиру, но это встрѣчало большія служебныя затрудненія для меня и не находило согласія у Рудинскаго. Не безъ труда удалось мнѣ добиться увеличенія квартирнаго отпуска для управленія почти вдвое. Управленіе перешло на Волконку въ домъ Воейковой, гдѣ размѣстилось гораздо просторнѣе прежняго, и гдѣ для меня оказалась порядочная квартира.

Отыскивая для управленія новую квартиру, что̀ было въ 1870 году, я натолкнулся на курьезный случай. Не смотря на лѣто, свободныхъ квартиръ въ городѣ оказалось чрезвычайно мало, и онѣ сильно подня-

лись въ цѣнѣ. Московскіе домовладѣльцы только что проснулись, проспавши увеличеніе городскаго населенія, начавшееся съ крестьянской реформы и сильно шедшее въ гору съ постройкою желѣзныхъ дорогъ, въ узлѣ которыхъ оказалась Москва. Москвичи не замѣчали, что давно въ гостиницахъ и номерахъ стало трудно находить помѣщеніе пріѣзжимъ, и цѣны на комнаты поднимались. Домовладѣльцевъ разбудила только ожидавшаяся въ Москвѣ первая выставка; они вскочили съ жадностью наживы и точно осатанѣли. Исходивъ, въ поискахъ за квартирой, изъ конца въ конецъ почти всю центральную Москву, я наталкивался на забавныя сцены. Домовладѣльцы уже не спрашивали, какую и для чего нужно квартиру, а въ какую цѣну, точно квартира калачъ или печенка, которую можно отрѣзать на грошъ или на копѣйку. Какъ теперь было, помню на Поварской домовладѣльца С.... или что-то въ этомъ родѣ, на домѣ котораго я увидѣлъ записку объ отдачѣ квартиры. Войдя во дворъ, я встрѣтилъ самого домовладѣльца, ругавшагося съ плотниками, которые надстраивали надъ погребами и конюшнями жилое помѣщеніе. «Вамъ квартиру? Въ какую цѣну? Вотъ у меня скоро будетъ готова!»—А какъ вы продаете квартиры? спрашиваю я. Отрѣзываете и отвѣшиваете ихъ на пятакъ и на грошъ? Домовладѣлецъ вламывается въ амбицію.

Наталкивался я на досчатые сараи, которые оштукатуривались и превращались въ жилыя помѣщенія; знаю много домовъ, которые, въ два этажа, строились изъ барочнаго лѣсу въ одинъ-два мѣсяца, тотчасъ же по постройкѣ, когда не выведена была еще и крыша, оштукатуривались и, не готовые еще, сдавались.

Возникшая строительная горячка тотчасъ же перешла въ спекуляцію домами. Дома росли, какъ грибы, немедленно закладывались въ банкахъ, на ссуду строились новые, эти также закладывались гдѣ нибудь, продавались, и въ результатѣ оказалось для иныхъ разореніе, для другихъ барышъ.

Похожая горячка въ то время существовала въ медицинскомъ мірѣ вообще или въ военномъ въ особенности. Развивавшаяся медицинская дѣятельность въ земствѣ увлекала туда врачей даже и изъ военной службы, что́ было и понятно. Полторы тысячи рублей, которые тогда обыкновенно платило земство врачу, въ военной службѣ получалъ только дивизіонный врачъ, и то прослужившій не менѣе двадцати лѣтъ. Земскому врачу, кромѣ того, улыбались доходы отъ практики, хотя и обязательной, слѣдовательно долженствующей быть безплатною въ своемъ участкѣ, но тѣмъ не менѣе приносившей и теперь приносящей выгоды не только у помѣщиковъ и вообще у состоятельныхъ людей, но и у крестьянъ не бѣдныхъ. Каждому важно,

чтобы врачъ *постарался* около больного, и это стараніе нужно такъ или иначе купить у врача: таковы наши обычаи. Кромѣ того многихъ военныхъ врачей толкало въ земство ихъ положеніе приниженное и безправное между двойною властію, вооруженною дисциплинарнымъ оружіемъ. Тяжело, да пожалуй и противно вспоминать, какъ иногда третировался военный врачъ. Для доказательства или иллюстраціи слѣдуетъ однако привести примѣръ-другой. Гильденштуббе, осматривая въ Рязани лазаретъ, остался недоволенъ внѣшнимъ его состояніемъ и раскричался на врача. Этотъ сталъ оправдывать себя (а Гильденштуббе этого не переносилъ) тѣмъ, что недостатки и неисправности зависятъ не отъ него, а отъ командира, которому о нихъ было неоднократно докладовано и доносимо. «Вотъ не угодно ли взглянуть, в.-в-ство, заключаетъ врачъ, предъ самыми окнами лазарета сваливается навозъ». Гильденштуббе взглянулъ, и еще сильнѣе напустился на врача, почему такой безпорядокъ? Врачъ возражаетъ, что не его дѣло убирать навозъ и грязь со двора. Гильденштуббе вышелъ совершенно изъ себя. «Такъ я *тебя* заставлю убрать эту кучу *твоими* руками», закричалъ и затопалъ ногами генералъ. Здѣсь впрочемъ, какъ вездѣ почти, когда Гильденштуббе на кого либо набрасывался, были особыя причины неудовольствія.

Не мягче относились къ врачамъ и менѣе крупные генералы. Случилась командировка изъ округа врача куда-то на край свѣта съ перспективою застрять тамъ навсегда; управленіе вызывало желающихъ, но ихъ не оказалось. Тогда стали выбирать между молодыми и одинокими, но назначаемые немедленно подавали въ отставку, такъ что можно было цѣлый округъ оставить безъ врачей. Пришлось принести въ жертву службѣ такого, который, какъ обязанный службою за казенную стипендію, не могъ подать въ отставку, и секретно писать медицинскому его начальству, чтобы оно не допускало какого либо отлыниванія отъ командировки со стороны назначеннаго, напр., подачей рапорта о болѣзни. Младшихъ врачей съ обязательною службою оказалось нѣсколько, но изъ нихъ нуженъ былъ такой, которому обязательной службы оставалось не менѣе двухъ-трехъ лѣтъ, потому что самое путешествіе съ командою продолжалось около года. Для выбора жертвы не было иныхъ признаковъ, кромѣ этого и еще безсемейности. Отобравъ всѣхъ удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, я подвергъ ихъ жеребьевкѣ: написалъ фамиліи на отдѣльныхъ бумажкахъ, свернулъ послѣднія и положилъ въ фуражку, попросивъ кого-то вынуть. Вышла фамилія, помнится, Мельникова, и, какъ, неизвѣстно почему, бываетъ обыкновенно, жребій палъ на самаго смирнаго, безотвѣтнаго.

Удрученный своимъ назначеніемъ, врачъ, проѣздомъ чрезъ Москву, находитъ нужнымъ заглянуть въ Управленіе не безъ намѣренія пожаловаться на меня, какъ виновника его злосчастія, и не безъ надежды какъ нибудь избавиться отъ постигшей его бѣды, но зашелъ туда слишкомъ рано. Въ ожиданіи времени, когда въ Управленіи можно застать инспектора, онъ пошелъ посидѣть на находившійся по близости Тверской бульваръ, гдѣ сѣлъ на лавочку и сталъ думать свою горькую думу. Въ это время, дѣлавшій свою утреннюю прогулку на бульварѣ, генералъ X. (онъ еще, кажется, здравствуетъ), проходитъ мимо сидящаго уткнувши носъ въ землю, и горюющаго врача разъ, проходитъ другой, тотъ все сидитъ въ томъ положеніи, не замѣчая бросающаго на него грозные взгляды генерала. Наконецъ, этотъ не выдержалъ и подошелъ къ сидѣвшему уткнувши носъ врачу. Увидѣвъ предъ собою генеральскія ноги съ лампасами, врачъ поднялъ глаза, увидѣлъ незнакомаго генерала и машинально всталъ.

«Почему вы, когда я, генералъ, прохожу мимо васъ нѣсколько разъ, сидите и не отдаете мнѣ чести?»

— Я, в-ство, васъ не замѣтилъ,—отвѣчаетъ, запинаясь, оробѣвшій врачъ.

«Вотъ и теперь вы отвѣчаете, стоя раскарякой и не приложивши руки къ козырьку. Какъ ваша фамилія, какой вы части?»

Несчастный врачъ отвѣчаетъ, тоже не догадавшись поправиться и откозырять.

«Ступайте къ медицинскому инспектору и скажите ему, что я, такой-то генералъ, арестовалъ васъ на недѣлю за неотданіе мнѣ чести!»

Съ этой новою бѣдою, забывши о старой, приходитъ врачъ въ Управленіе и застаетъ только меня. Выслушавши его, я говорю: медицинскій инспекторъ хотя и обязанъ, но теперь не можетъ исполнить законнаго требованія генерала X. Изъ-за вашего ареста будетъ задержана команда, которую вы сопровождаете, и подвергнется измѣненію уже утвержденный ея маршрутъ. Медицинскій инспекторъ можетъ сдѣлать только то, что напишетъ, куда слѣдуетъ, чтобы васъ выдержали подъ арестомъ по прибытіи на мѣсто. Но этого не будетъ; довольно съ васъ и того, что выпало вамъ по волѣ судебъ. (Я, конечно, не сказалъ ему про выпавшій ему жребій). Поѣзжайте съ Богомъ и не тревожьтесь этою исторіею. Я беру все на себя и, если вы не вѣрите моему слову, то дамъ вамъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что приказаніе генерала X вы исполнили. Врачъ, не являясь къ инспектору, уѣхалъ въ командировку, даже съ нѣсколько облегченной душой. Такъ иногда легонькая боль отъ горчишника облегчаетъ другую болѣе тяжелую. Я разсказалъ инспектору этотъ случай

въ подробности, не скрывая ничего и о себѣ, и получилъ одобреніе. Это случилось еще при Яновскомъ и въ то время, когда онъ находился въ явной немилости у Гильденштуббе.

Относительно отданія чести врачи поставлены были нашими обычными порядками въ какое-то одностороннее, комическое положеніе. Когда вышелъ законъ, обязывающій, по Прусскимъ порядкамъ, военныхъ отдавать при встрѣчѣ другъ-другу честь, причемъ низшій по чину долженъ былъ предупреждать высшаго, прапорщикъ не признавалъ нужнымъ отдавать ее, встрѣчаясь съ врачемъ даже въ генеральскомъ чинѣ. Даже нижніе чины поголовно обязанные отдавать честь всѣмъ безъ исключенія военнымъ врачамъ, не только рѣдко исполняли это, но нѣкоторые изъ игривыхъ, которыхъ много встрѣчалось между юнкерами и вольноопредѣляющимися, дѣлали изъ этого закона для себя мальчишескую забаву, которой я неоднократно подвергался. Зная, что на сдѣланную мнѣ честь, я обязанъ отвѣчать тѣмъ же по формѣ, я спѣшилъ приложить руку къ козырьку, видя, что встрѣтившійся мнѣ юнкеръ срывается своею правою рукою кверху; но оказывалось, что она не доходила до козырька фуражки, а останавливалась по дорогѣ у носа, въ которомъ и начинала ковырять. Эот, значитъ, и была честь, предназначенная имъ врачу. Винюсь, что въ иныхъ подобныхъ случаяхъ я останавливалъ скудоумнаго на счетъ своихъ законныхъ обязанностей юношу, которому впереди можетъ быть предстоялъ крупный генеральскій чинъ, и разъяснялъ ему всю глупую безразсудность и служебную гнусность его поступка со мною, указывая, что въ силу существующихъ законовъ его спасетъ отъ наказанія не только по дисциплинарному уставу, но и по военному-уголовному, и закроетъ отъ меня только тотъ начальникъ его, который не уважаетъ закона. Такое внушеніе обыкновенно производило дѣйствіе нагоняемымъ страхомъ, но не знаю, приносило ли какой либо духовный плодъ.

Вообще изъ всего этого выходитъ то, что требованіе отъ врача военной выправки и военнаго чинопочитанія по фронтовому уставу принимало характеръ простой придирки, что̀ ни въ какомъ случаѣ не могло содѣйствовать привитію къ врачамъ военныхъ порядковъ, и врачи дѣйствительно туго усвоивали ихъ на свое горе.

Иногда эти требованія принимали прямо характеръ глумленія надъ врачемъ и ложились на душу тяжкою, трудно переносимою обидой. Такъ, напр., по старому (не знаю, какъ теперь) порядку врачъ долженъ былъ, при слѣдованіи обоза на церемоніальномъ маршѣ, находиться у задняго колеса лазаретной повозки. Ну, и отъ чего же не пройти нѣсколько сотенъ шаговъ, придерживаясь колеса, когда обозъ

двигается шагомъ? Но нѣкоторые изъ крупныхъ начальниковъ, дѣлавшихъ смотръ, пускали лазаретный обозъ рысью и въ карьеръ, и врачъ бѣжалъ за нимъ, какъ собака, высуня языкъ. Къ чему это? Выѣздку и качество казенныхъ лошадей, положимъ, нужно знать военному начальнику, но *крѣпость мясовъ* врача и его скороходный аллюръ на что могли пригодиться военачальнику?

Все это вмѣстѣ взятое, не смотря на существовавшее спеціально для подготовки военныхъ врачей заведеніе (Академію) и массу казенныхъ стипендій на медицинскихъ факультетахъ, оставляло въ арміи сотни незанятыхъ врачами должностей. Предстоявшая военная реформа, потребовавшая и на мирное время бо́льшаго противъ существовавшихъ штатовъ числа врачей, осложняла дѣло. И вотъ почему, позаимствовавши у другихъ всеобщую воинскую повинность, мы относительно отбыванія ея врачами, не взяли образца ни съ Германіи, гдѣ врачъ отбываетъ ее во фронтѣ, ни во Франціи, гдѣ онъ отбываетъ повинность эту въ лазаретахъ, а освободили врача отъ всякой обязательной службы въ арміи въ мирное время, а въ военное привлекаемъ только къ медицинской. Разсчетъ былъ тотъ, чтобы свободой отъ фактической воинской повинности привлечь какъ можно болѣе народу къ медицинской профессіи, а не ослабить еще болѣе охоту къ ней. Въ дѣйствительности, однако, и льготой для врачей по отбыванію воинской повинности и земской медициной достигнуто было немного: за тридцать лѣтъ число врачей у насъ почти и не удвоилось, не смотря на увеличившуюся за это время численность населенія государства. Да и самое увеличеніе числа врачей, главнымъ образомъ, получилось на счетъ Евреевъ изъ-за ненавистной для нихъ военной службы. Туго двигавшійся, не смотря на означенныя благопріятныя условія, приростъ врачей былъ, между прочимъ, однимъ изъ поводовъ и основаній къ открытію у насъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. Открытые военнымъ вѣдомствомъ, курсы эти имѣли назначеніе женщинами-врачами вытѣснять мужчинъ-врачей изъ земской и иной врачебной службы и толкать въ военную. Женщины-врачи понадобились и на то, чтобы при недостаточномъ числѣ мужчинъ-врачей, было кѣмъ замѣнить послѣднихъ въ гражданскомъ населеніи во время службы ихъ, на войнѣ, въ арміи. Впослѣдствіи, когда ежегодно увеличивающійся *запасъ* врачей достигъ достаточнаго числа ихъ, былъ уничтоженъ ранѣе существовавшій *резервъ* врачей, формировавшійся въ военномъ вѣдомствѣ изъ служащихъ въ другихъ и вольнопрактикующихъ, не подпавшихъ военной повинности. Затѣмъ, когда военное вѣдомство почувствовало себя обезпеченнымъ вполнѣ запасомъ врачей, оно нашло для себя излишними расходы на женскіе врачебные курсы, и они были закрыты.

Конкурируя съ земствомъ въ привлеченіи врачей къ себѣ на службу въ мирное время, военное вѣдомство прибѣгло къ слѣдующимъ двумъ (главнѣйшимъ) мѣрамъ. Во-первыхъ, оно увеличило содержаніе своихъ врачей, но сдѣлало это первоначально только для высшихъ должностей, оставивъ надолго низшія при прежнихъ окладахъ, почему мѣра эта и не приносила ожидавшейся отъ нея пользы. Другою мѣрою было широкое предоставленіе военнымъ врачамъ возможности получать, за казенный счетъ, докторскую степень, которая по дѣйствующему закону даетъ право и открываетъ дорогу на высшія должности. Этою возможностью военные врачи и воспользовались широко, но военное вѣдомство ничего отъ этого не выиграло. Переполнившись докторами медицины настолько, что не знало, куда ихъ дѣвать, оно достигло только того, что наиболѣе талантливые и предпріимчивые изъ нихъ, не желая по десятку лѣтъ корпѣть въ жалкомъ положеніи баталіоннаго врача, бросились вонъ изъ военной службы на высшія земскія и административныя должности (старшихъ врачей земскихъ больницъ, врачебныхъ инспекторовъ и т. д.), дорогу къ которымъ открывалъ имъ дипломъ съ нагруднымъ академическимъ значкомъ, въ то время введеннымъ.

Однако, обязанность безпристрастнаго историка требуетъ отъ меня сказать, что послѣднее, хотя и не по своей винѣ, но достигло желаемаго. Висѣвшія ранѣе въ Главномъ Медицинскомъ Управленіи объявленія о свободныхъ вакансіяхъ исчезли, и въ военную службу поступить врачу стало также трудно, какъ и въ настоящее время въ думскую и иную. Вызванныхъ искусственно къ медицинской профессіи оказалось слишкомъ много, а избираемыхъ на службу—слишкомъ мало.

Такое положеніе дѣлу соорудила земская и думская городская медицина.

Такъ стоитъ дѣло теперь, но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ недостатокъ врачей вызывалъ, кромѣ мѣръ къ ихъ размноженію, еще и мѣры къ увеличенію числа и къ улучшенію состава фельдшеровъ. Стали возникать и въ земствахъ и по другимъ вѣдомствамъ фельдшерскія школы, и въ силу необходимости фельдшеръ вопреки закону, получилъ на дѣлѣ право самостоятельной практики. Оказался ли онъ на самомъ дѣлѣ способнымъ къ этому, или по инымъ причинамъ, но въ это время возникъ проектъ о *подлѣкаряхъ*, чемъ-то среднемъ между врачемъ и фельдшеромъ, выпускаемомъ изъ тѣхъ же фельдшерскихъ школъ, но съ чиномъ и съ правомъ какъ самостоятельной практики, такъ и держанія экзамена на врача послѣ опредѣленныхъ лѣтъ такой практики. Проектъ этотъ появился въ то время, когда наша медицина только что стала выходить изъ своего продолжительнаго застоя и сама

начала учиться у заграничной, потому былъ и прямо вреденъ и опасенъ для будущаго нашей науки у насъ. Но общая пресса, съ радостію приняла этотъ проектъ обѣими руками и облобызала, такъ что моей, написанной противу него статьѣ не удалось достучаться ни въ одну изъ Московскихъ редакцій. Тогда я рѣшился послать мою статью предсѣдателю медицинскаго совѣта. По этой ли причинѣ или по какой иной, проектъ, родившійся въ медицинскомъ департаментѣ, подкинутъ былъ подъ сукно, но чрезъ двадцать лѣтъ вновь появился такимъ же малолѣткомъ, какъ и ранѣе, но подъ названіемъ проекта *о лѣкаряхъ-практикахъ*. Этотъ проектъ, уже безучастно встрѣченный общею прессою, но враждебно-спеціальною, медицинскою, опять спрятался подъ сукно, а чрезъ нѣсколько времени вновь назойливо выглянулъ подъ названіемъ *проекта о лиценціатахъ*. Все это являлось только старыми погудками на новый ладъ.

Въ это же время обратило вниманіе на своихъ фельдшеровъ и военное вѣдомство, да и пора было это сдѣлать. Если положеніе врача было тяжелое, то каково же должно быть положеніе фельдшера, надъ которымъ начальствовалъ не только офицеръ, но и фельдфебель. Низшій, какъ теперь принято выражаться, медицинскій персоналъ въ военномъ вѣдомствѣ состоялъ въ то время изъ слѣдующихъ слоевъ. Ниже всего стоялъ цирюльникъ 2-го комплекта изъ солдатъ. Выбранные изъ числа большею частію неспособныхъ, къ фронту, но мало-мальски грамотныхъ, солдаты эти поступали подъ команду фельдшеровъ въ лазареты своей части, гдѣ наглядкою, рѣдко совѣтомъ и указаніемъ, а чаще толчкомъ и зуботычиной, они начинялись, считавшимися для нихъ достаточными, врачебными знаніями и получали по экзамену полковаго врача званіе цирюльника 2-го комплекта. При прежней долгой солдатской службѣ, пробывши десятокъ лѣтъ въ этомъ званіи, они повышались до младшаго фельдшера или ученика, а иногда восходили и до ранга старшаго полковаго фельдшера. Цирюльниками 2-го комплекта эти несчастные, во-истину, люди именовались потому, что существовали и цирюльники 1-го комплекта, истинные цирюльники, обязанность которыхъ состояла въ бритьѣ солдатъ, не имѣвшихъ тогда права носить бороды и долженствовавшихъ являться съ чисто-выбритымъ подбородкомъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Эта обязанность создавала для цирюльника источникъ доходовъ. Нечего, конечно, говорить, что цирюльниками 1-го комплекта были почти исключительно одни Евреи. Эти перваго сорта цирюльники играли своего рода почетную роль въ войскѣ. Заслуженныхъ изъ нихъ отличали и награждали выгодными и почетными командировками въ рекрутскія присутствія. Здѣсь, орудуя въ качествѣ спеціалистовъ, они взимали должное и за *лобъ* и за *затылокъ*, чтобы властною рукою не окарнать

парня на посмѣшище бабамъ. Власть этихъ первосортныхъ цирюльниковъ покоилась въ исторической колыбели. Они имѣли право считать себя наслѣдниками тѣхъ *полковыхъ лѣкарей*, высшая, почетная, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы *бороды брить полковымъ командирамъ и заправлять имъ перруки*. Между первокомплектными и второкомплетными существовала непримиримая вражда.

Съ этимъ родомъ людей я освоился, служа въ полку, и еще ранѣе ознакомился и заинтересовался имъ, когда служилъ въ Гроднѣ госпитальнымъ ординаторомъ. Гродненскій госпиталь былъ укомплектованъ почти фельдшерами исключительно изъ цирюльниковъ. Въ одномъ изъ отдѣленій на 150 мѣстъ, называвшимся слабосильною командою, былъ фельдшеромъ Гумановъ, котораго я ежедневно встрѣчалъ на службѣ пьянымъ. Отдѣленіе это или, правильнѣе, слабосильная команда наполнялась людьми, изнурявшимися въ гоньбѣ за повстанцами. Они требовали не лѣченія, а только отдыха и хорошей пищи. Перваго было достаточно, а вторая улучшалась винными порціями, на которыя начальство не скупилось. Думая, что фельдшеръ обмѣриваетъ солдатъ водкой, которую я выписывалъ для нихъ изъ аптеки, я устроилъ раздачу порцій при посредствѣ выборныхъ изъ самихъ же солдатъ старостъ, но фельдшеръ продолжалъ пьянствовать. Тогда мнѣ пришло на мысль повѣрить въ аптеки свои требованія на водку за нѣсколько дней. Требованія эти писались фельдшеромъ, и мною подписывались,—обычный въ то время порядокъ. При повѣркѣ оказалось, что фельдшеръ римскія цифры употреблявшіяся въ медицинскомъ вѣсѣ, передѣлывалъ въ подписанномъ уже требованіи по усмотрѣнію своему, напр., изъ V дѣлалъ X и т. п., не заботясь даже о тщательности. Аптекарю не было надобности выдавать поддѣлку: чѣмъ больше требовалось, тѣмъ для него выгоднѣе. Узнавши источникъ пьянства для фельдшера, я сталъ уже собственноручно и прописью выставлять количество выписываемаго для больныхъ. Фельдшеръ пересталъ являться пьянымъ, скоро пересталъ и совсѣмъ пить, началъ обнаруживать ко мнѣ нѣкоторую привязанность даже. Вѣроятно, на него подѣйствовало то, что я не только не ругалъ его, но и не выдалъ. Послѣ этого Гумановъ сдѣлался мнѣ помощникомъ въ раскрытіи и устраненіи многихъ вредныхъ для больныхъ мошенничествъ въ госпиталѣ.

Не рѣдко, когда мы налагаемъ свою руку на другого, зависящаго отъ насъ, человѣка, намъ кажется, что мы совершаемъ чуть ли не подвигъ, оказываемъ великую услугу дѣлу, чуть ли ни государству. Въ дѣйствительности же выходитъ, что мы только повредили маленькому человѣку, погубили его, не принося пользы никому, а только потѣшили сами себя.

ПИСЬМО А. С. ХОМЯКОВА КЪ В. В. ГАНКѢ.

Заимствуемъ это письмо изъ перваго выпуска Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета. 1896 года. (Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи Русско-Чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка). Любопытный и обильный матеріалъ этотъ найденъ профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ въ Чешскомъ національномъ музеѣ (Прага) лѣтомъ 1895 года. На этотъ разъ помѣщены лишь письма къ Ганкѣ О. М. Бодянскаго (15), А. С. Хомякова (1), С. М. Соловьева (1), Н. И. Греча (2); всѣ они затрогиваютъ вопросы науки, литературы и жизни Славянской. Приложенныя къ сборнику замѣтки Шафарика о Русской литературѣ, записанныя со словъ Погодина въ 1835 году, показываютъ степень знакомства даровитаго Чешскаго ученаго съ Русской литературой и исторической наукой.

Милостивый государь Вячеславъ Вячеславичъ!

Изъ Обржистовъ *) послалъ я вамъ стихи; писалъ также съ береговъ Рейна и также посылалъ стихи: не знаю, дошло ли все это до васъ. Въ этомъ сомнѣніи повторяю то, чтó уже писалъ.

Пріѣхавъ изъ Обржиствъ или, лучше сказать, на дорогѣ сочинилъ я слѣдующую пьесу. Хороша ли, дурна ли — всетаки посылаю ее вамъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ.... и т. д.

Написавъ и отправивъ эти стихи, я успокоился и легъ спать; но, видно, было что-то вредное въ вашемъ Прагскомъ воздухѣ: меня вмѣсто сна звало къ стихамъ, занятію давно забытому мною; я вспоминалъ ваши послѣднія слова объ единствѣ вѣры, безъ котораго нѣтъ полнаго единства въ народахъ, и ни то во снѣ, ни то на яву написалъ слѣдующіе стихи:

---

*) Вѣроятно это—Obrzysko, мѣстечко Познанск. у. на лѣвомъ берегу Варты, въ Пруссіи.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой... и т. д.

Послѣ нашего свиданія проѣхалъ я въ короткое время много и много земель, наслушался и наглядѣлся довольно. Вездѣ нашелъ я всесовершенное равнодушіе къ тѣмъ вопросамъ, съ которыми срослася наша жизнь. Если бы міръ Славянскій былъ какимъ-нибудь землетрясеньемъ поглощенъ, Европа и не охнула бы. Все сочувствіе, ею намъ изрѣдка оказываемое, есть или чистое лицемѣріе, или слѣдствіе какихъ нибудь своекорыстныхъ видовъ. Безумны тѣ изъ нашихъ братій, кокорые ищутъ сочувствія внѣ насъ. Съ другой стороны, наука понимаетъ многія прекрасныя стороны нашего быта и завидуетъ намъ, напр. крестьянской общинѣ въ Россіи и у южныхъ Славянъ. Это понимаютъ Нѣмцы и даже нѣкоторые Французы. Общину Славянскую изучаютъ и пишутъ объ ней, какъ я уже сказалъ, съ завистью; но зависть—не любовь. Другое сочувствіе, глубокое и сильное, нашелъ я въ Англіи, не къ намъ, но къ нашей Церкви. Трудно повѣрить, какъ часто и съ какимъ жаромъ выражается у нихъ любовь или, лучше сказать, жажда церковнаго единства. Неужели она не проснется въ нашихъ единокровныхъ братьяхъ? Вѣрьте мнѣ, ни Протестантство, ни Романизмъ не отвѣчаютъ ни требованіямъ времени, ни глубокимъ требованіямъ Славянской души. Одно уходитъ въ Фейербаха, другой въ грубую политику. Оба отжили. Мнѣ кажется, мой сонъ будетъ когда нибудь не сномъ. Дай Богъ поскорѣе. Покуда скажу я, что отраднѣйшимъ днемъ моего путешествія былъ день въ Прагѣ, и что вашъ привѣтъ и ласки почтеннаго Шафарика мнѣ отогрѣли душу, какъ солнечнымъ лучомъ. Всегда буду отъ души благодарить васъ и благословлять за вашу любовь къ доброму дѣлу. Примите увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорный слуга Алексѣй Хомяковъ.

Берлинъ.

*

Изъ письма видно, что оба стихотворенія написаны почти безъ перерыва, между тѣмъ въ „Стихотвореніяхъ А. С. Хомякова“ Москва 1861 г., второе помѣчено 1847 годомъ, а первое отнесено (предположительно) къ 1852.

ПИСЬМО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Sire!

Je mets aux pieds de Votre Majesté Impériale mon obéissance et ma soumission envers elle, et en même temps ma douleur. La circonstance où je me trouve agite tous les sentimens dans mon âme. Vos bontés, Sire, m'ont retenu au service. Vous m' avez ordonné de garder ma place dans le moment le plus douloureux de ma vie, où tout m'inspirait l'idée, je dirai même, le devoir de la retraite. Vous m'ordonnâtes de rester, et je m'empressais d'obéir à mon souverain, au fils cheri de mon bienfaiteur, avec une soumission entière. Je respectais en silence vos ordres suprêmes, Sire, et privé de toutes les fonctions qui appartiennent à ma place, je ne me permettais pas même aucune prétention quelconque à leur égard; et certainement je ne les réclame pas, parce que je me dis que telle est votre volonté. Mais à présent le devoir le plus sacré à l'homme, l'honneur, me fait un devoir et me reduit à la nécessité d'oser vous soumettre mes respectueuses représentations.

Il est des règles de pure forme, consacrées par la loi et l'usage, établies, maintenues, observées dans tous les pays et dans toutes les cours, que tous les individus constituants le ministère concourrent également à la formation et à la signature de tous les actes publics, émanés de la volonté du souverain et revetus de sa confirmation, et n'y sont jamais séparés à moins de raisons très graves contre celui qui en est exclu. J'osais me flatter qu'elles seraient toujours observées vis-à-vis-de moi, et je vois le contraire. Il est sans exemple, Sire, que le vice-chancelier de votre Empire, que celui qui par son ancienteté est le premier dans votre ministère, soit exclu des négociations et puisse ne pas être nommé dans vos pleins-pouvoirs pour conclure et signer les traités. Mon exclusion de celui qui vient d'être conduit à sa fin avec l'Angleterre porte le caractère d'une disgrace complète et du peu de confiance de Votre Majesté envers moi, et me couvre de honte et

d'humiliation non seulement devant ma patrie, mais aussi aux yeux de toute l'Europe. Je le sens autant que je le dois; et ce sentiment, qui me remplit si douloureusement, je n'hésite pas à Vous le faire connaître, Sire; parce que je connais l'extrême bonté, la loyauté et les rares vertus de votre coeur et par ce que je suis persuadé que vous n'avez pu vouloir me rendre malheureux. J'ose m'adresser à Votre Majesté comme au meilleur des souverains, qui est bon et juste dans toutes ses actions, qui ne cherche qu'à faire des heureux, et qui certainement ne voudra pas s'éloigner de sa clémence et de ses principes pour m'humilier moi seul, tandis que me connaissant depuis si longtems elle peut apprécier si bien mon zèle et mon devouement pour sa personne et pour son service. Lui en donner des preuves constantes et voir que celles-là seront toujours agrées pas elle avec bonté est tout ce que je désire.

Après m'être acquitté de ce devoir de sincérité que j'avais à remplir vis-à-vis de Votre Majesté Impériale, je me borne à me placer sous sa protection immédiate et à en attendre les effets, qui doivent conserver mon honneur et ma tranquillité et me rendre aux moyens de la servir autant que j'ai à le souhaiter.

Ma fidelité envers feu l'Empereur votre père doit, Sire, vous garantir celle que je vous ai jurée, et qui m'accompagnera jusqu'au tombeau de même que le profond respect et l'attachement inviolable avec lesquels je suis, Sire, de votre Majesté Impériale le fidèle sujet le prince Alexandre Kourakine.

le 9 de Juin 1801.

Государь! Повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою покорность и повиновеніе, а въ тоже время мою скорбь. Всѣ чувства души моей взволнованы обстоятельствомъ, въ которомъ я нахожусь. Милость ваша, Государь, удержала меня въ службѣ. Въ самую скорбную минуту жизни моей, когда все побуждало меня (скажу даже, обязывало) уйти въ отставку, вы мнѣ приказали оставаться на моемъ мѣстѣ. Таково было ваше повелѣніе, и я усердствовалъ съ полною покорностью повиноваться моему Государю, возлюбленному сыну моего благодѣтеля. Въ тишинѣ сердца оцѣнивалъ я, Государь, верховную вашу волю, и хотя лишенъ былъ всякаго участія въ дѣлахъ по моему мѣсту, но не позволялъ себѣ малѣйшаго притязанія по сей части, и конечно не жалуюсь, говоря себѣ, что такъ вамъ угодно. Но теперь священнѣйшая для человѣка обязанность, честь, вынуждаетъ меня къ смѣлости изложить вамъ мои почтительныя представленія. Существуютъ правила, вполнѣ внѣшнія, но освященныя закономъ и обычаемъ, установленныя, содержимыя и наблюдаемыя во всѣхъ странахъ и при

всѣхъ дворахъ, чтобы лица, входящія въ составъ министерства, принимали одинаковое участіе въ начертаніи и въ подписи всѣхъ государственныхъ бумагъ, исходящихъ отъ воли Государя и снабженныхъ его утвержденіемъ. Эти лица никогда не устраняются отъ сего, развѣ по какимъ либо очень важнымъ противъ нихъ соображеніямъ. Я осмѣливался льстить себя увѣренностью, что я не могу быть въ числѣ устраняемыхъ и вижу теперь противное. Вице-канцлеръ вашей Имперіи, по службѣ старшій въ вашемъ министерствѣ, не допускается до переговоровъ и не снабженъ вашимъ полномочіемъ для заключенія и подписанія трактатовъ. Это, Государь, безпримѣрно. Я не допущенъ къ участію въ приводимомъ къ окончанію трактатѣ съ Англіею, какъ будто я въ совершенной у васъ немилости и вы не имѣете ко мнѣ достаточно довѣрія. Это для меня стыдъ и уничиженіе не только передъ моимъ отечествомъ, но передъ всей Европою. Я не долженъ иначе относиться къ тому, а я спѣшу донести до свѣдѣнія вашего, Государь, про это скорбное наполняющее меня чувство, потому что мнѣ извѣстны чрезвычайная доброта, любовь къ законности и рѣдкія качества вашего сердца, и я убѣжденъ, что вы не могли желать моего несчастія. Осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Величеству, какъ лучшему изъ государей, доброму и справедливому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, нежелающему кого либо сдѣлать несчастнымъ и конечно неспособному уклониться отъ своего милосердія и своихъ правилъ для того, чтобы обидѣть только меня одного, тогда какъ съ давняго времени можетъ цѣнить мое усердіе и приверженность къ нему лично и къ его службѣ. Постоянно это доказывать ему и знать про милостивое его одобреніе: вотъ все чего я желаю. Исполнивъ этотъ долгъ искренности относительно Вашего Императорскаго Величества, предаю себя непосредственному покровительству вашему къ сохраненію моей чести и спокойствія и къ преподанію мнѣ способа служить вамъ, какъ я того желаю. Вѣрность моя покойному вашему родителю должна служить вамъ. Государь, ручательствомъ той, на которую я вамъ присягнулъ и которую сохранитъ до гроба, равно какъ и глубокое почтеніе съ ненарушимою приверженностью Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный князь Александръ Куракинъ. 9 Іюня 1801 года.

*

За сообщеніе письма этого мы обязаны князю Ѳедору Алексѣевичу Куракину. Оно писано въ первые мѣсяцы царствованія Александра Павловича, когда всѣ дѣла по нашимъ внѣшнимъ сношеніямъ забралъ въ свои руки графъ Никита Петровичъ Панинъ, не допускавшій для себя совмѣстничества. Это письмо важно, такъ какъ оно возбудило подозрѣніе Государя противъ графа Панина, отставка котораго, имъ самимъ себѣ подготовленная, состоялась въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПАРТИЗАНА СЕСЛАВИНА.

Кому изъ Русскихъ людей не извѣстно имя партизана Александра Никитича Сеславина *), героя Отечественной войны, который своевременнымъ увѣдомленіемъ главнокомандующаго князя Голенищева-Кутузова о намѣреніи Наполеона двинуть свои отступающія войска на Калугу далъ возможность предупредить Французовъ подъ Малоярославцемъ и отбросить ихъ къ Смоленску, т. е. на путь голоднаго отступленія?

Полной біографіи его нѣтъ. Личныя бумаги А. Н. Сеславина и документы погибли для потомства: корабль, на которомъ онъ ѣхалъ въ Англію потерпѣлъ крушеніе, и всѣ вещи партизана были выброшены въ море.

Представленныя въ наше распоряженіе внукомъ партизана Дмитр. Никол. Сеславинымъ письма его ближайшимъ родственникамъ дополняютъ собою біографическія данныя о Сеславинѣ и освѣщаютъ именно то время, которое онъ провелъ послѣ войны за границей, а также и послѣдніе годы его жизни, которые онъ провелъ въ своемъ имѣніи Тверской губ., Ржевскаго уѣзда.

Первыя четыре письма писаны къ родному брату партизана, Николаю Никитичу Сеславину; пятое письмо—къ женѣ брата, Софіи Павловнѣ; шестое—къ мужу родной племянницы, Николаю Александровичу Огареву и послѣднія три письма къ племянницѣ Маріи Николаевнѣ Огаревой.

I.

Здравствуй Николаша!

Проѣхавъ всю Францію отъ одного конца до другаго, наконецъ прибылъ въ Баррежъ, что въ Пиринейскихъ горахъ, на границѣ Испаніи, и пользуюсь водами. Здѣсь я получилъ письмо твое, въ которомъ извѣщаешь меня, что ты уже отецъ. Слѣдовательно я—родной дядя. Я обрадовался до того, что, таскаясь по вершинамъ ужаснѣйшихъ горъ, не выпускаю письма изъ рукъ, читаю его и перечитываю безпрестанно. Какъ ты счастливъ Николаша! Никогда не имѣлъ столь силь-

*) А. Н. Сеславинъ, род. въ 1779 году, скончался въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ 1858 г. П. Б.

наго желанія жениться, какъ теперь. Я никогда не сумнѣвался въ воздержной твоей жизни, да и кто же лучше можетъ знать о томъ, какъ не я. Да правду-ли ты говоришь? Ты описываешь, что чрезъ девять мѣсяцевъ ровно Соничка родила; это наводитъ меня на сумнѣніе. Ежели это истинно, то я долженъ надѣяться, что моя жена будетъ рожать чрезъ четыре съ половиною мѣсяца.

Ты пишешь, что не надѣялся получить письма отъ меня. Почему это? Мы можемъ ссориться и мириться также скоро, какъ бывало мы дрались за одѣяло.

Я вспыльчивъ, но не золъ; ты добръ и хладнокровенъ, и сего довольно, чтобъ умѣрить мою вспыльчивость и утишить строптивость. 20 лѣтъ взаимной дружбы можетъ предохранить насъ отъ несчастія быть во враждѣ; за облачка-же, которыя могутъ иногда находить, не ручаюсь.

Боюсь, что Сергѣй тебя обезпокоитъ.

Здѣсь военный комисаръ довольно значущая особа, сходствуетъ съ тобою какъ двѣ капли воды: тотъ-же кривой носъ и тѣ-же кривыя ноги; та-же походка, та-же честность и то-же благородство въ поступкахъ. Первый разъ когда я его увидѣлъ, остановился вдругъ, долго смотрѣлъ на него, родились въ головѣ моей разныя мысли, вспомнилъ о нашей юности, и слезы покатились невольно изъ глазъ. Съ тѣхъ поръ всякій разъ когда его вижу, ощущаю томное и сладостное удовольствіе.

90 ваннъ уже взялъ; взявши еще 10, отправлюсь осмотрѣть остальныя провинціи южной Франціи. Потомъ въ Швейцарію, а зиму проведу въ Италіи по совѣту докторовъ, дабы предупредить дурныя послѣдствія отъ сильнаго кровохарканья.

Божественная Софинька!

Завидую, поистинѣ завидую Николаю! Если я буду имѣть супругою подобную вамъ, почту себя наисчастливѣйшимъ!

Чувствую необходимость имѣть друга и всегдашняго товарища. Повсюду отдаютъ должную справедливость моимъ заслугамъ; правда, это льститъ моему самолюбію, но ощущаю всегда пустоту въ себѣ. Чтобъ не истребилась память дѣлъ моихъ, надо жениться, родить сына, которому передавъ мои дѣла я не умру, я буду жить въ немъ. Папинькѣ, маминькѣ и милой Катинькѣ прошу кланяться. Богъ съ вами! Вашъ другъ и братъ Александръ.

18 Августа 1817
Баррежъ.

P. S. Пиши чаще и посылай письма по прежнему чрезъ Габбе, который будетъ пересылать оныя къ Воронцову во Францію, а отъ Воронцова я буду получать, хотя бы я былъ въ Италіи.

II.

Лозанна въ Швейцаріи, Октября 1-го.

Здравствуй Николаша!

. . . Единственное мое желаніе, которое питаю въ груди моей, есть чтобъ возвратиться въ отечество и успокоиться подъ отцовскою крышкою.

Поведеніе *** меня крайне оскорбило, тѣмъ болѣе, что ты не пишешь въ чемъ именно состоятъ его поступки, ибо ты меня лишилъ чрезъ то возможности писать къ Государю и просить, чтобъ онъ приказалъ его судить за его дурные поступки и за то, что обманулъ Государя, сказавшись больнымъ вышелъ въ отставку, не заслужа то попеченіе правительства и то благодѣяніе, которое оказано ему воспитаніемъ въ корпусѣ.

Напиши ему, что если онъ не вступитъ по прежнему въ службу, я буду просить Государя отдать его подъ судъ и ежели оный найдетъ нужнымъ, лишить его чиновъ и опредѣлить на службу солдатомъ. Онъ думаетъ, что въ отставкѣ можно дѣлать зло, напомни ему прежде, что было со старшимъ братомъ; я не потерплю, чтобъ и онъ смѣлъ марать доброе имя нашей фамиліи, которое мы пріобрѣли кровію нашею, и старшій братъ, который, сдѣлавъ фамиліи пятно, успѣлъ смыть оное кровію своею и самою жизнью.

Ежели я заслужилъ у Государя довѣренность, употреблю ее на то, чтобъ онъ не былъ безполезнымъ и вреднымъ членомъ государства и презрительнымъ бродягою; поспѣши увѣдомить меня о его рѣшеніи. Твой братъ Александръ.

III.

Ничего не осталось во Франціи, чего бы я не видѣлъ. Изъ Барежа отправился я въ Тулузу, дабы оттуда пуститься по каналу, который Французы почитаютъ чудомъ; онъ соединяетъ Средиземное море съ Океаномъ. Я видѣлъ въ немъ всѣ шлюзы, прорытые въ горахъ, дабы дать оному теченіе; работа многотрудная и дѣлаетъ честь Франціи, но чудеснаго ничего нѣтъ. Осмотрѣлъ всѣ крѣпости и порты на Средиземномъ морѣ, всѣ заведенія и фабрики южной Франціи. Тамъ выдержалъ двѣ горячки, послѣ которыхъ открывались раны, и

одна по сіе время открыта и выбрасываетъ кости. Паша хотя и перевязываетъ и зондируетъ мнѣ рану, но не можетъ загладить то зло, которое мнѣ надѣлалъ и поведеніе свое: онъ сдѣлался воромъ, обманщикомъ и употребилъ во зло мое стараніе научить его Французскому языку, и кажется надежды нѣтъ на его исправленіе. Выучивъ его говорить по французски граматикально, я хотѣлъ отдать его въ пансіонъ въ Парижѣ; но послѣ двухъ лѣтъ, когда открылъ въ немъ пороки, бросилъ его учить и заставилъ его быть слугою. Вотъ награда за доброе дѣло!.. Напиши къ его матери, чтобъ она дала сыну наставленіе; можетъ быть это послужитъ ему въ пользу.

Прошлаго года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ ты писалъ, что идешь въ отставку. Это меня порадовало; нынѣшняго года изъ письма твоего отъ Іюня вижу, что ты еще городничій. Это меня удивило; иди въ отставку, устраивай хозяйство свое такъ, чтобъ черезъ годъ и безъ тебя могло все идти своимъ порядкомъ. Возвратясь въ Россію даю тебѣ слово исходатайствовать тебѣ мѣсто и выгодное, и почетное въ государствѣ. Я основываю мое увѣреніе на томъ, что при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, Государь позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и, благодаря меня за службу, обнялъ меня, цѣловалъ и когда я, будучи растроганъ сею его благосклонностью, сказалъ ему, что нѣтъ жертвы, которую бы ему не посвятилъ, онъ прослезился и, прижавъ меня къ груди своей, сказалъ, чтобъ я требовалъ отъ него, чего мнѣ надо. Въ эту минуту ты былъ у меня на умѣ; но какъ ты мнѣ прежде сего говорилъ, что ты не хочешь перемѣнить мѣста, я отвѣчалъ Государю, что не имѣю ни въ чемъ нужды. По крайней мѣрѣ впереди, если будешь имѣть нужду—пиши прямо ко мнѣ, увѣдомляя о своемъ здоровьѣ. Это были послѣднія слова его.

Весною я оставилъ проклятую Францію; пробывъ нѣсколько времени въ Женевѣ, я нанялъ мызу въ Швейцаріи, по близости Лозанны, на берегу Женевскаго озера. Видъ оный наипрекраснѣйшій, послѣ Константинополя и Неаполя, во всемъ свѣтѣ. Это я узналъ и увидѣлъ самъ, что̀ читалъ во многихъ описаніяхъ. Тутъ я провелъ лѣто, лѣча свою рану въ правомъ плечѣ. Завтрашній день ѣду осмотрѣть ту дорогу, по которой шелъ славный Аннибалъ, переходя Альпы, а также узкіе проходы и гору Saint-Bernard, гдѣ прошелъ Бонапартъ и С. Готардъ, гдѣ проходилъ Суворовъ. Оттуда ѣду въ Италію, гдѣ проведу зиму въ разныхъ городахъ; Страстную и Святую недѣли пробуду въ Римѣ, а оттуда, пользуясь позволеніемъ Государя, чрезъ Германію въ Англію. Государь прислалъ мнѣ 8000 рубл. Это содѣлало меня подвижнымъ...

Графа Петра Александровича *) старшая дочь за генералъ-маіоромъ Гурьевымъ; вторая 17 лѣтъ, еще дѣвица. Я очень желаю знать, помолвлена-ли она за кого, или нѣтъ. Узнай объ этомъ такъ, чтобъ не подать какого мнѣнія; но узнай непремѣнно и меня увѣдомь въ первомъ письмѣ.

IV.

Мая 9-го 1819 г.

. . . Изъ Лозаны доѣхалъ я до Мартиньи. Оставивъ здѣсь коляску, отправился пѣшкомъ въ горы, дабы осмотрѣть три пункта, которыми проходили Бонапартъ чрезъ большой С. Бернардъ, Аннибалъ—чрезъ малый С. Бернардъ и Суворовъ, Русскій Аннибалъ,—чрезъ С. Готардъ. Итакъ отъ Мартиньи перешелъ большой С. Бернардъ въ Аостъ; оттуда чрезъ малый Бернардъ въ Пьемонтъ, чрезъ Мутію, Конфланъ, Гору (Mont-Banc) возвратился въ Мартиньи, сдѣлавъ 65 Французскихъ миль, или 260 верстъ въ пять дней въ горахъ, высотою отъ 10 до 11000 футовъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Доѣхавъ до Брига и снова оставивъ коляску, пошелъ до Айроло, гдѣ Суворовъ, разбивъ Французовъ, началъ переходить С. Готардъ. Слѣдуя *его* пути, дошелъ до Чортова моста, перешедши С. Готардъ. Оттуда чрезъ ледяныя горы Фурка, откуда вытекаетъ рѣка Рона и протекая часть Швейцаріи и въ срединѣ Женевскаго озера, чрезъ Ліонъ впадаетъ въ Средиземное море, откуда въ прошломъ году, подымаясь вверхъ по сей Ронѣ, доѣхалъ до Лозанны.

Близъ С. Готарда, осмотрѣвъ источники четырехъ большихъ рѣкъ, какъ-то: Рейна и прочихъ, возвратился въ коляскѣ въ Бригъ. На возвратномъ пути отъ Чортова моста близъ источника Роны въ снѣжныхъ горахъ едва не погибъ, проходя по тропинкѣ. Ноги мои начали уже скользить по льду и если-бы не палка съ острымъ гвоздемъ, которую воткнулъ въ ледъ и тѣмъ удержался, я обрушился-бы въ пропасть до 8000 футовъ. Проводникъ съ опасностью жизни мнѣ помогъ. Суди о моемъ страхѣ видѣть пропасть подъ ногами!..

Палку храню, чтобы сдѣлать подарокъ Θедору.

Въ Ару путешествіе я сдѣлалъ 170 верстъ въ два дня къ удивленію Швейцарцевъ, которые по возвращеніи моемъ стекались, чтобъ видѣть меня и моего провожатаго, котораго я наградилъ съ избыткомъ и обезпечилъ по возможности состояніе бѣдной его матери за спасеніе моей жизни ея сыномъ.

*) Толстаго. П. Б.

Извѣстно тебѣ, что я нѣсколько лѣтъ занимался военными книгами, просиживая иногда и ночи; съ тѣхъ поръ я питалъ въ себѣ непреодолимое желаніе осмотрѣть три пути, которые прославили навсегда Аннибала, Бонапарта и Суворова, дабы сдѣлать сравненіе сихъ трехъ великихъ полководцевъ. Любопытство, которое чуть не стоило жизни, удовлетворено. Желая всегда быть полезнымъ къ службѣ Государя, предпринялъ путешествіе по Италіи, съ тѣмъ, чтобъ, пользуясь климатомъ для моего здоровья, осмотрѣть всѣ крѣпости оной. Отправившись чрезъ Simplon гору, чрезъ которую Бонапартъ проложилъ путь, преодолѣвъ чрезвычайныя препятствія, я прибылъ въ Миланъ; оттуда въ Brescia, Castel-nuovo, Verona, въ Виченцу, въ Мантую, Кремону; былъ на Требіи, гдѣ Суворовъ разбилъ Магдональда, въ Лоди, Александріи, Нови, гдѣ Суворовъ одержалъ знаменитую побѣду, осмотрѣлъ поля Тортоны и Нови и прибылъ въ Генуя. Оттуда моремъ въ Ливорну, чрезъ Пизу, Люкъ во Флоренцію, Римъ, Неаполь, гдѣ зимовалъ; оттуда чрезъ Римъ, гдѣ провелъ Страстную и Святую недѣли, чрезъ Анкону, по Адріатическому морю въ Болонью и чрезъ Флоренцію и Ливорно, гдѣ нанялъ малое судно и моремъ, взглянувъ на островъ Эльбу, вдоль берега отъ Ніеви мимо Каннъ, гдѣ Бонапартъ, ушедши съ острова Эльбы, вышелъ на берегъ и овладѣлъ вторично Франціею, я прибылъ въ Тулонъ и сухимъ путемъ въ Марсель. Здѣсь я намѣренъ провести нѣсколько мѣсяцевъ на теплыхъ водахъ, чтобъ лѣчивъ открытую рану въ плечѣ, сдѣлать описаніе и замѣчанія всего, что я видѣлъ и узналъ во время моего путешествія.

Въ Средиземномъ морѣ, на половинѣ пути отъ Ливорна до Тулона я претерпѣлъ бѣдствіе во время шторма по неосторожности капитана судна. Но Богъ и тутъ спасъ меня. Въ продолженіе моего путешествія въ Швейцаріи рану перевязывали проводники и, не бывъ деликатными, производили иногда лихорадку, такъ что по два часа я оставался иногда въ постели, иногда въ снѣжныхъ горахъ, гдѣ нѣтъ никакого обиталища.

Послѣ Ліона во Франціи, гдѣ я получилъ отъ государя 9.000 рублей, получилъ столько же въ Римѣ; сіе средство содѣлываетъ меня движимымъ. Около 50.000 рублей прожито, изъ коихъ каналья Паша вѣрно мнѣ стоитъ до 15.000 рублей, ибо имѣетъ все тоже, что́ я самъ.

Милая Софинька!

Проѣхавъ Европу, смѣю васъ увѣрить, что нѣтъ лучше народа Русскаго, нѣтъ лучше мѣста, какъ Есемово и Θедоровское, гдѣ бы я желалъ провести нѣкоторое время въ кругу милыхъ сердцу моему·

Отъ Катиньки не имѣю ни строчки; я бы хотѣлъ, чтобъ она меня любила въ половину того, какъ я ее люблю. Поцѣлуйте моихъ племянницъ и племянника, ежели есть. Храни васъ Богъ!..

Будьте счастливы и вспоминайте иногда вашего друга Александра.

Марсель, въ Южной Франціи.

P. S. Вашему батюшкѣ и матушкѣ прошу свидѣтельствовать мое почтеніе.

Николаша, пиши подробно все, что происходитъ дома, то есть въ монастырѣ, у родныхъ, въ правительствѣ какія перемѣны; да существуетъ ли Аракчеевъ и какое имѣетъ вліяніе на Государя и кто еще въ силахъ и въ довѣренности Государя.

V.

Другъ мой, милая Софинька.

...Вы спрашиваете меня: справедливо ли то, что я избавился отъ очевидной опасности въ южной Франціи. Это слишкомъ правда. Лишь только выѣхалъ я изъ Парижа, на всѣхъ дорогахъ встрѣчалъ курьеровъ съ извѣстіемъ, что во многихъ мѣстахъ, чрезъ которыя я долженъ былъ проѣзжать, открывались мятежи. Это заставило меня лавировать то въ одну, то въ другую сторону и какъ дѣло партизана мнѣ весьма знакомо, я ускользнулъ отъ непріятностей, которыя могли бы со мною повстрѣчаться; но это не значитъ ничего. Проѣзжая изъ Тулузы, чтó въ южной Франціи вдоль канала, который соединяетъ Средиземное море съ океаномъ—произведеніе, которое дѣлаетъ честь Франціи—въ сумерки одинъ разбойникъ, остановясь среди дороги и прицѣлясь, прочилъ убить почталіона, ежели онъ не остановится; почталіонъ повиновался; тогда, приближась къ моей коляскѣ, требовалъ денегъ. Я ему далъ нѣсколько, онъ требовалъ еще; я далъ и еще, но когда онъ потребовалъ отъ меня 10.000 франковъ и велѣлъ мнѣ выйти изъ коляски, грозя меня убить, не имѣвъ при себѣ ни пистолета, ни сабли, которую Паша заложилъ внизъ, я бросился на него, вырвалъ изъ его рукъ дубину, которою онъ махалъ, держа оную въ лѣвой рукѣ ударилъ его по виску такъ, что онъ упалъ въ ровъ, забывъ выстрѣлить изъ пистолета, который держалъ въ правой рукѣ. Почему же товарищи его не перешли ровъ, чтобы напасть на меня—я это приписываю и моему счастію, и Богу, Который меня хранилъ всегда.

Какъ бы я желалъ увидѣть моихъ племянницъ и быть посреди васъ, моихъ милыхъ друзей, я вамъ не могу того изобразить; но начатое надо докончить.

Одна изъ вашихъ малютокъ показывала на мой портретъ, произнося мое имя; сіе мнѣ доказываетъ, что вы меня помните и любите; почему я и взялъ смѣлость назвать васъ въ началѣ моего письма—*Софинька*!... Вашъ другъ Александръ Сеславинъ.

VI.

Милостивый государь, Николай Александровичъ.

Радуюсь рожденію у васъ сына Михаила, съ чѣмъ васъ обоихъ душевно поздравляю. По пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ, чтобы лично съ вами познакомиться, я внучекъ, внучка и племянницу вдоволь расцѣлую.

Я сохранилъ ваше письмо, писанное ко мнѣ еще женихомъ, въ которомъ вы обѣщаете стараться во всю вашу жизнь содѣлывать счастіе моей племянницы. Она счастлива. Вы, достойнѣйшій человѣкъ, сдержали ваше слово и тѣмъ пріобрѣли неотъемлемое право на мою искреннюю приверженность, уваженіе и преданность, тѣмъ болѣе, когда помыслю, какому множеству моихъ родныхъ вы сдѣлали благодѣяніе!...

Осмѣливаюсь просить васъ принять на себя трудъ 28-го нынѣшняго мѣсяца поздравить Его Императорское Высочество съ днемъ его рожденія отъ меня, *перваго* его адъютанта, отъ котораго онъ получилъ *первый* въ жизни его рапортъ. Этотъ день для меня памятенъ тѣмъ, что онъ есть начало моего счастія въ первую половину кипящей дѣятельностью моей жизни. Надо все разсказать. Блаженной памяти Государь Павелъ Петровичъ, нѣсколько дней спустя послѣ рожденія Его Высочества Михаила, пожаловалъ къ намъ въ корпусъ. Это было во второмъ часу, послѣ обѣда, когда кадеты играли на дворѣ и катались на конькахъ. Штабъ и оберъ-офицеры разъѣхались по домамъ обѣдать.

Узнавъ о прибытіи Государя, всѣ кадеты разбѣжались.

Всегда смѣлый, я подошелъ къ Государю и поцѣловалъ руку. Мнѣ было тогда 13 лѣтъ; я былъ прекрасенъ, какъ херувимчикъ. Поцѣловавъ меня, Государь объявилъ, что Онъ прибылъ поздравить кадетъ съ новымъ фельдцейхмейстеромъ, а узнавъ, что я племянникъ того Сеславина, который служилъ у него въ Гатчинѣ, спросилъ меня: не желаю ли я служить у него въ гвардіи? Я отвѣчалъ, что желаю, но только съ братомъ, что нынѣ вашъ тесть. Чрезъ нѣсколько дней мы были уже офицеры въ гвардейской артиллеріи.

По повелѣнію Его Величества, я съ двумя орудіями, находясь всегда при лейбъ-баталіонѣ, ходилъ въ Гатчину, Павловскъ и Петергофъ. Вскорѣ потомъ назначили меня адъютантомъ и на маневрахъ я пришелъ въ палатку Его Величества съ рапортомъ къ фельдцейхмейстеру. Увидавъ меня, мой шефъ спряталъ личико на грудь Августѣйшей своей матери. Много стоило труда Августѣйшему родителю уговорить упрямаго фельдцейхмейстера, который плакалъ, кричалъ и барахталъ ножками, чтобы принялъ отъ меня рапортъ и то не иначе, какъ отворотясь отъ меня и протянувъ назадъ ручку, въ которую я вложилъ рапортъ.

Оставаясь навсегда съ благоговѣніемъ къ памяти въ Бозѣ почивающаго Августѣйшаго моего благодѣтеля, я сохраняю мою приверженность къ Августѣйшему его сыну, къ виновнику моего счастія въ юности моей.

Если благоугодно будетъ Его Высочеству знать обо мнѣ, прошу сказать, что я бодръ, здоровъ и свѣжъ; въ груди моей пылаетъ неугасимое пламя юныхъ лѣтъ.

Будьте здоровы со всѣми вашими. Весь вашъ Александръ Сеславинъ.

Ржевъ, 18 Января 1815 года.

P. S. По болѣзни глазъ, едва не сжегъ письма, печатая.

VII.

Милая Марія Николаевна!

Письмо ваше отъ 31 Марта я имѣлъ несравненное удовольствіе получить во время полевыхъ моихъ прогулокъ. У насъ здѣсь погода стоитъ прекрасная, призываетъ въ поле для обозрѣнія работъ и, какъ нѣкто сказалъ: «взгляните на сіи бразды, воздѣлываемыя земледѣльцемъ, на нихъ зрѣетъ слава и величіе государства» — я страстно полюбилъ земледѣліе.

Нѣкоторое время въ моей ротондѣ, подобной той, которую знаменитый Палладіо построилъ на такомъ же мѣстѣ въ Виченцѣ, гдѣ я въ молодости провелъ нѣсколько счастливыхъ дней, — ожидалъ васъ радушный пріемъ. Но... этого не суждено.

И я также желалъ бы, чтобы вы постоянно и сколь возможно чаще дарили меня пріятными для меня вашими письмами, а милый вашъ супругъ благосклонно принялъ приглашеніе засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе его товарищамъ: его сіятельству графу А. Ѳ. Орлову и Льву Александровичу Нарышкину, моему другу, который

благоволилъ взять отъ меня на память Турецкую съ крестомъ пулю, полученную мною на сквозь въ сгибъ праваго плеча въ то время, когда я, ведя колонны Уварова на штурмъ Рущука, первый взошелъ на крѣпостной валъ,—и сказать имъ Христосъ Воскресе!

Вашъ, весь вашъ Александръ Сеславинъ.

VIII.

Милый другъ Машинька.

Снѣга воспрепятствовали мнѣ отправиться въ С.-Петербургъ для лѣченія глазъ, и я остался дома на неопредѣленное время. Вы желаете знать о моемъ житьѣ-бытьѣ? Извольте, я удовлетворю ваше желаніе. Земледѣліе— сообразно нынѣшнему состоянію науки, раздѣлываю землю съ весны до осени—и борьба съ невѣжествомъ, жесточайшая, вѣчная борьба,—суть всегдашнія мои занятія. Добыть капиталъ изъ земли, чтобы сдѣлать полезными богатыя угодья 2.300 десятинъ земли, которыя безъ капитала остаются безполезными, вотъ мои аферы!

Вскорѣ послѣ билля въ Англіи, которымъ дозволяютъ вывозъ въ иностранныя государства машинъ, Россія наводнилась и машинами и машинистами. Это обстоятельство можетъ сдѣлать подрывъ вашей фабрикѣ.

Вдоволь расцѣлую по пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ внучка и весь полкъ дѣвочекъ, о которыхъ вы пишете. Прошу сказать Николаю Александровичу искреннее мое почтеніе.

Остаюсь навсегда вѣрнымъ вашимъ другомъ Александръ Сеславинъ.

Ржевъ, 7-го Мая 1845 года.

IX.

Милый другъ Марія Николаевна.

Письмо ваше отъ 29-го Декабря прошлаго года я имѣлъ удовольствіе получить. Радуюсь вашему счастію. Я и теперь еще, какъ и всегда, люблю 1-е Іюля, день, въ который вы пожалованы во фрейлины къ Императрицѣ, которую я обожаю.

Въ этотъ день съ утра флагъ съ цвѣтами ордена ленты Маріи Терезіи развѣвается надъ моей ротондою. Бѣдные, наиболѣе слѣпые, мои братья приходятъ ко мнѣ на поклонъ, а я за столомъ выпиваю бокалъ добраго шампанскаго вина за здоровье Августѣйшихъ виновниковъ вашего счастія.

Вы очень хорошо дѣлаете, что не оставляете двора и общества, иначе трудно было бы возвратиться; я знаю это по себѣ. Придерживайтесь наиболѣе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловнѣ, этой доброй и великаго ума женщины. Желалъ бы я, и это время, надѣюсь, не такъ-то отдалено — увидѣть васъ, лично познакомиться съ Николаемъ Александровичемъ, причемъ и расцѣловать прелестнѣйшихъ и милыхъ вашихъ дѣтей.

О себѣ вамъ скажу, что глаза мои излѣчены совершенно, а здоровье мое таково, что проскакать верхомъ 60 верстъ въ одинъ день во время сѣнокоса для осмотра работъ на 20-ти пустошахъ—ничего не значитъ для меня, и усталости не знаю, а помѣщики говорятъ: «вотъ каковы старые гусары!»

Примите, другъ мой, увѣреніе во всегдашней моей къ вамъ преданности. Александръ Сеславинъ.

Ржевъ, Тверской губ.
Сельцо Сеславенское.
Марта 1 дня 1850 года.

СТИХОТВОРЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Зачѣмъ такъ чутки мы на чуждые намъ стоны,
А страждущей семьи намъ голосъ часто чуждъ?
Зачѣмъ по сторонамъ кидаемъ милліоны,
Когда у насъ ихъ нѣтъ для нашихъ кровныхъ нуждъ?

***

Какъ будто нѣтъ у насъ ни скорби, ни страданія,
Ни хлѣба алчущихъ, ни алчущихъ познанья,
Ни жадно чающихъ движенія воды?

***

Нѣтъ, многія поля у насъ еще безводны.
Для орошенья ихъ да брызнетъ свѣжій ключъ:
Торговлѣ, грамотѣ упрочьте путь свободный,
Степямъ вы дайте жизнь, потемкамъ-Божій лучъ.

***

Нѣтъ, почва русская, томясь безъ удобренья,
И много проситъ рукъ и много денегъ ждетъ,
Чтобъ зрѣлой жатвою добра и просвѣщенья
Насытиться вполнѣ могъ доблестный народъ.

*

Это стихотвореніе любопытное во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ необнародованное любезно сообщено въ „Русскій Архивъ" графомъ Сергіемъ Димитріевичемъ Шереметевымъ, образцово издавшимъ уже одиннадцать томовъ сочиненій покойнаго князя Петра Андреевича Вяземскаго.

ПИСЬМО АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО ИННОКЕНТІЯ КЪ АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ ОЗЕРОВУ.

Получ. 29 Марта (1854.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Не простое и краткое слово мое, а ваше доброе и патріотическое сердце внушило вамъ готовность поспѣшить на духовную помощь нашимъ за-Дунайскимъ собратіямъ по вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе для меня утѣшительно видѣть, какъ глаголъ вѣры и любви о Христѣ, возглашенный съ каѳедры церковной, при содѣйствіи благодати Божіей, не возвращается тощь и празденъ, а производитъ преднамѣренное дѣйствіе. Вполнѣ сочувствую вашимъ славянолюбнымъ помысламъ и чувствамъ, выраженнымъ по сему случаю въ письмѣ вашемъ ко мнѣ. Кто изъ имѣющихъ сердце и память можетъ не сострадать глубоко бѣдной Болгаріи, которая при самомъ обращеніи нашемъ въ Христіанство надѣлила насъ безцѣннымъ сокровищемъ—перевода на Славянскій языкъ Священнаго Писанія, а сама теперь едва не лишена онаго варварствомъ дикихъ и кровожадныхъ завоевателей своихъ? Твердо вѣрую, что Господь благословитъ оружіе, подъятое съ такимъ самоотверженіемъ во славу пресвятаго имени Его, въ защиту Православія, и съ храмовъ Болгарскихъ не снидутъ уже долу тѣ кресты, кои теперь ставятся на нихъ рукою побѣдителей, а напротивъ будутъ умножаться, возвышаться и украшаться на посрамленіе луны безрогой.

За симъ, призывая на васъ и почтеннѣйшее семейство ваше благословеніе Божіе, съ чувствомъ особеннаго душевнаго уваженія и любви о Христѣ, остается и пребудетъ навсегда вашего превосходительства усерднѣйшій слуга Иннокентій архіепископъ Херсонскій.

P. S. Доставленное будетъ немедленно отправлено, куда слѣдуетъ.

29 Марта, 1854 г.

Его Превосходительству, повѣренному въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ, Александру Петровичу Озерову.

ИЗЪ ПИСЬМА В. В. СКРИПИЦЫНА КЪ ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

Ницца, 9 Февраля *).

....Обратите пожалуйста вниманіе на письмо мое, напечатанное въ журналѣ Le Nord, № 35, 4 Février, подписанное V. S. Sawe. Надѣюсь, что вы его одобрите; а я, по любви моей къ родинѣ еще служу ей какъ могу, прибѣгая къ этому единственному способу для темнаго гражданина доводить правду до великихъ земли Русской.

Сегодня я вычиталъ въ журналѣ, что митрополитъ Кіевскій началъ вводить въ своей епархіи избирательное начало. Всяческое спасибо за то владыкѣ. Если онъ меня помнитъ, засвидѣтельствуйте ему мое почтеніе. Дѣйствительно, это единственное средство возстановить связь въ духовенствѣ и слить церковь съ народомъ. Необходимо, чтобы прихожане были въ церкви, не въ гостяхъ, а дома у себя, какъ въ домѣ матери своей; чтобы во всѣ должности епархіальнаго и даже монастырскаго управленія лица не назначались, а избирались братіями своими и, съ утвержденія епископства, вступали въ должности, для огражденія самихъ епископовъ отъ нареканія въ дурномъ, пристрастномъ выборѣ. Необходимо, чтобы епископы обращались съ духовенствомъ какъ отцы съ дѣтьми, а не какъ всемогущіе начальники съ раболѣпными чиновниками; чтобы они чаще съ ними бесѣдовали, на что у нихъ достанетъ времени, когда члены консисторій будутъ избирательные, слѣд. пользующіеся довѣренностью и уваженіемъ собратій, а не чиновники въ рясахъ, которые теперь не рѣдко воруютъ вмѣстѣ съ секретаремъ и обращаются со священниками, какъ съ рабами. Словомъ, надо, чтобы духовный строй былъ семья, а не команда, какъ теперь, дабы все духовенство перестало смѣшивать подлое раболѣпство со смиреніемъ и чтобы высшее духовенство относилось къ низшему съ должнымъ уваженіемъ къ лицу и сану, и не духовенство уважало бы свою личность и свой санъ. Это надо начать съ семинарій.

---

*) Года не означено. П. Б.

Говоря о митрополитѣ Кіевскомъ, надо сообщить вамъ одно обстоятельство, по которому я долженъ особенно уважить этого владыку. Послѣ служенія моего въ Синодѣ и возсоединенія Уніатовъ, всѣ епископы болѣе или менѣе были мнѣ знакомы. Бывъ директоромъ я продолжалъ 14 лѣтъ еще косвенно служить нашей церкви *) и акуратно два раза въ годъ писалъ почти ко всѣмъ епархіальнымъ епископамъ и всегда акуратно получалъ самые лестные отвѣты. Но когда я оставилъ департаментъ и ко всѣмъ имъ написалъ прощальныя, полныя чувства письма, прося ихъ благословенія, они вообразили себѣ, что я въ опалѣ, и потому ни одинъ не рѣшился мнѣ и отвѣчать, кромѣ бывшаго тогда архіепископа Варшавскаго, нынѣ митрополита Арсенія, который почтилъ меня самымъ лестнымъ отвѣтомъ.

---

*) В. В. Скрипицынъ, въ министерство А. А. Перовскаго, былъ директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. П. Б.

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА*).

VI.

Солдатикъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е Февраля 1807 г., въ сѣняхъ, предъ входомъ въ кладовую Московскаго Сената, стоялъ на часахъ молодой солдатикъ и посматривалъ па кладовую, гдѣ хранились казенныя деньги. Было глухо и темно. Обширныя сѣни слабо освѣщались фонарными огоньками....

— Сколько, чай, деньжищевъ тамъ въ сундукахъ! мечталъ солдатикъ; вотъ-бы взять тысячъ пятокъ, да и махнуть на родину въ Любимскій уѣздъ, къ матушкѣ моей Натальѣ Афанасьевнѣ?.. Скажу ей: такъ и такъ, въ отпускъ на побывку къ тебѣ начальство меня отпустило, а идя путемъ-дорогою, нашелъ-де я, ради твоего счастія, кладъ... Бери, родимая, себѣ половину и сестру Варвару не оставь безъ награды, а съ остальными денежками я самъ съумѣю погулять... Въ случаѣ-же чего, если дѣло откроется, ну, тогда зять мой, Варваринъ мужъ, Прохоръ Никифоровъ, ловкій мужикъ, свезетъ меня тайкомъ въ Пошехонскіе дремучіе лѣса къ людямъ старой вѣры. Немало у нихъ нашего брата скрывается... Ловокъ, говорятъ, нашъ капитанъ-исправникъ Толбузинъ, да шалитъ—не поймаетъ!.. А на серебряную икону Казанской Божіей Матери я съ нашимъ удовольствіемъ, сто рублёвъ пожертвую. Мать Пресвятая Богородица, помоги рабу твоему Конону!....

И вотъ, въ полутьмѣ, блеснулъ въ рукахъ солдатика штыкъ. Печать у двери срѣзана; замòкъ сломанъ тѣмъ-же орудіемъ; дверь отворена; солдатикъ входитъ въ кладовую и взламываетъ штыкомъ-же сундукъ съ царской казной. Денегъ—прòпасть,—всё разноцвѣтныя бумажки. Разбираться нѣтъ времени: того и смотри, сейчасъ явится смѣна караула... Взяты три пачки ассигнацій, разумѣется, первыя попавшіяся подъ руку... Авось наберется 5,000 рублей!?

Деньги спрятаны въ ранецъ. Кладовая затворена. Замокъ наложенъ... Солдатикъ какъ ни въ чемъ не бывало, дождался прихода эфрейтора, который смѣнилъ его другимъ часовымъ. За темнотою, слѣды преступленія своевременно не были обнаружены, и сотворившій злое дѣло пришелъ спокойно

---

*) *Продолженіе.* См. выше I, 206.

въ караульню, а оттуда въ свою роту.. Что затѣмъ происходило, это мы знаемъ изъ слѣдующаго письма Московскаго генералъ-губернатора Тимоѳея Ивановича Тутолмина къ Ярославскому губернатору князю М. Н. Голицыну, отъ 15 Февраля 1807 г. (за № 519).

„Милостивый государь мой, князь Михаилъ Николаевичъ! Въ кладовой Провіантской Коммиссіи Московскаго Депо, 12-го сего мѣсяца, усмотрѣна пропажа казенныхъ денегъ *сорока тысячъ* (40,000) рублей, и по производящемуся теперь о похищеніи оныхъ слѣдствію открывается подозрѣніе на убѣжавшаго 11-го числа настоящаго-же мѣсяца изъ Московскаго гарнизоннаго полку рядового Конона Вихарева, который, наканунѣ своего побѣга былъ въ караулѣ и стоялъ на часахъ у оной кладовой. Къ большому-же на него сомнѣнію служитъ то, что оставшійся въ полку, по отлучкѣ, его штыкъ найденъ съ отломленнымъ концомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весь изогнутъ.

„Обстоятельства сіи убѣждаютъ меня сообщить вашему сіятельству примѣты оного рядового Вихарева, а именно: отъ роду—21-й годъ, ростомъ 2 арш. 4 вер., волосомъ русъ, лицомъ бѣлъ, глаза сѣрые, носъ прямъ. Въ службу поступилъ прошедшаго (1806) года изъ экономическихъ крестьянъ Ярославской губерніи, Любимской округи, Обнорской волости, слободы Шеренской; грамотѣ читать и писать не умѣетъ. Отлучился въ казенныхъ вещахъ: сѣрой шинели съ полнымъ числомъ пуговицъ и сапогахъ, въ собственной рубахѣ и портахъ. А при томъ, на случай удаленія его отселѣ во ввѣренную вамъ губернію, по намѣренію пройти къ родственникамъ, прошу васъ, м. г. мой, предписать городничимъ и исправникамъ обратить особенное стараніе на поимку сего дезертира, и когда гдѣ открытъ и задержанъ будетъ, прислать его ко мнѣ съ нарочнымъ подъ надежнымъ, дабы съ дороги не могъ уйти, присмотромъ“.

Воровская „одиссея“, начатая въ Москвѣ, кончилась въ Любимскомъ уѣздѣ, куда, по вѣрной догадкѣ Тутолмина, солдатикъ поспѣшилъ со своимъ сокровищемъ. И теперь черезъ 90 почти лѣтъ, 40,000 р. (хотя-бы и ассигнаціями) составляютъ большую сумму. Чѣмъ-же они тогда-то казались солдатику, который съ помощью штыка одержалъ столь знатную викторію—не надъ Французскимъ императоромъ Наполеономъ Бонапарте, а надъ казеннымъ сундукомъ, съ интендантскими деньгами? Несомнѣнно, что молодой воръ считалъ себя, какъ говорится, на седьмомъ небѣ; однако вскорѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ разочарованій. Нанялъ онъ отъ Москвы до Ярославля неизвѣстнаго ему троечника, не торгуясь съ нимъ, чѣмъ, конечно, возбудилъ въ извощикѣ сомнѣніе: откуда могла взяться у солдатика крупная, размѣненная имъ, сто рублевая ассигнація? На пути, близъ какого-то села, извощикъ остановилъ лошадей и обратился къ сѣдоку съ предложеніемъ убираться подобру, поздорову, если не хочетъ быть преданнымъ въ руки сотскаго и десятскихъ, „потому что (объяснилъ Московскій ямщикъ) ты, парень, должно быть только для отводу глазъ надѣлъ на себя солдатскую аммуницію, а на самомъ дѣлѣ—Богъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ...

Вылѣзай и уходи!“ Всплакался Вихоревъ, поклялся Христомъ-Богомъ, что онъ доподлинно солдатъ, спѣшитъ къ умирающей матери, а она-дескать женщина очень богатая, прислала своему любимому сынку нѣсколько сотъ рублей, какъ наслѣдство, чтобы оно не пропало въ случаѣ скорой ея смерти. Повѣрилъ-ли возница этой баснѣ, или захотѣлъ поживиться на счетъ мнимаго наслѣдника, какъ бы то ни было, переговоры между ними кончились тѣмъ, что Вихоревъ отдалъ извощику еще сторублевую бумажку, и затѣмъ они благополучно пріѣхали въ Ярославль, гдѣ и разлучились. Вихореву не хотѣлось явиться домой безъ подарковъ: онъ купилъ въ Ярославлѣ небольшой, окованный желѣзомъ, дубовый сундукъ, куда уложилъ купленныя имъ у Ярославскихъ торговцевъ разныя вещи, именно: три бобровыя шапки, 6 арш. ситцу, нѣсколько полотняныхъ, бумажныхъ и гарнитуровыхъ платковъ, шелковый кушакъ, 15 арш. синяго сукна, „клееную“ красную рубашку и пр. Не была, конечно, забыта и гармоника, которою солдатикъ надѣялся плѣнить деревенскихъ дѣвокъ: по его словамъ, онъ очень любилъ бабьё и чарочки тоже придерживался съ большой охотой. Пріѣхавъ въ городъ Даниловъ, Вихоревъ остановился въ домѣ мѣщанина Ивана Гурьева, содержавшаго постоялый дворъ, а оттуда - маршъ прямо въ питейный домъ, гдѣ, за неимѣніемъ мелочи, хотѣлъ-было размѣнять двадцатипятирублёвку. Но въ кабакѣ случились, на ту пору, какія-то четыре личности, ему вовсе неизвѣстныя, „по виду приказные или дворовые люди“, и, схвативъ Вихорева, стали допрашивать:

— Откуда ты? Что за человѣкъ? Говори сущую правду.

— Изъ дворовыхъ Любимскаго помѣщика, маіора Николая Яковлевича Скульскаго, солгалъ солдатикъ (успѣвшій уже снять съ себя солдатскую шинель и облачился въ „штатское платье“):—отпустите меня, господа! Я васъ угощу, напою и накормлю досыта...

„Однако (читаемъ въ показаніяхъ Вихорева, данныхъ имъ въ послѣдствіи полицейскому начальству), оные неизвѣстные мнѣ приказные или дворовые люди держали меня, обхватя весьма крѣпко и требовали, чтобы я отдалъ имъ ту ассигнацію, что я и вынужденъ былъ исполнить, опасаясь привода въ Даниловское Городническое Правленіе. Послѣ сего пришелъ я на квартиру къ вышеозначенному Ивану Гурьеву, а вслѣдъ за мной явился одинъ изъ тѣхъ, якобы, приказныхъ и, схвативъ меня опять, сказалъ, что двадцати пяти рублей мало: „давай еще“! И оному человѣку я далъ сторублевую ассигнацію, полагая, что тѣмъ откуплюсь и отъ дальнѣйшаго вымогательства избавлюсь“. Тщетна была сія надежда! Таинственная личность, изображавшая „приказнаго“, разлакомилась и неудовольствовалась сторублевкой: вслѣдъ за собой, эта „личность“ привела остальныхъ своихъ товарищей; вчетверомъ они шумно наступили на солдатика и „начали просить еще“. „А кто они были (объяснилъ Вихоревъ), мнѣ не вѣдомо, и о томъ долженъ знать самъ мѣщанинъ Гурьевъ, или братъ его Петръ, при коемъ я выдалъ на всѣхъ четверыхъ приказныхъ, или дворовыхъ людей, другую сотенную ассигнацію; послѣ чего всѣ они ушли, а я легъ спать на полати.

и едва успѣлъ заснуть, какъ разбудилъ меня вышеозначенный Петръ Гурьевъ, закричавъ: „Вставай!“—„Зачѣмъ?“—„Отвѣчай, за что ты наградилъ сихъ людей ста рублями? Давай и мнѣ столько-же!“ Получивъ-же требуемую бумажку, онъ оставилъ меня въ покоѣ, а потомъ будилъ многократно и говорилъ:—„Пойдемъ къ городничему!“ Но чтобъ туда меня онъ не стащилъ, я давалъ ему девять разъ все по сто рублевой бумажкѣ, и тогда сей мѣщанинъ Гурьевъ сказалъ:—„спасибо, теперь достаточно. Уѣзжай только отъ насъ скорѣе, пойдемъ нанимать извозщика“... Когда-же сей послѣдній былъ нанятъ, мы съ Иваномъ Гурьевымъ, перенесли къ тому извозщику сундучекъ и поставили въ сани. Только я тронулся съ мѣста, какъ вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ Петръ Гурьевъ, а за нимъ трое изъ числа „приказныхъ“, взяли меня за воротъ и намѣревались вести къ городничему; но чтобъ меня не водили къ его благородію, каждому изъ нихъ дано было мною еще по сту рублей. И затѣмъ они меня отпустили невредимо, пославъ только къ нечистому духу... А шинель солдатская (заключилъ свое показаніе Кононъ Вихоревъ) осталась на полатяхъ въ домѣ Ивана Гурьева“...

Сопровождаемый пожеланіемъ „убираться къ черту“, нашъ солдатикъ попался, на свою бѣду, не въ лапы „нечистаго“, а въ руки Любимскаго земскаго исправника, гвардіи подпоручика Николая Толбузина, которому сотскій Обнорской волости, крестьянинъ деревни Чечулина, Гордей Алексѣевъ, донесъ, что 14-го Февраля, поутру, на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ село Шарну къ своей матери Натальѣ Афанасьевой, сынъ ея, молодой солдатъ и, пробывъ у нея малое время, оставилъ у ней дубовый сундукъ съ имуществомъ, а самъ уѣхалъ къ замужней сестрѣ своей Варварѣ Трофимовой въ дер. Луковицу съ крестьяниномъ Устиномъ Петровымъ. Разумѣется, исправникъ немедленно пустился въ розыски, которые увѣнчались полнымъ успѣхомъ, послѣ арестованія вора и его укрывателей, т. е. зятя, сестры и матери. При Вихоревѣ оказалось 4,475 рублей; отъ его сестры земскій исправникъ отобралъ 700 руб. „бумажками“, да отъ матери только 300 рублей.

— Сколько-же ты укралъ всѣхъ денегъ? Допытывался исправникъ.

— Не знаю, не считалъ, отвѣчалъ солдатикъ; а истратилъ я столько-то на покупки, уплатилъ извозщику столько-то, да неизвѣстнымъ „приказнымъ“ и на постояломъ дворѣ отдалъ столько-то. Больше денегъ у меня нѣтъ и не было.

Во время допросовъ прискакалъ изъ Москвы квартальный поручикъ Чистяковъ, командированный Тутолминымъ для производства дальнѣйшихъ розысковъ. Какія мѣры принялъ этотъ полицейскій офицеръ, вмѣстѣ съ исправникомъ съ цѣлью „открыть истину“, мы не знаемъ; невѣроятно, чтобы употреблены были пытки, запрещенныя закономъ. Всего легче предположить, что полиція обѣщала полнѣйшее помилованіе за откровенность и вызвала ее отъ „женки“ Варвары Трофимовой, которая указала на стогъ сѣна.—„Ищите здѣсь!“—Стали искать и нашли 32,125 р.

Квартальный Чистяковъ доставилъ Тутолмину, кромѣ главнаго преступника Вихорева, скованнаго по рукамъ и ногамъ, („дабы утечки не учи-

нилъ“), государственныхъ ассигнацій на 37,730 руб. и серебромъ 5 р. да сундукъ съ купленными Вихоревымъ разными вещами, которые были оцѣнены въ 156 руб. 85 копѣекъ. Дальнѣйшая судьба „солдатика“ намъ не извѣстна: его, конечно, судили по всей строгости военныхъ законовъ, за двойное преступленіе—дезертирство и похищеніе казенныхъ денегъ во время караула. Не помогло ему и душеспасительное обѣщаніе исполнить христіанскій долгъ, хотя, въ предѣлахъ возможности, онъ и остался вѣренъ своимъ благочестивымъ мечтамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показывала на судѣ вдовая „женка“ Наталья Аѳанасьева Вихорева. Въ словахъ ея, несмотря на устарѣлый и, конечно, не ей принадлежащій „приказный“ слогъ, всётаки слышится даже чрезъ 90 лѣтъ правдивая рѣчь несчастной Русской бабы, лишившейся сына, отданнаго въ солдаты. Правда, онъ былъ бѣглецъ и воръ, но материнское сердце — не сердце непреклоннаго и неподкупнаго судьи: оно слѣпо смотритъ на сыновніе грѣшки. Не могла-же она отдать свое „дѣтище“ въ руки капитанъ - исправника, тѣмъ болѣе, что оно—это дѣтище—безъ малѣйшей утайки торопливо объяснило ей, „войдя въ избу, поутру рано, что онъ (Вихоревъ) ушелъ изъ солдатчины, и спѣшитъ къ сестрѣ своей въ деревню Луковницу. И принесъ онъ съ собою сундукъ, окованный желѣзомъ, и потомъ, отперши оный, далъ сперва мнѣ одну сторублевую ассигнацію, говоря, что жертвуетъ оныя деньги для положенія вклада въ церковь нашу, въ селѣ Шарнѣ, причемъ земно поклонился Владычицѣ Пресвятой Богородицѣ, а послѣ сего еще такія-же двѣ бумажки отдалъ мнѣ на пропитаніе, и два платка гранитуровыхъ (sic!) подарилъ, да извощику, мнѣ неизвѣстному *), за провозъ отдалъ мѣдными (деньгами), а сколько—я не запримѣтила, и сверхъ того на водку далъ ему-же 30 копѣекъ, и, оставя сундукъ, отправился къ сестрѣ своей, а моей дочери, въ дер. Луковницу...“ Избѣгая подробностей, приводимъ рѣшеніе Ярославской Уголовной Палаты, состоявшееся 26 Марта 1807 года: 1) Крестьянина Прохора Никифорова, 26-ти лѣтъ, и женокъ Варвару Трофимову, 23 лѣтъ, и Наталью Аѳанасьеву Вихореву, 47 лѣтъ, наказать въ ихъ селеніяхъ плетьми, перваго 60-ю, вторую 50-ю, а третью 40-ка ударами, и потомъ Никифорова отослать въ Рекрутское Присутствіе для опредѣленія въ военную службу, буде способенъ окажется, съ зачетомъ вотчинѣ за рекрута; въ обратномъ-же случаѣ—безъ зачета, какъ его, такъ и женокъ Трофимову и Вихореву, сослать на поселеніе, о чемъ Ярославскія Казенную Палату и Губернское Правленіе увѣдомить. 2) Крестьянина Устина Петрова (взявшаго отъ Варвары Трофимовой, бывшей уже подъ стражею, на сбереженіе 32 рубля) наказать плетьми 40 ударами и отдать по прежнему въ вотчину, съ должнымъ обязательствомъ и подтвержденіемъ не учинять ничего противнаго законамъ. 3) Любимскому мѣщанину Ивану Асысалову (который отвезъ Вихорева въ дер. Луковницы, но въ знаніе о побѣгѣ и похищеніи имъ денегъ съ допросовъ и священническаго увѣщанія, не сознался, да и дезертиръ ни въ пер-

*) Впослѣдствіи онъ оказался Любимскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Асысаловымъ

вомъ, ни во второмъ случаѣ его не оговаривалъ) быть отъ слѣдствія свободнымъ, полученныя-же имъ за провозъ деньги 70 коп. отобравъ, отослать, куда слѣдуетъ. 4) Имѣнія вышеозначенныхъ осужденныхъ трехъ лицъ продать аукціоннымъ порядкомъ и вырученныя деньги обратить въ число недостающей суммы похищенныхъ денегъ.

„13 Апрѣля 1807 года его сіятельство, г. гражданскій губернаторъ кн. М. Н. Голицынъ изволилъ дать на сіе рѣшеніе Уголовной Палаты свое согласіе, вслѣдствіе чего публичное наказаніе плетьми вышерѣченныхъ людей было исполнено съ соблюденіемъ достодолжнаго порядка". Иными словами, сестра и мать нашего „солдатика" были высѣчены палачемъ и сосланы въ Сибирь на поселеніе; третій-же, т. е. Прохоръ Никифоровъ, выйдя изъ рукъ заплечнаго мастера, оказался для солдатской службы вполнѣ способнымъ, а потому вошелъ въ составъ Русской арміи. Тогда не считалось, какъ нынѣ считается, за величайшій позоръ имѣть среди защитниковъ Царя и Отечества людей оскорбленныхъ и униженныхъ, нравственно и физически, рукою палача—презрѣннаго исполнителя тогдашняго правосудія. О прочихъ дѣйствующихъ лицахъ нашей драмы, въ которой участвовали не одни „злодѣи", но и особы добродѣтельныя, остается сказать немногое. Роль добродѣтельныхъ героевъ, какъ мы уже знаемъ, отлично выполнили квартальный Чистяковъ и Любимскій исправникъ Толбузинъ къ величайшему удовольствію Московскаго высшаго начальства.—„Милостивый государь мой, князь Михайла Николаевичъ (писалъ 21 Февраля 1807 г. Тутолминъ). На отношеніе в-го с-ства (отъ 19 сего мѣсяца), честь имѣю увѣдомить васъ, государь мой, что штата Московской Управы Благочинія, квартальный поручикъ Чистяковъ отправленнаго съ нимъ дезертира, похитившаго изъ кладовой Коммиссіи провіантскаго Московскаго депо денежную казну, Конона Вихорева, и порученныя ему деньги 37,735 рублей, также сундукъ съ разными вещами, купленными онымъ Вихоревымъ на похищенную имъ сумму, доставилъ ко мнѣ исправно. По предлогу сему почитаю себя обязаннымъ изъявить в-му с-ству особенную мою признательность за оказанное предписаніемъ вашимъ пособіе квартальному поручику Чистякову въ преслѣдованіи похитителя сего и за скорое произведеніе изысканіе дѣятельностью Любимскаго исправника Толбузина, вѣдомству котораго подлежащая земская полиція долженствуетъ, по справедливости, служить *образцомъ* и обратить на себя начальническое в-го с-ства вниманіе и общую, по всей Россійской Имперіи, похвалу", и т. д. Со своей стороны, князь Голицынъ представилъ Императору Александру I „вѣрноподданнической рапортъ", въ которомъ, изложивъ всё дѣло о столь знаменитой, по количеству денегъ, кражѣ, выразился такъ: „Осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству, по самой истинѣ, засвидѣтельствовать земскаго исправника Толбузина усердіе къ высочайшей службѣ (sic!) и дѣятельность, которыя доказалъ онъ несомнѣннымъ опытомъ при поимкѣ рядового Вихорева и въ изысканіи похищенныхъ имъ денегъ". Затѣмъ, припомнитъ читатель, въ этомъ дѣлѣ участвовали еще какіе-то таинственные незнакомцы, „приказные", обиравшіе въ гор. Даниловѣ „солдатика", съ

участіемъ мѣщанъ Петра и Ивана Гуревыхъ! Какая-же судьба постигла этихъ людей? Неизвѣстные такъ-таки и остались для насъ „иксами“. Что-же касается означенныхъ мѣщанъ Гурьевыхъ, то движимое и недвижимое имѣніе ихъ, по рѣшенію Ярославскихъ судебныхъ мѣстъ, было описано (на сумму 1175 р. 75 к.) и продано съ аукціоннаго торга. Пущено было также съ молотка имѣніе Прохора Никифорова, его жены и бобылки Натальи Вихоревой за 128 руб. Остальную сумму (сравнительно ничтожную) Московскій Ордонансъ-Гаузъ опредѣлилъ взыскать съ члена Провіантской Коммиссіи Соловьева *), ради чего—не знаемъ, быть можетъ единственно, ради пословицы, не вполнѣ справедливой, что „казенная копѣечка въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ“.

VII.

Отреченіе отъ масонства.

Сохранилось преданіе, отчасти подтверждаемое печатными свѣдѣніями, что въ Ярославлѣ при намѣстникѣ А. П. Мельгуновѣ существовала масонская ложа, и что самъ Мельгуновъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ея членовъ. Есть также основаніе предполагать, что филантропическія идеи Ярославскихъ масоновъ, вслѣдствіе почина того-же намѣстника, въ 1786 г. осуществились блестящимъ образомъ: тогда основанъ былъ Ярославскій „Домъ Призрѣнія Ближняго“, процвѣтающій и въ настоящее время. Разгромъ всѣхъ масонскихъ ложъ какъ извѣстно, послѣдовалъ въ 1822 году. Тогда Ярославскій гражданскій губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ, получилъ (20-го Августа) отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея слѣдующее „сообщеніе“:

„Рескриптомъ, на мое имя, въ 1-й день сего Августа даннымъ, Его Императорскому Величеству угодно было возложить на меня сдѣлать распоряженія о закрытіи и недопущеніи существованія впредь масонскихъ ложъ и всѣхъ тайныхъ обществъ. Къ приведенію сихъ распоряженій въ дѣйство Его Императорское Величество указать мнѣ изволилъ: сообщить всѣмъ главноуправляющимъ въ губерніяхъ и гражданскимъ губернаторамъ къ исполненію ихъ слѣдующее.

1) Всѣ масонскія ложи и другія тайныя общества закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять. 2) Объявить о семъ всѣмъ членамъ сихъ обществъ и обязать ихъ подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ ни масонскихъ ложъ, ни какихъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ-бы благовиднымъ названіемъ они не были предлагаемы, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея составлять не будутъ. 3) Какъ не свойственно чиновникамъ, въ службѣ находящимся, обязывать себя какою-либо присягою кромѣ той, которая закономъ опредѣлена, то каждый разъ при вступленіи чиновниковъ въ службу или опредѣленіи въ должности требовать отъ нихъ по формѣ, при семъ

---

*) Отношеніе Тутолмина къ кн. Голицину отъ 17 Февраля 1808 г., за № 56.

(подъ № 3-мъ) приложенной [1]), что они ни къ какимъ масонскимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ въ Имперіи, или внѣ оной, не принадлежатъ. 4) Подписки сіи хранить при спискахъ о службѣ чиновниковъ или при просьбахъ объ опредѣленіи къ должностямъ, ими подаваемымъ.

„Всѣ распоряженія сіи не относятся до чиновниковъ, въ дѣйствительной службѣ находящихся, о коихъ начальство военное получаетъ надлежащія предписанія.

„О таковой Высочайшей волѣ я честь имѣю вашему превосходительству сообщить. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графъ *В. Кочубей* [2]).

Первыя „отреченія“ отъ масонства послѣдовали въ Ярославлѣ со стороны лицъ, служившихъ въ Демидовскомъ „высшихъ“ наукъ училищѣ. Проректоръ его Степанъ Вилинскій, согласно порученію училищнаго Совѣта, отобралъ „самъ отъ себя“ и отъ подвѣдомственныхъ ему господъ профессоровъ, учителей и другихъ чиновниковъ подписки. За подписью проректора стоитъ подпись профессора, и кав. Ѳедора (въ скобкахъ: „Фридриха“) Шмидта, очень почтеннаго Нѣмца, который по преданіямъ, былъ приверженцемъ масонства, вмѣстѣ съ другимъ полунѣмцемъ-полуславяниномъ Карломъ Янишемъ, (отцомъ извѣстной, родившейся въ Ярославлѣ, поэтессы Каролины Карловны Янишъ); онъ былъ первымъ, по времени, проректоромъ [3]) и задолго до означенной катастрофы оставилъ нашъ городъ. Остальные профессора: Александръ Воиновъ, Герасимъ Покровскій, Михайло Ханенко, Александръ Николаевъ и Ѳедоръ Бекетовъ, вѣроятно, ничего общаго съ масонами не имѣли, какъ люди вполнѣ благонадежные, въ родѣ... ну, скажемъ для примѣра, учителя фехтовальнаго искусства Жозефа Лярамé. Вслѣдъ за „Демидовцами“, отрекся отъ масонства директоръ училищъ Ярославской губерніи Павелъ Абатуровъ, со всѣмъ служебнымъ персоналомъ Ярославской гимназіи.

Губернаторъ Безобразовъ, почему-то долго не получалъ отвѣтовъ по настоящему дѣлу отъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и городскихъ головъ. Послѣдніе, вѣроятно, и не подозрѣвали о существованіи какихъ-то масоновъ, тѣмъ не менѣе, и они должны были выразить письменно свое отреченіе. Равнымъ образомъ Безобразовъ настоялъ, чтобы „президенты Палатъ Гражданской и Уголовной, а также члены губернскаго Правленія и Приказа Общественнаго Призрѣнія, губернскій прокуроръ, судья Совѣстнаго Суда, инспекторъ Врачебной Управы, полицеймейстеры и городничіе, губернскіе почтмейстеръ и землемѣръ и правящій должность оберъ-форшмейстера благоволили его увѣдомить отношеніями, сообразно Высочайшему повелѣнію, не находятся-ли въ вѣдомствѣ сихъ мѣстъ и лицъ таковые люди,

---

[1]) Въ архивномъ дѣлѣ этой формы не сохранилось. *Л. Т.*

[2]) Предписаніе отъ 5-го Августа 1822 г., за № 520.

[3]) См. статью К. Д. Головщикова, въ „Яросл. Губ. Вѣдом.“ 1869 г. (подъ моею редакціею): Черты жизни и дѣятельности Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища и потомъ лицея, съ краткою біографіею П. Г. Демидова“.

кои принадлежатъ къ масонскимъ ложамъ или другимъ тайнымъ обществамъ, и въ семъ случаѣ тоже отобрать отъ нихъ подписки въ отреченіи. Таковое-же распоряженіе было учинено въ отношеніи всѣхъ Уѣздныхъ Земскихъ и Сиротскихъ Судовъ, Городовыхъ Магистратовъ и Городскихъ Думъ. Затѣмъ всѣ полицейскія власти, до квартальныхъ надзирателей включительно, обязаны были „дѣятельное наблюденіе имѣть, чтобъ отнюдь масонскихъ ложъ и никакихъ тайныхъ обществъ не могло ни подъ какимъ предлогомъ возникать". Конечно, здѣсь рѣчь шла о надзорѣ въ городахъ за „обыкновенными обывателями", или, иначе сказать, за разночинцами. Что-же касается дворянства, то наблюденіе за состояніемъ умовъ и вообще за политической его благонадежности Ярославскій губернаторъ возложилъ исключительно на дворянскихъ предводителей: каждому изъ нихъ „вмѣнено было въ особенную обязанность объявить всѣмъ г.г. дворянамъ, обрѣтающимся въ губерніи, о семъ Высочайшимъ повелѣніи и также имѣть неусыпное бдительное наблюденіе за несоставленіемъ подобныхъ обществъ, съ тѣмъ, буде таковыя, паче чаянія, въ губерніи учреждаться будутъ, то доносить губернатору неукоснительно".

Любопытенъ взглядъ самого А. М. Безобразова на масонство въ донесеніи его графу В. П. Кочубею:

„Высокопочтеннѣйше донося о сихъ распоряженіяхъ вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что такъ-какъ я никогда ни къ какимъ масонскимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ не принадлежалъ и не принадлежу, то и помянутая подписка до меня отношенія не имѣетъ; а, какъ отецъ многочисленнаго семейства, съ благоговѣніемъ приношу я благодареніе Всещедрому Богу за то, что благодѣтельное попеченіе всемилостивѣйшаго Государя Императора нынѣ учиненнымъ распоряженіемъ оградило родителей отъ опасенія видѣть когда-либо въ дѣтяхъ своихъ начала заблужденій, порождавшихъ прямую скорбь въ сердцахъ благомыслящихъ подданныхъ, вѣрностію Государю и отечеству преисполненныхъ".

Л. Н. Трефолевъ.

ИЗЪ СТАРЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Жбанъ квасу вытянулъ спросонокъ,
Всю ночь севрюжина жгла грудь,
Какъ жерновъ давитъ поросенокъ
И растегай не дастъ вздохнуть;
Отъ Ланинскаго редереру
Трещитъ и пухнетъ голова....
И чертъ велѣлъ мнѣ пить мадеру!
Да! угостился черезъ мѣру!!!
Что дѣлать? Матушка Москва!

*

Смотрѣлъ царь-колоколъ, царь-пушку,
Дивился Русской старинѣ;
Попалъ у Иверской въ ловушку:
Мазурикъ жульнулъ портмоне.
То пыль, то грязь на диво свѣту,
Въ тяжелой думѣ голова;
Напрасно сталъ бы дѣлать смѣту
Очистить городъ отъ пудрету.
Что дѣлать? Матушка Москва!

*

....Купилъ штофъ водки у Попова,
Взялъ у Филиппова калачъ.
Ходилъ на биржу, тамъ армяне
Съ жидами взяли всѣ права;
А православные граждане
Храпятъ съ мильонами въ карманѣ
Что дѣлать?—Матушка Москва!

*

Глушенъ былъ Тѣстовскимъ органомъ,
Смотрѣлъ блаженнаго дьячка,
Поѣхалъ ночью въ паркъ къ Цыганамъ,

Намялъ дорогою бока
Тузовъ-купчинъ засталъ въ туманѣ,
Плетутъ несвязныя слова;
Пилъ съ ними, куры строилъ Танѣ,
Да и свалился на диванѣ.
Что дѣлать? Матушка Москва!

*

Мнѣ снилось зарево пожара:
Въ Кремлѣ Французъ, гудитъ набатъ.
Народъ возсталъ, какъ Божья кара,
И дрогнулъ дерзкій супостатъ.
Спаливши крылія орлины,
Онъ сгибъ, какъ въ стужу мурава,
И палъ на снѣжныя долины.
Чтожъ? По гостямъ и проводины!
Что дѣлать? Матушка Москва!

П. Шумахеръ.

ПО ПОВОДУ ОТЗЫВОВЪ ОБЪ А. С. ХОМЯКОВѢ С. М. СОЛОВЬЕВА И Г. БОБОРЫКИНА.

Мы уже указывали («Русскій Архивъ» 1896 I, 578). что обнародованіе записокъ С. М. Соловьева (въ томъ видѣ, какъ онѣ печатаются въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), бросаетъ нѣкоторую тѣнь на него самого, такъ какъ слишкомъ рѣзкія отзывы о цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ лицъ, не раздѣлявшихъ его убѣжденій, невольно внушаютъ сильное сомнѣніе въ безпристрастіи знаменитаго историка Дальнѣйшее печатаніе «Записокъ» еще болѣе поддерживало это сомнѣніе. Онъ въ своей характеристикѣ А. С. Хомякова (*Апрѣль* Рус. Вѣстн. 1896 г.) укоряетъ его въ измышленіи фактовъ и цитированіи писателей, никогда не существовавшихъ.

Г. Боборыкинъ, писатель извѣстный своимъ умѣньемъ почти фотографически воспроизводить дѣйствительность, въ романѣ «Княгиня» (*Январь* Вѣстн. Евр. 1896) мимоходомъ бросаетъ въ Хомякова тоже обвиненіе.

Такъ какъ Сергѣй Михаиловичъ въ «Запискахъ» изображаетъ свои личныя впечатлѣнія, то правильность этого обвиненія лежитъ на его совѣсти, но г. Боборыкинъ, никогда лично, сколько намъ извѣстно, Хомякова не знавшій, вѣроятно основывается на чемъ нибудь общеизвѣстномъ.

Живо интересуясь всѣмъ, къ А. С. Хомякову относящимся, мы просимъ лицъ лучше насъ освѣдомленныхъ или г. Боборыкина, который, надо полагать, знаетъ, что говоритъ, указать намъ, на чемъ *положительномъ* основаны подобныя утвержденія.

Разъясненіе этого вопроса важно во всякомъ случаѣ: оно или прибавитъ новую любопытную черту къ характеристикѣ человѣка въ высокой степени замѣчательнаго, или устранитъ возможность повторять эти обвиненія тѣмъ болѣе нежелательныя, что они въ данномъ случаѣ распространяются даже путемъ беллетристики и такимъ образомъ усвоиваются широкимъ кругомъ лицъ, для которыхъ истинный нравственный обликъ незабвеннаго Алексѣя Степановича можетъ быть совершенно неизвѣстенъ.

Юрій Бартеневъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ. М. А. Дьяконова. „Ж. М. Н. Пр." Апрѣль.

Лишь въ памятникахъ XVI вѣка начинаетъ попадаться терминъ бобыль. Объясненіе Бѣляева, что бобылемъ назывался землевладѣлецъ сидящій на половинномъ тяглѣ, принятое большинствомъ изслѣдователей признается авторомъ совершенно недостаточнымъ и основаннымъ лишь на указахъ 1630—1631 годовъ.

Бобыль прежде всего человѣкъ, „отбывшій пашни" или въ силу бѣдности покинувшій земледѣліе или не имѣвшій возможности нигдѣ „порядиться въ крестьяне". Въ силу этого бобыли набирались лишь въ пѣшую рать и платили только оброкъ (не несли тягла).

Экономическое приниженное положеніе бобылей выразилось въ названіи ихъ *невзгодниками*, перешедшимъ въ офиціальный языкъ грамотъ. Но былъ и болѣе приниженный типъ— бобыли безъ собственной осѣдлости— *безмѣстные, бродящіе* или *походячіе*. Бывали случаи повышенія бобыля, переходя въ разрядъ пашенныхъ и тяглыхъ людей, но типичною формою авторъ признаетъ бобыля непашеннаго, имѣющаго собственную усадебную осѣдлость.

Смутное время уменшило почти на половину число тяглецовъ и заставило правительство привлечь къ тяглу и бобыльское населеніе, что и послужило основаніемъ къ возникновенію новой окладной единицы—*живущей четверти*.

Эта мѣра произведшая глубокую перемѣну въ юридическомъ положеніи бобылей, не вызвала большихъ перемѣнъ въ ихъ фактическомъ положеніи. Окончательное уравненіе ихъ съ крестьянами въ размѣрахъ тяглаго оклада было произведено указами 1649 и 1679 годовъ о введеніи подворной подати.

Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. Проф. А. С. Алексѣева. „Русское Обозрѣніе". Апрѣль (окончаніе).

Всѣ доводы г. Филиппова о стремленіяхъ тайнаго совѣта ограничить вліяніе Сената и Синода авторъ признаетъ неосновательными; тщательный разборъ законодательныхъ актовъ ярко освѣщаетъ значеніе совѣта какъ учрежденія совѣщательнаго.

Разсмотрѣніе состава членовъ совѣта опять по мнѣнію автора опровергаетъ воззрѣнія тѣхъ историковъ, которые видятъ въ немъ учрежденіе,

явившееся уступкой боярской партіи; партія эта никакой роли въ возникновеніи совѣта не играла. Стремленія къ самостоятельности проявляли лишь герцогъ Голштинскій да Меншиковъ, которые вовсе не были носителями какихъ либо политическихъ идеаловъ. По свидѣтельству иностранныхъ дипломатовъ Совѣтъ заслуживалъ упрека въ слабости своей противодѣйствовать личнымъ вліяніямъ и случайнымъ рѣшеніямъ.

Исторія располяченія Западно-Русскаго костела. А. П. Владимирова. „Русское Обозрѣніе“.

Введеніе Русскаго языка въ дополнительное богослуженіе и проповѣдь въ костелахъ Западной Россіи есть только *возвращеніе* къ тому, что дѣлалось въ этомъ краѣ въ минувшіе вѣка. Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ краснорѣчивыя данныя о всеобщемъ господствѣ Русскаго языка въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Жмудскій каноникъ Стрыйковскій въ концѣ XVII вѣка написавшій литовскую лѣтопись собралъ до тысячи Русскихъ мѣстныхъ лѣтописей. По Литовскому статуту земскій писарь всѣ бумаги обязанъ писать по-Русски. Въ Виленскихъ училищахъ лишь съ 1526 года началось преподаваніе Польскаго языка. Широко пользовалось Русскимъ языкомъ и католическое духовенство. Особую ревность по искорененію Русскаго языка показали іезуитами: Русскія книги были истребляемы безпощадно, сожигались на площадяхъ. У нѣкоторыхъ Поляковъ это стремленіе принимало характеръ маніи. Авторъ разсказываетъ, что во время своихъ занятій въ Виленской публичной библіотекѣ онъ находилъ множество Латинскихъ и Польскихъ книгъ XVII и XVIII вѣка, обернутыхъ въ пергаментъ исписанный кириллицей. Были Поляки которые на истребленіе Русскихъ книгъ употребляли свои огромные доходы. Статья еще не окончена.

П. А. Чаадаевъ. А. И. Кирпичникова. „Русская Мысль“. Апрѣль.

Авторъ поминальной замѣтки (14 Апрѣля исполнилось 40 лѣтъ со смерти Чаадаева) воспользовался документами хранящимися въ Румянцевскомъ музеѣ. Нѣкоторые изъ нихъ важны для біографіи Чаадаева. Изъ указа объ отставкѣ можно заключать, что немилости государя въ Троппау не было (хотя тоже видно изъ бумагъ напечатанныхъ у насъ въ 1875 г.). Болѣе важно извлеченіе изъ мнѣнія цензурнаго комитета отъ 1833 года; изъ него явствуетъ, что Чаадаевъ въ 1832 хотѣлъ издать свои письма *по-русски*. Любопытно, но мало значительно завѣщаніе. Интересны указанія на то, что Чаадаева отожествляли съ Чацкимъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Л. Ф. Змѣевъ. Чтеніе по врачебной исторіи Россіи. Спб. 1896 8-ка 250 стр. цѣна 3 р.

Его же Русскіе врачебники. Спб. 1896. 8-ка 274 стр. цѣна 2 р. 40 к.

Выписывающіе прямо отъ автора: С.-Петербургъ, Пушкинская д. № 11 кв. № 59, пользуются 15% уступки или даровою пересылкой.

Празднованіе 800-лѣтія (1095—1895) г. Рязани. Рязань 1896. 8-ка. 126+II стр. съ 4-мя рисунками.

Цареградская патріархія и православіе въ Европейской Турціи. Соч. **Костадина**, переводъ съ Сербскаго и предисловіе Д. Никольскаго. Спб. 1896. Мал. 8-ка. 59+4 нен.

Исторія Ревельскаго Преображенскаго собора. Историко-статистическое описаніе. Сост. свящ. **К. Тизикъ**. Ревель. 1896. 16-я 232 стр. цѣна 1 р.

Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по средней Азіи. Подъ ред. **Е. Т. Смирнова** изданіе «Средне-Азіатскаго Вѣстника». Ташкентъ. 1896. 8-ка 212.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга десятая. **Николая Барсукова**. Спб. 1896. 8-ка XV+583. Цѣна 2 р. 50 к.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ, томъ первый **Н. М. Павлова**. М. 1896. 8-ка VIII+405. Цѣна 1 р. 50 к. (складъ въ магазинахъ «Новаго Времени»).

Н. Н. Бантышъ-Каменскій Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ), ч. вторая. Изданіе коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. М. бол. 8-ка VIII+272.

Памятная книжка окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1811—1896, составилъ И. А. Скроботовъ. Спб. 1896. мал. 8-ка XXXVIII+328.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 году вступилъ въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ, какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіи и быта Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ 34-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

6.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

Совѣтъ Общества ревнителей русскаго историческяго просвѣщенія въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III,

имѣя въ виду одну изъ главныхъ поставляемыхъ себѣ Обществомъ цѣлей — собирать и обработывать свѣдѣнія о жизни и царствованіи ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, обращается къ лицамъ и учрежденіямъ, располагающимъ по сему предмету какими-либо свѣдѣніями, документами и проч., съ покорнѣйшею просьбой не отказать въ сообщеніи таковыхъ Обществу, адресуя присылаемые матеріалы на имя предсѣдателя Общества графа Сергія Дмитріевича Шереметева (С.-Петербургъ, Фонтанка, 34) или товарища предсѣдателя графа Арсенія Аркадіевича Голенищева-Кутузова (Спб., Фонтанка, 50).

Arthur Levy. Napoléon intime. Onzième édition. Paris, Plon. 1894. бол. 8-ка. XII и 656 стр.

Napoléon et Alexandre 1-er. L'alliance russe sous le premier empire. III. La rupture. Par **Albert Vandal.** Deuxième édition. Paris, Plon. 1896. бол. 8-ка 607 стр.

Вл. Черевинскій. Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника Иллюстраціи Л. Ф. Лагеріо, Н. Н. Каразина и др. Спб. 1896. бол. 8-ка 6 нен. 224 и 214 стр. Цѣна 3 р.

КЪ ИСТОРІИ ПУГАЧОВЩИНЫ.

VII [1]).

Пугачовъ въ Башкиріи.—Верхне-Яицкая крѣпость и ея комендантъ Ступишинъ.—Пугачовъ подъ Верхне-Яицкой.—Отступленіе къ Троицкой крѣпости.—Дѣйствія Декалонга и Михельсона.—По пути въ Казань.—Увѣщаніе архіепископа Казанскаго.—По Поволжью.—Поимка и казнь Пугачова и его сообщниковъ.—Присяга Уральцевъ.

Потерпѣвъ пораженіе, нанесенное подъ Татищевой и Оренбургомъ княземъ Петр. Михайл. Голицынымъ, Самозванецъ бѣжалъ въ Башкирію, гдѣ, собравъ значительныя толпы мятежниковъ, двинулся вверхъ по линіи, на Уральскіе горные заводы.

Думая, что въ Орской крѣпости попрежнему стоитъ генералъ Станиславскій [2]), Пугачовъ оставилъ ее вправѣ и пошелъ горами на Уртазымскую крѣпость, которую взялъ безъ малѣйшаго сопротивленія, не оставивъ камня на камнѣ. Потомъ, подвигаясь вверхъ по Яику, обогнулъ крѣп. Кизильскую и напалъ на Магнитную, которою завладѣлъ только приступомъ; послѣ долгаго сопротивленія коменданта и всѣхъ начальствующихъ повѣсилъ, жителей велѣлъ переколоть, а строенія всѣ сжечь.

Тутъ онъ узналъ объ отсутствіи изъ Орской генерала Станиславскаго и о беззащитности трехъ пройденныхъ и не разоренныхъ имъ крѣпостей: Губерлинской, Орской и Таналыцкой и, чтобы исправить свою ошибку, поручилъ Башкирскимъ шайкамъ захватить и разорить уцѣлѣвшія крѣпости. Въ тоже самое время ему были представлены въ качествѣ депутатовъ Киргизскіе старшины. Онъ „съ великою ласковостью“ и торжественностью [3]) принялъ ихъ и приказалъ имъ также разорять до основанія оставшіяся крѣпости, „ничего не опасаясь“, обѣщая въ будущемъ вывести изъ тѣхъ мѣстъ всѣхъ Русскихъ, а землю отдать Башкирамъ.

Башкиры и Киргизы со всѣмъ усердіемъ принялись за дѣло и начали свои грабежные набѣги. Орская крѣпость, какъ ближайшая и пограничная

---

[1]) См. выше, стр. 5.

[2]) Генералъ Станиславскій въ Мартѣ былъ посланъ съ своимъ отрядомъ на подмогу Верхне-Яицкой крѣпости. А на смѣну ему съ ротой пѣхоты былъ командированъ изъ Верхне-Озерной поручикъ Поспѣловъ, который и прибылъ въ Орскъ 20-го Марта 1774 г. (см. записки Поспѣлова, Орен. Губ. Вѣд. 1869, № 28).

[3]) Окруженный знаменами, въ шапкѣ изъ церковныхъ покрововъ, какъ передаетъ очевидецъ. Ю. Б.

къ сторонѣ степи, больше всего терпѣла отъ Киргизъ-Кайсаковъ, непрестанно безпокоившихъ ее своими нападеніями. Къ этому примѣшались другія несчастія. Быстро развившійся отъ безкормицы падежъ лошадей не только лишилъ жителей и гарнизонъ перевозочныхъ средствъ, но почти всѣхъ оставилъ пѣшими.

Узнавъ объ этихъ бѣдствіяхъ, Киргизы еще болѣе участили набѣги свои на крѣпости: они два раза скрали поставленный въ верстѣ отъ Орской казачій пикетъ, потомъ въ глазахъ жителей угнали весь крѣпостной рогатый скотъ и такъ дерзко и быстро, что гарнизонъ не могъ воспрепятствовать этому грабежу. Въ крѣпости Таналыцкой также былъ угнанъ ими весь скотъ, а Губерлинскую крѣпость, гарнизонъ которой состоялъ всего изъ 20 человѣкъ, они разорили до тла. Послѣ того Киргизы напали на высланную изъ Орской крѣпости сѣнокосную команду, для заготовленія сѣна на зиму и захватили бы ее, еслибы съ отрядомъ при одной пушкѣ не подоспѣлъ на выручку поручикъ Поспѣловъ. Киргизы, думая, что за отрядомъ этимъ слѣдуетъ еще подкрѣпленіе, быстро переправились черезъ Яикъ и скрылись въ своей необъятной степи.

Тѣмъ временемъ Пугачовъ продолжалъ свои дѣйствія въ Верхне-Яицкой дистанціи *), коей въ то время управлялъ комендантъ полковникъ Егоръ Алексѣевичъ Ступишинъ, человѣкъ энергичный, строгій, храбрый и умный. Башкиры и Киргизы трепетали при его имени, войска и жители любили и уважали его, и до сихъ поръ въ народѣ сохраняется добрая память о немъ и передаются воспоминанія, какъ онъ безъ войскъ обманулъ Пугачова войсками.

Происходя изъ дворянъ Саратовской губерніи, Ступишинъ, какъ разсказываютъ, былъ крестнымъ сыномъ императрицы Елисаветы Петровны, служилъ сначала въ гвардіи и былъ лично извѣстенъ наслѣднику престола, великому князю Петру Ѳеодоровичу. Въ разгаръ мятежа онъ находился въ самомъ безвыходномъ положеніи: отъ Оренбурга двигался къ нему Пугачовъ, кругомъ Верне-Яицкой дистанціи волновались Киргизы, Башкиры и горнозаводскіе крестьяне, недавніе и невольные выселенцы изъ разныхъ мѣстъ. Помощи не было ни откуда. Онъ писалъ и въ Оренбургъ къ Рейнсдорпу, и къ начальнику Сибирскихъ войскъ Декалонгу. Послѣдній даже былъ вблизи Верхне-Яицкой крѣпости и зналъ ея безсиліе, но почему-то отошелъ отъ верховьевъ Яика, оставивъ на произволъ судьбы всѣ при-Яицкія крѣпости. Ступишинъ не выдержалъ. Пославъ 10 Января 1774 г. довольно рѣзкій рапортъ генералу Декалонгу съ упрекомъ въ бездѣйствіи, онъ того же числа (за № 60), написалъ на него въ Государственную Военную Коллегію доносъ, въ которомъ говорилъ:

„Понеже въ крѣпостяхъ Верхо-Яицкой дистанціи весьма малое число войскъ обрѣтается, какъ-то: въ Верхо-Яицкой, Магнитной, Карагайской и

*) Верхне-Яицкая дистанція въ то время состояла изъ крѣпостей: Верхо-Яицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской.

Кизильской всего не будетъ 1000 человѣкъ и 30 пушекъ, въ этомъ же числѣ обрѣтаются и 300 Красно-Уфимскихъ казаковъ, присланныхъ отъ его высокопревосходительства господина Оренбургскаго губернатора, генералъ-поручика Рейнсдорфа, а какъ около дистанціи неспокойно, ибо Башкирцы и заводскіе крестьяне великую шаткость имѣютъ, а Киргизы, кочуя около крѣпостей, тоже весьма бунту склонны, сего ради и какъ въ народѣ слухъ, что оный воръ и государственный злодѣй Емелька Пугачовъ отъ Оренбурга на горные Твердышевскіе заводы и на линію устремился, того ради крѣпостямъ великая опасность, а его высокопревосходительство господинъ генералъ-поручикъ Декалонгъ, хотя и лично въ свое присутствіе здѣсь видѣлъ всю опасность, но о семъ не радѣлъ, да и я оному г-ну генералъ-поручику не разъ о томъ рапортовалъ, но всѣ мои представленія остались втунѣ, онъ же, г-нъ генералъ-поручикъ, вмѣсто того, съ командою своей отъ Верхне Яицкой дистанціи отошелъ, а меня одного съ малосильною командою оставилъ и помощи никакой не далъ, равно таковой опричь присылки мнѣ 300 человѣкъ Красно-Уфимскихъ казаковъ отъ его высокопревосходительства генералъ-поручика и Оренбургскаго губернатора и кавалера Рейнсдорфа болѣе не было и всѣ мои представленія тоже остаются втунѣ. Какъ оный г-нъ генералъ-поручикъ Декалонгъ, какъ мнѣ извѣстно, ни впередъ, ни назадъ не сдѣлалъ злодѣямъ страху, чрезъ что они, по своему легкомыслію, увидя послабленіе, на нападеніе отважутся, единственно по таковымъ дѣйствіямъ онаго г-на генералъ-поручика. О чемъ, не видя себѣ помощи ни откуда и видя великую опасность крѣпостямъ Верхне-Яицкой дистанціи, какъ отъ малаго числа войскъ, пороху и оружія, такъ равно отъ шатости Башкирцевъ, Киргизъ и заводскихъ крестьянъ, того ради, взойдя вмѣстѣ съ симъ представленіемъ къ его высокопревосходительству г-ну генералъ-поручику Декалонгу, долгомъ считаю о всемъ томъ наипочтительнѣйше рапортовать Военной Коллегіи. Ежели же оные злодѣи на Верхне-Яицкую крѣпость нападеніе сдѣлаютъ, то я, съ находящимися здѣсь чинами, сколько будетъ силъ и возможности, буду до послѣдней капли крови отпоръ чинить, ибо ничто осталося, какъ умереть по долгу совѣсти и присяги за вѣру и Ея Императорское Величество" *).

Но не смотря на послѣднее требованіе Ступишина (отъ 10 Января, за № 61), о присылкѣ „военнаго сикурса и пушекъ", Декалонгъ не далъ ему никакой помощи. Такимъ образомъ полковникъ былъ предоставленъ самому себѣ. Приходилось поэтому измышлять способы, чтобы, если не побѣдить врага, то обмануть его хитростью.

Боясь, что еще прежде нашествія самого Пугачова, пользуясь смутнымъ временемъ, на крѣпости его дистанціи будутъ нападать Киргизы и Башкиры, а войскъ для отраженія ихъ было недостаточно („въ Магнитной гарнизону и жителей было всего 1000 чел., въ Карагайской—1200 и въ Кизильской—1240 ч., пушекъ 34 и 6 фалконетовъ, изъ солдатскихъ ружей

*) Дѣла коменд. Верхне-Яиц. дист. 1774, л. 30 и 31. Оренб. Губ. Вѣд. 1868, № 33.

много было негодныхъ; пороху и свинцу недостаточно"), онъ издалъ воззваніе къ „Башкирамъ, живущимъ около Верхне-Яицкой дистанціи", и требовалъ отъ нихъ полной покорности [1]).

„Оный Емелька, увѣряю васъ, энергично писалъ онъ, скоро войсками Е. И. В—ва будетъ пойманъ и достойную по дѣламъ казнь приметъ, да всѣ тѣ, кто его слушаетъ, также не жди себѣ пощады: всѣ также казнены будутъ. Ея И. В. прощаетъ матерински только тѣхъ, кто раскаяніе приноситъ, а не нераскаянныхъ злодѣевъ. Башкирцы! Я знаю все, что вы замышляете; только знайте же и то: ежели до меня дойдетъ хоть какой слухъ, то вы, воры и шельмы, ждете къ себѣ тѣхъ воровъ и имъ кормъ и скотъ и себѣ стрѣлы и оружія припасаете, то вы, шельмы эдакія, готовьте этотъ скотъ, барановъ и коровъ, для меня съ командой: ибо я, услышавъ что-либо о вашей шатости, тотчасъ на васъ со всею моею командою изъ Верхне-Яицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской крѣпости пойду и съ пушками, и тогда вы не ждите пощады, буду васъ казнить, вѣшать за ноги и за ребра, домы ваши, хлѣбъ и сѣно пожгу и скотъ истреблю. Слышите ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю лгать, ни шутить. Вы меня знаете, и я васъ очень хорошо знаю. Сего числа около Верхне-Яицкой пойманъ Башкирецъ Зеутфундинка Мусинъ съ воровскими Татарскими письмами отъ злодѣевъ, и ко мнѣ оный Башкирецъ приведенъ и хотя онъ нѣмой, однакоже тѣми, имѣвшимися у него воровскими письмами, довольно приличается, и того ради я велѣлъ оныя письма при народномъ собраніи сжечь и сожжены отъ профоса, а тому вору Башкирцу велѣлъ я отрѣзать носъ и уши и къ вамъ, ворамъ, съ симъ отъ меня листомъ посылаю". Въ заключеніе своего воззванія, Ступишинъ говоритъ: „Всего же лучше совѣтую вамъ, кто изъ васъ хочетъ быть благоразуменъ и истиннымъ вѣрноподданнымъ Ея И. В—ва, тотъ явись ко мнѣ въ Верхне-Яицкую въ комендантскую, съ семьею и о своей вѣрности заяви мнѣ, и я, по усмотрѣнію, или домой отпущу, или оставлю на время въ крѣпостяхъ и дамъ вамъ и мѣста, гдѣ кочевать, и неимущимъ хлѣбъ дамъ. Вы думаете, и злодѣи васъ учатъ, что у меня хлѣба нѣтъ; мало ли чего злодѣи вамъ толкуютъ и письма свои воровскія шлютъ, только вы пожалѣйте сами себя, свой животъ и свои семейства, говорю вамъ толкомъ. Башкирцы! Ежели же вы, получа отъ меня листъ, который мною сего числа по всѣмъ крѣпостямъ Верхне-Яицкой дистанціи всенародно, съ барабаннымъ боемъ объявленъ, воровскихъ писемъ и людей, съ ними подосланныхъ, не выдадите, или сами о покорности своей мнѣ не заявите, то я съ вами поступлю по власти, мнѣ данной и безъ всякой пощады. Знайте, кто изъ васъ явится и о вѣрности Ея И. В—ву заявитъ ложно, тотъ, по великомъ истязаніи, будетъ казненъ смертью. Думайте: срокъ Башкирамъ, живущимъ близъ крѣпостей,—три, а прочимъ—семь дней; иначе я буду съ вами по своему распоряжаться, какъ долгъ мой велитъ мнѣ" [2]).

---

[1]) Тамъ же, 1773, л. 346.

[2]) Воззваніе это дано 4 Апрѣля 1774 г., № 274. (См. Дѣла коменд. Верхне-Яиц. дист. 1774. л. 609—616). Полное воззваніе можно найти напечатаннымъ въ Оренб. Губ. Вѣд. 1868, № 33.

Какъ ни странно и какъ ни оригинально было подобное увѣщаніе, но оно имѣло свое дѣйствіе на темную массу полудикарей, и вскорѣ къ Ступишину съ изъявленіемъ покорности явилось 330 Башкирскихъ семей, которыя, до поры до времени, и были распредѣлены имъ по крѣпостямъ.

Между тѣмъ Пугачовъ, захвативъ Магнитную и думая, что въ Верхне-Яицкой крѣпости гарнизонъ съ прибытіемъ туда генерала Станиславскаго усилился, миновалъ ее и остановился въ 50 верстахъ на Бѣлорѣцкомъ заводѣ, жители котораго признали его императоромъ Петромъ III, лили ему пушки и ядра, прогнали отъ себя присланныхъ Рейнсдорпомъ для ихъ защиты 300 Красно-Уфимскихъ казаковъ и еще болѣе усилили собой Пугачовскія скопища[1]).

Ожидая приготовленія артиллеріи, потерянной имъ подъ Оренбургомъ и Сакмарскимъ городкомъ, Самозванецъ въ это время разсылалъ свои манифесты по Башкирамъ, крѣпостямъ и заводамъ и требовалъ отъ комендантовъ безусловной сдачи ихъ крѣпостей. Такой же строгій указъ получилъ и Ступишинъ. Тогда онъ собралъ войска и жителей Верхне-Яицкой крѣпости и, выяснивъ имъ, кто такой Пугачовъ и какіе замыслы чинитъ онъ, сказалъ имъ: „Въ здѣшнихъ мѣстахъ немало есть какъ отъ шляхетства, такъ и солдатства, особливо проживающихъ въ отставкѣ, которые служили въ Петербургѣ, въ лейбъ-гвардіи полкахъ и блаженныя памяти Императора Петра III-го помнятъ, да и того вора Емельку видали, и подъ присягою говорили, что Емелька воръ и самозванецъ. А многіе то говорили ему въ глаза, не страшась мучительства, и тако души своя предали Богу, яко вѣрные Ея И. В-ва подданные и христіане. Если Божіимъ попущеніемъ онъ воръ, злодѣй Емелька придетъ къ Верхне-Яицкой крѣпости, станемъ всѣ отъ мала до велика, кто въ силѣ поднять хоть камень, а живыми не дадимся въ руки злодѣю, не дадимъ ему ругаться храмомъ Божіимъ, женами и дѣтями нашими. Первый умру за вѣру и Государыню я комендантъ, и всѣ мои подначальные офицеры, надѣюсь, что не постыдятъ себя; за начальными людьми и солдаты. Будемъ живы, отразимъ злодѣя, и наградятъ насъ Богъ и Ея И. В-во, а погибнемъ, то яко мученики обрѣтемъ вѣнецъ нетлѣнный. Оружія у насъ двольно, свинцу пороху и провіанту тоже, солдаты молодцы. Кто изъ жителей хочетъ оружія, требуй пороха и свинца изъ комендантской канцеляріи“....[2])

Войска и жители присягнули Ступишину слушаться его во всемъ, сражаться и умереть за вѣру, Государыню и отечество. Въ тоже время изъ предосторожности были арестованы всѣ Польскіе конфедераты, какъ служащіе, такъ и проживающіе по крѣпостямъ съ воспрещеніемъ имѣть съ ними сношенія, дабы они не могли открыть Пугачову слабосильность гарнизона, въ которомъ числилось 400 пѣшихъ солдатъ, 48 артиллеристовъ,

[1]) Предоставляемъ самому автору поддерживать свое утвержденіе, что на Бѣлорѣцкій заводъ Пугачовъ прибылъ послѣ разгрома Магнитной. Ю. Б.

[2]) См. въ Памят. Книж. Оренб. губ. за 1865г., стр. 133, „Ордеръ по Верхне-Яицкой крѣпости“ отъ 22-го Мая 1774 года.

100 Красно-Уфимскихъ казаковъ, 6 пушекъ и 1 фалконетъ, а жителей обоего пола 949 душъ [1]).

Отливъ на заводахъ пушки, съ 10 тыс. мятежниковъ и 12-ю орудіями, Пугачовъ подступилъ наконецъ къ Верхне-Яицкой и, остановившись въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, послалъ къ коменданту строгое приказаніе немедленно безъ сопротивленія сдать крѣпость. Но посланнаго не подпустили близко, встрѣтивъ его выстрѣлами. Войска и жители, вооруженные чѣмъ попало—кольями, топорами, дубинами, женщины, старики и дѣти стояли на валу, на крышахъ домовъ, на которыхъ были приготовлены чаны съ водой на случай пожара, и твердо рѣшились умереть. Мало этого: чтобы испугать противника численностью войскъ, Ступишинъ приказалъ нарядить въ солдатское и казацкое платье соломенныхъ чучелъ, натыкалъ по валу шесты съ обожженными верхушками, которые издали казались остріями пикъ, а въ полѣ за городомъ поставилъ пустыя палатки какъ бы прибывшихъ на подмогу войскъ.

Пугачовъ, устрашившись такой громадной силы, снялся и пошелъ мимо крѣпости, сдѣлавъ по ней только два выстрѣла изъ орудій, которыя, кстати сказать, пролетѣли надъ головами осажденныхъ. Разсказываютъ, что самъ Ступишинъ и двое старыхъ гвардейцевъ тутъ же, когда Пугачовъ проѣзжалъ мимо нихъ, подъ клятвой объявили жителямъ, что онъ не Петръ III, а воръ и самозванецъ.

Такимъ образомъ спаслась Верхне-Яицкая. Отсюда Пугачовъ двинулся на Троицкую, „куда слѣдуя, попутныя крѣпости Карагайскую, Петропавловскую и Степную побралъ и всѣхъ начальниковъ отъ мала до велика предалъ смерти, крѣпости же и бывшія въ нихъ строенія всѣ выжегъ [2]) и, забравши съ собою всѣхъ жителей тѣхъ крѣпостей съ женами и дѣтями, пошелъ далѣе“.

Подойдя къ крѣпости Троицкой, Самозванецъ тотчасъ же началъ ея бомбардировку, и вскорѣ завладѣлъ ею. Легкое взятіе ея объясняется тѣмъ, что крѣпость эта имѣла слишкомъ обширныя укрѣпленія сравнительно съ численностію стоявшаго въ ней гарнизона, который поэтому не могъ занять всю линію укрѣпленій. Когда мятежники обстрѣливали крѣпость съ южной стороны изъ-за р. Уя, то ядра и пули попадали въ соборъ Св. Троицы, гдѣ на южныхъ входныхъ дверяхъ и до сихъ поръ остались слѣды отъ пролета ружейныхъ пуль. Преданіе говоритъ, что буйная челядь заняла храмъ и сдѣлала въ немъ конюшню, на престолѣ были поставлены корыта для овса и лежали связки сѣна [3]). По взятіи крѣпости, Пугачовъ показалъ необыкновенное варварство: „священнику и коменданту бригадиру Де-Фейервару по его приказанію отрѣзаны уши, и затѣмъ они повѣшены. Женъ ихъ

[1]) Д. Коменд. Верх. дист. 1774, л. 601.

[2]) „Храмы Божіи выжегъ, въ образа святые отъ богоотступниковъ стрѣляно, а другіе ими и кашу варили“ (Дубровинъ).

[3]) Орен. Епарх. Вѣд. 1874, № 12, 452.

привязали за волосы къ хвостамъ лошадей и замучили до смерти [1]). „Изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, равно жъ и изъ малыхъ чиновникъ никто въ живыхъ не остался, а жителей, отставныхъ солдатъ и прочихъ, всѣхъ выгналъ за городъ и, поставя въ шеренгу, приказалъ Башкирамъ пиками поколоть".

„Къ вящшему же разоренію", Пугачовъ имѣлъ намѣреніе, порядочно пограбя Троицкую, сжечь ее, а потомъ отправиться для такого же раззоренія внизъ, на крѣпости Каракульскую, Крутоярскую, Усть-Уйскую и Звѣриноголовскую и затѣмъ слѣдовать въ Тобольскъ; но предпріятію этому не удалось сбыться. На другой день къ Троицкой подступилъ съ своимъ корпусомъ генералъ Декалонгъ, который, замѣтивъ Пугачова, расположившагося лагеремъ подъ городомъ, наканунѣ имъ сожженнымъ, тотчасъ же напалъ на него и послѣ кровопролитнаго сраженія, длившагося нѣсколько часовъ, разбилъ его на голову и разсѣялъ его толпы [2]). Самъ Пугачовъ, съ небольшой шайкой приверженцевъ, едва спасся бѣгствомъ въ Уральскія горы, гдѣ вскорѣ собралъ новыя толпы мятежниковъ и съ ними сжегъ и разорилъ Кундравинскую слободу, потомъ Чебаркульскую (казачью) крѣпость и, не смотря на то, что крѣпость эта не противилась ему, онъ и тутъ пролилъ много неповинной крови, сжегъ Преображенскую церковь съ придѣломъ Срѣтенія Господня и всѣ строенія, повѣсилъ многихъ изъ офицеровъ, солдатъ и казаковъ [3]), а остальныхъ захватилъ въ свою толпу [4]).

Разоривъ Чебаркуль, Пугачовъ въ самый праздникъ Вознесенія Господня обратился на Златоустовскій заводъ купца Лугинина. Послѣ выхода его, крѣпость была занята полковникомъ Михельсономъ, преслѣдовавшимъ Самозванца по пятамъ. Тѣ изъ жителей Чебаркуля, которые отъ страха признали Пугачова Петромъ III и присягнули ему, какъ государю, за чистосердечное раскаяніе были прощены Михельсономъ, а потомъ и Императрицею. Въ воспоминаніе же о страшныхъ Пугачовскихъ дняхъ жители послѣ того построили въ верстѣ отъ селенія деревянную часовню во имя Вознесенія Господня [5]) и каждогодно въ этотъ день совершаютъ туда крестный ходъ.

Михельсонъ наконецъ въ Уральскихъ горахъ при р. Аѣ нагналъ Пугачова и „небольшимъ своимъ деташаментомъ надъ чрезвычайною злодѣй-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Декалонгомъ въ Сепарскомъ редутѣ было найдено множество плѣнныхъ (около трехъ тысячъ) въ самомъ ужасномъ видѣ. Жены и дѣти офицеровъ были въ такомъ состояніи, что „оныхъ отличить отъ деревенскихъ самыхъ подлыхъ стряпушекъ, по утру около печи обращающихся", было невозможно. Это вдохнуло новыя силы утомленному отряду. Ю. Б.

[3]) То мѣсто на горѣ, принадлежащей къ хребту Чебаркульскому, гдѣ были Пугачовскія висѣлицы, и по сію пору зовется „Гора Висѣльникъ".

[4]) Подъ деревней Лягушиной Пугачовъ разбитъ Михельсономъ 23 Мая. 1774 г. Ю. Б.

[5]) Прежней часовни уже нѣтъ, на ея мѣстѣ теперь выстроена другая. (Орен. Губ. Вѣд. 1869, № 28).

скою толпою учинилъ побѣду, разбилъ и разогналъ оную по разнымъ мѣстамъ"[1]).

Но и послѣ этого пораженія Пугачовъ успѣлъ собрать новыя толпы и двинулся къ Казани, „въ разсужденіи своего многолюдства, собравшагося къ нему по пути изъ Черемисъ, Вотяковъ и со многихъ заводовъ крестьянъ, вооруженныхъ пиками, топорами, косами и простыми дубинами"[2]).

Съ такимъ воинствомъ Самозванецъ приблизился къ Казани, гдѣ, не смотря на „пастырское увѣщаніе" архіепископа Веніамина „почитать власти и Императрицу и избѣгать сообщничества Пугачова", жители приняли его съ распростертыми объятіями. Напрасно мученикъ - архипастырь увѣрялъ православныхъ, что, „защищая вѣру, законъ, преданія и поборая за славу государей и цѣлость отечества, тѣмъ самымъ подвизаемся за честь Божію и свое спасеніе, соблюдаемъ наше и ближняго благополучіе"; напрасно онъ призывалъ на непокорныхъ громы небесные и „непокоряющихся же истинѣ сей, по данной намъ отъ Христа пастыреначальника власти, связуемъ нерѣшимыми узами отлученіемъ отъ церквей—жребія вѣрныхъ въ сей жизни, въ будущей же достойнаго святыхъ",[3])—его голосу никто не внималъ изъ простолюдиновъ.

Жители Суконной слободы встрѣтили Самозванца за городомъ съ почетомъ; прочіе же обыватели искали спасенія въ крѣпости. Пугачовъ, желая наказать непокорныхъ Казанцевъ, приказалъ зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, за исключеніемъ Суконной слободы.

Между тѣмъ Михельсонъ, извѣстясь, что Самозванецъ идетъ къ Казани, пошелъ за нимъ слѣдомъ; „но уже не успѣлъ остановить злодѣя до сожженія города; однакожъ, не давъ болѣе ему никакой пакости городу учинить, подъ самымъ онымъ напалъ на него и всю его многочисленную толпу разбилъ и оставилъ на мѣстѣ сраженія столько убитыхъ, несвѣдущихъ военнаго искусства тварей, что и счесть не можно. Самъ же злодѣй, видя чрезвычайную надъ собой побѣду, ретировался съ малыми людьми и, оставя предпринятое свое намѣреніе слѣдовать къ Москвѣ, обратилъ свой трактъ къ Саратову, куда слѣдуя всѣхъ къ себѣ склонялъ, а особливо изъ помѣщичьихъ людей (пока умножилъ свою злодѣйскую толпу), изъ коихъ многіе господъ своихъ къ нему приводили", и Пугачовъ, „величайшими муками сихъ несчастныхъ муча, предавалъ жесточайшей смерти. Онъ же злодѣй, препровождая путь свой, неслыханныя причинялъ злодѣянія; жегъ многія

---

[1]) Записки Поспѣлова. П. Ю. Сколько намъ извѣстно, 3-го Іюня самъ Пугачовъ совершенно неожиданно напалъ на Михельсона, подъ дер. Киги. Ю. Б.

[2]) Тамъ же.

[3]) Пастырское увѣщаніе, отысканное въ копіи въ архивѣ Сарапульскаго духовнаго правленія, напечатано въ № 7 Орен. Епар. Вѣд. за 1874 г. (стр. 218—224). Замѣчательно, что копія, между прочими, подписана и секретаремъ Казанской консисторіи дворяниномъ Василіемъ Аристовымъ, тѣмъ самымъ, который впослѣдствіи сдѣлалъ на архіепископа Веніамина доносъ въ его якобы приверженности и сообщничествѣ съ Пугачовымъ.

попутныя селенія, грабилъ и разорялъ Божіи храмы, не имѣя никакого сожалѣнія и помилованія къ безвиннымъ и незлобивымъ младенцамъ“ [1]).

Подполковникъ Михельсонъ снова настигъ Самозванца и, нанеся ему нѣсколько сильныхъ пораженій, преградилъ путь въ Астрахань, куда спѣшилъ Пугачовъ, чтобы, переправившись черезъ Волгу, укрыться въ Узеняхъ, а потомъ бѣжать въ Персію или Киргизскія степи“; но Яицкіе казаки, утратившіе вѣру въ успѣхъ своего дѣла и, желая снискать милость и прощеніе правительства, „улучивъ способное къ тому время, поймали его, связали, не приняли отъ него ни просьбы, ни угрозъ“ [2]) и выдали правительству.

*

Но послѣ поимки Пугачова, бунтъ еще не кончился. Около Таналыцкой и Орской крѣпостей до осени 1774 года не переставали грабить Киргизы, а въ Верхне-Яицкой дистанціи даже въ 1775 году, уже послѣ казни Пугачова, волновались Башкиры.

22 Октября 1774 года поручикъ Поспѣловъ былъ командированъ изъ Орской крѣпости въ Таналыцкую за провіантомъ. Транспортъ его состоялъ изъ 80-ти подводъ, „которыя съ великой нуждой набраться могли“, и въ прикрытіе было назначено 40 солдатъ и 35 казаковъ при двухъ орудіяхъ.

Не доѣзжая верстъ 20 до Таналыцкой, отрядъ замѣтилъ на степной сторонѣ Яика значительную толпу Киргизовъ, которые долгое время, подобно хищнымъ звѣрямъ, разсматривали Русскихъ, но, увидя пушки, которыхъ они очень боятся, пустились на-утекъ, держась ближе Яика. Впослѣдствіи оказалось, что наканунѣ прихода отряда въ Таналыцкую, Киргизы эти отбили у жителей весь рогатый скотъ до послѣдняго теленка, и малолюдный гарнизонъ не въ состояніи былъ задержать хищниковъ.

Переночевавъ въ Таналыцкой двѣ ночи и нагрузивъ провіантомъ телѣги, отрядъ выступилъ обратно. Но, приближаясь къ Орской, онъ былъ пораженъ пожаромъ, дымъ котораго, препятствуя видѣть издали крѣпость, наводилъ солдатъ и казаковъ на печальныя размышленія, что Орская въ ихъ отсутствіи взята Киргизами и сожжена. Чтобы узнать истину, Поспѣловъ послалъ туда нѣсколько казаковъ. Чрезъ нѣсколько времени посланные вернулись и разсказали, что то горятъ травы и кусты около крѣпости, зажженные Киргизами, которые въ отсутствіи отряда каждый день (въ продолженіе пяти сутокъ) по нѣскольку разъ осаждали крѣпость, не давая жителямъ ни днемъ, ни ночью покоя, „а особливо поморили было всѣ ъ жаждою, не выпуская за водою“, отважившихся же на это захватывали и полонили, такъ что въ пятеро сутокъ они успѣли захватить 5-ть солдатъ, 8-мь женщинъ и 35 лошадей.

Это было, кажется, послѣднее бѣдствіе Пугачовщины. 10-го Января [3]) 1775 года онъ былъ казненъ „въ Москвѣ на Болотѣ“. Въ началѣ

[1]) Записки Поспѣлова.

[2]) Тамъ же.

[3]) Между тѣмъ въ воззваніи Ступишина къ Башкирскому народу, отъ 4 Марта 1775 г., обозначено 5-го Января.

того же года обнародовано было общее прощеніе, и Екатерина, чтобы навсегда изгладить воспоминаніе объ этой ужасной эпохѣ, повелѣла уничтожить древнее названіе рѣки Яика. Казаки Яицкіе были переименованы въ Уральскіе, гор. Яицкій—въ Уральскъ, и р. Яикъ въ Уралъ. Но очевидно, все еще не надѣясь на Яицкихъ (или уже Уральскихъ) казаковъ, выдавшихъ Самозванца головой, правительство потребовало отъ раскаявшихся и получившихъ прощеніе преступниковъ вновь принесенія присяги [1]) текстъ которой заключался въ такихъ выраженіяхъ:

„Я обѣщаюся и клянуся предъ Всемогущимъ Богомъ и Святымъ Евангеліемъ Его въ томъ, что отрицаюся навсегда отъ измѣнника и государственнаго злодѣя Емельки Пугачова; принявшаго на себя званіе покойнаго государя Петра III, не только дѣломъ когда либо присоединяться къ его злодѣйской толпѣ, вооружаяся противъ истинной Государыни нашей Великой Императрицы Екатерины Алексѣевны и наслѣдника ея Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича и супруги Его Благовѣрной Государыни Натальи Алексѣевны, но ниже помысломъ вреднымъ погрѣшать, признавая и почитая отъ всего сердца и души истинную Государыню Императрицу Екатерину Алексѣевну, обязуюсь защищать ее право и служить ея величеству и пресвѣтлѣйшему ея сыну и наслѣднику, не щадя жизни своей до послѣдняго дыханія, подвергая себя мщенію всемогущаго Господа Бога, яко сердцевѣдца всѣхъ человѣковъ, и страшному суду, если когда мысль моя въ вѣрности противъ ея величества поколеблется, въ томъ полагаю душу мою, прося Всевышняго Бога да отмститъ сему злодѣю кровь имъ пролитую прельщенныхъ имъ яко дьяволомъ несчастныхъ душъ, и во свидѣтельство вѣрности моей Ея Императорскому Величеству цѣлую Святое Евангеліе и Крестъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь“.

Видимо, присяга эта была общая для всѣхъ, такъ какъ подъ ней идутъ огромные списки лицъ изъ чиновниковъ и казаковъ.

VIII.

После Пугачовщины.—Башкиры.—Дѣйствія сосланныхъ сообщниковъ Пугачова.—Крестьянинъ Журавлевъ. — Слухи о Петрѣ III въ Исетской и Уфимской провинціяхъ.—Мещерякъ Аптышевъ.—Старовѣръ Завьяловъ.—Крестьяне Калбановъ и Кривенковъ.—Солдатъ Колесниковъ. — Мѣщанинъ Соколовъ. — Мѣры противъ разглашеній. — Второй Самозванецъ.

Глава эта (какъ и двѣ послѣдующія) основана исключительно на архивныхъ данныхъ, которыя еще мало и даже совсѣмъ неизвѣстны и читающей публикѣ, и прежнимъ изслѣдователямъ о Пугачовѣ. П. Ю.

„Свершилось... казнь злодѣй понесъ“, и казалось бы съ его гибелью должна была погибнуть и вся его преступная дѣятельность; но на самомъ дѣлѣ много и долго еще пришлось бороться съ тѣмъ зловреднымъ настрое-

[1]) Присяга эта, печатная на отдѣльныхъ листкахъ, имѣется въ архивѣ Уральскаго войсковаго хозяйственнаго правленія (по описи № 1, хронол. указат. № 151) и помѣщена на страницахъ „Оренб. Листка“ за 1881 г., № 26.

ніемъ которое за два года успѣло пустить глубокіе корни среди крестьянъ и особенно между инородцевъ, жаждавшихъ давнымъ давно выйти изъ подъ зависимости Россіи. Киргизы, какъ и прежде, продолжали дѣлать свои дерзкіе набѣги на пограничныя поселенія, и избавиться отъ нихъ было трудно даже въ половинѣ текущаго столѣтія. Башкиры, хотя смирились послѣ Пугачовскаго бунта, но все еще не переставали волноваться и замышлять различныя козни противъ Русскаго правительства. Среди нихъ носились слухи, „яко бы оный злодѣй Емелька живъ, а на мѣсто его казненъ другой, и тотъ Емелька себѣ новое войско собралъ въ Киргизской степи и сюда идетъ". „По строгому о томъ изысканію открылось, что сія молва вышла отъ муллы деревни Сафаровой" [1]). Инородцы заволновались пуще прежняго и съ нетерпѣніемъ ждали появленія Самозванца, снова собираясь кружками и толпами. Волненіе уже охватило Верхне-Яицкую дистанцію и на столько, что Ступишину пришлось обращаться къ туземцамъ съ воззваніемъ, въ которомъ, извѣщая ихъ, „что воръ и Самозванецъ Емелька Пугачовъ войсками Е. И. В. разбитъ, скопища его разсѣяны и самъ пойманъ и сего 5-го Января въ Москвѣ казненъ всенародно на Болотѣ", приказывалъ имъ, „буде кто станетъ на подобіе муллы возмущать народъ, донести" ему; „кто же, вѣдая, умолчитъ, тотъ строго будетъ наказанъ" [2]).

На Уралѣ также не было спокойно. Тамъ у Пугачова еще остались сообщники, которые далеко не чистосердечно склонили свои выи и все еще мечтали „тряхнуть матушкой-Москвой". Первыми возмутителями явились сосланные въ гор. Перновъ (Рижской губерніи) его ближайшіе товарищи; знаменитые Ѳедоръ Чумаковъ, Иванъ Ѳедулевъ, Петръ Пустобаевъ и Иванъ Твороговъ, тотъ самый, который связалъ въ Узеняхъ Пугачова [3]).

Находились они тамъ, „въ Ризскаго департамента батальонахъ солдатами", подъ строжайшимъ полицейскимъ надзоромъ, такъ что не только не могли куда нибудь свободно отлучаться изъ мѣста расположенія батальона, но, въ видахъ политическихъ, имъ воспрещено было даже вести переписку съ своими родными, съ своимъ войскомъ „съ своимъ милымъ Яикомъ-Горынычемъ". И томились ссыльные неизвѣстностью о „своихъ братцахъ-товарищахъ".

На счастье ихъ, передъ Троицынымъ днемъ 1775 года въ Перновъ, для пріисканія работы, пришелъ Суздальскаго уѣзда, села Иванова, графа Петра Борисовича Шереметева крестьянинъ Венедиктъ Журавлевъ. И надо же было случиться такъ, что онъ остановился на той именно квартирѣ, гдѣ жили Чумаковъ съ товарищами. Слово за слово, казаки разговорились съ

---

[1]) Верхнеуральскаго уѣзда, гдѣ живутъ Тептяри-магометане.

[2]) Въ воззваніи этомъ, отъ 4-го Марта 1775 года, Верхне-Яицкая крѣпость называется уже Верхнеуральской, что ясно доказываетъ вышеприведенное мнѣніе, что переименованіе Яика въ Уралъ, Яицка въ Уральскъ и т. д. послѣдовало въ концѣ 1774 года или въ началѣ 1775 г., но никакъ не въ концѣ послѣдняго, какъ увѣряетъ Пушкинъ.

[3]) Въ сентенціи 10-го Января 1775 г. (§ 9) этихъ казаковъ повелѣно отъ всякаго наказанія освободить"; но это, какъ видно по дѣлу, не вѣрно.

вновь прибывшимъ, Журавлевъ также оказался раскольникомъ, и полились у нихъ тутъ „медовыя рѣчи"; начали они разсказывать ему свои затаенныя мысли и повѣдали ему, что „Пугачовъ живъ, а царь-батюшка ихъ жалуетъ и жалованіе даетъ имъ денежное по триста рублевъ въ годъ каждому" [1]). Дальше-больше, новые знакомые сошлись на короткую ногу. Журавлевъ нѣсколько времени шатался по городу, но не могъ найти для себя выгодной плотничьей работы.

— Э, да што ты зря ходишь тутъ? сказали ему казаки. Ступай къ намъ на Яикъ.

— А и такъ правда, подумалъ Журавлевъ. У меня тамъ шуринъ живетъ; баитъ—житье хорошее.

— Вотъ ты и сходи, посмотри самъ, совѣтывали ссыльные, коли тебѣ Яикъ-батюшка по нраву придется, деньгу знатную заработаешь. При томъ они просили его „снести ко дворамъ вѣсточки" отъ нихъ, за каковую службу пообѣщали заплатить ему „сто пятьдесятъ рублевъ [2]), ежели онъ обратно воротится и такія же имъ письма принесетъ".

Сначала Журавлевъ долго не соглашался на это, но потомъ видимо, прельстившись такой „уймой" денегъ, а можетъ быть, и по другимъ какимъ либо причинамъ, наконецъ, согласился, хотя въ задатокъ „ничего отъ нихъ не получилъ".

7-го Сентября 1775 г. выѣхалъ онъ изъ Пернова и на своей лошаденкѣ добрался до Петербурга; здѣсь продалъ ее, пересѣлъ на барку и поплылъ до села Лыскова, откуда, по причинѣ замерзанія Волги, направился далѣе чрезъ Сызрань и Самару пѣшкомъ и 14-го Ноября достигъ Уральскихъ предѣловъ, не будучи нигдѣ задержанъ, такъ какъ имѣлъ „годичный паспортъ". Только въ чертѣ Уральскаго войска, какъ на грѣхъ, по дорогѣ зашелъ онъ въ уметъ Красный, къ казаку Борису Плиткину, гдѣ думая, что всѣ Уральскіе казаки приверженцы Пугачова, началъ распространяться какъ о немъ, такъ и о цѣли своего путешествія. Сидѣвшая въ это время у Плиткина, казачка Анна Зеленцова смекнула, что „дѣло сіе не ладно" и, какъ только Журавлевъ ушелъ, собралась и поѣхала въ Уральскъ, гдѣ обо всемъ слышанномъ заявила правящему полицеймейстерскую должность сотнику Мартынову [3]), который въ свою очередь донесъ войсковому атаману „арміи полковнику" Акутину, а послѣдній распорядился принять надлежащія мѣры для розыска „непристойныхъ словъ разглашателя".

---

[1]) Дѣло Тургайск. Област. архива, 1775 г. № 90 на 63 листахъ.

[2]) На первомъ допросѣ 22-го Ноября 1775 г. Журавлевъ показывалъ плату за доставку писемъ 150 рубл., на второмъ же—въ Уральской войсковой канцеляріи, 1-го Декабря, „съ пристойнымъ увѣщаніемъ, онъ винился, не стерпя учиненнаго ему подъ плетьми распроса", что за отвозъ ихъ „оные казаки рядили дать ему платы 35 рубл." (См. дѣло № 90, лл. 26 и 28).

[3]) Какъ видно изъ показанія самой Зеленцовой 8-го Декабря 1775 г. (см. д. № 90 л. 7), главной причиной доноса этого была сильная ненависть ея къ Пугачову; ибо, какъ она говоритъ, „ея свекра, отставнаго казака Ивана Зеленцова, Пугачъ повѣсилъ".

Тѣмъ временемъ Журавлевъ успѣлъ раздать адресованныя роднымъ ссыльныхъ казаковъ письма [1]), получилъ въ свою очередь отъ нихъ и спокойно, ничего не подозрѣвая, отправился обратно. Такимъ образомъ мѣстнымъ властямъ не удалось захватить его въ Уральскѣ, и поэтому въ погоню за нимъ былъ посланъ пятидесятникъ Филатъ Черноморсковъ, который и нагналъ его на Самарской дорогѣ. Журавлевъ доставленъ былъ въ Уральскъ, гдѣ „съ приличнымъ увѣщаніемъ“ допрашиванъ, а потомъ, вмѣстѣ съ отобранными у него и у казаковъ письмами, препровожденъ въ Оренбургъ.

Но ни въ письмахъ, заключавшихъ въ себѣ только поклоны и просьбу казаковъ ходатайствовать за нихъ о возвращеніи на родину, ни въ показаніяхъ Журавлева не оказалось ничего такого, что̀ можно было бы признать за распространеніе зловредныхъ возмущеній. Очень можетъ быть, что ссыльные нарочно, во избѣжаніе подозрѣній, не писали ничего существеннаго, а поручили Журавлеву передать что̀ было нужно роднымъ на словахъ. Какъ бы то ни было, но Оренбургскій губернаторъ генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ взглянулъ на дѣло строго. Журавлева долго пытали, но, не добившись ничего положительнаго, заковали въ ножные кандалы и, подъ присмотромъ капрала Оренбугской „статной“ команды Томилина и двухъ солдатъ, препроводили для дальнѣйшаго надъ „его поступками сужденія“ въ Суздальскую провинціальную канцелярію, сообщивъ объ этомъ (24-го Декабря 1775 года) и Рижскому генералъ-губернатору, генералъ-аншефу Егору Егоровичу графу фонъ-Броуну, съ просьбой предписать коменданту г. Пернова [2]), „чтобъ за казаками, яко извѣстными злодѣями и измѣнниками, чинено было неослабное смотрѣніе, дабы они ни на какіе худые поступки, а паче на непристойное разглашеніе и переписку съ родственниками ихъ отваживаться и тѣмъ новаго возбужденія сдѣлать не могли“. Графъ же Броунъ, пославъ Поссіету строжайшій „ордеръ“ для наблюденія за сосланными Уральцами, въ свою очередь донесъ о случившемся генералъ-прокурору д. т. с. князю Александру Андреевичу Вяземскому; а послѣдній, придавъ еще большее значеніе поступкамъ Журавлева, предписалъ Суздальской провинціальной канцеляріи, вмѣстѣ съ производящимся тамъ о немъ дѣломъ, выслать его въ Петербургъ, гдѣ несчастному опять „пристрастно“ начали чинить допросы, хотя Суздальская канцелярія уже осудила его и 21-го Января 1776 г., „слѣдуя „имянному ея императорскаго величества высочайшему Марта 17 дня 1775 года повелѣнію, оставляя о всемъ того крестьянина Журавлева поступкѣ излишнее изысканіе, а за одно только пустое его, однако-жъ безвредное разглашеніе, въ пресѣченіи дальнѣйшихъ „отъ обыкновенной простой, и состоянію его приличной глупости мыслей, и во истребленіе ихъ вовсе,“—опредѣлила:

---

[1]) Помимо писемъ этихъ, казаки съ Журавлевымъ прислали еще два письма, одно атаману Акутину, другое войсковому старшинѣ Михайлову; но письма эти для передачи по принадлежности Журавлевъ отдалъ жившему въ Уральскѣ шурину своему, крестьянину Андрею Воробьеву.

[2]) Комендантомъ Пернова въ то время былъ генералъ-маіоръ Поссіетъ. Не предокъ ли бывшаго министра путей сообщенія?

„къ вѣчному о томъ забвенію учинить ему наказаніе плетьми“, что́ и было исполнено 1-го Февраля того же года.

Дѣло протянулось еще нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ было доложено Государынѣ, которая, разсматривая его, одна только нашла, что все обвиненіе Журавлева основано лишь на одномъ доносѣ казачки Зеленцовой, не подтвержденномъ никакими другими показаніями, и 24 Марта 1775 г. повелѣла освободить его отъ наказанія, хотя оно уже было совершено надъ нимъ.

Такъ сравнительно благополучно кончилась для Журавлева его безобидная передача писемъ. Но искра уже была пущена. Его разговоры о Пугачовѣ на постоялыхъ дворахъ и по уметамъ, коими онъ проходилъ, во мгновеніе ока разнеслись по Уралу, и слухи, что живъ Пугачовъ, стали повторяться и въ другихъ мѣстахъ. Особенно это было по сердцу Башкирамъ. Носились даже вѣсти, что они собираются уйти въ Киргизскую степь, отчасти вслѣдствіе непомѣрныхъ поборовъ и сильнаго притѣсненія властей, но, кажется, всего больше вслѣдствіе разоренія ихъ жилищъ во время бунта правительственными войсками [1]).

Чувствуя, должно быть, что въ губерніи творится что-то неладное, Рейнсдорпъ 19-го Ноября 1775 года разослалъ въ Уфимскую и Исетскую провинціи циркулярныя предписанія, коими, между прочимъ, спрашивалъ: „въ какихъ мысляхъ тамошняго вѣдомства Башкиры находятся и не имѣютъ ли иногда согласія и преклонности въ сообщество ворамъ-Киргизцамъ?“ [2])

Отвѣты получились, хотя противоположные этому запросу, но далеко неутѣшительные: 9-го Января 1776 года воевода Исетскій подполковникъ Лазаревъ доносилъ, что, посланный для развѣдыванія о состояніи Башкиръ Салгзаутской волости, мулла Абдулгаферъ Манауровъ сообщилъ ему о разглашеніяхъ старшины Каратабынской волости Рясула-тарханъ [3]) Иджимасова, который-де „сказывалъ ему муллѣ, что называющійся государемъ Пугачовъ не умеръ, а ушелъ-де въ числѣ двѣнадцати тысячъ вѣрныхъ въ Крымъ, а ему Расулю приказалъ въ Киризъ-Кайсацкую степь отправить посланцевъ“. При этомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, Иджимасовъ ссылался на только что прибывшаго изъ Астрахани „служилаго“ Мещеряка Хамзю Аптышева.

Конечно, по важности дѣла, оба „разглашателя“ тотчасъ же были вытребованы въ Оренбургъ; но на допросѣ (8-го Февраля) „съ довольнымъ увѣщаніемъ“ Рясуля отказался отъ своихъ словъ, обвинивъ муллу Мансурова въ ложномъ на него доносѣ, будто бы по злобѣ за то, что когда Мансуровъ хотѣлъ быть ахуномъ [4]), то онъ, Рясуля, „въ сей санъ его не удо-

---

[1]) Въ Тургайск. обл. арх. есть особое дѣло. „О намѣреніи Башкиръ уйти въ Киргизскую степь“, нач. 6 Апрѣля 1776 г., № 95.

[2]) Дѣло Тург. об. ар. за 1776 г. № 91 на 22 листахъ.

[3]) Тарханъ—дворянское или скорѣе особое служилое сословіе у Башкиръ.

[4]) Ахунъ—нѣчто въ родѣ протоіерея у магометанъ.

стоивалъ и какъ самъ *тамги* [1]) не давалъ, такъ и командѣ своей давать не велѣлъ". Показанія же Аптышева не имѣли ничего общаго съ возбужденнымъ дѣломъ. Онъ разсказалъ только, какъ осенью 1773 года, когда Самозванецъ съ своей толпой, подойдя къ Оренбургу, держалъ его въ блокадѣ [2]), то Хамзя, по наряду Исетской провинціальной канцеляріи, въ числѣ другихъ, былъ командированъ въ походъ къ крѣпости Зелаирской, но, не дойдя до нея нѣсколько верстъ, встрѣтился съ мятежной шайкой Башкировъ, „съ коими у нихъ было денно и нощно сраженіе". Хотя Мещерякамъ удалось пробраться въ крѣпость, но бунтовщики окружили ее со всѣхъ сторонъ, окончательно прекративъ подвозъ жизненныхъ припасовъ, такъ что на фуражировки приходилось посылать особыя команды. Находясь въ одной изъ такихъ командъ, въ числѣ семи человѣкъ, Аптышевъ былъ схваченъ Башкирами и препровожденъ къ самому злодѣю въ Берду, гдѣ и находился около мѣсяца, а потомъ, „испрося отъ бывшаго при Пугачовѣ атаманомъ Башкирскаго старшины Ямансара [3]) билетъ", отправился на побывку въ свою деревню Муслямову. Но какъ разъ въ это время Пугачовъ потерпѣлъ подъ Оренбургомъ пораженіе и бѣжалъ съ своими сообщниками къ Троицкой крѣпости. По дорогѣ Хамзя снова былъ захваченъ толпой бунтовщиковъ и участвовалъ съ ними при осадѣ этой крѣпости.

Послѣ пораженія и здѣсь Самозванца, Аптышевъ, направившись къ своему семейству, опять попалъ въ толпу злодѣя, который торопился къ Казани. Хамзя и тутъ участвовалъ въ разграбленіи города и въ другихъ звѣрствахъ Пугачова вплоть до окончательнаго его пораженія подъ Царицынымъ, откуда съ шестью товарищами, Татарами и Мещеряками, успѣлъ бѣжать по направленію къ Астрахани; но въ степи ихъ поймали Калмыки и привезли въ Астрахань, а отсюда бѣглецовъ, черезъ Саратовъ, отправили къ командующему Башкирскимъ войскомъ генералъ-маіору Павлу Дмитріевичу Мансурову [4]), который, прописавъ имъ приличное наказаніе плетьми, отпустилъ по домамъ.

Тѣмъ кончились допросы этихъ „разглашателей", не показавшіе ничего подозрительнаго.

Между тѣмъ, почти одновременно (15-го Января) въ той же Исетской провинціи явился новый разглашатель Челябинскій казакъ, старовѣръ Герасимъ Завьяловъ, и разсказывалъ онъ, что „бывшій злодѣй Пугачовъ былъ посланникомъ отъ государя Петра III, а самъ государь живъ и находится у Теплаго моря, гдѣ нынѣ у него войска двѣнадцать тысячъ Донскихъ ка-

---

[1]) Тамга значитъ печать. Туземцамъ Оренбургскаго края и до сихъ поръ по безграмотству предоставлено право прилагать, вмѣсто подписи, тамгу.

[2]) Мы нарочно касаемся подробностей показанія Аптышева, такъ какъ оно до нѣкоторой степени вырисовываетъ отношенія инородцевъ къ бунту и Пугачову.

[3]) Имени этого атамана-старшины, видимо игравшаго немаловажную роль при Пугачовѣ, нигдѣ не упоминается въ изслѣдованіяхъ объ этомъ мятежѣ.

[4]) Мансуровъ съ тѣмъ вмѣстѣ числился до 1781 г. помощникомъ Оренбургскаго губернатора, а потомъ (въ 1815 г.) былъ Казанскимъ губернаторомъ.

заковъ, да двѣнадцать тысячъ Калмыковъ и другихъ людей, съ которыми нынѣ онъ пошелъ къ Петербургу, а вскорѣ и къ Оренбургу, о чемъ-де извѣстить особымъ посланнымъ" [1]).

По доносу на него Сибирскому губернатору генералъ-поручику Д. И. Чичерину Тобольскимъ купцомъ Дмитріемъ Постниковымъ, котораго Завьяловъ возилъ отъ Верхнеуральска до Карагайской крѣпости, онъ былъ схваченъ и препровожденъ для разслѣдованія дѣла въ Оренбургъ. На допросахъ здѣсь онъ во всемъ повинился, и поэтому 29-го Января губернской канцеляріей отъ него была отобрана подписка, что онъ „впредъ такихъ непристойныхъ словъ, ко вредности обществу касающихся, произносить не будетъ и жить будетъ добропорядочно, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ смертной казни". Потомъ его отправили подъ конвоемъ въ Исетскую провинціальную канцелярію, гдѣ, 7-го Февраля, по предписанію Рейнсдорпа, надъ нимъ „учинено, вмѣсто кнута, нещадное наказаніе плетьми".

Но, не смотря на такія строгія мѣры наказанія для обузданія виновныхъ, въ народѣ не переставали упорно держаться всевозможные слухи о Пугачовѣ. Секретныя дѣла „о непристойныхъ словъ разглашателяхъ" не перемежались въ губернской канцеляріи въ 1776, 1777, 1778 и 1779 годахъ. Допросы, пытки, очныя ставки, „чиненіе нещаднаго битья" кнутомъ, плетьми, шпицрутенами происходили чуть не каждый мѣсяцъ. Слухи были ужъ слишкомъ дикими, доходившими до полнѣйшихъ нелѣпостей. Такъ, напримѣръ, въ Мартѣ 1776 года, на Преображенскомъ (мѣдиплавильномъ) заводѣ колл. ассес. Твердышева были схвачены двое крестьянъ этого завода Іуда Калбановъ и Ѳедоръ Кривенковъ, люди уже немолодые (первому было 57, а второму 52 года), которые распространяли въ народѣ вѣсти, что, „когда, по поимкѣ Пугачова, его привезли въ Симбирскъ къ генералъ-аншефу Панину, и послѣдній призналъ его за государя и отпустилъ, то графа Панина въ Москвѣ за сіе дѣло „господа Нарышкинъ, Салтыковъ и Шереметевъ изрубили"... „Его высочество великій князь Павелъ Петровичъ немалое время пропадалъ, но послѣ въ Петербургъ явился, а въ Москвѣ дѣйствительно повѣсили того злодѣя Пугачова, и нынѣ-де туда проѣзду и проходу нѣту"... „Прежде-де при государынѣ первыми и въ славѣ были Чернышевъ и Орловы генералы, а нынѣ-де уже Панины, Нарышкинъ и двое Шереметевы" [2]).

По слѣдствію потомъ оказалось, что крестьяне эти, во время мятежа, принимали самое дѣятельное участіе въ шайкѣ Пугачова, а Калбановъ даже былъ „поставленъ при семъ заводѣ атаманомъ".

Немного позднѣе, въ Іюлѣ того же года, нашелся еще разглашатель на Воскресенскомъ заводѣ, крестьянинъ Петръ Юринъ, который уже утверждалъ, что „Пугачовъ съ Яицкими казаками и Киргизами идетъ отъ Яицкаго городка на Оренбургъ" [3]). И подобные возмутители были не только между крестьянъ, Башкировъ и казаковъ, но даже въ войскахъ, среди солдатъ.

---

[1]) Дѣло Тург. об. ар. за 1776 г., № 92 на 33 листахъ.

[2]) Дѣло Тург. об. ар. за 1776 г., № 94, на 33 листахъ.

[3]) Тамъ же, дѣло № 99, на 18 листахъ.

Одинъ изъ такихъ разглашателей, присланный 27-го Марта 1776 года отъ Сибирскаго губернатора Чичерина, рядовой пограничнаго Озернаго батальона [1]), Анисимъ Колесниковъ, будучи въ отпуску въ слободѣ Щелкунской, Екатеринбургскаго вѣдомства, распускалъ среди своихъ сельчанъ вотъ какіе слухи. „Хотя Пугачовъ казненъ, что̀ онъ и самъ, въ бытность свою въ Москвѣ, видѣлъ; но слышно, что, вмѣсто него, есть другой, называющійся Максимъ Желѣзняковъ или просто *Желѣзо*, потому-де, что на тѣлѣ его есть знаки, которые доподлинно подтверждаютъ въ немъ государя, и что оный Желѣзо стоитъ у Чернаго моря съ немалымъ числомъ партіи и, дождавшись травъ, намѣревается идти на Россійское государство. Противъ него уже посылался одинъ полкъ, но онъ потонулъ подо льдомъ, не добравшись до него. Потомъ послано было еще два полка, но они не могли взять его". „Первымъ долгомъ, говорилъ Колесниковъ, онъ Желѣзо, по прибытіи въ Россію, всѣ въ прежнее замѣшательство разоренные крестьянскіе дома перестроитъ „на-ново" [2]).

Народъ жадно слушалъ такія рѣчи, въ чаяніи будущихъ благъ. Темный людъ все больше и больше увѣрялся, что, во время Пугачовскаго мятежа, бунтовщиками предводительствовалъ самъ Петръ III, а если и былъ пойманъ и казненъ Пугачовъ, то это было ни больше, ни меньше, какъ подставное лицо; государь же былъ спасенъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и увезенъ въ Голштинію.

Показанія (31 Марта 1779 года) мѣщанина г. Тюмени, Ивана Соколова, подтверждаютъ слухи эти. Онъ „живъ и находится съ собраннымъ своимъ войскомъ за большимъ Дономъ, подлѣ Чернаго моря и съ нимъ въ обществѣ сосланный до сего на Бѣлыя Воды четырехлѣтній перваго императора сынъ Петръ Петровичъ, да изъ воиновъ Метла Слудниковъ, и будетъ-де престолъ Петру Петровичу".... „И уже баталія съ регулярнымъ войскомъ у него была, и онъ-де множество войска побилъ, да много-много Крымскихъ Татаръ отложилось къ Петру Ѳедоровичу и, конечно, сего году Петръ Петровичъ желаемое получитъ и Петра Ѳедоровича на царство опредѣлитъ, а Петру Петровичу не быть на престолѣ, а будетъ-де при Петрѣ Ѳедоровичѣ великимъ княземъ. Такъ-де въ книгахъ старовѣрскихъ написано [3])".

Главными двигателями новаго волненія и возбужденія въ народѣ антагонизма противъ существующаго порядка были старовѣры съ своими книгами. Цѣль ихъ разглашать эти различныя были и небылицы была та, чтобы имѣть возможность руководить темнымъ людомъ, достигнуть того главенства и той силы, какую они имѣли во время правленія царевны Софьи и добиться признанія старообрядчества отдѣльнымъ отъ православія исповѣданіемъ, о чемъ мечтаютъ они и до сихъ поръ.

---

[1]) Батальонъ этотъ стоялъ въ Зелаирской крѣпости.
[2]) Дѣло Тург. обл. арх. за 1776 г., № 96, на 22 лист.
[3]) Дѣло Тург. обл. арх. за 1779 г., № 128 на 52 лист.

Тревожное состояніе народа, еще не успѣвшаго отправиться отъ Пугачовскаго погрома, и общее напряженное состояніе духа, конечно, не могли пройти незамѣченными для людей смѣтливыхъ и предпріимчивыхъ, искавшихъ гдѣ нибудь и чѣмъ нибудь поживиться. И дѣйствительно, изъ числа такихъ предпринимателей въ Поволжьѣ явился новый самозванецъ, именовавшій себя царемъ. То былъ отставной Донской казакъ Березовской станицы Максимъ Ханинъ [1]).

Къ счастію нашему, онъ выбралъ совсѣмъ неудачное время для своей дѣятельности, когда по всей Россіи власти, не занятыя, какъ въ бывшій мятежъ и во время Турецкой войны, какими либо приготовленіями для отраженія внѣшняго врага, были на сторожѣ и зорко слѣдили за движеніемъ и настроеніемъ безпокойныхъ жителей. При другихъ же благопріятныхъ тому обстоятельствахъ Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось появленіе этого самозванца.

IX.

На Узеняхъ.—Жупановъ.—Его подговоры.—Оружейниковъ съ товарищами.—Бѣгство Жупанова.—Казачка Кузнецова.—Поимка Жупанова, оказавшагося Ханинымъ, въ Царицынѣ.—Допросы и пытки.—Награда Оружейникову.—Конецъ втораго самозванца.

Всѣмъ извѣстно, что Иргизскіе лѣса были не только разсадникомъ раскольническихъ вѣроученій и мѣстомъ безконтрольнаго разврата въ прошломъ и даже настоящемъ столѣтіяхъ, но и главнѣйшимъ и, кажется, единственнымъ удобнымъ пристанищемъ для бродягъ, ссыльныхъ, каторжниковъ, бѣглыхъ вотчинныхъ крестьянъ, дезертировъ-солдатъ и грабителей-душегубовъ. Часто эти бѣглецы производили набѣги на проѣзжихъ, на обозы и совершали „смертныя убивства". Не разъ для поимки ихъ высылались вооруженныя команды изъ Оренбурга, изъ Уральска и изъ Саратова. Но переловить всѣхъ преступниковъ и уничтожить это гнѣздо грабителей не было возможности, такъ какъ на смѣну однихъ прибывали новые бѣглецы.

Скрывались тутъ и бѣжавшіе отъ кары закона преступники, жили тутъ и находили себѣ радушный пріемъ политическіе пропагандисты. Всѣхъ принимали Иргизскіе раскольники, лишь бы бѣглые были противъ Никоніанскаго правительства. Въ тиши лѣсовъ, въ глуши укромныхъ мѣстъ, далеко отъ надзора начальства можно было творить всякія дѣла, замышлять какіе угодно политическіе заговоры и предположенія.

Весной 1777 года, во время севрюжьей плавни [2]), партія Уральскихъ казаковъ: Алексѣй Оружейниковъ, Михайла Кайдановъ, Иванъ Котельни-

---

[1]) О самозванцѣ этомъ писалъ Д. Л. Мордовцевъ („Самозванцы и понизовая вольница" I, 307—326), но далеко не исчерпалъ всѣхъ о немъ данныхъ и въ заключеніе предполагаетъ, что „онъ если не умеръ подъ кнутомъ или на висѣлицѣ, то кончилъ жизнь въ Сибири". Между тѣмъ это не правда и, пользуясь данными Тург. обл. арх. (дѣло 1780 г., № 141, на 130 лист.), сообщаемъ о Ханинѣ еще свѣдѣнія въ слѣдующей главѣ.

[2]) Севрюжья плавня начинается въ Апрѣлѣ и продолжается два мѣсяца.

щевъ, Дмитрій Рукавишниковъ, Иванъ Плотниковъ, Иванъ Солдатовъ и Максимъ Подлипалинъ, отправились для рыбной ловли на рѣчкѣ Узени, въ 100 верстахъ отъ г. Уральска. Только что они расположились „станами", устроили себѣ шалаши и принялись за работу, какъ къ нимъ нежданно-негаданно явились какіе-то неизвѣстные люди, четверо мужчинъ и одна женщина. Одинъ изъ нихъ назвалъ себя отставнымъ Донскимъ казакомъ Никитой Михайловымъ Жупановымъ, а женщину показалъ своей женой; трое же другихъ, повидимому, Малороссы, не объявили своихъ фамилій.

Проведя съ казаками первый день пріѣзда, Жупановъ, дѣтина лѣтъ 40, „не высокъ собой, но коренасть", съ смуглымъ цвѣтомъ лица, длиннымъ „продолговатымъ" носомъ и темными волосами на головѣ и бородѣ, все разспрашивалъ ихъ, далеко ли до Уральскаго городка, какъ найдти дорогу туда, какъ живутъ тамъ казаки, спокойны ли теперь и можно ли по его ремеслу найти тамъ работу, такъ какъ онъ хочетъ „заняться кузнечнымъ мастерствомъ", въ удостовѣреніе чего и „необходимые для того инструменты" имъ показывалъ. Казакамъ такое „его любопытство" показалось подозрительнымъ. Поэтому, не сказавъ ему дороги на Уральскъ, они предложили ему остаться съ ними, пока не кончатъ плавню, чтобы послѣ вмѣстѣ ѣхать въ Уральскъ, „имѣя въ мысляхъ" въ теченіе этого времени узнать, что̀ это за люди, не злодѣи ли какіе-нибудь, дабы потомъ заявить начальству. Жупановъ, ничего не подозрѣвая, охотно согласился на ихъ предложеніе.

На другой день Донецъ сталъ смѣлѣе разспрашивать рыбаковъ о нравственномъ состояніи Уральцевъ, ихъ образѣ мыслей и ихъ намѣреніяхъ къ новому возмущенію. Онъ вывѣдывалъ у Оружейникова, былъ ли онъ въ мятежной шайкѣ Пугачова и долго ли. Когда же тотъ отвѣчалъ ему утвердительно, Жупановъ повѣдалъ ему, что „Емельянъ Ивановичъ и его помощникъ" Уральскій казакъ Овчинниковъ живы и находятся у его дяди „въ общинѣ" *). Отъ такого разговора у рыбаковъ мурашки побѣжали по кожѣ. Не было никакого сомнѣнія, что этотъ кузнецъ ѣхалъ въ Уральскъ съ цѣлью возмущенія. „Вотъ еще напасть то!" думали казаки, „какъ бы бѣды съ нимъ не нажить". Но они ничего ему не сказали на это, только „держали въ мысляхъ", какъ бы при случаѣ спровадить его. Благопріятный къ тому случай не замедлилъ представиться.

Не задолго передъ тѣмъ, на Сызранской дорогѣ, верстахъ въ 300-хъ отъ Уральска, „не вѣдомо какими воровскими людьми" былъ ограбленъ крестьянскій обозъ, ѣхавшій съ хлѣбомъ въ Уральскъ. Для поимки грабителей, по распоряженію Уральской войсковой канцеляріи, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, подъ начальствомъ сотника Пономарева, была послана команда изъ 40 казаковъ, и путь ихъ какъ разъ лежалъ чрезъ Узени.

Когда отрядъ этотъ дошелъ до стоянки рыбаковъ, Оружейниковъ немедленно заявилъ Пономареву о Жупановѣ и его товарищахъ и разсказалъ ему, какія они говорятъ „непристойныя рѣчи". Сотникъ тотчасъ же арестовалъ возмутителей и при донесеніи, подъ конвоемъ, отправилъ ихъ въ

*) Надо понимать: въ Иргизскихъ монастыряхъ.

Уральскъ. Но тамъ войсковая канцелярія не обратила должнаго вниманія на поступки Жупанова. Допросивъ только ихъ [1]) и, видимо, не признавъ ихъ виновными, она, не дождавшись ни Пономарева, приславшаго преступниковъ, ни Оружейникова [2]) и его товарищей, которые могли бы подтвердить ихъ виновность, безъ всякой уважительной причины, освободила ихъ изъ подъ стражи и отдала на поруки такимъ людямъ, которые сами не разъ были замѣчены въ распространеніи возмущеній, не донеся даже объ этомъ главному начальнику края, генералу Рейнсдорпу. Преступники, конечно, воспользовались данной имъ свободой и, при помощи поручителей, въ одну изъ темныхъ ночей, 29-го Сентября, скрылись изъ Уральска, оставивъ тамъ жену Жупанова, которая впослѣдствіи оказалась женой казака Дубовскаго войска, Средней станицы, Марѳой Савельевой Кузнецовой, съ Жупановымъ же сошлась на Дону въ Березовской станицѣ съ 1776 года. По удостовѣреніи ея личности, чрезъ Самарскаго жителя Ивана Турнипа, она была отправлена въ мѣсто своего жительства, и тѣмъ дѣло о Жупановѣ закончилось. Уральская войсковая канцелярія не сочла нужнымъ производить розыски бѣжавшихъ преступниковъ.

Прошло года три послѣ этого. Случай съ Жупановымъ, многимъ неизвѣстный, скоро забылся; какъ вдругъ, въ Апрѣлѣ 1780 года, Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ получаетъ изъ Саратова отъ Астраханскаго губернатора Якоби [3]) секретное отношеніе, въ которомъ Якоби писалъ, что въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи „въ Царицынской округѣ, въ оставшихся послѣ Волгскаго войска селеніяхъ, пойманъ отставной Донской казакъ Максимъ Анисимовъ Ханинъ, который дерзнулъ принять на себя титулъ великаго государя Петра Ѳедоровича и именоваться его именемъ, и хотя зла сего не успѣлъ еще распространить, однако-жъ, мало по малу началъ было къ себѣ пріобщать сообщниковъ, коихъ набралось не болѣе десяти человѣкъ“ [4]).

На спросахъ самозванецъ этотъ показалъ, что „онъ въ прошломъ 1779 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, по бытности его въ Самарѣ, увидѣлся съ бывшимъ въ прошедшее неустройство въ злодѣйской толпѣ Уральскимъ ка-

---

[1]) На допросѣ трое Малороссовъ назвали себя жителями Волжскаго войска, казачьей слободы Андреевки (или Кленовки), Саратовскаго уѣзда, одинъ Никифоромъ Богатенко, другой—Андреемъ Волошенко и третій—Антономъ Шепченко.

[2]) Здѣсь необходимо добавить, что Оружейниковъ, какъ знавшій всѣ укромныя мѣста по Иргизу, былъ взятъ Пономаревымъ съ собой на развѣдку и пробылъ съ нимъ четыре мѣсяца. На рѣчкѣ Ерусланѣ казаки захватили партію бѣглыхъ въ 8 человѣкъ, изъ коихъ 3-е были пѣхотными солдатами, 2-е гусаръ, 2-е ссыльныхъ и одинъ Малороссъ-казакъ или Запорожецъ, какъ ихъ тогда называли.

[3]) Судя по дѣлу (Тур. обл. арх. № 141), г. Саратовъ и Саратовскій уѣздъ входили въ то время въ составъ Астраханской губерніи, съ центромъ управленія въ гор. Саратовѣ. Генералъ - поручикъ Иванъ Варѳоломеевичъ Якоби впослѣдствіи, съ 1782 по 1784 г., управлялъ Оренбургскимъ краемъ, когда послѣдній подъ именемъ Уфимскаго намѣстничества входилъ въ составъ Симбирскаго и Уфимскаго генералъ-губернаторства.

[4]) Изъ письма Якоби къ Рейнсдорпу отъ 19 Апрѣля 1780 года.

закомъ Алексѣемъ Оружейниковымъ, который подзывалъ его къ уходу къ Запорожцамъ, объявя, что въ стоящемъ на Уралѣ по квартирамъ полку (а какого подлинно, не знаетъ), кромѣ полковника и маіора, всѣ офицеры и нижніе чины, да изъ Уральскихъ казаковъ человѣкъ до тридцати и болѣе, склонны на возмущеніе и къ бунту"; сверхъ того „сговорили двухъ живущихъ въ томъ Уральскѣ Запорожцевъ Савелія и Василія, и всѣ они „согласились идти силою въ городъ Москву и самый Петербургъ съ тайнымъ злодѣйствомъ противъ высочайшей персоны".

Вслѣдствіе этого отъ Якоби было предписано коменданту г. Самары маіору Молоствову „найстрожайше подъ секретомъ", дабы ничего не было извѣстно самимъ Уральцамъ, дознать подробнѣе о казакѣ Оружейниковѣ и, розыскавъ его, представить для очной ставки съ преступникомъ въ Саратовъ. Но такъ какъ Оружейниковъ былъ житель Урала, то его и не нашли въ Самарѣ. Поэтому Якоби адресовался къ Рейнсдорпу, а послѣдній, вытребовавъ въ Оренбургъ предсѣдателя Уральской войсковой канцеляріи маіора Донскова, далъ ему особую инструкцію для розыска Оружейникова и упоминаемыхъ Запорожцевъ.

Какъ разъ въ это время на Уралѣ производилась весенняя плавня, на которой находились всѣ казаки. Донсковъ прямо направился туда и 2-го Мая, настигнувъ казаковъ въ 350 верстахъ отъ Уральска у крѣп. Кулагиной, „непримѣтнымъ образомъ", якобы для указанія нужныхъ мѣстъ на рѣчкахъ Узеняхъ, взялъ Оружейникова, заковалъ его въ кандалы и отправилъ въ Оренбургъ.

Снова начались допросы. Оружейниковъ, ничего не утаивая, разсказалъ всѣ подробности предыдущаго случая съ Жупановымъ и потворство ему Уральской войсковой канцеляріи. Снова полетѣли на Уралъ гонцы. Рейнсдорпъ притянулъ къ отвѣту и войсковаго атамана полковника Акутина, и предсѣдательствующаго Донскова, и засѣдающаго въ войсковой канцеляріи войсковаго старшину Назарова. Вытребованъ былъ изъ Уральска и только что произведенный въ есаулы сотникъ Пономаревъ, захватившій Жупанова, по указанію Оружейникова, вытребовано и самое дѣло о Жупановѣ; но въ немъ ничего возмутительнаго не нашлось, и большинство бумагъ оказались написанными заднимъ числомъ. Гнѣву Рейнсдорпа не было границъ, но какимъ-то образомъ Уральское начальство успѣло оправдаться и, кромѣ выговора, не понесло никакого наказанія. Оружейникова же подъ конвоемъ трехъ солдатъ на обывательскихъ подводахъ препроводили въ Саратовъ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ другимъ свидѣтелемъ, Донскимъ казакомъ Устьмедвѣдицкой станицы, Иваномъ Даниловымъ, призналъ въ Ханинѣ того самаго самозванца, который три года тому назадъ рыскалъ по Узенямъ подъ фамиліей Жупанова. Такъ какъ показанія Оружейникова подтвердились еще опросами бывшихъ съ нимъ на рыболовствѣ товарищей и есаула Пономарева, доказывавшихъ неосновательность возведенныхъ на него Ханинымъ обвиненій, то онъ отъ слѣдствія былъ освобожденъ и отправленъ на Уралъ, съ награжденіемъ его (по настоянію

Якоби) за долговременное напрасное содержаніе подъ карауломъ, тридцатью рублями. Ханинъ же за поступокъ свой, „по учиненіи надъ нимъ мѣры наказанія", въ Августѣ того же 1780 года, отосланъ былъ по мѣсту своего жительства (т. е. на Донъ) подъ строжайшій надзоръ...

Такъ кончилась попытка снова возмутить Уралъ.

X.

Рубцовскій бунтъ.—Крутыя мѣры наказанія.—Ссыльные въ Оренбургскую губернію.— Приписка ихъ дѣтей въ казачье сословіе Оренбургскаго войска.

О Рубцовскомъ бунтѣ на Дону, какъ мнѣ помнится, у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ исторической литературѣ. А между тѣмъ, по важности дѣла, его слѣдуетъ занести на страницы исторіи и, пожалуй, даже причислить къ „отголоскамъ" Пугачовщины, такъ какъ онъ произошелъ вскорѣ послѣ этой эпохи, когда сѣмена мятежнаго движенія еще не заглохли въ казакахъ на Уралѣ, Волгѣ и отчасти на Дону. Дѣло, судя по имѣющимся у насъ даннымъ, происходило такимъ образомъ.

Русское правительство, желая упрочить свое вліяніе на Кавказѣ и удержать хищническіе набѣги горцевъ, рѣшило въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія переселить нѣсколько семей Донцовъ на передовую Кавказскую линію, надѣливъ ихъ, конечно, всѣмъ, что̀ требовалось для заведенія хозяйства на новомъ мѣстѣ и всѣми запасами для отраженія непріятельскихъ набѣговъ. Но это распоряженіе правительства не понравилось нѣкоторымъ. Упорство и явное неповиновеніе властямъ дошли до того, что пять станицъ, а именно Есаулинская, Кобылянская, Нижнечирская, Верхнечирская и Пятіизбянская, взбунтовались окончательно и готовы были съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою независимость. Главнымъ руководителемъ бунта явился есаулъ Иванъ Рубцовъ. Онъ подговаривалъ Донцовъ вооружаться поголовно и идти къ городу Черкаску, чтобы сначала перевѣшать всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ, разграбить все ихъ имущество, а потомъ, отложившись отъ Россіи, возстановить на Дону свое казачье управленіе. Что̀ будетъ, то и будетъ, братцы, говорилъ онъ, а ужъ мы постоимъ за себя. Коли неудача будетъ, махнемъ на Дунай къ Некрасовцамъ. Турки насъ съ честью примутъ. Ничего, что басурманская земля!

Но предположеніямъ Рубцова не посчастливилось сбыться. Не всѣ казаки откликнулись на его зовъ. У многихъ еще нашлось благоразуміе остаться въ сторонѣ отъ заманчивой затѣи. Между тѣмъ, власти предприняли рѣшительныя мѣры и не только не допустили выступившихъ уже бунтовщиковъ до Черкаска, но вскорѣ разстроили возстаніе, захвативъ главныхъ виновниковъ возмущенія, которые и были заключены подъ стражу. Начались допросы, пытки и слѣдствіе, которое въ концѣ 1794 года поступило на разсмотрѣніе Военной Коллегіи, а затѣмъ Императрицы.

Государыня, снисходя къ поступкамъ своихъ подданныхъ, содѣявшихъ преступленіе не по разуму, вмѣсто наказанія за измѣну смертію, какъ тре-

бовали того нѣкоторые пункты „воинскихъ артикуловъ“, 20-го Іюня 1795 года, „за собственноручнымъ подписаніемъ“, дала такой указъ Военной Коллегіи: 1) „Есаула Ивана Рубцова, яко перваго начинщика возмущенія, простиравшаго за преступныя предпріятія къ явному бунту и измѣнѣ, высѣчь кнутомъ и вырѣзать ноздри и, поставя на лицо знаки, сослать вѣчно въ каторжную работу. 2) Изъ главныхъ его сообщниковъ, въ числѣ *ста сорока шести* человѣкъ состоящихъ, которые во всѣхъ дѣяніяхъ и намѣреніяхъ Рубцова согласны съ нимъ были и ему во оныхъ способствовали, выбравъ по жребію изъ пяти бунтовавшихъ станицъ по одному старшинѣ, высѣчь ихъ кнутомъ и сослать въ ссылку, по два человѣка послать въ крѣпостныя работы на десять лѣтъ, десятаго человѣка сослать лишь въ Сибирь, а остальныхъ выслать на поселеніе на Оренбургскую линію, притомъ есауловъ, сотниковъ, хорунжихъ и прочихъ урядниковъ лишить старшинскихъ ихъ званій. 3) Изъ числа *двухсотъ пятидесяти пяти* старшинъ и казаковъ, угрозами есаула Рубцова и его сообщниковъ къ согласію съ ними приступившихъ и равное неповиновеніе и препирательство оказавшихъ, десятаго по жребію сослать на поселеніе на туже Оренбургскую линію. 4) Всѣхъ прочихъ, какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ старшихъ и казаковъ, вмѣня имъ въ наказаніе долговременное подъ стражею содержаніе, всемилостивѣйше прощаемъ. Таковое же прощеніе относится и изъ виновныхъ на всѣхъ тѣхъ, кои болѣе тридцати лѣтъ намъ служили и раны въ трехъ послѣднихъ войнахъ получили. Равномѣрно жъ и тѣ, которые при усмиреніи или при изслѣдованіи паче чаянія наказаны были, отъ вторичнаго наказанія уже освобождаются. 5) Царицынскаго гарнизона сержанта Петра Лобова и города Черкаска казака Андрея Жмурина сослать въ Сибирь на поселеніе. 6) Царицынскаго купца Алексѣя Татаркина, вмѣня ему въ наказаніе долговременное заключеніе въ оковахъ, изъ оныхъ освободить и отпустить въ домъ его“.

По указу этому Военная Коллегія, съ предсѣдательствующимъ „въ оной господиномъ генералъ-аншефомъ графомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ“, предписала какъ предсѣдателю военнаго суда надъ этими преступниками генералъ-маіору князю Щербатову, такъ и Донскому войсковому гражданскому начальству: 1) „Назначить для экзекуціи время и къ этому времени всѣ нужныя распоряженія приготовить, князю Щербатову относительно воинской команды, а гражданскому правительству относительно частей, до вѣдомства его принадлежащихъ. 2) Быть при экзекуціи членамъ, воинскій судъ составляющимъ, и двумъ, тремъ или сколькимъ возможно членамъ изъ первыхъ въ войсковомъ *) гражданскомъ правительствѣ засѣдающимъ, тоже чиновникамъ и казакамъ, ежели возможность позволитъ, хотя по три изъ каждой вообще Донскихъ станицъ. 3) Надъ есауломъ Рубцовымъ экзекуцію произвесть въ станицѣ Есаулинской, такъ какъ она главнымъ у мятежниковъ сборнымъ мѣстомъ была. 4) По второму и третьему

*) Войска Донскаго.

пунктамъ указа жребій кинуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ сіи преступники нынѣ содержатся, и кому изъ нихъ предлежать будетъ наказаніе кнутомъ, тѣмъ оное произвесть каждому въ той изъ пяти упорствующихъ станицъ, въ коей кто свое жительство имѣетъ, и потомъ сослать въ Нерчинскъ въ ссылку тѣхъ, коимъ по жребью достанется въ крѣпостныя работы, сослать въ крѣпости на Сибирской линіи, а затѣмъ по второму пункту всѣхъ остальныхъ и по третьему десятый по жеребью, выслать на поселеніе на Оренбургскую линію".

На долю Оренбургской губерніи пришлось 143 преступника съ ихъ семьями, которые въ началѣ 1796 года и прибыли въ Оренбургъ, за исключеніемъ есаула Тараса Дербенцова и дочери сотника Дмитрія Махина Прасковьи, умершихъ во время слѣдованія и затѣмъ еще оставшихся за болѣзнію на Дону въ ст. Кобылянской—одной женщины, въ Нижнечирской—трехъ и Пятіизбянской—восьми.

Казаки эти были разосланы по крѣпостямъ и казачьимъ станицамъ по преимуществу на новой Оренбургской линіи (что нынѣ 3-я и часть 2-го военнаго отдѣловъ Оренбургскаго войска) и зачислены въ „подушной окладъ", но потомъ по ходатайству ихъ, по силѣ Сенатскаго указа отъ 7-го Декабря 1748 года [1]), они были перечислены въ Оренбургскіе казаки.

Для прочнаго обзаведенія хозяйствомъ и домами имъ дана была отъ службы льгота на два года и отведена земля для хлѣбопашества и сѣнокошенія на равномъ пользованіи съ прочими коренными жителями. По прошествіи же этихъ лѣтъ они уже обязаны были нести такую же службу, какую отправляли Оренбургскіе казаки, но только въ тѣхъ крѣпостяхъ, гдѣ они жили и подъ строгимъ надзоромъ комендантовъ этихъ крѣпостей. Дѣти же ихъ считались уже безусловно Оренбургскими казаками.

Впослѣдствіи нѣкоторыя мѣста, отведенныя для поселенія ссыльныхъ Донцовъ, оказались неудобными, такъ что, „вслѣдствіе неурожая хлѣба и овощей, они пришли въ крайнее разореніе, что по старости лѣтъ пропитывать себя находились не въ силахъ, а дѣти пришли не въ состояніе отправлять службу Его Императорскаго Величества" и поэтому часть Донцовъ, поселенныхъ въ г. Верхнеуральскѣ, въ Октябрѣ 1800 года, просила Оренбургскаго военнаго губернатора генералъ-маіора Бахметева [2]) дать имъ болѣе удобное для хлѣбопашества мѣсто, указывая при этомъ на станицу Разсыпную, близъ Оренбурга.

Бахметевъ внялъ ихъ слезной жалобѣ и 8-го Марта 1801 года предписалъ Оренбургской войсковой канцеляріи перевести въ Разсыпную 44 человѣка сосланныхъ Донцовъ.

П. Юдинъ.

---

[1]) Указъ этотъ приведенъ въ статьѣ моей „Съ Дона на Уралъ" („Орен. Губ. Вѣд." за 1890 г. № 43).

[2]) Николай Николаевичъ Бахметевъ правилъ Оренбургскимъ краемъ съ 1799 г. по 1803 годъ.

ТРИ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ЕВДОКИМУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ЩЕРБИНИНУ.

Измайловскаго полка секундъ-майоръ Е. А. Щербининъ, по окончаніи празднествъ коронаціи въ 1762 году, съ двумя капитанами гвардіи и однимъ поручикомъ, посланъ былъ „для разбиранія Слободскихъ полковъ разоренія". Слободскіе депутаты подавали Государынѣ прошеніе о прекращеніи „народныхъ изнеможеній". Въ указѣ Е. А. Щербинину отъ 11 Марта 1763 года (напечатанномъ въ книгѣ г. Головинскаго „Слободско-казачьи полки", Спб. 1865) сказано: „Особо же порученная вамъ коммиссія по Слободскимъ полкамъ, ежели по собраннымъ вѣдомостямъ и дополненіямъ заведетъ васъ въ дальнѣйшее слѣдствіе, то собравъ обстоятельства, чѣмъ и отъ кого казаки-обыватели тягость чувствуютъ и какому установленію къ пресѣченію того быть должно, представить намъ: равно, гдѣ по онымъ Слободскимъ полкамъ непорядокъ усмотрите, къ отвращенію средства и къ сысканію нашего интереса способовъ къ увѣдомленію нашему употребить не оставьте". Отчетомъ Щербинина рѣшено было окончательное преобразованіе Слободскихъ полковъ.

Депутатъ отъ Пскова въ Коммиссіи о сочиненіи Новаго Уложенія, Е. А. Щербининъ управлялъ Слободскою губерніей, велъ переговоры съ Татарами, пожалованъ генералъ-поручикомъ 18 Іюля 1771 года за вѣсть о взятіи Керчи и Еникале, умеръ сенаторомъ, въ 1783 году. Сынъ его былъ женатъ на княжнѣ Настасьѣ Михайловнѣ Дашковой, а дочь, Елена Евдокимовна, была матерью партизана Д. В. Давыдова.

„Мы восприняли Всероссійскій престолъ не на собственное удовольствіе, но на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ намъ отечествѣ", писала Екатерина и на пятый же день по восшествіи на престолъ заявила въ Сенатѣ, что у нея личныя средства принадлежатъ государству и изъ „своихъ суммъ" велѣла оказать помощь погорѣвшимъ еще годъ тому назадъ владѣльцамъ пеньковыхъ амбаровъ, затѣмъ 18 Іюля 1762 г. обнародовала манифестъ „о скверномъ лакомствѣ и лихоимствѣ". Въ немъ говорилось: „Не сисканіе высокаго имени обладательницы Россійской, не пріобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ намъ можно обогатиться; не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видѣли, желаніе, понудили насъ принять сіе бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченія подъемлемъ для славы и обогащенія народа нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества нашего сколь трудно бы было намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало нашему желанію и столь притомъ огорчительно, когда мзда и корысть оными обладаютъ въ сердцахъ таковыхъ злонравныхъ, которые, забывъ многіе предковъ нашихъ блаженной и вѣчно достойной

памяти государей, а особливо дѣда нашего вселюбезнѣйшаго Государя и Императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судей недостойно, а лихоимцевъ праведно имя носятъ, и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздоимствомъ, льстя себя надеждой, что все, что они ни дѣлаютъ по *лакомству*, прикрыто будетъ добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ, а сердцевѣдца Бога не памятуютъ, судію Всевышняго, Который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными, и насъ самихъ, яко законоположительницу, наконецъ, побудитъ на гнѣвъ и отмщеніе". Ссылка въ Сибирь Новгородской губ. канцеляріи регистрата Якова Рембера за взяточничество показала, что манифестъ не останется только на бумагѣ. Безпорядки въ слободскихъ полкахъ заставили Екатерину образовать особую коммиссію для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, куда и назначенъ былъ Е. А. Щербининъ. Въ Ноябрѣ послѣдовалъ слѣдующій указъ Сенату: „Секундъ-маіора одного Измайловскаго полка Щербинина и кого онъ выберетъ двухъ капитановъ гвардіи и поручика, послать для разбиранія Слободскихъ полковъ разоренія и прочаго о тѣхъ дѣлъ разоренія".

I.

Евдокимъ Алексѣевичъ. Ваше письмо я съ крайнимъ удивленіемъ читала, и хотя нѣсколько то до моихъ ушей и доходило прежде, однако не уповаю я увидѣть толь особливаго рода непорядокъ и лакомства: ибо никто еще, кажется мнѣ, не слыхалъ до этого, чтобы поборы напрасные сбирались, а надлежащіе въ казну въ недоимкѣ запущены были. Но при всемъ томъ я на прилежность, усердіе и разумъ вашъ надѣясь, думаю, что вы потщитесь, проникнувъ во всѣ ихъ хитрости, отвратить и на будущія времена такія похищенія, которыя теперь возвращать стараетесь. А я съ особливымъ благоволеніемъ, распорядкомъ вашимъ будучи довольна, уповаю, что такое распоряженіе купно съ радѣніемъ вашимъ возвратитъ сколько возможно въ казну похищенное. Пребываю вамъ доброжелательная Екатерина.

Маія 19 дня 1763 года.
Изъ Троицкой Лавры.

(Все письмо собственноручное).

II.

Евдокимъ Алексѣевичъ. Изъ письма вашего съ удовольствіемъ видѣла я, коль всѣ ваши учрежденіи похвальны и что успѣхи въ сборѣ положенныхъ податей и тишина въ той странѣ соотвѣтствуютъ во всемъ нашимъ намѣреніямъ. Начинщика непослушаній Изюмскаго полку слободы Андреевскія сапожника здѣсь искать отъ меня приказано, и какъ скоро онъ явится, такъ скоро подъ караулъ посаженъ будетъ. Что же до перехода съ мѣста на мѣсто жителей касается, то хотя принятыми отъ васъ предосторожностями оное въ нынѣшнемъ году отвращено не было; однако я уповаю, что когда Малороссія въ порядокъ

приведется, то и переходы жителей сами по себѣ пресѣкутся. Впрочемъ я есмь вамъ доброжелательная Екатерина.

Въ 4-й день Апрѣля 1766 года.
Въ Санктъ-Петербургѣ.

(Лишь подпись собственноручная).

III.

Божіей милостію мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссійская и пр. и пр.

Нашему генералъ-поручику Щербинину.

Совершеніе негоціацій съ ханомъ Крымскимъ и правительствомъ есть новое подтвержденіе нашего всегда бывшаго удостовѣренія о вашихъ способностяхъ и усердіи къ намъ и къ нашей имперіи. Мы, входя во всѣ обстоятельства, съ какими оная негоціація производима была, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ отдаемъ справедливость тщанію, трудамъ и подвигамъ вашимъ при томъ оказаннымъ, чѣмъ непреодолѣннѣе казались быть тѣ препятствія, кои съ вами непрестанно встрѣчались, и толь охотнѣе усугубляемъ и наше къ вамъ всемилостивѣйшее благоволеніе, чѣмъ и самое къ нашимъ видамъ Татаръ счастливое обращеніе было слѣдствіемъ употребленныхъ вами мѣръ и способовъ, по пристойности времени и случаевъ между тѣмъ происходившихъ.

Теперь же, когда мы такимъ образомъ видѣвъ нынѣ довольные вашего искусства и трудолюбія опыты въ управленіи почти несообразимыми Нагайскими Татарами, имѣемъ уже и толь паче несумнительныя свидѣтельства о достаткѣ предусмотрѣнія вашего и заботы къ сохраненію и удержанію и Крымскаго правительства въ распоряженіи свойственномъ съ учиненнымъ съ онымъ чрезъ васъ самихъ договоромъ: то по сему нашему преимущественному къ вамъ надѣянію мы всемилостивѣйше соизволяемъ, чтобы до времени и пока дѣла съ Крымскимъ полуостровомъ нѣкоторое точное распоряженіе получать и по выѣздѣ вашемъ изъ сего полуострова, гдѣ бы вы ни находились, были однакожъ оныя въ вашемъ вѣдомствѣ и управленіи, равно какъ и Ногайскія въ вашемъ же производствѣ состоятъ. Почему симъ вамъ и препоручаемъ оставляемаго при ханѣ Крымскомъ резидента *) всегда руководствовать вашими наставленіями, какъ основанными на пріобрѣтенныхъ вами свѣдѣніяхъ и испытаніяхъ локальныхъ о всемъ тамошнемъ состояніи, и для того и быть съ нимъ въ перепискѣ непрестанной.

Екатерина.

29-го Декабря 1772 года.

(Лишь подпись собственноручная).

*) П. П. Божидаровичъ-Веселитскій былъ резидентомъ при Крымскомъ ханѣ въ 1772—1775 годахъ.

*

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, принадлежащихъ П. И. Щукину, прекрасный Музей котораго, посвященный собиранію преимущественно Русскихъ старинныхъ предметовъ, не перестаетъ обогащаться достопримѣчательностями, портретами, старопечатными книгами и цѣнными рукописными матеріалами. Нелишнимъ будетъ указаніе на то, что владѣлецъ Музея пріобрѣлъ недавно прекрасное собраніе рѣдкихъ Русскихъ гравированныхъ портретовъ, среди которыхъ находится напр. гравиранный портретъ знаменитаго Виніуса. Въ Щукинскомъ Музеѣ хранится также и рѣдкая гравюра, изображающая нашу пасхальную заутреню 10 Апрѣля 1814 года, на Парижской площади Согласія. П. Б.

ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ.

Monsieur mon frère. J'ai appris avec plaisir la célébration du mariage de son altesse royale le prince Gustave, fils ainé de votre majesté, avec son altesse royale madame la princesse Sophie Madelaice de Dannemarc. Un cavalier de ma cour que j'envoye féliciter votre majesté sur cet événement lui témoignera plus particulièrement la joye qu'il m'a causé. Je me contente au départ du comte de Gyllenborg, dont la conduite ici a mérité mon approbation, de lui renouveller les assurances des sentimens de parfaite estime et d'amitié avec lesquels je suis, monsieur mon frère, de votre majesté la bonne soeur et voisine Caterine.

St.-Pétersbourg ce 31 Janvier 1767
à sa maj-té le Roy de Suède.

Списано съ своеручнаго подлинника, находящагося въ Упсальской Университетской библіотекѣ и любезно сообщено въ „Русскій Архивъ" П. И. Щукинымъ. П. Б.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА.

Читатели „Русскаго Архива“ (см. вып. 3-й сего года, стр. 327) уже знакомы отчасти съ графомъ Н. П. Шереметевымъ. Въ архивѣ его внука, графа Сергія Дмитріевича, съ *1789* по *1808* годъ сохранились копіи съ партикулярныхъ писемъ его. Это полуофиціальная часть переписки, переписанная различными почерками. За то же время сохранились „Книги повелѣній“, въ которыхъ записаны его хозяйственныя распоряженія. Наконецъ, третій отдѣлъ его бумагъ составляетъ частная переписка, сохранившаяся въ подлинникахъ.

Въ виду приближающагося столѣтняго юбилея основаннаго имъ Странноприіимнаго Дома въ Москвѣ (1809 — 1909) предполагается собраніе матеріаловъ для его біографическаго очерка. Въ виду сего предпринято постепенное обнародованіе той части его переписки, которая можетъ представлять нѣкоторый интересъ въ бытовомъ отношеніи.

„Дитя XVIII-го вѣка“, графъ Н. П. Шереметевъ оставался вполнѣ Русскимъ человѣкомъ, вѣрнымъ преданіямъ своего рода. Личность его всего ярче обрисовывается въ завѣщательномъ письмѣ его къ сыну. „Домъ родителя моего, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, отличался отъ многихъ“. Быть можетъ, этимъ отличіемъ объясняются недоброжелательные отзывы нѣкоторыхъ современниковъ. Но у графа Н. П. Шереметева были и вѣрные друзья, какъ князь А. Б. Куракинъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ учился въ Лейденскомъ университетѣ, князь А. П. Щербатовъ, В. С. Шереметевъ, д-ръ Фрёзе, герцогъ Серра-Капріола, Ростовскій гробовой монахъ Амфилохій и др. Самъ онъ въ образѣ жизни, во взглядахъ и дѣятельности своей тоже „отличался отъ многихъ“, и крестьяне его въ особенности могли оцѣнить это отличіе. Своею самобытностью, своими человѣколюбивыми стремленіями, любовью къ искусствамъ, онъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Не задолго передъ тѣмъ, какъ началась нижеслѣдующая переписка его съ разными лицами, скончался (30 Ноября 1788) отецъ его оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичъ, оставившій ему великое и благоустроенное богатство.

*

Письмо князя Потемкина.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Имѣю я нужду въ Русскомъ поварѣ. Ваше сіятельство много меня одолжить изволите, приславъ одного изъ вашихъ на время походу; покорно васъ о томъ прошу и увѣряю объ отличномъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть вашего сіятельства, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою князь Потемкинъ-Таврической.

Сентября 4 дня 1789.

Главная квартира при Дубосарахъ Новыхъ.

Отвѣтъ графа Н. П. Шереметева.

Свѣтлѣйшій князь милостивый государь.

Будучи удостоенъ почтеннѣйшимъ вашей свѣтлости письмомъ, за счастіе себѣ поставляю отличить хотя малѣйшій опытъ внѣшней моей къ вашей свѣтлости преданности и по таковымъ чувствіямъ моимъ и желаніямъ угодить вашей свѣтлости съ присланнымъ курьеромъ отправилъ лучшаго изо всѣхъ моихъ Русскихъ поваровъ, съ коимъ и фрукты осмѣливаюсь препроводить. Счастливѣйшимъ былъ бы и болѣе еще, если я смогу въ чемъ доказать вашей свѣтлости, съ коимъ глубочайшимъ почтеніемъ и непоколебимѣйшею преданностью по жизнь мою остаюсь, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, в. с. всепокорнѣйшій и всеусерднѣйшій слуга графъ Николай Шереметевъ.

Сентября 16 дня 1789.

Отъ В. П. Шереметева.

Милостивый государь Николай Петровичъ.

Имѣвъ счастіе испытать къ себѣ милости ваши и будучи въ той надеждѣ, почелъ за долгъ донести в. с. о произведеніи меня въ прапорщики; прося при томъ о продолженіи оныхъ, стараюся часъ отъ часу быть оныхъ достойнѣе, какъ моею признательностью и тѣмъ глубокимъ почтеніемъ, съ которымъ за отмѣнное почту счастіе всегда называться в. с. м. гос. покорнѣйшимъ слугою Василій Шереметевъ.

Сентября 13 дня 1789. С.-Пб.

Отъ О. П. Козодавлева.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Небезъизвѣстно в. с., что родственникъ вашъ, а мой свойственникъ, Василій Петровичъ Шереметевъ весьма отличилъ себя въ сраженіи морскомъ 13-го Августа противу Шведскаго галернаго флота. Онъ пожалованъ за сіе дѣло гвардіи офицеромъ и медалью. Домашнія обстоятельства его, думаю, вамъ также извѣстны, какъ и храбрые поступки его и хорошее поведеніе, обращающіе милостивое на себя вниманіе его родственниковъ. Отецъ его, Петръ Владимировичъ, даетъ ему только по сту рублей на годъ; сею суммою не только онъ не въ состояніи себя содержать, но не въ силахъ и одѣть себя, какъ офицеру прилично. Отецъ его не только ему ничего не присылаетъ, но къ нему ничего и не пишетъ; словомъ, онъ оставленъ, яко сирота, не имѣющій ни отца, ни роду, ни племени. По преданности моей къ вашему роду и по связи съ Васильемъ Петровичемъ я за нужное почелъ в. с. о семъ донести; надѣюсь, что вы подвигнете Петра Влади-

мировича, котораго я нимало не знаю, къ поправленію состоянія своего сына и къ отвращенію непріятностей, могущихъ произойти вашему роду отъ совершенной нищеты Василія Петровича. Впрочемъ Василій Петровичъ такъ скроменъ и къ родителю своему такъ почтителенъ, что меня просилъ, чтобъ я никому о его печальныхъ обстоятельствахъ не сказывалъ. Надѣюсь, что в. с. благосклонно принять изволите сіе мое письмо, яко знакъ моей къ вамъ преданности и совершеннаго почтенія, съ каковыми я навсегда пребываю, милостивый государь, в. с. всепокорнѣйшимъ слугою Осипъ Козодавлевъ.

Октября 27 дня 1789. С.-Пб.

Василій Петровичъ Шереметевъ, сынъ гвардіи капитана-поручика Петра Владиміровича и княжны Татьяны Сергѣевны Голицыной (родной тетки князя А. Н. Голицына), мужъ Надежды Николаевны Шереметевой, урожд. Тютчевой, убитъ лошадьми въ с. Покровскомъ и похороненъ въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ, въ семейномъ склепѣ Шереметевыхъ; на могилѣ его надпись: „Съ тобою вмѣстѣ душа моя. Н. Ш.“ Подъ тѣмъ же камнемъ и могила Надежды Николаевны.

Отъ директора Дворцовой Капеллы М. Ѳ. Полторацкаго.

Сіятельный графъ, милостивый государь.

Прибѣгая къ в. с. съ моею покорнѣйшею просьбой, лаская себя надеждой и быть предъ вами оправданный въ томъ, чтобы я не осмѣлился утруждать васъ, еслибы не всегда въ памяти своей имѣлъ отличныя в. с. и покойныхъ родителей къ себѣ милости и не увѣренъ бы былъ возбудить къ себѣ в. с. расположеніе оказывать добро другимъ. Мнѣ предстоитъ надобность въ домѣ для свадьбы старшаго моего сына, на дочери покойнаго полковника Хлѣбникова сговореннаго *). Не можно ли для сего дѣла, дозвольте занять на двѣ недѣли в. с. домъ? Сія милость запечатлѣетъ на вѣки въ памяти моей, всѣмъ моимъ семействомъ восчувствуется отмѣннымъ образомъ. Склонитесь, милостивый государь, исполнить мою просьбу и будьте удостовѣрены, что благодарность моя будетъ безпредѣльна. Впрочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь пребыть, в. с. м. г. м., всепокорнѣйшій слуга Маркъ Полторацкій.

Спб. Августа 6-го дня 1790.

---

*) Дмитрій Марковичъ Полторацкій—отецъ извѣстнаго библіофила Сергѣя Дмитріевича. П. Б.

Къ графу А. Я. Брюсу.

Милостивый государь графъ Яковъ Александровичъ.

Вашему сіятельству довольно извѣстна опека надъ имѣніемъ сестры моей Варвары Петровны Разумовской, которая началась по условію покойнаго родителя моего съ гр. Алексѣемъ Кириловичемъ, при коемъ посредникъ былъ главнокомандующій тогда въ Москвѣ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. По сему условію избраны были опекуны для правленія имѣніемъ сестры моей и для заплаты значущихъ долговъ: его сіятельство оберъ-камергеръ кн. Алекс. Мих. Голицынъ и колежскій совѣтникъ Василій Владимировичъ Шереметевъ. Все сіе извѣстно было Ея Императорскому Величеству чрезъ графа Захара Григорьевича, и когда сіе условіе было подписано покойнымъ родителемъ моимъ и графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ съ утвержденіемъ посредническаго подписанія, тогда покойный графъ Захаръ Григорьевичъ, будучи главнокомандующимъ, взявъ съ сего условія копію, приложилъ оную Губернскому Московскому Правленію съ такимъ предписаніемъ, чтобъ о сей опекѣ и объ опекунахъ дано было знать во всѣ тѣ намѣстничества, гдѣ сестрино имѣніе состоитъ. Все сіе было исполнено, и опекуны управляютъ тѣмъ имѣніемъ и понынѣ. По кончинѣ же графа Захара Григорьевича в. с., вступя главнокомандующимъ въ Москву, по просьбѣ покойнаго родителя моего, то посредничество словесно принять на себя изволили, почему долгомъ себѣ поставляю открывшееся нынѣ обстоятельство в. с. донести. Изъ числа вышеоказанныхъ опекуновъ Василій Владимировичъ Шереметевъ, письмами своими, какъ ко мнѣ, такъ и къ е. с. князю Александру Михайловичу, отказывается отъ опекунства и требуетъ, чтобы на мѣсто его опредѣленъ былъ другой. А какъ удержать его не можно, то его сіят. кн. Алекс. Мих. и представляетъ на мѣсто его къ себѣ въ сотоварищество бригадира Ивана Ивановича Палибина, съ коимъ я говорилъ, и онъ соглашается. Но при семъ долженствуетъ о сей перемѣнѣ чрезъ посредника предложено быть Губернскому здѣсь Правленію, дабы объ отрѣшеніи Шереметева, какъ и объ опредѣленіи его, во всѣ намѣстничества по прежнему сообщено было, что̀ зависитъ нынѣ отъ главнокомандующаго здѣсь въ столицѣ его сіятельства князя Александра Александровича Прозоровскаго. И такъ всепокорнѣйше в. с. прошу удостоить меня на сіе вашимъ совѣтомъ и наставленіемъ. Я же съ искреннимъ почтеніемъ и съ совершенною преданностью навсегда пребуду, м. г., в. с. всепокорнѣйшій слуга гр. Николай Шереметевъ.

Ноября 25 дня 1790.

Къ А. А. Нарышкину.

М. г. мой Левъ Александровичъ.

Получа вашего высокопревосходительства письмо, изъясняющее жалобу крестьянъ вашихъ на прикащика моего Булатова съ крестьянами якобы въ притѣсненіяхъ и обидахъ имъ чинимыхъ, по коему я предписалъ прикащику своему, чтобы таковыхъ наглостей не токмо в. в—а крестьянамъ, но ниже кому нибудь дѣлать не осмѣлился. А правду ли крестьяне ваши представляютъ къ вамъ и отчего таковая ссора между ими происходитъ, я потребовалъ объясненія и отвѣта во всѣхъ по письму вашему частяхъ, по полученіи коего, разсмотря, не оставлю я и надлежащее, буде справедливо, удовлетвореніе приказать сдѣлать, и тогда какіе отвѣты получу, увѣдомить в. в. не оставлю, потому болѣе, что я думать не могу, чтобы прикащикъ мой осмѣлился крестьянамъ вашимъ таковое притѣсненіе, какъ они вамъ отписываютъ, дѣлать, зная и мое къ вамъ почтеніе и совершенную преданность, съ коими я навсегда пребуду и пр.

Февраля 10 дня 1791.

Отъ князя Хованскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Я пріѣзжалъ вчерашній день къ в. с. съ тѣмъ, чтобы узнать, состоялся ли или нѣтъ спектакль нашъ. Я уже слова̀ роли своей исписалъ, только музыку не имѣю, то пожалуйте, изволите увѣдомить меня, существуетъ ли оный или нѣтъ; я же, какъ вамъ далъ слово, то и готовъ оное выполнить; только нужно мнѣ музыку имѣть и знать играемую, ибо время очень коротко. Извѣщеніемъ в. с. одолжите вашего преданнаго и покорнаго слугу князь Василья Хованскаго.

Февраля 15 дня 1791.

Отъ графа Я. А. Брюса.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Вручитель сего, господинъ *Офренъ* съ дочерью отправляется въ Москву, дабы тамъ давать въ наступившій великій постъ концерты. Онъ меня просилъ, чтобы его рекомендовать любителямъ и покровителямъ музыки, почему ни къ кому лучше его адресовать не могу, какъ къ в. с., зная, сколько вы оную любите, прося покорнѣйше принять ихъ обоихъ, какъ людей съ отмѣнными талантами, въ свое покровительство, чѣмъ много меня одолжить изволите, и я пребуду какъ съ истинною признательностью, такъ и совершеннымъ почтеніемъ в. с. милостиваго государя моего покорный слуга графъ Брюсъ.

27 Февраля 1791.
С.-Петербургъ.

Къ князю Потемкину.

Съ достодолжнымъ уваженіемъ имѣлъ я честь получить почтеннѣйшее вашей свѣтлости письмо, кое пріемля знакомъ особливой в. с. ко мнѣ милости, а потому сколько можно стараться буду доставить господину *Кардону* удовольственное провожденіе здѣсь времени, счастливѣйшимъ себя почту, если впредь повелѣніями вашей свѣтлости удостоенъ буду; я же, предавъ себя въ продолженіе вашихъ ко мнѣ милостей, съ неизреченною преданностію и съ искреннимъ высокопочитаніемъ вѣчно пребуду, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости всепокорнѣйшій слуга гр. Н. Шереметевъ.

Марта 20 дня 1791.

Къ В. С. Попову.

Милостивый государь мой Василій Степановичъ.

Въ надеждѣ оказываемыхъ в. пр-вомъ благосклонностей, предпринимаю смѣлость препроводить при семъ къ в. пр-ву для врученія его свѣтлости князю Григорію Александровичу что̀ возможно было въ сіе время собрать Кусковской моей оранжереи свѣжихъ вишенъ 47, абрикосовъ 30, грушъ 38, огурцовъ 70, которые по полученіи всепокорнѣйше прошу принять на себя трудъ вручить его свѣтлости, чѣмъ чувствительно обяжете пребывающаго и пр.

Апрѣля 11 дня 1791.

Къ графу В. Г. Орлову.

Съ чувствительною благодарностью получилъ пріятнѣйшее письмо ваше, графъ Володимиръ Григорьевичъ; весьма для меня пріятно видѣть знаки дружества вашего, и участіе, пріемлемое вами въ моей тяжкой болѣзни, произвело во мнѣ пріятнѣйшія чувствованія. Примите, в. с., учтивости свѣтскія; но за искренность моихъ чувствованій покорнѣйше прошу о продолженіи вашей пріятной дружбы и сохраненіи въ памяти вашей искренно почитающаго васъ вашего вѣрнаго слугу гр. Н. Шереметева.

Ихъ сіятельствамъ свидѣтельствую мое почтеніе.

Іюня 25 дня 1791.

«Оное письмо писано къ графу Володимиру Григорьевичу Орлову».

Къ княгинѣ Касаткиной-Ростовской.

Государыня моя сестрица княгиня Варвара Алексѣевна.

За присланную при письмѣ вашемъ ко мнѣ рыбу, которая сочтена вами хотя и за бездѣлицу, но я, почитая за искренній знакъ

вашей ко мнѣ приверженности, пріемлю оную со особливымъ моимъ удовольствіемъ и свидѣтельствую и князю Ивану Ѳеодоровичу [1]) искреннюю мою благодарность. Впрочемъ пребываю съ искреннимъ почтеніемъ, в. с. государыня моя сестрица [2]), пок. слуга гр. Н. Ш.

26 Іюня 1791.

P. S. Я былъ очень боленъ, и теперь другая недѣля, что всталъ съ постели и хотя очень тихо, но началъ оправляться.

Къ В. С. Попову.

Въ бытность его свѣтлости князя Григорія Александровича въ Москвѣ, имѣлъ я честь объяснить ему о моемъ дѣлѣ съ гр. Михаиломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ [3]) и вручить оному записку, каковую равномѣрно в. пр-ву при письмѣ истекшаго Марта отъ 3-го дня приложилъ съ испрошеніемъ при случаѣ напомнить по оной его свѣтлости, дабы я чрезъ милостивое его предстательство получилъ оному окончаніе высочайшимъ Ея Императорскаго Величества разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ, безъ возвращенія онаго въ Правительствующій Сенатъ въ общее собраніе; но, по неимѣнію о томъ свѣдѣнія, осмѣливаюсь еще утруждать васъ всепокорнѣйшей моею просьбою о напамятованіи объ ономъ его свѣтлости. Буде же неудобность времени не дозволитъ мнѣ оной милости доставить, то почту за отличное одолженіе отъ его свѣтлости по обѣщанію своему благоволить принять трудъ молвить Аркадію Ивановичу [4]). Простите, м. г. мой, если я васъ просьбою моею обременяю.

Іюля 3 дня 1791.

Къ князю А. Н. Щербатову.

Милостивый государь мой князь Андрей Николаевичъ.

Съ чувствительною признательностью имѣлъ я удовольствіе получить письмо в. с., въ которомъ вы столь дружественно изъясняете мнѣ о моей болѣзни, хотя не опасной, но весьма для меня чувствительной, и кажется в. с. будто какъ предвидѣли, упоминая о рецидивѣ: то самое точно и случилось, и я теперь день лежу въ постелѣ, къ тому же и почечуйная кровь не покидаетъ меня своимъ теченіемъ, и слѣдова-

---

[1]) Лицо намъ неизвѣстное.

[2]) Мать княгини В. А. Касаткиной-Ростовской, княгиня Екатерина Борисовна Урусова, супруга полковника князя Алексѣя Васильевича, была родная тетка графа Н. П. Шереметева.

[3]) Это троюродный братъ графа Николая Петровича, тоже внукъ фельдмаршала графа Бориса Петровича.

[4]) Терскому, генералъ-рекетмейстеру.

тельно ослабѣваетъ мой корпусъ, и принужденнымъ нахожусь лежать въ постелѣ съ упованіемъ на Бога. Увѣренъ, в. с., что не предвидится никакой опасности въ оной болѣзни, и я всегда въ памяти, даже и въ такихъ пароксизмахъ, когда жаръ продолжался часовъ по сороку; ко слабости такой и желудокъ, отягченный сею болѣзнію, не даетъ много надежды, какъ не скорое и долговременное оправленіе. Сіе покорнѣйше прошу поразгласить побольше у васъ, дабы, ежели возможно, дошло оное до двора, какъ то чрезъ Василія Степановича увѣдомить свѣтлѣйшаго князя или сдѣлать все то, что̀ вы заблагоразсудите и можете. Теперь прошу о продолженіи столь пріятной для меня вашей искренности и пр.

Іюля 24 дня 1791.

Письмо сіе Василію Степановичу препровождаю на разсмотрѣніе в. с.; ежели разсудите, вслѣдствіе моей болѣзни, что оное можно подать или оставить у себя, то все сіе предоставляю на разсужденіе ваше.

Къ нему же.

Милостію Божіею вижу, что мое дѣло воспріяло начало. Чѣмъ оно кончится, ожидаю того отъ власти Божіей; потомъ и по обѣщанію вашему и старанію получу скорое объ ономъ в. с. увѣдомленіе. Что касается до графа Безбородки, считаю совсѣмъ ненужнымъ объ ономъ писать и просить, а употребить оное развѣ въ самой крайности. За увѣдомленіе ваше о побѣдахъ приношу мою чувствительную благодарность; прошу и впредь меня онаго удовольствія не лишать, хотя и не своей рукой, то кому приказать запиской меня увѣдомить: мы обо всемъ здѣсь весьма худо знаемъ. Извините, что я не самъ вамъ своею рукою пишу, но причина онаго, что лежу въ постелѣ и отъ болѣзни своей еще не освободился: въ третій разъ получилъ рецидивъ, не бывши тому причиною; мучусь довольно, отбиваясь отъ лихорадки. Ваше сіятельство писать изволите, что подана обо мнѣ записка на полученіе ордена Св. Владимира; но какъ видно, что оное такъ и останется, хотя бы весьма для меня пріятно было что нибудь имѣть Россійское. Я доволенъ былъ и выпиской, которую я причисляю къ своей кавалеріи. Вотъ вамъ искренное и дружеское мое признаніе. Какъ по пословицѣ Русской говорится: съ вами я за душой ничего не оставилъ и не оставлю. Ея сіятельству княгинѣ *) приношу мое почтеніе, прошу милыхъ вашихъ дѣтокъ отъ меня поцѣловать и думаю, что сія компанія будетъ в. с. не противная.

Іюля 24 дня 1791.

*) Княгиня Антонина Воиновна, ур. Яворская, мать графини Анны Андреевны Блудовой и Марьи Андреевны Поликарповой.

Къ князю Д. Ю. Трубецкому.

Милостивый государь мой князь Дмитрій Юрьевичъ.

Съ особливымъ удовольствіемъ получилъ я почтеннѣйшее и родственное письмо ваше, изъявленіе ко мнѣ незабвенія вашего сіятельства, за чтó, а равно и за всѣ желанія, въ коихъ я не сомнѣваюсь, чтобъ не происходили они отъ искренней ко мнѣ любви вашей, приношу мою покорнѣйшую благодарность. Я же съ искреннимъ почтеніемъ всегда пребуду, милостивый государь мой в. с. покорнѣйшій слуга гр. Н. Шереметевъ.

P. S. За искреннее желаніе видѣть меня «съ графиней» чувствительно благодарю; повѣрьте, что мнѣ сіе въ тягость никогда быть не можетъ. Завтра у меня ничего не будетъ, и если вамъ пріятно пожаловать ко мнѣ послѣ обѣда, я буду радъ.

Іюля 31 дня 1791.

Къ Московскому гражданскому губернатору П. В. Лопухину.

Милостивый государь мой Петръ Васильевичъ.

Вручитель сего письма, извѣстный в. пр. господинъ *Сартій* *), имѣетъ намѣреніе ѣхать за границу къ его свѣтлости князь Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому; а для того и нужно ему имѣть о свободномъ туда пропускѣ паспортъ, о дачѣ коего покорнѣйше прошу в. пр. сдѣлать ему сіе нужное вспоможеніе, которое приму я съ истинною благодарностію, пребывая впрочемъ съ искреннимъ моимъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга г. Н. Ш.

Сентября 20 дня 1791.

Отъ А. И. Кучецкаго.

Ваше сіятельство, милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

По приказанію вашего сіятельства, по пріѣздѣ моемъ, на другой день въ Четвергъ поутру у Мареы Васильевны имѣлъ честь быть. Приняла отмѣнно ласково, и я долго сидѣлъ; просила, чтобы я ѣздилъ къ ней обѣдать. Я просилъ о продолженіи къ себѣ милости и хочу ѣхать на сихъ дняхъ обѣдать. Она поутру очень была перетревожена,

---

*) Джузеппе Сарти, извѣстный композиторъ духовной музыки и многихъ оперъ, род. въ 1729, ум. въ 1802 г. Екатерина вызвала его въ Петербургъ въ 1784 году. За изображеніе особаго прибора для измѣренія сотрясеній звучащихъ тѣлъ сдѣланъ онъ былъ въ 1794 г. членомъ нашей Академіи Наукъ. Князь Потемкинъ поручалъ ему основать консерваторію въ Екатеринославѣ.

а теперь еще не можетъ отдохнуть. Тотъ же день вечеру ужиналъ у князь Александра Александровича [1]) и говорилъ о графѣ Безбородкѣ; приказалъ вашему сіятельству сказать, что онъ будетъ съ нимъ говорить не однажды и никакъ не забудетъ, увѣренъ въ его къ вамъ ласкѣ, надѣется успѣхъ имѣть. Говорилъ я также о Новосильцовѣ; онъ мнѣ сказалъ, что правда, онъ человѣкъ проворный, имѣетъ связь со многими, только не думаетъ, чтобъ онъ взошелъ. О Дмитріѣ Любимовичѣ также говорилъ, что в. с. желаете доставить ему мѣсто въ городничіе, въ разсужденіи, что онъ человѣкъ добрый и небогатый, а въ Декабрѣ выйдетъ изъ исправниковъ. Князь сказалъ, что въ городничіе мѣста нѣтъ и приказалъ спросить: не согласится ли остаться опять въ исправникахъ тутъ же, то можно его оставить. Съ тѣмъ я разстался; приказалъ в. с. благодарить за угощеніе. А на будущій годъ хочетъ удивить своими собаками, не болѣе съ семью псарями. На другой день въ Пятницу онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Пятницу я былъ у князя Александра Михайловича [2]) и не могъ его видѣть: очень занемогъ, и кровь пущали. Слава Богу, теперь получше; я провѣдывалъ. Въ Субботу былъ у меня управитель в. сіятельства о рекрутахъ, что князь Вяземскій упрямится. Я къ нему ѣздилъ и просилъ отъ имени вашего. Вы изволили отгадать, что ему хотѣлось, чтобы вы чрезъ письмо его просили; въ доказательство сказалъ мнѣ, сумнѣвался, можетъ вы и не знаете, а управитель вашимъ именемъ приходилъ къ нему и еще, что рекрутъ уже въ команду отослалъ князю Прозоровскому, то для чего князь и прислалъ формально рекрута для перемѣны вамъ. Я его увѣрилъ, что в. с. угодно рекрута перемѣнить, и ежели бы кн. Алекс. Александр. не уѣхалъ, то я и его согласіе выполнилъ вамъ; наконецъ въ угодность в. с. согласился и приказалъ прислать въ Понедѣльникъ къ себѣ управителя, которому прикажетъ приготовить другаго на мѣсто того. Въ Субботу послѣ обѣда посѣщалъ я князь Ивана Алексѣевича; нашелъ его въ постелѣ: руки и ноги завязаны и на плечѣ пластырь; говоритъ, что получше. По обыкновенію очень жарко у него, и тотъ день никого у него не нашелъ, но наканунѣ того дня были его родные. Теперь о себѣ донесу вашему сіятельству: по милости сдѣланной вами мнѣ, я никогда въ мою жизнь не чувствовалъ такого спокойствія. Сокрушаетъ меня одно, что я не съ вами вмѣстѣ; я никогда такой скуки не терпѣлъ, какъ теперь, безъ васъ, и не знаю, когда буду имѣть удовольствіе. Здѣсь перемѣнилось сегодня: цѣлую ночь шелъ дождикъ и днемъ. Я думаю, и у васъ та-

---

[1]) Прозоровскаго, тогдашняго Московскаго главнокомандующаго.

[2]) Голицына, оберъ-камергера.

кое же. Берегитесь, батюшка, в. с., не простудите себя при перемѣнной погодѣ. Я по отъѣздѣ моемъ не знаю, какъ вы находитесь и гдѣ; сдѣлайте милость, в. с., прикажите меня увѣдомить. Увѣрены, конечно, сколько мнѣ дорого ваше здоровье. Вашего сіятельства милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга Александръ Кучецкій. 5 Октября 1791.

Александръ Ивановичъ Кучецкій женатъ былъ на побочной сестрѣ графа Н. П. Шереметева, Настасьѣ Петровнѣ Реметевой.

Къ Н. В. Шереметеву.

Государь мой Николай Владимировичъ.

При семъ увѣдомляю васъ, что я, благодаря Бога, нахожусь здоровъ и давно бы могъ быть въ Москвѣ, но удержанъ по случаю приключившейся Маргаритушкѣ [1]) болѣзни; а къ тому же и самъ нѣсколько времени былъ боленъ; то и живу здѣсь въ скукѣ; почему хотя и желательно бы мнѣ было поскорѣе отправиться въ Москву, но оставить больную никакъ нельзя и жалко; а для того и положилъ еще на нѣсколько времени здѣсь остаться. Гр. Н. Ш.

Увѣдомьте меня, здоровы ли и есть ли вамъ способы со мною видѣться, то былъ бы доволенъ.

Октября 28 дня 1791.

Къ А. И. Кучецкому.

Государь мой Александръ Ивановичъ.

Письмо ваше я получилъ, за которое свидѣтельствую вамъ мою благодарность и при томъ прошу васъ, если вы имѣете какое свѣдѣніе о кончинѣ его свѣтлости князя Григорія Александровича, то не продолжать [2]) вашимъ увѣдомленіемъ, во ожиданіи чего остаюсь покорный слуга вашъ г. Н. Ш.

Октября 22 дня 1791.

Къ П. В. Лопухину.

Увѣдомясь я отъ крестьянъ моихъ, торгующихъ издавна въ Москвѣ въ Таганкѣ хлѣбными припасами, что по представленію отъ Московскаго магистрата, чрезъ частныхъ приставовъ, велѣно имъ товаръ ихъ изъ лавокъ весь выбрать и впредъ не торговать; въ противномъ же случаѣ тѣ лавки со всѣми ихъ товарами запечатать и конфисковать, чрезъ чтó и должны тѣ крестьяне мои, лишась своего промысла, понести себѣ немалое отягощеніе. А сіе самое и убѣждаетъ меня утруждать ваше пр—во моею просьбою сдѣлать имъ въ семъ случаѣ нужное вспоможеніе, которое приму я съ истинною благодарностью, пребывая впрочемъ съ искреннимъ моимъ почтеніемъ.

31 Октября 1791.

---

[1]) Маргарита Петровна Реметева, впослѣдствіи замужемъ за Путятинымъ.

[2]) По нынѣшнему *не замедлить*.

Отъ князя А. А. Прозоровскаго.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Исполненіе порученій вашего сіятельства есть удовольственное для меня упражненіе, съ каковымъ принялъ я на себя ходатайство о дѣлѣ вашемъ съ родственникомъ вашимъ, и конечно бы исполнилъ препорученное, но за пріѣздомъ въ Петербургъ скоро послѣдовало увѣдомленіе о кончинѣ князя Григорія Александровича. Сіе предлежавшее въ Яссы отправленіе графа Александра Андреевича *) занимало его такъ, что по краткости времени до отъѣзду его не болѣе двухъ разъ могъ я видѣть его, и въ такихъ заботливостяхъ, что не могъ требовать отъ него не только пособія, ниже извѣстія о дѣлѣ вашемъ. Я о состояніи онаго не оставлю освѣдомиться и кого должно просить; однакоже, судя по обстоятельствамъ здѣшнимъ, долженъ сказать, что конечно надобно будетъ взять нѣкоторое терпѣніе времени онаго.

Соотвѣтствуя симъ почтенному писанію вашему отъ 22-го Октября, подтверждаю мое истинное почтеніе и преданность, съ коими имѣю честь быть всегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга князь Александръ Прозоровскій.

Октября 31 дня (1791).
Петербургъ.

Отъ графини Н. В. Салтыковой.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Я имѣла честь получить письмо вашего сіятельства и исполнила ваши приказанія, будучи весьма рада имѣть случай изъявить вамъ, что я за совершенное удовольствіе себѣ поставляю исполнить ваши желанія. Какъ вамъ самимъ извѣстно, что я васъ всегда любила, какъ и теперь люблю. Желаю, чтобы вы чаще повторяли свои приказанія, дабы чрезъ оныя я видѣла, что вы обо мнѣ помните. Имѣю честь быть съ совершенною преданностію, милостивый государь, вашего сіятельства покорная ко услугамъ графиня Наталья Салтыкова.

Ноября 28 дня 1791.

Къ оберъ-гофмаршалу князю Барятинскому.

Милостивый государь мой князь Ѳедоръ Сергѣевичъ.

Честь имѣю принесть вашему сіятельству искреннѣйшее мое поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ годомъ. Желаю сердечно вамъ всякаго благополучія и при семъ случаѣ препровождаю къ в. с. для поднесенія Ея Императорскому Ве-

*) Безбородки.

личеству Кусковской моей оранжереи грушъ планковыхъ 150, спаржи 10 фунтовъ, которыя по полученіи покорнѣйше прошу принять на себя сей трудъ поднесть Ея Императорскому Величеству, и когда благоволеніемъ Ея Величества въ принятіи будутъ удостоены, не оставить меня вашимъ извѣщеніемъ, во ожиданіи чего остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью моею, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга гр. Николай Шереметевъ.

Декабря 19 дня 1791.

Отъ княгини В. А. Касаткиной-Ростовской.

Батюшка Николай Петровичъ.

Имѣю честь вамъ сообщить, что мнѣ Богъ даровалъ сына, и такъ какъ вы мнѣ отецъ, то осмѣливаюсь васъ просить, чтобъ вы были отцемъ моему сыну, и ввести его въ крещеную вѣру; а меня Богъ разрѣшилъ 28-го Сентября. Если бы вы эту милость желали, батюшка, вы бы насъ чувствительно обязали. Мужъ мой самъ хотѣлъ къ вамъ ѣхать, чтобы васъ. . . . . Князь Петръ Васильевичъ намъ сказалъ, что васъ нельзя получить дома, что вы въ отъѣзжемъ полѣ, а какъ я очень слаба, то мужу никакъ отъѣхать нельзя.

Итакъ, батюшка, препоручая себя вамъ въ милость, пребуду съ почтеніемъ княгиня Варвара Касаткина-Ростовская.

1791.

Отъ графа А. А. Безбородки.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Въ отвѣтъ на письмо в. с. имѣю честь сказать, что извѣстное ваше дѣло должно почитать оконченнымъ, потому что Ея Императорское Величество, по выслушаніи онаго, отозваться изволила, что рѣшеніе Сената находитъ справедливымъ и съ законами согласнымъ, но указа въ апробацію онаго не разсудила подписать, съ одной стороны для того, что подобные указы тогда только даются, когда отмѣняются въ чемъ либо рѣшенія Сенатскія, а съ другой, по обыкновенному своему милосердію, дабы не отяготить жребія родственниковъ вашихъ, которые за неосновательную на Сенатъ жалобу подверглись законному взысканію.

Есмь впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ в. с. покорнѣйшій слуга графъ Александръ Безбородко.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюня 22-го 1792.

Отъ актера И. А. Дмитревскаго.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь.

Присланный отъ в. с. для обученія акціи и пѣнія человѣкъ вашъ Василій Жуковъ началъ опять у меня принимать уроки. Во угожденіе в. с. я помѣстилъ его жить у себя, дабы онъ все свое время подъ моимъ смотрѣніемъ могъ тѣмъ удобнѣе употреблять въ свою пользу. Признаться надобно, что онъ великаго понятія о себѣ требуетъ, а особливо въ Россійскомъ языкѣ, въ которомъ онъ очень скуденъ и безъ котораго актеромъ хорошему быть весьма трудно; но прилежность и охота доведутъ его, можетъ быть, въ скоромъ времени до желаемаго намѣренія.

Жуковъ сказывалъ мнѣ, что благоволеніе в. с. есть такое, чтобъ онъ учился: 1) акціи, 2) пѣнію, 3) Итальянскому языку, 4) нѣсколько на клавирѣ, дабы могъ себѣ немного и самое нужное аккомпанировать. Все сіе приведу я въ дѣятельность, соображаясь во всемъ высокому и основательному вашему благоизволенію. Но ко всему сему позвольте, сіятельнѣйшій графъ, прибавить мнѣ Россійскій языкъ, чтобъ Жуковъ лучше могъ его читать, писать и разумѣть; а для того прежде всего я заставлю его съ корня учиться по-русски, по граматическимъ правиламъ. Я занялъ его теперь тремя рольми: И. Пигмаліономъ, Ографеемъ (?) и Солиманомъ изъ Трехъ Султаншъ; а какими пѣвческими ролями занять его мнѣ надобно будетъ, ожидаю на то вашего повелѣнія.

Сей ли точно планъ в. с. имѣете съ Жуковымъ? И какія роли долженъ онъ учить въ трагедіяхъ, комедіяхъ, операхъ и въ прочемъ? Прошу нижайше повелѣть мнѣ прислать репертуаръ и объяснить мнѣ во всемъ вашу волю, которую свято исполнить считаю первымъ себѣ долгомъ; и, не смотря на всю адскую ложь и клевету отъ злобныхъ и недостойныхъ людей мнѣ нанесенную, почту особливымъ счастіемъ удостовѣрить в. с., что я почитатель отмѣнныхъ вашихъ достоинствъ и что я по смерть мою съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ есмь, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, в. с. всепокорнѣйшій слуга Иванъ Дмитревскій.

Августа 30-го дня 1792.
С.-Петербургъ.

Отъ актера С. А. Сандунова.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь.

Принявъ препровожденныхъ ко мнѣ отъ вашего сіятельства Ѳедора Кирющенкова, Илью Птичникова и Авдотью Бѣляеву, честь имѣю, въ

знакъ моей признательности за оказанное чрезъ оныхъ ко мнѣ довѣріе, принести мою чувствительнѣйшую в. с. благодарность, при чемъ предпринимаю увѣрить в. с., что я всевозможныя приложу старанія оправдать совершенно в. с. учиненную мнѣ довѣренность и удостоиться вашего благоволѣнія, и сколь усердны должны быть мои старанія о совершенствѣ ихъ талантовъ, столь же соразмѣрно на то употреблю все мое вниманіе, чтобы предохранить всевозможно ихъ нравы и доброе поведеніе, безъ чего и самыя величайшія достоинства бываютъ лишь вредны и презрительны и въ чемъ я долженствую отвѣчать предъ самимъ Богомъ: ибо ввѣренные для наученія молодые люди также должны быть охраняемы отъ зла и разврата, какъ и молодое, плодовитое древо отъ свирѣпости бунтующей стихіи. Я для того столько о семъ распространяюсь, чтобы изъяснить совершенно великость вашей ко мнѣ и женѣ моей довѣренности, въ препорученіи дѣвицы, которую она полюбила совершенно. Что же принадлежитъ до пріисканія имъ необходимо нужныхъ учителей, также пьесъ и музыкъ, то будьте благонадежны, сіятельнѣйшій графъ, что ни въ чемъ ни малаго недостатка они имѣть не будутъ, равно какъ и въ содержаніи ихъ. Ѳедора Кирющенкова и Авдотью Бѣляеву не угодно ли приказать обучать играть и на фортепіанѣ, что́, вы изволите знать, для пѣвцовъ необходимо; а Птичникова сперва только учить пѣть и акціи, а за инструментъ приняться послѣ, чтобъ онъ былъ теперь свободенъ, а акціи и пѣнія, изъ которыхъ перваго буду продолжать и совершенно кончу все амплуа буффа, вторую обучать все амплуа жены моей, а третьяго все амплуа любовничье. Во первыхъ притомъ смѣю доложить в. с., что я всѣми силами стараться стану сдѣлать изъ нихъ такихъ сужетовъ, которые бы в. с. принести могли всевозможное удовольствіе, а мнѣ бы доставили право, не стыдясь, признавать ихъ всегда моими учениками; а какъ за успѣшнымъ и основательнымъ оныхъ обученіемъ несумнѣнно послѣдуетъ отъ вашего совершеннаго познанія имъ всѣмъ и благоволеніе, то я тѣмъ почту себя совершенно счастливымъ.

Между тѣмъ позвольте назваться и пребыть навсегда вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Сила Сандуновъ.

Августа 30-го дня 1792.

Отъ него же.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь.

Честь имѣю препровождать къ в. с. при семъ желаемую вами оригинальную комедію «Торжествующую Добродѣтель» и малую пьесу «Не знаешь—не ревнуй», равно и партитуру «Двухъ Философовъ»,

которыя по учиненнымъ отъ господина Дмитревскаго препятствіямъ доставать былъ долженъ съ превеликими затрудненіями и безпокойствіями, что̀ все засвидѣтельствовать вамъ можетъ Ѳедоръ Кирющенковъ, то какъ ни велики были затрудненія, но всѣ оныя мною преодолѣны, и я чувствую себя совершенно награжденнымъ за мои безпокойствія тѣмъ, что могъ чрезъ нихъ оказать мою приверженность къ услугамъ в. с. о ввѣренныхъ мнѣ ученикѣ и ученицѣ, что я ихъ нахожу довольно способными. И будьте при томъ, сіятельнѣйшій графъ, увѣрены, что я всѣ старанія употреблю доставить ихъ таковыми жъ, каковыми и прежде у меня учившіеся доставлены къ в. с., чтобы и они по примѣру Чухнова и Кирющенкова снискали благоволеніе отъ просвѣщеннаго вашего вкуса и заслужили вниманіе зрителей, и притомъ, что̀ тоже я полагаю величайшею важностью, доставить ихъ, и особливо дѣвицу, столько же неповрежденными въ нравахъ и сердцѣ, сколь и наставленными въ ихъ должностяхъ. При семъ в. с. препровождаю, что необходимость требуетъ заказать сдѣлать для Кирющенкова нѣсколько характернаго платья, париковъ и прочихъ мелочей, а именно къ «Сивильскому Цырульнику» платье ему и Чухнову, и ему же парикъ, къ «Двумъ Философамъ» платье ему и парикъ, равно и для роли Клемента платье и для предъидущихъ ролей нужныхъ характеровъ Кирющенкову изготовить. Недавно къ театру нашему въ службу принятъ славной декораторъ Гонзаго, который своимъ чрезвычайнымъ искусствомъ удивилъ весь городъ и первый разъ написанныя имъ декораціи принудили публику забыть о играемомъ на тотъ разъ спектаклѣ, заставя всѣхъ восхищаться его кистью и разумомъ; ибо сколь онъ силенъ въ оптикѣ и колерахъ, столько же великъ и въ композиціи. А какъ я однажды навсегда посвятилъ себя на услуги в. с., въ чемъ, я увѣренъ, не буду имѣть причины раскаиваться, то предлагаю в. с. упредить его какъ наискорѣе отдачею ему знающаго уже ученика, и онъ безъ сомнѣнія доставитъ его в. с. великимъ декораторомъ, и мое удовольствіе будетъ совершенно, ежели я могу споспѣшествовать хотя мало возвышенію вашего театра. Въ ожиданіи вашего на все вышеписанное благоизволенія, честь имѣю назваться и пребыть, в. с. милостиваго государя, преданнѣйшимъ слугою Сила Сандуновъ.

Октября 12 дня 1792.
С.-Петербургъ.

Къ И. А. Дмитревскому.

Государь мой Иванъ Аѳанасьевичъ.

По полученіи мною письма вашего, за удовольствіе себѣ вмѣняю свидѣтельствовать вамъ мою благодарность.

Чтò принадлежитъ до обученія его (Жукова) на клавирѣ, то я сего за нужное не нахожу, а развѣ на скрыпкѣ, да и то не слишкомъ много, дабы не отвлечь его тѣмъ отъ пѣнія и другихъ нужныхъ ко обученію его въ пьесахъ акцій. Въ обученіи же и Итальнскому языку прошу употребить ваше стараніе; роли же, полагаю, учить ему тѣ, о которыхъ написано у Ѳедора Кирющенкова, въ чемъ и полагаюсь на ваше расположеніе. Въ чувствахъ же моихъ вы никогда сумнѣваться не можете, и остаюсь искреннѣйшій вашъ гр. Н. Ш.

Октября 13-го дня 1792.

Къ С. Н. Сандунову.

Государь мой Сила Николаевичъ.

Получа ваше письмо касательное до увѣренія о предпринятіи всякихъ расположеній въ употребленіи старанія къ обученію пьесъ и музыкѣ людей моихъ, изъ коего видя пріятное для меня ваше ко мнѣ расположеніе, свидѣтельствую мою благодарность, прося при томъ, дабы по расположенію вашему во обученіи ихъ употребить всевозможное ваше стараніе, надѣясь неизмѣнно, что вы въ успѣшномъ оныхъ обученіи доставите мнѣ надлежащее удовольствіе. Что же слѣдуетъ до обученія Авдотьи на фортепіанѣ, то оное употребить нахожу хотя и за нужное, но не весьма много, а хотя нѣсколько, дабы дать ей распознать музыку; Ѳедора же и Илью, кажется, не надобно, дабы не занять ихъ тѣмъ къ употребленію себя къ пѣнію, а развѣ нѣсколько на скрипкѣ, въ чемъ и полагаюсь на ваше расположеніе; въ чувствованіяхъ же моихъ вы никогда сумнѣваться не можете, и остаюсь искреннѣйшій вашъ гр. Н. Шереметевъ.

Октября 13-го дня 1792.

Къ нему же.

Государь мой Сила Николаевичъ.

Письмо ваше и при ономъ сдѣланныя вами распоряженія, касающіяся до наставленія и обученія ввѣренныхъ отъ меня вамъ молодыхъ людей, я получилъ, которое разсмотря, могъ замѣтить, что оное сдѣлано порядочно, и я онымъ доволенъ, за чтò и благодарю. Для отдачи же въ ученіе рекомендованному вами новому декоратору Гонзаго, котораго репутація давно мнѣ извѣстна, и я скажу, что лучше его нѣтъ

въ Европѣ. Наши мысли съ вами довольно сошлись, сходны, и я немедленно посылаю ученика, который уже довольно знаетъ и, имѣя мастеромъ себѣ столь искуснаго учителя, не сумнѣваюсь, что много профитировать можетъ. О представленіи его къ оному мастеру и дабы онъ во время своей у него бытности не могъ потерять напрасно время, то оное представляю на ваше попеченіе и надѣюсь несумнѣнно, что вы въ томъ не оставите употребить ваше стараніе и при томъ прошу поговорить съ нимъ отъ себя; я его (просилъ) написать къ одной пьесѣ декорацію, и если въ томъ обнадежитъ, тогда прошу меня увѣдомить, и я по полученіи онаго, сдѣлавъ мое расположеніе той декораціи и назнача мѣру театра съ подлежащимъ обстоятельствомъ, сообщить вамъ оное не замедлю. Желалъ бы я знать также. . . . . какого рода видомъ и авантажемъ для театра написаны, и если бы не столь дорого, то я и три декораціи бы заказалъ. Одолжите, о всемъ навѣдайтесь, вы симъ мнѣ очень пріятное сдѣлаете. Въ заключеніе, для сдѣланія характернаго платья, париковъ и прочаго, прошу взять на свое распоряженіе и что́ должно сдѣлать; а деньги на оное можете получить отъ управителя моего Петра Александрова, о чемъ отъ меня къ нему и предпишется. Впрочемъ же остаюсь искреннѣйшій вашъ графъ Николай Шереметевъ.

Октября 25 дня 1792.

Отъ князя И. А. Долгорукаго.

Ноября 28-го дня 1792.

При семъ посылаю имянинннику дорогому икры и калачъ на тяжелой почтѣ отъ усерднаго моего сердца; а остальные три калача прошу в. с. отдать Прасковьѣ Ивановнѣ; да не обманите такъ, какъ въ прошломъ году. Князь Иванъ Долгорукій.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, сынъ княгини Марѳы Михайловны (жившей въ домѣ у графа Шереметева и воспитавшей Прасковью Ивановну Ковалевскую). Это внукъ графа Михаила Борисовича Шереметева.

Къ князю А. А. Прозоровскому.

Милостивый государь князь Александръ Александровичъ.

Какъ уже намѣреваюсь я въ скоромъ времени отправиться въ С.-Петербургъ, то желательно мнѣ прежде видѣться съ в. с., дабы, если что́ угодно будетъ вамъ приказать касательно до Петербурга, то могу васъ увѣрить, что я со всевозможнымъ моимъ усердіемъ все въ точности исполню, и для того прошу назначить мнѣ время и часы, чтобы я могъ пріѣхать къ в. с. Сегодняшній день вечеромъ я бы ко-

нечно пріѣхалъ и отобѣдать, но въ разсужденіи принимающихъ лекарствъ нужныхъ для моего здравія вижу себя должнымъ лишиться сего удовольствія.

Прежде моего отъѣзда считаю за нужное донести в. с., что по полученіи моею конторою свѣдѣнія о посланномъ отъ в. с. въ Управу Благочинія о землѣ моей, находящейся у Бѣлаго города, что на Трубѣ, на которую угодно было в. с. требовать отъ меня крѣпостей, о чемъ въ бытность мою у васъ въ Субботу, въ день ассамблеи в. с., хотя и начиналъ сію матерію, которая была прекращена пріѣзжающими тогда гостями, почему и предоставилъ оное объяснять в. с. при удобномъ случаѣ чрезъ Александра Ивановича Кучецкаго, который, какъ вижу, ошибкою не въ точности изъявилъ в. с. истинное существо моего намѣренія. И такъ почитаю за нужное чрезъ сіе письмо честь имѣть в. с. объяснить, что въ доставленіи на оную землю крѣпостей есть для меня отягощающее затрудненіе, которое. . . . отъ одного моего отсутствія, и по случаю имѣющихся въ домѣ моемъ немалаго количества дѣлъ и приведенныхъ архиву моему чрезъ болѣе 13 л. въ разстройку и разложенную по разнымъ мѣстамъ моихъ казенныхъ, такъ что иныя остались въ Петербургѣ, а другія находятся и въ Рижскихъ моихъ вотчинахъ, перевезенныя туда изъ Петербурга для очищенія мѣста другимъ дѣламъ моимъ. А какъ не настоялъ случай по сіе время предъявлять моихъ крѣпостей, притомъ бывъ увѣренъ, что владѣемое мною имѣніе несумнѣнно принадлежитъ мнѣ, то я употреблю и употребляю все мое стараніе къ приведенію моего дома въ теченіе желаемаго порядка. О произведеніи на томъ мѣстѣ регулярнаго каменнаго строенія и расположенія моего совсѣмъ не было, потому что оное состоитъ за городомъ. А какъ я видѣлъ, что в. с. угодно, чтобъ то мѣсто было застроено, то я и не премину нынѣшнею весною исполнить сходное съ волею вашею.

Въ дополненіе доложу в. с., что почтеніе мое и нелицемѣрная къ вамъ преданность, которую вы изволили всегда замѣчать въ исканіи моемъ вашего ко мнѣ благорасположенія, есть поводомъ мнѣ къ чистосердечному признанію, что сіе мѣсто давно уже мной отдано, и доходъ, какъ нынѣ, такъ и впредъ собираемый въ пользу одного ничего не имѣющаго человѣка, однакоже который меня очень близко интересуетъ и благосостояніе котораго я всѣми способами стараюсь поправить.

Вотъ, милостивый государь, сколь велико искреннее мое вамъ почтеніе, что я и внутренность моей души сокрыть отъ васъ не могъ, о чемъ чрезъ сіе донеся, съ истиннымъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностью вѣчно пребуду, милостивый государь, в. с. покорно искреннѣйшій слуга графъ Николай Шереметевъ.

Декабря 10 дня 1792.

Отъ князя А. А. Прозоровскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Письмо в. с. имѣлъ удовольствіе получить сегодня ввечеру. Въ 8, а не прежде, буду я дома, какъ обѣдаю въ гостяхъ; то если вамъ, милостивый государь мой, не поздно, то пожалуйте въ 8 ч. по полудни или завтра за буднишній столъ отобѣдать, на чтó я буду ожидать вашего рѣшенія.

Касательно до мѣста, я болѣе для того противъ крѣпостей, какъ и в. с. словесно сказывать изволили, что у васъ нѣтъ. Это были земли стрѣлецкія, отдавались въ наемъ отъ Стрѣлецкаго Приказа, потомъ отъ Губернской Канцеляріи, а по учрежденіи Каменнаго Приказа велѣно ихъ обѣлить; то если у васъ крѣпости не найдется, то полиція за васъ укрѣпитъ и возьметъ одинъ разъ по три копѣйки за сажень квадратную. А что я желаю тутъ видѣть строеніе, то сіе мнѣ простите: это для украшенія сей древней и вами любимой столицы; мѣсто же на виду и лежащее къ водопаду.

Впрочемъ увѣрьтесь въ моемъ къ вамъ нелестномъ почтеніи и истинной преданности, какъ и есмь и буду, милостивый государь мой, в. с. покорный и вѣрный слуга князь Александръ Прозоровской.

Декабря 10 дня 1792.
Москва.

Отъ оберъ-камергера князя А. М. Голицына.

Изъ Москвы, 31-го Марта 1793.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Сего утра получилъ я чрезъ домъ вашъ благосклонное письмо ваше отъ 24-го сего мѣсяца съ приложеніемъ рисунка катафалку сдѣланнаго въ память послѣдняго короля Французскаго. Здѣсь пребывающіе Французы таковой же долгъ отдали несчастному своему монарху въ своей церкви; мы при оной церемоніи присутствовали и слушали приличную къ случаю предику и музыку. Мнѣ весьма пріятно, милостивый государь мой, видѣть изъ письма вашего, что вы своихъ Московскихъ друзей помните, за чтó и приношу вамъ свою искреннюю благодарность.

Изъ послѣднихъ вашихъ въ домъ вашъ дошедшихъ писемъ увѣрены мы были имѣть вскорѣ удовольствіе васъ здѣсь видѣть; но вскорѣ же потомъ увѣдомился я чрезъ князя Александра Александровича [1]),

---

[1]) Прозоровскаго.

что вы извѣщаете его объ отсрочкѣ пріѣзда вашего въ Москву до весны. Таковое продолженіе вашего въ Петербургѣ пребыванія довольно сносно для насъ бы было, ежели бы при томъ не были слухи, якобы вы получите мѣсто въ Петербургѣ, которое принудитъ васъ уже совсѣмъ туды переселиться. Однакоже письмо ваше меня успокоиваетъ, поелику обѣщаетъ намъ васъ въ будущемъ Маѣ имѣть удовольствіе здѣсь видѣть.

Чаятельно, что управитель вашъ Петръ Петровичъ увѣдомилъ васъ о скоромъ прибытіи сюда нанятыхъ для васъ въ Вѣнѣ музыкантовъ; они съ собою везутъ постановленный князь Дмитріемъ Михаиловичемъ [2]) съ ними контрактъ и извѣстіе, сколько имъ на ихъ путевые расходы издержано денегъ; получа оные по пріѣздѣ ихъ, не премину къ вамъ доставить и вашего управителя увѣдомить, на какомъ основаніи ихъ содержать. Затѣмъ остается мнѣ желать, чтобы оные музыканты заслуживали вниманіе знатоковъ музыки и вамъ потому пріятны были.

Впрочемъ непремѣнное желаніе мое въ томъ состоитъ, чтобы какъ въ томъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, мнѣ представляющихся, оказывать вамъ мои угодности и доказывать истинное мое почтеніе и нелицемѣрную преданность, съ коими пребываю вашего сіятельства вѣрно покорной слуга князь Александръ Голицынъ.

Къ А. И. Кучецкому.

Апрѣля 7-го дня 1793 (Спб.).

Государь мой Александръ Ивановичъ.

О пребываніи моемъ скажу вамъ, что я совсѣмъ собрался на второй недѣлѣ; но сіе совсѣмъ перемѣнилось, однако скажу то, что я совсѣмъ расположенъ, чтобы мнѣ въ Маѣ поѣхать. Что́ до житья моего здѣсь, признательно скажу, что я время свое благополучно и пріятно провожу и скажу, что все идетъ къ тому истинно къ добру. Коли вы меня любите, то вамъ оное вѣрно будетъ пріятно. Другу моему Настинькѣ мой поклонъ. Напрасно думаешь, чтобъ я тебя забылъ; но здѣсь время такъ течетъ: не всегда удается и написать, даже и о себѣ подумать; я же тебя все такъ люблю, какъ и прежде, и если сама причины не подашь, то я не престану. Друга своего извини; онъ потому не писалъ, что я раза два обманулъ почтой не нарочно; потомъ была нездорова, а тамъ готовились дать концертъ, который вчерась и давали, и здѣсь расхвалили до безконечности; здѣсь такого пѣнія и не

---

[2]) Голицынымъ, братомъ писавшаго это письмо, нашимъ посломъ въ Вѣнѣ.

слышатъ. Вотъ, мой другъ, все сказалъ. Прости. Маленькую твою цѣлую. Пишешь ко мнѣ, что ты переѣхала, но я не знаю куда и въ какой домъ. Проценты получила, я имѣлъ отъ тебя отвѣтъ; но муженекъ твой мнѣ ни слова не упоминаетъ. Ужели ты отъ него таишь? И я надѣюсь, что оныя деньги ты съ нимъ вмѣстѣ издержишь; желаю въ пользу и въ удовольствіе. Г. Н. Ш.

Къ Г. С. Державину.

Милостивый государь мой Гаврила Романовичъ.

Вчерашній день имѣлъ я удовольствіе получить письмо в. пр., которымъ увѣдомился, что по просьбѣ моей напоминали вы его пр—ву Александру Николаевичу [1]) о увольненіи меня отпускомъ и что получили отъ него отзывъ таковой, что докладывалъ онъ Ея Величеству; въ силу чего и буду я уволенъ на вакантное время, за что съ одной стороны за принятый вами трудъ приношу мою чувствительную благодарность; съ другой же стороны искренно скажу: крайне меня удивляетъ, что сей назначенный мнѣ отпускъ выходитъ несоотвѣтственно какъ моей просьбѣ, такъ и тому согласительному отзыву, который получилъ я отъ графа Пл... А...[2]), изъявляющій ясно, что я безъ затрудненія по желанію моему могу нѣсколькими мѣсяцами воспользоваться пробытіемъ въ моихъ подмосковныхъ. При отъѣздѣ же моемъ получилъ я отъ Ал.... Ник... сему сходственный отзывъ. И такъ, дабы привести все сіе согласно съ моею просьбою, покорнѣйше прошу в. пр. взять на себя трудъ привести оное къ надлежащему окончанію; при томъ прошу быть увѣреннымъ, что я съ искреннимъ моимъ почтеніемъ и преданностью всегда пребуду гр. Ш.

Іюля 4-го дня 1793.

Отъ графа А. Н. Зубова *).

Сіятельный графъ милостивый государь мой.

Благосклонное в. с. ко мнѣ благоволеніе обязало меня быть благодарнымъ; а потому въ знакъ искренней моей преданности служу в. с. Арабскимъ жеребцомъ, желая, чтобы онъ вамъ понравился, что̀ за крайнее удовольствіе поставляетъ тотъ, который съ наиглубочайшимъ почитаніемъ имѣетъ честь назваться в. с. милостиваго государя моего всепокорнѣйшій слуга графъ Александръ Зубовъ.

Іюля 15 дня с. Хорошово.

---

[1]) Самойлову, тогдашнему генералъ-прокурору.

[2]) Зубова.

*) Это отецъ тогдашняго любимца. П. Б.

Къ В. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ.

Съ особливымъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить пріятнѣйшее письмо в. пр., за которое свидѣтельствую вамъ искреннѣйшую мою благодарность и за особливую пріятность себѣ вмѣняю исполнить желаніе ваше увѣдомить о бывшемъ пребываніи моемъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ принятъ былъ какъ Ея Императорскимъ Величествомъ, а равно и ихъ Императорскими Высочествами весьма милостиво, видѣлъ благорасположеніе ко мнѣ графа Платона Александровича, также прежнихъ моихъ пріятелей, и препроводилъ время весьма для меня пріятно. Возвратился же въ Москву, какъ будто нарочно для хворости, ибо чешуйная болѣзнь третью недѣлю держитъ меня въ комнатѣ и нахожусь теперь въ слабомъ здоровьи; но какъ есть мое желаніе, дабы въ торжественныя празднества препроводить время въ С.-Петербургѣ, и если мое здоровье позволитъ, то и полагаю туда отправиться въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ непремѣнно, увѣряя васъ при томъ, что оное желаніе мое не съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы могъ надѣяться получить что нибудь новое, но единственное для принесенія усерднѣйшаго моего поздравленія Ея Императорскому Величеству и еще воспользоваться тѣми монаршими милостями, коими имѣлъ я счастіе быть удостоенъ во время третьей моей въ С.-Петербургѣ бытности. Прошу покорнѣйше не лишать меня пріятнаго извѣщенія, какъ о родственномъ вашемъ ко мнѣ расположеніи, такъ и о пребываніи вашемъ. Я же съ истиннымъ почтеніемъ и непремѣнною преданностью всегда пребуду в. пр. милостиваго государя моего покорный слуга гр. Ш. Татьянѣ Ивановнѣ мое почтеніе.

Августа 3 дня 1793.

Къ митрополиту Платону.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь мой.

Въ епархіи в. пр. Коломенской округи въ вотчинѣ моей селѣ *Чиркинѣ* имѣется изъ давныхъ лѣтъ ружная церковь во имя св Василія Великаго, при которой для исправленія священнодѣйствія имѣлся священникъ Филиппъ Стефановъ на собственномъ какъ покойнаго родителя моего, а по кончинѣ его, на моемъ содержаніи, во всякомъ удовольствіи; но по смерти его, за неимѣніемъ при той церкви другаго священника, остается оная безъ служенія. А какъ въ той церкви похоронены родственники мои и въ слѣдственность оставшихся послѣ ихъ завѣщаній слѣдуетъ быть въ той церкви священнослуженію, въ

каковомъ случаѣ, желая сохранить по тому ихъ завѣщанію, покорнѣйше ваше преосвященство прошу объ опредѣленіи къ той церкви священника и на томъ же положеніи, какъ находился прежній, сдѣлать ваше позволеніе, чѣмъ крайне одолжить меня изволите, которое приму я съ истинною благодарностію, предоставляя себѣ впрочемъ сей случай къ препорученію себя молитвамъ вашимъ и къ засвидѣтельствованію того истиннаго почтенія, съ коимъ пребуду, милостивый государь, вашего преосвященства покорный слуга графъ Николай Шереметевъ.

Іюля 16 дня 1792 года.

Село Покровское - Чиркино Коломенскаго уѣзда, гдѣ похоронены бояре знаменитый Крымскій плѣнникъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, отецъ его Борисъ Петровичъ (Двинской воевода) и дѣдъ его Петръ Никитичъ, убитый въ Псковѣ, есть древнѣйшее помѣстье Шереметевыхъ.

Отъ А. Н. Самойлова.

Іюля 21-го дня 1793.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Препорученіе в. с. о исходатайствованіи вамъ увольненія по Ноябрь мѣсяцъ имѣлъ я счастіе докладывать Ея Императорскому Величеству и получилъ повелѣніе записать имянной Ея Величества указъ, чтобъ отпускъ вашъ отъ присутствія въ Сенатѣ продолженъ былъ по 1-е Ноября сего года, о чемъ Правительствующему Сенату 1-го Іюля отъ меня объявлено, и такъ на полученное нынѣ отъ васъ, милостивый государь мой, письмо долгомъ моимъ поставляю извѣстить васъ объ означенномъ высочайшемъ повелѣніи и пр.

Александръ Самойловъ.

Отъ князя А. Н. Щербатова.

Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ.

Весь городъ нашъ мнѣ сказываетъ, что вы къ Александрову дню будете къ намъ. Графъ Безбородко точно увѣрялъ, что вы будете; а домъ, сказывалъ вашъ человѣкъ, что уже нанятъ Сологубовъ на 6 мѣсяцевъ за 2000 р.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Дворъ третьяго дни пріѣхалъ изъ Царскаго Села, и теперь Государыня въ Таврическомъ дворцѣ, и туда безъ дѣла никто не ѣздитъ. Вотъ только у насъ новостей. Впрочемъ я навсегда в. с. милостиваго государя моего покорно-вѣрнѣйшій слуга князь Андрей Щербатовъ.

Отъ 18-го Августа 1793.

Отъ А. И. Кучецкаго.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Донесу вамъ: вчерашняго числа мы съ женой обѣдали у оберъ-камергера, гдѣ обѣдалъ новый кавалеръ Михайла Михайловичъ Измайловъ, который отмѣнно радъ и сказывалъ, что получилъ ленту, бывъ на полѣ съ собаками, въ который день былъ снѣгъ и стужа, а его всего вымочило и новую ленту, которую, самъ сказывалъ, что надѣлъ сверхъ теплаго сюртука, чтобы зайцы видѣли; и спрашивалъ, будете ли вы нынѣшнюю осень ѣздить въ Москвѣ? Ежели не будете, то ему хочется поѣздить въ Цыбинѣ, и сказалъ, что его навѣрное увѣрилъ князь Михайла Сергѣевичъ Волконской, чтобы онъ ѣздилъ, что вы не будете изъ Петербурга. Я сказалъ: видно, Волконскому больше моего извѣстно; а я васъ увѣряю, что в. с. обѣщали непремѣнно въ Октябрѣ пріѣхать, то, можетъ, время позволитъ и въ Цыбинѣ поѣздить, то и просилъ меня, чтобы я объ немъ къ вамъ написалъ, что онъ за столомъ пилъ ваше здоровье и чтобъ увѣдомили, будетъ ли скоро въ Москву или нѣтъ, и ежели въ Цыбинѣ нынѣшнюю осень вы не будете, то можетъ ли онъ поѣздить и сказалъ, что ежели я къ вамъ не напишу и отвѣту ему не дамъ, то будетъ сердиться со мною. У насъ впрочемъ ничего новаго здѣсь нѣтъ, а пріятное слышу отъ васъ пророчество, что вамъ будетъ подарокъ, въ чемъ я согласенъ и желаю отъ искренняго сердца и смѣло желалъ и вамъ пари, но вы не изволили удариться; я бы выигралъ у васъ. Сейчасъ получилъ отъ в. с. наполненное ласкою письмо, за чтó приношу мою благодарность тѣмъ больше, что и заочно въ памяти имѣете прошедшаго имянинника; притомъ изволите писать, что имяниннику послали гостинецъ, который конечно будетъ для меня дорогъ и пріятенъ. За все оное чувствительную приношу мою благодарность, хотя я и такъ много одолженъ отъ в. с., прося о продолженіи такого вашего къ себѣ расположенія. Я в. с. забылъ благодарить, что получилъ послѣ отъѣзду вашего рисунокъ перегородочки, которую и отдалъ сдѣлать. Не журите, что дорого: вы сами такую приказали нарисовать; долго думалъ, но однако отдалъ сдѣлать за 100 р. И затѣмъ съ истинной моей преданностью честь имѣю остаться. Пожалуйте, в. с., увѣдомьте меня, въ Петербургѣ ли моя кума и здорова-ль? Поѣхала къ вамъ; а не знаю, доѣхала-ль или нѣтъ. Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Александръ Кучецкой.

1793. (Безъ числа).

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

По засвидѣтельствованіи в. пр. моего почтенія, я рѣшаюсь утрудить васъ покорнѣйшею моею просьбою принять на себя сей трудъ препровождаемыхъ при семъ изъ моего звѣринца три пары оленей представить ихъ императорскимъ высочествамъ, и когда я буду столько счастливъ, что оные благоволеніемъ ихъ высочествъ въ принятіи будуть удостоены, то не оставить меня вашимъ извѣщеніемъ, въ ожиданіи чего остаюсь я съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностію в. пр., милостиваго государя моего, покорный слуга гр. Ш.

Августа дня 1793.

Отъ князя А. А. Прозоровскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Вчера намѣренъ я былъ съ в. с. подробно переговорить въ разсужденіи, какъ бы согласясь положить время сдѣлать вмѣстѣ съ вами хотя одно поле; но изъ театру прямо вы поспѣшили отправиться, и такъ сего не успѣлъ; но теперь чрезъ сію бумагу сіе исполняю.

Въ Воскресенье въ спектакль къ вамъ быть не могу, чего бы я хотя охотно желалъ, но за должностью поставляю совершенно невозможнымъ, какъ же въ Понедѣльникъ день почтовый и тотъ, въ который положено главнокомандующему доносить о состояніи столицы и губерніи, то и ночевать нельзя. Но ежели вы не отъѣдете въ Петербургъ и сбору вашему къ пути мѣшать не будетъ, въ чемъ дружески прошу себя не притѣснять, какъ и я съ вами обхожусь на положеніи искреннемъ, то если мнѣ чтò и воспрепятствуетъ, о чемъ я вамъ не пропущу сообщить, я бы могъ пріѣхать къ вамъ во Вторникъ по утру, т. е. часовъ въ 10 или 11; ранѣе отобѣдать и ѣхать на поле; а собакъ того же утра приведутъ поранѣ. Но тутъ есть вопросъ первый: нѣтъ ли въ охотѣ вашей чумы? Сказать прошу, милостивый государь мой, истину, хотя у меня привезены не лучшія собаки. Какъ я уже настращался; а два кобеля, бывшіе тогда съ прочими въ чумѣ и выздоровѣли, а два еще неважны. Второе: я не знаю около васъ мѣстъ для охоты, а кажется, очень площадисто, то есть ли мѣста отъемныя? То назначить куда мы поѣдемъ и далеко ли отъ дому вашего? А между тѣмъ, я по дружбѣ вашей ко мнѣ у васъ и ночую. А притомъ прошу, если желающіе изъ знакомыхъ моихъ будутъ охотники, позволить съ собою привезти; и на все оное буду ожидать вашего рѣшенія, пребывая, какъ всегда, съ истиннымъ почтеніемъ и

таковою же преданностью, милостивый государь мой, в. с., покорный слуга князь Александръ Прозоровскій.

Августа 19 дня,
Петровскій дворецъ.

Къ А. Я. Протасову.

Милостивый государь Александръ Яковлевичъ.

Чрезъ почтеннѣйшее письмо в. в. отъ 3-го Августа угодно было вамъ извѣстить меня о доставленіи плодовъ изъ моихъ оранжерей для поднесенія Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, на которое я имѣлъ честь вамъ донести, что по случаю истеченія тогда для лучшихъ плодовъ времени, хорошихъ фруктовъ въ оранжереѣ моей не оказалось; а изъ другой не самое лучшее послать не осмѣлился. Но какъ извѣстно мнѣ, что Ихъ Императорскія Высочества изволили жаловать бишовъ, для коего нынѣ, собравъ изъ моихъ оранжерей 250 свѣжихъ, горькихъ помаранцовъ, послалъ на нынѣшней тяжелой почтѣ въ домъ мой къ управителю, чтобъ онъ по полученіи представилъ оные для поднесенія Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, покорнѣйше в. в. прося васъ принять на себя оный трудъ, поднести оные Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Счастливымъ себя почту, что если оные примутся съ обыкновенною Ихъ Императорскимъ Высочествомъ милостью.

Ноября 2-го дня 1794.

Отъ графа Д. А. Зубова.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Зная истинно ваше ко мнѣ и къ семейству нашему дружеское расположеніе, увѣренъ, что вы, какъ въ горести, равно и въ радости нашей примете чувствительное соучастіе.

Братъ, графъ Валеріанъ Александровичъ, находясь съ авангарднымъ корпусомъ, состоящимъ въ 2.500 человѣкъ, нашедши мятежниковъ Польскихъ, скопившихся въ тринадцати тысячахъ, на нихъ напалъ и разбилъ; отнялъ одну пушку, взялъ въ полонъ нѣсколько офицеровъ, напослѣдокъ преслѣдовалъ оныхъ; на третій день имѣлъ съ бѣглецами маленькую стычку, потерялъ ногу, которую ядромъ оторвало, и для спасенія его жизни принуждены были ему ногу рѣзать. Государыня изъ особой благотворительности соизволила послать къ нему придворнаго доктора, а на другой день соизволила послать орденъ Андрея съ генералъ-адъютантомъ брата графа Платона Александровича. Съ курьеромъ нынѣшній же день мы получили свѣдѣніе, что ему гораздо свободнѣе, что̀ общую намъ составило радость. Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приступомъ взялъ Прагу, отнялъ 60 пушекъ, взялъ въ полонъ

трехъ генераловъ и 15.000 войска, 10.000 положено на мѣстѣ. По сему удачному предпріятію нѣтъ сумнѣнія, чтобъ Варшава не сдалась, а буде поупрямится, то возмется.

Списокъ пожалованныхъ при семъ прилагаю.

Изъ полученнаго отъ батюшки письма вижу что в. с. одолжили меня сворою брудастыхъ собакъ, за что приношу мою искренную благодарность.

Я не имѣю силъ соразмѣрно дружескимъ обязательствамъ вашимъ отплатить. Одно мое признаніе примите чувствомъ, проистекающимъ отъ искренняго моего желанія чѣмъ-либо на опытѣ доказать вамъ мою готовность и то усердіе и почитаніе, съ которымъ непремѣняемо во всю мою жизнь пребуду в. с. вѣрнопокорнѣйшій слуга.

Графъ Дмитрій Зубовъ.

С.-Петербургъ,
Ноября 3-го дня 1794.

Попрошу во осторожность старику нашему поговорить; надняхъ курьера къ нему пришлемъ. Побывайте у него, а каковъ, увѣдомьте. Мы боимся, чтобы при слабости батюшкиной крайне не огорчило; братъ теперь безопасенъ въ жизни, но несчастье, что безъ ноги. Что дѣлать? Судьбѣ такъ угодно. Сдѣлайте милость, побывайте, чѣмъ несказанно одолжите, и напишите, каковъ онъ. Я не знаю, зять Александра Александровича пріѣхалъ ли, о чемъ съ нимъ поговорить можете, какъ курьеръ пріѣдетъ, чтобы къ оному ихъ приготовить, а не прежде сказать, какъ курьеръ будетъ, потому что отъ брата графа Валеріана есть письмо отъ 23-го Сентября.

ВОСПОМИНАНІЯ ѲЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА.

«Den 31-sten schenkte mir der Allmächtige um 4 Uhr Nachmittags einen gesunden Knaben, wofür Ihm Preis und Dank.» *) Эта замѣтка, написанная рукою отца моего 31-го Іюля 1826 года, гласитъ о рожденіи моемъ, въ зданіи Императорской Академіи Художествъ, въ которой отецъ служилъ, если не ошибаюсь, въ качествѣ надзирателя при воспитанникахъ и учителя. Лѣто 1826-го года было, говорятъ, жаркое, и въ окрестностяхъ Петербурга горѣли лѣса, такъ что воздухъ былъ насыщенъ дымомъ и солнце постоянно было красное и въ туманѣ.

Отецъ мой, принадлежавшій къ старѣйшимъ патриціямъ Ревеля, наслѣдовалъ, говорятъ, значительное состояніе, но, вслѣдствіе неудачныхъ коммерческихъ операцій, лишился всего и принужденъ былъ оставить дѣла и даже мѣсто родины и переѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ, благодаря участію бывшаго тогда президента Академіи Художествъ А. Н. Оленина, получилъ мѣсто, которое занималъ въ годъ рожденія моего.

О предкахъ съ отцовской стороны до сихъ поръ мнѣ мало извѣстно; до меня дошло только, что фамилія наша происхожденія Голландскаго. Во время владычества Австріи, фамилія Oom была возведена въ имперское дворянство (Vorstermann van Oyen. Dictionnaire nobilitaire. La Haye. Van Doorn et Fils). Во время пребыванія моего въ Голландіи съ покойнымъ Цесаревичемъ, Голландцы признавали во мнѣ своего соотечественника. По всей вѣроятности, нѣкоторые изъ Голландскихъ предковъ моихъ разсѣялись по Ганзейскимъ городамъ и очутились въ Англіи, Португаліи, Германіи и въ Остзейскомъ краю. Изъ старинной Шведской хроники мнѣ извѣстно, что въ тридцатилѣтнюю войну, когда часть нынѣшняго Остзейскаго края была подъ владычествомъ Шведовъ, въ Лифляндіи былъ уже одинъ изъ предковъ моихъ Hans Ohm, и что король Густавъ Адольфъ по окончаніи этой войны, въ 1631 году, продалъ ему въ Анцальскомъ кирхшпилѣ имѣніе

*) 31-го, въ четыре часа дня, Всемогущій даровалъ мнѣ здороваго мальчика, за что Ему хвала и благодарность.

Зоммерналенъ въ уплату 2.000 талеровъ отпущенныхъ этимъ Оомомъ заимообразно для продовольствія Шведской арміи. Оомъ продалъ Зоммерналенъ съ деревнями Озелль, Іерреферъ и Сойскюль въ 1652 г. Дидриху Мёллеру за 7.300 талеровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что потомки этого Оома были люди болѣе чѣмъ достаточные; ибо сохранившіяся у меня серебрянныя медали доказываютъ, что друзья ихъ не щадили издержекъ для ознаменованія памятниками самыхъ обыкновенныхъ въ семействѣ событій. Такимъ образомъ двѣ медали были выбиты: одна— по случаю обрученія Генриха Оома въ 1752 г. съ дѣвицею Гертрудою Елисаветою Зеебекъ (обрученіе Товіи съ Сарою) а другая — по случаю бракосочетанія ихъ же (бракъ въ Канѣ Галилейской). Сохранилась у насъ также записка, по которой медаль, пожалованная въ 1728 г. прибывшему въ С.-Петербургъ къ коронованію императора Петра II-го въ качествѣ перваго депутата города Ревеля Адольфу Оому, передавалась изъ рода въ родъ, сперва внуку его Адольфу къ празднику Рождества, потомъ симъ послѣднимъ сыну своему, а моему отцу, Адольфу, который въ свою очередь подарилъ ее трехлѣтнему сыну своему, моему одно-кровному брату Адольфу. Изъ напечатанной въ 1874 году двоюроднымъ братомъ моимъ, бывшимъ профессоромъ Дерптскаго Университета, Ѳ. А. Бунге книжки «Die Revalsche Rathslinie nebst Geschichte der Rathsverfassung», видно, (стр. 119), что родившійся въ 1670 г. въ Ревелѣ Адольфъ Оомъ былъ первоприсутствующимъ бургомистромъ Ревельскимъ въ 1729, 1733 и 1737 годахъ († 1753). Онъ и ѣздилъ депутатомъ отъ Ревеля въ Москву на коронацію Петра II-го. Внукъ его Адольфъ II-й († 1811) былъ почти во всѣхъ тѣхъ же должностяхъ, какъ и дѣдъ его. Отецъ сего послѣдняго Генрихъ ум. въ 1760 г. Наконецъ сынъ Адольфа II го мой отецъ, родившійся въ 1791 г., былъ старшиною большой гильдіи до 1824 г., когда выѣхалъ въ Петербургъ. Въ той же книжкѣ упоминается о Вильгельмѣ Оомѣ, который былъ въ 1790 — 1796 годахъ Beisitzer des Departaments des Gouvernements-Magistrats für peinliche Sachen.

Вотъ все, что перешло ко мнѣ отъ предковъ моихъ со стороны отцовской; другихъ свѣдѣній я никогда не имѣлъ, за исключеніемъ развѣ того, что одна отрасль нашей фамиліи пребываетъ въ Португаліи и считается, на основаніи родословной, происходящею отъ того же Ганса Оома. Фамильный гербъ нашъ тотъ же. Одинъ изъ членовъ Португальской линіи Frederico Oom, офицеръ морской службы, пробылъ 4 года (съ 1859 по 1863) въ Пулковѣ, чтобы изучить устройство обсерваторіи и потомъ, возвратившись въ Лиссабонъ уже женатымъ на Русской подданной, дѣвицѣ Миллеръ, построилъ тамъ обсерваторію по образцу

Пулковской и состоитъ нынѣ директоромъ оной. Извѣстно намъ также, что въ Англіи были наши однофамильцы, что съ однимъ изъ нихъ покойный однокровный братъ мой познакомился во время пребыванія своего въ Лондонѣ и что этотъ Оомъ, служившій въ Англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, скончался молодымъ человѣкомъ. Бывшіе въ С.-Петербургѣ послами сэръ-Букананъ и Торнтонъ отзывались о немъ какъ о человѣкѣ очень образованномъ, способномъ и симпатичномъ.

Свѣдѣнія о родствѣ съ материнской стороны, хотя и простираются недалеко, но они несравненно обстоятельнѣе, и я дорожу ими болѣе, потому что съ ними сопряжены лучшія для меня воспоминанія.

Дѣдъ мой, отецъ моей матери, Фридрихъ Антонъ Фурманъ, прибылъ въ Россію изъ Саксоніи во второй половинѣ прошлаго столѣтія и пользовался извѣстностію по своимъ агрономическимъ и экономическимъ познаніямъ, которыя и доставили ему, на первыхъ же порахъ прибытія его изъ-за границы, весьма выгодныя въ то время занятія. Онъ былъ немедленно опредѣленъ на службу и кромѣ того завѣдывалъ многими имѣніями крупныхъ помѣщиковъ. Женатый на дѣвицѣ Энгель (сестрѣ извѣстнаго въ свое время статсъ-секретаря Ѳедора Ивановича Энгеля, виднаго дѣятеля при императорѣ Павлѣ Петровичѣ и въ особенности при императорѣ Николаѣ Павловичѣ), онъ въ 1791 году проживалъ въ Звенигородскомъ имѣніи князя Голицына, селѣ Богородскомъ, гдѣ у него родилась третья дочь Анна, моя матушка. За неимѣніемъ въ той мѣстности протестантскаго пастора, она была крещена только на шестомъ году отъ рожденія. Впослѣдствіи дѣдъ мой самъ пріобрѣлъ небольшое имѣніе въ Кіевской губерніи и тутъ занялся воспитаніемъ дѣтей своихъ, для чего у него жилъ рекомендованный ему извѣстнымъ педагогомъ Кампе иностранецъ Граффъ. Какъ матушка моя, такъ и братъ и сестры ея, всегда съ особеннымъ уваженіемъ и любовью отзывались объ этомъ наставникѣ. На насъ дѣтей, его воспитанниковъ, перешелъ какъ бы по наслѣдству почеркъ его, отличавшійся твердостію и отчетливостію.

У дѣда моего отъ перваго брака съ дѣвицею Энгель были сыновья Романъ, Антонъ, Александръ, Ѳедоръ и дочери Елисавета, Екатерина и Анна; отъ втораго же брака, съ дѣвицею Гильдебрантъ: сынъ Андрей и дочь Наталія.

Старшій сынъ Романъ, воспитывавшійся въ Горномъ Корпусѣ, кончилъ свое поприще въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ завѣдывалъ финансами Царства съ 1831 года по 1848 годъ. Жена его, рожденная

Адамовичъ, была падчерица статсъ-секретаря Ѳ. И. Энгеля, роднаго брата моей бабушки. Отъ этого брака было у нихъ два сына: Николай, женатый на дѣвицѣ Тепперъ (въ молодости лейбъ-гусаръ, скончавшійся въ званіи егермейстера въ 1885 г.) и Иванъ. женившійся на Кавказѣ на мѣстной уроженкѣ, и семь дочерей: 1) Елисавета, жена сенатора А. И. Крузенштерна, 2) Марія, вдова д. с. с. Холодовскаго, 3) Екатерина, вдова генералъ-лейтенанта Дейтрихъ (нынѣ директриса Полтавскаго Института), 4) Александра, вышедшая замужъ за инженернаго капитана Бехли, 5) Елена, 6) Анна, нынѣ вдова генералъ-адъютанта барона Будберга и 7) Ольга, жена флотъ-капитана флигель-адъютанта Новосильскаго.

Второй сынъ дѣда моего Антонъ Фурманъ воспитанникъ Горнаго же Корпуса, служилъ по тому же вѣдомству на Уралѣ и оберъ-бергмейстеромъ вышелъ въ отставку. Несчастливый въ бракѣ, онъ овдовѣлъ и по конецъ жизни страдалъ умономѣшательствомъ, главною причиной котораго были непріятности, причиненныя этому честному и благородному человѣку бывшимъ начальникомъ его Мечниковымъ.

Третій сынъ Александръ служилъ въ Генеральномъ Штабѣ, отличаяся умомъ и любезностію [1], но рано умеръ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями и дочь Е. А. Бенецкую.

Четвертый сынъ Ѳедоръ, любимецъ всего семейства, воспитывался сперва въ одномъ изъ Кадетскихъ корпусовъ, но вслѣдствіе ушиба, лишившись руки, перешелъ въ Дерптскій Университетъ, потомъ служилъ почти постоянно при нашихъ миссіяхъ заграницею, гдѣ и женился на Римлянкѣ Іюдиѳѣ Фіораванти, которую предварительно воспиталъ на свой счетъ. О немъ придется говорить впослѣдствіи. Единственная ихъ дочь Октавія вышла замужъ за графа Бержинскаго. Извѣстная графиня Самойлова, въ альбомѣ портретовъ ей принадлежавшемъ, подъ портретомъ дяди написала: «Macula non fuit in te» [2].

По окончаніи курса въ Дерптскомъ Университетѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ отправился заграницу для усовершенствованія въ наукахъ. Въ Берлинѣ онъ имѣлъ случай быть представленнымъ принцессѣ Шарлоттѣ Прусской, въ то время невѣстѣ В. К. Николая Павловича. Въ Римѣ, поселившись въ домѣ бѣднаго музыканта Фіорованти, онъ обратилъ вниманіе на маленькую дочь хозяина Іудиѳь, приводившую его въ во-

---

[1]) См. Записки Вигеля.

[2]) Т. е. въ тебѣ не была пятна.

сторгъ своими музыкальными способностями. По просьбѣ его Россини взялся развить талантъ маленькой Италіянки. Будучи уже на службѣ при посольствѣ въ Константинополѣ, дядя мой вновь пріѣхалъ въ Римъ, засталъ свою protégée 15-ти-лѣтнею красавицею съ прелестно обработаннымъ голосомъ и, несмотря на всевозможныя препятствія со стороны родныхъ и начальства, женился на ослѣпившей его Италіянкѣ. Въ 1839 г. онъ переселился изъ Константинополя въ Петербургъ и въ званіи совѣтника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ былъ въ 1843 г. назначенъ въ Римъ, для переговоровъ по поводу крещенія дѣтей В. К. Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, въ Православную вѣру, противъ чего возставалъ Папа. Дѣло это дядя велъ съ большимъ искусствомъ. Въ то время отъ него была получена, между прочимъ, депеша, о которой одна изъ свѣтскихъ дамъ Петербурга, въ своихъ Запискахъ (см. «Русскій Архивъ» 1882 г. книга І-я, стр. 206) говоритъ: «Въ Февралѣ 1845 г. замѣчательна депеша Фурмана, который умеръ въ Римѣ. Selon moi, un chef d'oeuvre d'habilité, de bon goût et en même temps d'exigences fermes».

Дядя Ѳедоръ Ѳедоровичъ скончался въ 1842 году отъ апоплексическаго удара, внезапно, поднимаясь съ женою по лѣстницѣ въ домѣ, занимаемомъ нашимъ посломъ въ Римѣ, Бутеневымъ, у котораго они должны были обѣдать.

Дѣло, порученное дядѣ, окончилъ графъ Д. Н. Блудовъ. Конецъ былъ положенъ тѣмъ, что императоръ Николай Павловичъ придалъ къ титулу герцоговъ Лейхтенбергскихъ—названіе Князей Романовскихъ.

Пятый Фурманъ, Андрей (отъ втораго брака моего дѣда съ дѣвицею Гильдебрантъ) по выпускѣ изъ Кадетскаго Корпуса, по рекомендаціи моей матушки, опредѣленъ былъ на службу въ Черниговскій полкъ, которымъ командовалъ Муравьевъ-Апостолъ. Эта рекомендація послужила поводомъ къ сближенію его съ командиромъ полка и къ тому, что дядя мой, замѣшанный въ дѣлѣ 14-го Декабря, кончилъ жизнь въ ссылкѣ на поселеніи въ Сибири, вслѣдствіе тоски, какъ говоритъ Розенъ въ своихъ «Запискахъ Декабриста».

Старшая дочь дѣда моего Елисавета, 13 лѣтъ, вышла замужъ въ Кіевѣ за нѣкоего Бунге и была матерью извѣстныхъ профессоровъ Дерптскаго университета: юриста Ѳедора Андреевича Бунге, служившаго подъ конецъ во II Отдѣленіи собственной канцеляріи Его Величества и теперь проживающаго въ Висбаденѣ, и ботаника Александра Андреевича, нынѣ академика, живущаго въ Дерптѣ.

Вторая моя тетка Екатерина была замужемъ за Коростовцевымъ. У нея были сыновья Александръ и Андрей Андреевичи и дочери Анна и

Наталья Андреевны. Наталья вышла замужъ за П. М. Новосильскаго (брата извѣстнаго адмирала). Три сына ея—моряки Новосильскіе, изъ коихъ старшій Михаилъ женился на младшей дочери дяди моего Романа Ѳедоровича, Ольгѣ, слѣдовательно на двоюродной теткѣ своей. Другіе два Андрей и Павелъ, изъ коихъ первый умеръ во время заграничнаго плаванія въ Санъ-Франциско, и второй командовалъ фрегатомъ «Герцогъ Эдинбургскій».

Четвертая дочь отъ втораго брака дѣда моего, Наталья была замужемъ за А. П. Литке, однокровнымъ братомъ графа Ѳедора Петровича. Мать послѣдняго была также рожденная Энгель, такъ что онъ былъ двоюродный братъ матушки моей.

Когда дѣдъ мой овдовѣлъ, матушка моя,будучи еще ребенкомъ, была взята на воспитаніе прабабушкою моею Елисаветою Каспаровною Энгель, принявшею въ тоже время къ себѣ и внука своего Ѳ. П. Литке, мать котораго скончалась чрезъ два часа послѣ его рожденія. Отсюда и дружба ихъ, сохранившаяся до кончины моей матушки, которая была семью годами старше славнаго адмирала. За смертію Елисаветы Каспаровны матушка моя была взята на воспитаніе бывшею въ тѣсной дружбѣ съ прабабушкою Елисаветою Марковною Олениной, рожд. Полторацкой, у которой и оставалась до 25-ти-лѣтняго возраста.

Кому неизвѣстны по преданію разсказы о домѣ Алексѣя Николаевича Оленина, этомъ средоточіи интересовъ литературныхъ и художественныхъ? Имена Державина, Озерова, Гнѣдича, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго для меня какъ бы родственныя, и съ ними соединены лучшія воспоминанія моего дѣтства и юношества, когда бывало матушка разсказывала намъ о живыхъ бесѣдахъ и литературныхъ чтеніяхъ въ домѣ Олениныхъ. Ни одно сочиненіе этихъ дѣятелей по части словесности не выходило въ свѣтъ, не будучи прочтено предварительно въ тѣсномъ кружкѣ, собиравшемся вокругъ мецената того времени.

Матушка моя присутствовала при всѣхъ этихъ бесѣдахъ и съ работою въ рукахъ прислушивалась къ разсужденіямъ, которыя такъ благодѣтельно дѣйствовали на развитіе ея. Несмотря на молодость свою, она уже тогда пользовалась уваженіемъ этого кружка и была такъ сказать любимицею нѣкоторыхъ изъ этихъ уже маститыхъ въ то время старцевъ. Такъ, напримѣръ, Державинъ всегда сажалъ ее за обѣдомъ возлѣ себя, а Озеровъ въ угоду ей подарилъ ей ложу на первое представленіе его «Дмитрія Донскаго», самъ пріѣхалъ въ ложу и, какъ говорила матушка, восторгаясь игрою извѣстной въ то время артистки Семеновой, плакалъ отъ умиленія.

Часто матушка вспоминала также о большихъ праздествахъ, въ которыхъ принимали участіе эти дѣятели золотаго вѣка Русской словесности и лучшіе того времени художники. Такъ помнится мнѣ разсказъ ея о балѣ, устроенномъ графомъ Чернышовымъ въ домѣ его у Синяго моста (впослѣдствіи Юнкерская школа, а послѣ дворецъ В. К. Маріи Николаевны), гдѣ одновременно были танцы, маскарадъ, театръ и живыя картины. Эти празднества имѣли особый характеръ; все было осмысленно и въ пьесахъ нарочно для этого случая написанныхъ, и въ картинахъ, изображавшихъ то сатиру, то аллегорію; а если вспомнить тогдашнюю страсть къ классицизму и сатирическое направленіе, то не трудно понять и то, что въ сюжетахъ для живыхъ картинъ и представленій не было недостатка. Крыловъ, Шаховской, Гнѣдичъ конкурировали между собою въ сочиненіяхъ для этихъ празднествъ, и Пріютино (небольшое имѣніе, скорѣе дача, Оленинымъ, за пороховыми заводами) служило обыкновенно мѣстомъ, гдѣ впервыя разыгрывались пьесы, написанныя знаменитыми литераторами. 5-го Сентября, въ день именинъ Елисаветы Марковны Олениной, ежегодно устраивались сюрпризы въ театрѣ, нарочно для того устроенномъ, и матушкѣ моей нерѣдко случалось принимать участіе и испытывать подъ руководствомъ Гнѣдича свои сценическія способности, впрочемъ весьма слабыя (она была слишкомъ застѣнчива для игры на сценѣ). Празднованіе 5-го Сентября въ Пріютинѣ повторялось ежегодно до кончины Е. М. Помнится мнѣ, какъ въ апоѳозѣ, въ которомъ участвовали Анна Алексѣевна Оленина, Антонина и Лидія Дмитріевны Блудовы, и меня маленькаго повѣсили на проволокѣ почти голаго съ подрумяненными свеклою щеками и съ крылышками. Такого же амура изображала Лизанька Оленина, впослѣдствіи Мамонова, дочь Петра Алексѣевича. Въ Пріютинѣ мы гостили ежегодно по нѣскольку недѣль. Тутъ же лѣто проводилъ И. А. Крыловъ; ему было отведено помѣщеніе въ хорошенькомъ домѣ въ саду на горѣ, который назывался банею. Часто меня посылали будить крестнаго отца моего, который всегда былъ ласковъ и шутилъ со мною. Такъ иногда онъ объявлялъ мнѣ, что встанетъ только тогда, когда я безъ ошибки скажу ему наизустъ одну изъ басенъ его. Когда Пріютино, послѣ кончины Елисаветы Марковны, было продано, оно казалось мнѣ потеряннымъ раемъ. Мельчайшія подробности дѣтства, проведеннаго нами тамъ, до сихъ поръ мнѣ дороги и памятны. Староста Гаврило, старушка огородница Василиса, приносившая намъ каждое утро по пучечку моркови, утренній чай изъ листьевъ черной смородины съ пшенными булочками, фруктовый садъ и оранжереи, все это чередуется въ памяти моей.

Близкіе дома, въ которыхъ матушка часто проводила время и о которыхъ она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностію вспоминала, были семейства Бакуниныхъ, Самариныхъ и Архаровыхъ. Покойная Софья Григорьевна Волконская, супруга фельдмаршала, до смерти своей сохранила къ матушкѣ моей самое дружеское расположеніе. Дружна она была и съ А. И. Васильчиковой (до замужества Архаровой). Изъ молодыхъ людей, въ то время часто бывавшихъ въ домѣ А. Н. Оленина, были между прочимъ С. С. Уваровъ и П. Д. Киселевъ. Бывалъ у Олениныхъ уже въ наше время кн. П. М. Волконскій, министръ двора, по женѣ своей родственникъ Елисаветы Марковны. Когда онъ пріѣзжалъ къ обѣду, старшій буфетчикъ Иванъ Кондратьевъ съ особенною торжественностію являлся и провозглашалъ свое обычное: «Кушать поставили». Однажды князь привезъ Елисаветѣ Марковнѣ пожалованный ей орденъ Св. Екатерины, и старушка, принявъ знаки ордена, замѣтила: «Ты, князь, хлопочешь о томъ, чтобы передъ гробомъ моимъ было что нести». Намъ, дѣтямъ, приходилось въ домѣ Алексѣя Николаевича встрѣчаться съ дѣтьми нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ лицъ. Живо помнится, какъ бывало по Воскресеньямъ послѣ обѣда мы рѣзвились и плясали подъ звуки фортепіано или шарманки съ дочерьми А. И. Васильчиковой (впослѣдствіи гр. Анна Алексѣевна Баранова и княгиня Е. А. Черкасская), съ Эрнстомъ и Кларою Люцероде, коихъ отецъ былъ Саксонскимъ посланникомъ. Изъ ближайшихъ къ семейству дѣтей были Атинька Оленина (нынѣ А. Г. Стояновская) и кн. Алина Голицына, дочь Александра Ѳедоровича, женатаго на гр. Н. И. Кутайсовой, жившаго въ верхнемъ этажѣ дома Олениныхъ на Большой Морской (нынѣ перестроенъ и принадлежитъ Грейгу).

Самымъ горячимъ поклонникомъ матушки моей между извѣстными личностями былъ К. Н. Батюшковъ, на котораго однако къ несчастію эта любовь, нераздѣляемая матушкою, имѣла самое пагубное вліяніе, ибо была одною изъ причинъ сперва его меланхоліи, потомъ умопомѣшательства. Письма Батюшкова къ Е. Ѳ. Муравьевой свидѣтельствуютъ о тяжеломъ настроеніи его духа; онъ жалуется на судьбу свою. Въ стихотвореніи «Мой геній» Батюшковъ выражаетъ всю глубину чувства своего. Глинка переложилъ эти стихи на музыку, но этотъ романсъ одно изъ слабыхъ произведеній его. Нынѣ сынъ В. А. Жуковскаго передалъ Помпею Николаевичу Батюшкову стихотворенія его брата, посвященныя моей матушкѣ; они помѣщены въ полномъ собраніи сочиненій Батюшкова, изданіи А. Н. Майкова. Въ I томѣ, стр. 190 упоминается о моей матушкѣ.

Пока матушка моя воспитывалась какъ любимая дочь въ домѣ Олениныхъ, отецъ ея вторично женился, и отъ этого втораго брака

подрастала уже дочь Наталья Өедоровна. Дѣдъ мой, желая, чтобы мать моя приняла на себя воспитаніе этой сестры, вызывалъ ее настоятельно въ Дерптъ (гдѣ онъ поселился уже нѣсколько лѣтъ, продавъ предварительно свое Кіевское имѣніе). Вызовъ этотъ былъ неожиданнымъ ударомъ для матушки моей, привязавшейся всею душою къ Елисаветѣ Марковнѣ. А. Н. Оленинъ сказалъ ей, что она можетъ не ѣхать въ Дерптъ, если согласится выйти замужъ за человѣка, давно уже просящаго руки ея, что онъ не рѣшался до сихъ поръ говорить ей о немъ, будучи заранѣе увѣренъ въ отказѣ ея, но что теперь обязанъ ей объявить, что претендентъ этотъ Ник. Ив. Гнѣдичъ. Этого матушка никакъ не ожидала: она привыкла смотрѣть на Гнѣдича (уже далеко не молодаго человѣка) съ почтеніемъ, уважая его умъ и сердце, наконецъ съ признательностію за вліяніе его на развитіе ея способностей, ибо почти ежедневно бесѣдовала съ нимъ и слушала наставленія его; однимъ словомъ, она любила его, какъ ученицы привязываются къ своимъ наставникамъ. Но тутъ же появилось несчастное чувство сожалѣнія, и она просила А. Н. дать ей нѣсколько дней для размышленія. Кончилось тѣмъ, что она, конечно, другими глазами смотря на Гнѣдича, стала замѣчать въ немъ недостатки, напр, неимѣвшую дотолѣ никакого для нея значенія наружность (Н. И. былъ кривъ на одинъ глазъ вслѣдствіе оспы, обезобразившей ему лицо), и все это обратилось въ чувство непреодолимаго отвращенія, которое вскорѣ сдѣлалось яснымъ и для самого жениха. Въ это время какъ-то за обѣдомъ, дочь Олениныхъ Анна Алексѣевна, тогда еще ребенокъ, вдругъ, ко всеобщему удивленію, смотря на Гнѣдича, съ сожалѣніемъ вскрикнула: «Бѣдный Н. И., вѣдь онъ кривенькій». Елисавета Марковна, сдѣлавъ дочери выговоръ, спросила ее: кто могъ ей это сказать? Малютка промолчала, но вмѣсто ея отвѣчалъ только что взятый изъ деревни и стоявшій за стуломъ казачекъ: «Кто сказалъ? Вѣстимо, барышня (т. е. моя матушка) при мнѣ говорили сегодня утромъ, что они (Гнѣдичъ) кривые; да и вправду они одноглазые.»

Матушка моя съ отчаяніемъ вырвалась изъ объятій дорогаго ей семейства, которое привыкла считать своимъ, и уѣхала въ Дерптъ.

Тутъ она застала: Протасовыхъ, Воейкова, женатаго на Протасовой, и сестру ея, жену профессора Мойера, а также В. А. Жуковскаго.

Вскорѣ свыклась она съ новою жизнію и обстановкой, дотолѣ для нея чуждой.

Въ 1821 году дѣдъ мой временно переселился въ Ревель, и тутъ моя матушка вышла замужъ за отца моего, у котораго отъ перваго брака былъ уже шестилѣтній сынъ.

Затѣмъ, какъ уже сказано выше, отецъ мой, вынужденный обстоятельствами, выѣхалъ съ семействомъ изъ Ревеля и поступилъ на службу по вѣдомству Императорской Академіи Художествъ и Морскаго Кадетскаго Корпуса.

Въ 1824 г., простудившись во время наводненія, онъ сталъ хворать и въ Февралѣ 1827 года скончался. Два мѣсяца спустя матушка была опредѣлена главною надзирательницею Воспитательнаго дома, т. е. отдѣленія Французскихъ классовъ (Николаевскій Сиротскій Институтъ) и возрастнаго отдѣленія, слившагося впослѣдствіи съ Александринскимъ Сиротскимъ домомъ.

Трудное наступило время для бѣдной матушки. Въ то время она кормила меня, 8-мѣсячнаго ребенка, и должна была блюсти за заведеніемъ, въ которомъ воспитывалось тогда не болѣе 300 питомицъ Воспитательнаго дома. Но время это сопряжено съ воспоминаніями, которыя матушка сохраняла до кончины своей. Руководительницею ея въ новыхъ обязанностяхъ была сама Императрица Марія Ѳедоровна, въ первые дни пріѣзжавшая въ заведеніе и, вводя новую начальницу въ обязанности ея, съ материнскою заботливостію слѣдившая за управленіемъ его. Гр. Ив. Вилламовъ, бывшій въ то время секретаремъ Ея Величества, а послѣ кончины Императрицы статсъ-секретаремъ, управляющимъ IV Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, былъ также отличнымъ совѣтникомъ матушки моей. Онъ всегда цѣнилъ заслуги и способности ея и называлъ ее шуткою вмѣсто мадамъ Оомъ мадамъ Умъ.

Вскорѣ матушка свыклась съ обязанностями до того, что державная ея покровительница однажды, обращаясь къ Е. М. Олениной, спросила ее: si elle n'a pas parmi ses bijoux une seconde perle, comme m-me Oom, qu'elle la prendrait à l'instant *).

Весь день у матушки былъ поглощенъ занятіями, которыя годъ отъ году становились труднѣе по значительно возраставшему числу воспитанницъ.

Въ 1837 году въ назначеніи Воспитательнаго дома произошла рѣзкая перемѣна.

Французскіе классы были обращены въ Сиротскій Институтъ, въ который стали принимать исключительно оберъ-офицерскихъ дѣтей, а незаконнорожденныхъ дѣтей отвозили въ окрестныя деревни, гдѣ они и оставались до извѣстнаго возраста; а потомъ дѣвушки, если не вы-

---

*) Нѣтъ ли въ числѣ ея драгоцѣнностей еще другой жемчужины, какъ г-жа Оомъ; она бы взяла ее сей часъ.

ходили замужъ, помѣщались въ разныя заведенія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ качествѣ прислужницъ или, какъ называли ихъ въ институтахъ, нянекъ. Предлогомъ къ лишенію воспитанія и образованія этихъ несчастно-рожденныхъ (какъ со времени этого преобразованія называла ихъ моя матушка, которая сильно противилась реформѣ) послужило предположеніе, что этимъ путемъ, если не прекратится, то по крайней мѣрѣ, уменьшится безнравственность. Какъ будто вовлеченные въ грѣхъ люди думаютъ о послѣдствіяхъ безнравственнаго ихъ поступка? Я увѣренъ, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ человѣкъ удержится отъ грѣха въ предвидѣніи того, что плодъ его незаконной связи будетъ лишенъ образованія. При учрежденіи воспитательныхъ домовъ, Императрица Екатерина имѣла въ виду не только гуманную цѣль—смыть, такъ сказать, съ дѣтей, неповинныхъ конечно въ грѣхѣ родителей, пятно на нихъ лежащее, и сравнить ихъ съ другими сословіями сообразно ихъ способностямъ и наклонностямъ, но въ тоже время лучшихъ изъ нихъ и наиболѣе способныхъ подготовлять къ службѣ внутри и на окраинахъ Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, сколько изъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ было впослѣдствіи отличныхъ врачей, учителей и воспитательницъ во всѣхъ губерніяхъ Россіи и Сибири. Этимъ молодымъ людямъ, не имѣвшимъ ни родныхъ, ни знакомыхъ въ столицахъ, не трудно было разставаться съ Петербургомъ и Москвою, и они скоро свыкались съ провинціальною жизнію во время шестилѣтней обязательной службы ихъ въ мѣстахъ, куда ихъ назначало правительство, ибо другой родины они не имѣли. Между тѣмъ мы знаемъ, какъ трудно и теперь находить людей для службы внѣ столицъ и въ особенности гдѣ нибудь въ глуши. Вотъ этихъ-то людей и давали воспитательные дома съ ихъ учебно-воспитательными заведеніями.

Матушка, насколько отъ нея зависѣло, отстаивала преимущества дарованныя несчастно-рожденнымъ дѣтямъ Императрицею Екатериною. Она рѣшалась даже лично просить Императрицу и Государя не лишать этихъ дѣтей воспитанія и убѣждала, если требуется, основать особое сиротское заведеніе для оберъ-офицерскихъ дѣтей, но не закрывать питомцамъ пути къ воспитанію и образованію. «Мой долгъ, Государь», говорила она, «вступиться за нихъ, ибо онѣ мнѣ поручены покойной матушкой вашей. Она призвала меня воспитывать именно ихъ, а не другихъ дѣтей.» Но вопросъ былъ рѣшенъ безповоротно.

Во всякомъ случаѣ могу съ увѣренностью сказать, что съ той минуты, когда вмѣсто малолѣтнихъ незаконнорожденныхъ дѣтей стали поступать въ Институтъ оберъ-офицерскія сироты 10, 12-ти и до 13-ти лѣтъ, часто если не испорченныя уже, то съ дурными наклонностями

и привычками, матушкѣ стало несравненно труднѣе управлять заведеніемъ. Число дѣтей стало быстро возрастать; въ 1845 году перевели въ тоже зданіе воспитанницъ Александринскаго Сиротскаго дома, коего помѣщеніе на Каменно-островскомъ проспектѣ понадобилось для Лицея, выведеннаго тогда изъ Царскосельскаго дворца. Число воспитанницъ и служащихъ, подвѣдомственныхъ управленію моей матушки, возросло до 1000 человѣкъ. Странно, что, не смотря на эти перемѣны, которыя вызывали усиленные труды и возлагали на матушку страшную отвѣтственность, содержаніе ея, весьма тогда скромное, оставалось неизмѣненнымъ до кончины ея. Въ теченіе 24-хъ лѣтней службы она отъ Опекунскаго Совѣта наградъ не получала, да и не просила; два раза удостоивалась получать подарки лично отъ Государыни Императрицы. 24-хъ лѣтняя служба ея ознаменована самымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей и безкорыстіемъ. Государь Николай Павловичъ зналъ это и цѣнилъ службу ея, что̀ доказалъ милостивымъ участіемъ во время предсмертной ея болѣзни и послѣ кончины ея.

Часто матушка нуждалась въ денежныхъ средствахъ, и когда по совѣту медиковъ ей приходилось въ 1842 и 1846 годахъ ѣздить на морскія купанья въ Гельсингфорсъ, оба раза она ѣздила на счетъ позаимствованныхъ денегъ, которыя возвращать стоило немалаго труда.

Сестры мои, окончивъ курсъ въ Институтѣ, устроили у себя небольшой пансіонъ для дѣвочекъ, что̀ давало имъ средства содержать себя.

По выходѣ моемъ изъ Университета, въ которомъ я, какъ и во 2-й гимназіи, состоялъ стипендіатомъ И. А. Крылова *), моего крестнаго отца, матушка, чтобъ экипировать меня, заняла 300 р., которые я уплатилъ впослѣдствіи изъ жалованья моего.

Какъ добросовѣстно относилась матушка моя къ своимъ обязанностямъ, можно судить уже потому, что, постоянно наблюдая за нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ ввѣренныхъ ей сиротъ, она въ тоже время неуклонно провѣряла самую себя и совѣтовалась съ извѣстными въ то время педагогами: Парротомъ, Е. А. Энгельгардтомъ, академиками Аделунгомъ и Шторхомъ, Пезаровіусомъ и директоромъ Нѣмецкаго училища Св. Петра старикомъ Вейсомъ. Эти господа приглашались и на экзамены выпускныхъ воспитанницъ. Бывшій министръ

*) Въ день 50-ти лѣтняго юбилея его въ 1838 году, какъ баснописца, была Всемилостивѣйше пожалована изъ Государственнаго Казначейства сумма на образованіе стипендій Крылова. Иванъ Андреевичъ пріѣхалъ тотчасъ же къ матушкѣ моей съ предложеніемъ взять меня первымъ степендіатомъ.

Нар. Просв. графъ Уваровъ, котораго матушка знала еще въ молодости, также посѣщалъ Институтъ, который называлъ Женскимъ Университетомъ. Гр. Ив. Вилламовъ и почетн. опек. графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій принимали самое близкое участіе въ дѣлѣ образованія воспитанницъ, которыя готовились въ домашнія наставницы и помѣщались въ семейства, проживающія внутри Россіи, не имѣя права въ первыя по выпускѣ шесть лѣтъ принимать мѣста въ столицѣ. Отъѣзжающихъ матушка всегда провожала сама въ контору мальпостовъ, и по просьбамъ ея, въ Москвѣ и другихъ городахъ, ихъ встрѣчали на пути заботливыя попеченія или начальницъ институтовъ, или мѣстныхъ властей. Она оберегала ихъ какъ своихъ дочерей до самого прибытія ихъ въ семьи и была потомъ въ перепискѣ съ ними.

Дѣтство и юность моя и сестеръ моихъ были самыя счастливыя, и любовь наша къ матушкѣ безграничная. Теперь, когда пишу эти строки, испытавъ въ жизни много чувствительныхъ потерь, сознаюсь откровенно, что смерть матушки была лишеніемъ самымъ сильнымъ и болѣзненнымъ. Никогда я не встрѣчалъ въ женщинѣ столько ума и сердца, никогда не могъ себѣ представить болѣе чарующей ласки, которая относилась не только къ намъ, роднымъ дѣтямъ ея, не только къ ввѣреннымъ ея руководству сиротамъ, но даже къ посторонпимъ лицамъ, прибѣгавшимъ къ ней за совѣтомъ и утѣшеніемъ.

По настоянію матушки мужское отдѣленіе Воспитательнаго дома, которое отдѣлялось отъ женскаго церковью (помѣщавшеюся тамъ, гдѣ нынѣ танцовальный залъ Николаевскаго Института), было переведено въ Гатчину, что̀ послужило къ значительному расширенію женскаго отдѣленія. Впослѣдствіи для груднаго отдѣленія было построено особое зданіе (нынѣ Воспитательный домъ), а присоединеніе прежняго помѣщенія онаго къ Институту дало возможность перевести туда Александринскій Сиротскій домъ и слить его съ рукодѣльными классами.

Какъ живо помнится мнѣ квартира, которую занимала матушка въ первые годы ея службы. Комнатъ было всего 4, изъ которыхъ одна раздѣлялась на гостинную, спальню и матушкинъ кабинетъ. Всѣ онѣ топились огромною изразцовою печью, весьма красивою, съ большимъ шаромъ обвитымъ гирляндами, которыя граціозно опускались на самую печь и по ней почти до полу. Помню еще нѣсколько красивыхъ изразцовыхъ печей въ Институтскомъ зданіи; всѣ эти памятники временъ Елисаветы Петровны, поставленные при постройкѣ великолѣпнаго дома гр. Кирилы Григорьевича Разумовскаго, давно уже исчезли. Новѣйшихъ временъ архитекторы безпощадно уничтожали ихъ

при каждой перестройкѣ. Дядя мой (по женѣ своей Натальѣ Петровнѣ Литке), адмиралъ Ив. Сав. Сульменевъ, при первомъ посѣщеніи матушки въ новомъ ея помѣщеніи, вспомнилъ, что, будучи юнкеромъ во флотѣ, стоялъ на часахъ у входа въ эту квартиру, когда ее занималъ прибывшій изъ Франціи во время революціи въ 1793 г., герцогъ Артуа, впослѣдствіи Карлъ X-й. Мы жили 15 лѣтъ въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи, но никому и въ голову не приходило жаловаться на тѣсноту. Вообще требованія были иныя въ то счастливое время. Никто не искалъ роскоши въ обстановкѣ, а между тѣмъ матушку навѣщали всѣ старые друзья ея молодости. Такъ какъ, во время наводненія, родители мои лишились всей мебели, обзаводиться новою было не на что, то друзья и родственники позаботились снабдить ихъ необходимымъ. У насъ долгое время сохранилась мебель краснаго дерева въ гостиной, которую подарилъ матушкѣ И. А. Крыловъ. Когда бывало Императоръ Николай Павловичъ или Императрица Александра Ѳеодоровна удостоивали навѣщать матушку, то мы, дѣти, тотчасъ послѣ отъѣзда Ихъ Величествъ, отмѣчали кресла, на которыхъ сидѣли августѣйшіе гости. Въ то время начальницамъ институтовъ не меблировали помѣщенія, какъ дѣлается теперь.

Я, какъ единственный сынъ матушки, былъ въ дѣтствѣ общимъ баловнемъ, начиная съ воспитанницъ и служащихъ до Императрицы, которая всегда меня ласкала и на экзаменахъ, при которыхъ часто присутствовала, поила съ ложечки шеколадомъ. Государь очень цѣнилъ матушку и настоятельно требовалъ, чтобы она приняла на себя воспитаніе великихъ княженъ Маріи и Ольги Николаевны; но матушка никакъ не могла рѣшиться на это приглашеніе, желая непремѣнно оставить за собою воспитаніе собственныхъ четырехъ дѣтей. Цѣлый годъ Государь вслѣдствіе этого не посѣщалъ Института, но подъ конецъ гнѣвъ обратилъ на милость.

Едва ли кто нибудь можетъ похвастаться такимъ счастливымъ дѣтствомъ, какъ я. Первыя мои учительницы были нѣкоторыя изъ воспитанницъ Института. Помнятся мнѣ имена Анны Гавриловны Зайцевой, Катерины Осиповны Гореглядъ и другихъ наставницъ моихъ до поступленія моего въ Реформатскую школу въ 1835 году. Инспекторомъ этой школы былъ Гордакъ, хорошій педагогъ, воспитанію котораго ввѣрялись дѣти изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Тутъ были сыновья высокопоставленныхъ лицъ, дворянъ, чиновниковъ, которые сидѣли рядомъ съ сыновьями ремесленниковъ и разночинцевъ, но духъ былъ отличный. Школа эта служила отчасти приготовительнымъ заведеніемъ для спеціальныхъ заведеній, какъ Училище Правовѣдѣнія,

Лицей, Артиллерійское и Инженерное Училища, отчасти же для гимназій, потому что тутъ же необязательно преподавался Латинскій языкъ, и наконецъ, большая часть учениковъ ограничивалась курсомъ школы и по окончаніи онаго возвращалась къ ремесламъ и другимъ занятіямъ своихъ отцовъ.

Въ 1839 году я поступилъ во 2-ю Гимназію, гдѣ въ это время извѣстный А. Ф. Постельсъ, въ качествѣ директора, деспотически распоряжался очисткою интерната отъ воспитанниковъ, которыхъ перевоспитать онъ вѣроятно не надѣялся, а видя ихъ дурное вліяніе на товарищей безцеремонно сѣкъ или исключалъ изъ заведенія. Тяжело было намъ всѣмъ быть свидѣтелями такого деспотизма; но нельзя не отдать Постельсу справедливости въ томъ, что поставилъ онъ гимназію на отличную ногу.

Поневолѣ сожалѣешь теперь о томъ, что нѣтъ больше такихъ интернатовъ, въ которыхъ масса мальчиковъ, не получающихъ никакого домашняго воспитанія, находила его въ Гимназіи. Направленіе, данное тогда молодымъ людямъ и дѣтямъ въ Гимназіи, конечно послужило имъ въ прокъ. Никогда не слыхалъ я по крайней мѣрѣ, чтобы бывшіе воспитанники этого интерната были замѣшаны въ какіе нибудь политическіе процессы. Духъ этотъ не только сохранился въ бывшихъ товарищахъ моихъ, но привился и къ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Въ 1880 году гимназія праздновала 75-тилѣтіе своего существованія, и по этому случаю бывшіе воспитанники собрались на праздникъ въ Озеркахъ. Въ обществѣ однокашниковъ, собравшихся тогда на обѣдъ въ числѣ около 150 человѣкъ, можно было убѣдиться въ томъ отличномъ направленіи, которое дѣлаетъ честь Постельсу въ его системѣ. Между всѣми ими чувствовалось единомысліе, замѣтно было начало насъ связующее, и всякій изъ насъ чувствовалъ себя въ кругу людей руководимыхъ добрыми, нравственными началами и не чувствующихъ надобности скрывать другъ отъ друга своихъ убѣжденій. Это до такой степени вѣрно, что, какъ мнѣ извѣстно, одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Гимназіи, зараженный иными воззрѣніями, чувствуя, инстинктивно, что ему не мѣсто среди насъ въ этотъ день юбилея, воздержался отъ участія въ товарищескомъ празднествѣ.

Въ Гимназіи нѣкоторые предметы давались мнѣ легко, и я по нимъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; другіе же давались туго, и я былъ на дурномъ счету у моихъ преподавателей, изъ которыхъ, между прочими, учитель геометріи (до аналитики включительно), Михаилъ Кирилловичъ Иващенко, преслѣдовалъ меня систематически, сбивая

на отвѣтахъ. Пользуясь положительнымъ неумѣніемъ моимъ выражаться, онъ дѣлалъ мнѣ отчаянныя отмѣтки и оставилъ меня на 2-й годъ въ пятомъ классѣ. Помню, что я страшно скучалъ иногда въ Гимназіи, гдѣ былъ интерномъ. Воспитанный дома среди дѣвицъ, изнѣженный женскимъ обществомъ, я не переносилъ грубыхъ выходокъ товарищей, которые задались какъ нарочно мыслію меня прошколить, какъ и слѣдовало. Это имѣло отличное на меня вліяніе, и теперь я съ удовольствіемъ вспоминаю о многихъ моихъ товарищахъ, къ которымъ тогда привязался съ искреннею любовью. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. 1) Тенгоборскій (Адольфъ) хромой, великій шалунъ, но умный, способный; онъ не выдержалъ дисциплины Постельса и въ одинъ прекрасный день ушелъ изъ Гимназіи и болѣе не возвращался. Отецъ его, извѣстный экономистъ, жившій тогда въ Вѣнѣ, чрезъ графа Нессельроде опредѣлилъ его на службу въ Тегеранъ, потомъ консуломъ въ Рештъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ извѣстность необыкновенною энергіею, настойчивостію и даже свирѣпымъ обращеніемъ съ Персіянами. Умеръ онъ отъ чахотки въ Тифлисѣ въ качествѣ управляющаго дипломатическою канцеляріею при намѣстникѣ князѣ Барятинскомъ, въ объятіяхъ друга своего генералъ-адъютанта барона Николаи, послѣ монаха въ одномъ изъ монастырей Франціи. 2) Игнатьевъ, сынъ Новгородскаго помѣщика. 3) Тихомировъ умершій въ Гимназіи. 4) баронъ Ренне, впослѣдствіи адъютантъ и зять графа Коцебу. 5) Бинеманъ-фонъ-Бинецштамъ, Курляндецъ, умеръ Дерптскимъ студентомъ. 6) Тернеръ Ѳедоръ Густавовичъ нынѣ директоръ департамента госуд. казначейства *). 7) Мятлевъ Петръ Ивановичъ, 8) Бутурлинъ и 9) князь Дмитрій Долгорукій, всѣ трое перешли въ Пажескій корпусъ. Мятлевъ, бывшій гусаръ, женатъ на Данауровой. Бутурлинъ, очень способный и прекрасный юноша, оказался впослѣдствіи ни къ чему негоднымъ и умеръ молодымъ человѣкомъ. Долгорукій, бывшій кавалергардъ, нынѣ шталмейстеръ, женатый на графинѣ Н. В. Орловой-Давыдовой.

Многихъ могъ бы я перечесть, но самымъ лучшимъ другомъ моимъ былъ въ Гимназіи и въ Университетѣ А. П. Фромандіеръ. Отецъ его знавалъ въ молодости матушку мою, а потому Александръ Павловичъ былъ принятъ ею, какъ второй сынъ, и по выходѣ изъ Гимназіи мы съ нимъ жили неразлучно. Прелестный юноша, красавецъ, любимецъ дамъ и дѣвицъ, онъ всю жизнь въ состояніи былъ бы проводить въ ихъ обществѣ и влюбляться ежечасно, но для дѣла онъ былъ неспособенъ. Онъ могъ бы быть примѣрнымъ мужемъ, отличнымъ отцемъ

*) Съ 1886 года товарищъ министра финансовъ, а нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.

и семьяниномъ. Разстроенныя дѣла заставляютъ его служить въ настоящую минуту по крестьянскимъ дѣламъ въ Лидѣ, Виленской губерніи.

Гимназистомъ, а потомъ и студентомъ, особенно часто бывалъ я въ домѣ генерала Полозова, бывшаго начальника С.-Петербургскаго округа жандармовъ. Тутъ я сблизился съ многими пажами: кн. Имеритинскимъ, Рихтеромъ (нынѣ генералъ-адъютантомъ), Эккельномъ, Николаевымъ, Арбузовымъ и другими.

Помѣшала мнѣ между прочимъ въ учебныхъ занятіяхъ первая любовь. Когда я встрѣчался у матушки моей съ воспитанницами Института, мнѣ и въ голову не приходило влюбляться въ нихъ; я съ пеленокъ привыкъ къ нимъ и смотрѣлъ на нихъ совсѣмъ иными глазами, нежели на дѣвицъ и дамъ, которыхъ встрѣчалъ внѣ Института. Влюбился я впервыя въ тетку мою, жену роднаго брата матушки моей, Ѳедора Ѳедоровича Фурмана, въ ту прелестную Римлянку, которая была извѣстна въ Петербургѣ подъ названіемъ la bella Juditha и плѣняла всѣхъ пѣніемъ своимъ. По смерти дяди она была въ замужествѣ сперва за Ксаверіемъ Лабенскимъ, а потомъ за Эверсомъ. Всѣ три мужа ея служили по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ; помню слова гр. Нессельроде, одного изъ поклонниковъ тётки, въ день кончины Лабенскаго: Quel malheur pour la pauvre veuve; avoir eu deux maris aussi parfaits et les perdre! *) Когда дядя мой въ первый разъ съ женою пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Константинополя, ей было лѣтъ 18-ть. Красавица, живая какъ шаловливый ребенокъ, одна изъ лучшихъ учениц Россини, она до того вскружила мнѣ голову, что, сидя цѣлую недѣлю въ Гимназіи, я только и думалъ о ней, напѣвалъ прелестныя аріи, которыми она сводила съ ума и молодежь и стариковъ, мужчинъ и женщинъ, мечталъ только о блаженствѣ, которое ожидало меня въ предстоящую Субботу. Объ урокахъ не было и рѣчи; я никакъ не могъ оторваться отъ милыхъ мнѣ грёзъ и съ сожалѣніемъ и даже съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на товарищей, которые не могли понимать ни чувствъ, ни мечтаній моихъ. Только отъѣздъ ея съ дядею въ Римъ положилъ конецъ этому ребячеству, и уже въ 1846 году вновь вспыхнула страстная любовь моя къ теткѣ, когда она вдовою возвратилась въ Петербургъ, чтобы вскорѣ выйти вновь замужъ за прекраснѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка, Ксаверія Лабенскаго, игравшаго видную роль при графѣ Нессельроде.

---

*) Какое горе бѣдной вдовы. Два мужа ея были такіе превосходные люди, и она ихъ лишилась!

Повторяю, дѣтство мое было счастливѣйшее, и я до гроба буду вспоминать это беззаботное, чудное время, когда блаженство мое заключалось въ безграничной любви къ матушкѣ и стараніи утѣшать ее, угождать ей. Чистота нравственная, въ которой конечно я не отдавалъ себѣ отчета, придавала жизни нашей въ семьѣ прелесть ничѣмъ незамѣнимую. Я любилъ всѣхъ и каждаго, не зналъ ненависти, ибо былъ окруженъ людьми меня ласкавшими. Я былъ къ тому же мечтателенъ, любилъ природу, эту скудную природу нашихъ окрестностей. Пріютино, дача Олениныхъ за пороховыми заводами, и Куракина дача, гдѣ матушка проводила часть лѣта съ воспитанницами, давали мнѣ все, чего я жаждалъ въ дѣтскіе годы. Въ Пріютинѣ, которое воспѣто Батюшковымъ, мы наслаждались всѣми преимуществами жизни барскаго дома, и какъ горько плакалъ я, когда по кончинѣ Е. М. Олениной оно было продано. Но и Куракина дача имѣла свою прелесть. Помнится мнѣ, что часто, вставая рано, я въ хорошую погоду ходилъ одинъ въ поле и приходилъ въ экстазъ: молился, возносилъ къ небу благодареніе за счастье, за блаженство жизни. Въ такія чудныя минуты хотѣлось обнять всѣхъ дорогихъ мнѣ и близкихъ сердцу. Часто, гуляя одинъ, я громко декламировалъ стихи Русскихъ, Нѣмецкихъ и немногихъ Французскихъ поэтовъ. Что это были за блаженныя минуты, какъ я былъ тогда чистъ душою! Одна только любовь къ Богу и ближнему наполняла сердце мое, потому что я не зналъ ни злобы, ни искушеній, и былъ полонъ лучшихъ надеждъ, лучшихъ пожеланій.

Къ такимъ воспоминаніямъ дѣтства принадлежатъ дни, которые проводили мы у Олениныхъ. До кончины Елисаветы Марковны, мы обязательно обѣдали каждое Воскресенье у нихъ. Тутъ всегда мы встрѣчали родственниковъ ихъ: Олениныхъ, Сухаревыхъ, Волконскихъ (князя Петра Михайловича и сыновей его Дмитрія и Григорія съ женами, рожденными Кикиной и Бенкендорфъ), Полторацкихъ, Мертваго и проч. Блудовыхъ, Крылова, Жуковскаго, академиковъ и профессоровъ. Между Олениными была сестра Алексѣя Николаевича, Софья Николаевна, старая фрейлина, проживавшая въ Таврическомъ дворцѣ. Невообразимо дурная собою, съ физіономіею филина, она носила парикъ, къ которому большою брошкою изъ гранатовъ (pavé) прикалывала чепецъ. Помню, какъ разъ, на елкѣ въ нашемъ домѣ, она неосторожно потянулась, чтобы осмотрѣть подарки, лежавшіе около ёлки, зажгла чепецъ и вмѣстѣ съ нимъ и парикъ и, очутившись съ голою головою, громко закричала «Херъ Іесусъ Кристусъ!» Она была большая трусиха и въ особенности пугалась, когда по вечерамъ возвращалась отъ Олениныхъ въ Тавриду, въ четырехмѣстной придворной каретѣ съ фо-

рейторомъ: тѣнь послѣдняго обгоняла карету. Тогда она хватала за руку свою подругу, старушку княжну Анну Алексѣевну Волконскую и кричала: «княжна, видишь?»—«Вижу», отвѣчала та и крестилась.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ каждое Воскресенье обѣдалъ у Олениныхъ. Разъ какъ-то онъ не явился. Ждали его, посылали въ Англійскій клубъ узнать, не тамъ ли онъ; но когда пришелъ отвѣтъ, что его и тамъ не было нѣсколько дней сряду, послали узнать о его здоровьѣ. Оказалось, что онъ боленъ. На другой день я былъ посланъ матушкою узнать о его здоровьѣ. Застаю его въ халатѣ, кормящаго голубей, которые постоянно влетали къ нему въ окна и причиняли безпорядокъ и нечистоту въ комнатахъ. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, что былъ дѣйствительно нездоровъ, но вылѣчился неожиданно, страннымъ способомъ. Обѣдалъ онъ наканунѣ дома. Подали ему больному щи и пирожки. Съѣлъ онъ первый пирожокъ и замѣчаетъ горечь, взялъ второй—тоже горекъ. Тогда онъ, по разсмотрѣніи, замѣтилъ на нихъ ярь. «Ну чтоже», говоритъ, «если умирать, то умру отъ двухъ какъ и отъ шести и съѣлъ всѣ шесть. Послѣ того желудокъ поправился, и сегодня думаю ѣхать въ клубъ».

Оленинскіе блины славились въ свое время. На масляницѣ ежедневно собирались любители этой снѣди. Иностранцы также усердно ѣли эти блины; Австрійскій посолъ Фикельмонъ однажды наѣлся до того, что серіозно занемогъ. Отличался также прожорливостію своею профессоръ Н. Ѳ. Рождественскій. Когда въ первый разъ подали въ концѣ обѣда полоскательныя чашки, въ которыхъ была, какъ обыкновенно, теплая вода, подправленная лимонною коркою, онъ вообразилъ, что это питье и, выпивъ весь стаканъ, замѣтилъ, что «пуншикъ хорошъ, но слабоватъ». Баловалъ меня еще одинъ изъ воскресныхъ посѣтителей Олениныхъ мирза Джафаръ Топчибашевъ, профессоръ восточныхъ языковъ. Онъ мнѣ подарилъ Черкесскій костюмъ, въ которомъ я охотно щеголялъ. Еще припоминаю флигель-адъютанта полковника Асланъ-Бека Туганова, командовавшаго эскадрономъ конвоя, подъ начальствомъ командира Алексѣя Ѳедоровича Львова.

Хорошее время было и студенчество. Про себя могу сказать, что я въ четыре года пребыванія въ Университетѣ мѣшалъ дѣло съ бездѣліемъ. Я занимался, правда, болѣе передъ экзаменами, но аккуратно посѣщалъ лекціи, а по вечерамъ, грѣшный человѣкъ, почти ежедневно бывалъ въ дамскомъ обществѣ или у матушки, или же у знакомыхъ, влюбляясь безпрестанно въ дамъ и дѣвицъ, съ которыми приходилось танцовать мазурку или котильонъ. Часто бывалъ я у почтенной Александры Ѳедоровны Фулонъ, жившей тогда въ Караванной, въ домѣ

брата ея, А. Ѳ. Львова. Прелестныя дочери ея и подруги ихъ, сестры Пр. Аг. Львовой, Вѣра и Марья Аггѣевны Абазы (послѣдняя вышла за извѣстнаго Н. А. Милютина), имѣли множество поклонниковъ между молодыми людьми, моими товарищами. Изъ безчисленныхъ Львовыхъ болѣе всѣхъ симпатиченъ мнѣ былъ Леонидъ Леонидовичъ, мать котораго, рожд. Козлянинова, была женщина въ высшей степени образованная и любезная. Часто собирались мы и въ этомъ домѣ, гдѣ по вечерамъ устроивались чтенія или разыгрывались пьесы. Помню между прочимъ, какъ мы очень порядочно разыграли «les Plaideurs» Расина.

Бывалъ я и у m-me Cassel, начальницы Александровскаго училища, гдѣ плѣняли въ то время молодежь бывшія воспитанницы: Кобякова (вышедшая за Ив. Сем. Каханова), Межуева, Кохановская, Дудина и др. Постоянными кавалерами на вечерахъ были: два брата Поггенполи, З. Н. Мухортовъ, Кахановъ, Ѳедоровы и др. Къ этому же времени относится мое знакомство съ семействомъ старика лейбъ-медика Беверлея, владѣльца дачи по Шлиссельбургскому шоссе, сосѣдней съ такъ называемою Куракиною дачею, куда на лѣто поселялись воспитанницы Николаевскаго Института и переѣзжала недѣль на шесть и матушка моя. Не забуду никогда впечатлѣнія, произведеннаго на меня очаровательною Эмиліею Беверлей, этой типической бѣлокурой красавицей Англичанкой, какихъ встрѣчаешь только въ Великобританіи или въ Англійскихъ кипсэкахъ.

Говоря о дачѣ, не могу не вспомнить о бревенчатомъ домѣ въ институтскомъ городскомъ саду, который выходилъ на Казанскую улицу. Этимъ домомъ матушка моя пользовалась весною и осенью и наслаждалась въ немъ въ часы отдохновенія, гуляя по саду и ухаживая за цвѣтами и растеніями, которыхъ съ дѣтства была большою любительницею. Вообще она восхищалась природою, даже такою скудною, какъ въ окрестностяхъ Петербурга, и если всегдашнею ея мечтою была поѣздка за границу, въ особенности въ Саксонію, о которой много слышала онъ отъ отца своего, то никогда не жаловалась на невозможность исполнить эти pia desideria.

Въ Университетѣ я особенно сошелся съ Александромъ или (какъ называли его) Санди Крейтономъ, который умеръ бѣдняга отъ тифа въ Крыму, во время Севастопольской войны. Слабаго и даже нѣжнаго сложенія, ему не слѣдовало вовсе ѣхать туда и сколько я его ни отговаривалъ, онъ настоялъ на своемъ, подъ предлогомъ нежеланія отпустить туда одного друга и товарища по Университету гр. Анатолія Палена. Но жертву эту онъ принесъ не товарищу, а сестрѣ его, прелест-

вому существу, въ которую онъ былъ влюбленъ. Ея уже давно нѣтъ въ живыхъ, а братъ ея умеръ отъ тифа же и ранѣе Крейтона. Товарищъ нашъ Пашковъ, прибывшій въ Симферополь съ Тульскимъ ополченіемъ, встрѣтилъ похороны Палена, а Крейтона засталъ уже въ предсмертной агоніи. Друженъ былъ я также съ Л. А. Титовымъ (послѣ Могилевскій предводитель дворянства) и съ Вл. Павл. Языковымъ, давно уже скончавшимся въ деревнѣ, послѣ несчастнаго паденія съ лошади на охотѣ. Товарищами моими были Дмитрій и Сергѣй Дмитр. Бибиковы, кн. Н. П. Мещерскій, братья Александръ и Василій Шереметевы, кн. Юсуповъ, братья Палены, Жемчужниковы, Тернеръ и пр. Съ личностью Языкова сопряжены лучшія воспоминанія моей юности. Семья отца его, Павла Александровича, была для меня второю семьею. Туда стремился я постоянно, когда уже не стало матушки моей, и всѣ помышленія мои нѣсколько лѣтъ сряду были направлены къ одной цѣли — сродниться съ этимъ семействомъ. Но увы, это оказалось несбыточнымъ, и я предпочитаю эту священную тайну сердца моего хранить про себя. Съ благодарностію вспоминаю и о семействѣ генерала Швенгельма, бывшаго директора Лѣснаго Института. Жена его, рожд. Криднеръ, была сестра покойной жены П. А. Языкова. Цѣлая компанія молодежи, дружно жившей между собою, собиралась ежедневно въ одномъ изъ семействъ: Швенгельмъ, Языковыхъ, Христіани, Вилліе и др. Къ этой компаніи принадлежали братья-Преображенцы Денъ, Тучковы, Гельфрейхъ, баронъ Анд. Ник. Корфъ, нынѣ Приамурскій генералъ-губернаторъ, графъ К. К. Сиверсъ, Титовъ, Христіани, Пистолькорсъ, баронъ Икскуль и много другихъ.

При жизни матушки домъ нашъ былъ постоянно полонъ: всегда было нѣсколько дѣтей, которыхъ она изъ состраданія брала къ себѣ съ тѣмъ, чтобы призрѣть на нѣкоторое время отъ голода и нищеты, а потомъ, при содѣйствіи другихъ, помѣстить въ какія-нибудь заведенія. Императрица Александра Ѳедоровна также поручала моей матушкѣ такихъ дѣвицъ, которыхъ въ институтѣ помѣщать признавалось неудобнымъ, но которыхъ нужно было удалить изъ семействъ. Такимъ образомъ были призрѣны въ семействѣ нашемъ двѣ дочери тайнаго совѣтника Попова *), за принадлежность его къ сектѣ хлыстовъ или скакуновъ сосланнаго въ Казань. Онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, подъ начальствомъ князя Александра Николаевича Голицына и между прочими хотѣлъ и дочерей своихъ заставить послѣдовать ученію этой секты. Одна изъ нихъ Любовь Васильевна подверглась со стороны его страшнымъ гоненіямъ: ее запирали, даже истязали, такъ что она избитая, тщедушная, въ ранахъ прибыла къ намъ, и долго пришлось лечить ее,

*) См. Дубровина „Наши мистики".

чтобы возстановить здоровье ея и силы. Обѣ сестры до того сроднились съ нашимъ семействомъ, что и до сего времени сохранились между нами отношенія почти родственныя.

Потомъ была помѣщена къ намъ маленькая княжна Екатерина Петровна Гурко-Ромейко-Друцкая-Соколинская. Мать ея прибыла изъ Смоленска и просила покровительства Императрицы отъ преслѣдованій мужа, горькаго пьяницы и безобразнаго чудовища. Маленькая Катя прожила у насъ нѣсколько лѣтъ, а послѣ смерти отца была вновь взята матерью.

Наконецъ, по волѣ же Ея Величества, отдана была моей матушкѣ на воспитаніе прелестная 6-тилѣтняя дѣвочка, Черкешенка, взятая въ плѣнъ при штурмѣ Ахульго, княжна Сулейма или Маслимата Сурхай. Отецъ ея былъ отчаянный и сильный врагъ Россіи, мюридъ въ родѣ Шамиля. Дочь была найдена среди убитыхъ и раненыхъ подъ стѣнами крѣпости, съ пробитымъ черепомъ и съ раною на лбу. Привезена она была по порученію генералъ-адъютанта Граббе въ Петербургъ полковникомъ Захаржевскимъ прямо къ моей матушкѣ, которая съ сердечною нѣжностью приняла маленькую, дикую дѣвочку, чуждавшуюся всѣхъ, а въ особенности мужчинъ, какого бы возраста они ни были. Помню, что она не только убѣгала отъ меня, но и отворачивалась при видѣ меня. Медленны были успѣхи въ стремленіи устранить эту дикость, но чрезъ 2—3 года, по крещеніи ея въ православіе, она сдѣлалась прелестнѣйшимъ созданіемъ. Закону Божію училъ ее протопресвитеръ Бажановъ, всѣми другими предметами занимались мои сестры. При Св. крещеніи она была нарѣчена Александрою Павловной, ибо воспріемниками ея были Императрица и генералъ-адъютантъ Павелъ Христофоровичъ Граббе. Обрядъ былъ совершенъ въ церкви Зимняго Дворца. Нельзя было не удивляться перемѣнѣ, происшедшей въ этомъ прелестномъ ребенкѣ. Молилась она такъ, какъ рѣдко молятся дѣти ея лѣтъ, по рожденію принадлежащія къ православной церкви. Такъ она росла въ нашей семьѣ до 13 лѣтъ. Матушка, сестры мои, я и весь Институтъ привязались къ ней. Императрица ласкала ее, какъ будто она принадлежала къ Царской семьѣ. Ее часто брали во дворецъ и, замѣчательно, что она тамъ вела себя также свободно, какъ дома, нисколько не стѣсняясь пышною обстановкой и обществомъ Великихъ Князей и Княженъ. Дядя мой, Ѳ. П. Литке, бывшій въ то время воспитателемъ В. К. Константина Николаевича, конфиденціально передалъ матушкѣ моей, что Августѣйшій воспитанникъ его влюбился въ нашу милую Сашу, возмечталъ со временемъ жениться на ней и сдѣлаться владѣтельнымъ княземъ на Кавказѣ. Конечно, это была ребяческая мечта; но что она занимала

Великаго Князя и сдѣлалась извѣстною въ Царской семьѣ, доказывается тѣмъ, что, въ присутствіи покойнаго Цесаревича на Кавказѣ въ 1863 году, Его Высочество мнѣ разсказывалъ объ этомъ.

Но увы! Бѣдная дѣвочка на 14-мъ году внезапно заболѣла скоротечною чахоткой и, проболѣвъ мѣсяцъ, скончалась. Императрица навѣщала ее во время болѣзни, сидѣла у ея постели и горько оплакивала ея смерть. Для насъ эта потеря была семейнымъ горемъ.

Отрадную и благодарную память сохранили мы еще о двухъ лицахъ, съ которыми были въ родственныхъ отношеніяхъ: это племянница А. Н. Оленина, воспитанная и жившая въ его домѣ до его кончины, а потомъ переселившаяся къ моей матушкѣ. Фамилія ея, Коханѣева, была извѣстна немногимъ, а Мареу Өедоровну знало почти все высшее Петербургское общество. Добрѣйшая, но беззаботная душа, она, правда, ничего въ жизни своей не создала, была вполнѣ безполезна, но любила искренно мать мою и сестеръ, и мы также были сердечно привязаны къ ней. Рѣдко встрѣчалъ я старушекъ, способныхъ такъ искренно смѣяться и въ тоже время, безъ всякой почти причины, создавать себѣ заботы, какъ она. Послѣднее, впрочемъ, происходило отъ ея бездѣлья.

Другое лицо былъ баронъ Борисъ Борисовичъ Штакельбергъ, завѣдывавшій хозяйственною частью Воспитательнаго Дома и Сиротскаго Института. Благороднѣйшій, честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, рыцарь въ душѣ, онъ имѣлъ въ тоже время многія странности: былъ упрямъ и часто крайне несправедливъ, особенно къ нѣкоторымъ класснымъ дамамъ. Для воспитанницъ онъ былъ настоящимъ отцомъ, баловалъ ихъ и часто шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ моей матушки. Она уважала его, но много имѣла изъ-за него непріятностей. Я ему многимъ обязанъ: по Субботамъ, приходя изъ Гимназіи, я жилъ у него и тутъ встрѣчался со многими его родственниками, воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, которыхъ онъ бралъ къ себѣ на праздники. Братья Мельхіоръ и Олафъ Романовичи Штакельберги, послѣдній нынѣ вице-адмиралъ, а первый убитъ на Кавказѣ, три брата бароны Шиллинги, изъ коихъ послѣдній нынѣ состоитъ при В. К. Алексѣѣ Александровичѣ, Барановъ, были друзьями дѣтства и молодости моей.

7-е Октября 1850 г. былъ роковой день, въ который матушка скончалась, послѣ продолжительной болѣзни, во время которой неоднократно она была навѣщаема Государемъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Цесаревною Маріею Александровной, за отсутствіемъ Императора и Императрицы. Высокое и милостивое участіе Ихъ Величествъ во все это время выражалось порученіемъ лейбъ-медикамъ

Арндту и Маркусу ежедневно навѣщать больную. Каждый курьеръ, отъѣзжавшій въ Варшаву, гдѣ тогда имѣли пребываніе Ихъ Величества, долженъ былъ привозить подробныя донесенія врачей о болѣзни матушки. Послѣ кончины матушки Ихъ Величества возвратились изъ Варшавы. Сидя однажды за работою въ Конторѣ, я былъ потребованъ къ Государю. Его Величество принялъ меня со словами: «Я призвалъ тебя, чтобы отъ тебя узнать подробности о болѣзни и кончинѣ твоей матери». Я прослезился и не могъ произнести ни слова. «Понимаю», сказалъ Государь, «что тебѣ трудно разсказывать; такъ отвѣчай мнѣ на вопросы». Тогда онъ сталъ разспрашивать меня о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ и въ концѣ, поцѣловавъ меня въ лобъ, сказалъ: «Твоя задача — сдѣлаться достойнымъ такой матери, какую Господь тебѣ далъ; знай, что мы никогда не перестанемъ ее оплакивать; потеря ея для насъ незамѣнима». Можетъ-ли, послѣ такихъ словъ, быть предѣлъ чувствамъ преданности и вѣрноподданнической любви къ Царю! Всю жизнь мою посвятилъ я личной службѣ Царскаго семейства, и не мнѣ судить, въ какой мѣрѣ я выполнилъ завѣтъ императора Николая; могу сказать только, положа руку на сердце, что если грѣшилъ и ошибался, то только по невѣдѣнію, но никогда противъ совѣсти, и благодарю Создателя за то что совѣсть во мнѣ никогда не заглушалась, не дремала, и что я всегда имѣлъ смѣлость говорить правду и стоять за истину.

Большимъ для больной моей матери утѣшеніемъ послужило опредѣленіе мое на службу, уже въ Іюнѣ 1850 г., въ Контору Двора Государя Наслѣдника Цесаревича помощникомъ столоначальника.

По окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ Университетѣ, въ Іюнѣ 1850 года, я узналъ случайно объ открывшейся въ Конторѣ Двора Государя Наслѣдника Цесаревича вакансіи должности помощника столоначальника Матушка, уже больная, просила гофмаршала Двора Его Высочества, В. Д. Олсуфьева объ опредѣленіи меня на эту должность. Олсуфьевъ вызвалъ меня въ Петергофъ, проэкзаменовалъ меня, заставивъ написать Нѣмецкое и Французское письма, и на такъ-называемомъ общемъ докладѣ прошеній отмѣтить карандашемъ резолюціи. Въ тотъ же день, 29-го Іюня, послѣ обѣдни, онъ объявилъ мнѣ, что я буду принятъ на службу, если послѣдуетъ на то Высочайшее соизволеніе, такъ какъ, не будучи первымъ по выпуску кандидатомъ, я не имѣлъ права поступить на службу въ министерство. Матушка моя написала письмо къ Государю, прося допустить исключеніе, въ видѣ особой милости за ея многолѣтнюю службу, въ продолженіе которой она никогда ни о чемъ для себя не просила. Государь на просьбѣ начерталъ: «Объявить Аннѣ Ѳедоровнѣ, что я самъ опредѣляю сына ея на службу, а милость прошу отложить на черный день».

При поступленіи моемъ на службу, засталъ я Контору Двора Государя Наслѣдника Цесаревича, подъ начальствомъ гофмаршала В. Д. Олсуфьева, съ управляющимъ оною, д. с. с. П. Р. *., столоначальникомъ М. С. С. . . . . , бухгалтеромъ Гронскимъ, съ помощникомъ его А. С. Мингалевымъ, казначеемъ Мих. Еф. Звегинцевымъ. По штату числился и секретарь Его Императорскаго Высочества; но по выходѣ въ отставку бывшаго секретаря барона Розена (того самаго, который написалъ либретто для оперы Глинки: «Жизнь за Царя»), должность эта не была замѣщена, и ее исполнялъ гофмаршалъ, при которомъ для того состоялъ чиновникъ Петръ Алексѣевичъ Морицъ.

В. Д. Олсуфьевъ былъ въ полномъ смыслѣ слова баринъ стараго закала, чисто-русскій человѣкъ и патріотъ, который хотя и предпочиталъ, по собственному его выраженію, квасную пѣну пѣнѣ Французскаго шампанскаго, но никогда въ отношеніяхъ своихъ съ иновѣрцами не проявлялъ ни малѣйшаго предубѣжденія. Ласковый со всѣми, онъ былъ и въ душѣ добрый человѣкъ, отличный семьянинъ и прекрасный начальникъ. Безъ надменности, онъ держалъ себя съ достоинствомъ, не стѣснялся въ откровенномъ выраженіи своихъ убѣжденій и взглядовъ предъ Государемъ и Цесаревичемъ и былъ искренно имъ преданъ. Очень любила и цѣнила его Государыня Цесаревна Марія Александровна.

Его помощникомъ по хозяйственной части былъ управляющій Конторою *. Человѣкъ этотъ вѣроятно по протекціи попалъ на это мѣсто, но отнюдь не по выбору В. Д. Олсуфьева. Типъ чиновника, хотя и работящій и вѣчно въ хлопотахъ, онъ производилъ всегда на меня впечатлѣніе человѣка съ нечистою совѣстью. Вѣроятно такъ и было, потому что, имѣя вѣчно какіе-то секретные разсчеты, при запертыхъ дверяхъ, съ поставщиками, оффиціантами и проч., онъ, при ограниченномъ содержаніи, нашелъ возможнымъ пріобрѣсти кое-какія недвижимыя имущества, давалъ роскошные обѣды и пр.; пока, наконецъ, при постройкѣ собственной дачи, что за Петергофомъ, не обнаружились явныя злоупотребленія и даже растрата денегъ. Дѣло это меня не касалось; я вообще далекъ былъ отъ міра чиновниковъ, составлявшихъ его маленькій дворъ (а такихъ было нѣсколько) и не любившихъ меня за то, что я представлялъ собою по воспитанію своему и по кругу моихъ знакомыхъ чуждый имъ элементъ. Вотъ почему я только догадывался о многомъ, что потомъ и обнаружилось, но было потушено по желанію Государя Цесаревича, дабы не порождать толковъ. Не понимаю до сихъ поръ, какъ *. самъ не ушелъ.

Другая скандальная исторія въ мое время, случившаяся при Дворѣ, была кража жемчуга камеръ-юнгферою О.

Столоначальникъ Конторы М. С. С. былъ человѣкъ чрезвычайно способный, съ университетскимъ образованіемъ, добрый и пріятный, добросовѣстно относившійся къ служебнымъ обязанностямъ, но, къ сожалѣнію, неограниченно самолюбивый и влюбленный въ самого себя. Самообольщеніе его не имѣло границъ; къ тому же былъ онъ баловень судьбы и ловко умѣлъ устраивать мелкія дѣлишки. Великой руки ловеласъ, онъ женился на увезенной отъ живаго мужа женщинѣ Итальянкѣ, нѣкогда красавицѣ. При жизни ея имѣлъ онъ разныя похожденія и связи, а послѣ кончины увлекся вновь женою разслабленнаго старца Коссиковскаго и послѣ его смерти женился на ней. Но эта вторая жена составила его несчастіе: она ревностію своею, вполнѣ основательною, обратила жизнь его въ адъ, а онъ, въ утѣшеніе, вновь влюбился въ дѣвицу, съ которою прожилъ уже до кончины своей, послѣдовавшей отъ эксцентричной жизни не по лѣтамъ. Онъ не принадлежалъ къ тѣсному кружку клевретовъ управляющаго Конторою, однако принималъ подарочки и услуги кондитеровъ, кофешенковъ, мундшенковъ и проч. Видя многое въ этомъ родѣ, я получилъ омерзеніе къ придворному хозяйству и пріобрѣлъ названіе гордеца. Когда же приходилось мнѣ завѣдывать хозяйствомъ въ Гапсалѣ и Либавѣ, я, насколько могъ, сдерживалъ этихъ оффиціантовъ и, строго контролируя ихъ, старался внушить имъ добросовѣстное отношеніе къ обязанностямъ. Но сдавалось мнѣ и тогда, que je prêchais dans le désert, потому что порядки придворные вошли уже въ плоть и кровь касты придворно-служителей, и это убѣжденіе неоднократно было мною высказываемо покойному Цесаревичу, при чемъ я говорилъ, что придворно-служители тѣже дворовые люди, которымъ слѣдовало, вмѣстѣ съ послѣдними, дать свободу, при введеніи реформы 1861 года, замѣнивъ ихъ вольнонаемными людьми. Цесаревичъ самъ проникся этою идеей и рѣшилъ заранѣе при своемъ дворѣ имѣть прислугу вольнонаемную.

О Гронскомъ говорить не буду: я мало зналъ его, никогда симпатіи къ нему не питалъ; а преемникъ его, А. С. Мингалевъ, protégé Олсуфьева, потому что сестра его была воспитательницею дочерей послѣдняго (впослѣдствіи начальница Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины), напоминалъ мнѣ и наружностію, и характеромъ Claude Frollo изъ романа V. Hugo «Notre dame de Paris». Помощникомъ его былъ опредѣленъ В. А. Родіоновъ, Донецъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ), перешедшій изъ инженернаго вѣдомства въ Придворную Контору и остававшійся тамъ до войны 1853—1856 годовъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ другихъ держалъ себя П. А. М., protégé шталмейстера Двора И. М. Толстаго, впослѣдствіи графа и министра почтъ и телеграфовъ. Онъ былъ надмененъ, крайне обидчиваго и неровнаго характера, такъ что никто не зналъ какъ обходиться съ нимъ. Даже съ бывшимъ по пансіону Журдана товарищемъ своимъ Сушинскимъ онъ безпрестанно ссорился.

Вотъ какое было мое общество; понятно, что сближенія быть не могло для человѣка воспитаннаго въ женской средѣ и вращавшагося въ сферѣ совершенно иной. Потому легко представить себѣ, какъ былъ я счастливъ, когда меня назначили, въ 1854 г., чиновникомъ при дѣлахъ секретаря Его Высочества, а въ Февралѣ 1855 г., послѣ восшествія на престолъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, состоящимъ при воспитателѣ Августѣйшихъ Дѣтей генералъ-адъютантѣ Зиновьевѣ.

Лѣтнія поѣздки въ Гапсаль много способствовали тому, чтобы маленькому чиновнику дать положеніе совершенно исключительное. Правда, что Государь самъ опредѣлилъ меня на службу, что добрая память о покойной матушкѣ много способствовала извѣстному отношенію ко мнѣ, какъ къ человѣку, съ которымъ была связана память о глубокочтимой матери его; но я удостоивался уже тогда приглашеній къ царскому столу и на вечера, и часто мнѣ оказывалось такое милостивое вниманіе Ихъ Величествъ, каковаго тогда я не имѣлъ права ожидать.

Благодарную и отрадную память сохранилъ я къ Н. Г. Казнакову и его семейству, а также къ К. Н. Посьету, этому благороднѣйшему человѣку, этой чистой душѣ. У Казнаковыхъ я, до женитьбы моей, бывалъ почти ежедневно и до сихъ поръ сохраняю воспоминанія о радушіи, съ которымъ былъ всегда принимаемъ, какъ Николаемъ Геннадіевичемъ, котораго, впрочемъ, зналъ съ дѣтства, такъ и красавицею женой его Елисаветою Сергѣевной и сестрою ея Марьею Сергѣевною Неклюдовою, которая была полною хозяйкой въ домѣ, потому что Е. С. Казнакова въ то время была крайне болѣзненна. Позже роли ихъ перемѣнились: Е. С. въ Кіевѣ окончательно выздоровѣла, а Марья Сергѣевна одержима была страшнымъ недугомъ, и тогда первая обратилась въ настоящую сестру милосердія.

Посьетъ и помощникъ его баронъ Н. Г. Шиллингъ, близкій мнѣ съ дѣтства, состояли при Великомъ Князѣ Алексѣѣ Александровичѣ. Оба прекрасные люди, чуждые интригъ, равные со всѣми. При воспоминаніяхъ о нихъ на душѣ тепло и свѣтло.

Зиновьева, Гогеля и Казнакова замѣнили графъ Перовскій, флигель-адъютантъ фонъ-Бокъ и поручикъ Литвиновъ. Всѣ знавшіе графа Бориса Алексѣевича Перовскаго должны отдать полную справедливость его рыцарскому характеру, его глубоко-религіозному чувству, его преданности Государю, его любви къ отечеству, наконецъ, его доброму сердцу, всегда отзывчивому на нужды бѣдныхъ и страждущихъ, ибо онъ тайкомъ дѣлалъ бездну добра. Но воспитателемъ онъ никогда быть не могъ и не желалъ. Главная причина тому былъ не выработавшійся характеръ. Онъ былъ крайне впечатлителенъ, часто упрямъ, что тѣмъ болѣе вредило ему, что онъ не допускалъ объясненій; но если потомъ случайно узнавалъ истину и поневолѣ долженъ былъ измѣнить мнѣніе и отказаться отъ предвзятой или необдуманной идеи, то часто со слезами выражалъ сожалѣніе и не стѣснялся извиниться предъ подчиненнымъ своимъ, или младшимъ себя. Къ нему можно было привязаться отъ всей души.

Бокъ, Георгій Тимофѣевичъ, былъ человѣкъ болѣе образованный чѣмъ графъ Перовскій, но мнѣ трудно судить о вліяніи его на сыновей Государевыхъ. Кажется, что онъ казался имъ скучнымъ. Что касается Литвинова, котораго я зналъ маленькимъ мальчикомъ въ гимназіи, то не понимаю и никогда не могъ объяснить себѣ назначеніе его къ Ихъ Высочествамъ. Говорятъ, будто на него указала Анастасія Николаевна Мальцева.

Замѣчательно, что во все время службы Литвинова, Государыня Императрица ни разу не удостоила его разговора. Въ этомъ сознался мнѣ самъ Литвиновъ какъ-то разъ, послѣ весьма милостиваго въ его присутствіи разговора Ея Величества со мною.

Въ 1854 г. я былъ назначенъ чиновникомъ при дѣлахъ секретаря Его Высочества, на мѣсто П. А. Морица, который замѣстилъ при Государынѣ Цесаревнѣ секретаря ея, К. К. Лабенскаго; а въ Февралѣ 1855 г., по восшествіи на престолъ императора Александра Николаевича, я получилъ назначеніе состоять при воспитателѣ Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ генералѣ Зиновьевѣ. Крайне лестно мнѣ было слышать и отъ гофмаршала Двора В. Д. Олсуфьева, и отъ генерала Зиновьева, что ни тотъ ни другой не хотѣли уступить меня; но въ виду неопредѣленности назначенія и предметовъ вѣдомства вновь открытой Конторы Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ, созданной для Олсуфьева, рѣшено было назначить меня состоять при генералъ-адъютантѣ Зиновьевѣ. Этому назначенію я обязанъ дальнѣйшею своею карьерою.

На меня была возложена вся переписка по дѣламъ относившимся до воспитателя, слѣдовательно я имѣлъ дѣло и съ преподавателями, и со многими лицами приглашавшимися къ Ихъ Высочествамъ, при посѣщеніи Москвы и другихъ городовъ.

Въ самый день восшествія на престолъ императора Александра Николаевича случайно узналъ я отъ В. Д. Олсуфьева вещь, въ высшей степени знаменательную. Прибѣжалъ онъ крайне разстроенный въ Контору и сталъ искать очки, которые были у него на лбу. Я вошелъ къ нему въ кабинетъ и на вопросъ его «батинька, кто взялъ мои очки?» отвѣчалъ: «да, они у васъ на лбу». Всегда показывавшій мнѣ довѣріе, Василій Дмитріевичъ объяснилъ мнѣ причину своего волненія. «Вотъ, батинька» говорилъ онъ, какіе есть подлые люди! Сегодня на вопросъ Государя: «что́ говорятъ въ народѣ?» ему отвѣчалъ одинъ негодяй: «Говорятъ, что будетъ царствовать не Государь, а Императрица».

Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что у Императрицы, на которую надѣялись многіе благомыслящіе люди, ожидавшіе отъ этой умной, образованной, благочестивой Великой Княгини столько блага и пользы для разныхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій, что у нея, говорю, съ первой минуты новаго царствованія была отнята не только всякая инниціатива, но и всякая возможность заняться тѣмъ, что́ было создано супругою Павла и столь заботливо поддерживаемо супругами Александра I-го и Николая I-го. Этимъ объясняется многое и между прочимъ неосновательное обвиненіе ея въ индифферентизмѣ къ воспитанію собственныхъ дѣтей, въ чрезмѣрной приверженности къ церковнымъ обрядамъ и проч. Когда позже настало для этой святой женщины время тяжкихъ испытаній, ей былъ предоставленъ нѣкоторый просторъ въ ея дѣйствіяхъ, но для многаго было уже поздно.

Но здѣсь слѣдуетъ мнѣ нѣсколько остановиться на томъ, что́ я засталъ въ 1855 году въ сферѣ воспитателей и преподавателей Великихъ Князей. Первоначальнымъ обученіемъ Великихъ Князей занималась Вѣра Николаевна Скрипицына. По достиженіи 7-лѣтняго возраста, одного за другимъ отдѣляли, поручая ихъ воспитателямъ. Такимъ образомъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Александровичѣ состоялъ съ 1849 г. бывшій директоръ Пажескаго Корпуса генералъ-лейтенантъ Зиновьевъ, а по достиженіи 7-лѣтняго возраста Великаго Князя Александра Александровича помощникомъ Зиновьева былъ назначенъ генералъ-маіоръ Гогель, рекомендованный на эту должность Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который зналъ Гогеля, какъ отличнаго фронтоваго офицера л.-гв. Волынскаго полка, а потомъ какъ примѣрнаго баталіоннаго коман-

дира Института Инженеровъ Корпуса Путей Сообщенія. Вскорѣ къ Великому Князю Владиміру Александровичу былъ назначенъ полковникъ Генеральнаго Штаба Корнаковъ. Не стану говорить о системѣ воспитанія, потому что въ строгомъ смыслѣ таковой не было вовсе.

Николай Васильевичъ Зиновьевъ, человѣкъ религіозный и строгихъ правилъ, почти всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ умной жены своей Юліи Николаевны, рожд. Батюшковой, и тогда его взглядъ и сужденія были правильны и человѣчны; но часто на него дѣйствовалъ не умный, но хитрый **, и тогда онъ на словахъ и въ мѣропріятіяхъ своихъ впадалъ въ ошибки печальныя, которыя могли бы имѣть послѣдствія весьма прискорбныя, еслибъ натура воспитанниковъ не была такъ хороша. Гогель за то былъ отличною нянькою, и нельзя было не отдавать полной справедливости распоряженіямъ его въ отношеніи устройства помѣщеній Великихъ Князей въ Зимнемъ и загородныхъ дворцахъ, а также туалета и гардероба ихъ. Когда дѣло шло объ устройствѣ праздниковъ и увеселеній, то нельзя было не удивляться изобрѣтательности Гогеля; если же предстояло юнымъ князьямъ участвовать въ разводахъ и парадахъ, то заботы о подготовкѣ ихъ съ любовью принималъ онъ на себя, какъ отличный, образцовый, фрунтовой офицеръ. Козлаковъ по образованію и способностямъ могъ бы быть весьма полезенъ, но онъ большею частію не находилъ возможности примѣнять ихъ, ибо пришелъ поздно, когда все водворенное Гогелемъ уже пустило глубокіе корни; да къ тому же Зиновьевъ, любившій и ласкавшій Козлакова какъ роднаго сына, вѣроятно считалъ его недостаточно опытнымъ или слишкомъ молодымъ для того, чтобы принимать его взгляды и мнѣнія и, слѣдовательно дѣйствовать въ разрѣзъ съ порядкомъ установившимся. Роль Козлакова была пассивная. Сознавая это, онъ, какъ честный человѣкъ, вскорѣ до того сталъ скучать и тяготиться положеніемъ своимъ, что жаждалъ другаго назначенія и самъ говорилъ мнѣ, что съ удовольствіемъ принялъ бы командованіе полкомъ, лишь бы только не оставаться пассивнымъ свидѣтелемъ того, что̀ было противно его убѣжденіямъ и чего онъ между тѣмъ отвратить не могъ.

Въ высшей степени оригинально было отношеніе воспитателей къ преподавателямъ. Кромѣ В. Б. Бажанова, перваго законоучителя Великихъ Князей, были приглашены для обученія Русскому и Нѣмецкому языкамъ, Исторіи и Географіи Я. К. Гротъ (рекомендованный П. А. Плетневымъ и вызванный изъ Гельсингфорса, гдѣ онъ былъ лекторомъ Русскаго языка и Словесности при Александровскомъ Университетѣ) и Швейцарецъ (licencié de l'Academie de Genève) Куріаръ; вслѣдъ за-

тѣмъ учителемъ Ариѳметики поступилъ С. Н. Сухонинъ (изъ Пажескаго Корпуса) и чистописанія Лагузенъ *), и за ними уже пошла цѣлая вереница преподавателей, смѣнявшихъ другъ друга съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Самые вліятельные учителя были Деронъ, Gymnasiarque, какъ онъ называлъ себя, и генералъ-маіоръ Сивербрикъ, обучавшій фехтованію. Первый бралъ непомѣрнымъ нахальствомъ и тѣмъ, что ему удалось, вслѣдствіе удачнаго лѣченія больной ноги принца Н. М. Лейхтенбергскаго, получить въ глазахъ Великой Княгини Маріи Николаевны значеніе человѣка знающаго и опытнаго; а второму, т. е. Сивербрику, оказывалось особое уваженіе по чину.

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ, характеризующихъ отношенія воспитателей къ преподавателямъ. Старика Куріара Великіе Князья любили и уважали, да и онъ былъ къ нимъ привязанъ всею душою и имѣлъ на нихъ отличное вліяніе. Это породило зависть, потому что стали замѣчать, что одно слово Куріара имѣло часто больше значенія, чѣмъ долгія проповѣди воспитателей. Однажды, это было въ Гапсалѣ, Куріаръ, недовольный урокомъ Цесаревича, заявилъ, что онъ такъ огорченъ невниманіемъ Его Высочества, что отказывается отъ обѣда съ нимъ. Н. В. Зиновьевъ, которому Куріаръ тотчасъ послѣ урока объявилъ объ этомъ, согласился съ старикомъ и одобрилъ эту мѣру. Но этого перенести не могъ Гогель. На слѣдующій день приходитъ онъ ко мнѣ и объявляетъ мнѣ порученіе Николая Васильевича объяснить Куріару, что онъ не имѣлъ никакого права употреблять подобнаго рода наказанія, что онъ, Швейцарецъ, не понимаетъ чести, которую ему дѣлаютъ, приглашая его къ великокняжескому столу, что его обязанности начинаются и кончаются урокомъ, что онъ никакого нравственнаго вліянія на Великихъ Князей имѣть не можетъ и не долженъ. Это меня страшно возмутило. Не смотря на мою молодость и положеніе маленькаго чиновника, я напрямикъ объявилъ, что ни за что на свѣтѣ не исполню этого порученія, противнаго моему убѣжденію и, что наконецъ слѣдовало поручить это В. П. Титову, которому преподаватели подчинены непосредственно. Я рѣшился даже доказывать Гогелю необходимость нравственнаго вліянія преподавателей на учениковъ и что безъ таковаго немыслимъ успѣхъ. Такою рѣшимостію я положилъ конецъ порученіямъ подобнаго рода и былъ очень доволенъ, хотя мнѣ этого простить не могли.

Уже въ 1855 году начались поѣздки сперва въ Гапсаль, а потомъ въ Москву. Помню первое мое знакомство съ Погодинымъ, когда я

---

*) Лагузенъ на визитныхъ карточкахъ своихъ именовалъ себя учителемъ чистописанія Членовъ Императорскаго Дома.

явился къ нему на Дѣвичемъ Полѣ и, заставъ его въ его свѣтелкѣ, пригласилъ принять на себя ознакомленіе Великихъ Князей съ достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Не воображалъ я тогда, что смущенный и убитый вѣстью о взятіи Севастополя М. П. Погодинъ, принявъ не безъ нѣкотораго выраженія неудовольствія приглашеніе сопровождать юныхъ князей при осмотрѣ Москвы, въ тоже время будетъ тайнымъ наблюдателемъ не столько за системою воспитанія (о которой онъ успѣлъ едва ли составить себѣ опредѣленное понятіе въ нѣсколько дней проведенныхъ большею частію внѣ дворца, т. е. на улицахъ и въ окрестностяхъ Москвы), а за наружною обстановкою и за лицами окружавшими Великихъ Князей. Это короткое и поверхностное знакомство Погодина съ жизнію ихъ послужило поводомъ къ письму его въ 1857 г. къ В. П. Титову, въ которомъ онъ сему послѣднему, въ минуту назначенія его наставникомъ къ Августѣйшимъ Сыновьямъ Государя, даетъ совѣты и обращаетъ вниманіе бывшаго своего товарища по Московскому Университету на то, что въ компатахъ дѣтей онъ кромѣ оружія ничего не видалъ и что они воспитываются будто бы исключительно по рутинѣ военно-учебныхъ заведеній. Письмо это въ 1858 году, безъ согласія В. П. Титова и даже безъ вѣдома его, появилось въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ, тотчасъ же было представлено Государю Императору и послужило отчасти причиною къ сложенію Титовымъ своихъ обязанностей при Великихъ Князьяхъ. Говорю отчасти, потому что, къ сожалѣнію, оно совпало съ несчастною исторіею К. Д. Кавелина, котораго пригласилъ Титовъ къ преподаванію покойному Цесаревичу общихъ понятій о правѣ, и слова котораго въ искаженномъ видѣ передавались Его Величеству. Такъ, напримѣръ, говоря о судѣ и судьяхъ, Кавелинъ однажды замѣтилъ, что никто не можетъ быть наказанъ безъ суда и никто не можетъ наказывать человѣка неприговореннаго судомъ къ наказанію. Въ этихъ словахъ замѣтили посягательство на ограниченіе правъ верховной власти. Точно также былъ сдѣланъ ему упрекъ въ томъ, что онъ порицаетъ существующія постановленія, когда онъ, говоря о чинѣ, замѣтилъ, что вѣроятно со временемъ чины утратятъ свое значеніе какъ средство поощренія юношества къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, дающія оканчивающимъ курсъ право на чины.

Кавелинъ имѣлъ еще непримиримаго врага въ генералъ-адъютантѣ Ростовцовѣ, который прежде покровительствовалъ ему, но возненавидѣлъ его, когда Кавелинъ, состоявшій при немъ во время предсѣдательства Ростовцова въ Редакціонной Коммиссіи по освобожденію крестьянъ, неизвѣстно почему, ушелъ отъ него. Съ той минуты Ростовцовъ постоянными наговорами на Кавелина возстановилъ противъ него Государя.

Въ письмѣ своемъ Погодинъ, между прочимъ, совѣтовалъ Титову выбирать въ преподаватели людей съ характеромъ независимымъ, твердымъ, дабы растлѣвающій, по его словамъ, придворный воздухъ не имѣлъ на нихъ вліянія, и они не подчинялись ему. Государь въ разговорѣ съ Титовымъ намекнулъ ему, что онъ пригласилъ Кавелина именно по этому совѣту Погодина. Титовъ въ тотъ же день представилъ Его Величеству записку, въ которой, объясняя свой взглядъ на воспитаніе Великихъ Князей и оправдывая сдѣланный имъ выборъ преподавателей, просилъ объ увольненіи его отъ занятій съ Ихъ Высочествами. Записку эту Титовъ далъ мнѣ прочесть; я пришелъ въ восторгъ отъ изложенія, преисполненнаго достоинства. Кавелинъ былъ также уволенъ отъ занятій съ Цесаревичемъ и когда ему предложена была пенсія за эти занятія, онъ написалъ Титову слѣдующее письмо.

«Милостивый государь Владимиръ Павловичъ!

Во вниманіе къ моимъ недостаточнымъ средствамъ ваше превосходительство благосклонно предложили мнѣ ходатайствовать предъ Ихъ Императорскими Величествами о вознагражденіи меня въ виду тѣхъ лишеній, которымъ я долженъ подвергнуться съ прекращеніемъ уроковъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Принося вамъ искреннѣйшую благодарность за столь заботливое участіе въ моей судьбѣ, я считаю обязанностію увѣдомить ваше превосходительство, что по зрѣломъ обсужденіи нахожусь вынужденнымъ отклонить это предложеніе. Смѣю надѣяться, что причины, меня къ тому побуждающія, будутъ вами уважены.

Утѣшительно и справедливо принять вознагражденіе за доведенный до конца трудъ, за совершенное дѣло; можно еще принять вознагражденіе и тогда, когда болѣзнь или потеря физическихъ и умственныхъ силъ, происшедшія отъ самаго свойства дѣла, лишили возможности трудиться далѣе. Въ послѣднемъ случаѣ если и нѣтъ заслугъ, то нѣтъ за то и упрековъ совѣсти. Я не подхожу ни подъ ту, ни подъ другую категорію. Занятія мои съ Его Высочествомъ продолжались только нѣсколько мѣсяцевъ; никакихъ результатовъ они не принесли и не могли еще принести. Съ какими же чувствами получилъ бы я вознагражденіе, котораго по совѣсти не заслужилъ? Нравственно оно только тяготило бы меня, особенно при мысли, что такое святое и великое дѣло, какъ воспитаніе будущаго Государя Россіи, для меня, Русскаго, не сдѣлавшаго еще ничего, послужило какъ бы средствомъ для денежныхъ соображеній. Вопросъ о воспитаніи Наслѣдника Престола слишкомъ выходитъ изъ обыкновенной ежедневности, чтобы къ нему можно было примѣ-

нять правила повсечастныхъ житейскихъ отношеній. Только за удовлетворительное разрѣшеніе его, вполнѣ или частію, можно принять вознагражденіе съ спокойною совѣстью. Еслибъ, сохранивъ теперь званіе преподавателя Государя Наслѣдника Цесаревича, я впослѣдствіи, не пользуясь болѣе вашимъ руководствомъ, нашелъ свое преподаваніе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, безуспѣшнымъ: на мнѣ лежала бы святая обязанность самому просить объ увольненіи, и я точно также подвергся бы лишеніямъ. Неужели это уполномочило бы меня принять вознагражденіе? По совѣсти думаю, что меня не одобрилъ бы за это никто изъ добросовѣстныхъ и благомыслящихъ людей. Таково и теперь мое положеніе; ибо не мѣра лишеній, не обстоятельства, при которыхъ наставникъ Наслѣдника Престола устраняется отъ преподаванія, а единственно результатъ и успѣхъ его трудовъ опредѣляютъ нравственную сторону вознагражденія, которое онъ получаетъ.

Есть еще и другой, менѣе щекотливый для совѣсти способъ избѣжать лишеній, соединенныхъ съ потерею содержанія: это — испросить снова мѣсто въ службѣ, которому присвоено приблизительно такое же жалованье, какого я лишился, принявъ должность преподавателя при Его Императорскомъ Высочествѣ. Но служба, даже самая легкая, какъ я убѣдился теперь опытомъ, была бы несовмѣстна съ моими учеными занятіями по званію профессора. Притомъ, все время, свободное отъ приготовленій уроковъ для Государя Наслѣдника Цесаревича, я намѣренъ посвятить исключительно составленію учебнаго руководства по Гражданскому Праву, котораго у насъ до сихъ поръ нѣтъ вовсе и въ которомъ чувствуется настоятельная нужда. Исполнивъ это, я найду нравственное утѣшеніе въ томъ, что по мѣрѣ силъ и крайнему разумѣнію исполнилъ свой долгъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я надѣюсь, чрезъ напечатаніе и продажу руководства, извлечь для себя матеріальныя выгоды, которыя вознаградятъ меня впослѣдствіи за лишенія въ настоящее время.

Съ отличнымъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою К. Кавелинъ.

С.-Петербургъ,
2-го Мая 1858 года".

Въ 1856 году мнѣ вновь пришлось провести лѣто въ Гапсалѣ, куда признано было нужнымъ возить Великихъ Князей почти ежегодно, по причинѣ золотушнаго ихъ расположенія. По возвращеніи изъ Гапсаля поѣхали мы въ Москву, на коронацію.

Не имѣя никакого права вмѣшиваться въ дѣла воспитателей, я былъ однако свидѣтелемъ многихъ странныхъ явленій, такихъ педаго-

гическихъ мѣропріятій, наконецъ такихъ отношеній воспитателей къ преподавателямъ, что нерѣдко возмущался анормальнымъ ходомъ великокняжескаго воспитанія. Императрица также чувствовала, что дѣло идетъ не такъ какъ слѣдовало бы, но держала себя въ сторонѣ, избѣгая неудовольствій, которыя причинила бы вмѣшательствомъ своимъ. Наконецъ, по внушенію нѣкоторыхъ приближенныхъ и въ особенности, если не ошибаюсь, Анны Ѳедоровны Тютчевой (Аксаковой), бывшей фрейлиной и воспитательницей Великой Княжны Маріи Александровны, рѣшились пригласить завѣдующимъ учебною частію бывшаго въ то время посланникомъ въ Штутгартѣ В. П. Титова, котораго рекомендовала королева Ольга Николаевна. Но не долго оставался онъ при этой должности. Интриги и вышеприведенный эпизодъ съ Погодинымъ давили его до того, что онъ добровольно отказался отъ этой педагогической дѣятельности и былъ замѣненъ Гриммомъ, бывшимъ учителемъ Великаго Князя Константина Николаевича. Но человѣкъ этотъ, изъ котораго Ѳ. П. Литке умѣлъ, такъ сказать, выжимать сокъ и который въ роли учителя дѣйствительно былъ полезенъ, теперь на высокомъ пьедесталѣ, оказался смѣшнымъ и совершенно безполезнымъ. Графъ Строгановъ тотчасъ понялъ это, и въ 1860 году Гриммъ послѣ двухлѣтнихъ занятій былъ уволенъ съ огромною пенсіею въ 7.000 рублей.

Императрица желала перемѣны, но положеніе ея было трудное; нужно было указать прямо на такого человѣка, который съ успѣхомъ могъ бы замѣнить воспитателя. Вотъ почему В. П. Титовъ однажды поручилъ мнѣ поразвѣдать у дяди моего Ѳ. П. Литке, не возмется ли онъ за это дѣло? Порученіе было деликатное, потому что прямаго отказа отъ старика получить не хотѣли. Мнѣ удалось издалека навести дядю на вопросъ этотъ и когда я въ концѣ концовъ могъ спросить его: «А вы, дядюшка, взяли ли бы на себя воспитаніе Цесаревича», онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, для меня трудно; но знаю, что еслибъ и чувствовалъ себя довольно еще сильнымъ для этого труднаго дѣла, то никакъ не употребилъ бы той системы, которая мнѣ была насильно навязана съ минуты поступленія моего къ Великому Князю Константину Николаевичу. Я вынесъ изъ этого воспитанія грустный опытъ и увѣренъ, что успѣлъ бы сдѣлать многое, еслибъ велъ дѣло иначе. Но что же дѣлать? Прошлаго не вернешь, а неопытность моя въ то время была причиною того, что я безпрекословно подчинялся требованіямъ Государя держать въ ежевыхъ рукавицахъ Великаго Князя»...

Въ 1856 году я имѣлъ счастье быть въ Москвѣ и участвовать въ празднествахъ по случаю коронованія.

Въ 1857 году мы ѣздили опять въ Гапсаль*).

Въ 1858 году была совершена поѣздка въ Финляндію, Парву, Ревель и Гельсингфорсъ.

8-го Сентября 1859 года Цесаревичу Николаю Александровичу минуло 16-ть лѣтъ, и въ этотъ день праздновали совершеннолѣтіе его. Къ присягѣ церковной приготовлялъ Цесаревича духовникъ и законоучитель его, протопресвитеръ Бажановъ, къ гражданской присягѣ — графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ; а такъ какъ предстояло вслѣдъ за присягою принять всѣхъ представителей иностранныхъ державъ, то къ этому торжественному пріему приготовленъ былъ Цесаревичъ барономъ Жомини подъ руководствомъ кн. Горчакова. Былъ прочтенъ цѣлый курсъ дипломатіи и, благодаря этому, юный Наслѣдникъ сдѣлалъ блистательный пріемъ посламъ и посланникамъ, бесѣдуя съ каждымъ изъ нихъ о политикѣ и расспрашивая о разныхъ государяхъ и ихъ семействахъ.

О. Б. Рихтеръ, присутствовавшій на лекціяхъ барона Жомини, пользовался каждою свободною минутой, чтобы повторять съ Цесаревичемъ выслушанное на лекціи, и во время прогулокъ дѣлались репетиціи пріема дипломатическаго корпуса и велись разговоры, въ которыхъ Рихтеръ представлялъ пословъ.

Попечителемъ къ нему назначенъ былъ генералъ-адъютантъ графъ С. Г. Строгоновъ, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа, а въ послѣднее время занимавшій послѣ графа Закревскаго важное мѣсто Московскаго генералъ-губернатора. Возрадовались этому назначенію всѣ близко знавшіе графа Москвичи, въ особенности же профессора и бывшіе студенты Московскаго Университета; но огорчены были многіе, разсчитывавшіе на иное назначеніе, да и испугались нѣкоторые не знавшіе графа, а въ особенности тѣ, которыхъ самъ графъ не зналъ, но съ которыми по новому положенію онъ долженъ былъ встрѣчаться и имѣть дѣло. Суровый видъ и рѣзкая рѣчь графа смущали лицъ этихъ. На первыхъ порахъ графъ убѣдился въ томъ, что молодой Цесаревичъ обладалъ всѣми дарами, какими Богъ надѣляетъ только избранныхъ Своихъ; онъ нашелъ умъ, воспріимчивость, любознательность, прекрасную память, и вмѣстѣ съ тѣмъ душевныя качества въ юношѣ скромномъ, даже застѣнчивомъ, который понималъ высокое призваніе свое, но тя-

---

*) Тутъ я познакомился съ семействомъ А. Н. Очкина, бывшаго редактора С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей, а въ Октябрѣ того же года посватался за одну изъ дочерей его Пелагею, на которой и женился въ Январѣ 1858 года. Недолго однако я пользовался семейнымъ счастьемъ. Въ концѣ Октября 1863 года она разрѣшилась младшимъ сыномъ моимъ Ѳедоромъ и чрезъ нѣсколько дней скончалась отъ родильной горячки.

готился недостаточною подготовкою, ограниченностію знаній въ 16 лѣтъ, а главное чувствовалъ, что, кромѣ основательнаго изученія Русской грамоты, всѣ прочія научныя знанія были поверхностны. Съ любовью графъ взялся за дѣло и, посовѣтовавшись съ своими бывшими учениками, въ то время уже профессорами Московскаго Университета, начерталъ программу на три предстоящіе года. Приглашены были тотчасъ же: Ѳ. И. Буслаевъ и С. М. Соловьевъ, а вслѣдъ затѣмъ М. М. Стасюлевичъ, начавшій курсъ Средней Исторіи съ Крестовыхъ походовъ и окончившій уже въ 1862 году Новую Исторію до Французской революціи включительно; И. К. Бабстъ для статистики, А. И. Чивилевъ политической экономіи, Куріаръ Французской словесности, Н. Х. Бунге—финансовъ, К. П. Побѣдоносцовъ, Б. Н. Чичеринъ—юридическихъ наукъ, и генералъ-адъютантъ Тотлебенъ съ полковникомъ Соловьевымъ, генералъ Платовъ, полковникъ Драгомировъ и Шваревъ—военныхъ наукъ. Быстро шло развитіе царственнаго юноши, и графъ Строгоновъ, идя рука объ руку съ преподавателями, совѣтуясь съ ними и бесѣдуя о мельчайшихъ подробностяхъ всего, что́ замѣчалось ими при преподаваніи, наконецъ, имѣя подъ рукою, хотя и молодаго тогда, но преисполненнаго лучшими побужденіями полковника О. Б. Рихтера, состоявшаго при Цесаревичѣ и жившаго съ нимъ неразлучно съ весны 1858 года, находилъ полное нравственное удовлетвореніе за тѣ заботы и труды, которые принялъ на себя, безъ всякихъ личныхъ видовъ и побужденій. Честь и слава такому человѣку, и благодарное потомство можетъ быть соорудило бы ему памятникъ, еслибы Провидѣнію не угодно было преждевременною кончиною обаятельнаго Первенца Царскаго положить предѣлъ и жизни его и этимъ трудамъ его просвѣтителя.

Не безъинтересенъ одинъ случай, о которомъ графъ Строгоновъ самъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Когда предстояло Стасюлевичу приступить къ исторіи Французской революціи, графъ предупредилъ о томъ преподавателя Французской словесности Куріара, съ тѣмъ чтобы и онъ подготовился къ этой эпохѣ. Куріаръ, хотя уроженецъ республиканской Швецаріи, былъ однако глубоко-религіозный человѣкъ и, будучи самъ по спеціальности своей богословомъ, конечно, смотрѣлъ на революцію съ точки зрѣнія иной, нежели люди, признающіе ее спасеніемъ не только для Франціи, но и для человѣчества вообще. Устроено было такъ, что вслѣдъ за окончаніемъ курса Стасюлевичемъ Цесаревичу, находившемуся подъ впечатлѣніемъ всего услышаннаго отъ него, выступилъ Куріаръ и въ продолженіе двухъ часовъ безъ перерыва представилъ въ живой и краснорѣчивой рѣчи всѣ ужасы эпохи и ея послѣдствій. Онъ, по выраженію графа, громилъ и металъ огненныя

стрѣлы противъ разнузданныхъ извергові, въ трогательныхъ картинахъ изображалъ невинныя жертвы революціи и не только совершенно сгладилъ впечатлѣніе, произведенное Стасюлевичемъ, но убѣдилъ Цесаревича въ вѣрности своего взгляда. Потрясенный глубоко словомъ почтеннаго и любимаго имъ преподавателя, Великій Князь послѣ лекціи бросился въ объятія графа и благодарилъ его за такое удачное сопоставленіе двухъ діаметрально противуположныхъ воззрѣній. Графъ былъ въ восторгѣ и, въ свою очередь, благодарилъ Куріара, но не въ присутствіи Августѣйшаго ученика, дабы онъ не могъ догадаться въ подготовкѣ Куріара по заранѣе условленному плану.

Куріару я приписываю сближеніе Цесаревича съ Императрицею, ибо онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы объяснить Его Высочеству значеніе матери въ воспитаніи дѣтей и, наконецъ, указалъ на средство сближенія съ нею. Сначала Цесаревичъ предложилъ Императрицѣ прочесть ей вслухъ свои Французскія сочиненія о Крестовыхъ походахъ, о рыцарствѣ и проч. (тетрадки эти хранятся въ Библіотекѣ Аничковскаго дворца), потомъ были Куріаромъ же рекомендованы другія книги, представлявшія темы для обмѣна взглядовъ на разныя событія и т. д. Кончилось тѣмъ, что какъ мать, такъ и сынъ почувствовали потребность бесѣдъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что умная, высоко-образованная Императрица, представлявшая собою идеалъ женственности и безпорочности, имѣла великое вліяніе на развитіе своего любимца, который, въ свою очередь, представлялъ собою такую благодатную почву для воспріятія и усвоенія сердечныхъ совѣтовъ и наставленій матери.

Какъ часто Куріаръ, съ которымъ я близко сошелся, передавалъ мнѣ съ восторгомъ разсказы Цесаревича о бесѣдахъ его съ Императрицею!

Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ преподавателей покойнаго Цесаревича не оставилъ записокъ о томъ времени, которое они провели въ ежедневныхъ почти занятіяхъ съ Его Высочествомъ, а отмѣтить можно было многое; по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, съ какимъ восторгомъ отзывались они о царственномъ ученикѣ своемъ, и сколько разъ приходилось мнѣ проводить съ этими лицами цѣлые дни въ одинхъ воспоминаніяхъ о немъ. Одинъ М. М. Стасюлевичъ написалъ прелестное надгробное слово въ предисловіи къ III-му тому своей «Исторіи Среднихъ вѣковъ» ч. I-я, подъ заглавіемъ: «Изъ прошедшаго. 1860—1862».

Въ началѣ 1860 г. ген.-адъютанты Зиновьевъ, Гогель и ген. маіоръ Козлаковъ были замѣнены при великихъ князьяхъ Александрѣ и

Владимірѣ Александровичахъ генералъ-адютантомъ Перовскимъ и капитаномъ 1-го ранга Геор. Тим. Бокомъ. Позже былъ еще опредѣленъ къ Ихъ Высочествамъ полковникъ Литвиновъ. Государь Цесаревичъ былъ уже въ Сентябрѣ 1859 г. окончательно отдѣленъ отъ Августѣйшихъ братьевъ, и при немъ, какъ уже сказано, состояли попечитель графъ Строгоновъ и флигель-адъютантъ Рихтеръ. Я хотя и числился въ Конторѣ Августѣйшихъ Дѣтей, но находился постоянно въ распоряженіи графа Строгонова.

Дальнѣйшій разсказъ будетъ содержать описаніе всего, чтó можетъ послужить матеріаломъ для біографіи Цесаревича Николая Александровича, и въ немъ, конечно, я коснусь и исторіи его болѣзни.

Въ 1860 году сыновья Государевы вмѣстѣ съ двоюродными братьями затѣяли скачку на иподромѣ въ Царскомъ Селѣ. Цесаревичъ долженъ былъ скакать на Англійской лошади, не будучи вовсе подготовленъ къ подобной скачкѣ. Графъ Строгоновъ положительно возставалъ противъ этого и даже просилъ Государя запретить скачку, доказывая не только опасность, но и неприличіе предпріятія для Наслѣдника Престола. Государь, не подозрѣвая въ сынѣ слабости тѣлосложенія и предполагая даже нѣкоторую женственную въ немъ изнѣженность, не согласился съ графомъ и замѣтилъ, что подобныя упражненія только могутъ служить съ пользою и должны придать ему болѣе смѣлости и мужества: «il est trop efféminé».

Къ несчастію, опасенія графа оправдались. Цесаревичъ, не привыкшій скакать на Англійскихъ лошадяхъ, упалъ съ лошади и ушибъ спину, но, не чувствуя особенной боли, отказался отъ всякихъ мѣръ, тотчасъ-же предложенныхъ докторомъ Шестовымъ (тогда уже состоявшимъ при Его Высочествѣ, по рекомендаціи И. В. Енохина).

Золотуха, которою страдалъ Великій Князь, бросилась на ушибленное мѣсто, которое сдѣлалось уже съ тѣхъ поръ средоточіемъ всѣхъ послѣдующихъ страданій.

Въ томъ же году мы были въ Либавѣ, гдѣ Его Высочеству были предписаны морскія купанья.

Въ 1861 году Цесаревичь весною, взявъ теплую ванну на ночь, отправился съ герцогомъ Н. М. Лейхтенбергскимъ на охоту въ Осиновую рощу, не смотря на то, что О. Б. Рихтеръ взялъ съ него обѣщанія, что онъ изъ предосторожности не воспользуется приглашеніемъ герцога. Возвратившись на другой день домой, Цесаревичъ вечеромъ у Императрицы хотѣлъ продѣлать съ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александрови-

чемъ то, чтó дѣлалъ ежедневно, т. е., обнявъ брата, перебросилъ его черезъ свое плечо, но вдругъ почувствовалъ такую боль въ спинѣ, что упалъ и, вставъ, не могъ выпрямиться. Его снесли въ постель, въ которой онъ пролежалъ почти двѣ недѣли. Помогло только электричество, и дѣйствительно на этотъ разъ болѣзнь эта была не болѣе, какъ острѣлъ (lumbago), но проявилась всетаки на больномъ, ушибленномъ мѣстѣ. Этимъ успѣшнымъ примѣненіемъ электричества впослѣдствіи были вводимы въ заблужденіе всѣ пользовавшіе Его Высочество медики. Постоянно всѣ они твердили, что болѣзнь ревматическаго свойства, но мало было обращаемо вниманія именно на то обстоятельство, что ревматизмъ этотъ избралъ мѣсто именно то, которое было ушиблено и сдѣлалось гнѣздомъ золотушныхъ отложеній.

Въ 1860 году мы были въ Либавѣ, гдѣ Его Высочеству были предписаны морскія купанья, послѣ которыхъ онъ чувствовалъ себя относительно хорошо. Онъ вообще очень былъ доволенъ пребываніемъ въ Либавѣ. Шла тихая жизнь въ средѣ людей, которые ему были симпатичны; онъ распредѣлялъ день по его желанію, по утрамъ отъ 10 до 11½ ч. читалъ намъ лекціи Русской словесности по запискамъ Буслаева и увлекался Русскими былинами и пѣснями, изъ коихъ многія зналъ наизустъ. Съ Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ, который въ качествѣ преподавателя Алексѣя Александровича и Николая Константиновича былъ тоже въ Либавѣ, Цесаревичъ повторялъ Алгебру и Геометрію, чувствуя себя, благодаря плохому преподаванію этихъ предметовъ Сухонинымъ, недостаточно подготовленнымъ для предстоящихъ курсовъ военныхъ наукъ: геодезіи, артиллеріи и инженернаго искусства.

Ограничусь описаніемъ обратнаго путешествія нашего изъ Либавы чрезъ Ригу. Отъѣздъ назначенъ на 31 Іюля. Наканунѣ я около 11 часовъ вечера возвратился домой, чтобы отдохнуть наконецъ послѣ хлопотливаго дня, который весь былъ посвященъ на укладку и отправленіе вещей на пароходы «Штандартъ» и «Смѣлый», изъ коихъ первый назначенъ былъ къ отплытію въ Ригу съ нѣкоторыми лицами свиты и всею кладью; другой же прибылъ въ Либаву для переѣзда на немъ Алексѣя Александровича и Николая Константиновича въ Финляндскія шхеры, гдѣ Ихъ Высочества должны были встрѣтить Его Высочество Генералъ-Адмирала для дальнѣйшаго плаванія на пароходѣ «Ретвизанъ». На другое утро часовъ въ 5, придя въ домъ Шнабеля, я засталъ уже суетившуюся около остатковъ, посуды и прч. прислугу; почти весь домъ былъ на ногахъ. Съѣздивъ нѣсколько разъ на пристань, я отправился къ 9-ти часамъ въ церковь, гдѣ отъѣзжающіе получили напутственное благословеніе. Къ 10-ти часамъ собрались къ завтраку. Изъ лицъ, ежедневно собиравшихся за

этимъ столомъ, приглашенъ былъ только статскій совѣтникъ Крузенштернъ, который долженъ былъ сопровождать князя Суворова сухимъ путемъ до Риги. Предъ завтракомъ Ѳ. Ѳ. Эвальдъ объявилъ во всеуслышаніе о томъ, что въ этотъ день минуло мнѣ 34 года, и по этому случаю было подано Шампанское. При этомъ мнѣ припомнился случай, доказывающій, что при Дворѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Однажды въ Гапсалѣ оказался недостатокъ въ Шампанскомъ, именно той фирмы, которую подавали всегда за царскимъ столомъ. Требовалось непремѣнно это вино, а не другое, и что же: оказалось, что у виноторговца этого маленькаго городка было куплено прекрасное Шампанское той же марки, хотя хозяинъ лавки клялся передъ тѣмъ, что этого сорта вина у него никогда въ погребѣ не бывало. Загадка головоломная, но которую возможно угадать.

Наслѣдникъ Цесаревичъ предложилъ тостъ за мое здоровье, и при этомъ я вспомнилъ, что въ прошедшемъ, т. е. въ 1859 году, этотъ день былъ проведенъ на пароходѣ «Штандартъ», при переѣздѣ изъ Гапсаля въ Петергофъ. Не стану повторять слова Его Высочества, но они врѣзались въ память мою, и я всегда съ умиленіемъ буду вспоминать объ этомъ днѣ, о прощаніи съ Либавою, этимъ милымъ городкомъ, гдѣ лѣто было проведено тихо, ясно и почти безъ облачка на житейскомъ горизонтѣ.—Между тѣмъ предъ окнами сгущалась все болѣе и болѣе толпа скромныхъ бюргеровъ съ женами и дѣтьми, смуглыхъ Евреевъ въ длиннополыхъ кафтанахъ, Евреекъ съ типичными физіономіями, и наконецъ выстроился вдоль улицы конный взводъ Александровской гвардіи въ драгунскихъ мундирахъ. Все это напоминало день пріѣзда въ Либаву съ тою только разницею, что на всѣхъ лицахъ къ выраженію нѣкоторой торжественности присоединялась грусть о разлукѣ съ тѣмъ, котораго привыкли ежедневно встрѣчать на прогулкахъ по городу, за которымъ слѣдили постоянно глаза жителей, даже во время занятій въ домѣ, при малѣйшемъ шумѣ экипажа, бросавшихся къ окнамъ съ надеждою увидѣть Наслѣдника Престола.

По окончаніи завтрака, всѣ, какъ водится, присѣли на минуту и потомъ поднялись съ мѣстъ, чтобы отправиться въ путь. Александровская гвардія конвоировала двухмѣстную коляску Его Высочества; въ ней же сидѣлъ и князь Суворовъ. Въ Наслѣдникѣ съ утра уже было замѣтно нѣсколько печальное настроеніе духа. Подъѣхавъ къ пристани, гдѣ обычная надпись «Willkommen», сохранявшаяся со дня пріѣзда, была обращена въ слова «Auf Wiedersehen», Наслѣдникъ вышелъ изъ экипажа, простился съ братьями, потомъ обратился къ Курляндскому дворянству, благодарилъ ихъ самыми ласковыми словами, поцѣловалъ

бароновъ Нольде, Мантейфеля и Клейста, наконецъ возвратился къ своему экипажу съ четверкою лихихъ лошадокъ и поѣхалъ шагомъ чрезъ мостъ, отвѣчая привѣтливо на возгласы толпы и почти не надѣвая фуражки. Не доѣхавъ до шоссейной заставы, Его Высочество замѣтилъ, что забылъ кошелекъ съ деньгами, и потому посланъ былъ ко мнѣ ротмистръ Александровской гвардіи спросить, не у меня ли онъ. Потомъ оказалось, что онъ былъ оставленъ въ шкафикѣ, гдѣ нашелъ его добрый Шнобель и прислалъ его потомъ уже съ Лифановымъ.

У заставы собрались дамы, между которыми были графини Ридигеръ и Медемъ, баронесса Корфъ и другія; тутъ же былъ альтерманъ Улихъ, достойный представитель города, которому Либава обязана многими улучшеніями и между прочимъ отличнымъ устройствомъ благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій и заведеній; имъ же составленъ проектъ Либаво-Юрбургской желѣзной дороги, удостоенный одобренія правительства, но не приведенный въ исполненіе по разнымъ причинамъ. Улихъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ тѣмъ личностямъ, о которыхъ вспоминаешь всегда съ отраднымъ чувствомъ уваженія. Вся жизнь его посвящена общественной пользѣ, при чемъ однако матеріальное вознагражденіе далеко не выкупаетъ лишеній и жертвъ имъ приносимыхъ. Послѣ ежедневныхъ съ нимъ сношеній я сохранилъ къ нему чувство благодарности за постоянную и непритворную готовность помочь мнѣ въ дѣлахъ, часто до него не касавшихся, но по которымъ я нуждался въ содѣйствіи. Догадавшись, по какому поводу Наслѣдникъ Цесаревичъ вспомнилъ о кошелкѣ, я воспользовался минутною остановкою, чтобы предложить нѣсколько рублевыхъ билетовъ, для раздачи нищимъ. Его Высочество, простившись съ Улихомъ, глубоко тронутый сѣлъ въ экипажъ, въ который полетѣла цѣлая груда цвѣтовъ вѣнками и букетами. Сигналомъ къ отъѣзду послужило рѣзко-звучное «ура» графини Ридигеръ, которая, на подобіе богини Флоры, сыпала вокругъ себя безконечное множество цвѣтовъ. На чертѣ городскихъ владѣній Александровская гвардія откланялась Его Высочеству и была замѣнена сельскою кавалькадою крестьянъ изъ окрестныхъ имѣній. При этомъ скажу, для избѣжанія повтореній, что этотъ конвой смѣнялся по нѣскольку разъ на каждой станціи, до самыхъ границъ Рижскихъ городскихъ владѣній, при чемъ крестьяне большею частію были снабжены значками съ названіями имѣній, къ которымъ принадлежали, а за неимѣніемъ этихъ флаговъ они держали въ рукахъ какіе-то жезлы собственнаго издѣлія, украшенные перьями и лентами; у всѣхъ безъ исключенія были вѣнки не только на шапкахъ, но и въ видѣ перевязей; при проѣздѣ же чрезъ казенные лѣса намъ сопутствовали казенные лѣсничіе въ сѣрыхъ кафтанахъ и фуражкахъ, съ ружьями чрезъ плечо, напоминавшіе

чрезвычайно ополчанъ послѣдней войны. Здѣсь же мѣсто упомянуть о безчисленномъ множествѣ тріумфальныхъ воротъ и арокъ, встрѣчавшихся на пути, почти на границѣ каждаго имѣнія. Всѣ были украшены зеленью и цвѣтами, а на нѣкоторыхъ красовались надписи съ выраженіемъ напутственныхъ желаній. Ѣхали въ слѣдующемъ порядкѣ: коляска двухмѣстная (Цесаревичъ съ княземъ Суворовымъ), двухмѣстная карета (графъ Строгановъ и О. Б. Рихтеръ), четырехмѣстная коляска (Н. А. Шестовъ, Крузенштернъ и я) и наконецъ двухмѣстная коляска (камердинеръ Костинъ и Василій, слуга О. Б. Рихтера).

Дождь, накрапывавшій съ утра, сталъ исподоволь усиливаться; подняли навѣсы и хотя въ воздухѣ не было замѣтно скопившагося электричества, но я началъ замѣчать грозу, приближавшуюся съ другой стороны. Н. А. Шестовъ, неоднократно выражавшій неудовольствіе на товарищество Крузенштерна, нахмурился, сдвинулъ брови и съ невозмутимымъ стоическимъ молчаніемъ переносилъ щелчки крупныхъ дождевыхъ капель, превратившихся скоро въ проливной ливень. Крузенштернъ безпрестанно мѣнялся со мною мѣстами; дождевый плащъ, одолженный мнѣ О. Б. Рихтеромъ, предохранялъ меня отъ непріязненнаго расположенія къ намъ погоды, пока вода, накопившаяся въ складкахъ непромокаемаго плаща, стала стекать водопадами въ коляску и образовала въ ней наводненіе. Въ это время мы, проѣхавъ чрезъ Гробинъ и смѣнивши лошадей на станціи Айстернъ, содержимой молодымъ графомъ Медемомъ, подъѣзжали къ городу Газенпоту. Живописное мѣстоположеніе города отклонило ожидаемую мною грозу: лицо Шестова прояснилось, и онъ даже улыбнулся на то, что я изъ подъ плаща ничего не вижу. Здѣсь остановились въ клубѣ, гдѣ, вмѣсто завтрака, въ часъ пополудня, были приготовлены фрукты, Шампанское, мороженое. Городъ этотъ былъ мнѣ ненавистенъ по впечатлѣнію, произведенному на меня проѣздомъ чрезъ него весною въ Мартѣ, какъ дурными дорогами, такъ и грязною станціею съ Жидовскимъ запахомъ, проникавшимъ даже въ супъ, телятину и кофе, мнѣ поданные къ обѣду. На этотъ разъ все мнѣ было мило; я былъ не только веселъ, но даже счастливъ. Жители были въ такомъ восторгѣ отъ пріѣзда высокаго гостя, что, не смотря на всѣ усилія, я не могъ добиться почтмейстера, чтобы ему уплатить прогоны. Никто не могъ отыскать его, никто не зналъ гдѣ онъ, между тѣмъ какъ позже оказалось, что онъ все время стоялъ почти возлѣ меня и, слушая мои просьбы и домогательства, не понималъ ихъ. Проѣхавъ еще небольшое разстояніе, достигли мы границы помѣстья Капдангенъ, коего владѣлецъ баронъ Мантейфель, старшій сынъ Цираускаго, въ бѣломъ галстухѣ и черномъ фракѣ, подъ сильнымъ дождемъ, ожидалъ съ

своимъ сыномъ прибытія Цесаревича. Его Высочество велѣлъ остановить экипажъ, обласкалъ маленькаго бѣлокураго барона и поѣхалъ далѣе. Я принялъ тотчасъ же предложеніе бар. Мантейфеля пересѣсть въ его карету, и тогда вздохнулъ нѣсколько свободнѣе послѣ душной атмосферы подъ непромокаемымъ плащемъ. Обогнувъ около водяной мельницы и проѣзжая почти мимо помѣщичьяго дома, я узналъ въ группѣ дамъ и мужчинъ, стоявшихъ подъ дождевыми зонтиками, брата Кацдангенскаго барона, Николая и старшую сестру. На половинѣ дороги была подстава, дождь началъ стихать, на горизонтѣ небо начало проясниваться, свѣжія лошади съ бодростію тронулись съ мѣста быстрою рысью, и въ скоромъ времени мы подъѣхали къ казенному имѣнію Шрунденъ, содержимому въ арендѣ барономъ Коскулемъ. На скверѣ предъ барскимъ домомъ была устроена выставка земледѣльческихъ орудій и хозяйственныхъ машинъ; локомобили уже дымились и обычнымъ пронзительнымъ свистомъ заявляли нетерпѣніе приступить къ работѣ. Вокругъ стояли густою толпою (въ числѣ 3.000) крестьяне въ праздничныхъ нарядахъ, и между ними отставные нижніе чины разныхъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ въ щеголоватыхъ мундирахъ, за что они вѣроятно обязаны были брату барона Коскуля, бывшему лѣтъ 20 тому назадъ командиромъ кавалерійскаго образцоваго полка. Гостепріимство хозяевъ, въ обширномъ и опрятно содержимомъ домѣ, подѣйствовало весьма пріятно на насъ, промокшихъ почти до костей. Принарядившись на сколько позволяли скудныя средства дорожнаго моего туалета, я поспѣшилъ познакомиться съ хозяйкою дома, рожд. графинею Ламсдорфъ, и дочерью ея, прекрасно образованною дѣвушкою. Въ ней я во второй разъ встрѣтилъ смѣсь Нѣмецкаго воспитанія, въ строгихъ правилахъ нравственности, съ Французскимъ образованіемъ, которое придаетъ первому недостающіе ему лоскъ и развязность. Часто случалось мнѣ видѣть даже нѣкоторыхъ изъ моихъ родственницъ, дѣвушекъ воспитанныхъ въ имѣніямъ Остзейскихъ губерній, auf dem Lande, какъ говорятъ, съ отличными правилами, но не имѣющихъ ни малѣйшаго успѣха въ Петербургскихъ салонахъ, по недостатку именно того, чтò требуется столичнымъ свѣтскимъ обществомъ. Скромность, застѣнчивость и неумѣнье пользоваться своими познаніями, чтобы поддержать разговоръ, придаютъ имъ видъ дикости и нелюдимости, между тѣмъ какъ полученіе окончательнаго образованія если и не въ Парижѣ, то въ Монпелье (гдѣ училась баронесса Коскуль) производитъ благодѣтельную перемѣну in diesen Kindern vom Lande. За обѣдомъ, сидя между этою новою моею знакомою и давнишнимъ знакомымъ полковникомъ Коскулемъ, я провелъ время какъ нельзя пріятнѣе и, слушая съ одной стороны много интереснаго о путешествіяхъ за границею, я передавалъ

другому сосѣду все, что зналъ про общихъ нашихъ Петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ. Я встрѣчалъ Коскуля въ домѣ Олениныхъ, а еще чаще у его сослуживца Андрѐ. Послѣ обѣда князь Суворовъ, взявъ меня по обыкновенію подъ руку, передалъ мнѣ съ увлеченіемъ происшедшій во время пути случай, который живо запечатлѣлся въ моей памяти. Князь, замѣтивъ издали нищаго, съ той стороны, гдѣ онъ сидѣлъ, вынулъ изъ бумажника рублевую бумажку и, не желая останавливать экипажа, чтобъ не разбудить дремавшаго Цесаревича, бросилъ бѣдняку подаяніе. Цесаревичъ, очнувшись, замѣтилъ это и сказалъ: «Князь, если вы не можете подать нищему милостыню изъ рукъ въ руки, то лучше совсѣмъ не давайте, но только не б осайте ему денегъ, какъ вы это сдѣлали». Деликатность чувства не могла не тронуть благороднѣйшаго князя Суворова; впрочемъ этотъ разсказъ произвелъ одинаковое впечатлѣніе на всѣхъ, кому я передавалъ его.

Всѣ пошли осматривать выставку машинъ и начали, конечно, съ молотилки, какъ наиболѣе сложной и приводимой въ движеніе посредствомъ пара. Не помню къ сожалѣнію количества вымолачиваемаго въ день зерна. Кромѣ молотилки, паровой двигатель служилъ еще отличной лѣсопильной машинѣ. Потомъ съ любопытствомъ была осмотрѣна машина для дѣланія кирпичей (пустыхъ, которые въ большомъ употребленіи въ Курляндіи и имѣютъ значительныя преимущества предъ обыкновенными), черепицы и разной величины дренажныхъ трубъ. Послѣдніе предметы выставки были разнообразные плуги, бороны, сѣялки, вѣялки, грабли, жатвенныя орудія, валькй для укатыванія засѣяннаго поля, наконецъ машины для размельченія корнеплодныхъ растеній, въ пищу для скота, и для рѣзки картофеля и свеклы для винокурень и сахарныхъ заводовъ. Изъ плуговъ наша косуля признана не только Курляндцами, но даже иностранцами удобнѣйшимъ орудіемъ. Въ полевыхъ работахъ двигатель все тотъ же: терпѣливая лошадь или сильный волъ, и едва ли въ скоромъ времени замѣнитъ ихъ паръ, въ особенности въ Россіи и даже въ Курляндіи, гдѣ недостатокъ въ механикахъ и техникахъ, необходимыхъ для починки машинъ, весьма ощутителенъ.

Простившись съ любезными хозяевами, мы вышли опять на балконъ и увидѣли экипажъ Наслѣдника съ четверкою великолѣпныхъ сѣрыхъ и предъ каретою графа Строганова шестерикъ вороныхъ лошадей, принадлежавшихъ братьямъ Коскулямъ. Отставной гусаръ вынесъ изъ прежней службы страсть къ лошадямъ и немало гордился сѣрыми конями, пріобрѣвшими славу въ окрестныхъ имѣніяхъ.

Дорога изъ Шрундена въ Фрауенбургъ весьма живописна, и я восхищался ею даже въ Мартѣ мѣсяцѣ, когда таявшій снѣгъ только что начиналъ обнажать поля и лежалъ плотною массою въ лѣсахъ. Жаль только, что на половинѣ дороги стемнѣло до того, что едва можно было различить окрестности. За то мы были вознаграждены подъ конецъ дороги прекрасною иллюминаціею, которая на протяженіи двухъ верстъ и въ гористой мѣстности представляла картину чрезвычайно живописную. Не останавливаясь на станціи мѣстечка Фрауенбургъ, мы проѣхали прямо до Бергхофа, имѣнія г-на Бринкена, назначеннаго для ночлега. За отсутствіемъ помѣщика, бывшаго за границею, Государя Наслѣдника принималъ зять его Фонъ-деръ-Рекке. Названіе мызы указываетъ на положеніе помѣщичьего дома на горѣ или лучше на холмѣ. Въ особенности былъ хорошъ видъ на Фрауенбургъ; развалины древняго женскаго монастыря и прочія строенія были видны вдали окаймленныя огненными нитями или украшенныя разноцвѣтными фонарями à la kia-king. Сѣли за чайный столъ, на которомъ разставлены были тарелки и блюда съ фруктами и самымъ разнообразнымъ домашнимъ печеньемъ. Тутъ-то вспомнили, что хозяйка не была представлена Его Высочеству, слѣдовательно не могла и подчивать высокаго гостя. Но было поздно, и знакомство это было отложено до другаго утра (впрочемъ и тогда не состоялось). Цесаревичъ, простившись со всѣми, ушелъ въ приготовленную для него комнату; графъ Строгановъ также удалился, а остальное общество собралось на балконѣ; къ нему присоединилось еще нѣсколько бароновъ, и въ числѣ ихъ 70-ти лѣтній камеръ-юнкеръ баронъ Фирксъ, страстный агрономъ, трудящійся весь свой вѣкъ надъ нововведеніями. Хотя и увѣряли, что этотъ балконъ, подъ сѣнію вѣковыхъ каштановъ, служитъ лучшимъ убѣжищемъ отъ палящихъ лучей Іюльскаго солнца, я однако никакъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы въ осенній, сырой вечеръ это мѣсто представляло тѣже удобства и, несмотря на согрѣвающій punch royal въ огромномъ сосудѣ, я потихоньку ускользнулъ изъ веселой компаніи бароновъ.

Утромъ въ половинѣ шестаго я вышелъ въ садъ и засталъ графа Строганова, возвращавшагося уже съ прогулки. Послѣ чаю пошли опять на сельскую выставку, которая впрочемъ не представляла ничего новаго. Въ шесть часовъ мы уже ѣхали далѣе по довольно живописной, но плоской мѣстности, между полями, на которыхъ уже стояли снопы и скирды. Въ лѣсу было такое изобиліе прекраснѣйшихъ грибовъ, что я не могъ равнодушно смотрѣть на нихъ, сожалѣя о томъ, что нельзя было часокъ посвятить на прогулку по бору. На пути, Цесаревичъ заѣхалъ и на сельскую ярмарку. Далѣе княгиня Ливенъ встрѣтила Его Высочество на границѣ своего имѣнія, гдѣ крестьянскія дѣти, подъ управленіемъ

сельскаго учителя, исполнили «Народный Гимнъ» и «Коль славенъ нашъ Господь» на Латышскомъ языкѣ. День былъ прекрасный, въ воздухѣ была необыкновенная тишина, все дышало свѣжестію.

Слѣдующая станція—Бекгофъ, гдѣ встрѣтили Цесаревича оркестромъ доморощенныхъ музыкантовъ, игравшихъ съ большимъ усердіемъ, но безъ согласія, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Послѣдняя станція предъ Митавою мѣстечко Добленъ, съ прекрасными развалинами. Не знаю, ясная ли погода и отличное во мнѣ расположеніе духа были причиною тому, что это мѣсто уже издали какъ-то особенно мнѣ улыбалось, или казалось оно мнѣ привлекательнымъ потому, что я еще въ дѣтствѣ любилъ слушать разсказы о Добленѣ друга моего, барона Ренне, воспитывавшагося здѣсь у тетки своей баронессы Ренне, рожд. Оффенбергъ, матери г-жи Нольде. Какъ бы то ни было, нельзя отнять у этого мѣстечка чего-то радушнаго и уютнаго; не даромъ же тутъ поселяются на лѣто нѣкоторые жители Митавы и даже Риги, въ хорошенькихъ дачахъ, между которыми въ глаза бросается Villa Tottleben, принадлежащая одному изъ родственниковъ нашего Севастопольскаго героя. Между лицами, сопровождавшими Государя Наслѣдника при осмотрѣ развалинъ, былъ отставной генералъ-маіоръ Дитрихсъ, служившій нѣкогда въ Пажескомъ Корпусѣ и немало возгордившійся при встрѣчѣ съ О. Б. Рихтеромъ, бывшимъ его питомцемъ.

Поѣхали далѣе и послѣ утомительной ѣзды на солнечномъ припекѣ, около 30 верстъ безъ малѣйшей тѣни, прибыли во второмъ часу въ Митаву. Эта резиденція герцоговъ Курляндскихъ показалась мнѣ въ Мартѣ отвратительною до нельзя, потому что я оба раза проѣзжалъ ночью, въ ненастную погоду, по грязнымъ улицамъ; теперь же все показалось иначе: откуда взялись прекрасныя каменныя зданія, теперь украшенныя коврами и цвѣтами, съ садами, въ которыхъ густая, темная зелень дуба и Итальянскаго пирамидальнаго тополя смѣнялась свѣжею изумрудною зеленью другихъ деревьевъ. Въ соборѣ Русскимъ купечествомъ была поднесена хлѣбъ - соль. Князь Суворовъ зналъ даже и этихъ купцовъ по имени, и у одного изъ нихъ освѣдомился о его сестрѣ Матренѣ Егоровнѣ или Акулинѣ Парфентьевнѣ, не помню, но память эта меня поразила. На вопросъ этотъ купецъ отвѣчалъ: «Покорно-съ благодаримъ, все-съ еще-съ проживаютъ за границею-съ, ваша свѣтлость». Типъ Русскаго купчика, хотя и говорящаго чистымъ Нѣмецкимъ языкомъ, вездѣ одинъ и тотъ же, несмотря на то, что сестрица ихъ «проживаютъ-съ за границею-съ». Изъ собора шагомъ пріѣхали въ домъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія, расположенный на набережной рѣки Аа: странное названіе, неизвѣстно

что значитъ, а между тѣмъ въ большомъ употребленіи; въ послѣдствіи еще придется говорить о долинѣ рѣки Аа въ Лифляндской Швейцаріи, а въ Курляндіи еще есть der See zum heiligen Aa, между тѣмъ ничего нѣтъ общаго между этими рѣками и озеромъ. Толпа, провожавшая насъ отъ городской заставы, съ разными депутаціями, до того сгустилась на узкой набережной предъ домомъ, что, оставивъ экипажи на большой улицѣ, мы съ трудомъ пробрались до подъѣзда. Для Цесаревича помѣщеніе было приготовлено во 2-мъ этажѣ, въ прохладныхъ, великолѣпныхъ покояхъ. Н. А. Шестову и мнѣ назначено было внизу въ квартирѣ графа Германа Кейзерлинга, брата Эстляндскаго предводителя дворянства. Послѣ пріема разныхъ лицъ, Его Высочество легъ отдохнуть, а потомъ отправился осмотрѣть дворецъ, прекрасное произведеніе знаменитаго Растрелли. Сначала вошли въ склепъ, гдѣ покоятся герцоги Курляндскіе. Гробъ Бирона какъ и нѣкоторыхъ, открытъ, и я впился взорами въ черты этого злодѣя, какихъ немного въ исторіи человѣчества. Не смѣю выдавать за истину, но я разсмотрѣлъ лице его съ большимъ вниманіемъ, и мнѣ показалось, что оно было выкрашено масляною краскою. Какъ иначе объяснить нѣжно-розовый цвѣтъ и тонкія полосы, происходящія отъ щетинистой кисти неискуснаго маляра?

Внутренность замка, или лучше сказать, стѣны царскихъ комнатъ оклеены нынѣ новыми обоями и обновлены, исключая одного небольшаго покоя, коего стѣны покрыты гобеленами, вышитыми герцогинею Курляндскою Анною Іоанновною. Пробѣжавъ наскоро цѣлый лабиринтъ обширныхъ залъ и небольшихъ комнатъ, я поспѣшилъ опять домой, и къ 4-мъ часамъ мы собрались въ большой дворянской залѣ, украшенной безчисленнымъ множествомъ гербовъ Курляндскаго дворянства. Безукоризненный въ гастрономическомъ отношеніи обѣдъ былъ оживленъ пріятнымъ разговоромъ; немногочисленное общество состояло изъ лицъ, пріѣзжавшихъ уже въ Либаву и потому болѣе или менѣе знакомыхъ. Подъ конецъ обѣда Государь Наслѣдникъ въ послѣдній разъ простился съ представителями Курляндскаго дворянства и благодарилъ ихъ за радушіе и гостепріимство. Благодарность эта была выражена немногими, но проникнутыми искренностію, словами.

Опять поданы экипажи, опять толпа предъ домомъ, на мосту, по большой улицѣ, до самой заставы, а тамъ снова откуда ни взялись новые проводы крестьянскихъ всадниковъ, на этотъ разъ однако, вмѣсто гирляндъ изъ цвѣтовъ, съ бѣлыми полотняными перевязями и такими же значками. На станціи Олай поднесена хлѣбъ-соль уже Рижскимъ мѣщаниномъ, для большей смѣлости подкрѣпившимъ себя чаркою про-

стаго вина. Князь Суворовъ называлъ его опять по имени Григорьевымъ или Тимоѳеевымъ. Черезъ часъ времени уже начали показываться издали башни Св. Петра, Якова и Вышгородской церкви. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся рядъ дачъ, потомъ слышались отрывистые крики громкаго «ура» стоявшихъ на дорогѣ группъ солдатъ, или вышедшихъ на встрѣчу городскихъ жителей. Въѣхали въ Митавское предмѣстье; тутъ уже начали сдерживать лошадей. Отдѣльныя группы сливались въ массы, радостнымъ крикамъ не было конца; спустились къ мосту, и проѣздъ чрезъ арку казался невозможнымъ. Предъ глазами открылась великолѣпная картина: къ самому мосту подошли разныя суда, образовавшія цѣлый лѣсъ мачтъ, украшенныхъ разноцвѣтными флагами, палубы были загромождены зрителями, изъ коихъ нѣкоторые, похрабрѣе, вмѣстѣ съ матросами висѣли на снастяхъ и мачтахъ. Мостъ былъ подъ водою отъ наплыва людской массы. Государь Наслѣдникъ, видя невозможность кланяться во всѣ стороны и отвѣчать тѣмъ на привѣтствія, ѣхалъ все время съ приподнятою надъ головою фуражкою. Восторгъ доходилъ до неистовства: люди бросались подъ лошадей, держались за экипажи, чтобъ имѣть возможность слѣдовать за нами; сбивали другъ друга съ ногъ, и бѣда тому, кто не въ силахъ былъ кулаками и тычками пролагать себѣ дорогу: по поясъ въ водѣ онъ находился подъ опасеніемъ быть опрокинутымъ слѣдующимъ за нимъ смѣльчакомъ. Въ концѣ моста опять тріумфальные ворота и опять новая толпа встрѣчающихъ. Пробравшись съ трудомъ сквозь этотъ рой, въѣхали въ узкія улицы, поднялись вверхъ до площади въ центрѣ города, гдѣ высокаго гостя встрѣтилъ чудный гимнъ, исполненный оркестромъ роговой музыки, помѣщенной на балконѣ ратуши. Стѣны этого дома, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, были сверху до низу украшены великолѣпными тропическими и другими растеніями и цвѣтами. Улица ведущая мимо биржи къ Губернаторской площади, превратилась въ безконечную залу, со стѣнами въ нѣсколько этажей и съ потолкомъ изъ разноцвѣтныхъ матерій, переброшенныхъ съ одной стороны на другую. Депутаты всѣхъ возможныхъ сословій образовали живую изгородь, а городская гвардія скакала впереди, прокладывая путь въ цитадель. Тутъ преосвященный Платонъ встрѣтилъ Государя Наслѣдника съ крестомъ и святою водой и привѣтствовалъ краткимъ словомъ. Я пришелъ только къ концу и потому не могу судить о содержаніи рѣчи. Послѣ благодарственнаго молебствія отправились наконецъ въ замокъ, въ которомъ каждый нашелъ себѣ удобно устроенную комнату; всѣ были помѣщены прекрасно, исключая гостепріимнаго хозяина, князя Суворова, переселившагося въ какой-то холодный, сырой уголокъ. Впрочемъ, сколько я могу судить, дни пребыванія Государя Наслѣдника въ Ригѣ были свѣтлыми мину-

тами въ жизни князя: онъ былъ счастливъ видѣть у себя не только первороднаго сына обожаемаго имъ Царя, но и юношу-человѣка, къ которому привязался всею силою своего чувствительнаго сердца, всею теплотою честной своей души. Отрадно ему было видѣть въ жителяхъ Остзейскихъ губерній туже безпредѣльную любовь къ царскому дому и убѣждаться на каждомъ шагу, что выраженіе этой любви дѣйствовало такъ благотворно на высокаго гостя, что онъ не оставался равнодушнымъ къ этимъ чувствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о приготовленіяхъ къ пріему Наслѣдника, вся Рига или, лучше, Лифляндія, была занята одною и тою же мыслію, какъ бы еще что придумать, чтобы пребываніе Его Высочеству сдѣлать пріятнѣе и удобнѣе. Какъ же оставаться равнодушнымъ къ этимъ заботамъ, какъ не оцѣнить этого радушія? Могу себѣ представить, чтò происходило въ Цесаревичѣ, когда у меня глаза безпрестанно наполнялись слезами умиленія.

Цесаревичъ принималъ нѣкоторыхъ лицъ и между прочимъ представителей купечества, поднесшихъ хлѣбъ-соль на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ съ красивою солонкою, работы Сазикова. Въ 9 часовъ вечера, на дворѣ замка собрались члены Рижскихъ Liedertafel и Liederkranz въ числѣ около 100 человѣкъ и привѣтствовали Его Высочество пѣніемъ сочиненій извѣстнѣйшихъ композиторовъ. Оркестровка въ высшей степени замѣчательная, прекрасные голоса и исполненіе пѣсень были выше всякой критики. Окончивъ пѣніе, вся собравшаяся на дворѣ замка масса съ факелами, фонарями и знаками тронулась съ мѣста и открыла шествіе по городу вдоль иллюминованныхъ улицъ. Меня особенно восхищали живыя цвѣты и растенія, которыя покрывали стѣны домовъ; освѣщенныя разноцвѣтными огнями, они образовали какъ бы куртины тропической растительности. Между ними были экземпляры рѣдко встрѣчающіеся даже въ самыхъ роскошныхъ садахъ и теплицахъ.

На другой день, 2-го Августа, въ 6 часовъ утра, я для нѣкоторыхъ совѣщаній пошелъ къ князю Суворову и съ нимъ обошелъ весь замокъ. Когда мы сошли съ крѣпостнаго вала на берегъ Двины, онъ мнѣ показалъ вельботъ, приготовленный имъ для прогулокъ Государя Наслѣдника по рѣкѣ. Тутъ же встрѣтили мы барона Фиркса, столь извѣстнаго Шедоферроти, который обязанъ своею славою, сочиненію: «Études sur la Russie». Послѣ прогулки собрались къ 8½ часамъ около чайнаго стола, за которымъ Его Величество разсказалъ про наивный отвѣтъ унтеръ офицера Bürgergarde, занимавшаго наканунѣ караулъ у дверей его покоевъ. На вопросъ Наслѣдника: «Habt ihr auch während des Aufenthalts des Kaisers hier die Wache bezogen?» онъ отвѣчалъ: «Ja wohl, und

einer von uns hat auch ein allergnädigstes Geschenk dafür erhalten *). Эта скромность озадачила меня, такъ что я даже не улыбнулся. Оттонъ Борисовичъ, замѣтивъ это, обратилъ общій смѣхъ на меня; но тутъ же было рѣшено, что отъ Его Высочества будутъ подарки только двумъ офицерамъ гвардіи. Въ 10 часовъ начался пріемъ представляющихся военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства и купечества. Въ это время я ѣздилъ къ негоціанту Бранденбургу и передалъ ему двѣ изящныя вазы, пожалованныя ему Цесаревичемъ въ изъявленіе благодарности за присылку имъ въ Гапсаль въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ плодовъ и цвѣтовъ. Въ 11½ часовъ Его Высочество присутствовалъ при богослуженіи на Латышскомъ языкѣ въ домовой церкви преосвященнаго Платона, оттуда поѣхалъ въ Магистратъ, гдѣ ему вкратцѣ было объяснено все дѣло и судопроизводство и открытъ архивъ, содержащій весьма древніе и замѣчательные акты. Въ домѣ Черноголовыхъ старшина Голандеръ, по старинному обычаю, поднесъ кубокъ съ Шампанскимъ, изъ котораго сперва хлебнулъ самъ. Залы этого дома украшены въ древнемъ стилѣ, и во время осмотра ихъ съ хоръ гремѣла оглушающая роговая музыка, вездѣ преслѣдовали черные глаза св. Маврикія, коего изображеніе торчало вездѣ, гдѣ только было не занято мѣстечко. Домъ Дворянскаго Собранія, коего покои украшены гербами Лифляндскаго дворянства, церкви св. Петра, св. Якова и Domkirche, наконецъ, биржа, большая и малая гильдія, представляютъ собою прекрасные памятники исторіи Лифляндіи и преимущественно Риги. Замѣчательны: 1) Въ церкви св. Петра надпись, свидѣтельствующая, что великій преобразователь Россіи молился тутъ на колѣняхъ предъ алтаремъ о спасеніи церкви, сгорѣвшей въ тоже время отъ удара молніи, что шпиль этого храма, пострадавшій отъ огня, былъ вновь сооруженъ по плану инженера Миниха, который этой постройкѣ обязанъ знакомствомъ съ Петромъ и впослѣдствіи своей карьерою. 2) Въ церкви св. Якова сидящія въ стѣнахъ церкви ядра — брошенныя изъ непріятельскаго лагеря, во время осады города Русскими; объ нихъ распространился довольно подробно генералъ-суперинтендентъ Вальтеръ при встрѣчѣ Его Высочества. 3) Въ зданіяхъ биржи и большой гильдіи, изъ коихъ первое недавно окончено, а второе еще не достроено, стиль обоихъ зданій чисто-готическій, отличается широкими размѣрами, которые кажутся еще огромнѣе оттого, что зданія, къ сожалѣнію, какъ будто бы не на своемъ мѣстѣ и втиснуты въ узкія улицы. Внутренность роскошна, но не обременена излишними украшеніями. 4) Малая гильдія сохранилась въ пер-

*) Вы были здѣсь на караулѣ и во время пребыванія Императора?—О да, и *одинъ* изъ насъ получилъ за то всемилостивѣйшій подарокъ.

вобытномъ видѣ и напоминаетъ входомъ и сѣнями разсказы изъ среднихъ вѣковъ. Внутри кой-какія картины и въ особенности католическіе образа, оригинальной живописи. Тутъ же представлялась Его Высочеству Рижская гвардія, состоящая исключительно изъ членовъ малой гильдіи, т. е. цеховыхъ ремесленниковъ. Пока осматривали католическую церковь, я посиѣшилъ къ г. Армстедту, чтобы занять у него нѣсколько денегъ, недостающихъ по моему разсчету для расходовъ въ Ригѣ и на обратномъ пути. Послѣ оффиціальнаго обѣда Цесаревичъ поѣхалъ въ такъ называемый Kaiserlicher Garten, лѣтнее мѣстопребываніе князя Суворова, потомъ на Марсовое поле, гдѣ былъ народный праздникъ, и въ лагерь. Я воспользовался свободнымъ вечеромъ, чтобы провести его въ послѣдній разъ съ Мердеромъ, и совершилъ при этомъ съ женою его прогулку въ тотъ же Kaiserlicher Garten, причемъ мы встрѣтили Его Высочество на возвратномъ его пути. Вечеръ того же дня достоинъ описанія. Нужно замѣтить, что праздникъ этотъ былъ устроенъ на Двинѣ, въ темную, по безоблачную ночь, и что все общество собралось на «Штандартѣ». (Въ скобкахъ скажу, что я пригласилъ къ себѣ на вечеръ Мердера съ женою и князя Ливена съ его женою, рожд. Стрекаловою и что мы любовались зрѣлищемъ съ крѣпостнаго вала; къ намъ же присоединились Иванъ Васильевичъ Рождественскій и Свербеевъ съ женою-красавицею, которую я зналъ еще до замужества графинею Менгденъ).

3-го Августа рано утромъ происходила въ кабинетѣ Цесаревича бесѣда съ ген.-ад. Тотлебеномъ, а въ 10 часовъ, тронулась вереница экипажей изъ двора замка въ Лифляндскую Швейцарію, въ слѣдующемъ порядкѣ: Его Императорское Высочество съ княземъ Суворовымъ, графъ Строгановъ съ Рихтеромъ, баронъ Ливенъ, пригласившій меня въ свою коляску, Н. А. Шестовъ съ Менгденомъ, полковникъ Ивановъ съ Мердеромъ. Быстрою рысью неслись экипажи по гладкой дорогѣ до первой станціи, потомъ свернули направо и проселкомъ доѣхали до замка Кремонъ. Подъѣзжая къ нему, баронъ Ливенъ объявилъ мнѣ, что мы прибыли въ Лифляндскую Швейцарію. Но гдѣ же горы, гдѣ великолѣпная долина? спросилъ я. Но мы уже выходили изъ коляски и, не давъ мнѣ времени поздороваться съ хозяиномъ, баронъ провелъ меня чрезъ комнаты на противуположную сторону дома, и тутъ съ балкона открылся великолѣпный видъ на Швейцарію. Домъ стоялъ на краю крутаго обрыва, обросшаго лѣсомъ, съ просѣкою противъ террассы замка, что давало возможность въ перспективѣ видѣть часть долины и расположенный на противуположной горѣ замокъ Зегевольде. Тотчасъ предпринята была небольшая прогулка по скату горы, гдѣ устроены водопадъ и фонтанъ; но лучше бы

шлюзовъ при насъ не открывали, потому что сѣрнисто-водородный запахъ воды былъ отвратительно непріятенъ и мѣшалъ прекрасному впечатлѣнію мѣстности. Пошли дальше и остановились на углу горы, съ которой открылся такой очаровательный видъ, какого я себѣ не могъ и вообразить. Представьте себѣ долину между двумя обросшими густымъ лѣсомъ горами, на днѣ которой протекаетъ быстрый ручей, который на протяженіи 2-хъ верстъ измѣняетъ 7 разъ свое направленіе, и всѣ 7 изгибовъ представляются взорамъ зрителя. Отсюда же видны развалины замковъ Трейденъ по сю сторону и Зегевольде на противуположной сторонѣ долины, оба на вершинахъ горъ. Экипажи, бѣгущіе внизу, по извилистымъ дорожкамъ, казались жуками и мухами; наконецъ тѣнь облаковъ, то освѣщающая, то затемняющая разныя части долины, придавала своего рода прелесть этой картинѣ. Я не могъ оторваться отъ этого мѣста, вполнѣ заслуживающаго свое названіе «Belle vue»: такъ бы кажется и засѣлъ бы здѣсь на цѣлый день, чтобы любоваться видомъ при различныхъ освѣщеніяхъ. Чудная тишина, господствовавшая въ природѣ, нарушаема была замѣчательнымъ эхо, повторявшимъ съ необыкновенною отчетливостію нѣсколько разъ слова произносимыя безъ особаго напряженія, точно будто бы человѣку запрещается нарушать тишину соблюдаемую природою и чуть только преступается этотъ законъ, эхо, этотъ вѣковой и вѣрный сторожъ, спѣшитъ по всей долинѣ разгласить болтливость человѣка. Баронъ Кноррингъ, бывшій гвардеецъ, со всей силы гаркнулъ команду, которая и повторилась безчисленное множество разъ. Наше общество было слишкомъ многочисленно, чтобы насладиться картиною, какъ слѣдуетъ. Быть здѣсь одному, въ безмолвіи, лицомъ къ лицу съ величественною природою, которая напоминаетъ о могуществѣ и величіи Міросоздателя и о ничтожествѣ человѣка, постигать чистоту и непорочность всего окружающаго и представлять самого себя во всей грѣшной наготѣ своей: вотъ назначеніе этихъ картинъ природы!

Возвратившись въ домъ, мы застали приготовленный любезнымъ хозяиномъ, барономъ Ливеномъ, завтракъ, который нельзя даже назвать déjeuné dînatoire, а просто роскошнымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ 6 или 7 самыхъ изысканныхъ блюдъ и закускою изъ salade aux homards и тому подобныхъ лакомствъ. Этотъ завтракъ приводилъ въ отчаяніе г. г. дворянъ, какъ множествомъ блюдъ, такъ и продолжительностію своею, ибо они разсчитывали на хорошій аппетитъ гостей, для обѣда устроеннаго ими въ Трейденѣ. Послѣ того спустились, частію верхомъ, а частію въ экипажахъ, въ долину, остановились предъ пещерою, получившею названіе Бушмана отъ скрывавшагося здѣсь съ своею возлюбленною героя древней легенды, а нынѣ служащею сборищемъ юнаго

поколѣнія для устройства въ ней пиршествъ. Моментъ этотъ былъ весьма удобенъ для альбома художника, и я поспѣшилъ подать мысль попавшемуся мнѣ здѣсь Тимму помѣстить въ Художественномъ Листкѣ изображеніе разнообразной картины остановившихся предъ гротомъ всадниковъ и вереницы экипажей; но кажется, что онъ не раздѣлилъ моего взгляда, ибо до сихъ поръ не воспроизвелъ въ своемъ изданіи этой, какъ казалось мнѣ, счастливой идеи.

Въ Трейденской долинѣ былъ устроенъ народный праздникъ. На эстрадѣ Цесаревичъ былъ встрѣченъ графинею Борхъ и г-жею Сталь. Потомъ началась скачка крестьянскихъ мальчиковъ, одѣтыхъ жокеями, и раздавались призы героямъ Steeple-chaise, а ловкіе Латыши и Эсты въ это время награждали себя сами, кто успѣвалъ, разными разностями съ такъ называемыхъ mât de cocagne. Пока среди хохота публики происходили эти подвиги сельскихъ акробатовъ, во время обѣда крестьянъ въ національныхъ праздничныхъ нарядахъ, я позаботился о своемъ собственномъ нарядѣ, запыленномъ отъ дороги, въ которомъ я не считалъ себя въ правѣ явиться къ обѣду; поэтому, воспользовавшись удобною минутою, я проскользнулъ сквозь толпу и, поднявшись на крутую гору, вошелъ въ гостинницу въ видѣ Швейцарскаго шале и засталъ все семейство Гримма, хлопотавшее о принадлежностяхъ дамскаго туалета и крайне недовольное неудобнымъ помѣщеніемъ. Но такъ какъ я въ этомъ случаѣ вины этой принять на себя не могъ, то и поспѣшилъ прихорошившись въ палатку, подъ которою былъ накрытъ длинный столъ на 150 человѣкъ. Но увы! Предчувствіе оправдалось: аппетиту ни у кого не было ни малѣйшаго, а не смотря на то всѣ просидѣли за обѣдомъ добрыхъ $1^1/_2$ часа. Разговоръ былъ весьма одушевленный и, благодаря пріятному сосѣдству съ Эттингеномъ, съ одной, и съ бургомистромъ Миллеромъ съ другой стороны, я ручаюсь за Оттона Борисовича и за себя, что мы не скучали ни одной минуты. Эттингенъ, въ качествѣ предводителя дворянства, провозгласилъ тосты за Государя Императора и Государыню Императрицу, сопровождаемые восторженнымъ «ура»; послѣ того Цесаревичъ предложилъ тостъ за Лифляндское дворянство; но вслѣдъ за симъ Эттингенъ энергическимъ голосомъ воскликнулъ: Auf das Wohl unseres vielgeliebten Grossfürsten Thronfolgers. Lebehoch! Lebehoch! отозвались очнувшіяся горы и долины.

По кончился обѣдъ, нужно было еще осмотрѣть развалины замка Трейденъ; а между тѣмъ стемнѣло, взвились сигнальныя ракеты, и бѣглые огни, перебѣгая отъ шкаликовъ къ фонарямъ и отъ фонарей къ плошкамъ, факеламъ и смолянымъ бочкамъ, распространили въ полномъ смыслѣ волшебную иллюминацію въ долинѣ, по рѣкѣ, на мосту съ ар-

ками, въ темномъ лѣсу, въ гротѣ и, наконецъ, очертили огненными нитями всѣ строенія въ окрестности. Лучше всего были освѣщены Gutmanns Höhle, мостъ и развалины Зегевольде, на вершинахъ коихъ горѣли яркимъ пламенемъ смоляныя бочки. Но дорого досталась мнѣ эта иллюминація. Разговорившись съ новыми знакомыми, я отсталъ отъ нашего общества, и потому не нашелъ уже экипажа, въ которомъ поднялся въ Трейденъ. Какой-то добрый человѣкъ посовѣтовалъ мнѣ спуститься въ долину не большою дорогой, гдѣ много экипажей, слѣдовательно опасно, а садомъ. Представьте себя темною ночью въ совершенно незнакомомъ вамъ саду, расположенномъ на крутомъ скатѣ горы, гдѣ дорожки и тропинки то спускаются, то подымаются, на самыхъ крутизнахъ, обращаются въ скользкія ступени; представьте себѣ къ тому обманчивые огни въ долинѣ, мелькающіе между кустами и заставляющіе васъ думать, что вотъ, наконецъ, нѣсколько еще шаговъ и вы въ долинѣ, только руку подать! и вы поймете отчаяніе, въ которомъ я провелъ не Французскія mauvais quart d'heure, а добрый Русскій часъ! Это былъ для меня тѣмъ болѣе непріятный лабиринтъ, что я не имѣлъ съ собою почти ничего кромѣ того, что̀ было на мнѣ, такъ что ежеминутно рисковалъ поскользнувшись по глинистой и мягкой послѣ дождя почвы, доѣхать до низу горы; въ какомъ бы видѣ я тогда очутился внизу, этого я даже при сильно раздраженномъ воображеніи не могъ себѣ представить. Помню только, что, скользя, я хватался за сучья деревьевъ, или нагибаясь ползкомъ спускался до той минуты, пока чувствовалъ подъ ногою точку опоры, тогда я вставалъ, спѣшилъ по новой тропинкѣ, но увы! опять она подымалась въ гору, и я опять удалялся отъ цѣли; и все это въ темнотѣ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и палевыхъ перчаткахъ! На дворѣ уже было очень свѣжо, а меня безпрестанно обдавало жаромъ. «Frau von Kampenhausen, liebe, gute, wo sind sie denn?» раздалось вдругъ надо мною. «Aber hier, mein Gutchen», отозвалась Frau v. Kampenhausen въ двухъ шагахъ отъ меня. Я обернулся и вижу почти возлѣ меня довольно полную небольшаго росту даму. Мы столкнулись довольно неловко; я извинился, между тѣмъ какъ она вскрикнула съ испугомъ: Ach Gott, wer ist das? Пошли объясненія, которыя кончились тѣмъ, что эти же двѣ дамы вывели меня изъ непріятнаго положенія и предложили въ ихъ экипажѣ довезти меня до Зегевольде. Сюда я прибылъ уже къ концу вечера, но успѣлъ все-таки полюбоваться великолѣпною иллюминаціею и фейерверкомъ.

Наконецъ гости начали разъѣзжаться. Всѣмъ приглашеннымъ переночевать въ домѣ графини Борхъ назначены были комнаты для ночле-

га; безъ пріюта остались только тѣ, которые сами назвались, или не знали что́ дѣлать съ ихъ семействами незванными.

На другое утро, послѣ ранней прогулки, всѣ собрались за чайнымъ столомъ, и потомъ отправились въ развалины, около которыхъ были посажены деревья въ память пребыванія Цесаревича, а въ 9 часовъ переправились въ Кремонъ, гдѣ усѣвшись въ дорожные экипажи пустились въ обратный путь, и во 2-мъ часу прибыли въ Ригу. Въ 4 часа былъ обѣдъ на 30 персонъ, въ 6 часовъ поѣхали осматривать новыя сооруженія, закладку театра и станцію желѣзной дороги; затѣмъ объѣхали Московскій форштадтъ, гдѣ живутъ исключительно Русскіе и преимущественно раскольники, оттуда, проѣхавъ весь почти городъ, направились къ садовому заведенію Вагнера и, наконецъ въ Wöhrmann's Garten. Послѣ чая пропѣта была Его Высочеству прощальная серенада.

5-го утромъ, послѣ молебствія всѣ собрались къ 6-ти часамъ на пароходъ «Ундину», которая должна была вывести насъ къ устью Двины, гдѣ ожидалъ «Штандартъ», и гдѣ предполагалось осмотрѣть вновь сооружаемые по плану г.-а. Тотлебена крѣпостныя работы. Густой туманъ не дозволялъ пуститься въ плаваніе до 8 часовъ. Тогда «Ундина», сопровождаемая тремя другими пароходами биткомъ набитыми пассажирами, тронулась и вскорѣ подвезла насъ къ Динаминдской крѣпости. Здѣсь были осмотрѣны со вниманіемъ работы и спущены въ воду два фашинныхъ тюфяка, служащіе основаніемъ мола. Между тѣмъ на «Ундинѣ» былъ приготовленъ завтракъ, за которымъ маститый старецъ, бургомистръ Шварцъ произнесъ отъ имени города краткое слово, выражавшее благодарность за посѣщеніе Риги и желаніе благополучнаго возвращенія въ столицу. Наконецъ, простившись съ княземъ Суворовымъ и со всѣми присутствовавшими, Цесаревичъ перешелъ на «Штандартъ». Минута былъ высокоторжественная. Все и всѣ молчали, но вдругъ воздухъ огласился такимъ «ура», въ которомъ выражались и благодарность, и грусть разлуки. Всѣ были тронуты до глубины души. Тронулся громадный «Штандартъ», и за нимъ пустились и маленькіе пароходы, одинъ за другимъ, обгоняя гиганта и огибая около носа, возвращались по другой сторонѣ его. Жалко было мнѣ разстаться съ Ригою, и грустно было видѣть разлуку князя Суворова съ Великимъ Княземъ, котораго онъ горячо любилъ.

Описаніе это такъ подробно потому, что оно было составлено немедленно по возвращеніи нашемъ въ Петербургъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

о причинѣ перенесенія въ 1832 году праха князя и графовъ Орловыхъ изъ села Отрады въ Новгородскій Юрьевъ монастырь.

Въ 4-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» сего года помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: «Перенесеніе праха князя и графовъ Орловыхъ». Перенесеніе это совершено въ нынѣшнемъ Февралѣ изъ Новгородскаго Юрьева монастыря въ родовое графовъ Орловыхъ имѣніе — Отраду (Моск. губ.), гдѣ первоначально князь и два графа Орловыхъ были погребены, но въ 1832 г., по просьбѣ дочери одного изъ графовъ, графини А. А. Орловой-Чесменской, были перевезены изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь, которымъ въ то время управлялъ знаменитый архим. Фотій, имѣвшій неограниченное вліяніе на свою духовную дочь графиню Орлову-Чесменскую, постоянно проживавшую близъ своего отца духовнаго. Въ этой замѣткѣ высказана мысль о необъяснимости побужденій, которыми руководствовалась графиня, чтобы увезти, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, героемъ Чесмы, двухъ дядей своихъ, пролежавшихъ безъ малаго полвѣка въ Отрадѣ, оставивъ въ тоже время двухъ другихъ дядей, т. е. графовъ Ивана и Владимира Григорьевичей, въ первоначальномъ мѣстѣ ихъ упокоенія, т. е. въ с. Отрадѣ.

Дѣйствительно, представляется крайне-страннымъ и необычайнымъ и само по себѣ перенесеніе трехъ славныхъ «Екатерининскихъ Орловъ» изъ родоваго ихъ имѣнія въ совершенно чуждое для нихъ мѣсто и притомъ почти чрезъ полвѣка послѣ ихъ смерти; а равно непонятно и то, что изъ пяти братьевъ Орловыхъ, погребенныхъ въ Отрадѣ, перевезены были графинею только отецъ ея и два дяди.

Но если не сохранилось ни въ фамильномъ архивѣ графовъ Орловыхъ, ни въ фамильныхъ преданіяхъ этой славной, вполнѣ исторической семьи свѣдѣній, объясняющихъ это обстоятельство: то остается прибѣгнуть для разъясненія къ оффиціальнымъ даннымъ, которыя, быть можетъ, прольютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ случай. Въ одномъ изъ Петербургскихъ архивовъ намъ пришлось ознакомиться съ оффиціальными бумагами, которыя заключаютъ въ себѣ слѣдующія данныя.

Дѣло начинается представленіемъ митрополита Новгородскаго Серафима въ Св. Синодъ отъ 13 Ноября 1831 г., въ которомъ онъ из-

лагаетъ, что «Двора Ея Императорскаго Величества камеръ-фрейлина, графиня Анна Орлова-Чесменская, въ прошенія своемъ ко мнѣ прописала, что родитель ея, графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій и родные братья его, а ея дяди, князь Григорій и графъ Өеодоръ Орловы скончались первый въ 1807 г., второй въ 1783 и третій въ 1796 годахъ; тѣла же ихъ, по надлежащемъ отпѣтіи, не были преданы землѣ, а поставлены въ склепахъ на поверхности земли въ особо-устроенномъ мѣстѣ въ видѣ часовни, Московской епархіи Серпуховскаго уѣзда въ селѣ Отрадѣ; она же графиня, возъимѣвъ желаніе перевезти тѣла сіи въ Новгородской первоклассный Юрьевъ монастырь и предать оныя землѣ въ паперти соборной Святаго Побѣдоносца Георгія церкви, гдѣ для погребенія умершихъ устроено нѣсколько мѣстъ, и испросивъ на сіе отъ настоятеля онаго монастыря архимандрита Фотія со старшею братіею согласіе, утруждала словесною всеподданнѣйшею просьбою, чрезъ генералъ-адъютанта графа Алексѣя Өедоровича Орлова, Государя Императора о дозволеніи ей привести оное желаніе ея въ исполненіе; почему графъ письмомъ увѣдомилъ ее, что Его Величество на сію просьбу ея изволилъ словесно же отвѣчать, что ей графинѣ надлежитъ по предмету сему испросить разрѣшеніе чрезъ меня отъ Святѣйшаго Синода, и ежели не окажется въ семъ ничего противнаго нашимъ церковнымъ обрядамъ, то и Его Величество изволитъ дать свое соизволеніе. При чемъ графиня Орлова-Чесменская, представляя ко мнѣ въ подлинникѣ означенное письмо графа Орлова, проситъ меня учинить по сему прошенію надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе.

«По разсмотрѣніи прошенія сего, я не токмо не нахожу, касательно перевезенія изъ села Отрады покойнаго графини Орловой-Чесменской родителя и дядей ея тѣлъ, хранящихся доселѣ въ склепахъ, и преданія ихъ землѣ въ церковной паперти Новгородскаго общежительнаго Юрьева монастыря, ничего церковнымъ обрядамъ противнаго, а еще почитаю несогласнымъ съ оными оставить ихъ въ томъ положеніи, въ каковомъ они теперь находятся, о чемъ, во исполненіе Высочайшей воли, изъясненной въ письмѣ г. генералъ-адъютанта графа Орлова, при семъ въ подлинникѣ прилагаемомъ, честь имѣю представить Святѣйшему Правительствующему Синоду на благоразсмотрѣніе».

Собственноручное письмо графа А. Ө. Орлова къ его двоюродной сестрѣ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, о которомъ упоминаетъ митрополитъ Серафимъ, слѣдующаго содержанія:

„Москва, 8 Ноября 1831 г.

Письмо твое, мой другъ, отъ 5-го Ноября я получилъ и отвѣтствую тебѣ, что я докладывалъ Государю Императору о желаніи твоемъ перенести прахъ отца твоего и дядей князя Григорья Григорье-

вича и графа Ѳеодора Григорьевича изъ подмосковной въ Юрьевъ монастырь, объяснивъ ему, что они не въ землѣ, а сверхъ земли стоятъ въ гробахъ въ нарочно для сего пріуготованной ротондѣ. Государь Императоръ изволилъ отвѣтить, что прежде должно просить согласія митрополита и Святѣйшаго Синода, и, если они объявятъ, что сіе не противно церковнымъ нашимъ обрядамъ, то и онъ изволитъ дать свое соизволеніе. Вотъ отвѣтъ на твой вопросъ. Цѣлую тебя отъ всего сердца.

Вѣрный другъ и братъ графъ Алексѣй Орловъ».

Св. Синодъ, заслушавъ 23 Ноября того же года вышеприведенное представленіе своего первенствующаго члена и приложенное къ оному подлинное письмо графа А. Ѳ. Орлова, въ которомъ сообщалась Высочайшая по сему предмету воля, постановили: «Составивъ изъ законовъ церковныхъ и гражданскихъ, до означеннаго предмета относящихся, выписку, доложить оную вмѣстѣ съ симъ доношеніемъ въ полномъ собраніи Св. Синода». Въ теченіе слѣдующей недѣли таковая выписка была составлена, и 4-го Декабря дѣло было доложено полному собранію Св. Синода *), который постановилъ слѣдующее: «Святѣйшій Синодъ для разрѣшенія сего случая принялъ въ основаніе, во-первыхъ, Высочайшій указъ, объявленный въ 17 день Декабря 1801 года, которымъ хотя вообще возбранено перенесеніе тѣлъ, преданныхъ землѣ, однако и въ отношеніи къ преданнымъ землѣ тѣламъ предоставлена особеннымъ какимъ либо уваженіямъ къ заслугамъ или знаменитости рода возможность исключенія изъ общаго правила; во-вторыхъ, то обстоятельство, что тѣла графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго и братьевъ его поставлены въ заклепанныхъ мѣдныхъ гробахъ, на поверхности земли въ особо устроенномъ мѣстѣ, въ видѣ часовни, каковое положеніе гробовъ общепринятому въ Великой Россіи обыкновенію не соотвѣтствуетъ, для народа представляетъ странный видъ и общепринятой неприкосновенности смертныхъ остатковъ не благопріятствуетъ. И потому Синодъ полагаетъ: первое, по уваженію къ заслугамъ покойнаго графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго и для приведенія смертныхъ останковъ его изъ настоящаго положенія въ болѣе правильное, дозволить дочери его графинѣ Аннѣ Орловой-Чесменской, не въ примѣръ другимъ, перенести оные, не открывая гроба, въ Юрьевъ монастырь для преданія землѣ въ паперти собора; второе, что̀ касается до гробовъ князя Григорія и графа Ѳеодора Орловыхъ, таковое же пе-

*) Въ засѣданіи присутствовали: Серафимъ м. Новгородскій, Филаретъ м. Московскій, Григорій архіеп. Тверской, Никодимъ епископъ Орловскій, духовникъ Павелъ Криницкой, духовникъ и оберъ-священникъ Николай Музовской.

ренесеніе оныхъ дозволить въ томъ случаѣ, буде другіе равно близкіе родственники не представятъ препятствующихъ тому причинъ, заслуживающихъ уваженія; третье, гробы той же фамиліи, кои останутся на прежнемъ мѣстѣ, привести въ сообразное съ обыкновеніемъ и приличіемъ положеніе, то есть не оставлять оныхъ на поверхности земли, но закрыть землею или сводомъ. О семъ заключеніи Святѣйшаго Синода на просьбу графини Анны Орловой-Чесменской доложить Его Императорскому Величеству, на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе, предоставить г. тайному совѣтнику, синодальному оберъ-прокурору и кавалеру, князю Петру Сергѣевичу Мещерскому, для чего и дать копію съ сего опредѣленія къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ».

16-го Декабря 1831 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода князь Мещерскій предложилъ сему послѣднему слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему въ 12-й день сего Декабря Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Св. Синода о перевозѣ тѣлъ покойнаго графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго и братьевъ его, князя Григорія и графа Ѳедора Орловыхъ изъ села Отрады, Московской епархіи, въ Новгородскій первоклассный Юрьевъ монастырь на изъясненномъ въ томъ опредѣленіи основаніи, а также о приведеніи другихъ гробовъ той же фамиліи, кои останутся на прежнемъ мѣстѣ, въ сообразное съ обыкновеніемъ и приличіемъ положеніе, то есть не оставлять оныхъ на поверхности земли, но закрыть землею или сводомъ. Имѣю честь объявить о семъ Святѣйшему Синоду для надлежащаго распоряженія къ приведенію вышеупомянутаго опредѣленія его въ исполненіе».

Св. Синодъ, заслушавъ того же числа вышеозначенное предложеніе, опредѣлили: «Сдѣлать по оному надлежащее распоряженіе, т. е. послать указы преосвященнымъ митрополитамъ Серафиму Новгородскому и Филарету Московскому и сообщить о состоявшемся опредѣленіи Св. Синода и министру внутреннихъ дѣлъ для зависящихъ съ его стороны распоряженій».

Далѣе въ дѣлѣ находится еще записка митрополита Серафима отъ 20 Декабря 1831 года.

«Митрополитъ Серафимъ, свидѣтельствуя его сіятельству князю Петру Сергѣевичу совершенное свое почтеніе, покорнѣйше проситъ, нельзя ли приготовить дѣло касательно дозволенія графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской перевезти прахи покойныхъ родителя и дядей ея изъ села Отрады въ Юрьевъ монастырь для преданія ихъ въ ономъ землѣ къ завтрашнему дню, чтобы могъ митрополитъ получить указъ во время присутствія его въ Святѣйшемъ Синодѣ; ибо

графиня, желая безъ промедленія времени приступить къ исполненію дѣла сего, убѣдительнѣйше проситъ митрополита о доставленіи ей на оное разрѣшеніе».

Просьба митрополита, конечно, была исполнена и указъ ему данъ 21 Декабря, а 14 Февраля 1832 г. онъ доносилъ уже Св. Синоду, что Юрьева монастыря архимандритъ Фотій съ братіею донесли Новгородской Консисторіи, по ея предписанію, что вышепомянутыя тѣла родителя и родственниковъ г-жи графини Орловой-Чесменской въ Юрьевъ монастырь перевезены 24-го истекшаго Генваря и, не открывая гробовъ, преданы оныя землѣ въ паперти соборной Св. Побѣдоносца Георгія церкви.

Такимъ образомъ изъ дѣла видно, что причиною перевезенія праха князя и графовъ Орловыхъ, кромѣ родственныхъ побужденій, было еще и то, что тѣла этихъ трехъ лицъ не были погребены обыкновенно, а стояли въ мѣдныхъ гробахъ сверхъ земли. Были ли въ такомъ же или иномъ положеніи гроба остальныхъ Орловыхъ, погребенныхъ въ Отрадѣ, неизвѣстно: ни графиня, ни графъ А. Ѳ. Орловъ объ этомъ не говорятъ. Если же Св. Синодъ и сдѣлалъ постановленіе о преданіи по обычаю землѣ остальныхъ гробовъ, находившихся въ Отрадѣ, то неизвѣстно, на какомъ основаніи. А въ виду того, что отъ м. Филарета не было получено донесенія объ исполненіи посланнаго ему указа по этому поводу, можно предположить, что ему и не пришлось выполнять его, т. е. что тѣла двухъ графовъ Орловыхъ, оставшихся въ Отрадѣ, были погребены ранѣе обычно. Впрочемъ вѣроятно въ архивѣ Московской Духовной Консисторіи можно найти объ этомъ болѣе точную справку. Наконецъ, Св. Синодъ дозволилъ перевезти тѣла дядей графини подъ условіемъ, если «будутъ на то согласны ближайшіе ихъ родственники». Возможно, что прежде чѣмъ начинать дѣло о перевезеніи тѣлъ изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь, графиня спрашивала дозволенія у «ближайшихъ родственниковъ» погребенныхъ въ Отрадѣ князя и графовъ Орловыхъ и одни изъ этихъ родственниковъ изъявили на то свое согласіе (какъ напримѣръ, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ), а другіе, быть можетъ, не согласились, вслѣдствіе чего графиня и не могла уже возбудить ходатайства о перевезеніи ихъ *).

А. Львовъ.

---

*) Въ то время были живы двѣ двоюродныя сестры графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской Екатерина Владимировна Новосильцова и графиня Софья Владимировна Панина и четыре двоюродныхъ брата: графъ Алексѣй Ѳедоровичъ, Михаилъ, Ѳедоръ и Григорій Ѳедоровичи. Любопытно, что дѣло начато въ годъ кончины дяди ихъ, владѣльца села Отрады графа Владимира Григорьевича (28 Февраля 1831). П. Б.

ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА *).

I.

Въ ночь на 25 Іюня 1796 года, въ Царскосельскомъ дворцѣ, въ спальнѣ великой княгини, двѣ женщины заботливо ухаживали за супругою великаго князя Павла Петровича. Она мучилась родами. Одна изъ женщинъ была повивальная бабушка, а другая—сама императрица 67 лѣтняя Екатерина, усердно помогавшая первой. Въ третьемъ часу утра Марія Ѳедоровна разрѣшилась мальчикомъ. Въ тоже утро Екатерина приказала вынести новорожденнаго на балконъ дворца, чтобы показать гулявшимъ въ дворцовомъ саду новаго своего внука. «Ни съ кѣмъ изъ дѣтей у меня не было столько возни», сказала она бывшимъ въ то время во дворцѣ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ необыкновенный ребенокъ. Екатерина, увѣдомляя Гримма объ этомъ семейномъ событіи, говоритъ, что великая княгиня родила «большущаго мальчика». «Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно, писала она; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою въ первый разъ вижу такого великана. Если онъ будетъ такъ продолжать, то братья выдутъ передъ нимъ крошки».

Это былъ третій сынъ Павла Петровича Николай. До него, послѣ 1779 года все рождались дѣвочки.

Черезъ десять дней послѣ его рожденія Екатерина опять писала Гримму: «Великанъ Николай поминутно проситъ ѣсть, и вотъ ужъ три дня, какъ его стали кормить кашкой; это неслыханное дѣло для ребенка, которому всего недѣля. У нянекъ просто руки опускаются

---

*) Въ нынѣшнемъ году исполняется столѣтіе со дня рожденія Императора Николая Павловича, памяти котораго посвящается настоящій разсказъ, составленный по указаннымъ въ немъ печатнымъ источникамъ.

[1]) Je n'ai eu d'enfants qui me donnât tant de fils à retordre. Это разсказывалъ кн. Сергій Михайловичъ Голицынъ, который въ тотъ день былъ дежурнымъ камеръ-юнкеромъ. Извѣстно, что Екатерина присутствовала при всѣхъ родахъ своей невѣстки и всегда помогала повивальной бабушкѣ. (Русск. Арх. 1878, кн. III, 234).

отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется къ шести недѣлямъ отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза (il toise tout le monde), а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего» [1]).

Таково было появленіе на свѣтъ Николая, который потомъ поражалъ всѣхъ своимъ громаднымъ ростомъ, величественной наружностію и твердымъ, энергическимъ характеромъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія великаго князя были объявлены милости, не громкія, но тѣмъ не менѣе чувствительныя для тѣхъ, кому они были оказаны. Императрица увѣдомила Московскаго главнокомандующаго М. М. Измайлова, что «для рожденія внука великаго князя Николая Павловича» она всемилостивѣйше жалуетъ погорѣвшимъ дворцовой деревни Панокъ крестьянамъ по 25 рублей на каждый дворъ, а купцовъ 10 человѣкъ, приговоренныхъ за продажу запрещенныхъ книгъ къ разнымъ наказаніямъ, для того же радостнаго событія прощаетъ [2]).

Проживавшій тогда въ Москвѣ гр. Орловъ-Чесменскій въ честь рожденія великаго князя устроилъ у себя въ Нескучномъ праздникъ съ фейерверкомъ и иллюминаціей, привлекшій множество гостей и толпы народа. Посѣтители были угощаемы фруктами и ужиномъ; на берегу Москвы рѣки стояло нѣсколько хоровъ музыки, а по рѣкѣ разъѣзжали освѣщенныя лодки съ гребцами, пѣвшими на этотъ случай сочиненную пѣсню:

Ахъ ты матушка Москва-рѣка!
Понеси свои струи ты чистыя
Мимо стѣнъ Кремля, Китай-Города,
Ты скажи всѣмъ и каждому:
Въ честь Царицы мы пируемъ здѣсь
Для рожденія Царевича и проч.

Объ этомъ праздникѣ Измайловъ тогда же доносилъ Императрицѣ и вызвалъ въ ней такое удовольствіе, что она сказала: «Москва всегда у меня въ памяти и сердцѣ». Пѣсню, пѣтую гребцами, по желанію Екатерины, не разъ пѣли придворные пѣвчіе съ акомпаниментомъ музыки въ присутствіи ея самой и всего двора.

6 Іюля, въ Воскресенье, придворнымъ духовникомъ Іоанномъ Памфиловымъ было совершено въ придворной церкви съ обычнымъ церемоніаломъ крещеніе новорожденнаго, при чемъ воспріемниками были

---

[1]) Тамъ же, 325.
[2]) Русск. Арх. 1872 г., 877—878.

великій князь Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна. Во дворцѣ въ этотъ день былъ обѣденный столъ. Въ тотъ же день былъ объявленъ народу обычный манифестъ о рожденіи великаго князя. Державинъ, никогда не пропускавшій подобныхъ случаевъ, чтобы напомнить о своемъ талантѣ и вѣрноподданническихъ чувствахъ, восторженно провозгласилъ:

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ Небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освѣтися!
Се нынѣ духъ Господень
На отрока сошелъ;
Прекрасенъ, благороденъ
И какъ заря разцвѣлъ
Онъ въ пеленахъ лучами.
Дитя равняется съ царями и проч.

Стихи прочли и конечно забыли, но когда черезъ тридцать лѣтъ «большущій мальчикъ» возложилъ на себя корону, то люди восторженные припомнили стихъ *дитя равняется съ царями* и утверждали, что въ этихъ словахъ заключалось пророчество, даръ котораго ниспосылается иногда поэтамъ....

II.

Когда родился Николай, у Павла Петровича было уже два сына, Александръ и Константинъ, и пять дочерей: Александра, Елена, Марія Екатерина и Анна (шестая—Ольга умерла только годъ тому назадъ). Всѣ они воспитывались у бабки, и третьему ея внуку не пришлось испытать попеченій Екатерины; хотя по рожденіи и онъ былъ оставленъ при большомъ дворѣ, но не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ этотъ дворъ уже оплакивалъ кончину Императрицы, и Николай перешелъ въ нѣжныя объятія матери.

Раннее дѣтство Николая было ввѣрено надзору вдовы Ливенъ, воспитательницѣ великихъ княженъ, женщинѣ чрезвычайно умной, чадолюбивой матери, отличавшейся строгимъ взглядомъ на воспитаніе дѣтей [1]). Изъ Николая обѣщалъ выдти не только рослый, крѣпкій и здоровый, но и красивый мальчикъ. «Вы напрасно захотѣли составить себѣ

---

[1]) До семилѣтняго своего возраста Николай Павловичъ имѣлъ при себѣ надзирательницею еще другую достопамятную женщину, Юлію Ѳедоровну Адлербергъ, ур. Багговутъ (вдову Выборгскаго камендавта, родомъ Шведа). Съ ея сыномъ Эдуардомъ (впослѣдствіи графомъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ) Николай Павловичъ подружился съ ранняго дѣтства на всю жизнь. П. Б.

понятіе о красотѣ вел. кн. Николая, я порожена ею», писала въ Вязьму императору Павлу любимица его Е. И. Нелидова [1]), когда ребенку было около года. Въ Августѣ 1797 года, когда императрица была уже беременна вел. кн. Михаиломъ и кажется хандрила въ ожиданіи родовъ, Нелидова ее утѣшала: «Дорогая, обожаемая государыня, зачѣмъ предаваться мыслямъ о томъ, что́ опредѣлено Богомъ? Заглянемъ лучше впередъ. Благость Его къ вашему величеству скоро обнаружится дарованіемъ прелестнаго великаго князя, который будетъ утѣшать васъ, какъ уже утѣшаетъ ангелъ Николай [2])».

Великій князь Михаилъ родился 28 Января 1798 года. Онъ сталъ товарищемъ дѣтства своего брата, какъ Константинъ былъ товарищемъ Александра: они вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились, пользуясь безграничной и самой нѣжной любовью матери. По словамъ Коцебу, не разъ видавшаго ихъ въ Михайловскомъ дворцѣ, это были дѣти, исполненныя веселости и живости, чрезвычайно вѣжливыя и со всѣми привѣтливыя. Николая онъ называетъ *любимцемъ* отца [3]).

По вступленіи своемъ на престолъ Павелъ отдалъ приказъ, которымъ великій князь Николай зачислялся въ конно-гвардейскій полкъ полковникомъ, а 9 Іюня 1800 г. онъ назначенъ шефомъ л.-гв. Измайловскаго полка.

Николаю еще не минуло года, какъ отецъ его сталъ помышлять объ избраніи ему будущаго воспитателя. Выборъ его остановился на гр. Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ, занимавшемъ тогда мѣсто нашего посланника въ Лондонѣ. Въ 1798 г. слухи объ этомъ возобновились; но гр. Воронцовъ, прежде нежели успѣли сдѣлать ему предложеніе, съумѣлъ отклонить отъ себя эту честь [4]). Въ Ноябрѣ 1800 г. въ должность воспитателя былъ назначенъ директоръ 1 кадетскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Ламсдорфъ [5]), человѣкъ, какъ о немъ отзываются,

---

[1]) Впослѣдствіи, когда Николай возмужалъ, въ его профили находили сходство съ Екатериною, что́ признавалъ и самъ онъ. Старшая дочь его, Марья очень живо напоминала ее собою, особливо въ послѣдніе годы своей жизни. Въ очертаніи рта у покойнаго великаго князя Константина Николаевича было тоже что-то Екатерининское. П. Б.

[2]) Восемн. Вѣкъ. Кн. III, 430, 454.

[3]) Русск. Арх. 1870, 982, 991. Для помилованія княгини Дашковой нашли нужнымъ положить прошеніе о томъ за пазуху младенца-Николая. Отецъ, лаская ребенка своего, замѣтилъ эту бумажку, и позволилъ строптивой княгинѣ ѣхать назадъ изъ Пошехонской избы въ прекрасное ея Троицкое. П. Б.

[4]) Арх. Кн. Ворнцова т. XI, 304. (Русск. Арх. 1876 г. № 5, 84).

[5]) Въ Русск. Старинѣ (1876 г. Сент., стр. 78) невѣрно сказано, что Ламсдорфъ былъ назначенъ состоять при Николаѣ Павловичѣ въ 1811 году. Въ высочайшемъ приказѣ 23 Ноября 1800 г. объявлено: „Генералъ-лейтенантъ Ламсдорфъ назначенъ быть

прямодушный, скромный, честный, исполненный любви къ ближнему. По смерти Павла императоръ Александръ наградилъ Ламсдорфа орденомъ св. Александра Невскаго и утвердилъ въ должности главнаго наставника при младшихъ своихъ братьяхъ Николаѣ и Михаилѣ.

Къ сожалѣнію дальнѣйшій возрастъ Николая Павловича до 15 лѣтъ остается для насъ почти неизвѣстнымъ. Изъ окружавшихъ его лицъ не нашлось никого, кто бы, подобно Порошину или Лагарпу, передалъ свои наблюденія о порядкѣ воспитанія его, способностяхъ, наклонностяхъ и характерѣ, чтó лишаетъ насъ возможности прослѣдить ходъ нравственнаго развитія такой замѣчательной личности, какою явилъ себя впослѣдствіи *императоръ Николай*.

Недостатокъ свѣдѣній въ періодъ дѣтства его отчасти пополняется разсказами, которые находимъ въ сочиненіи Лакруа (Paul Lacroix: Histoire de la vie et du règne de l'empereur Nicolas I), написанномъ по матеріаламъ, которые сообщались ему изъ Россіи, между прочимъ барономъ М. А. Корфомъ *). Не смотря на нѣкоторыя неточности этого сочиненія и сомнительность нѣкоторыхъ приведенныхъ въ немъ разсказовъ, Лакруа передаетъ многое, чтò заслуживаетъ полнаго вѣроятія. Пользуясь этимъ источникомъ (съ крайнею впрочемъ осторожностію), а также тѣми данными, которыя приняты въ нашей исторической литературѣ, какъ несомнѣнныя, мы постараемся, насколько возможно, пополнить указанный пробѣлъ въ ранней эпохѣ жизни Николая Павловича.

Прежде всего нельзя не признать важнымъ обстоятельствомъ того, что, благодаря младенческимъ годамъ своимъ, Николай былъ убереженъ судьбою отъ тѣхъ морально-отравляющихъ впечатлѣній, которыя способны были проникнуть въ юную душу при видѣ всеобщей распущенности нравовъ при дворѣ его бабки. Въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе своихъ братьевъ: ибо, не смотря на всю, повидимому, внимательную заботливость Екатерины о двухъ старшихъ ея внукахъ,

---

при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ. Отставной генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ принятъ въ службу генераломъ отъ инфантеріи и назначенъ директоромъ 1 кадетскаго корпуса, ему въ помощь опредѣленъ туда генералъ-маіоръ Дибичъ, а генералъ-маіору Клингеру оставаться по прежнему командиромъ онаго корпуса". (С.-Петерб. Вѣд. 1800 г. № 96).

*). Трудъ составленія этой Исторіи, по словамъ Карновича, предоставленъ Лакруа Русскимъ посломъ въ Парижѣ гр. Киселевымъ. Мы пользовались сочиненіемъ Лакруа въ Русскомъ переводѣ, котораго вышелъ одинъ только первый выпускъ перваго тома (Москва 1877—1878 г.). Книга эта становится рѣдкостью и едва ли теперь найдется въ продажѣ.

воспитаніе ихъ было таково, что императоръ Александръ впослѣдствіи съ горечью вспоминалъ о немъ [1]).

Дѣтство Николая Павловича началось въ сферѣ, гдѣ все дышало суровостью, составлявшею рѣзкую противоположность съ прежнимъ эпикуреизмомъ, и хотя суровость эта смягчалась на половинѣ Императрицы, гдѣ ребенка окружали ласки матери и заботливость г-жи Ливенъ, тѣмъ не менѣе нельзя думать, чтобы она безслѣдно проскользнула въ душѣ его, не оставивъ въ ней, по крайней мѣрѣ, общаго впечатлѣнія. Въ годъ кончины императора Павла Николаю было почти пять лѣтъ—возрастъ, когда впечатлѣнія окружающаго незамѣтно, но иногда глубоко, отпечатлѣваются въ нравственной природѣ ребенка.

Такъ, несомнѣнно, что страсть къ военному ремеслу, не покидавшая Николая Павловича до самой смерти, зародилась въ немъ именно въ это самое время, когда вокругъ его отца все, можно сказать, дышало этой страстью. Милитаризмъ, насажденный въ Россіи рукою Павла, пустилъ въ семьѣ царской глубокіе и крѣпкіе корни: старшій сынъ его Александръ, не смотря на свой либерализмъ, былъ жаркимъ приверженцемъ вахтъ-парада и всѣхъ его тонкостей [2]). Не ссылали при немъ въ Сибирь за ошибки на ученьяхъ и разводахъ, но виновные подвергались строжайшимъ взысканіямъ, доходившимъ относительно нижнихъ чиновъ даже до жестокости. О братѣ его Константинѣ и говорить нечего: живое воплощеніе отца, какъ по наружности, такъ и по характеру, онъ только тогда и жилъ полной жизнью, когда былъ на плацу, среди муштруемыхъ имъ командъ. Старшіе братья служили живымъ примѣромъ для младшихъ: тѣже симпатіи, тѣже увлеченія.

---

[1]) Баронъ Корфъ: Восшествіе на престолъ Императора Николая I, стр. 8. Личность Екатерины никогда не внушала симпатіи прямодушному Николаю. Вотъ, между прочимъ, любопытный разсказъ гр. С. Г. Строганова, переданный въ Р. Архивѣ (1882 г. III, 115) П. И. Бартеневымъ. Въ 1829 г., по заключеніи Адріанопольскаго мира, гр. Строгановъ, возвращаясь осенью изъ Варшавы въ Петербургъ, проѣзжалъ черезъ Москву. „Что̀ говоритъ Москва?“ спросилъ его Николай.—„Москва жалѣетъ, что не занятъ Константинополь. Старики вспоминаютъ Екатерининское время и вздыхаютъ“.—„А я такъ радъ, что у меня общаго съ этою женщиною только профиль лица“, рѣзко отозвался Государь.

[2]) У гр. Сухтелена въ его „Записной Книжкѣ“ (Русск. Арх. 1876, № 3, 348) находимъ замѣтку: „На парадѣ, когда войска маршировали, генералъ-адъютантъ Сипягинъ, онъ же начальникъ гвардейскаго штаба, становится возлѣ Государя, держа въ рукахъ секундные часы. Такіе же часы у Преображенскаго унтеръ-офицера, стоящаго между музыкантами: онъ ежедневно высчитываетъ по нимъ шаги. Надо, чтобъ было 170 секундъ въ удвоенномъ шагу и 80 во время парада. Хотятъ, чтобъ всѣ полки ходили одинаково и по ровному числу шаговъ въ минуту“.

Лакруа разсказываетъ, что великій князь Николай съ самаго дѣтства своего, какъ только могъ ходить и владѣть руками, сталъ высказывать свой вкусъ къ военнымъ игрушкамъ: видѣли, какъ онъ носилъ ружье, взмахивалъ шпагою, билъ въ барабанъ. Едва онъ сталъ понимать первое значеніе словъ, какъ находилъ большое удовольствіе въ разсказахъ о войнѣ и сраженіяхъ; онъ охотно проводилъ бы цѣлые дни слушая ихъ, выслушавъ—желалъ бы еще слушать. Лучшею наградою для него было, когда воспитатель его Ламсдорфъ могъ ему обѣщать сводить его въ день парада на мѣсто развода. Онъ отправлялся туда съ восторгомъ, съ поспѣшностью и оставался тамъ, какъ можно дольше, наслаждаясь зрѣлищемъ, которое онъ наблюдалъ въ малѣйшихъ подробностяхъ. Для него не было лучшаго удовольствія, какъ одѣться въ мундиръ своего Измайловскаго полка *).

Однажды уже при Александрѣ Павловичѣ, въ Царскомъ Селѣ, куда великій князь отправился съ Маріей Ѳедоровной, узналъ онъ, что Измайловскій полкъ долженъ былъ на другой день занимать во дворцѣ внутренній караулъ. Передъ разсвѣтомъ, когда всѣ еще спали, онъ поднялся безъ шума, надѣлъ мундиръ, взялъ ружье и никѣмъ незамѣченный отправился къ покоямъ Государя. Дверь въ комнату была заперта, но часоваго при ней не было, такъ какъ императоръ Александръ говорилъ, что хотѣлъ быть охраняемъ любовью своихъ подданныхъ. Николай сталъ на часахъ съ ружьемъ въ рукѣ.

По счастью Александръ Павловичъ вставалъ рано. Немало удивился онъ, увидѣвъ своего меньшаго брата съ ружьемъ у дверей своихъ комнатъ.

— Чтò ты тутъ дѣлаешь, любезный Николай? спросилъ онъ, узнавъ его въ такомъ нарядѣ.

— Вы видите, Государь, отвѣчалъ ему ребенокъ, отдавъ честь ружьемъ, что я занимаю караулъ у дверей вашего величества. Полкъ мой сегодня долженъ занимать дворецъ, и я выбралъ себѣ самый почетный постъ; я занялъ его съ ранняго утра, чтобы его у меня не отняли.

— Хорошо, дитя мое, возразилъ Государь, сдерживая улыбку; но чтò ты сталъ бы дѣлать, еслибъ пришелъ обходъ: вѣдь ты не знаешь пароля....

— Ахъ и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всегда отдается пароль и лозунгъ, проговорилъ озадаченный Николай; но все равно, прибавилъ

*) Исторія жизни и царствованія Николая I соч. Поля Лакруа т. I, вып. I, стр. 21–22.

онъ: я не пропустилъ бы никого, будь это самъ Аракчеевъ, который проходитъ всюду.... [1])

Такъ рано привился къ нему духъ милитаризма и все болѣе овладѣвалъ имъ, что немало озабочивало императрицу Марію Өедоровну и вызывало съ ея стороны благоразумныя предостереженія.

III.

Ученіе великаго князя началось съ семилѣтняго возраста. Такъ надо думать, потому что первый наставникъ, Ө. П. Аделунгъ былъ взятъ къ нему въ 1803 году. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ приходилъ въ возрастъ, число наставниковъ увеличивалось. Послѣ Аделунга были назначены: генералъ-маіоръ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ; въ 1805 г. къ нимъ прибавлены дѣйств. ст. сов. Диковъ, колл. с в. Вольфъ и маіоръ Алединскій, а въ 1808 г. ст. сов. Саврасовъ. въ 1811 г. Диковъ выбылъ, и на его мѣсто былъ назначенъ колежскій совѣтникъ Глинка [2]).

Эти наставники или надзиратели, бывшіе въ тоже время и преподавателями наукъ, на оффиціальномъ языкѣ назывались кавалерами. Они постоянно находились при великихъ князьяхъ и жили во дворцѣ; но кромѣ нихъ ко двору приглашались и другія лица исключительно для преподаванія наукъ: такъ впослѣдствіи фортификацію читалъ полковникъ Джіаноти (Gianotty), а политическую экономію профессоръ Балугь нскій.

Глинка, ознакомившись съ своими товарищами, говоритъ, что они исполняли свою обязанность съ истиннымъ удовольствіемъ и что они *вполнѣ честные люди*. Если бы мы и не имѣли такого отзыва о нихъ Глинки, то и тогда не могли бы думать о нихъ иначе, какъ о людяхъ съ высокими нравственными качествами. За такую репутацію ручался бдительный взоръ и свѣтлый умъ Маріи Өедоровны и ея горячая привязанность къ дѣтямъ, заставлявшимъ ее быть крайне осмотрительною при выборѣ наставниковъ. Глинка, напримѣръ, разсказываетъ, что когда онъ прибылъ ко двору императрицы, то въ пер-

---

[1]) Лакруа стр. 22—23. Великому князю Николаю Павловичу могло быть въ то время 7—8 лѣтъ.

[2]) Въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранится рѣдчайшая медаль съ изображеніемъ Николая Павловича. Вокругъ надпись „*Цесаревичъ Николай. 10 Января 1809*“. Покойный А. А. Васильчиковъ наводилъ, по поводу этой надписи, справку въ неизданномъ камеръ-фурьерскомъ журналѣ императрицы Маріи Өедоровны. Оказывается, что утромъ этого дня къ ней приходили всѣ члены тогдашней царской семьи. П. Б.

вый же день она три раза посылала за нимъ и всякій разъ заводила продолжительный разговоръ; въ этотъ день онъ долженъ былъ и обѣдать, и ужинать съ нею. Очевидно, что такое вниманіе проистекало не отъ одной только любезности характера государыни, но главнымъ образомъ изъ желанія ея ближе ознакомиться съ свойствами, взглядами, образомъ мыслей новаго наставника. Нѣтъ сомнѣнія, что такая же осторожность руководила ею и при выборѣ его предшественниковъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣтство и отрочество Николая Павловича окружали люди достойные, способные нравственнымъ вліяніемъ благотворно дѣйствовать на сердце и душу великаго князя и посѣять въ немъ сѣмена добра—той прямоты, высокой честности, великодушія и строгаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, которымъ Николай, какъ мужъ, какъ отецъ, какъ слуга Россіи, ни разу не измѣнилъ въ теченіе своей жизни.

Николай и Михаилъ, изъ которыхъ одному было пятнадцать, а другому тринадцать лѣтъ, произвели на Глинку весьма пріятное впечатлѣніе, и онъ отзывается о нихъ съ большой симпатіей. Въ письмѣ къ женѣ своей отъ 22 Мая 1811 г., онъ пишетъ: «Императрица сама провела меня къ великимъ князьямъ, которые чрезвычайно понравились мнѣ, такъ какъ они обладаютъ, повидимому, прекраснѣйшимъ въ мірѣ характеромъ и отнеслись ко мнѣ съ такимъ вниманіемъ и предупредительностію, которыя поистинѣ тронули меня. Въ ихъ присутствіи не чувствуешь ни малѣйшаго стѣсненія»..... Въ другомъ письмѣ, описывая новое свое положеніе, онъ говоритъ: «Вчера окончились всѣ обряды и порядки, сопряженные съ поступленіемъ въ новую должность; вчера я былъ представленъ вдовствующей государыней Императору, который обошелся со мною не какъ монархъ, но скорѣе, какъ старый знакомый, а сама государыня — воплощенная доброта. Покуда день у меня проходитъ слѣдующимъ образомъ: я встаю въ 5 или въ 6 часовъ и выхожу гулять въ прекраснѣйшій Гатчинскій паркъ, а если погода не благопріятствуетъ, то занимаюсь чтеніемъ; въ 10 часовъ спускаюсь завтракать къ великимъ князьямъ и до 12 часовъ присутствую при ихъ урокахъ. Съ 12 до 2 я сижу у себя или гуляю въ паркѣ съ великими князьями; послѣ обѣда ихъ высочества играютъ съ нами на бильярдѣ по 30 к. партія; въ 4 часа я опять присутствую при ихъ урокахъ; въ 6 часовъ мы пьемъ у нихъ чай, послѣ чего я гуляю съ ними и послѣ двухчасоваго занятія, во время котораго великіе князья остаются одни съ своими кавалерами, я иду во дворецъ ужинать, а въ 10 часовъ всякій удаляется къ себѣ. Великіе князья съ

нами въ высшей степени вѣжливы и предупредительны, и окружающіе ихъ кавалеры вполнѣ честные люди...» [1])

Что касается другой стороны воспитанія великихъ князей, обра зовательной, то она почти намъ неизвѣстна; по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія, какія находимъ въ письмахъ Глинки, весьма недостаточны. Такъ, въ письмѣ изъ Павловска отъ 24 Іюня 1811 г. онъ передаетъ слѣдующее: «Дней восемь тому назадъ, за отсутствіемъ кавалера генерала Ахвердова, вдовствующая государыня поручила мнѣ замѣнить его при урокахъ великихъ князей по исторіи, географіи и статистики Россіи, а равно и по Русскому языку и литературѣ, и мнѣ кажется, что ея величество осталась довольною моимъ изложеніемъ этихъ предметовъ. Вчера императрица поручила мнѣ вычеркнуть и замарать чернилами все то, чтò безполезно или вредно читать великому князю Николаю въ исторіи Россіи, написанной г. Левекомъ (Levesque) и представить эту книгу прежде нежели великому князю самой императрицѣ съ указаніемъ зачеркиваемыхъ мѣстъ» [2]).

Изъ этого краткаго сообщенія узнаемъ только, что императрица внимательно слѣдила за преподаваніемъ и лично присутствовала при урокахъ, когда находила это нужнымъ, но не находимъ ничего подобнаго замѣткамъ прежнихъ педагоговъ царской семьи, изъ которыхъ можно бы судить о способностяхъ великихъ князей, расположеніи ихъ къ наукѣ, любознательности, успѣхахъ и проч. Очень можетъ быть, что въ тѣхъ неразобранныхъ бумагахъ, о которыхъ говоритъ г. Пятковскій [3]), будущій біографъ императора Николая найдетъ матеріалъ для выясненія этихъ любопытныхъ вопросовъ, но до того времени намъ приходится ограничиться свѣдѣніями, сообщенными у Лакруа.

«Великіе князья, говоритъ онъ, мало интересовавшіеся тѣмъ, чтò надо было изучать по книгамъ, пристрастились болѣе къ Исторіи, когда профессоръ, оставивъ въ сторонѣ Римъ и Грецію, занялъ ихъ Французскою революціею, представивъ имъ ее въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Исторія Франціи возбудила интересъ и любопытство великаго князя Николая. Онъ не уставалъ въ особенности слушать разсказъ, конечно весьма преувеличенный и невѣрный, о главнѣйшихъ событіяхъ революціи, которая потрясла всю Европу. Онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ кровавымъ людямъ Конвента, къ зачинщикамъ

---

[1]) Русск. Старина 1876 г. Сентябрь, 80—81.

[2]) Тамъ же, 82.

[3]) Въ Архивѣ IV Отдѣленія Собст. Его Вел. Канцеляріи хранятся двѣ значительнаго объема папки, одна съ надписью Les études du grand-duc Nicolas, а другая — Les études du grand-duc Michel. Русск. Старина. 1874 г. Февраль, 252.

столькихъ политическихъ преступленій; инстинктивная ненависть, которую онъ чувствовалъ къ его дѣйствіямъ, росла съ годами и укоренялась въ умѣ его чрезъ размышленія. Но въ замѣнъ того онъ имѣлъ симпатію къ генералу Бонапарту, къ этому великому полководцу, который достигъ власти, какъ спаситель отечества и лучшею побѣдою котораго было торжество надъ анархіею».

«Король Людовикъ XVI не исполнилъ своей обязанности, сказалъ онъ однажды своему преподавателю: онъ былъ за то наказанъ. Быть слабымъ не значитъ быть милосердымъ. Монархъ не имѣетъ права прощать враговъ отечества. Людовикъ XVI видѣлъ передъ собою настоящее возмущеніе, скрытое подъ ложнымъ названіемъ свободы; онъ бы сохранилъ отъ многихъ невзгодъ свой народъ, не пощадивъ возмутителей» [1]).

Слова характерныя въ устахъ будущаго императора....

Если вѣрить Лакруа, Николай Павловичъ, «будучи только десяти лѣтъ, не только зналъ наизусть военную Исторію Россіи, но объяснялъ ее и истолковывалъ съ такимъ яснымъ взглядомъ, который былъ выше лѣтъ его» [2]).

«Съ возрастомъ, говоритъ онъ, выяснялись болѣе обдуманно его военныя наклонности. Онъ желалъ себѣ усвоить всѣ отрасли военнаго искусства, предался исключительно изученію математики и приложилъ свой талантъ къ рисованію, къ линейнымъ, геометрическимъ, стратегическимъ и поліорцетическимъ работамъ» [3]).

«Вел. кн. Николай никогда не имѣлъ наклонности къ искусствамъ(?), не смотря на то, что искусно владѣлъ карандашемъ и часто дѣлалъ небольшіе рисунки и акварели. Онъ имѣлъ талантъ къ каррикатурамъ и самымъ удачнымъ образомъ схватывалъ смѣшныя стороны лицъ, которыхъ онъ хотѣлъ помѣстить въ какой нибудь сатирическій рисунокъ; онъ упражнялся тоже въ изображеніяхъ военныхъ сценъ, армейскихъ типовъ, формъ и лошадей. Предпочтеніе его ко всему, что̀ касалось военной обязанности, выказывалось даже во врожденномъ его вкусѣ къ музыкѣ; онъ сочинилъ, прежде чѣмъ былъ въ состояніи положить на ноты, военные марши, нелишенные оригинальности, и имѣлъ удовольствіе слышать исполненіе ихъ музыкою своего Измайловскаго полка» [4]).

«Оба брата предались съ раннихъ поръ всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, которыя были необходимы для сильнаго тѣлосложенія и раз-

[1]) Лакруа, стр. 19—20.
[2]) Стр. 19.
[3]) Стр. 23. Полеорцетика учитъ искусству брать города и крѣпости.
[4]) Стр. 21.

витія: верховая ѣзда и фехтованіе служили имъ постоянными предметами соревнованія; преимущество было во всякомъ случаѣ на сторонѣ старшаго, который не обладалъ большою силою, но отличался быстротою и ловкостію движеній, равно какъ и граціозною своею походкой» [1]).

Вообще научное образованіе великихъ князей Николая и Михаила было довольно поверхностное.

Сколько можно судить по преподаванію Исторіи, кажется и другіе предметы, за исключеніемъ развѣ военныхъ и математики, передавались безъ системы, безъ всякой послѣдовательности, отрывками. Само собой разумѣется, что при такомъ способѣ преподаванія память молодыхъ людей удерживала кое-что; но это кое-что, не обогащая ума основательнымъ знаніемъ, не могло служить къ его развитію [2]). Все преподаваніе велось на Французскомъ языкѣ—обстоятельство, которое конечно не могло не повлечь ущерба въ точномъ усвоеніи великими князьями правилъ языка отечественнаго. Въ этомъ недостаткѣ впослѣдствіи откровенно сознавался и самъ Николай Павловичъ [3]).

Впрочемъ, какъ кажется, и сама императрица Марія Ѳеодоровна не столько заботилась о систематическомъ научномъ образованіи, сколько о нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей, находя, можетъ быть, что послѣднее вѣрнѣе ведетъ къ общечеловѣческому идеалу. На нравственномъ воспитаніи сыновей сосредоточивались всѣ ея помыслы, всѣ заботы любящаго сердца. Ревниво оберегая юность ихъ отъ всего, чтó могло преждевременно развить страсти и порывы воображенія, она предусмотрительно устраняла всѣ, даже малѣйшіе къ тому поводы, доводя свои опасенія, можетъ быть, до крайности. По крайней мѣрѣ самъ Николай Павловичъ говорилъ, что воспитаніе его было очень строго и что онъ выросъ въ постоянной боязни передъ матерью [4]).

По словамъ Лакруа, молодость великихъ князей протекала почти внѣ двора, куда призывали ихъ только иногда, въ дни торжественныхъ пріемовъ. Ламсдорфъ не терялъ ихъ изъ виду ни на минуту и старался держать какъ можно дальше отъ среды политической. Они только

[1]) Тамъ же, стр. 20—21.

[2]) „Умъ его не обработанъ, его воспитаніе было небрежно“; такъ отзывалась впослѣдствіи объ императорѣ Николаѣ королева Викторія въ письмѣ къ Бельгійскому королю Леопольду послѣ личнаго свиданія и знакомства съ Николаемъ Павловичемъ въ Лондонѣ въ 1844 году. Ист. Вѣстн. 1886 г. Мартъ, 610.

[3]) Будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ составилъ для офицеровъ своего полка какое-то руководство. Передавая его офицерамъ, онъ сказалъ: „Не обращайте, господа, вниманія на орѳографію; я долженъ сознаться, что на эту часть при моемъ воспитаніи не обращали должнаго вниманія“. (Со словъ кн. Тенишева, бывшаго управляющимъ путями сообщенія въ Царствѣ Польскомъ. Русск. Арх. 1878, III, 520).

[4]) Ист. Вѣстн. 1886 г. Мартъ, 611.

смутно знали о новостяхъ, которыя всего болѣе могли интерссовать ихъ; они не читали ни одного журнала и не знали о событіяхъ, происходившихъ въ Европѣ; случайно узнавали они, что происходило какое нибудь сраженіе, что подписанъ какой нибудь договоръ—вотъ все, что могли узнать они. Ихъ свѣдѣнія въ современной исторіи останавливались на воцареніи Александра; они не имѣли даже понятія о главнѣйшихъ событіяхъ его царствованія, если вѣрить свидѣтельству одного изъ товарищей ихъ дѣтства и молодости [1]).

Такое изолированное положеніе великихъ князей, созданное настойчивымъ и неуклоннымъ стремленіемъ матери держать ихъ исключительно подъ своимъ вліяніемъ, тогда какъ совершавшіяся въ Европѣ событія невольно приводили мысли въ движеніе, естественно должно было задерживать въ молодыхъ князьяхъ развитіе политической зрѣлости и опытности. Но императрица, преслѣдуя свою систему воспитанія, не замѣчала односторонности ея.

Въ 1811 году, когда Николаю исполнилось 15 лѣтъ, она благодарила Ламсдорфа въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за его попеченія о ея сынѣ. «Примите мой добрый, дорогой и почтенный Ламсдорфъ, прилагаемый при семъ перстень, писала она ему въ день рожденія его воспитанника. Я прошу взять его по случаю нынѣшняго дня, въ который сыну моему исполнилось 15 лѣтъ. Надпись на перстнѣ выражаетъ чувство, которое я къ вамъ питаю и которое прекратится только съ моимъ существованіемъ. Продолжайте ваши заботы о Николаѣ, ваши поистинѣ отеческія заботы, и онѣ оправдаютъ всѣ наши ожиданія» [2]).

Удовольствіе, выраженное Ламсдорфу матерью, раздѣлялъ и императоръ Александръ. Въ теченіе одиннадцатилѣтняго служенія въ качествѣ наставника Ламсдорфъ былъ послѣдовательно награжденъ чиномъ генералъ отъ инфантеріи, орденомъ Владимира I ст. и Св. Андрея Первозваннаго [3]).

Кончились дѣтскіе и отроческіе годы Николая; онъ сталъ юношей и въ этомъ возрастѣ встрѣтилъ достопамятный для Россіи 1812 годъ....

А. Корсаковъ.

---

[1]) Лакруа стр. 23—24.

[2]) Русск. Арх. 1871 г., стр. 1919.

[3]) Въ день коронаціи своей императоръ Николай вспомнилъ о своемъ старикѣ-воспитателѣ, проживавшемъ тогда на покоѣ въ Курляндіи, и послалъ ему высшую награду—портретъ свой, оправленный въ бриллiанты для ношенія на Андреевской лентѣ. Такое вниманіе несомнѣнно свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ, бывшихъ между воспитателемъ и воспитанникомъ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ГРАФА С. Г. СТРОГАНОВА.

Уѣзжая изъ арміи въ 1828 году, Государь Николай Павловичъ поручилъ графу С. Г. Строганову ѣхать въ Вѣну и объяснить Меттерниху, что хотя походъ былъ не совсѣмъ удаченъ, но что въ будущемъ году дѣйствія послѣдуютъ гораздо настойчивѣе. Въ Варшавѣ же, на обратномъ пути въ Петербургъ, графъ Строгановъ долженъ былъ отобрать у Н. Н. Новосильцова подробныя свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Польшѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ принялъ графа очень ласково и два раза приглашалъ къ обѣду, а Новосильцовъ составилъ вполнѣ откровенную записку, въ которой рѣзкія дѣйствія великаго князя были выставлены въ надлежащемъ видѣ и выражалась увѣренность, что Поляки добромъ не кончатъ. Эту записку графъ Строгановъ передалъ прямо въ руки Государю.

Весной 1829 года графъ Строгановъ поѣхалъ опять въ Варшаву на коронацію Государя. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, про котораго онъ отзывался намъ, что практическаго смысла въ немъ вовсе не было, что онъ не былъ настоящимъ воспитателемъ, но чистота его души благотворно подѣйствовала, и чрезъ него сообщилась Великому Князю та прозрачность душевная, которою такъ любовался Николай Павловичъ. Дорогою Жуковскій читалъ Ивана Выжигина и говорилъ своему спутнику, что впечатлѣніе этого романа (втораго у насъ послѣ повѣстей Нарѣжнаго) похоже на то, какъ въ Нѣмецкихъ городахъ идешь по улицѣ, глазѣешь, и вдругъ съ 3-го этажа кто нибудь обольетъ тебя помоями.

На этотъ разъ великій князь Константинъ Павловичъ принялъ графа Строганова до такой степени холодно, что всѣ, и въ томъ числѣ Жуковскій, не могли надивиться. Графъ спросилъ о причинѣ у правителя его канцеляріи Моренгейма (отца нынѣшняго посла нашего въ Парижѣ) и узналъ отъ него, что прошлогодняя Новосильцовская записка была Государемъ сообщена брату. Позднѣе, воспользовав-

шись ласковымъ обращеніемъ Николая Павловича, графъ Строгановъ спросилъ у него, какъ могъ онъ такъ поступить. — Что жъ дѣлать? Я далъ брату обѣщанія дѣйствовать въ отношеніи къ нему вполнѣ откровенно и ничего отъ него не скрывать, отвѣчалъ Николай Павловичъ.

Въ 1830 году осенью Новосильцовъ пріѣзжалъ къ Строгановымъ въ Дрезденъ и сообщилъ имъ: Великій Князь самъ чуялъ возможность взрыва и совѣтовалъ Новосильцову уѣзжать изъ Варшавы, говоря, что, въ случаѣ уличнаго мятежа, на Новосильцова непремѣнно нападутъ.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Въ 1826 г. начальникъ Московскаго Главнаго Архива А. Ѳ. Малиновскій подносилъ черезъ гр. Нессельроде Николаю Павловичу краткій перечень сокровищъ нашей письменной древности, ввѣренныхъ его храненію. Государь сдѣлалъ карандашомъ слѣдующую замѣтку на поднесенной тетради:

«Je désire, faute de temp, voir les pièces marquées d'une croix, chez moi, et une à une. Veuillez donc, cher comte, me les faire tenir les unes après les autres, en les fesant porter par quelqu'un de leurs» *).

Крестикомъ помѣчены:

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича.

Свадьба Михаила Ѳеодоровича.

Три книги съ современными портретами царей Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, Петра и Іоанна.

Артиллерійская книга, посвященная генералъ-лейтенантомъ Бауманомъ царю Алексѣю Михаиловичу.

Чертежи баталій у разныхъ Европейскихъ державъ съ 1620—1713 годъ.

Планъ С.-Петербурга 1725 года.

*) За неимѣніемъ времени желаю посмотрѣть рукописи, отмѣченныя крестикомъ, одну—за другою, у себя. И такъ прикажите пожалуста, любезный графъ, чтобы мнѣ ихъ доставляли последовательно; привозить можетъ кто-нибудь изъ тамошнихъ служащихъ.

ПРОШЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Въ Главное Училищъ Правленіе

отъ коллежскаго совѣтника, Императорскаго Московскаго Университета почетнаго члена и кавалера князя Петра Андреева сына Вяземскаго

Прошеніе.

Господинъ цензоръ Красовскій не соблаговолилъ одобрить моего сочиненія, которое отдано было мною г-ну Гречу для помѣщенія въ журналѣ, издаваемомъ имъ подъ именемъ «Сынъ Отечества».

На основаніи 40-й статьи Устава о цензурѣ, Высочайше утвержденнаго 9-го Іюня 1804 г., въ коей между прочимъ сказано: «Если сочинитель или издатель почтетъ себя обиженнымъ за неодобреніе его сочиненія къ напечатанію, равно и въ случаѣ задержанія его сочиненія или другихъ какихъ притѣсненій, можетъ принести на цензуру жалобу Главному Училищъ Правленію, которое рѣшитъ, справедлива ли жалоба или нѣтъ»,—представляю при семъ рукопись мою на благоразсмотрѣніе Главнаго Училищъ Правленія и прошу покорно оное о защитѣ правъ автора, который нимало не подвергается исключеніямъ, предписываемымъ въ 18-й и 19-й статьяхъ Устава, въ коихъ изображено: *18.* «Если въ цензуру прислана будетъ рукопись исполненная мыслей и выраженій, оскорбляющихъ личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то цензурный комитетъ, отказавъ въ напечатаніи такого сочиненія, объявляетъ въ тоже время причины сего запрещенія тому, кто прислалъ оное, а самое сочиненіе удерживаетъ у себя». *19.* «Если же въ цензуру прислана будетъ рукопись, исполненная мыслей и выраженій явно отвергающихъ бытіе Божіе, вооружающаяся противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющая верховную власть или совершенно противная духу общественнаго устройства и тишины, то комитетъ немедленно объявляетъ о такой рукописи правительству, для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ».

Если г-нъ цензоръ относитъ къ непозволительной будто личности мое мнѣніе о недостаткахъ, находимыхъ мною въ нѣкоторыхъ писателяхъ, называя ихъ по имени: почему же цензура дозволяетъ онымъ же писателямъ излагать свободно свое мнѣніе, и часто въ насмѣшливыхъ и непочтительныхъ выраженіяхъ, о другихъ писателяхъ, удостоившихся и монаршаго благоволенія, и признательности соотечественниковъ, и уваженія Европы, читающей ихъ творенія? Право съ обѣихъ сторонъ равное. Смѣю замѣтить, что обвиненія мои не касаются нигдѣ *личности гражданина*, но падаютъ единственно на писателя, и то по одному литературному отношенію. Если сужденія мои въ такомъ случаѣ и были бы противны здравому ученію, вкусу и общему мнѣнію, и тогда еще, кажется, были бы они безгрѣшны; и тогда еще могъ бы я пользоваться свободою и обнародовать ихъ, не подвергаясь суду цензуры, но отвѣчая за нихъ единственно передъ судомъ разсудка и просвѣщенныхъ читателей.

Соблюдая должное уваженіе къ свѣдѣніямъ и личному достоинству чиновника, удостоившагося довѣренности начальства и званія цензора, долженъ я однакоже видѣть въ настоящемъ запрещеніи или слѣдствіе какого либо недоразумѣнія или дѣйствіе недоброжелательства ко мнѣ. Къ заключенію послѣдняго предположенія, можетъ быть, тѣмъ болѣе имѣлъ бы я поводъ, что уже нѣсколько разъ въ представленіи сочиненій моихъ къ печатанію испытывалъ я неумѣренную и неосновательную строгость г-на цензора Красовскаго. Еще въ недавнемъ времени не допускалъ онъ до печатанія стиховъ моихъ подъ названіемъ «Первый Снѣгъ», которые вскорѣ послѣ того напечатаны въ Петербургѣ же съ одобренія другаго цензора.

И нынѣ, не говоря уже о томъ, что г-нъ цензоръ Красовскій рѣшительно запрещаетъ мнѣ въ представляемомъ сочиненіи сказать, почему уважаю дарованія такого-то писателя и почему не раздѣляю мнѣній другаго, но и въ тѣхъ мѣстахъ, кои не подвергаются совершенному его исключенію, не ясно ли видно, что г-нъ цензоръ принимаетъ на себя въ отношеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительской заботливостью наставляетъ меня искусству писать по своему, замѣняя слова мои своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, видно, некрасивыя или неправильныя? Да позволено мнѣ будетъ обратить вниманіе Главнаго Училищъ Правленія на нѣкоторые тому примѣры. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто *задѣваетъ* цензоръ ставитъ *упрекаетъ*; въ другомъ не позволяетъ мнѣ сказать, что г-нъ Карамзинъ *слѣдовалъ благоразумію*; въ третьемъ прибавляетъ къ словамъ *стро-*

ним приговорамъ «но справедливымъ», и такимъ образомъ, предугадывая и насильствуя мое литературное мнѣніе, хочетъ, чтобы я волею или неволею почиталъ за справедливое въ словесности то, чтó онъ справедливымъ почитаетъ. Далѣе, вмѣсто выраженія моего *полемической практики* онъ ссужаетъ меня выраженіемъ *спорной практики*, которое едва ли имѣетъ какой нибудь извѣстный смыслъ.

Не смѣя дальнѣйшими выписками обременять болѣе вниманіе Главнаго Училищъ Правленія, оканчиваю съ полною довѣренностью, что оно приметъ въ надлежащее уваженіе причины мои къ неудовольствію на притѣсненіе авторскихъ правъ, Высочайшимъ постановленіемъ утвержденныхъ и нынѣ отъемлемыхъ у меня г-номъ цензоромъ Красовскимъ. Спокойно ожидаю отъ проницанія и правосудія Главнаго Училищъ Правленія приговора участи моего благонамѣреннаго сочиненія, приговора, который будетъ навсегда сохраненъ въ лѣтописяхъ нашей словесности.

*

Печатается съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ Н. И. Тургенева и любезно сообщеннаго въ „Русскій Архивъ“ его сыномъ, ваятелемъ Петромъ Николаевичемъ. Какое именно сочиненіе князя П. А. Вяземскаго подверглось притѣсненію славнаго своими гасительными подвигами Красовскаго, не видно. Упоминаемое княземъ Вяземскимъ его стихотвореніе *Первый Снѣгъ* напечатано было въ „Новостяхъ Литературы“ 1822 года. Во всякомъ случаѣ вышенапечатанное прошеніе должно относиться къ послѣднимъ годамъ царствованія Александра Павловича; а то, что оно нашлось въ Тургеневскихъ бумагахъ даетъ возможность заключать, что оно писано не позже весны 1824 года, когда пало министерство князя А. Н. Голицына, при которомъ однимъ изъ вліятельныхъ лицъ былъ А. И. Тургеневъ. Напомнимъ читателю, что лѣтъ тридцать позднѣе, будучи товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, князь Вяземскій исходатайствовалъ у императора Александра Николаевича тѣ льготы, которыми нынѣ пользуется Русская печать. Въ Порѣчьѣ въ 1864 году, въ музеѣ графа А. С. Уварова случилось намъ читать докладную о томъ записку князя Вяземскаго со многими отмѣтками Государя. Эта записка, прекрасно излагающая невыносимое положеніе писателей въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича, доселѣ не издана. Въ ней одно изъ многихъ правъ князя П. А. Вяземскаго на уваженіе и признательность потомства. П. Б.

О несостоявшемся министерствѣ цензуры.

Изъ бумагъ Александра Григорьевича Тройницкаго.

Читатели „Русскаго Архива“ (1894, I, 556—591) уже знакомы съ прекрасною, вполнѣ достопамятною личностью А. Г. Тройницкаго (р. 12 Марта 1807 † 12 Марта 1871) по его краткой біографіи и письмамъ къ нему разныхъ лицъ. При дальнѣйшей разработкѣ бумагъ его и собираніи свѣдѣній о немъ, еще живѣе выясняется его даровитая, неустанная работа, во благо сначала родной ему Одессы, а затѣмъ (съ 1857 г.) на болѣе широкомъ поприщѣ въ Министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, гдѣ онъ принималъ дѣятельное, иногда руководящее, участіе въ цѣломъ рядѣ трудовъ по предмету нашего народнаго самосознанія, а также въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, вѣнценосные покровители которыхъ его цѣнили. Благодаря любезности сыновей его, тщательно собирающихъ матеріалы для подробнаго жизнеописанія его, приводимъ еще нѣкоторыя черты его дѣятельности и сношеній. Лица, имѣющія у себя письма А. Г. Тройницкаго, который во всю свою жизнь велъ обширную переписку, могли бы облегчить эту задачу сообщеніемъ сыновьямъ покойнаго писемъ съ полною увѣренностью, что напечатано будетъ только то, что представляетъ общій интересъ и оглашеніе чего не можетъ быть для кого бы то ни было непріятнымъ. П. Б.

Письмо А. Г. Тройницкаго къ брату его въ Одессу.

С.-Петербургъ, 15 Декабря 1859.

Не отвѣчалъ я тебѣ во̀ время на послѣднее письмо, потому что на меня взвалилось въ концѣ Ноября крайне тяжелое дѣло, которое отняло все мое время. Вотъ оно въ короткихъ словахъ. Вслѣдствіе разностороннихъ цензурныхъ затрудненій при крѣпко-развивающейся журнальной дѣятельности, и гласности, Государю пришла мысль учредить совершенно отдѣльное цензурное министерство или Главное Управленіе по дѣламъ книгопечатанія, въ которомъ бы сосредоточились, независимо отъ всѣхъ министерствъ, всѣ дѣла de la presse. Начальникомъ этого новаго управленія назначалъ Государь статсъ-секретаря барона Модеста Корфа, который и до сихъ поръ, не знаю по какому

внушенію (онъ меня никогда не зналъ), избралъ меня главнымъ своимъ помощникомъ, предложивъ мнѣ должность директора канцеляріи съ правами члена Совѣта. Не безъ труда и послѣ совѣщанія съ министромъ Ланскимъ, который взялъ съ меня слово (и слава Богу) не оставлять Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, принялъ я это предложеніе, которое сулило мнѣ ощутительную денежную выгоду, крѣпко мнѣ нужную, но обременяло меня и страшно-тяжелою работою. Мы принялись съ барономъ Корфомъ сочинять новое министерство, указы, штаты, проекты и проч. На прошедшей недѣлѣ все было готово. Но барону Корфу пришла несчастная мысль купить домъ для новаго управленія; кромѣ того противъ него и противъ самаго начала новаго управленія возникла сильная оппозиція въ верхнихъ слояхъ, и въ послѣднюю минуту баронъ Корфъ разошелся съ Государемъ. Въ прошлую Пятницу онъ отказался отъ возложеннаго на него порученія, и Государь приказалъ передать всѣ дѣла обратно въ руки министра народнаго просвѣщенія. Такъ все это зданіе разлетѣлось въ прахъ. Что́ теперь изъ этого выйдетъ, не знаю, да едва ли кто и знаетъ. При предполагавшемся преобразованіи крѣпко я думалъ о Д. И. С. и о тебѣ и надѣялся успѣть въ своихъ намѣреніяхъ. Жаль, что это не сбылось. Что́ касается до меня лично, то увѣряю тебя, что искренно порадовался неудачѣ. Зданіе строилось слишкомъ легко. Баронъ Корфъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія, но слишкомъ прыткій и слишкомъ увлекающійся, такъ что едва ли бы дѣло пошло стройно. Лучше ребенку родиться мертворожденнымъ, нежели немного пожить и умереть насильственною смертью; и я предвидѣлъ, что это случилось бы скоро съ новымъ министерствомъ. Итакъ, да будетъ легка память о немъ!

Письма барона М. А. Корфа къ А. Г. Тройницкому.

1.

Не примете ли, ваше превосходительство, трудъ повидаться съ г. Никитенко (живущимъ на Владимирской въ домѣ барона Фредерикса), для окончательнаго объясненія о суммахъ ихъ Комитета, т. е. о томъ, сколько Комитетомъ получается (его личное жалованье входитъ ли въ счетъ общей штатной суммы?), сколько расходуется, за сколько, гдѣ и на какой срокъ нанята квартира и пр.? Еще два важные вопроса: 1) Считаютъ ли чиновники Комитета, что мы ихъ къ себѣ переведемъ? 2) Разсчитываетъ ли на это самъ г. Никитенко въ отношеніи къ своему лицу? Изъ послѣдняго моего съ нимъ разговора кажется, что нѣтъ; но желательно бы *положительнѣе* о томъ удостовѣриться.

Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ самымъ опредѣлительнымъ образомъ, какъ говорятъ Нѣмцы: «черное на бѣломъ», необходимо для нашего штата и для зачета суммъ, чтобы послѣ не вышло какого нибудь недоразумѣнія.

23 Ноября (1859).

2.

Воспользовавшись замѣчаніями вашего превосходительства и сообразивъ ихъ съ Цензурнымъ Уставомъ, я составилъ новый проектъ указа, который представляю вамъ съ покорнѣйшею просьбою измѣнить или исправить въ немъ что́ признаете за нужное. Фразою: что намъ подчиняются цензоры, *отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія зависящіе*, и означеніемъ на какія мѣста и лица переходятъ права́ и обязанности соотвѣтственныхъ теперешнихъ степеней, дѣло очень упростилось и редакція облегчилась. Кажется, тутъ теперь все, что́ нужно *сейчасъ*; прочее устроится и прояснится со временемъ.

На вашей запискѣ вы изволите найти нѣкоторыя объяснительныя замѣтки.

Завтра въ 11 час. буду имѣть честь ожидать ваше превосходительство съ этимъ указомъ и съ проектомъ штата.

1 Декабря (1859).

3.

За симъ останутся безъ положительнаго разрѣшенія или оговорки только ст. 28, 29 и 30.

Положена ли въ теперешнемъ (и будущемъ) штатѣ сумма на платежи по ст. 120 й?

Въ штатѣ надо будетъ опредѣлить сумму на усиленіе, въ случаѣ надобности къ тому, числа́ цензоровъ и сдѣлать оговорку объ остаткахъ отъ суммъ, по штату на это управленіе ассигнуемыхъ.

Такъ какъ, по замѣчанію вашего превосходительства, можетъ встрѣтиться надобность въ чтеніи здѣсь книгъ, напечатанныхъ на Польскомъ языкѣ и на разныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ (Эстскомъ, Латышскомъ и пр.), то не угодно ли будетъ прибавить для этого къ штату канцеляріи Главнаго Управленія 500 рублей?

2 Декабря (1859).

4.

Спѣшу увѣдомить ваше превосходительство, что Государь Императоръ высочайше соизволилъ на покупку для нашего управленія извѣстнаго (прекраснаго) дома Шишмарева у Аничкина моста. Онъ долженъ быть сданъ намъ 15-го Декабря. Тамъ будетъ очень хорошее помѣщеніе и для васъ.

Теперь намъ надо всемѣрно озаботиться возможно скорѣйшимъ пріисканіемъ исправнаго, распорядительнаго и честнаго (легко ли соединить!) экзекутора или смотрителя, безъ котораго невозможно было бы и принять домъ. Мнѣ говорили о помощникѣ экзекутора въ Департаментѣ Министерства Юстиціи, котораго я, впрочемъ, не знаю и по имени. Нѣтъ ли въ виду кого нибудь у васъ?

5 Декабря (1859).

5.

Вотъ, милостивый государь Александръ Григорьевичъ, какъ я полагалъ бы окончательно изложить наши основные акты, испросивъ у Его Величества соизволеніе, чтобы циркуляръ опять перемѣнить на рескриптъ. Тогда все это можно будетъ обнародовать теперь же, а привести въ дѣйствіе съ 1-го Января, до котораго мы успѣемъ совсѣмъ устроиться.

Существенная перемѣна та, что прибавку о военномъ ценсорѣ я перенесъ изъ указа въ штатъ. Но нуженъ ли уже будетъ затѣмъ въ первомъ 7-й пунктъ? Это, кажется, само собою разумѣется.

Нельзя ли принять трудъ доставить мнѣ именной списокъ переходящихъ къ намъ чиновниковъ М. Н. П., съ означеніемъ ихъ окладовъ?

Не угодно ли будетъ вашему превосходительству взглянуть на новое наше пріобрѣтеніе, т. е. на домъ Шишмарева? Входъ въ квартиру, которую я считалъ бы для васъ удобною, изъ Графскаго переулка, и здѣсь съ подъѣзда налѣво; направо я думалъ бы помѣстить канцелярію и г. Янкевича, гдѣ, если онъ холостой, для него было бы весьма довольно мѣста. Съ противуположной стороны дома, въ нижнемъ же этажѣ (она тамъ гораздо менѣе), можно будетъ помѣстить Центральный Комитетъ и, можетъ статься, еще одного холостаго чиновника; но теперь эта квартира занята, вѣроятно, еще на мѣсяцъ или болѣе; а между тѣмъ Е. П. Ковалевскій позволяетъ Ценсурному Комитету оставаться въ Университетѣ. Наконецъ, есть еще на дворѣ двѣ или три маленькія квартиры для чиновниковъ; а Совѣтъ будетъ собираться въ моей залѣ. Предаю все это на ваше усмотрѣніе и завтра въ 11 часовъ буду имѣть честь васъ ожидать.

Понедѣльникъ,
7 Декабря (1859).

6.

Вмѣстѣ съ проектами указа и штата мнѣ необходимо будетъ поднести на предварительное утвержденіе и проекты разныхъ объявляемыхъ повелѣній, въ прилагаемыхъ отношеніяхъ изложенные. Покор-

нѣйше прошу ваше превосходительство внимательно ихъ разсмотрѣть и дополнить или исправить что признаете за нужное.

9 Декабря (1859).

Я буду дома весь день, начиная отъ 3-хъ часовъ.

7.

Государю Императору благоугодно было снизойти къ всеподданнѣйшей моей просьбѣ объ увольненіи меня отъ предназначавшейся мнѣ должности, и вслѣдствіе того все возникшее дѣло повелѣть передать министру народнаго просвѣщенія *).

Для исполненія сей высочайшей воли покорнѣйше прошу ваше превосходительство благоволить доставить мнѣ неотложно всѣ находящіяся у васъ бумаги.

Искренно уважающій и преданный баронъ М. Корфъ.

12 Декабря (1859).

Предположительный указъ Правительствующему Сенату.

При быстромъ, въ послѣднее время, развитіи отечественнаго книгопечатанія, Мы признали за благо дать управленію этой части устройство болѣе соотвѣтствующее настоящимъ ея потребностямъ.

Вслѣдствіе того повелѣваемъ образовать самостоятельное государственное учрежденіе подъ названіемъ *Главнаго Управленія по дѣламъ книгопечатанія* на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Существующее нынѣ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Главное Управленіе Цензуры упраздняется, и всѣ цензурные комитеты и отдѣльные цензоры по цензурѣ какъ внутренней, такъ и иностранной, подчиняются впредь исключительно Главному Управленію по дѣламъ книгопечатанія.

2) Главное Управленіе по дѣламъ книгопечатанія составляется изъ главноуправляющаго, Совѣта Главнаго Управленія и Канцеляріи.

3) Главноуправляющій имѣетъ по этой части тѣже права и обязанности, какія донынѣ принадлежали министру народнаго просвѣщенія, а по предметамъ, превышающимъ его власть, входитъ съ докладами непосредственно къ Намъ.

4) Совѣтъ Главнаго Управленія, на который переходятъ всѣ права и обязанности, принадлежавшія донынѣ Главному Управленію Цензуры, состоитъ, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго, изъ четырехъ членовъ,

*) Баронъ Корфъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего начинанія, что приглашалъ пріятеля своего, извѣстнаго библіографа С. А. Соболевскаго, занять должность предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета. Недовѣріе Государя вызвано было обширнымъ помѣщеніемъ, которое отводилось барону Корфу въ домѣ Шишмарева, и самымъ способомъ покупки этого дома: Шишмареву обѣщана уплата золотою монетою. П. Б.

директора канцеляріи Главнаго Управленія и предсѣдателей С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета и Комитета Цензуры Иностранной. Предсѣдатель Московскаго Цензурнаго Комитета, въ томъ же порядкѣ Нами опредѣляемый, и главные начальники пограничныхъ губерній, на которыхъ возложено завѣдываніе цензурою мѣстныхъ періодическихъ изданій, также присутствуютъ въ Совѣтѣ, когда они находятся въ Петербургѣ, съ правомъ голоса, наравнѣ съ прочими членами.

5) Канцелярія Главнаго Управленія, на которую переходятъ всѣ права̀ и обязанности, лежащія нынѣ по этой части на Канцеляріи и Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣетъ быть составлена по прилагаемому у сего штату, обнимающему и весь остальной составъ новаго образованія. Директоръ канцеляріи управляетъ ею на одинаковомъ основаніи съ директорами министерскихъ департаментовъ.

6) Въ Цензурные Комитеты С.-Петербургскій и Московскій опредѣляются, какъ сказано выше (ст. 4), особые предсѣдатели, а въ каждомъ изъ прочихъ комитетовъ предсѣдательствуетъ, по назначенію Главнаго Управленія, одинъ изъ цензоровъ, съ наименованіемъ *старшаго*. На этихъ предсѣдателей переходятъ права̀ и обязанности по цензурной части попечителей учебныхъ округовъ, кромѣ только округовъ Варшавскаго и Кавказскаго, въ которыхъ цензурная часть, впредь до повелѣнія, удерживаетъ настоящее свое образованіе.

7) Духовная цензура по вѣдомству Православнаго исповѣданія остается на существующемъ теперь особомъ основаніи.

8) Разсматриваніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій тоже остается при настоящемъ порядкѣ, равно какъ, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія, и цензура Губернскихъ Вѣдомостей, съ подчиненіемъ лишь дѣйствій мѣстныхъ чиновниковъ учебнаго и гражданскаго вѣдомства по цензурѣ неофиціальной части сихъ Вѣдомостей завѣдыванію Главнаго Управленія по дѣламъ книгопечатанія.

9) За симъ участіе всѣхъ прочихъ вѣдомствъ въ цензурѣ произведеній книгопечатанія и другихъ способовъ изданія впредь прекращается и, въ соотвѣтственность тому, отмѣняются и всѣ особые довѣренные чиновники по цензурной части, которые донынѣ состояли при разныхъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ.

10) Всѣ сіи мѣры и штатъ новаго Управленія по дѣламъ книгопечатанія привести въ дѣйствіе съ 1-го Января 1860 года, предоставя дальнѣйшія переходныя мѣры къ приведенію въ исполненіе настоящей Нашей воли взаимному соглашенію главноуправляющаго съ министромъ народнаго просвѣщенія и другими подлежащими начальствами.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать о семъ надлежащее распоряженіе.

Справочныя свѣдѣнія. Въ 1857 году.

Изъ числа 6693 укладокъ освидѣтельствовано:

Въ Комитетѣ Цензуры Иностранной 2923 укладки, въ коихъ находилось 114.413 сочин. въ 720.839 томахъ.

Въ четырехъ иногородныхъ Цензурныхъ Комитетахъ:

Рижскомъ 1875 укладокъ, содержавшихъ въ себѣ 62.978 сочин. въ 685.033 томахъ.

Виленскомъ 466 укладокъ, въ коихъ находилось 6.786 сочин. въ 76.859 томахъ.

Одесскомъ 694 укладки, въ которыхъ было 6.579 сочин. въ 68.704 томахъ.

Кіевскомъ 247 укладокъ, содержавшихъ въ себѣ 5.199 сочин. въ 14.693 томахъ.

Отдѣльнымъ цензоромъ въ Ревелѣ 173 укладки, въ которыхъ было 5.737 сочин. въ 46.818 томахъ.

Мѣстными гражданскими начальствами 315 укладокъ, въ коихъ находилось 692 сочин. въ 916 том. Всего 202.384 сочин. въ 1.613.862 томахъ.

Въ 1858 году.

Изъ числа 7.172 укладокъ освидѣтельствовано:

Въ Комитетѣ Цензуры Иностранной 3641 укладка, въ коихъ находилось 117.412 сочин. въ 746.089 томахъ.

Въ четырехъ иногородныхъ Цензурныхъ Комитетахъ:

Рижскомъ 1254 укладки, содержавшихъ въ себѣ 61.192 сочин. въ 659.679 томахъ.

Виленскомъ 325 укладокъ, въ коихъ находилось 6.916 сочин. въ 46.616 томахъ.

Одесскомъ 1049 укладокъ, въ которыхъ было 18.151 сочин. въ 93.934 томахъ.

Кіевскомъ 306 укладокъ, содержавшихъ въ себѣ 7.420 сочин. въ 18.320 томахъ.

Отдѣльнымъ цензоромъ въ Ревелѣ 186 укладокъ, въ которыхъ было 7.230 сочин. въ 48.450 томахъ.

Мѣстными гражданскими начальниками 411 укладокъ, въ коихъ находилось 1.344 сочин. въ 1.786 том. Всего 219.665 сочин. въ 1.614.874 томахъ.

*

Въ бумагахъ А. Г. Тройницкаго сохранились и штаты будущаго главнаго управленія; оно должно было ежегодно тратить по 200.825 рублей, кромѣ жалованья главноуправляющему, про которое значится: „по особому назначенію". Нѣкоторыя подробности о томъ читатели найдутъ во 2-мъ томѣ Записокъ А. В. Никитенки, стр. 163—171. П. Б.

ОТПОВѢДЬ Г-НУ МИТРОПОЛЬСКОМУ.

Я далъ себѣ слово никогда не вступать въ полемику, зная, что за человѣка говорятъ не слова, а дѣла. Однакоже, прочтя статью г. Митропольскаго („Р. Архивѣ" 1895 г.), который говоритъ, что онъ былъ секретаремъ въ Военно-Медицинскомъ Управленіи, когда инспекторомъ былъ Яновскій, я долженъ заявить, во имя правды, что тутъ описанъ кто-то другой, а не я. Во 1-хъ, состоя еще при военномъ министрѣ, я работалъ въ пользу того, чтобы избавить врачей отъ рабской зависимости военнаго начальства; въ этомъ духѣ и было написано мною положеніе о преобразованіи устройства военно-медицинской администраціи и военныхъ госпиталей, которое, по разсмотрѣніи въ особомъ госпитальномъ комитетѣ, было Высочайше утверждено. Во 2-хъ, должность штабъ-доктора резервовъ армейской пѣхоты я взялъ потому, что зналъ уже, что буду военно-медицинскимъ инспекторомъ и такъ какъ резервы наши соотвѣтствовали составу арміи, то я хотѣлъ лично удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится въ нихъ медицинская часть. Въ 3-хъ, въ должности штабъ-доктора я, Яновскій, пробылъ всего три года, т. е. съ 1861 по 1864 годъ, слѣдовательно въ столь короткій срокъ вдругъ всосать въ себя всю горечь рутины не могъ. Яновскій, тотчасъ же по вступленіи въ должность, выговорилъ себѣ личный докладъ у начальника резервовъ, что и дѣлалъ до назначенія его военно-медицинскимъ инспекторомъ. Наконецъ, какъ теперь помню, когда въ Военномъ Министерствѣ разработывался вопросъ объ обязанностяхъ начальника штаба въ военное время, то генералъ Ѳфросимовъ получилъ отъ военнаго министра просьбу сдѣлать на статью новаго положенія свои замѣчанія. Положеніе это начальникомъ резервовъ передано было мнѣ, и когда я представилъ мои соображенія и замѣчанія, то его высокопревосходительство въ своемъ донесеніи не скрылъ отъ г. министра, что замѣчанія эти составилъ Яновскій, и я получилъ лично отъ графа Милютина за это благодарность.

Кромѣ всего изложеннаго я долженъ сказать еще слѣдующее. Какъ я могъ выслушивать какія-то разъясненія объ отношеніяхъ военно-медицинскаго инспектора къ начальнику штаба и указанія на несправедливость писанія сему послѣднему рапортовъ отъ молодого и неопытнаго батальоннаго врача, когда вотъ въ какихъ словахъ въ 1867 году главный военно-медицинскій инспекторъ Цыцуринъ, человѣкъ просвѣщенный и много сдѣлавшій хорошаго для военныхъ врачей, послѣ личной ревизіи Московскаго военно-медицинскаго управленія, написалъ на своей карточкѣ, присланной мнѣ изъ Петербурга: *„Многоуважаемому сотоварищу и одному изъ дѣятельнѣйшихъ моихъ сотрудниковъ по управленію военно-медицинскою частью С. Д. Яновскому на память совмѣстнаго служенія"*. А Цыцуринъ въ управленіи

былъ не Епохинъ и не Козловъ, дѣло разумѣлъ и хинной соли не заготовлялъ! Карточка эта и теперь у меня, и я ее могу предъявить во всякое время и кому угодно.

Всѣ мои награды получалъ я не по представленію даже командующаго войсками, а по представленію Главнаго Медицинскаго Управленія, и увѣдомленіе о томъ, что я пожалованъ Государемъ за службу орденомъ св. Анны 1-й степени я получилъ отъ военнаго министра телеграммой. Относительно того, будто г. Яновскій, изъ добровольнаго приниженія, согласился быть домашнимъ докторомъ у командующаго войсками, скажу не обинуясь, что это чистый вымыселъ. Яновскій никогда не былъ домашнимъ врачемъ ни у начальника резервовъ, у котораго домашнимъ врачемъ былъ г. Добряковъ, ни у командующаго войсками, котораго лечилъ докторъ Рѣзвовъ, а Яновскій изрѣдка приглашался какъ консультантъ, при сильномъ ожесточеніи подагры, которою страдалъ генералъ Гильденштуббе.

Врачи Самойло и В. И. Рудинскій были положительно образцовые по своимъ знаніямъ и усердію. Перваго изъ нихъ еще недавно, годъ или 1½ назадъ, мнѣ восхвалялъ до нельзя бывшій начальникъ дивизіи Шварценбергъ, у котораго г. Самойло былъ дивизіоннымъ докторомъ, и такимъ я его всегда зналъ. Г-нъ же Рудинскій извѣстенъ былъ и какъ отличный полковой врачъ, не щадившій себя во всякое время, даже и во время дождливаго лагеря, для блага солдатъ; въ тоже время онъ былъ отличный преподаватель въ фельдшерской школѣ, написавъ для нея курсъ анатоміи и искусства налагать повязки. Это былъ человѣкъ до крайности смирный и справедливый, а между тѣмъ что о немъ написалъ его строптивый и придирчивый товарищъ? Больно и очень больно читать подобное.

О Кижнерѣ скажу кратко: это былъ очень умный, скромный какъ могила и опытный письмоводитель, и такъ какъ онъ жилъ у меня на квартирѣ, а я дѣлъ не откладывалъ, то онъ приносилъ мнѣ каждый день еще запечатанную почту, которую я съ вѣдома всѣхъ членовъ управленія лично распечатывалъ и на каждой бумагѣ писалъ собственноручно резолюцію. Кижнеръ вносилъ это въ входящій журналъ и на другой день раздавалъ секретарямъ. Гдѣ же здѣсь что либо похожее на то, что Кижнеръ управлялъ и даже назначалъ на мѣста, а Яновскій только подмахивалъ и ругался?

С. Яновскій.

ПОПРАВКА.

Въ стихотвореніи Н. В. Шумахера о Москвѣ, въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, по недосмотру оказалась грубая ошибка послѣдняя строфа должна оканчиваться стихомъ: „Спасибо, матушка Москва!“ П. Б.

Къ столѣтію со дня 25 Іюня 1796 года. Императоръ Николай I, зиждитель Русской школы. Историческій очеркъ (До воцаренія.—Верховное управленіе государствомъ. — Общія мѣры по народному просвѣщенію.—Царственныя заботы о развитіи военно-учебныхъ заведеній). Съ тремя портретами (превосходно исполненными). Составилъ **М. С. Лалаевъ.** Спб. 1896. б. 8-ка. VI, 274 л. и 2 нен. стр. съ видомъ памятника Николаю Павловичу въ Петербургѣ.

Хвалебная, но очень толково написанная книга, проникнутая искреннимъ чувствомъ почитанія къ покойному Государю, про котораго А. С. Хомяковъ писалъ: „Его ошибки были въ понятіяхъ и въ ложно прилагаемой системѣ; но онъ былъ честный труженикъ".

Русскій біографическій словарь. Томъ I. Ааронъ—Александръ II-й. Изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Половцова. Спб. бол. 8-ка 4 нен. 892 л. и 2 нен. стр. въ 2 столбца. Этотъ огромный томъ почти весь занятъ біографіями императоровъ Александра Павловича (соч. Н. К. Шильдера) и Александра Николаевича (соч. С. П. Татищева)

Пожелаемъ успѣха этому величавому предпріятію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціей К. Я. Грота. Томъ второй, Спб. 1896. бол. 8 ка. 2 нен., 966 л. и 2 нен. стр. Съ примѣчаніями. Переписка идетъ съ 1843 по 1846 годъ включительно. Цѣна 3 р.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова книга десятая. Спб. 1896. 8 ка, XV и 583 стр. Цѣна 2 р. 50 к. Жизнь Погодина и сопровождавшія ее общія событія изложены въ этой книгѣ за годы 1848 и 1849-й. Изданіе потомственнаго почетнаго гражданина Александра Николаевича Мамонтова.

Опись старинныхъ вещей собранія П. И. Щукина, составленная П. И. Щукинымъ и Е. В. Федоровой. Часть вторая съ 16 фототипіями. М. 1896. въ 4-ку, 2 нен. 256 и 2 нен. стр.

Поступки и забавы императора Петра Великаго. Записки современника (солдата Никиты Ивановича Кашина). Спб. 1895. бол. 8-ка. 22 стр. Это СХ-й выпускъ „Памятниковъ древней письменности". Сообщено В. В. Майковымъ и напечатано съ соблюденіемъ правописанія подлинника, что, по нашему мнѣнію, при изданіи подобнаго рода произведеній, совершенно излишне и только затрудняетъ понапрасну чтеніе.

Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изд. 2 е. Томъ 2-й. Съ двумя портретами Онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1896. 8-ка. III и 710 стр. Цѣна 2 р.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1881**, 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ 34-Й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива" въ Москвѣ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать, по уменьшенной цѣнѣ, 26 книгъ этого историческаго изданія.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

I. Личныя бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, княгини Іоанны Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарди. Мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи. Переписка съ гр. Санти. Арестъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма Л. М. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады графа Воронцова за 1758 годъ. Записка гр. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1744). Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложены портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

IX. Письма графа С. Р. Воронцова къ брату. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату и разнымъ лицамъ. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. Со снимкомъ.

ИЗЪ БУМАГЪ И ПЕРЕПИСКИ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА *).

Въ царствованіе Павла Петровича.

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ родился 28 Іюня 1751 года, въ царствованіе Елисаветы Петровны, у которой особенною милостью пользовалась мать его графиня Варвара Алексѣевна, дочь государственнаго канцлера князя А. М. Черкасскаго. Семи лѣтъ отъ роду онъ лишился старшаго своего брата графа Порфирія (р. въ 1746 г.). Ему было 16 лѣтъ, когда скончалась его мать, а черезъ полгода погибла сестра его, красавица графиня Анна Петровна, невѣста графа Н. И. Панина, бывшая на семь лѣтъ его старше. Ему осталась младшая сестра графиня Варвара Петровна (род. 1759), впослѣдствіи графиня Разумовская, которая и по возрасту, и по способностямъ своимъ не была ему подъ стать. Отрочество и молодость его протекли подъ властью отца его оберъ-камергера гр. Петра Борисовича, дѣятельнаго домохозяина, который наблюдалъ строгій порядокъ въ обстановкѣ и дѣлахъ и пріумножалъ свое состояніе. Крѣпкимъ здоровьемъ графъ Николай Петровичъ не отличался, и товарищъ его по Лейденскому университету и Парижской жизни, князь А. Б. Куракинъ не разъ говоритъ про его болѣзненность (см. „Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина“, т. VI). Въ Петербургѣ Шереметевскій домъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго дворца Великаго Князя Михаила Николаевича, т. е. въ самой близости отъ Зимняго дворца, и графъ Николай Петровичъ съ дѣтства своего посѣщалъ Цесаревича Павла, который былъ на три года моложе его лѣтами и который, какъ видно по Дневнику Порошина, очень любилъ его. Ребенкомъ записанъ онъ былъ въ Преображенскій полкъ, но никогда не былъ воиномъ и на славнаго дѣда своего фельдмаршала походилъ лишь душевнымъ благородствомъ и живымъ благочестіемъ. Можетъ быть, раннія сердечныя утраты, при некрѣпкомъ тѣлесномъ сложеніи, вызвали въ немъ нѣкоторую мечтательность. Онъ получилъ отличное образованіе. Музыка и сценическое искусство не были для него барскою забавою. Ему было уже 37 лѣтъ, когда скончался отецъ его (30 Ноября 1788), и онъ сталъ первымъ богачомъ въ Россіи. Въ теченія восьми лѣтъ затѣмъ служилъ онъ сенаторомъ въ Москвѣ. Воцареніе Павла Петровича перенесло этого искренняго друга Музъ и мирныхъ удовольствій въ водоворотъ придворной жизни. Государь назначилъ его своимъ

*) См. выше, стр. 189.

оберъ-гофмаршаломъ, т. е. по нынѣшнему министромъ двора. Можно судить, какъ, при тогдашнихъ быстрыхъ перемѣнахъ, коронаціи и путешествіяхъ Павла Петровича по Россіи, трудна была эта должность, въ особенности для человѣка, не знавшаго дотолѣ мелочныхъ заботъ и недовольно опытнаго въ житейскихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе онъ пробылъ оберъ-гофмаршаломъ около двухъ лѣтъ. Тутъ возникли у него новыя отношенія, выразившіяся между прочимъ въ нижеслѣдующей перепискѣ, которая сохранилась у роднаго его внука графа С. Д. Шереметева. П. Б.

Къ неизвѣстному лицу.

25 Декабря 1796.

Милостивый государь мой Иванъ Романовичъ.

Для стола Его Императорскаго Величества присылаемы были Архангело-городскіе барашки и поеные молокомъ телята, то вслѣдствіе высочайшей воли Его Императорскаго Величества прошу васъ всепокорнѣйше, милостивый государь мой, приказать отыскать въ непродолжительномъ времени какъ хорошихъ молодыхъ барашковъ, такъ и поеныхъ телятъ, не болѣе числомъ досел̂ѣ присылаемаго количества ко двору, дабы не сдѣлать ощутительнаго казнѣ симъ приказомъ убытка противу прошедшихъ временъ. Все сіе предоставляю попеченію вашего превосходительства. Графъ Ш.

Къ графамъ Тизенгаузену и Віельгорскому.

1 Генваря 1797.

Милостивые государи мои графъ Иванъ Андреевичъ и графъ Юрій Михайловичъ.

По вчерашнему моему отзыву, изъявляя мое согласіе, прошу васъ всепокорнѣйше войтить въ распоряженіе высочайше конфирмованнаго штата. Я увѣренъ, что мысль ваша на положеніе онаго будетъ согласна, сообразно теченію дѣлъ и конфирмированному штату. Я, конечно, не преминулъ бы и самъ въ семъ случаѣ раздѣлить вашъ трудъ, если бы не болѣзнь, мучившая меня, тому была причиною. Надѣюсь также, что не оставите меня вашимъ увѣдомленіемъ. Пребываю впрочемъ съ моимъ почтеніемъ. Гр. Ш.

Къ Кутайсову.

2 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Павловичъ.

Радъ бы душевно сдѣлать для васъ сіе, чтобы помѣстить означеннаго Фирсова на просимое имъ мѣсто; но такъ какъ по высочайше конфирмованному штату положенъ всего одинъ секретарь, который уже и опредѣленъ; а между тѣмъ гр. Віельгорскій испросилъ высочай-

шее повелѣніе помѣстить и другаго. Если можетъ онъ выбрать какое либо иное мѣсто, я душевно радъ просить объ немъ и жалѣю очень, что не могу вамъ въ семъ случаѣ выполнить вашей просьбы, пребывая впрочемъ съ моимъ почтеніемъ. Гр. Ш.

Приказъ.

5 Генваря 1797.

По случаю десятидневной моей болѣзни и по неизвѣстности моего выѣзда имѣютъ придворной конторы секретари присылать ко мнѣ черезъ дневальныхъ конюховъ или кого нибудь другаго запечатанныя въ пакетъ о всемъ производимомъ по оной дѣламъ свѣдѣнія и дѣла, слѣдующія къ моему подписанію, дабы я могъ видѣть теченіе дѣлъ; самимъ же секретарямъ кромѣ дѣлъ, требующихъ объясненія, ко мнѣ не ѣздить, дабы чрезъ то не могли терять времени въ производствѣ дѣлъ. О поданной же запискѣ ст. сов. Головцынымъ съ приложеніемъ вѣдомостей по 15 должностямъ, я надѣюсь, что уже о семъ сдѣлано подлежащее разсмотрѣніе, почему и доставить ко мнѣ свѣдѣніе, какъ о сей суммѣ 825.957 р. 25$^3/_4$ к., которая числится остаточною въ закупленныхъ матеріалахъ, такъ и по мучной поставкѣ за 1795 годъ.

О переданныхъ 65.955 р. я думаю, что (надо) имѣть въ виду о сей передачѣ положеніе, о чемъ и дать мнѣ свѣдѣніе, также и о томъ, что учиненъ ли разсчетъ съ нимъ Карповымъ за прошлый 1796-й годъ, и нѣтъ ли передачи еще. О всемъ томъ и многомъ меня увѣдомить секретарю въ непродолжительномъ времени. Гр. Ш.

Къ графу Безбородкѣ.

7 Генваря 1797.

Милостивый государь графъ Александръ Андреевичъ.

Вслѣдствіе отношенія моего къ в. с. отъ 4-го числа сего мѣсяца касательно высочайшаго путешествія Его Императорскаго Величества въ Москву, будучи понуждаемъ со всѣхъ сторонъ требованіемъ нужныхъ свѣдѣній каждому по своей части, болѣе тѣмъ, что Его И. В. указать мнѣ соизволилъ отнестись о семъ къ в. с., дабы получить отъ васъ обстоятельное свѣдѣніе, то сіе самое ихъ и увѣряетъ, что яко бы я уже имѣю на сіе отзывъ отъ в. с.; въ разсужденіи чего и прошу васъ всепокорнѣйше, м. г., не оставить своимъ благосклоннымъ о семъ извѣщеніемъ. Гр. Ш.

*

7 Генваря 1797.

Его Императорское Величество всемилостивѣйше указать соизволилъ, чтобы по особенной его высочайшей къ его превосходительству господину Аракчееву милости, а не по штату и не по состоящей его

должности, опредѣлить столъ, какъ ему, такъ и его адъютантамъ 8-ми человѣкамъ противъ стола, положеннаго для офицеровъ въ штатѣ 1786 года. И сей Его И. В. указъ къ надлежащему исполненію придворной Конторѣ объявляю.

Подписалъ: графъ Віельгорскій.

Къ Ростопчину.

10 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Ѳедоръ Васильевичъ.

Письмо в. пр-ва я имѣлъ честь получить, въ коемъ вы изволите прописывать приказаніе Государя Императора вамъ о наборѣ въ егери 30 человѣкъ, и дабы я позволилъ в. пр-ву взять двухъ истопниковъ по ихъ желанію, коихъ я съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ согласенъ отпустить. Пребываю и проч. Гр. Ш.

Къ Аракчееву.

14 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Алексѣй Андреевичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ отправить курьеромъ по комиссіи въ Берлинъ и Лейпцигъ фельдъегеря Евстафія Штоса, которому нужно дать подорожную до тѣхъ мѣстъ. Гр. Ш.

*

Генваря 23 дня 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобы изъ числа положенныхъ по штату 12 гусаръ было только 8, а остальные 4 гайдуками. Каковый высочайшій указъ Придворной Конторѣ и объявляю къ исполненію. Гр. Ш.

Къ графу Румянцову.

31 Генваря 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, начертавъ собственною Его Величества рукою въ подносимыхъ отъ меня докладахъ касательно назначенія въ Придворную Контору суммъ по разнымъ статьямъ, не положеннымъ въ штатъ, въ томъ числѣ и о 150.000 рубл. на платежъ за поставку водокъ, медовъ и прочихъ ординарныхъ питей, отнестись о семъ къ в. с., также и о столахъ по прилагаемому при семъ реестру, кои Его Величество сверхъ штата указать соизволилъ производить, съ прибавленіемъ противъ штата 3-го класса получающимъ столы на каждую персону по 2 рубли, дабы в. с. на всю сумму объ отпускѣ оной изъ суммы, положенной на содержаніе двора, въ Придворную Контору, изволили бы поднести

указъ къ подписанію Его В., равно и о сдѣланіи примѣрнаго штата ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ княжнамъ съ назначеніемъ людей и ихъ содержанія, соображаясь со штатами дочери царствующаго, когда возмужаетъ и принца крови, полагая все на нихъ содержаніе изъ суммы же, положенной на содержаніе двора, до совершеннолѣтія ихъ высочествъ назначить число людей изъ онаго штата только нужное по теперешнимъ обстоятельствамъ, каковое высокомонаршее повелѣніе сообщая в. с., честь имѣю пребыть и пр. Гр. Ш.

Къ нему же.

31 Генваря 1797.

По высочайше конфирмованному штату положено отпускать по вѣдѣнію оберъ-гофмаршала на расходы по камерцалмейстерскому 60.000 р. въ годъ; а какъ теперь, по случаю (переѣзда) высочайшаго двора въ Москву, многія вещи заказаны и требуютъ заплаты денегъ, то и прошу покорно в. с. объ отпускѣ на сію треть 20.000 р. подъ росписку комиссара Дудина, дать повелѣніе придворной канцеляріи и когда назначите сей отпускъ суммы, то надѣюсь, что не оставите извѣщеніемъ меня, равно и о 25.000 р., назначенныхъ для вояжу Московскаго, которые намъ теперь крайне нужны на разныя мелочныя отправленія и другія надобности, отпускомъ коихъ премного одолжить изволите. Гр. Ш.

Къ нему же.

Генварь 1797.

Государынѣ Императрицѣ угодно, чтобы сдѣланъ былъ медъ бѣлый лимонный сахарный для питья, такой точно, каковой при покойной Государынѣ былъ сдѣланъ единожды и апробованъ ею.

Къ графу Зубову.

Генварь 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

По волѣ Его Императорскаго Величества сообщилъ ко мнѣ господинъ Сартій, что потребны для 14 человѣкъ трубачей и одного литаврщика конскіе уборы, сѣдла и пр., также то, чтобъ обучить ихъ верхомъ, поелику они назначены въ церемоніалѣ верхомъ ѣхать, вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше в. с. приказать означеннымъ трубачамъ сдѣлать конскіе уборы со всею принадлежностью, такъ и обучать ихъ верхомъ ѣздить, для чего и можете ихъ истребовать отъ господина Сартія.

Къ Данаурову.

Генварь 1797.

Милостивый государь мой Михаилъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество указать мнѣ соизволилъ отнестись къ в. пр-ву объ отпускѣ 16.000 рубл. изъ Кабинета на раздачу изъ экстраординарной военнымъ чинамъ, которымъ производились изъ конторы порціи, денежной, винной, годовой, по неположенію оной въ штатъ, дабы в. пр-во о семъ поднесли указъ къ подписанію Его Величества.

*

1 Февраля 1797 графъ Николай Петровичъ сообщаетъ въ Москву:

«По всемилостивѣйшему Его Императорскаго Величества благоизволенію возложенъ на меня орденъ св. Апостола Первозваннаго».

Т. В. Шлыкова*) разсказывала подробности этого пожалованія, со словъ графа. По окончаніи доклада, когда графъ удалялся изъ царскаго кабинета и повернулся къ двери, Государь неожиданно догналъ его и перекинулъ ему черезъ плечо Андреевскую ленту.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Повелѣваемъ по вѣдѣнію нашего оберъ-гофмаршала на положенныхъ сверхъ штата при нашихъ камеръ-фрейлинѣ Протасовой и фрейлинѣ Нелидовой придворныхъ служителей, камеръ-лакеевъ 2, лакеевъ 6, истопниковъ 8, да въ дополненіе штата по двору нашему 8 помощниковъ мундшенскихъ, 12 камердинерскихъ, 4 конфетныхъ подмастерьевъ и 8 учениковъ, отпускать ежегодно имъ жалованье денежное и хлѣбное, также и ливерею противу штата; да сверхъ того, на жалованье по прачешной и другимъ должностяхъ разнымъ служителямъ и служительницамъ по 6524 р. 65 к. изъ суммы трехъ милліоновъ, положенныхъ на содержаніе двора нашего. На подлинномъ: Павелъ.

Въ Спб. Февраля 1 дня 1797.

Къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову.

8 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество высочайшимъ указомъ соизволилъ, чтобъ, во время высочайшаго отсутствія двора въ Москву, камергеры двора ея высочества государыни великой княжны Александры Павловны имѣли отправиться въ свитѣ при ней.

---

*) О ней, см. „Русскій Архивъ" 1889, I, стр. 506.

Къ князю Гагарину.

8 Февраля 1797.

Милостивый государь мой князь Сергѣй Сергѣевичъ.

Для будущаго высочайшаго Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ высочествъ присутствія отправляется туда для ученія предварительныхъ по своей части распоряженій гофъ-фурьеръ Антонъ Граве съ командою, которому приказано явиться съ симъ письмомъ къ в. с., и прошу не оставить его зависящими отъ вашей стороны во всемъ пособіями, дабы въ порученномъ ему дѣлѣ не могло произойти какой остановки.

Къ графу Зубову.

10 Февраля 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

Потребны фуры и коляски для отправленія нѣкоторыхъ вещей въ городъ Павловскъ, коихъ везти туда въ саняхъ нельзя, вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше в. с., по требованію вручителя сего господина камеръ-цалмейстера Кутузова, приказать потребное число отпустить, чѣмъ одолжить изволите.

Февраля 12 дня 1797.

Государь Императоръ изволилъ приказать, дабы находящіеся при дворцѣ при сервизной военные служители были обмундированы темнозелеными сертуками съ красными воротниками и имѣли бы черные штиблеты суконные.

Подп.: генералъ-маіоръ и кавалеръ Аракчеевъ.

Рескриптъ императора Павла графу Румянцову.

Спб. Февраля 14 дня 1797.

Графъ Николай Петровичъ.

Прилагая при семъ списки, поднесенные намъ отъ оберъ-гофмаршала графа Шереметева о разныхъ чинахъ и служителяхъ, состоящихъ при дворцахъ и придворныхъ церквахъ, кои получали содержаніе отъ Придворной Конторы, а съ состояніемъ оной конторы стата въ оной не вошли, повелѣваемъ слѣдующую по тѣмъ статьямъ сумму, всего въ годъ по 74.719 р. 89¼ коп., равно какъ провіантъ и мундиры, сколько того и другаго по онымъ спискамъ куда означено, съ нынѣшняго 1797 года впредъ до указу, пока о всѣхъ тѣхъ чинахъ и мѣстахъ распредѣленіе учинено будетъ, отпускать изъ придворной канцеляріи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ: Павелъ.

При высочайшемъ семъ указѣ отмѣчается: гардеробмейстеру Кутайсову жалованья 1.500 р., г-ну Бартнянскому столовыхъ 1.000 р., 4 парикмахерамъ жалованья 1.600 р.

Къ Данаурову.

16 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Михаилъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ истребовать отъ Кабинета: во что̀ обошлась богатая статсъ-ливрея, сдѣланная для всего двора въ 1792 году, вообще и порознь по званіямъ на каждаго человѣка, для донесенія Его Величеству завтрашній день, о чемъ сообщаю высокомонаршее повелѣніе.

*

15 Февраля 1797 г. Н. П. пишетъ въ Москву и торопитъ приготовленіями въ Останкинскомъ домѣ. «На Святой недѣлѣ должно все поспѣть; я думаю дней черезъ пять отсюда отправиться; жаль, когда не поспѣешь и тѣмъ помѣшаешь мнѣ принять дорогаго гостя, который третьяго дня былъ у меня отмѣнно милостивъ и очень веселъ, слушалъ концертъ и очень хвалилъ и Парашѣ пожаловалъ перстень. Однимъ словомъ сказать, что милости его неисчетныя».

Прасковья Ивановна Ковалевская съ семилѣтняго возраста воспитывалась въ домѣ графа Петра Борисовича Шереметева подъ руководствомъ княгини Марѳы Михайловны Долгоруковой. О ея жизни и о своемъ бракѣ съ нею Николай Петровичъ говоритъ въ завѣщательномъ письмѣ къ сыну своему графу Дмитрію Николаевичу, преисполненномъ высокаго христіанскаго чувства и глубоко-умилительномъ.

Придворной Конторѣ.

Февраля 17 дня 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобы въ первую и страстную недѣли Великаго поста при высочайшемъ Его Величества дворѣ ни для кого отпуску мясныхъ припасовъ не было.

И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявляю ко исполненію. Графъ Шереметевъ.

Къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову.

17 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

По волѣ Его Императорскаго Величества опредѣлены въ пажи трое по фамиліи Мацкевичи, коимъ не даютъ мѣста въ корпусѣ жить; но какъ о семъ проситъ меня генералъ-маіоръ Аракчеевъ, дабы они были помѣщены, вслѣдствіе чего покорно прошу в. высокопр-во сдѣлать мнѣ въ одолженіе означенныхъ пажей приказать помѣстить.

Къ А. Ю. Нелединскому-Мелецкому *).

17 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Александръ Юрьевичъ.

Я имѣлъ счастіе сегодняшній день поднести Его Императорскому Величеству указъ для подписанія касательно произвожденія получаемаго вами пансіона по неположенной суммѣ въ Придворной Конторѣ изъ остаточнаго казначейства, каковой высочайшій указъ и препровожденъ къ А. И. Васильеву. Я душевно радуюсь, что Его Величество оный такъ охотно подписалъ.

Къ графу Салтыкову.

18 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Николай Ивановичъ.

За письмо в. с. отъ 16-го Ноября и за поздравленія меня съ монаршею милостію, принеся мою покорнѣйшую благодарность, имѣю честь увѣдомить васъ, что я на сихъ дняхъ удостоился получить и другую отъ Государя милость, т. е. орденъ св. Андрея, а въ прошедшую Субботу имѣлъ счастіе принять у себя въ домѣ Его Императорское Величество со всею императорской фамиліею. Гр. Ш.

Приказъ изъ Придворной Конторы.

По случаю высочайшаго изъ С.-Петербурга въ Москву шествія отправиться вамъ и съ вами и ученику Василью Иванову въ Петербургъ и въ Москву, куда въ проѣздъ всѣ состоящіе по Московскому тракту дворцы и при нихъ должности осмотрѣть въ наилучшемъ порядкѣ, и если въ чемъ либо окажется недостатокъ и нужно поправить, починить или вновь сдѣлать, требовать отъ опредѣленныхъ надъ тѣми дворцами начальниковъ и контору немедленно увѣдомлять; осмотря въ дворцахъ или гдѣ высочайшее въ пути пребываніе будетъ, вамъ, вплоть до самой Москвы, и по пріѣздѣ явиться къ управляющему гофъ-штабъ-квартирмейстерской должности камеръ-фурьеру г-ну Волкодаву или на дорогѣ къ г-ну оберъ-гофмаршалу и о всемъ нужномъ донести, и потомъ, ни мало мѣшкавъ, отправиться обратно съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ; а на съѣздъ въ Москву и обратно до С.-Петербурга вамъ отъ придворнаго казначейства прогоновъ 93 р. 36 к. Графъ Шереметевъ. Секретарь Николай Смирновъ. № 659.

Февраля 1797.

---

*) Отцу стихотворца. П. Б.

Рескрипты къ графу Румянцову.

Спб., 20 Февраля 1797.

Графъ Николай Петровичъ.

Разсмотрѣвъ поднесенный намъ отъ васъ списокъ ливрейныхъ служителей тѣхъ, кои остались излишними по новому штату нашего двора, повелѣваемъ оставить изъ нихъ при комнатахъ: камеръ-лакеевъ двухъ, лакеевъ 17 и истопниковъ 35 тѣхъ, кои по усмотрѣнію вашему найдутся достойными оставлены быть при дворѣ нашемъ, производя имъ денежное и хлѣбное жалованье, такъ какъ и ливерею, изъ суммы, опредѣленной на содержаніе двора нашего; съ прочими же затѣмъ остающимися поступить на основаніи указа, даннаго отъ насъ государственному казначею Васильеву Генваря 14 дня сего года. На подлинномъ: Павелъ.

20 Февраля 1797.

Графъ Николай Петровичъ!

Для удобнѣйшаго управленія по должности камеръ-цалмейстерской, въ вѣдѣніе ваше поступившей, прибавя нѣкоторыхъ нужныхъ для нея людей и сочиня онымъ штатъ, при семъ препровождаемъ его для пріобщенія къ общему двора нашего штату; а при томъ повелѣваемъ:

Первое. Всѣ хранящіеся нынѣ въ казенныхъ по камеръ-цалмейстерской должности кладовыхъ гардеробы государей императоровъ и другихъ особъ, также серебро и разныя рѣдкости, разобравъ по сортамъ, представить намъ, дабы можно было отдать подъ сохраненіе въ тѣ мѣста, до которыхъ они принадлежатъ.

Второе. Исправленіе мебелей и храненіе оныхъ по дворамъ любезныхъ нашихъ дѣтей великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича предоставить на попеченіе ихъ гофмаршаловъ и изъ тѣхъ самыхъ суммъ, которыя опредѣлено отпускать для содержанія оныхъ дворовъ, не заимствуя болѣе суммы, въ вѣдѣніе ваше отпускаемой.

Третіе. Всѣ мебели и вещи, по загороднымъ дворцамъ находящіяся, отдать подъ присмотръ капитановъ замковъ и ихъ болѣе камеръ-цалмейстерской должности подъ своимъ присмотромъ не имѣть.

На подлинномъ: Павелъ.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Февраля 20-го дня 1797.

Находящимся при любезныхъ нашихъ дочеряхъ великихъ княжнахъ Александрѣ Павловнѣ, Маріи Павловнѣ и Екатеринѣ Павловнѣ

двумъ Швейцаркамъ, мадамѣ Ротъ и мамзелѣ Менцеллѣ, да дѣвицѣ Алединской, которыя по новому штату двора нашего не вошли въ штатное положеніе и не получаютъ отпущаемыхъ прочимъ на приборы и свѣчи деньги, повелѣваемъ отпускать каждой по 60 р. въ мѣсяцъ изъ суммы, опредѣленной на содержаніе двора нашего. На подлинномъ: Павелъ.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Февраля 20-го дня 1797. Спб.

Опредѣляя учредить при главномъ нашемъ домѣ особую пожарную команду, повелѣваемъ въ оной быть одному интенданту въ чинѣ коллежскаго ассесора и двумъ его помощникамъ въ чинѣ провинціальныхъ секретарей, да урядникамъ 8 и пожарнымъ 122 человѣкамъ, назначая на содержаніе ихъ въ годъ по исчисленію намъ представленному по 6.300 р. изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе двора нашего, ради чего всѣхъ присланныхъ для сей надобности отъ коменданта здѣшней крѣпости генералъ-лейтенанта Вязмитинова чиновъ переименовать ихъ сими чинами, которымъ впредъ и произвожденіе имѣть по гражданской службѣ. На подлинномъ: Павелъ.

*

Въ С.-Петербургѣ, Февраля 22 дня 1797.

Гардеробъ-мейстеръ Кутайсовъ представляетъ на положенное по штату мѣсто секретаря при комнатѣ по вѣдомству его находящагося при казенномъ гардеробѣ титулярнаго совѣтника Дружинина. А какъ оный отправляетъ уже сію должность съ Декабря прошлаго 1796 года, то проситъ объ опредѣленіи ему по штату положеннаго жалованья съ 1-го Генваря сего года. На подлинномъ: Павелъ.

Нашему Кабинету.

На украшенія нѣкоторыхъ комнатъ въ главномъ нашемъ домѣ, препорученныя надзиранію нашего оберъ-гофмаршала, повелѣваемъ отпустить помянутому оберъ-гофмаршалу на первый случай 12.000 рублей изъ суммы Кабинета нашего. На подлинномъ: Павелъ.

22-го Февраля 1797.

Указъ А. И. Васильеву.

Алексѣй Ивановичъ. По случаю отсутствія нашего въ престольный градъ Москву къ отпущеннымъ въ придворную канцелярію по вѣдѣнію нашего оберъ-гофмаршала 25.000 рублей повелѣваемъ отпустить еще 5.000 рублей въ распоряженіе его же изъ суммы, принадлежащей остаточному казначейству. На подлинномъ: Павелъ.

*

Передъ самымъ отъѣздомъ на коронацію изъ Петербурга въ Москву, 28 Февраля 1797 года, записано графомъ Н. П. Шереметевымъ такое распоряженіе императора Павла:

«Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ находящуюся при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ кормилицу отмѣнить и отъ двора уволить*), а остальнымъ при Его Высочествѣ, одной Англичанкѣ и одной камермедхенъ, на содержаніе за столъ довольствоваться: первой по 4, а послѣдней по 3 рубля каждый день».

Подписалъ графъ Тизенгаузенъ.

Придворной канцеляріи.

Находя нужными нѣкоторыя измѣненія въ издержкахъ по двору нашему столовыхъ припасовъ, питей и прочаго въ разсужденіи нашего здѣсь пребыванія, позволяемъ оберъ-гофмаршалу графу Шереметеву дѣлать поверхъ нарядовъ и при окончаніи года тому оберъгофмаршалу, сдѣлавъ исчисленіе о всѣхъ издержкахъ, представить намъ, какою суммою дворъ навсегда довольствованъ быть можетъ.

На подлинномъ: Павелъ.

Въ Москвѣ Апрѣля 3 дня 1797.

Домовой моей канцеляріи.

На сихъ дняхъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Москву княгиня Елена Никитична Вяземская, которая остановится въ Талицкомъ домѣ моемъ, почему и предписываю оной для нея приготовить заблаговременно, также если когда вздумаетъ поѣхать въ Кусково или Останкино—допущать и доставлять по временамъ пристойное число фруктовъ, стараясь при томъ во всемъ нужномъ дѣлать всякое вспомоществованіе и угодное ей. Гр. Н. Ш.

23 Апрѣля 1797.

*

Іюня 2-го дня 1797. Павловскъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобъ на всемъ высочайшемъ столѣ была посуда стеклянная, позолоченная, а другой совсѣмъ бы не было. И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявленъ ко исполненію. Графъ Віельгорскій.

*

Іюня 4-го дня 1797, въ Павловскомъ.

Какъ сего Іюня 3-го дня вѣдомства Придворной Конторы кихеншрейберъ Алексѣй Самсоновъ при въѣздѣ въ городъ Павловскъ, на за-

---

*) Стало быть, Николай Павловичъ кормился грудью только 8 мѣсяцевъ. П. Б.

ставѣ, при спросѣ: что̀ онъ за человѣкъ? объявилъ, что онъ поручикъ, Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобъ отнынѣ впредъ никогда придворные чины себя такъ не именовали и не сказывали бы, а объявляли всегда тотъ чинъ, какимъ кто при высочайшемъ дворѣ служитъ, о чемъ всѣмъ имъ и объявить. Графъ Віельгорскій.

Къ И. И. Шувалову.

5 Іюля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

По дружескому ко мнѣ расположенію вашему, будучи увѣренъ въ томъ участіи, которое принимаете вы во всемъ, что̀ до меня касается, а при томъ и за новость посылаю къ в. пр-ву копію съ имяннаго Его Императорскаго Величества указа, который удостоился я на сей день получить, исполняя съ истиннымъ усердіемъ службу мою и стараясь во всей силѣ и по возможности моей дѣлать угодное Его Императорскому Величеству. В. пр-во посудить можете, сколь дорого для меня таковое благоволеніе монаршее. Гр. Ш.

Къ князю Долгорукову *).

9 Іюля 1797.

Милостивый государь князь Иванъ Алексѣевичъ.

За скорымъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы не успѣлъ я проститься съ вами; а притомъ вы знаете, что я всегда убѣгаю прощанья съ такими людьми, которыхъ люблю душевно, дабы избавиться той непріятности, которая при всякомъ разставаніи съ обѣихъ сторонъ встрѣчается. Я, будучи увѣренъ въ принимаемомъ участіи при всякомъ случаѣ что́ до меня принадлежитъ, посылаю вамъ за новость копію съ высочайшаго благоволенія, которое удостоился я на сихъ дняхъ получить, надѣяся, что и вы обще со мною сему порадуетесь. Гр. Ш.

Къ неизвѣстному лицу.

Monsieur le comte.

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre et je suis mortifié de vous avoir fait penser un instant comme quoi j'avais envie de vous priver d'un sujet qui vous convient et qui vous est nécessaire.

Pour ma justification je dois dire à votre excellence que Sa Majesté Impériale connaît Guéronant. De jour qu'il m'a honoré de sa présence, ce même homme y apprêtait le souper. Et une autre circonstance, qui m'a fait penser à cet homme, est que mon valet de chambre m'a assuré d'avoir entendu que Guéronant ne vous accompagnait pas.

---

*) Внуку графа Михаила Борисовича Шереметева.

Je me flatte que v. e. voudrez bien me rendre justice et d'être persuadé que, bien loin de désirer de vous procurer le moindre déplaisir, je suis toujours empressé à conserver votre amitié si précieuse pour moi.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus distinguée, monsieur le comte, de v. e. c. N. C.

18 Juillet 1797.

(Не къ кому ли нибудь изъ свиты Польскаго короля?)

Отъ Д. П. Трощинскаго.

Милостивѣйшій государь графъ Николай Петровичъ!

Я два раза уже имѣлъ честь лично просить ваше сіятельство о доставленіи мнѣ по высочайшему повелѣнію новаго придворнаго штата и свѣдѣнія на чтó именно употребляются отпущенные къ вамъ на гофъинтендантскую часть 41.388 рублей; но, не получа ни того ни другаго и опасаясь непріятности, когда дѣло настоять будетъ до вопроса, почему не исполнено высочайше данное мнѣ приказаніе, побужденъ еще разъ напомнить о томъ вашему сіятельству и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить вамъ волю Государя Императора, о которой я также лично объявлялъ вамъ, чтобъ отнынѣ впредъ штаты всѣмъ придворнымъ служителямъ содержаны были въ исправности и чтобы не было того, что при разсмотрѣніи сверхштатныхъ придворныхъ служителей, что въ спискѣ поданномъ отъ вашего сіятельства показанъ, между прочимъ, лакей Александръ Внуковъ, но его уже восемнадцать лѣтъ при дворѣ нѣтъ и о которомъ Е. И. В. повелѣлъ мнѣ истребовать отъ Придворной Конторы свѣдѣніе, кому выдавалось вмѣсто его жалованье и кто въ пріемѣ онаго расписывался, а ежели выдаваемо не было, то гдѣ оная сумма осталась, о чемъ и буду ожидать вашего увѣдомленія, пребывая впрочемъ и пр.

Дмитрій Трощинскій.

Петергофъ,
21-го Іюля 1797.

Придворной Конторѣ.

Гатчина, 25 Августа 1797.

Господинъ оберъ-гардеробмейстеръ 4-го класса Кутайсовъ объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ находящемуся при Его Величествѣ берейтеру Витту производить съ 21-го числа минувшаго Іюля мѣсяца на столъ по четыре рубли въ день, получая отъ придворной канцеляріи. И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявляю къ исполненію. Графъ Николай Шереметевъ.

На докладъ о производствѣ актерамъ столовыхъ денегъ послѣдовала высочайшая резолюція:

«Столовыхъ денегъ не давать, да и выданныя безъ высочайшаго повелѣнія и въ счеть казеннаго расхода не пріемлются, впредъ же запрещается подобные расходы дѣлать безъ докладу Его И. В.».

Въ Гатчинѣ,
Сентября 2 дня 1797.

Указъ нашей Придворной Конторѣ.

По прошенію находящагося двора нашего при пажахъ гофмейстеромъ маіора Шевалье-де-Вильнѳ, уволивъ его за старостію и болѣзнями отъ сей должности, повелѣваемъ быть гофмейстеромъ надъ пажами Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса поручику Литвинову съ жалованьемъ по штату положеннымъ, а дирекцію надъ пажами и корпусомъ имѣть генералъ-маіору отъ артиллеріи Шапошникову, который жалованье по чину его будетъ получать изъ нашего Кабинета.

На подлинномъ: Павелъ.

Въ Гатчинѣ, Сентября 13 дня 1797.

Къ неизвѣстному лицу.

17 Сентября 1797.

Милостивая государыня моя Анна Александровна.

Буду я въ готовности, во исполненіе воли монаршей, возвратиться опять въ Гатчину и помѣщаться въ тѣхъ покояхъ, отъ которыхъ уже немало потерпѣлъ по той причинѣ, что къ одной стѣнѣ пришли кухня и страшные очаги, горящіе почти день и ночь, нагрѣваютъ стѣну такъ сильно, что тотъ одинъ покой, въ которомъ я помѣщаюсь, столько всегда жарокъ, что нѣтъ способу въ немъ жить и здоровому человѣку, не только мнѣ, ослабѣвающему отъ сильнаго гемороидальнаго теченія, для коего и не столь сильный жаръ совершенно дѣлается вреднымъ. Представьте же къ тому и нынѣшнія холодныя ночи, при которыхъ не можно отворять окошекъ. Я, будучи увѣренъ въ дружественномъ расположеніи ко мнѣ в. пр—ва, ищу чрезъ васъ уже протекціи у Петра Христофоровича и надѣюсь, что вы, милостивая государыня моя, пожалѣете о здоровьи моемъ и испросите мнѣ какъ нибудь два или три покоя, хотя небольшіе, чтобы я могъ только избѣгнуть столь вреднаго для меня зною. Повѣрьте мнѣ, что не ищу лучшихъ покоевъ, но только такихъ, гдѣ бы могъ имѣть хоть малое убѣжище по моей болѣзни, чѣмъ чувствительно обяжете того, который съ совершенной благодарностью и искреннимъ почтеніемъ пребудетъ навсегда и пр.

P. S. Петру Христофоровичу свидѣтельствую мое почтеніе и васъ покорнѣйше прошу сдѣлать совершенное одолженіе въ приказаніи, перемѣнить мнѣ покои. Вы не только что обяжете меня благодарностью, но и спасете мое слабое здоровье и за то будете два вѣка жить, чего искренно желаю.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Препровождая при семъ въ оригиналѣ доклады, поданные намъ отъ дѣйств. тайн. сов. князя Юсупова, повелѣваемъ все потребное для содержанія Эрмитажа нашего въ порядкѣ и чистотѣ, равнымъ образомъ и все то, что̀ и прежде отпускалось для находящихся въ ономъ какъ людей, такъ птицъ и звѣрьевъ, отпускать и нынѣ изъ придворной нашей канцеляріи безостановочно, держа сему расходу, яко въ штатѣ не положенному, особливое исчисленіе, которое намъ по окончаніи каждаго года представить на усмотрѣніе. На подлинномъ: Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Сентября 29 дня 1797.

При семъ докладѣ списки звѣрьямъ, птицамъ и счисленіе сколько для иныхъ чего потребно.

Рескриптъ графу Віельгорскому.

Октября 4-го, въ Гатчинѣ (1797).

Господинъ гофмаршалъ графъ Віельгорскій.

Все то, что̀ по штату двора нашего и по особо даннымъ отъ насъ указамъ предписано въ должность оберъ-гофмаршала, по случаю болѣзни нынѣшняго оберъ-гофмаршала графа Шереметева и въ отсутствіи его, предоставляемъ исполнять вамъ, надѣясь, что вы во всемъ томъ, а наипаче въ сбереженіи казны нашей, должное радѣніе и попеченіе имѣть не упустите. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонный На подлинномъ: Павелъ.

Приказъ слугѣ.

18 Октября 1797.

Иванъ Чистой! Для убору въ Смольномъ монастырѣ уборнаго покоя отпусти подъ росписку г-на Герасимова матеріи бѣлой съ голубыми разводами такой, какою убранъ у меня въ Фонтанномъ домѣ гостинной покой; потребное число и сколько отпущено будетъ, меня увѣдомить. Гр. Николай Шереметевъ.

Придворной конторѣ.

Ноября 30-го дня 1797.

Господинъ оберъ-гардеробмейстеръ 4-го класса Кутайсовъ объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ фарфоровый Андреевскій сервизъ не мѣшать съ Андреевскимъ Гарднеровскимъ сервизомъ, сдѣланнымъ въ Москвѣ; а что̀ къ оному Саксонскому сервизу будетъ недоставать, то добавлять изъ луч-

шихъ сервизовъ. Каковой Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявляю къ исполненію. Графъ Николай Шереметевъ.

Отъ П. С. Валуева,

11 Декабря 1797.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

За приглашеніе къ обѣду, которымъ я надѣюсь пользоваться, всепокорнѣйше благодарю; а между тѣмъ напоминаю, что канунъ праздниковъ, и по сіе время повѣстки нѣтъ; того ради берегитесь, чтобъ не опоздать. Я затѣмъ не поѣхалъ въ Сенатъ, что ожидаю оную отъ васъ, дабы имѣть время сего утра разослать оную, куда слѣдуетъ. Ради Христа постарайтесь о томъ поскорѣе. Я пребываю съ должною преданностью и пр. Петръ Валуевъ.

Отъ князя П. В. Урусова.

Сіятельный графъ милостивый государь.

Приношу в. с. милостивому государю всенижайшую мою благодарность за присланную жизненную эссенцію, которую я получилъ 4-го числа сего мѣсяца; а тѣмъ паче чувствую в. с. ко мнѣ милость, что я оную получилъ, когда уже у меня послѣдняя склянка окончилась. Моя княгиня въ крайнемъ мученіи; вчерась у меня былъ консиліумъ, и доктора предписали ей продолжать оную эссенцію, а притомъ мѣшать въ оную капли, которыя они написали. Дней съ 10 назадъ былъ у меня вашъ управитель и сказывалъ, что изволите писать, чтобъ поискать сѣраго Датскаго жеребца для заводу, то я у многихъ охотниковъ спрашивалъ; но какъ оныя породы уже давно оставлены, и только к можно найти Датской породы у графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, тутъ только они ведутся, то не знаю, найдется ли въ продажу сѣрый. Объ ономъ я постараюсь узнать и увѣдомлю. Я видѣлъ во снѣ, что в. с. пріѣхали въ Москву. Дай Боже, чтобы оное случилось въ скоромъ времени на яву, чтобы въ моей горести единственная была отрада. Князь Петръ Урусовъ.

8 Апрѣля 1798.

Отъ графа В. А. Зубова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Подноситель сего прежде служившій при дворѣ Арапъ, коего желаніе есть оставить здѣшній городъ, почему и прошу ваше сіятельство снабдить его пашпортомъ. Такъ какъ сіе совершенно зависитъ отъ васъ, почему смѣю надѣяться, что для меня сего ему пособія сдѣлать не откажете. Пребуду навсегда и пр. Графъ Валеріанъ Зубовъ.

18 Апрѣля 1798.

Рескриптъ Государя.

Графъ Николай Петровичъ. Крайне пріемля участіе въ здоровьѣ вашемъ, ласкаюсь видѣть поправленіе онаго, а между тѣмъ, желая васъ сохранить при себѣ, прошу васъ и, считая на вашу ко мнѣ привязанность, несомнѣнно надѣюсь, что вы не откажетесь и въ тягость себѣ не поставите остаться при нынѣшнемъ вашемъ мѣстѣ, сдѣлавъ симъ и особливое мнѣ удовольствіе. Будьте увѣрены съ моей стороны о непремѣнномъ моемъ къ вамъ благоволеніи, съ которымъ пребуду вамъ доброжелательный Павелъ.

Въ Павловскѣ,
Апрѣля 24 дня 1798.

Во время постигшей графа Николая Петровича тяжкой болѣзни, его посѣщалъ императоръ Павелъ. Больной выдержалъ мучительную операцію. «Трудно описать», сообщалъ онъ сестрѣ своей, графинѣ Варварѣ Петровнѣ Разумовской, «или совсѣмъ невозможно: домъ былъ какъ внѣ себя, на людей жалко было глядѣть; рѣзали шесть разъ. На Бога надежда не бываетъ никогда тщетна, и при семъ мучительномъ случаѣ послано отъ Всевышняго утѣшеніе: ибо Государь оказать изволилъ великое въ болѣзни сей участіе, всякій день посылаетъ по два раза освѣдомляться и, наконецъ, сей день осчастливить изволилъ своимъ посѣщеніемъ; сидѣлъ у постели моей. Я хотя довольно слабъ, но благодарное мое сердце ничего не потеряло. Государь держалъ меня за руку, обнималъ, поздравляя съ благополучнымъ окончаніемъ, и я обливался радостными слезами. Государыня также очень о болѣзни сожалѣетъ и всякій день освѣдомляется».

О томъ же посѣщеніи онъ писалъ князю Лопухину. «Сегодня, сверхъ чаянія, удостоился я высокомонаршаго посѣщенія. Пока здоровье позволитъ самому повергнуть къ стопамъ его благодарнѣйшее сердце мое, усерднѣйше прошу изъяснить при случаѣ всю благодарность, которую ощущаютъ преискреннѣйшія чувства мои».

Въ другой разъ, во время болѣзни графа, когда прислуга сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, откуда вела дверь на черную лѣстницу, дверь эта, къ великому изумленію всѣхъ, тихонько отворилась, и изъ-за нея появилась голова императора Павла. Прислуга встрепенулась, но Государь пригрозилъ пальцемъ, чтобы не шумѣли и, освѣдомившись о положеніи больнаго, тотчасъ удалился. (Со словъ графа Д. Н. Шереметева и Т. В. Шлыковой).

Отъ княгини Репниной.

Князь Николай Васильевичъ поручилъ мнѣ доставить къ вашему сіятельству 50 бутылокъ сладкаго вина (vin de lunelle) для поднесенія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. Исполняя данное мнѣ порученіе, пребываю съ истиннымъ и должнымъ моимъ почтеніемъ вашего сіятельства покорная слуга княгиня Наталья Репнина.

23 Апрѣля 1798.

Къ Д. П. Трощинскому.

Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ.

Благосклоннѣйшее расположеніе в. пр. подаетъ мнѣ смѣлость ввѣрить еще дружественному свѣдѣнію вашему обстоятельства, которыя изъ прилагаемой здѣсь записки усмотрѣть изволите.

Прибавки сверхъ получаемыхъ денегъ отъ стола и прочія требованія по комнатамъ питей и приборовъ начались еще съ самаго того времени, когда въ прошломъ году графъ Віельгорскій неожиданнымъ образомъ вступился въ распоряженія моей части, ибо до того времени держался я точно штатнаго положенія и никакъ изъ него не выходилъ. Когда же послѣ вступилъ я опять въ правленіе должности, то, нашедъ тѣ излишки, не могъ уже оные пресѣчь, чрезъ чтó навлекъ бы я только совершенно на себя неудовольствіе всего двора; а чтó и болѣе рѣшило меня оставить сіе въ такомъ положеніи, то ощутительный опытъ: ибо, когда я не выходилъ за границы штата, то получилъ не только неудовольствіе всѣхъ, но и высочайшее замѣчаніе, несоотвѣтственное моему ожиданію, было мнѣ весьма ощутительно. Почему покорнѣйше прошу не оставить меня дружескимъ замѣчаніемъ вашимъ, чтó мнѣ въ таковыхъ обстоятельствахъ дѣлать: оставить ли какъ оное есть, или искать средства прекратить излишки и доводить въ прежнее положеніе? Я столько уже привыкъ чтить дружбу вашу, что основательнѣйшимъ правиломъ поставляю совѣтъ вашъ. Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію гр. Н. Ш.

Къ сему приложена записка «О нужныхъ къ замѣчанію частяхъ».

7 Мая 1798.

Отъ графини А. М. Матюшкиной.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Покорнѣйше прошу в. с. дать мнѣ свѣдѣніе, что какъ слѣдуетъ выдавать жалованья тѣмъ двумъ фрейлинамъ графинямъ Салтыковымъ, которыя въ Москвѣ, такъ же какъ и прежде сего, за всю треть года, или выдать имъ по разсчету по то самое число, по которое онѣ от-

пущены. И если имъ выдать по разсчету, то слѣдовательно на мѣсто ихъ, въ число двѣнадцати фрейлинъ, должны будутъ поступать старшія двѣ фрейлины. О чемъ и прошу в. с. взять на себя сей трудъ меня увѣдомить.

Ежели же я осмѣливаюсь трудить и безпокоить васъ моею просьбой, если вы не будете жить на своей дачѣ, то не отдадите ли мнѣ ее помѣсячно въ наймы, которую я бы охотно у васъ наняла, о чемъ такожъ покорно прошу в. с. меня увѣдомить. Впрочемъ пребуду в. с. милостиваго государя моего покорная услужница графиня Анна Матюшкина.

10 Мая 1798.

Отъ князя А. Б. Куракина.

Мая 11-го 1798 г.

Почитая всегда пріятнымъ исполнять желанія в. с., не оставилъ я приказать по письму вашему отъ 9-го Мая, которымъ ходатайствуете за игумена Устюжскаго Николаевскаго монастыря сдѣлать въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ выправку. Изъ приложенной у сего оной копіи усмотрите вы, что Коллегія ничего въ пользу его сдѣлать не можетъ, и долженъ онъ въ семъ случаѣ обратиться въ Св. Синодъ. Князь Александръ Куракинъ.

Къ митрополиту Платону.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь мой.

Находящаяся на Черкасскомъ моемъ огородѣ съ давняго времени деревянная церковь пришла уже въ совершенную ветхость, а при томъ бывшій при оной священникъ скончался, почему вся утварь, ризница и деньги находятся еще въ той церкви; а какъ между тѣмъ съ благословенія вашего высокопреосвященства строющаяся на томъ же мѣстѣ въ новозаводимомъ моемъ шпитальномъ корпусѣ церковь приходитъ уже къ окончанію, почему и осмѣливаюсь я трудить васъ, моего милостиваго архипастыря, всепокорнѣйшею просьбою приказать всю имѣющуюся въ томъ обвѣтшаломъ храмѣ утварь освидѣтельствовать и по описи препроводить въ сохраненіе дому моего приставниковъ или, по освидѣтельствованіи, запечатать въ томъ храмѣ. Когда же церковь будетъ совсѣмъ отдѣлана, дать благословеніе ваше на пренесеніе въ оную той утвари и ризницы въ дополненіе къ той, которую я отъ усердія своего содѣлаю, чѣмъ чувствительное мнѣ одолженіе явить изволите. Предая впрочемъ себя въ архипастырскія молитвы ваши, остаюсь съ искреннѣйшимъ почитаніемъ и совершенной преданностью.

Іюня 6-го дня 1798.

Отъ митрополита Платона

Сіятельнѣйшій графъ Николай Петровичъ, милостивый государь.

Относительно писанія вашего сіятельства я обѣщаюсь все ваше требованіе исполнить, только благоволите прислать формальное прошеніе, чтобы прежнюю приходскую Ксеніевскую церковь, яко ветхую, разобрать и перенести оную въ новостроющійся домъ съ оставленіемъ именоваться ей по прежнему приходскою и назначивъ пристойное содержаніе священнику съ двумя церковниками. Утварь же и ризницу описать и хранить, гдѣ пристойно, предоставлено разсужденію вашему. За симъ, при желаніи благословенія Божія, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя, усерднѣйшій богомолецъ и слуга Платонъ митрополитъ Московскій.

1798 г. Іюня 21-го дня. Виѳанія.

Въ прошеніи своемъ графъ Шереметевъ писалъ: «Изъ усердія своего состроилъ каменнаго зданія шпиталь, въ коемъ расположился содержать разнаго званія бѣдныхъ и увѣчныхъ людей на своемъ иждивеніи, и при томъ шпиталѣ желаю соорудить въ каменномъ же зданіи церковь, коя чтобъ была приходская».

Старая церковь въ с. Черкасскомъ Огородѣ, какъ говорится въ томъ же прошеніи, «имѣлась построенная изъ давнихъ лѣтъ... во имя Пресвятыя Троицы и пр. Св. Арх. Михаила и Преп. Ксеніи» (ангелы царя Михаила и Великой Старицы).

Отъ графа Віельгорскаго.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Письмо вашего сіятельства имѣлъ я честь получить того же дня. Сожалѣю чрезвычайно, что вы нездоровы, зная при томъ совершенное ваше усердіе и безпокойство къ должности, спѣшу увѣдомить, что по пріѣздѣ моемъ нашелъ я все въ порядкѣ и хорошемъ расположеніи. Никто ничего по сіе время не требуетъ и кажутся всѣ быть довольными. Хотя господинъ капитанъ замка Чижовъ адресовался къ вашему сіятельству о доставленіи нѣкоторыхъ потребностей по камерцалмейстерской должности, но я не нахожу по сіе время ихъ нужными, какъ только можетъ быть къ будущему празднику потребны они будутъ, которой Государь Императоръ изволилъ отложить до 22-го числа сего мѣсяца, и время довольно еще имѣется. Ихъ Императорскія Величества довольно веселы, и ни въ чемъ не было у насъ остановки. Я очень желаю васъ видѣть, во-первыхъ, для пріуготовленія намъ къ приближающемуся празднику, а во-вторыхъ, собственно для надобности своей, ибо я намѣренъ былъ отлучиться въ городъ на нѣсколько дней; однако

прошу ваше сіятельство не безпокоиться: лучше я желаю васъ видѣть совершенно здоровымъ и веселымъ, нежели въ безпокойствіи прибыть къ намъ.

Пребывъ съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

графъ Віельгорскій.

Петергофъ, 9 Іюля 1798.

Къ князю Юсупову.

Милостивый государь мой князь Николай Борисовичъ.

Увѣренъ будучи въ благопріязненномъ ко мнѣ расположеніи вашего сіятельства, покорнѣйше прошу вручителю сего живописцу моему Николаю Аргунову позволить имѣть входъ въ Эрмитажъ для скопированія картинъ; доставленное симъ мнѣ удовольствіе ваше послужитъ пріятною обязанностію при всякомъ случаѣ выполнять угодное волѣ вашего сіятельства мнѣ препорученное.

Имѣю честь пребыть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію гр. Н. Ш.

10 Іюля 1798.

Къ духовнику.

Высокопочтенный отецъ духовникъ Исидоръ Петровичъ,
милостивый государь мой.

Весьма пріятнымъ бы почелъ я случай къ удостовѣренію васъ въ той готовности, съ какою всегда желаю вамъ служить; немало не помѣшкая бы опредѣлить къ Михайловскому дворцу представляемаго вами Насонова, если бы только не препятствовала мнѣ въ томъ самая невозможность, ибо Государь Императоръ на поднесенный отъ меня докладъ въ Мартѣ мѣсяцѣ сего года объ опредѣленіи нѣкоторыхъ служителей къ Михайловскому дворцу, высочайше предоставить соизволилъ собственной своей волѣ опредѣленіе и укомплектованіе по оному дворцу всѣхъ служителей, когда въ томъ впредъ настоять будетъ надобность.

Сердечно сожалѣю, что не могу уже затѣмъ оказать вамъ сей малой услуги; прошу впрочемъ быть увѣрену о томъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности, съ каковыми остаюсь всегда вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, гр. Н. Ш.

14 Іюля 1798.

Къ графинѣ Разумовской.

Милостивая государыня моя сестрица графиня Варвара Петровна.

Получилъ я послѣднее письмо ваше отъ 5-го сего Іюля, коимъ увѣдомляете о намѣреніи вашемъ имѣть подъ своимъ смотрѣніемъ человѣка, который бы могъ управлять всѣми дѣлами вашими и имѣніемъ. Если вы за лучшій способъ тотъ находите, то я на оное также согласенъ; но совѣтую вамъ, не входя въ дальныя хлопоты и не упуская должнаго, раздѣлаться съ оберъ-камергеромъ *), но при томъ самымъ деликатнѣйшимъ и пристойнымъ образомъ и такъ, что если бы въ иныхъ малыхъ обстоятельствахъ чтó было бы упущено, то дружески совѣтую сего почтеннаго старца не оскорблять. Почему и потребенъ къ сему дѣлу такой опытный человѣкъ, на котораго бы прямо положиться и вы могли и который, при знаніи дѣлъ, имѣлъ бы и свойства добраго, кроткаго и здравомыслящаго человѣка; а при томъ какія есть деньги въ наличности, можно принять вамъ и самимъ, какъ и бывшія у Ивана Ивановича Голохвастова 5.000 р., о которыхъ я слышалъ отъ Андреяна Андреяновича Лопухина, что были у него. Если вы совершенную пользу и спокойствіе въ томъ находите, то я никакъ вамъ не препятствую и, желая всякаго добраго въ томъ успѣха, увѣряю васъ чистосердечно, что я навсегда есмь съ искреннимъ къ вамъ расположеніемъ и дружелюбною преданностью вашъ вѣрный другъ и братъ гр. Н. Ш.

15 Іюля 1798.

Отъ графини В. П. Разумовской.

Милостивый государь мой братецъ графъ Николай Петровичъ.

Увѣдомилась я отъ большаго сына, служащаго въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку полковникомъ, что онаго полку шефъ объявилъ ему и всѣмъ того полку офицерамъ въ готовности быть къ походу; когда же наслано будетъ повелѣніе, тогда выступить имъ въ 24 часа непремѣнно во всякой исправности. Сынъ же мой объяснилъ мнѣ, что онъ къ сему походу не въ готовности, какъ то: верховыхъ лошадей, дорожныхъ экипажей и палатки необходимо нужныхъ въ походѣ вещей не имѣетъ. Я, матерински соболѣзнуя о нечаянной моей съ нимъ разлукѣ и за его ко мнѣ отличную горячность, необходимостью поставила ассигновать къ пріуготовленію его 5.000 р. изъ оброчной суммы; но безъ вашего согласія и воли выдать ему не разсудила, о чемъ васъ покорнѣйше прошу на оное согласиться и съ

*) Княземъ А. М. Голицынымъ. П. Б.

первою почтой непремѣнно меня увѣдомить, дабы медлительною выдачею назначенныхъ мною денегъ не навлечь ему прискорбія, а по командѣ за неисправность строгаго взысканія. Въ ожиданіи сего съ моею къ вамъ искреннею дружбою и совершеннымъ усердіемъ навсегда пребуду вашъ вѣрный другъ и покорная ко услугамъ сестра графиня Варвара Разумовская.

22 Іюля 1798.

Отъ Платона Уварова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Готовясь имѣть счастіе соединить судьбу мою съ ея сіятельствомъ княжной Елисаветой Петровной Волконской, пріятнѣйшимъ долгомъ почитаю рекомендовать себя въ милость вашу, прося васъ принять и содержать меня въ оной; я же съ моей стороны приложу всѣ мои старанія къ тому, чтобъ удостоиться благосклонности вашей и тѣмъ самымъ засвидѣтельствовать вамъ отличное мое къ особѣ вашей почтеніе, съ коимъ пребыть честь имѣю, милостивый государь мой, всепокорнѣйшій вашъ слуга Платонъ Уваровъ.

26 Августа 1798.

Отъ П. В. Лопухина.

Милостивый государь мой, графъ Николай Петровичъ.

Всеподданнѣйшее вашему сіятельству благодареніе за высочайшее посѣщеніе имѣлъ я честь представить Его Императорскому Величеству и нахожу истинное удовольствіе сообщить вамъ, милостивый государь мой, что оно съ благоволеніемъ удостоено всемилостивѣйшаго принятія.

Петръ Лопухинъ.

Октября 27 дня 1798.

Указъ нашему Сенату.

Двора нашего оберъ-гофмаршалу графу Шереметеву всемилостивѣйше повелѣваемъ быть оберъ-камергеромъ. Павелъ.

С.-Петербургъ,
Ноября 1-го дня 1798 г.

О своемъ назначеніи оберъ-камергеромъ такъ увѣдомлялъ онъ сестру свою: «Послѣ письма моего, пущеннаго передъ симъ, былъ я еще восхищенъ новыми знаками монаршаго ко мнѣ благоволенія и, зная сколько сія новость будетъ для васъ пріятна, спѣшу увѣдомить, что сего Ноября 19-го пожалованъ новымъ достоинствомъ, переименовавшимъ меня въ оберъ-камергеры, и я теперь, благодаря Бога, надѣюсь быть поспокойнѣе въ сравненіи тѣхъ трудовъ, какіе имѣлъ прежде».

*

Отъ А. Я. Протасова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ благоугодно было меня увѣдомить, что ваше сіятельство, снисходя къ здѣшнему Воспитательному Дому, по сродному вамъ состраданію, дали повелѣніе въ Московскую домовую контору, на случай настоящаго недостатка въ кормилицахъ, уговорить изъ близъ лежащихъ къ Москвѣ вашихъ деревень. Но не могъ я также равнодушно слышать обѣщаніе отъ васъ награды тѣмъ, которыя дѣтей вскормятъ, сверхъ получаемой отъ Дома. Но какъ уже нѣкоторое къ тому время прошло и ни одной кормилицы изъ вашихъ вотчинъ не явилось, когда же я посылалъ въ нѣкоторыя, то охочихъ довольно было; а не смѣли на то пуститься безъ позволенія вашего главнаго управителя. Между тѣмъ погибаетъ у насъ много дѣтей, то и побуждаюсь симъ всепокорно ваше сіятельство просить о подтвержденіи въ здѣшнюю домовую контору о семъ человѣколюбивомъ вашемъ подвигѣ, ибо я увѣренъ о склонности вашей и готовности ко всякому добру.

Принимая участіе во всемъ до вашего сіятельства принадлежащемъ, искренно поздравляю съ высочайшимъ наименованіемъ оберъ-камергеромъ, находя съ своей стороны ваше сіятельство увѣдомить, что въ бывшее 28 Октября производство и я пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, ибо увѣренъ о всегдашнемъ вашемъ ко мнѣ расположеніи и дружбѣ, съ каковыми при совершеннѣйшемъ почтеніи на всегда пребуду, вашего сіятельства милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Александръ Протасовъ.

22 Ноября 1798 (Москва).

Отъ А. Ѳ. Малиновскаго.

Сіятельный графъ милостивый государь.

Ни одного случая къ изъявленію преданности моей в. с. пропустить не могу и, чувствуя обязанности мои къ особѣ вашей, всеусерднѣйше приношу поздравленіе мое съ полученною вами знаменитою въ государствѣ степенью оберъ-камергера.

Имѣю честь препроводить в. с. проповѣдь, говоренную батюшкою моимъ при вступленіи имъ въ новую должность, увѣренъ будучи, что, по благоволенію вашему, которымъ вы всегда соизволили удостоивать его, примете оную благосклонно.

Препоручая себя въ продолженіе вашего покровительства, въ честь вмѣняю себѣ быть на вѣкъ и пр. Алексѣй Малиновскій.

22 Ноября, 1798 г.

Къ Ростовскому архимандриту.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой.

Весьма пріятно для меня имѣть знакомство толь почтеннаго человѣка, который заступилъ мѣсто покойнаго отца Авраамія, къ коему привыкши питать въ чувствіяхъ души моей почтительнѣйшую дружбу, оставилъ и по кончинѣ его вѣчный для себя памятникъ; почему и прошу быть увѣрену, что я за удовольствіе поставляю пользоваться и вашимъ знакомствомъ, а притомъ и споспѣшествовать тѣмъ намѣреніямъ, которыя являете вы къ довершенію начатаго храма покойнымъ Авраамiемъ. Ничего столь я не желаю, какъ имѣть когда случай быть въ обители вашей и поклониться святымъ мощамъ угодника Димитрія и лично съ вами познакомиться; но не знаю, когда въ состояніи найдусь оное исполнить. Между тѣмъ же прошу быть увѣрену о истинномъ почтеніи, съ каковымъ остаюсь вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, покорный слуга гр. Н. Ш.

P. S. Послѣ покойнаго отца Авраамія остался у меня въ обители вашей отецъ Амфилохій, котораго благочестивое житіе и богомоліе совершенно заставили меня почитать и имѣть къ нему душевную привязанность. Я смѣю препоручить его вашему высокопреподобію какъ такого человѣка, въ коемъ принимаю я особенное участіе и прошу принять его въ благорасположеніе ваше.

27 Ноября 1798.

Къ П. И. Измайлову.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ.

Пользуясь на самыхъ опытахъ благопріязненнымъ ко мнѣ расположеніемъ в. в., пріятнѣйшимъ случаемъ поставляю отъ искренняго сердца моего поздравить васъ съ наступившимъ новымъ годомъ и пожелать, да Всевышній благоволитъ, какъ сей, такъ и многіе послѣдующіе годы желаемымъ вами благоденствіемъ и вожделѣннымъ здравіемъ. Получа на сихъ дняхъ 12 картузовъ самаго лучшаго Англійскаго табаку и того сорту, котораго в. в. употреблять изволите, особеннымъ удовольствіемъ нахожу служить онымъ, который при семъ къ в. в. и доставляю съ усерднѣйшимъ желаніемъ, чтобъ оный былъ вамъ угоденъ. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. Гр. Н. Шереметевъ.

P. S. Ея в-ву Аннѣ Васильевнѣ свидѣтельствую мое искреннее почтеніе и прошу, чтобы не лишала меня прежнихъ ея милостей. Если вамъ угодно на меня возложить какое порученіе, то съ охотою исполнить желаю.

3 Генваря 1799

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

Какъ небезъизвѣстно в. в., что Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить высокомонаршее благоволеніе назначеніемъ мнѣ будущей Пятницы для балу, почему и искалъ я удобнаго случая возъимѣть дерзновеніе всеподданнѣйше просить, чтобъ осчастливить меня высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ; но обстоятельства и занятія освященной особы его сими днями удержали во мнѣ сіе стремленіе; почему, опасаясь пропустить время, осмѣливаюсь, въ надеждѣ на дружественное расположеніе ко мнѣ ваше, всепокорнѣйше просить повергнуть за меня сію дерзновенную просьбу къ стопамъ Его Императорскаго Величества, и когда буду я столько счастливъ, что удостоюсь таковой монаршей милости, не оставить меня предварительнымъ извѣщеніемъ вашимъ. Имѣю честь впрочемъ остаться и т. д. Гр. Ш.

21 Февраля 1799.

2 Марта 1799.

Письмо къ его сіятельству графу Ивану Петровичу Салтыкову, коимъ представляетъ находящагося въ службѣ при королевскомъ Прусскомъ дворѣ капельмейстера г на *Гюммеля*, выѣхавшаго въ Россію на короткое время. А какъ сей человѣкъ одаренъ талантомъ въ разсужденіи сочиненія музыки, то и препоручаетъ его въ милостивое руководство.

Письмо отдано присланному отъ г-на Гюммеля человѣку того-же числа.

Къ А. Ѳ. Малиновскому.

Государь мой Алексѣй Ѳедоровичъ.

Съ отмѣнною пріятностью читаю всегда труды ваши; съ удовольствіемъ моимъ получилъ я и послѣднія двѣ комедіи переводу вашего. Но какъ обстоятельства уже перемѣнились и прилагаемыя копіи съ письма и высочайшаго указа совершенно могутъ вамъ сіе подтвердить, то хотѣлъ бы я только знать: нужно ли вамъ будетъ, чтобъ я препроводилъ присланныя ко мнѣ комедіи отъ себя къ А. Л. Нарышкину, что́ охотно приму я на себя по полученіи увѣдомленія вашего. Гр. Н. Ш.

8 Апрѣля 1799.

Къ графинѣ Кутайсовой.

Милостивая государыня моя графиня Анна Петровна.

Съ усерднѣйшимъ чувствіемъ совершеннаго соучастія честь имѣю поздравить в. с. съ полученіемъ толь знаменитаго достоинства, означающаго особливую высокомонаршую милость. Я не могу довольно

изъяснить вамъ той радости, которую ощущаю по всегдашней и нелицемѣрной къ вамъ привязанности моей и, желая при сей новой степени всякаго вамъ благополучія, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенной преданностью остаюсь навсегда, м. г. моя, в. с. пок. слуга

гр. Николай Шереметевъ.

Для доставленія взялъ князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ.

1 Мая 1799 г.

Домовой моей канцеляріи.

3 Іюня 1799.

По копіи, доставленной ко мнѣ съ рапорта села Прудовъ отъ прикащика Седраха Балагаева о крестьянахъ въ с. Прудахъ и Красномъ, пришедшихъ въ несостояніе платить государственныя подати, ни мало не медля, доложить всѣ обстоятельства подробно, отчего именно пришли они въ такой упадокъ и несостояніе и какой способъ можно придумать для поправленія состоянія ихъ на предбудущее время и какое мнѣніе, доставить ко мнѣ немедленно. А между тѣмъ подлежащія казенныя подати велѣть взнесть, сколько оныхъ недостаетъ въ с. Прудахъ и Красномъ, хотя изъ моихъ доходовъ, какъ и резолюціею канцеляріи моей Мая отъ 24 дня заключено; и если въ Прудскомъ вотчинномъ правленіи въ наличности суммы не окажется, то нужное число дополнить хотя изъ наличныхъ суммъ въ Московской канцеляріи находящихся. Гр. Ш.

Архіепископу Ростовскому и Ярославскому.

10 Іюня 1799.

Высокопреосвященнѣйшій владыко милостивый государь мой!

Неоднократныя просьбы Вощажниковской вотчины моей села Вѣсковъ крестьянъ, которые отъ всего міру неотступно просятъ меня о испрошеніи защиты и покровительства вашего высокопреосвященства отъ притѣсненій и разныхъ обидъ, наносимыхъ имъ отъ тамошняго священника Димитрія Иванова, дьякона и пономаря, которые по общему между собою согласію доводили вражды свои до того, что приносили жалобы на крестьянъ моихъ Земскому Суду, который по обслѣдованіи на мѣстѣ не нашелъ однакоже въ нихъ никакой справедливости. Таковыя распри между крестьянъ моихъ и священно и церковнослужителями, нанося безпрестанное почти безпокойство всему тамошнему селенію, понуждаютъ меня покорнѣйше просить в. в. о перемѣнѣ того священника съ показаннымъ причтомъ другими спокойными и добрыми людями, коимъ не упущу и я съ своей стороны доставить все, чтó только къ спокойному ихъ пребыванію нужно быть можетъ.

Какъ нынѣ и каменная церковь въ томъ селѣ стараніемъ крестьянъ моихъ и способствомъ моимъ пришла уже въ отдѣлку, и желаніе ихъ есть освятить оную во имя Николая Чудотворца, старую же деревянную, пришедшую въ ветхость, церковь упразднить и антиминсъ со всею церковною утварью перенести въ ту каменную церковь, почему покорнѣйше испрашивая на сіе благословенія вашего, приму оное съ истинною благодарностью и не престану чувствовать толь одолжительнаго ко мнѣ благорасположенія вашего. А затѣмъ, препоручая себя въ священныя молитвы ваши, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю остаться навсегда гр. Ш.

Къ графу Салтыкову.

Милостивый государь графъ Николай Ивановичъ.

Высочайшія милости ко мнѣ Его Императорскаго Величества съ самаго моего младенчества и умноженіе оныхъ съ восшествіемъ на блистательный престолъ Россіи, когда благоугодно было меня приблизить къ священной его особѣ, какъ источнику верховнаго моего блага, и возложить на меня священный орденъ Іоанна Іерусалимскаго, котораго знаки имѣлъ счастіе носить и дѣдъ мой графъ Шереметевъ, какъ первый кавалеръ Россіи; все сіе поселило въ душѣ моей неизгладимую благодарность изъявить чувствованія мои. Но и самое пламенное усердіе не имѣло по сіе время счастія достигнуть своей цѣли.

Графъ Н. П. Шереметевъ, во изъявленіе всеглубочайшей благодарности за всѣ милости, коими онъ облагодѣтельствованъ Его Императорскимъ Величествомъ во всѣ времена, а паче при восшествіи его на престолъ, желая содѣйствовать, поелику способы вѣрноподданнаго то позволяютъ, человѣколюбивымъ взглядамъ Августѣйшаго Монарха и дабы основать на всѣ грядущія времена памятникъ благоговѣнія своего къ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго, къ коему дѣдъ его фельдмаршалъ графъ Борисъ Шереметевъ, конечно, первый изъ Россійскихъ дворянъ, достигшихъ таковой почести, въ 1698 году наизнаменитѣйшимъ образомъ причисленъ былъ, установляетъ навсегда въ пользу воспитанниковъ Императорскаго Военнаго Сиротскаго Дома два командорства подъ наименованіемъ командорствъ Военнаго Сиротскаго Дома. Подписалъ «учредитель графъ Шереметевъ».

«Какъ именнымъ Е. И. В. высочайшимъ указомъ 1798 Декабря въ 21 день всемилостивѣйше дозволено мнѣ учредить командорство Jus Patronatus моего имени, то этого самаго числа должно взноситься въ учрежденный капитулъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и доходу назначенной мной деревни не менѣе 3.000 рублей».

Возстановленіе Св. ордена Іоанна Іерусалимскаго и сверхъ того приведеніе въ блестящее состояніе Сиротскаго Дома, какъ плода добродѣтельной души его зиждителя, подаютъ мнѣ лестный случай къ изъявленію чувствованій души моей; а по сему и осмѣливаюсь покорнѣйше просить в. с. о исходатайствованіи высочайшаго повелѣнія, дабы я могъ установить въ пользу государственныхъ воспитанниковъ, сверхъ фамильнаго моего Jus patronatus, опредѣляя на сіе 500 душъ не такъ, какъ знакъ благодарныхъ чувствъ къ высочайшей особѣ, на которое въ сравненіи съ его милостями все существо мое было бы недостаточно, но такъ какъ единственное желаніе хотя мало способствовать благотворнымъ его видамъ. Намѣреніе мое въ установленіи сего командорства состоитъ въ томъ, чтобы оно, по смерти командора, не переходило на потомство, но обращалось на другихъ, какъ слѣдствіе награды тѣмъ, которые мужествомъ и добродѣтелью достигли цѣлей, предположенныхъ Его Императорскимъ Величествомъ. Что же касается до наименованія сего командорства, то я оное, равно какъ и выборъ командора, осмѣливаюсь предоставить высочайшему благоизволенію.

При семъ случаѣ покорнѣйше прошу в. с., повергнувъ меня предъ священною особою Его Императорскаго Величества, изобразить тѣ чувствованія, которыя имѣю счастіе питать въ душѣ моей, пребывая къ вамъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью. Гр. Ш

5 Іюля 1799.

Отъ Тихвинскаго архимандрита Герасима.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь и благодѣтель.

Извѣщенъ будучи отъ Дымскаго отца строителя іеромонаха о оказанной в. с. къ той бѣдной обители милости, побуждаемый не какимъ либо предполагаемымъ пристрастіемъ, но сердечною признательностью къ добротамъ души вашей, спѣшу принесть за то в. с. усерднѣйшую мою благодарность, моля отъ всего помышленія моего Господа, да воздастъ вамъ за сіе милостью Своею и да сотворитъ, чтобъ сколь милосердное къ человѣчеству, толико и благочестивое сердце ваше рѣшилось въ благословенномъ и во всемъ отечествѣ нашемъ любимомъ домѣ вашемъ при Его всемощномъ содѣйствіи оставить подобныхъ вамъ во всемъ отраслей..... Вотъ, сіятельнѣйшій графъ, о чемъ моя усерднѣйшая, да думаю и многихъ, просьба первая; а вторая—если я симъ прогнѣвляю васъ, то прошу о прощеніи. Но душа моя желаетъ, да всеблагій Господь услышитъ первую, также и вы. А при семъ съ истиннымъ особы вашей почитаніемъ имѣю пребыть навсегда в. с. милостиваго государя и благодѣтеля усерднѣйшій послушникъ и богомолецъ Тихвинскій архимандритъ Герасимъ.

26 Іюля 1799.

Къ А. Л. Нарышкину.

27 Сентября 1799.

Совершенное удостовѣреніе мое въ справедливости, отдаваемой в. в. заслугамъ, а притомъ и благопріязненное расположеніе ваше ко мнѣ ободряетъ меня обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о дансёрѣ Гульельми. Въ теченіе 13 лѣтъ служенія умножившееся семейство его, а съ другой стороны возвышеніе цѣнъ на всѣ жизненные припасы столько затруднили его состояніе, что весьма недостаточно теперь для безнужнаго продовольствія получаемое имъ жалованье.

Удостойте, милостивый государь мой, обратить ваше вниманіе на его обстоятельства и долговременную службу и не откажите ему въ человѣколюбивомъ пособіи прибавкою жалованья въ сравненіи съ товарищами, получившими таковое награжденіе. Милость ваша къ нему крайне чувствительна для меня будетъ, сколько по моему въ немъ искренному участію, столько же и потому, что она будетъ новымъ знакомъ благосклонности вашей къ моему ходатайству. Гр. Ш.

Отъ Николая Владимировича Шереметева.

Милостивый государь дядюшка, графъ Николай Петровичъ.

Знавъ, что грозліе вареное изъ сада моего в. с. жалуете кушать, то, лучшее изъ онаго собравъ и приготовя такъ, какъ и прежде, при семъ съ камердинеромъ вашимъ Николаемъ Никитичемъ посылаю и желаю кушать на здоровье. А за симъ всепокорнѣйше прошу не оставить милостивыми вашими мнѣ письмами, ибо въ теченіе болѣзни моей ничто другое столь много меня не утѣшаетъ, какъ то, когда буду видѣть изъ писемъ вашихъ, что вы, милостивый государь, находитесь въ добромъ здравіи и въ желаемомъ благополучіи и что я въ незабвенной милости вашей ко мнѣ и донынѣ нахожусь; и симъ конча, пребуду навсегда съ достодолжнымъ вамъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію, какъ и есмь, м. г. мой, в. с. всепокорный слуга

Николай Шереметевъ.

3 Октября 1799.

Къ зятю своему графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Кириловичъ.

Спѣшу сообщить пріятную вамъ новость, что Государь Императоръ пожаловать изволилъ сына вашего, а моего племянника, графа Кирилу Алексѣевича въ дѣйствительные камергеры, съ чѣмъ васъ поздравляю и думаю, что оное и вамъ немалое сдѣлаетъ удовольствіе. А при томъ покорнѣйше прошу, не помѣшкавъ, его прислать въ Пе-

тербургъ для отправленія своей должности. О семъ снеслись мы единомысленно и съ Николаемъ Александровичемъ Загряжскимъ и положили васъ о семъ просить и увѣрены, что вы согласны будете съ нами и въ скоромъ времени его отпустите. Я же, пользуясь симъ случаемъ, могу увѣрить о томъ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми навсегда пребыть честь имѣю. Гр. Ш.

19 Октября 1799.

Отъ зятя его графа А. К. Разумовскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Въ самое то время, когда получилъ я пріятнѣйшій отзывъ в. с. на письмо мое къ вамъ касательно покупки дому нашего*), столь сильно вдругъ занемогъ, что къ крайнему прискорбію моему никакъ не въ силахъ былъ приняться за перо. Послѣ того дошло ко мнѣ другое ваше письмо отъ 18-го Октября, увѣдомляющее о пожалованіи сына моего камергеромъ, и сіе отъ васъ пріятное извѣщеніе принялъ я за искреннѣйшій знакъ благосклоннаго и дружественнаго вашего ко мнѣ расположенія, котораго всю цѣну чувствуя преисполненнымъ къ вамъ чистосердечною преданностью сердцемъ, чувствительнѣйшую благодарность приношу. Послѣдуя совѣту в. с., не замедлю я отправленіемъ моего сына въ Петербургъ, сколь ни тягостенъ нынѣшній путь и сколь ни нужно бы мнѣ его продержать здѣсь для снабденія всѣмъ тѣмъ, чтó имѣть должно къ представленію его ко двору; ибо, не предвидя случившагося нынѣ, не могъ я ничего того исполнить; да и надобности не имѣлъ онъ ни въ чемъ, не обращаясь еще въ свѣтѣ. Однако чего сдѣлать не успѣю, то до Петербурга оставлю, гдѣ буду просить васъ промедлить нѣсколько представленіемъ его ко двору. Между тѣмъ, рекомендуя его въ вашу милость, всепокорно прошу не отказать ему въ вашемъ покровительствѣ и по отдаленности моей дозволить ему почитать васъ не какъ дядю роднаго, но какъ отца. По молодости лѣтъ его, по неопытности и по вѣтренности съ тѣмъ сопряженной имѣю я довольно причинъ опасаться худыхъ слѣдствій таковаго расположенія; но ободряетъ меня при томъ мысль та, что, по дружескому вашему расположенію къ отцу, не оставите покровительствовать и сыну.

Обращаюсь теперь къ другой матеріи и отвѣчаю на послѣднее письмо ваше, вчера мною полученное. Вы изволите увѣдомлять меня о томъ, что рѣшились купить домъ нашъ на кондиціяхъ, мною вамъ

*) Это Шереметевскій домъ въ Москвѣ на Воздвиженкѣ, гдѣ долго помѣщалась Городская Дума. П. Б.

предложенныхъ, и желаете быть увѣдомлены о подтвердительномъ ко мнѣ отвѣтѣ отъ батюшки; почему и имѣю честь увѣдомить васъ, что я оный получилъ и что онъ согласенъ на все, мною вамъ представленное, о чемъ не преминулъ бы я уже къ вамъ написать, еслибы болѣзнь моя въ томъ не воспрепятствовала. И такъ отъ васъ единственно зависѣть будетъ довершить дѣло, когда только угодно. Если же рѣшиться на то изволите въ непродолжительномъ времени, то останется мнѣ только просить у васъ дозволенія пробыть въ домѣ на нѣкоторое время, пока найду нанять или купить другой, куда бы мнѣ переѣхать, что́ буду стараться исполнить сколь возможно скорѣе.

Къ графу И. П. Салтыкову, Московскому военному губернатору.

Милостивый государь дядюшка графъ Иванъ Петровичъ.

Получа почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 4-го сего Ноября съ благосклоннымъ увѣдомленіемъ въ пособіяхъ, каковыя угодно было оказать по дѣлу Булатова, и лестнымъ при томъ для меня изъясненіемъ о неоставленіи помощію вашею впредъ въ подобныхъ дѣлахъ, долгомъ поставляю я спѣшить къ принесенію вамъ искреннѣйшей благодарности моей, чувство коей не въ силахъ я довольно описать. Слышалъ я между тѣмъ, что в. с. изволили быть въ сосѣдствѣ Останкина съ охотою и что изволили поберечь моихъ зайцовъ. Оное конечно принимаю я во всей цѣнѣ благопріятнѣйшаго ко мнѣ расположенія вашего, которое стараюсь я всегда заслуживать моею усерднѣйшею и родственническою привязанностью, какъ къ вамъ, такъ и къ милостивой государынѣ тетушкѣ графинѣ Дарьѣ Петровнѣ; но признаться долженъ, что я ихъ всегда сберегаю для себя. Однакожъ ежели могло бы сіе принести в. с. хотя малое удовольствіе, то совершенно отдаюсь я въ томъ на волю вашу, соотвѣтствуя истинному почтенію и непремѣнной преданности, съ каковыми навсегда за честь поставлю остаться. Гр. Ш.

P. S. Село же Троицкое, которое также недалеко отъ Москвы, предоставляю въ полную волю в. с. ѣздить съ охотою и веселиться сколько угодно, окружныя дачи коего рекомендую особенно, ибо въ нихъ зайцовъ всегда бываетъ много.

11 Ноября 1799.

Отъ князя П. В. Урусова.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь.

Въ теченіе шестаго мѣсяца горестнаго моего положенія, вчерась первый день ощутилъ я отмѣнное удовольствіе, удостоясь получить письмо в. с., милостиваго государя, и удостовѣреніе вашей ко мнѣ ми-

лости, за чтó приношу мою всенижайшую благодарность. Надѣюсь, что Николай Бемовъ *) доносилъ в. с., который у меня былъ наканунѣ своего отъѣзда въ Петербургъ, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ поплакали: я о лишеніи своей княгини, которая меня оставила съ бѣдной моей дочерью и двумя сыновьями въ дряхлости и въ совершенной нищетѣ; а онъ сердешной—о потерѣ своего сына въ крайнемъ огорченіи остался. Но власть Всемогущаго Творца! Чтó Ему угодно, должно безъ роптанія сносить. Я же по несчастію третій мѣсяцъ страдаю отъ жестокой боли въ ногѣ и въ поясницѣ, гдѣ приложилъ по совѣту г-на Фреза пластырь изъ Бургонской смолы; но очень слабая помощь. Вашему же сіятельству, милостивому государю, сердечно желаю совершеннаго здоровья и могу увѣрить, что никто столько не желаетъ вамъ благополучія, какъ тотъ, который навсегда пребудетъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію с. гр., м. г. в. с. всениж. и всепок. слуга князь Петръ Урусовъ.

14 Ноября 1799.

Къ сестрѣ своей графинѣ В. П. Разумовской.

Милостивая государыня моя графиня Варвара Петровна.

Принося вамъ искреннѣйшую благодарность мою за поздравленіе съ новымъ годомъ, душевно желаю и вамъ препроводить оной во всякомъ благополучіи и при добромъ здравіи достигнуть многихъ послѣдующихъ. А при томъ имѣю вамъ сказать: съ сердечнымъ удовольствіемъ, слѣдуя долгу родства, принимаю участіе во всемъ, чтó до сына вашего, теперь здѣсь находящагося, принадлежитъ. Почитая весьма основательнымъ замѣчанія, сдѣланныя на счетъ его графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, чистосердечно даю вамъ мой совѣтъ: не отступая отъ нихъ, дѣлать ему по временамъ нужное вспоможеніе ваше, ибо неизвѣстность ожидаемаго пособія въ деньгахъ конечно молодому человѣку полезна и весьма нужна къ обузданію тѣхъ излишностей, каковыя обыкновенно молодостью бываютъ вперяемы. Я во всякое время долгомъ почту отъ искренности сердца моего преподавать ему мои совѣты и сердечно буду радъ, когда увижу, что они для него будутъ пріятны.

30 Декабря 1799.

Рескриптъ Государя.

Господинъ оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ. Соизволяю на желаніе его величества короля Французскаго удостоить васъ орденомъ Святаго Лазаря. Препровождая при семъ знаки онаго, повелѣваю вамъ оный возложить на себя. Пребываемъ къ вамъ благосклонный Павелъ.

С.-Петербургъ, Февраля 19 дня 1800.

---

*) Камердинеръ графа Николая Петровича.

Вслѣдъ за тѣмъ помѣты:

«Выдать управителю Петру Петрову для отдачи подкамердинеру Его Императорскаго Величества за наколоніе звѣзды при пожалованіи ордена Св. Лазаря денегъ 200 рублей».

«Выдать двумъ придворнымъ ординарцамъ и двумъ поверстнымъ, разносившимъ билеты для зову на балъ и ужинъ гостей къ 18-му числу—200 рублей».

A monsieur le comte de Rostopchine, á Gatchina.

Monsieur le comte.

J'ai l'honneur d'informer votre excellence que, conformement à ses désirs, j'ai fait remettre aujourd'hui à son écuyer le cheval que je lui ai cédé, l'assurant que, loin de m'en être fait une privation, je suis, au contraire, très charmé d'avoir pu lui rendre ce léger service, et souhaite de tout mon coeur que ce cheval puisse lui convenir et lui procurer toute la satisfaction qu'elle en attend. J'ai l'honneur d'être etc.

St.-Pétersbourg, le 1 Septembre 1800.

Къ графу И. П. Кутайсову.

Милостивый государь мой графъ Иванъ Павловичъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ первымъ долгомъ почелъ я узнать, какое сдѣлано исполненіе въ разсужденіи пажа Голенищева-Кутузова, почему и поспѣшаю в. с. извѣстить, что отъ меня въ тоже время, какъ только получено высочайшее повелѣніе, и предписано директору пажей сдѣлать исполненіе. А какъ Голенищевъ - Кутузовъ опредѣленъ въ пажи сверхъ комплекта, почему если онъ не получаетъ штатныхъ продовольствій, то какъ вся сумма находится въ придворной канцеляріи, то по полученіи оной въ Пажескій корпусъ ни малѣйше не помедлю и я къ доставленію Голенищеву-Кутузову, поставляя всякій случай пріятнымъ свидѣтельствовать истинное почтеніе и совершенную преданность, съ коими честь имѣю остаться гр. Ш.

19 Сентября 1800.

Къ графу А. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Сергѣевичъ.

Княгиня Варвара Алексѣевна Касаткина - Ростовская просила меня о снабженіи ея парою лошадокъ; почему, желая по родству ее снабдить, прошу васъ выбрать изъ заводскихъ, не очень молодыхъ, но и не старыхъ, доброѣзжихъ пару и смирныхъ лошадей и приказать къ ней отъ меня доставить, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ. Гр. Н. Ш.

30 Декабря 1800.

Къ графу Ростопчину.

Милостивый государь мой графъ Өедоръ Васильевичъ.

Извѣстное расположеніе къ благодѣяніямъ, оказываемое в. с. ко всѣмъ, ищущимъ помощи вашей, а при томъ сердечное участіе, пріемлемое мною въ подателѣ сего письма г-нѣ Реметевѣ *), позволяетъ мнѣ смѣлость безпокоить в. с. и еще всепокорнѣйшею просьбою моей, которая состоитъ въ томъ, чтобы, при нынѣшнемъ штатномъ размѣщеніи чиновниковъ, не лишить и его счастія продолжать службу свою подъ высокимъ начальствомъ вашимъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Чѣмъ не только оказать изволите ему совершенную милость, но и мнѣ собственно толь чувствительное одолженіе доставите, которое запечатлѣетъ въ душѣ моей безконечную признательность при истинномъ почитаніи и совершеннѣйшей преданности, съ каковыми честь имѣю пребыть гр. Ш.

11 Генваря 1801.

Къ князю П. В. Урусову.

Милостивый государь мой князь Петръ Васильевичъ.

Зная, сколько вы всегда любили покровительствовать нѣжности сего свѣта и потому отдавая вамъ справедливость во вкусѣ и выборѣ, пріятнымъ случаемъ почелъ рекомендовать в. с. отправляющагося изъ С.-Петербурга въ Москву торговца деликатностей Сибена и Comp., который, сверхъ многихъ новѣйшихъ модныхъ товаровъ, изобилуетъ самыми лучшими ароматными снарядами, коихъ пріятный запахъ предвѣщаетъ уже издалека въ улицѣ жилище его. Я прошу васъ принять его въ руководство вамъ и быть увѣрену о совершенномъ почтеніи и непремѣнной привязанности, съ которыми навсегда остаюсь гр. Ш.

4 Февраля 1801.

---

*) Яковъ Петровичъ *Реметевъ*, побочный братъ графа Николая Петровича; донынѣ здравствуетъ въ Орлѣ его внукъ, Александръ Петровичъ Реметевъ, сынъ Петра Яковлевича.

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ДМИТРІЕВИЧА БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году.

Вступленіе.

Прежде нежели приступлю къ описанію происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ какомъ находилась Москва съ 1-го Января 1812 года, то-есть, о бывшихъ въ это время начальникахъ въ ней, и о себѣ самомъ, какъ о человѣкѣ, игравшемъ нѣкоторую роль во время пребыванія въ ней непріятеля, и показать причины, почему я остался въ его власти.

Въ началѣ 1812 года былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ; гражданскимъ губернаторомъ Николай Васильевичъ Обрѣзковъ, оберъ-полицеймейстеромъ Петръ Алексѣевичъ Ивашкинъ, а полицеймейстерами Александръ Александровичъ Волковъ и Егоръ Александровичъ Дурасовъ (что̀ нынѣ сенаторъ). Съ 1806 года я жилъ постоянно въ Москвѣ, числясь при Герольдіи для опредѣленія къ дѣламъ.

Съ половины еще 1811 года стали поговаривать въ Москвѣ о разрывѣ мира, который заключенъ былъ въ 1807 году съ Французами въ Тильзитѣ; однакожъ ничего не было примѣтно, и все оставалось спокойно; напротивъ, еще въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ вѣдомостяхъ величали Наполеона великимъ. Я часто ходилъ въ Греческія гостиницы читать иностранныя газеты, и хотя изъ многихъ листовъ видѣлъ, что что-то не ладно между нами и Французами, но все это большаго вѣроятія не заслуживало; потому что газеты иностранныя часто наполняются всякими неосновательными слухами, единственно для того, чтобы только что нибудь печатать. Но когда многіе листы иностранныхъ вѣдомостей были задерживаемы, то стали догадываться, что что нибудь да есть, а движеніе войскъ нашихъ, которыя отвсюду

стремились къ западнымъ границамъ, дѣлали догадки вѣроятными. Въ концѣ же 1811 года явно уже говорили, что съ Французами будетъ война, и война жестокая. Однакожъ 1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничѣмъ возмущена не была: масляницу провели очень весело, не подозрѣвая никакихъ опасностей, и не думали даже о нихъ.

Такъ какъ статсъ-секретарь Петръ Сепановичъ Молчановъ еще въ прошедшемъ 1811 году объявилъ бывшему тогда министромъ юстиціи Ивану Ивановичу Дмитріеву, что Его Императорское Величество высочайше повелѣть изволилъ опредѣлить меня къ должности, то, въ слѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, въ половинѣ Февраля мѣсяца 1812 года, директоръ Департамента Юстиціи, графъ Сергій Петровичъ Салтыковъ увѣдомилъ меня письмомъ, что открылась вакансія въ губернскомъ городѣ Вологдѣ губернскаго стряпчаго, и предлагалъ мнѣ это мѣсто, но я отъ него отказался.

Въ концѣ Марта мѣсяца я опять получаю письмо отъ директора Департамента Юстиціи, графа Салтыкова, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня, что открылась вакансія въ Москвѣ въ Вотчинномъ Департаментѣ, и я охотно принялъ оное.

По изъявленіи моего согласія на принятіе службы въ Вотчинномъ Департаментѣ, 2-го Маія, указомъ Правительствующаго Сената, я опредѣленъ вторымъ членомъ, а 20 тогожъ Маія, присягнувъ на службу, вступилъ въ отправленіе моей должности.

Мѣсто, которое я занялъ въ Вотчинномъ Департаментѣ, принадлежало до сего колежскому ассессору Дмитрію Ивановичу Дмитріеву (родному братцу бывшаго тогда министромъ юстиціи Ивана Ивановича Дмитріева). Сей Дмитрій Ивановичъ Дмитріевъ, мѣсто котораго я занялъ, вступилъ въ Вотчинной Департаментъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1811 года изъ отставныхъ маіоровъ, а въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, по представленію министра юстиціи, роднаго своего братца, за отличное служеніе пожалованъ въ надворные совѣтники и посаженъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорской столъ съ жалованьемъ по тысячѣ рублей въ годъ. Такимъ образомъ сіе мѣсто и очистилось для меня. Провидѣніе избрало меня, чтобъ сохранить архиву сего Департамента отъ совершеннаго истребленія оной непріятелемъ. Сія архива необходима для общаго спокойствія.

Вотчинной Департаментъ съ его четырью архивами находился, какъ и нынѣ находится, въ 3-мъ этажѣ Сенатскаго зданія, что̀ въ Кремлѣ, и имѣетъ изъ оконъ своихъ видъ въ три стороны города.

Присутствующими въ Вотчинномъ Департаментѣ были: 1-й членъ или предсѣдатель онаго, г. статскій совѣтникъ Адріанъ Ѳедоровичъ Аничковъ, имѣвшій тогда около 70 лѣтъ, если не болѣе; 2-й членъ былъ я; 3-й членъ былъ надворный совѣтникъ Матвѣй Кузьмичъ Ивановъ, изъ приказнослужителей сего департамента, имѣвшій тогда болѣе 75 лѣтъ, и въ личномъ его вѣдѣніи были деньги, принадлежавшія департаменту. Вотчинной Департаментъ, по производству дѣлъ своихъ, состоялъ подъ непосредственнымъ главнымъ надзоромъ Правительствующаго Сената г. оберъ-прокурора, графа Матвѣя Александровича Дмитріева-Мамонова. При департаментѣ служили: экзекуторъ, четыре секретаря, да 138 чиновниковъ и приказнослужителей; караулъ состоялъ изъ инвалидовъ, которыхъ департаментъ нанималъ.

Происшествія въ столицѣ Москвѣ до вторженія въ оную непріятеля.

Маія 15 дня. По прошенію главнокомандовавшаго въ Москвѣ, генералъ-фельдмаршала графа Гудовича, Государь Императоръ всемилостивѣйше дозволилъ ему сложить съ себя званіе сіе, для поправленія разстроеннаго его здоровья.

Маія 29 дня. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и двора Его Императорскаго Величества оберъ-камергеръ, графъ Растопчинъ всемилостивѣйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву.

Я не имѣлъ чести знать лично графа Гудовича, не видывавъ его никогда, но въ достоинствахъ его нисколько не могъ сомнѣваться: ибо онъ и въ царствованіе Великія Екатерины занималъ важныя мѣста, а потому заслуги его должны быть извѣстны Отечеству; но графа Растопчина я очень хорошо зналъ по многимъ отношеніямъ, а особливо по несправедливому поступку его съ пріятелемъ моимъ, Петромъ Петровичемъ Дубровскимъ, который 25 лѣтъ находился внѣ предѣловъ Отечества при разныхъ посольствахъ и служилъ всегда съ честью и похвалою *). Графъ Растопчинъ не зналъ даже лица его, но при вступленіи въ званіе вице-канцлера, въ царствованіе императора Павла I-го, исключилъ его Дубровскаго изъ службы, единственно по тому, что онъ не былъ никому знакомъ изъ приближенныхъ къ графу, и такою несправедливостью ввергнулъ его въ самое затруднительное положеніе возвратиться въ отечество; и потомъ, когда онъ, Дубровскій кое-какъ возвратился и явился къ нему Растопчину, онъ оболгалъ его предъ

*) Этотъ Дубровскій привезъ въ Россію изъ Франціи много историческихъ рукописей. П. Б.

Государемъ, и Дубровскій высланъ былъ изъ С.-Петербурга. Признаюсь откровенно: лишь только я узналъ о сей перемѣнѣ начальства, сердце облилось у меня кровью, какъ будто я ожидалъ чего-то очень непріятнаго.

Іюня 15 дня напечатанъ былъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», № 50, высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генералъ фельдмаршала, графа Николая Ивановича Салтыкова, коимъ Государь Императоръ увѣдомляетъ, что Французскія войска вошли въ предѣлы нашей Россійской Имперіи. Рескриптъ сей служилъ объявленіемъ войны съ Французами, и съ 54 номера сихъ же «Московскихъ Вѣдомостей» начали печатать извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ.

Іюля 3 дня выдано въ Москвѣ слѣдующее печатное объявленіе: «Московской военной губернаторъ, графъ Растопчинъ, симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ, между прочимъ вздоромъ, сказано, что Французской императоръ Наполеонъ обѣщается чрезъ шесть мѣсяцовъ быть въ обѣихъ Россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя, и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ Московскаго второй гильдіи купца Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою. Графъ Растопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ, и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ же сочинитель и губернской секретарь Мѣшковъ, переписщикъ ихъ, преданы суду и получатъ должное наказаніе за ихъ преступленіе».

Я нужнымъ поставлю приложить при семъ точныя копіи съ сихъ двухъ дерзкихъ бумагъ.

1.

«Письмо Наполеона къ Прусскому королю.

Ваше величество! Краткость времени не позволила мнѣ извѣстить васъ о послѣдовавшемъ занятіи вашихъ областей. Я для соблюденія порядка опредѣлилъ въ нихъ моего принца; будьте увѣрены, ваше величество, въ моихъ къ вамъ искреннихъ чувствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что вы, какъ курфирстъ Бранденбургской, заглаживаете недостойной вашъ союзъ съ потомками Чингизъ-Хана желаніемъ присоединиться къ огромной массѣ Рейнской монархіи. Мой статсъ-секретарь пространно объявитъ вамъ мою волю и желаніе, которое, надѣюсь, вы съ великимъ рвеніемъ исполните. Дѣла моихъ ополченій зовутъ теперь меня въ мой воинскій станъ. Пребываю вамъ благосклонный Наполеонъ».

2.

«Рѣчь, произнесенная Наполеономъ къ князьямъ Рейнскаго союза въ Дрезденѣ.

Вѣнценосные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ взяли другой оборотъ. Повелѣваю, какъ глава Рейнскаго союза, для общей пользы, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подъ моимъ начальствомъ на полѣ чести. Вамъ объявляю мои намѣренія: желаю возстановленія Польши. Хочу исторгнуть ее изъ неполитическаго существованія на степень могущественнаго королевства. Хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франціи. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мною одинаково. Я хочу и поражу древнихъ тирановъ Европы. Я держалъ свое слово и теперь говорю: прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы Европы будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей Европы».

Читая эти бумаги, съ первыхъ строкъ можно было замѣтить, что двадцатилѣтній купеческій сынъ Верещагинъ, отъ какого бы иностранца образованіе свое ни получилъ и какою бы трактирною бесѣдою развращенъ ни былъ, такихъ бумагъ не напишетъ; а потому и объявленіе это главнокомандующаго Москвою всѣмъ показалось ложью, что́, конечно, не могло поселить къ нему ни довѣрія, ни искренняго уваженія *).

Я люблю правду, и всякой гражданинъ, приверженный не одними словами, но душею и серцемъ, къ престолу законнаго Монарха и Отечеству, долженъ любить правду: ибо помазанникъ Божій, Государь, изрекаетъ судъ по правдѣ и тогда уже не подвергаетъ себя Божескому суду. И такъ, я объясню дѣло о Верещагинѣ слѣдующею истиною. Дни за четыре до напечатаннаго объявленія графомъ Растопчинымъ, съ пришедшею изъ С.-Петербурга почтою, были получены и иностранныя вѣдомости, и въ Усть-Эльбскихъ эти, такъ названныя, дерзкія двѣ бумаги были напечатаны. Какимъ же образомъ Верещагинъ прочелъ тѣ газеты и успѣлъ перевести изъ нихъ рѣчь Наполеона на Русской языкъ, я не знаю; но списки его перевода скоро разошлися по рукамъ: я самъ видѣлъ ихъ у многихъ моихъ чиновниковъ

*) Исторія о Верещагинѣ можетъ наполнить собою цѣлую книгу: такъ много о ней написано. Не обращено однако должнаго вниманія на то, что для графа Ростопчина, вступившаго въ управленіе Москвою, когда уже приближалась къ Русскимъ предѣламъ почти вся вооруженная Европа, важенъ былъ не столько Верещагинъ, какъ предлогъ, давшій ему возможность имѣть почту въ рукахъ надежныхъ и удалить отъ нея масона Ключарева, у котораго Верещагинъ бралъ иностранныя газеты. Графу Ростопчину необходимо было обезпечить себя съ этой стороны. П. Б.

въ департаментѣ и списалъ для себя копіи, но, прочитавъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе графа Растопчина, и чтобъ не подвергнуть себя непріятностямъ, сжегъ ихъ у себя тогда же, и потомъ уже въ 1814 году списалъ ихъ вновь изъ печатной Русской книги, заглавія которой не запомню.

Между тѣмъ главной Московской почтъ-директоръ, тайной совѣтникъ Өедоръ Петровичъ Ключаревъ, человѣкъ съ большими достоинствами, обремененный лѣтами и дряхлостью, но личный врагъ графу Ростопчину, былъ въ ночь арестованъ новымъ третьимъ полиціймейстеромъ столицы Москвы, г. Брокеромъ.

Для поясненія тогдашнихъ отношеній, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о г. Брокерѣ. Адамъ Өомичъ Брокеръ, съ давнихъ лѣтъ приверженный къ графу Ростопчину и самой короткой человѣкъ въ его домѣ, служилъ въ Главномъ Московскомъ Почтамтѣ экзекуторомъ, и по назначеніи графа Ростопчина военнымъ губернаторомъ Москвы, по покровительству его, получилъ мѣсто третьяго Московскаго полиціймейстера, съ переименованіемъ его въ военный чинъ; и этому-то чиновнику графъ Ростопчинъ поручилъ арестовать Ключарева, чиновнику, который, за двѣ недѣли назадъ, находился подъ непосреднымъ его, Ключарева, начальствомъ! Арестованный старецъ подъ стражею высланъ въ городъ Воронежъ, а оставшееся имѣніе его содѣлалось пищею пламени и расхищено въ непріятельское нашествіе.

Поступокъ сей съ Ключаревымъ еще болѣе утвердилъ ложь Ростопчина относительно Верещагина, потому что если бумаги писалъ Верещагинъ, то не было никакого повода такъ беззаконно поступать съ заслуженнымъ старцемъ, генераломъ; если же, напротивъ, Верещагинъ перевелъ сіи списки изъ иностранныхъ вѣдомостей, то не слѣдовало объявлять, что Верещагинъ сочинилъ ихъ: ложь была очевидна въ обоихъ случаяхъ.

Впрочемъ, бумаги сіи и сами по себѣ не сдѣлали особеннаго впечатлѣнія въ народѣ. Народъ говорилъ: «Мы, де, Русскіе и должны держаться Русской пословицы: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». И не знали чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую оказывалъ онъ къ вѣнценоснымъ друзьямъ своимъ, или кротости и снисхожденію сихъ вѣнценосныхъ его друзей.

Въ самое это же время слухъ прошелъ въ Москвѣ, что будто въ С.-Петербургѣ открыта измѣна въ особахъ Государственнаго Совѣта: секретарѣ Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ и Михайлѣ Леонтье-

вичѣ Магнитскомъ, что они уже арестованы министромъ полиціи Балашовымъ, и что ихъ везутъ подъ стражею чрезъ Москву въ опредѣленные имъ города для жительства. Говорили при томъ, что лишь только они въ Москву въѣдутъ, то будутъ истерзаны народомъ; но, слава Богу, они съ Твери поворотили въ другую сторону и въ Москвѣ не были *).

Іюля 5 дня. Первой членъ Вотчиннаго Департамента, статской совѣтникъ Аничковъ, по случаю ваканціи, уволенъ былъ отъ должности на 28 дней; ему данъ былъ паспортъ, и онъ изъ Москвы выѣхалъ, а я остался начальникомъ департамента.

Іюля 11 дня. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ столицу Москву. Съ Его Величествомъ прибыли гг. оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютантъ, министръ полиціи Балашовъ, вице-адмиралъ, государственной секретарь Шишковъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій.

Въ сей же день рано утромъ читали мы слѣдующій печатный манифестъ:

«Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи! Онъ идетъ разорять любезное наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности, да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущества врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей, текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіхъ духъ той праведной брани, какую благословляютъ Богъ и Православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее

*) Высылка Сперанскаго и Магницкаго изъ Петербурга произошла еще 17 Марта 1812 года. П. Б.

рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!»

На подлинномъ: «Александръ».

Въ лагерѣ близъ Полоцка, 6 Іюля 1812 года.

Всякой, кто читалъ это воззваніе къ столицѣ Москвѣ, былъ тронутъ до глубины сердца, всякой готовъ былъ жертвовать собою для защиты престола и Отечества. Я въ сей день, со многими другими, обѣдалъ у начальника моего, графа Дмитріева-Мамонова. Сей вельможа Россійскаго государства, истинный сынъ Отечества, безъ лицемѣрнаго притворства, приверженный къ престолу Монарха, при своемъ состояніи, рѣшился сформировать пѣхотный полкъ изъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ и на свой счетъ; онъ приглашалъ меня способствовать ему и вмѣстѣ служить въ ономъ полку съ нимъ. Я охотно согласился и подалъ прошеніе о увольненіи меня изъ Вотчиннаго Департамента; но, къ сожалѣнію, дней чрезъ шесть графъ Дмитріевъ-Мамоновъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, вмѣсто пѣхотнаго полка вздумалъ сформировать конной полкъ; а такъ какъ я не только не умѣю ѣздить верхомъ, но, откровенно говорю, боюсь даже сѣсть на лошадь, и потому поданную мною просьбу о увольненіи меня изъ Вотчиннаго Департамента взялъ обратно, изорвалъ и остался при своемъ мѣстѣ.

Іюля 15 дня. Въ сей день собраны были дворянское и купеческое сословія въ залахъ Слободскаго Дворца. Я самъ былъ тамъ лично. По прибытіи Государя Императора въ залу, въ которой собралось дворянство и по прочтеніи воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, оное общимъ согласіемъ положило обмундировать и вооружить съ одной Московской губерніи, для отраженія врага, восемьдесять тысячъ воиновъ. Государь, принявъ сіе пожертвованіе съ душевнымъ умиленіемъ, изрекъ дворянству: «Инаго я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать. Вы оправдали мое о васъ мнѣніе». Потомъ Государь Императоръ вошелъ въ залу, въ которой ожидали его купечество и мѣщанство, и я туда пошелъ, чтобы слышать, что̀ они будутъ говорить; и по прочтеніи того же воззванія, они общимъ голосомъ от-

вѣчали: «Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою». И тутъ же началась подписка денежнаго пожертвованія. Я возвратился въ квартиру свою.

Съ чувствомъ истиннаго прискорбія, невольно дѣлаю нѣкоторое замѣчаніе, совершенно однакоже справедливое. Оно можетъ показаться весьма непріятно, но правда всегда священна. До воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ Государемъ Императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ сабля и шпага продавались по 6 р. и дешевле; пара пистолетовъ Тульскаго мастерства 8 и 7 р.; ружье, карабинъ того же мастерства 11, 12 и 15 р.; дороже не продавали. Но когда прочтено было воззваніе Императора и учреждено ополченіе противу врага, то таже самая сабля или шпага стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ-то портные, сапожники и другіе, утроили или учетверили цѣну работы своей; словомъ, все необходимо нужное, даже съѣстные припасы, высоко вздорожало. Графъ Растопчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, могъ бы легко такое беззаконное лихоимство властію своею остановить и предать виновныхъ суду; но онъ смотрѣлъ на это зло равнодушно, и за недѣлю только до входу непріятеля въ Москву публиковалъ въ вѣдомостяхъ слѣдующее: «Дабы остановить преступное лихоимство купцовъ Московскихъ, которые берутъ непомѣрную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противу врага, онъ, главнокомандующій, открылъ государственный цейхаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цѣною».

Дѣйствительно, цѣна продаваемому оружію изъ арсенала или цейхауза была очень дешева, ибо ружье или карабинъ стоили 2 и 3 рубли, сабля 1 р., кортикъ, пики и проч., все очень дешево; но, къ сожалѣнію, все это оружіе къ употребленію не годилось: ибо ружья или карабины были или безъ замковъ, или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ согнутые, или измятые, сабли безъ эфесовъ, у другихъ клинки сломаны, зазубрены, и лучшее, чтó было въ цейхаузѣ, то скуплено уже было купцами; но, не взирая на негодность оставшагося оружія, покупали еще оное, и арсеналъ или цейхаузъ былъ полонъ народу.

Итакъ пожертвованія дворянства были гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ пожертвованія купцовъ, мѣщанъ, масте-

ровыхъ. Первые шли на защиту отечества сами, съ дѣтьми своими, нѣсколько возмужалыми, жертвуя не только имуществомъ, но и жизнію, для отраженія врага, брали съ собою еще дружину изъ крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ отъ 10 душъ одного, или и двухъ; а вторые приносили въ жертву однѣ только деньги въ ассигнаціяхъ, которыя въ то время никакой цѣны не имѣли, и тотъ еще излишекъ денегъ своихъ, которыя они лихоимственно получили отъ дѣйствительныхъ защитниковъ Отечества за оружіе и прочія необходимыя вещи; сами же они съ своими повѣренными, прикащиками и сидѣльцами удалялись заблаговременно изъ Москвы на нѣсколькихъ сотняхъ троекъ лошадей, чтобы не быть свидѣтелями ужасовъ нашествія непріятеля, оставя въ домахъ своихъ только то, чего увезти съ собою не могли.

Повторю, что я съ большимъ прискорбіемъ сдѣлалъ сіе замѣчаніе.

Вотъ еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребыванія Государя въ Москвѣ и о которомъ умолчать я почелъ бы преступленіемъ.

Дворянство Рязанской губерніи, въ которой имѣлъ я небольшую деревню, узнавъ о воззваніи Императора къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, немедленно выслало своихъ депутатовъ, состоящихъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, съ тѣмъ, чтобъ они, по пріѣздѣ въ Москву, повергнувъ себя къ стопамъ Государя, донесли Его Величеству, что Рязанское дворянство готово поставить на защиту Отечества шестдесятъ тысячъ воиновъ вооруженныхъ и обмундированныхъ. Самъ же губернской предводитель сего дворянства, Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, въ числѣ депутатовъ, по болѣзни своей, не былъ.

Депутаты, частію мнѣ знакомые люди, по пріѣздѣ въ Москву, остановились въ домѣ губернскаго своего предводителя Измайлова, что́ у Мясницкихъ воротъ, и на другой день явились къ министру полиціи, генералъ-адъютанту Балашову, прося его, чтобъ онъ доложилъ объ нихъ Государю Императору.

Генералъ Балашовъ принялъ ихъ самымъ неблагосклоннымъ образомъ, кричалъ на нихъ, говоря, какъ смѣли они отлучиться отъ должностей своихъ; и, когда депутаты отвѣчали, что они это сдѣлали по общему приговору дворянства и съ личнаго дозволенія г-на Рязанскаго гражданскаго губернатора, Бухарина, тогда Балашовъ сказалъ, что онъ сдѣлаетъ строгое взысканіе, и почти выгналъ ихъ отъ себя.

Хотя депутаты Рязанской губерніи чрезвычайно оскорбились и огорчились такимъ неделикатнымъ поступкомъ съ ними генерала Балашова, однакожъ не отчаявались и обратились къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Растопчину, который и принялъ ихъ очень вѣжливо и ласково. Они, объяснивъ ему причину своего пріѣзда въ Москву, не умолчали о поступкѣ съ ними генерала Балашова, и графъ Растопчинъ, порицая поступокъ Балашова, обѣщалъ въ тотъ же день доложить объ нихъ Государю Императору. На другой день рано чрезъ Московскую полицію приказано имъ было выѣхать немедленно изъ столицы. Они съ сердцемъ преисполненнымъ горести, что не видѣли Государя и не выполнили на нихъ возложеннаго препорученія Рязанскимъ дворянствомъ, возвратились во свояси. Чтó должно думать о генералъ-адъютантѣ, министрѣ полиціи, Балашовѣ? Искренно ли онъ любилъ благодѣтеля своего, Государя Императора, и истинный ли былъ сынъ Отечества? По поступку его можно усомниться.

Іюля 18 дня. Обнародованъ составъ военной Московской силы, и Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Москвы въ С.-Петербургъ.

Съ отъѣздомъ Государя Императора движеніе народа было необыковенное. Множество пріѣзжихъ изъ деревень наполняло вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что тѣсно отъ нихъ было; всѣ почти были въ мундирахъ Московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать Русскихъ градовъ; но мало по малу эта толпа становилась рѣже и рѣже, а недѣли черезъ три бульвары и вовсе опустѣли.

Графъ Растопчинъ, по отъѣздѣ Государя Императора, рѣдкій день не выдавалъ печатныхъ афишекъ, какъ о дѣйствіи армій нашихъ, такъ особенно и отъ себя въ народное извѣстіе, писанныхъ особеннымъ слогомъ, который нѣкоторые находили соотвѣтствующимъ времени и обстоятельствамъ, но большая часть пошлымъ и площаднымъ. Онъ писалъ, что глазъ у него болѣлъ, а теперь глядитъ въ оба; что Французъ не тяжеле хлѣбнаго снопа, и мы его на вилы, де, подымемъ; чтобы народъ не пугался, когда увидитъ шаръ воздушной, и на немъ 50 человѣкъ; этотъ шаръ истребитъ армію непріятельскую, и проч. и проч. Однакожъ, смѣясь надъ шаромъ, я долженъ упомянуть, что многіе этому вѣрили отъ души. Я говорилъ о воздушномъ шарѣ съ вельможею, сенаторомъ, котораго имени не хочу назвать; онъ былъ точно увѣренъ, что воздушный шаръ истребитъ непріятельскую армію, и доказывалъ, увѣряя честью своею, что уже сдѣлана проба, и собрано

было стадо овецъ, надъ которыми поднялся шаръ съ тремя человѣками, и стадо истреблено.

Августа 9 дня. Первый членъ Вотчиннаго Департамента Аничковъ возвратился изъ отпуска къ должности своей, и такъ какъ вакантные дни еще продолжались, то испросилъ и я себѣ увольненіе на 28 дней. Мнѣ данъ былъ на сей срокъ законной паспортъ, и я не присутствовалъ уже въ Вотчинномъ Департаментѣ.

Въ день, въ которой данъ былъ мнѣ паспортъ, нисколько еще не помышляли, чтобъ непріятель могъ овладѣть Москвою; а какъ срокъ моему увольненію долженъ былъ окончиться около 9 числа Сентября, а непріятель овладѣлъ Москвою 2 Сентября, слѣдовательно безъ малѣйшей отвѣтственности для меня и подозрѣнія, что я будто въ духѣ труса бѣжалъ отъ непріятеля, не заботясь ни мало о сохраненіи сокровищей отечественныхъ, которыя заключаются въ архивѣ Вотчиннаго Департамента, могъ я съ семействомъ свободно уже удалиться безъ потери моего имущества, и не быть притомъ свидѣтелемъ ужаснаго нашествія врага. Въ ономъ достаточно оправдывало меня данное мнѣ законное увольненіе.

Августа 18 дня. Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Ростопчинъ, предложилъ письменно Вотчинному Департаменту слѣдующее: «Вотчинной Департаментъ долженъ уложить всѣ дѣла свои и имѣть оныя въ готовности къ отвозу въ безопасное мѣсто, если необходимость можетъ того потребовать; а нужное количество лошадей на отвозъ сихъ дѣлъ чтобы департаментъ самъ уже отъ себя испросилъ отъ Московскаго гражданскаго губернатора».

Такъ какъ я не совершенно еще воспользовался даннымъ мнѣ отпускомъ и изъ Москвы не выѣзжалъ, то первой членъ Вотчиннаго Департамента Аничковъ, получившій выше прописанное предложеніе графа Ростопчина, прислалъ ко мнѣ въ оригиналѣ оное и, вмѣстѣ съ симъ, прислалъ сегодня же, то есть 18 Августа, вышедшее печатное объявленіе отъ него же, графа Ростопчина, слѣдующаго содержанія:

«Отъ главнокомандующаго въ Москвѣ.

Здѣсь есть слухъ, и есть люди, кои ему вѣрютъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ,

и родню, которые при женщинахъ, въ будущихъ, отправились безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то непристойно; а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него сзади непріятеля генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3.800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни прійдетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальныя 7 тысячъ вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тысячъ пѣхоты. А естьли этого мало для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: «Ну, дружина Московская! Пойдемъ и мы!» И выйдемъ сто тысячъ молодцовъ, возмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150.000 человѣкъ; кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу. Прочитайте; понять можно, а толковать нечего».

Я не смѣю дѣлать никакого замѣчанія на это объявленіе, но спрошу только: какъ надобно было понимать оное?

Сей день 18 Августа былъ черной день для меня. Я поздно узналъ, что не надобно мнѣ было возвращать паспорта, а идти по указанію случая; насъ всегда губитъ мудрованіе! Прочитавъ съ большимъ вниманіемъ, какъ предложеніе графа Растопчина Вотчинному Департаменту, такъ и объявленіе его къ жителямъ Москвы, помѣщенныя въ семъ послѣднемъ слова: «непристойно, стыдно», меня какъ громомъ поразили. Я думалъ, что сдѣлаю постыдное преступленіе, если воспользуюсь счастливымъ случаемъ, даннымъ мнѣ законнымъ увольненіемъ, и удалюсь изъ Москвы. Я страшился, чтобъ удаленіе мое въ такое время, когда самимъ Провидѣніемъ испытуется усердіе служащаго чиновника и сына Отечества, не постановлено бы мнѣ было поступкомъ, близкимъ къ измѣнѣ или предательству, и полагалъ: чѣмъ кто имѣетъ именитѣе происхожденіе свое, тѣмъ болѣе обязанъ служить престолу и Отечеству по правдѣ. И въ таковыхъ-то мысляхъ рѣшился я возвратить данной мнѣ паспортъ и остаться при своей должности.

Сего жъ 18 Августа графъ Растопчинъ далъ письменное приказаніе Московскому Магистрату, чтобы онъ «людямъ купеческаго и мѣщанскаго

сословія не давалъ уже паспортовъ о выѣздѣ ихъ изъ Москвы, кромѣ женъ ихъ и малолѣтныхъ дѣтей».

Вышедшее вышепрописанное отъ графа Растопчина печатное объявленіе, равно какъ и приказаніе его Магистрату, чрезвычайно скоро разошлись по уѣзду, и толковали слова «непристойно, стыдно», всякой по своему; запрещеніе же Магистрату давать купцамъ и мѣщанамъ паспорты о выѣздѣ изъ Москвы совершенно вложило въ голову, что сіе запрещеніе есть всѣмъ вообще, и потому тѣ люди, которые не имѣли нужды просить особенныхъ паспортовъ, удаляясь изъ Москвы, находили въ пути своемъ большія непріятности или, лучше сказать, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, чрезъ селенія которыхъ должны были ѣхать. Они называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали въ слѣдъ тѣмъ, которые мимо селеній ѣхали: «Куда, бояре, бѣжите вы съ холопами своими? Али невзгодье и на васъ пришло? И Москва въ опасности вамъ не мила уже». И которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то таковые вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить себѣ за овесъ и сѣно въ три-дорога, и сверхъ того просто за постой не по пяти копѣекъ съ человѣка, какъ то обыкновенно платили, но по рублю и болѣе, и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотѣли сдѣлаться жертвою негодованія противъ своего побѣгу освирѣпѣвшаго народа. Многіе изъ удалявшихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвратились опять въ Москву пѣшками, лишившись дорогою и лошадей своихъ съ экипажемъ, и имущества. Я свидѣтельствуюсь въ истинѣ сихъ происшествій тѣми, кои удалялись въ то время изъ Москвы и сами разсказывали со слезами о горестномъ своемъ положеніи. Между тѣмъ въ самой Москвѣ такъ вздорожалъ наемъ извощичьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго на три лошади триста рублей и болѣе, потому что богатые господа и купцы всѣхъ лошадей забрали; слѣдовательно обремененный семействомъ человѣкъ въ недостаткахъ своихъ по неволѣ долженъ былъ остаться во власти непріятеля, тогда въ скоромъ времени овладѣвшаго Москвою.

Августа 19 дня. Возвративъ данный мнѣ паспортъ или свидѣтельство о увольненіи меня отъ должности на 28 дней, я присутствовалъ въ Вотчинномъ Департаментѣ съ прочими членами онаго. Мы имѣли разсужденіе относительно предложенія графа Растопчина, «чтобъ были дѣла наши въ готовности къ отправленію оныхъ въ безопасное мѣсто», и по предмету сего заключили опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ и за скрѣпою секретаря, слѣдующаго содержа-

нія: «Такъ какъ по справкѣ оказалось, что при Вотчинномъ Департаментѣ, кромѣ текущихъ дѣлъ, которыя оставить можно на произволъ судьбы, находится много самыхъ нужныхъ документовъ къ разрѣшенію споровъ тяжущихся между собою по вотчиннымъ дѣламъ, и документы сіи состоятъ частію въ огромныхъ книгахъ въ переплетѣ, частію въ связкахъ и въ сверткахъ, всего числомъ 42160; и по математической истинѣ сдѣланному вычисленію, полагая на каждую крестьянскую лошадь 18 пудъ, то потребно будетъ до тысячи лошадей», и проч. и проч. Мы представили это наше опредѣленіе на разсмотрѣніе главному нашему начальнику, графу Дмитріеву-Мамонову, который, съ своей стороны, немедленно, съ приложеніемъ этого нашего опредѣленія въ оригиналѣ, отнесся къ графу Растопчину, и просилъ меня, чтобъ я конвертъ его лично доставилъ въ собственныя руки графа, дабы избѣгнуть дальнѣйшей переписки и проволочки по сему предмету: ибо я, какъ членъ департамента, могъ дать ему нужныя свѣдѣнія и объясненія.

Графъ Растопчинъ въ сіе время жилъ внѣ Москвы, въ загородномъ своемъ домѣ, и потому доставилъ я конвертъ графа Дмитріева-Мамонова на другой уже день, и отдалъ оный, какъ приказано мнѣ было, въ собственныя руки его сіятельства; но графъ, спросивъ меня только: «отъ кого?» не удостоилъ болѣе разговоромъ и не оказалъ большаго вниманія къ отношенію графа Дмитріева-Мамонова, даже не распечаталъ конверта, а кинулъ оный на столъ. (Надобно знать, что графъ Растопчинъ былъ личный врагъ графу Дмитріеву - Мамонову). Послѣ двухъ часовъ ожиданія отвѣта, правитель канцеляріи его мнѣ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ трактовать о дѣлахъ и архивѣ Вотчиннаго Департамента. Съ таковымъ отвѣтомъ и возвратился я къ графу Дмитріеву-Мамонову.

Августа 27 дня въ Москвѣ узнали о кровопролитномъ сраженіи при селѣ Бородинѣ, разстояніемъ отъ Москвы 120 верстъ.

Первый членъ департамента Аничковъ испросилъ себѣ отъ графа Дмитріева-Мамонова опять увольненіе отъ должности на 8 дней, и просилъ меня не только убѣдительно, но даже униженно, чтобъ не сдѣлалъ я ему препятствія въ полученіи паспорта, поелику онъ видѣлъ, что я самъ имѣлъ полное право на отпускъ. И я, снисходя тому жалкому положенію, въ которомъ онъ тогда находился и не могши ожидать отъ него никакой помощи себѣ въ сохраненіи архива Вотчиннаго Департамента, буде нужда того потребуетъ, да и казалось

*) Графъ Растопчинъ обыкновенно проводилъ утро на Тверской въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, за тѣмъ былъ въ своемъ домѣ на Большой Лубянкѣ (нынѣ Кредитнаго Общества), а вечеромъ уѣзжалъ къ себѣ на дачу въ Сокольники (позднѣе дача Митькова, на лѣво отъ въѣзда изъ Москвы). Ему случалось по недѣлямъ не раздѣваться. П. Б

мнѣ, что онъ прежде времени умеръ (ибо былъ блѣденъ и говорилъ дрожащимъ языкомъ, такъ что понять нельзя было, чтó онъ говорилъ) и потому не препятствовалъ я ему получить паспортъ, который я самъ и подписалъ.

Такимъ образомъ я опять остался старшимъ членомъ Вотчиннаго Департамента.

Въ сей же день, 27 Августа, получено изъ С.-Петербурга отъ министра юстиціи Дмитріева предписаніе, чтобы главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова, поступившаго съ полкомъ, имъ формированнымъ, въ составъ арміи, имѣлъ оберъ-прокуроръ Озеровъ.

Августа 28 дня привезли въ Москву раненыхъ при селѣ Бородинѣ и помѣстили ихъ въ разныхъ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ.

Въ ночи съ 29 на 30 число Августа господа оберъ-прокуроры Правительствующаго Сената всѣхъ департаментовъ имѣли необыкновенное свое ночное засѣданіе, и отъ оберъ-прокурора Озерова, принявшаго главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, приказано было, чтобы и я съ чиновниками моими въ это время находились при своемъ мѣстѣ. Я воздерживаюсь дѣлать какія нибудь замѣчанія о семъ ночномъ засѣданіи, но долженъ сказать, что господа оберъ-прокуроры, послѣ многаго разсужденія относительно къ представшей опасности столицѣ Москвѣ (ибо и главная, де, квартира непріятеля, говорили они, не далѣе уже сорока верстъ), не приняли, однакожъ, никакихъ мѣръ къ сохраненію архива Вотчиннаго Департамента, равно какъ и небольшой суммы денегъ, частію въ мѣдной монетѣ прежняго чекана, при ономъ состоящей, и ночное свое засѣданіе заключили опредѣленіемъ, которое и мнѣ объявили: «Послать нарочнаго курьера въ С.-Петербургъ и, съ прописаніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Москва, испросить отъ министра юстиціи приказаніе, чтó дѣлать съ архивомъ Вотчиннаго Департамента». И курьеръ съ таковымъ донесеніемъ отправленъ на другой уже день поздно, то есть 31 Августа.

Сіе ночное засѣданіе составляли господа оберъ-прокуроры: графъ Кутайсовъ, Озеровъ, Засѣцкій и Лужинъ. Оное продолжалось съ 10 часовъ вечера до 3 часовъ слѣдующаго утра.

Августа 30 выдано въ народъ слѣдующее печатное объявленіе:

«Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ

мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ нарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: Французъ не тяжеле снопа аржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь къ раненымъ; тамъ воду освятимъ; они скоро выздоровѣютъ. И я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба».

Подписалъ: «Графъ Растопчинъ».

30 Августа 1812 года.

Это объявленіе въ народъ, которое, казалось бы, само по себѣ ничего не значило, причинило, однакожъ, ужасное волненіе въ народѣ, волненіе самое убійственное: стали разбивать кабаки; питейная контора на улицѣ Поварской разграблена, на улицахъ крикъ, драка; останавливали прохожихъ, спрашивая, гдѣ непріятель? Трудно было отойти отъ нихъ. Въ Серебряномъ ряду двое Нѣмцовъ, жившихъ въ Россіи нѣсколько десятковъ уже лѣтъ, желали размѣнять ассигнаціи на серебро, и когда они не хотѣли дать промѣнъ, который мѣнялы требовали, то силою отняли у нихъ деньги, а самихъ ихъ избили до полусмерти, подъ предлогомъ, будто они шпіоны *). Словомъ, Москва въ этотъ день какъ будто вовсе была безъ начальства. Я, проходя въ 10 часовъ утра изъ дому въ Вотчинной Департаментъ, встрѣтилъ въ городѣ, у Лобнаго мѣста, что̀ близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, огромное стеченіе народа, большею частію пьяныхъ, готовыхъ на всякое буйство. Въ толпѣ сей говорили, что графъ Растопчинъ сзываетъ уже сыновъ Отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ, для отраженія врага отъ Москвы, и что завтрешній день съ восходомъ солнца народъ долженъ сбираться, кто съ чѣмъ можетъ, въ назначенное имъ мѣсто.

Въ Вотчинномъ Департаментѣ я нашелъ все въ порядкѣ: дежурные чиновники были при своихъ мѣстахъ. Однакоже многіе удалились уже изъ Москвы, безъ вѣдома моего.

---

*) Сперанскій въ Нижнемъ тоже покупалъ звонкую монету и писалъ своему подручнику Масальскому, что будетъ покоенъ, когда наберетъ столько-то тысячъ червонцевъ. Графъ Растопчинъ долженъ былъ посылать въ Нижній своихъ людей, чтобы уберечь бывшаго государственнаго секретаря отъ ярости простонародья. П. Б.

Въ сей же день, по вечеру, прiѣхали за мною отъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго шесть лошадей въ двухъ повозкахъ; а супруга его, графиня Анна Володимировна, прислала мнѣ 400 рублей ассигнацiями, которыя я отъ аптекаря Ауербаха и получилъ. Сверхъ того, графъ Бобринскiй прислалъ мнѣ, при особой запискѣ своей съ человѣкомъ, прiѣхавшимъ съ лошадьми за мною, 240 Голландскихъ червонцовъ и просилъ меня, чтобъ я поспѣшилъ къ нему прiѣздомъ *).

Это частность, и я упомянулъ объ ономъ только для того, чтобы доказать, что я всѣ способы имѣлъ удалиться отъ непрiятеля: имѣлъ и деньги, и лошадей, но не имѣлъ ни отъ какого начальства приказанiя оставить мое мѣсто, а самому собою нарушить присягу и, въ духѣ труса, спасая себя, кинувъ архивъ Вотчиннаго Департамента на произволъ судьбы, я не думалъ имѣть право. И если впослѣдствiи сей подвигъ усердiя моего поставленъ мнѣ былъ въ преступленiе, и безъ суда еще совершены на мнѣ жестокости наказанiя, то все-таки преступленiе мое было похвальное, а подвигъ истинно-патрiотическiй, коимъ я имѣю полное право гордиться и хвалиться: по крайней мѣрѣ, сохраненiемъ архива Вотчиннаго Департамента я заплатилъ любезному Отечеству за воспитанiе мое.

Августа 31 дня. Я рано вышелъ изъ дому моего, желая посмотрѣть, что̀ дѣлается въ городѣ, и прошелъ до Прѣсненской заставы, изъ которой дорога на Три Горы. Боже мой! Съ какимъ сердечнымъ умиленiемъ взиралъ я на православной Русской народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружiемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцовъ купленнымъ. Другiе шли съ пиками, вилами, топорами въ предмѣстiе Три Горы, чтобы спасти отъ наступающаго врага Москву, колыбель Православiя и гробы праотцевъ, и съ духомъ истиннаго патрiотизма въ одинъ голосъ кричали: «Да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ!» Малѣйшая поддержка этого патрiотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непрiятель въ Москву. Народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствѣ 4 или 5 верстъ квадратныхъ, съ восхожденiемъ солнца до захожденiя, не расходился, въ ожиданiи графа Растопчина, какъ онъ самъ обѣщалъ предводительствовать ими; но полководецъ не явился, и всѣ съ горестнымъ унынiемъ разошлись по домамъ.

Сентября 1 дня. Рано утромъ разбуженъ я былъ приходомъ ко мнѣ третьяго члена Вотчиннаго Департамента, Иванова. Онъ принесъ мнѣ конвертъ, содержащiй въ себѣ предложенiе оберъ-прокурора Озе-

*) Графъ Бобринскiй жилъ тогда за Тулою въ Бобрикахъ, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался. Супруга его была урожденная Унгернъ-Штернбергъ. П. Б.

рова, которому препорученъ главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ. Распечатавъ конвертъ, прочиталъ я слѣдующее:

«Вотчинному Департаменту

Такъ какъ оберъ-прокуроръ Сената г. Озеровъ отправляется съ Правительствующимъ Сенатомъ въ городъ Казань, то и передаетъ власть свою надъ департаментомъ старшему по себѣ».

Но какое удивленіе мое было! Лишь прочиталъ я сіи строки, увидѣлъ у ногъ моихъ его, Иванова, блѣднаго, трепещущаго, умоляющаго меня подписать ему паспортъ о выѣздѣ изъ Москвы, который онъ уже держалъ въ рукахъ своихъ. Я подписалъ сей паспортъ. Въ противномъ случаѣ онъ уѣхалъ бы и безъ паспорта моего, а можетъ быть еще и того хуже: умеръ бы отъ страху, и причину смерти его приписали бы мнѣ.

Такъ какъ я оставался старшимъ въ Вотчинномъ Департаментѣ или, лучше сказать, оставался одинъ съ нѣсколькими чиновниками: то, по уходѣ отъ меня Иванова, поспѣшилъ въ домъ оберъ-прокурора Озерова, чтобъ узнать отъ него, въ чемъ власть его надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, которую онъ передаетъ мнѣ, и принять наставленіе, что́ мнѣ самому дѣлать въ опасностяхъ, отъ которыхъ онъ удаляется. Но его превосходительства я не могъ видѣть: онъ уже далеко былъ отъ Москвы.

Возвратясь на квартиру, я разсуждалъ, что трусость, которую обнаружу подлымъ бѣгствомъ отъ непріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы Вотчиннаго Департамента, на произволъ судьбы, будетъ со стороны моей подлымъ нарушеніемъ присяги. Возложивъ все упованіе мое на Всемогущаго Творца, оставилъ я квартиру свою со всѣмъ моимъ въ оной имуществомъ, приказавъ людямъ моимъ не оставлять квартиры до самой уже невозможности быть въ оной, отпустилъ лошадей графа Бобринскаго, присланныхъ за мною и, взявъ жену и малолѣтныхъ моихъ дѣтей, пошелъ съ ними въ Кремль, гдѣ я сдѣлалъ самого себя стражемъ Вотчиннаго Департамента.

Послѣ полудня ходилъ я къ Дорогомиловской заставѣ, въ которую долженъ входить непріятель передовыми своими войсками, и на Арбатской улицѣ встрѣтилъ генерала отъ артиллеріи Лёвенштерна и адъютанта его Фадѣева, съ которымъ я давнымъ давно знакóмъ, но около девяти лѣтъ не видался съ нимъ. Мы оба обрадовались свиданію нашему. Я узналъ отъ него, что непріятель непремѣнно войдетъ

въ Москву, потому что наша армія почти погибла и осталась не въ большомъ числѣ, но что еще дни два, какъ кажется, сказалъ онъ, простоимъ около Москвы. Фадѣевъ имѣлъ какое-то препорученіе, и мы скоро разстались. Когда стало смеркаться, то съ берегу Москвы-рѣки, у самого Дорогомиловскаго моста, видно было, что освѣтились бивуаки нашей арміи, расположенной у Поклонной горы, версты три отъ заставы Дорогомиловской. Народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ этотъ вечеръ, описать нельзя. Возвратясь въ Вотчинной Департаментъ, я нашелъ тамъ все благополучно: семейство мое уже покоилось; караулъ, стоявшій на кругломъ дворѣ Сенатскаго зданія, билъ, по обыкновенію, вечернюю зорю, и я, осмотрѣвъ обѣ двери въ Вотчинной Департаментъ, заперъ ихъ и ключъ взялъ къ себѣ.

Сентября 2 дня я почти совсѣмъ не спалъ, а дремалъ только и, къ удивленію моему, стоявшій караулъ на внутреннемъ кругломъ дворѣ Сенатскаго зданія и бившій вчерашняго вечера еще зорю, ночью снятъ былъ съ своего мѣста. Я предоставляю отцамъ семейства посудить о положеніи, въ которомъ долженъ я былъ находиться.

Въ 8 часовъ утра стали сходиться въ Вотчинной Департаментъ чиновники и приказнослужители. Я имѣлъ, какъ начальникъ ихъ, справедливую причину выговаривать нѣкоторымъ, почему они, бывъ дежурные и дневальные, не находились въ сію ночь при своихъ мѣстахъ, и за такое ихъ нерадѣніе и пренебреженіе къ службѣ угрожалъ послать ихъ къ наказанію къ г-ну Московскому коменданту; но бывшій секретаремъ сего департамента, а потомъ дѣйствительнымъ членомъ онаго, Рыбниковъ, язвительно мнѣ отвѣчалъ: «Ни коменданта, ни главнокомандующаго Москвою, ни оберъ-полиціймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ, никого уже нѣтъ въ Москвѣ; а вы хотите, чтобъ мы были при своихъ мѣстахъ». И въ самое это время вошедшій въ департаментъ чиновникъ (не помню имени его) сказалъ: «Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ, какой ужасъ я видѣлъ, проходя мимо дома графа Растопчина, котораго дворъ былъ полонъ людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобъ шелъ онъ на Три Горы предводительствовать ими къ отраженію непріятеля отъ Москвы. Вскорѣ (продолжалъ чиновникъ) на такой зовъ вышелъ и самъ графъ на крыльцо и громогласно сказалъ: «Подождите, братцы! Мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ». И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ 20 лѣтъ, Верещагинъ, приведенный уже съ утра изъ временной тюрьмы (ямы) въ тулупѣ на лисьемъ мѣху, и Растопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: «Вотъ измѣнникъ! Отъ него погибаетъ Москва!» Несчастный Верещагинъ, блѣдный, только успѣлъ

громко сказать: «Грѣхъ вашему сіятельству будетъ!» Растопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ графа, по имени Бурдаевъ (нынѣ онъ въ Москвѣ полицейскій чиновникъ, квартальнымъ надзирателемъ) ударилъ его саблею въ лицо. Несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскаетъ по улицамъ. Самъ же графъ Растопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ задніе ворота дому своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ»*).

Слушая чиновника, разсказывавшаго сіе ужасное происшествіе, я душевно страдалъ и, не продолжая болѣе выговоровъ моихъ виновнымъ моимъ чиновникамъ, приказалъ протоколисту Бородину сдѣлать журналъ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ я одинъ цѣлаго присутствія Вотчиннаго Департамента составлять не могу, а потому и закрываю присутствіе. Но какъ чиновники и приказнослужители сего департамента за истекшій Августъ мѣсяцъ не получали слѣдуемаго имъ жалованья, и Правительствующаго Сената 6-го Департамента, отъ котораго долженъ я требовать разрѣшенія о выдачѣ онаго, въ Москвѣ уже не находится: то и опредѣляю выдать сіе жалованье, кому сколько слѣдуетъ, а по раздачѣ онаго выдать еще впередъ за два мѣсяца на собственную мою отвѣтственность начальству». Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, вмѣстѣ съ экзекуторомъ департамента Гиринымъ и двумя чиновниками при нихъ, принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями, а мѣдную монету въ мѣшкахъ перенести въ присутственную камору. Оставивъ кладовую не запертою уже, выдалъ я расходчику Рудакову нужную сумму для раздачи чиновникамъ и приказнослужителямъ, на лицо состоящимъ по списку, опредѣленное имъ жалованье за одинъ только мѣсяцъ истекшій Августъ.

Надобно знать, что я въ личномъ вѣдѣніи моемъ никакой суммы денегъ не имѣлъ, а находившаяся при Вотчинномъ Департаментѣ сосостояла подъ вѣдѣніемъ 3-го члена департамента Иванова, который вчерашняго числа выѣхалъ изъ Москвы, не сдавъ оной никому; а также и секретарь, при сей суммѣ находившійся, титулярный совѣтникъ Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уѣхалъ изъ Москвы, дней

*) Какъ извѣстно читателямъ, самъ графъ Растопчинъ лишь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ узналъ, что сраженія подъ Москвою не будетъ, а утренними сумерками этого дня его полицейскіе проводили Кутузова отъ Дорогомиловской заставы къ Яузскому мосту. Жившій у гр. Растопчина въ Лубянскомъ его домѣ Карамзинъ тоже ожидалъ сраженія и готовъ былъ принять въ немъ участіе, какъ показываютъ письма его къ брату въ Симбирскую губернію. П. Б.

пять тому назадъ, какъ сказывалъ мнѣ приказнослужитель, съ нимъ вмѣстѣ жившій, не испрося, однакожъ, ни отъ кого позволенія. Сей денежной казны, при Вотчинномъ Департаментѣ состоящей, 1-го Сентября свидѣтельства по обыкновенію дѣлаемо не было, потому что 1-е Сентября было Воскресенье, а болѣе по смутнымъ обстоятельствамъ.

Экзекутору департамента коллежскому ассессору Гаврилѣ Петровичу Гирину, осьмидесятилѣтнему старику, приказалъ я со всѣмъ его семействомъ перебраться въ Вотчинной Департаментъ и находиться при мнѣ. Онъ и вышелъ изъ департамента въ свой домъ, но я его уже болѣе не видѣлъ.

Расходчикъ Рудаковъ раздавалъ жалованье чиновникамъ и приказнослужителямъ, а я пошелъ посмотрѣть, что̀ дѣлается въ городѣ. На Лобномъ мѣстѣ, что́ близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, площадь была полна народу, такъ что тѣсно было; въ воздухѣ же былъ нестерпимой смрадъ отъ того, что лавки москательнаго ряда были уже зажжены и какъ говорили, зажигалъ лавки самъ частной приставъ городской части, какой-то князь. Тутъ, на Лобномъ мѣстѣ, встрѣтилъ я графа Дмитріева-Мамонова. Онъ былъ на конѣ и, увидя меня, соскочилъ съ лошади и спросилъ: «Что́ ты тутъ дѣлаешь, Бестужевъ? Непріятель входитъ уже въ Москву!» Я отвѣчалъ: «Любезный графъ! Я не имѣю особеннаго повелѣнія оставить моего мѣста, а самому собою нарушить присягу и, въ духѣ труса, кинувъ на произволъ судьбы архивъ Вотчиннаго департамента, отъ непріятеля бѣжать не думаю быть въ правѣ, а потому и остаюсь при своемъ мѣстѣ; что̀ будетъ, то и будетъ».—«Ну, прощай», сказалъ графъ и, поцѣловавшись со мною, примолвилъ: «Да сохранитъ тебя Господь Богъ!» и поѣхалъ.

Возвратись въ Вотчинной Департаментъ, я подписалъ многимъ чиновникамъ и приказнослужителямъ паспорты о свободномъ имъ выѣздѣ изъ Москвы; расходчикъ Рудаковъ еще продолжалъ раздачу жалованья. Было 3 часа по полудни, и я распустилъ чиновниковъ и приказнослужителей по квартирамъ ихъ, приказавъ часа черезъ два возвратиться въ Вотчинной Департаментъ, а оставилъ при себѣ однихъ только дежурныхъ и дневальныхъ.

Любопытствуя узнать, что̀ дѣлается на большой Арбатской улицѣ, по которой, какъ я думалъ, непріятель долженъ входить (а онъ, напротивъ, вошелъ во всѣ заставы, которыя на сторонѣ къ городу Смо-

ленску, то есть, въ Дорогомиловскую, Прѣсненскую, Тверскую, Міюзскую и другія), я взялъ съ собою чиновника и вышелъ изъ Кремля. Въ сіе время на Ивановской колокольнѣ ударилъ колоколъ къ вечерней молитвѣ.

Лишь только я съ чиновникомъ вышли изъ Кремля, то встрѣтили пьянаго господскаго человѣка, у котораго въ одной рукѣ было ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Сей человѣкъ былъ въ самомъ безобразномъ видѣ и, покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, что-то бормоталъ про себя. Я, усмѣхнувшить, сказалъ бывшему со мною чиновнику довольно громко: «Вотъ видишь, что́ значитъ безначаліе», и отошелъ уже отъ сего пьянаго нѣсколько шаговъ, какъ кинулъ онъ въ меня ружье со штыкомъ, которымъ, слава Богу, не попалъ, но вслѣдъ за онымъ кинулъ и карабинъ, которымъ ушибъ меня крѣпко въ ногу. Почувствовавъ чрезвычайную боль въ ногѣ, я воротился и кое-какъ дотащился до Вотчиннаго Департамента.

Въ 4 часа пополудни пушечные выстрѣлы холостыми зарядами, по Арбатской и другимъ улицамъ, возвѣстили входъ непріятеля въ Московскія заставы. Я считалъ выстрѣлы, ихъ было 18. Звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ. Вскорѣ Троицкіе ворота въ Кремлѣ, которые были наглухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены, и нѣсколько Польскихъ улановъ[1]) въѣхало въ Кремль чрезъ оные. Мѣсто это изъ оконъ Вотчиннаго Департамента видно, ибо нѣкоторыя окна прямо противъ Троицкихъ воротъ. Я вскричалъ: «вѣрно, это непріятель!»—«Э, нѣтъ!» отвѣчалъ мой знакомой, пришедшій въ департаментъ со мною проститься; «это нашъ арріергардъ отступающій». Но увидѣли мы, что въѣхавшіе уланы стали рубить стоящихъ у арсенала нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ, которое они изъ онаго только что взяли, и уже человѣкъ десять пали окровавленные, а остальные, отбросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили помилованія. Уланы сошли съ коней своихъ, отбили приклады у ружей, и безъ того къ употребленію негодящихся, забрали людей и засадили ихъ въ новостроющуюся Оружейную Палату [2]). Я заперъ входъ и выходъ въ Вотчинной Департаментъ, взялъ ключи къ себѣ и приставилъ къ дверямъ къ каждой по одному инвалиду, изъ служащихъ при департаментѣ, приказавъ тотчасъ увѣдомить меня, коль скоро кто будетъ стучаться.

Вскорѣ, за передовыми Польскими уланами, стала входить и непріятельская конница. Впереди ѣхалъ генералъ, и музыка гремѣла.

---

[1]) И такъ Польскіе уланы первые вошли въ нашъ Кремль. Можетъ быть, въ числѣ ихъ были прямые потомки тѣхъ Поляковъ, которые, двѣсти лѣтъ назадъ, хозяйничали въ Московскомъ Кремлѣ. Тотъ же Савка, но въ другой шапкѣ. П. Б.

[2]) Она была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кремлевскія казармы. П. Б.

Когда сіе войско входило въ Кремль, то на стѣнныхъ часахъ, которые въ департаментѣ, показывало $4\frac{1}{2}$ часа. Это войско входило въ Троицкіе и Боровицкіе ворота, проходило мимо Сенатскаго зданія и вышло въ Китай-городъ чрезъ Спасскіе ворота; шествіе этой конницы продолжалось до глубокихъ сумерекъ безпрерывно. Ввезена въ Кремль пушка и сдѣланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ, холостымъ зарядомъ; вѣроятно, сей выстрѣлъ служилъ сигналомъ.

Одинъ изъ инвалидныхъ солдатъ, которыхъ я поставилъ у входа дверей въ департаментъ, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что кто-то стучится крѣпко въ двери. Я отперъ. Это были люди мои, которые оставались на квартирѣ. Они сказали, что непріятель овладѣлъ уже совершенно Москвою, и что въ домъ, въ которомъ я жилъ, взошло около 40 человѣкъ, но что имъ никакой обиды сдѣлано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженнаго утромъ москательнаго ряда освѣтило комнаты департамента такъ, что никакой надобности не было въ свѣчахъ. Круглой въ Сенатскомъ зданіи дворъ занятъ непріятельскими солдатами, и видно было изъ оконъ департамента, что нѣсколько человѣкъ бѣгали съ огнемъ по комнатамъ, въ которыхъ присутствовали сенаторы, выкидывали столы и стулья на дворъ, для бивакъ своихъ. Хотя ночь эта и была ужасная ночь для меня, но, слава Богу, никто изъ непріятелей не входилъ въ Вотчинной Департаментъ, и какъ я самъ, такъ и всѣ бывшіе при мнѣ оставались спокойны.

По сю пору мы не видали еще крови, кромѣ крови несчастнаго Верещагина, и часа два тому назадъ непріятельскими уланами избитыхъ у арсенала.

Симъ кончаю описаніе происшествій въ 1812 году въ Москвѣ, до входа непріятельскихъ войскъ въ сію столицу. Я описалъ и причины, почему я остался во власти непріятеля. И если таковой примѣрной подвигъ усердія моего, которой бы долженъ былъ заслужить вниманіе, уваженіе и награду, но несправедливостію бывшаго тогда министромъ юстиціи Дмитріева и главнокомандовавшаго Москвою графа Растопчина, почитается преступленіемъ и наказывается жесточайшимъ образомъ: въ такомъ случаѣ надобно дать новую форму клятвенному нашему обѣщанію и положить въ оной предѣлы, до которыхъ поръ служащій чиновникъ долженъ сохранять присягу свою, и буде только до того времени, покуда чиновнику личная опасность не представится, то невѣроятно, чтобъ царствующій Монархъ имѣлъ бы истинно приверженныхъ къ престолу своему, а Отечество останется

безъ пламенныхъ сыновъ, и несправедливость, мнѣ оказанная, можетъ устрашить всякаго служить по правдѣ и прямымъ путемъ службы искать себѣ чести.

Второе отдѣленіе сего описанія *) будетъ заключать въ себѣ ужасныя происшествія въ Москвѣ въ шестинедѣльное пребываніе въ ней непріятеля. Я говорю ужасныя, потому что съ дѣтства жилъ подъ благотворными и кроткими законами возлюбленныхъ нашихъ монарховъ и подобныхъ дѣяній не видѣлъ.

О происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ во время пребыванія въ оной непріятеля въ 1812 году. Донесеніе члена Вотчиннаго Департамента А. Д. Бестужева-Рюмина г. министру юстиціи.

Его превосходительству, господину тайному совѣтнику, министру юстиціи и разныхъ орденовъ кавалеру, Ивану Ивановичу Дмитріеву, отъ надворнаго совѣтника Бестужева-Рюмина доношеніе.

2-го Маія прошедшаго 1812-го года, указомъ Правительствующаго Сената, по предложенію вашего превосходительства, опредѣленъ я членомъ Вотчиннаго Департамента. 2 Сентября того жъ 1812-го года, непріятель овладѣлъ Москвою, и дѣла Вотчиннаго Департамента, при которыхъ я былъ изъ членовъ въ наличности одинъ, остались во власти его, въ которой и находились по 11 число Октября мѣсяца: въ сей день непріятель совершенно очистилъ Москву, оставя въ Воспитательномъ Домѣ однихъ больныхъ и раненыхъ. Вскорѣ потомъ учреждена, по имянному Его Императорскаго Величества повелѣнію, коммисія о разсмотрѣніи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ сей столицѣ, имѣли должности? Коммисія засѣданія свои уже кончила; а какъ и я былъ подъ слѣдствіемъ оной и извѣстился при томъ, что ваше превосходительство предписаніемъ г. статскому совѣтнику Огареву (пребывающему нынѣ въ Москвѣ по дѣламъ службы) приказали запретить мнѣ присутствовать въ Вотчинномъ Департаментѣ: а потому, окончивъ такимъ образомъ служеніе мое подъ начальствомъ вашимъ, поставляю однакожъ долгомъ сдѣлать вашему превосходительству полное донесеніе объ обстоятельствахъ, почему дѣла Вотчиннаго Департамента оставались не вывезенными по примѣру прочихъ мѣстъ, а равно и о моихъ усиліяхъ къ сохраненію сихъ дѣлъ во время пребыванія непріятеля въ Москвѣ и, наконецъ, о всѣхъ происшествіяхъ, которыя могутъ оправдывать мои дѣйствія въ сіе время безначалія,

*) Этой второй части Записокъ Бестужева-Рюмина мы не имѣемъ. Ея отсутствіе пополняется нижеслѣдующимъ его донесеніемъ. П. Б.

на пользу Отечества и несчастныхъ соотечественниковъ моихъ, находившихся со мною въ плѣну.

Въ началѣ Іюля совѣтникъ департамента, г. статскій совѣтникъ Аничковъ, по предложенію главнаго директора графа Дмитріева-Мамонова, уволенъ, по надобностямъ его, на 28 дней, а управленіе департаментомъ препоручилъ мнѣ. А какъ онъ, г. Аничковъ, явился на срокъ къ должности своей, то есть, въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца, тогда изъявилъ я желаніе быть уволену на 28 дней по моимъ необходимостямъ въ Тульскую губернію, въ городъ Богородскъ. Присутствіе Вотчиннаго Департамента входило съ представленіемъ о семъ моемъ увольненіи къ главному директору, графу Дмитріеву-Мамонову, которой и изъявилъ на оное свое согласіе предложеніемъ, и потому 9-го Августа, получа паспортъ, я кончилъ присутствіе мое въ департаментѣ, однакожъ, по причинѣ болѣзненнаго состоянія жены моей, изъ Москвы не выѣхалъ.

18-го Августа получено отношеніе на имя департамента отъ г. главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Ѳедора Васильевича Растопчина. Въ семъ отношеніи его сіятельство предлагалъ департаменту уложить дѣла онаго и имѣть ихъ въ готовности къ отвозу, буде нужда того потребуетъ, а о нужномъ количествѣ на то лошадей предоставилъ департаменту самому требовать отъ г. гражданскаго губернатора. Въ разсужденіи таковыхъ обстоятельствъ я почиталъ преступленіемъ оставить департаментъ, когда нужно было дѣйствовать къ спасенію его общими силами; и если я, по новости служенія моего въ ономъ мѣстѣ, не могу равнять себя противъ сотоварищей моихъ въ знаніи дѣлъ, принадлежащихъ оному департаменту, то могу сказать, что я болѣе ихъ чувствовалъ всю необходимость къ внутреннему спокойствію Отечества сохраненіемъ архива и дѣлъ онаго, и потому, возвратя данной мнѣ паспортъ, остался при должности моей. Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, въ семъ мѣстѣ сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе. Въ предписаніи вашемъ г. статскому совѣтнику Огареву касательно меня сказано: «который не успѣлъ выѣхать». Сіе несправедливо вамъ донесено. Я не не успѣлъ выѣхать изъ Москвы, узнавъ объ опасности, а не хотѣлъ безъ особаго повелѣнія ни подъ какимъ предлогомъ оставить своего мѣста. Въ понятіи моемъ большая разница въ сихъ словахъ и въ отношеніи присяги, и въ отношенію усерднаго сына Отечества.

19 Августа присутствіе Вотчиннаго Департамента, по справкамъ оказавшимся, что въ архивахъ онаго находится книгъ въ переплетѣ, въ связкахъ и въ сверткахъ всего числомъ 42.160, кромѣ текущихъ

дѣлъ, заключило опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ, что на укладку и обвертку оныхъ къ сбереженію потребно около 10.000 рублей, а на отвозъ до 1.000 лошадей, полагая на каждую лошадь по 18 пудъ. Съ сего опредѣленія представлена копія на разрѣшеніе главному департамента директору, графу Дмитріеву-Мамонову, который съ своей стороны сдѣлалъ немедленно отношеніе, съ приложеніемъ сей копіи, къ главнокомандующему графу Растопчину, и просилъ меня, чтобъ оное доставилъ я лично въ руки его сіятельства, съ тѣмъ, что естьли нужны могутъ быть дальнѣйшія объясненія, то я, какъ членъ департамента, могу оными удовлетворить, не входя въ переписку. Я на другой день, по жительству графа Растопчина въ загородномъ его домѣ, отвезъ сіе графа Дмитріева-Мамонова отношеніе; съ 9 часовъ утра ждалъ свободнаго времени ему оное вручить, и въ 2 часа пополудни уже вручилъ. Въ отвѣтъ правитель канцеляріи его сіятельства, г. Руничъ, мнѣ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будетъ отвѣтствовать графу Дмитріеву-Мамонову; съ симъ разрѣшеніемъ и вышелъ я изъ дому его.

29 Августа, по предписанію вашего превосходительства, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова особенной надзоръ за Вотчиннымъ Департаментомъ вы препоручить изволили 7-го Правительствующаго Сената департамента г. оберъ-прокурору и кавалеру Озерову, который въ сей же день и присутствовалъ въ Вотчинномъ Департаментѣ. Разсужденіемъ были: отношеніе въ оный графа Растопчина касательно укладки дѣлъ и заключеніе на сіе департамента, которое остается безъ разрѣшенія. Его превосходительство Озеровъ обѣщалъ лично говорить о семъ съ графомъ Растопчинымъ и приказалъ въ сей же день по вечеру быть мнѣ съ чиновниками въ департаментѣ, по случаю особеннаго засѣданія Сената господъ оберъ-прокуроровъ. Я приказаніе его выполнилъ и съ чиновниками моими находился до полуночи въ департаментѣ; однако настоящаго разрѣшенія никакого не получилъ о вывозѣ онаго дѣлъ; а г. оберъ-прокуроръ Озеровъ объявилъ, что, говоря о семъ съ графомъ Растопчинымъ, его сіятельство хотѣлъ сдѣлать сношеніе съ вашимъ превосходительствомъ.

31 Августа при выдаваемыхъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была печатная прокламація (афишка), въ коей графъ Растопчинъ увѣрялъ честью своею и клялся сѣдинами главнокомандующаго арміями, свѣтлѣйшаго князя Кутузова, что Французскія войска не будутъ въ Москвѣ; а буде до того дойдетъ, то онъ, графъ Растопчинъ, созоветъ 100 т. молодцовъ, и самъ съ оными и съ образомъ Иверскія Божіей Матери встрѣтитъ непріятеля на Поклонной горѣ (за Дорогомилов-

скою заставою, 3 версты отъ Москвы). Въ сей день ввечеру началось волненіе въ народѣ, и многіе домы разбиты и разграблены.

1-го Сентября, по утру, въ 8 часовъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру третій членъ департамента, г. надворной совѣтникъ Ивановъ, и просилъ моего согласія на отъѣздъ его изъ Москвы на 8 дней. Я не могу описать вашему превосходительству положенія, въ которомъ г. Ивановъ въ то время былъ: блѣденъ, трепещущъ, едва можетъ выговаривать слова, палъ съ сею просьбою къ ногамъ моимъ. Я не полагалъ, глядя на него, жить ему болѣе получаса на свѣтѣ, слѣдовательно, въ такомъ его положеніи никакой помощи ожидать не могъ къ спасенію департамента дѣлъ, если нужда къ тому будетъ, и потому согласился на отъѣздъ его. Въ 9 часовъ утра былъ я въ департаментѣ, но ни дежурныхъ, ни дневальныхъ въ ономъ не было, а находилось только тутъ человѣкъ пять инвалидныхъ солдатъ, при Департаментѣ служащихъ, изъ коихъ двое были пьяны. Я приказалъ вахмистру Гурилову призвать тѣхъ чиновниковъ и приказнослужителей, коимъ слѣдовало въ сей день быть безотлучно въ департаментѣ, а самъ я пошелъ въ Успенскій соборъ. Божественную литургію отправлялъ викарный архіерей, и служеніе съ необыкновенною торопливостію производилось; по окончаніи онаго, пришелъ я опять въ департаментъ, и какъ вахмистръ Гуриловъ мнѣ донесъ, что никого изъ дежурныхъ не отыскалъ, то я разсудилъ сдѣлать самаго себя стражемъ департамента и избралъ къ жительству своему пустую камору близъ 4-й части архива; его же, Гурилова, послалъ на квартиру свою привести ко мнѣ жену и малолѣтныхъ дѣтей моихъ, а при томъ, чтобъ онъ людямъ приказалъ не оставлять дому до самаго кряйняго часа. Въ 4 часа пополудни явились въ департаментъ нѣкоторые дневальные, извиняясь естественной надобностію отлучки ихъ. Я, во избѣжаніе подобныхъ отговорокъ, приказалъ отколотить одно нужное мѣсто, задѣланное прежде сего Кремлевскою Экспедиціею, въ надѣяніи, что дежурные чиновники не будутъ, подъ видомъ естественныхъ нуждъ своихъ, отлучаться изъ департаментскихъ каморъ. Между тѣмъ ходилъ я въ городъ и видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ изъ арміи офицеровъ, отъ коихъ и узналъ, что братъ мой родной, командующій Либавскимъ мушкатерскимъ полкомъ, живъ и обѣщался на другой день вмѣстѣ съ ними посѣтить меня. Волненіе въ народѣ было уже очень сильное, грабили даже домы; пьянство и озорничество оставались безъ всякаго опасенія быть наказану. Въ 9-ть часовъ вечера караулъ, стоящій на кругломъ дворѣ Сената, билъ вечернюю зорю, и я съ семействомъ моимъ ночевалъ въ департаментѣ.

2-го Сентября стоящій караулъ на дворѣ Сената ночью спитъ. Въ 8 часовъ начали сбираться въ департаментъ чиновники и приказнослужители; я нѣкоторымъ имѣлъ справедливую причину выговаривать за неисправленіе ихъ обязанностей, обѣщевая послать къ его превосходительству, г. коменданту, для наказанія; но секретарь Рыбниковъ съ язвительною усмѣшкою мнѣ отвѣтствовалъ на сіи угрозы: «Ни коменданта, ни главнокомандующаго, ни оберъ-полицеймейстера, ни квартальныхъ уже въ Москвѣ не находится»; а другой, тутъ же стоявшій, не помню кто, сказалъ: «Я сейчасъ видѣлъ, что по улицамъ пьяные таскаютъ мертвое тѣло» (тѣло Верещагина). Не продолжая далѣе моихъ выговоровъ, приказалъ я протоколисту Бородину написать журналъ, въ коемъ опредѣлилъ: «Поелику я одинъ составить цѣлаго присутствія Вотчиннаго Департамента не могу, и потому закрываю оное; а какъ истеченіемъ Августа мѣсяца чиновники и приказнослужители не получали за оной слѣдуемаго имъ жалованья, и Сената шестаго Департамента, отъ котораго долженъ я требовать о выдачѣ онаго разрѣшенія, въ Москвѣ не находится, а потому и опредѣляю: выдать, кому сколько слѣдуетъ, а равно, по раздачѣ онаго, выдать еще за два мѣсяца впередъ, на собственный мой отчетъ начальству». Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, вмѣстѣ съ г. к., ассес. и Вотчиннаго Департамента экзекуторомъ Гиринымъ (оной г. Гиринъ, съ семействомъ своимъ, во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ жилъ въ погорѣломъ каменномъ домѣ подъ сводами, и паденіемъ оныхъ окончилъ жизнь свою), принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями въ присутственную камору. Въ ономъ находилось наличными 8.125 р., сверхъ того должно числить наличными же взятые подъ росписки въ счетъ жалованья чиновникамъ 250 р., мѣдной же монеты сколько было, не могу заподлинно сказать, ибо я оной не видалъ.

Я долженъ извѣстить ваше превосходительство, что по приходу и расходу денежной казны въ департаментѣ, завѣдывалъ сію часть третій членъ надворный совѣтникъ, который, не отдавъ отчету наканунѣ, изъ Москвы уѣхалъ; также и секретарь по оной части Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уѣхалъ безъ спросу еще 30 Августа, и обыкновеннаго денежной казны свидѣтельства за Августъ мѣсяцъ дѣлано не было, и вѣдомость присутствію объ остаткѣ суммы къ Сентябрю мѣсяцу не представлена.

По принесеніи ящика съ деньгами, я выдалъ расходчику Рудакову, для раздачи за Августъ мѣсяцъ чиновникамъ жалованья, 1.500 р., за тѣмъ остальные 6,625 р., не отдавая уже въ кладовую, оставилъ

при себѣ, а мѣдную монету, сколько оной въ кладовой находилось, приказалъ перенести въ присутственную камору.

Я сіе учинилъ потому, что, послѣ раздачи за Августъ мѣсяцъ, долженъ я былъ выдать, въ согласность журнала моего, за два мѣсяца впередъ, а еще болѣе и потому, чтобъ, въ случаѣ какого несчастія, самому мнѣ, какъ начальнику департамента, за оную сумму отвѣтствовать, не объявляя и не ссылаясь, въ растратѣ или похищеніи оной, быть причиною кому изъ подчиненныхъ мнѣ.

До двухъ часовъ пополудни расходчикъ Рудаковъ не кончилъ еще раздачи жалованья за Августъ мѣсяцъ, и чиновники разошлись по домамъ, а остались одни только дежурные. Въ три часа непріятель взошелъ въ Кремль конницею, подъ командою короля Неаполитанскаго (Murat). Я заперъ двери департамента, приказавъ никого не выпускать и не впускать. Люди мои, оставшіеся на квартирѣ, прибѣжали въ четыре часа, сказывая, что Французскія войска по всѣмъ улицамъ разсѣялись. Въ восемь часовъ вечера сильное пламя показалось въ Китаѣ-городѣ, въ москательномъ ряду. Я ночевалъ съ семействомъ моимъ въ департаментѣ.

Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, при семъ просить вашего начальническаго защищенія противъ клеветы, которую расходчикъ Рудаковъ въ рапортѣ своемъ, до свѣдѣнія вашего дошедшемъ, показалъ, будто я, до вторженія Французовъ въ Москву, за нѣсколько часовъ, мѣдную монету, въ департаментѣ находящуюся, приказалъ перевезти на свою квартиру.

Я не только не отвозилъ на квартиру свою мѣдной монеты, но на квартирѣ уже и не былъ, какъ оставилъ оную наканунѣ дня, то есть, 1 Сентября, въ чемъ и самъ Рудаковъ сознался въ коммисіи; а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать наказать его въ примѣръ, чтобы не клеветали на своихъ начальниковъ. Я, кромѣ чувствительнаго огорченія, что такая клевета могла дать вамъ обо мнѣ худое мнѣніе, имѣлъ еще ту непріятность, что съ симъ клеветникомъ долженъ быть въ коммиссіи стать на одну доску и себя оправдывать. Равнымъ образомъ прошу ваше превосходительство приказать предать сужденію по законамъ и бывшаго въ департаментѣ по части денежной казны секретаремъ Воробьева, которой оставилъ свое мѣсто 30 Августа безъ спросу и не отдавъ въ имѣющейся наличной суммѣ отчету; я бы нимало не задержалъ его, ибо, по закрытіи присутствія, многимъ чиновникамъ, меня просившимъ, подписалъ билеты для свободнаго выѣзду изъ Москвы.

Въ продолженіе ночи сей никто изъ непріятелей въ департаментъ не ходилъ; но видимо было, что множество мародеровъ бѣгали въ комнатахъ Сената со свѣчами и съ обнаженными саблями, выкидывали изъ оконъ на круглой Сената дворъ столы и стулья, гдѣ и разложенъ былъ огонь.

3-го Сентября, въ 9 часовъ утра, явился я въ Кремлевской дворецъ и просилъ Наполеона о покровительствѣ въ сохраненіи архивовъ департамента, коихъ я, какъ сказалъ ему, былъ начальникъ. Посланъ со мною секретарь его, г. Делорнъ-де-Девилль, освидѣтельствовать оные, которой, посмотрѣвъ ихъ, повелъ меня обратно во дворецъ. По сей часъ никто изъ непріятелей въ департаментъ не входилъ. Пришедъ во дворецъ, маршалъ, герцогъ Фріульской объявилъ мнѣ благоволеніе своего императора, а вмѣстѣ съ онымъ и обѣщаніе, что архивы останутся въ цѣлости, и вслѣдствіе сего приказалъ одному полковнику дать 4-хъ часовыхъ, для каждой галлереи по одному. Съ симъ полковникомъ и часовыми пошелъ я въ департаментъ, а пришедъ въ оной, нашелъ каморы департамента уже занятыми старой гвардіи солдатами; кладовая, въ которой ничего не было, взломана; семейство мое, совершенно обобранное маршала, герцога Истрійскаго, штабомъ, въ присутствіи самаго его; они накинулись на кое-что, бывшее у меня съѣстное, какъ голодные волки, и отняли при томъ ларчикъ съ бумагами, въ которомъ находилось 3.500 р. ассигнаціями казенныхъ денегъ и 800 р. моихъ собственныхъ.

Когда непріятель взошелъ въ Кремль, въ то время, дабы сохранить оставшіяся у меня казенныя деньги, всего 6.625 р. ассигнаціями, я раздѣлилъ, къ лучшему сбереженію сей суммы, на участки: 3.500 р. положилъ въ ларчикъ съ бумагами, въ коемъ находилось и мнѣ собственно принадлежащихъ 800 р., 3.000 р. спряталъ въ боковой карманъ фрака малолѣтняго сына моего (12 лѣтъ) уповая, что младенчество его избѣгнетъ грабежа, 125 р. спряталъ у себя подъ чулки къ подошвамъ. Сверхъ оныхъ денегъ было еще у меня моихъ собственныхъ червонныхъ и серебряной монеты, кои я спряталъ. . . . . но благопристойность не позволяетъ назвать мѣста. Мѣдную же монету я оставилъ въ комнатѣ департамента.

Въ самомъ жалкомъ состояніи нашелъ я семейство мое, взошедъ, съ полковникомъ и часовыми, въ комнату, въ которой они находились. Изъ архива департамента, однако, высланы были всѣ солдаты и къ дверямъ оныхъ поставлены часовые; ко мнѣ же въ комнату поставленъ офицеръ Голландской гвардіи съ своими тремя деньщиками. Моей команды солдаты, при департаментѣ служащіе, напились пьяны и

вышли ко мнѣ изъ повиновенія, а вахмистръ Гуриловъ изъ окна упалъ на дворъ и убился до смерти. Въ 9 часовъ вечера сильный дымъ показался на Арбатѣ (комнаты Вотчиннаго Департамента имѣютъ видъ въ три стороны города).

4 Сентября огонь сильно дѣйствовалъ кругъ Кремля, и Троицкая башня съ часами уже выгорѣла, въ разсужденіи чего всѣ старой гвардіи солдаты, квартирующіе въ Сенатскомъ домѣ, коихъ было около 5.000 человѣкъ (о числѣ оныхъ они сами сказывали), высланы были къ потушенію огня. Наполеонъ выѣхалъ изъ Кремля въ Петровской дворецъ. Русскимъ же, кои находились въ Кремлѣ, велѣно было всѣмъ оставить оной, и я, выходя со всѣми, при мнѣ бывшими, изъ департамента, въ которомъ долженъ былъ оставить имущество мое и мѣдную монету, казнѣ принадлежащую, былъ на площади, что̀ противъ Сената, совершенно обнаженъ: у меня отняли сюртукъ и капотъ, въ присутствіи самаго командующаго генерала, Ле-Гросса, которой былъ на сей разъ пьянъ; а одинъ солдатъ едва меня не прокололъ штыкомъ ружья своего, называя насъ зяжигателями. Съ сына моего 12-ти лѣтъ, къ которому въ карманъ кафтана положилъ я 3.000 р., сорванъ кафтанъ и фракъ, и оставленъ онъ въ одной рубашкѣ; у младенца же семи недѣль, при мнѣ съ матерью находившагося и котораго мать отъ испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока; а двухъ приказнослужителей, тутъ же при мнѣ бывшихъ, Бутурлова и Пицулина, взяли въ работу къ себѣ. Въ такомъ горестномъ положеніи, по усильной просьбѣ моей, далъ маршалъ, герцогъ Фріульской, до квартиры мнѣ провожатаго. Сему провожатому, по имени Сабле, я и мое семейство обязаны жизнью. Онъ довелъ насъ до Сухаревой башни благополучно, и въ знакъ благодарности моей я отдалъ ему образъ Божіей Матери, сохраненный мною на груди и коего золотая оправа стоила 80 червонныхъ. Я не описываю вашему превосходительству ужасовъ, которымъ я дорогою былъ свидѣтель: оные не принадлежатъ къ сохраненію дѣлъ департамента. Такимъ образомъ ночевали мы въ домѣ Познанскаго, что̀ у Сухаревой башни.

5 Сентября. Я не распространяюсь въ описаніи и сего ужаснаго дня, ибо намѣреніе мое увѣдомить вашего превосходительство о дѣлахъ ввѣреннаго мнѣ департамента, а я, вышедъ уже изъ онаго, не могу знать, что̀ тамъ происходило. Въ сей день горѣли Срѣтенская часть, что̀ у Сухаревой башни, и самой тотъ домъ, въ которомъ я ночевалъ, обѣ Басманныя улицы и Нѣмецкая Слобода. Я съ семействомъ моимъ и другими приставшими ко мнѣ людьми укрывались отъ мародеровъ, вездѣ грабившихъ, въ одномъ огородѣ, близъ церкви Спаса что̀ во Спасскомъ, которая, въ два часа пополудни, загорѣлась. Среди сего

огорода былъ прудъ, и мы овощами утолили нѣсколько голодъ, насъ мучившій, но не избѣгли однакожъ прозорливости мародеровъ; двое изъ нихъ пришли насъ грабить; въ виду же оныхъ было болѣе ста человѣкъ. Бѣдныя творенія! И они были безъ сапоговъ, безъ рубашекъ, платье едва наготу ихъ прикрывало; они, обнаживъ тесаки, требовали наши сапоги и другія вещи, въ которыхъ самую необходимость имѣли. Безумное дѣло, казалось, сопротивляться, и потому отдавали имъ, что̀ надобно. Ваше превосходительство, можетъ быть, не имѣете точнаго понятія, что̀ такое за люди передовыя войска Французской арміи, вторгнувшейся въ Москву, а потому позвольте мнѣ сдѣлать описаніе случившемуся со мною въ огородѣ приключенію. Насъ было въ ономъ около 50 человѣкъ; большая часть были женщины. Пришедшіе два мародера, видя, что мы ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ не дѣлаемъ, вздумали раздѣвать женщинъ и искать сокровищъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только Алжирскіе корсеры ищутъ. Я, боясь, чтобъ подобной обыскъ не былъ сдѣланъ и женѣ моей, подошелъ къ нимъ, и сказалъ: «Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous; mais si vous osez y toucher les dames et les femmes, qui sont ici, au nom du Créateur, que vous ne reconnaissez pas, je jure de vous faire jetter dans cet eau bourbeuse», показывая на прудъ. Они съ симъ словомъ вложили тесаки свои въ ножны и уходя отвѣтствовали: «Ah! Monsieur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos très humbles serviteurs.... vos très humbles serviteurs», повторили еще, и пошли прочь. Вотъ герои, овладѣвшіе Москвой!!

Я оставилъ огородъ по причинѣ, что заборъ и дерева въ ономъ уже загорѣлись, и вышелъ въ поле между Троицкою заставою и Сокольниками, гдѣ и ночевалъ.

6 Сентября. Находя большія препятствія, или лучше сказать никакой возможности не предвидя чтобъ могъ оставить городъ Москву съ семействомъ моимъ и другими приставшими ко мнѣ людьми, я рѣшился войти въ Москву; мы три дни уже не видали куска хлѣба, и бѣдныя дѣти мои, истощивъ себя, плакали. Гласъ и чувство природы требовали моего объ нихъ попеченія. Я пришелъ на Тверскую улицу и у самыхъ Воскресенскихъ воротъ встрѣтилъ Наполеона съ его штабомъ верхами. Я скинулъ шляпу, и уповательно Наполеонъ узналъ меня, хотя былъ я нагъ и босъ и имѣлъ только лакейскую шинель на себѣ; ибо, посмотрѣвъ на меня, что-то сказалъ бывшему сзади его чиновнику, который тотчасъ и подъѣхалъ ко мнѣ; въ семъ чиновникѣ узналъ я секретаря его г. Делорна-де-Девилля, который, узнавъ меня,

вскричалъ «Ah Monsieur Bestoujeff, dans quelle situation je vous vois!».... Я отвѣтствовалъ: «C'est le sort de la guerre!»—«Où est votre femme, vos enfans?» примолвилъ онъ.—«Vous les voyez», показывая на нихъ (жена въ рубищѣ, а дѣти босы).—«Ah, Dieu!»... И на глазахъ его слезы показались. Изъ многихъ окружавшихъ насъ приказалъ онъ одному полковнику штаба маршала принца Невштельскаго (Bertier), по имени г. Фонъ-Зейденъ Нивельту, именемъ императора своего, взять меня подъ покровительство. Г. подполковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкѣ, близъ Петровскаго монастыря, бывшій князя Одоевскаго, а нынѣ губернской секретарши Дурновой. Управитель сего дома, Иванъ Александровъ, оставшійся въ Москвѣ наканунѣ дня, заколонъ Польскими грабителями. Чрезъ два дня потомъ вступили въ оной же домъ для квартированія 50 человѣкъ молодой гвардіи съ 3 офицерами. Подъ покровительствомъ оныхъ жилъ я со всѣми при мнѣ бывшими безопасно и до 16 Сентября не выходилъ изъ комнатъ.

Сей день, 16 Сентября, былъ самой ужаснѣйшій въ жизни моей; описаніе онаго не принадлежитъ къ предмету моего донесенія.

16 Сентября, сысканъ будучи Французскою полиціею, по приказу 9 числа, представленъ я къ графу Мило (commendant de la ville). Онъ за подписаніемъ своимъ далъ мнѣ записку, съ которою долженъ я былъ явиться къ маршалу герцогу Тревизо (Mortier, general-gouverneur de Moscou). Я не могу довольно нахвалиться привѣтствіемъ и ласкою сего маршала. Онъ спросилъ меня: «Я ли тотъ надворный совѣтникъ Бестужевъ, которому препоручены были архивы въ Кремлѣ?» Мой отвѣтъ былъ, что его превосходительство не ошибается: «Я самой тотъ». Онъ изъявилъ искреннее сожалѣніе къ моему несчастному положенію и предлагалъ не только одежду мнѣ, но даже денежное вспомоществованіе, которыхъ, однакожъ, я не принялъ. Онъ объявилъ при томъ, что учреждается Отеческое Градское правленіе (Municipalité Paternelle), въ которомъ, по особенной волѣ его императора, и я долженъ присутствовать. Я на первой разъ сдѣлалъ было отрицаніе мое объ участвованіи въ ономъ; но маршалъ, герцогъ Тревизо, сказалъ, что его мунисипалитетъ учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ учрежденіемъ онаго находятъ единое средство защитить несчастныхъ соотечественниковъ моихъ отъ грабежа, насилій и обидъ; слѣдовательно и отказываться мнѣ отъ участвованія въ семъ намѣреніи будетъ съ моей стороны несправедливо, и находитъ въ принятіи моего отрицанія затрудненія въ томъ еще, что долженъ донести объ ономъ своему императору, а чтобъ я не имѣлъ сомнѣнія, что оное учрежденіе

для пользы моихъ согражданъ, показалъ и инструкцію сему предполагаемому мунисипалитету. Я, не находя въ оной ничего противнаго совѣсти моей, ни нарушенія присяги, изъявилъ свое согласіе. Вслѣдствіе сего и далъ онъ мнѣ, маршалъ, свидѣтельство (родъ патента), съ котораго при семъ прилагаю копію подъ № 1. А дабы въ новомъ семъ званіи лично обезопасить меня отъ обидъ непріятельскихъ войскъ, а равно, чтобъ я могъ на улицахъ, въ случаѣ нужды, защитить соотечественниковъ моихъ, приказано носить мнѣ на лѣвой рукѣ красную узкую ленту и съ праваго плеча на лѣвое перевязь красную же. Я узкой ленточки на рукѣ не носилъ, потому только, что не могъ нигдѣ достать оной, а когда выходилъ со двора, тогда имѣлъ на себѣ подъ шинелью перевязь красную по камзолу (фрака не было) сію перевязь сдѣлалъ я изъ ленты ордена святаго Александра Невскаго, доставшейся мнѣ по наслѣдству отъ дѣда моего и служившей по рожденіи мнѣ въ пеленахъ свивальникомъ. Дѣйствительно, Французскія войска оказывали большое уваженіе къ сему знаку, и я имѣлъ счастіе человѣкъ пять на улицѣ защитить отъ грабежа, а при томъ всѣ, прибѣгавшіе подъ защиту въ домъ, которой я съ г. подполковникомъ Фонъ-Зейденъ-фонъ-Нивельтомъ занималъ, были, по крайней мѣрѣ, уже безопасны, ибо и на воротахъ онаго дома былъ билетъ: «Logement d'adjoint au maire de la ville»; и таковыхъ пришельцовъ было болѣе 50 человѣкъ, коимъ я отъ части и хлѣба давалъ. Впрочемъ, въ учрежденномъ мунисипалитетѣ я имѣлъ двѣ экспедиціи подъ моимъ особеннымъ надзоромъ: 1-я «Approvisionnement des malheureux habitants de la ville», 2-я: «Secours aux indigents»; но по обоимъ симъ предметамъ оставался въ дѣйствіяхъ моихъ безполезенъ, потому что не имѣлъ къ тому способовъ: въ хлѣбѣ самъ очень нуждался, а денежныхъ пособій не дѣлалъ, потому что денегъ у меня не было.

Ежели поставить мнѣ въ преступленіе, что я, до вторженія въ Москву не имѣвъ о выѣздѣ повелѣнія, самъ собою не догадался бѣжать изъ города, и съ нарушеніемъ присяги оставилъ бы дѣла Вотчиннаго Департамента на произволъ, въ такомъ случаѣ я, въ оправданіе свое, ничего сказать не могу и заслуживаю наказаніе по законамъ, буде на таковой мой проступокъ есть постановленіе; если же, напротивъ, поступокъ мой, что я безстрашно сохранилъ мѣсто свое, не взирая на разглашенія о всѣхъ жестокостяхъ, производимыхъ непріятелемъ, имѣя въ виду единое спасеніе дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ, не вмѣняется мнѣ въ преступленіе; слѣдовательно, оставшись, такимъ образомъ, во власти непріятеля, по долгу службы моему Отечеству, не въ другомъ чемъ можно отъ меня требовать и отчета, какъ

только: не нарушилъ ли я присяги законному моему Государю? Не сдѣлалъ ли я предательства или измѣны Отечеству, открытіемъ тайны моего правительства? Или, возгордясь нѣкоторымъ оказаннымъ мнѣ отличіемъ, не дѣлалъ ли я какія насилія несчастнымъ соотечественникамъ моимъ, терпѣвшимъ равную участь со мною? Присяги законному моему Государю я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ, ибо особу Его Императорскаго Величества я люблю, какъ Россіянинъ; предательства, или измѣны Отечеству открытіемъ тайнъ правительства не учинилъ; да и что̀ можетъ знать чиновникъ, роющійся въ Москвѣ въ архивахъ Вотчиннаго Департамента, о дѣлахъ Комитета Министровъ въ С.-Петербургѣ? Касательно же до притѣсненія или обидъ сотоварищамъ общаго со мною несчастія, на меня жалобъ ни отъ кого нѣтъ, и оныхъ быть не можетъ, ибо я поступалъ со всѣми по собственной волѣ сердца своего. Между 50.000 человѣкъ обоего пола людей, оставшихся въ Москвѣ во власти непріятеля, многіе, въ почетныхъ чинахъ состоявшіе, рубили Французамъ дрова, носили воду, или другіе имѣли ноши (butin, какъ они называютъ), и иногда путешествіе ихъ съ оными было отъ Москвы до Всесвятскаго, а отъ Всесвятскаго до Коломенскаго; а я не только не дѣлалъ подобныхъ послугъ имъ, но, охраняя по должности своей, дѣла Вотчиннаго Департамента, былъ еще защитникомъ соотечественниковъ моихъ отъ обидъ, сохранилъ и присягу къ Государю, и любовь къ Отечеству; отказаться же отъ возложенной на меня должности засѣданія въ муниципалитетѣ значило воспротивиться волѣ императора Наполеона безумнымъ упрямствомъ, коего слѣдствіемъ, въ примѣръ другимъ, была бы мнѣ смерть постыдная. Я взиралъ бы и на оную равнодушно; ибо чувствую, что есть что-то выше человѣка, и безтрепетно предстану на судъ къ сему существу, котораго не постигаю; совѣсть моя чиста! Но осмѣливаюсь спросить: могла ли быть смерть моя въ то время полезна для Отечества! Нѣтъ, нѣтъ, ваше превосходительство. Теперь недостаетъ самой малой только части дѣлъ, къ Вотчинному Департаменту принадлежащихъ, а со смертью моею, можетъ быть, ни одного бы не было, и если дѣла Вотчиннаго Департамента нужны для блага Отечества, то и жизнь моя нужна была; ибо сохраненіе оныхъ дѣлъ сопряжено было съ моимъ усердіемъ.

18 Сентября, съ соизволенія маршала, герцога Тревизо, который мнѣ письмо далъ къ маршалу, герцогу Данцигскому (Le Febre), командующему въ Кремлѣ, входилъ я въ Вотчинной Департаментъ въ сопровожденіи адъютанта сего послѣдняго и, къ великой радости моей и удивленію, увидѣлъ, что всѣ дѣла были совершенно въ томъ же по-

рядкѣ, въ которомъ я оныя оставилъ; и часовые, тутъ стоявшіе, сказали, что имѣютъ повелѣніе никого не впускать въ галлерею архива, но напротивъ въ присутственной каморѣ, въ моей бывшей комнатѣ, и въ другихъ комнатахъ, къ которымъ не поставлены были часовые, всѣ вещи въ оныхъ обобраны и все переломано; ибо занимали оные солдаты постоемъ, и я всего имущества лишился; изъ числа же мѣдныхъ денегъ, казнѣ принадлежащихъ и которыя я, выходя 4 Сентября оставилъ, находилось еще семь мѣшковъ.

23 Сентября былъ я опять, съ его же, маршала, герцога Тревизо, позволенія, въ Вотчинномъ Департаментѣ, и, по случаю вступившихъ въ Кремль къ квартированію новыхъ двухъ полковъ, галлереи смотрѣть, чтобъ дѣлъ не расхищали; однакожъ я примѣтилъ, что они книги употребляли на постилку вмѣсто кроватей, и потому разсудилъ, къ лучшему сбереженію, подать письменную просьбу на имя Наполеона, которую самъ и сочинилъ.

25 Сентября подалъ оную просьбу маршалу, герцогу Тревизо, на разсмотрѣніе.

Въ сей день, по полудни въ 6 часовъ, подавъ просьбу мою маршалу, онъ просилъ меня остаться у него. Между разговорами я объявилъ, что, при вшествіи Французскихъ войскъ въ Москву, имѣлъ при себѣ казенныхъ денегъ 6.625 р. ассигнаціями, кои у меня отняты, не взирая, что Наполеономъ обѣщано мнѣ покровительство. Онъ отвѣчалъ, улыбаясь: «Справедливѣе бы было вамъ просить о своей собственности, которую вы потеряли; а что касается до казеннаго, то оное правомъ войны (butin, droit de la guerre) принадлежитъ имъ, побѣдителямъ». Впрочемъ, Бога поставляю во свидѣтели, что сей маршалъ, сколь часто ни былъ я у него, но онъ не только со мною, но при мнѣ и съ другими, никогда на счетъ правительства нашего не говорилъ.

29 Сентября маршалъ, герцогъ Тревизо, возвратилъ мнѣ просьбу мою на имя Наполеона, съ нѣкоторыми поправками въ этикетѣ.

4 Октября, пополудни въ 6 часовъ, подалъ оную я лично въ Кремлевскомъ дворцѣ (копію, каковую подалъ, здѣсь прилагаю подъ № 2) и отвѣту на тотъ часъ не имѣлъ; а генералъ-адъютантъ его, графъ Нарбоннъ, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ Наполеона, сказалъ: «Si vous voulez passer demain chez moi, vous aurez prendre réponse».

5 Октября, поутру въ 6 часовъ былъ я у графа Нарбонна, и онъ мнѣ сказалъ, что Императоръ его находитъ просьбу мою совер-

шенно справедливою и, похваляя притомъ усердіе мое на пользу Отечества, обнадеживалъ, что сокровища сіи отъ войска его останутся невредимы; а какъ просилъ я повелѣніе оныя собрать въ одну залу, то о семъ приказаніе дано маршалу, герцогу Тревизо, не только къ сему допустить, но и оказать въ ономъ вспомоществованіе.

Въ полдень видѣлъ я знакомаго уже мнѣ секретаря, г. Делорпаде-Девилля, который сказалъ, что онъ читалъ мою просьбу къ его императору, и что Наполеонъ въ первыхъ словахъ своихъ сказалъ: «Этотъ чиновникъ съ своею архивою мнѣ уже наскучилъ», и потомъ далъ приказаніе графу Нарбонну.

6 Октября. Хотя въ сей день и ничего такого не воспослѣдовало, чтó касалось бы до предмету моего донесенія вашему превосходительству, однакожъ я не могу умолчать о такомъ обстоятельствѣ, которое въ великія хлопоты меня ввело. Въ 8 часовъ вечера, когда я готовился уже ложиться спать, пришелъ ко мнѣ изъ Кремля солдатъ старой гвардіи, по имени Сабле, самой тотъ, которой провожалъ меня 4-го Сентября изъ Кремля до Сухаревой башни. Онъ пожелалъ со мною проститься, какъ самъ сказывалъ, и пожелать мнѣ всякаго благополучія; ибо завтрашній день, съ восходомъ солнца, отданъ приказъ имъ выступить въ походъ; и послѣ получаса разговору ничего незначущаго, распрощавшись со мною, просилъ меня, чтобъ я проводилъ его десять шаговъ только, и когда я сіе учинилъ, оставшись съ нимъ одинъ, то, взявъ онъ меня за руку, сказалъ: «Sauvez vous, mon cher, si vous pouvez; le Kremlin va sauter en pair, aussi bien qu'une autre place, tout près de votre cy-devant» (онъ разумѣлъ пушечной дворъ, чтó близъ Сокольниковъ) «On va meme donner les ordres de massacrer tout ce qui porte les armes et de mettre le feu à toutes les maisons qui n'ont pas été incendiées». Я оставляю судить вашему превосходительству, въ какомъ положеніи долженъ я былъ находиться, имѣя въ глазахъ моихъ дѣтей, содѣлывающихся жертвою смерти, и Богъ знаетъ какой еще смерти!

7 Октября, въ 6 часовъ утра, Наполеонъ, съ старою гвардіею, оставилъ Москву. Молодая гвардія, подъ командою герцога Тревизо, вступила на квартиры въ Кремль. Самъ маршалъ переѣхалъ въ Кремлевской дворецъ. Я, по поводу поданной просьбы моей Наполеону, говорилъ съ маршаломъ, который въ отвѣтъ сказалъ, что въ теперешнемъ обстоятельствѣ сіе излишне будетъ, ибо и остальныя войска скоро оставятъ Москву; а между тѣмъ приказалъ при мнѣ полковнику, командующему тѣмъ полкомъ, который занялъ комнаты Вотчиннаго

Департамента, чтобъ дѣлъ не расхищали и, такимъ образомъ, я простился съ маршаломъ и болѣе его уже не видалъ. Кордонъ передовыхъ Французкихъ войскъ стоялъ по бульвару.

8 Октября, въ два часа пополудни, взорваны ящики съ порохомъ на пушечномъ дворѣ. Кордонъ былъ еще по бульвару, перестрѣливаясь часто съ нашими мужиками.

9 Октября, не находя себя уже въ безопасности въ домѣ г. Дурновой, ибо солдаты молодой гвардіи съ ихъ офицерами перешли въ Кремль, я разсудилъ также съ семействомъ моимъ искать спасенія въ Воспитательномъ домѣ, и его превосходительство Иванъ Акинѳіевичъ Тутолминъ далъ мнѣ, по милости своей, въ ономъ комнату, въ которой я помѣстился.

10 Октября, около 4 часовъ по полудни, услышали мы, что командующій корпусомъ Россійскихъ войскъ, баронъ Винценгероде, взятъ въ полонъ близъ Тверскихъ воротъ и приведенъ въ Кремль. Въ 8 часовъ вечера зажгли Французы Винной дворъ и вскорѣ потомъ домъ главнаго Кригсъ-коммисаріата. Въ 11 часовъ зажженъ Кремлевской дворецъ, и Французскія войска, подъ командою маршала, герцога Тревизо, оставшіяся, вышли изъ Москвы чрезъ Каменной мостъ по Калужской дорогѣ.

11 Октября, въ два часа по полуночи, взорванъ Кремль въ пяти мѣстахъ. Въ 7 часовъ входилъ я въ оной, и стеченіе Русскаго народа было несказанно; Вотчинной же Департаментъ, въ каморахъ котораго Французы оставили бочекъ съ двадцать вина и въ архивахъ картофелю и сукна, былъ полонъ мужиковъ, и ужаснѣйшаго буйства отъ оныхъ въ пьянствѣ ихъ описать нельзя. Въ три часа по полудни пришли казаки.

12 Октября, въ 10 часовъ утра, поставленъ былъ вокругъ Кремля караулъ, и никого въ оной не впускали, а въ пять часовъ по полудни я оставилъ Москву, ибо былъ совершенно нагъ и со всѣмъ семействомъ, въ чемъ засвидѣтельствовать можетъ его превосходительство Иванъ Акинѳіевичъ Тутолминъ, съ которымъ я простился, поблагодаря его за квартиру. Пребываніе мое было въ деревнѣ братьевъ моихъ и въ волостяхъ графа Бобринскаго, къ котораго великодушію прибѣгнулъ я, прося о вспомоществованіи.

Я не знаю, почему г. генералъ-маіоръ Иловайской 4-й, въ рапортѣ своемъ къ Государю Императору, написалъ касательно меня «скрылся»; равно не знаю, почему о себѣ написалъ, что онъ «вытѣс-

нилъ непріятеля изъ Кремля». Донесеніе совсѣмъ несправедливое, и разница большая въ послѣдствіяхъ его рапортовъ; спросить надобно тѣхъ, кои были въ то время въ Москвѣ, тогда и справедливость его донесенія усмотрѣть можно будетъ, котораго бы и слѣдствія были совершенно противны.

22 Ноября, узнавъ о донесеніи г. генералъ-маіора Иловайскаго 4-го изъ газетъ, я ни мало не мѣшкалъ явиться въ Москву къ г. главнокомандующему, графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, и вскорѣ потомъ учреждена коммиссія по имянному Его Императорскаго Высочества повелѣнію о разобраніи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ Москвѣ, имѣли должности? А какъ сія коммиссія для насъ уже кончилась, то, вмѣстѣ съ окончаніемъ оной, и донесеніе мое о сихъ обстоятельствахъ честь имѣю вашему превосходительству представить.

Симъ и оканчиваю мое донесеніе. Жалѣю, что не могу оное покончить увѣдомленіемъ, сколько осталось въ Вотчинномъ Департаментѣ дѣлъ въ совершенной цѣлости; ибо, извѣстившись, что вы запретили мнѣ присутствовать въ ономъ, я болѣе уже и не домогался узнать, въ какомъ состояніи находятся тамъ дѣла. Само Провидѣніе къ сохраненію большей части оныхъ внушило вашему превосходительству дать мнѣ сіе мѣсто, и я смѣло могу сказать, что ни одинъ изъ сочленовъ моихъ не дѣлалъ бы такихъ усилій къ спасенію сихъ дѣлъ, и съ такимъ притомъ пожертвованіемъ, съ которымъ я старался исполнить долгъ присяги моей. А не стану искать дальнихъ доказательствъ въ разности служенія, которую предполагаю имѣть въ разсужденіи сотоварищей моихъ; ибо я, не взирая на всѣ неистовые поступки непріятеля съ побѣжденными, оставаясь, жертвовалъ не только своею жизнью, но и жизнью семейства моего и малолѣтнихъ дѣтей; гласъ природы умолкъ при исполненіи моихъ обязанностей, обязанностей сына Отечества (свидѣтель можетъ судить о моихъ поступкахъ); а товарищи мои, напротивъ, оставя въ Москвѣ только то, что вывезть не могли, сами удалились и возвратились опять въ Москву въ половинѣ Февраля, и непріятель очистилъ оную 11-го числа Октября, и возвратились не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать опись оставшимся дѣламъ, хотя имѣютъ въ отчетѣ оныхъ равное участіе со мною, но въ срокъ подать объявленія о потерѣ своей, которую могли претерпѣть съ разрушеніемъ Москвы. Повѣрьте, ваше превосходительство, что я не менѣе ихъ потерялъ, но сію потерю я приношу въ дань любезному моему Отечеству.

Я увѣдомился отъ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга, что ваше превосходительство въ большомъ негодованіи на меня въ разсужденіи не-

сбереженія суммы денегъ, оставшейся въ Вотчинномъ Департаментѣ. Я оными не покорыстовался; сія сумма очень недостаточна усыпить совѣсть мою, если бы къ несчастію и имѣлъ ее сонливою. Изъ донесенія моего вы видѣть можете, какимъ случаемъ и въ какое время оная у меня похищена, и я еще всего собственнаго лишился; впрочемъ, почему товарищи мои не увезли ея съ собою? Не скрою, однакожъ, отъ вашего превосходительства, что я имѣлъ случай во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ оную потерю пополнить, ибо они за 10 р. серебромъ давали мѣшокъ мѣдной монеты; а какъ я нѣсколько червонныхъ и серебряной монеты имѣлъ счастіе сберечь, то по такому курсу и легко могъ вознаградить. И если бъ я въ глазахъ вашихъ могъ получить такимъ способомъ какую нибудь цѣну ревности служенія моего, то напротивъ самъ себя возгнушался бы; ибо сія мѣдная монета принадлежала бы Казенной Палатѣ и Банку, коей оставлено было до нѣсколько сотъ тысячъ; или принадлежала бы частнымъ людямъ, которую они грабежемъ доставали, и притомъ послѣдствіе показало, что и оное не могло быть твердо, не имѣя мѣста, гдѣ бы сію сумму въ мѣдной монетѣ сохранять, а потому вошедшіе казаки и мужики все бы разграбили, когда уже не пощадили они Воспитательнаго Дома, котораго и жестокіе непріятели не трогали.

Я откровенно долженъ признаться вашему превосходительству, что нимало не дорожу мѣстомъ, членомъ быть Вотчиннаго Департамента, и истина уже навсегда оставитъ усердію моему память въ ономъ; но не могу скрыть чувствительнаго моего огорченія, что лишаюсь начальника, котораго въ душѣ моей уважаю; и въ мысляхъ моихъ, кто могъ въ сказкѣ дать правило воспитанію льва, тотъ конечно не по наслѣдству и не хитрыми происками получилъ блистательное званіе министра юстиціи, но по достоинствамъ своимъ занимаетъ, и подчиненный такому начальнику имѣетъ уже въ предметѣ справедливую награду своему усердію.

Въ заключеніе сего осмѣливаюсь просить ваше превосходительство назначить время, съ котораго вы мнѣ дали отставку; ибо я, получая отъ щедротъ монаршихъ пенсіонъ, который со вступленіемъ моимъ въ Вотчинной Департаментъ прекратился, могъ бы вновь просить о выдачѣ онаго съ числа сей отставки, потому что въ самой крайней бѣдности нахожусь. Москва, 27 Февраля 1813 года.

Надворной совѣтникъ **А. Бестужевъ-Рюминъ.**

Приложенія.

Копія № 1.

Au nom de sa majesté l'Empereur et Roi.

Monsieur Bestouscheff-Rumen est nommé adjoint du maire de la commune de Moscou.

Le présent lui tiendra lieu de brevêt. A Moscou, ce 21 Septembre 1812.

Le gouverneur-général de la ville et de la province de Moscou M. le duc de Trevise.

Par s. ex. mr. le gouverneur-général l'intendant de la ville et de la province de Moscou. Lesseps.

№ 2.

Sire! Lorsque l'armée de Votre Majesté Impériale et Royale entra triomphante dans cette capitale, je me trouvois employé au service de ma patrie en qualité du second membre du Département des Domaines.

Je n'ai pas suivi l'exemple de mes collégues, ni de mes subordonnés, qui méconnoissant leur devoir ont abandonnés leurs postes et ont fui dans l'intérieur; j'ai taché, au contraire, de conserver les archives du dit Département, qui étoient sous ma direction, et d'y maintenir l'ordre, qui y existait auparavant. Je me présentai en conséquence dès le lendemain à la cour de Votre Majesté, et par l'entremise de mr. le secrétaire de Lorgne-de-Deville, j'obtins quatre sauvegardes, qui furent placées aux quatre archives. Ce devoir rempli, je quittai le logement, que j'occupais pour le moment au Sénat, et je me retirais avec ma famille dans ma maison.

Je n'ai pas échappé au malheureux sort de la plupart de mes concitoyens; ma maison a été la proie des flammes. Quoique cette perte soit assez considérable pour moi, je la supporterois avec courage, si je pouvois préserver le reste des archives, qui étoient sous ma direction, et dont une grande partie des livres peut encore être sauvée. J'aurai rempli mon devoir, si mon gouvernement me demande compte un jour des efforts, que j'aurois fait pour conserver ce depôt, qui m' a été confié.

C'est pourquoi je prends la liberté de me prosterner aux pieds de Votre Majesté Impériale et Royale, en la suppliant de m'accorder la grâce de pouvoir mettre les dittes archives en ordre, de les rassembler dans une seule salle; par ce moyen les trois autres salles, où elles sont dispersées, pourront servir au logement des troupes de Votre Maje-

sté. Je me permettrai d'ajouter, que ces archives sont d'autant plus précieuses, que ce sont elles, qui sont consultées et ont force de loi, dans tous les différents, qui peuvent survenir entre les sujets Russes, pour la conservation de leurs proprietés.

Dans l'attente, que Votre Majesté voudra bien agréer gracieusement ma prière, j'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et soumission, Sire, de Votre Majesté Impériale et Royale le très humble et très obéissant serviteur A. B. R., conseiller de cour au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies.

Moscou.
4 Octobre 1812.

№ 3.

Москва, 10 Іюля 1813 года.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Донесеніе мое вашему превосходительству отъ 27 прошедшаго Февраля остается по сю пору безъ отвѣту, а я безъ разрѣшенія; даже заподлинно не знаю, получили вы оное или нѣтъ? Слышу только, что угодно вамъ было отставить меня отъ службы моему Отечеству безъ моей о томъ просьбы еще 2 Января, и хотя таковая отставка предосудительна чести и имяни моему, однако, смѣю сказать, безъ всякаго моего преступленія, и я поднесь никакого законнаго письменнаго вида не имѣю на оную. Въ семъ недоумѣніи и находясь въ самомъ трудномъ положеніи жизни, рѣшился я отнестись къ вамъ, милостивый государь, не касаясь званія вашего, министра юстиціи, но какъ частному благородному человѣку, и спросить чистосердечно, чтó васъ огорчило противъ меня, и чѣмъ заслужилъ я вашу немилость? Исполнивъ всѣ обязанности сына Отечества и честнаго человѣка, я надѣялся, что такого примѣрнаго усердія чиновникъ, каковымъ я себя быть показалъ, и въ такое притомъ еще время жестокости отъ нашествія непріятеля, которому и исторія мало примѣровъ имѣетъ, дѣлаетъ честь начальству, подъ вѣдомствомъ котораго состоитъ, и заслужитъ, по крайней мѣрѣ, онаго вниманіе; но мнѣ, напротивъ, сіе усердіе обращается отъ васъ въ поруганіе, безчестіе и ужасное истязаніе. Сами враги моего отечества не были равнодушны къ усиліямъ моимъ въ исполненіи сихъ обязанностей, похваляли заботы мои къ сохраненію государственныхъ дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ и оставшихся въ ихъ власти, а увидѣвъ, что я имѣю еще семейство и узнавъ, съ какою опасностію жизни моей я исполнилъ долгъ присяги, не могли отказать мнѣ и въ уваженіи. Вы признаетесь, милостивый государь, что не всякой бы согласился быть въ то время на моемъ мѣстѣ, и что

гораздо легче осуждать поступки другихъ, будучи отъ театра ужаса на нѣсколько сотъ верстъ, и обвинять тѣхъ несчастныхъ, безъ малѣйшаго изслѣдованія, кои съ истиннымъ усердіемъ къ пользѣ отечественной жертвовали жизнію своею. Въ числѣ сихъ несчастныхъ поставить могу и себя: ибо, не имѣвъ ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, ниже особеннаго наставленія, какъ поступать въ сіе время страха, я долженъ былъ руководствоваться клятвеннымъ моимъ обѣщаніемъ, преданностью къ престолу законнаго Государя и любовью къ Отечеству. Еслибъ я и послѣдовалъ подлому примѣру моихъ обоихъ сотоварищей, кои, при приближающейся опасности, пренебрегли долгъ присяги и въ трусости своей оставили мѣста, ими занимаемыя, или, по просту сказать, бѣжали отъ должностей своихъ, оставивъ дѣла на произволъ, то и въ такой измѣнѣ престолу и Отечеству, я, съ своей стороны, могъ дать видъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣйшій; ибо, какъ вамъ же извѣстно, имѣлъ отъ 9 Августа законной отпускъ на 28 дней (въ оное время еще нимало не думали, чтобъ непріятель овладѣлъ Москвою), слѣдовательно, срокъ сему отпуску долженъ кончиться около 9 Сентября; а непріятель взошелъ въ Москву 2 Сентября. Къ тому же, къ отъѣзду моему, по милости графа Бобринскаго, имѣлъ я деньги и лошадей; но при таковомъ безнужномъ къ побѣгу моему положеніи, я не измѣнилъ присягѣ и рѣшился ожидать приказанія начальства; а не получивъ онаго, самъ собою старался спасти дѣла Вотчиннаго Департамента. Плоды усердія моего видимы, ибо Вотчинной Департаментъ существуетъ; если же нѣкоторыя дѣла въ ономъ не въ томъ порядѣ, въ которомъ были до нашествія непріятеля, то это потому только, что сей департаментъ находится въ Кремлѣ, а въ Кремлѣ нѣтъ ничего въ порядкѣ: даже и Иванъ Великой тронулся съ мѣста своего.

Имѣя къ личнымъ достоинствамъ вашимъ истинную приверженность, и зная притомъ, что вы имѣете благородную душу, въ полномъ смыслѣ разумѣнія сего слова, не могу не удивляться столь явно несправедливому противъ меня поступку. Ибо товарищи мои, измѣнивъ престолу и Отечеству, остались при своихъ мѣстахъ, а я, напротивъ, сохранивъ всѣ обязанности службы и сына Отечества и имѣвъ при томъ счастіе спасти дѣла вотчинныя, исключаюсь изъ оной, и вопреки даже милосердного закона: «Никто безъ суда не накажется».

Въ такомъ горестномъ положеніи обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, и убѣдительнѣйше прошу, не обижайте меня въ безотвѣтномъ званіи своемъ, не порочьте имени моего, не оскорбляйте

юстиціи, высочайше вамъ ввѣренной. Объявите, по крайней мѣрѣ, въ чемъ преступленіе мое состоитъ; ибо я долженъ оправдать мой поступокъ предъ обществомъ честныхъ людей, въ кругу которыхъ и себя быть почитаю. Я охотно извиняю вамъ то ужасное состояніе, въ которое вы меня ввергли, и если бъ не великодушіе графа Растопчина, главнокомандующаго въ Москвѣ, который даетъ мнѣ казенную квартиру, въ самомъ томъ домѣ, который я спасъ отъ пожару и разграбленія, не взирая на отставку мою, то не зналъ бы, гдѣ съ семействомъ приклонить голову. Равно не взыскиваю и того большаго затрудненія, въ которомъ отъ васъ же нахожусь, доставать жизненныя потребности для бѣдныхъ малютокъ моихъ, и хотя такое положеніе есть слѣдствіе вашихъ немилостей, но я умалчиваю объ ономъ; а въ поруганіи чести и имени моего вы непремѣнно должны сказать причину такого поступка вашего. Вы опытомъ знаете, милостивый государь, сколько оскорбительна и чувствительна клевета честному человѣку; и если припомните собственное свое несчастіе *) и примѣните оное къ теперешнему моему положенію, то можете усмотрѣть, сколь достойна участь моя сожалѣнія. Вы искали въ то время себѣ покровителя, которой бы обнаружилъ вашу невинность; теперь я ищу сего покровителя въ васъ самихъ, сколько по долгу званія вашего, министра юстиціи, столько и по благородной душѣ вашей, и вы должны не только обнаружить невинное страданіе, но еще представить заслуги мои Отечеству спасеніемъ дѣлъ Вотчиннаго Департамента.

Съ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга, А. Б.-Р.

Въ отвѣтъ онаго письма, 3 Сентября, объявлено мнѣ отъ Московскаго прокурора Желябовскаго, посредствомъ Московской Управы Благочинія, чтобъ «я впредъ въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнѣе въ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе».

*

*) И. И. Дмитріевъ, служа въ гвардіи, въ царствованіе Павла, былъ оклеветанъ предъ Государемъ и подвергся задержанію (см. его „Взглядъ на мою жизнь“). П. Б.

ПИСЬМА А. Д. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Въ „Чтеніяхъ при Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей“ за 1859 (кн. 2-я) напечатаны были „Краткое описаніе о происшествіяхъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году“ и „Донесеніе г. министру юстиціи И. И. Дмитріеву о происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ во время пребыванія въ оной непріятеля“, А. Д. Бестужева-Рюмина. Бумаги эти обратили на себя вниманіе лицъ занимающихся исторіею Отечественной войны, какъ живостью своего изложенія, такъ и не совсѣмъ обыкновенною ролью, которую довелось выполнять автору ихъ во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ. Ему, члену Вотчиннаго Департамента, не только пришлось пережить разгромъ столицы, босому, въ одной лакейской шинели и съ голодною семьей отъискивать ночлега въ погорѣвшей Москвѣ, защищаться отъ мародеровъ, но сдѣлаться лично извѣстнымъ Наполеону, выпросить у него охрану для архива своего учрежденія, быть назначеннымъ членомъ „отеческаго градскаго правленія“ (Municipalité paternelle). Несмотря однако на то, что онъ сохранилъ архивъ Вотчинной Коллегіи отъ разгромленія и, будучи товарищемъ Московскаго мэра оказывалъ помощь и защиту своимъ соотечественникамъ, „присяги же законному Государю своему ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ, любовь къ Отечеству сохранилъ, предательства или измѣны Отечеству открытіемъ тайнъ правительства не учинилъ и никакихъ званію своему непристойныхъ послугъ не дѣлалъ, хотя многіе, въ почетныхъ чинахъ состоявшіе, рубили Французамъ дрова, носили воду или другіе имѣли ноши“, Бестужевъ, по изгнаніи непріятеля, былъ подвергнутъ взысканію и лишенъ мѣста 2 Января 1813 г. по обвиненію въ растратѣ казенныхъ денегъ. Въ оправданіе свое имъ и написаны были напечатанныя въ „Чтеніяхъ“ бумаги, доставленныя туда покойными Валеріемъ Ивановичемъ Чарыковымъ и княземъ М. А. Оболенскимъ. Чѣмъ именно кончилось дѣло по обвиненію его, намъ неизвѣстно.

Нынѣ, благодаря любезности Михаила Владимировича Жулковскаго, намъ сообщены подлинныя бумаги А. Д. Бестужева-Рюмина отъ его наслѣдниковъ. Среди нихъ находится и то, что́ уже было напечатано въ „Чтеніяхъ“. Помѣщаемыя ниже письма Бестужева-Рюмина къ его другу Д. Ѳ. Шумилову, два прошенія къ Государю и одно къ Великому Князю Константину Павловичу, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не были обнародованы. Они разъясняютъ отчасти дальнѣйшую судьбу А. Д. Бестужева и довольно ярко обрисовываютъ эпоху. „Русскій Архивъ“ дорожитъ всѣмъ относящимся къ „вѣчной памяти двѣнадцатаго года“. Ю. Б.

Письма къ Д. Ѳ. Шумилову.

1.

Москва, 22 Маія 1813 года.

Милостивый государь мой Дмитрій Ѳедоровичъ!

Съ какою радостью получилъ я письмо твое отъ 10-го числа нынѣшняго мѣсяца! Препокорнѣйше благодарю за оное и болѣе еще благодарю за сохраненіе ко мнѣ пріязни твоей; я большую цѣну даю оной, такъ какъ честнаго человѣка, каковымъ я всегда тебя зналъ. Я рекомендую тебѣ вручителя сего. Г-нъ Игнатій Николаевичъ Познанской; онъ мой искренной пріятель и по достоинствамъ своимъ заслуживаетъ истинное уваженіе, имѣетъ дѣло въ вашемъ городѣ и если можешь чѣмъ ему полезенъ быть, то пожалуй не откажи своего ходатайства.

Такъ, ты правъ, мой старинной пріятель: я ни въ чемъ не виноватъ и Богомъ клянусь, что жертвовалъ всѣмъ, чтобъ быть полезнымъ Отечеству; но неблагопріятствующая мнѣ судьба опредѣлила такое мое усердіе собственно для меня во зло. Что̀ дѣлать? Терпѣніе все превозможетъ. Извини, что я тебѣ не посылаю моихъ Записокъ пребыванію непріятеля въ первопрестольномъ градѣ; ибо, право, не должно. Но вскорѣ пришлю все, что̀ можетъ касаться и до усилій моихъ къ сохраненію дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ, а равно и о усиліяхъ моихъ оправданій предъ такими людьми, кои, если судить по ихъ дѣяніямъ, и десятой доли бы не сдѣлали въ пользу Отечества. Рано или поздно *Богъ* ихъ накажетъ.

Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ тебя увѣдомленія, какихъ мыслей губернаторъ вашъ касательно рапорта моего министру юстиціи. Я хотѣлъ самъ было къ нему написать, но разсудилъ лучше побочнымъ образомъ до свѣдѣнія его довести. Пословицы Русскія, почтеннѣйшій мой пріятель, какъ ты и самъ знаешь, всѣ почти справедливы. Прощай, мой любезнѣйшій. У Настасьи Ивановны цѣлую ручки и благодарю, что меня помнитъ.

Съ истинною преданностью пребываю покорнѣйшій слуга А. Бестужевъ-Рюминъ.

Адресъ ко мнѣ тотъ же: на Петровкѣ въ домѣ Дурнова, въ Москвѣ.

Его высокоблагородію милостивому государю моему Дмитрію Ѳедоровичу Шумилову. Во Владимирѣ. Губернскаго Правленія господину совѣтнику.

2.

Москва, 24 Октября 1813.

На письмо твое, любезный мой другъ Дмитрій Ѳедоровичъ, отъ 30 Августа и полученное мною въ свое время, я не отвѣтствовалъ потому, что по мнѣнію моему оное не требовало отвѣту, ибо ты о сынѣ своемъ имѣлъ уже извѣстіе; а я раза три ходилъ опять въ извѣстный тебѣ на бульварѣ домъ и ничего другаго объ сынѣ твоемъ узнать не могъ, какъ только, что онъ здоровъ и отправился въ Минскъ. Я надѣюсь, что ты регулярно имѣешь отъ его извѣстіе; и да сохранитъ его Всевышняя десница!

Пріятель мой, Игнатій Николаевичъ Познанской, паки отправляется въ вашъ городъ по своимъ надобностямъ, и я при семъ случаѣ прошу твоего ему покровительства или, такъ сказать, путеводительства въ его дѣлахъ; онъ человѣкъ очень хорошій и умный, слѣдовательно будетъ въ полной мѣрѣ чувствовать твои одолженія; а я пріиму оныя, какъ будто оказанныя мнѣ самому.

Я знаю, что ты меня любишь, а потому и скажу тебѣ нѣчто и о себѣ. Я, слава Богу, здоровъ; но касательно разрѣшенія участи моей нахожусь еще въ безъизвѣстности. Недѣли двѣ тому назадъ потребовали отъ меня въ Правительствующій Сенатъ, что́ въ Петербургѣ, формулярный мой списокъ, который я уже и послалъ. Уповательно, что дѣло наше къ концу приходитъ, и какая развязка оному будетъ—не знаю.

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо мое къ г. министру юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву, съ котораго я тебѣ послалъ копію при письмѣ моемъ отъ 16-го Іюля [1]), мнѣ объявлено чрезъ Московскую Управу Благочинія 3-го Сентября [2]), *чтобы я впредь въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе.* А въ чемъ преступленіе мое состоитъ, объ ономъ ничего не сказано. Г-нъ министръ юстиціи въ Москвѣ находится съ послѣднихъ числъ Іюля, и я съ нимъ не видался. Однажды вздумалъ было къ нему придти, и по докладѣ обо мнѣ онъ сказалъ, чтобъ я въ другое время пришелъ, а теперь онъ занимается съ архитекторомъ

[1]) Этого письма мы не имѣемъ. Что касается до письма Бестужева-Рюмина къ И. И. Дмитріеву, гдѣ вспоминается его злоключеніе при императорѣ Павлѣ, то очевидно, что оно только повредило писавшему: Дмитріевъ обидѣлся. П. Б.

[2]) Отъ прокурора Желябовскаго.

разсматриваніемъ плана купленнаго имъ дома *). И такъ я болѣе уже и не домогался видѣть его. Богу угодно дать мнѣ такой жребій существованія, и я безропотно покоряюсь святой Его волѣ. Нищета, въ которой я нахожусь, мнѣ не постыдна, и всякой честной человѣкъ уважитъ бѣдность мою; ибо я всѣмъ достояніемъ моимъ пожертвовалъ на пользу Отечества и жертвовалъ даже не только своею жизнію, но и жизнію семейства моего. Отецъ можетъ судить о великости усердія моего, и хотя плоды сего усердія видимы, но я терплю уже круглый годъ ужасное истязаніе; а г. Огаревъ, который сохраненные мною архивы приводитъ въ порядокъ и съ одной полки на другую приказалъ переставить, получилъ въ награду чинъ. И какой же? Оберъ-прокурора Сената 4-го департамента. *Дивны дѣла Твои, Господи!*

Читая въ вѣдомостяхъ о вспомоществованіи, оказанномъ Патріотическимъ Обществомъ, потерпѣвшимъ въ Москвѣ раззореніе и видя, что сіе пособіе еще учинено большею частію и богатымъ людямъ, рѣшился отнестись къ сему почтеннѣйшему сословію и послалъ письмо на имя Виктора Павловича Кочубея, съ котораго копію при семъ прилагаю. Можетъ быть, что нибудь и дадутъ; а мнѣ, признаться, крайняя нужда. Адресъ ко мнѣ перемѣнился, и надписывай на конвертѣ такъ: Въ Москвѣ, между Тверскими и Никитскими воротами, въ домѣ Петрова-Солова, что на бульварѣ.

3.

Любезный и почтеннѣйшій мой пріятель Дмитрій Ѳедоровичъ!

Я очень предъ тобой виноватъ; прости меня великодушно. Письмо твое отъ 27 Февраля я получилъ въ свое время; но оное оставалось по сей день безъ отвѣту не потому, чтобъ я не имѣлъ полнаго уваженія къ принимаемому тобою участію въ моемъ горестномъ состояніи, и повѣрь нелживой душѣ моей, что я тебя премного люблю и почитаю; но стеченіе запутанностей, въ которыя я вовлеченъ излишнимъ усердіемъ на пользу Отечества и притѣсненіе внутреннихъ, но однакожъ скрытыхъ злодѣевъ Отечеству, не давали мнѣ времени отвѣтствовать на оное. Могу ли я когда нибудь забыть, что ты первый мой былъ наставникъ по гражданской части? Вспомни, когда я въ 1795 году, прибывъ въ Пензу, не успѣлъ дать и резолюціи на рапортъ соляного пристава въ продажѣ имъ соли и вырученныхъ за оную деньгахъ. Такъ, мой почтенный пріятель, я никогда онаго не забуду. Жаль только, что

---

*) Это знаменитый домъ на Спиридоновкѣ, построенный изъ стоячихъ бревенъ и обтянутый желѣзными полосами. Онъ простоялъ до позапрошлаго года, и на мѣстѣ его воздвиглись каменныя палаты С. Т. Морозова. Къ сожалѣнію, отъ обширнаго сада, откуда, бывало, еще недавно раздавалось соловьиное пѣніе, осталось уже немного. См. объ этомъ домѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893 года. П. Б.

всѣ мои записки, кои я хранилъ, какъ безцѣнныя для меня сокровища, все пропало. Я всѣмъ пожертвовалъ Отечеству, спасъ только дѣла Вотчиннаго Департамента и за то наказуюсь. Время течетъ, и мы оба съ тобой состарѣлись, приближаемся къ общей матери нашей, сырой землѣ; память только добрыхъ нашихъ дѣлъ останется въ потомствѣ, и то на нѣкоторое только время. Теперь, кажется, я нѣсколько посвободнѣе въ дѣлахъ моихъ и потому буду отвѣтствовать на письмо твое отъ 27 Февраля.

Я очень радъ, что ты успокоенъ со стороны сына, ибо имѣешь регулярную съ нимъ переписку, и уповательно, что будешь имѣть скоро и родительское утѣшеніе его видѣть въ объятіяхъ своихъ. Миръ во всей Европѣ. Жаль мнѣ, что я не знаю твоего сына лично, ибо не имѣлъ удовольствія его видѣть въ проѣздъ чрезъ Москву. Г. министръ юстиціи Дмитріевъ, въ бытность его въ отпуску, жилъ въ Москвѣ около четырехъ мѣсяцевъ; онъ невидимъ былъ для дѣлъ службы, но для собственнаго его интереса можно было всякому имѣть въ чертоги его доступъ. Боже праведный! Для чего Ты помазанникамъ нашимъ, при семъ таинствѣ ихъ, нами исповѣдуемомъ, не далъ и дара видѣть сердца подданныхъ своихъ? Всеконечно, Дмитріевъ никогда бы не былъ министромъ юстиціи. Но оставимъ его. Я писалъ къ нему послѣднее уже письмо 18-го Іюня и ожидаю отвѣту чрезъ Московскаго губернскаго прокурора или чрезъ полицію; ибо сей министръ до того надмененъ, что не отвѣтствуетъ прямо лицу его утруждавшему. Я при семъ посылаю копію съ письма моего на высочайшее имя, которое я послалъ 25 Іюня подъ конвертомъ на имя Государя и Цесаревича Константина Павловича. Будетъ ли конецъ нашимъ страданіямъ? Богу извѣстно. (1814).

Письмо къ Цесаревичу.

Ваше Императорское Высочество!

Простите великодушно, Государь Цесаревичъ, дерзновенію моему, что я осмѣлился въ горестнѣйшихъ моихъ обстоятельствахъ искать высокаго покровительства Вашего. Герой, проливавшій кровь за Отечество, не можетъ быть равнодушенъ къ безвинно погибающему вѣрному сыну того Отечества, которому Ваше Императорское Высочество оказали столь блистательныя услуги.

Нижайшая моя просьба состоитъ въ томъ, чтобы приложенный при ономъ конвертъ доставить въ собственныя руки Августѣйшаго Вашего Братца, а моего законнаго Государя. Сей конвертъ подъ открытою печатью, и Ваше Императорское Высочество можете изъ содержанія онаго видѣть, сколь участь моя отягчена и что одно отчаяніе рѣшило меня Васъ безпокоить.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Высочества, милостивѣйшаго государя, всенижайшій и преданнѣйшій надворный совѣтникъ А. Б.-Р.

Москва,
25 Іюня 1814 г.

Письма къ Государю.

I.

Копія.

Всемилостивѣйшій Государь!

Повергая себя къ августѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, дерзаю просить правосудія.

Богъ свидѣтель, Всемилостивѣйшій Государь, что я никогда и въ помышленіи не имѣлъ нарушить данной мною клятвы, но всегда служилъ Вашему Императорскому Величеству по правдѣ, не щадя живота моего, и никакая клевета опорочить службы моей не можетъ; однакожъ усердіе мое не только не имѣетъ награды, но напротивъ еще вверженъ я въ самыя горестнѣйшія несчастія, вопреки милосерднаго сердца Вашего Императорскаго Величества.

Въ началѣ 1811 года послѣдовало высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе, объявленное мнѣ г. тайнымъ совѣтникомъ Молчановымъ, касательно позволенія вступить въ отечественную службу; я старался имѣть оную подъ вѣдомствомъ г. министра юстиціи Дмитріева и 2-го Мая 1812 года, по указу Правительствующаго Сената, опредѣленъ членомъ Вотчиннаго Департамента, что въ Москвѣ, а въ концѣ того же Мая вступилъ и въ отправленіе моей должности. 2-го Сентября 1812 года непріятель вторгся въ столицу Москву. Я безстрашно сохранилъ мѣсто свое; ибо, не имѣвъ ни отъ какого начальства повелѣнія оставить онаго, самъ собою разрѣшить клятву при угрожаемой опасности я не думалъ быть въ правѣ. И въ какое же время могъ я лучше оказать преданность мою къ престолу Вашего Императорскаго Величества и истинную любовь къ Отечеству, какъ не въ сіе время страха? И потому, хотя и слышалъ о всѣхъ жестокостяхъ непріятеля съ побѣжденными, однакожъ рѣшился всѣмъ жертвовать и старался сохранить дѣла, надзору моему ввѣренныя, оставшіяся во власти у непріятеля. Сіи дѣла суть драгоцѣнности, Всемилостивѣйшій Государь; ибо по онымъ производятся справки, и они разрѣшаютъ распри между вѣрноподданныхъ Вамъ по тяжебнымъ дѣламъ въ разсужденіи недвижимой собственности. Плоды усердія моего видимы, ибо сей Вотчинный Департаментъ существуетъ, и дѣла въ ономъ по прежнему производятся. Я при семъ осмѣливаюсь приложить

копію съ донесенія моего г. министру юстиціи о происшествіяхъ касательно сего департамента. Не смѣю распространиться о тѣхъ ужасахъ, которымъ я былъ свидѣтель, ибо милосердное сердце Вашего Императорскаго Величества не останется равнодушно и содрогнется о моихъ претерпѣніяхъ.

Во время пребыванія врага въ столицѣ Москвѣ, я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ присяги моей Вашему Императорскому Величеству, какъ законному моему Государю, въ разсужденіи вѣрности, ибо другому государю не присягалъ, да и къ оному не былъ приневоливанъ; а напротивъ еще ходилъ въ храмы Божіи и, преклоняя колѣна предъ жертвенникомъ Всевышняго Существа, молилъ о ниспосланіи благоденствія Вашему Императорскому Величеству и всему Августѣйшаго Вашему дому. Засѣданіемъ же въ учрежденномъ Мунисипалитетѣ или отечественномъ градскомъ правленіи я могъ только быть полезенъ несчастнымъ моимъ соотечественникамъ, оставшимся на жертву врага. Объ ономъ свидѣтельствуетъ данная сему Мунисипалитету инструкція.

Дворянскаго моего достоинства и чина императорскаго Россійскаго надворнаго совѣтника я не унизилъ, ибо врагамъ не рубилъ дровъ, не носилъ имъ воды и ни въ какія услуги употребленъ не былъ; но напротивъ еще твердость духа, съ которымъ я исполнялъ долгъ присяги моей Вашему Императорскому Величеству, заставила и ихъ имѣть ко мнѣ уваженіе. Я, лишившись всей собственности, спасъ однакожъ чужой домъ отъ огня и совершеннаго разграбленія, въ которомъ потомъ и жилъ; охранялъ въ ономъ и кормилъ *78 человѣкъ* несчастныхъ сограждапъ моихъ, кромѣ особо еще приходящихъ и требующихъ пищи. Я самъ и семейство мое, малолѣтныя дѣти, голодали, но отдавалъ послѣдній кусокъ. Французскій маршалъ герцогъ Тревизо, бывшій въ то время главнокомандующій въ Москвѣ, не былъ равнодушенъ къ потерямъ и усердію мною оказываемому на пользу Отечества и, видя въ нищенскомъ меня одѣяніи, желалъ вознаградить сіи потери золотомъ и платьемъ; но я отвергнулъ дары его: ибо потери мои въ такое время были данью любезному Отечеству, которому я обязанъ даже и воспитаніемъ моимъ.

Московская полиція, возвратившаяся паки въ столицу 11 дней спустя по выходѣ непріятеля и вступя въ отправленіе должности своей, очищая городъ, нашла въ колодцахъ, въ погребахъ, въ прудахъ и въ другихъ тайныхъ мѣстахъ до *12 тысячъ* тѣлъ убитыхъ непріятельскихъ. Она торжественно услуги свои Отечеству объявила въ

отысканіи, въ сожженіи или похороненіи оныхъ, и чиновники ся отъ Высочайшихъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества достойно награждены.

Но, Всемилостивѣйшій Государь, дерзаю спросить: *кто же умалилъ силы вражія въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ?* Всеконечно не тѣ были герои, которые возвратились въ столицу по выходѣ врага; не тѣ были мстители за Отечество, которые называютъ себя *вѣрными сынами Отечества*, но оставили однакоже Отечество во время представшей ему погибели. Иные кинули на жертву врагу и престарѣлыхъ родителей своихъ, женъ и малолѣтнихъ дѣтей, чтобы спасти себя одного. Всеконечно не сіи люди, Всемилостивѣйшій Государь, умалили силы вражія въ первопрестольномъ нашемъ градѣ и первый шагъ сдѣлали къ безсмертной славѣ Отечества нашего и освобожденію Европы отъ ига; но сіе учинили мы, оставшіеся на жертву врага. Мы не похороняли убитыхъ тѣлъ враговъ своихъ и ихъ даже не бранили словами; но, будучи наги, босы, обезоруженные, ослабѣвшіе отъ голода, сильны однакоже еще приверженностію къ престолу Вашего Императорскаго Величества, яко законному Государю нашему, и пылая любовію къ погибающему Отечеству, мы съ величайшею опасностію собственной жизни своей приносили оную на жертву оскорбленной родинѣ нашей, и въ огородѣ того дома, въ которомъ я жилъ, нѣсколько было сихъ жертвъ. Я самъ собою не обагрилъ въ крови враговъ рукъ своихъ, но кормилъ и защищалъ тѣхъ, кои содѣлывали себя орудіемъ сего отечественнаго мщенія. Я не ищу награды, Всемилостивѣйшій Государь, ниже въ потеряхъ моихъ вознагражденія, ибо мною содѣянное есть долгъ всякаго вѣрноподданнаго Вашего Императорскаго Величества и любящаго свое Отечество; но не желаю однакожъ, чтобъ соотечественники мои, послѣ всѣхъ таковыхъ ужасныхъ происшествій, поступали со мною злѣе, нежели сами враги наши: ибо многіе смѣютъ искать измѣны въ видимомъ усердіи.

Второй уже годъ въ исходѣ, Всемилостивѣйшій Государь, что я терплю ужасное истязаніе. Семейство мое, видѣвшее всѣ ужасы нашествія врага потому только, что я хотѣлъ исполнить долгъ присяги моей, теперь въ самой крайней нищетѣ со мною находится и среди своихъ соотечественниковъ терпитъ голодъ, стоная приближается къ смерти. Я, лишившись всей собственности отъ пожара и расхищенія непріятельскаго, два года уже не получаю ни Высочайше положеннаго мнѣ по смерть пенсіона, ниже по мѣсту моему жалованья, и мѣсто мое, какъ слышу, отъ меня отнято въ замѣну заслуженной награды

и отдано уже другому; но на отставку мою по сю пору я никакого законнаго вида не имѣю, а только выѣздъ мнѣ изъ Москвы запрещенъ, и я не могу разстроенныхъ дѣлъ моихъ привести въ порядокъ. То достояніе, которое бы я могъ имѣть, избѣгшее отъ раззоренія и похищенія врага, по указу Правительствующаго Сената 1-го департамента, повсемѣстно арестовано, въ согласность предложенія г. министра юстиціи оному, будто бы я не отдалъ отчету въ казенной суммѣ, въ вѣдѣніи моемъ находящейся. Но въ послѣдствіи времени г. министръ юстиціи узналъ, что я въ вѣдѣніи моемъ никакой суммы, казнѣ принадлежащей, не имѣлъ, а что самая часть оной осталась въ рукахъ моихъ, то потому только, что чиновники бѣжали отъ должностей своихъ, не отдавъ отчету въ оной, и первопришедшій въ комнаты Вотчиннаго Департамента могъ бы сею суммою воспользоваться, и тогда бы уже я по всей справедливости долженъ былъ за оную отвѣтствовать, какъ остававшійся начальникъ, но пренебрегшій долгъ присяги. Но я оною не покорыствовался, и сія сумма недостаточна усыпить совѣсть мою, еслибы къ несчастію имѣлъ я ее сонливую. Правда, что я не содержался, Всемилостивѣйшій Государь, тринадцать недѣль въ тюрьмѣ, какъ другіе мои сотоварищи несчастія, кои употребили себя на пользу соотечественниковъ своихъ, во время страшнаго нашествія; я не выметалъ улицы, какъ сіи же мои сотоварищи, въ класныхъ чинахъ Россійской Имперіи состоящіе, не закономъ еще къ тому осудимые, но взошедшею полиціею самопроизвольно къ сему приневоленные. Однакожъ на мнѣ совершена другаго рода жестокость: мнѣ не позволено было выѣхать изъ Москвы и на 8 дней, чтобъ проститься съ отходившимъ отъ сего свѣта тридцатисемилѣтнимъ моимъ благодѣтелемъ и искреннѣйшимъ другомъ графомъ Бобринскимъ*). Я умолялъ главнокомандующаго въ Москвѣ, показывалъ ему письма съ нарочнымъ мною полученныя, въ которыхъ покойника послѣднее желаніе было, чтобъ со мною увидѣться еще разъ; но графъ Растопчинъ мнѣ самымъ суровымъ образомъ въ семъ утѣшеніи отказалъ, и въ сей жестокости смѣлъ употребить Высочайшую будто Вашего Императорскаго Величества волю. Двѣ недѣли потомъ графъ Бобринскій умеръ.

Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ дерзаю повергнуть себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Удостой, Всемилостивѣйшій Государь, подъ благословеннымъ царствованіемъ своимъ

---

*) Не былъ ли графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій († 1813) товарищемъ Бестужеву-Рюмину по Сухопутному Кадетскому Корпусу? Намъ неизвѣстно также, почему Бестужевъ-Рюминъ получалъ пенсію. П. Б.

и мнѣ дни проводить спокойно и безбѣдственно, и окажите высочайшее Ваше правосудіе.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

25 Іюня 1814. Москва.

II.

Копія.

Всемилостивѣйшій Государь!

Проходя служеніе мое въ продолженіе многихъ лѣтъ всегда по правиламъ чести и истины, не бывъ никогда подъ судомъ, ниже подъ малѣйшимъ взысканіемъ въ упущеніи моихъ должностей, и когда надѣялся, что примѣрное усердіе на пользу Отечества при представшей опасности столицѣ Москвѣ нашествіемъ врага въ оную заслужитъ вниманіе начальства, напротивъ сверхъ чаянія содѣлался я жертвою клеветы, неправды и беззаконнаго притѣсненія. Честь и имя мое страдаютъ! Въ таковомъ горестномъ положеніи дерзаю повергнуть себя къ Августѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу правосудія и высоко-монаршихъ щедротъ.

Не задолго до вторженія непріятеля въ столицу Москву опредѣленъ я вторымъ членомъ присутствія Вотчиннаго Департамента и долженъ былъ остаться во власти врага при своей должности; ибо, не имѣя ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, а самъ собою нарушить клятву и кинуть въ духѣ труса на произволъ судьбы важныя дѣла, надзору моему ввѣренныя, не думалъ быть въ правѣ. Я въ полномъ отношеніи исполнилъ долгъ присяги моей, которою обязанъ служить престолу и Отечеству по правдѣ, не щадя живота моего: съ пожертвованіемъ всего имущества, оставя себя съ семействомъ нага и боса, имѣлъ счастіе спасти отъ вражьяго расхищенія архивы Вотчиннаго Департамента; съ величайшею же опасностію моею и семейства моего, малолѣтныхъ дѣтей, жизни, я сохранилъ жизнь около ста человѣкамъ моихъ соотечественниковъ.

Таковую пламенную и нелицемѣрную приверженность къ престолу Вашего Императорскаго Величества и истинную любовь къ Отечеству, люди удалившіе себя отъ театра ужаса и возвратившіеся въ столицу Москву по изгнаніи уже непріятеля, предпочитая собственную пользу пользѣ общей, назвали подвигъ моего усердія *наклонностію къ сторонѣ врага*, а твердое сохраненіе клятвы, которую сами не сохранили, *измѣною Отечества;* и я преданъ былъ суду. Мѣсто по службѣ у меня

отнято и отдано другому; словомъ сказать, совершены на мнѣ жестокости наказанія именемъ Вашего Императорскаго Величества, и въ чемъ преступленіе мое—даже не объявлено.

Послѣ трехъ лѣтъ сужденія о преступленіи, котораго дѣйствительно я по сю пору не знаю, Государственный Совѣтъ положеніемъ своимъ заключилъ, *что я невиненъ, разрѣшилъ мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 года.* Хотя таковое положеніе Государственнаго Совѣта и пріятно сердцу, преданному къ отечественнымъ законамъ и къ законному Государю, однакожъ безъ воздаянія не удовлетворяетъ ни подвигу моему, ни безвинному претерпѣнію; ибо, пожертвовавъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, остаюсь съ бѣднымъ семействомъ нагъ, босъ и даже безъ надежнаго пропитанія; а, находясь безъ службы, благомыслящіе люди должны оставаться въ тѣхъ же мысляхъ обо мнѣ, какія произведены въ нихъ неблагонамѣренными на счетъ поступка моего. Итакъ горекъ плодъ для меня — твердое сохраненіе присяги! Но, Всемилостивѣйшій Государь, не получивъ я награды за подвигъ мой, Государственнымъ Совѣтомъ оправданный, можетъ остановить сыновъ Отечества прямымъ путемъ службы искать себѣ чести; а если еще узнаютъ жестокіе поступки со мною, то даже устрашитъ оныхъ служить по правдѣ.

Я прошелъ всѣ инстанціи, искавъ правосудія, но искалъ напрасно, и отечественное правосудіе теряетъ для меня свою силу. Неужели, Всемилостивѣйшій Государь, въ благополучное и знаменитое царствованіе Вашего Императорскаго Величества, я, рожденный вѣрноподданнымъ Вашимъ, въ нѣдрахъ моего Отечества, долженъ оставаться внѣ закона и безъ преступленія терпѣть страданія отъ клеветы, неправды и притѣсненій, пожертвовавъ на пользу Отечества имуществомъ моимъ, въ нищетѣ, съ бѣднымъ семействомъ, стоная приближаться къ смерти? А чуждые народы, вѣрноподданные всѣхъ Европейскихъ державъ, прославляютъ величіе Ваше въ правосудіи, кротости, милости и щедротахъ! Но нѣтъ, Всемилостивѣйшій Государь, я не столько легковѣренъ, робокъ и простъ, чтобы несчастный мой жребій могъ почитать точнымъ удѣломъ священнаго правосудія или, какъ увѣрить хотятъ, что на жестокость поступковъ съ несчастными сынами Отечества, остававшимися во власти непріятеля съ занятіемъ его столицы Москвы, есть Высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества и будто политическія дѣла того требуютъ. Нѣтъ! Я не вѣрю этому. Монархъ, который въ особѣ своей представляетъ образъ Божества; Монархъ, котораго и враги Отечества во время пребыванія своего въ столицѣ

Москвѣ называли вѣнценоснымъ Ангеломъ, утѣшитъ огорченную душу къ вѣчной славѣ своего имени.

Никакого сомнѣнія не имѣю, что истина несчастныхъ и страшныхъ происшествій въ столицѣ Москвѣ отъ Вашего Императорскаго Величества сокрыта или о сихъ происшествіяхъ не такъ доложено; но смѣю сказать, что Вашему Императорскому Величеству измѣнниковъ не было; я по крайней мѣрѣ таковыхъ не знаю, да и не знаю, въ чемъ измѣну полагаютъ. Какой Россіянинъ предпочтетъ кроткое самодержавіе законнаго своего Государя, любимаго всѣми народами монарха Александра, потомка Петра I-го, внука Екатерины II-й, и содѣлается рабомъ пришельца?

Я осмѣливаюсь при семъ приложить краткую записку стеченію несчастныхъ со мною обстоятельствъ *) и показать истинныя и законныя причины, почему я остался во власти непріятеля; и если Божественный духъ правосудія Вашего Императорскаго Величества отдастъ подвигу моему справедливость, то я всеподданнѣйше прошу:

1) Согласно положенію Государственнаго Совѣта, который заключилъ, *что я невиненъ, разрѣшилъ мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 года*, высочайше повелѣть опредѣлить меня къ должности чину моему соотвѣтственной въ столицѣ Москвѣ. Такимъ образомъ честь и имя мое останутся безъ пятна.

2) Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, и мнѣ быть участникомъ въ высоко-монаршихъ щедротахъ Вашихъ, высочайше повелѣвъ по примѣру другимъ сдѣлать и мнѣ денежное вспомоществованіе за потерю моего имущества. Хотя потери мои не чрезвычайны и не простираются свыше 20 т. рублей, однакожъ оное составляло все мое состояніе и, пожертвовавъ онымъ, Отечество имѣетъ истинную и видимую пользу. Пять лѣтъ уже, что, лишившись моего достоянія, я терплю съ семействомъ крайнюю нужду и въ жизненныхъ потребностяхъ, снискивая себѣ пропитаніе займомъ отъ людей, кои, примая въ горестномъ положеніи моемъ участіе, дѣлаютъ мнѣ кредитъ, и по сіе время задолжалъ я около 10 т. рублей; и въ сихъ неоплатныхъ моихъ долгахъ, не взирая, что пожертвовалъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, долженъ буду кончить дни жизни своей въ тюремномъ содержаніи.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Москва, Декабря 13 дня 1817.

*) Напечатана выше. П. Б.

4.

Письмо къ Д. Ѳ. Шумилову.

Сельцо Митякино, 11 Октября 1821 г.

Извини, что я на сей почтѣ не посылаю тебѣ продолженія извѣстныхъ Записокъ; право, не имѣлъ времени списать; но въ замѣну сего опущенія пришлю уже страницъ 16 въ другое время. Вѣришь ли, мой другъ, что я съ большимъ прискорбіемъ прочитываю сіи мои Записки? Говорятъ, что я писалъ дерзко. Но можно ли вмѣнять въ преступленіе кто, защищая себя, говоритъ со всею твердостію утѣсненной невинности, и можно ли обвинять человѣка, основываясь на одномъ только подломъ доносѣ, безъ законнаго изслѣдованія, и еще на доносѣ таковыхъ людей, которыхъ буде разобрать свойство и изслѣдовать поступки ихъ, тогда ясно видѣть можно будетъ, что склонность къ измѣнѣ въ нихъ врожденна и что на однихъ только словахъ преданы они престолу законнаго Государя и любятъ Отечество, не показавъ однакожъ на самомъ дѣлѣ никакими поступками своего усердія. Слѣдовательно и несправедливо дѣлать приговоръ по одному доносу, не узнавъ правды. Можетъ ли нашъ Государь хотѣть неправды и утѣсненій? Онъ, рожденный даже добрымъ и справедливымъ, наказалъ бы того, еслибъ зналъ, что оный употребляетъ во зло высочайшую его довѣренность. И такъ, *истина* хотя не всегда бываетъ пріятна, но однакожъ она всегда будетъ священна. Впрочемъ, какая намъ нужда въ законахъ, если нѣтъ исполнителей закона? На что̀ правда, если оная защитниками ея пренебрегается? Ты увидишь, мой любезный другъ, въ сихъ Запискахъ моихъ, въ 3-й части оныхъ, *происшествія по выходѣ непріятеля* *); ты увидишь, что, къ стыду отечественной юстиціи нашей, верховное наше правительство по части уголовной, Сената 5-й департаментъ окончательно судилъ о несчастныхъ, остававшихся во власти непріятеля, когда оный занялъ столицу Москву и между прочими сдѣлалъ и мнѣ приговоръ: *отнять у меня положенное мнѣ по смерть пенсіонное жалованье* и проч. Но что̀ удивительно, въ предлинномъ семъ указѣ, наборѣ пустыхъ словъ, забыто сказать, въ чемъ преступленіе мое. Государственный Совѣтъ потомъ оправдалъ меня, но не сдѣлалъ однакожъ никакого мнѣ вознагражденія ни за безвинное мое претерпѣніе, ни за усердіе, которое я оказалъ на пользу Отечества, сохранивъ отъ непріятельскаго истребленія сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы Вотчиннаго Депар-

*) Этихъ Записокъ не оказалось, или, можетъ быть, они не изданы. П. Б.

тамента. И такъ, мы не можемъ быть обезпечены на счетъ справедливаго служенія; ибо министры наши, желая господствовать, привязаны къ собственнымъ своимъ пользамъ, къ пользамъ родственниковъ своихъ и любимцевъ, какъ на самомъ дѣлѣ собою оправдалъ сіе бывшій министръ юстиціи, *И. И. Дмитріевъ*; слѣдовательно, если подобный ему министръ существовать будетъ, то самые усердные чиновники будутъ отставляемы отъ службы отечественной и лишатся чести и даже пропитанія, не будучи выслушаемы.

Теперь, мой любезный другъ, живу я въ деревнѣ довольно спокойно и почиталъ бы себя счастливымъ, еслибъ на мнѣ долгу не было. Я никуда не ѣзжу, но пріѣзжають ко мнѣ иные спрашивать по дѣламъ своимъ совѣту. Чудно, что я прослылъ въ околоткѣ нашемъ законникомъ, тогда когда я, признаюсь, кромѣ естественнаго закона: *не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ было дѣлано*, не знаю; да и у насъ нѣтъ законовъ или очень оныхъ мало, а за то уже много указовъ таковыхъ же, каковъ указъ Сената 5-го департамента относительно остававшихся сыновъ Отечества во власти непріятеля.

Прощай, мой любезный другъ. Я на сихъ дняхъ видѣлся съ Александромъ Ивановичемъ Чихачовымъ, показывалъ ему письмо твое; онъ хотѣлъ самъ къ тебѣ писать; если пришлетъ письмо, то я вложу въ сей же конвертъ. У насъ погода стоитъ прекрасная уже около трехъ недѣль. Мы молотимъ хлѣбъ Мнѣ писать болѣе нечего, какъ пожелать тебѣ всякаго благополучія и душевнаго спокойствія, съ чѣмъ и пребуду по гробъ мой преданнѣйшій тебѣ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Получ. 22 Окт.

Свѣдѣнія о сочинителѣ краткаго описанія происшествіямъ въ Москвѣ въ 1812 году.

Надворный совѣтникъ А. Д. Бестужевъ-Рюминъ въ 1812 г. служилъ въ бывшемъ Вотчинномъ Департаментѣ ассессоромъ. Въ началѣ 1813 года возникло объ немъ дѣло, производившееся, въ слѣдствіе предписанія г. министра юстиціи, въ особо учрежденной для того коммиссіи. Почему завѣдывавшій въ то время департаментомъ, оберъ-прокуроръ Огаревъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы онъ къ присутствованію въ департаментѣ допускаемъ не былъ. А 17 Марта того же года указомъ Правительствующаго Сената Бестужевъ-Рюминъ отъ занимаемой имъ должности уволенъ, съ причисленіемъ къ Герольдіи.

Этимъ и ограничиваются всѣ оффиціальныя извѣстія о немъ, сохранившіяся въ дѣлахъ бывшаго Вотчиннаго Департамента. Но вотъ нѣкоторыя подробности о жизни его въ Москвѣ во время непріятельскаго нашествія въ 1812 году, переданныя сослуживцемъ его, Н. С. Налётовымъ, жившимъ тогда также въ Москвѣ.

Предъ вступленіемъ Французовъ въ Москву, какъ извѣстно, всѣ жители искали спасенія отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій. Увлеченный общимъ примѣромъ, Бестужевъ-Рюминъ съ женою и двумя малолѣтними сыновьями изъ квартиры своей перебрался въ Вотчинный Департаментъ, надѣясь быть тамъ болѣе безопаснымъ. Это было въ Воскресенье утромъ, 1-го Сентября, а на слѣдующій день непріятели уже овладѣли Москвою и въ Троицкія ворота вторгнулись въ Кремль. Разогнавъ холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ народъ, толпившійся около Арсенала для взятія оттуда сабель и ружей, они разсыпались по всему Кремлю, вломились въ зданіе Сенана и наконецъ достигли Вотчиннаго Департамента. Въ это время находились тамъ многіе чиновники, еще съ утра пришедшіе за полученіемъ жалованья. Французы загородили имъ ружьями всѣ входы и выходы, обобрали ихъ всѣхъ до одного, въ томъ числѣ и Бестужева-Рюмина, и выгнали вонъ, а сами остались для помѣщенія въ архивахъ департамента.

Тогда Бестужевъ съ семействомъ своимъ побрелъ опять на прежнюю квартиру, гдѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, не нашелъ уже ничего: все было разграблено,. а вскорѣ огонь лишилъ его и самаго крова. Домъ, въ которомъ онъ помѣщался, сдѣлался жертвою пожара.

Послѣ того жилъ онъ нѣсколько времени въ зданіи Медико-Хирургической Академіи. Средствъ къ жизни никакихъ у него не было, нужда была крайняя; оставалась одна надежда на человѣколюбіе. Но куда и къ кому обратиться? Наконецъ пришла ему счастливая мысль пойти поискать своихъ знакомыхъ. Съ этою цѣлью онъ отправился на Петровку, въ домъ князя Одоевскаго: здѣсь укрывался знакомый ему чиновникъ, М. И. Къ нему-то Бестужевъ и рѣшился прибѣгнуть съ просьбою о помощи. Этотъ сжалился надъ нимъ, накормилъ его съ женою и дѣтьми и далъ у себя пристанище.

Оставивъ здѣсь семейство, пошелъ онъ на Тверскую, съ намѣреніемъ отыскать домъ одного своего благодѣтеля (фамиліи котораго передающій этотъ разсказъ не помнитъ), и вдругъ былъ окруженъ Французами. Видя, что онъ умѣетъ говорить по-французски, они схватили его и представили къ Наполеону. На предложеніе Наполеона вступить къ нему въ службу Бестужевъ отвѣчалъ, что считаетъ противнымъ долгу чести и присяги служить двумъ императорамъ. Наполеонъ приказалъ отпустить его.

На возвратномъ пути ожидало Бестужева новое несчастіе: на Тверскомъ бульварѣ онъ былъ ограбленъ Поляками. И въ этотъ разъ М. И. выручилъ его изъ бѣды, снабдивъ старою фризовою шинелью.

Москва давно уже горѣла. Пожаръ сталъ угрожать и дому Одоевскаго. Бестужевъ долженъ былъ искать новаго убѣжища, и вотъ онъ, съ женою и дѣтьми, рѣшился идти въ ту сторону, гдѣ находился Полевой дворъ *). Тамъ на огородахъ стояла изба, въ которой онъ и расположился провести ночь, вмѣстѣ со многими другими несчастными и безпріютными; но и это единственное убѣжище вздумалъ кто-то поджечь. Проведя остатокъ ночи подъ открытымъ небомъ, на огородахъ, между капустными грядами, рано утромъ воротился онъ въ домъ князя Одоевскаго, но благодѣтеля своего М. И. уже не нашелъ тамъ: пожаръ заставилъ и его удалиться въ другое мѣсто.

Такимъ образомъ положеніе Бестужева сдѣлалось снова безвыходнымъ: ни пристанища, ни хлѣба не было; дѣти страдали отъ холода и голода. Это безпокоило его больше всего. Чтобы хотя сколько нибудь обогрѣть малютокъ, онъ повелъ ихъ на Самотеку въ бани, но бань уже не было: онѣ также сгорѣли.

Нужно было достать для нихъ, по крайней мѣрѣ, хлѣба. Судьба помогла ему въ этомъ. Бродя съ ними по улицамъ, онъ встрѣтилъ

*) Надо замѣтить, что огонь по вѣтру шелъ въ направленіи къ Полевому двору; здѣсь, не встрѣчая на пути своемъ ничего, кромѣ огородовъ, онъ прекратился.

стараго хромаго солдата и попросилъ у него хлѣба. Солдатъ отвѣчалъ ему: «Хлѣба нѣтъ у меня; самъ питаюсь разводимою въ водѣ мукою; муки, пожалуй, дамъ». И дѣйствительно подѣлился.

Тогда Бестужевъ, успокоенный нѣсколько тѣмъ, что можетъ, наконецъ, накормить дѣтей, поспѣшилъ въ уцѣлѣвшій, къ счастію, домъ князя Одоевскаго. М. И. былъ опять уже тамъ. Жену и дѣтей Бестужевъ оставилъ у него, а самъ пошелъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, можно было брать подмоченную на баркахъ пшеницу; но едва вышелъ изъ дома, какъ былъ схваченъ Французами и снова приведенъ къ Наполеону. На этотъ разъ Бестужеву не удалось отдѣлаться отъ Наполеона; онъ долженъ былъ вступить въ его службу и сдѣланъ членомъ Муниципальнаго Совѣта *), а въ отличіе отъ прочихъ велѣно ему носить голубую ленту, на лѣвомъ рукавѣ, выше локтя.

Въ это время нижніе Французскіе чины считали Бестужева городскимъ начальникомъ. Онъ умѣлъ пользоваться этимъ какъ нельзя лучше; бралъ у Французовъ хлѣбъ и раздавалъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ, въ особенности семейнымъ и, такимъ образомъ, облегчалъ участь многихъ несчастныхъ.

Къ чести его должно также сказать, что онъ заботился о сохраненіи въ цѣлости Вотчиннаго Департамента. Такъ, бывши однажды въ Кремлѣ, онъ увидѣлъ, что Французы изъ оконъ архива выкидывали книги и дѣла въ вязкахъ; тотчасъ же отправился къ Наполеону, какъ членъ Муниципальнаго Совѣта былъ допущенъ къ нему и донесъ ему объ этомъ. Наполеонъ, по просьбѣ его, приказалъ къ архиву приставить караулъ.

(Изъ „Чтеній“ 1859 года кн. 2-я. Эти свѣдѣнія записаны Н. С. Палестовымъ.)

---

*) Этотъ Муниципальный Совѣтъ помѣщался на Покровкѣ, въ домѣ Румянцова. По выходѣ непріятеля изъ Москвы, найденъ здѣсь гр. Ростопчинымъ списокъ всѣхъ Русскихъ чиновниковъ, находившихся въ службѣ у Французовъ; въ немъ упомянутъ и Бестужевъ-Рюминъ. Вскорѣ Бестужевъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. На проѣздъ и путевыя издержки высланы ему деньги отъ одного сенатора.

СТАРИННАЯ САТИРА.

Амурчика рожденьемъ
Встревожился народъ.
Къ Венерѣ съ поздравленьемъ
Пустился всякой сбродъ:
Монахъ, риѳмачъ, прелестники, вельможи;
Иной пѣшкомъ, другой въ саняхъ.
Дитя глядитъ на нихъ въ слезахъ
И вопитъ: „что̀ за рожи!"

*
* *

Совѣтъ нашъ именитый
И въ лентахъ, и въ звѣздахъ
Приходитъ съ шумной свитой.
Малютку пронялъ страхъ.
„Не бойся, говорятъ, сиди себѣ въ покоѣ:
Не обижаемъ никого;
Мы право, право, ничего,
Хоть насъ число большое".

*
* *

Нашъ Неккеръ *), запыхаясь,
Амурчику сквозь слезъ,
У ногъ его валяясь,
Молитву произнесъ:
„Мой боже, сотвори ты въ нашу пользу чудо!
Оно тебѣ, какъ плюнуть разъ;
А безъ него, боюсь, у насъ
Финансамъ будетъ худо"!

*
* *

---

*) Извѣстный гастрономъ графъ Д. А. Гурьевъ; онъ былъ полнаго сложенія и страдалъ одышкою. Гурьевская каша славится и донынѣ. Изъ Записокъ Голубева („Русскій Архивъ" сего года) читатели уже знаютъ о государственныхъ заслугахъ этого министра финансовъ въ тяжкое время нашей великой борьбы съ Европою и потомъ въ Европѣ. П. Б.

Склонись на просьбу нашу,
Рука твоя легка;
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерствѣ моемъ ужé здѣсь всякой свѣдалъ,
Я кашу лучше всѣхъ варю,
И съ той поры, какъ взять къ царю,
Я только то и дѣлалъ".

*
* *

Сподвижникъ знаменитый
Его достойныхъ дѣлъ,
Румянами покрытый
Къ Венерѣ вдругъ подсѣлъ.
Онъ говоритъ: „Себѣ подобнаго не знаю:
Военнымъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Теперь, когда торговли нѣтъ,
Торговлей управляю" [1]).

*
* *

Пронырливый отъ вѣка
Сибирскій лилипутъ,
Обращикъ человѣка
Явился Пестель тутъ:
Что правитъ Зевсъ съ небесъ землей, ни въ грошъ не ставлю;
Диви пожалуй онъ глупцовъ!
Сибирь и самъ съ Невы бреговъ
И правлю я, и граблю! [2])

*
* *

Амуру въ новоселье
Несетъ министръ овецъ:
Россійское издѣлье,
Суконный образецъ [3]).
Я знаю, говоритъ, сукно мое дрянное;
Но ты носи, любя меня,
И въ *Сѣверной* о другѣ я
Скажу словцо-другое!

*
* *

---

[1]) Директоръ департамента внѣшней торговли, сенаторъ и генералъ-майоръ Михаилъ Алексѣевичъ Обрѣзковъ. П. Б.

[2]) Будучи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Иванъ Борисовичъ Пестель (извѣстный перлюстраторъ, отецъ Декабриста), ни разу тамъ не былъ. П. Б.

[3]) Министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ При немъ издавалась „Сѣверная Почта". П. Б.

Вдругъ слышенъ шумъ у входа:
Березинскій герой [1])
Кричитъ толпѣ народа:
Раздвиньтесь, я герой!
Пропустимте его, вдругъ каждый повторяетъ;
Держать его грѣшно бы намъ:
Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
Охотно пропускаетъ!

* * *

Украшенный вѣнками
Приходитъ Витгенштейнъ.
Герою риѳмачами
Давно приписанъ Рейнъ!
Онъ говоритъ: Богъ вѣсть, какъ съ вами очутился;
Летѣлъ я къ славѣ на легкѣ,
Летѣлъ, летѣлъ съ мечемъ въ рукѣ,
Но съ Люцена я сбился! [2])

* * *

Носъ къ верху вздернувъ гордо
И нюхая табакъ,
Столпъ государства твердый,
А просто злой дуракъ [3]),
Подводитъ изъ Москвы полиціи когорту.
Амуръ ему, отбривши спѣсь,
Сказалъ: „Тебѣ не мѣсто здѣсь,
Ты убирайся къ чорту".

* * *

Захаровъ пресловутый,
Присяжный Славянинъ,
Ораторъ нашъ надутый,
Бесѣды исполинъ,
Венерѣ говоритъ: „Не занятъ я житейскимъ,
Пишу наитіемъ благимъ,
И все не языкомъ людскимъ,
А самымъ ужъ библейскимъ!"

* * *

---

[1]) Адмиралъ Чичаговъ, котораго всѣ тогда обвиняли за то, что онъ пропустилъ Наполеона подъ Березиной. П. Б.

[2]) Послѣ несчастнаго для насъ Люценскаго сраженія главнокомандующій графъ Витгенштейнъ смѣненъ Барклаемъ-де-Толли. П. Б.

[3]) Графъ Растопчинъ, въ 1815 году смѣненный въ Москвѣ Тормасовымъ (Москву затормозили). П. Б.

Съ поэмою холодной
Студеный Шаховской
Приходитъ въ часъ свободный
Читать акаѳистъ свой.
При первыхъ двухъ стихахъ дитя прилегъ головкой.
„Спасибо, няня говоритъ:
Читай, читай, смотри, какъ спитъ;
Баюкаешь ты ловко!“

* * *

Къ Амуру риторъ новый
Подходитъ Филаретъ,
Къ услугамъ всѣмъ готовый
Азъ Невскій Боссюэтъ!
Мнѣ, право, никогда быть умникомъ не снилось;
Но тотъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что я въ умники попалъ,
Нечаянно случилось! *)

* * *

Къ Венерѣ благодатной
Растрепанный бѣжитъ
Кликуша князь Шахматной,
Бьетъ объ грудь и визжитъ:
„Венера, будь мнѣ щитъ, я вовсе погибаю;
Лукавый смыслъ мой помрачилъ,
Шишковымъ я испорченъ былъ;
Очисти, умоляю!“

* * *

Хвостовы предъ малюткой
Другъ съ другомъ входятъ въ бой;
Одинъ съ старинной шуткой,
Съ мѣшкомъ стиховъ другой.
Одинъ кричитъ: словцо! Другой мяучитъ: ода!
Малютка, ихъ прослуша вздоръ,
Сказалъ, возвыся къ небу взоръ:
„Несчастная порода!“

* * *

За ними пара Львовыхъ
Выходитъ изъ толпы,
Бесѣды стѣнъ Петровыхъ
Надежные столпы.
Прослушавши Амуръ привѣтствіе ихъ длинно
И смѣря съ ногъ до головы,

*) Какъ жестоко ошибся остроумный сочинитель этихъ стиховъ! П. Б.

„Ужъ не Хвостовы ли и вы?“
Спросилъ онъ ихъ наивно.

***

Трактатъ о воспитаньи
Приноситъ новый Локкъ.
Въ малюткѣ при стараньи,
Повѣрьте, будетъ прокъ.
Отдайте мнѣ его; могу на Нижній смѣло
Сослаться объ умѣ своемъ.
Въ Гишпаньи, не таюсь грѣхомъ.
Совсѣмъ другое дѣло *).

***

Горацiя на шею
Себѣ я навязалъ;
Я мало разумѣю,
Но много прочиталъ.
Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мiрѣ,
Но математикѣ никакъ.
Боюсь, докажетъ: я дуракъ,
Какъ дважды два четыре!

***

Къ Венерѣ съ извиненьемъ
Подкрался Горчаковъ.
Удобривая чтеньемъ
Похвальныхъ ей стиховъ.
Она ему въ отвѣтъ: „Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругалъ меня;
Ругай и впредъ, позволю я;
По только убирайся!“

Писано не позже 1815 года. Печатается (съ небольшими, по необходимости, измѣненiями и опущенiями) по списку руки А. И. Тургенева; нѣкоторые намеки остаются для насъ непонятны. П. Б.

*) Кто это, намъ неизвѣстно. П. Б.

ГРАФЪ Е. Е. КОМАРОВСКІЙ*).

Графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій (род. 1803, ум. 1875) былъ сынъ генералъ-адъютанта Евграфа Ѳедотовича, автора извѣстныхъ Записокъ (напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 года) и жены его Елисаветы Егоровны, рожденной Цуриковой. Воспитанный первоначально въ Петербургѣ, въ извѣстномъ Іезуитскомъ пансіонѣ, графъ Егоръ Евграфовичъ былъ, по закрытіи пансіона, взятъ своимъ отцомъ домой и поступилъ подъ руководство гувернера, эмигранта Барона (Baron), основавшаго впослѣдствіи въ Москвѣ частное мужское училище. Французская педагогія и особенный характеръ ея направленія въ смыслѣ того, что́ называется belles lettres, наложили отпечатокъ на условія воспитанія и на послѣдующій образъ мыслей молодаго графа. Въ основу ихъ легли преданія и пріемы классицизма. Древніе языки, всеобщая исторія и литература давали главнѣйшее содержаніе его познаніямъ, и мышленіе его носило на себѣ явные слѣды богословской діалектики Іезуитовъ. Древнихъ писателей, преимущественно Латинскихъ, онъ зналъ въ совершенствѣ, а Французскимъ языкомъ владѣлъ устно и письменно съ тѣмъ изяществомъ, которое способствовало особой прелести его остроумной бесѣды. Всѣ эти черты, въ связи съ занимавшими графа Егора Евграфовича научными (преимущественно теологическими) вопросами, напоминали въ его лицѣ тѣхъ представителей Франціи, которые подъ знаменемъ роялистовъ заявили себя извѣстными именами въ области науки, литературы и политики. Это былъ сколокъ съ эмигрантовъ, но съ чисто-русскими, мѣстными оттѣнками въ своемъ міросозерцаніи и въ своихъ національныхъ пристрастіяхъ. Не одно воспитаніе, не одни Французскіе педагоги способствовали созданію такого общественнаго типа, сложившагося подъ вліяніемъ міровыхъ событій первой четверти нашего столѣтія, когда вопросы, связанные съ политической судьбою Франціи, вызывали особое участіе и къ этой странѣ, и къ условіямъ ея просвѣщенія. Графъ Егоръ Евграфовичъ побывалъ въ раннемъ дѣтствѣ съ своимъ отцомъ въ Германіи и во Франціи, а потомъ имѣлъ случай оживить свои заграничныя впечатлѣнія, поступивъ, въ послѣднихъ годахъ царствованія Александра I, юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ и слушая разсказы своихъ товарищей - офицеровъ о научныхъ, лите-

---

*) См. Письмо графа Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года (вып. 3-й, стр. 464—470). Настоящій біографическій очеркъ этого достопамятнаго человѣка любезно написанъ для насъ лицомъ ему близкимъ. П. Б.

ратурныхъ и культурныхъ прелестяхъ Западной Европы. Но при этихъ сношеніяхъ его съ однополчанами не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ условій домашняго замкнутаго воспитанія, которыя сопровождали въ то время молодыхъ людей, поступавшихъ на дѣйствительную службу и тѣмъ не вполнѣ еще освобождавшихся отъ педагогическаго контроля. Для характеристики этихъ условій считаемъ не лишнимъ привести напр. слѣдующее.

Въ началѣ 20 годовъ, или даже ранѣе, въ кавалергардскій полкъ поступилъ юнкеромъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, впослѣдствіи декабристъ. Только что надѣвъ военный мундиръ, онъ долженъ былъ вызвать на дуэль одного изъ своихъ однополчанъ, за что̀, по рѣшенію военнаго начальства, былъ присужденъ къ кратковременному аресту въ крѣпости. Въ это же самое время онъ получилъ извѣстіе о тяжелой болѣзни своей матери, жившей въ Орловскомъ имѣніи, и долженъ былъ, какъ единственный сынъ, спѣшить къ больной, которой могла грозить смерть. Сидѣніе подъ арестомъ пришлось отсрочить и, по особому высочайшему повелѣнію, графу Чернышову было разрѣшено съѣздить въ деревню и вернуться къ извѣстному сроку подъ честнымъ словомъ, даннымъ начальству. Все это было въ точности исполнено молодымъ человѣкомъ, который, въ сопровожденіи своего гувернера, Француза Жоайе (Joyeux), успѣлъ побывать въ Орловской губерніи и, возвратясь въ Петербургъ, немедленно сѣлъ въ казематъ вмѣстѣ съ Жоайе, обѣщавшимъ старому графу раздѣлить заключеніе своего воспитанника.

Въ подобныхъ же условіяхъ воспитывался и графъ Е. Е. Комаровскій, въ мундирѣ конногвардейскаго юнкера не смѣвшій иначе, какъ въ сообществѣ своего Барона, посѣщать Петербургскіе рестораны, куда бывалъ принужденъ забѣгать, чтобы погрѣться отъ холода или утолить голодъ послѣ смотра или ученія.

Для характеристики преобладанія Французскаго языка въ Русскомъ обществѣ описываемой эпохи мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь другой разсказъ самого графа Егора Евграфовича. 14 Декабря 1825 года онъ находился въ строю конной гвардіи и участвовалъ въ аттакѣ кавалеріи на мятежниковъ, окружавшихъ памятникъ Петра Великаго. По окончательномъ разсѣяніи бунтовщиковъ, часть войскъ, съ цѣлью охраненія порядка въ столицѣ, осталась на Сенатской площади на бивуакахъ. У одного изъ костровъ, разложенныхъ по случаю сильнаго мороза, встрѣтились двое офицеровъ конной гвардіи, къ которымъ присоединился и юнкеръ графъ Комаровскій. Разговоръ шелъ, конечно, о событіяхъ минувшаго дня, и сообщались другъ другу слухи объ арестѣ товарищей, въ числѣ которыхъ были офицеры и конной гвардіи, какъ, напримѣръ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій. Графъ Комаровскій особенно интересовался судьбою своего товарища еще по Іезуитскому пансіону, молодаго князя А. А. Суворова, котораго имѣлъ поводъ считать, если не принадлежавшимъ къ числу членовъ тайнаго общества, то по крайней мѣрѣ близко знакомымъ съ нѣкоторыми участни-

ками мятежа. Желая разсѣять свои сомнѣнія, графъ собирался уже спросить одного изъ своихъ сосѣдей по костру объ участи князя Суворова, но стѣснялся выразить свои подозрѣнія передъ третьимъ, мало ему знакомымъ, однополчаниномъ. Онъ измышлялъ средства удовлетворить своему любопытству, и наконецъ, рѣшился употребить для вопроса Русскій языкъ, котораго не зналъ третій конногвардеецъ, грѣвшійся у огня, человѣкъ вполнѣ Русскій по происхожденію и по фамиліи.

Въ 1828—1829 годахъ, въ качествѣ адъютанта при принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ, графъ Е. Е. Комаровскій принималъ участіе въ войнѣ съ Турками и имѣлъ случай познакомиться на походѣ съ А. С. Хомяковымъ, съ которымъ сблизился еще болѣе впослѣдствіи, когда женился (1830) на сестрѣ поэта Веневитинова, Софіи Владимировнѣ (ея братъ поэтъ Дмитрій Владимировичъ былъ другомъ Хомякова). Женитьба эта ввела графа Е. Е. въ кружокъ Московскихъ Славянофиловъ и бывшихъ архивныхъ юношей, съ которыми у семьи Веневитиновыхъ были давнія и близкія сношенія. Представители этого кружка, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ, Кошелевъ, Соболевскій и другіе имѣли случай встрѣчаться съ молодыми Комаровскими при ихъ проѣздахъ чрезъ Москву въ Орловскій уѣздъ, гдѣ въ прекрасной усадьбѣ села Городища проводилъ послѣдніе годы жизни отецъ ихъ генералъ-адъютантъ Александра I-го, по желанію котораго онъ основалъ суконную фабрику въ Петербургѣ. Фабрика находилась на Охтѣ, и при ней былъ небольшой домъ съ садомъ, служившій квартирою для управляющаго и конторою. По смерти графа Евграфа Ѳедотовича, когда это суконное дѣло прекратилось, молодые Комаровскіе вернулись въ Петербургъ и стали пользоваться Охтенскою усадьбою, какъ дачею для лѣтняго пребыванія. Здѣсь ихъ неоднократно посѣщалъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій (въ свои пріѣзды въ Петербургъ онъ останавливался въ ихъ городской зимней квартирѣ).

Оставивъ военную службу и поселившись у отца своего въ Орловской деревнѣ, графъ Комаровскій продолжалъ пользоваться досугомъ для развитія своихъ познаній и для неутомимаго чтенія, матеріалъ которому доставляла богатая библіотека его отца со многими Русскими и иностранными журналами и газетами. Все это не только прочитывалось, но служило предметомъ систематическихъ выписокъ. Вернувшись съ семьею въ Петербургъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, графъ Е. Е. поступилъ цензоромъ въ Петербургскій комитетъ иностранной цензуры и на этомъ мѣстѣ оставался до своей смерти.

Новый родъ занятій соотвѣтствовалъ не только характеру воспитанія, но и личнымъ вкусамъ графа. Съ этихъ поръ онъ особенно углубился въ книги и съ помощью богатаго матеріала, обусловленнаго служебнымъ положеніемъ, развивалъ свои теоріи о прошломъ и будущемъ Православія, Славянства и Россіи, зародившіяся въ его мысляхъ еще при первыхъ встрѣчахъ съ представителями Славянофильскаго направленія. Къ этимъ же 40 —

60-мъ годамъ относится эпоха его виднаго участія въ интелектуальномъ и художественномъ кружкѣ, собиравшемся вокругъ братьевъ Михаила и Матвѣя Юрьевичей Вьельгорскихъ, на вечерахъ у коихъ его бесѣда всегда отличалась привлекательною силой *). Темою этихъ бесѣдъ большею частію бывали вопросы религіозные и богословскіе, такъ какъ графъ Комаровскій былъ человѣкомъ глубоко-вѣрующимъ, а сношенія съ Славянофилами еще болѣе укрѣпили въ немъ стойкую приверженность къ Православію. Имѣя случаи часто встрѣчать у Вьельгорскихъ посѣщавшихъ ихъ иностранцевъ и иновѣрцевъ, въ числѣ которыхъ бывали строгіе и убѣжденные послѣдователи Католичества и Протестанства, и преслѣдуя свою завѣтную мысль о назначеніи Православнаго Востока, графъ Комаровскій, вступалъ по этому поводу въ горячіе споры, отличавшіеся изысканною вѣжливостью въ внѣшнихъ формахъ и въ пріемахъ возраженій и нападокъ. Диспуты эти не оставляли по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ горечи или даже личнаго раздраженія. Причина такого миролюбія лежала во Французскомъ воспитаніи графа Комаровскаго, обладавшаго высшею тонкостью свѣтскаго обращенія. По своей скромности, безпритязательности, по своему глубокомыслію и характеру остроумія графъ Егоръ Евграфовичъ очень напоминаетъ тотъ типъ людей, къ которому принадлежалъ Ѳ. И. Тютчевъ, его сотоварищъ по цензурному комитету и весьма часто его собесѣдникъ въ гостиныхъ Петербурга.

Изобразивъ личность графа Е. Е. Комаровскаго, намъ бы слѣдовало обратиться къ изложенію его историко - философскихъ взглядовъ; но для такой задачи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ достаточнаго матеріала. Дѣло въ томъ, что въ сохранившихся послѣ него бумагахъ нигдѣ не встрѣчается полнаго, обстоятельнаго плана его теоріи, которая можетъ быть выяснена лишь путемъ возстановленія связи между ея отдѣльными подробностями. Сколько намъ извѣстно, теорія эта скорѣе сосредоточивалась въ головѣ ея автора, чѣмъ въ случайныхъ замѣткахъ, вызываемыхъ по поводу чтенія книгъ, которыя онъ выбиралъ въ извѣстномъ направленіи съ цѣлью подтвердить научными фактами правильность синтетическаго построенія. Бѣглые проблески цѣлой самостоятельной системы философіи, имѣющей предметомъ всемірную цивилизацію и указывающей въ ней мѣсто Православной вѣрѣ и Славянскому племени, являлись плодомъ размышленій надъ прочитанными книгами, развитіемъ или опроверженіемъ мыслей ихъ авторовъ. Такія замѣтки, сопровождаемыя ссылками и даже пространными выписками, заносились графомъ на страницы отдѣльныхъ тетрадей (числомъ около двадцати) съ особыми заглавіями для каждой отдѣльной отрасли наукъ и для каждаго отдѣльнаго элемента системы. Новыя книги и новыя о нихъ замѣтки безпрестанно упестряли тетради выносками, и обозначеніе этихъ выносокъ условными знаками въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, безпрестанно подвергавшихся дальнѣйшимъ по мѣрѣ чтенія дополненіямъ, давало особую внѣшность многолѣтнему труду графа, и нѣкоторыя лица имѣли право говорить, что трудъ его построенъ многоэтажнымъ способомъ.

*) Братъ его супруги Алексѣй Владимировичъ, женатъ былъ на старшей дочери гр. М. Ю. Вьельгорскаго Аполинѣ Михайловнѣ (см. „Р. Архивъ" 1884, III, 289). П. Б.

Изобиліе тетрадей, ихъ взаимная связь, разбросанность помѣщенныхъ въ нихъ замѣтокъ, въ связи съ личною скромностью графа Комаровскаго, съ его желаніемъ совершенства въ своемъ трудѣ, все это, вмѣстѣ взятое, ни разу не дало ему повода остановиться на извѣстной точкѣ своихъ изслѣдованій, подвести итогъ ихъ результатамъ и окончательно изложить свои взгляды, кругозоръ которыхъ безпрерывно расширялся въ зависимости отъ постоянаго роста въ объемѣ матеріала. Въ тетрадяхъ графа его историко-философская система отражается лишь въ видѣ краткихъ, частичныхъ, первоначальныхъ очертаній плана задуманнаго имъ сочиненія, который для полнаго своего уразумѣнія потребовалъ бы возстановленія строгаго систематическаго порядка замѣтокъ. Ключъ къ тому утраченъ со смертью автора: какъ провѣрить приводимыя имъ цитаты изъ печатныхъ источниковъ по изданіямъ, отчасти составляющимъ нынѣ библіографическія рѣдкости?

Изъ всего того, что̀ до сихъ поръ удалось разобрать въ тетрадяхъ графа Е. Е. Комаровскаго и что̀ можетъ быть подкрѣплено воспоминаніями о его интересныхъ бесѣдахъ, можно извлечь лишь слѣдующія, главныя основанія его теоріи.

Исходя изъ православнаго догмата о св. Троицѣ и примѣняя къ нему Гегелевское положеніе о трехъ моментахъ человѣческаго самосознанія, графъ Комаровскій въ своей философіи исторіи дѣлитъ судьбу человѣчества на три эпохи, прошедшаго, настоящаго и будущаго, и олицетворяетъ ихъ въ мірѣ классической древности, въ Западно-европейской цивилизаціи и въ надеждахъ будущаго отъ предстоящей въ немъ роли Славянства и, во главѣ его, Россіи. Тройственность такого дѣленія систематически проводится графомъ во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ его воззрѣнія. Независимо отъ эпохъ, отъ народностей, отъ мѣста дѣйствія и области культуры, онъ видитъ въ ходѣ развитія каждаго историческаго явленія, всегда и вездѣ, три послѣдовательныя ступени, соотвѣтствующія отдѣльнымъ ипостасямъ Троицы и подтверждаемыя основами Гегелевской философіи. Такъ, примѣняя эту теорію къ исторіи всеобщей литературы, онъ полагаетъ, что древній классицизмъ исполнилъ свое назначеніе, доведя до совершенства эпическую форму поэзіи, Западная Европа выработала высшіе образцы драмы, а приближеніе лирики до возможныхъ предѣловъ идеала должно составлять въ будущемъ заслугу Славяно-русскаго міра. Слѣды примѣненія этого тройственнаго воззрѣнія къ области политической исторіи отражаются въ письмѣ графа Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года.

Приближаясь къ Славянофиламъ въ конечныхъ результатахъ своей теоріи, графъ Комаровскій отличается отъ нихъ въ матеріалѣ и построеніи своихъ аргументовъ. Онъ недостаточно воспользовался почвою этнографическою, филологическою, политико-экономическою и отчасти философскою, послужившею основою Славянофильскому ученію, насколько оно было выра-

ботано Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и послѣдующими ихъ учениками; но классическое воспитаніе, познанія въ области всеобщей исторіи и литературы, а равно и Французскій оттѣнокъ въ пріемахъ мышленія, въ связи съ прирожденной набожностью и порывами безсознательнаго чувства, дали въ руки графу Комаровскому особое орудіе для подтвержденія догмата Славянофиловъ, заимствованное изъ сферы мистицизма и, такъ сказать, богословской кабалистики. Проведеніе начала трехъ ипостасей Троицы чрезъ весь ходъ человѣческой исторіи, всецѣлое отраженіе въ ней этого начала мирило Христіанскія убѣжденія графа Комаровскаго съ искушеніями Западно-европейскаго скептицизма, съ противорѣчіями науки и философіи, которыя онъ встрѣчалъ въ своемъ неутомимомъ чтеніи по обязанности и по личной страсти къ книгамъ.

Рудиментарный характеръ труда графа Комаровскаго и отсутствіе въ немъ окончательной формулировки объясняются самимъ мистицизмомъ его теоріи и мотивами предпринятой имъ работы. Не представляя въ самомъ себѣ ни способа, ни цѣли для прямаго примѣненія на практикѣ и отличаясь этимъ отъ политическаго и экономическаго значенія Славянофильства, теорія графа являлась плодомъ исключительно-книжнаго отношенія къ задачамъ жизни, гигантскимъ трудомъ, коренящимся не столько въ побужденіяхъ дать реальное развитіе своимъ основнымъ положеніямъ, сколько въ желаніи утвердиться въ мысляхъ, оправдываемыхъ первоначальными намеками чувства Въ этомъ отношеніи личность графа Е. Е. Комаровскаго представляется намъ весьма характернымъ явленіемъ первой половины нашего столѣтія, когда лучшіе Русскіе люди, вслѣдствіе модныхъ космополитическихъ пріемовъ въ направленіи ихъ воспитанія, тщетно искали выхода для своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ въ условіяхъ дѣйствительной жизни своего отечества и, не находя почвы для практической дѣятельности, по неволѣ удалялись въ область метафизики, хотя и безплодной, но почтенной по искренности побужденій. А что графъ Е. Е. Комаровскій можетъ быть сопричтенъ къ лучшимъ Русскимъ людямъ, это смѣло мы говоримъ, вспоминая его обширную начитанность, глубокую образованность, его безграничную доброту, высокую честность и по истинѣ Христіанское смиреніе.

Для образца приводимъ выдержки изъ тетрадей графа Комаровскаго.

Prologue.

Ceux qui croient en Jésus Christ connaissent bien cette parole: *Une seule chose est nécessaire*, c'est en se livrant à Dieu d'acquérir «la bonne part», la vie éternelle.

Ce mot divin réduit toutes les choses d'ici bas à une valeur purement accessoire, mais non sans importance par la corrélation, qui se trouve entre elles et la *chose unique*. Tout peut agir sur la destinée de l'âme, parce qu'elle même est passible de toutes les influences. Pour peu qu'elle cède, un souffle lui imprime son inflexion. Dans cette

vie éphémère il n'existe, il n'arrive rien d'indifférent pour cette sensitive immortelle.

Comme action permanente notre âme subit entre autres celle des milieux, qui la renferment concentriquement. D'abord la Famille, notre société natale, intime, parlant la même langue, priant autour du même autel. Au loin l'Humanité, qui se compose d'un nombre infini de nos semblables, que nous ignorons. Entre ces deux termes est la Nationalité, la Patrie qui tient de l'un et de l'autre par sa communauté de culte et de langue avec tant de frères inconnus.

A travers ces milieux circule, comme un souffle social, *l'esprit du temps*, résultat de leurs influences réciproques. Or, la Providence régit le monde diversement: tandis que Dieu seul gouverne l'Humanité dans son ensemble, et que la nature, les liens instinctifs, la voix du sang inspirent la Famille, on voit dans la direction du pays intervenir davantage l'exercice plus ou moins libre de la raison humaine. Aussi tout gouvernement chrétien doit reconnaître que dans la mesure de ses forces il a charge d'âmes, pour le moins autant que le clergé, bien que d'une autre manière. Cette responsabilité lui fera mieux apprécier si le but et les moyens ne sout pas intervertis, et si par exemple de nos jours la loi du Christ ne dégénère pas en code de morale, propre à régulariser la vie de tant d'êtres, voués à la poursuite de biens éphémères et à l'exploitation du monde, où s'effectue leur passage? Et cependant un indestructible levain de Christianisme, resté dans les coeurs, fermente et proteste jusqu'à les rompre. Une soif est allumée qui veut s'assouvir; car pour des créatures douées du sentiment de l'infini, c'est trop peu du bien - être, il faut le bonheur; c'est trop peu même du bonheur, il faut la béatitude!

Voilà de quel côté les hommes, sans le savoir, même en ne le voulant pas, ont besoin d'être conduits! Pourvu que leurs guides tiennent leurs regards attachés au but, à l'issue, comme l'oeil du conducteur qui aperçoit la lumineuse sortie d'un tunnel prolongé. Pourvu qu'ils rappelent sans cesse qu'un jour de ce monde, que nous habitons, il ne restera que des âmes; qu'il n'existe que pour elles, et que par conséquent le sort de chacune de ces âmes a plus de prix réel que la fortune des empires.

On comprend que cette sollicitude diffère du mobile, qui porte un gouvernement à developper sa propre gloire, ou même la prospérité de ses peuples. Ceci est une oeuvre terrestre, dont quelques payens ont été capables. On a vu leur génie protéger les hommes, envisagés comme êtres sociaux, jusqu'au seuil de l'inconnu. On ne savait leur en demander davantage. Il n'y a qu'une inspiration évangélique, une clairvoyance

de charité qui, revêtue de pouvoir, s'efforcera de procurer à ceux, qui lui sont confiés, le bien dans un sens absolu, en pure considération d'eux-mêmes, et comme ils le voudraient tous, s'ils étaient au niveau des élus, qu'ils renferment dans leur nombre, en vue de résultats aussi durables que leur existence en deça et au delà du tombeau, c'est-à dire sans terme. Ainsi, en favorisant les progrès des hommes vers Dieu, l'État dans sa forme laïque, dans son domaine temporel poursuivra le même but que l'Église, qui pour ainsi dire est l'État Divin parmi les hommes. Ainsi au salut de l'âme convergeront harmonieusement toutes les forces sociales. Hors de là il n'y a qu'apparences et prestiges. «La figure de ce monde passe», a dit l'Apôtre (1 Cor. VII. 31).

Mais dans cet emploi des forces sociales que deviendra la société même? Sera-t'elle complètement sacrifiée à l'individu? A Dieu ne plaise! Elle exercera toujours sur lui l'influence d'un milieu, qui, dans sa signification abstraite, comprend tous les autres: la Famille, la Patrie, et même l'Humanité. Aucun pouvoir humain ne la dirige.

Переводъ.

Кто вѣруетъ въ Іисуса Христа, тому хорошо знакомы слова о *единой вещи потребной*, то-есть предаться Богу, чтобы получить „благую часть", вѣчную жизнь.

Это божественное изреченіе придаетъ всѣмъ предметамъ земли цѣнность второстепенную, не не лишенную значенія по соотношенію между этими предметами и *единой вещью потребной*. Душа подвержена всяческимъ вліяніямъ, и все можетъ отражаться на ея участи. Ей стоитъ лишь поддаться, и малѣйшее дуновеніе способно ее наклонять въ ту или другую сторону. Въ нашей призрачной жизни ничего не существуетъ, ничего не случается, что̀ не было бы безъ воздѣйствія на это чуткое созданіе, одаренное безсмертіемъ.

Наша душа, между прочимъ, подчиняется постоянному вліянію среды, въ которой она вращается. Вліяніе это концентрическое. Вопервыхъ, семьи, нашего общества по рожденію, употребляющаго одинъ и тотъ же общій языкъ и соединеннаго въ молитвѣ вокругъ того же алтаря. Вдали—человѣчество, состоящее изъ безконечнаго множества намъ подобныхъ, но незнакомыхъ. По срединѣ этихъ двухъ крайнихъ предѣловъ помѣщается народность, отчизна, соединяющія эти двѣ крайности общеніемъ вѣры и рѣчи съ столькими незнаемыми братьями.

Сквозь эту тройственную среду вѣяніемъ общественности проникаетъ *духъ времени*, суммирующій всѣ взаимныя вліянія. Но Провидѣніе разнообразно правитъ міромъ: съ одной стороны Богъ руководитъ человѣчествомъ въ его цѣломъ, а природа, прирожденныя и кровныя связи родства даютъ содержаніе жизни семьи; съ другой стороны, въ движеніи государства замѣтно скорѣе болѣе или менѣе свободное дѣйствіе человѣческаго разума. Поэтому каждое христіанское правительство должно признавать, что оно

обязано пещись по мѣрѣ своихъ силъ о душевномъ благѣ, хотя и нѣсколько иначе, чѣмъ власти духовныя. Такая отвѣтственность побуждаетъ правительство тщательнѣе оцѣнивать соотвѣтствіе цѣли со средствами, напримѣръ, въ примѣненіи къ нашимъ днямъ, заняться вопросомъ о томъ, не вырождается ли законъ І. Христа въ кодексѣ нравственности, пригодной для упорядоченія жизни столькихъ существъ, стремящихся къ призрачному благу и къ использованію того міра, въ которомъ совершается ихъ странствіе? Но, неуничтожимая закваска христіанства, хранимая во глубинѣ сердецъ, всетаки бродитъ въ нихъ и угрожаетъ имъ разрывомъ. Возникаетъ жажда, стремящаяся утолиться, ибо одаренныя сознаніемъ безконечнаго существа не могутъ удовлетвориться благополучіемъ; имъ даже мало счастія, и надо блаженства!

Вотъ, въ какую сторону люди должны быть направляемы безсознательно, даже помимо ихъ желанія! Лишь бы ихъ руководители имѣли бы взоры прикованными къ этой цѣли, къ этому исходу, подобно тому, какъ глаза кондуктора разглядываютъ конечное свѣтлое отверстіе продолжительнаго тунеля. Лишь бы они безпрестанно припоминали себѣ, что придетъ день, когда отъ всего обитаемаго нами міра останутся лишь души; что міръ существуетъ только для душъ и что поэтому каждая изъ нихъ въ своей участи имѣетъ болѣе настоящей цѣны, чѣмъ счастіе цѣлыхъ имперій.

Понятно, что подобнаго рода заботливость отличается отъ тѣхъ побужденій, которыя занимаютъ правительство въ области развитія своей славы и даже благополучія подвластныхъ ему народовъ, области, по своему земному характеру, доступной и язычникамъ, которые имѣли случай въ ней отличиться, оказывая своимъ геніемъ покровительство людямъ, какъ членамъ общества, вплоть до того порога, за которымъ уже начинается неизвѣстность. Болѣе нельзя было и требовать отъ язычниковъ. Одно лишь евангельское вдохновеніе, одна лишь прозорливость любви способны во всеоружіи власти доставить тѣмъ, кто имъ ввѣряется, благо въ смыслѣ положительномъ, въ исключительномъ отношеніи къ нимъ самимъ и согласно ихъ собственнымъ желаніямъ, еслибъ они, подобно избраннымъ, заключающимся въ ихъ числѣ, имѣли въ виду такіе длительные сроки, какъ ихъ существованіе до и послѣ смерти, т. е. вѣчность. Такимъ образомъ, поощряя стремленіе людей къ Богу, государство, въ его свѣтской формѣ и временной власти, должно преслѣдовать одну и туже цѣль, какъ и церковь, которая, такъ сказать, составляетъ государство Божіе среди людей, и всѣ общественныя силы съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ въ полномъ взаимномъ согласіи направлены къ спасенію души. Внѣ этой цѣли всѣ остальныя будутъ стремиться только къ уловленію обманчивыхъ призраковъ. „Преходитъ образъ міра сего", говоритъ Апостолъ (I Коринѳ. VII, 31).

Но, что̀ станетъ съ самимъ обществомъ при подобномъ пользованіи общественными силами, и не будетъ ли оно принесено въ полную жертву личности? Сохрани Боже! Общество всегда удержитъ надъ личностью вліяніе своей среды, въ своемъ отвлеченномъ значеніи суммирующей всѣ свои элементы, какъ-то семьи, родины и даже человѣчества, и это вліяніе не подчинено никакой человѣческой власти.

ИЗЪ БУМАГЪ А. Г. ТРОЙНИЦКАГО *).

Записка его объ участіи періодической литературы въ обсужденіи и разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

(1859).

Обнародованіе Высочайшихъ рескриптовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, положившее начало уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Россіи, вызвало живое сочувствіе въ Русской литературѣ, особенно періодической.

Правительство признало полезнымъ допустить участіе науки и литературы въ разъясненіи многочисленныхъ и многосложныхъ вопросовъ, которые необходимо должно было возбудить коренное преобразованіе постановленій, относящихся къ цѣлой трети всего народонаселенія Имперіи; но оно обратило въ тоже время вниманіе на возможность появленія въ печати, какъ неточныхъ и превратныхъ толковъ объ основаніяхъ и подробностяхъ предпринятаго преобразованія, такъ и несбыточныхъ и неосуществимыхъ теорій и предположеній, со стороны писателей, не вполнѣ знакомыхъ съ дѣломъ или увлекающихся односторонними и пристрастными воззрѣніями въ пользу того или другаго изъ двухъ сословій, главнѣйше заинтересованныхъ въ возникшемъ государственномъ вопросѣ: помѣщиковъ и крѣпостныхъ людей.

По этому поводу, Министерство Народнаго Просвѣщенія, по Высочайшей волѣ и отчасти по своему усмотрѣнію, приняло въ минувшемъ году слѣдующія мѣры. Вслѣдъ за появленіемъ Высочайшихъ рескриптовъ, цензурнымъ комитетамъ указано было разрѣшать печатаніе, въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ, всякаго рода статей ученыхъ, историческихъ и статистическихъ, заключающихъ въ себѣ политико-экономическія изслѣдованія о настоящемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ; но въ тоже время предписано не допускать въ печати никакого осужденія правительственныхъ мѣръ, относящихся къ этому предмету, ни статей, которыя могли бы возбуждать неудовольствіе крестьянъ противу помѣщиковъ и производить обоюдное раздраженіе въ этихъ двухъ сословіяхъ, или заключали въ себѣ сужденія о принадлежащихъ будто бы крестьянамъ правахъ собственности на находящуюся во временномъ ихъ пользованіи помѣщичью землю. Съ цѣлью облегченія общей цензуры въ исполненіи усложнившихся ея обязанностей, опредѣлены были при всѣхъ министерствахъ и главныхъ управле-

*) См. выше, стр. 296.

ніяхъ особые довѣренные чиновники, для предварительнаго разсмотрѣнія статей, относящихся къ вѣдомству тѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, при чемъ разсмотрѣніе статей по крестьянскому вопросу вошло, по сущности дѣла, въ кругъ обязанностей довѣренныхъ чиновниковъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. По изданіи, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, особой программы для занятій дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, цензурнымъ комитетамъ положительно указано было: не допускать къ печатанію ничего противнаго Высочайшимъ рескриптамъ по крестьянскому дѣлу. или несогласнаго съ духомъ и направленіемъ означенной программы, и не дозволять никакихъ сужденій о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Въ концѣ года, къ предметамъ, обсужденіе которыхъ дозволено было въ періодическихъ изданіяхъ, присовокуплены вопросы относящіеся до порядка и способовъ выкупа земельныхъ угодій помѣщичьими крестьянами, при будущемъ ихъ устройствѣ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны. опредѣлило, въ нѣсколькихъ циркулярахъ, границы того, что могло быть допускаемо къ печатанію въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ изъ совѣщаній созванныхъ по всей Имперіи Дворянскихъ Губернскихъ Комитетовъ.

Русская періодическая литература воспользовалась въ широкихъ размѣрахъ предоставленнымъ ей правомъ обсужденія одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ настоящаго времени, вопроса, связаннаго съ коренным преобразованіемъ порядка и обычаевъ, укоренившихся въ Россіи въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій. Въ Москвѣ основались два спеціальныхъ журнала, съ цѣлью ученой и практической разработки основаній и подробностей преобразованія помѣщичьяго и крестьянскаго быта. Во всѣхъ почти, существовавшихъ уже, С.-Петербургскихъ и Московскихъ журналахъ появились особые отдѣлы, посвященные тому же предмету, и, сверхъ того, во всѣхъ газетахъ стали печататься статьи по вопросу, такъ сильно заинтересовавшему общественное мнѣніе.

Нельзя не признать, что это оживленное участіе періодической литературы въ крестьянскомъ вопросѣ принесло ощутительную и разностороннюю пользу. Оно уяснило и правительству, и помѣщикамъ множество общихъ и частныхъ вопросовъ, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ не отыскивалось достаточныхъ данныхъ ни въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, ни въ неполныхъ и мало еще обработанныхъ, статистическихъ, этнографическихъ и политико-экономическихъ сочиненіяхъ о Россіи. Живыя силы науки и зрѣлыя свѣдѣнія опыта высказались въ самыхъ разнообразныхъ, часто неясныхъ и разнорѣчивыхъ, но тѣмъ не менѣе полезныхъ воззрѣніяхъ на всѣ стороны этихъ вопросовъ. Можно положительно сказать, что періодическая литература сильно содѣйствовала распространенію во всѣхъ образованныхъ сословіяхъ, и особенно въ сословіи помѣщиковъ, двухъ коренныхъ мыслей, заключающихся въ Высочайшихъ рескриптахъ: первой, что крѣпостное право на людей отжило свой вѣкъ въ Россіи и долѣе сохранено быть не можетъ и не должно; второй, что крѣпостные крестьяне не должны быть освобождены изъ подъ помѣщичьей власти безъ обезпеченія ихъ будущности по-

средствомъ надѣла землею, подъ извѣстными условіями и съ извѣстнымъ за то вознагражденіемъ землевладѣльцу, трудомъ или деньгами. Неотложность отмѣны личной зависимости человѣка отъ человѣка и необходимость предупрежденія въ тоже время бродяжничества и нищенства освобождаемыхъ людей проникли въ народное убѣжденіе, сдѣлались, такъ сказать, ходячими мыслями въ массѣ народа. Кромѣ этихъ коренныхъ положеній, усвоившихся, въ теченіе года, всѣмъ сословіямъ, періодическая литература пролила много свѣта и на множество частныхъ, разработанныхъ ею, вопросовъ, истекающихъ изъ двухъ упомянутыхъ главныхъ положеній. Таковы вопросы: о способахъ устройства и обезпеченія крестьянскаго быта и управленія, въ новомъ предстоящемъ ему положеніи; о значеніи и цѣнности усадебъ и усадебныхъ земель и о количествѣ земельнаго надѣла, необходимаго въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи; о преимуществахъ и недостаткахъ владѣнія общиннаго сравнительно съ владѣніемъ посемейнымъ и о различіи между общиннымъ владѣніемъ и общиннымъ управленіемъ; о томъ, предпочтительнѣе ли надѣлять крестьянъ землею въ оброчное пользованіе на продолжительный срокъ или навсегда, или облегчать имъ пріобрѣтеніе земель въ собственность; объ отношеніяхъ труда обязательнаго и свободнаго и о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ замѣны обязательнаго труда свободнымъ для продовольствія народнаго и для будущности Русской хлѣбной торговли и проч., и проч. По всѣмъ этимъ и по многимъ другимъ вопросамъ сообщена была, разумѣется не въ систематическомъ порядкѣ, а въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, масса свѣдѣній, которая (при всей даже неполнотѣ и сбивчивости многихъ изъ нихъ) не могла не имѣть вліянія на сужденія и рѣшенія какъ Дворянскихъ Комитетовъ, такъ и самого правительства.

Нельзя однакожъ не сознаться, что, по новости дѣла и по неопытности вообще нашей литературы въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, значительное распространеніе въ періодическихъ изданіяхъ статей по крестьянскому вопросу имѣло и невыгодную сторону. Многіе писатели, вмѣсто того, чтобы, съ пособіемъ науки и практическихъ свѣдѣній, содѣйствовать правительству и дворянскимъ комитетамъ въ удобнѣйшемъ разрѣшеніи открывшейся задачи, пустились въ отвлеченныя изысканія о происхожденіи, о законности или незаконности самаго крѣпостнаго права и въ изслѣдованія правъ собственности на землю, со времени самыхъ древнихъ поселеній въ Россіи. Нѣкоторые пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ къ выводамъ, прямо колеблющимъ права̀ собственности на землю и на обязательный крестьянскій трудъ, которыми помѣщики пользовались и пользуются донынѣ на основаніи условій, освященныхъ закономъ, а потому и дозволили себѣ карать все настоящее поколѣніе дворянъ и помѣщиковъ, не за способъ пользованія, а за самое начало пользованія принадлежащимъ имъ правомъ, будто бы незаконно присвоеннымъ ихъ дѣдами и прадѣдами. Другіе, выставляя частные случаи злоупотребленія помѣщичьей власти въ видѣ общихъ злоупотребленій всего сословія помѣщиковъ, представляли положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ самомъ мрачномъ и безнадежномъ видѣ и наконецъ дѣлали

неосуществимыя требованія не только о немедленномъ и безусловномъ освобожденіи крестьянъ изъ подъ власти помѣщиковъ, но и о предоставленіи крестьянамъ части помѣщичьей земли и усадебъ безъ всякаго за то вознагражденія. Конечно, цензура, какъ общая, такъ и довѣренныхъ чиновниковъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не пропускала статей, проникнутыхъ такимъ духомъ; но, при всей ея осторожности, подобныя мысли прорывались отдѣльными выходками въ статьяхъ, которыхъ общее направленіе не было неблагонамѣренно; а такія выходки должны были оскорблять и раздражать помѣщиковъ и возбуждать въ крестьянахъ (если доходили до нихъ) неудовольствіе къ настоящему ихъ положенію, и потому не облегчали, а, напротивъ того, затрудняли дѣло мирной развязки помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ.

Правительство не могло оставить безъ вниманія такихъ уклоненій отъ основныхъ началъ, на которыхъ оно предположило произвести преобразованіе крѣпостнаго состоянія, и усилило строгость въ цензурованіи статей по крестьянскому вопросу. Строгость эта обнаружилась въ томъ, что, въ нынѣшнемъ году, установлено было: всѣ статьи, относящіяся до крестьянскаго вопроса, подвергать предварительному разсмотрѣнію довѣренныхъ чиновниковъ не только Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но и всѣхъ другихъ министерствъ и главныхъ управленій, до вѣдомства которыхъ онѣ могутъ касаться, и съ тѣмъ вмѣстѣ постановлено правиломъ, что предварительное одобреніе какой либо статьи довѣренными чиновниками министерствъ не освобождаетъ цензора, окончательно разрѣшающаго ее къ печати, отъ отвѣтственности за пропускъ мѣстъ предосудительныхъ или несоотвѣтствующихъ видамъ правительства.

При разнообразіи и многочисленности вопросовъ, развившихся, въ теченіе полутора года, изъ многосторонняго обсужденія крестьянскаго дѣла, указанныя здѣсь мѣры, сопряженныя съ многосложною формальностію отъ разсылки статей по разнымъ министерствамъ, будутъ имѣть вѣроятнымъ послѣдствіемъ ограниченіе числа статей, появляющихся въ печати относительно къ предпринятому преобразованію; но едва ли и этими мѣрами достигнута будетъ главная цѣль правительства. Цѣль эта состоитъ, конечно, не въ механическомъ, такъ сказать, стѣсненіи литературной дѣятельности по государственному вопросу, къ удовлетворительному и мирному разрѣшенію котораго слѣдовало бы привлечь, по возможности, всѣ умственныя силы государства, но въ предупрежденіи обращенія этой дѣятельности во зло, въ предупрежденіи распространенія статей несогласныхъ съ видами правительства.

Какое же руководство существуетъ нынѣ для лицъ, на которыхъ возложено наблюденіе по этому предмету? Руководство это ограничивается собственно тѣмъ, что цензорамъ предписано не допускать статей и сочиненій: а) противныхъ общимъ правиламъ цензуры и Высочайшимъ рескриптамъ по крестьянскому дѣлу; б) выходящихъ изъ предѣловъ программы, начертанной для занятій дворянскихъ губернскихъ комитетовъ; в) не согласныхъ съ видами правительства.

Разсмотрѣніе этихъ указаній приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) *Общія правила цензуры и Высочайшіе рескрипты* должны быть извѣстны каждому, но цензорà не могутъ найти въ нихъ разрѣшенія на множество частныхъ случаевъ по крестьянскому дѣлу; прямымъ тому доказательствомъ служитъ какъ самое учрежденіе довѣренныхъ чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ, такъ и изданіе, отъ времени до времени, объяснительныхъ циркуляровъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

б) *Программа* для занятій губернскихъ комитетовъ издана была при самомъ открытіи ихъ дѣйствій и относится преимущественно къ первому періоду преобразованія крестьянскаго положенія; теперь же, когда бóльшая часть губернскихъ комитетовъ представили свои работы, когда первый періодъ преобразованія приближается къ окончанію и наступаетъ второй, а изъ самыхъ разсужденій комитетовъ возникли вопросы или непредвидѣнные въ программѣ (наприм. объ общемъ выкупѣ земельныхъ угодій) или относящіеся къ подробностямъ исполненія принятыхъ и обработанныхъ въ комитетахъ основаній и къ будущему окончательному устройству крестьянскаго быта, первоначально начертанная программа очевидно не можетъ уже считаться достаточнымъ руководствомъ для цензоровъ.

в) Что же касается до *видовъ* правительства, то, во первыхъ, при быстромъ развитіи предпринятаго имъ преобразованія, послѣ обсужденія возбужденныхъ вопросовъ, и въ дворянскихъ комитетахъ (въ которыхъ участвовало непосредственно болѣе тысячи помѣщиковъ), и въ періодической литературѣ, виды эти не могли не измѣниться во многихъ подробностяхъ, въ теченіе полутора года. Не касаясь указанныхъ Государемъ Императоромъ коренныхъ началъ, которыя должны остаться неизмѣнными, нѣтъ сомнѣнія, что воззрѣніе правительства уяснилось теперь во многихъ частныхъ вопросахъ, относящихся и къ настоящему и къ будущему быту крестьянъ, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ Главномъ Комитетѣ привело къ новымъ заключеніямъ, которыя въ свою очередь должны повести къ новымъ выводамъ и къ мѣропріятіямъ, отступающимъ отъ первоначально предположенныхъ. Во вторыхъ (и это главное) виды правительства, первоначальные и измѣнившіеся впослѣдствіи неизвѣстны ни цензорамъ, ни довѣреннымъ чиновникамъ министерствъ, не имѣющимъ никакого сношенія съ совѣщательными комитетами и коммиссіями по крестьянскому дѣлу.

Изъ этого слѣдуетъ, что, по крестьянскому вопросу, руководство для цензирующихъ лицъ не имѣетъ въ настоящее время надлежащей опредѣлительности. При недостаткѣ же опредѣлительности для своихъ дѣйствій, довѣренные чиновники по цензурѣ или должны бываютъ часто обращаться за наставленіемъ къ министрамъ и главноуправляющимъ (что̀ и крайне затруднительно при множествѣ и разнообразіи статей по крестьянскому дѣлу, и чрезвычайно замедляетъ появленіе этихъ статей въ свѣтъ) или, опасаясь отвѣтственности въ дѣлѣ для нихъ неясномъ, вынуждены бываютъ запрещать статьи полезныя и благонамѣренныя, но заключающія въ себѣ какіе либо намеки на предметы, выходящіе изъ предѣловъ программы, или *кажущіяся* имъ несогласными съ видами правительства. Послѣдствіями того,

особенно при распространеніи нынѣ цензурной отвѣтственности на многихъ лицъ, должны быть: несоотвѣтственное, конечно, съ намѣреніемъ правительства стѣсненіе литературной дѣятельности по крестьянскому вопросу; лишеніе правительства и публики многихъ полезныхъ свѣдѣній, которыя невозможно получить оффиціальнымъ путемъ; и наконецъ крайнее затрудненіе или почти невозможность изданія спеціальныхъ журналовъ по крестьянскому вопросу, такъ какъ частое запрещеніе или промедленіе въ разрѣшеніи къ печатанію статей, доставляемыхъ сотрудниками сихъ журналовъ, возбуждаетъ въ нихъ неудовольствіе и охлаждаетъ ихъ ученую и литературную дѣятельность, не находящую своевременнаго исхода своимъ трудамъ.

Изложеніе изъясненныхъ здѣсь затрудненій наводитъ само собою на мысль о средствѣ къ ихъ отстраненію. Самымъ раціональнымъ къ тому средствомъ казалось бы не оставлять въ невѣдѣніи *о видахъ правительства* относительно къ крестьянскому вопросу, лицъ, которымъ поручено наблюденіе за соотвѣтственностью печатной литературы съ этими видами. Не признано ли было бы возможнымъ, по примѣру изданія циркуляра по цензурному вѣдомству по поводу программы, сообщать отъ времени до времени Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ имени высшаго учрежденія, завѣдывающаго предпринятымъ преобразованіемъ (т. е. Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу) указанія о тѣхъ новыхъ заключеніяхъ, которыя приняты правительствомъ за основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій и которыя, по какимъ либо причинамъ, не подлежатъ тайнѣ, съ тѣмъ, чтобы означенное министерство, съ своей стороны, поставляло о томъ циркулярами въ извѣстность какъ цензоровъ, такъ и довѣренныхъ чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ? Такимъ распоряженіемъ правительство вывело бы цензуру изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ она подвергается отвѣтственности по предметамъ для нея неуясненнымъ, а съ другой стороны, отстранило бы стѣсненіе періодической литературы въ обсужденіи одного изъ жизненныхъ вопросовъ для государства, вопроса столь тѣсно связаннаго съ будущимъ, юридическимъ, административнымъ и хозяйственнымъ устройствомъ быта двухъ важнѣйшихъ въ государствѣ сословій: земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Быть можетъ, при такомъ распоряженіи оказалось бы даже возможнымъ облегчить нынѣшнюю формальность цензурнаго дѣла, предоставивъ цензорамъ, на основаніи даваемыхъ имъ возможно-опредѣлительныхъ указаній, разрѣшать самимъ къ печати статьи по крестьянскому дѣлу, подходящія подъ эти указанія, и затѣмъ уже не всѣ, а только сомнительныя статьи по этому дѣлу, передавать на разсмотрѣніе довѣренныхъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и, въ случаѣ надобности, другихъ министерствъ.

По этимъ соображеніямъ, при той степени развитія, которой достигло теперь обсужденіе и устройство крестьянскаго дѣла, т. е. съ окончаніемъ перваго и наступленіемъ срока для втораго періода работъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, казалось бы соотвѣтственнымъ съ цѣлью преподать цензурѣ слѣдующія указанія.

Во первыхъ, опредѣлить положительно предметы, обсужденіе которыхъ должно быть или вовсе недозволяемо въ печати, или допускаемо съ

величайшею осмотрительностью, до окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла. Къ этому разряду относятся:

а) Статьи, въ которыхъ обсуждаются *происхожденіе и юридическія основанія крѣпостнаго права въ Россіи.* Къ обсужденію этихъ началъ, въ настоящемъ положеніи дѣла, не можетъ быть примѣнено теоретическое правило о пользѣ гласности въ литературѣ. Принимая пользу гласности въ самомъ обширномъ смыслѣ, можно допустить теоретическія изслѣдованія о такихъ правительственныхъ установленіяхъ, которыя сохраняютъ свою силу, но которыхъ общія или частныя невыгоды обращаютъ на себя общественное вниманіе; таковы напримѣръ правила откупной системы, подрядовъ и торговъ; вопросы о свободной торговлѣ и кредитной системѣ; объ измѣненіи формъ нашего судопроизводства (что̀ и допущено, въ извѣстныхъ размѣрахъ, послѣднимъ циркуляромъ по цензурному вѣдомству); о преимуществахъ и невыгодахъ открытыхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеній; вопросы объ эксплуатаціи государственныхъ имуществъ правительствомъ непосредственно, или частною промышленностью, и т. под. Ученыя и практическія изслѣдованія подобныхъ вопросовъ могутъ содѣйствовать правительству въ разъясненіи какъ самыхъ началъ, такъ и пользы или вреда отъ такихъ установленій. Можно безпрепятственно допустить и обсужденіе постановленій, отжившихъ свое время, отмѣненныхъ положительнымъ закономъ и перешедшихъ уже въ область исторіи; такъ напримѣръ: какими бы мрачными красками ни изображали зло отъ мѣстничества или отъ употребленія пытокъ при допросахъ, и т. п., составлявшихъ нѣкогда часть нашего законодательства, изображенія эти не могутъ имѣть предосудительнаго вліянія на настоящее поколѣніе, не подлежащее дѣйствію ни мѣстничества, ни пытокъ. Но не въ томъ положеніи крестьянскій вопросъ. Самое начало крѣпостнаго права признано Верховною властью не соотвѣтствующимъ настоящему положенію Россіи, и право это рѣшено отмѣнить; но оно еще не отмѣнено, мы живемъ и дѣйствуемъ подъ управленіемъ законовъ, тѣсно связанныхъ съ крѣпостнымъ правомъ. Слѣдовательно, доказывать теперь его вредъ, выводить изъ исторіи, хотя бы, повидимому, и правильно, что оно сначала было учрежденіемъ только полицейскимъ, потомъ финансовымъ и мало по малу, отчасти чрезъ злоупотребленіе, обратилось въ юридическое, а тѣмъ болѣе доказывать его законность или незаконность, во первыхъ излишне, а во вторыхъ можетъ быть и не безопасно: потому что, для доказательства его вреда или незаконности, писатели пускаются въ разсмотрѣніе правъ верховной власти на установленіе крѣпостнаго положенія, въ нехладнокровныя изслѣдованія о правахъ одного человѣка на трудъ другаго, въ сравненія крѣпостнаго права съ рабствомъ, и т. под., которыя легко могутъ раздражать людей, живущихъ еще подъ началомъ крѣпостнаго права, и возбуждать въ нихъ слишкомъ нетерпѣливыя желанія сбросить съ себя его иго. Вопросъ теперь не о томъ—слѣдуетъ ли удержать крѣпостное право, а о томъ—ка̀къ его измѣнить и чѣмъ его замѣнить? Пусть литература безпрепятственно займется способами его отмѣненія и измѣненія.

б) Отвлеченныя разсужденія *о правѣ владѣнія землею.* Доказывать, какъ пытались нѣкоторые писатели, что земля принадлежитъ крестьянамъ, ее обрабатывающимъ, потому именно, что они и предки ихъ собственными трудами ее обработывали, противно законамъ о собственности и Высочайшему положительному указанію, что вся земля есть собственность помѣщиковъ. Колебать эту основную идею историческими или теоретическими разслѣдованіями, въ какой бы благовидной формѣ они не излагались, значило бы внушать крестьянамъ мысли неосуществимыя, несбыточныя и которыхъ распространеніе во всѣхъ отношеніямъ было бы опасно для общественнаго порядка.

Во вторыхъ, разъяснить, по возможности, статьи, которыя могутъ быть разрѣшены къ печатанію *въ настоящее время.* Въ этомъ отношеніи, казалось бы возможнымъ допустить обсужденіе, напримѣръ, слѣдующихъ вопросовъ, хотя неуказанныхъ положительно въ программѣ, но истекающихъ изъ ея положеній и составляющихъ ея послѣдствія.

а) Въ чемъ состоитъ значеніе и цѣль срочно-обязаннаго или переходнаго положенія? Дѣйствительно ли оно необходимо и полезно въ видѣ промежуточнаго періода для измѣненія, безъ сотрясеній, нынѣшняго, полнаго крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ состояніе вполнѣ свободное, и для правильнаго устройства новаго положенія, и помѣщиковъ и крестьянъ, въ юридическомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ? Не предпочтительнѣе ли было бы разомъ, безъ переходнаго періода, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, на извѣстныхъ условіяхъ, съ передачей прямо правъ и обязанностей помѣщиковъ въ распоряженіе правительства? При этомъ вопросѣ необходимо было бы, разумѣется, разрѣшить и обсужденіе положенія крестьянъ въ будущемъ или окончательномъ періодѣ ихъ устройства.

б) Въ случаѣ сохраненія срочно-обязаннаго положенія, какой срокъ слѣдуетъ опредѣлить для того? Слѣдуетъ ли предоставить помѣщикамъ право установить, по произволу своему, способы исполненія повинностей крестьянъ къ нимъ (т. е. обязательною работою или денежнымъ оброкомъ), за уступаемыя крестьянамъ усадьбу и землю, или предоставить выборъ того или другаго способа вознагражденія и самаго его размѣра правительству?

Въ случаѣ же принятія мнѣнія о немедленномъ, полномъ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости (съ которымъ естественно долженъ соединиться выкупъ для крестьянъ усадебъ и земельныхъ надѣловъ), слѣдуетъ ли установить этотъ выкупъ обязательнымъ, на данныхъ правительствомъ основаніяхъ, или предоставить его полюбовному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами съ опредѣленіемъ только для того извѣстнаго срока?

г) О способахъ выкупа, объ участіи, какое могутъ или должны принять въ томъ правительство и его финансовыя учрежденія, или мѣстные, губернскіе кредитные банки.

д) О томъ, слѣдуетъ ли, при выкупѣ, соединять усадьбы съ земельными угодіями, или производить выкупъ ихъ отдѣльно и независимо однихъ отъ другихъ?

е) При очевидной невозможности для крестьянъ выкупить разомъ или въ короткій срокъ предоставляемые имъ земельные участки, какимъ способомъ можетъ быть обезпечена съ ихъ стороны уплата процентовъ съ условленнаго выкупнаго капитала, съ процентомъ погашенія долга; какого рода кредитныя бумаги слѣдуетъ выдать помѣщикамъ; какія правила и какіе сроки опредѣлить для ихъ реализаціи; чѣмъ можно обезпечить стоимость ихъ и предупредить пониженіе курса, при переходѣ изъ рукъ въ руки?

ж) Въ какомъ видѣ правительство могло бы содѣйствовать своими средствами выкупу земельныхъ угодій, въ какой степени могутъ быть обращены на этотъ предметъ отчужденіе государственныхъ крестьянъ или другихъ сословій, или передача эксплуатаціи сихъ имуществъ въ частныя руки?

з) Съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ изъ личной помѣщичьей зависимости должно ли быть сопряжено и одновременное освобожденіе ихъ отъ прикрѣпленія къ землѣ? Не потребуется ли, въ видахъ государственной пользы и обезпеченія народнаго продовольствія, принять мѣры къ предупрежденію раздробленія земель, выкупленныхъ для крестьянъ или крестьянами, на слишкомъ мелкіе участки? Не окажется ли нужнымъ воспретить на нѣкоторый срокъ, вездѣ ли одинакій и какой именно, отчужденіе ими сихъ земель, посредствомъ продажи, даренія и завѣщанія, и переходъ за тѣмъ крестьянъ въ другія мѣстности Имперіи?

и) О способахъ обезпеченія обработки оставляемыхъ крестьянами земель, въ случаѣ выхода ихъ изъ занимаемыхъ ими мѣстъ, равно какъ и обезпеченія, въ такомъ случаѣ, отправляемыхъ ими натуральныхъ и денежныхъ повинностей въ пользу государства?

і) Къ какому сословію слѣдуетъ причислить помѣщичьихъ крестьянъ, по освобожденіи ихъ изъ крѣпостной зависимости? Не слѣдуетъ ли уравнять ихъ немедленно съ государственными крестьянами, поселенными на собственныхъ земляхъ; не слѣдуетъ ли въ тоже время уничтожить юридическія различія, существующія донынѣ между многоразличными разрядами государственныхъ крестьянъ, и открыть симъ послѣднимъ возможность дѣлаться, на равнѣ съ освобождаемыми крѣпостными людьми, собственниками земли, чрезъ выкупъ находящихся въ ихъ пользованіи земельныхъ участковъ?

к) Обсужденіе вопросовъ объ управленіи и внутренней администраціи помѣщичьихъ крестьянъ, по ихъ освобожденіи; вопросовъ объ общинной администраціи и общинной собственности; о томъ, слѣдуетъ ли однообразно по всей Имперіи дѣлать общину отвѣтственною за исполненіе крестьянами ихъ повинностей, или предоставлять эту отвѣтственность отдѣльнымъ семействамъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ общинная собственность не существуетъ въ обычаѣ народномъ, и проч. и проч.?

Кромѣ приведенныхъ здѣсь вопросовъ, въ обсужденіи Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу и его коммиссій могутъ уже находиться или вновь возникать и другіе, которые также слѣдовало бы указывать цензорамъ, измѣняя или распространяя постепенно программу того, что̀ можетъ быть допускаемо въ печати, согласно съ видами правительства и съ развитіемъ предпринятаго преобразованія.

Разрѣшая, въ такомъ видѣ, возможно свободное обсужденіе всѣхъ мнѣній и предположеній по крестьянскому вопросу, неизлишнимъ было бы, сверхъ того, подтвердить цензурѣ: не допускать вообще никакого осужденія коренныхъ началъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, ни дѣйствій или намѣреній правительства по крестьянскому дѣлу; имѣть постоянно въ виду, что правительство не можетъ желать зла, но что оно часто встрѣчаетъ неодолимыя препятствія къ осуществленію самыхъ благихъ своихъ предположеній въ недостаткѣ къ тому средствъ, или въ несвоевременности, въ неспособности или неблагонамѣренности исполнителей, и что эти препятствія не всегда могутъ быть извѣстны частнымъ лицамъ, увлекающимся, по невѣдѣнію, къ неосновательному заподозрѣнію правительства въ незаботливости объ искорененіи зла; при критическихъ разборахъ какихъ бы то ни было мнѣній не дозволять касаться личности авторовъ и оскорблять ихъ презрительными намеками или порицаніями; обращать вниманіе на различіе самой формы проявленія мнѣній: то, что̀ можетъ быть допущено въ изустномъ словѣ или рѣчи, произносимыхъ съ каѳедры церковной или ученой, въ ограниченномъ кругу слушателей, не всегда можетъ быть разрѣшено къ печати въ ученомъ или спеціальномъ сочиненіи, предназначенномъ собственно для образованнаго класса, не всегда можетъ быть безвредно, появляясь въ газетахъ или брошюрахъ, которыя расходятся во всѣхъ сословіяхъ, без различія степени умственнаго развитія и образованія читателей.

Предлагаемою здѣсь мѣрою, т. е. изданіемъ отъ времени до времени циркуляровъ по цензурному вѣдомству, съ возможно-точнымъ опредѣленіемъ и вопросовъ, которые не должны быть дозволяемы, и тѣхъ, которые могутъ быть допускаемы къ обсужденію въ печати, сообразно съ духомъ и развитіемъ крестьянскаго дѣла, значительно облегчено было бы для цензоровъ и довѣренныхъ чиновниковъ исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей; а съ другой стороны, постепенно расширялся бы кругъ участія періодической литературы въ обсужденіи дѣла, которое можетъ быть правильно и спокойно разрѣшено только при откровенномъ, полномъ и открытомъ содѣйствіи всѣхъ умственныхъ и практическихъ силъ государства. Предпринятое правительствомъ преобразованіе такъ велико, такъ обильно благими послѣдствіями для всей будущности Русскаго народа, что едва ли можетъ быть нужно скрывать какія либо рѣшенія и даже главныя предположенія по этому предмету. Казалось бы даже полезнымъ не только не препятствовать широко высказываться общественному мнѣнію въ этомъ дѣлѣ, но и вызывать это мнѣніе посредствомъ статей, соотвѣтствующихъ даваемымъ цензурѣ указаніямъ, и которыя, на основаніи обсуждаемыхъ въ Главномъ Комитетѣ и его коммиссіяхъ рѣшеній и предположеній, могли бы быть составляемы участвующими въ томъ лицами, для помѣщенія, въ неоффиціальномъ видѣ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ приглашеніемъ потомъ редакцій другихъ журналовъ и газетъ къ перепечатыванію этихъ статей въ своихъ изданіяхъ.

Чѣмъ болѣе будетъ распространяться свѣта на всѣ подробности крестьянскаго вопроса, тѣмъ вѣрнѣе для будущности онъ можетъ быть рѣшенъ правительствомъ на общую пользу; потому что главная и непремѣнная цѣль правительства не можетъ быть иная, какъ общая же польза.

(Представлено господину министру внутреннихъ дѣлъ 9-го Мая 1859).

ВОСПОМИНАНІЯ ѲЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА *).

Въ 1861 году была предпринята первая поѣздка Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича по Россіи, которая впрочемъ ограничилась Москвою, Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью. Въ Нижнемъ была осмотрѣна ярмарка подъ руководствомъ извѣстнаго писателя П. И. Мельникова (Печерскаго), великаго знатока ярмарки. На пути въ Казань онъ знакомилъ Цесаревича съ прилежащими къ Волгѣ уѣздами Костромской и Нижегородской губерній, съ селеніями, въ которыхъ онъ проживалъ долгое время по порученію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго, съ цѣлью изученія раскольничьяго быта. Разсказы о жизни, обычаяхъ, нравахъ раскольниковъ до того заинтересовали Цесаревича, что онъ подалъ мысль Мельникову издать то сочиненіе, которое, увы! уже послѣ кончины его появилось въ печати подъ названіемъ: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Мельниковъ былъ очень интересенъ и полезенъ; но, какъ человѣкъ, требовалъ крайней осмотрительности людей имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ губернаторомъ А. Н. Муравьевъ. На него выпала завидная доля приведенія въ исполненіе Высочайшаго манифеста 19-го Февраля 1861 года, которымъ осуществлялись завѣтныя желанія маститаго декабриста. Предводителемъ былъ въ то время юный, рьяный Стремоуховъ, который, помнится, позволялъ себѣ въ присутствіи Цесаревича невозможныя выходки и выраженія, когда шла рѣчь объ освобожденіи крестьянъ и относившихся до этого вопроса распоряженій Муравьева. Старикъ, съ своей стороны, уже жаловался на циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, ограничивающіе предоставленныя ему манифестомъ права, такъ что, слушая этихъ антагонистовъ (Муравьева и Стремоухова), невольно спрашивалъ я себя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ, кто изъ нихъ либералъ и кто консерваторъ.

Какъ часто припоминалось мнѣ это обстоятельство, когда впослѣдствіи приходилось слушать разсужденія въ обществѣ о Русскихъ кон-

---

*) См. выше, стр. 217.

серваторахъ и либералахъ. У насъ ихъ нѣтъ, и въ настоящее время быть не можетъ, потому что понятія вообще у насъ перепутаны въ силу обстоятельствъ: человѣкъ кажущійся консерваторомъ на дѣлѣ оказывается либераломъ и на оборотъ.

Въ Казани губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Козляниновъ. У него во время нашего пребыванія въ Казани родилась внучка, которую крестилъ Цесаревичъ.

На обратномъ пути мы оставались на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ генералъ-губернаторомъ былъ П. А. Тучковъ. Тутъ я заболѣлъ перемежающеюся лихорадкою, отъ которой не могъ отдѣлаться въ продолженіи двухъ лѣтъ. Когда возвратились въ Царское Село, я и тутъ слегъ въ постель. На слѣдующій день Цесаревичъ навѣстилъ меня, и когда 8-го Сентября я по болѣзни не могъ поздравить лично Его Высочество съ днемъ рожденія, а написалъ письмо, въ которомъ поздравилъ его и съ окончаніемъ перваго путешествія по Россіи, оставившаго неизгладимое впечатлѣніе въ народѣ и во всѣхъ лицахъ, которыхъ онъ встрѣтилъ на пути своемъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Любезный Ѳедоръ Адольфовичъ. Ваше письмо, которое О. Б. (Рихтеръ) мнѣ только что передалъ, меня очень тронуло. Мнѣ самому было прискорбно не видѣть васъ у себя послѣ того, какъ вы, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, были однимъ изъ первыхъ искренно желавшихъ мнѣ счастія на новый мнѣ годъ. Благодарю васъ за тѣ желанія, которыя вы выражаете въ вашемъ письмѣ, и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы тъ души поблагодарить васъ за ваши хлопоты въ послѣднемъ нашемъ путешествіи. Николай».

Припоминаю еще случай, который характеризуетъ и Цесаревича, и настроеніе того времени. Пріѣхавъ во Владиміръ, Его Высочество, какъ вездѣ, былъ встрѣченъ мѣстными властями. Не показывался одинъ только губернскій предводитель, Солениковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какъ онъ объяснилъ мнѣ, что до отъѣзда еще изъ Петербурга было дано знать, что Цесаревичъ никакихъ оффиціальныхъ встрѣчъ не желаетъ. Его Высочество, замѣтивъ однако его отсутствіе, приказалъ мнѣ пригласить его къ о ѣду. Солениковъ былъ въ числѣ тѣхъ дворянъ, которые были недовольны манифестомъ 19-го Февраля и очень сухо принялъ переданное мною ему приглашеніе, но конечно къ обѣду явился, былъ посаженъ возлѣ Цесаревича и всталъ изъ-за стола до того обвороженный ласкою Наслѣдника, что не могъ сдержать чувствъ своихъ и всякому изъ насъ говорилъ, что это счастливѣйшій день жизни его.

На обратномъ пути изъ Казани, мы обѣдали въ Нижнемъ. Къ обѣду былъ приглашенъ министръ юстиціи графъ В. П. Паленъ, случайно бывшій тутъ проѣздомъ въ свои имѣнія. Съ нимъ за обѣдомъ приключилась маленькая бѣда. Оказалось, что онъ не взялъ съ собою носоваго платка, а между тѣмъ преусердно нюхалъ табакъ. Когда наконецъ, среди разговора съ Цесаревичемъ, понадобился платокъ, и онъ убѣдился, что имъ нечѣмъ снять повисшую на концѣ носа крупную каплю, его бросило въ жаръ, онъ побраговѣлъ и не зналъ, что̀ ему дѣлать. Къ счастью сосѣдъ его графъ С. Г. Строгановъ, замѣтивъ это, незамѣтно всунулъ ему въ руку свой фуляръ, и Панинъ былъ спасенъ.

Въ 1862 году Цесаревичъ вновь провелъ часть лѣта въ Либавѣ, гдѣ уже до его пріѣзда проживали братья Его Высочества. Золотушное расположеніе, замѣченное врачами еще въ 1854 году въ юномъ Великомъ Князѣ, было причиною ежегодныхъ почти поѣздокъ въ Гапсаль, гдѣ грязи приносили извѣстную пользу Его Высочеству. Такимъ образомъ мнѣ довелось въ 1855, 1856, 1857 и 1859 годахъ ѣздить уже въ Мартѣ въ Гапсаль, для найма и устройства помѣщеній, и проводить лѣтніе мѣсяцы съ Ихъ Высочествами въ этомъ маленькомъ городкѣ, который впрочемъ, благодаря бѣдности и отчасти равнодушію мѣстныхъ жителей, съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнилъ вида своего и представляетъ для пріѣзжающихъ безчисленныя неудобства, на равнѣ со всѣми нашими отечественными лечебными мѣстами. Въ эти годы, а также и въ 1860 году, когда мы жили въ Либавѣ, мѣстный генералъ-губернаторъ князь Суворовъ долгомъ считалъ переселяться на лѣто въ эти города, и тутъ я имѣлъ случай короче познакомиться и узнать этого человѣка, пользовавшагося огромною популярностію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, благодаря преимущественно своему «burschikosen Wesen». Къ сожалѣнію, если онъ замѣчалъ малѣйшее расположеніе Цесаревича къ кому либо изъ лицъ ему, князю, несимпатичныхъ, то не было границъ его нерасположенія къ этому человѣку. Такъ онъ упрекалъ Цесаревича въ излишнемъ по мнѣнію его, расположеніи къ д-ру Шестову, говоря: «Veut-il en faire un chambellan, qu' on ne le rencontre qu' avec lui? Si au moins il était bon médecin, mais il ne peut l'être, parce qu'il est recommandé par son oncle. Князь Суворовъ бѣдному Шестову придалъ названіе Нѣмецкое бранное, похожее на его Русскую фамилію. Къ тому же честолюбію князя не было предѣла. Вѣчно недовольный, постоянно жаловался онъ на невниманіе къ нему особъ Царской Фамиліи и всегда находилъ какой нибудь предлогъ для жалобы. Такимъ образомъ онъ однажды цѣлое лѣто пилилъ меня выраженіемъ неудовольствія за то, что его не дѣлали шефомъ какого-то полка, которымъ командовалъ, кажется, отецъ его. Я имѣлъ случай пе-

редать это Цесаревичу, и тотчасъ по возвращеніи изъ Гапсаля Государь былъ столь милостивъ, что назначилъ Суворова шефомъ этого полка. На слѣдующій годъ новое неудовольствіе на то, что Государь не зачислилъ Цесаревича въ этотъ полкъ. Опять это было доведено до Государя, и 8-го Сентября того же года Цесаревичъ, будучи зачисленъ въ этотъ полкъ и надѣвъ мундиръ, явился въ Царскомъ Селѣ къ старому шефу. Въ третій годъ пребыванія въ Гапсалѣ ему пожалованы были знаки ордена Андрея Первозваннаго. Казалось бы, что заслуги князя по грязямъ Гапсальскимъ были награждены щедрою рукою. Никогда онъ ни о чемъ не могъ говорить хладнокровно, и горячность его превосходила всякое приличіе, когда онъ выражалъ неудовольствіе за воображаемое имъ невниманіе Царской Семьи. Говоря со слезами о тѣхъ особахъ, которыхъ онъ считалъ своими благодѣтелями и которыхъ обожалъ (обыкновенно временно, par boutades), онъ чуть не приходилъ въ бѣшенство, когда тѣже особы, безъ малѣйшаго намѣренія оскорбить его, или не приглашали его къ обѣду или въ ложу въ театрѣ, или же не были, какъ ему казалось, такъ любезны съ нимъ, какъ ему въ данномъ случаѣ этого хотѣлось.

Если ко всему этому прибавить, что онъ былъ положительно лишенъ всякихъ административныхъ способностей, законовъ не признавалъ (что въ особенности онъ доказалъ въ бытность С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ) и окружалъ себя недостойнѣйшими людьми, о которыхъ постоянно ходатайствовалъ и, нужно сознаться, съ огромнымъ успѣхомъ (иначе онъ дулся), то вредъ имъ причинявшійся не подлежалъ никакому сомнѣнію. Образъ его дѣйствій во время Польскаго мятежа былъ вполнѣ недостойный (смотри Записки графа М. Н. Муравьева).

Вотъ два случая характеризующіе князя. Въ качествѣ Новогородскаго помѣщика, онъ, магнатъ, считалъ губернію эту имѣющею право на особое съ его стороны покровительство и вмѣшивался въ административныя и земскія дѣла ея. Узнавъ однажды о свободной вакансіи исправника въ одномъ изъ уѣздовъ Новогородской губерніи, онъ пишетъ губернатору В. Я. Скарятину и проситъ предоставить эту вакансію какому-то господину N, рекомендуя его съ лучшей стороны. На слѣдующій день отправляется за его же подписью другое письмо, въ которомъ говорится: «Извѣстясь о томъ, что ваше превосходительство имѣете въ виду представить вакансію исправника г-ну N (т. е. тому же, о которомъ было писано наканунѣ), долгомъ считаю обратить вниманіе ваше на неблагонадежность его и прошу опредѣлить на вакантную должность г. X., котораго я знаю за отличнаго, честнаго и дѣль-

наго человѣка». Скарятинъ, пріѣхавъ вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ, является къ князю и, показавъ ему оба письма, спрашиваетъ его, на которомъ изъ двухъ слѣдуетъ ему остановиться. Суворовъ, обнявъ и поцѣловавъ Владимира Яковлевича, отвѣчалъ: Cher ami, ne faites aucun cas de mes recommandations; on m'oblige de signer des centaines de lettres, que je n'ai même pas le temps de lire».

Лучше всего то, что когда Скарятинъ назначилъ исправникомъ третье лице, тотъ же князь Суворовъ бранилъ его почти ругательски за то, что онъ не исполнилъ его просьбы. Спрашивается: которой изъ двухъ?

Во время Польскаго мятежа 1861—1863 г.г. жена Поляка арестованнаго въ Вильнѣ, узнавъ о покровительствѣ оказываемомъ княземъ Суворовымъ ея соотечественникамъ ссылавшимся въ Сибирь чрезъ Петербургъ, обратилась къ нему съ просьбою содѣйствовать освобожденію мужа ея изъ заключенія. Князь тотчасъ же телеграфировалъ М. Н. Муравьеву съ запросомъ, за что такой-то арестованъ? Муравьевъ отвѣчалъ безотлагательно телеграммою же: «Отгадайте». Можно себѣ представить злобу князя, парализованнаго этимъ лаконическимъ отвѣтомъ въ своемъ всемогуществѣ.

Сколько вообще этотъ человѣкъ, самъ по себѣ добрый, причинилъ бѣдъ и неурядицъ самоуправствомъ и безразсудствомъ, вмѣшиваясь въ дѣла до него неотносящіяся! Часто онъ, правда, раскаявался въ этихъ поступкахъ, но утѣшалъ себя, пріискивая предлоги къ объясненію своей невиновности.

Когда вспомнишь, что князь Суворовъ аплодировалъ на судѣ защитнику Вѣры Засуличъ, что онъ, генералъ-адъютантъ, Андреевскій кавалеръ, бывшій генералъ-губернаторъ, могъ увлечься до громкаго на судѣ одобренія рѣчи, имѣвшей послѣдствіемъ оправданіе женщины покусившейся на убійство и даже ранившей бывшаго градоначальника генералъ - адъютанта Трепова, то поневолѣ спрашиваешь себя: «не принадлежалъ ли онъ, по убѣжденіямъ своимъ, къ шайкѣ террористовъ?»

Наконецъ въ 1863 г. было совершено то знаменательное путешествіе по Россіи, въ которомъ Цесаревичъ, въ продолженіи $4\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, подробно ознакомился съ значительною частію обширнаго государства, проплывъ отъ Петербурга до Астрахани и отъ Царицына до Крыма, и проѣхавъ отъ Бердянска чрезъ южныя колоніи до Екатеринослава и чрезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу до Москвы.

Путешествіе это подробно описано въ письмахъ К. П. Побѣдоносцова и Бабста, изданныхъ вслѣдъ за тѣмъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ отдѣльною книгою. Въ это изданіе не вошло только описаніе плаванія Цесаревича отъ Петербурга до Рыбинска, потому что оба писавшіе присоединились къ свитѣ Его Высочества только въ Рыбинскѣ.

Честь и слава графу С. Г. Строганову. Такъ мастерски устроить поѣздку, какъ онъ исполнилъ эту задачу, едва ли кто нибудь съумѣлъ и успѣлъ бы; потому что нужно было его знаніе Россіи и людей, чтобы останавливать вниманіе юнаго воспитанника именно на тѣхъ людяхъ и предметахъ, которыхъ знакомство только и могло, въ относительно-небольшой промежутокъ времени, просвѣтить Цесаревича и дать ему возможность съ настоящей точки, а не сквозь призму посмотрѣть на все ему встрѣчавшееся на пути и вѣрно судить о положеніи Россіи и народа въ данную минуту. Люди всѣхъ сословій, отъ встрѣчи съ коими изъ разговоровъ и бесѣдъ можно было извлечь пользу, были вызываемы часто изъ толпы въ гостиную или къ чайному столу или къ завтраку и обѣду, для поучительныхъ бесѣдъ. Живое слово быстро знакомило Цесаревича съ краемъ и отдѣльными вопросами. Начиная съ губернатора и предводителя до простаго бородача-купца, фабриканта или даже крестьянина, все имѣло доступъ къ царственному юношѣ, дабы онъ правильно могъ судить объ извѣстныхъ вопросахъ, представляющихъ мѣстный или государственный интересъ.

Вотъ нѣкоторые интересные эпизоды изъ нашего путешествія. Въ Рыбинскѣ вездѣ была страшная толпа, говорю страшная, потому что въ ней множество было рабочаго народа, много напримѣръ такъ называемыхъ крючниковъ, съ которыми никакой не было расправы. Они во время молебствія въ соборѣ сорвали желѣзную дверь съ петель и рванулись съ шумомъ въ церковь. При выходѣ свита Цесаревича старалась ограждать его отъ натиска толпы; кое-какъ это удалось, и онъ съ графомъ Строгановымъ благополучно дошелъ до коляски. Но намъ досталось жестоко: напоромъ меня въ полномъ смыслѣ выбросили изъ толпы на паперть, а оттуда я, какъ пробка, вылетѣлъ прямо въ коляску вмѣстѣ съ двумя крючниками, которые также очутились неожиданно для нихъ самихъ въ моемъ экипажѣ.

Въ Рыбинскѣ биржа давала большой обѣдъ. Между прочими тостами пили за здоровье графа Строганова и благодарили его за то, что привезъ Первенца Царскаго въ главный складъ привозимаго съ Юга хлѣба. Графъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ, господа, за тостъ; я самъ радуюсь, что нахожусь въ Рыбинскѣ, потому что вновь убѣдился, что

подъ вашими туго-набитыми деньгою карманами бьются истинно-Русскія сердца». Впечатлѣніе было крайне оригинальное: всѣ стояли съ открытыми отъ удивленія ртами.

Въ Ярославлѣ Цесаревичъ посѣтилъ старинныя церкви Іоанна Богослова и Іоанна Предтечи. Въ одной изъ нихъ Его Высочество восхищался древнимъ Русскимъ стилемъ и украшеніями изъ изразцевъ, а также утварью. Настоятель церкви, обласканный Цесаревичемъ и ободренный его вниманіемъ къ памятнику старины, высказалъ опасеніе, что церковь будетъ закрашена съ тѣмъ, чтобы впредъ не привлекала столькихъ посѣтителей и не вызывала этимъ зависти другихъ причтовъ и нерасположенія преосвященнаго Нила. Его Высочество въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ преосвященному и, входя къ удивленному неожиданнымъ посѣщеніемъ (ибо Цесаревичъ, въ виду отъѣзда на другой день, уже съ нимъ простился) сказалъ: «Я пріѣхалъ къ вамъ только съ тѣмъ, чтобы передать, въ какомъ я восторгѣ отъ вашихъ старинныхъ церквей. Понимаю, какъ вы должны быть счастливы оберегать эти памятники нашей старины и какъ вы гордитесь ими». Конечно этихъ словъ было достаточно для того, чтобы преосвященный Нилъ отказался навсегда отъ мысли, которая внушала столько опасеній настоятелю упомянутаго храма.

По маршруту плаванія по Маріинской системѣ намъ предстояло на станціи Девятины оставить пароходъ и для сокращенія пути и избѣжанія цѣлаго ряда шлюзовъ и подъемныхъ мостовъ ѣхать верстъ около 25 въ экипажахъ. Послѣ завтрака на станціи, гдѣ распоряжался инженеръ капитанъ Лисяневичъ, и осмотрѣвъ тутъ же шлюзъ, лежащій въ прелестной мѣстности, мы сѣли въ экипажи и отправились въ путь. Въ маленькую коляску, въ родѣ крытыхъ дрожекъ я взялъ съ собою писца моего и кассу, и мы покатили по ровной, отличной дорогѣ. Тутъ на первыхъ порахъ завязался разговоръ, который я передаю по оригинальности его. Писецъ этотъ, родившійся въ Петербургѣ и никогда оттуда не выѣзжавшій, казался въ прекрасномъ расположеніи духа и когда мы въѣхали въ лѣсъ, онъ спросилъ меня, что́ это такое?

— Какъ, спросилъ я, о чемъ вы спрашиваете?

С. Да то, гдѣ мы ѣдемъ.

Я. Да мы ѣдемъ въ лѣсу.

С. Какой это лѣсъ?

Я. Хвойный.

С. Я не знаю, что́ значитъ хвойный.

Я. Неужели не знаете, что сосна, ель, пихта?

С. Не знаю.

Я. Вамъ же случалось бывать въ Петергофѣ, въ Царскомъ Селѣ, неужели вы тамъ не видѣли ни ели, ни сосны?

С. Помилуйте, когда мы туда ѣздимъ по службѣ, намъ не до нихъ, а по своей охотѣ туда не ѣздимъ.

Выѣхали изъ лѣсу въ поле, на которомъ былъ разбросанъ навозъ.

С. Это, чтó за кучки на полѣ?

Р. Неужели вы и этого не знаете? Это навозъ, разбросанный для удобренія почвы.

С. Не знаю, что такое удобреніе, да и почвы не знаю.

Удовлетворивъ любознательность моего спутника, я увидѣлъ на полѣ пасущееся стадо овецъ, и спросилъ его. «А знаете ли вы, какія это животныя?»

С. Нѣтъ, не знаю.

Я. Да это овцы, бараны и ягнята.

С. Никогда не случалось видѣть.

Въ деревнѣ около домовъ суетилась свинья съ поросятами. Увидавъ ихъ, С. съ восторгомъ вскрикнулъ: «А этихъ я знаю».

Я. Почему же вы ихъ знаете?

С. Такой былъ случай. Жена моя очень любитъ жаренаго поросенка. Желая ей сдѣлать удовольствіе, я наканунѣ Рождества пошелъ на рынокъ, купилъ поросенка, завернулъ въ бумагу и, пришедъ домой, говорю женѣ: «Вотъ жена, тебѣ подарокъ; ты любишь поросенка, такъ кушай же въ сласть». Она обняла меня, поцѣловала. «Милый мой, спасибо тебѣ» и развернула. «Какъ, говоритъ, ты обмануть меня вздумалъ, ахъ негодяй!» — «Какъ обмануть, да развѣ ты не видишь, что это не поросенокъ?»—«Господи!» говорю я, «такъ меня надули, а не я тебя!»— «Ступай же опять въ лавку, гдѣ купилъ и возьми поросенка».

«Ну вотъ съ того то дня я ужъ ихъ знаю и не ошибусь».

По всей Маріинской системѣ провожалъ Цесаревича прелюбезный Н. С. Лебедевъ, начальникъ IV округа путей сообщенія. Его резиденція была въ Вытегрѣ, гдѣ онъ жилъ въ весьма скромной обстановкѣ, несравненно скромнѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ его подчиненные на разныхъ станціяхъ. Въ Девятинахъ не только мѣстность, но и домъ начальника дистанціи прелестны, даже заманчивы.

Въ Бѣлозерскѣ въ первый разъ встрѣтилъ я Н. А. Качалова, въ то время предводителя дворянства, только что начинавшаго проявлять свою дѣятельность въ качествѣ земскаго дѣятеля.

Были въ женскомъ монастырѣ въ Кирилловѣ, и въ Бѣлозерскомъ мужскомъ. Первый произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе грубостью

монахинь, похожихъ болѣе на переодѣтыхъ мужчинъ. О второмъ разсказывали, будто богатая нѣкогда библіотека лучшія свои сокровища сбыла тайно и будто большая часть этихъ драгоцѣнныхъ книгъ перешла въ собственность покойнаго М. П. Погодина. Не мнѣ конечно судить о томъ, въ какой мѣрѣ толки эти основательны.

По Шекснѣ мы плыли на пароходикѣ братьевъ Милютиныхъ, тогда еще мало извѣстныхъ. Благодаря старшему изъ братьевъ, Череповецъ съ тѣхъ поръ не узнаваемъ.

Во время пребыванія въ Костромѣ А. П. Боголюбовъ и я, гуляя по городу, зашли въ ограду сгорѣвшаго Богоявленскаго монастыря, въ которомъ уцѣлѣли только стѣны нѣкоторыхъ церквей и зданій. Тутъ встрѣтилъ насъ сторожъ, предложившій намъ войти въ кладовую, въ которой было сложено все, что успѣли спасти отъ огня. Войдя въ небольшое сырое помѣщеніе, мы увидали множество утвари, образовъ, паникадилъ, лампадъ, облаченій покрововъ (между прочимъ великолѣпный алаго бархата Салтыковскій покровъ, на которомъ были нашиты чеканныя вызолоченныя бляхи съ разными изображеніями), наконецъ старинные замки отъ воротъ и дверей и даже маленькія чугунныя орудія, стоявшія нѣкогда на стѣнахъ монастыря. Въ тотъ же день за завтракомъ А. П. Боголюбовъ разсказалъ объ этомъ Цесаревичу и прибавилъ: «Вотъ это все могло бы служить началомъ Русскаго музея, о которомъ Ваше Высочество помышляете. Вы сдѣлаете доброе дѣло, если спасете все это отъ порчи и грабежа». Я тотчасъ же вмѣшался въ разговоръ. «Нѣтъ, сказалъ я, ты забываешь, что тутъ множество предметовъ жертвованныхъ царями и великими князьями, а также боярами и другими лицами. Если Его Высочество коснется этого, то не будетъ ничего спасено, и всякій признаетъ себя въ правѣ брать оттуда, что удастся получить. Это святыня, и мнѣ кажется, что Его Высочество спасъ бы ее, еслибъ поручилъ мѣстному владыкѣ приказать составить подробную опись всѣмъ предметамъ и перенести въ свой домъ. Какъ знать, можетъ быть воскреснетъ Богоявленскій монастырь, и тогда все будетъ вновь употреблено въ немъ же». Предложеніе это было поддержано гр. Строгановымъ и К. П. Побѣдоносцовымъ, и Цесаревичъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, осмотрѣлъ самъ весь складъ, переговорилъ съ преосвященнымъ Костромскимъ и впослѣдствіи говорилъ въ Петербургѣ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода о возстановленіи монастыря, который и нынѣ процвѣтаетъ подъ просвѣщеннымъ управленіемъ и руководствомъ почтенной матери Маріи *).

*) Съ тѣхъ поръ обитель эта вновь сдѣлалась жертвою огня, и если кое что и возобновлено, но уже нѣтъ въ живыхъ матери Марія.

Въ Костромѣ Цесаревичъ лично принималъ просьбы народа, стоявшаго предъ губернаторскимъ домомъ. Я въ свою очередь бралъ эти просьбы и разныя мелкія приношенія изъ рукъ Его Высочества и клалъ ихъ на подносы. Помнится, что поднесены были старушкою на тарелкѣ бумага, при ней просфора и какая-то изъ бумаги же сдѣланная коробка, въ родѣ ковчега. Все это было принесено въ мою комнату, гдѣ я тотчасъ же занялся разборкою бумагъ и составленіемъ списка просьбъ. Во время этого занятія замѣчаю какой-то странный шелестъ, какъ будто жучки или другія насѣкомыя ползаютъ по бумагѣ. Смотрю, бумажный ковчегъ, стоявшій возлѣ просфоры на тарелкѣ, покачивается. Замѣтивъ въ коробкѣ этой небольшое отверстіе, я взглянулъ внутрь ея и вижу, о ужасъ! множество таракановъ ползаютъ по дну и стѣнкамъ ковчега. Тутъ стало ясно, что старушка поднесла просфору, какъ доказательство, что она утромъ помолилась за Цесаревича, а таракановъ въ коробкѣ, какъ выраженіе пожеланій ему счастія. По просьбѣ, приложенной къ упомянутымъ предметамъ, удалось отыскать старушку, и оказалось, что толкованіе наше было вѣрно.

Въ Саратовѣ Цесаревичъ помѣстился съ своею свитою въ домѣ князя В. А. Щербатова, въ то время еще губернскаго предводителя. Съ утра уже, какъ и въ другихъ городахъ, масса народу стояла предъ домомъ въ ожиданіи выхода Его Высочества. Рѣшено было идти пѣшкомъ на выставку мѣстныхъ произведеній. Наслѣдникъ вошелъ въ толпу и подвигался медленно, окруженный свитою. Подходитъ крестьянка съ ребенкомъ на рукахъ и проситъ Цесаревича благословить младенца. Его Высочество снялъ кепи и исполнилъ желаніе матери. Вслѣдъ затѣмъ стали подходить и другіе, такъ что пришлось остановиться, и пока Цесаревичъ благословлялъ дѣтей, народъ, снявъ шапки, стоялъ какъ вкопанный. Вдругъ изъ толпы выступаетъ старикъ, лѣтъ 80-ти или болѣе, и обращается къ Его Высочеству съ слѣдующею рѣчью: «Батюшка, ненаглядный ты нашъ, всю жизнь свою молилъ Господа, да сподобитъ Онъ меня хоть разъ взглянуть на кого нибудь изъ царской семьи. И вотъ исполнилась молитва моя: вижу тебя, царскаго первенца, благословляющаго младенцевъ. Жить мнѣ недолго, дай же мнѣ благословить тебя на будущее царство».

Цесаревичъ вновь снялъ кепи и благоговѣйно преклонилъ голову, которую старикъ осѣнилъ широкимъ знаменіемъ креста, и вслѣдъ затѣмъ упалъ ему въ ноги.

Вообще трогательны были заявленія народомъ неподдѣльныхъ чувствъ любви и пожеланій счастья порфирородному юношѣ.

Во время этого путешествія на долю мою выпало немало тяжелыхъ испытаній. Выѣхали мы изъ Царскаго Села 14-го Іюня и отправились на одномъ изъ пароходовъ Сѣвернаго Общества въ Шлиссельбургъ и оттуда по Маріинской системѣ въ Петрозаводскъ, куда прибыли 16-го или 17-го числа. Утромъ на другой день мною овладѣла страшная тоска, и я телеграфировалъ въ Царское, гдѣ оставилъ семью, прося жену увѣдомить, всѣ ли здоровы? Не смотря на интересный обзоръ заводовъ, который долженъ былъ нѣсколько разсѣять меня, я не могъ избавиться, отъ какого-то злаго предчувствія и, возвратившись домой (въ губернаторскій домъ), я засталъ отвѣтъ, въ которомъ жена извѣщаетъ меня: «Всѣ здоровы, Колѣ лучше, Липочка хвораетъ». Нелѣпость этой телеграммы поразила меня и я, задумавшись надъ ней, стоялъ у окна и слѣдилъ за экипажемъ Цесаревича, который ѣхалъ чрезъ площадь и спустился къ дому архіерея. Вдругъ вижу черную собачку; стремглавъ летѣла чрезъ площадь и, остановившись предъ окномъ, у котораго я стоялъ, страшно завыла. Вой собакъ для меня всегда былъ ненавистенъ и хотя, благодаря Бога, я никогда никакихъ предразсудковъ не имѣлъ и не знаю суевѣрія, но собачій вой всегда казался мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ. Совершенно машинально вынулъ я часы и посмотрѣлъ на нихъ. Было безъ 10 минутъ 3 часа. Впослѣдствіи оказалось, изъ письма полученнаго мною отъ жены въ Бѣлозерскѣ, что это была минута кончины младшей дочери нашей Липочки, тотчасъ по отъѣздѣ моемъ заболѣвшей дифтеритомъ, благодаря сырости помѣщенія въ Царскомъ Селѣ, въ такъ-называемомъ полуциркулѣ. Тотчасъ послѣ отъѣзда моего, у дочери, которой было всего $1\frac{1}{2}$ года, показался дифтеритъ. Докторъ Обломіевскій, приглашенный женою моею, пригласилъ въ свою очередь доктора Кареля, и оба рѣшили, что оставалось одно средство: немедленно везти больнаго ребенка въ Петербургъ и просить д-ра Раухфуса сдѣлать трахотомію. Но малютка скончалась до операціи. Жена возвратилась съ похоронъ ея въ Царское Село и въ ту минуту, какъ она подъѣхала къ дому, къ ней обращается прибывшій одновременно военный докторъ съ вопросомъ, гдѣ живетъ г. Оомъ? Тутъ разъяснилось, что старшій сынъ мой лежалъ уже въ агоніи, задыхаясь отъ той же болѣзни. Быстро сдѣлана была операція, мальчикъ (5 лѣтъ) ожилъ, но увы! для дальнѣйшихъ мученій, въ продолженіи 14 лѣтъ. Дифтеритическій ядъ отравилъ глазные нервы и часть мозга. Слабость зрѣнія, самое медленное и слабое развитіе умственныхъ способностей и, наконецъ, падучая болѣзнь, были удѣломъ бѣднаго, добраго и такъ горячо меня любившаго Коли. Благодарю Создателя, что онъ не пережилъ меня; потому что какая ожидала его будущность?

Телеграмма, мною полученная въ Петрозаводскѣ, была отправлена одною изъ тетокъ моей жены, болѣзненной нервной старушкой, оставшейся при дѣтяхъ въ Царскомъ Селѣ по случаю отъѣзда жены съ малюткою Липочкой въ городъ и отъ болѣзни Кози окончательно растерявшейся.

Въ Ростовѣ на Дону, 7-го Августа только, узналъ я объ операціи, сдѣланной бѣдному сыну моему. Въ этотъ день въ Ростовъ прибыла Императрица Марія Александровна, и одно изъ лицъ свиты передало мнѣ письмо моей дорогой жены, которая въ предвидѣніи, что истину я узнаю неминуемо отъ кого либо изъ прибывшихъ съ Ея Величествомъ сообщала мнѣ всѣ подробности этой страшной катастрофы въ семьѣ нашей.

Не могу не вспомнить о милостивомъ ко мнѣ вниманіи Императрицы. «Sie, Armer! Was haben Sie in dieser Zeit für schreckliche Prüfungen gehabt» *), были первыя слова Ея Величества.

Другой эпизодъ, разыгравшійся во время путешествія, но о которомъ я узналъ только по возвращеніи моемъ, заключался въ слѣдующемъ.

Въ числѣ денегъ, взятыхъ на расходы по путешествію, было на 6000 р. червонцевъ, сложенныхъ въ свертки, по 30 червонцевъ каждый. Золото это было взято для поѣздки на Кавказъ, на крестины Великаго Князя Георгія Михайловича. Всѣ деньги, кредитныя и золото, были уложены въ желѣзный ящикъ, внутри выкрашенный красною масляною краскою. Замѣтивъ на первыхъ порахъ, что кредитныя прилипаютъ къ краскѣ, я накрылъ ихъ холщевымъ денежнымъ мѣшкомъ, который вскорѣ такъ крѣпко прилипъ къ крышкѣ ящика, что при вскрытіи не отлипалъ отъ нея, въ особенности когда ящикъ на пароходѣ сдавался подъ караулъ часовому і стоялъ на палубѣ подъ солнцемъ.

Въ Ярославлѣ, въ день прибытія нашего, пришелъ ко мнѣ городской голова Лопатинъ и заявилъ желаніе отъ имени города, чтобы столъ Цесаревича, во время 2-хъ дневнаго пребыванія въ Ярославлѣ, былъ отнесенъ на счетъ городскихъ суммъ, въ виду того, что городъ желалъ бы угощать Его Величество и что необходимая провизія уже заготовлена. Такъ какъ вопросъ объ отнесеніи расходовъ на столъ на счетъ городовъ, могущихъ выразить желаніе принять эти расходы на себя, въ принципѣ былъ предварительно разрѣшенъ Государемъ Императоромъ, то я заявленіе Ярославскаго городскаго головы довелъ до свѣдѣнія гр. Строганова и, по приказанію его, Цесаревича. Его Высочество, принявъ предложеніе, приказалъ мнѣ благодарить городского голову и пригла-

*) Бѣдный! Какія испытанія вынесли вы въ это время.

сить его присутствовать при завтракахъ и обѣдахъ, какъ хозяина. Это было исполнено.

Тутъ же собралось множество отставныхъ нижнихъ чиновъ и инвалидовъ послѣ Турецкой войны, обратившихся къ Его Высочеству съ просьбами о пособіи. О. Б. Рихтеръ объявилъ мнѣ, что Цесаревичъ приказалъ всѣмъ выдать не пособія, а скорѣе на чай, распредѣливъ всѣхъ на категоріи, начиная съ раненыхъ Георгіевскихъ кавалеровъ, унтеръ-офицерскаго званія, которымъ назначено было выдать по червонцу, и кончая отставными рядовыми не имѣвшими знаковъ отличія и не ранеными, которымъ предназначалось по 25 к. На другое утро всѣ эти люди были собраны на дворѣ, въ которомъ помѣщалась свита; заперли ворота, распредѣлили по категоріямъ, и О. Б. Рихтеръ вмѣстѣ со мною раздавалъ деньги.

По прибытіи въ Кострому, я по обыкновенію произвелъ ревизію кассы и не досчитываюсь 18-ти червонцевъ, которые, какъ мнѣ хорошо помнилось, остались изъ свертка въ 30 штукъ неизрасходованными. Послѣ тщетныхъ поисковъ я сообщилъ объ этомъ Рихтеру и говорю, что намѣренъ писать съ отходящимъ въ Ярославль пароходомъ къ Лопатину и просить его взглянуть въ ящикъ письменнаго стола въ комнатѣ, которую я занималъ, не окажется ли тамъ забытыхъ денегъ. Рихтеръ отсовѣтовалъ, говоря, что это можетъ быть истолковано превратно. Помнится мнѣ, какъ я не хотѣлъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и между прочимъ спросилъ Рихтера: «еслибъ я забылъ свой бумажникъ или часы свои, неужели долженъ былъ бы я умолчать объ этомъ, по одному только предположенію, что могутъ заподозрить меня въ обманѣ?» Ну дѣлайте какъ знаете, отвѣчалъ Рихтеръ. Я написалъ Лопатину и на другой день получилъ отвѣтъ, что ничего имъ въ столѣ не найдено! Да и не могло быть иначе, потому что, когда мы въ тоже утро отправились въ село Иваново, Владимирской губ и на пути остановились въ Нерехтѣ, гдѣ понадобилось вынуть изъ злополучнаго ящика деньги и подарокъ для жены городскаго головы Крейцера, то въ моментъ вскрытія ящика отсталъ отъ крышки мѣшокъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ этого разсказа, и къ крышкѣ оказалась прилипшею маленькая бумажная пачка съ 18 червонцами. Дѣло въ томъ, что, передъ отъѣздомъ изъ Ярославля, я оторвалъ мѣшокъ отъ крышки, накрылъ имъ кредитныя и на мѣшокъ положилъ эту маленькую пачку. На пароходѣ мѣшокъ подъ солнечнымъ припекомъ вновь присталъ къ крышкѣ, конечно вмѣстѣ съ пачкою, а на пути въ Нерехту ящикъ стоялъ не только въ тѣни, но отчасти подъ дождемъ, такъ что крышка остыла, и мѣшокъ отъ нея отсталъ; только пачка держалась на поверхности крышки,

приставъ вѣроятно крѣпче отъ нажима. Упрекаю себя въ томъ, что не извѣстилъ тотчасъ же Лопатина о находкѣ. Что же вышло изъ всего этого? Ярославскій жандармскій штабъ-офицеръ донесъ начальнику III-го Отдѣленія Собств. Его Величества Канцеляріи: 1) Что я скрылъ будто бы отъ Цесаревича о томъ, что городъ принялъ на себя издержки по угощенію, слѣдовательно сунулъ себѣ въ карманъ сумму равняющуюся этому расходу, взявъ ее изъ вояжныхъ суммъ. (Забылъ этотъ штабъ-офицеръ, что для этого слѣдовало предварительно сумму эту выписать въ расходъ по книгѣ, которую велъ мой писецъ). 2) Что я требовалъ отъ городскаго головы якобы забытые мною въ Ярославлѣ 100 червонцевъ, и что, не удовлетворясь высылкою мнѣ этихъ денегъ, я изъ Нижняго Новгорода вторично требовалъ опять таки 100 червонцевъ уже изъ Костромы!

Объ этомъ генералъ Потаповъ оффиціально написалъ гр. Строганову, и какъ я узналъ позже, отношеніе это прибыло къ графу въ Ростовѣ на Дону. Но тутъ же было рѣшено между нимъ, Цесаревичемъ и Рихтеромъ, чтобы, въ виду семейнаго моего горя, мнѣ о приключившемся не говорить вовсе, потому въ особенности, что всѣмъ была извѣстна исторія 18 червонцевъ, а клевета на счетъ обмана города и присвоенія мною казенныхъ денегъ опровергалась не только шнуровою книгою, въ которую самъ Цесаревичъ заглядывалъ неоднократно, интересуясь расходами, но и тѣмъ, что Цесаревичъ лично благодарилъ представителей Ярославля за угощеніе и видѣлъ ежедневно за столомъ городскаго голову, который одинъ изъ всѣхъ горожанъ постоянно присутствовалъ, въ качествѣ хозяина.

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ 19-го Октября 1863 г. я узналъ отъ М. С. Сушинскаго всю исторію, т. е. павшія на меня обвиненія. Предоставляю каждому судить, въ какомъ я былъ положеніи! Первымъ конечно движеніемъ моимъ было отправиться къ графу С. Г. Строганову, который, подтвердивъ истину, старался меня успокоить, но напрасно: я до того былъ встревоженъ и оскорбленъ, что отъ графа и съ его вѣдома поѣхалъ къ А. Л. Потапову. Потапова я нѣкогда встрѣчалъ въ домѣ А. Н. Оленина и помню даже день производства его въ офицеры (онъ въ полной формѣ л.-гв. гусарскаго полка пріѣзжалъ съ визитомъ къ Оленинымъ, и очень памятно мнѣ, какъ этого хорошенькаго миніатюрнаго офицера поставили предъ зеркаломъ и любовались его фигуркою).

Потаповъ встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково и, догадавшись о причинѣ визита моего, выразилъ сожалѣніе, что наша встрѣча вы-

звана прискорбнымъ обстоятельствомъ. «Крайне прискорбнымъ, отвѣтилъ я, но ваше превосходительство могли бы мнѣ помочь выйти изъ тяжелаго положенія обвиняемаго».—«Какимъ образомъ?» наивно спросилъ онъ. «Предполагая, что на обязанности III-го Отдѣленія лежитъ не только голословное обвиненіе, но и предоставлена обвиняемому возможность оправданія или даже доказательства невиновности его и голословности обвиненія, я хотѣлъ просить васъ дать мнѣ честнаго, надежнаго офицера, съ которымъ я отправился бы тотчасъ въ Ярославль и съ нимъ вмѣстѣ добился бы, на чемъ основаны слухи о злоупотребленіяхъ, на меня возводимыхъ».—«Это ни къ чему бы не повело теперь, потому что штабъ-офицеръ, приславшій мнѣ донесеніе это, бѣжалъ изъ Ярославля съ купеческою женою», отвѣчалъ Александръ Львовичъ. «Впрочемъ, прибавилъ онъ, это донесеніе было частное, а не оффиціальное». Крайне удивленный этимъ замѣчаніемъ, я отвѣчалъ генералу, что, хотя я не понимаю, какимъ образомъ подчиненный его считалъ себя въ правѣ доносить начальству частнымъ письмомъ о поступкахъ лица, пребываніе коего въ Ярославлѣ было конечно официальное, а не частное, мнѣ рѣшительно безразлично, частнымъ или оффиціальнымъ путемъ дошелъ до III-го Отдѣленія этотъ ложный слухъ, и что я вижу въ этомъ дѣлѣ только сторону оффиціальную, потому что, онъ управляющій дѣлами III-го Отдѣленія сообщилъ графу Строганову обвиненіе не частнымъ письмомъ, а оффиціальнымъ отношеніемъ за номеромъ.

Нечего было дѣлать, нужно было покориться горькой судьбѣ. Но тутъ пришла мнѣ другая мысль: во время пребыванія нашего въ Крыму я ежедневно удостоивался приглашенія къ Высочайшему столу и на вечера; если Государь Императоръ зналъ, что я заподозренъ въ грабежѣ и кражѣ (а знать онъ могъ это чрезъ В. А. Долгорукова, начальника III-го Отдѣленія), то какими глазами смотрѣлъ онъ на меня, сидящаго за однимъ съ нимъ столомъ, а между тѣмъ не подозрѣвающаго даже обвиненій на меня падавшихъ? Мысль эта тревожила меня до отчаянія.

На другой день поѣхалъ я въ Царское Село къ Цесаревичу и, войдя въ его кабинетъ, остановился у дверей и спрашиваю: «Дозволите ли, Ваше Высочество, перешагнуть порогъ комнаты человѣку, обвиняемому въ дневномъ грабежѣ и мошенничествѣ?»—«Полноте, Ѳедоръ Адольфовичъ», отвѣчалъ мнѣ Великій Князь; «я понимаю, какъ вы должны быть встревожены. Мнѣ говорилъ уже Оттонъ Борисовичъ, что васъ болѣе всего безпокоитъ мнѣніе о васъ Государя. Я виноватъ въ томъ, что не объяснилъ ему всю нелѣпость клеветы, но обѣщаю, какъ скоро возвратится Государь изъ Крыма, передать ему всю исторію въ подробности». Я чуть не со слезами на глазахъ благодарилъ Цесаревича.

Еще прелестный эпизодъ изъ этого же путешествія. Когда прибыли мы въ Петрозаводскъ, Цесаревичъ выразилъ желаніе присутствовать на выпускномъ актѣ мужской гимназіи. Онъ самъ раздавалъ медали и награды молодымъ людямъ и, сказавъ имъ напутственное слово, обратился къ преподавателямъ, которые поочередно были ему представляемы директоромъ гимназіи. Между ними стоялъ молодой еще человѣкъ, преподаватель Русской Словесности Ив. Петр. Хрущовъ. Изъ разговора съ нимъ Цесаревичъ узналъ, что Хрущовъ былъ ученикомъ Ѳ. И. Буслаева и очень этому обрадовался. Онъ спросилъ между прочимъ, какъ онъ попалъ въ Петрозаводскъ. «Вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ», былъ отвѣтъ. Цесаревичъ очень ласково сказалъ Хрущову: «Очень радъ, что вижу соученика».

Въ этотъ же день Хрущовъ приходитъ ко мнѣ и предлагаетъ привести извѣстнаго сказальщика, старика-слѣпца Кузьму Иванова, который Безсонову и Якушкину пѣлъ свои пѣсни, всѣ ими по словамъ его собранныя и записанныя. Графъ Строгановъ, которому было передано предложеніе это, рѣшилъ, чтобы Кузьма былъ приведенъ послѣ обѣда на пароходъ, на которомъ назначено было вечеромъ идти на островъ Соломенный, гдѣ должно было собраться Петрозаводское общество для угощенія вечернимъ чаемъ. Сказано, сдѣлано. Когда мы отошли отъ берега, Цесаревича подвели къ пѣснопѣвцу. Хрущовъ попросилъ его спѣть одну изъ пѣсень его.

«Чтó тебѣ спѣть, Иванъ Петровичъ? Столько уже разъ ты слушалъ меня, а новаго ничего я не знаю», сказалъ Ивановъ. «Спой, чтó пожелаешь», сказалъ Хрущовъ: «тутъ есть лица, которыя тебя не слыхали и пѣсенъ твоихъ не знаютъ».

Запѣлъ старикъ протяжнымъ, заунывнымъ тономъ пѣснь о Вольгѣ Всеславичѣ и вдругъ пріостановился.

— «Что же Кузьма Ивановъ, ты не продолжаешь?» спросилъ Хрущовъ.

— «Слышу, что кто то мнѣ втóритъ; стало, пѣснь знакома».

— «А какъ думаешь, кто поетъ съ тобою?»

— «Да какъ мнѣ знать: вѣдь я не вижу».

— «Втóритъ тебѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ».

— «Чтó морочишь меня? Смѣешься надо мною! Гдѣ Цесаревичу знать наши народныя пѣсни? Вѣдь ихъ уже никто, окромя меня, не поетъ».

— «Ты ошибаешься, Кузьма Ивановъ», сказалъ Цесаревичъ, «я не одну эту пѣсню знаю, но много и другихъ. Споемъ вмѣстѣ и другую».

Старикъ былъ видимо пораженъ: нижняя, отвислая губа затряслась, слезы покатились изъ глазъ, и онъ въ восторгѣ воскликнулъ: «Вотъ до чего дожилъ, что Первенецъ Царскій поетъ наши излюбленныя пѣсни!»

Весь почти вечеръ Цесаревичъ не могъ оторваться отъ старика-рапсода. Послѣ чая на островѣ, вскорѣ пустились въ обратный путь, и тутъ Цесаревичъ благодарилъ Хрущова за доставленное ему наслажденіе и сказалъ: «Отзывы о васъ здѣсь самые лучшіе, а потому я радъ помочь вамъ въ случаѣ надобности. Прошу васъ всегда обращаться ко мнѣ. Въ Петербургѣ нуждаются въ хорошихъ преподавателяхъ Русскаго языка и словесности».—«Позвольте же и мнѣ, Ваше Высочество», сказалъ Хрущовъ, открыть вамъ горе мое. Когда въ 1861 г. я былъ замѣшанъ въ исторію студентовъ Московскаго Университета, то хотя былъ вполнѣ оправданъ, но мать моя совершенно отказалась отъ меня и объявила, что средствъ на продолженіе курса уже давать мнѣ не будетъ. Тогда я долженъ былъ искать занятій и, благодаря академику Срезневскому, получилъ настоящую должность. «А гдѣ ваша матушка?» спросилъ Цесаревичъ.—«Живетъ въ своемъ помѣстьѣ Курской губерніи», отвѣчалъ Хрущовъ.

Прошли Іюнь, Іюль, Августъ и Сентябрь, въ первыхъ числахъ Октября мы прибыли въ Курскъ и были между прочимъ на балу въ Дворянскомъ собраніи, гдѣ жена предводителя дворянства (впослѣдствіи Казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина), faisant les honneurs, представляла Цесаревичу женъ дворянъ. Цесаревичъ вспомнилъ о Хрущовѣ. «Есть между Курскими дворянами помѣщица Хрущова?» спросилъ онъ Скарятину.—«Какъ же, Ваше Высочество, она уже здѣсь на балѣ», было отвѣтомъ. «Пожалуйста познакомьте меня съ нею» Когда отыскали м-мъ Хрущову, Цесаревичъ спросилъ ее, не ея ли сынъ въ Петрозаводскѣ, и когда она отвѣтила утвердительно, «полагаю», сказалъ онъ, что для перваго моего съ вами знакомства не могу вамъ сдѣлать болѣе пріятнаго, какъ сообщивъ вамъ самыя утѣшительныя извѣстія о сынѣ вашемъ; онъ чрезвычайно успѣшно занимается преподаваніемъ словесности въ гимназіи, всѣми чтимъ и уважаемъ, и вы должны быть счастливы имѣть такого прекраснаго сына».

Объ этомъ новомъ знакомствѣ Цесаревичъ однако никому изъ насъ не говорилъ, а я узналъ объ этой прелестной чертѣ уже послѣ кончины его отъ самого Хрущова, при случайной встрѣчѣ въ Новгородѣ, на обратномъ пути изъ Старой Русы, куда былъ я въ Іюнѣ 1865 г. посланъ для устройства помѣщенія Великимъ Князьямъ Владиміру и Алек-

сѣю Александровичамъ, которымъ тогда Здекауеромъ было предписано леченіе мѣстными ваннами.

Это сближеніе съ матерью дало Ивану Петровичу возможность жениться на дочери академика Полѣнова и перейти на службу въ Новгородъ, оттуда онъ въ послѣдствіи поступилъ инспекторомъ классовъ въ Кіевскій Институтъ, потомъ былъ пожалованъ въ придворное званіе и нынѣ, служа въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, составилъ себѣ прекрасную извѣстность какъ учредитель народныхъ чтеній.

Былъ въ Курскѣ на балѣ эпизодъ довольно оригинальный. Цесаревичу между прочими была представлена г-жа Устимовичь, рожд. Безакъ. «Вы дочь Александра Павловича?» спросилъ Его Высочество. «Да», отвѣчала она. «А я ея мужъ», неожиданно сказалъ г. Устимовичъ, стоявшій за женою. «А вы гдѣ воспитывались?» спросилъ Цесаревичъ. «Въ Училищѣ Правовѣдѣнія», былъ отвѣтъ.

Когда послѣ бала мы пили дома чай, О. Б. Рихтеръ замѣтилъ, что Его Высочество, вѣроятно безъ намѣренія, далъ хорошій урокъ Устимовичу. Цесаревичъ былъ крайне удивленъ, и когда ему повторили вопросъ, предложенный имъ молодому человѣку, онъ былъ видимо смущенъ и выразилъ даже сожалѣніе по этому поводу. На другой день Его Высочество особенно милостиво обошелся съ Устимовичемъ, который вѣроятно не подозрѣвалъ причины этого отношенія.

Пересматривая бумаги мои, я замѣтилъ, что нѣкоторые эпизоды изъ нашего путешествія по Россіи въ 1863 г. мною не переданы, а между тѣмъ не лишены извѣстнаго интереса.

Такъ напр. я припомнилъ, что когда мы 31-го Іюля прибыли въ Калачъ, и Цесаревичъ встрѣченъ былъ тамъ наказнымъ атаманомъ Войска Донскаго П. Х. Граббе, характеръ нашего плаванія по Дону и пребыванія въ станицахъ совершенно былъ иной, болѣе уютный, семейный, потому что до Новочеркаска не было по всему пути ни одного губернскаго города, а останавливались въ станицахъ, въ скромныхъ весьма помѣщеніяхъ или въ становыхъ управленіяхъ или у зажиточныхъ казаковъ; плыли не на большихъ пароходахъ, а на маленькихъ съ тѣсными помѣщеніями; главная же причина этой перемѣны заключалась въ личности генерала Граббе. Онъ, не разставаясь съ Цесаревичемъ до Старочеркаска, вошелъ какъ бы въ нашу семью и, не смотря на преклонныя лѣта, на высокое положеніе свое и держа себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ (даже въ осанкѣ его и манерѣ выражаться былъ рыцаремъ въ полномъ смыслѣ слова), съумѣлъ съ первой

встрѣчи обворожить всѣхъ. Цесаревичъ привязался тотчасъ же къ нему всею душою и былъ къ нему въ высшей степени внимателенъ. Обѣдали мы въ Нижнечирской станицѣ. За обѣдомъ Его Высочество удостоилъ меня поздравить съ днемъ рожденія моего, и по этому поводу Граббе, который зналъ хорошо матушку мою и видалъ меня ребенкомъ, завелъ рѣчь о матери моей. Это было хвалебное слово, которое было для меня конечно лучшимъ подаркомъ.

Послѣ сладкаго блюда Цесаревичъ вышелъ изъ комнаты и, тотчасъ возвратясь въ столовую съ трубкою и горящимъ фитилемъ, предложилъ старику закурить трубку.

Глубоко тронутый такимъ вниманіемъ, онъ никакъ не хотѣлъ, чтобы Цесаревичъ держалъ фитиль при закуриваніи трубки. «Какъ, Ваше Высочество, вы ходили за трубкою для меня? Этого вниманія я не заслужилъ; благоволите закурить ее вы сами, я же подержу фитиль».—«Нѣтъ, Павелъ Христофоровичъ, замѣтилъ Наслѣдникъ, молодой казакъ съ удовольствіемъ служитъ почтенному наказному атаману своему. Вы не имѣете права отказать мнѣ въ этой услугѣ». Старикъ прослезился и принялъ предложеніе.

Въ Старочеркаскѣ мы пробыли нѣсколько долѣе, чѣмъ предполагали, потому что тутъ были получены извѣстія о томъ, что Государь не прибудетъ въ Новочеркаскъ, что Императрицу намъ слѣдуетъ встрѣтить въ Ростовѣ 12-го Августа и что Цесаревичу разрѣшается вступить въ «Большой Кругъ». Это потребовало нѣкотораго измѣненія въ маршрутѣ, и нужно было дать времени приготовиться въ Новочеркаскѣ къ встрѣчѣ и къ торжеству. Граббе уѣхалъ туда, а между тѣмъ Цесаревичъ самъ сочинилъ ко дню вступленія его въ «кругъ» рескриптъ, опубликованный въ приказѣ наказнаго атамана по Войску Донскому.

Приказъ по Войску Донскому.

Новочеркаскъ. Августа 8 дня 1863 г. № 23.

Спѣшу, любезные товарищи-Донцы, объявить вамъ полученный мною собственноручно написанный Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Августѣйшимъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, приказъ по Войску Донскому.

Подписалъ: Наказной атаманъ Войска Донскаго, генералъ-адъютантъ Граббе.

Копія.

Повелѣніемъ Великаго Государя и Августѣйшаго Родителя моего, я принимаю сегодня въ войсковомъ кругѣ знаки атамана Войска Донскаго.

Десять дней, проведенные мною среди доблестнаго войска, сблизили меня со многими изъ достойныхъ сыновъ его и съ героемъ, наказнымъ атаманомъ вашимъ. Находясь среди васъ, узналъ я васъ ближе. Я понялъ всю важность званія атамана вашего.

Вѣрьте, храбрые Донцы, что вы близки моему сердцу, что я горжусь вами и молю Всевышняго, да сохранитъ Онъ васъ на будущія времена тѣмъ, чѣмъ вы всегда были для славы любезнаго намъ отечества.

Подлинный подписалъ: «Атаманъ Николай».

(8) Августа 1863 г. Новочеркаскъ.

Вѣрно: Наказной атаманъ, генералъ-адъютантъ Граббе.

«Большой Кругъ» представляетъ интересное зрѣлище. Казаки собираются съ регаліями на площади предъ соборомъ. Тутъ на паперти встрѣтилъ Цесаревича маститый архіепископъ Воронежскій и Задонскій Іоаннъ. После молебствія Наслѣдникъ вошелъ въ кругъ, и тутъ ему поднесли перначъ. Принявъ этотъ жезлъ, Его Высочество сказалъ короткую, но прекрасно обдуманную рѣчь. Нужно замѣтить, что въ это время въ полномъ разгарѣ было Польское возстаніе, и слухи до насъ доходившіе были весьма тревожны. Опасались войны, и Цесаревичъ неоднократно говорилъ намъ послѣ прочтенія писемъ, приходившихъ изъ Петербурга, что насъ вернутъ и что мы въ Крымъ не поѣдемъ. Въ тоже время говорилось въ Петербургѣ также о стремленіи Донскихъ казаковъ къ автономіи и даже независимости. Въ Новочеркаскѣ же услышали мы совсѣмъ иное. Всѣ казаки твердили въ одинъ голосъ, что это клевета, что слухъ этотъ былъ поднятъ и распространенъ лицемъ, которое, для пріобрѣтенія большаго вѣса въ столицѣ и въ глазахъ Государя и для скорѣйшаго достиженія цѣли, т. е. назначенія наказнымъ атаманомъ, сбивалъ съ толку казаковъ, обнадеживая ихъ разными инсинуаціями и въ тоже время доносилъ въ Петербургъ о мнимыхъ волненіяхъ въ населеніи Земли Войска Донскаго и предлагалъ совѣты свои для успокоенія умовъ. Это былъ бывшій начальникъ штаба войска.... Но его отозвали въ Петербургъ, и всѣ толки улеглись при начальникѣ, каковъ былъ генералъ Граббе, невозмутимо спокойномъ.

Въ Новочеркаскѣ я познакомился съ инженеромъ, строившимъ Грушевскую желѣзную дорогу, В. А. Панаевымъ и восхищался его тремя маленькими дочерьми-красавицами, изъ коихъ вторая впослѣдствіи пѣніемъ своимъ сводила съума стариковъ и молодыхъ людей.

Въ Ростовѣ получены были извѣстія о рожденіи Великаго Князя Георгія Михайловича и приказаніе Цесаревичу изъ Крыма отправиться на Кавказъ для воспріятія новорожденнаго отъ купели.

Когда изъ Ростова пришлось идти на пароходѣ въ Таганрогъ, гдѣ въ тотъ же день былъ назначенъ обѣдъ, на который были приглашены также всѣ предводители Екатеринославской губ., Цесаревичъ, узнавъ отъ меня, что эти господа, считавшіе долгомъ присутствовать при отплытіи Его Высочества изъ Ростова, не успѣютъ прибыть къ обѣду, пригласилъ ихъ на свой пароходъ. Нельзя описать восторга г.г. предводителей, а когда уже на пароходѣ Его Высочество пригласилъ ихъ сѣсть въ кружокъ и завелъ съ ними разговоръ о мѣстныхъ ихъ интересахъ, то общество такъ одушевилось и бесѣда шла такая оживленная и назидательная, что едва ли изгладятся когда либо изъ памяти этихъ господъ часы, проведенные на пути въ Таганрогъ. На память объ этомъ днѣ мнѣ, уже въ Екатеринославлѣ, на обратномъ нашемъ пути, была подарена г.г. предводителями фотографія, изображающая группу ихъ.

Прибывъ въ Крымъ, Цесаревичъ поселился въ Ливадіи съ О. Б. Рихтеромъ. Графъ Строгановъ и лица свиты помѣстились въ Оріандѣ, но не надолго, потому что вскорѣ прибыли изъ Варшавы В. К. Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна. При Ихъ Высочествахъ между прочими состоялъ генералъ Стюрлеръ. Тогда насъ перевели въ Ялту и помѣстили въ частномъ домѣ, биткомъ набитомъ разными лицами, въ числѣ коихъ припоминаю, какъ весьма докучливыхъ: генералъ-адъютанта С ***, напоминавшаго мнѣ князя Слюняя въ «Трумфѣ» Крылова, и нѣкоего Клеванова, извѣстнаго переводчика Греческихъ и Латинскихъ классиковъ. Не знаешь, бывало, какъ отдѣлаться отъ этихъ гостей, всегда приходившихъ къ намъ непрошенными. Оба представляли разительный контрастъ: первый страшный циникъ, а второй — строгій классикъ.

Но и въ Ялтѣ я пробылъ недолго, потому что 22-го Августа на пароходѣ «Тигръ», въ свитѣ Цесаревича, отправился въ Поти и, переночевавъ, мы поднялись по Ріону въ Орпири (гдѣ былъ выставленъ почетный караулъ изъ скопцевъ), оттуда въ Кутаисъ и чрезъ Сурамскій перевалъ въ Тифлисъ. Крещеніе происходило въ Бѣломъ Ключѣ. Цесаревичъ остановился въ домѣ командира Грузинскаго полка, полковника Свѣчина. Но поѣздка наша на Кавказъ была совершена на курьерскихъ, и мы ничего не успѣли осмотрѣть, ни съ чѣмъ не познакомились. Были мы на двухъ балахъ, въ Итальянской оперѣ въ прелестномъ Тифлисскомъ театрѣ, и опять покатили обратно тою же дорогою. Конечно, мы

успѣли и на лету увидѣть красоты природы и мѣстности, но для меня это показалось искушеніемъ: такъ охотно провелъ бы я нѣсколько дней въ разныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Мцхетѣ.

Пароходъ «Тигръ» былъ порученъ адмиралу Дюгамелю, командиромъ же парохода былъ капитанъ 2-го ранга Шмидть.

Изъ Бѣлаго Ключа взяли мы съ собою почтеннаго Шмидта (лейбъ-акушера). Въ долинѣ Ріона былъ устроенъ обѣдъ княземъ Дадіяномъ, при чемъ было выпито много вина изъ невозможныхъ сосудовъ (кулы, озарпеши и турьи рога). Говорю невозможные или безпощадные, потому что, коли они наполнены, ихъ поставить нельзя, а нужно поневолѣ выпить все до дна. Такимъ образомъ каждый изъ насъ невольно выпилъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, и результатомъ всего было общее безпредѣльное веселье. Старикъ Шмидтъ, бывшій Дерптскій студентъ, вспоминалъ молодость и всякому изъ насъ повторялъ: «Wir haben heute für eine Idee getrunken, und das liebe ich; freilich ist es mir zweimal vorgekommen, dass ich, als Student, auch ohne eine Idee getrunken habe, dies ist aber ecklich. Nun, was geschehen ist—ist geschehen; man kann es doch nicht wieder gut machen». Д-ръ Шестовъ также былъ хорошъ и Шмидта все называлъ Штейномъ.

На Кавказѣ встрѣтилъ я давнишнихъ знакомыхъ, которымъ искренно обрадовался. Это были В. В. Зиновьевъ, статсъ-секретарь Крузенштернъ и генералъ-адъютантъ Карцевъ. Второй доживалъ послѣдніе дни въ Тифлисѣ, потому что при насъ пріѣхалъ преемникъ его баронъ Николаи. Гофмейстеромъ у Великаго Князя Намѣстника былъ Алфредъ Өедоровичъ Гротъ, адъютантами Его Высочества князь С. Н. Трубецкой, баронъ Мейндорфъ и Философовъ. Мейндорфъ командовалъ тогда лихимъ конвоемъ Великаго Князя. Но никогда не забуду прелестнѣйшаго старичка князя Дмитрія Григорьевича Орбеліани. Сомнѣваюсь, чтобы теперь много нашлось такихъ почтенныхъ и симпатичныхъ старичковъ, какъ гр. С. Г. Строгановъ, Н. Х. Граббе и Д. Г. Орбеліани: и тѣста нѣтъ, и форма разбита!

Пребываніе въ Крыму, до дня отъѣзда нашего 29-го Сентября, было чисто оффиціальное: каждый день я въ числѣ другихъ удостоивался приглашеній къ царскимъ обѣдамъ и вечерамъ, по утрамъ же велъ оживленную переписку по поводу предстоящаго переѣзда изъ Бердянска до Москвы въ экипажахъ. Возни было немало: нужно было всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ почтмейстерамъ сообщать маршрутъ съ указаніемъ числа экипажей, лошадей и о томъ, что, по желанію Цесаревича, прогоны должны были быть уплачиваемы на каждой

станціи мною лично (потому чтѣ фельдъегерямъ онъ не довѣрялъ) и чтобы не задерживать крестьянъ съ обывательскими лошадьми.

Послѣ одного изъ обѣдовъ въ Ливадіи, Государь поздравилъ К. П. Побѣдоносцова съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Московскаго департамента Сената и производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Наконецъ, мы тронулись въ обратный путь. Всѣ были рады возвратиться домой, а Цесаревича влекло къ брату. Онъ неоднократно повторялъ, что соскучился по Сашѣ.

Моремъ дошли до Бердянска, откуда всѣ, кромѣ Побѣдоносцова и Боголюбова, проѣхали въ экипажахъ въ Нѣмецкія колоніи и потомъ въ Екатеринославъ и т. д.

31-го Октября родился мой дорогой Ѳедя, а 8-го Ноября жена моя скончалась отъ родильной горячки. Бѣдняжка не устояла противъ физическихъ и нравственныхъ страданій, перенесенныхъ въ теченіи лѣта. Потеря любимой дочери, болѣзнь сына, операція со всѣми послѣдствіями, требовавшими самого заботливаго ухода днемъ и ночью, воспаленіе въ легкихъ, послѣ вынутія изъ горла больнаго трубочки, потомъ пожаръ въ Царскосельскомъ дворцѣ, сильно перепугавшій ее ночью, и все это во время разлуки со мною, до того на нее подѣйствовали, что когда я возвратился 19-го Октября, то ее засталъ крайне грустною и убѣжденною въ дурномъ исходѣ предстоящаго ей разрѣшенія.

Къ несчастію, предчувствіе это оправдалось. Кончина ея помирила меня съ мыслію о смерти; потому что, благодаря Бога, она была безъ страданій физическихъ, а глубокая вѣра придала столько нравственныхъ силъ этой молодой, непорочной душѣ, что оставалось только возносить ко Всевышнему молитвы благодарности за ниспосланную Имъ праведницѣ кончину, которая подробно описана мною въ отдѣльной запискѣ для дѣтей моихъ.

На другой день кончины, Цесаревичъ съ О. Б. Рихтеромъ пріѣхалъ изъ Царскаго Села, чтобы выразить мнѣ свое соболѣзнованіе. Цесаревичъ, какъ всегда, и на этотъ разъ сдержалъ слово. По возвращеніи изъ Ливадіи, Государь потребовалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Ты бѣдный, сколько перенесъ мукъ во время путешествія, и здѣсь ожидало тебя несчастіе! Я знаю, какую клевету на тебя взвели; но я тебѣ вѣрю, и это должно тебя успокоить, Спасибо тебѣ за твои труды во время путешествія сына».

Если труда было много во время приготовленій къ путешествію, для того, чтобы организовать всѣ средства сообщеній (ибо до того никто

не совершалъ поѣздки водой изъ Петербурга до Астрахани), если много было приложено стараній для того, чтобы, вездѣ придерживаясь маршрута, поспѣвать во время, никого не заставлять ждать понапрасну (и дѣйствительно мы всюду прибывали въ опредѣленные заранѣе дни и часы): то всѣ эти хлопоты были значительно мнѣ облегчаемы людьми, съ которыми я имѣлъ дѣло.

Такого начальника, какъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, я никогда не имѣлъ. Если, при вступленіи его въ обязанности попечителя, онъ съ недовѣріемъ относился ко всему персоналу, который онъ нашелъ при Цесаревичѣ, или съ нѣкоторыми лицами онъ обошелся крайне круто, или наконецъ и на меня онъ почти не обращалъ вниманія, а при случаѣ, о которомъ передамъ тотчасъ же, мое положеніе показалось мнѣ очень шаткимъ: то впослѣдствіи я убѣдился, что, однажды подаривъ человѣка довѣріемъ, онъ предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій, лишь бы намѣченная имъ цѣль была достигаема. Понятно, что, видя это довѣріе, я изъ кожи лѣзъ, лишь бы исполнить порученіе такъ, какъ графъ этого желалъ.

Часто отдавая приказаніе, онъ самъ намечалъ пути и средства къ исполненію его. Приступивъ однако къ самому исполненію и обдумывая эти пути и средства, я приходилъ къ убѣжденію, что таже цѣль могла быть успѣшнѣе достигнута инымъ способомъ. Нисколько не стѣсняясь, я сообщалъ свое мнѣніе графу, и долженъ сознаться, что если онъ самъ убѣждался въ основательности моихъ предложеній, не только никогда не противился имъ, но даже благодарилъ. Съ такимъ начальникомъ всякое дѣло должно спориться.

Кромѣ графа, я имѣлъ постоянныя сношенія съ помощникомъ его О. Б. Рихтеромъ. Всякій знающій его, долженъ сознаться, что, по благородству, честности, человѣчности, трудно, въ особенности въ настоящее время, найти людей ему подобныхъ. Единственный упрекъ, который можно было бы ему сдѣлать: это, можетъ быть, излишнее довѣріе къ людямъ, того не заслуживающимъ, и чрезмѣрная доброта.

Графа Строганова многіе чуждались, боялись, потому что онъ неприступностію своею, гордостію, могъ дѣйствительно оттолкнуть человѣка его незнающаго и особенно ему, графу, неизвѣстнаго. Онъ бывалъ рѣзокъ именно съ людьми, которыхъ или вовсе не зналъ, или зналъ съ невыгодной стороны. Нѣсколько лѣтъ ежедневныхъ встрѣчъ, работы съ нимъ и даже жизнь дверь о дверь во время продолжительныхъ путешествій по Россіи и за границею, привели меня къ заключенію, что если графъ Сергѣй Григорьевичъ по высокому образованію и начитан-

ности стоялъ выше большей части государственныхъ людей его эпохи, то сердце его всегда брало верхъ надъ умомъ. Я его видѣлъ въ самыя тяжелыя минуты жизни его: при полученіи извѣстія о кончинѣ старшаго сына его, у гроба жены его, и наконецъ былъ неразлученъ съ нимъ во время болѣзни, послѣднихъ минутъ жизни и послѣ кончины Цесаревича, котораго онъ любилъ не менѣе сыновей своихъ, потому что имѣлъ право гордиться молодымъ человѣкомъ, развивавшимся такъ удачно, подъ его, графа, руководствомъ, по его плану и указаніямъ и при помощи людей имъ же избранныхъ.

Вскорѣ послѣ назначенія графа попечителемъ Цесаревича, онъ однажды засталъ меня въ кабинетѣ Его Высочества, гдѣ я устанавливалъ нѣкоторыя книги, хранившіяся, по желанію Его Высочества, не въ библіотекѣ, а въ кабинетѣ».—Что̀ вы тутъ дѣлаете?» спросилъ меня графъ. «Привожу въ порядокъ часть библіотеки, здѣсь установленной».—«Что̀ это за отдѣлъ?» спросилъ графъ, указывая на небольшой шкафъ.—«Русская словесность», былъ мой отвѣтъ. — «Гдѣ же тутъ лѣтописи и акты историческіе?»—«Въ отдѣлѣ Исторіи».

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Цесаревичъ. «Послушайте, что̀ за взгляды у вашего библіотекаря на Русскую словесность», обратился графъ къ Его Высочеству.—«Не знаю, ваше сіятельство, въ обширномъ ли или въ тѣсномъ смыслѣ вы понимаете слово словесность. Я разумѣю подъ отдѣломъ Русской словесности, здѣсь въ кабинетѣ находящемся, собраніе сочиненій Русскихъ авторовъ, т. е. въ тѣсномъ смыслѣ слова; что же касается до актовъ историческихъ и лѣтописей, то по самому названію они должны принадлежать къ отдѣлу Исторіи».

Затѣмъ я вышелъ изъ кабинета.

Въ тотъ же день я встрѣтилъ Цесаревича въ одной изъ залъ Зимняго дворца. Увидѣвъ меня издали, онъ улыбнулся очаровательною, ему свойственною улыбкою и спросилъ меня: «Ну что, Ѳ. А., переставите вы книги въ моей библіотекѣ по желанію графа?»—«Нѣтъ, Ваше Высочество, не могу, потому что требованіе графа, по моему, неосновательно. Что̀ сказалъ бы С. М. Соловьевъ, еслибъ увидѣлъ акты и лѣтописи возлѣ Лермонтова, Жуковскаго, Ломоносова и проч.? У всякого барона свои фантазіи, а ежедневно передѣлывать каталоги, на основаніи различныхъ воззрѣній, трудъ слишкомъ большой и не къ чему не ведущій».—«Дѣлайте какъ знаете», отвѣчалъ все же улыбаясь Цесаревичъ, «вижу, что и вы правы».

Чрезъ нѣкоторое время до меня дошелъ слухъ, будто графъ Строгановъ имѣетъ въ виду назначить извѣстнаго Забѣлина на мое мѣсто.

Я тотчасъ же пошелъ къ графу, передалъ ему слышанное и говорю: «Я очень понимаю, что ваше сіятельство имѣете причины желать видѣть на моемъ мѣстѣ лице другое; но, будучи женатъ, имѣя дѣтей и живя трудомъ своимъ, я долженъ просить васъ сказать мнѣ заранѣе о намѣреніи вашемъ замѣстить меня другимъ лицемъ, съ тѣмъ чтобы дать мнѣ возможность пріискать другія занятія; я, графъ имѣю право ожидать этого вниманія отъ васъ, потому что я слишкомъ высокаго мнѣнія о васъ, чтобы допустить возможность со стороны вашей поступка, который, собственно безъ вины со стороны моей, поставилъ бы меня и семейство мое въ безъисходное положеніе».

«Вы правы», отвѣчалъ графъ, «никогда я не позволилъ бы себѣ подобнаго распоряженія; обѣщаю, что предупрежу васъ, еслибъ представилась надобность; но такъ какъ это пустой слухъ, то не думайте о перемѣнѣ службы, а оставайтесь спокойно при вашихъ занятіяхъ».

Это произошло въ промежутокъ отъ 8-го Сентября 1859-го до весны 1860.

Лѣто 1860 г. мы провели въ Либавѣ, и тутъ установились совсѣмъ иныя отношенія. Графъ видѣлъ меня съ утра до поздняго вечера. Каждое утро я приходилъ къ нему съ бумагами и за приказаніями. Дѣла было довольно много, и пребываніе въ Либавѣ сошло чрезвычайно благополучно. Предъ прибытіемъ въ Петергофъ, Цесаревичъ и графъ Строгановъ благодарили меня за труды, и Государь Императоръ, при представленіи нашемъ, выразилъ мнѣ всемилостивѣйшее благоволеніе, прибавивъ: «сынъ и графъ мнѣ говорили, что многимъ тебѣ обязаны». Съ тѣхъ поръ не только не было ни малѣйшаго недоразумѣнія въ сношеніяхъ съ графомъ, но онъ оказывалъ мнѣ безграничное довѣріе, которымъ я конечно дорожилъ болѣе всего со стороны такого человѣка и начальника. До сихъ поръ чувствую потребность хоть изрѣдка видѣть графа, къ которому сохраню всю жизнь глубокое уваженіе и нелицемѣрную привязанность. (Увы, его уже не стало!)

ЕЩЕ О ПЕРЕНЕСЕНІИ ПРАХА КНЯЗЯ И ГРАФОВЪ ОРЛОВЫХЪ.

Въ статью, появившуюся въ Іюньской книжкѣ (№ 6) „Русскаго Архива": *Историческая справка о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь*, за подписью г. А. Львова, вкрались нѣкоторыя неточности, о коихъ считаю долгомъ заявить.

Четверо Орловыхъ, князь Григорій и графы Иванъ, Алексѣй и Ѳедоръ, одинъ за другимъ, были похоронены въ Отрадѣ младшимъ ихъ братомъ графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ, въ склепѣ, подъ построенною имъ по сосѣдству съ Князе-Владимирскою приходскою церковью (имъ же построенною) большою кругообразною часовнею, съ высокимъ куполомъ и каменною вокругъ нея оградою. Склепъ этотъ находится на сажень глубины подъ поломъ часовни и слѣдовательно *подъ поверхностью* земли. На плитномъ полу этого *подземнаго* склепа и слѣдовательно на глубинѣ сажени отъ общаго уровня земли, стояли мѣдные, запаянные гроба четырехъ братьевъ. Къ нимъ въ 1831 году присоединился и пятый гробъ самого хозяина Отрады, восьмидесяти-восьмилѣтняго графа Владиміра Григорьевича, который и понынѣ стоитъ въ томъ же склепѣ (на сажень глубины *подъ*, а не *надъ* поверхностью земли), въ числѣ пятнадцати другихъ гробовъ многихъ, умершихъ съ тѣхъ поръ, моихъ ближайшихъ родственниковъ. Гроба эти впослѣдствіи были накрыты надгробіями изъ бѣлаго мрамора. Самая же часовня обращена была въ церковь во имя Успенія Божіей Матери въ 1835 году, вскорѣ послѣ погребенія подъ нею графа Владиміра Григорьевича, его родною дочерью Екатериною Владиміровною Новосильцовою, тогдашнею владѣлицею Отрады.

Когда графиня Анна Алексѣевна Орлова, по внушенію архимандрита Фотія, въ 1832 году, пожелала перевезти своего отца и двухъ дядей изъ Отрадинскаго склепа, гдѣ они уже покоились почти полвѣка, въ Юрьевъ монастырь, ей потребовался благовидный предлогъ, для полученія на то Высочайшаго соизволенія. Предлогомъ этимъ послужило совершенно невѣрное представленіе въ Святѣйшій Синодъ, будто тѣла Орловыхъ *никогда не были преданы землѣ*, но временно поставлены на полу часовни, *на поверхности* земли. На основаніи этого невѣрнаго донесенія, послѣдовало

согласіе тогдашняго Петербургскаго митрополита Серафима, одобреніе Синода и Высочайшее соизволеніе на перенесеніе праха вышеозначенныхъ трехъ братьевъ Орловыхъ изъ Отрадинскаго фамильнаго склепа въ Юрьевъ монастырь, что̀ и было исполнено въ Январѣ 1832 года.

Во всемъ христіанскомъ мірѣ подъ именемъ склепа разумѣется подземелье или подвалъ (будь онъ подъ зданіемъ церкви или часовни), въ коемъ ставятся запаянные металлическіе гроба усопшихъ. Въ эти склепы обыкновенно бываютъ устроены лѣстницы для спуска въ нихъ черезъ небольшія входныя двери. Такъ было устроено въ Отрадѣ, и точно также было устроено и въ Юрьевомъ монастырѣ, гдѣ привезенные изъ Отрадинскаго склепа гроба были точно также поставлены *на полу склепа* подъ папертью Георгіевскаго собора Юрьевской обители, что̀ я могу засвидѣтельствовать, такъ какъ мнѣ, въ прошломъ Февралѣ нынѣшняго 1896 года, пришлось лично спускаться по каменной лѣстницѣ въ этотъ монастырскій склепъ, гдѣ на кирпичномъ *полу*, совершенно также, какъ было въ Отрадинскомъ склепѣ и какъ бываетъ въ большинствѣ существующихъ склеповъ, стояли *рядомъ и незасыпанные землею* три мѣдныхъ гроба братьевъ Орловыхъ.

Изложеніе дѣла въ статьѣ г. Львова, построенное, конечно, не по его винѣ, на вышеупомянутомъ недоразумѣніи, требовало настоящаго разъясненія.

Мнѣ только остается прибавить, что графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, человѣкъ глубоко религіозный, построившій множество церквей, по нынѣ существующихъ, въ своихъ вотчинахъ, рѣдко пропускавшій церковныя службы и воспитавшій своихъ дѣтей и внуковъ въ страхѣ Божіемъ, не похоронилъ бы своихъ горячо любимыхъ братьевъ, а затѣмъ жену, сына и, наконецъ, по завѣщанію, и самого себя въ какомъ либо помѣщеніи *на поверхности* земли, въ чемъ, впрочемъ, каждый можетъ лично убѣдиться въ самой Отрадѣ *).

Графъ А. Орловъ-Давыдовъ.

*) Что̀ касается помянутаго въ справкѣ г. Львова родства между графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и господами Михаиломъ, Ѳедоромъ и Григоріемъ Ѳедоровичами Орловыми, съ графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою, оно также не вѣрно. Было знакомство и дружба, по крайней мѣрѣ, съ первымъ изъ нихъ; но родства въ юридическомъ смыслѣ между ними и графинею не было (см. Біографію графа В. Г. Орлова т. I, стр. 13). Относительно высказываемаго авторомъ справки удивленія, что дѣло начато въ годъ кончины дяди ихъ владѣльца Отрады графа В. Г. Орлова, можно смѣло сказать, что графиня Анна Алексѣевна никогда не рѣшилась бы затѣять его при жизни своего дяди. А. О.-Д.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПРОШЕНІЕ ФИЛОСОФА КАНТА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Еммануэль Кантъ, магистръ, всеподданнѣйше умоляетъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше назначить его на освободившееся мѣсто ординарнаго профессора по каѳедрѣ логики и метафизики въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

Пресвѣтлѣйшая, великодержавнѣйшая Императрица, Самодержица всея Россіи, всемилостивѣйшая Императрица и великая жена!

Со смертью покойнаго доктора и профессора Кипсе каѳедра ординарнаго профессора логики и метафизики въ нашей Кёнигсбергской академіи сдѣлалась свободною. Эти обѣ науки были доселѣ предметомъ особенно внимательнаго изученія съ моей стороны.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался доцентомъ въ здѣшнемъ университетѣ, каждое полугодіе я читалъ лекціи по обѣимъ этимъ наукамъ. Я написалъ по этимъ наукамъ двѣ диссертаціи, кромѣ того старался представить нѣкоторую пробу своихъ занятій въ четырехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Кёнигсбергской ученой газетѣ, въ трехъ программахъ и трехъ другихъ философскихъ трактатахъ.

Надежда, каковою я себя льщу быть назначеннымъ на академическую службу по предмету сихъ наукъ, особенно же всемилостивѣйшее расположеніе вашего императорскаго величества оказывать наукамъ ваше высочайшее покровительство и снисходительное попечительство, побуждаютъ меня всеподданнѣйше просить ваше императорское величество всемилостивѣйше соблаговолить благосклонно утвердить меня на вакантную каѳедру ординарнаго профессора, такъ какъ я надѣюсь, что академическій Сенатъ въ разсужденіи требуемой на сей предметъ способности будетъ сопровождать мое вѣрноподданическое исканіе не неблагопріятными показаніями. Готовъ умереть въ

моей глубочайшей преданности вашего императорскаго величества наивѣрноподданнѣйшій рабъ Еммануэль Кантъ.

Кёнигсбергъ, 14 Декабря 1758.

*

Переведено съ разрѣшенія издателя, профессора Вайхингера, изъ его журнала „Kantstudien“ 1896, кн. 2-я.

Кёнигсбергъ или Кролевецъ Прусскій въ теченіи нѣскольких лѣтъ былъ главнымъ городомъ завоеванной нами въ Семилѣтнюю войну Восточной Пруссіи. Все управленіе было Русское, и потому утвержденіе ординарнымъ профессоромъ величайшаго мыслителя новаго времени зависѣло отъ Русскаго правительства. Всеподданнѣйшее прошеніе Канта почему-то не было уважено, равно какъ его ходатайство по тому же поводу передъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Пруссіи, барономъ Корфомъ, и на мѣсто умершаго Кипсе былъ назначенъ докторъ Букъ.

Интересно знать, гдѣ теперь находится подлинное прошеніе Канта и кто именно докладывалъ о немъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Надо замѣтить, что въ то время Кантъ еще вовсе не былъ извѣстенъ и находился въ своемъ „догматическомъ снѣ“.

Юрій Бартеневъ.

Галле на Заалѣ,
24 Іюня 1896 года.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову, Д. П. Трощинскаго, А. Н. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ.

XIII. Письма князя А. А. Безбородки (1776—1799).

XIV. Письма кн. Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка графа С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка его о Питтѣ.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородкѣ. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею, письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Г. Воронцова къ его сыну (1798—1830).

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка графовъ Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима, В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и о восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc du Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесеніе гр. З. Г. Чернышова Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе изъ конторы „Русскаго Архива“ не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1881**, **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ 34-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

8.

ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

СТАТЬИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ

1896 года.

Барсовъ Т. В. Синодальныя учрежденія прежняго времени. „Христ. Чтеніе“, Май—Іюнь.

Вышелѣсскій Д. О. Борьба древнерусской церкви съ остатками язычества въ строѣ семейномъ и общественномъ. „Христ. Чтеніе“, Май—Іюнь.

Григоренко Г. Городъ Брацлавъ и его храмы. „Подольскія Еп. Вѣд.“ №№ 2, 4, 7.

Делекторскій Ѳ. Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для Русскаго народа. „Полоцкія Еп. Вѣд.“. № 3.

Мелетій епископъ. Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Даурiи (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. „Православный Благовѣстникъ №№ 10, 11.

Петровъ Н. И. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ №№ 5, 6.

Петровъ Н. И. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ № 3.

Поликарповъ Н. Синодикъ святителя Митрофана. „Воронежскія Еп. Вѣд.“. № 3.

Савваитовъ П. Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря и приписной къ нему Дѣдовской Троицкой пустыни. „Вологодскія Еп. Вѣд.“. № 7—8.

Савеловъ Л. М. Синодикъ Боршевскаго монастыря (Коротоякскаго уѣзда). „Воронежскія Еп. Вѣд.“. № 4.

Сергіевскій Н. Ф. Одно изъ неизданныхъ писемъ Филарета, митрополита Московскаго. „Душеполезное Чтеніе“, № 7.

Серебрениковъ В. Кіевская Академія съ половины XVIII-го вѣка до преобразованія ея въ 1819 году. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ № 6.

Серно-Соловьевичъ Ѳ. Ѳ. Святитель Лаврентій, епископъ Туровскій (Историческая замѣтка). „Минскія Епарх. Вѣд.“ № 3.

Скворцовъ Н. Московская Церковная Старина. Церкви: преподобнаго Михаила Малеина на Туренинскомъ дворѣ, у Туренинскихъ, Тургеневскихъ богадѣленъ — дворцовая ружная; Николая Чудотворца въ Кіевцѣ; Воскресенія Христова (Стараго). „Московскія Церковныя Вѣдом.“ №№ 23, 24. Уничтоженныя домовыя церкви Пречистенскаго сорока № 26.

Титовъ Ѳ. И. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. „Труды Кіевской Духовной Академіи“. №№ 2, 4, 6.

Григорій архим. Письма и резолюціи Филарета митрополита Московскаго. „Душеполезное Чтеніе“, № 6.

Келліи митрополита, впослѣдствіи патріарха Филарета Романова (1605

ИЗЪ БУМАГЪ И ПЕРЕПИСКИ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА [1]).

Распоряженія по Придворной Конторѣ.

1.

Декабря 31-го дня 1796 года.

Его Императорское Величество, по разсмотрѣніи въ сервизной хранящихся сервизовъ, высочайше указать соизволилъ нижеписанные сервизы употреблять: 1) Золотой сервизъ для трона. 2) Золоченый для торжественныхъ дней. 3) Большой покупной сервизъ для большихъ столовъ. 4) Первый новый сервизъ для собственной Его Величества персоны. 5) Парижскій сервизъ для Александра Павловича. 6) Второй новый сервизъ для Константина Павловича. 7) Находящійся въ Царскомъ Селѣ сервизъ везть сюды и употреблять для великихъ княженъ. 8) Для расходовъ первый и второй С.-Пбургскіе сервизы. 9) Для Гатчинскаго, 10) для Петергофскаго, 11) для Павловскаго дворцовъ особые сервизы.

Сверхъ сего указать изволилъ: 1) Чтобы всѣ сервизы раздѣлены были, какъ выше показано, и никогда одинъ съ другимъ не мѣшать; чего гдѣ доставать не будетъ или что̀ испорчено, исправлять вновь. 2) Ежели дворцоваго серебра для вышепоказаннаго раздѣленія будетъ недостаточно, то изъ числа присланныхъ изъ намѣстничествъ выбравъ лучшіе и употребить, куда слѣдовать будетъ, для дополненія. 3) Изъ фарфоровой посуды фигуры, употребляемыя на столъ, выбрать тоже лучшія и при экстраординарныхъ случаяхъ и во время высочайшаго пребыванія въ Эрмитажѣ оныя употреблять каждую или двѣ недѣли съ перемѣною, дабы однѣ всегда употребляемы не были. 4) Ливрейныхъ служителей четырехъ или пяти человѣкъ, находящихся при камеръ-фрейлинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой [2]), оставить по прежнему, но въ штатъ ихъ не числить, а числить сверхъ комплекта. 5) Въ церемоніальные и праздничные дни на хоры безъ билетовъ никого не пускать; а тѣ билеты раздаваны будутъ по разсмотрѣнію господъ гофмаршаловъ. Подлинное за подписаніемъ графа Віельгорскаго.

---

[1]) См. выше, стр. 305.

[2]) Въ этой милости могло участвовать ходатайство графа Ѳ. В. Растопчина, женатаго на одной изъ племянницъ А. С. Протасовой. П. Б.

2.

Генваря 2-го дня 1797.

Его Императорское Величество всемилостивѣйше оставляеть при фрейлинѣ Катеринѣ Ивановнѣ Нелидовой придворныхъ служителей на таковомъ же основанiи, какъ у камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой съ ношенiемъ придворной ливреи, которую и будутъ получать, какъ первые, такъ и другiе отъ двора. Графъ Вiельгорскiй.

3.

Въ С.-Петербургѣ, Генваря 3-го дня 1797.

Въ силу апробованнаго отъ насъ въ 30-й день Декабря минувшаго 1796 года придворнаго штата, всемилостивѣйше повелѣваемъ камергерамъ, находящимся при любезномъ сынѣ нашемъ наслѣдникѣ цесаревичѣ великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ: графу Феликсу Потоцкому, графу Василью Мусину-Пушкину-Брюсу и Сергѣю Ланскому; при супругѣ его высочества великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ: Алексѣю Ададурову, Ивану Тутолмину и князю Егору Голицыну; при любезномъ сынѣ нашемъ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ: Матвѣю Толстому и князю Ивану Гагарину, да при супругѣ его высочества великой княгинѣ Аннѣ Өедоровнѣ: Василью Олешеву и князю Николаю Вяземскому быть въ четвертомъ классѣ. Павелъ.

4.

Генваря 22-го дня 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать изволилъ находящимся въ Эрмитажѣ профессорамъ *) отпускаемый столъ и пр. продолжать впредь, пока они тамъ пробудутъ. Графъ Вiельгорскiй.

5.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, дабы отнынѣ впредь на всегда, во время высочайшаго Ихъ Императорскихъ Величествъ присутствiя, придворными должностями для приуготовленiя кушанья и прочаго возимо Невской воды не было, а употреблять оную всегда такую, какая гдѣ имѣется. Графъ Вiельгорскiй.

Марта 11 дня 1797.
Въ Волдаяхъ.

***

Въ Январѣ 1801-го года, въ Тульскомъ имѣнiи графа Н. П. Шереметева Серебряныхъ Прудахъ произошли безпорядки. Имѣнiемъ управлялъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Шереметевъ, большой лошадникъ и

*) Т. е. профессорамъ живописи и ваянiя. П. Б.

плохой хозяинъ. Открылись злоупотребленія; туда направлены ревизоры, и между ними нѣкій князь Мамеевъ. Результатомъ ревизіи оказалось открытое сопротивленіе. Зачинщиковъ отправили въ Петербургъ, и обо всемъ доложено графу Николаю Петровичу, крайне огорченному случившимся. На требованія мѣръ строгости онъ отвѣчалъ: «Сіи, думаю, совершенно невиноваты. Я желаю и прошу сколько можно всѣхъ пріохотить изъявлять свои нужды и неудовольствія...» Повидимому не правъ былъ князь Мамеевъ. «Стараться сколько можно, пишетъ графъ Николай Петровичъ, уговорить князя, чтобъ сколько возможно быть въ наказаніяхъ человѣколюбиву и отнюдь палками никого не наказывать, чѣмъ немалую пріятность мнѣ сдѣлаетъ. Я слышу, что князь горячъ; но какъ онъ и благоразуменъ, то я и не сумнѣваюсь, чтобъ онъ не захотѣлъ моимъ правиламъ послѣдовать... Мое намѣреніе дать вездѣ волю жаловаться и нигдѣ остановки не дѣлать, въ чемъ и никакому начальнику запрещать не можно. Въ противномъ случаѣ я подозрю начальника, имѣющаго дурныя намѣренія».

Къ Н. В. Шереметевой.

Милостивая государыня Наталья Владимировна.

Съ чувствительнѣйшимъ прискорбіемъ получилъ я извѣщеніе ваше о кончинѣ брата вашего и любезнаго мнѣ родственника, Николая Владимировича, привязанность коего ко мнѣ въ продолженіе жизни его содѣлываетъ навсегда памятникъ въ чувствіяхъ сердца моего. Раздѣляя вмѣстѣ съ вами скорбь сію, не могу вамъ подать инаго совѣту, какъ, повинуясь опредѣленіямъ Божіимъ, терпѣливо сносить печаль вашу. Я же, за удовольствіе поставляя продолжать свойственническую привязанность и искреннѣйшее къ вамъ мое расположеніе, остаюсь навсегда съ истиннымъ почтеніемъ гр. Ш.

15 Марта 1801.

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

На письмо в. в. отъ 15-го сего Іюня честь имѣю сообщить, что по бытности моей оберъ-гофмаршаломъ объявлено мнѣ было словесно отъ Брена (Brenna) высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о допущеніи его осмотрѣть всѣ кладовыя, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Царскомъ Селѣ находящіяся, дабы, въ сходственность высочайшаго повелѣнія Его Императорскаго Величества, взять мѣры къ выбору изъ того для Михайловскаго зàмка и для всякаго другаго употребленія. Но какъ я, прежде нежели допустить его къ тому, дол-

гомъ почелъ узнать о томъ вѣрнѣе, то посланною къ нему отъ меня запискою и требовалъ подробнаго изъясненія, на которую Ноября 23-го дня 1797 года и получилъ отъ него письменно, чтобъ допустить его, по силѣ высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, къ осмотру всего, которое подлинное письмо на Французскомъ языкѣ, бывъ отъ меня препровождено въ Придворную Контору къ исполненію, и должно непремѣнно храниться при камерцалмейстерскихъ дѣлахъ; во исполненіе чего и предписано было камерцалмейстерскому главному комиссару г-ну Герасимову, чтобы г-на Брена къ осмотру допустить и дать ему обо всемъ свѣдѣніе, какіе же сорты уборовъ и мебелей отобраны имъ будутъ, не отдавая ему, репортовать въ Придворную Контору. А потому, были-ль отобраны Бреномъ изъ Царскаго Села нѣкоторая часть мебелей, которая, сколько, когда и куда отпущено и принято, было-ль о томъ обстоятельное свѣдѣніе и росписки, должно быть при камерцалмейстерскихъ дѣлахъ; ибо отъ меня комиссарамъ было предписано и всегда подтверждаемо, чтобы безъ письменныхъ приказовъ и росписокъ никому и ничего отнюдь не отпускать. Но если нужно будетъ по сему дальнѣйшее изслѣдованіе, то сверхъ изъясненныхъ здѣсь могу я доставить в. в. такіе документы, которые, бывъ мною сохранены въ подлинникѣ, могутъ еще достаточнѣе подтвердить нужное по сему предмету свѣдѣніе; о чемъ чрезъ сіе извѣстя, честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ навсегда, милостиваго государя моего, в. в. покорнѣйшій слуга гр. Ш.

18 Іюня 1801.

Къ Державину.

Милостивый государь мой Гаврила Романовичъ.

Въ Межевомъ Сената департаментѣ подходитъ къ слушанію дѣло сестры моей родной графини Варвары Петровны Разумовской о землѣ въ Саратовской губ., принадлежащей къ вотчинѣ ея, смежной съ г-номъ Огаревымъ. Я пользуюсь благопріятнымъ ко мнѣ расположеніемъ в. пр. и осмѣливаюсь, влагая у сего записку, покорнѣйше просить о неоставленіи законнымъ благоразсмотрѣніемъ вашимъ сего дѣла и той справедливости, которую пріятнѣйшимъ удовольствіемъ поставлять изволите отдавать при всякомъ случаѣ. Чувствительность же благодарности моей конечно останется навсегда въ душѣ моей при томъ искреннемъ почтеніи и совершенной преданности, съ каковыми честь имѣю быть, милостивый государь мой, и пр. гр. Ш.

22 Іюня 1801.

Au landgrave regnant d'Hesse-Darmstadt, à Darmstadt *).

Votre altesse sérénissime.

Il me serait impossible d'exprimer toute la reconnaissance dont je suis pénétré pour le ressouvenir flatteur, dont vous avez bien voulu m'honorer par votre dernière lettre, que m' a remis monsieur le baron d'Oyen, avec lequel je me suis fait un véritable plaisir de lier connaissance, tant pour ses qualités personnelles, que parce qu'il est l'envoyé de votre altesse sérénissime, qui m' a comblé autrefois de ses bontés. Comme mon unique but en ce moment-ci n'est que de vous témoigner combien j'y suis toujours sensible, ainsi qu'aux nouvelles marques de votre bienveillance, je vous supplie d'agréer l'assurance du respectueux attachement qui remplit à jamais mon coeur et que votre précieuse amitié y a si bien gravé. Daignez me la conserver et être persuadé, votre altesse sérénissime, que je fixe l'époque où j'ai eu l'honneur de faire sa connaissance au nombre de mes plus heureux jours.

C'est avec les sentiments du plus profond respect et de la considération la plus distinguée que j'ai l'honneur d'être etc.

S-t-Pétersbourg,
le 15 Juin 1801.

Къ графу А. К. Разумовскому.

По свойству дружбы считаю нужнымъ здѣсь вамъ напомянуть, что графъ Кирила Алексѣевичъ находится здѣсь въ службѣ, бывъ съ прочими камергерами назначенъ въ герольдію и потомъ отставленъ. Я думаю, вы о семъ происшествіи извѣстны. Я слышу, что онъ находится здѣсь; но только я его нигдѣ не вижу и не встрѣчаю, о чемъ за нужное почитаю васъ увѣдомить, бывъ всегда искренно къ вамъ приверженъ. Гр. Ш.

30 Іюля 1801.

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

Къ крайнему сожалѣнію моему, по разстроенному здоровью моему, долженъ будучи употреблять лѣкарства, лишаюсь я способовъ имѣть счастіе пріѣхать въ Гатчино къ наступающему 12-го числа торже-

*) Ландграфъ Людвигъ, ученикъ барона Гримма и пріятель Гёте, жившій у насъ въ Россіи, когда выходила замужъ за Павла Петровича сестра его, и за тѣмъ обрученный женихъ будущей императрицы Маріи Ѳеодоровны, которой Фридрихомъ Великимъ приказано было въ 1776 г. отъ него отречься. Онъ умеръ въ 1830 году, когда его родной внучкѣ (нашей императрицѣ Маріи Александровнѣ) было шесть лѣтъ отъ роду. П. Б.

ственному дню [1]), почему, въ надеждѣ благопріязненнаго расположенія в. в., покорнѣйше прошу, если надобность встрѣтится, благосклонно охранить меня, изъяснивъ сей печальный случай, по которому не могъ я пріѣхать, чѣмъ чувствительно обязать изволите пребывающаго всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью гр. Ш.

P. S. Хотя и не имѣлъ чести получить письмо в. в., которымъ соглашаться изволили на отдачу пажа Зайцова въ пенсіонъ къ Бильдерлингу; но какъ я зналъ, что прежде по желанію вашему оставленъ онъ былъ до окончанія наукъ при матери его, соображаясь сему, я надѣялся чрезъ то сдѣлать вамъ пріятное и согласилъ Бильдерлинга принять вмѣсто его изъ другихъ назначенныхъ мною пажей; почему и остались, какъ онъ по прежнему въ своемъ домѣ, такъ и Бильдерлингъ, довольными.

10 Сентября 1801.

Къ архимандриту Мельхиседеку.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой.

Благодарю васъ, высокопреподобный отецъ, за писаніе отъ 21 Декабря; благодарю васъ также и за угощеніе и за бесѣду, которая, время, проведенное мною съ вами, содѣлала для меня пріятнымъ, полезнымъ. Пріязненное расположеніе ваше мнѣ интересно, и такъ прошу васъ продолжать его. Съ моей же стороны будетъ соблюдено все то, чѣмъ только можно поддержать таковую вашу наклонность. Примите мою благодарность за приложенную при письмѣ вашемъ бумагу, за привѣтствіе съ наступающимъ торжествомъ и за таковое же поздравленіе съ симъ истинно-великимъ праздникомъ Церкви и всѣхъ Христіанъ, сознающихъ свои слабости.

17Декабря 1801.

Къ Д. П. Трощинскому.

Милостивый государь Дмитрій Прокофьевичъ.

Я имѣлъ честь получить въ почтенномъ писаніи ко мнѣ вашего высокопревосходительства высочайшее благоволеніе, изъявленное въ разсужденіи переименованія Александра Львовича Нарышкина въ одинъ со мною чинъ [2]). Будучи преисполненъ чувствами искренней благодарности моей къ таковому милостивому монаршему снисхожденію, буду я спѣшить самъ повергнуть себя къ стопамъ всемилостивѣйшаго Государя Императора. А между тѣмъ покорнѣйше прошу представить Государю Императору мою всеподданнѣйшую благодарность, которую

---

[1]) Какое торжество было въ Гатчинѣ 12 Сентября 1801 года, не знаемъ. П. Б.

[2]) Т. е. оберъ-гофмаршаломъ. П. Б.

во всей мѣрѣ чувствъ моихъ пріемлю. При семъ случаѣ свидѣтельствую чувствительную благодарность и къ в. в. за лестное увѣреніе принимаемаго во мнѣ участія и, привыкши быть съ вами откровенну, не могу я скрыть, что слухи, дошедшіе о сей перемѣнѣ прежде полученія письма вашего, весьма были для меня чувствительны и такъ, что я, приготовясь уже ѣхать, остановленъ былъ сею неожиданною встрѣчею. Но монаршее благоволеніе успокоило мои чувства, хотя кажется, что трудно будетъ двумъ совмѣстникамъ прочно оставаться въ одномъ мѣстѣ; конечно, одинъ другаго постарается выжить, а особливо тотъ, который долженъ ожидать заступить мѣсто старшаго. Но, со всѣмъ усердіемъ сообразуясь волѣ Государя моего, молчу и охотно буду исполнять угодное, имѣя честь донести, что я, какъ только можно будетъ скорѣе, отправлюсь къ моей должности и думаю, что на будущей недѣлѣ буду уже въ пути. Гр. Шереметевъ.

26 Декабря 1801 (Москва).

Къ графу Н. А. Толстому.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

Удостоясь чрезъ посредство в. с. получить всемилостивѣйшее дозволеніе остаться для исправленія дѣлъ моихъ въ Москвѣ до перваго зимняго пути, льстилъ я себя, что, кончa ихъ, буду столь счастливъ, что съ наступленіемъ новаго года успѣю еще самъ лично принесть всеподданнѣйшее мое поздравленіе всемилостивѣйшему Государю Императору, какъ долгъ, истинною приверженностью впечатлѣваемый. Но при всемъ спѣшномъ стараніи моемъ ощущаю я собственную помѣху, будучи по нечаяннымъ обстоятельствамъ удержанъ столь много домашними дѣлами *), что не могу никакъ возвратиться къ новому году, въ чемъ не менѣе и наступившій еще недавно путь мнѣ препятствовалъ; почему покорнѣйше прошу в. с., повергнувъ меня къ стопамъ Государя Императора и Государыни Императрицы, принести мое усерднѣйшее поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ; а я вслѣдъ за симъ не помѣшкаю уже и самъ отправиться къ моей должности и лично изъявить тѣ чувства признательнѣйшей приверженности, которыми преисполненъ я къ монаршимъ милостямъ.

26 Декабря 1801 (Москва).

Къ князю А. Н. Щербатову.

Милостивый государь мой князь Андрей Николаевичъ.

Вы, я думаю, сѣтуете на меня, что я, не простясь съ вами,

*) Передъ тѣмъ графъ Н. П. только что женился на бывшей своей крѣпостной актрисѣ. П. Б.

уѣхалъ изъ Москвы; но в. с. извѣстно, сколь много я люблю васъ и сколь много къ вамъ привязанъ. Вообразите себѣ ту непріятность, которую, какъ вы, такъ и я должны были чувствовать, разставаясь. Чтобы избѣгнуть сего, я уѣхалъ, не увѣдомивъ васъ о днѣ моего отъѣзда, не простясь съ вами. И вотъ причина сего поступка моего, которая, думаю, что для васъ будетъ достаточна и по тому болѣе, что я не простился и съ ближними моими родственниками. Гр. Н. Ш.

8 Января 1802.

Къ Н. П. Квашниной-Самариной.

Милостивая государыня моя Настасья Петровна.

Поставляя особливымъ удовольствіемъ угождать вашему высокопревосходительству, за честь вмѣнилъ бы себѣ и при семъ новомъ случаѣ сдѣлать истинное доказательство усердія моего къ вамъ; но самая невозможность: во первыхъ, потому что пажъ Квашнинъ-Самаринъ, въ которомъ участіе принимать изволите, по спискамъ числится 38-мъ человѣкомъ сверхъ комплекта; а во вторыхъ, имѣя высочайшее подтвержденіе помѣщать въ комплектъ и представлять въ выпуски пажей непремѣнно по старшинству ихъ вступленія въ пажи, отнимается у меня способъ при всемъ искреннемъ желаніи тѣмъ вамъ услужить. Но первый удобный случай конечно употреблю я на исполненіе вашей воли, желая тѣмъ на самомъ дѣлѣ подтвердить истинное почтеніе и преданность, съ коими и пр.

19 Февраля 1802.

Къ митрополиту Платону.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый мой архипастырь.

Чувствуя душевное движеніе, позволяющее мнѣ относиться къ вамъ во всѣхъ пріятныхъ для меня въ жизни сей случаяхъ, побужденъ нынѣ я тѣми же чувствіями искренной привязанности моей къ вашему высокопреосвященству сказать вамъ и о самомъ несчастномъ случаѣ, собывшемся со мною по возвращеніи изъ Москвы. Съ самаго почти въѣзду моего въ Петербургъ, чувствовалъ я небольшую простуду, насморкъ и кашель, который много меня безпокоилъ. Сіе понудило меня поставить на лѣвой лопаткѣ, немного пониже плеча, Шпанскую муху, которая худо подѣйствовала и не нарвала, какъ должно. Нѣсколько дней спустя, на томъ мѣстѣ, гдѣ была муха, показалась какъ бы нѣкоторая сыпь и нѣсколько прыщей, которые потомъ, слившись вмѣстѣ, сдѣлали родъ карбункула, въ діаметрѣ вершка на два, который мучилъ меня несказаннымъ образомъ и нарывалъ весьма медленно. Наконецъ

дней черезъ 12, государевъ операторъ Виллій почелъ необходимостью сдѣлать операцію и 27 числа Февраля разрѣзалъ окрѣплый сей нарывъ крестъ на крестъ, отчего сдѣлались двѣ раны длиною почти въ четверть и глубиною болѣе вершка, въ которыя и понынѣ кладутся корпіи. Дней 10 сряду послѣ операціи не имѣлъ я отдыху отъ боли. Не удовольствуясь тѣмъ, напослѣдокъ вырѣзана была вонъ и вся окружность сей разрѣзанной уже части, отчего уже и по сіе время еще страдаю; но, благодаря Всещедраго Бога, кажется, нѣсколько боль стала утихать, и рана, очищаясь, приходитъ въ желаемый порядокъ. Въ такомъ горестномъ положеніи провождая дни мои, съ умиленнымъ сердцемъ молю я, что Боже мой, вскую оставилъ мя еси далече; но возложилъ упованіе мое на Него Единаго. Увѣренъ я, что, по благопріязненному расположенію ко мнѣ вашему, пожалѣвъ о несчастіи моемъ, присоедините и вы ваши моленія ко Господу о ниспосланіи на меня всещедрой милости во облегченіе мучительнаго страданія. Впрочемъ, прося о продолженіи ко мнѣ благорасположенія вашего и пожелавъ вамъ отъ искреннѣйшаго сердца добраго здравія и всякаго благополучія, остаюсь навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностью, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый мой архипастырь, в. в. покорно искреннѣйшій слуга гр. Николай Шереметевъ.

17 Марта 1802.

Къ Московскому доктору Фрезе.

A monsieur de Frese, docteur à Moscou.

Monsieur.

Je vous félicite de tout mon coeur avec les fêtes de Pâques et désire que vous les passiez le mieux possible; en même temps je vous prierai de vouloir bien m'envoyer la recette de cette médecine qu'on appelle Voditchka, dont je fais usage depuis bien longtemps, et cela d'après votre ordonnance. Quant à moi, je vais aussi bien que mon état peut le permettre et me réserve le plaisir de vous entretenir de ma maladie, de ses suites et de tout ce qui a rapport à elle aussitôt que mes forces me le permetteront. En attendant, je suis avec l'estime la plus parfaite, monsieur, votre etc.

S-t-Pétersbourg,
le 14 Avril 1802.

Къ князю И. М. Долгорукому.

A monsieur le prince Dolgorouki, gouverneur de la ville et du gouvernement de Vladimir.

Mon cher cousin.

Les liens de parenté, ainsi que les sentiments que je vous connais, m'encouragent à vous demander justice pour mes paysans du gou-

vernement de Vladimir que l'ispravnik Sélivanoff vexe à tout bout de champs. Veuillez bien vous intéresser à leur sort, les protéger contre les chicanes qu'on leur fait et être persuadé que rien ne pourrait me pénétrer de plus de reconnaissance. En même temps, me louant d'avance de pouvoir m'adresser à vous, je vous prie de croire avec les sentiments de la considération la plus parfaite, mon prince, votre très humble serviteur et cousin c. S.

Pavlovski,
le 11 Juin 1802.

Къ Ѳ. А. Малиновскому *).

Высокопреподобный отецъ протоіерей, милостивый государь мой.

Каждое письмо ваше читаю я съ новымъ чувствомъ удовольствія. Живая истина, говорящая въ разсужденіяхъ вашихъ, потрясая пріятно нѣжные души моей нервы, даетъ мнѣ чувствовать въ полной мѣрѣ, какимъ благоговѣніемъ, почтеніемъ и, ежели можно сказать, сыновнею приверженностію обязанъ человѣкъ Богу Всемогущему, Его премудрости, отеческому милосердію, и представляетъ мнѣ какъ бы передъ глаза ничтожность терпимыхъ нами скорбей, которыми Всемогущій, испытуя крѣпость нашу и повиновеніе, яко человѣколюбивый Отецъ, исправляетъ недостатки наши и готовитъ въ ложѣ Авраама успокоеніе.

Такъ, справедливы слова ваши: вѣрою должны мы оживлять себя въ прискорбіяхъ; она есть неизсякаемый источникъ, изъ котораго пронстекаетъ цѣлительный нектаръ, могущій усладить всякую скорбь душевную и тѣлесную человѣка; въ ней видимъ мы, что десница Всемогущаго поражаетъ насъ не въ пагубу, но въ исправленіе.

Послѣднія строки письма вашего подаютъ мнѣ поводъ сказать здѣсь нѣкоторыя свои мысли. Кому предоставлено нынѣ совершенное право говорить истину, кромѣ особъ, посвятившихъ жизнь свою на служеніе Богу? Кто кромѣ ихъ можетъ и долженъ сообщать ее, не смотря на распространеніе и видъ ея одежды и на состояніе того, кому она сообщается? Свѣтъ, кажется мнѣ, изгналъ сей священный даръ Неба изъ своего общежитія и не почитаетъ его тою существенною своею принадлежностью, которая должна руководствовать имъ во

*) Ѳеодоръ Авксентіевичъ Малиновскій (родомъ изъ Смоленска), протоіерей церкви Св. Троицы въ Троицкой слободѣ (близъ нынѣшняго митрополичья подворья на Самотекѣ), былъ катихизаторомъ Московскаго университета и пользовался общимъ уваженіемъ. Изъ сыновей его Василій—первый директоръ Царскосельскаго лицея, Алексѣй, сенаторъ и начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Третій Павелъ Ѳедоровичъ, позднѣе занимался дѣлами по опекѣ надъ имуществомъ малолѣтняго графа Дмитрія Николаевича Шереметева. Представителемъ этой даровитой и почтенной семьи нынѣ Антоній Ивановичъ Малиновскій, внукъ Василія Ѳеодоровича, служащій въ Москвѣ по судебному вѣдомству. П. Б.

всѣхъ его поступкахъ, во всѣхъ движеніяхъ. Люди очень часто и почти всегда налагаютъ на себя несносное иго—говорить, соображаясь съ обстоятельствами и сковывать языкъ свой и мысль цѣпями предразсудковъ. Пускай сіи строки мои умертвятъ то мнѣніе, которое прочелъ я въ концѣ письма вашего; а первыя доставятъ мнѣ удовольствіе читать и впредъ письма ваши, исполненныя нравственно - пріятныхъ разсужденій, въ которыхъ находитъ утѣшительное занятіе остающійся навсегда съ истиннымъ почтеніемъ, любовію и совершенною преданностью, препоручая себя въ молитвы ваши, милостивый государь мой, вашего высокопреподобія покорный слуга гр. Шереметевъ.

P. S. (собственноручно).

Бесѣдовать съ вами, читать ваши письма, всегда почитаю я пріятнѣйшимъ для меня чувствованіемъ, и не допустилъ бы я никого вмѣсто меня писать, если бы силы мои могли быть къ тому способными; но еще сила моя въ немощахъ находится. По подтвердить мое къ вамъ почтеніе и дружество наше всегда готовъ и не почувствую усталости.

22 Мая 1802.

Къ графу И. П. Салтыкову.

Милостивый государь графъ Иванъ Петровичъ.

Почтенное письмо в. с. отъ 15-го сего Мая я имѣлъ честь получить и къ сердечному сожалѣнію видѣлъ изъ него, что покорнѣйшая просьба моя принята была за настоящую жалобу, о которой я никакъ не помышлялъ, потому болѣе, что не знаю навѣрно, справедливо ли крестьяне мои просили; а потому прибѣгалъ я къ в. с. единственно въ надеждѣ на родственную связь и благосклонное расположеніе, удостоеніе коихъ было всегда для меня лестно, а не съ тѣмъ, чтобы искать формальнаго удовольствія, но по чувствіямъ искренней преданности къ вамъ моей думалъ испросить одного милостиваго обстоятельства в. с. по свойству, а не по правиламъ начальствующей власти.

Что же принадлежитъ до г-на инспектора, генерала отъ кавалеріи и кавалера Степана Степановича Апраксина, присутствовавшаго во время ученія, то сіе узналъ я только по письму в. с. и еслибы могъ оное предвидѣть, то конечно не имѣлъ бы повода и безпокоить в. с., будучи въ полномъ увѣреніи, что гдѣ присутствіе его, тамъ неминуемо всякій порядокъ и защита совокуплены. Да и собственная связь знакомства нашего, съ малыхъ лѣтъ продолжающаяся, болѣе еще въ томъ могла бы меня удостовѣрить.

Но при всемъ томъ спѣшу я свидѣтельствовать в. с. искреннѣйшую признательность за благосклонное обѣщаніе въ пособіи, которое

пріемля новымъ знакомъ благорасположеніе ко мнѣ в. с., прошу принять и увѣреніе истиннаго почтенія и пр.

22 Мая 1802.

Къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Д. И. Хвостову [1]).

Милостивый государь мой графъ Дмитрій Ивановичъ.

Доброе расположеніе ваше пріятнымъ дѣлаетъ мнѣ всякій случай, которымъ могу я пользоваться оказать вамъ услугу, почему не останавливаюсь прибѣгать и съ моею просьбою къ в. с. о помѣщеніи куда можно по духовнымъ правленіямъ стараго моего сослуживца, который, бывъ при мнѣ съ малыхъ лѣтъ, напослѣдокъ отпущенъ отъ меня и былъ уже опредѣленъ въ Университетской типографіи, оттуда отставленъ канцеляристомъ; но, желая имѣть какое нибудь мѣсто подъ начальствомъ в. с., полагаетъ всю надежду на благодѣтельное пособіе ваше. Ему нужно одно мѣсто, а въ жалованьи надобности нѣтъ. Почему чувствительно одолжить изволите меня, сдѣлавъ добро сему человѣку. Я же съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью остаюсь навсегда, м. г. м., гр. Ш.

P. S. Навсегда обязаннымъ почтусь, если в. с. не отвергнете мое прошеніе; крайне меня тѣмъ одолжите.

31 Мая 1802.

Къ А. Θ. Малиновскому.

Милостивый государь мой Алексѣй Θедоровичъ.

Изъ письма вашего отъ 5-го Мая вижу то стараніе, которое вы принимаете въ вспомоществованіи мнѣ при построеніи госпиталя и приношу вамъ благодарность.

Мое мнѣніе относительно подрядчиковъ: собравъ ихъ нѣсколько человѣкъ и сдѣлавъ между ними торгъ, отдать построеніе госпиталя тому, кто дешевлѣ возметъ и вѣрнѣе работникъ. Но 15% дать со ста хотя и есть выгода та, что скорѣе и вѣрнѣе пойдетъ работа; но лишняя переплата процентовъ, для которыхъ подрядчикъ, желая бо́льшаго интересу, вѣроятно будетъ стараться употребить больше суммы, имѣетъ также свои невыгоды [2]).

Прошу васъ, подумавъ о семъ замѣчаніи моемъ, сказать свои мысли. Ваше попеченіе о семъ строеніи, давая мнѣ въ полной мѣрѣ себя чувствовать, удаляетъ всякую мысль о томъ, что вы поскучаете

---

[1]) До какой степени дѣла церкви были пренебрежены въ то время, свидѣтельствуется тѣмъ, что графъ Хвостовъ, посмѣшище общества, всѣмъ надоѣдавшій своими нелѣпыми стихами, былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода. П. Б.

[2]) Рѣчь идетъ о постройкѣ великолѣпнаго зданія Шереметевскаго Страннопріимнаго дома, въ Москвѣ у Сухаревой башни. П. Б.

таковыми моими препорученіями, и мнѣ остается только, пожелавъ видѣть сему благое окончаніе, пребыть навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью.

P. S. Прасковья Ивановна свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и напоминаетъ о тѣхъ зубныхъ капляхъ, которыя вы обѣщали.

Батюшкѣ совершенное свидѣтельствую почтеніе и прошу не забыть меня въ своей памяти и дружбѣ, которою я дорожу, а за стараніе привести строеніе къ началу очень благодарю. Не поскучайте продолжать оное. Я много разъ бываю нездоровъ и теперь сижу въ своемъ домѣ въ Павловскомъ, поставилъ Шпанскую муху и весело терплю.

Іюнь 1802.

Къ графу С. Р. Воронцову *).

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ.

По желанію в. с. я далъ уже приказаніе, чтобъ выдать столовыя деньги пажамъ Нелидовымъ, радуясь, что нашелъ случай доставить вамъ малое сіе удовольствіе. Имѣю честь быть навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью, милостивый государь мой, в. с. гр. Ш.

9 Сентября 1802 года.

Къ племяннику графу К. А. Разумовскому.

Милостивый государь графъ Кирила Алексѣевичъ.

По желанію вашему приказалъ я мужикамъ сдѣлать шалаши для спугиванья тетеревей и чтобы не препятствовали разставить силки для ловленія волковъ. Что же до поправленія конюшни принадлежитъ, то самую нужную поправку прошу приказать сдѣлать подъ собственнымъ вашимъ распоряженіемъ, не рубя свѣжаго лѣсу, а изъ валежнику, котораго въ лѣсахъ много. Желая во всемъ, въ чемъ только можно, сдѣлать в. с. пріятное, остаюсь навсегда съ искреннею преданностью в. с. гр. Ш.

24 Сентября 1802.

Къ Державину.

Милостивый государь мой Гаврила Романовичъ.

Пользуясь всегда благопріятствомъ в. в. и искавъ всегда пріобрѣсть себѣ пріязнь вашу, съ совершеннымъ удовольствіемъ обращу я особенно вниманіе на пажей Окуневыхъ и постараюсь узнать ихъ короче; всякой удобный случай конечно не упущу употребить къ ихъ пользѣ. Но какъ нынѣ по высочайшему повелѣнію дѣлается новое по-

*) Пріѣзжавшему тогда въ Петербургъ изъ Лондона. Сестра покойной жены его, Анастасія Алексѣевна, ур. Сенявина (мать графини М. В. Адлербергъ), была за Василіемъ Ивановичемъ Нелидовымъ. П. Б.

ложеніе всего Пажескаго корпуса, то что можно будетъ найтить при томъ къ ихъ выгодамъ, не оставлю я предварительно извѣстить в. в., соотвѣтственно истинному почтенію и преданности, съ коими имѣю честь остаться навсегда, милостивый государь мой, в. в. гр. Ш.

26 Сентября 1802.

Къ князю И. М. Долгорукову.

Милостивый государь мой князь Иванъ Михайловичъ.

Несчастія погорѣвшихъ Васильевскихъ крестьянъ моихъ побуждаетъ меня покорнѣйше просить в. с. воззрѣть благосклонно на ихъ состояніе и облегчить жребій поверженныхъ случаемъ въ нищету позволеніемъ вашимъ расположить строеніе вновь домовъ согласно съ ихъ выгодами. Сіе приму я одолженіемъ себѣ и новымъ знакомъ той родственнической пріязни вашей, которою прежде имѣлъ я удовольствіе пользоваться, пребывая всегда съ прежнимъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь мой, в. с. гр. Ш.

2 Октября 1802.

Къ графинѣ Разумовской.

Милостивая государыня моя сестрица Варвара Петровна.

Дружеское письмо ваше отъ 25 Августа получилъ и со всею бы охотою далъ вамъ требуемый совѣтъ; но какъ вамъ самимъ извѣстно, я въ такихъ дѣлахъ никогда не бывалъ посредникомъ, то и теперь не могу ничего болѣе сказать кромѣ, что вы по совѣту графа Алексѣя Кириловича и по руководству своей же воли можете сдѣлать распредѣленіе, какъ найдете за лучшее. И я очень увѣренъ, что вы, будучи матерью, истинно и безъ пристрастія любящею дѣтей своихъ, наблюдете къ сему случаю также равновѣсіе, которое удалитъ всѣ поводы къ неудовольствіямъ. Что же принадлежитъ до села съ деревнями, то удержать ихъ у себя можете безъ всякихъ непріятныхъ для себя предположеній.

P. S. Прошу положить на мысляхъ, что если думаете имъ какія деревни сдѣлать и какое дѣлается постановленіе, меня увѣдомьте. Если долго не отвѣчалъ, то меня не было дома: я жилъ въ Гатчинѣ и въ Павловскомъ.

15 Сентября 1802.

*

A madame la comtesse de Lieven, dame d' honneur de Sa Majesté l'Impératrice, dame de la grande croix de S-te Catherine et gouvernante des Grandes-Duchesses, à Gatchina.

Madame.

En vous témoignant beaucoup de reconnaissance pour la commission dont vous avez bien voulu vous charger, je prie votre excellence

de me faire part: quels sont à peu près les dessins qui peuvent convenir à leurs altesses impériales les Grandes-Duchesses; sont-ce simplement des têtes ou bien des petits tableaux comme ceux de Fragonard, Gerard, de Marne et autres dans leur genre? Veuillez bien m'en informer et me croire avec les sentiments de la considération la plus parfaite etc.

S-t. Pétersbourg,
le 16 Octobre 1802.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Кириловичъ.

Пріятное письмо ваше отъ 2-го текущаго съ сердечнымъ удовольствіемъ моимъ я получилъ. Могу увѣрить в. с., что участіе, питаемое мною въ судьбѣ любезныхъ дочерей вашихъ, происходитъ не только по впечатлѣніямъ родственнымъ, но и той искренней привязанности, которую всегда имѣю я собственно къ вамъ. Съ нынѣшнею же почтой писалъ я къ графинѣ Варварѣ Петровнѣ о сообщеніи вамъ намѣренія ея въ разсужденіи графини Варвары Алексѣевны [1]). Но какъ при ономъ расположеніи должны входить въ предметъ и другія дѣти ваши, то и неудобно мнѣ отсюда въ томъ ее соглашать, а надежнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ признаю, чтобы в. с., чрезъ кого заблагоразсудите, узнали чрезъ сношенія мысль ея; сообщите при томъ и собственныя ваши расположенія. Такимъ образомъ скорѣе можетъ сіе приведено быть къ желаемому концу [2]). Впрочемъ прошу принять увѣреніе истиннаго почтенія и пр.

27 Октября 1802.

P. S. Не жалѣю нимало труда, ни старанія въ исполненіи, ведущемъ къ спокойствію и благу дѣтей вашихъ; но сіе-то самое стремленіе останавливается тѣмъ, что не могу я положить никакой награды или положенія, зависящаго единственно отъ милосердія родителей. Почему думается, нужно имѣть кого изъ такихъ людей, чтобы нашли средство, отбирая волю вашу и сестры, согласить намѣренія ваши во едину желаемую цѣль. Нашъ раздѣлъ былъ таковъ, что прежде какой свадьбы раздѣлены были и такимъ образомъ, что какъ часть сына, такъ и дочерей были сравнены единственно условіемъ и замѣною однаго имѣнія другимъ встрѣчающимся недостаткомъ, о чемъ я и сестрѣ писалъ и еще писать не премину.

---

[1]) Выходившей въ то время замужъ за князя Николая Григорьевича Волконскаго, которому присвоено было имя дѣда его по матери князя Н. В. Репнина. П. Б.

[2]) Родители невѣсты жили въ это время врозь. П. Б.

*

A mademoiselle la comtesse Barbe de Razoumovski, demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice, à Batourine en Ukraïne.

Ma chère nièce.

En vous réitérant tous mes souhaits pour votre bonheur, je recommande à vos soins le sort de la comtesse Grégoire de Razoumovski, dont la situation est on ne peut plus affligeante. Si vous pouvez lui être de quelque utilité auprès du comte votre grand-père, intéressez le en sa faveur et ne laissez point échapper les occasions de pouvoir la rendre plus heureuse. Dans ce moment-ci, que vous allez contracter de nouveaux liens avec la société et qui assurément est le plus essentiel de votre vie, il est indispensable de s'attirer sur soi les bénédictions du Ciel et commencer une nouvelle carrière par de bonnes oeuvres. Au reste je connais très bien votre façon de penser pour ne point être persuadé des soins que vous donnerez à cette affaire. En même temps je vous prie de me croire avec les sentiments de la plus inviolable amitié, ma chère nièce, votre affectionné oncle etc.

De S-t. Pétersbourg,
le 10 Novembre 1802.

Рѣчь идетъ о несчастной графинѣ Генріетѣ Разумовской, которую покинулъ и опозорилъ мужъ ея, сынъ гетмана, графъ Григорій Кириллович Разумовскій. См. подробности въ „Русскомъ Архивѣ" 1895 года. П. Б.

*

A monsieur le baron de Stroganoff, maréchal de la cour, chambellan actuel et commandant de l'ordre souverain de S-t Jean de Jérusalème à Koudrovo.

Monsieur le baron.

C'est avec une véritable satisfaction que j'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre et que je profite de l'occasion que vous me procurez de rendre un faible hommage à l'humanité. Veuillez donc bien avoir la complaisance de remettre les cent roubles ci-joints à l'infortuné, au sort du quel votre âme compatissante prend tan d'intérêt, et croyez que je ne ferai point de difficulté de me rendre à votre seconde prière, concernant Sa Majesté l'Impératrice-Mère, si ma mauvaise santé n'y mettait obstacle et ne me contraignit de garder la chambre. Au reste conservez moi une place dans votre amitié et agréez l'assurance de la parfaite considération de celui qui se dit etc.

S-t. Pétersbourg,
le 15 Novembre 1802.

Къ обергофмаршалу графу Толстому.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

Благорасположеніе ко мнѣ в. с. подаетъ мнѣ свободу прибѣгнуть съ моею покорнѣйшею просьбою о неоставленіи меня пріязненною помощію въ такомъ случаѣ, гдѣ самая необходимость моя, соединяющая съ подкрѣпленіемъ слабаго состоянія здоровья моего, заставляетъ меня васъ безпокоить. Мнѣ нужно по предписанію медиковъ употреблять портеръ; почему чувствительное одолженіе оказать мнѣ изволите, когда при удобномъ случаѣ повергнете къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу мою о позволеніи выписывать мнѣ изъ Англіи небольшое количество для собственнаго только употребленія моего свѣжаго портеру всякой годъ. Таковая монаршая милость, можетъ быть, подкрѣпитъ здоровье мое.

Ощущеніе же благодарности къ сему одолжительному пособію вашему оставитъ на всегда въ чувствіяхъ моихъ то истинное почтеніе и совершенную преданность, съ каковыми непремѣнно остаюсь и пр.

16 Декабря 1802.

*

A monsieur Hyvard, musicien du Grand-Opéra de Paris, á Paris, rue. . . . chez le Vitrier № 300.

Monsieur.

Ne pouvant que me louer du succès avec lequel vous avez toujours rempli mes différentes commissions, je me fais un véritable plaisir de m'adresser présentement encore à vous et vous prier de m'envoyer le plutôt possible les partitures des opéras suivants et nomement dans le genre sérieux: Adrien de Méhul, de Gretry, Hécube, Astianax, les Mystères d' Isis de Mozart, et puis en fait d'opéras comiques: le Trompeur trompé, l' Epreuve d'un beau-père, Stratonice, Elisa ou la Tendresse maternelle.

Je joins à cet effet 2000 r. à la présente, et vous m'obligerez beaucoup, si vous voulez bien m'envoyer en même temps tout ce qu'il peut y avoir de plus joli et de plus nouveau en fait de bijouterie, comme tabatière, montre, chaîne etc.

Je compte sur vous et me dis avec l'estime la plus parfaite, monsieur, votre affectionné c. S.

S-t Pétersbourg,
le 3 Janvier 1803.

Къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

A Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexievna.

Madame.

Les sentiments de bienfaisance qui caractérisent Votre Majesté Impériale m'enhardissent à lui faire l'aveu d'un mariage que j'ai contracté le 6 Novembre 1801, et que le déplorable état, où je suis, m' a jusqu' à présent mis dans l'impossibilité de venir lui déclarer de vive voix. Permettez, Madame, que j'ose solliciter vos bontés pour celle que l'Église a rendu ma légitime épouse et qui, après m'avoir donné un fils, baptisé sous le nom de comte Dimitri, est tombée dans un état désespéré. La famille de ma femme est d'origine polonaise, et l'éducation qu'elle a reçue par ma tante, la princesse Dolgorouki *), dans la maison de mon père, ainsi que ses qualités personnelles, l'ont réellement rendu digne de mon attachement, de toute mon amitié. Daignez, Madame, honorer de votre auguste bienveillance la comtesse Prascovia Ivanovna, mon épouse, en donnant un libre cours aux sentiments de cette humanité touchante qui fait depuis longtemps mon admiration et celle de tous vos sujets. C'est sur elle que fonde son espoir celui qui se dit avec la soumission la plus parfaite et le plus profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble, très obéissant serviteur et sujet c. Nicolas Chérémétеff.

Le 22 Février 1803.

Писано наканунѣ кончины графини Прасковьи Ивановны.

Къ Д. П. Трощинскому.

Милостивый государь Дмитрій Прокофьевичъ.

Имѣя особой важности письмо къ Государю Императору, покорно прошу поднесть оное Его Императорскому Величеству. Остаюсь впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью, и пр.

Февраля 22-го дня 1803 г.

Къ императору Александру Павловичу.

Всемилостивѣйшій Государь.

Горестное и крайне несчастнѣйшее положеніе мое не лишало меня еще надежды имѣть счастіе самому изъяснить Вашему Импера-

---

*) Княгиня Марѳа Михайловна Долгорукая (род. 1700 г.), дочь графа Михаила Борисовича Шереметева, старшаго сына фельдмаршала и Евдокіи Григорьевны Нарышкиной, вдова князя Алексѣя Михаиловича Долгорукаго. Она жила до кончины своей въ домѣ двоюроднаго брата своего графа Петра Борисовича Шереметева, и подъ ея надзоромъ воспитывались ученицы для домашняго театра. П. Б.

торскому Величеству, что я соединенъ священными узами брака и что сего Февраля 3-го дня Богъ даровалъ мнѣ сына и наслѣдника графа Димитрія; но отчаянное состояніе жестокой болѣзни жены моей, графини Прасковьи Ивановны, при дверяхъ гроба находящейся, заставляетъ меня, не отлагая, чрезъ сіе открыть Вашему Императорскому Величеству, что я точно обвѣнчанъ 6-го Ноября 1801 года въ Москвѣ, въ церкви Сѵмеона Столпника на Поварской, по всѣмъ священнымъ обрядамъ, на чтò имѣю и ясныя письменныя удостовѣренія.

Жена моя, графиня Прасковья Ивановна, воспитана въ домѣ отца моего съ отличностью и чрезъ нѣжныя мои объ ней попеченія образовала себя по чувствамъ приличнѣйшимъ нынѣшнему ея состоянію.

Знавъ возвышенность просвѣщенія и человѣколюбія Вашего, всемилостивѣйшій Государь, отдаленъ я той мысли, чтобъ заслужить неблаговоленіе ко мнѣ ваше, состоящее въ томъ, что нарушилъ установленіе придворнаго порядка и не доложилъ о томъ предварительно; и для того, упадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, дерзаю въ горести моей испрашивать одной милости, чтобы осчастливить и подать мнѣ отраду хотя единымъ начертаніемъ священнаго слова, что сіе не противно волѣ вашей, но можетъ удостоено быть и благоволительнаго принятія.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій графъ Шереметевъ *).

Къ Ростовскому архимандриту Амфилохію.

Честнѣйшій отецъ Амфилохій, милостивый государь мой.

Уже не о томъ радостномъ приключеніи, о которомъ недавно писалъ я къ вамъ, почтеннѣйшій отецъ, извѣщу въ строкахъ сихъ; но скажу, что къ чрезмѣрной скорби души моей графиня моя Прасковья Ивановна сего Февраля 23 числа кончила дражайшую для меня жизнь свою. Смущенный печалію духъ мой въ единомъ только Богѣ полагаетъ надежду свою и утѣшеніе, умоляя Всевышняго о водвореніи души ея въ вѣчное блаженство и о подкрѣпленіи чрезвычайно разстроеннаго моего положенія. Умоляю васъ, какъ друга, не о томъ, чтобы вы печалились вмѣстѣ со мною, ибо знаю совершенно, что вы, обитая духомъ въ Богѣ, предпочитаете блаженную вѣчность мірскимъ суетностямъ; но, чтобы воззрѣвъ на слабости человѣчества, были ходатаемъ

*) Императоръ Александръ Павловичъ отозвался благосклонно на это трогательное заявленіе, чтò видно по письму графа Николая Петровича къ сестрѣ его (см. ниже). Какъ отнеслась къ неравному браку императрица-мать, намъ неизвѣстно. П. Б.

у престола Всевышняго и гроба святыхъ мощей великаго угодника Его Димитрія о подкрѣпленіи упавшаго моего духа и о водвореніи души усопшей во блаженствѣ праведниковъ, въ чемъ имѣю надежду, вспоминая о жизни покойной графини и ея приверженности къ святой религіи, и увѣренъ я при томъ, что вы прольете къ Творцу теплыя о ней свои молитвы. Пребываю навсегда съ совершенною преданностію, почтенный, честнѣйшій отецъ, милостивый государь мой, покорнѣйшій слуга графъ Шереметевъ.

Къ Н. Н. Бантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ.

Пользуясь съ давняго времени знакомствомъ вашимъ и зная пріязнь вашу къ сестрѣ моей графинѣ Варварѣ Петровнѣ, не обинуясь, влагаю здѣсь письмо на имя ея, въ которомъ увѣдомляю о недавно случившемся со мною, крайне разительномъ для меня горестномъ приключеніи и, опасаясь, чтобы она не подумала, что со мною лично что нибудь случилось, покорно прошу ваше превосходительство принять одолжительный для меня трудъ, доставить ей письмо мое, приготовя ее къ тому прежде, сколько можно. А между тѣмъ сообщу вамъ тоже самое, чтó сказано и въ письмѣ къ сестрѣ. Намъ Богъ даровалъ сына и наслѣдника графа Димитрія. Но при самомъ началѣ сего благополучія моего поразило меня совершенное несчастіе: графиня моя сего же Февраля 23-го числа кончила драгоцѣнную для меня жизнь свою. Оплакивая теперь горестную участь свою, нахожу въ Богѣ единое свое утѣшеніе, и въ увѣренности, что вы примете въ несчастномъ положеніи моемъ соучастіе, пребуду и пр. гр. Н. Ш.

Къ графинѣ В. П. Разумовской.

Милостивая государыня моя, сестрица графиня Варвара Петровна.

Поставляю долгомъ своимъ увѣдомить васъ, что я соединился священными узами брака прошлаго 1801 года Ноября 6-го дня въ Москвѣ по обряду нашей религіи и на сей бракъ получилъ, какъ отъ Государя Императора, такъ и отъ всей высочайшей фамиліи, благоволительныя подтвержденія; а 3-го числа сего Февраля мѣсяца жена моя графиня Прасковья Ивановна, урожденная Ковалевская, разрѣшилась отъ бремени, и мнѣ Богъ даровалъ сына и наслѣдника графа Димитрія. Но къ совершенному моему несчастію сего же Февраля мѣсяца 23-го числа графиня моя скончалась. Имѣя мучительную горесть единственною спутницею, не нахожу силъ сказать здѣсь ничего болѣе, кромѣ что я съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью остаюсь вѣрный вамъ всегда и совершенно преданный другъ, братъ и покорнѣйшій слуга.

Собственноручная приписка: Пожалѣй о мнѣ. Истинно я внѣ себя. Потеря моя непомѣрная. Потерялъ достойнѣйшую жену и въ покойной графинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ имѣлъ я почтенія достойную подругу и товарища. Кончу горестную рѣчь. Остаюсь графъ Шереметевъ.

26 Февраля 1803.

Къ барону Корфу.

A monsieur le baron de Korff, conseiller privé à Mitau en Courlande.

Monsieur le baron. Les témoignages d'amitié de v. e. pendant son dernier séjour à S-t Pétersbourg me sont autant de garants de la part qu' elle prendrait à ma douleur en apprenant le décès de mon épouse la comtesse Prascovia Ivanovna, morte le 23 Février après m'avoir donné un fils, bâptisé sous le nom de comte Dimitri. Cette perte, je vous l'avoue, m'est bien sensible; car je perds en elle une amie tendre, une compagne fidèle, qui ne s'est occupée toute sa vie qu' à me rendre heureux. Ce tribut que je dois à sa mémoire semble en quelque sorte alléger mes peines et surtout quand c'est dans le sein d'un ami tel que v. e. que je puis épancher mon coeur. Assurement qu'il donnera quelques larmes à celle qui n'a pas eu le temps de se faire bien connaître, mais qui n'en avait pas moins d' attachement pour vous, monsieur le baron, après toutes les preuves d' amitié que vous avez bien voulu lui donner. C'est ce dont je peux avoir l' honneur de vous assurer, ainsi que des sentiments de la considération la plus parfaite de celui qui se dit etc.

S-t Pétersbourg, le 26 Février 1803.

Къ князю Маврокордато *).

A son altesse le prince de Maurocordato, ci-devant hospodar de Moldavie et de Valachie, à Moscou.

Mon prince.

L'amitié que vous m'avez toujours témoigné m'enhardit à vous tracer l'état déplorable où je me trouve par la perte de mon épouse la comtesse Prascovia Ivanovna, qui quelques jours encore avant sa mort m' a laissé pour gage de son amour un fils bâptisé sous le nom de comte Dimitri. Connaissant vos sentiments, je suis persuadé que vous daignerez partager mes peines et regretterez avec moi celle qui ne s'est occupé pendant toute sa vie qu'à me rendre heureux. Je l'ai épousé le 6 Novembre 1801 et puis vous assurer, mon prince, que je n' ai eu qu'à me louer d'avoir uni nos destins ensemble: car j'ai trouvé à la fois en elle une amie tendre, une compagnie fidèle et une

*) Превосходный поясной портретъ этого князя находится подъ Москвою во Всесвятскомъ, въ домѣ генерала Софьяно. П. Б.

épouse rare. Le tribut que je paye à sa mémoire et que j'arrose de mes larmes est enfin la seule consolation de celui qui se dit etc.

S-tPétersbourg, le 2 Mars 1803.

Къ Е. И. Нелидовой.

A mademoiselle de Nélidoff, demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice, dame de l'ordre de S-te Catherine et directrice de la Communauté de Smolna.

Mademoiselle.

Connaissant vos sentiments d'humanité, je suis persuadé que vous ne trouverez point mauvais que je me rappelle à votre souvenir par rapport à la jeune personne pour laquelle vous avez bien voulu vous intéresser l'année passée. Comme le terme est venu que je dois prendre soins de son sort, je prie donc v. e. de m' indiquer comment je puis lui être utile et de croire que je n'aurais pas manqué de venir moi-même à cet effet si une longue suite de malheurs ne m' avait enfin réduit à un état déplorable en me privant de mon épouse, la comtesse Prascovia Ivanovna. Cette perte qui m'est plus sensible que je ne pourrai l'exprimer, ne me laisse d'autre consolation que de participer au bonheur d'autrui. C'est pourquoi je m'adresse à vous, mademoiselle, comme à une âme bienfaisante et à la protectrice de l'innocence, pour vous prier de me dire si je peux accomplir ce désir soit à la Communauté, soit à l'Institut de S-te Catherine. Offrez moi, de grâce, toutes les occasions possibles de faire du bien, et je vous serai redevable de la seule jouissance qui me reste. En attendant, j'ai l'honneur de me dire avec la considération la plus distinguée etc.

le 2 Mars 1803.

Къ Ирару.

Hyrard — давній и постоянный Парижскій корреспондентъ графа Шереметева, обширная переписка съ нимъ по музыкальнымъ и театральнымъ дѣламъ еще началась при графѣ Петрѣ Борисовичѣ.

Monsieur.

J'ai eu le plaisir de recevoir votre dernière lettre et suis fort sensible à l'empressement que vous m'avez témoigné pour les tableaux dont je vous avais chargé de m'envoyer une note. Je regrette de ne pouvoir en profiter, car la perte de mon épouse que je viens de faire tout récemment m'est trop douloureuse pour penser à quelques acquisitions quelconques; puis comme je compte aller voyager *), je me réserve

---

*) Намѣреніе не состоявшееся. П. Б.

alors de faire moi-même des achats d'après mon goût; mais en cas que ce projet ne peut avoir lieu et que j'eusse besoin de quelque chose, c'est assurément toujours à vous que j'aurai le plaisir de m'adresser.

En attendant je suis avec la plus parfaite estime, monsieur, votre dévoué.

S-t Pétersbourg, le 16 Mars 1803.

Слѣдующимъ лицамъ отправлены были письма съ извѣщеніемъ о кончинѣ графини Прасковьи Ивановны:

Его высокоблагородію Александру Владимировичу Шереметеву.
› Василію Владимировичу Шереметеву.
Его сіятельству графу Алексѣю Сергѣевичу Шереметеву.
› Михайлѣ Сергѣевичу Шереметеву.
» Алексѣю Кириловичу Разумовскому.
Ея превосходительству Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Ушаковой.
› Елисаветѣ Ѳедоровнѣ Заборовской.
› Аграфенѣ Ѳедоровнѣ Заборовской.
› Варварѣ Ѳедоровнѣ Голохвастовой.
Князю Ивану Ѳедоровичу Касаткину-Ростовскому.
› Василію Алексѣевичу Урусову.
Графинѣ Катеринѣ Петровнѣ Строгановой.
Князю Юрію Никитичу Трубецкому.
› Ивану Дмитріевичу Трубецкому.
› Николаю Никитичу Трубецкому.
› Ивану Никитичу Трубецкому.
Графу Ивану Петровичу Салтыкову.
Князю Ивану Михайловичу Долгорукому.
Ея превосходительству Елисаветѣ Павловнѣ Поликарповой.
Графинѣ Аннѣ Павловнѣ Каменской.
Его превосходительству Андреяну Андреяновичу Лопухину.
› высокоблагородію Ѳедору Андреяновичу Лопухину.
› превосходительству Матвѣю Ѳедоровичу Толстому.
Князю Ивану Николаевичу Трубецкому.
› Петру Семеновичу Урусову.
› Михайлѣ Петровичу Волконскому.
Его высокоблагородію Дмитрію Адамовичу Олсуфьеву.
Князю Александру Борисовичу Куракину.
› Гаврилѣ Петровичу Гагарину.
Его в. Платону Ѳедоровичу Уварову.
› Ивану Ивановичу Палибину.
› Михаилу Михаиловичу Рахманову.
› Петру Александровичу Собакину.
Е. в. Андреяну Андреяновичу Фрезу.
Княжнѣ Дарьѣ Николаевнѣ Щербатовой.
Его высокопревосходительству Петру Ѳедоровичу Самарину.

Самарину приписано рукою графа Н. П. Шереметева:

Зная, какъ вы любили покойную жену мою, то долгомъ моимъ почитаю увѣдомить васъ о совершенномъ моемъ несчастіи. Пожалѣйте:

я истинно все потерялъ. P. S. Милостивой государынѣ тетушкѣ Настасьѣ Петровнѣ свидѣтельствую искреннѣйшее почтеніе и прошу извиненія, что горесть моя не допускаетъ меня самого особо написать.

Всѣ извѣщенія отправлены 26 Февраля (1803).

Къ архимандриту Амфилохію.

Своеручно: Помолитесь о человѣкѣ въ горести погруженномъ; истинно, нужна мнѣ ваша помощь. Желаніе мое одно, чтобы быть съ Богомъ, творить Его святую волю, оплакивать грѣхи мои и получить спасеніе души моей. Сыну же моему прошу испросить здравіе и благо земное угодить Богу, въ чемъ можете умолить. Прошу дать мнѣ въ письмѣ вашемъ наставленіе къ пользѣ души моей и къ утѣшенію скорбью наказаннаго.

2 Марта 1803.

Къ митрополиту Платону.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый мой архипастырь.

Крестъ и сорочку для сына моего при письмѣ в. в. имѣлъ я удовольствіе получить и приношу чувствительнѣйшую мою благодарность. Истинно, скорбь души моей такъ велика, что нѣтъ утѣшенія, которое сильно было бы и поколебать ее. Творецъ мой—единая моя надежда; прошу Его, чтобы Онъ далъ силы къ перенесенію постигшаго меня несчастія и, можетъ быть, временемъ исцѣлѣюсь отъ душевной болѣзни, жестоко меня разслабляющей.

Покорно прошу в. в. не лишать меня спасительными наставленіями вашими, которыя теперь болѣе всего для меня нужны и которыя приму я съ совершенной благодарностью, имѣя честь быть навсегда съ искреннѣйшимъ почтеніемъ и полною преданностью, при порученіи себя и сына моего въ молитвы ваши, милостивый мой архипастырь, в. в. покорнѣйшій и искреннѣйшій слуга графъ Шереметевъ.

По чувствамъ душевной моей къ вамъ привязанности, откровенно скажу, что въ несчастіи моемъ много виноваты медики. Они дѣлали упущенія, таковыя, какъ никакая старая бабушка повивальная сдѣлать не въ состояніи. Впредъ предоставляю о семъ прислать подробное описаніе;повершу тѣмъ, что безъ попущенія Божія ничего совершиться не могло. Но не меньше весьма я несчастливъ, что въ жизни сей потерялъ то, что̀ никогда возвратить не можно. Душа моя безпрерывно страдаетъ, но увѣренъ на милость Божію, что когда не здѣсь, то въ будущемъ не буду оставленъ, и вотъ чего единаго всегда желалъ и желаю. Не забудьте меня въ молитвахъ вашихъ; я немалую имѣю нужду: душа моя весьма ослабѣваетъ, и не встрѣчаю ничего къ спокойствію и утѣшенію.

31 Марта 1803.

Къ П. Ѳ. Квашнину-Самарину.

Милостивый государь мой Петръ Ѳедоровичъ.

Получивъ отвѣтное письмо в. пр., узналъ я, что увѣдомленіе о кончинѣ покойной жены моей графини Прасковьи Ивановны, по новости и ошибкѣ секретаря моего, отправлено было къ вамъ съ адресомъ въ Москву; и вижу, что сіе-то самое и было причиною, что я по сіе время лишался удовольствія читать строки, въ которыхъ теперешнее горестное положеніе мое находитъ нѣкоторое утѣшеніе. Прошу васъ случившуюся разстановку времени не приписать чему либо съ моей стороны и быть увѣрену, что я, зная совершенно расположеніе ваше и любовь къ покойной женѣ моей, поставлю васъ въ числѣ первыхъ, съ которыми, относясь о случившемся со мною несчастіи, ищу облегчить скорбь, обременяющую мою душу.

Коль скоро разстроенность положенія моего позволитъ мнѣ выѣзжать, не премину самъ быть у васъ, и когда угодно будетъ в. пр. посѣтить меня, пріятно мнѣ будетъ видѣть васъ въ домѣ своемъ, раздѣлить время съ вами.

Тетушкѣ свидѣтельствую мое почтеніе и прошу, когда будетъ проѣзжаться, заѣхать ко мнѣ; а васъ я всегда съ удовольствіемъ искреннимъ принять готовъ. Повѣрьте, что я не лестно изъявляю все, чтó въ чувствахъ моихъ вкоренено.

16 Марта 1803.

Къ графу А. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Сергѣевичъ.

Приношу благодарность мою за пріемлемое вами въ теперешнемъ состояніи моемъ, въ чрезмѣрной моей потерѣ, участіе; крайне сожалѣю о болѣзни молодой графини и прошу васъ увѣдомлять меня почаще о состояніи ея здоровья; для меня очень чувствительно всякое непріятное происшествіе въ семействѣ вашемъ. За желаніе ваше быть со мною въ Петербургѣ, раздѣлять печаль мою, покорно благодарю. Въ другое время принялъ бы съ немалымъ удовольствіемъ такое предложеніе ваше; но теперь, зная, сколь необходимо присутствіе ваше въ домѣ для возстановленія здоровья молодой графини, не могу я этого требовать, ибо родительскія попеченія о дѣтяхъ ничто замѣнить не можетъ.

Посланный вами чай полученъ, и благодарю за доставленіе онаго.

Впрочемъ съ моимъ къ вамъ почтеніемъ остаюсь, м. г. мой, в. с. пок. слуга гр. Шереметевъ.

Истинно тебѣ скажу, что грусть моя чрезмѣрная, потеря неописанная, а потому самому и положеніе мое жалкое. Вамъ извѣстно,

какъ я любилъ и чтилъ покойную жену мою графиню Прасковью Ивановну; но въ сей потерѣ безвозвратной Одинъ помощію Своею не оставитъ; на Него вся моя надежда и упованіе. Гр. Ш.

16 Марта 1803.

Къ В. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ.

Болѣзнь души моей все въ такой же силѣ, какъ была и при васъ. Наступившій праздникъ Пасхи живо представляетъ чувствамъ моимъ прошедшее. Горесть жестоко обременяетъ меня; а при таковомъ состояніи духа страждетъ вмѣстѣ и тѣло. Вотъ что̀ могу я сказать на письмо ваше отъ 17 Марта. Сынъ мой, слава Богу, здоровъ столько, сколько позволяетъ это сказать теперешній его возрастъ.

Татьянѣ Ивановнѣ приношу благодарность мою за пріемлемое въ теперешнемъ состояніи моемъ участіе.

Примите истинное поздравленіе съ торжествомъ Пасхи и желаніе вамъ всѣхъ благъ и пр.

Апрѣля 6-го дня 1803 г.

Къ архимандриту Мельхиседеку.

Высокопреподобный отецъ Мельхиседекъ, м. г. мой.

Давно уже получилъ я образъ Св. Сергія. Скорбь души, жестоко меня обременяющая, не позволила до сего времени принесть мою благодарность. Примите ее теперь отъ чистаго сердца приносимую вамъ. Пожалѣйте о случившемся со мною. Мѣра несчастія моего велика, такъ велика, что едва достаетъ силъ переносить ее. Ослабѣваетъ разсудокъ. Одно упованіе на Бога подкрѣпляетъ меня; въ Немъ нахожу я единственное утѣшеніе и молю Его о подкрѣпленіи упадшаго моего духа. Споспѣшествуйте мнѣ въ семъ, прошу васъ, своими молитвами; молите Творца о водвореніи покойной жены моей во блаженствѣ праведниковъ, о здравіи моего сына, который, можетъ быть, можетъ нѣкогда утѣшить меня. Благодарность за сіе наполнитъ душу пребывающаго съ почтеніемъ къ вамъ того, который навсегда останется в. в. м. г. моего и пр. P. S. Препровождаемую при семъ бездѣлку прошу принять знакомъ напамятованія обо мнѣ.

Апрѣля 16-го дня 1803.

Къ Д. Л. Похвисневу.

Милостивый государь мой Дмитрій Любимовичъ.

Отъ 26-го Марта письмо ваше я получилъ. Вижу то участіе, которое принимаете въ моей потерѣ и скажу: она велика, такъ велика, что едва достаетъ силъ моихъ къ перенесенію постигшаго меня не-

счастія. Я лишился всего, что́ было для меня любезнѣйше, въ чемъ заключалось мое счастіе, и одна горесть осталась единственнымъ моимъ собесѣдникомъ. Зная, сколь много любили вы покойную жену мою, хотѣлъ я приложить здѣсь какую нибудь изъ ея вещей, которая служила бы вамъ памятникомъ объ ней; но, не нашедъ ничего по мысли своей пристойнаго, рѣшился препроводить при семъ три тысячи рублей. Примите ихъ зна́комъ того доброжелательства и любви, которыя покойная графиня моя безлестно къ вамъ питала, и будьте увѣрены, что я навсегда останусь съ почтеніемъ къ вамъ и преданностью, м. г. мой, пок. слуга гр. Шереметевъ.

P. S. Хотя вы не имѣете нужды въ томъ вамъ напоминать, но увѣренъ, что вы меня не оскорбите и посланное оставите по желанію моему у себя. Хотя вы меня и разлюбили, но только не могу я вамъ умолчать, что я послѣднимъ моимъ несчастіемъ пораженъ до безконечности и не нахожу возможности найти путь не только къ утѣшенію, но лишенъ и навсегда спокойствія. Если вы продолжаете такъ хорошо вѣру сохранять, то пожалѣйте о моей участи; а о покойной женѣ моей, хотя и временно вздохнувъ, помолитесь. Прекращаю опое писать: силы мнѣ не позволяютъ. Увѣдомьте меня о вашемъ здоровьѣ. Желаю вамъ отъ души всѣхъ благъ.

Апрѣля 16-го дня 1803.

Къ Д. А. Олсуфьеву.

Милостивый государь мой Дмитрій Адамовичъ.

Согласіе ваше на мою просьбу и принятый трудъ къ приказанію срисовать миніатюрную копію съ портрета покойной графини моей чувствительно меня одолжаютъ и подаютъ поводъ еще просить васъ, милостивый государь мой, о такомъ же приказаніи срисовать масляными красками другую копію, величиною подобную оригиналу, писанному en pastel, и какъ вы изволите замѣтить, что шишакъ, служащій украшеніемъ головы, близко подходитъ къ рамѣ, то, во избѣжаніе сего, въ копіи, которая будетъ писана масляными красками, покорно прошу приказать живописцу дать портрету такой видъ, чтобы шишакъ отъ рамы имѣлъ соразмѣрное разстояніе; нѣтъ нужды, хотя копія будетъ нѣсколько и болѣе подлинника.

Простите мнѣ, что такъ много васъ утруждаю; истинно, увѣренность въ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, доказанномъ многими опытами, тому причина; а при томъ и несходство съ оригиналомъ, которое нашелъ я въ копіи, писанной масляными красками по приказанію А. живописцемъ Кипелемъ.

Покорнѣйше прошу приказать живописцамъ, которые будутъ работать, чтобъ сколько можно сберегли подлинникъ, писанный en pastel, отъ поврежденій; ибо, какъ вамъ самимъ извѣстно, писанное сухими красками отъ небреженія весьма легко можетъ испортиться.

Къ генералу Гедувилю [1]).

A monsieur le général Hédouville, envoyé extraordinaire de la République française à la cour de Russie, à S-t Pétersbourg.

Monsieur.

Je ne crois pouvoir mieux répondre aux témoignages flatteurs que j'ai reçu de votre part qu'en vous envoyant une copie du rescript et de l'oukaze de Sa Majesté l'Empereur, ainsi que du plan de l'établissement qui me les a fait obtenir.

Je mets au nombre de mes plus douces jouissances le sentiment que vous m'avez manifesté, en ne faisant qu'une seule et même nation de tous les coeurs sensibles.

J'ai l'honneur de me dire avec la considération la plus parfaite.

Le 28 Avril 1803.

Къ графу А. Р. Воронцову(?)

Monsieur le comte.

Craignant de venir vous déranger au milieu de vos occupations et n'ayant point été assez heureux que de vous trouver à la maison, lorsque j'ai eu le plaisir de passer chez vous à plusieurs reprises, je crois ne pouvoir mieux faire que de m'adresser par écrit à votre excellence, puisque je me fais un devoir de la prier de vouloir bien s'intéresser à monsieur de Malinowski [2]) qui, dans l'établissement que Sa Majesté l'Empereur a daigné approuver en dernier lieu, m'a beaucoup aidé dans les détails et des arrangements que je ne pourrais faire seul, quoique le plan ait été fait d'après ma dictée, de sorte que les peines qu'il s'est donné méritent quelque encouragement, d'autant plus qu'il doit achever le bâtiment et mettre à l'exécution ce qui a été confirmé. D'ailleurs je puis vous assurer que cet homme, aussi honnête que serviable, n'a été guidé par aucun motif d'intérêt, mais par pur honneur. Comme c'est une affaire qui est du domaine de votre excellence, je suis persuadé qu'en rendant justice à ma demande, elle aura trop à

[1]) Графъ Габріель Теодоръ Іосифъ Гедувиль, извѣстный усмиреніемъ Вандеи, былъ полномочнымъ министромъ отъ Французской республики при нашемъ дворѣ съ 1801 по 1804 годъ. П. Б.

[2]) А. Ѳ. Малиновскій уже тогда служилъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, котораго потомъ до конца своей жизни былъ начальникомъ. П. Б.

coeur d'encourager les personnes de mérite que j'ai le plaisir de recommander à ses bontés.

Dans cette persuasion j'ai l'honneur de me dire etc.

Le 3 Mai 1803.

Къ архитектору Депре*).

A monsieur Desprez, premier architecte de s. m. Suédoise à Stockholm.

Monsieur, j'ai reçu les plans et dessins que vous avez bien voulu m'adresser et je m'empresse de vous assurer qu'ils remplissent parfaitement mes intentions et ne peuvent qu' ajouter encore à la haute idée que je m'étais faite de vos talents. Vous ne pouviez rien me faire espérer de plus agréable que votre arrivée en Russie, où je me fais un plaisir d'avance de vous connaître personnellement. Acceptez, monsieur, comme témoignage de satisfaction et de reconnaisance, 3000 r. que je vous envoie; je me croirai heureux s'ils peuvent contribuer à hâter votre départ et rapprocher le moment qui doit amener en Russie un artiste d'un mérite aussi distingué que vous. En même temps je suis avec le plus parfait estime etc.

S-t Pétersbourg, le 1 Octobre 1803.

Къ графу Цукато.

A monsieur le comte de Zoucato, général-major, chevalier de l'ordre de S-t Georges de la 4-me classe et de celui du Mérite de Prusse, à Skloff.

Monsieur le comte.

Je suis pénétré de reconnaissance pour le choix que vous avez bien voulu faire de moi pour être le parrain de votre nouveau-né. En vous félicitant, ainsi que madame la comtesse, sur cet heureux évènement, j'aurais l'honneur de vous dire que j'accepterais volontiers le titre que vous voulez bien me proposer, si je ne m'étais pas fait un règle depuis longtemps de ne plus m'imposer des devoirs aussi essentiels que ceux du baptême et qui exigent des soins sacrés à tout égard. D'ailleurs, comme je me dois entièrement à l'éducation de mon fils unique, je ne puis prendre aucun engagement sans m'écarter de mon but et m'éloigner du plan que je me suis tracé. Aussi veuillez bien m'excuser sur l'impossibilité qu'il y a de me rendre à votre flatteuse invitation ou

*) Депре, Французскій живописецъ и архитекторъ, былъ приглашенъ Густавомъ III-мъ въ Стокгольмъ, между прочимъ затѣмъ, чтобы написать картины, изображающія Русско-Шведскую войну 1788 года. Ю. Б.

bien de prêter mon nom à cet effet, car cela reviendrait au même. En même temps je vous prie de me croire avec la considération la plus parfaite etc.

S-t Pétersbourg, le 17 Janvier 1804.

Къ Мельхиседеку, архимандриту Можайскаго монастыря.

12 Мая 1804.

Высокопреосвященнѣйшій отецъ архимандритъ.

Съ великимъ удовольствіемъ желаю служить в. в. не только книгами моей библіотеки, но и всѣмъ тѣмъ, что̀ можетъ быть вамъ пріятно, еслибы къ сожалѣнію моему не находились онѣ въ разстройкѣ: часть оной находится въ Петербургѣ, а всѣ лучшія книги и множество весьма рѣдкихъ манускриптовъ хранятся въ Кусковѣ въ ящикахъ, отъ коихъ печать и ключи имѣю при себѣ; не имѣя тамъ библіотекаря, опасаюсь кому-либо ихъ повѣрить, дабы утрачены не были. Намѣреніе мое есть собрать всѣ вмѣстѣ, привести въ порядокъ и тогда съ удовольствіемъ моимъ предложить вамъ оными заниматься. Пользуясь симъ случаемъ, остаюсь гр. Ш.

Къ А. Ѳ. Малиновскому.

6 Іюня 1804.

Не сумнитесь, что я къ вамъ такъ мало пишу; не причтите оное ничему иному какъ то, что я замученъ разнымъ (дѣломъ) и при томъ боленъ и хоть крѣпился корпусъ, но начинаетъ давать себя чувствовать. Я пять дней пролежалъ въ постелѣ, ставилъ мухи-кантариды и встаю съ постели; но хотя не опасна болѣзнь, токмо мучительна, и мысли мои безпрерывно заняты потерею драгоцѣннаго друга, недостатка мною ощущаемаго во всей мѣрѣ. Притомъ и болѣзнь. И слава Богу, я этимъ зачинаю быть доволенъ и не желаю перейтить въ положеніе никакой веселости. Маленькій вамъ кланяется своимъ манеромъ. Нарядилъ я его въ Мальтійскій мундиръ и вчерась, не помѣшкавъ, новый кавалеръ обновилъ свой мундиръ—весь замочилъ; тѣмъ все и кончилось; нужно другой шить. Истинно, это пресмѣшной кавалеръ; жалѣю, что вы его не видите. Не позабудьте приказать отдѣлать мою хижину въ Жихаревѣ какъ можно теплѣе, и желалось бы мнѣ, чтобъ въ будущемъ году въ ней пожить. При томъ желаю вамъ истинно всего добраго и продолженія дружбы вашей. Повѣрьте, что я всю цѣну ея знаю. Гр. Ш.

Къ княгинѣ Дашковой.

A madame la princesse de Dachkoff, dame d'honneur de LL. MM. II et dame de l'ordre de S-te Catherine de la première classe, à Moscou.

Princesse.

Après la lettre remplie de témoignages de votre précieuse amitié, je suis désolé au-dela de toute expression de ne pouvoir plus y répondre au gré de mes voeux et avec tout l'empressement que j'aurais de vous servir; puisque depuis la perte sensible que j'ai faite de mon épouse, Sa Majesté l'Empereur, en condescendant à ma prière, a daigné me dispenser du Corps de Pages pour le remettre entièrement sous la direction du général Klinger.

Je vous avoue, madame la princesse, que depuis que ce Corps n'est plus de mon département, ce n'est que pour la première fois que j'ai lieu de le regretter à cause qu'il me prive de la seule occasion qui peut se présenter de vous donner au moins une faible idée de mon respectueux et sincère attachement pour vous, comme pour ceux qui ont le bonheur de vous appartenir.

Veuillez bien en être persuadée et croire en même temps que j'ai trop à coeur tout ce qui peut vous être agréable pour oublier ce dont vous voulez bien me faire ressouvenir.

S-t Pétersbourg, le 14 Juin 1804.

Къ А. Ѳ. Малиновскому.

Милостивый государь мой Алексѣй Ѳедоровичъ.

Какое получилъ я письмо отъ княгини Анны Николаевны Долгоруковой *), копію при семъ препровождаю для усмотрѣнія вашего; надѣюсь, что его содержаніе столько же вамъ покажется страннымъ, какъ и мнѣ. Претензія княгини состоитъ въ томъ, что будто бы родитель мой, получа имѣніе по наказу отъ дѣда моего (чему прошло уже около ста лѣтъ), выдавая въ замужество сестру свою, графиню Наталью Борисовну Шереметеву, не выдѣлилъ изъ недвижимаго имѣнія принадлежащей ей части.

Недовольно того, что, при жизни родителя моего, въ теченіе столькихъ лѣтъ, не было никакой отъ сестры его по сему дѣлу претензіи; но и по кончинѣ его, я, вступая въ наслѣдство, ничего касательно сего не слыхалъ. И такъ, цѣлое столѣтіе проходя въ молчаніи, нынѣ,

*) Урожд. баронессы Строгановой, супруги извѣстнаго стихотворца. П. Б.

къ удивленію моему, разсудила убѣдить меня очищать совѣсть отца и дѣда моего, требуя возвращенія дѣтямъ ея имѣнія ея свекрови, не взирая, что я еще не родился во время, когда графиня Наталья Борисовна выходила въ замужество за князя Долгорукова, а потому дѣло сіе покрыто для меня совершенною неизвѣстностью, и предосудительно было бы съ моей стороны удовлетворить ея желанію и тѣмъ оскорбить память родителя моего и поддержать возводимую на него клевету. Копію съ отвѣта моего письма княгинѣ при семъ прилагаю, изъ коего усмотрите, что я, не ожесточаясь, старался только уклониться вступить въ ни съ какой стороны до меня непринадлежащее. Мнѣ бы очень желательно было, чтобы приложенное при семъ письмо къ княгинѣ вы вручили по знакомству ея съ вами; и ежели она сама вызовется и начнетъ съ вами говорить касательно сего дѣла, то покорнѣйше прошу представить ей убѣдительнѣйшими словами, сколько чувствительны для меня приписываемыя ею укоризны къ почтеннѣйшей памяти предковъ моихъ, и сколько бы странно было, ежели бы подумать я склонился на ея предложеніе и тѣмъ предъ всѣми призналъ бы ложно приписываемый неправильный поступокъ отца моего и показалъ бы его притязателемъ ему непринадлежащаго, въ чемъ безъ сумнѣнія оправдываютъ его честность и правдолюбіе, столько всѣмъ уже извѣстныя.

Дѣлаемыя мною пособія бѣднымъ и созиданіе гофшпиталя и тому подобное, по изъясненію письма ея долженствующія непремѣнно подвигнуть меня къ возвращенію ей будто бы принадлежащаго, болѣе еще доказываютъ, что я, жертвуя собственнымъ своимъ ко благу другихъ, безъ всякаго принужденія, далеко отстаю отъ удержанія или присвоенія чужаго и готовъ бы былъ взойти въ состояніе дѣтей ея изъ одного человѣколюбія, ежели бы не сама она отняла теперешнимъ случаемъ къ тому способы. Впрочемъ не сокрытно предъ Всевидящимъ окомъ намѣреніе мое, съ какимъ приступалъ къ построенію гофшпиталя: я не имѣлъ цѣлію тщеславіе, Богъ тому свидѣтель, слѣдственно не оскорбляюсь никакими выраженіями на сей счетъ.

Въ заключеніе сего скажу согласно съ нею: по лѣтамъ ея предстоитъ она ближе другихъ къ дверямъ гроба; не удаленъ судъ вѣчности, гдѣ каждаго совѣсть обнажится; но я до тѣхъ поръ за грѣхъ поставляю себѣ быть судьею отца моего и принять за истину мрачную клевету, ищущую нарушать покой умершихъ.

Съ тѣмъ только прошу васъ, по пріязни вашей, взять на себя трудъ вручить лично приложенное письмо княгинѣ, ежели почтете сіе приличнымъ; въ противномъ случаѣ прошу приказать отослать оное съ своимъ человѣкомъ, и говорить съ нею тогда только, когда сама на сіе вызовется; а безъ сего почтетъ она, можетъ быть, обидою себѣ,

что кто либо посторонній свѣдомъ о такомъ странномъ ея требованіи. Весьма пріятно будетъ мнѣ, ежели о семъ посовѣтуетесь съ батюшкой. Можетъ быть, онъ знакомъ и если она его столько чтитъ, какъ я въ душѣ моей, то не сомнѣваюсь о пользѣ истины.

18 Августа 1804.

Къ Новгородскому и С.-Петербургскому митрополиту Амвросію.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый мой архипастырь.

Въ 1803-мъ году Іюля 2-го дня, по просьбѣ моей, милостиво изволили приказать принять въ Невской монастырь надгробный камень, который я для себя приготовилъ. Теперь, изготовя на оный мѣдную вызолоченную съ надписью доску, покорнѣйше прошу, высокопреосвященнѣйшій владыко, соотвѣтственно всегдашнему ко мнѣ благорасположенію вашему, приказать и оную также принять для храненія при томъ же камнѣ, чѣмъ обяжете искреннѣйше благодарностью имѣющаго честь быть, съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностью, милостивый мой архипастырь, и пр.

13 Сентября 1804.

Къ А. Ѳ. Малиновскому.

Милостивый государь мой Алексѣй Ѳедоровичъ.

Спѣшу чувствительно благодарить васъ и почтеннаго батюшку вашего за попеченіе и благоразумное мнѣ содѣйствіе представить въ истинномъ видѣ княгинѣ, сколько требованіе ея было неосновательно. Я сердечно радъ, что сіе, столько непріятное для меня дѣло, по наружности миролюбное окончаніе воспріяло. Ежели бы при присылкѣ моей доставить ей выписку изъ выписи отъ васъ полученной, то сіе еще болѣе послужило бы къ ея убѣжденію. Не взирая на все сіе, оставилъ бы, можетъ быть, я подумать въ теперешнихъ обстоятельствахъ княжны, дочери ея; но она сама поставила меня въ такое положеніе, что сей поступокъ мой почтенъ уже будетъ должнымъ къ очищенію памяти родителя моего, на что я никакъ согласиться не могу. Слова ея недостаточны дать иной видъ сему дѣлу. Я бы желалъ знать, какимъ образомъ располагается она сдѣлать приличный оборотъ къ исполненію своего желанія. Что касательно сего узнаете, покорно прошу не оставить увѣдомленіемъ.

Приписка: Отъ злонамѣренныхъ людей прошу остерегаться. Истинно малѣйшая вамъ непріятность трогаетъ меня чрезмѣрно.

15 Сентября 1804.

Къ Дювалю *).

A monsieur Duval à Paris.

Monsieur.

Les exemplaires de votre belle élégie, monsieur, me sont parvenus par la personne que vous avez chargé, et je les ai reçus avec une nouvelle satisfaction pour mon coeur et le plaisir que procure toujours chacun de vos ouvrages. Celui-ci surtout vous assure de toutes les âmes sensibles le tribut d'éloges que je me plais à en faire et qui est si bien du au talent qui vous donne un langage si noble, si touchant pour peindre la douce bienfaisance. Un de nos journaux, en annonçant cette production, dit qu'elle a été lue à la Société Philotéchnique et en fait une mention aussi avantageuse que méritée.

Vous pouvez penser, monsieur, combien j'en ai été flatté moimême par le sentiment qui m'attache à l'ouvrage et à l'estime que j'ai pour l'auteur. Je ne puis non plus donner trop de louanges à la partie typographique et à l'exécution de l'ingénieuse vignette qui font une réunion d'avantages que je dois encore à vos soins. Un exemplaire aurait déjà été présenté à l'Empereur, si je ne voulais le joindre aux réglements de l'Hospice que j'ai fondé, mais qui ne sont pas encore imprimés, ainsi qu'aux dessins et plans des bâtiments que je fais graver pour Sa Majesté Impériale, qui recevra le tout ensemble.

Je suis extrêmement fâché de ne pouvoir vous faciliter les moyens de me faire parvenir les restes de l'édition et je m'en rapporte donc entièrement à vous sur le parti que vous préférerez: soit que vous profitiez du départ d'un courrier, ou par tout autre occasion que vous jugerez plus convenable. Acceptez, je vous prie, la lettre de change de 3000 r. que je joins ici, non comme témoignage de ma reconnaissance pour votre ouvrage pour moi innappréciable, mais comme un dédommagement des frais d'impression et autres dépenses qu'il aura pu vous occasionner. Je fais des voeux pour que votre santé devienne meilleure, vous rende au monde et aux lettres que vous honorez également par vos qualités personnelles comme par vos talents.

Je suis, monsieur, avec une considération distinguée votre très obéissant serviteur c. C.

25 Октября 1804.

---

*) Извѣстный въ свое время драматическій писатель и либретистъ, авторъ Элегіи къ тѣни графини Прасковьи Ивановны Шереметевой: „A l'ombre de Prascovia. Élégie“.

Къ нему же.

Monsieur.

Vous mettez à trop haut prix le témoignage de ma gratitude ainsi que les dédommagements que j'y ai ajoutés pour les frais d'impression dont vous avez eu la complaisance de vous charger.

Croyez, monsieur, que si je considère en vous l' homme de lettres distingué, je voue en même temps une estime toute particulière aux qualités précieuses de votre âme, ainsi qu' à toute celles qui vous sont personnelles et que j'ai su apprécier pendant le trop court séjour que vout fîtes ici. Je regrette beaucoup que les circonstances qui vous rappelaient dans votre patrie vous aient empêché de le prolonger. C'est pour vous en convaincre, monsieur, que j'agréie l'offre que vous me faites de la dédicace du premier ouvrage que le public devra à votre plume. Je serai véritablement glorieux de voir mon nom attaché à l'un des fleurons de votre couronne littéraire.

Continuez toujours, monsieur, à honorer à la fois les lettres et celui qui les cultive, avantages trop peu recherchés de nos jours et que je me félicite plus que jamais d'avoir rencontré en vous.

Письмо А. Дюваля.

Monsieur le comte.

C'est au plus tendre des pères, c'est à l'époux qui pleure encore sur la tombe de sa fidèle Prascovia, c'est au maître indulgent de nombreux serviteurs, heureux par ses bienfaits que j'ai cru devoir faire hommage de ma comédie du Tyran Domestique *). Je ne pouvais offrir un plus frappant contraste. Peut-être, monsieur le comte, vous répugnerez à croire qu'un tel caractère puisse exister; mais dussiez-vous en être affligé pour l'humanité, il n'est malheureusement que trop commun dans le monde.

Combien ne trouve-t-on pas de ces hommes qui, par un vice d'éducation ou de caractère, font le tourment de tous ceux qui sont obligés de vivre près d'eux? Comme écrivain dramatique, j'ai du m' emparer de ce sujet; j'ai du montrer tous les malheurs, les désordres mêmes qui résultaient pour une famille de cet humeur, de la tyranie du chef.

*) Посвященная Николаю Петровичу книга „Le Turan Domestique ou l'intérieur d'une famille". Paris, chez Vents, libraire, boulevard des Italiens № 340, près de la rue Favart, an XIII (1805).

Ma pièce est donc morale, elle a donc un but utile.

Dans les moments trop courts que j'ai passés auprès de vous, monsieur le comte, dans un moment où votre âme ne pouvait contenir tous les regrets de la perte que vous veniez de faire, j'ai connu votre douceur, votre bonté inaltérable. Quelques larmes seulement s'échappaient de vos yeux, et jamais aucun murmure ne sortait de votre bouche. Les douces maximes de la religion, la crainte d'affliger ceux dont vous êtes chéri vous forçaient à triompher de votre juste douleur.

Rendre heureux tout ce qui les entoure, voilà pour les âmes délicates la suprême félicité. Vous l'éprouvez sans doute, monsieur le comte, au milieu même des afflictions que vous ne devez qu'à l'ordre de la nature. Oui, vous êtes heureux par le souvenir du bien que vous avez fait, par l'espoir de l'augmenter encore. Vous êtes même heureux en lisant ces lignes que vous savez être l'expression de la plus vive reconnaissance.

Je suis avec respect Alexandre Duval.

Къ А. Н. Оленину.

4 Декабря 1804.

Милостивый государь мой Алексѣй Николаевичъ.

Извѣстное расположеніе в. пр-ва сдѣлать пособіе испрашивающимъ справедливаго покровительства служитъ мнѣ нынѣ поводомъ предстательствовать о вручителѣ сего Николаѣ Бемѣ, находящемся при мнѣ съ давняго времени, котораго сынъ, будучи въ Московскомъ университетѣ, по случаю отбытія сюда, не могъ окончить начатыхъ имъ наукъ; просить о принятіи его въ подъ начальствомъ вашимъ находящійся Юнкерскій Институтъ, въ число воспитанниковъ на казенное содержаніе; входя въ его положеніе, отягощенное большимъ семействомъ, покорно прошу в. пр-во оказать ему таковое благодѣяніе.

Къ митрополиту Платону.

9 Декабря 1804.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь.

Почтеннѣйшее извѣщеніе в. в. о милостивомъ дозволеніи имѣть домовую церковь сестрѣ моей графинѣ Варварѣ Петровнѣ подало мнѣ весьма лестную обязанность принести вамъ, м. арх., живѣйшее чувствованіе благодарности за таковое внимательное къ просьбѣ моей благорасположеніе. Касательно же Мvроносицкой церкви, почитая непременнымъ долгомъ выполнять волю всегда много чтимыхъ родителей моихъ, попеченіемъ коихъ не оскудѣвала никогда оная ни содержаніемъ, ни отправленіемъ богослуженія, поставляю и нынѣ себѣ обя-

занностью ее поддержать въ память ихъ, и для того съ удовольствіемъ моимъ готовъ опредѣлить содержаніе церковно-служителямъ; на устроеніе же ея лучшее—вкладомъ частію быть участникомъ. Усерднѣйше прошу в. в. не оставить меня благосклоннымъ увѣдомленіемъ, чтò нужно будетъ сверхъ сего къ возстановленію ея приходскою и преподать къ оному способы, на чтò буду ожидать почтеннѣйшаго отзыва вашего, чѣмъ обязать изволите и пр.

P. S. Довершите столь уже много сдѣланныя мнѣ вами милости и позвольте исполнить здѣсь мною просимое. Любезнѣйшей вашей племянницѣ посылаю отъ сына моего малую бездѣлку; прошу благосклонно оную принять.

Къ графу Павлу Александровичу Строганову.

25 Января 1805.

Monsieur le comte.

Il a été fait une omission dans la rédaction de l'état présentée à S. M. I. concernant l'Hospice dont je suis le fondateur.

A moi seul y sont attribués les différents secours et autres actes de bienfaisance qui font les bases de l'établissement, tandis que je n'ai été pour les principaux articles que *l'exécuteur des volontés* de feue la comtesse, mon épouse, ainsi que des dispositions qu'elle m'avait toujours manifestées, mais qui ne furent point énoncés dans l'état, honoré de la sanction de Sa Majesté l'Empereur.

Je dois à la mémoire de ma femme et pour rendre hommage à la vérité de ne rien négliger pour rétablir une mention, à laquelle sa modestie se serait refusée sans doute, mais que mon coeur réclame, comme un tribut mérité par les vertus et à la sensibilité compatissante de celle que j'ai perdu.

C'est à cet effet, monsieur le comte, que je désirerai pouvoir insérer dans le texte de l'état et des règlements de l'Hospice qui seront imprimés, la mention des volontés bienfaisantes que la défunte m'a exprimées. Si vous n'y voyez pas d'impossibilité, ou si, dans le cas contraire, votre caractère obligeant vous suggérait quelque heureux moyen de m'y faire autoriser formellement, j'en conserverai toute ma vie une reconnaissance égale à la parfaite considération avec laquelle je suis, etc. C. Chérémételf.

Къ Д. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Дмитрій Львовичъ.

Касательно выхода изъ внутреннихъ покоевъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, не имѣя никакого свѣдѣнія, вѣрно извѣ-

стить в. в. не могу; но ежели состояніе здоровья Ея Императорскаго Величества позволитъ принимать благодаренія завтрашній день, то непремѣнно буду имѣть счастіе васъ представить, пребывая съ истиннымъ моимъ почтеніемъ, милостивый государь мой, и пр.

27 Генваря 1805.

Къ князю Чарторыжскому.

6 Февраля 1805.

Милостивый государь мой князь Адамъ Адамовичъ.

Свойство и благорасположеніе в. с. ко благу ближняго подаютъ мнѣ поводъ безпокоить васъ моею покорнѣйшею просьбою и препоручить въ милостивое покровительство ваше родственника моего, графа Өедора Михайловича Шереметева *), молодаго человѣка, оставшагося послѣ родителя своего почти сиротою.

Имѣя мать, удрученную уже лѣтами и болѣзнями, при теперешнихъ ея лѣтахъ, желательно, дабы вступилъ въ службу. Весьма счастливымъ бы почелъ онъ себя удостоиться служить Государственной Иностранной Коллегіи при Московскомъ Архивѣ, болѣе потому, что слабость здоровья оставшей родительницы въ Москвѣ непосредственно къ тому его призываетъ.

Одолжительное расположеніе в. с. ко благу сего человѣка раздѣлю купно и я чувствіями искренней признательности моей, отличнаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю остаться, м. г. м. гр. Н. Ш.

Къ тому же.

22 Февраля 1805.

Милостивый государь мой князь Адамъ Адамовичъ.

Нельзя болѣе чувствовать, сколько я нахожу себя обязаннымъ, за благосклоннѣйшее обращеніе ваше къ моей просьбѣ, опредѣленіемъ свойственника моего графа Өедора Михайловича. Бывъ влеченъ чувствіями моими пріѣхать къ в. с. и принесть достодолжную признательность мою, остановленъ я единственно зубною болѣзнью, отъ которой, вырвавъ зубъ, почувствовалъ послѣ флюсъ, съ сильною опухолью, удерживающею меня появиться на воздухъ. Съ крайнею нетерпѣливостію выжидаю я перваго случая явиться къ в. с. и засвидѣтельствовать, сколь исполненъ я благодѣяніемъ ко мнѣ вашимъ, покорнѣйше прося не лишить меня сего удовольствія и пр. Гр. Ш.

---

*) Сынъ графа Михаила Сергѣевича Шереметева, когда-то „претендателя", проигравшаго свою тяжбу объ имѣніи при Екатеринѣ; ради него князь И. М. Долгорукій и князь М. М. Щербатовъ относились враждебно къ графу П. Б. Шереметеву и къ его сыну.

Къ князю Ѳ. П. Щербатову.

28 Февраля 1805.

Милостивый государь мой князь Ѳедоръ Павловичъ.

Спѣшу принести вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность мою за пріятное поздравленіе съ днемъ рожденія сына моего, равно какъ и за присланный ему прекрасный подарокъ. Желаніе ваше видѣть его портретъ приписываю той привязанности и благорасположенію ко мнѣ, каковыя при всѣхъ случаяхъ оказывали. Не умедлилъ бы оный вамъ доставить, но при теперешнемъ времени, съ возрастомъ перемѣняющіяся черты лица, а притомъ и по ребячеству, и двухъ минутъ остаться не можетъ на одномъ мѣстѣ въ одинаковомъ положеніи. Сіе крайне затрудняетъ живописцевъ и дѣлаетъ сущую невозможность имѣть схожій портретъ, что̀ и удерживаетъ меня оный вамъ обѣщать до нѣкотораго времени. Примите и пр. Гр. Ш.

Два портрета графа Д. Н. Ш. въ дѣтскомъ возрастѣ имѣются работы Николая *Аргунова*. На одномъ изъ нихъ онъ держитъ въ рукахъ погремушку, подаренную ему Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Изъ переписки съ А. Ѳ. Малиновскимъ.

1.

19 Іюля 1804.

Милостивый государь мой Алексѣй Ѳедоровичъ.

Дайте мнѣ знать, какъ можно угомонить графа Воронцова въ недѣльномъ его требованіи, что эта струна весьма трудная; подайте къ оному средства и мысль. Гр. Ш.

2.

12 Августа 1804.

Прежде нежели получилъ письмо ваше послѣднее въ разсужденіи промѣна земли съ графомъ Воронцовымъ, рѣшился и далъ слово сенатору Рындину, чтобы уступить графу промѣномъ землю, но не по овраги Макушкинъ и Каменной, а прямолинейно съ линіи 3796 и 4675, т. е. за оврагъ Широкой до безъимянныхъ, какъ и въ планѣ чернымъ карандашемъ назначено.

Теперь осталось просить васъ приложенное при семъ письмо графу Александру Романовичу, ежели разсудите, сами лично ему доставить. Ежели оное вамъ не сподручно, то чрезъ канцелярію; однакоже съ тѣмъ прошу васъ, что ежели что̀ покажется вамъ сумнительнымъ или недостаточнымъ, въ такомъ случаѣ надѣюсь, что меня предостережете по дружбѣ вашей и не оставите меня увѣдомленіемъ.

Причина, побудившая кончить сіе дѣло такимъ образомъ, есть та, что мнѣ никакъ не хочется заводить процессу или имѣть неудовольствіе со стороны графа Александра Романовича, но кончить сколько можно мирно. Гр. Ш.

P. S. И какъ вы скажете, съ нѣжной стороны дадимъ восчувствовать его сіятельству, что тутъ моего интересу нѣтъ и что снисхожденіе не съ моей стороны сдѣлано, но тутъ польза и карману крестьянъ моихъ.

При семъ послано къ Алексѣю Өедоровичу письмо для врученія графу Воронцову, планъ Баландинскаго городка и повелѣніе въ канцелярію о размѣнѣ земли.

3.

19 Апрѣля 1805.

Очень интересовался носящимся по городу слухомъ объ угощеніи высокой посѣтительницы и о милостивомъ вниманіи, оказанномъ къ дитятѣ [1]).

Крестьянина Гаврилу Сергѣева, о которомъ сказано ему, что Хлыстовской секты, перевозить въ Жихарево отмѣнилъ, и перевозитъ туда только двѣ семьи. Какъ на каждомъ дворѣ по двѣ избы, то и нѣтъ надобности умножать теперь строенія.

На вопросъ, чтобъ пребываніе въ Жихаревѣ не было никому извѣстнымъ: «весьма трудно сдѣлать и едва ли возможно»...

4.

15 Мая 1805.

Нынѣ въ Останкинѣ ликуютъ у васъ гости. Просилъ позволенія обѣдать тамъ Николай Петровичъ Архаровъ, повеселиться съ пріятелями и фейерверкъ сдѣлать; но какъ ему въ томъ было отказано, то Александръ Андреевичъ Беклешовъ [2]) проситъ того для себя. Его высокопревосходительству по силѣ повелѣнія вашего отказать было не можно; но меня увѣрили, что фейерверка не будетъ, а одинъ обѣдъ.

Для возстановленія благоустройства въ Алексѣевкѣ признаю за полезное туда сыскать человѣка посвѣдущѣе. Во всякой другой вотчинѣ я изыскалъ бы сочинителя пасквиля, но въ Алексѣевкѣ не за кого взяться. Тамъ двѣ партіи: съ одной стороны Толченовъ при усадьбѣ и товарищи, съ другой землемѣръ, откупщикъ, Никитенко и попъ попеременно возмущаютъ спокойствіе поселянъ тамошнихъ и занима-

---

[1]) Т. е. двухлѣтняго графа Дмитрія Николаевича. Высокая посѣтительница —Марія Өеодоровна. П. Б.

[2]) Московскій главнокомандующій. П. Б.

ются нанесеніемъ вреда другъ другу. Между тѣмъ повторяю, что удалить изъ Алексѣевки не только Ваканкина необходимо, но и Никитенку. Неспокойность нрава его и злобность мною весьма запримѣчены; скрытнымъ образомъ продолжаетъ, метя Толченову. Немного добра я жду и отъ *школы*, гдѣ будетъ онъ учителемъ; опасно, чтобы не вперилъ въ юношей дерзкихъ своихъ правилъ...

5.

7 Марта 1805.

Внушеніе правилъ добронравственности и образованіе сердца закономъ и страхомъ Божіимъ были единственными попеченіями въ воспитаніи Якова Петровича *); но крутонравіе и малодушная вспыльчивость по тѣхъ поръ были нѣсколько скрыты, пока умягчалъ ихъ моимъ снисхожденіемъ. Съ нѣкотораго времени сообщество молодыхъ людей нынѣшняго свѣта подало, можетъ быть, ему ложныя мечтанія о свободности, увеличились въ немъ непокорливость и склонность къ своевольству. Я иногда давалъ ему чувствовать, сколь непріятно таковое его со мною обращеніе, и оттого болѣе возродилось въ немъ желаніе быть на своей волѣ; многократно приступалъ ко мнѣ, чтобы отпустить его, между тѣмъ по неосновательности своей то отступалъ отъ своего намѣренія, то упорно въ ономъ настаивалъ, дѣлая тѣмъ многія мнѣ неудовольствія, которыя, наконецъ, были для меня несносны. Убѣгая дальнихъ непріятностей, сдѣлалъ я распоряженіе о его благосостояніи, прося быть тому свидѣтелемъ Дм. Пр. Троцинскаго, Мих. Ив. Донаурова, кн. Андрея Николаевича Щербатова, стараясь между тѣмъ, какъ съ моей стороны, такъ и со стороны свидѣтельствующихъ особъ, сколько можно, продолжить сіе дѣло, чтобъ дать ему одуматься; но въ продолженіе сего времени неотступно наскучивалъ мнѣ объ его отпускѣ. Наконецъ, на первой недѣлѣ поста, въ самый день исповѣди моей, огорчительныя его по сему предмету объясненія принудили меня просить Дмитрія Прокофьевича, дабы кончить сіе дѣло, которое день ото дня болѣе для меня было отяготительнымъ; но нынѣ къ спокойствію обѣихъ сторонъ кончено. Не взирая на всѣ сдѣланныя имъ мнѣ непріятности, не оставилъ я устроить его благосостояніе, исполняя весь долгъ мой, противъ воли отеческой располагать собою, желая ему быть благополучнымъ. Покорно прошу, въ случаѣ желающимъ сему дѣлу дать иной оборотъ, представлять оное въ настоящемъ видѣ.

Посудите, сколько все оное мнѣ чувствительно. Оскорбленія моего всего здѣсь разсказать не мѣсто; но вы, люди чувствительные,

*) Это Реметевъ, побочный сынъ графа Петра Борисовича Шереметева. П. Б.

легко недосказанное вообразить можете, я же съ искренностью пребуду гр. Ш.

6.

19 Мая 1805.

Вчерашній день видѣлся съ Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ; онъ здѣсь директоромъ Россійскаго благороднаго собранія, клоба; отъ него было мнѣ предложеніе отписать къ вамъ: не подарите ли вы Благородному Собранію статую императрицы Екатерины II-й для помѣщенія оной въ залѣ Собранія. Когда я рѣшительно сказалъ, что вы никакъ не уступите ее, то онъ настоялъ однакоже написать, увѣряя меня, что будто дѣлаетъ сіе предложеніе, не объявивъ еще товарищамъ своимъ, во избѣжаніе предстоящихъ клобу издержекъ чрезъ выписку заказной статуи. Онъ министръ, но и я въ дипломатической службѣ состою, а потому и спросилъ его: еслибы вы сверхъ чаянія моего уступили статую, то согласится ли дворянство за сіе пожертвованіе написать на пьедесталѣ, что сей монументъ воздвигнутъ въ честь Императрицы. Отвѣтомъ на сіе онъ не поколебался, что надѣется легко согласить на то товарищей своихъ....

7.

Отъ 7-го Сентября 1805.

По письму в. с. отъ 29-го Августа совершенно взошелъ въ смыслъ нелѣпой претензіи отъ княгини Долгоруковой. Княгиня была нѣкогда дочерью духовною батюшки, а потому и взялся онъ охотно быть вручителемъ письма къ ней. Прочитавъ оное, она тотчасъ начала говорить о всѣхъ мнимыхъ притязаніяхъ своихъ. Батюшка легко опровергъ ихъ убѣжденіями, добавивъ къ тому, что ближе всего было покойному князю Михаилу Ивановичу [1]) самому исходатайствовать принадлежащее; а какъ князь не предпринималъ сего, то и доказательно, что ея требованіе теперь совсѣмъ не у мѣста. Однимъ словомъ, не только княгиня, но и обѣ княжны остались убѣждены въ несправедливости своего поступка противъ васъ. Добрая старушка даже призналась, что она не сама собою предприняла это. Не въ тонѣ претендательницы, а въ тонѣ уже просительницы изъяснилась она, не поможете ли по случаю помолвки младшей княжны. Ее беретъ за себя подполковникъ Лисовскій.

Чтобы вразумиться въ дѣло сіе, то завелъ съ Смирновымъ [2]) разговоръ касательно сего и велѣлъ ему коротенько выписать изъ записки, о которой онъ упомянулъ, предъ нимъ данной отъ княгини На-

[1]) Долгорукову, сыну княгини Натальи Борисовны. П. Б.

[2]) Князь Иванъ Михаиловичъ Долгоруковъ женатъ былъ на Смирновой. П. Б.

тальи Борисовны покойному графу Петру Борисовичу въ полученіи всего принадлежавшаго ей. Если сія очистка не была свѣдома, то оную прилагаю.

Батюшка за особливое удовольствіе вмѣняетъ для себя, что удалось ему исполнить волю вашего сіятельства.

8.

7 Сентября 1805.

Княгиня Дашкова препоручила объяснить свои требованія в. с., а именно, чтобы вмѣсто двухсотъ толстыхъ свѣчъ прислать ей только 150; вмѣсто 200 бутылокъ шампанскаго, прислать ей только сто, 20 бутылокъ мадеры и картузъ табаку.

9.

Получа сейчасъ рисунки отъ Гваренги [1]) крылосамъ и оградѣ Дому Страннопріимному, утвердя оные моимъ подписаніемъ, при семъ препровождаю. Рисунокъ печамъ, образа Воскресенія Христова, которые здѣсь заказываются, я обѣщалъ вамъ, получилъ также отъ Гваренги; постараюсь немедленно все окончить.

10.

Не лишне разсѣять возмутительныя партіи и дать сколько-нибудь успокоиться поселянамъ. Весьма благодаренъ буду вамъ, ежели ихъ какими-нибудь средствами удалите изъ Алексѣевки [2]), а особливо *юношество въ рукахъ Никитенка легко духомъ его заразиться можетъ...*

Мнѣ крайне желательно очистить вотчину отъ наносителей безпрестанныхъ безпокойствъ, какъ мнѣ, такъ особливо бѣднымъ поселянамъ.

Александръ Андреевичъ [3]), судя по письму его ко мнѣ, очень доволенъ пріемомъ его въ Останковѣ и весьма интересуется, чтобы дороги отъ города въ Останково исправлены были. Частыя посѣщенія такого гостя, признательно сказать вамъ, не совсѣмъ для меня пріятны. Ежели онъ, ѣздя по всѣмъ загороднымъ мѣстамъ, будетъ предлагать мнѣ чинить дороги не только для себя, но и для публики, въ теперешнемъ моемъ положеніи, выключая обязанности моей по Московскому строенію, имѣю множество домашнихъ стеченій, неизвѣстныхъ

---

[1]) Архитекторъ Гваренги (le chev. de Guarenghi), съ которымъ Н. П. былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. П. Б.

[2]) Слобода Алексѣевка, Воронежской губ. Бирюченскаго уѣзда, принадлежала нѣкогда князю А. М. Черкасскому. О Никитенкѣ (отцѣ академика) см. выше стр. 496 и 497. П. Б.

[3]) Беклешовъ.

никому, которыя совершенную дѣлаютъ невозможность имѣть расходы немаловажные на приватныя другихъ удовольствія. При случаѣ на сей счетъ деликатнымъ образомъ можно дать чувствовать сіе Александру Андреевичу. Гр. Ш.

1805.

Къ архимандриту Амфилохію.

Преподобный и почтеннѣйшій отецъ Амфилохій.

Письмо ваше отъ 31-го Мая получилъ съ обыкновенною искреннею пріятностью сердцу моему, и вслѣдствіе увѣдомленія вашего о Петровскомъ монастырѣ на поправленіе онаго препровождаю при семъ тысячу рублей. Касательно храма Св. Димитрія въ селѣ Несошнѣ, то, почтеннѣйшій отецъ, къ ревностнѣйшему моему желанію употребить всевозможные къ тому способы, споспѣшествуемъ будучи молитвами вашими и помощію великаго Угодника Димитрія, надѣюсь увидѣть Богомъ вдохновенное намѣреніе ваше исполненнымъ и для того съ нынѣшнею же почтою писалъ о томъ къ е. в. Павлу, архіепископу Ярославскому и Ростовскому со испрошеніемъ на то его благословенія, и какой получу отъ него отвѣтъ, не премину васъ увѣдомить.

Не приписывайте смиренію, почтеннѣйшій отецъ, слова въ прежнемъ письмѣ моемъ къ вамъ помѣщенныя: «спасеніе отъ меня далеко». Смиреніе—добродѣтель христіанина, къ которой Самъ Спаситель насъ призываетъ и путь намъ показалъ, не есть причина ненадѣянія моего получить спасеніе. Обязанности тщетнаго міра, гдѣ противу воли вовлекаемъ бываю въ разсѣянія, день ото дня, отдаляющія отъ пути къ Богу; ихъ непреоборимость меня сокрушаетъ. Счастливъ буду, ежели, пройдя многотрудный путь, упованіемъ на Бога и молитвами вашими къ Угоднику Божію, достигну мирнаго пристанища, о чемъ прося ходатайства вашего у престола Господня, пребуду съ душевнымъ непремѣннымъ почтеніемъ и нелицемѣрною преданностью и пр. Гр. Ш.

P. S. Одно прошу всепокорнѣйше: не судить меня добрымъ предъ Создателемъ по нѣкоторымъ добрымъ наружностямъ. Я не по скромности скажу самую истину: гробъ украшенный и раззолоченный, но внутри наполненъ костей гнилыхъ и всякаго смрада. Богомъ свидѣтельствуюсь, если я не истинную и сущую правду здѣсь говорю.

Къ графу Кирилѣ Алексѣевичу Разумовскому.

Mon cher neveu.

Je suis très sensible aux preuves d'attachement que contient la lettre que vous m'avez écrite d'Édimbourg et j'apprends avec satisfaction l'entier rétablissement de votre santé. Il s'en faut de beaucoup

que je sois aussi content de la mienne, et malgré que je ne sois pas positivement malade, j'éprouve souvent plus que des indispositions qui me forcent à garder ma chambre. Puisque vous êtes dans l'intention de faire quelque séjour à Édimbourg, je vous exhorte, mon cher neveu, de mettre ce temps à profit et de ne négliger aucune des occasions qui pourront s'offrir de rendre vos voyages fructueux. Vous devez même les rechercher et les faire naître autant de fois que cela dépendra de vous. Ce sont les conseils que me dicte mon amitié pour vous.

Quand je verrai votre soeur, je ne manquerai pas de l'engager à vous écrire; elle ne manquera pas non plus de le faire moins à ma recommandation sans doute que par les sentiments qu' elle vous porte.

Je vous remercie pour ce que vous me dites de m-r Rogerson et du chevalier de Romme. Faites leur aussi mes compliments bien sincères et croyez moi votre très affectionné oncle et ami comte Chéréméteff.

26 Марта 1805.

Къ Г. И. Вилламову.

9 Августа 1805.

Милостивый государь мой Григорій Ивановичъ.

Препровождаемыя при семъ книги суть тѣ самыя, о которыхъ имѣлъ я счастіе говорить съ Ея Императорскимъ Величествомъ. Dictionnaire de Calmet по мнѣнію моему не довольно достаточенъ къ изъясненію всѣхъ богословскихъ терминовъ; для того осмѣлился приложить я Dictionnaire de Bergier. Прошу все оное при удобномъ случаѣ поднести Государынѣ Императрицѣ. Гр. Ш.

Графу Ранцау.

Monsieur le comte.

Malgré tout l'intérêt que je prends à votre situation, il m'est absolument impossible de vous être utile suivant vos désirs, m'étant entièrement voué au soulagement des infortunés, et ceux de la Russie sont en assez grand nombre pour que mes secours s'étendent plus loin. Je vous prie d'accepter une lettre de change de 200 r. ci-jointe, comme le seul et le dernier témoignage de l'intérêt que je prends à ce qui vous touche et suis très parfaitement etc. C. Chéréméteff.

3 Сентября 1805.

Къ графу Н. П. Румянцову.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Получа извѣстіе о прибытіи въ Кронштадтъ корабля, на коемъ находятся мраморные центавры, выписываемые мною для Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, долгомъ поставляю себѣ просить по-

корнѣйше ваше сіятельство дать приказаніе и вспомоществованіе ваше, дабы оные безъ задержанія въ таможнѣ были доставлены Ея Величеству; тѣмъ болѣе къ тому побуждаюсь, что уже Государыня Императрица изволитъ знать о привезеніи оныхъ. На каковой конецъ пріобщая при семъ свѣдѣніе о названіи корабля и знакахъ на ящикахъ, повторяю усерднѣйшую просьбу мою.

4 Сентября 1805.

Къ С. С. Ланскому.

Милостивый государь мой Степанъ Сергѣевичъ.

Находящійся при мнѣ кухмистеръ, извѣстный и в. пр. съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ счастіе нѣкоторыя блюда готовить для Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, возъимѣлъ непремѣнное желаніе быть опредѣлену въ званіе метрдотеля при высочайшемъ дворѣ. Хотя осталось довольно времени по контракту, которымъ обязанъ онъ остаться при мнѣ; но я съ совершенною охотою готовъ отпустить его, ежели в. пр. изволите увѣдомить меня, что угодно сіе будетъ Ея Императорскому Величеству, въ ожиданіи чего и пр.

3 Ноября 1805.

Къ графу А. С. Строганову.

3 Декабря 1805.

Милостивый государь мой графъ Александръ Сергѣевичъ. Сколько съ одной стороны восхитительно бы для меня было въ сонмѣ прочихъ принести благоговѣйныя чувствованія моей истинной признательности предъ Всемогущимъ Богомъ за новые знаки монаршаго Его Величества благоволѣнія къ подданнымъ своимъ и, соединя обѣты, вознесть благодарственное моленіе, столько же и съ другой стороны, отвлекаясь пріятнымъ воспоминаніемъ должности моей для представленія нынѣшняго числа къ высочайшему двору нѣкоторыхъ особъ Государынямъ Императрицамъ, не могу въ лицѣ всѣхъ засвидѣтельствовать того глубочайшаго благоговенія и благодарности къ высочайшей Его Величества особѣ, которую за первый долгъ для себя поставляю всегда имѣть въ сердцѣ своемъ, принимая и нынѣ пріятнѣйшее участіе въ семъ торжественномъ моленіи вмѣстѣ съ прочими.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Гр. Ш.

Вѣроятно относится къ возвращенію императора Александра Павловича въ Петербургъ послѣ окончившейся Аустерлицкимъ сраженіемъ первой войны его съ Наполеономъ, когда ему представлялись высшіе чины. П. Б.

ИЗЪ ПРЕДАНІЙ О ГРАФѢ Н. П. ШЕРЕМЕТЕВѢ.

Извѣстіе о кончинѣ императора Павла пришло къ графу Николаю Петровичу ночью. Т. В. Шлыкова *) разсказывала, что ее разбудили и потребовали въ его кабинетъ. Она поспѣшно одѣлась и застала его передъ зеркаломъ: его причесывалъ обычный его парикмахеръ Руссо́. У нея на храненіи находились ключи отъ ящиковъ съ цѣнными вещами, и ей было поручено тутъ же вынуть изъ комода все необходимое. Она застала графа въ сильномъ волненіи и ошеломленнаго. На вопросъ Татьяны Васильевны, что́ случилось, онъ отвѣчалъ: «Государь скончался отъ апоплексическаго удара!» Поспѣшно одѣвшись, онъ отправился во дворецъ.

Изъ братьевъ Зубовыхъ одинъ только графъ Дмитрій Александровичъ былъ ему близокъ; съ княземъ Платономъ онъ всегда былъ въ холодныхъ отношеніяхъ и во времена его вліянія при Екатеринѣ отказалъ ему въ желаніи купить приглянувшееся ему имѣніе, с. Вознесенское, на берегу Невы. Поведеніе братьевъ Зубовыхъ ему давно казалось подозрительнымъ, и онъ не разъ предостерегалъ графа Дмитрія Александровича, совѣтуя ему осторожность съ братьями.

Онъ былъ человѣкъ привычки Такъ, онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что ему придется разстаться съ косою, которая, по воцареніи имп. Александра, была отмѣнена. Онъ по возможности оттягивалъ это рѣшеніе; но когда это навлекло на него неудовольствіе Государя, то приказалъ своему парикмахеру Руссо́ срѣзать ему косу такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ, что́ и было исполнено.

Платье носилъ онъ до износу. Сколько разъ Т. В. Шлыкова замѣчала ему неисправность его туалета: халаты были даже разорваны и въ заплатахъ. Чтобы успокоить ее, онъ призывалъ камердинера своего Чистаго и надѣвалъ платье поновѣе; но послѣ нѣкотораго времени надѣвалось платье старое.

Въ примѣръ вспыльчивости его Т. В. Шлыкова указывала, какъ однажды, недовольный непослушаніемъ сына, онъ заперъ его въ комнату, пока тотъ не пересталъ кричать и плакать. Т. В. въ испугѣ

*) См. о ней въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889, I, 506.

вступилась за него; но графъ Н. П. еще болѣе разсердился, сказавъ, что онъ знаетъ что̀ дѣлаетъ и просилъ ее не вмѣшиваться.

По завѣщанію его душеприкащикомъ его былъ назначенъ Ананьевскій; онъ и былъ главнымъ распорядителемъ. Помню, какъ неохотно Т. В. отвѣчала на вопросы относительно Ананьевскаго. Вообще она всегда избѣгала разговора о завѣщаніи графа Н. П.; имя же Ананьевскаго всегда словно напоминало ей что-то недоброе, и ей видимо было непріятно говорить о немъ. Когда же добивались узнать истину, она всякій разъ отвѣчала: «Вѣдь ихъ никого на свѣтѣ нѣтъ; Богъ имъ судья!»

Графъ Николай Петровичъ завѣщалъ, чтобы его похоронили рядомъ съ Прасковьей Ивановной на приготовленномъ имъ самимъ мѣстѣ и согласно высказаннымъ имъ въ завѣщаніи словамъ: «Идѣже духъ мой, ту да будутъ и кости моя».

Никогда не пользовался онъ крѣпкимъ здоровьемъ. Послѣдняя болѣзнь его была слѣдствіемъ сильной простуды. Къ концу 1808 года онъ уже чувствовалъ себя серьозно-больнымъ. Приглашенный на небольшой вечеръ во дворецъ, онъ пересилилъ себя и поѣхалъ. Онъ старался казаться оживленнымъ и неозабоченнымъ; но императрица Марія Ѳеодоровна замѣтила въ немъ перемѣну: по лицу она догадалась о его болѣзни и убѣдила его уѣхать и не выѣзжать изъ дому. Вернувшись домой, онъ почувствовалъ себя хуже и слегъ, чтобы болѣе не вставать.

Въ это время домъ его на Фонтанкѣ отдѣлывался, и онъ нанималъ насупротивъ, нынѣ домъ графа Панина. Болѣзнь была мучительная, и самъ онъ сознавалъ свое положеніе; ему казалось даже, что она была прилипчивая. Все время Т. В. Шлыкова отъ него не отходила. Опасаясь прилипчивости, онъ никогда не хотѣлъ давать ей руки, но клалъ носовой платокъ на руку, убѣждая Татьяну Васильевну держаться за другой конецъ платка. Умирая, онъ взялъ съ нея клятвенное обѣщаніе никогда не выходить замужъ и не покидать сына, остававшагося шести лѣтъ отъ роду.

1-го Января 1809 его посѣтилъ, уже умирающаго, императоръ Александръ Павловичъ.

Графъ Николай Петровичъ запретилъ Татьянѣ Васильевнѣ и всѣмъ окружающимъ носить по немъ трауръ.

Заботы о сынѣ не покидали его до конца. Съ самаго рожденія при немъ состоялъ особый штатъ прислуги. Главное наблюденіе за сбереженіемъ здоровья его и, какъ сказано въ особомъ предписаніи, за «всякимъ охраненіемъ» поручено было Николаю Никитичу Бему, тогда канцеляристу, человѣку пользовавшемуся особымъ довѣріемъ со временъ юности графа. Бемъ отвѣчалъ за внутренній порядокъ ком-

натъ новорожденнаго, а также и за людей приставленныхъ къ нему. Онъ обязанъ былъ безотлучно при немъ находиться; а въ помощь ему назначенъ былъ Петръ Соловьевъ. У дверей, ведущихъ въ спальну ребенка, посмѣнно находились по два человѣка изъ разночинцевъ. Двери внутри постоянно должны были запираться ключемъ съ тѣмъ, чтобы никто не входилъ, какъ по предварительному оклику: кто пришелъ, съ позволенія ли Н. П. и имѣетъ ли билетъ? Иначе никто не впускался. Бемъ и Соловьевъ обязаны были по ночамъ осматривать отъ времени до времени караульныхъ, наблюдая, чтобы они не спали. Затѣмъ каждое утро и каждый вечеръ они обязаны были доносить графу о благосостояніи ребенка. Имъ же было предписано въ случаѣ нездоровья его немедленно доносить. Всѣ эти предписанія даны были въ домовую канцелярію 25-го Февраля 1803 года, т. е. черезъ два дня по кончинѣ графини Прасковьи Ивановны.

Кромѣ означенныхъ лицъ при ребенкѣ состоялъ подлѣкарь, лицо довѣренное, о которомъ часто вспоминала Татьяна Васильевна, нѣкій Петръ Герасимовичъ.

Эти чрезвычайныя мѣры предосторожности приняты были подъ вліяніемъ свѣжей и тяжкой утраты, а также въ виду недоброжелательныхъ слуховъ, сильно смущавшихъ разбитаго горемъ отца...

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ любилъ посѣщать Англійскій магазинъ въ Петербургѣ, бывшій тогда подъ фирмой Гой и Белизъ, впослѣдствіи Никольсъ и Плинке. Но онъ ходилъ туда ни за одними покупками: онъ сблизился съ хозяевами и любилъ проводить у нихъ время въ живой бесѣдѣ и за закуской. Въ Англійскомъ магазинѣ онъ чувствовалъ себя, какъ дома.

Лично слышалъ я разсказъ одного старика, извѣстнаго мебельнаго мастера въ Петербургѣ, фирма котораго заслужила себѣ громкую извѣстность. Устраивая себѣ помѣщеніе въ домѣ на Фонтанкѣ, графъ Николай Петровичъ обратилъ вниманіе на молодаго человѣка, усердно и съ знаніемъ дѣла работавшаго у него въ комнатахъ. Узнавъ его ближе, онъ настолько имъ заинтересовался, что предложилъ ему матеріальную поддержку для болѣе самостоятельнаго труда по его спеціальности. Эта поддержка пошла въ прокъ: молодой человѣкъ съ помощію ея заработалъ себѣ самостоятельное положеніе и заслужилъ извѣстность.

Положеніе графа Николая Петровича какъ оберъ-гофмаршала было нелегкое. Т. В. Шлыкова такъ разсказывала о неожиданной опалѣ его.

На одномъ изъ придворныхъ собраній случилось ему за столомъ сидѣть рядомъ съ особой, пользовавшейся особымъ вниманіемъ Государя. Онъ разговорился съ нею довольно оживленно и на столько,

что обратилъ на себя вниманіе сидѣвшаго за тѣмъ же столомъ Государя. Внезапно Павелъ потемнѣлъ и, подозвавъ къ себѣ одного изъ служащихъ, шепнулъ ему что-то на ухо. Вслѣдъ за тѣмъ тотъ подходитъ къ графу Шереметеву и также на ухо передаетъ ему слова Государя: «Скажи ему, что я у него всѣ перья выщиплю!» Зная характеръ Государя и смущенный такою неожиданностью, графъ, по возвращеніи домой, сказался больнымъ.

Тѣмъ временемъ гнѣвъ Государя давно прошелъ, и онъ за нимъ посылаетъ; но графъ Н. П. упорно говоритъ, что боленъ и во дворецъ не является. Вторично посылаетъ за нимъ Государь. Все тотъ же отвѣтъ. Тогда по царскому велѣнію является къ нему любимецъ Кутайсовъ. Графъ Николай Петровичъ его не долюбливалъ и неохотно его принялъ, но дѣлать нечего, и Кутайсова нельзя было не принять. Кутайсовъ настоятельно, именемъ Государя, убѣждалъ Н. П. пріѣхать. Нельзя было долѣе отказываться. Онъ появился во дворцѣ на какомъ-то многолюдномъ собраніи и остановился въ дверяхъ, не желая идти дальше.

Замѣтивъ его, императоръ Павелъ стремительно направился къ нему и, ласково взявъ его за руку, вывелъ на середину залы, причемъ особенно привѣтливо сказалъ ему, что мѣсто его впереди.

Царскій гнѣвъ проявлялся самымъ неожиданнымъ образомъ.

Однажды графъ Н. П. направлялся по Царско-Сельской дорогѣ. Только что успѣлъ онъ миновать Среднюю Рогатку, какъ къ изумленію своему встрѣтилъ идущаго пѣшкомъ гофмаршала гр. Тизенгаузена, за которымъ шло нѣсколько придворныхъ служителей. Графъ Н. П. остановилъ его, недоумѣвая, что̀ все это значитъ. Тогда гр. Тизенгаузенъ пояснилъ, что Государь остался недоволенъ обѣдомъ, за что̀ приказалъ ему пройти пѣшкомъ въ Петербургъ.

Въ другой разъ графъ Н. П. и на себѣ испыталъ гнѣвъ императора Павла. Въ припадкѣ болѣзненной подозрительности онъ неожиданно отказался обѣдать. Больно было графу Н. П., когда онъ узналъ объ этомъ необычайномъ явленіи. Но Государь скоро спохватился въ сознаніи своей неправоты. Когда онъ увидалъ графа Н. П., то горячо обнялъ его и сказалъ: «Насъ съ тобой хотятъ поссорить; но этому никогда не бывать!»

Особенно знаменательно было послѣднее свиданіе графа Н. П. съ императоромъ Павломъ вечеромъ 11-го Марта 1801 года. Государь съ нимъ ужиналъ и долго велъ оживленную бесѣду, вспоминая годы молодости и далекое прошлое.

Въ туже ночь разбудили графа Н. П. съ извѣстіемъ, что Государь скончался. Глубоко скорбѣлъ онъ о кончинѣ императора Павла, котораго почиталъ своимъ благодѣтелемъ.

Графъ Николай Петровичъ былъ очень вспыльчивъ. Занимаясь по утрамъ дѣлами, нерѣдко выходилъ онъ изъ себя при извѣстіи о какой нибудь несправедливости. Въ такія минуты никто не умѣлъ такъ хорошо его успокоить, какъ Т. В. Шлыкова. Онъ просилъ ее иногда не выходить изъ комнаты и присутствовать при докладахъ. Такъ передавала она одну сцену съ управителемъ Малимоновымъ. Графъ разговаривалъ съ нимъ о дѣлахъ въ то время, какъ парикмахеръ Руссо причесывалъ его; тутъ же присутствовалъ секретарь Сворочаевъ. Недовольный отвѣтомъ послѣдняго, графъ приказалъ ему выйти изъ комнаты. Услыхавъ это, Малимоновъ обидѣлся. «Въ такомъ случаѣ прикажете и мнѣ выйти вонъ!» Графъ вспылилъ. Въ эту минуту онъ готовъ былъ лишить его должности, и нужны были всѣ старанія и усилія Татьяны Васильевны, чтобы удержать его отъ подобнаго рѣшенія. Малимоновъ удалился. Въ тотъ же день жена его въ испугѣ прибѣжала къ Татьянѣ Васильевнѣ, прося ея заступничества. Не безъ труда удалось ей и на этотъ разъ отстоять Малимонова.

Графъ Николай Петровичъ пожертвовалъ серебряную раку къ мощамъ св. Никандра; это случилось при исключительныхъ условіяхъ. Татьяна Васильевна передавала не разъ, какъ однажды утромъ увидали на дворѣ дома на Фонтанкѣ привезенную серебряную раку. Оказалось, что она была предназначена къ мощамъ св. Никандра и заказана самимъ настоятелемъ на имя графа: чтобы этимъ путемъ побудить его къ пожертвованію. Уловка удалась вполнѣ, и графъ, не пожелавъ возвращать раку обратно, пожертвовалъ ее Никандровой пустынѣ. Вообще же онъ былъ щедръ на вклады и пожертвованія по монастырямъ. Такъ, по случаю рожденія сына, пожертвовалъ онъ лампаду въ Тихвинскій монастырь къ иконѣ Божіей Матери; на лампадѣ слѣдующая надпись: «Пріими, Всеблагая, Пречистая Госпожа Владычица Богородица, честный даръ сей, Тебѣ Единой отъ меня недостойнѣйшаго раба Твоего принесенный. Начатъ по кончинѣ супруги своея графини Прасковьи Ивановны и по рожденіи сына своего графа Дмитрія Николаевича въ 1803 году. Посвященъ храму Богоматери въ Тихвинскую обитель 1806 года въ вѣчность». Къ этой же иконѣ графъ Дмитрій Николаевичъ, по случаю своего совершеннолѣтія, пожертвовалъ серебряный подсвѣчникъ.

Въ церкви Св. Лазаря, въ Александро-Невской Лаврѣ, сохранилась могила, на которой слѣдующая надпись: «На семъ мѣстѣ погребено тѣло преставшагося раба Божія Іоанна Якимовича, воспитанника графа Николая Петровича Шереметева. Родился 1780 года Января 2-го, скончался 1-го Марта 1804 года. Сей памятникъ сокрылъ не превознесеннаго пышностью и блескомъ, но украшеннаго добродѣ-

телію человѣка, съ младенчества его и до 24 года, въ благопризрѣніи воспитаннаго, кроткими правилами жизни и неизмѣннымъ въ теченіе 15-ти лѣтъ усердіемъ, привлекая къ себѣ признательность своего воспитателя и благотворителя, который, оплакивая потерю его, изъявилъ онымъ свою признательность. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, даже до послѣдняго вздоха, пребылъ онъ добрымъ въ душѣ, вѣрнымъ въ обязанностяхъ своихъ; съ упованіемъ на Бога, исполняя весь священный долгъ христіанина, смиренно приблизился къ разрушенію бытія своего и оставилъ не только неутѣшное о себѣ воспоминаніе въ благотворившемъ ему, но извлекъ чистую слезу каждаго, кто его зналъ.

Взглядъ гордаго отъ сей могилы отвратится,
А добродѣтельный надъ нею прослезится„.

По сохранившимся свѣдѣніямъ этотъ Иванъ Якимовичъ былъ убогій мальчикъ, горбатый, который, подобно другимъ, нашелъ себѣ пріютъ въ домѣ графа Петра Борисовича и которому въ годъ смерти послѣдняго было уже восемь лѣтъ.

На могилѣ графини Прасковьи Ивановны въ церкви Св. Лазаря слѣдующая надпись:

«Здѣсь предано землѣ тѣло графини Прасковьи Ивановны Шереметевой, рожденной отъ фамиліи Польскихъ шляхтичей Ковалевскихъ. Родилась 1768 года Іюня 20-го; въ супружество вступила въ 1801 г. Ноября 6-го въ Москвѣ; скончалась въ Петербургѣ 1803 г. Февраля 23 въ 3-мъ часу по полудни».

Слѣдуютъ стихи:

Не пышный мраморъ сей, нечувственный и бренный,
Супруги, матери скрываютъ прахъ безцѣнный:
Храмъ добродѣтели душа ея была.
Миръ, благочестіе и вѣра въ ней жила.
Въ ней чистая любовь, въ ней дружба обитала...

*

Въ жилищѣ праведныхъ, всѣхъ благъ ліющій рѣки,
О Боже, упокой сей чистый духъ во вѣки!

*

Въ саду Петербургскаго дома на Фонтанкѣ, на мраморномъ подножіи, донынѣ сохранилась слѣдующая надпись:

Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour.
J'approche! Mais bientôt cette image chérie
Me rend à ma douleur, en fuyant sans retour...

*

Въ числѣ лицъ, сохранившихъ добрую память о графѣ Николаѣ Петровичѣ, слѣдуетъ помянуть Марью Андреевну Поликарпову, дочь

князя Андрея Николаевича Щербатова, друга его дѣтства. Онъ былъ въ числѣ немногихъ свидѣтелей свадьбы его и тайну эту до времени не разглашалъ. Даже жена его княгиня Антонина Воиновна, прозванная «la belle Polonaise», отъ которой мужъ никогда ничего не скрывалъ, и та не знала о состоявшемся бракѣ и объ участіи ея мужа.

Графъ Н. П. Шереметевъ очень былъ привязанъ къ дѣтямъ князя Андрея Николаевича, двумъ дочерямъ его Аннѣ и Маріи. Старшая вышла замужъ за Д. Н. Блудова. Любилъ онъ шутить съ Марьей Андреевной, которую называлъ всегда «княжнуша»*). Она была красавицей и пользовалась расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Старикъ фельдмаршалъ Каменскій также шутилъ съ нею и объяснялъ по своему заглавныя буквы ея имени: К. М. Щ.; по его толкованію выходило: «Какая миленькая щучка».

М. А. Поликарпова очень была дружна съ Т. В. Шлыковой. Она же разсказывала, что вскорѣ послѣ кончины Прасковьи Ивановны Татьяна Васильевна видѣла сонъ; она передавала его многимъ, но потомъ забыла. Ей казалось, что она въ церкви, и Прасковья Ивановна стоитъ передъ царскими дверьми въ свѣтломъ одѣяніи; обращаясь къ Татьянѣ Васильевнѣ, она проситъ ее не горевать и не плакать. «Мнѣ теперь очень хорошо!» произнесла она, и сновидѣніе кончилось. Марья Андреевна передавала этотъ разсказъ всегда съ особеннымъ чувствомъ.

Въ семьѣ ихъ особенно чтилась память старшей сестры графа, графини Анны Петровны. Между нею и княземъ А. Н. Щербатовымъ въ молодости была переписка. Къ сожалѣнію, портретъ ея утратился у нихъ вмѣстѣ съ перепиской. Князь Щербатовъ былъ внукомъ съ материнской стороны Прасковьи Михайловны Шереметевой, жены Василія Петровича (брата фельдмаршала Шереметева). Она была рожденная княжна Черкасская, сестра канцлера князя Алексѣя Михайловича; слѣдовательно онъ приходился двоюроднымъ племянникомъ графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Шереметевой, дочери канцлера, и въ тоже время двоюроднымъ племянникомъ графу Петру Борисовичу. Съ дѣтства онъ жилъ у нихъ въ домѣ и Варвару Алексѣевну почиталъ, какъ вторую мать.

Родственныя связи сохранились и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ, и дочери князя Андрея Николаевича почитали домъ графа Дмитрія Николаевича Шереметева роднымъ домомъ.

Графъ С. Шереметевъ.

---

*) Со словъ Марьи Андреевны Поликарповой, рожд. княжны Щербатовой.

Завѣщательное письмо графа Николая Петровича Шереметева малолѣтнему сыну своему *).

Любезнѣйшій сынъ мой графъ Дмитрій Николаевичъ!

Обязанность христіанина и отца въ наставленіяхъ своему сыну. По начертаніи на случай моей кончины завѣщанія, которое доставитъ тебѣ Опекунскій Совѣтъ, надлежало мнѣ еще исполнить долгъ христіанина и отца въ разсужденіи тебя, драгоцѣннаго залога супружеской любви нашей съ покойною твоею матерью, графинею Прасковьею Ивановною. Пріими мое наставленіе, исполняй его во всемъ точно такъ, какъ тебѣ совѣтуетъ здѣсь и повелѣваетъ твой отецъ и другъ.

Нельзя быть добродѣтельнымъ и благополучнымъ безъ знанія и исполненія законовъ Божескаго и общественнаго. Я уже кончилъ путь суетной жизни; твой путь жизни еще неизвѣстенъ. Я испыталъ ея удовольствія и горести. Горести всегда превосходили маловременное обольщеніе забавъ ея и пріятностей. Благополучіе оной зависитъ отъ исполненія законовъ Божескаго и общественнаго; несчастіе – отъ противнаго имъ и развратнаго поведенія. Законы Божескій и общественный да будутъ главнымъ основаніемъ твоего воспитанія и путеводителями въ жизни. Въ познаніи и исполненіи оныхъ заключается истинное благо человѣка. Прочія знанія безъ сего могутъ украсить, обогатить разумъ твой, но не направятъ души твоей къ тому блаженству, коимъ наслаждаются богобоязненные и добродѣтельные люди. Безъ сего познанія самые просвѣщенные уловляются сѣтями пороковъ и часто въ нихъ погибаютъ. Безъ него честь, богатство и слава—стяжанія вредныя, ослѣпляющія умъ и льстящія однимъ только чувствамъ, вовлекающія человѣка во всякія излишества.

Сіи законы наставляютъ въ истинномъ употребленіи отличныхъ стяжаній въ жизни. Не ослѣпляйся ими, любезный сынъ мой; старайся знать истинное ихъ употребленіе, старайся ими быть полезенъ въ обществѣ; въ семъ наставятъ правила, внушаемыя о добродѣтели законами Божескимъ и общественнымъ. Всѣ люди сотворены одинъ для другаго; всѣ они равны естественнымъ своимъ происхожденіемъ; разнствуютъ токмо своими качествами или поступками, добрыми или худыми. Кто бо́льшими обладаетъ стяжаніями предъ другими, тотъ имѣетъ бо́льшіе способы дѣлать добро. Никогда душа твоя не восчувствуетъ

*) Подлинникъ, написанный собственноручно графомъ Николаемъ Петровичемъ, хранился у графа Дмитрія Николаевича и списанъ сыномъ его графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ въ Ульянкѣ (подъ Петергофомъ), въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

сладкаго удовольствія и покоя, если она пребудетъ нечувствительна къ добродѣтели.

О гордости и смиреніи. Обыкновенный порокъ людей знатныхъ и богатыхъ—гордость, порокъ безумный, гнусный и несносный. Онъ показываетъ ихъ тщеславіе, презрѣніе къ другимъ; обнаруживаетъ слабоуміе, малодушіе горделивца, хотящаго ослѣпить другихъ блескомъ своего богатства и знатности. Благоразуміе смѣется ему, добродѣтель отъ него отвращается: ихъ нельзя ничѣмъ удивить, а можно плѣнить добрыми дѣлами. Удивленіе несмышленныхъ, подобно ему тщеславныхъ, составляетъ все его удовольствіе. Да не помутитъ душу твою самолюбіе, отъ коего происходитъ гордость; кротость и смиреніе да украшаютъ твою знатность и богатство, да пріобрѣтутъ тебѣ отъ всѣхъ любовь и уваженіе.

О презрѣніи къ сему пороку и о суетности всякихъ произведеній тщеславія или пышности. Благостію Создателя моего былъ я всегда сохраняемъ отъ сего порока и ненавидѣлъ его; временемъ, однакожъ, бывъ увлекаемъ стремленіемъ чувствованій, то нѣжныхъ, то восхитительныхъ, желалъ то пріятнаго и веселаго, то великолѣпнаго и удивительнаго.

О разности между тщеславіемъ и пристрастіемъ къ произведенію рѣдкаго и удивительнаго. Сему желанію способствовали нѣкоторое знаніе мое, вкусъ и пристрастіе въ произведеніи рѣдкаго: желаніе плѣнить и удивить чувства людей, кои не видывали и не слыхивали о превосходнѣйшемъ моему произведенію, походило на тщеславіе и увлеченіе стремительныхъ чувствованій. Вскорѣ сознавалъ я внутренно, что блескъ всякаго такого произведенія, удовлетворяющаго ихъ на самое краткое время, исчезалъ мгновенно въ очахъ совершенства, не оставляя въ душѣ моей ни малѣйшаго впечатлѣнія, кромѣ пустоты. И къ чему служитъ вся эта пышность? Есть ли тутъ какія побужденія добродѣтели? Есть ли въ ней какая польза человѣчеству? Питаетъ ли она чистѣйшимъ удовольствіемъ душевнаго спокойствія? Утѣшаетъ ли въ злополучіяхъ и горестяхъ? Нѣтъ! Она еще болѣе даетъ чувствовать тяжесть оныхъ.

О великолѣпномъ украшеніи села Останкина, не принесшемъ утѣшенія въ горести. Украсивъ село мое Останкино и представивъ оное зрителямъ въ видѣ очаровательномъ, думалъ я, что, совершивъ величайшее, достойное удивленія и принятое съ восхищеніемъ публикою дѣло, въ коемъ видны мое знаніе и вкусъ, буду всегда наслаждаться покойно своимъ произведеніемъ. Но оно не принесло мнѣ ни малой отрады, когда я лишился лучшаго изъ друзей моихъ, не облег-

чило жестокой болѣзни, вскорѣ мнѣ потомъ приключившейся: во всемъ богатствѣ и пышности не находилъ я ничего утѣшительнаго и цѣлебнаго для изнемогшей души моей, и тогда-то наипаче позналъ тщету ихъ.

О расположеніи къ добродѣтели. Несчастныя приключенія перемѣнили мои мысли и чувствованія: я пожелалъ жить умѣренно, моля Бога, чтобъ обратилъ душу мою на пути правые и вселилъ въ сердце мое глубоко чувствованіе добродѣтели. Въ такомъ расположеніи ко всякому предпріятію приступалъ я съ разсужденіемъ, смотря на благій конецъ онаго. Страхъ, чувствуемый въ душѣ моей при поползновеніи въ пороки или излишества, страхъ, внушаемый закономъ Божіимъ, удерживалъ меня отъ крайности. Я опасался, да не до конца прогнѣвается Господь моими согрѣшеніями. А отъ сего и произошло то, что и чувствительность или нѣжность сердца моего впослѣдствіи времени могъ обращать на доброе.

О испытаніи себя даже въ любви, объ осторожности и вождельнномъ отъ того слѣдствіи. Сіе самое испыталъ я въ любви моей къ твоей матери. Я питалъ къ ней чувствованія самыя нѣжныя, самыя страстныя; но разсматривалъ сердце мое, не однимъ ли токмо любострастнымъ вожделѣніемъ оно поражается, или ищетъ кромѣ красоты ея другихъ пріятностей, услаждающихъ умъ и душу. Видя, что оно ищетъ вмѣстѣ любви и дружбы, пріятностей тѣлесныхъ и душевныхъ, долгое время наблюдалъ я свойства и качества любезнаго ему предмета и нашелъ въ немъ украшенный добродѣтелью разумъ, искренность, человѣколюбіе, постоянство, вѣрность; нашелъ въ немъ привязанность ко святой вѣрѣ и усерднѣйшее богопочитаніе. Сіи качества плѣнили меня больше, нежели красота ея; ибо они сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ прелестей и чрезвычайно рѣдки. Они заставили меня попрать свѣтское предубѣжденіе въ разсужденіи знатности рода и избрать ее моею супругою. И чѣмъ бы я лучше могъ пожертвовать симъ ея достоинствамъ и любви моей, какъ не соединеніемъ сердецъ нашихъ и состоянія священными узами супружества?

О разности суетныхъ удовольствій отъ истинныхъ и о перемѣнѣ первыхъ на удовольствія душевныя. Въ такомъ расположеніи души моей видѣлъ я величайшее различіе мнимыхъ удовольствій отъ истинныхъ. Великолѣпныя пиршества, въ коихъ забывалъ умѣренность въ пищѣ и питіи, въ коихъ роскошь и тщеславіе владычествуютъ надъ умомъ и сердцемъ, на кои въ одинъ день для единой прихоти истощаются величайшія стяжанія, пріобрѣтаемыя годами отъ трудовъ человѣческихъ, могущія тысячѣ бѣдныхъ доставить благоденствіе на всю ихъ жизнь; на коихъ нѣсколько искреннихъ друзей угощающаго провожаютъ

время въ смутномъ молчаніи, а сонмъ лицемѣровъ и ласкателей превозноситъ до небесъ похвалами его некорыстолюбіе, щедрость, блескъ, пышность, богатство, вкусъ и благоденствіе; театральныя зрѣлища, отъ правилъ нравственности давно уже во многомъ отступившія и являющіяся намъ болѣе въ соблазнительномъ и разорительномъ, нежели въ добродѣтельномъ видѣ; сладострастная любовь, отрава невинности, губительница силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, коей постыдныя забавы влекутъ за собою искушеніе и раскаяніе:—всѣ такія удовольствія измѣнились въ глазахъ моихъ. Пиршества перемѣнилъ я въ мирныя бесѣды съ моими ближними и искренними; театральныя зрѣлища заступило зрѣлище природы, дѣлъ Божіихъ и дѣяній человѣческихъ; постыдную любовь изгнала изъ сердца любовь постоянная, чистосердечная, нѣжная, коею на вѣки обязанъ я покойной моей супругѣ,—словомъ, я обратился прямо къ добродѣтели.

Чувствованіе величайшаго удовольствія отъ добрыхъ дѣлъ. Какое неизъяснимое удовольствіе чувствуетъ человѣкъ отъ произведенія дѣлъ своихъ въ пользу ближнихъ! При тяжкихъ въ жизни моей скорбяхъ, коихъ источникомъ было лишеніе твоей матери, а моей любезнѣйшей супруги, прибѣгнулъ я къ добродѣтели, сей единой утѣшительницѣ несчастныхъ. Душѣ моей потребно было лѣкарство надежное, спасительное. Благость Божія, когда я расположенъ былъ къ произведенію добраго дѣла, внушила мнѣ непреложное желаніе совершить оное. Я давно уже чувствовалъ тягостное состояніе людей, лишенныхъ въ старости, въ болѣзняхъ и нищетѣ всякаго пособія.

Объ учрежденіи Страннопріимнаго Дома и утѣшительномъ отъ того послѣдствіи. Сіе чувствованіе скрывалось во взаимномъ и тайномъ согласіи нашемъ съ матерію твоею, еще при жизни ея, облегчить страждущее человѣчество, а по кончинѣ ея произведено въ дѣйство учрежденіемъ Страннопріимнаго Дома и разными вспоможеніями бѣднымъ по ея завѣщанію. Тяжка, несносна, мучительна была мнѣ утрата любезнѣйшей моей супруги, о коей горестнѣйшее воспоминаніе приближало меня къ гробу; но сокровенное утѣшеніе, происходящее отъ чувствованія сего богоугоднаго дѣла, услаждало мои горести, укрѣпляло ослабшую душу мою и родило во мнѣ твердое упованіе на Бога. Его же благостію и милосердіемъ продолжились лѣта жизни моей, посвященныя попеченію о страждущихъ. Впечатлѣй въ сердцѣ своемъ сіе дѣяніе отца твоего, къ коему не тщеславіе, но любовь къ добродѣтели его побудила. Подражай оному въ жизни твоей, въ изъявленіе любви къ твоему Отечеству и въ благодареніе Промыслу за произведеніе тебя на свѣтъ обладателемъ великаго наслѣдія; дѣлай добро для добра. Вѣрь мнѣ, что удовольствія роскоши и пышности

при маломъ пораженіи несчастія исчезаютъ, а услажденіе души, ума и сердца, отъ добрыхъ нашихъ дѣлъ происходящее, навсегда въ насъ остается.

О пріобрѣтеніи друзей и различеніи оныхъ отъ льстецовъ. О нуждѣ въ первыхъ и вредѣ отъ послѣднихъ. Трудно, конечно, среди изобильныхъ даровъ счастія предохранить себя отъ неумѣренности злоупотребленія оныхъ; но въ такомъ случаѣ, кромѣ собственнаго разсудка нашего, который часто отъ усилія страстей ослабѣваетъ, и кромѣ правилъ, внушаемыхъ намъ при воспитаніи о нашемъ поведеніи, нужны совѣты, наставленія, руководства и доброе къ намъ расположеніе честныхъ, умныхъ, опытныхъ и постоянныхъ людей, коихъ долженъ ты всемѣрно пріобрѣсти дружество и слѣдовать ихъ наставленіямъ, ввѣривъ имъ твое сердце. Его чувствительность влечетъ на доброе и худое. Узнавай, испытывай себя, чтобъ не сдѣлать тамъ добра, гдѣ изъ онаго произойти можетъ вредъ, и совѣтуйся съ сими людьми, которые тебѣ всегда скажутъ, отъ какихъ твоихъ начинаній какая можетъ произойти польза или вредъ. Если не будешь имѣть друзей съ такими качествами, то окруженъ будешь одними ласкателями, которыхъ, къ несчастію, часто почитаемъ мы искренними нашими друзьями и которыхъ во множествѣ привлечетъ къ тебѣ твое богатство. Льстеца можно различить отъ друга. Первый говоритъ и совѣтуетъ все то, что̀ лестно нашимъ чувствамъ, и никогда или очень рѣдко и легко прекословитъ нашимъ намѣреніямъ и поступкамъ, противнымъ разуму, и вредныя изъ того слѣдствія открываютъ дурныя его свойства; другой, напротивъ, такъ управляетъ нашимъ сердцемъ, что, открывая вредныя его желанія, всегда отвергаетъ оныя и совѣтуетъ только то, въ чемъ разумъ согласенъ съ сердцемъ; совѣты его не всегда бываютъ пріятны, но слѣдствія оныхъ спасительны и показываютъ добрыя свойства друга.

Примѣръ отца въ избраніи друзей. Въ молодости моей старался я снискивать друзей старѣе, благоразумнѣе и опытнѣе себя; былъ столько счастливъ, что находилъ ихъ, такъ почтителенъ и внимателенъ былъ къ нимъ, что слѣдовалъ ихъ совѣтамъ, которые приносили мнѣ великую пользу и удовольствіе. Пиры, всякія увеселенія и великолѣпіе, конечно, привлекутъ къ тебѣ множество пріятелей и друзей, которымъ они весьма будутъ пріятны; ихъ ласкательства и ложныя увѣренія въ дружбѣ вовлекутъ тебя во всякія излишества. Но какъ скоро пагубныя слѣдствія оныхъ подвергнутъ тебя какому-либо бѣдствію или огорченію, вся сія толпа мнимыхъ друзей удалится отъ тебя, а найдутся, можетъ быть, двое или трое искренно тебѣ преданныхъ, кои будутъ посѣщать и утѣшать тебя въ горести. Сихъ-то не-

многихъ друзей нужно тебѣ имѣть заранѣе, дабы спасительными ихъ совѣтами предохранить себя отъ всякихъ излишествъ.

О лживости мнимыхъ друзей, испытанной въ горести и лишеніи супруги и при ея погребеніи. Лживость пріятелей испыталъ я самъ, къ огорченію моего сердца. Они, казалось, меня любили, почитали, участвовали въ моихъ удовольствіяхъ; но когда кончина супруги моей повергла меня почти въ отчаянное состояніе, весьма мало нашлось утѣшителей и участниковъ печали моей тогда, когда капля слезы, малѣйшій вздохъ или одно чувствительное слово искренняго друга, честнаго человѣка, могли бы дать хотя слабую отраду душѣ моей. Я пребывалъ въ безчувственности; тѣло супруги моей сопровождали къ погребенію; никто изъ множества моихъ знакомыхъ и называвшихся моими друзьями, кромѣ весьма малаго числа искренно ей и мнѣ преданныхъ, не изъявилъ чувствительности къ сему печальному происшествію и послѣдняго долга христіанскаго въ сопровожденіи гроба ея, въ моленіи объ отпущеніи грѣховъ и о упокоеніи души ея. Въ несчастіяхъ нашихъ познаются также друзья наши. Но я обращаю къ тебѣ мои мысли.

Объ употребленіи богатства. Обладая великимъ имѣніемъ, не ослѣпляйся, повторяю тебѣ, богатствомъ и великолѣпіемъ, во избѣжаніе всякихъ излишествъ и порочныхъ удовольствій, но собираемыми съ него многочисленными доходами управляй и распоряжай такъ, чтобы одна часть удовлетворяла твоимъ нуждамъ, а другая посвящаема была въ жертву общей пользѣ, благу другихъ, во благо и утѣшеніе себѣ. Есть довольно средствъ, довольно случаевъ къ произведенію полезныхъ дѣлъ: избирай изъ нихъ тѣ, которые тебѣ будутъ по сердцу.

О дѣланіи добра изъ обязанности и благодарности къ Богу, Государю, Отечеству и обществу. Хотя все, что̀ ты имѣешь, непосредственно тебѣ принадлежитъ, но помни, что ты самъ принадлежишь Богу, Государю, Отечеству и обществу, коимъ ты для того долженъ творить угодное, что и они творятъ все въ твою пользу, коимъ ты долженъ быть благодаренъ: Богу за дарованіе тебѣ жизни, за сохраненіе оной и промыселъ Его о тебѣ; Государю — за утвержденіе и храненіе правъ твоихъ, за призваніе тебя къ должности, чести, отличіямъ; Отечеству—за содержаніе въ нѣдрахъ своихъ всего твоего достоянія, всѣхъ твоихъ благъ, бытія твоего; обществу — за всѣ приносимыя отъ него тебѣ услуги, выгоды и удовольствія, за храненіе и защищеніе твоей безопасности оружіемъ, законами, вѣрою, и чрезъ то пріобрѣтать отъ Бога благодать, отъ Государя—благоволеніе и милости, отъ Отечества—признательность, отъ общества—любовь и уваженіе. По твоимъ преимуществамъ, въ разсужденіи особеннаго

твоего счастія, ты такой членъ въ обществѣ, на котораго, можетъ статься, обращены будутъ очи цѣлой Имперіи, ожидающей отъ превосходнаго гражданина превосходныхъ дѣяній. Важное воззрѣлище, въ которомъ сей гражданинъ, если не хочетъ быть презрѣнъ и забвенъ, долженъ въ самомъ дѣлѣ представлять лице добродѣтельное, важное и необходимое; отличію рода его и богатства должно соотвѣтствовать отличіе дѣяній его. Какое всеобщее посмѣяніе, какой стыдъ для него, если на семъ, такъ сказать, всемірномъ позорищѣ посрамитъ онъ свои преимущества развращеніемъ и пороками! Ужасайся сего несчастнаго жребія, любезный сынъ мой, и яви себя достойнымъ вниманія въ первомъ случаѣ. Старайся быть въ числѣ тѣхъ избраннѣйшихъ сыновъ Отечества, которыхъ достойные подвиги, военные или гражданскіе, знаменитыя дѣянія общественныя или частныя, свойства великодушныя, добродѣтельнѣйшія и любезныя остаются въ незабвенной памяти современниковъ ихъ и потомства; и ежели тебѣ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, невозможно будетъ отличить себя въ званіи своемъ и общественныхъ должностяхъ ревностнѣйшими услугами, то старайся въ частной своей жизни отличиться великодушными своими дѣяніями, имѣющими по свойству своему равный вѣсъ съ отмѣнными дѣяніями по званію и должностямъ. Добродѣтель въ подвигахъ своихъ безконечно разнообразна; но сама по себѣ все одна и таже добродѣтель.

О призваніи Бога въ помощь во всѣхъ благихъ намѣреніяхъ. О преклоненіи Его къ себѣ усердіемъ къ вѣрѣ и проч. Во всѣхъ же благихъ твоихъ расположеніяхъ и намѣреніяхъ призывай въ помощь Бога,—Бога, безъ Него же ничто въ мірѣ семъ не совершается: безъ воли Всемогущаго ты ничего самъ собою исполнить не можешь. А чтобы Онъ склонился на твое моленіе, имѣй къ Нему любовь безпредѣльную, упованіе на Его милость совершенное; старайся быть достойнымъ благодати Всесвятаго Его Духа, преисполненіемъ души твоей теплѣйшею къ Нему вѣрою, вѣрою таинственною, непостижимою, по коей божественный свѣтъ озаряетъ всякую душу чистую и благоговѣющую къ Богу, своему Создателю и Отцу. Соблюдай правила ея, какъ надлежитъ ревностнѣйшему христіанину, и не дерзай никогда что-либо помыслить противу вѣры, ниже усумниться въ божественныхъ ея преданіяхъ и изреченіяхъ, довѣренныхъ Святымъ Духомъ Спасителю и благочестивымъ ея проповѣдникамъ. Она есть тайна небесная, тайна вѣчная. Пусть лучше погибнутъ всѣ стяжанія твои въ мірѣ семъ, нежели погибнетъ въ тебѣ вѣра твоя. Она есть душа нашей жизни временной и вѣчной; безъ нея бытіе наше—мука вѣчная. Съ вѣрою человѣкъ никогда ни отъ чего не погибнетъ; ибо гдѣ только наша вѣра, тутъ самъ Богъ, тутъ Его премудрость и сила.

О несчастіяхъ, приключающихся и добродѣтельнымъ людямъ по непостижимымъ судьбамъ Божіимъ. Примѣръ сему кончина супруги среди полнаго благополучія, среди благихъ намѣреній. Но иногда человѣкъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ расположеніяхъ и дѣяніяхъ, бываетъ несчастливъ: злополучія въ жизни постигаютъ равно добродѣтельныхъ, какъ и порочныхъ. Не благія ли были мои намѣренія въ совершеніи супружескаго союза нашего съ твоею матерію? Я основалъ оный на законѣ Божественномъ и чистой совѣсти; цѣлію его было наше благоденствіе, долженствующее произойти отъ взаимной любви и согласія сердецъ нашихъ, отъ совокупнаго желанія жить не для себя токмо, но и для другихъ; отъ сладостной надежды имѣть плодъ любви нашей и родительскими попеченіями воспитать его въ добродѣтели. Начало сего союза произвело счастливое послѣдствіе. Легкая беременность матери твоей возвѣщала благополучное разрѣшеніе; она произвела тебя на свѣтъ безболѣзненно, и я восхищался, видѣвъ, что цвѣтущее здравіе ея нимало не измѣнилось рожденіемъ тебя на свѣтъ. Но узнай, любезнѣйшій сынъ мой, что едва почувствовалъ я сіе восхищеніе, едва нѣжный цвѣтъ младенчества твоего покрылъ я первыми отеческими лобзаніями, какъ жестокая болѣзнь твоей матери приключившаяся, и наконецъ кончина ея превратили сладостныя ощущенія сердца моего въ ядовитую горесть. Я возсылалъ теплѣйшія моленія къ Всевышнему о спасеніи жизни ея, призывалъ искусныхъ врачей для возстановленія здравія ея; но первый изъ нихъ, по неоднократному приглашенію моему, когда болѣзнь не такъ еще казалась опасною, безчеловѣчно отъ сего отказался, и болѣзнь усилилась; прочіе, не взирая на сіе, прилагали всѣ усилія, всѣ знанія своего искусства, но уже не въ состояніи были помочь ей. Стонъ и рыданія мои о сей безцѣнной и невозвратимой утратѣ едва не вовлекли и меня въ гробъ. Милый образъ ея никогда не выходилъ изъ памяти моей, и душа моя желала всегда соединиться опять съ ея душою. Итакъ, среди полнаго благополучія моего сдѣлался я вдругъ злополученъ; неизвѣстная сила положила препятствія къ долговременному наслажденію онымъ, которыхъ невозможно было предвидѣть. Всѣмъ управляетъ Промыслъ Божій, и человѣкъ долженъ поручать себя оному во всемъ, не утверждаясь на однихъ токмо своихъ расположеніяхъ. Милуетъ ли Онъ насъ или наказуетъ, все дѣлаетъ по благимъ Своимъ намѣреніямъ. Неиспытанны судьбы Божіи и не изслѣдованы всѣ пути Его. Но ты родился, и твое младенчество требовало нѣжнѣйшихъ о тебѣ отеческихъ попеченій, которыхъ и въ снѣдавшей меня горести не оставлялъ я ни на минуту, дабы со временемъ былъ ты благополученъ. Я уже тебѣ ясно сказалъ здѣсь о томъ, отъ чего ты можешь ожидать своего благополучія; на-

питай душу свою сими наставленіями. Когда же и при всѣхъ добрыхъ твоихъ дѣяніяхъ искушенъ будешь несчастіемъ, сноси оное съ твердостію духа и благословляй волю Божію, испытующую наше терпѣніе въ несчастіи, нашу слабость въ счастіи.

Заключеніе о исполненіи отеческихъ наставленій. Если ты по моимъ наставленіямъ и природнымъ хорошимъ склонностямъ твоимъ будешь благополученъ, благодари отъ всего сердца Создателя какъ за себя, такъ и за меня, что я и въ удобопреклонности моихъ чувствованій, при всѣхъ моихъ заблужденіяхъ, Промысломъ Его Святымъ подкрѣпляемъ былъ душевною къ Нему привязанностію, вѣрою, любовію къ добродѣтели, и что сіи спасительныя пособія сохранили меня для произведенія тебя на свѣтъ. Въ злополучіи прибѣгай и ты къ Богу; когда пороки вовлекутъ тебя въ оное, представь всю ихъ гнусность, вспомни о добродѣтели, о наставленіи отца твоего; проси, моли всеобщаго Отца, да благостію Своею паки направитъ тебя на путь истинный. При самомъ рожденіи твоемъ поручилъ я тебя правосудной волѣ Владыки Бога, и просилъ Его, что когда ты будешь такимъ, какимъ я желаю тебѣ быть должно, то да сохранитъ тебя Промыслъ Его отъ всѣхъ напастей въ жизни и сподобитъ тебя Своихъ милостей; но когда не послѣдуешь внушеніямъ любви и страха къ Богу, святыя вѣры, христіанскихъ добродѣтелей и обязанностей сыновъ Отечества, когда развратишься совершенно, то да будетъ воля Его надъ тобою! Да накажетъ тебя въ день страшнаго суда Своего вѣчнымъ отчужденіемъ отъ лица Своего и проклятіемъ. Я бывалъ счастливъ и несчастливъ, радовался и сѣтовалъ, но во всякомъ случаѣ прибѣгалъ къ Богу, не попустившему меня въ крайности. Да будетъ Его благословеніе и надъ тобою.

О исполненіи послѣдняго долга въ разсужденіи кончины отца. О кончинѣ моей, если оная тебя встревожитъ, не предавайся безмѣрной горести. Смерть есть общій и неминуемый путь къ вѣчности. Когда умираемъ въ вѣрѣ, раскаяніи и чистомъ покаяніи въ грѣхахъ нашихъ,—чего иного должно ожидать отъ Творца, кромѣ безпредѣльнаго Его къ намъ милосердія? И тогда умирающіе не совсѣмъ достойны слезъ: они идутъ въ нѣдра вѣчнаго блаженства, а не въ бездну нескончаемыхъ мукъ. Прошу тебя усерднѣйше отдать пристойнымъ болѣзнованіемъ послѣдній долгъ отцу твоему, постараться всѣми мѣрами исполнить точно волю его, въ помянутомъ завѣщаніи моемъ начертанную. Полезнѣе и отраднѣе душѣ моей будетъ, если вмѣсто безплоднаго сѣтованія, ежедневнымъ поминовеніемъ о мнѣ и супругѣ моей въ храмахъ Божіихъ, при совершеніи безкровныя жертвы, и всякими угодными Господу дѣяніями станешь молить Его о помилованіи

меня и матери твоей во всѣхъ нашихъ прегрѣшеніяхъ и упокоеніи душъ нашихъ во дворѣ святомъ Его. Помни, что житіе человѣческое кратко, что весь блескъ міра сего неминуемо исчезнетъ и всѣ живущіе въ немъ переселятся въ вѣчность, не взявъ съ собою ничего, кромѣ добрыхъ дѣлъ своихъ. Исполненіе воли благой отца твоего есть также доброе дѣло. Будь мнѣ любезнѣйшимъ сыномъ и по смерти моей. Не преступая нимало предписаннаго тебѣ въ завѣщаніи, оставленные тебѣ мною 000 рублей употреби во всей точности завѣщанія того. Я увѣренъ, что ты, основавшись на внушенныхъ мною тебѣ правилахъ жизни, послѣдуешь благоразумію и душевной добротѣ твоей, поддержишь достоинство свое не одною знаменитостію титла и богатства, но и безпорочнымъ поведеніемъ и христіанскими добродѣтелями. Господь да укрѣпитъ тебя въ день печали, да сохранитъ тебя во всѣхъ путехъ твоихъ и ущедритъ благостію Своею! Да освятитъ вхожденіе твое въ міръ и исхожденіе! Отходя въ вѣчность, цѣлую тебя послѣднимъ цѣлованіемъ.

*

Спаситель сказалъ, что удобнѣе верблюду протѣсниться сквозь Иглиное Ушко (проходъ въ одной изъ Іерусалимскихъ стѣнъ), нежели богатому войти въ царство небесное; но тутъ же прибавилъ: невозможное у людей, возможно у Бога. Сынъ плотника, родившійся въ ясляхъ, Христосъ—прямой потомокъ царя Давида, окруженный простонародьемъ, въ тоже время дружитъ Онъ съ Іосифомъ Аримаѳейскимъ и Никодимомъ. Такимъ именно другомъ Божіимъ представляется намъ графъ Н. П. Шереметевъ въ послѣдніе годы своей жизни. Когда мы печатали выше помѣщенныя выдержки изъ его бумагъ, намъ приходило на мысль, что̀ сказалъ бы, прочитавъ ихъ, покойный академикъ А. В. Никитенко, изобразившій его такими непригядными чертами? («Русская Старина» 1888, № 8-й, стр. 309 и д.)? Впрочемъ, безпристрастный читатель его любопытныхъ Записокъ легко замѣчаетъ противорѣчія въ повѣствованіи бывшаго крѣпостнаго человѣка. Такъ онъ съ горечью передаетъ о ссылкѣ его отца изъ Воронежской губерніи въ Смоленскую, и самъ же говоритъ, что ему самому было тогда лѣтъ пять или шесть: слѣд., это произошло уже по кончинѣ графа Николая Петровича. Отецъ его обучился грамотѣ, получилъ возможность быть сельскимъ учителемъ и вести жизнь въ довольствѣ, благодаря тому же графу Шереметеву. Въ доказательство заботъ этого перваго по богатству тогдашняго помѣщика о своихъ крестьянахъ приводимъ здѣсь два его указа.

Домовой моей канцеляріи.

I.

Докладомъ оная канцелярія представляетъ о выборѣ въ вотчинахъ изъ сиротъ и изъ дворовыхъ мальчиковъ для обученія грамотѣ и писать, а гдѣ есть знающіе ариѳметикѣ, то хотя показывать первыя правила, при чемъ подноситъ о содержаніи тѣхъ учениковъ въ вотчинахъ генеральное положеніе и особый реестръ, поскольку въ которой вотчинѣ назначается по числу ревизскихъ душъ брать учениковъ. По справкѣ оказалось, что указомъ 1764 г. Августа 7 дня, за рукою родителя моего, велѣно завесть школы въ с. Останкинѣ и Кусковѣ, въ коихъ имѣть по 10 человѣкъ, въ коихъ и обучать назначено какимъ наукамъ, которые по дому нужны. Въ штатахъ 1769 въ с. Останкинѣ опредѣлено въ школу 20 человѣкъ, въ с. Кусковѣ 1786 г. велѣно имѣть для обученія дворовыхъ людей дѣтей грамотѣ и писать 12 человѣкъ. А потому въ с. Останкинѣ и числится нынѣ въ школѣ школьниковъ 13 человѣкъ, но и тѣ находятся безъ всякаго призрѣнія и ученія; а положенную имъ дачу отцы написанныхъ получаютъ напрасно. А изъ сего и выходитъ ясное замѣчаніе, что въ отдаленности школы назначаемыя канцеляріею не достигаютъ пользы, а убытокъ и притѣсненіе крестьянамъ только будетъ, ибо и передъ глазами самихъ управителей не выполняютъ положенія родителя моего по сіе время. Того ради опредѣляю:

Во всѣхъ вотчинахъ учредить школы и богадѣльни, на основаніи школъ въ слободахъ моихъ съ разницею токмо тою, что въ оныхъ быть учителемъ земскому; въ Кусковѣ же и въ Останкинѣ школы имѣть по штату, нынѣ учиненному. Гр. Николай Шереметевъ.

Генваря 29 дня 1791.

II.

Во время бытности моей въ с. Мещериновѣ, Амиревѣ и Марковѣ и въ проѣздъ въ Островцахъ и въ Выхинѣ, входя въ оныя правленія, усмотрѣлъ я многое злоупотребленіе не только въ противность моихъ предписаніевъ, но и совершенное самовластіе, а отъ сего и человѣчество непозволительнымъ образомъ страдало, а особливо въ Марковѣ. Видно и самъ старшій управитель проѣхалъ чрезъ всѣ сіи злоупотребленія, имѣя, какъ видно, глаза и уши не въ обыкновенномъ своемъ дѣйствіи. Гр. Н. Ш.

8 Ноября 1795.

Страннопріимный домъ въ Москвѣ остается живымъ вѣковѣчнымъ памятникомъ графу Н. П. Шереметеву. П. Б.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ.

Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время Французовъ, съ 1-го по 21-е Сентября 1812 года.

1-го Сентября, по счастію моему, успѣлъ я отправить изъ Москвы жену мою и малолѣтнихъ дѣтей, назнача имъ пребываніе въ деревнѣ Новой, что̀ по Троицкой дорогѣ, гдѣ бъ они дожидались меня. Но ахъ! Сего не случилось: судьба пріуготовляла мнѣ пить чашу горестей, я пораженъ былъ несчастіемъ, совсѣмъ мною неожиданнымъ.

2-го числа воспослѣдовала со мною величайшая перемѣна: желанія, намѣренія, кои я имѣлъ въ мысляхъ своихъ, остались тщетными и безполезными. Я видѣлъ уже въ Москву входящихъ Французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что̀ взяться и что̀ убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣшательствѣ и разстройствѣ мыслей, укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного Француза, который бѣгалъ, какъ бѣшеный, смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ на своемъ Французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ я упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было семь человѣкъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на Французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному Французу. Упомянутый непріятель, войдя въ комнаты мои, стремительно обѣгалъ ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по-французски и, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ Россійскихъ и оружія; потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подалъ ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько ѣлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего Императора и обнадеживалъ насъ, что съ

нами ничего не будетъ: «Домы ваши будутъ цѣлы, и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если же кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны». Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимая смыслу Французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бъ дать волю течь слезамъ моимъ. Съ колѣнопреклоненіемъ просилъ я Бога о прощеніи нашихъ согрѣшеній; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею. Въ сіе-то время я началъ колебаться въ мысляхъ своихъ: если мнѣ бѣжать изъ Москвы, то мнѣ нанесутъ безпокойство бывшіе со мною. Говорилъ я родительницѣ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ; но она отговаривалась отъ сего, представляя мнѣ ту причину, что никакой еще нѣтъ опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слѣдующій день.

Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе разбойническій грабежъ. Въ третій день поутру пришелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что Французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ Французской офицеръ говорилъ съ нимъ весьма ласково и потчивалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши, съ симъ моимъ родственникомъ разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ увѣдомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него шесть человѣкъ Французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что̀ хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домѣ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мнѣ четыре Француза, начали искать всего, копали и брали все то, что̀ имъ надобно, а именно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что̀ не взирая, брали все оное. За ними еще вслѣдъ другіе пять человѣкъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соболѣзновалъ объ участи моей и совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество, и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ и меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей Французъ отво-

дилъ отъ моего дому, говоря, что я здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерокъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четыремъ Французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа: они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ спрашивали сахару, пива, водки и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали мнѣ угрожать опасностію и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе, потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугунъ готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣстъ это готовилось, они между тѣмъ пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ послать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосѣду моему въ домъ искать у него напитковъ. Возвратившись оттуда съ одними вязаными перчатками, сѣли съ нами, и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, пылающее въ рядахъ и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не Французы жгутъ, а Русскіе. Въ сіе время, т. е. часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схватившп меня, велѣли опять идти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія объ отпущеніи себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно наѣхалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронутъ моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. И такимъ образомъ освободяся отъ нихъ, пустился я бѣжать со всѣми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приближась къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ Французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженный мечъ и угрожали мнѣ смертію. Родительница, видя сіе мое несчастіе, повергласъ къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не внимая ихъ прошеніямъ, требовали денегъ. При такихъ угрозахъ и при такихъ опасностяхъ, желая сохранить жизнь свою, всѣ ихъ прошенія дерзостныя я принужденъ былъ

исполнять. Вынималъ имъ денегъ, но не болѣе 50 копѣекъ, кои они бросяй, начали болѣе мнѣ угрожать смертію и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣніи сихъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на Каменный мостъ, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей; косогоромъ спускаясь къ лѣснымъ рядамъ, находили препятствіе отъ лаянія собакъ, не дающихъ намъ тихо проходить. Между тѣмъ видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріятели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхѣ прибѣжали на Каменный мостъ и, поднявшись *) до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее нѣсколько, сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ рѣкѣ, гдѣ увидѣли караульню и были долго въ нерѣшимости, думая, что въ оной будкѣ находятся Французы. Однакожъ тамъ никого не было. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ стенаніями, вздыхали; но все было тщетно. Долгое время тамъ мы сидѣли, не видавъ никого. Потомъ, обратившн взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного Француза, идущаго за водою. Поровнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, зачѣмъ мы здѣсь? Мы, обливая слезами лице наше, отвѣчали чрезъ туже дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріятель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его, пришли еще четыре Француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ, и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю, что̀ было положено родительницею. Послѣ сей встрѣчи, мы рѣшились идти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая: гдѣ ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ Русскихъ, сидящихъ на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ? На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что имъ непріятели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ при томъ и то, что у мосту Французовъ великое множество; рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и распрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше

*) Каменный мостъ былъ тогда много выше нынѣшняго, съ башнями по угламъ и торговыми лавками по бокамъ. П. Б.

состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цирульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, а началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь внизу, мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два; начинало разсвѣтать. При наступленіи дня, сошли сверху два Француза высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и умнѣе, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; при томъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день 4-го числа. Непріятели начали для себя готовить кушанье; изготовя, поѣли и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семъ домѣ, видѣли, что все приходили разные Французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда, намъ совсѣмъ было неизвѣстно. Улицею же была ѣзда безпрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т. е. на мостъ. Сіе продолжалось отъ утра до ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что куда ни посмотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтръ. Віющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные Русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу; лишенные почти всѣхъ силъ, падали отъ сего ужаснаго зрѣлища. Я, обращая взоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замѣшательствѣ, говорилъ только въ сердцѣ своемъ: «Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ Твоей всесильною десницей и плѣнники, окруженные отвсюду ужасами смерти, могутъ быть спасены и избавлены отъ смерти». Потомъ видѣли, что и у нихъ смятеніе умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спѣшили къ выходу какъ будто бы изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семъ домѣ. Чрезъ двѣ минуты пришелъ одинъ Полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и цырульникомъ, на что̀ я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь Французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ Россіянъ учиненныя, стращалъ меня и, ударя по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю и показывалъ глупую свою

храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мной, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схватя свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностію со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ, какъ я удалился на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лице было показываемо исполненнымъ сладострастія; онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видъ сострадательности, а между тѣмъ дарилъ оной дѣвицѣ штуку канифасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина; потомъ предлагалъ идти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронутъ будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показалъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились идти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество. Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцати Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами и тѣмъ обратилъ всѣ ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли снять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко плѣнникъ, снялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ миніатурный, обдѣланный въ золотѣ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разстались. Послѣ сего случившагося со мною несчастія, сошелъ я внизъ и, сѣдши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранялся отъ стужи. Спустя нѣсколько времени ходили уже къ намъ непріятели для грабежа артелью. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все и платки, и шубы. Дошелъ и опять чередъ до меня: обыскивали и ничего не нашли; только нашли у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дѣвицы оной денегъ 25 рублевъ и черный платокъ на головѣ. Все сіе взяли и пошли.

Ночь сія для насъ была самая жестокая: поминутно приходили, обирали насъ и все разные непріятели. Приходили еще нѣсколько человѣкъ и звали меня съ женщинами моими для того, чтобъ имъ растворить хлѣбы. Хотя несчастныя женщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однакожъ послушали меня. Пришедши къ нимъ, уви-

дѣли мы, что вся ихъ комната застлана была перинами. Хотя сіе мнѣ казалось подозрѣніемъ на счетъ дѣвицъ, однакожъ рѣшился остаться и дожидаться, что̀ будетъ отъ нихъ. Дали намъ ѣсть. Я не знаю, ѣли ли онѣ, а я ничего не могъ ѣсть. И такъ предлагали, чтобъ онѣ принялись за квашни; но женщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они женщинъ упорство, отпустили, и мы опять на тоже мѣсто пришли и усадились по прежнему. Часа чрезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ уже бѣдны, что нечего уже болѣе у насъ брать. При семъ несчастномъ состояніи снимали они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходѣ ихъ, я принужденъ былъ надѣть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видѣлъ на той сторонѣ Москвы-рѣки мальчика въ одной рубашкѣ, не болѣе шести лѣтъ. Ходя онъ около огня одинъ, громко кричалъ: «Прогнѣвался Господь на насъ», повторяя безпрестанно напѣвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливалъ лице свое горестными слезами, стоналъ, мучился, держа въ мысляхъ своихъ слова сіи: «Господи! Ты встрѣчаемъ былъ младенцами, поющими: ««Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»» Сей же, напротивъ, отрокъ, вмѣсто сей радости, оглашаетъ воздухъ горестными слезами и укоряетъ насъ во грѣхахъ нашихъ».

При семъ случаѣ пришли къ намъ еще Французы и велѣли за собою слѣдовать. Пришедши въ Зарядье, загнали насъ, какъ овецъ, на дворъ и заперли за нами ворота. Здѣсь мы, видя премного предлинныхъ скамей, думали: что̀ съ нами хотѣли дѣлать? Я мыслилъ, не хотятъ ли насъ заставить крошить хлѣбъ для сухарей; а другіе, что насъ для того въ семъ мѣстѣ заперли, чтобъ мы, вмѣстѣ съ симъ домомъ, сгорѣли. Но мы всѣ ошиблись. Видѣли, какъ выносилъ одинъ Французъ мѣшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 или больше. Непріятели приказывали намъ взять сіи мѣшки и нести за собой. Мы, взявшись за сіи ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; несли за ними въ другой домъ, кой былъ въ довольномъ разстояніи отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда, непріятели дали намъ саломаты; я только отвѣдалъ, и если бъ ѣсть хотѣлъ, то и тогда бы не сталъ ѣсть. Потомъ поставили пива самаго дурнаго и, спустя немного времени, опять велѣли намъ нести сіи ноши изъ этого дома. Мнѣ уже не досталось несть мѣшка, а дали намъ двоимъ несть что-то въ ведрѣ жидкое. Въ оное время видѣли мы своихъ бродящихъ, ищущихъ мѣста, гдѣ бы укрыться; ходили они точно сонные, непонимающіе одинъ другаго. Напол-

непъ будучи симъ, вдругъ увидѣлъ я несходствующаго лицемъ на прочихъ человѣка, который походилъ на Евреянина: волосы у него были темнорусые, нѣсколько завиты, росту средняго, носъ съ горбиною, глазами своими смотрѣлъ на меня удивительно; далъ онъ намъ дорогу, дѣлая знакъ, будто и онъ, какъ и прочіе, опасается. Я же, замѣтя его, шелъ тихо и далъ ему пройти. Потомъ тихо сказалъ своему товарищу поставить ведро подъ тѣмъ предлогомъ, яко бы мнѣ неприводьно нести, а самъ обратилъ лицо свое назадъ и смотрѣлъ на него, равно и онъ на меня. Когда же отвратилъ лице, тогда онъ пересталъ смотрѣть и пошелъ прямо. Въ сіе-то время сказалъ я громко: «О Боже! Доколѣ будутъ съ нами встрѣчаться несчастія? Доколѣ будешь Ты наказывать насъ рукою вѣроломнаго непріятеля?» Принесши на дворъ, увидѣли, что мои женщины сидѣли здѣсь у стѣны и слушали худо болтающаго по-русски Французскаго какого-то чиновника, кой закрывалъ свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотѣлъ. Будучи сжатъ холодомъ, сѣлъ я съ родительницею дальше отъ всѣхъ и закрылъ себя полами ея салопа, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Спустя немного, опять приказывали намъ нести сухари. Мы брали и выносили оные мѣшки уже на набережную, гдѣ, поставя, спрашивалъ я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мнѣ говорили, яко бы онѣ пошли впередъ; изъ чего ясно узналъ я ихъ ложь, что они меня хотѣли отъ нихъ отклонить. Въ семъ случаѣ предался я волѣ провидѣнія Божія и просилъ ихъ, чтобъ они меня отпустили посмотрѣть на мой домъ, и они мнѣ дали на волю выбирать любое изъ двухъ: или остаться съ ними, или идти въ домъ. Отнесъ я имъ съ набережной внизъ къ Москвѣ рѣкѣ свой мѣшокъ, въ награду получа отъ нихъ три кренделя. Идя набережной, обращалъ взоръ свой на всѣ стороны, не познавалъ мѣстъ и дороги, куда мнѣ идти, наконецъ узналъ, что я у мосту Москворѣцкаго, кой уже весь сгорѣлъ. Далѣе продолжая путь свой, встрѣтился со мною злодѣй и заставилъ меня нести за собою свѣчи сальныя. Пришедши въ часовню, непріятель сей говорилъ мнѣ по-русски, мѣшая Французскія слова, показывая пальцемъ на образа, чтобъ съ нихъ содрать ризы, отъ чего и будутъ деньги. Я ему ничего въ семъ не прекословилъ, но только отъ него отвернулся; потомъ онъ вышелъ оттуда и пошелъ куда ему надобно. Слѣдуя за нимъ съ поспѣшностію, уронилъ я двѣ свѣчи и кричалъ ему, чтобъ онъ остановился; поднимающаго свѣчи ударилъ онъ меня дважды палкою, потомъ, ощупывая меня, нашелъ крестъ, сорвалъ и бросилъ. Отъ сего я пришелъ во рвеніе и великій гнѣвъ, и едва изъ себя не вышелъ: хотѣлъ было наступить на него. Но вдругъ мнѣ пришли на мысль малолѣтнія дѣти мои, привелъ я на память

опасность жизни и сиротство ихъ, имѣющее произойти отъ непокорности. Непріятель изъ сего моего поступка увидѣлъ, что я ему не надежный рабъ, остановился и спрашивалъ: «Ты нашъ?» Я сказалъ ему, что Русскій, и онъ, ощупавъ меня, сказалъ: «О, ты голый!» Толкнувъ рукой и ударя одинъ разъ палкой, сказалъ: «Поди!» Отошедши нѣсколько, думалъ я: «Ну, ежели попадусь къ такому же злодѣю!» Наконецъ, рѣшился идти туда же, гдѣ я сухари носилъ. Не болѣе я отошелъ, какъ шаговъ десять, вдругъ часовой наѣхалъ на меня и ударилъ прикладомъ такъ, что съ ноги моей соскочилъ туфель: я поднималъ его и получилъ отъ него вторичные удары. Хотя я ему ничего противнаго не говорилъ, кромѣ словъ: «Дай же мнѣ поднять туфель!» но онъ думалъ, что я ему противлюсь, оборотя ружье, хотѣлъ заколоть меня штыкомъ; другой, подскочивъ, съ великою скоростію выпулъ саблю и ударилъ меня по лѣвой рукѣ и по боку такъ жестоко, что я думалъ, будто онъ меня пересѣкъ пополамъ. Снявши съ другой ноги туфель, я бросилъ къ нимъ, а самъ пошелъ по тракту, ведущему въ мой домъ, безпрестанно читая молитву: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ!» и проч.. и съ сею молитвою дошелъ благополучно до самаго моего дому, не видавъ ни одного Француза. Одно лишь эхо въ ушахъ моихъ было слышно: «Наполеонъ». Мечталось мнѣ, будто онъ вездѣ ходилъ и мучилъ народъ Христіанскій. Сія мысль происходила отъ безсонницы. Наконецъ, пришедъ въ свою улицу, смотрѣлъ на всѣ стороны, заливаясь слезами; не узнавалъ, гдѣ чей домъ былъ. Самыя трубы мнѣ казались за людей или большихъ гигантовъ, будто нарочно поставленныхъ для караула. Въ какомъ видѣ мнѣ все сіе представлялось, въ такомъ и описываю. Въ страхѣ человѣку можетъ мечтаться все удивительнымъ и чуднымъ. Пришедъ къ своему мѣстопребыванію, я увидѣлъ, что одинъ только пепелъ тлился надъ нимъ. Тогда-то я сказалъ со слезами: «И вотъ мое имѣніе! Вотъ моя и пища! Вотъ все въ этомъ пеплѣ заключается!» Легши на него, началъ горько плакать: потомъ всталъ и пошелъ посмотрѣть, нѣтъ ли кого? И увидѣлъ вдали человѣка, идущаго прямо ко мнѣ, кой, пришедши, проливалъ со мною вмѣстѣ слезы. Въ сіе время я былъ внѣ себя и, по долгомъ испытаніи, едва я могъ узнать его: оный человѣкъ былъ господина Нестерова. Я звалъ его въ подвалъ въ домъ Новосильцова, чтобъ нѣсколько успокоиться; пришедъ туда, уснули мы крѣпко.

5-го Сентября по утру всталъ я очень рано, но товарища моего уже не было. Потомъ видѣлъ влѣзающаго ко мнѣ непріятеля, коего я самъ, да и изъ отвѣтовъ его, узналъ, что онъ былъ Полякъ, и

потому ударилъ его такъ сильно, что онъ, не могши стоять на ногахъ, упалъ; потомъ, поднявши за воротъ и ударивши его вторично, выбросилъ изъ подвала. По учиненіи сего поступка, ясно увидѣлъ, что худо сдѣлалъ. Размышлялъ, какъ бы спастись, и вышелъ въ тоже время въ другой подвалъ, скрывшись въ вырытой ямѣ. И здѣсь меня непріятели увидѣли и сыпали мелкимъ кирпичемъ на голову мою; потомъ два половинчатые кирпича бросили на меня. Сіи удары едва могъ я вытерпѣть; однакоже не вставалъ. Они, видя меня не встающаго, начали ворочать штыкомъ, потомъ сами влѣзли ко мнѣ въ яму, ощупывали меня, ударили и ругали, однакоже оставили. Послѣ ихъ спустя нѣсколько, вышелъ я вонъ посмотрѣть, куда бы мнѣ удалиться, и увидѣлъ близъ церкви Покрова Левшина многихъ нашихъ Русскихъ, стремглавъ пустился къ нимъ и, прибѣжавши, старался подлѣ нихъ сѣсть. Увидѣвъ золу, еще не простывшую, сѣлъ на нее, но и здѣсь непріятели насъ безпокоили и тревожили; даже ни одной не проходило минуты, чтобъ они насъ не обирали. Потомъ, по приглашенію нѣкоторыхъ, пошли мы въ домъ какого-то князя, гдѣ жила, мнѣ неизвѣстная, Нѣмка, знакомая симъ. У нея нѣсколько обогрѣлись и вдругъ увидѣли, что и этотъ домъ зажгли, отчего я поспѣшно вышелъ одинъ и пошелъ къ своему дому, гдѣ постоялъ, какъ сумасшедшій. Потомъ, пришедши въ свое положеніе, обратился къ церкви Священномученика Власія, пошелъ поклониться ему; но, дошедъ къ церкви, увидѣлъ множество прихожанъ другихъ церквей, діаконовъ и священниковъ, квартальнаго поручика съ женою и дѣтьми, коего при мнѣ также ограбили и раздѣвали, оставя въ однихъ портахъ. Въ горячности хотѣлъ было онъ бѣжать и жаловаться ихъ генералу; но злодѣи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье, и тѣмъ самымъ его отвратили отъ бѣгства и не лишили жизни. Я съ ужасомъ и трепетомъ взиралъ на сіе страшное позорище, дрожалъ отъ холода и стужи. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ предалъ себя совершенно промыслу Божію, потомъ увидѣлъ идущую ко мнѣ родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мнѣ, равно и я ей; давала мнѣ, будучи сама томима голодомъ, засохлыя кѣрочки. Я бралъ оныя и дѣлилъ съ нею пополамъ, видя, что и ей себя нужно было подкрѣпить. Посторонніе, видя наше прѣніе, дали намъ хлѣба небольшой ломтикъ, кой мы принявши, благодарили ихъ. Послѣ сего я распрашивалъ, гдѣ она оставила мать съ дочерью. Она разсказывала мнѣ такимъ образомъ: «Когда вы несли сухари на набережную, то воспрепятствовалъ намъ слѣдовать за вами тотъ самый непріятель, кой вралъ намъ по-русски, и велѣлъ намъ за собой идти. Приведши въ домъ, заперъ насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился въ такомъ же одѣяніи непріятель не тотъ

уже, а другой; старался всячески обольщать сію дѣвицу, но не имѣлъ успѣха; обратилъ мысли свои на служанку, оставя дѣвицу, взялъ ее и дѣлалъ удовлетвореніе своимъ прихотямъ. Потомъ приходилъ оный же Французъ къ намъ, стращалъ насъ, кричалъ: «Подналивай!» Изъ чего мы заключили, что насъ хотѣли сжечь. Опять приходилъ первый, сюда насъ приведшій, и сего пьянаго выгналъ, а насъ отвелъ въ Воспитательный Домъ. И сей дѣлалъ предложеніе оной дѣвицѣ, однакожъ при мнѣ ничего съ ней не послѣдовало. Оставилъ насъ однихъ въ темныхъ покояхъ, гдѣ мы, сидя, думали, что́ намъ дѣлать? Наконецъ, я рѣшилась идти и искать тебя, и они за мною вслѣдъ шли. На тотъ часъ, по счастію моему, часовой ихъ спалъ, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему, пустилась я бѣжать, а они останавливали меня для отдохновенія; тогда рѣшительно я имъ сказала: «Пусть вы здѣсь отдыхаете, а я пойду искать зятя моего!» Оставя ихъ, пошла съ рабочей дѣвкой.» И тѣмъ она окончила свою повѣсть.

При наступленіи ночи, квартальный предлагалъ намъ всѣмъ, чтобы мы оставили сіе мѣсто и шли бы съ нимъ въ садъ Корсаковъ. На что́ многіе согласились, и я съ родительницею за ними слѣдовалъ. Пришедши въ оный садъ, нарвалъ для себя рябины и употреблялъ ее въ пищу. Прочіе имѣли здѣсь кое-что сокрыто и тѣмъ самымъ питались; а у меня ничего не было, кромѣ упомянутой рябины. Началъ сожалѣть о томъ, что ушелъ отъ церкви и опять рѣшился идти къ оной. Со мной же пошелъ неизвѣстный мнѣ мужчина съ женой и малымъ груднымъ ребенкомъ. На пути встрѣтился съ нами злодѣй, имѣющій на головѣ шапку архимандричью; я отъ него съ поспѣшностію старался убѣжать. Оставивъ меня, непріятель безъ вниманія приступилъ къ оной женщинѣ, съ ребенкомъ бывшей, снялъ съ нея салопъ, а съ мужа ея рубашку. Спасшись бѣгствомъ отъ непріятеля, пришли мы опять къ церкви, легли на травѣ, сжавшись всѣ въ кучу, чтобы тѣмъ согрѣть самимъ себя. При наступленіи ночи видѣли мы одного молодаго человѣка, подходящаго къ намъ, ищущаго своихъ родственниковъ и не нашедшаго въ нашей кучѣ. Мы, остановя его, спрашивали, что́ у него въ подолѣ, и узнали изъ словъ его, что говядина. Я первый началъ просить его, чтобъ онъ удѣлилъ мнѣ немного. Получивъ отъ него, дѣлилъ пополамъ съ родительницею и, употребляя въ пищу, горестно восклицалъ сими словами: «О Боже мой! При всемъ моемъ голодѣ, чувствую омерзѣніе и запахъ отвратительный, худшій самыя падали», и заглушалъ оный заразительный духъ рябиною. Всю сію ночь проводили мы на травѣ.

6-го Сентября по утру пришелъ къ намъ будочникъ-Чухонецъ и садился подлѣ меня; далъ мнѣ для сбереженія въ мѣшечкѣ горохъ сухой и велѣлъ мнѣ ѣсть. Сіе меня обрадовало, и я почиталъ его посланнымъ отъ Бога. Здѣсь видѣлъ я сосѣда моего учениковъ, приходившихъ ко мнѣ и приносившихъ мнѣ коринки и изюму. Получа отъ нихъ сіе, берегъ и давалъ малымъ дѣтямъ; а матери ихъ и отцы, въ замѣну сего, старались мнѣ давать, кто корочку хлѣба, а кто картофелю. Злодѣи же наши не переставали насъ безпокоить: сперва вошли въ церковь, а потомъ къ намъ, обыскивали насъ и, ничего не найдя, ругали насъ; потомъ другіе, третьи, и такъ безпрестанно они насъ посѣщали. По прошествіи сего дня, хлѣбъ уже у насъ весь изошелъ, только что и былъ у одного будочника горохъ. Онъ хотя и не хотѣлъ дѣлить нашимъ товарищамъ, однакоже, по увѣщаніи, далъ мнѣ волю быть раздаятелемъ.

7-го Сентября рѣшились мы жить въ церкви. Насъ было числомъ 18 человѣкъ, и малыхъ, и большихъ. Въ семъ священномъ мѣстѣ мы какъ бы уже готовили себя на жертву симъ безчеловѣчнымъ грабителямъ и условились между собою всѣ вмѣстѣ ѣсть, кто что́ ни имѣетъ. Пріуготовляли для себя пищу самую небогатую и ѣли съ умѣренностію. Но недолго сіе продолжалось. Очень скоро прекратилось наше сіе дружелюбіе: нашло къ намъ народу такого, который нашу связь всю разстроилъ, а именно: пьяницы, одинъ другому прекословили, другъ у друга чинили грабежи, ругались и кричали и другъ друга упрекали, словомъ сказать. . Я сколько ни старался уговаривать, но мои слова ни малаго дѣйствія и вліянія не имѣли на сердца ихъ. Тихими и скромными они учинялись тогда, когда видѣли непріятелей. Въ сіе священное мѣсто стекаясь, злодѣи обыскивали насъ, такъ какъ и прежде, искали денегъ, серебра и бумажекъ. Если же у кого находили ключи, то къ тому привязывались и требовали, чтобы показали имъ сундучки и ящички. Послѣ сего тотчасъ всѣ бывшіе у насъ ключи мы отобрали и покидали. Видѣли и еще приходящихъ, но уже не съ такимъ страхомъ взирали мы на нихъ, какъ прежде, потому что не къ чему уже было привязаться; входили и, нѣсколько посмотрѣвъ, опять уходили.

8-го числа по утру, приходили къ намъ наши Русскіе и говорили, что выйти изъ Москвы никакъ нельзя, кто и пошелъ, тотъ едва ли спасется отъ смерти. Потомъ услышали мы, якобы нашъ Августѣйшій Императоръ Александръ Павловичъ скончался. Сія вѣсть привела насъ въ великое возмущеніе и безпокойство и навлекла на насъ еще бо́льшій страхъ.

9-го числа по утру, началъ я читать канонъ Пресвятой Богородицѣ. Читая оный со слезами, увидѣлъ вдругъ входящихъ разныхъ націй грабителей, воспрепятствовавшихъ мнѣ далѣе читать и наполнить душу мою симъ усерднымъ моленіемъ; смотрѣлъ на ихъ мерзкія насмѣшки, подобныя діавольскимъ искушеніямъ; видѣлъ, какъ они наругались надъ святынею; просилъ Бога, чтобъ ихъ не допустилъ скончать дни жизни моея, и чтобы не лишилъ видѣть малыхъ дѣтей моихъ. Сія мысль не только въ этотъ, но и во всѣ дни была у меня.

10-го числа пошла одна старушка готовить для насъ пищу; нечаянно труба упала на нее; едва только успѣли ее исповѣдать, она умерла. Совершивъ надъ нею службу по долгу Христіанскому, положили въ погребѣ. Французы, видя насъ зарывающихъ ее близъ церкви, бѣжали къ намъ съ великимъ стремленіемъ, думая, что мы имущество зарываемъ. Прибѣжавъ, засмѣялись громко и пошли отъ насъ прочь.

11-го Сентября. Всегда по утру увѣдомляли насъ разные наши Россійскіе новостями, возмущающими только насъ, что мы отчаявались выйти когда нибудь изъ Москвы. Въ сей день пришло къ намъ шесть звѣрообразныхъ непріятелей, имѣющихъ у себя предлинный ножъ. Стали они приставать къ священнику, думая, не спряталъ ли онъ что-нибудь церковнаго? Но сей священникъ былъ сельскій и неученый, не понималъ ихъ словъ; ставъ у царскихъ вратъ, ожидалъ себѣ смерти. Оные враги устрашали его и окровенили предъ вратами царскими полъ, поранивъ ему руку. Отъ всѣхъ сихъ страховъ страдали мы болѣзнію желудочною; да и нечѣмъ было укрѣпиться нашему желудку: въ пищу обыкновенно мы употребляли рѣдьку и картофель, да и тотъ трудно было пріобрѣсть; когда за нимъ ходили, то попадались Французамъ: одному спесешь, другой заставляль. И такъ опять приходили уже обезсиленными и голодомъ томимыми. Мой же Чухонецъ меня не оставлялъ: онъ всегда приносилъ картофель и спасалъ меня и родительницу отъ голода, а я и другихъ снабжалъ. При всемъ же томъ случалось, что мы были дни по три и болѣе безъ пищи.

12-го Сентября приходили къ намъ нѣкоторые люди иностранные, только не солдаты, кои умѣли говорить по-русски и дѣлали выговоры намъ, для чего мы не приняли съ честію Бонапарта. «Еслибы вы его встрѣтили со славою и почестями, то не претерпѣли бы такого разоренія.» Но я говорилъ имъ, что такому завоевателю, каковъ Бонапартъ, не должно бы совсѣмъ имѣть въ мысляхъ честолюбія и думать объ этомъ, чтобъ его принялъ съ какою-нибудь честію простой и бѣд-

ный народъ, ничего у себя не имѣющій, кромѣ одного только усердія къ Богу и своему Государю. Видѣли мы нашедшую тучу, покрывшую небо пасмурными облаками, былъ великій громъ; мы всѣ пали на колѣни, повергшись предъ престоломъ величества Божія. Діаконъ здѣшнія церкви сталъ у престола Божія съ распростертыми руками; словомъ, всѣ мы молились и, кажется, тогда просили объ одномъ томъ, чтобы Всевышній показалъ чудо надъ нашими врагами и разсыпалъ бы сихъ жестокосердыхъ враговъ. По прошествіи сея грозныя тучи, приходили непріятели, изъ коихъ одинъ, войдя въ алтарь, увидѣлъ написанную плащаницу, началъ лобызать ноги тѣла Христова, отъ всего своего сердца припадалъ къ сему образу и дѣлалъ поклоненіе. При наступленіи ночи мы видѣли на небѣ два знаменія, подобныя ракетамъ, стоящимъ очень долгое время безъ всякаго измѣненія, и также тонкія и свѣтлыя, какъ пускаютъ ракеты. Сему явленію я не могу надивиться: пожаръ ли былъ сего причиною, или другое какое-нибудь предзнаменованіе? Оставя сіе писать, обращаюсь паки къ собственной своей исторіи.

13-го числа пришли наши Россійскіе купцы, священники и разные чиновники. Всѣ они были изранены: у кого голова проломлена, у кого рука, кто одѣтъ рогожкой; словомъ, на всѣхъ ничего не было. Если тѣло ихъ покрыто было чѣмъ, то именно ободранными рубищами. Пришелъ сюда и тотъ самый, кой носилъ со мной сухари и ведро. Увидѣвши его, я заплакалъ, и онъ также. Потомъ я спрашивалъ, гдѣ онъ былъ въ продолженіе сего времени, и я узналъ изъ отвѣтовъ его, что онъ былъ въ работѣ у Французовъ; надѣялся, говорилъ онъ мнѣ, что въ домѣ господина моего сокрытая мука будетъ цѣла, но, къ несчастію, все разграблено такъ, что я ничего не нашелъ. Потомъ пришелъ другой мой сосѣдъ, столяръ, увидѣлъ меня въ одномъ кафтанѣ и говорилъ: «У меня есть тулупъ Калмыцкаго мѣха; возмите его, хотя отъ него и есть смердящій запахъ». Сему я чрезвычайно обрадовался. Какое же мое удивленіе! Видѣлъ, что оный тулупъ былъ мой; спрашивалъ, какъ онъ къ нему попалъ; онъ отвѣчалъ, что подняли его ученики на улицѣ. Надѣвая его на себя, чувствовалъ запахъ весьма тяжелый, отъ коего чуть меня не вырвало, и самые Французы, слыша сей запахъ, не отняли у меня сего тулупа.

14-го числа обирали отъ насъ непріятели свѣчи, какъ сальныя, такъ и церковныя, и съ оными иногда приходили въ церковь въ ночное время, стращали и били насъ.

15-го числа пришли къ намъ ночью двое утомленные силами и хотѣли у нѣкоторыхъ отнимать одежду для постилки подъ себя, но, видя на насъ худыя рубища, брали ризы ободранныя и ложились на нихъ; также клали иконы на полъ, содранными же съ престоловъ и жертвенниковъ одѣяніями облекали себя и препровождали сію ночь съ нами. По утру, очень рано, одинъ Французъ, вставши, увидѣлъ еще товарища своего крѣпко спящаго и унесъ у него сумку. Чрезъ нѣсколько времени вставшему сему непріятелю сказывали мы, что его товарищъ давно уже ушелъ и взялъ его сумку и ружье, отъ чего онъ началъ плакать, и видно по всему, что онъ сожалѣлъ о сей потерѣ.

16-го Сентября начали мы съ собою размышлять, какъ бы удалиться изъ Москвы, ибо опасались, чтобы не заразиться отъ наполненнаго худыми испареніями мертвыхъ тѣлъ воздуха. Но какъ мы ни думали, но не находили случая выйти изъ Москвы. Посылалъ я родительницу справиться въ Университетѣ, не остался ли кто изъ нашихъ родственниковъ въ ономъ; также еще посылалъ къ Петру и Павлу въ Басманную, въ домъ нашего же родственника, купца Нечаева, въ коемъ она нашла родную свою сестру и племянницу, съ четверыми живущую въ подвалѣ онаго дома, и увѣдомляла меня объ оныхъ.

17-го числа приходя наши Россійскіе, увѣряли насъ, что можно выйти изъ Москвы въ ночное время; днемъ же идти чрезъ Лазарево кладбище подъ предлогомъ будто за картофелемъ. Распросивши подробно о семъ, я рѣшился, какъ можно, выйти изъ Москвы.

18-го числа опять приходилъ къ намъ Спаса-Песковъ дьячекъ и удостовѣривалъ насъ, что онъ трижды изъ Москвы выходилъ и опять въ оную столько же разъ возвращался, чѣмъ насъ всѣхъ вывелъ изъ сомнѣнія и подалъ нѣкоторый лучъ надежды душѣ нашей къ освобожденію изъ плѣна. По просьбамъ и убѣжденіямъ нашимъ, взялся онъ насъ выпроводить изъ Москвы, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы не было съ нами женщинъ, такъ какъ не могущихъ сносить труды великіе и чрезъ коихъ бы мы не учинились жертвою враговъ нашихъ. Услыша сіе, родительница моя рѣшилась вслѣдъ за нами идти.

19-го я и надворный совѣтникъ Шараповъ, еще изъ Чудова монастыря молодой дѣтина, пріуготовлялись къ выходу изъ Москвы, и лишь только начали употреблять изготовленную нами пищу, вдругъ увидѣлъ я идущую сестру моея родительницы, увидѣлъ и, заливаясь слезами, говорилъ ей, что я сегодняшній день намѣренъ выйти изъ

Москвы. И такъ, простившись въ разстроенномъ положеніи съ моими родными, пошелъ въ настоящую церковь, падалъ предъ Спасителемъ, Божіею Матерью и предъ иконою Священномученика Власія. Подходя къ улицѣ Арбатской, увидѣли мы множество Французовъ, ѣхавшихъ съ фурами, и со страха укрывались за трубы, давая имъ проѣхать. Наконецъ, пришедши въ приходъ Спаса-Песковъ, нашли мы своего путеводителя въ подвалѣ сгорѣвшаго одного большаго дома. Пошли въ путь пожарищами, стараясь смотрѣть во всѣ стороны и укрываться отъ злодѣевъ нашихъ. Однакоже мы, какъ ни старались укрываться отъ нихъ, но повсюду встрѣчали ихъ, и отъ взора ихъ приходили въ великій страхъ. Далѣе продолжая путь свой, вышли мы на бульваръ, наполненный мертвыми лошадьми. Послѣ сего опять попадались намъ на встрѣчу подлѣ Страстнаго монастыря Французы, ѣдущіе съ фурами, коихъ лошади едва тащили бремена сіи. При сей встрѣчѣ крайне мы опасались, чтобы не заставили насъ, вмѣсто оныхъ лошадей, тащить фуры. Бѣжали какъ наивозможно скорѣе къ канавѣ и видѣли, что тамъ наши Россійскіе строили на своихъ сгорѣвшихъ мѣстахъ для жилища своего шалаши. Продолжая путь нашъ неудобными мѣстами, наконецъ, пришли въ поле, гдѣ была насѣяна рѣпа; дѣлали видъ, что мы ее собираемъ; между тѣмъ мало-по-малу приближались къ Лазареву кладбищу. Пришедши сюда, въ страхѣ и трепетѣ обходили оную церковь, и лишь только хотѣли перейти чрезъ валъ, здѣсь имѣвшійся, вдругъ услышали голосъ часоваго Француза, и отъ онаго въ такой ужасъ и робость пришли, что едва не пали на землю. Чувствуя во всѣхъ нашихъ членахъ сильное потрясеніе, едва могли пробѣжать въ лѣсъ за сими нашими провожатыми; такія даже случались мѣста, что принуждены были иногда ползти шаговъ 50 и болѣе. Версты четыре отбѣжавъ, увидѣли вдали нашихъ непріятелей, везущихъ снопы; сѣли у пней, чтобы непріятелямъ не попасться въ руки. Послѣ сего хотя мы и достигли большаго лѣса, однакоже часто случалось, что принуждены были идти краемъ онаго лѣса, гдѣ видѣли, не болѣе отъ насъ разстояніемъ полуверсты, огни и непріятельское войско, и всячески старались укрываться, заходя въ чащину лѣса. Когда же ночь покрылась совершеннымъ мракомъ, тогда безопаснѣе мы шли, хотя еще и не безъ страха.

Прошедши семь верстъ разстояніемъ отъ Москвы, сопроводники поздравили насъ, что на пути уже почти никакихъ нѣтъ опасностей; но мы еще все опасались. Пришли къ рѣчкѣ, чрезъ которую надобно намъ перейти, и нашли такое мѣсто, гдѣ лежали чрезъ рѣчку перекладины. По нимъ проходили сперва наши провожатые, потомъ я,

при вспомоществованіи данной мнѣ отъ нихъ палки, за мною и надворный совѣтникъ, кой, при всей моей помощи, упалъ въ рѣку, потому что у него не владѣла одна рука. Встащивши его на крутой берегъ, устремлялись далѣе въ путь. Между тѣмъ сопроводники говорили намъ, чтобы мы какъ можно скорѣе шли и не говорили ни слова. Совратившись съ пути, вели они насъ болотами и кочками, гдѣ нерѣдко случалось стремглавъ падать. Наконецъ, съ великимъ трудомъ, вышли на большую дорогу, и провожатые уже здѣсь совершенно насъ поздравили безопасностію и намѣревались утомленному духу своему дать покой. Они здѣсь разсказывали намъ, что въ семъ мѣстѣ наши казаки отбили обозъ и многихъ побили. Слышавъ я отъ нихъ сіе, уговаривалъ, чтобъ они поскорѣе отъ онаго мѣста удалились; ибо мнѣ все казалось, что мы еще не ушли отъ нашихъ варваровъ. По совѣту моему они пошли далѣе. Отошедши 20 верстъ, такъ я изнемогъ въ силахъ своихъ, что едва уже могъ идти. Назначенное же нами мѣсто для долгаго отдохновенія еще было разстояніемъ въ пяти верстахъ. Въ семъ случаѣ я ихъ упрашивалъ нерѣдко отдыхать, и сіи пять верстъ мы шли нога за ногу. Пришли чрезъ великую силу въ деревню, гдѣ дьячекъ не намѣревался еще остаться, но полагалъ свое намѣреніе дойти до села Медвѣдкова, въ коемъ онъ всегда имѣлъ свое мѣстопребываніе. Но я, Шараповъ и еще третій мужчина остались въ сей деревнѣ и едва могли себѣ найти для успокоенія нашего квартиру въ пятомъ домѣ. Вошедши въ домъ хозяина, увидѣли здѣсь нашихъ солдатъ, раненыхъ, ушедшихъ же изъ плѣна. Сіи добрые хозяева, видя насъ, изнемогшихъ отъ голода, натирали рѣдьки, дали хлѣба, потомъ молока, и сею пищею укрѣпясь, мы успокоились.

На другой день по утру опять насъ снабжали они хлѣбомъ, и мы пошли въ село Пушкино. Но какъ изъ насъ никто не зналъ дороги, то и нерѣдко мы сшибались съ пути своего. Дошедши же къ воротамъ, увидѣлъ я лающихъ на меня собакъ, отъ которыхъ я ушелъ къ оранжереямъ. Встрѣтясь со мною, одинъ человѣкъ побѣжалъ отъ меня, думая, что я Французъ. Я началъ просить его, чтобъ онъ меня оборонилъ отъ собакъ. Услыша меня говорящаго по-русски, остановился; потомъ я спрашивалъ его о моемъ родственникѣ, о женѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ, и онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что жены моей нѣтъ. Сіе слово поразило меня точно громовой ударъ. Далѣе продолжалъ онъ рѣчь, что была здѣсь какая-то женщина съ малолѣтними дѣтьми и уѣхала, не знаю куда. Потомъ я его просилъ, чтобъ онъ проводилъ меня къ моему родственнику; нашедшему мнѣ мѣстопребываніе его, сказывали мнѣ хозяева, что онъ пошелъ въ баню. И такъ опять я просилъ сего человѣка, чтобы проводилъ онъ меня до того мѣста. Увидѣвши меня

родственникъ, едва идущаго, заплакалъ. По долгомъ моемъ съ нимъ разговорѣ, товарищи ко мнѣ пришли и говорили мнѣ, что время отправиться изъ сего мѣста. Но я уже далѣе не пошелъ. Простившись съ ними, остался здѣсь съ моимъ родственникомъ, пришелъ на его квартиру и, легши отдыхать, такъ крѣпко спалъ, что проснулся на другой уже день. Въ половинѣ дня пошли мы въ село Пушкино и, купя тамъ баранины, возвратились опять въ Кудрино. На другой день звалъ онъ меня въ деревню Новую, разстояніемъ въ четырехъ верстахъ. Въ семъ хотя я и отказывался, чувствуя разслабленіе въ ногахъ, однакоже пошелъ и пришелъ съ нимъ въ самый тотъ домъ, гдѣ моя была жена съ малолѣтними дѣтьми. Разспрашивалъ я здѣшнихъ жителей о своей женѣ, и они мнѣ съ великою жалостію говорили, что ваша жена отъ страха, каковой былъ въ то время, едва ли не растеряла дѣтей своихъ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я въ себѣ великій ударъ и нѣкоторую перемѣну; однакоже скоро опять пришелъ въ прежнее спокойствіе, скидывалъ свои коньги, вѣсомъ въ 10 фунтовъ, отдалъ симъ хозяевамъ и просилъ у нихъ на обмѣнъ лаптей, и послѣ сего легъ спать. Проснувшись по утру рано, пошли мы съ родственникомъ въ путь, и какъ слабость моего здоровья не позволяла идти мнѣ съ великою скоростію, то и нерѣдко сѣтовалъ на меня мой родственникъ. Пришли мы въ Троицкую Лавру наканунѣ празднованія Чудотворца Сергія. Отдохнувши здѣсь нѣсколько, пошли опять въ путь и, отойдя 10 верстъ, ночевали. На другой день едва могъ я продолжать путь отъ чрезмѣрнаго изнуренія, однакожъ вознамѣрился идти до самаго Переяславля. Въ семъ городѣ попались намъ попутчики, ѣдущіе за хлѣбомъ въ Ростовъ, которые взяли съ насъ по рублю довезти до Ростова. Отъ сего я въ себѣ чувствовалъ легость и, получивъ слабымъ моимъ силамъ нѣкоторую бодрость, сходилъ въ монастырь поклониться мощамъ Святителя Димитрія.

Пробывши здѣсь нѣсколько времени, опять пошли въ путь и, отойдя 20 верстъ, ночевали. На ночлегѣ здѣсь ночевали съ нами вмѣстѣ и рекруты, изъ коихъ я примѣтилъ одного съ неумѣренностію пьющаго вино. Напившись, онъ кричалъ, бродилъ повсюду; изъ устъ его извергались сквернословія даже и на насъ. По утру вставши рано, безпрестанно онъ требовалъ отъ отдатчика вина, и вдругъ выпилъ за одинъ разъ три стакана. Видя его такую алчность и пристрастіе къ вину, говорилъ я отдатчику, чтобы онъ какъ можно его старался сберечь и удалять отъ излишняго употребленія вина; въ противномъ случаѣ обопьется, если ему будетъ дана воля, что̀ въ самомъ дѣлѣ и случилось: услышали мы на дорогѣ о смерти сего молодаго человѣка и крайне сожалѣли о немъ. Въ 25 верстахъ отъ Ярославля наняли

мы попутчика. Доѣхавъ благополучно до сего города, были мы въ крестномъ ходу, гдѣ видѣли покойнаго принца и великую княгиню Екатерину Павловну. Послѣ сей церковной церемоніи, сошли мы на берегъ рѣки Волги, гдѣ увидѣли многихъ, садящихся въ лодку и ѣдущихъ иныхъ въ Нижній Новгородъ, другихъ въ Кострому. Сему случаю крайне я радовался и говорилъ хозяину лодки, чтобы онъ насъ посадилъ до Костромы. По привѣту его мы тотчасъ рѣшились сѣсть въ его лодку и ѣхали всю ночь. Стужа и страхъ, отъ волнъ происходящій, крайне насъ безпокоили. Правители были самые неискусные: они не знали ни мели, ни способа управлять хорошо лодкою; часто наѣзжали на пески, стояли на одномъ мѣстѣ иногда часа по два и болѣе, безпокоились, изнуряли свои силы, сворачивая лодку въ глубину воды. Не думалъ я, находившись въ страхѣ съ товарищами своими, доѣхать до Костромы. Но, при помощи Божіей, пріѣхали мы въ оный городъ и крайне радовались, благодаря Бога за спасеніе нашея жизни. Потомъ, взошедши въ гору, выпили нѣсколько сбитню для отогрѣнія себя, и хотя искали въ семъ городѣ общаго нашего благодѣтеля, сказывая его имя и фамилію, но не могли узнать отъ встрѣчавшагося съ нами народа, гдѣ его находится мѣстопребываніе. Часто останавливаемы были здѣшними жителями и распрашиваемы были отъ нихъ о родѣ нашемъ, и состояніи, и извѣстности. И мы, отвѣчая имъ краткими словами, бѣгали изъ улицы въ улицу и старались сыскать того, кто намъ нуженъ былъ. Наконецъ, попался намъ такой человѣкъ, который зналъ домъ нашего благодѣтеля и привелъ насъ въ оный. Боже мой! Какое зрѣлище! Увидѣлъ я жену мою, коя, смотря на меня, изнуреннаго отъ снѣдаемой печали, совершенно перемѣнившагося, спрашивала меня о своей родительницѣ, о домѣ и имѣніи. Я жъ, на вопросы ея никакого не дая отвѣта, спрашивалъ: живы ли малолѣтнія мои дѣти? И вдругъ она побѣжала въ комнаты и, не допуская меня, по причинѣ скорости своей, войти въ оныя, вынесла мнѣ моего сына. О, да умолкнетъ здѣсь языкъ мой! Не въ состояніи я теперь описать ту радость, кою я чувствовалъ отъ чрезвычайной радости. Увидя моего малолѣтняго сына, держа на рукахъ его, въ безпамятствѣ, забылъ уже и о другихъ моихъ. Слышалъ голосъ, поражавшій меня жалостною рѣчью неоднократно: «Тятя!» Отъ сихъ, повторяемыхъ имъ, словъ весь я потрясался и заливался необычайно слезами, ласкалъ его, проливая слезы отъ радости; между тѣмъ мать принесла мнѣ маленькую дочь мою, и та уже меня утѣшила своею нѣжною улыбкою.

Боже Всемогущій! Твоя всесильная десница сохранила меня, жену и дѣтей моихъ отъ угрожавшей намъ погибели. Надѣюсь, Владыко

мой, что не допустишь насъ скитаться и терпѣть нужду. Ты Сердцевѣдецъ, Ты дашь намъ отъ рукъ благотворителей пищу и продовольствіе!

Вотъ, читатель мой, какою я былъ тогда наполненъ мыслію. Чрезъ два дни желанія мои и мысли во благихъ исполнились: нашелъ я благотворителя, кой, меня не видавши, прислалъ мнѣ 25 рублей. Вотъ какое Господь попеченіе прилагаетъ о несчастныхъ, лишенныхъ всего и насущнаго хлѣба! Нѣтъ ни одного несчастнаго плѣнника, котораго бы Онъ попралъ торжествующею Своею ногою; отъ самыхъ опасностей, влекущихъ за собою смерть, силенъ Онъ изъять. Примѣромъ сего я могу представить себя. Сколько со мною встрѣчалось опасностей, сколько видѣлъ я отъ непріятелей страховъ и ужасовъ; но Господь не попустилъ мнѣ погибнуть вѣчно. Прославляю теперь Господа моего, повергаюсь предъ Нимъ, возсылая теплыя молитвы. Любезные читатели! Прославьте вкупѣ и вы со мною Бога, живущаго на небесѣхъ! Любезные соотчичи! Не щадите интереса своего, если видите къ тому удобный случай помочь ближнему; чрезъ то сами избѣгнете бѣдности и никогда не будете упрекать совѣсть свою, которая насъ часто толкаетъ при встрѣчѣ съ несчастнымъ. Прошу васъ, не отлагайте дѣлать добро до утра и, если можно, тотчасъ помогайте! Тогда узрите лицемъ къ лицу Бога и истину.

(Изъ 2-й книги „Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей" 1859 года).

*

Сочинитель этого безъискусственнаго, полуграмотнаго разсказа остался неизвѣстнымъ. Отъ его повѣсти вѣетъ правдою, и для историка онъ является настоящимъ представителемъ Московскаго населенія, захваченнаго нашествіемъ Западной Европы. П. Б.

РАЗГАДКА ОДНОГО НАМЕКА

въ „Старинной сатирѣ" („Русскій Архивъ" сего года, вып. 7-й).

Трактатъ о воспитаньи
Приноситъ новый Локкъ.

Стихи эти, какъ и вся строфа, должны относиться къ И. М. Муравьеву-Апостолу, нѣкогда послу въ Испаніи. Въ 1812 году, живучи въ Нижнемъ, онъ писалъ свои „Письма о классическомъ образованіи", на значеніе которыхъ указывалъ А. Д. Галаховъ. Этою разгадкою мы обязаны академику К. Н. Бестужеву-Рюмину. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ѲЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА *).

12-го Іюня 1864 г. Цесаревичъ изъ Царскаго Села выѣхалъ за границу. Его свиту составляли графъ Строгановъ, флигель-адъютантъ полковникъ О. Б. Рихтеръ, поручикъ лейбъ-кирасирскаго Его Высочества полка Козловъ, прапорщикъ л.-гв. Преображенскаго полка князь Влад. Анат. Барятинскій, профессоръ Московскаго университета Борисъ Ник. Чичеринъ, докторъ Шестовъ и я. Сверхъ того былъ командированъ фельдъегерскаго корпуса поручикъ Шлотгауеръ. При Цесаревичѣ состояли камердинеръ Костинъ и рейткнехтъ Вельцинъ; наконецъ, Женевецъ Бо взятъ въ качествѣ курьера. Генералъ-адъютантъ князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій былъ, по просьбѣ его, взятъ въ тотъ же поѣздъ до Берлина.

Помнится, что, за нѣсколько дней до отъѣзда, Цасаревичъ, въ Петергофѣ, повелъ меня на балконъ верхняго этажа того домика, который былъ построенъ для него въ Александріи, близъ фермы и, указавъ на видъ съ него на море, спросилъ меня, какъ мнѣ видъ этотъ нравится? Утро было солнечное, безоблачное, и дѣйствительно взорамъ представлялось привлекательное зрѣлище. «Если я, сказалъ Его Высочество, за границею увижу одинъ такой прелестный видъ, то я буду вполнѣ доволенъ». Казалось, что онъ вообще неохотно разставался съ Петергофомъ, да и вообще съ родиною. Особенную прелесть для него имѣли морскія катанья около Кронштадта, на ботикѣ его «Увалень». Въ предсмертной агоніи, онъ въ бреду командовалъ этою яхтою.

Уже на пути въ Берлинъ получена была телеграмма отъ Государя Императора изъ Киссингена, предписывающая, безъ остановки въ Берлинѣ, прибыть въ Киссингенъ, такъ какъ только что вступившій на Баварскій престолъ молодой король Людвигъ II-й съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Цесаревича, ему ровесника по годамъ. Но по прибытіи въ Берлинъ представилась все-таки необходимость отдыха и, переночевавъ въ посольскомъ домѣ, мы на другое утро въ 5 часовъ, ничего не видавъ, выѣхали изъ Берлина.

---

*) См. выше, стр. 417.

Курьерскій поѣздъ шелъ ночью до Гофа, а потому въ Лейпцигѣ былъ заказанъ обѣдъ. Прибывъ однако туда позже опредѣленнаго времени, мы не успѣли даже войти въ обѣденную залу, какъ раздался звонокъ и крики кондукторовъ: «Einsteigen, nach Hof, Bamberg, Schweinfurt, Kissingen». Заплативъ за нетронутый обѣдъ, мы поѣхали голодные далѣе, а въ Гофѣ, гдѣ пришлось просидѣть цѣлый часъ въ ожиданіи отхода поѣзда (Bummelzug), мы перекусили только хлѣбомъ съ пармезаномъ, запивъ этотъ скромный завтракъ рейнвейномъ, такъ что я тотчасъ же заказалъ ужинъ въ Бамбергѣ, гдѣ признано было вновь остановиться на ночь.

На пути всѣ пассажиры съ жадностію бросались на промежуточныхъ станціяхъ на горячія Würstchen, съ лотковъ продаваемые. Какой-то юноша, первый схвативъ нѣсколько ломтей хлѣба съ сосисками, возвращался въ вагонъ и пожиралъ добычу свою. Ему на встрѣчу въ попыхахъ, чтобы также успѣть къ продавщицѣ, стремится толстѣйшая дама и, видя молодаго человѣка жующаго, спрашиваетъ его: «Was essen Sie?» — «Eine Koschke, madame Wurst», былъ отвѣтъ. Вѣроятно ее звали m-me Koschke, и этотъ lapsus linguae произвелъ на всѣхъ такое впечатлѣніе, что вся наша компанія, голодная и унылая, начиная съ графа Строганова, разразилась гомерическимъ смѣхомъ.

Какъ мы радовались ужину въ Бамбергѣ, и какъ велико было наше разочарованіе, когда, прибывъ въ гостиницу на ночлегъ, увидѣли на накрытомъ столѣ маленькія тарелочки съ какими-то холодными соленьями, которыя не только были несъѣдомы, но даже противны на видъ. Всѣ вновь пріуныли и довольствовались плохимъ чаемъ. Графъ Строгановъ, нагнувшись надъ столомъ, тщательно осмотрѣлъ всѣ тарелочки и, по привычкѣ гладя рукою усы, проговорилъ: «Il faut avouer, que dans ce pays on mange, mais on ne dîne jamais.» *)

На другой день прибыли мы въ Киссингенъ, гдѣ Ихъ Величества проживали въ кургаузѣ. Тутъ же былъ король Баварскій, императрица Австрійская, гросъ-герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій и другія владѣтельныя особы съ ихъ свитами. Общество было блистательное. Всѣ Русскіе послы и посланники съѣхались изъ разныхъ столицъ и окружали князя Горчакова: баронъ Будбергъ, графъ Штакельбергъ, В. П. Титовъ, Н. П. и А. П. Озеровы. Графъ Ностицъ съ фотографическомъ приборомъ своимъ все утро неутомимо ходилъ по Киссингену и по очереди снималъ портреты знаменитостей. Онъ уговорилъ князя Горчакова сняться въ группѣ Русскихъ дипломатовъ. Собралось до 15-ти лицъ. Графъ Ностицъ, усадивъ всѣхъ, просилъ,

*) Надо согласиться, что въ этой странѣ ѣдятъ, но никогда не обѣдаютъ.

чтобы послѣ словъ un, deux, trois, когда онъ сниметъ крышку со стекла, всѣ сидѣли спокойно и не шевелились. Наступаетъ этотъ моментъ, онъ произноситъ условные un, deux, trois и спѣшитъ снять крышку, а въ тотъ же моментъ В. П. Титовъ, вѣчно разсѣянный, подымаетъ руку и, ударяя ею тактъ, считаетъ: un, deux, trois. Нужно было начать снова, т. е. перемѣнить объективъ и вновь успокоить позирующихъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ были поражены, когда и во второй разъ, въ роковой моментъ, Владимиръ Павловичъ, забывшись, вновь продѣлалъ туже штуку.

Король Баварскій, молодой человѣкъ, пріятной, но нѣсколько болѣзненной наружности, казался сосредоточеннымъ подъ впечатлѣніемъ потерь имъ понесенныхъ въ семействѣ и смерти его воспитателя. Онъ жаловался на судьбу и завидовалъ Цесаревичу въ томъ, что онъ имѣлъ счастіе пользоваться совѣтами такой матери, какова была императрица Марія Александровна. Меланхолическое тогда уже настроеніе короля предвѣщало тѣ странности, которыя проявились позже въ его дружбѣ съ Вагнеромъ, въ ипохондріи и эксцентричности этого юноши.

Король чрезвычайно привязался къ Императрицѣ и всѣ мѣры употреблялъ для доставленія удовольствій всякаго рода. Для Государя и для Наслѣдника были устроиваемы охоты, на показъ Императрицѣ выписывались изъ Мюнхена сервизы и художественныя произведенія. По случаю траура король не могъ устраивать ни баловъ, ни другихъ увеселеній; но за то иноземцы высшаго круга ежедневно собирались на пикники, танцы въ салонѣ, и скоро образовался кругъ избранный и тѣсно слившійся въ пріятельскій. Въ Киссингенѣ графъ Строгановъ подалъ Государю Императору мною перебѣленную записку свою о Головнинѣ, доказывая вредное его направленіе какъ министра народнаго просвѣщенія и настаивая на замѣнѣ его другимъ лицомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени. А. В. Головнинъ повредилъ своей репутаціи тѣмъ, что рекомендовалъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ одну изъ брошюръ Шедо-Феротти (барона Фиркса) о Польшѣ.

Изъ Киссингена вся царская фамилія со свитою, въ экстренномъ поѣздѣ, отправилась чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ въ Швальбахъ, гдѣ Императрицѣ предстоялъ курсъ леченія ваннами. Нѣкто Болле распоряжался поѣздами и при отходѣ изъ Киссингена говорилъ, что, при всемъ его стараніи и всѣхъ мѣрахъ имъ принятыхъ для предупрежденія несчастій, онъ считаетъ все-таки ѣзду въ экстренныхъ поѣздахъ въ Германіи крайне рискованною, находя опасность въ настоящемъ случаѣ не менѣе великою, какъ во время осады Севастополя.

Цесаревичу было предписано сдѣлать визитъ королю Гановерскому, и мы отправились туда; но каково было наше удивленіе, когда, прибывъ въ Гановеръ въ мундирахъ, мы были встрѣчены на станціи нашимъ посланникомъ Персіани, который объявилъ, что король извиняется предъ Его Высочествомъ, но принять его не можетъ, потому что проживаетъ въ маленькомъ загородномъ замкѣ, въ которомъ по недостатку помѣщенія Цесаревичу со свитою нельзя провести и одного дня.

Цесаревичъ уѣхалъ въ Швальбахъ, куда былъ присланъ еще разъ съ извиненіями кто-то изъ приближенныхъ короля; свита же Его Высочества осталась во Франкфуртѣ, откуда мы ѣздили въ окрестности, въ Висбаденъ, катались по Рейну и проч., не зная какъ убить время. 8 (20) Іюля изъ Франкфурта же ѣздили мы въ Веймаръ. Въ Эйзенахѣ Его Высочество былъ встрѣченъ, какъ ближайшій родственникъ. Гросгерцогъ былъ въ восторгѣ отъ посѣщенія и повезъ всѣхъ въ Вильгельмсталь, лѣтнюю свою резиденцію въ Тюрингіи близъ Эйзенаха. Это пребываніе было очень кратковременно, но никогда не изгладится изъ памяти моей. Чудная мѣстность, прелестный Вартбургъ, реставрированный мастерски въ средневѣковомъ стилѣ съ прекрасными фресками изъ жизни св. Елисаветы и съ изображеніями состязанія миннезингеровъ; наконецъ, старинная пристройка, въ которой жилъ Лютеръ, гдѣ онъ переводилъ Библію и гдѣ показываютъ до сего времени чернильное пятно на стѣнѣ, когда онъ бросалъ чернильницею въ дьявола. Гросгерцогъ устроилъ тутъ вечеръ, на которомъ превосходно исполнены были средневѣковые хоралы и кантаты мѣстною Lieder-Tafel.

Въ самомъ Веймарѣ были также осмотрѣны всѣ достопримѣчательности. Особенно интересенъ мнѣ показался дворецъ съ покоями, устроенными почившею въ Бозѣ Великою Княгинею Маріею Павловною. Масса предметовъ, вывезенныхъ ею изъ Россіи, издѣлія фарфороваго и стекляннаго заводовъ, такъ напоминали убранство Петербургскихъ дворцовъ, что я вообразилъ себя въ одномъ изъ загородныхъ нашихъ царскихъ помѣщеній. На стѣнахъ нѣкоторыхъ комнатъ изображены сцены изъ твореній лучшихъ Нѣмецкихъ писателей того времени, и потому и комнаты называются: Goethe-Zimmer, Schiller-Zimmer, Herder-Zimmer и т. д.

Главную роль при гросгерцогскомъ дворѣ въ то время игралъ генералъ-адъютантъ графъ Бейстъ. Въ день нашего отъѣзда ему было поручено раздать намъ знаки Веймарскаго ордена Бѣлаго Сокола. Каждому изъ насъ, передавая знакъ, онъ объяснялъ, что это жалуется на первый случай, но что гросгерцогъ надѣется, что въ скоромъ времени

представится новый, когда намъ будутъ даны ордена степенью выше. Загадка эта объяснилась тѣмъ, что разсчитывали на бракъ Цесаревича съ одною изъ принцессъ. Разсчетъ однако оказался невѣрнымъ: старшая дочь гросгерцога вышла гораздо позже за бывшаго при Петербургскомъ дворѣ Германскаго посла принца Рейсса, а вторая до сего времени проживаетъ при родителяхъ и уже далеко не молода.

Наконецъ поѣхали мы въ Скевенингенъ (близъ Гаги), гдѣ предполагалось Цесаревичу купаться въ морѣ. Многіе упрекали Шестова въ томъ, что Его Высочеству были предписаны морскія купанья; ибо имъ приписывали и болѣзнь его. Но вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ Петербургѣ на консультаціи врачей. Доказательствомъ можетъ служить собственноручная записка графа Строганова, писанная послѣ консультаціи, въ которой мнѣ дано приказаніе измѣнить составленный уже маршрутъ съ тѣмъ, чтобы въ него вошло и четырехнедѣльное пребываніе въ Скевенингенѣ. На основаніи этого распоряженія были заранѣе наняты для помѣщенія единственныя тогда двѣ виллы «Costa» и «Amare», и туда былъ выписанъ изъ Парижа чрезъ барона Будберга отличнѣйшій поваръ Французъ Сёньо (Seugniot).

Жизнь тутъ была тихая, однообразная, но пріятная. Мы отдыхали и наслаждались независимостію отъ двора. Послѣ первыхъ визитовъ у короля и королевы, живших врознь, приходилось только изрѣдка бывать на вечерахъ у королевы Софіи, дочери Великой Княгини Екатерины Павловны, которая была чрезвычайно любезна и внимательна къ Цесаревичу, хотя и была извѣстна нерасположеніемъ своимъ къ Россіи. Она нѣсколько разъ по вечерамъ пріѣзжала въ Скевенингенъ и приглашала Цесаревича со свитою на чай въ свой Бельведеръ на берегу моря. Королева Анна Павловна проживала въ своемъ загородномъ замкѣ Сюздейкѣ, куда мы разъ были также приглашены. Никогда не забуду дня, тамъ проведеннаго. Этикетъ былъ строжайшій. Королева сама вела разговоръ со всѣми поочередно, говоря по-русски, Карамзинскимъ слогомъ, и почти всегда стоя и присѣдая. Всѣ другіе въ залѣ должны были молчать.

Симпатичнѣйшій принцъ Нидерландскій Фридрихъ также пригласилъ насъ однажды въ свой прелестный замокъ; но тутъ не было ни малѣйшаго стѣсненія, хотя тонъ въ его обществѣ былъ самый изысканный. Супруга его, принцесса Прусская, была сестра Императрицы Александры Ѳеодоровны; одна изъ дочерей его была королевою Шведскою, другая въ дѣтствѣ пріѣзжала въ Петергофъ, и звали ее «Mariechen». Если не ошибаюсь, она вышла замужъ за одного изъ Прирейнскихъ принцевъ, кажется, за принца zu Neuwied.

Еще видѣли мы иногда принца Гейнриха, адмирала Голандскаго флота, и втораго сына короля, принца Александра, уже тогда болѣзненнаго, слабоумнаго. Принцъ Оранскій ни разу не показывался, хотя до насъ доходили слухи о его ночныхъ кутежахъ по сосѣдству съ нами въ «Hôtel des Bains».

Въ Скевенингенѣ наше общество увеличилось еще однимъ человѣкомъ. Прибылъ туда кн. В. П. Мещерскій (нынѣ издатель «Гражданина»). Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Цесаревичемъ, переписывался съ нимъ и, вѣроятно, былъ приглашенъ въ Скевенингенъ. Жизнь тутъ вообще была довольно однообразна; утромъ обыкновенно ходили на «plage», гдѣ осматривали морскую добычу рыбаковъ: массу разнообразной рыбы, гомаровъ, краббовъ, креветокъ и проч., разостланныхъ на пескѣ. Метръ-д'отель нашъ Сёньо выбиралъ провизію для стола; онъ былъ спеціалистъ по части приготовленія блюдъ изъ этихъ произведеній моря. Никогда не ѣлъ я такихъ risotto aux crevettes или тюрбо à la hollandaise, какъ за столомъ нашимъ въ Скевенингенѣ. Сёньо полюбилъ меня, потому что, je lui rappelais son ancien maître, cet excellent m-r de Balabine, quand il était ambassadeur à Vienne *).

Лучшимъ для меня препровожденіемъ времени были почти ежедневныя посѣщенія галлерей въ Гагѣ. Графъ Строгановъ былъ моимъ наставникомъ; онъ снабжалъ меня разными сочиненіями по части искусствъ, и я, читая все, что было подъ рукою о картинныхъ галлереяхъ и, присматриваясь по нѣскольку разъ къ одному и тому же произведенію, учился отличать художественныя ихъ достоинства и пристрастился къ этимъ занятіямъ. Глубоко признателенъ я графу за эту школу: выѣхавъ изъ Петербурга совершеннымъ невѣждою въ отношеніи художествъ, я по возвращеніи изъ путешествія многое зналъ, легко узнавалъ школу и эпоху, къ которой принадлежали произведенія, и могъ судить о достоинствахъ картинъ.

Изъ Скевенингена мы ѣздили въ разные города: Амстердамъ, Роттердамъ, Утрехтъ и Гарлемъ, гдѣ осматривали публичныя и частныя галлереи. Посѣтили, конечно, и Саардамъ и извѣстную по чистотѣ своей деревню Брукъ.

Однажды вечеромъ О. Б. Рихтеръ получилъ телеграмму отъ Гедеонова, въ которой сообщалось о внезапной кончинѣ графа А. С. Строганова въ его Псковскомъ имѣніи, отъ разрыва сердца. Рѣшено было

*) Я ему напоминалъ его прежняго господина, этого превосходнаго Балабина, когда онъ былъ посломъ въ Вѣнѣ.—Не одинъ Сёньо находилъ это сходство: и княгиня Н. Б. Шаховская (рожд. Четвертинская) неоднократно говорила мнѣ, что я напоминаю ей друга ея Балабина.

объявить старику-отцу эту скорбную вѣсть на другое утро; а между тѣмъ отдано приказаніе его камердинеру уложить всѣ вещи графа, съ тѣмъ, чтобъ онъ тотчасъ же, еслибы пожелалъ, могъ ѣхать въ Россію. Это извѣстіе тѣмъ болѣе поразило насъ, что мы еще за нѣсколько дней до того обѣдали съ покойникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Hôtel de Russie, и онъ былъ совершенно здоровъ. Когда на слѣдующее утро Рихтеръ заявилъ графу, что онъ имѣетъ передать ему тяжелую вѣсть, старикъ отвѣчалъ: «Подождите», ушелъ въ другую комнату, вѣроятно, помолился и, вышедъ вновь, сказалъ: «Теперь говорите». Когда извѣстіе было ему сообщено, у него вырвалось невольно: «Такъ сынъ, а не жена моя!»

Въ тоже утро мы проводили графа на желѣзную дорогу, а по телеграфу Государемъ было сообщено, что графа, на время его отсутствія, замѣнитъ графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій. Отсутствіе графа Сергія Григорьевича однако чувствительно отозвалось на первыхъ же порахъ. Бесѣды сдѣлались менѣе оживленными; не было центра, главы, такъ сказать, въ нашемъ относительно юномъ обществѣ. Да и позже, когда уже прибылъ гр. Віельгорскій, недоставало гр. Сергія Григорьевича, по той простой причинѣ, что втораго ему подобнаго уже не было во всемъ Русскомъ обществѣ. Теперь, послѣ кончины его, могу опять-таки сказать, что благодарю Провидѣніе за то, что служилъ подъ его начальствомъ, имѣлъ счастіе узнать его такъ близко и поучиться многому отъ него.

Въ газетахъ появилось, между тѣмъ, извѣстіе о перемиріи между Пруссіею и Даніею. Цесаревичъ, прочитавъ это и не говоря никому ни слова, телеграфировалъ Государю о позволеніи ѣхать ему въ Данію. По случаю войны, Данія не входила вовсе въ нашъ маршрутъ. Получивъ разрѣшеніе, Его Высочество потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что чрезъ два дня мы уѣзжаемъ въ Копенгагенъ. Сюрпризъ былъ великъ. Нужно было немедленно приступить къ разсчетамъ съ поставщиками и подрядчиками, которые снабжали насъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль провизіею, экипажами и проч. Предъ отъѣздомъ своимъ гр. Строгановъ, имѣвшій неограниченный на путевые расходы кредитивъ, ассигновалъ мнѣ получить отъ банкира Схёрлера въ Гагѣ 30.000 франковъ. Не обративъ вниманія на то, что это были франки, а не Голландскіе гульдены, я вообразилъ, что этой суммы будетъ достаточно, чтобы разсчитаться, въ случаѣ отъѣзда нашего, по всѣмъ счетамъ. Когда я явился къ Схёрлеру и передалъ ему счеты, подлежащіе уплатѣ, онъ заявилъ, что я не имѣю для сего болѣе 30.000 фр., и тутъ разъяснилось недоразумѣніе. Я былъ въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что всегда любез-

ный Схёрлеръ на этотъ разъ оказался крайне неуслужливымъ. Къ счастію моему, въ моментъ рѣшительнаго его отказа выдать мнѣ подъ росписку недостающіе 15.000 флориновъ, вошелъ въ контору камергеръ королевы Анны Павловны Wassenaer-de-Kattwigh и, узнавъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ же предложилъ принять поручительство за исправный возвратъ мною денегъ переводомъ изъ Копенгагена. Такъ дѣло и уладилось.

Отправились мы чрезъ Гамбургъ и Киль въ Данію. Въ Киль прибыли поздно вечеромъ. Цесаревичъ со всею свитою поспѣшили на катера, стоявшіе около станціи, чтобы на нихъ идти до «Штандарта», стоявшаго въ морѣ на рейдѣ. Прислуга съ вещами бросилась за ними. Остался я одинъ съ желѣзнымъ своимъ денежнымъ ящикомъ, въ которомъ были уложены и цѣнные подарки. Съ трудомъ я вынесъ его изъ вагона; смотрю—ни души! Не знаю даже, куда идти. Поплелся я съ тяжелою ношею; наконецъ, натыкаюсь на какого-то человѣка, предлагающаго мнѣ донести ящикъ до пристани. Конечно, я обрадовался, но когда пришлось расплачиваться, онъ отказывается отъ Нѣмецкихъ денегъ, а требуетъ Датскихъ, которыхъ у меня, конечно, не было. Тогда онъ, для размѣна, предложивъ мнѣ идти въ лавочку, ввелъ меня въ совершенно темную улицу и вдругъ бросился бѣжать. Не знаю откуда взялась сила: я схватилъ его за воротъ и, толкая предъ собою, привелъ его къ лавченкѣ, скудно освѣщенной лампою и тутъ, размѣнявъ деньги, просилъ хозяина дать мнѣ вожатаго до пристани. Къ счастью моему онъ согласился и когда я на мизерной лодкѣ подплылъ къ «Штандарту», то весь трясся отъ волненія.

Прибыли въ Копенгагенъ и остановились въ домѣ нашего посланника барона Николаи. На другой день отправились въ замокъ Фреденсборгъ, гдѣ Цесаревичъ былъ встрѣченъ всею королевскою фамиліею на наружной, широкой, высокой лѣстницѣ, ведущей въ замокъ. Тутъ впервые увидѣлъ я 16-ти лѣтнюю принцессу Дагмаръ, въ которой тотчасъ узналъ ту особу, которой карточку нѣкогда показывалъ мнѣ Его Высочество. Она была одѣта чрезвычайно просто, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ чернымъ передникомъ. Прическа была простая, гладкая, и коса поддерживалась сѣткою. Маленькая головка чрезвычайно граціозно покоилась на станѣ невысокомъ, но необыкновенно пропорціональнаго сложенія. Глаза поразили насъ всѣхъ выраженіемъ ласки и кротости, а между тѣмъ взоръ пронизывалъ человѣка, на котораго они были обращены. Вотъ какою впервые представилась намъ Та, Которой суждено было сдѣлаться невѣстою Цесаревича, чтобы, послѣ утраты

его, дать руку брату Его и сдѣлаться примѣрною супругою самодержавнаго Россійскаго Государя.

Двѣ недѣли безмятежнаго житья въ Фреденсборгѣ прошли почти незамѣтно. Осмотрѣны всѣ достопримѣчательности Копенгагена и окрестностей, музеи Торвальдсена, этнографическій, сѣверныхъ древностей (гдѣ старикъ Томсонъ самъ знакомилъ насъ со всѣмъ наиболѣе заслуживающимъ вниманія), и прелестный Розенбергъ, загородные замки Фредриксборгъ, Бернсторфъ и Кронеборгъ въ Гельсингэрѣ.

Въ началѣ третьей недѣли мы выѣхали изъ Даніи съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько недѣль вновь возвратиться туда же.

Забылъ я упомянуть о вечернемъ визитѣ, сдѣланномъ нами вдовствующей королевѣ, не смотря на преклонныя лѣта, чрезвычайно красивой и представительной. Часъ вечерній былъ назначенъ Ея Величествомъ. Когда мы прибыли туда и насъ ввели въ обширную залу, королева, принявъ отъ насъ поклонъ, удалилась съ Цесаревичемъ во внутренніе покои; мы же остались въ залѣ, и съ нами бесѣдовали дамы, между коими особенно любезна была фрейлина баронесса Розенъ. Генералъ Іегермань и поручикъ Лютихау, состоявшіе при Цесаревичѣ, представили насъ вдовствующей наслѣдной принцессѣ Каролинѣ, ласковой старушкѣ, необыкновенно некрасивой (какъ говорятъ вслѣдствіе двухкратнаго обжога лица) и отличавшейся крайне пискливымъ и крикливымъ голосомъ. Когда я, стоя, бесѣдовалъ съ баронессою Розенъ и держалъ чашку чая (что̀ всегда неудобно), мы услышали вдругъ радостные крики этой принцессы, узнавшей въ графѣ Віельгорскомъ стараго знакомаго своего по Ниццѣ, когда онъ проводилъ тамъ зиму, состоя при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Капитанъ Головачевъ (командиръ «Штандарта»), услыхавъ этотъ дѣйствительно поражающій голосъ и увидѣвъ, что онъ исходитъ отъ принцессы, по обыкновенію своему не могъ воздержаться отъ замѣчанія и сказалъ: «Прости Господи, что за голосъ и физіономія какая! Вотъ уже никто на прокатъ не возьметъ!» Баронесса Розенъ, услыхавъ восклицанія, но не понимая Русскаго языка, спросила меня, чему удивляется капитанъ? Я просто не зналъ куда дѣться, и съ трудомъ прихлебывая свой чай, отвѣчалъ, что капитанъ восхищается убранствомъ залы. Она была, кажется, этимъ польщена и воскликнула. «N'est-ce pas, que Sa Majesté a mis beaucoup de goût dans l'arrangement de l'appartement?» — «Énormément, madame; je suis tout-a-fait de l'avis du capitaine.» *)

---

*) Не правда ли, что ея величество съ большимъ вкусомъ убрала залу. — Съ отмѣннымъ, государыня, я вполнѣ согласенъ съ капитаномъ.

Злодѣй Дмитрій Захаровичъ! Сколько разъ онъ меня ставилъ въ невозможное положеніе своими неприличными замѣчаніями, которыя высказывалъ громко, не стѣсняясь нисколько присутствіемъ иностранцевъ, потому что они не понимали его. Я часто убѣгалъ отъ него, а онъ за мною.

Не останавливаясь нигдѣ, мы пролетѣли прямо въ Дармштадтъ, гдѣ были Ихъ Величества. Тутъ намъ, то-есть свитѣ Цесаревича, пришлось скучать прензрядно. Вся царская фамилія жила въ Югенгеймѣ у принца Александра. Помѣщеніе было тѣсное, а потому всѣ прибывшія въ свитѣ лица были помѣщены въ городѣ. Мнѣ были отведены двѣ комнаты въ великогерцогскомъ замкѣ, окнами во дворъ, гдѣ башенные часы каждые ¼ часа разыгрывали какіе-то хоралы и пѣсни, которыхъ однако понять было невозможно, ибо карильонъ этотъ былъ совершенно испорченъ. Можно себѣ представить тоску, которую наводила эта музыка. Сосѣдъ мой, князь В. А. Барятинскій бѣжалъ изъ замка и куда-то уѣхалъ; я не считалъ себя въ правѣ послѣдовать его примѣру и весь день шатался по пустымъ и скучнымъ улицамъ города.

При пріѣздѣ нашемъ на станцію, Цесаревича встрѣтили Ихъ Величества и, по какому-то странному недоразумѣнію, воображая, что Его Высочество уже помолвленъ, поздравляли его. Однако тотчасъ же было все разъяснено, и болѣе объ этомъ не говорили. Къ великому удовольствію, пребываніе наше въ Дармштадтѣ было очень непродолжительно. Мы поѣхали 1 (13) Сентября въ Фридрихсгафенъ на поклонъ королевѣ Ольгѣ Николаевнѣ, гдѣ пробыли недѣлю.

Здѣсь провели мы чрезвычайно пріятно три дня. Пріемъ Ея Величества былъ самый обворожительный.

Когда я представлялся королевѣ, ея величество изволила вспомнить мою покойную матушку въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и спросила меня, извѣстно ли мнѣ, что императоръ Николай Павловичъ приглашалъ матушку принять на себя воспитаніе Великихъ Княженъ.

Изъ Фридрихсгафена ѣздили на Шафгаузенскій водопадъ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ молодой штабсъ-ротмистръ флигель-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, необыкновенно веселый шалунъ и силачъ. Онъ съ княземъ Барятинскимъ выдѣлывалъ такія штуки, что я со страхомъ смотрѣлъ на нихъ. Онъ подбрасывалъ его на воздухъ и ловилъ на лету; а въ Шафгаузенѣ съ высокой крутой горы бросился съ нимъ бѣжать, обхвативъ за талью. Какъ они оба не разбились, до сихъ поръ объяснить себѣ не могу. Возвратились оба оборванные и испачканные.

Изъ Фридрихсгафена же ѣздили мы на островъ Майнау, владѣніе гросъ-герцога Баденскаго, гдѣ Государь Императоръ былъ встрѣченъ гросъ-герцогскою четою. Не могу себѣ вообразить удовольствіе жить на крошечномъ островкѣ, въ видѣ сахарной головы выступающемъ изъ озера, на которомъ построенъ прекрасный замокъ, украшенный внутри старинными, такъ называемыми «Грe» (Grès).

Изъ Фридрихсгафена намъ предстояло ѣхать на Прусскіе маневры въ Бранденбургѣ. На пути Государь остановился во Франкфуртѣ для того, чтобы сдѣлать визитъ императрицѣ Евгеніи въ Швальбахѣ. Поѣздка эта была совершена въ нѣсколько часовъ; вечеромъ Его Величество уже возвратился и въ пути передавалъ о благопріятномъ впечатлѣніи, сдѣланномъ на него императрицею. «Жаль только», прибавилъ Государь, «что въ волосахъ золотистая пудра».

На пути въ Потсдамъ около какой-то станціи мы наткнулись на разбитый въ дребезги товарный поѣздъ, на который неожиданно наѣхалъ другой. Государь ходилъ на станцію съ докторомъ Карелемъ, чтобы посѣтить смертельно раненаго и ошпареннаго машиниста; а мы между тѣмъ перебирались въ поѣздъ, высланный на встрѣчу по этому случаю, такъ какъ одноколейный путь былъ загроможденъ несчастнымъ поѣздомъ и сообщеніе было прервано.

Въ Потсдамѣ все было биткомъ набито. Мнѣ отвели въ городѣ мерзѣйшее помѣщеніе на чердакѣ какого-то мизернаго домишки. Я тотчасъ же отпросился въ Берлинъ, гдѣ ожидали меня сестры мои, возвращавшіяся изъ Швейцаріи въ Россію, и я былъ счастливъ выбраться изъ суетливаго Потсдама.

Тутъ Цесаревичъ сталъ жаловаться на боли въ спинѣ и когда О. Б. Рихтеръ доложилъ объ этомъ Государю, Его Величество былъ крайне недоволенъ, говоря, что погода хороша и ревматизмъ не можетъ ухудшиться.

Между тѣмъ съ 5-ти ч. утра до обѣда (въ 6 ч. вечера) Цесаревичъ долженъ былъ верхомъ слѣдовать за Государемъ на маневрахъ. Послѣ обѣда ежедневно собирались на спектакли, а потомъ ужинали и расходились только въ полночь.

Не знаю, почему впослѣдствіи это сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ, и какъ часто приходилось мнѣ слышать, что упрекали графа Строганова въ томъ, что онъ не внималъ жалобамъ Цесаревича; между тѣмъ графа и не было въ Потсдамѣ: онъ вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Берлинъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ Цесаревичемъ въ Копенгагенъ.

Прусскимъ военнымъ агентомъ при Государѣ былъ тогда полковникъ Лёнъ. Онъ исходатайствовалъ намъ Прусскіе ордена, но такихъ низкихъ степеней, что Его Высочество вознегодовалъ и просилъ посла нашего Убри передать Лёну, что если онъ имѣлъ въ виду угодить Его Высочеству, то слѣдовало предварительно справиться, на какіе ордена различныя лица его свиты имѣютъ право.

13 (25) Сентября мы выѣхали изъ Берлина и чрезъ Гамбургъ и Киль прибыли 15-го числа въ Копенгагенъ. Датскій дворъ имѣлъ въ то время пребываніе въ Бернсторфѣ, гдѣ такъ тѣсно жили, что одинъ только генералъ Рихтеръ оставался при Цесаревичѣ, графъ же Строгановъ и всѣ остальныя лица свиты помѣстились въ Копенгагенѣ, въ домѣ барона Николаи. Со дня на день ждали мы извѣстія о помолвкѣ Цесаревича, и такъ какъ между Рихтеромъ и мною было условлено, что онъ извѣститъ объ этомъ событіи телеграммою: «Prenez du Champagne», то легко можно представить нашу радость, когда на 7-й день, т. е. 20-го, получена была эта вѣсть. Мы тотчасъ же послѣ обѣда отправились всѣ въ Бернсторфъ, гдѣ принесли наши сердечныя поздравленія и провели тамъ весь вечеръ.

Вотъ какъ совершилась помолвка. Цесаревичъ сперва обратился къ королю и королевѣ съ вопросомъ: согласны ли они вручить ему судьбу любимой дочери? Королева отвѣчала, что, на сколько ей извѣстно, сердце принцессы Дагмаръ свободно, но что она всетаки не можетъ поручиться за согласіе ея, ибо объ этомъ и рѣчи съ нею не было, а потому предлагаетъ, чтобъ она предварительно переговорила съ дочерью. Цесаревичъ отъ этой услуги отказался и просилъ позволенія лично сдѣлать принцессѣ предложеніе. Тогда было условлено, что будетъ устроена прогулка, во время которой Его Высочество объяснится съ принцессою. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Король и королева шли вмѣстѣ, а передъ ними Ихъ Высочества. Совершена была довольно большая прогулка по парку, и на обратномъ пути, королева, замѣчая, что уже приближаются къ замку, а между тѣмъ въ разговорѣ ничего подобнаго предложенію высказано не было, объявила, что она и король войдутъ въ домъ, но что Ихъ Высочества могли бы остаться еще въ саду, въ виду отличной погоды. Цесаревичъ и принцесса сѣли на скамейку и тутъ, оставшись съ нею глазъ на глазъ, онъ рѣшился на предложеніе, которое и было принято.

Послѣ кончины Цесаревича, Принцесса на этомъ мѣстѣ устроила маленькій цвѣтникъ, который вѣроятно и по сію пору сохраняется въ томъ же видѣ.

Радостное событіе вызвало рядъ торжествъ. На другой же день былъ обѣдъ у короля. За этою торжественною трапезою вновь отличился Головачевъ. Когда подали Шампанское, онъ, послѣ тоста за помолвленныхъ, выпилъ глотокъ и говоритъ Чичерину съ гримасою, что вино кисло. Чичеринъ расхохотался. Король, замѣтивъ гримасу, спросилъ. «Qu'est-ce qu'il a le capitaine?» Тогда Головачевъ безъ малѣйшаго стѣсненія отвѣчалъ: «C'est aigre!»—«Qu'on donne une autre bouteille!» [1]) приказалъ Его Величество. Цесаревичъ, понявъ въ чемъ дѣло, чрезъ столъ замѣтилъ Головачеву, чтобы онъ оставилъ эти шутки. Что же? Попробовавъ вновь Шампанское, онъ, видя, что король слѣдитъ за его выраженіемъ, опять таки сказалъ: «C'est toujours aigre!» (Все-таки кисло!) Тогда королева спросила Цесаревича, въ чемъ дѣло? Его Высочество, видимо недовольный неумѣстною шуткою, объяснилъ однако, что, по принятому обычаю въ Россіи, заздравное вино, при подобныхъ случаяхъ, признается горькимъ или кислымъ, пока женихъ не поцѣлуетъ невѣсты. «Qu' à cela ne tienne, embrassez-la!» отвѣчала королева. Цесаревичъ, чтобы положить конецъ неловкому положенію, поцѣловалъ принцессу въ щечку. «Maintenant c'est doux» [2]), воскликнулъ безсовѣстный Головачевъ. Но за то и досталось ему на другой день отъ графа Строганова, который, объяснивъ ему все неприличіе поступка, объявилъ, что если онъ позволитъ себѣ еще разъ подобную выходку, то или будетъ отправленъ въ Петербургъ или исключенъ изъ свиты Его Высочества, дабы не могли его приглашать ко двору.

Второй обѣдъ былъ у вдовствующей королевы, за которымъ пѣли въ четыре голоса разныя Датскія пѣсни. Это было такое наслажденіе, котораго никогда не забуду. Исполнено было безупречно. Вообще со времени кончины жены моей, которая даже составила себѣ репутацію своею игрою (Рубинштейнъ увѣрялъ, что подобнаго туше онъ никогда не встрѣчалъ), я не могъ равнодушно слушать хорошее музыкальное исполненіе, и оно обыкновенно доводило меня до слезъ.

Третій обѣдъ принадлежалъ также къ числу семейныхъ и былъ данъ почтеннымъ батюшкою королевы, ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Онъ былъ чрезвычайно преданъ Россійскому Императорскому дому и хранилъ благоговѣйную память къ императору Николаю Павловичу, котораго считалъ, и не безъ основанія, величайшимъ монархомъ своего времени. Онъ бывалъ неоднократно въ Россіи и особенно долго жилъ у насъ по случаю бракосочетанія сына его Фридриха съ Великою Княжною Александрою Николаевною. Сынъ къ сожалѣнію не

[1]) Что говоритъ капитанъ?—Горько!—Пусть подадутъ другую бутылку.

[2]) Если въ этомъ дѣло, такъ поцалуйте ее.—Теперь сладко.

стоилъ отца и оставилъ въ Россіи не очень выгодную о себѣ репутацію. Любимымъ предметомъ разговоровъ старика-ландграфа были разспросы о Россіи и воспоминанія о Петербургѣ и Москвѣ. Въ 1867 г. мнѣ пришлось присутствовать при похоронахъ его въ Румпенгеймѣ близъ Франкфурта на Майнѣ, въ его фамильномъ замкѣ.

Кстати вспомнилъ я оригинальную черту почтеннаго ландграфа. Онъ наслѣдовалъ, не помню отъ кого, обширную библіотеку и поставилъ себѣ задачею прочесть всѣ сочиненія въ порядкѣ ихъ разстановки въ шкапахъ. Когда попадалась книга по какой нибудь причинѣ ему не нравившаяся, онъ добросовѣстно прочитывалъ ее до конца, но все время былъ не въ духѣ и не скрывалъ, что причиною дурного расположенія была книга имъ читаемая.

Послѣ упомянутыхъ трехъ фамильныхъ обѣдовъ были еще два оффиціальные.

Въ день помолвки былъ немедленно отправленъ въ Дармштадтъ князь Барятинскій для испрошенія соизволенія Ихъ Величествъ на обрученіе. Выборъ палъ на него, потому что когда цесаревичъ Александръ Николаевичъ сдѣлался женихомъ принцессы Дармштадтской, то изъ Дармштадта въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ дядя князя Владиміра Анатоліевича, князь Александръ Ивановичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ.

Между тѣмъ съѣхалось множество гостей, и главную роль между ними играли принцъ и принцесса Валлійскіе съ ихъ многочисленною свитою. Особенно памятны мнѣ красавицы дамы: леди Спенсеръ съ ея супругомъ, леди Грей, жена бывшаго военнаго министра, и мистрисъ Грей, Шведка по происхожденію, рожд. Стедингъ, внучка бывшаго во времена Екатерины и при Александрѣ I-мъ Шведскаго у насъ посланника. Она впослѣдствіи вышла замужъ за герцога d'Otrante. Генералъ Нолисъ былъ гофмаршаломъ, и кромѣ того при принцѣ состояли юный Ридъ (родственникъ князя Воронцова) и полковникъ Кеппель, преуморительный господинъ, какъ будто сдѣланный изъ гутта-перчи, потому что постоянно подскакивалъ и присѣдалъ; да и руки у него постоянно гуляли по воздуху, если онъ отъ удовольствія не потиралъ ихъ, что впрочемъ безпрестанно повторялось, потому что онъ казался чрезвычайно доволенъ самимъ собою и всѣми другими.

Тутъ веселью не было конца. Съ утра до вечера приходилось быть въ этомъ счастливомъ семействѣ. Послѣ завтрака затѣвались игры, потомъ прогулки въ экипажахъ, или верхомъ, или въ лодкахъ на озерѣ.

Къ обѣду являлись всѣ во фракахъ съ орденами. On faisait cercle, до и послѣ обѣда, и выходы къ обѣду были всегда очень торжественны и оффиціальны. Тотчасъ послѣ обѣда—игра à la guerre на бильярдѣ; потомъ, въ хорошую погоду прогулка, а къ чаю вновь собирались и обыкновенно играли въ карты, а молодежь танцовала. Цесаревичъ рѣдко принималъ участіе въ танцахъ, но уединялся обыкновенно съ невѣстою, и въ этихъ бесѣдахъ онъ конечно знакомилъ невѣсту съ тѣмъ, чтó ее ожидало въ Россіи. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать о планахъ его на счетъ занятій будущей Великой Княгини; программа имъ была задумана, и даже нѣкоторыя лица намѣчены для преподаванія, при чемъ Русскій языкъ и словесность онъ принималъ на себя.

Пріѣзжалъ изъ Швеціи наслѣдный принцъ, король Оскаръ, чтобы отдать визитъ принцу Валлійскому, посѣтившему его дворъ въ Стокгольмѣ. Помнится, что всѣ г.г. Бритты угостились до того Шведскимъ пуншемъ, что даже, по прибытіи ихъ въ Фреденсборгъ, они не могли избавиться отъ Katzenjammer'а, и бѣдный графъ Спенсеръ (впослѣдствіи Ирландскій намѣстникъ) слегъ въ постель: до того ему нездоровилось.

Между прочими поѣздками въ окрестности памятно посѣщеніе Гельзингэра съ крѣпостію Кроненборгъ и прелестнымъ прибрежнымъ «Marienlust». По преданію, это родина Гамлета.

Тогда же былъ рѣшенъ вопросъ о назначеніи меня секретаремъ къ будущей Цесаревнѣ.

30 Сент. (12 Окт.) мы выѣхали изъ Копенгагена и въ тотъ же вечеръ прибыли въ Корсэръ, откуда должны были на ожидавшемъ насъ «Штандартѣ» отплыть дальше. Всѣ радовались опять ступить на Русскую почву; но въ моментъ донесенія командира о томъ, что пары разведены и все готово къ отплытію, летитъ офицеръ и доноситъ своимъ чередомъ, что лопнула паровая трубка и что идти нельзя. Бѣдный Головачевъ такъ и присѣлъ. Цесаревичъ однако сохранилъ полное спокойствіе и когда узналъ, что рядомъ съ «Штандартомъ», стоитъ частный пароходъ, на которомъ чрезъ 1½—2 часа можно отправиться въ Киль, то онъ же сталъ успокоивать Головачева. Пока разводили пары на пароходѣ «Гермондъ» и переносили туда нашу кладь, мы пили чай на «Штандартѣ». Его Высочество замѣтилъ однако грустное настроеніе Головачева, который, не смотря на ласки Его Высочества, все хмурился. Тогда Цесаревичъ отозвалъ его въ сторону и говоритъ: «Понимаю, что вы боитесь гнѣва Государя; но неужели вы думаете, что я не съумѣю объяснить ему, что вы тутъ не причемъ и что нельзя никогда преду-

предить подобныя случайности. Стыдно, Дмитрій Захаровичъ, что вы всякую вѣру въ меня потеряли!»

Когда прибыли въ Дармштадтъ, то Цесаревичъ, принявъ благословеніе и поздравленіе родителей и родныхъ, еще на станціи просилъ позволенія Государя вызвать Головачева въ Дармштадтъ, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ лично объяснить Его Величеству причины случившейся неудачи, чтó и было разрѣшено. Вотъ чѣмъ царственные юноши привязываютъ къ себѣ людей; такое вниманіе, хотя и вполнѣ естественное, дѣлаетъ людей самыми надежными слугами. Помню, что этотъ случай послужилъ поводомъ къ назначенію Головачева, уже послѣ кончины Цесаревича, флигель-адъютантомъ и къ словамъ, сказаннымъ ему Государемъ при этомъ пожалованіи: «Мнѣ извѣстно, что покойный сынъ любилъ тебя».

На этотъ разъ пребываніе въ Дармштадтѣ было непродолжительно: Государь спѣшилъ въ Петербургъ, Императрица должна была ѣхать въ Ниццу, а Цесаревичу предстояло ѣхать въ Штутгартъ, Мюнхенъ и въ Сѣверную Италію.

Въ Дармштадтъ былъ выписанъ изъ Висбадена протоіерей Янышевъ, которому предполагалось поручить занятія съ Принцессою Дагмаръ. Самъ Цесаревичъ велъ съ отцемъ Янышевымъ продолжительныя бесѣды по поводу этого важнаго порученія, и такъ остался доволенъ тѣмъ, чтó услышалъ отъ Янышева, что выразилъ полное свое успокоеніе на счетъ преподаванія. Его Высочество неоднократно высказывалъ намѣреніе свое принять на себя преподаваніе Русской исторіи и Русской словесности и заранѣе радовался этимъ занятіямъ.

Въ Дармштадтѣ покойный теперь Кириловъ передалъ мнѣ нѣкоторыя небезинтересныя свѣдѣнія о томъ, какъ принцъ Александръ Гессенскій пользовался пребываніемъ Государя и Императрицы въ Югенгеймѣ. Въ то время супруга принца Александра была еще графинею. Странно вспоминать о всей исторіи брака брата Императрицы съ графинею Юліею Гауке. Вся эта исторія мнѣ очень памятна, ибо совершилась, такъ сказать, на моихъ глазахъ; она началась съ пребыванія въ Екатеринеталѣ и продолжалась въ посольскомъ домѣ на Дворцовой Набережной, въ которомъ жилъ принцъ Александръ. Бѣдная Императрица, чистая, какъ голубь, сама того не подозрѣвая, много содѣйствовала сближенію между братомъ и ловкою кокеткою-Полькою. Адъютантъ принца А. П. Самсоновъ игралъ тутъ роль посредствующаго лица. Императоръ Николай Павловичъ оцѣнилъ этого молодца по достоинству. Извѣстно, что принцу

Александру доставлялись постоянно случаи для извлеченія всевозможныхъ денежныхъ выгодъ въ Россіи. Онъ былъ страшнымъ циникомъ въ этомъ отношеніи и пользовался всѣмъ чѣмъ могъ. Когда онъ продалъ огромныя свои земли въ Самарской губ., ему пожалованныя, онъ мнѣ сказалъ: «Слава Богу, отдѣлался наконецъ отъ этихъ земель; съ ними было истинное мученье (eine wahre Plage)». Такимъ же циникомъ былъ его адъютантъ Роцманъ, почти ежегодно пріѣзжавшій съ нимъ въ Россію. Онъ также забиралъ, что̀ могъ и къ тому же всегда былъ недоволенъ и жаловался на скупость нашего двора! Знаю это потому, что самъ имѣлъ порученіе съ нимъ объясниться по поводу подарка, имъ полученнаго, которымъ онъ былъ недоволенъ. Отъ меня одного онъ услышалъ рѣзкое, но правдивое слово. Я съ нимъ не стѣснялся.

3/17 Октября мы пріѣхали въ Штутгардтъ; пріемъ вновь былъ самый сердечный. Королева старалась всячески сдѣлать пребываніе племянника на сколько возможно пріятнѣе. Всѣ лица свиты были обласканы умною и полною женственности тою изъ бывшихъ нашихъ великихъ княженъ, которую державный отецъ называлъ «безприданною», ибо самъ цѣнилъ ее за наружныя качества и внутреннія достоинства ея, и признавалъ, что другаго приданаго ей не нужно.

Въ разговорѣ со мною ея величество вновь изволила вспомнить о матушкѣ моей, отзываясь о ней съ необыкновенною сердечностію и уваженіемъ. Какъ былъ я счастливъ сохраненнымъ о дорогой моей матушкѣ воспоминаніемъ!

Въ Штутгардтѣ застали достойнѣйшаго В. Н. Титова, который, оставивъ званіе наблюдателя за учебными занятіями Великихъ Князей, возвратился смиренно на свой прежній постъ посланника. Я искренно радовался видѣть его, и тутъ между прочимъ онъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что Кавелинъ какъ бы отвернулся отъ него; между тѣмъ мнѣ лучше другихъ было извѣстно, какъ Владиміръ Павловичъ заступался за него, какъ онъ отстаивалъ его.

Осмотрѣны были окрестности, и между прочимъ прекрасный Арабскій конскій заводъ, по которому и городъ Штутгардтъ получилъ свое названіе. Возилъ насъ туда оберъ-шталмейстеръ графъ Таубенгеймъ въ просторномъ шарабанѣ. Онъ самъ правилъ четверкою прекрасныхъ лошадей и я, сидя на козлахъ возлѣ него, во все время поѣздки пользовался его бесѣдою.

По вечерамъ въ придворномъ театрѣ давались спектакли.

Изъ Штутгардта поѣхали въ Нюрнбергъ 8/20 Октября, гдѣ осмотрѣли всѣ интересные въ высшей степени памятники древности (церкви, колодцы, старинный крѣпостной замокъ и проч.); Gebalduskirche и Laurentiuskirche заняли нѣсколько часовъ. Здѣсь пріобрѣлъ Цесаревичъ изданіе Van-der-Welde «Le pays d' Israël», за которое уплочено 630 фр.

10/22 Октября мы прибыли въ Мюнхенъ. Цесаревичъ сдѣлалъ визитъ престарѣлому королю, отрекшемуся отъ престола, который вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ свою очередь въ гостиницу, въ сопровожденіи принца Адальберта, весьма величественнаго вида, въ кирассирскомъ мундирѣ, въ латахъ, напоминавшаго Фальстафа.

Потомъ отправились въ Гогеншвангау, резиденцію молодого короля въ Баварскомъ Тиролѣ. Никогда не случалось мнѣ видѣть замковъ столь таинственныхъ и причудливыхъ. Тамъ, смотря на внутреннее устройство и расположеніе комнатъ, на убранство ихъ, переносишься въ воображеніи въ средніе вѣка. Королю въ такомъ грустномъ настроеніи не слѣдовало бы вовсе жить въ немъ; а между тѣмъ его именно туда и тянуло: таинственность замка, мрачность мѣстоположенія на озерѣ, окруженномъ темными лѣсистыми скалами, располагали короля еще болѣе къ меланхоліи и развивали это болѣзненное расположеніе. Онъ въ одной изъ башень, висящихъ надъ озеромъ, неожиданно для насъ поднялъ окдничину (опускную дверь, trappe) въ полу, и мы очутились на краю пропасти колодца, на днѣ котораго виднѣлась освѣщенная солнцемъ густая, но прозрачная, синевато-зеленая вода озера. Поневолѣ всѣ отшатнулись. Говорятъ нынѣ, что въ этотъ колодезь король покушался броситься незадолго до гибели его въ Штаренбергскомъ озерѣ.

Визитъ этотъ ограничился только двумя часами, и мы направились въ Мюнхенъ, гдѣ 12/24 Октября остановились въ Hôtel d'Angleterre. Немедленно въ распоряженіе Его Высочества были даны придворные экипажи.

На пути изъ Мюнхена въ крѣпость Куфштейнъ Цесаревичъ былъ встрѣченъ двумя Австрійскими генералами, изъ коихъ одинъ (забылъ его фамилію) начальникъ мѣстныхъ войскъ, а другой, прибывшій съ этою цѣлью изъ Вѣны графъ Феститичъ гусаръ. Оба проводили Его Высочество до Инспрука, куда мы 16/28 Октября прибыли на ночлегъ.

На другое утро на почтовыхъ лошадяхъ поѣхали мы чрезъ Бреннеръ въ Италію.

Тогда только что начиналась постройка желѣзной дороги, и мы въ первый разъ имѣли случай видѣть работы въ горахъ и проведеніе туннелей въ скалахъ.

Путь нашъ лежалъ въ узкой долинѣ Инна, а потомъ, начиная съ перевала, насъ обгоняла рѣка Эчь (Adjio) до самой почти Вероны. На пути чрезъ Бреннеръ почевали въ Тирольскомъ городѣ Боценѣ. Графъ Строгановъ обратилъ вниманіе во время переѣзда чрезъ Тироль на то, что вездѣ рабочіе были Итальянцы и, имѣя въ виду, что народъ этотъ крайне трудолюбивый и довольствующійся скудною пищею (они питаются polento'ю, хлѣбомъ изъ кукурузы) предсказывалъ, что наступитъ время, когда онъ вытѣснитъ Нѣмцевъ изъ Тироля.

На слѣдующее утро мы спустились въ долину Италіи; но густой туманъ и страшная сырость очень непривѣтливо встрѣтили насъ, и весь день мы ѣхали (уже по желѣзной дорогѣ) до самой Венеціи подъ небомъ сѣрымъ, облачнымъ. Но вотъ выходимъ изъ вагоновъ и садимся въ гондолы на Canale-grande. Все смолкло: не слышно ни желѣзнодорожнаго, ни экипажнаго шума, ни даже голоса человѣческаго. Это было въ Субботу вечеромъ, а потому во всѣхъ церквахъ благовѣстили къ вечернѣ, куполы храмовъ были иллюминованы, равномѣрные удары веселъ и плескъ воды придавали еще болѣе таинственности этой торжественной тишинѣ. Настроеніе наше было странное: мы всѣ молчали и не рѣшались произнести слова, чтобы не нарушить этого настроенія, и только по прибытіи въ Hôtel Daniel вновь оживились. На станціи желѣзной дороги Его Высочество былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ графомъ Тогенбургомъ и начальникомъ дивизіи генераломъ Алеманомъ; сверхъ того были тутъ генеральный консулъ нашъ графъ Кассини и консулъ Бакунинъ. Всѣ они были приглашены къ обѣду, сервированному въ столовой, окна коей и балконъ выходили на набережную и были открыты.

Сидя противъ оконъ, я замѣтилъ вдругъ сильное освѣщеніе на улицѣ, и вслѣдъ за тѣмъ услышали мы чудное хоровое пѣніе. Серенада эта была заранѣе устроена графомъ Кассини. Исполненіе было до того совершенно и мотивы Итальянскихъ напѣвовъ такъ увлекательно хороши, что у меня вновь сдѣлался нервный припадокъ, и я прослезился. Мнѣ было совѣстно предъ другими, и я съ трудомъ овладѣлъ собою. Немногіе, къ счастію, изъ нашихъ замѣтили это, и послѣ обѣда графъ Строгановъ, подойдя ко мнѣ съ улыбкою, спросилъ: «Это музыка васъ разстроила?» — Да, отвѣчалъ я: поневолѣ припоминается прелестный талантъ покойной жены моей». — «Вотъ почему я не люблю музыки», замѣтилъ графъ.

Черезъ два дня мы осматривали Академію Художествъ. Войдя въ одну изъ залъ, я увидѣлъ графа стоящаго передъ извѣстною картиною Тиціана «Шествіе во храмъ Пресвятыя Богородицы». Я остановился. Смотрю, старикъ беретъ стулъ и садится предъ картиною. Подождавъ немного, я подхожу къ графу и спрашиваю: «Вы восхищаетесь картиною?»—«Это произведеніе божественное, нѣтъ ничего выше его», отвѣчаетъ графъ. «А какъ вы полагаете, не производитъ ли она на васъ тоже впечатлѣніе, какъ на меня музыка? Это тоже дѣйствіе на нервы».—«Вы можетъ быть правы», отвѣчалъ старикъ, но я вамъ сдѣлалъ замѣчаніе это, когда вы ужъ успокоились; вы же нарушили то настроеніе, которое вызвано картиною, а потому это съ вашей стороны не милосердно». Мнѣ стало больно.

Послѣ обѣда мы пошли на площадь Св. Марка, гдѣ, посреди иллюминованной площади, игралъ чудный оркестръ Австрійской военной музыки. Оживленіе было большое. Я гулялъ съ княземъ Барятинскимъ, и мы оба были поражены красотою дамы, которая, окруженная большимъ обществомъ, сидѣла на стулѣ, рядомъ съ пожилою и двумя молодыми дамами. Мы вздумали отправить на поиски графа Кассини или Бакунина, чтобы узнать, кто эта красавица, когда первый подошелъ къ намъ съ предложеніемъ представить насъ женѣ его и дочерямъ. Къ счастію нашему, мы не успѣли еще промолвить слова, когда онъ насъ подвелъ именно къ замѣченной нами группѣ. Красавица оказалась одна изъ дочерей его, графиня Мольтке, жена Датчанина по происхожденію, но до войны Австріи съ Даніею состоявшаго на Австрійской службѣ, а вслѣдъ затѣмъ вышедшаго въ отставку. Весь вечеръ провели мы въ этомъ пріятномъ обществѣ сперва на площади, а потомъ въ театрѣ, въ которомъ давали Лукрецію Борджію.

Въ Венеціи пробыли мы пять дней и съ утра до вечера бродили по церквамъ, музеямъ, осматривая всѣ достопримѣчательности. Начиная съ дворца дожей, въ которомъ осмотрѣно было все въ подробности до молитвенника Гримани, и кончая домомъ умалишенныхъ и поѣздкою по лагунамъ, вся Венеція сдѣлалась намъ извѣстною. Особенно памятными конечно остались богатства Св. Марка, Академіи и церкви св. Іоанна и Павла; восхищался я также бронзовою рѣшеткою ложетты и орнаментами на трофеяхъ.

Непріятное впечатлѣніе производили орудія, поставленныя подъ арками дворца дожей, съ жерлами обращенными на площадку (piazetta). Настроеніе въ уроженцахъ Венеціи было таково, что Австрійцы признали нужнымъ держать на готовѣ эту артиллерію. Чувствовалось

тогда уже, что владычество Австрійцевъ непрочно, и дѣйствительно чрезъ два года Венеція праздновала освобожденіе отъ ига Австрійскаго.

Въ одну изъ ночей я былъ разбуженъ проходившимъ по набережной пѣвцомъ. Сначала слышно было пѣніе его вдали, потомъ оно становилось отъ приближенія его все явственнѣе, и въ то время какъ онъ проходилъ подъ окнами казалось, что сильнымъ и звучнымъ голосомъ своимъ онъ долженъ разбудить всѣхъ спавшихъ въ отелѣ. Удаляясь опять слабѣлъ звукъ, и подъ конецъ, уже далеко отъ насъ, пѣвецъ взялъ невозможную для мужскаго голоса высокую ноту и смолкъ. До сихъ поръ не могу забыть этого чуднаго голоса и той нѣги, которую я ощущалъ въ тихую, безмолвную ночь при этомъ истинно-Итальянскомъ пѣніи. Но тотчасъ же вспомнились мнѣ мои крошки, бѣдныя мои дѣти, которыхъ оставилъ я далеко на Сѣверѣ и которыя не могли конечно въ Октябрѣ наслаждаться чудною, теплою осенью, какъ я. Прошелъ сонъ и, какъ обыкновенно бываетъ въ воображеніи, я создавалъ для малютокъ цѣлый міръ страховъ и опасностей. Какъ часто это повторялось во время продолжительной разлуки моей съ дѣтьми!

Теперь, когда пишу эти строки, Венеція еще болѣе мнѣ знакома, по вторичному пребыванію въ ней въ 1886 г. Хотя я нарочно остановился и на этотъ разъ въ Hôtel Daniel, но грустныя ли воспоминанія, отсутствіе ли тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ тамъ въ первый разъ, впечатлѣніе было таково, что я далъ себѣ слово болѣе туда не возвращаться, а чтобы могъ поселиться въ Венеціи иностранецъ, не вынужденный на это болѣзнію, я и въ первый пріѣздъ свой понять не могъ.

Когда въ 1864 г. я познакомился съ вице-консуломъ Бакунинымъ, его женою и милыми ихъ маленькими дочерьми, не воображалъ я, конечно, что участь этого семейства будетъ такая грустная. Бакунина, рожденная Васильчикова, разъѣхалась съ мужемъ; одна изъ дочерей ея вышла замужъ за талантливѣйшаго молодаго архитектора, рано умершаго; что̀ сталось съ другою дочерью—не знаю.

24 Октября (5 Ноября) выѣхали изъ Венеціи и въ тотъ же день, по желѣзной дорогѣ, пролегающей въ плодородной долинѣ Ломбардіи, прибыли въ Миланъ. Тутъ застали принца Гумберта, командовавшаго мѣстной бригадою. Онъ еще не былъ женатъ и велъ жизнь веселую въ обществѣ своихъ офицеровъ. Конечно, тотчасъ же, послѣ визита принцу, поѣхали осматривать соборъ, съ крыши котораго любовались видомъ на долину и Альпы, palazzo Brera, извѣстную фреску Леонардо, Busiru (тайная вечеря) и проч. Ѣздили также въ монастырь la Chertosa

di Pavia, извѣстную фасадомъ и внутренностію двора съ украшеніями перваго изъ мраморныхъ, а втораго изъ глиняныхъ (terra cotta) изваяній. Во Флоренціи, нѣсколькими недѣлями позже, была Цесаревичемъ пріобрѣтена превосходная акварель художника Карелли, изображающая внутренность двора этого монастыря. Акварель была подарена императрицѣ Маріи Александровнѣ и, вѣроятно, находится въ извѣстной коллекціи акварелей Ея Величества.

Оригинальный припоминается мнѣ эпизодъ за обѣдомъ у принца Гумберта. Цесаревичъ, интересуясь конституціею Италіи и желая узнать отъ принца нѣкоторыя подробности, между прочимъ по судебной части, которая подлежала введенію у насъ, по образцу Итальянской, предлагалъ принцу Гумберту вопросы, на которые, повидимому, принцъ не желалъ или не въ состояніи былъ отвѣчать и переходилъ на другіе предметы, преимущественно же на разсказы о жизни своей, довольно разгульной. Цесаревичъ не уступалъ однако и вновь возвращался къ тѣмъ же вопросамъ. Тогда принцъ, видя, что отдѣлаться ему было невозможно иначе, какъ откровеннымъ сознаніемъ своего невѣдѣнія, отвѣчалъ: «Vous me demandez des choses, dont je n'ai pas la moindre idée. Chez vous, dans un pays monarchique, les princes sont obligés de connaître les lois et la constitution du pays; chez nous—c'est l'affaire des chambres!» *). Вотъ странный типъ наслѣдника-принца.

Въ то время былъ въ Миланѣ оркестръ, подъ названіемъ «банда принца Гумберта», въ пользу которой собирались деньги, и мнѣ было поручено внести въ этотъ сборъ 100 франковъ.

Изъ Милана отправились мы въ Туринъ, тогдашнюю столицу Италіи и резиденцію короля Виктора-Эммануила, куда прибыли 27 Октября (8 Ноября) и были встрѣчены посланникомъ нашимъ Н. Д. Киселевымъ и графомъ Остенъ-Сакеномъ, недавно предъ тѣмъ женившимся на вдовѣ бывшаго посланника въ Мадридѣ князя Голицына. Никогда не забуду нашего представленія королю, недаромъ прозванному galanto uomo. Цесаревичъ былъ въ парадной формѣ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка, вся его свита, конечно, также въ парадныхъ мундирахъ. Король вообразилъ, что incognito Цесаревича устраняетъ оффиціальные визиты, а потому былъ крайне пораженъ, когда, при выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемную залу, увидѣлъ всѣхъ въ мундирахъ. Самъ въ коротенькомъ пиджакѣ, съ открытою шеею, въ свѣтлыхъ широкихъ панталонахъ, онъ до того смутился, что вырвалъ изъ рукъ своего дежурнаго камергера складную треугольную шляпу и быстрымъ движеніемъ сунулъ ее подъ мышку; какъ будто шляпа эта придала болѣе оффиціаль-

*) Вы меня спрашиваете о предметахъ, мнѣ вполнѣ неизвѣстныхъ. У васъ, въ странѣ монархической, государи обязаны знать законы и устройство страны; у насъ это дѣло палатъ.

ности его костюму и пріему гостей. Поздоровавшись съ Цесаревичемъ, онъ поспѣшно удалился съ Его Высочествомъ въ сосѣдніе аппартаменты и, чрезъ четверть часа возвратившись вновь въ пріемную, сказалъ каждому изъ насъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Какъ оказалось послѣ, ему въ особенности понравился д-ръ Шестовъ, полнотою ли или мундиромъ Военно Медицинской Академіи, неизвѣстно. Въ слѣдующій день мы обѣдали за королевскимъ столомъ, къ которому были приглашены, кромѣ принца Амедея Аостскаго (прелестнаго юноши), министры и даже нѣкоторыя дамы, чтó составляло небывалое исключеніе. Въ числѣ послѣднихъ была наша соотечественница, графиня Остенъ-Сакенъ, тогда еще красавица въ полномъ смыслѣ слова. Обѣдъ былъ очень оживленный; всѣ Итальянцы были удивлены любезностію короля, обыкновенно очень сдержаннаго и избѣгающаго общества.

Послѣ обѣда Цесаревичъ просилъ генерала Ламармору познакомить его съ министрами и бывшими тутъ же статсъ-секретарями. Нужно замѣтить, что, предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, Цесаревичу были доставлены записки посланниковъ всѣхъ странъ, чрезъ которыя пролегалъ нашъ путь, съ разными свѣдѣніями объ учрежденіяхъ, правительственныхъ лицахъ, выдающихся и извѣстныхъ по какимъ бы ни было причинамъ личностяхъ и т. д. Такимъ образомъ вопросы дня, наиболѣе интересные въ данную минуту въ той или другой странѣ, должны были сдѣлаться извѣстными Его Высочеству. Я во время представленія министровъ стоялъ слишкомъ далеко для того, чтобы слышать разговоры съ каждымъ изъ нихъ Цесаревича, но никогда не забуду прелестнаго зрѣлища. Юный, обворожительный именно по молодости и свойственной ему застѣнчивости, онъ, однако, какъ оказалось, такъ умѣло и съ такимъ тактомъ велъ разговоръ, что изумилъ всѣхъ представлявшихся; а Ламармора, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться уже въ день пріѣзда нашего въ Туринъ, подошелъ ко мнѣ послѣ аудіенціи министровъ и сказалъ незабвенныя для меня слова: «Il faut rendre justice à Monseigneur le Grand-Duc, c'est un jeune homme accompli. Comme vous devez être fier de lui [1].» Во время представленія министровъ, король удостоилъ насъ разговоремъ. Первый вопросъ былъ обращенъ къ Чичерину и ко мнѣ. Король спросилъ насъ, «si nous sommes chasseurs?» [2]) На это мы дали отвѣтъ отрицательный. Тогда Его Величество замѣтилъ, что мы лишены, слѣдовательно, большаго наслажденія, что онъ только тогда чувствуетъ себя счастливымъ, когда въ горахъ, свободно гуляя и охотясь, забываетъ все остальное. Тогда Чичеринъ отвѣчалъ, что

[1]) Надо отдать справедливость Его Высочеству Великому Князю; это молодой человѣкъ—совершенство. Какъ вы должны гордиться имъ.

[2]) Охотники ли мы?

при уваженіи и любви, которыми король пользуется въ Италіи, онъ долженъ былъ бы считать себя счастливымъ вообще. «Это дѣло прошлое, теперь же другое настроеніе, которымъ я полонъ до сюда», отвѣчалъ король, указывая на горло. Его Величество говорилъ объ охотѣ на дикаго козла, встрѣчающагося и въ Савойскихъ, и въ Кавказскихъ горахъ, котораго Русское названіе «туръ» было ему извѣстно. Охота на него была, по мнѣнію его, лучшая и интереснѣйшая.

30 Октября (11 Ноября) утромъ выѣхали мы изъ Турина въ Геную. Желѣзная дорога почти все время проходитъ чрезъ узкую долину между горами. Шелъ снѣгъ большими хлопьями; въ короткое время и горы, и зеленѣющіе деревья и кусты, а также дома и платформы на станціяхъ были покрыты толстымъ слоемъ снѣга. Такъ мы подвигались въ невеселомъ расположеніи духа, пока не начались тунели, сначала короткіе въ нѣсколько секундъ, потомъ длиннѣе, длиннѣе и, наконецъ, самый длинный, чрезъ который ѣхали 8 минутъ самымъ быстрымъ ходомъ. До этого послѣдняго тунеля, проложеннаго чрезъ хребетъ приморскихъ Альпъ, насъ преслѣдовали снѣгъ и вьюга; каково же было наше удивленіе, когда, выѣхавъ изъ тунеля, мы вдругъ очутились подъ чуднымъ южнымъ небомъ, на высотѣ, господствующей надъ городомъ, который раскинулся амфитеатромъ въ видѣ подковы у ногъ нашихъ и спускается до синяго, какъ и небо, моря. Этотъ видъ былъ до того поразительно хорошъ, погода стояла такая великолѣпная, солнце такъ ярко освѣщало эту картину, что мы всѣ стояли у оконъ вагона и восхищались зрѣлищемъ. Такой сюрпризъ не менѣе поразителенъ, чѣмъ тотъ видъ, который представляется глазамъ пріѣзжающаго къ Байдарскимъ воротамъ со стороны Балаклавы.

У станціи Цесаревичъ былъ встрѣченъ контръ-адмираломъ Лѣсовскимъ, начальникомъ эскадры, прибывшей въ числѣ 4-хъ судовъ изъ Америки въ Вилла-Франку, и командирами этихъ судовъ: фрегата «Александръ Невскій»,— капитаномъ 1-го ранга Ѳедоровскимъ, корвета «Витязь», капитаномъ 2-го ранга—Кремеромъ, и клипера «Алмазъ» капитаномъ-лейтенантомъ Зеленымъ. Въ Ниццѣ остался фрегатъ «Олегъ», командиромъ коего былъ отличившійся при оборонѣ Севастополя, извѣстный отвагою своею флигель-адъютантъ Бирюлевъ, тогда уже больной и разстроенный отъ ранъ и контузіи въ голову.

Всѣ встрѣчавшія лица были въ Русскихъ мундирахъ. Цесаревичъ былъ въ восторгѣ отъ свиданія со своими соотечественниками, и тотчасъ было условлено обѣдать съ ними въ гостиницѣ «Croce di Malta», а послѣ обѣда отплыть на «Александрѣ Невскомъ» въ Ниццу. Радость Цесаревича объясняется прежде всего скорымъ свиданіемъ съ обожаемою имъ Родительницею, а потомъ любовію его къ Русскимъ морякамъ.

Пріѣхавъ въ гостиницу и перемѣнивъ туалетъ, всѣ собрались въ столовой въ ожиданіи дорогихъ гостей. Но ждать пришлось долѣе, чѣмъ предполагалось, и Цесаревичъ уже сталъ выражать нѣкоторое нетерпѣніе, когда дверь отворилась, и вошли наши моряки. Пріемъ былъ самый ласковый. Тотчасъ сѣли обѣдать, и завязался оживленный разговоръ. Преимущественно шла рѣчь о плаваніи эскадры, о пребываніи въ Америкѣ. Возникъ также споръ о томъ, на которомъ изъ судовъ Цесаревичу идти въ Ниццу. Кремеръ, командиръ «Витязя», предоставленнаго въ распоряженіе Его Высочества для плаванія въ Средиземномъ морѣ, неохотно уступалъ право свое; но такъ какъ начальникъ эскадры долженъ былъ идти на «Александрѣ Невскомъ», то рѣшено было, что Его Высочество совершитъ рейсъ на этотъ разъ на послѣднемъ.

Когда послѣ обѣда гости разъѣхались, я позволилъ себѣ сказать Наслѣднику, что, видя его въ средѣ моряковъ всегда въ лучшемъ расположеніи духа, приходишь невольно къ заключенію, что онъ имѣетъ нѣкоторую слабость къ морскому дѣлу. «Да какъ же вы хотите, чтобы было иначе, отвѣчалъ Его Высочество, гдѣ же вы найдете столько хорошихъ людей, какъ между моряками? Ихъ характеры вырабатываются именно тою жизнію, которую они ведутъ въ морѣ. Тѣсная жизнь требовательнѣе къ каждому изъ нихъ. Негодный или не подчиняющійся этимъ требованіямъ элементъ не можетъ быть терпимъ среди товарищей; слѣдовательно, остается только тотъ, кто хочетъ и можетъ быть полезнымъ на службѣ и раздѣлять ее съ товарищами».

Вечеромъ, проводивъ Цесаревича на фрегатъ и послѣ чая простившись съ отправляющимися въ море, мы возвратились въ гостиницу, съ тѣмъ, чтобы ожидать изъ Ниццы приказанія: ѣхать ли намъ туда же или оставаться въ Генуѣ до возвращенія Его Высочества въ Италію. Другое утро было посвящено, конечно, на осмотръ достопримѣчательностей Генуи и виллы Палавичино въ окрестностяхъ ея. Восхищался я въ разныхъ палаццо фамильными портретами Ванъ-Дейка и Рембрандта, изъ коихъ нѣкоторые занимали цѣлыя стѣны. Обѣдали Барятинскій и я у нашего консула Перовскаго, бывшаго до того въ Японіи или Китаѣ. Квартира его была украшена прелестными произведеніями этихъ странъ. Въ особенности же я восхищался вазами бирюзоваго цвѣта и кракле, какихъ я нигдѣ никогда болѣе не встрѣчалъ.

3 (15 Ноября) получена мною телеграмма, вызывающая насъ въ Ниццу. Чичеринъ, Шестовъ и Козловъ предпочли ѣхать въ омнибусѣ сухимъ путемъ; Барятинскій и я отправились вечеромъ на частномъ пароходѣ и прибыли въ 5 часовъ утра въ Ниццу. Никогда не забуду

впечатлѣнія, произведеннаго на меня чуднымъ утромъ, яснымъ небомъ, яркимъ солнцемъ, освѣщавшимъ море и берегъ съ прелестнымъ городомъ, окаймленнымъ горами. Все еще было погружено въ глубокій сонъ, городъ былъ пустъ и, когда мы прибыли къ виллѣ Дизбахъ, въ ней господствовала полная тишина. Мнѣ было не до сна: я умылся, переодѣлся и вышелъ на балконъ, чтобы вполнѣ насладиться видомъ на море, и воздухомъ, насыщеннымъ ароматомъ цвѣтовъ и тропическихъ растеній. Воображалъ ли я, что этотъ уголокъ, существующій на зеленомъ берегу, какъ казалось мнѣ тогда, для наслажденій, для укрѣпленія здоровья, обратится въ мѣсто печали и нынѣ гнетущей всѣхъ понесшихъ тутъ незамѣнимую утрату? Съ свойственною Цесаревичу ласкою были мы приняты имъ, какъ бы послѣ продолжительной разлуки.

Недолго пробыли мы въ Ниццѣ и 8/20 Ноября отправились поздно вечеромъ на «Витязѣ» изъ Вилла-Франки, и на другой день прибыли въ Ливорно, гдѣ тотчасъ-же пересѣли на желѣзную дорогу и чрезъ Пизу вечеромъ прибыли во Флоренцію.

Когда поѣздъ остановился, Цесаревичъ съ трудомъ приподнялся, жалуясь на острую боль въ спинѣ. Я покрылъ его пледомъ, и мы съ Чичеринымъ вдвоемъ помогли ему выйти изъ вагона. Этотъ моментъ былъ началомъ тѣхъ жестокихъ страданій, отъ которыхъ не суждено уже было ему вполнѣ избавиться. Мы остановились въ Hôtel d'Italie. На другой день Цесаревичъ поѣхалъ однако въ Palazzo Pitti, гдѣ бѣгло осмотрѣлъ галерею и извѣстный серебряный сервизъ. Это былъ единственный его выѣздъ изъ дому въ продолженіе всего 6-ти недѣльнаго пребыванія нашего во Флоренціи. На третій день онъ слегъ, жалуясь все на туже боль въ спинѣ, на которой появилась краснота съ небольшою опухолью. Приглашенъ былъ профессоръ Бурги, который заявилъ, что онъ предполагаетъ парывъ въ спинныхъ мускулахъ и потому совѣтовалъ приложить шпанскую мушку, говоря, что если послѣ мушки пройдутъ и опухоль, и краснота, то не можетъ быть и рѣчи о парывѣ. Исполнили его приказаніе, и дѣйствительно вскорѣ исчезли эти симптомы, и страданія уменьшились нѣсколько; но Цесаревичъ до того боялся возвращенія боли, что не рѣшался вполнѣ выпрямиться.

Постоянно сидя дома, не выѣзжая вовсе, онъ конечно имѣлъ поводъ жаловаться на однообразіе жизни и на скуку. Для нѣкотораго развлеченія мы привозили ему на показъ разные предметы и художественныя произведенія. Предложено было Цесаревичу, когда онъ чувствовалъ себя нѣсколько бодрѣе, избрать одного изъ мѣстныхъ художниковъ для снятія съ него портрета Принцессѣ Дагмаръ. Онъ согла-

сился, и выборъ его остановился на молодомъ талантливомъ акварелистѣ Віанелли, которой представилъ великолѣпные образцы своей работы: портреты въ натуральную величину, разныхъ лицъ и, между прочими, князя А. В. Мещерскаго, зятя гр. Строганова. Также были показаны копіи, снятыя съ портретовъ извѣстнѣйшихъ живописцевъ изъ Флорентинской портретной галлереи въ Uffici.

Долго бился бѣдный Віанелли надъ этимъ портретомъ, но послѣ нѣсколькихъ попытокъ объявилъ, что не въ состояніи уловить взглядъ Цесаревича, и въ концѣ концовъ отказался отъ заказа. Для лицъ хорошо знавшихъ покойнаго понятно, что передать вѣрно выраженіе глазъ, уловить его, было болѣе чѣмъ трудно; но теперь, думая о немъ, я вижу его какъ живаго и еслибъ обладалъ талантомъ художника, тотчасъ изобразилъ бы прелестныя, неизгладимыя изъ памяти, черты его.

Такимъ образомъ пребываніе Его Высочества во Флоренціи было крайне грустное и разнообразилось только перепискою, или лучше, письмами имъ получаемыми, потому что самъ онъ писалъ немного и рѣдко. Развлекали его нѣсколько художественныя произведенія, которыя приносились ему на показъ. Этимъ путемъ имъ были пріобрѣтены: «Тайная вечеря» Русскаго художника Ге, за 4000 фр., нѣсколько прелестныхъ акварелей Стёкля, портреты Галилея и Рубенса, Віанелли и Карелли, между прочимъ изображеніе Чертозы. Заказана художнику Забеллѣ статуя Татьяны, которая первоначально должна была стоить 8000 фр., но обошлась несравненно дороже вслѣдствіе вѣчныхъ его жалобъ и просьбъ, поддерживаемыхъ Великою Княгинею Маріею Николаевною. Пріобрѣтены были также мозаики, булавки и проч. Цесаревичъ бралъ тутъ-же уроки Итальянскаго языка у нѣкоего Ферола.

Понятно, что мы не могли постоянно сидѣть дома или присутствіемъ своимъ стѣснять Цесаревича, а потому ежедневно бывали въ музеяхъ, церквахъ, монастыряхъ и мастерскихъ разныхъ художниковъ. Я почти ежедневно ходилъ въ Uffici и дóма перечитывалъ разныя сочиненія, въ которыхъ описывались подробно картины этой единственной въ своемъ родѣ галлереи. Никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня фресками Beato Angelico di Fiesoli и осмотромъ въ одно утро 12 изображеній Тайной Вечери разныхъ художниковъ.

Графъ Строгановъ былъ нашимъ cicerone и, благодаря ему, я многое видѣлъ и многому научился. Въ Санъ-Донато мы еще видѣли чудныя коллекціи новѣйшихъ школъ: Поля-де-Лароша, Шеффера и другихъ, а главное, собраніе картинъ Грёза, которыми были украшены стѣны цѣлой довольно большой комнаты. Грустно подумать, что все

распродано, и едва ли найдется богачъ, который въ состояніи былъ бы собрать вновь такія сокровища. Въ Санъ-Донато мы ѣздили къ обѣднѣ. Священникъ Качеповскій и пѣвчіе изъ матросовъ съ «Витязя» пріѣзжали для этого изъ Ливорно.

Многимъ обязанъ я семейству баронета Непира, съ которымъ познакомился, чрезъ художника Карелли. Баронесса, большая любительница художествъ, объѣхала со мною многія мастерскія скульпторовъ: Дюпре, Пауеръ, Фумера и другихъ. Въ одно утро мы, подъ руководствомъ графа Строганова, осмотрѣли семь изображеній Тайной Вечери разныхъ живописцевъ и школъ, начавъ съ фрески Рафаэля, случайно открытой и находящейся въ домѣ, въ которомъ нынѣ, кажется, находится Египетскій музей.

Однажды послѣ обѣда Цесаревичъ потребовалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ, что Э. Д. Нарышкинъ и графъ Бобринскій (женатый на графинѣ Шуваловой) отказались принять на себя управленіе будущимъ дворомъ его и что неизвѣстно еще, какой дастъ отвѣтъ В. Я. Скарятинъ (тогда Новогородскій губернаторъ). «Кто бы ни былъ гофмаршаломъ», сказалъ Цесаревичъ, «но я озабоченъ не менѣе выборомъ его помощника, т. е. управляющаго конторою, потому что это долженъ быть человѣкъ вполнѣ порядочный и честный, на котораго можно было бы положиться, и потому прошу васъ, Ѳедоръ Адольфовичъ, помочь мнѣ въ выборѣ такого человѣка». «Благодарю Ваше Высочество за довѣріе, но крайне затрудняюсь здѣсь во Флоренціи назвать вамъ кого-либо, а потому позвольте подумать». — «Вѣдь вы сами не хотите взяться за это дѣло?» — «Нѣтъ Ваше Высочество, хозяйственная часть не мое дѣло, и я не желалъ бы вообще такъ называемой люкративной должности, въ особенности при дворѣ, гдѣ къ сожалѣнію иногда на честнѣйшихъ людей смотрятъ съ подозрѣніемъ только потому, что они могли бы не устоять противъ искушенія. Я былъ бы, можетъ быть, несносенъ по щепетильности, а потому предпочитаю не браться за дѣло, къ которому сердце не лежитъ; но такъ какъ васъ безпокоитъ неизвѣстность, то позвольте предложить услуги свои на время, т. е. до тѣхъ поръ, пока не найдется человѣкъ, отвѣчающій требованіямъ вашимъ». Цесаревичъ обнялъ и поцѣловалъ меня. «Спасибо вамъ за то, что успокоили меня; теперь пускай назначаютъ въ гофмаршалы кого угодно».

Я былъ тронутъ до слезъ. Хотя могу сказать по совѣсти, что я имѣлъ право на полное довѣріе къ моимъ дѣйствіямъ, ибо всегда смотрѣлъ на честность не какъ на добродѣтель, а какъ на долгъ, но не думаю, чтобы Цесаревичу самому пришла мысль предложить мнѣ сдѣ-

лать выборъ управляющаго конторою. Меня знали хорошо гр. Строгановъ и Рихтеръ; вѣроятно они и подали Великому Князю мысль лично переговорить со мною.

Въ Флоренціи проживалъ въ то время герцогъ Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, прелестный тогда мальчикъ, уже знатокъ по части живописи и большой любитель музыки. При немъ состоялъ полковникъ Бликсъ.

Графъ Строгановъ заинтересовался также сыномъ Герцена, тогда учившимся живописи. Случайно, при посѣщеніи картинной галлереи, графъ узналъ, что юноша, копировавшій картину, былъ сынъ того Герцена, которому графъ, будучи попечителемъ Московскаго округа и Университета, оказывалъ постоянное покровительство и употреблялъ всѣ усилія, чтобы отговорить его отъ поѣздки за границу, гдѣ онъ дѣйствительно окончательно сбился съ толку.

Кстати по поводу Герцена. Однажды въ Царскомъ Селѣ А. Ѳ. Гриммъ попросилъ меня зайти къ нему, чтобы прочесть съ нимъ статью Герцена въ «Колоколѣ». Экземпляръ этотъ былъ ему, Гримму, данъ для прочтенія Императрицею Маріею Александровною. Статья была ругательная. Герценъ бранилъ безпощадно самаго Гримма и лицъ его рекомендовавшихъ. Можно себѣ представить мое положеніе: нужно было перевести ему въ слухъ эту брань. Хотя я всячески старался смягчать выраженія, но роль моя была всетаки незабавна. Съ одной стороны жаль было старика, съ другой же я не могъ не согласиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ доводами Герцена. Гриммъ riait jaune. Къ счастію моему пріѣхалъ принцъ Петръ Георгіевичъ съ какимъ-то новымъ романсомъ своего сочиненія и пригласилъ Гримма акомпанировать, а самъ, ходя по комнатѣ, пѣлъ. Совѣстно сознаться, что я не радъ былъ тому, что остался въ комнатѣ: Принцъ въ кирассирскомъ, полка его имени, бѣломъ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ, пѣлъ съ увлеченіемъ....

Во время пребыванія нашего во Флоренціи, заболѣлъ очень серіозно профессоръ Чичеринъ. Рано утромъ меня разбудили; говорятъ, что зоветъ меня на помощь д-ръ Шестовъ, который не можетъ справиться съ Чичеринымъ. Одѣваюсь, бѣгу и застаю дѣйствительно Шестова борящагося съ Борисомъ Николаевичемъ, который, въ припадкѣ, безсознательно бьется въ объятіяхъ Шестова и страшно ругаетъ его. Онъ называлъ его Вельзевуломъ, злымъ духомъ и проч. Не безъ труда удалось намъ уложить его въ постель и нѣсколько успокоить. Шестовъ не понималъ, что̀ сдѣлалось съ Чичеринымъ. Я немедленно послалъ къ г. Зассу, старинному знакомому Чичерина, записочку, въ которой про-

силъ привезти съ собою мѣстнаго, знакомаго ему врача. Когда утромъ собрались завтракать, то получили грустную вѣсть, что Итальянецъ докторъ, приглашенный Зассомъ, призналъ болѣзнь за milliara, сыпную лихорадку, которая крайне опасна, заразительна и выражается судорожными припадками, происходящими отъ напряженія организма выдѣлить изъ себя чуждый элементъ, послѣ припадковъ выступающій наружу въ видѣ сыпи. Если же сыпь не выступаетъ, то человѣкъ умираетъ. Припадки эти повторяются довольно часто и до тѣхъ поръ, пока въ организмѣ кроется этотъ ядъ. Въ виду заразительности болѣзни, къ Чичерину были приставлены особый докторъ и прислуга; сосѣди его по комнатѣ перешли въ другія помѣщенія, и съ нимъ прерваны были всѣ сношенія. Болѣзнь эта служила Провидѣнію путемъ къ счастію Чичерина. Послѣ нашего отъѣзда въ Ниццу, онъ нѣкоторое время пробылъ еще во Флоренціи, а потомъ поѣхалъ въ Римъ и тамъ познакомился съ сестрою состоявшаго при миссіи нашей молодого, талантливаго Капниста, которой суждено было сдѣлаться женою Бориса Николаевича. Не будь этой болѣзни, Чичеринъ и не подумалъ бы разлучаться съ нами и ѣхать въ Римъ. Неисповѣдимы пути Твои, Господи!

При Цесаревичѣ состоялъ Италіянскій камергеръ Поруцци, чрезвычайно любезный человѣкъ, другъ Рибопьера. Онъ былъ знакомъ со всѣми Русскими, жившими во Флоренціи, ухаживалъ и не безъ успѣха за многими нашими соотечественницами, которыхъ, конечно, называть не стану. Замѣчательно, что не только Русскія, но и Англійскія дамы во Флоренціи ведутъ жизнь такую, которую не позволяли бы себѣ въ своемъ отечествѣ. Многія, конечно, ведутъ себя скромно и безукоризненно, но большая часть пріѣзжаетъ туда именно съ намѣреніемъ отбросить въ сторону всякую скромность. Англичанки, изъ лучшихъ фамилій, безчинствуютъ и доводятъ поведеніе свое до нахальства. Какъ онѣ приставали къ князю Владимиру Барятинскому, этого и представить себѣ нельзя. Онъ былъ дѣйствительно плѣнительно хорошъ собою. Дамы, не будучи даже съ нимъ знакомы, писали ему записочки, а когда мы съ нимъ гуляли въ Кашинахъ, то они съ поразительною беззастѣнчивостію заставляли кучеровъ своихъ ѣхать шагомъ, рядомъ съ нами и, высунувшись изъ каретъ, нахально смотрѣли на него, не спуская глазъ съ бѣлокураго красавца. Но этотъ былъ неприступенъ, по разнымъ причинамъ и, между прочимъ, потому, что былъ влюбленъ въ прелестную, но высоконравственную женщину, графиню Бутурлину, Португальку по рожденію. О ней говорили, будто бы она дочь кардинала Антонелли, и дѣйствительно она очень напоминала его блѣдное продолговатое лицо и проницательные черные глаза. Мать графа Бутурлина, рожд. Поня-

товская, была ярая католичка и ненавистница Россіи. Она жила въ окрестностяхъ Флоренціи и никогда нигдѣ не показывалась.

Предъ праздникомъ Рождества устроена была охота въ лѣсу около Пизы на фазановъ, которыхъ требовалось ко двору въ огромномъ количествѣ. Перуцци отъ имени короля предложилъ свитѣ Цесаревича принять участіе въ этой бойнѣ, при чемъ было дозволено каждому оставить при себѣ одного изъ убитыхъ имъ фазановъ. Я назвалъ эту охоту бойнею, потому что загонщиками было поднято такое множество дичи и фазановъ въ особенности, что они перелетали надъ головами нашими цѣлыми тучами, такъ что можно было стрѣлять, не прицѣливаясь, въ одну птицу. Сколько было фазановъ надъ нами, столько бѣжало одновременно и зайцевъ.

Въ это время Флоренція готовилась къ торжеству объявленія ея столицей Италіи. Переводились изъ Турина присутственныя мѣста; въ пригородныхъ селеніяхъ и нѣкоторыхъ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ, соединенныхъ съ Флоренціею желѣзною дорогою, нанимались квартиры для служащихъ. 1-го Января 1865 года новаго стиля совершилось перенесеніе столицы, но мы утромъ того же дня уѣхали въ Ниццу, не смотря на равноденствіе и бури, которыхъ такъ боялся одинъ изъ Русскихъ, проживавшихъ во Флоренціи, а именно бывшій Саратовскій губернскій предводитель дворянства Иванъ Ивановичъ Берновъ. Онъ постоянно твердилъ намъ: «Вѣдь теперь экиноксы, какъ же вы рѣшаетесь идти въ море?» Великій былъ оригиналъ этотъ добрый Иванъ Ивановичъ. Нельзя себѣ представить, что̀ происходило въ его домѣ. Жена его, рожд. Михайловская-Данилевская, дочь извѣстнаго автора «Исторіи отечественной войны», составила себѣ извѣстную репутацію не только во Флоренціи, но и въ Петербургѣ. Въ 1864 г. она была уже очень немолода и далеко нехороша, но приводила мужа въ великое отчаяніе перемѣнчивостію вкуса. Не могъ я понять одного: какъ удалось дочери ихъ (впослѣдствіи женѣ генерала Эллиса) при такой обстановкѣ, выйти прелестной дѣвушкой и потомъ примѣрной женой. Сыновья уже дѣтьми сдѣлались извѣстными въ Италіи тѣмъ, что ушли тайкомъ изъ дому, съ тѣмъ чтобы стать подъ знамена Гарибальди.

Берновъ-отецъ приставалъ къ намъ ужасно, приходя ежедневно съ утра въ отель и предлагая намъ каждый разъ свои услуги и разныя удовольствія и развлеченія. Мы въ большей части случаевъ не принимали его любезныхъ предложеній и лишь отъ времени до времени рѣшались на прогулки съ нимъ по городу или въ Кашинахъ. Тутъ онъ намъ называлъ всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ мимо насъ. Онъ иногда

угощалъ насъ отличными обѣдами изъ Русскихъ блюдъ. Кислыя щи съ гречневой кашей для насъ было самое лакомое блюдо. Послѣ обѣда подавались къ десерту Кіевскія варенья, а послѣ кофе, вмѣсто ликеровъ—Русскія наливки, при чемъ Иванъ Ивановичъ, очень довольный, приговаривалъ: «А что, господа, вѣдь наши pousse du café получше будутъ ликеровъ Санта-Мэрія-Новелла (женскій монастырь, извѣстный фабрикаціею ликеровъ, духовъ, poudre l'Iris и проч.)

Наканунѣ Рождества, Берновъ пригласилъ насъ, Рихтера и меня, пріѣхать вечеромъ въ соборъ для присутствія при торжественномъ богослуженіи, при чемъ должна была быть исполнена месса съ оркестромъ и лучшими пѣвцами. Но мы не поѣхали. На другой день пріѣзжаетъ онъ къ намъ въ страшномъ негодованіи, говоря, что мы его этимъ поставили въ отчаянное положеніе. «Какъ такъ?» спросилъ я его.—«Ахъ, господа, вы не поняли меня; я устроилъ въ соборѣ rendez-vous съ княгинею Друцкою». Нужно знать, что эта дама искала встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ свиты, чтобы чрезъ него добиться представленія Цесаревичу отца ея, графа Закревскаго, тогда въ опалѣ жившаго во Флоренціи. Графъ Строгановъ, замѣнившій Закревскаго въ Москвѣ по званію генералъ-губернатора, объяснилъ Цесаревичу, что ему неудобно принимать человѣка въ немилости у Царя, а потому Закревскому было отказано, а между тѣмъ графъ Сумароковъ былъ принятъ, чего, конечно, первый перенести не могъ.—«Не бѣда», отвѣчали мы Бернову.—«Вамъ хорошо, а мнѣ-то каково?»—«А вамъ-то что?»—«Да она меня обругала».—«Какъ обругала?»—«Да, назвала свиньей!»

20 Декабря 1864 (1 Января 1865) мы выѣхали изъ Флоренціи и въ Ливорно сѣли на «Витязя», который быстро перевезъ насъ въ Ниццу. Поселились въ виллѣ Дизбахъ и первые дни провели въ визитахъ. Прибыли между тѣмъ Стюрлеръ и Скарятинъ, предназначавшіеся: первый въ шталмейстеры, а второй въ гофмаршалы будущаго двора Цесаревича. Перваго я уже зналъ, со вторымъ впервыя встрѣтился тутъ. Много говорили объ устройствѣ двора; каждый излагалъ Цесаревичу свои предположенія. Выписывались разные подрядчики, Cuvillier предлагалъ свои вина, Московскій Сапожниковъ свои шелковыя матеріи и проч.

Графъ Строгановъ отлучился на нѣсколько дней въ Парижъ, чтобы устроить денежныя дѣла покойнаго сына, пріобрѣтшаго не за долго до смерти своей съ герцогомъ Морни извѣстную коллекцію chinoiseries, кажется, у Пурталеса. Между тѣмъ Морни самъ скончался, и требовалось присутствіе графа Строганова какъ для раздѣла этой коллекціи, такъ и для расплаты по оной. Старикъ мнѣ разсказывалъ, по возвращеніи изъ Парижа, что ему предстоитъ уплатить два милліона рублей. «Всю жизнь свою, со времени женитьбы моей, я платилъ долги, оставшіеся послѣ тестя моего; когда былъ погашенъ послѣдній рубль, покойный

сынъ мой заявилъ мнѣ о карточномъ долгѣ въ 2.000.000 рублей. Я вновь сталъ платить и едва только погасилъ эту сумму, какъ теперь является вновь долгъ въ такую же сумму. Успѣю ли я уплатить и этотъ долгъ? вотъ вопросъ, а хотѣлось бы до смерти моей покончить съ долгами.» Однимъ изъ кредиторовъ былъ извѣстный нумизматъ и хранитель Эрмитажа баронъ Кёне, который, по словамъ графа, былъ ему ненавистенъ какъ ростовщикъ и крайне неблагонадежный хранитель ввѣреннаго ему нумизматическаго отдѣла Эрмитажа.

Прибылъ въ Ниццу гросъ-герцогъ Дармштадтскій и занялъ нижній этажъ виллы Дизбахъ. Поэтому насъ перевели въ сосѣдній съ виллою «Hôtel Victoria», гдѣ мы прожили до отъѣзда изъ Ниццы.

Въ это время болѣзненныя ощущенія въ спинѣ были слабѣе, но силы не возвращались и, постоянно боясь, чтобъ острая боль не возвратилась, Цесаревичъ почти никогда не выпрямлялся и ходилъ сгорбившись. Дѣлали пассивную гимнастику, растиранія въ родѣ нынѣ моднаго массажа. Такъ дѣло тянулось цѣлый мѣсяцъ. Ежедневно онъ выѣзжалъ на прогулку, но всегда на короткое время. Спускаться и подыматься по лѣстницѣ ему было тягостно, и его носили въ креслѣ. Возвращаясь съ прогулки, онъ всегда заѣзжалъ къ Императрицѣ, но не входилъ въ домъ, а оставался въ экипажѣ, поджидая Императрицу, которая всегда сходила внизъ и садилась въ ландо.

Мнѣ неоднократно случалось сопровождать Цесаревича на прогулкахъ, и потому бывалъ я свидѣтелемъ свиданій Августѣйшей матери съ возлюбленнымъ сыномъ своимъ, ибо Ея Величество всегда приказывала мнѣ оставаться въ ландо. Въ разговорахъ проявлялась та материнская любовь, та заботливость, которую она, не смотря на силу своихъ чувствъ, по принужденію скрывала. Просторъ, которымъ она пользовалась въ Ниццѣ, служилъ ей такимъ вознагражденіемъ, что она, не сдерживая себя, изливала всю душу свою, всѣ сокровенныя чувства къ дорогому сыну. Къ несчастію, болѣзнь послѣдняго отравляла счастіе и, можетъ быть, даже сдерживала чувства, чтобы не показывать больному, какъ она дрожитъ за его существованіе.

Невѣжество врачей, не видившихъ опасности, было можетъ быть опять-таки проявленіемъ Божественнаго Промысла. Какъ бы она страдала, еслибъ эти эскулапы догадались, въ чемъ состоитъ болѣзнь. Мы, окружающіе, были въ постоянной тревогѣ. Сколько разъ графъ Строгановъ, слушая и расправшивая врачей, въ концѣ разговора всегда повторялъ: «вы ошибаетесь», или «вы не угадываете болѣзни». Но назвать болѣзнь по имени ея никто не могъ. Все повторяли, что это ревматизмъ и до того были убѣждены, что успѣли увѣрить въ этомъ и Французовъ, Нелатона и Райе, присланныхъ Наполеономъ для консультаціи.

ПИСЬМО И. В. КИРЕЕВСКАГО КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ.

Вчера получилъ я разрѣшеніе издавать съ будущаго 1832 года журналъ и спѣшу рекомендовать вамъ его, какъ рекрута, который горитъ нетерпѣніемъ служить и воевать подъ вашимъ предводительствомъ; какъ дѣвушку, еще невинную, которая хочетъ принадлежать вамъ душой и тѣломъ; какъ духовную особу, которая проситъ васъ утвердить ее въ чинѣ пастыря надъ стадомъ словесныхъ животныхъ, и наконецъ, рекомендую вамъ журналъ мой, какъ *Европейца*, потому что его такъ зовутъ. Я назвалъ его такъ не отъ того, разумѣется, чтобы надѣялся сдѣлать его Европейскимъ по достоинству (я не знаю еще, сколько могу надѣяться на ваше участіе), но потому, что предполагаю наполнять его статьями, относящимися больше до Европы вообще, чѣмъ до Россіи. Однако, если когда нибудь Ѳеофилактъ Косичкинъ захочетъ сдѣлать честь моему журналу: высѣчь въ немъ Булгарина, то разумѣется въ этомъ случаѣ Булгаринъ будетъ Европа въ полномъ смыслѣ слова.

Журналъ мой будетъ состоять изъ пяти отдѣленій: 1) Науки, гдѣ главное мѣсто займетъ Философія; 2) Изящная словесность; 3) Біографіи знаменитыхъ современниковъ; 4) Разборы иностранныхъ и Русскихъ книгъ, критика и пр. 5) Смѣсь. Каждый мѣсяцъ будутъ выходить двѣ книжки. Первая явится къ вамъ около 1-го Генваря.

Такъ какъ ваши друзья должны смотрѣть на мой журналъ какъ на имъ принадлежащій, то прошу васъ сказать мнѣ, куда доставить его Катенину, и какъ вообще его адресъ.

Преданный вамъ слуга И. Киреевскій.

Письмо писано на большомъ листѣ почтовой бумаги, при чемъ текстъ письма занимаетъ лишь первую страницу. По старинному обычаю, оно было отправлено безъ конверта, и потому на послѣдней страницѣ листа находятся адресъ и почтовые штемпеля.

Адресъ: «Его высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину. Въ Сарское Село». Но эти послѣднія слова зачеркнуты, и вмѣсто нихъ другою рукой написано: «Въ С.-Петербургѣ».

Почтовые штемпеля: 1) «Москва 28 Октября 1831». 2) «Софія или Царское Село 2 Ноября 1831». 3) Получено 1831 Ноября 3».

Пушкинъ, вступившій въ бракъ въ Февралѣ этого 1831 года, въ Маѣ пріѣхалъ съ молодою женой въ Петербургъ и немедленно вслѣдъ затѣмъ переселился въ Царское Село, гдѣ и прожилъ до половины Октября, когда водворился въ Петербургѣ, въ Галерной, въ домѣ Брискорна. И. В. Киреевскому, очевидно, еще не былъ извѣстенъ этотъ новый адресъ Александра Сергѣевича, когда письмо было отправлено. По всей вѣроятности, одновременно съ Киреевскимъ писалъ Пушкину объ основаніи «Европейца» и Н. М. Языковъ, и Пушкинъ отвѣчалъ послѣднему, жившему тогда въ Москвѣ въ домѣ А. П. Елагиной (матери Киреевскаго) 18-го Ноября, слѣдующими строками: «Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Киреевскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Еслибы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ «Европейца». Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его», и т. д. Нечего прибавлять, что «Ѳеофилактъ Косичкинъ»—псевдонимъ Пушкина, подъ его статьями о Булгаринѣ. Сей послѣдній успѣлъ очернить «Европейца» въ глазахъ правительства, будучи своимъ человѣкомъ въ «Третьемъ Отдѣленіи», гдѣ Поляки успѣли свить себѣ прочное гнѣздо. Пушкинъ не успѣлъ что-либо прислать И. В. Киреевскому, какъ уже «Европеецъ» былъ запрещенъ.

Письмо И. В. Киреевскаго сообщено въ «Русскій Архивъ» Л. Н. Майковымъ, съ подлинника. Ю. Б.

ЗАПИСКА ПОДАННАЯ ГРАФУ БЕНКЕНДОРФУ.

По поводу запрещенія „Европейца“ въ 1832 году *).

Его Величество благоволилъ бросить взглядъ на журналъ, который я издавалъ. Онъ замѣтилъ въ немъ нѣкоторыя идеи, по его мнѣнію, предосудительныя, и нашелъ все направленіе журнала таковымъ, что правительство не должно терпѣть его обнародованія. Онъ приказалъ его запретить. Я подвергнулся величайшему въ монархіи для вѣрнаго подданнаго и хорошаго гражданина несчастью быть опорочену (flétri) въ мнѣніи Государя. Вы позволили, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ съ защитой моихъ идей. Пользуюсь этой милостью съ глубокою покорностью къ запрещенію, проистекшему изъ таковой высоты, и съ довѣріемъ къ справедливости и мудрости моего высокаго судьи, надѣясь, что онъ снизойдетъ выслушать мою защиту. Полагаю, что лучшимъ средствомъ показать, на сколько мои истинныя воззрѣнія, смѣю сказать, отличны отъ того значенія, которое Государь придалъ терминамъ, мною для ихъ выраженія употребленнымъ, будетъ изложить вамъ всю совокупность моихъ воззрѣній на тотъ предметъ, котораго я лишь коснулся въ моемъ журналѣ.

Было время, когда молодое поколѣніе, къ которому я принадлежу, мечтало для родины о преобразованіяхъ, системахъ управленія подобныхъ Европейскимъ, о порядкѣ вещей, скопированномъ съ тѣхъ странъ: словомъ, о конституціяхъ и обо всемъ къ нимъ относящемся. Будучи моложе другихъ, я слѣдовалъ этому теченію, питалъ тѣже чувства, мечтая о тѣхъ же благахъ для Россіи; къ счастью, я раздѣлялъ лишь эти идеи, а не искалъ преступнымъ образомъ, подобно имъ, ихъ осуществленія и нисколько не запятналъ себя ужаснымъ бунтомъ, наложившимъ неизгладимое пятно на народный характеръ. Прежде всего

*) Переведено съ Французскаго изъ книжки: „Oeuvres choisies de P. Tchadaïef“, 1862. Чадаевъ близко зналъ графа Бенкендорфа еще въ царствованіе Александра Павловича за границею и въ Россіи. Съ его стороны эта записка была дѣломъ дружбы. Французскимъ языкомъ Чадаевъ владѣлъ отлично. Мысли, изложенныя въ этой прекрасной запискѣ, принадлежатъ самому Кирееевскому, Чадаевъ былъ только ихъ излагателемъ. П. Б.

я долженъ былъ признаться вамъ въ этомъ, чтобы заслужить довѣріе вашего превосходительства; я не боюсь сказать вамъ о томъ, что̀ думалъ я нѣкогда. Дальнѣйшее изложеніе моихъ теперешнихъ идей покажетъ, что я вполнѣ спокойно могу дѣлать такое признаніе.

Толчекъ, данный Петромъ Великимъ Русскому народному духу, и то движеніе, которому слѣдовали послѣдующіе государи, ввели къ намъ Европейскую цивилизацію. Естественно, что всѣ обращавшіяся въ Европѣ идеи со временемъ перенесены были къ намъ, и подъ конецъ мы вообразили, что политическія учрежденія тѣхъ странъ могутъ для насъ служить образцомъ, какъ ихъ наука служила для нашего обученія. Мы и не помышляли о томъ, что эти учрежденія, происшедшія изъ состоянія общества намъ совсѣмъ чуждаго, не могли имѣть ничего общаго съ потребностями нашей страны, и такъ какъ мы почерпнули наше образованіе изъ Европейскихъ писателей и все, что̀ мы узнавали въ нашихъ научныхъ занятіяхъ о предметахъ законодательства и политики, проистекало изъ того же источника, то естественно, что мы привыкли смотрѣть на совершеннѣйшія формы правленія въ Европѣ какъ на нѣчто содержащее общіе принципы всякаго правленія вообще. Наши государи вовсе не противились такому направленію идей, они ему благопріятствовали. Правительство, въ той же мѣрѣ какъ и частные люди (nation), замѣчало, въ какой степени наше историческое развитіе было отлично отъ Европейскаго и въ какой степени, благодаря сему, политическія теоріи, имѣющія тамъ мѣсто, противны потребностямъ великаго народа самостоятельно образовавшагося, который не можетъ свестись къ второстепенной роли спутника (satellite) въ системѣ политической, не потерявъ всѣхъ элементовъ силы и жизненности, составляющихъ существованіе народовъ. Смѣю утверждать, что въ настоящее время не найдется ни одного разсудительнаго человѣка, который не призналъ бы, что таковая роль намъ совсѣмъ не подходитъ.

Что же касается меня, то вотъ моя мысль полностью. Каково бы ни было дѣйствительное достоинство различныхъ Европейскихъ законодательствъ, какъ всѣ соціальныя формы они представляютъ необходимыя слѣдствія цѣлаго ряда предыдущихъ условій, которымъ мы остались чужды, и поэтому они не могутъ подходить намъ никоимъ образомъ. Больше того: будучи много назади Европы въ нашей цивилизаціи и имѣя еще въ нашихъ собственныхъ учрежденіяхъ множество того, что̀ очевидно окончательно несовмѣстимо съ подражаніемъ Европейскимъ учрежденіямъ, мы должны думать лишь о томъ, чтобъ извлечь изъ самихъ себя тѣ блага, которыми мы призваны пользоваться со временемъ.

Прежде всего мы должны позаботиться о распространении серіознаго и здраваго (forte) классическаго образованія. Оно будетъ заимствовано не съ верхушекъ современной Европейской цивилизаціи, но изъ эпохи предшествующей, произведшей все то, что есть дѣйствительно добраго въ современной цивилизаціи. Вотъ первое, чего я желаю для моей родины. Затѣмъ я желаю освобожденія крестьянъ, такъ какъ считаю, что это необходимое условіе всякаго послѣдующаго развитія для насъ и особенно развитія нравственнаго. Считаю, что въ настоящее время всякія измѣненія въ законахъ, какія бы правительство ни предпринимало, останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ нашихъ умахъ зрѣлищемъ рабства, насъ съ дѣтства окружающаго: лишь его постепенное уничтоженіе можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя наши государи въ своей мудрости найдутъ удобными сдѣлать. Полагаю, что исполненіе законовъ, какъ бы мудры они ни были, не можетъ никогда быть соотвѣтственымъ намѣренію законодателя, если оно будетъ поручено людямъ, съ молокомъ кормилицы впитавшимъ всѣ возможныя мысли неравенства, если всѣ вѣтви администраціи будутъ вручены подданнымъ, съ колыбели своей освоеннымъ со всякаго рода несправедливостью. Наконецъ, я желаю для своей родины пробужденія религіознаго чувства; желаю, чтобы религія вышла изъ того состоянія застоя, въ которомъ она теперь находится. Я думаю, что просвѣщеніе, которому мы завидуемъ у другихъ народовъ, есть плодъ воздѣйствія религіозныхъ идей, что эти идеи придали мысли ту энергію и плодотворность, которыя возвели ее на настоящую высоту и что онѣ даже въ настоящее время избавятъ Европу отъ гибельныхъ волненій волнующей ея ужасной муки. Иной кромѣ христіанской цивилизаціи я не понимаю. Вотъ что, полагаю, можно было увидѣть въ статьѣ, которая имѣла несчастіе навлечь на меня высочайшее порицаніе. И я съ невыразимой скорбію вижу, что религія у насъ въ полномъ бѣдствіи. Отъ всего своего сердца я горячо желаю, чтобъ она оживилась среди насъ. И если бы я думалъ, что голосъ темнаго подданнаго имѣетъ право дойти до подножія престола, и я бы могъ безъ крайней дерзости, я, осужденный на молчаніе въ это самое время священной властью, высказать эти пожеланія: я бы умолялъ нашего великаго Государя со всѣмъ рвеніемъ глубокаго убѣжденія, чтобъ онъ обратилъ взоры на удручительное положеніе религіи въ нашей странѣ, чтобъ онъ изыскалъ средство разжечь пламенемъ, который горитъ въ его сердцѣ, огонь, погасающій въ сердцахъ его подданныхъ.

Судите сами, ваше превосходительство, возможно ли, чтобы, говоря о цивилизаціи и разумѣ, я подразумѣвалъ свободу и конституцію?

Возможно ли, чтобъ я, такъ твердо увѣренный въ томъ, что лишь въ спокойствіи и сосредоточіи умственнаго труда глубоко продуманнаго мы можемъ найти то, чего намъ еще недостаетъ, такъ глубоко убѣжденный, что лишь подъ сѣнью опекающей власти, которая охраняетъ насъ отъ волненій, столь сильно возмущающихъ въ настоящее время Европу, мы можемъ надѣяться наверстать потерянное для нашего нравственнаго преуспѣянія время, чтобъ я желалъ подъ покрываломъ спокойной мысли философа прятать кипучую (turbulente) мысль демагоговъ?! Мой журналъ долженъ былъ быть всецѣло-литературнымъ. Для писателя, начинающаго свою литературную дѣятельность, первая забота состоитъ вполнѣ естественно въ томъ, чтобъ его читали; а кто же сталъ бы меня читать, еслибъ я говорилъ языкомъ, ключъ къ разумѣнію коего находился бы лишь у меня? Если мнѣ слѣдуетъ сознаться въ самомнительномъ намѣреніи дѣйствовать нѣкоторымъ образомъ на умы моихъ соотечественниковъ, то, признаюсь, что я желалъ привить имъ вкусъ къ философской литературѣ, склонить ихъ къ изученію основныхъ началъ, чтó уже продѣлано всѣми народами Европы, и чего мы еще не сдѣлали. Не съ политической, но съ мыслящей Европой хотѣлъ я установить у насъ болѣе тѣсную связь, и это, полагаю, ясно видно изъ перваго выпуска моего журнала. Если бы мнѣ позволено было продолжать, я бы попытался показать моимъ читателямъ, что для насъ нѣтъ иной политики, кромѣ науки, что безъ извѣстныхъ предварительныхъ свѣдѣній самыя мудрыя и благожелательныя мѣры правительства всегда останутся непримѣнимы и наилучшія намѣренія Государя всегда будутъ парализованы въ исполненіи своемъ. Затѣмъ я бы попытался дать имъ понять, что самое главное для насъ—это отдать самимъ себѣ отчетъ о нашемъ соціальномъ положеніи, дабы мы знали, въ какомъ положеніи мы находимся по отношенію къ Европѣ; такъ какъ лишь такимъ образомъ мы узнаемъ, чтó намъ слѣдуетъ заимствовать у нея, чтó должно оставаться намъ чуждо.

Таковы должны были быть стремленія моего журнала. Къ несчастію непонятый въ моихъ чистѣйшихъ намѣреніяхъ Государемъ, я въ молчаніи снесъ бы наказаніе, на меня наложенное, если бы вы не пригласили меня сказать нѣсколько словъ въ мою защиту. Такъ какъ мнѣ это позволено, то я долженъ высказать все, чтó внушитъ мнѣ горестное чувство быть признаннымъ Его Величествомъ за умъ дурно направленный (esprit mal pensant).

Въ то время, когда печальныя слѣдствія духа безпорядка обнаруживаются столь плачевнымъ образомъ среди народовъ болѣе просвѣщенныхъ чѣмъ мы, своимъ просвѣщеніемъ обязанныхъ времени, когда разумъ зрѣлъ въ мирѣ и спокойствіи, можетъ ли у насъ человѣкъ, любящій свою родину, ревнующій о ея преуспѣяніи не желать, чтобы спокойствіе и порядокъ поддерживались въ ней? Не увидитъ ли онъ въ настоящее время, если хоть поверхностно занимался отечественной исторіей и размышлялъ о различныхъ положеніяхъ занимаемыхъ народами въ общемъ порядкѣ, что необходимо для нашего общества совсѣмъ не то, чтó необходимо для другихъ.

Наконецъ, надо быть страннымъ образомъ ослѣпленнымъ, чтобы въ настоящее время не понять, что нѣтъ страны, гдѣ бы государи дѣлали столько для распространенія знаній и блага народа, какъ въ Россіи; что всею нашею цивилизаціей мы обязаны нашимъ монархамъ; что всюду правительства слѣдовали побужденіямъ, которыя даны были народомъ, и до сихъ поръ слѣдуютъ, тогда какъ у насъ правительство всегда было впереди народа и само давало ему движеніе. Прежде всего чувство довѣрія и благодарности своимъ государямъ должно одушевлять сердце Русскаго, и это сознаніе блага, намъ ими оказаннаго, должно руководить насъ въ нашей общественной жизни. Видя, какъ они выполнили свое высокое назначеніе, мы должны довѣрить имъ будущее родины, а между тѣмъ молчаливо работать надъ самими собою; особенно же мы должны постараться создать общественную нравственность, которой еще у насъ нѣтъ. Если намъ удастся установить ее на религіозномъ основаніи, какъ она первоначально была во всѣхъ странахъ христіанскаго міра, и на этомъ новомъ основаніи всю нашу цивилизацію, тогда мы будемъ находиться на настоящемъ пути, коимъ человѣчество идетъ къ свершенію своихъ судебъ. Ясно, что все это должно совершиться лишь въ интеллектуальной сферѣ и что политикѣ здѣсь нѣтъ мѣста. И какое намъ дѣло, чтó происходитъ теперь на поверхности Европейскаго общества? Зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ дѣла новой Европы, столь ужасно мучимой порожденіемъ чего-то для нея самой непонятнаго?

Въ старой Европѣ, какъ я сказалъ, гдѣ сдѣлано было такъ много хорошаго, чему мы непричастны, гдѣ такъ много было порождено великихъ мыслей до насъ не дошедшихъ, должны мы искать уроковъ. Журнальная статья, въ которой я попытался охарактеризовать философское направленіе вѣка, должна была служить предисловіемъ къ развитію вышеизложенныхъ мыслей. Государь, среди своихъ высокихъ занятій, конечно, могъ обратить лишь бѣглое вниманіе на мой отрывокъ. Вѣр-

ный и разсудительный подданный умѣетъ должнымъ образомъ оцѣнить слѣдствіе возвышеннаго положенія, занимаемаго монархомъ для блага народовъ, и охотно ему подчиниться. Но смѣю думать, что еслибы Его Величество соизволилъ посвятить чтенію моей статьи больше времени, онъ не нашелъ бы ничего, что́ можетъ справедливо мотивировать строгій приговоръ надъ нею произнесенный, что онъ увидѣлъ бы въ ней необходимый выводъ, который приведетъ читателя къ болѣе пространнымъ разсужденіямъ. Начертавъ исторію философскаго умозрѣнія въ послѣднее время, я попытался указать, что умъ человѣческій, отвращенный отъ своихъ законныхъ путей нелѣпою и нечестивою философіей XVIII вѣка, наконецъ, вернулся къ болѣе мудрымъ мыслямъ, что теперь религія снова заявила свои права въ области философіи, что наука стала въ той же степени трезвою и умѣренною, какъ была прежде дерзка и страстна. Признаюсь, я не могъ вообразить себѣ, что подобныя мысли и тѣ, которыя я лелѣялъ въ умѣ своемъ, чтобъ огласить впослѣдствіи, могутъ не нравиться власти; напротивъ, я думалъ, что онѣ вполнѣ согласуются съ мыслями самого правительства, что онѣ могутъ способствовать благодѣтельному дѣйствію, которое оно хочетъ имѣть надъ умами. Признаюсь я даже думалъ, что распространеніе ихъ не останется безплодно въ особенности для той части нашей литературной публики, которая еще до сихъ поръ ходитъ на помочахъ прошлаго вѣка. Не могъ я себѣ представить, что можно найти связь между ними и современными политическими мыслями, не касаясь вопросовъ политическихъ, и ничего не сказалъ о новѣйшихъ Европейскихъ событіяхъ; иначе мнѣ было бы легко доказать, что именно въ силу того, что народы еще не знаютъ о возвращеніи науки къ болѣе правильнымъ понятіямъ и что эти понятія еще не сошли изъ отвлеченной области туда, гдѣ живутъ массы, послѣднія слѣдуютъ дурному направленію, данному имъ въ прошломъ вѣкѣ. Я уже характеризовалъ революціонный принципъ какъ принципъ крови и разрушенія и мимоходомъ показалъ свои политическія убѣжденія, отмѣтивъ грубый способъ пониманія словъ *свобода*, *разумъ*, *человѣчество* во время Французской революціи. Это могло, какъ я думаю, защитить меня отъ обвиненій, которымъ я подвергнулся.

Какъ бы то ни было, теперь, когда я сообщилъ вамъ всѣ свои взгляды и сдѣлалъ это со всей чистотой и искренностью полнаго довѣрія, могу ли я надѣяться, что меня не будутъ считать среди суетныхъ и бурныхъ умовъ, которые полагаютъ, что народы могутъ усовершенствоваться лишь при помощи переворотовъ, и не могутъ различить судебъ новаго народа, призваннаго къ великой будущности,

отъ судебъ старыхъ обществъ, которымъ осталось гибельно окончить свое долгое поприще? Могу ли я надѣяться, что строгое запрещеніе, наложенное на меня, какъ на писателя, коего рѣчь не можетъ быть терпима, со временемъ отмѣнится и мнѣ будетъ позволено продолжать скромное дѣло, которое, я полагалъ, не только не препятствуетъ видамъ правительства, но напротивъ служитъ ему по мѣрѣ моихъ слабыхъ способностей? Я не могу сомнѣваться въ справедливости моего Государя; я не могу думать, что, найдя въ выраженіи моихъ взглядовъ что либо несоотвѣтственное, заслуживающее исправленія, онъ обрушится на меня удручающею тяжестью своего порицанія. Напротивъ, отказаться навсегда отъ надежды получить свободу взяться снова за перо—значитъ не знать благородной души Его Величества и его благосклоннаго покровительства литературѣ. Вы же, ваше превосходительство, соблаговолившіе такъ милостиво прійти мнѣ на помощь, примите мою глубокую и живую благодарность.

Не знаемъ, дошло ли до Государя это письмо, написанное конечно, такъ сказать, подъ диктовку самаго Киреевскаго, оставшагося въ теченіи всей своей дальнѣйшей дѣятельности вѣрнымъ тому, что̀ здѣсь изложено. П. Б.

БЕНКЕНДОРФОВСКІЕ „ШАЛУНЫ".

(Черты изъ Николаевскаго времени).

I.

На первыхъ же словахъ спѣшимъ предупредить читателя, что сообщаемыя здѣсь „историческія черты" отнюдь не основаны на однихъ лишь преданіяхъ, которыя, съ теченіемъ времени, видоизмѣняясь, утрачиваютъ въ большей или меньшей степени свою достовѣрность. Напротивъ, здѣсь воспроизводится только архивно-лѣтописный разсказъ, имѣющій значеніе непреложной истины. Чего же ради настоящая статья озаглавлена именно такъ, а не иначе, это мы сейчасъ увидимъ, если перенесемся за 65 лѣтъ назадъ, когда во главѣ неявной полиціи стоялъ знаменитый (тогда еще не графъ) Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, а министромъ народнаго просвѣщенія былъ свѣтлѣйшій князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. Нашъ архивный лѣтописецъ въ своихъ тлѣющихъ документахъ, не мудрствуя лукаво, доказываетъ, во первыхъ, суровость свѣтлѣйшаго князя Ливена и во вторыхъ, благодушіе Бенкендорфа, тогда какъ роли двухъ названныхъ Русскихъ Нѣмцевъ, по свойству занимаемыхъ ими должностей, должны-бы, кажется, играться совсѣмъ иначе: въ слѣдующей траги-комедіи Бенкендорфу было-бы естественнѣе явиться въ видѣ строгой Немезиды, а князю Ливену надлежало-бы изобразить добродѣтельнаго библейскаго отца, прощающаго своего блуднаго сына.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, правдивая архивно-лѣтописная исторія „шалуновъ". Подъ ними-же нашъ лѣтописецъ, вмѣстѣ съ А. Х. Бенкендорфомъ, разумѣетъ не иныхъ кого либо, какъ студентовъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища, да еще одного Ярославскаго актера.

Былъ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ 1829—1830 года. Въ Ярославлѣ, на родинѣ Русскаго театра, давалась какая-то комедія; въ ней лицедѣйствовалъ нѣкто Московскій мѣщанинъ Гуськовъ, по сценѣ Виноградскій, пользовавшійся большимъ расположеніемъ мѣстнаго образованнаго „юношества", иначе сказать студентовъ Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища (такъ назывался тогда нынѣшній Демидовскій Юридическій Лицей). Необходимо замѣтить, что это юношество было уже великовозрастное, хорошо знакомое съ треволненіями жизни сей; а потому неудивительно, что оно воспользовалось, послѣ спектакля, гостепріимствомъ названнаго актера, который устроилъ у себя маленькую холостую пирушку. И хозяинъ, и гости—нечего грѣха

тантъ — изрядно выпили, а, выпивши, „въ разнообразное настроеніе духа пришли, смотря по темпераменту": одни стали распѣвать святочныя пѣсни, другіе занялись декламаціей произведеній Василія Львовича Пушкина, обезсмертившаго себя своимъ „*Опаснымъ Сосѣдомъ*"; наконецъ, остальные гости, въ числѣ коихъ находились студенты Иванъ Лебедевъ, Николай Скородумовъ и Константинъ Кернкорсъ, умилились и до слёзъ дошли. Оплакивали они, между прочимъ, свое житье-бытье студенческое, при чемъ и нечистаго духа діавола вспомянули: „Чортъ знаетъ, чему насъ учатъ! Даже, кажется, начнутъ вскорѣ учить какой-то фортификаціи"..*) Вполнѣ естественно, что нетрезвая рѣчь, коснувшись фортификаціи, отъ Ярославскихъ укрѣпленій XVII вѣка (башенъ, устроенныхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ), перескочила къ твердынямъ, недавно завоеваннымъ у Турокъ Русскимъ побѣдоноснымъ воинствомъ, а затѣмъ таже рѣчь, въ силу своей пьяненькой инерціи, пошла далѣе. Актеръ Виноградскій заявилъ студентамъ, что плакать и унывать добрымъ Русскимъ молодцамъ не подобаетъ, и что хотя онъ плебей, Московскій мѣщанинъ, „по происхожденію", но едва-ли уступитъ Забалканскому графу Дибичу, если дѣло коснется взятія штурмомъ одного изъ Ярославскихъ гаремовъ, охраняемыхъ не евнухомъ-Туркомъ, а, просто-на-просто Россійскою солдаткой Катериной Кучиной...

— А живетъ-де сія дама изъ Амстердама (такъ соблазнялъ „неопытныхъ юношей" Ярославскій комикъ) вмѣстѣ съ дѣвами. А дѣвы сіи не на одинъ-де грошъ не уступятъ гуріямъ Магометовскаго рая. А по своей профессіи онѣ-де отнюдь не записныя „гуріи": честныя швеи, всякаго рода бѣлье, и мужское, и женское, своими хорошенькими пальчиками шьютъ. И особливо благолѣпны между гуріями двѣ особы: крестьяночка Ѳеклуша, по батюшкѣ Ивановна, да мѣщаночка Паша Бабарыкина... Поѣдемъ, господа, къ нимъ въ гости!

— Отлично! Поѣдемъ всѣ на одномъ возницѣ! согласился первый изъ студентовъ, Иванъ Лебедевъ.

— Быть по сему! рѣшила вся компанія и, оглашая отдаленныя улицы града Ярославля „пѣніемъ вакхическихъ гимновъ, впрочемъ, отнюдь не противугосударственнаго содержанія", пріѣхала въ одинъ домъ: отказъ! Постучались въ другой: „Можно войти?"—„Милости просимъ!" Затѣмъ послѣдовало угощеніе „бѣлымъ виномъ", окончательно отуманившимъ молодыя головы, и владѣльцы сихъ головъ, „произведя шумство", очнулись только на другое утро въ полицейскомъ клоповникѣ. Никакого другого кровопролитія, кромѣ учиненнаго кровожадными насѣкомыми, не воспослѣдовало. Студенты, искусанные паразитами, получили свободу и, вѣроятно питали надежду, что дѣло кончится пустячками, въ видѣ карцера; но... случилось иначе.

---

*) Въ 1831 г. императоръ Николай I, посѣтивъ Демидовское училище, нашелъ, что студенты его нуждаются въ „военной выправкѣ", и приказалъ одному изъ штабъ-офицеровъ обучать ихъ фронтовой службѣ и ружейнымъ пріемамъ. Наука эта, по свидѣтельству имѣющихся у насъ документовъ, вскорѣ достигла блестящихъ результатовъ, и преподаватель ея получилъ высочайшую награду. *Л. Т.*

Надо замѣтить, что мѣстныя губернскія власти не придали существеннаго значенія этой исторіи, потому-ли, что отнесли ее къ обычнымъ явленіямъ тогдашней студенческой жизни, или потому, что щадили молодыхъ людей—неизвѣстно. Обѣ Ярославскія полиціи, т. е. явная и находившаяся въ вѣдѣніи Бенкендорфа, промолчали о похожденіяхъ четырехъ гулякъ. Хотя по Ярославлю и ходилъ слухъ, будто-бы студентъ Лебедевъ дозволилъ себѣ непочтительный поступокъ съ портретами покойнаго императора Александра I-го и Наслѣдника Цесаревича, однако этотъ слухъ, какъ увидимъ, былъ ложный, неподтвержденный никѣмъ изъ свидѣтелей и свидѣтельницъ. Не смотря на то, минуя и Бенкендорфа, и министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, слухъ сей дошелъ до свѣдѣнія князя Ливена. Только отъ послѣдняго и узналъ Закревскій, что онъ, министръ народнаго просвѣщенія, обратился съ личнымъ докладомъ къ императору Николаю I-му о похожденіяхъ Ярославскихъ студентовъ и актера, вслѣдствіе чего и послѣдовало предписаніе на имя Ярославскаго губернатора, отъ слова до слова гласившее такъ:

„Студенты Ярославскаго Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища Иванъ Лебедевъ, Николай Скородумовъ и Константинъ Кернкорсъ, будучи завлечены актеромъ въ непотребный домъ, напились тамъ пьяны. Первый изъ нихъ, Лебедевъ, какъ по слѣдствію значится, въ домѣ семъ оказалъ разныя буйства и, сверхъ того, снявъ со стѣны двѣ картины, изображающія портреты въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра I-го и Государя Наслѣдника, бросилъ ихъ, будто-бы, на полъ, въ чемъ, однокожъ, при слѣдствіи не сознался.

„О происшествіи семъ *министромъ народнаго просвѣщенія*, г. генераломъ отъ инфантеріи, княземъ Ливеномъ, *доведено было до свѣдѣнія Государя Императора*, и Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ:

„*Актера, завлекшаго въ непотребный домъ трехъ вышепоименованныхъ студентовъ, отдать въ солдаты, а студента Лебедева, за дурную его нравственность, опредѣлить рядовымъ на правѣ вольноопредѣляющихся, поручивъ ихъ лично надзору командира четвертаго корпуса генерала Савоини.*

„Князь Ливенъ о исполненіи сего высочайшаго повелѣнія сообщилъ по принадлежности г. управляющему главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества, и о сдачѣ въ военное вѣдомство студента Лебедева, предложивъ г. попечителю Московскаго учебнаго округа относиться ко мнѣ объ учиненіи распоряженія касательно упомянутаго актера.

„О таковомъ отношеніи г. министра народнаго просвѣщенія увѣдомляя ваше превосходительство, поручаю вамъ учинить немедленно надлежащее распоряженіе о сдачѣ означеннаго актера въ военное вѣдомство и о послѣдующемъ донести мнѣ неукоснительно.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ *Закревскій*“ *).

---

*) Предписаніе отъ 31-го Января 1830 г., за № 179. Замѣчательно, что здѣсь осужденный актеръ (Виноградскій-Гуськовъ) не названъ по фамиліи, и что какъ онъ, такъ и студенты кутили вовсе не *тамъ*, гдѣ обозначилъ кн. Ливенъ въ своемъ докладѣ: кутежъ происходилъ въ частномъ домѣ, не носившемъ извѣстнаго оффиціальнаго названія. Иначе

Само собою разумѣется, что Ярославская губернская администрація не замедлила исполнить высочайшее повелѣніе; оно было получено изъ Петербурга 10-го Февраля, и въ тотъ-же самый день Ярославское Губернское Правленіе занесло въ свой журналъ слѣдующее постановленіе.

„*Слушали* предложеніе исправляющаго должность гражданскаго губернатора, г. вице-губернатора и кавалера, за № 950, при которомъ препровождаетъ, для учиненія должнаго распоряженія, копію съ полученнаго на имя г. начальника губерніи отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 31-го минувшаго Генваря, за № 179, предписанія съ изъясненіемъ высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія объ отдачѣ актера здѣшняго театра (Виноградскаго) въ солдаты, а студента Лебедева, за дурную нравственность, опредѣлить рядовымъ на правѣ вольноопредѣляющагося. *Приказали*: Ярославской градской полиціи предписать указомъ, дабы бывшихъ актера Виноградскаго и студента Лебедева, для объявленія послѣдовавшей объ нихъ высочайшей воли, представила сего-же числа въ Губернское Правленіе и, по объявленіи оной, перваго изъ нихъ, для принятія въ военную службу, отослала въ Ярославское рекрутское присутствіе, а послѣдняго къ командиру Ярославскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, при сообщеніяхъ, съ изъясненіемъ въ оныхъ изъ производства слѣдующаго (?) и съ требованіемъ о послѣдующемъ увѣдомленій. О чемъ Совѣтъ Ярославскаго Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища увѣдомить“.

Такимъ образомъ, и шести недѣль не прошло со времени совершенія „шалости“, какъ уже два „шалуна“ взяты были на царскую службу, одинъ—со студенческой скамьи, на которой онъ слушалъ, вѣроятно, очень умную и ученую лекцію, а другой—изъ театра, гдѣ ему, злополучному комику, пришлось тогда репетировать какую-нибудь развеселую роль.

Первый изъ нихъ, т. е. студентъ Лебедевъ, покорился своей участи безпрекословно, актеръ-же Виноградскій обратился съ мольбою о помилованіи. Какія обстоятельства онъ разъяснялъ въ своемъ прошеніи, чѣмъ оправдывался, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что просьба его не имѣла успѣха; ибо свѣтлѣйшій князь Ливенъ настойчиво желалъ казнить „мудрость“ въ лицѣ вовсе не мудраго, а самаго зауряднаго актерика, вѣроятно, полагая, что и сей послѣдній, какъ сценическій исполнитель литературныхъ произведеній, все-таки до нѣкоторой степени подлежитъ его просвѣщенному вѣдомству. Въ доказательство, что наше предположеніе основано не на однѣхъ догадкахъ, приводимъ „отношеніе“ статсъ-секретаря Лонгинова на имя Ярославскаго губернатора Полторацкаго *):

„Покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать, чрезъ кого слѣдуетъ, объявить съ подпискою жительствующему въ Ярославлѣ, быв-

полиція не допустила-бы имѣть *тамъ* тѣ портреты, о коихъ докладывалъ Николаю I его министръ, сославшійся на какое-то „слѣдствіе“, намъ неизвѣстное. Не было-ли оно произведено учебнымъ Ярославскимъ начальствомъ?—Вопросъ! *Л. Т.*

*) Отъ 15 Мая 1830 г., № 1869.

шему Московскому мѣщанину, а нынѣ солдату Виноградскому-Гуськову, что по всеподданнѣйшему его прошенію объ освобожденіи его изъ военной службы, въ которую (онъ) назначенъ по высочайшему повелѣнію, *по сдѣланному о немъ донесенію министромъ народнаго просвѣщенія*, коммиссія о принятія прошеній заключила ему *отказать*, за означеннымъ высочайшимъ повелѣніемъ". Отсюда слѣдуетъ, что мольба одного изъ „шалуновъ" вовсе не доходила до высоты престола. Статсъ-секретарь Лонгиновъ не дерзнулъ противорѣчить министру изъ-за такой „ничтожности", какою въ глазахъ двухъ столичныхъ сановниковъ былъ провинціальный актеръ...

Но какое-же участіе принималъ въ этомъ трагикомическомъ дѣлѣ третій сановникъ, А. Х. Бенкендорфъ, и какъ онъ смотрѣлъ на него? Вотъ вопросъ, который легко разрѣшается слѣдующимъ лаконическимъ письмомъ Бенкендорфа, обращеннымъ къ Ярославскому губернатору *):

„Милостивый государь Константинъ Марковичъ! Покорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить меня, какое послѣдовало въ Ярославскомъ Уѣздномъ Судѣ рѣшеніе по дѣлу о *шалости* студентовъ Демидовскаго училища, Лебедева, Скородумова и Кернкорса, и актера Виноградскаго?

Бенкендорфъ".

Итакъ, въ глазахъ строгаго начальника государственной полиціи означенное дѣло казалось не болѣе, какъ „шалостью": и студенты, и актеръ, по взгляду Бенкендорфа (нѣкогда привезшему изъ Парижа къ намъ славную мамзель Жоржъ) являлись не преступниками, а шаловливою молодежью, которую если и слѣдовало наказать за баловство, то, во всякомъ случаѣ, мягко и притомъ законнымъ образомъ, а не тѣмъ „упрощеннымъ способомъ", къ какому прибѣгнулъ кн. Ливенъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ, т. е. о докладѣ министра императору Николаю Павловичу, Бенкендорфъ узналъ слишкомъ поздно. Иначе, зачѣмъ-бы онъ сталъ спрашивать: какъ Ярославскіе судьи рѣшили дѣло о „шалунахъ?" Несомнѣнно также, что въ этомъ дѣлѣ не заключалось ничего оскорбительнаго для высочайшихъ особъ, имена которыхъ почему-то значились въ министерскомъ „докладѣ". Въ противномъ случаѣ, развѣ Бенкендорфъ отнесся-бы такъ снисходительно къ одному изъ „шалуновъ", будто-бы бросившему на полъ портретъ Царственнаго Юноши?

Къ сожалѣнію, перерѣшать судьбу Виноградскаго и Лебедева, за состоявшимся о нихъ высочайшимъ повелѣніемъ, было уже немыслимо, и только относительно Скородумова и Кернкорса, предложенный Бенкендорфомъ вопросъ оказался своевременнымъ и благодѣтельнымъ. Ярославскіе криминалисты, засѣдавшіе какъ въ Уѣздномъ Судѣ, такъ и въ Уголовной Палатѣ, были настолько прозорливы, что вникли въ „тонъ" письма Бенкендорфа къ губернатору и . . . оправдали двухъ „шалуновъ!".

Рѣшеніе Уголовной Палаты, утвержденное губернаторомъ, любопытно и по существу, и по юридическому языку.

---

*) Отъ 22-го Февраля 1830 г., № 735.

„Понеже (читаемъ въ этомъ приговорѣ) подсудимые, студенты Демидовскаго училища Скородумовъ и Кернкорсъ, въ соучастіи съ бывшимъ студентомъ Иваномъ Лебедевымъ въ произведенномъ симъ послѣднимъ буйствѣ не сознались, а въ томъ ни отъ Кучиной извѣта на нихъ не послѣдовало, и ни Лебедевымъ, ни Виноградскимъ они не оговорены, да и въ поведеніи одобрены:—то ихъ, Скородумова и Кернкорса, отъ суда и слѣдствія освободить. А какъ сами они показываютъ, что съ вышеупомянутыми Лебедевымъ и Виноградскимъ, въ 10 часовъ вечера, нанятому извозчику приказали везти себя въ домъ извѣстныхъ тому извозчику женщинъ, для препровожденія времени, для чего и привезены были онымъ извозчикомъ въ квартиру солдатки Кучиной, почему имъ, Скородумову и Кернкорсу, строго подтвердить, чтобы впредь отъ подобныхъ сообществъ удалялись и для препровожденія времени, по ночамъ, въ подобные дома входить удерживались подъ опасеніемъ неминуемаго поступленія по всей строгости законовъ".

Затѣмъ, въ рѣшеніи палаты содержится еще слѣдующій приговоръ, касающійся уже не студентовъ, а тѣхъ гурій, которыя ихъ соблазнили. „Поелику-же изъ дѣла видно, что помянутые студенты велѣли извозчику везти себя въ домъ такихъ женщинъ, которыя принимаютъ всякаго для препровожденія времени, и были привезены начально ко двору дѣвки г. Тихомирова, Аграфены Ивановой, которая проживаетъ въ домѣ вахмистра Петрова, якобы для пріисканія себѣ, по способностямъ, должности, по ею впущены не были, а потомъ пріѣхали къ солдаткѣ Катеринѣ Кучиной, подошли къ самымъ дверямъ и, постучавшись, спросили: „Можно-ли войти?" Когда-же получили отвѣтъ, что „можно", то взошли въ покой, гдѣ, кромѣ Кучиной, находились молодыхъ лѣтъ мѣщанка Прасковья Бабарыкина и вольноотпущенная отъ помѣщицы Зезевитовой дѣвка Өекла Иванова, изъ коихъ одна потребовала отъ Кучиной бѣлагѡ вина, коимъ и студентовъ подчивала. Означенныя Бабарыкина и Иванова хотя и показываютъ, что онѣ занимаются шитьемъ бѣлья и прочимъ рукодѣльемъ, свойственнымъ женскому полу, но такимъ показаніямъ ихъ, изъ-за вышеприписанныхъ обстоятельствъ, полной вѣры дать невозможно безъ особеннаго о настоящемъ образѣ жизни ихъ и поведеніи изслѣдованія; почему здѣшней градской полиціи предписать, чтобы о сихъ обстоятельствахъ, учинивъ аккуратнѣйшее изысканіе и потомъ произведя формальное слѣдствіе, отослала оное дѣло куда слѣдуетъ, и притомъ строжайше оной полиціи подтвердить, чтобы впредь за подобными служащими для соблазна женщинами имѣла неослабное наблюденіе, подъ опасеніемъ отвѣтственности по законамъ".

Дальнѣйшая судьба „шалуновъ" и „шалуній" намъ неизвѣстна

II.

Другой „шаловливый" случай произошелъ почти одновременно съ первымъ, т. е. въ томъ-же 1830 году, но уже не въ отдаленныхъ, глухихъ улицахъ Ярославля, а въ Петербургѣ—на Морской. Тамъ героями-„шалунами" явились уже не маленькіе люди; то была столичная „золотая молодежь", въ жилахъ которой бурлила и „шалила" родовитая кровь..

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны подробности этого дѣла, обратившаго на себя особенное вниманіе императора Николая Павловича. Думаемъ, что ихъ слѣдовало-бы извлечь изъ-подъ спуда архивныхъ бумагъ во всей ихъ полнотѣ; ибо воспоминанія о „шалостяхъ", случившихся назадъ тому 65 лѣтъ, никого не могутъ оскорбить, а между тѣмъ, безъ сомнѣнія, въ нихъ найдутся очень любопытныя бытовыя черты, характеризующія столичную молодежь того времени. Воспользуемся тѣмъ, что̀ даютъ наши рукописные, далеко неполные, матеріалы. Изъ нихъ видно слѣдующее.

Въ 1830 году въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій служилъ нѣкто молодой дворянинъ Сергѣй Романовъ (Serge de Romanoff). Это былъ господинъ веселаго нрава, любилъ выпить въ дружеской компаніи лишній бокалъ Шампанскаго, не чуждаясь также и самыхъ плебейскихъ напитковъ. Да и другія „шалости" за нимъ водились: Романовъ, иногда, позволялъ себѣ „произносить неприличныя рѣчи противъ правительства" и распѣвалъ ночью, ходя по Петербургскимъ улицамъ, разныя пѣсни эротическаго содержанія; ибо онъ былъ однимъ изъ почитателей нескромной музы Полежаева, также и Пушкинскаго „Царя Никиту", родившаго сорокъ дочерей, весьма уважалъ, въ чемъ онъ (Serge de Romanoff) и принесъ чистосердечное раскаяніе предъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ, который пригласилъ его къ себѣ на пріятную аудіенцію. Бенкендорфъ, въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ Романову, задалъ и такой:

— А были вы, господинъ Романовъ, свидѣтелемъ того, какъ князь Голицынъ, вашъ пріятель, разбивалъ окна въ домахъ на Морской? — Былъ, ваше высокопревосходительство.—Хорошо, что не запираетесь... А есть у васъ, молодой человѣкъ, родители?—Есть старушка-мать, живетъ въ Москвѣ. Пощадите меня, хоть ради ея, ваше высокопревосходительство!—Все будетъ зависѣть отъ воли Императора. За одно могу ручаться, что значеніе вашихъ „шалостей" не преувеличится мною при докладѣ Государю о вашемъ дѣлѣ. Надѣюсь, что онъ поступитъ съ вами милостиво...

И, дѣйствительно, Бенкендорфъ сдержалъ свое слово: онъ не разукрасилъ (подобно князю Ливену) „шалость" молодого человѣка, не придалъ ей значенія чего-то „анархическаго". Пѣвецъ, громогласно распѣвавшій въ столицѣ „Царя Никиту", оказался не демагогомъ, зараженнымъ зловредными идеями 30-го года, а просто-на-просто Россійскимъ дворянчикомъ-кутилой, пылъ котораго надлежало нѣсколько охладить... И онъ былъ охлажденъ отправленіемъ Романова, послѣ переписки между Бенкендорфомъ и статсъ-секретаремъ Д. Н. Блудовымъ въ Архангельскъ.

„Господинъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, читаемъ въ нашихъ бумагахъ *), по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію отъ 30-го Ноября 1830 г., сообщилъ господину исправляющему должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій о

*) Отношеніе исправляющаго должность Архангельскаго гражданскаго губернатора Огарева, отъ 23 Февраля 1832 г., за № 413, къ Ярославскому губернатору Полторацкому.

доведеніи его высокопревосходительствомъ (т. е. А. Х. Бенкендорфомъ) до свѣдѣнія Государя Императора, что служившій въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій дворянинъ Романовъ, въ сообществѣ съ молодыми людьми предосудительнаго поведенія, посѣщалъ публичныя мѣста и, употребляя безъ мѣры крѣпкіе напитки, позволялъ себѣ неприличныя рѣчи противъ правительства, ходилъ въ позднее время по улицамъ столицы, пѣлъ съ товарищами разныя непристойныя пѣсни и былъ свидѣтелемъ, какъ князь Петръ Голицынъ выбилъ камнемъ окна въ домѣ на Морской.

„Его Императорское Величество, принявъ во всемилостивѣйшее отеческое вниманіе молодыя лѣта Романова, откровенное его признаніе и чистосердечное раскаяніе, высочайше повелѣть соизволилъ: отправить его, въ сопровожденіи жандарма, къ Архангельскому гражданскому губернатору, съ тѣмъ, чтобы онъ опредѣлилъ Романова на службу, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, дабы такимъ образомъ открытъ былъ сему потерявшемуся молодому человѣку способъ усерднымъ впредъ служеніемъ и исправнымъ поведеніемъ загладить пятно, коимъ онъ себя помрачилъ, и удостоиться воззрѣнія (sic) правительства".

И вотъ, Петербургскій, „шалунъ", распѣвавшій непристойныя пѣсни, очутился подъ Архангельскимъ, еще болѣе суровымъ небомъ. Онъ былъ зачисленъ въ штатъ Архангельскаго Губернскаго Правленія, съ причисленіемъ, для служебныхъ занятій, въ губернаторскую канцелярію. Тамъ, мало-по-малу, „шалунъ" сталъ „остепеняться"; онъ уже не упражнялся, какъ въ Петербургѣ, по ночамъ, въ запретныхъ пѣснопѣніяхъ и проклиналъ свое вокальное искусство, которое привело или, вѣрнѣе сказать, привезло его на берега Сѣверной Двины съ „попутчиками" въ голубыхъ мундирахъ. Жалованья Романовъ не получалъ. У него не было даже надежды, что участь его вскорѣ измѣнится къ лучшему: Архангельскій губернаторъ получилъ отъ управлявшаго Министерствомъ Юстиціи, секретное отношеніе съ сообщеніемъ высочайшей воли, чтобы „высланный, за предосудительное поведеніе, на службу въ Архангельскую губернію, дворянинъ Сергѣй Романовъ не былъ производимъ, по выслугѣ лѣтъ, въ чины, ни уволенъ отъ службы безъ особаго на то разрѣшенія Государя Императора"...

Такъ прошелъ годъ—тоскливый, мучительный годъ—для „шалуна", забытаго всѣми, кромѣ старушки-матери, да еще... Бенкендорфа. Участіе первой, выражаемое въ письмахъ къ сыну (конечно, приходившихъ къ нему чрезъ губернаторскія руки), вполнѣ естественно и не нуждается въ объясненіяхъ; но участіе второго—черта историческая, такая черта, которая, быть-можетъ, доказываетъ справедливость анекдота о бѣломъ платкѣ, данномъ Бенкендорфу Николаемъ I-мъ, вмѣсто „письменной инструкціи" для управленія Третьимъ Отдѣленіемъ. „Утирай моимъ платкомъ слёзы несчастныхъ людей. Возьми его себѣ на память. Вотъ тебѣ и вся инструкція", будто бы сказалъ Николай I-й *).

---

*) „Русскій Архивъ", 1889 г., II, стр. 398.

И Бенкендорфъ не злоупотребилъ этимъ оригинальнымъ „документомъ“, по крайней мѣрѣ, относительно царскаго однофамильца. 22 Января 1831 г. онъ выразилъ Архангельскому губернатору свою надежду, что Романовъ исправляется, и просилъ не замедлить отвѣтомъ, который, конечно, былъ самый одобрительный: „ведетъ себя сей молодой дворянинъ очень хорошо и вполнѣ прилично своему званію“. Заручившись такой рекомендаціей, Бенкендорфъ доложилъ о ней Императору, прося смиловаться надъ „шалуномъ“, если не вполнѣ, то хотя отчасти, а именно — отправить его поближе къ Москвѣ, напримѣръ, въ Ярославль... Но послѣдовала высочайшая резолюція: „Еще рано, повременить!“

Затѣмъ еще прошло полгода. „Шалунъ“, измученный физически и нравственно, рѣшился, наконецъ, обратиться къ шефу жандармовъ со своей мольбой-слезницей и получилъ отъ А. Х. Бенкендорфа собственноручный отвѣтъ: фактъ, по нашему мнѣнію, незаурядный, особенно если принять во вниманіе разницу между служебнымъ и общественнымъ положеніемъ обоихъ корреспондентовъ. Съ одной стороны былъ жалкій дворянинъ, безъ вліятельной протекціи, да къ тому же нашалившій не гдѣ-нибудь въ провинціи, а въ столицѣ; съ другой стороны — вершитель судебъ ссыльнаго люда, могущественный Бенкендорфъ... „Дистанція огромнаго размѣра“... И все-таки Бенкендорфъ перешелъ эту „дистанцію“, спустился изъ Петербургскихъ палатъ въ Архангельскую трущобу съ рѣчью на Французскомъ языкѣ...

Къ сожалѣнію, этой переписки у насъ не имѣется, но что она существовала, это внѣ всякаго сомнѣнія. Иначе, не осмѣлился бы Романовъ, впослѣдствіи, въ другомъ письмѣ къ Бенкендорфу, напоминать о себѣ въ слѣдующихъ, глубоко прочувствованныхъ словахъ: „Voici trois ans que j'eus l'irréparable malheur de mériter le blâme de l'autorité et la punition qui le suivit. Renvoyé d'abord à Arkhangelsk, je me suis trouvé pendant seize (16) mois employé à la chancellerie du gouverneur civil, mais ne recevant ni gages, ni logement. Un entier dénuement et la plus complète misère me firent expier, mieux que le châtiment même, les fautes de mon étourderie bien involontaire. J'eus alors l'honneur de m'adresser à votre excellence, suppliant d'être passé au service militaire ou du moins j'espérai mériter au prix de mon sang un pardon que j'ose à présent attendre de la générosité suprême de Sa Majesté Impériale et de votre puissante intercession. *Vous me fites l'honneur de me répondre, monsieur le comte, et votre lettre, que je conserverai toute ma vie, m'a encouragé maintenant à importuner votre excellence*“... (Вотъ уже три года, какъ я имѣлъ несчастіе заслужить порицаніе правительства и послѣдовавшее за нимъ наказаніе. Отправленный сначала въ Архангельскъ, я служилъ тамъ въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ въ канцеляріи гражданскаго губернатора, не получая ни жалованья, ни квартиры. Совершенная бѣдность и даже полная нищета заставили меня, сильнѣе чѣмъ самое наказаніе, искупить вину моего совсѣмъ невольнаго легкомыслія. Тогда я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, умоляя о переводѣ меня въ военную службу, гдѣ я, по крайней мѣрѣ, надѣялся заслужить цѣною моей крови то проще-

ніе, котораго я теперь осмѣливаюсь ожидать отъ высочайшаго великодушія Его Императорскаго Величества и отъ вашего могущественнаго заступничества... Вы, графъ, сдѣлали мнѣ честь отвѣтить мнѣ, и ваше письмо, которое я сохраню въ продолженіе всей моей жизни, дало мнѣ смѣлость и теперь обезпококоить ваше сіятельство).

Но Николай I-й не пожелалъ создать изъ канцелярскаго чиновника плохого солдата и на этотъ разъ ограничилъ свое милосердіе тѣмъ, что „всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ перевесть его на службу въ Ярославль подъ надзоръ тамошняго гражданскаго губернатора, съ дозволеніемъ съѣздить въ Москву, для свиданія съ его (Романова) старушкой-матерью“ [1]).

Долго ли продолжалось это свиданіе, не знаемъ; намъ только извѣстно, что Романовъ въ Ярославлѣ, какъ и въ Архангельскѣ, велъ жизнь самую безотрадную, полную лишеній. Онъ могъ лучше, чѣмъ другая молодежь, съ которою онъ раздѣлялъ наказаніе, оцѣнить то, чего лишился, и понять ту бездну, въ которую палъ. Эта молодежь, благопріятствуемая судьбою, все-таки жила въ довольствѣ, имѣла средства доставлять себѣ возможныя развлеченія, которыя, хотя отчасти, вознаградили за испытываемое ею горе. Затѣмъ, сравнивая свое положеніе съ судьбою другихъ товарищей по ссылкѣ, Романовъ взывалъ къ графу Бенкендорфу такъ: „...Mais moi, monsieur le comte, jugez vous-même: arrivé, dans une ville [2]) où je ne connaissais personne, présenté sous le jour le plus défavorable, bientôt la publicité d'un crime, que je jure devant Dieu n'avoir jamais commis, par a voie de tous les journaux de l'Empire [3]), vint de chaque inconnu me faire un ennemi; joignez à ceci la nécessité sans cesse renaissante et le manque total des moyens d'y subvenir, alors votre excellence aura un exposé fidèle de ce que j'ai enduré depuis trois ans“. (Что же меня касается, то судите, графъ, сами: я прибылъ въ городъ, гдѣ никого не зналъ, представленный въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, и вскорѣ опубликованіе путемъ всѣхъ газетъ Имперіи о преступленіи, котораго, клянусь Богомъ, я никогда не совершалъ, обратило всѣхъ этихъ незнакомцевъ въ моихъ враговъ. Присоедините къ этому все возрастающую нужду и совершенную невозможность удовлетворить ее, и тогда, ваше сіятельство, вы будете имѣть вѣрное изображеніе того, что̀ я претерпѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ).

Письмо оканчивается благодарностью Романова Бенкендорфу за принятіе участія въ его судьбѣ. Переводъ изъ Архангельска въ Ярославль, гдѣ губернаторствовалъ К. М. Полторацкій, человѣкъ образованный и добрый, „осыпавшій милостями и попеченіемъ“ ссыльнаго молодого человѣка, конечно, былъ для него благодѣяніемъ, но далеко неполнымъ: служить безъ опредѣленнаго жалованья, по недостатку денежныхъ средствъ губернаторской

---

[1]) Письмо Бенкендорфа къ Архангельскому губернатору отъ 4-го Февраля 1832 г.

[2]) Здѣсь, конечно, разумѣется Архангельскъ. *Л. Т.*

[3]) Было бы интересно знать, въ какихъ именно газетахъ конца 1830 или начала 1831 г. разсказана „исторія“, въ которой принималъ участіе и нашъ „шалунъ“. Не откликнется ли на этотъ вопросъ кто-либо изъ нашихъ библіографовъ? *Л. Т.*

канцеляріи, было страшно тяжело, о чемъ Романовъ и объяснилъ подробно въ своемъ письмѣ къ гр. Бенкендорфу и закончилъ его такъ: „Pardonnez, votre excellence, si j'ose abuser ainsi de votre attention, mais n'ayant qu'un moyen de rentrer (?) en grâce, je me prosterne à vos pieds, monsieur le comte. Dites un mot, et je pourrai voir des jours plus heureux, servir, et désormais ma vie laborieuse et irréprochable pourra devenir utile un jour à mon Souverain. Depuis longtemps j'espérai que vous daigneriez ne pas rejeter l'humble supplique que j'avais l'intention de vous présenter. Serai-je aussi malheureux que de ne pas mériter cette bonté qui vous fait regarder, monsieur le comte, comme la providence tutélaire de tous les infortunés... (Простите, ваше сіятельство, если я осмѣливаюсь такъ злоупотреблять вашимъ вниманіемъ; но, имѣя только это единственное средство получить помилованіе, я повергаюсь къ ногамъ вашимъ, графъ. Скажите одно слово, и мнѣ можно будетъ увидѣть болѣе свѣтлые дни, можно будетъ служить, и впредъ моя трудолюбивая и безпорочная жизнь можетъ сдѣлаться небезполезною моему Государю. Уже давно я надѣялся, что вы удостоите не отринуть моей покорнѣйшей просьбы, которую я намѣревался вамъ подать. Неужели я буду столь несчастливъ, что не заслужу той милости, которая заставляетъ видѣть въ васъ, графъ, покровительственное провидѣніе для всѣхъ несчастныхъ?).

Такъ писалъ Романовъ 29-го Октября 1833 года графу Бенкендорфу, который не замедлилъ (19-го Ноября того же года) обратиться къ губернатору Полторацкому за справками относительно „шалуна"; губернаторъ-же отвѣчалъ: „Имѣю честь донести вашему сіятельству, что дворянину Сергѣю Романову, находящемуся, согласно высочайшему повелѣнію, подъ надзоромъ моимъ при занятіяхъ въ канцеляріи моей, производить жалованье изъ весьма ограниченнаго оклада, съ уменьшеніемъ онаго у другихъ чиновниковъ, кои *даже и при пособіи изъ собственности моей*, не обезпечиваются достаточно въ содержаніи, я не нахожу возможности. Съ другой стороны, недостаточное состояніе Романова требуетъ непремѣнно производства ему жалованья, коимъ онъ могъ-бы содержать себя. Почему, и имѣя въ виду уваженія сіи, равно и то, что онъ ведетъ себя скромно и прилично званію своему, а по канцеляріи моей надобности въ немъ не настоитъ, я полагалъ-бы, со своей стороны, испросить ему всемилостивѣйшее прощеніе въ прежнихъ проступкахъ и дозволить избрать родъ службы, по способностямъ, такой, гдѣ-бы онъ на должностяхъ могъ получать, по крайней мѣрѣ, нужное для себя жалованье, каковое мнѣніе мое я и представляю на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства. Имѣю честь быть..." и проч. [1]).

Разумѣется, что „шалунъ" Романовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чѣмъ кончатся его житейскія мытарства. Графъ Бенкендорфъ, судя по перепискѣ его съ Архангельскими и Ярославскими властями, а также лично съ самимъ „шалуномъ", былъ уже давно готовъ простить его, но *не могъ* простить: тотъ „историческій платокъ", о которомъ мы уже упоминали, иногда оста-

---

[1]) Отъ 28 Ноября 1833 г., № 7812.

вался безъ употребленія по причинамъ, независившимъ отъ шефа жандармовъ. Нужно было тоже умѣючи, во-время, избирать минуту, чтобы „утирать слезы", которыя иногда, текли по цѣлымъ годамъ... Однако, не смотря на прежнюю резолюцію, графъ Бенкендорфъ снова заступился за бѣдняка, и снова послѣдовала неудача, изложенная въ слѣдующемъ письмѣ [2]).

„Милостивый государь Константинъ Марковичъ! Отношеніе вашего превосходительства отъ 28-го минувшаго Ноября, за № 7812, въ коемъ вы, м. г., представляли о всемилостивѣйшемъ прощеніи состоящаго на службѣ въ канцеляріи вашей дворянина Романова въ прежнихъ его поступкахъ, съ дозволеніемъ ему избрать себѣ соотвѣтственную способностямъ его службу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ получать необходимое для содержанія его жалованье, я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору, но его величество высочайше повелѣть соизволилъ: „Повременить".

„О сей высочайшей волѣ я имѣю честь сообщить вашему превосходительству, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Бенкендорфъ*".

— Опять еще рано! Опять повременить! затосковалъ Сергѣй Романовъ. Когда же будетъ конецъ? Когда послѣдуетъ благодатное слово: освободить? Слово это написано было императоромъ Николаемъ I на докладѣ графа Бенкендорфа въ Октябрѣ 1834 года. „Его Величество, сообщалъ Бенкендорфъ К. М. Полторацкому (15 Окт. 1834, № 385), изъявивъ всемилостивѣйшее прощеніе дворянину Сергѣю Романову, высочайше повелѣть соизволилъ: учрежденный за поведеніемъ его надзоръ прекратить и дозволить ему избрать родъ службы, буде сего пожелаетъ. Увѣдомляя васъ, милостивый государь, о сей монаршей волѣ, для зависящаго отъ васъ къ исполненію оной распоряженія, съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. *графъ Бенкендорфъ*".

Что далѣе случилось съ Романовымъ, намъ неизвѣстно. Можно только съ достовѣрностью предположить, что, слишкомъ дорого поплатившись за свою „шалость", онъ уже больше не „шалилъ" и не прибѣгалъ къ „платку" графа А. Х. Бенкендорфа.

Л. Трефолевъ.

---

[2]) Отъ 30-го Декабря 1833 г., № 5590.

БАБЪ И БАБИДЫ.

Въ 6-й книгѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ нынѣшняго года напечатана небольшая статейка Л. Болотина подъ заглавіемъ: „Персидскіе протестанты“. По поводу трагической кончины шаха Персидскаго, убитаго однимъ изъ представителей секты Бабидовъ, авторъ статьи предлагаетъ вниманію читателей нѣкоторыя, весьма краткія свѣдѣнія относительно этой магометанской секты и, указывая на источникъ, изъ котораго онъ ихъ почерпнулъ, говоритъ, что первое обстоятельное изложеніе исторіи бабидизма, его догматовъ, политической и общественной доктрины принадлежитъ графу Гобинò“... (les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale. Paris, Didier 1865). Затѣмъ г. Болотинъ приводитъ перечень другихъ писателей, давшихъ „краткіе очерки“ исторіи бабидизма, и между прочими упоминаетъ имя Мирзы Касимъ-бека, напечатавшаго свой очеркъ въ „Journal Asiatique“, но не означаетъ года.

Для возстановленія истины, а также и значенія работы покойнаго моего отца, считаю нужнымъ сказать, что подробное изслѣдованіе о Бабѣ и Бабидахъ было имъ напечатано въ 1865 году отдѣльной книгой in 8° подъ заглавіемъ: *Бабъ и Бабиды, религіозно политическія смуты въ Персіи въ 1844—1852 годахъ.* Содержитъ эта книга, кромѣ предисловія: 1) Біографію Баба, 2) историческое изложеніе о Бабидахъ, 3) обзоръ ихъ ученія и, наконецъ, общій алфавитный указатель собственныхъ именъ и техническихъ словъ съ указаніемъ на страницы изданія. Матеріалами для составленія этой исторіи Баба и Бабидовъ служили автору, какъ онъ о томъ заявляетъ въ предисловіи своемъ: „Новѣйшая Исторія Персіи“ Насихуттаваридъ, затѣмъ двѣ записки о Бабидахъ (одна г. Севрюгина, прожившаго болѣе 20 лѣтъ въ Персіи, другая г. Мошнина, бывшаго нашего консула въ Арзерумѣ, находившагося въ Персіи во время гоненія Бабидовъ). Кромѣ того Александръ Касимовичъ пользовался разсказами очевидцевъ изъ Тавриза и Мазандарана, придерживаясь однако тѣхъ только показаній, въ которыхъ не было разногласія.

Превосходное знаніе роднаго языка, законовъ и обычаевъ страны, а также глубокое и широкое пониманіе авторомъ нравственнаго смысла религіи и того значенія, которое она должна имѣть въ исторіи народовъ, при-

даютъ изслѣдованію о Бабѣ и Бабидахъ окраску особой достовѣрности. Книга эта была напечатана въ Петербургѣ (въ типографіи В. И. Майкова) въ началѣ 1865 года, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, затѣмъ переведена авторомъ на Французскій языкъ, а въ 1866 году въ „Journal Asiatique“ появилась подъ заглавіемъ: „Bab et les Babis ou le soulèvement politique et religieux en Perse de 1845 à 1853“. Почему тутъ является разница въ годахъ противъ Русскаго изданія, сказать не могу. Дюга̀ (Dugat) въ своей Histoire des Orientalistes de l'Europe говоритъ объ этомъ трудѣ Мирзы Каземъ-Бека: „Pour donner une idée de l'intérêt qui s'attache aux travaux de l'orientaliste russe, nous allons lui emprunter quelques détails peu connus sur le réformateur Bab, sa doctrine etc.“

. . . И послѣ нѣкоторыхъ выдержекъ изъ исторіи Бабидовъ, Дюга̀ прибавляетъ. Ce qui distingue Kazem-Beg, c'est une connaissance solide des langues et littératures arabe, persane et turque. Il a fait des recherches approfondies sur la jurisprudence musulmane, sur les religions et, ce qui est remarquable chez un Oriental, c'est qu'il n'est étranger à aucune question de haute philosophie; ses idées ont une ampleur surprenante, et ses oeuvres sont empreintes d'un profond amour du progrès. La Russie doit être fière d'avoir de tels hommes dans ses compagnies savantes, et pour l'avancement des études orientales, nous devons désirer qu'elle attire à elle de l'Orient beaucoup de savants d'un mérite aussi élevé (Hist. des Orientalistes de l'Europe. Dugat, стр. 182).

Не имѣя въ рукахъ работы графа Гобино̀, не могу судить о сравнительномъ достоинствѣ двухъ изслѣдованій, но смѣю утверждать, что работу А. К. Мирзы Каземъ-Бека (а не Касимъ-Бекъ) нельзя назвать *Краткимъ очеркомъ*. Весьма желательно, чтобы съ нею были знакомы люди, занимающіеся этимъ предметомъ.

Ольга Баратынская.

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ ИННОКЕНТІЮ.

†

Преосвященнѣйшій владыко, многочтимый братъ о Господѣ.

Простите долгое дреманіе, естьли не неблаговременнымъ найдете пробужденіе.

Узналъ я, что вы намѣрены новый градъ вашъ благословить подобіями древней Московской святыни. Ваша благая мысль возбудила меня, и теперь пробуждается мое слово.

Предоставивъ Алексѣю Ивановичу исполнять порученное вами ему, я поручилъ снять въ Лаврѣ подобіе съ древней иконы преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, и по освященіи новой иконы съ возложеніемъ на его святыя мощи, укрывъ оную, передалъ Алексѣю Ивановичу для препровожденія съ прочими къ вашему высокопреосвященству.

Пріимите, и да пріиметъ градъ Одесса, посѣщеніе и благословеніе преподобнаго Сергія дѣйственное и пребывательное, какъ испытали грады и вѣки. Да растетъ и благоцвѣтетъ градъ сей истиннымъ благочестіемъ и благимъ жительствомъ христіанскимъ; да къ сему и прочія блага приложатся ему.

Съ истиннымъ почтеніемъ и, яже о Господѣ, любовію пребываю вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Москва,
Іюля 27-го 1849.

Упоминаемый въ письмѣ этомъ Алексѣй Ивановичъ—есть Войцеховичъ, служившій тогда въ Синодѣ и имѣвшій значительный вѣсъ въ дѣлахъ его. Когда онъ предпринялъ путешествіе въ Царьградъ, Иннокентій, всячески угостивъ его въ Одессѣ, простился съ нимъ на пристани и немедленно уѣхалъ на свою приморскую дачу. Пароходъ, увозившій Войцеховича, плылъ мимо этой дачи. Иннокентій съ крестомъ въ рукѣ съ высоты берега торжественно благословилъ важнаго паломника.

Письмо митрополита Филарета къ „Россійскому Златоусту" (какъ называлъ Московскій владыка Иннокентія, которому, въ коронованіе императора Александра Николаевича, отвелъ въ Москвѣ для жительства Златоустовскій монастырь), печатается съ подлинника, сохранившагося въ бумагахъ Александра Григорьевича Тройницкаго и за сообщеніе его благодарны мы его сыну, Григорію Александровичу. Въ крестномъ ходу, учрежденномъ по мысли Иннокентія въ память основанія Одессы (22 Августа) предносятся обыкновенно списки съ иконъ, преимущественно чтимыхъ въ Москвѣ. П. Б.

ВОРОНЦОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ южныхъ газетахъ нынѣшняго года помѣщено извѣстіе о томъ, что огромная библіотека графа Строганова, пожертвованная однимъ изъ наслѣдниковъ его Новороссійскому университету, перевозится въ настоящее время въ университетъ и за перевозку ея уплачивается 500 рублей.

Немудрено, что за одну перевозку библіотеки университету приходится платить такія деньги; но дѣло въ томъ, что эта библіотека не графа Строганова, а князя Воронцова. Бывшій Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ еще при жизни своей подарилъ свои книги Томскому университету, Богатый же даръ, поступающій нынѣ въ собственность Новороссійскаго университета, принесенъ ему покойною княгинею Марьей Васильевной Воронцовой ур. княжной Трубецкой († въ Ниццѣ 28 Февраля 1895), вдовою послѣдняго князя Воронцова († 6 Мая 1882) Семена Михайловича (единственный, бездѣтный сынъ фельдмаршала). Университетъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, не принималъ этого дара, такъ какъ право княгини на библіотеку оспаривалось у нея опекунствомъ надъ племянникомъ ея супруга и наслѣдникомъ Воронцовскаго маіората княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Воронцовымъ - графомъ Шуваловымъ. Нельзя не порадоваться, что эта тяжба, наконецъ, окончилась, и высшее учебное учрежденіе нашего Юга получило превосходную библіотеку*), которая собиралась слишкомъ полтора вѣка цѣлымъ рядомъ просвѣщенныхъ людей, каковыми были великій канцлеръ временъ Елисаветы Петровны, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, оба его племянника графъ Александръ (канцлеръ при Александрѣ I-мъ) и Семенъ Романовичи, сынъ сего послѣдняго князь Михаилъ Семеновичъ и его сынъ князь Семенъ Михайловичъ, не щадившій издержекъ на пополненіе и упорядоченіе своего родоваго книгохранилища.

Библіотека эта, помѣщавшаяся въ нѣсколькихъ залахъ прекраснаго Воронцовскаго дома на приморскомъ Одесскомъ бульварѣ, имѣла отлично составленные подвижные на карточкахъ и перечневые въ тетрадяхъ каталоги. Содержаніе ея весьма разнообразно: тутъ и классическіе писатели, и путешествія, книги богословскія и по естественнымъ наукамъ. Мыслью послѣдняго князя Воронцова было привести библіотеку въ наилучшій порядокъ и подарить ее Болгаріи, если тамъ будетъ основанъ университетъ. Но князь Семенъ Михайловичъ не дожилъ до устройства дѣлъ въ новосозданномъ государствѣ.

Можно поздравить Одесскихъ жителей съ такимъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ. Эти „nutrimenta spiritus“ (питалища духа) суть украшеніе и сила городовъ П. Б.

---

*) Любопытно знать получены ли университетомъ и отличныя этой библіотеки шкапы.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Д. В. ИЛЬИНСКАГО.

Эти воспоминанія Севастопольскаго героя и одного изъ лучшихъ Русскихъ людей, какихъ довелось намъ знать, печатались въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 и 1893 гг. Вотъ что̀ писалъ намъ о нихъ достопочтенный дипломатъ, служившій въ Греціи и Турціи и находившійся въ 1854 г. въ Одессѣ: „Воспоминанія эти замѣчательны и увлекательны, какъ правдоподобностью разсказовъ, такъ и глубокимъ уваженіемъ къ памяти героевъ нашихъ, Корнилова, Нахимова, Истомина и др. Но, признаюсь, меня непріятно поразилъ очеркъ или характеристика князя А. С. Меншикова, въ такихъ рѣзкихъ и слишкомъ самоувѣренныхъ отзывахъ. Я очень близокъ былъ къ князю Александру Сергѣевичу, какъ во время его посольства въ Константинополѣ, такъ и въ продолженіе всей Крымской войны, будучи и лично, и перепискою съ нимъ поставленъ въ возможность цѣнить его достоинства и недостатки. У меня до полутораста его собственноручныхъ записокъ и краткихъ резолюцій во время переговоровъ съ Портою. Образцикомъ моихъ съ нимъ отношеній можетъ служить посылаемое вамъ письмо его̀ ко мнѣ. Адмиралъ Корниловъ говорилъ мнѣ о немъ: трудно убѣждать его въ чемъ нибудь, онъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, но почти всегда можно достигнуть этого для пользы дѣла и жертвуя своимъ самолюбіемъ. Исторія со временемъ скажетъ, въ какомъ положеніи находился князь Меншиковъ въ началѣ Крымской войны, какія у насъ были тогда бѣдныя средства для обороны и въ какой беззащитности былъ Севастополь. Во время Крымской войны я находился при князѣ Паскевичѣ, при князѣ Горчаковѣ, при графѣ Сакенѣ (когда бомбардировали Одессу), при графѣ Лидерсѣ, слѣд. много видѣлъ и слышалъ, но такихъ здравыхъ, глубокихъ и свѣтлыхъ сужденій, какъ отъ князя Меншикова, ни отъ кого не слыхалъ“.

Князь Меншиковъ держалъ въ большомъ порядкѣ свои бумаги, но, говорятъ, что по кончинѣ его, постигла ихъ скорбная участь. П. Б.

Письмо князя А. С. Меншикова изъ Севастополя въ Одессу.

Reçu le 30 janvier.

Sévastopol, le 28 janvier 1854.

J'ai reçu exactement vos lettres du 13, 15 et 19; les dernières par Skolkow et la brochure très intéressante de Capefigue que je vous demande la permission de garder jusqu'à la prochaine poste, n'ayant pas eu le loisir de la lire en son entier.

Krabbe est arrivé sain et sauf à Pétersbourg.

Je place ci-près une collection de lettres turques pour les faire passer à leurs destinations. Celle d'Osman-pacha accuse réception de différents objets qu'on lui a envoyés de Constantinople; mais ce n'est

que par prévision, car ils sont encore à la douane d'Odessa. J'ai prié le g-l Fédorow de me les expédier, mais l'occasion de le faire lui aura probablement manquée. Soyez assez bon pour prendre des informations à cet égard; s'il y avait des frais de douane, je suis prêt à les acquitter.

A propos d'Osman-pacha, le Journal d'Odessa № 7 nous a révolté ici contre son rédacteur et le censeur pour avoir inséré une traduction de la lettre d'Aïvasowsky, qui compromet ce malheureux vieillard envers ses compatriotes. C'est une indignité. Si vous pouvez le faire sentir à qui de droit, la marine vous en aura de l'obligation.

Vous savez probablemeni déjà que les Égyptiens acheminés à Pétersbourg ont été renvoyés dans leur patrie sous promesse de ne pas servir contre nous durant cette guerre, et que tous les Chrétiens pris à bord des deux pyroscaphes, y compris les mécaniciens anglais, ont eu la permission de quitter la Russie.

Les quatre vapeurs de guerre, dont deux français et deux anglais' qui se sont montrés devant Théodosie le 19, y ont produit une panique, ainsi qu'à Kertch, qui a fait fuir beaucoup d'habitants de ces deux villes.

Un bâtiment russe sous pavillon toscan, se rendant à Eupatorie pour prende un chargement de blé et que le gros temps a forcé de relâcher à Sévastopol, déclare avoir quitté Constantinople le 19. Tout y était calme à cette date, les flottes combinées avaient repris leur mouillage à Beicos à l'exception de 4 vapeurs qui avaient quittés le Bosphore l'avant-veille, probablement ceux qui sont venus reconnaître la râde de Théodosie. S'ils ont des projets de descente, cette râde pourrait être un objet de convoitise: elle est très approprieé pour une semblable entreprise.

Le «Fury», tout couvert de glaçons, est venu reconnaître l'embouchure de Souline le jour où il a quitté Odessa, mais il a repris le large après une heure d'observation sans communiquer avec la terre.

Hormis les deux points précités les alliés des Turcs ne se sont montrés nulle autre part. Les nouvelles de Soukhoum vont jusqu'au 12 c.

Mille amitiés. Menchikow.

Переводъ.

Получено 30 Января (1854).

Севастополь, 28 Января 1854. Я получилъ исправно письма ваши отъ 13, 15 и 19 (послѣднія со Сколковымъ), а также и очень занимательную книжечку Капфига, которую прошу у васъ позволенія удержать до слѣдующей почты, такъ какъ я не имѣлъ досуга прочитать ее всю.—Краббэ прибылъ въ Петербургъ здравъ и невредимъ. — Прилагаю при семъ пачку Турецкихъ писемъ для доставленія ихъ по принадлежности. Османъ-паша въ

письмѣ своемъ увѣдомляетъ, что онъ получилъ разныя вещи, посланныя ему изъ Константинополя; но это увѣдомленіе преждевременное, такъ какъ вещи еще въ Одесской таможнѣ. Я просилъ генерала Ѳедорова переслать ихъ ко мнѣ; но вѣроятно ему не представилось къ тому случая. Будьте добры, разузнайте о томъ. Если понадобятся таможенныя издержки, я готовъ ихъ уплатить.

Кстати объ Османъ-пашѣ. Въ седьмомъ номерѣ „Одесскаго журнала" помѣщено въ переводѣ письмо Айвазовскаго, бросающее тѣнь на этого бѣднаго старика, въ отношеніяхъ его къ его соотечественникамъ. Мы здѣсь возмущены противъ издателя и цензора. Это гнусность. Если можно, дайте о томъ знать, кому слѣдуетъ; моряки будутъ вамъ за то благодарны.

Вы, вѣроятно, уже знаете, что направлявшіеся въ Петербургъ Египтяне возвращены въ ихъ отечество, давъ обѣщаніе не служить противъ насъ въ теченіи настоящей войны, а также, что христіане, взятые съ двухъ пароходовъ, въ томъ числѣ и Англичане-механики, получили позволеніе уѣхать изъ Россіи.—Четыре паровыя судна (изъ нихъ два Французскихъ и два Англійскихъ), показавшись девятнадцатаго числа передъ Ѳеодосіею, произвели тамъ, а также и въ Керчи, такую панику, что многіе жители повыѣхали изъ обоихъ этихъ городовъ.—Русское судно подъ Тосканскимъ флагомъ, плывшее въ Евпаторію для забора хлѣбнаго груза и вынужденное непогодою пристать у Севастополя, заявляетъ, что оно вышло изъ Константинополя 19 числа, что все тамъ было спокойно, что соединенные флоты снова бросили якорь у Бейкоса, за исключеніемъ четырехъ паровыхъ судовъ, ушедшихъ изъ Босфора наканунѣ того дня; вѣроятно это тѣ самыя, которыя приходили на развѣдку подъ Ѳеодосію. Если у нихъ въ мысляхъ высадка, то Ѳеодосійская пристань для нихъ желательна: она очень удобна для подобнаго предпріятія.—Пароходъ „Фюри", весь обледенѣлый, приходилъ для развѣдокъ въ Сулинское устье въ день, когда онъ вышелъ изъ Одессы, но, простоявъ съ часъ времени и не сообщаясь съ берегомъ, снова ушелъ въ море.—Кромѣ упомянутыхъ двухъ мѣстъ, союзники Турокъ нигдѣ не показывались.—Изъ Сухума послѣднія извѣстія отъ 12 текущаго мѣсяца. Со многою дружбою Меншиковъ.

ПАМЯТИ А. К. ЖИЗНЕВСКАГО.

19 Марта 1896 г. на 76 году жизни тихо скончался въ Твери тайный совѣтникъ Августъ Казимировичъ Жизневскій, управлявшій Тверской Казенной Палатой, предсѣдатель Тверской Ученой Архивной Коммиссіи и членъ разныхъ ученыхъ обществъ. Русская археологическая наука лишилась въ немъ неутомимаго и безкорыстнаго дѣятеля. Кончина его составляетъ горестную утрату для Твери и Тверскаго края. Это былъ человѣкъ высокой честности, энергичный, выдающійся администраторъ, основатель Тверскаго Историко-Археологическаго Музея, полезнѣйшій общественный дѣятель города Твери.

А. К. Жизневскій родился въ 1820 г., въ 1841 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по 2-му отдѣленію философскаго факультета и поступилъ на гражданскую службу въ 1843 г. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опредѣленъ младшимъ помощникомъ секретаря во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената и въ 1845 г. назначенъ и. д. Новгородскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго. Въ 1848 г. министръ юстиціи графъ Панинъ назначилъ его въ составъ особой слѣдственной коммиссіи, учрежденной по высочайшему повелѣнію для производства изслѣдованія въ г. Калугѣ о неоказавшихся послѣ смерти одного дворянина значительныхъ капиталахъ, которые и были открыты коммиссіей. Въ 1849 г. Жизневскій былъ командированъ младшимъ чиновникомъ при сенаторѣ князѣ Давыдовѣ, ревизовавшемъ по высочайшему повелѣнію Калужскую губернію. Въ 1851 г. покойный былъ назначенъ и. д. товарища предсѣдателя Тверской Уголовной Палаты, и въ 1856 г. въ особую слѣдственную коммиссію, учрежденную по высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя Васильчикова 2-го, для дознанія о безпорядкахъ по заготовленію продовольствія для войскъ Крымской и Южной армій и по содержанію госпиталей Южнаго края. Въ 1858 г. получилъ онъ назначеніе Самарскимъ губернскимъ прокуроромъ, а въ 1862 г. переведенъ на такую же должность въ г. Казань и вскорѣ назначенъ предсѣдателемъ Тамбовской Казенной Палаты, откуда въ 1863 г. переведенъ на такую же должность въ Тверь. Какъ одинъ изъ старѣйшихъ и опытнѣйшихъ чиновниковъ, Жизневскій неоднократно былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ и Москву для участія въ совѣщаніяхъ относительно различныхъ мѣропріятій по Министерству Финансовъ. Онъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника; имѣлъ орденъ св. Анны 1 степ. и золотую бриліантами украшенную табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ

высочайшаго имени. Своей опытностью, трудолюбіемъ и честностью онъ подавалъ служившимъ подъ его начальствомъ высокій примѣръ безкорыстнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Онъ умѣлъ узнавать и цѣнить людей, привлекалъ на службу по своему вѣдомству вполнѣ достойныхъ, развивая въ нихъ способности и рвеніе къ службѣ, почему Тверская Казенная Палата считается одной изъ лучшихъ. Строгій и взыскательный по службѣ, онъ относился къ своимъ подчиненнымъ съ чисто-отеческой заботливостью и помогалъ имъ даже изъ своихъ личныхъ средствъ.

Но еще замѣчательнѣе дѣятельность покойнаго Жизневскаго на поприщѣ науки и общественномъ.

Въ 1866 г., по почину бывшаго Тверскаго губернатора князя П. Р. Багратіона, при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ основанъ музей, помѣщенный въ зданіи губернской гимназіи. Музей предназначался сначала для храненія образцовъ мѣстныхъ произведеній земледѣлія, фабричной и ремесленной промышленности, рѣдкостей минеральнаго, растительнаго и животнаго царствъ, а также предметовъ относящихся къ этнографіи и археологіи Тверской губерніи. Живое участіе въ дѣлѣ собиранія предметовъ для музея принялъ покойный поэтъ Ѳ. Н. Глинка. Заводскіе и промышленные образцы были собраны быстро и въ достаточномъ количествѣ; что же касается до предметовъ археологіи, то еще въ 1872 г. въ музеѣ хранилось только три незначительные предмета и нѣсколько монетъ. Въ 1872 г. А. К. Жизневскій былъ избранъ помощникомъ председателя Статистическаго Комитета и принялъ на себя также завѣдываніе музеемъ. Съ тѣхъ поръ музей, а главнымъ образомъ археологическій его отдѣлъ, сталъ быстро расти. Жизневскій рѣшилъ приступить къ изученію Тверской губерніи въ историческомъ отношеніи, для чего и занялся разысканіями и собираніемъ памятниковъ старины, помѣщая свои пріобрѣтенія въ музеѣ. Близко знакомый съ губерніей, имѣя обширныя связи въ уѣздахъ, при содѣйствіи своихъ подчиненныхъ, которыхъ онъ съумѣлъ пріохотить къ этому дѣлу, онъ обогащалъ музей новыми пріобрѣтеніями и въ нѣсколько лѣтъ превратилъ его въ историко-археологическое хранилище. Весьма многіе предметы пожертвованы имъ самимъ, другіе принесены въ даръ разными лицами при его посредствѣ. Будучи человѣкомъ одинокимъ (онъ впрочемъ много помогалъ своимъ роднымъ), онъ тратилъ ежегодно большія суммы денегъ на музей и не жалѣлъ ни времени, ни силъ въ собираніи древностей, употребляя всевозможныя усилія для розысканія ихъ и снаряжая даже порою экспедиціи для раскопки кургановъ и городищъ, откуда и добыто немало важныхъ вещей. По отзыву многихъ знатоковъ, посѣщавшихъ Тверской музей, онъ по богатству и разнообразію своихъ коллекцій самое лучшее изъ провинціальныхъ древлехранилищъ. Въ немъ находится около 9.000 предметовъ древности, свыше 7.000 рукописей и до 2.500 предметовъ по отдѣламъ естественному и промышленному. Археологическій отдѣлъ замѣчателенъ по богатству, разнообразію и научной цѣнности предметовъ; но всѣмъ отраслямъ археологіи въ музеѣ имѣются не только рѣдкіе, иногда единственные экземпляры, но часто цѣлыя коллекціи съ разновидностями и подраздѣленіями, собраніе же Тверскихъ

монетъ и натѣльныхъ крестовъ одно изъ первыхъ. Всѣ многочисленныя коллекціи хранятся въ образцовомъ порядкѣ; всѣ предметы и рукописи внесены въ описи и размѣщены какъ слѣдуетъ; со многихъ древностей сняты фотографіи, планы, снимки. Рукописи музея описаны проф. М. Н. Сперанскимъ.

Послѣдніе годы, благодаря возрастанію коллекцій музея, помѣщеніе его въ зданіи губернской гимназіи стало тѣсно; нѣкоторые болѣе громоздкіе предметы не могутъ даже въ немъ помѣщаться, почему и явилась забота о новомъ помѣщеніи. Вопросъ этотъ нынѣ разрѣшенъ наилучшимъ образомъ. Г. Тверской губернаторъ камергеръ П. Д. Ахлестышевъ и Тверская ученая архивная коммиссія просили г. начальника Главнаго Управленія Удѣловъ князя Л. Д. Вяземскаго объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія на перемѣщеніе музея въ Императорскій Тверской дворецъ, и 25-го Февраля 1895 г. воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на уступку подъ помѣщеніе Тверскаго историко-археологическаго музея западнаго крыла Императорскаго Тверскаго дворца *), съ отнесеніемъ расхода по содержанію этой части дворца, временно, въ теченіе двухъ лѣтъ, на счетъ удѣловъ, при чемъ расходы по приспособленію этого помѣщенія для музея приняты тоже на средства удѣльнаго вѣдомства. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ году музей перейдетъ въ свое новое помѣщеніе.

Это перемѣщеніе музея во дворецъ больше всего занимало послѣднее время покойнаго Жизневскаго; онъ видѣлъ, что предстоитъ еще много труда и заботъ, чтобы довершить это дѣло. Во время своей предсмертной болѣзни онъ высказывалъ опасеніе, что если даже и выздоровѣетъ, то болѣзнь отниметъ у него силы, необходимыя для трудовъ по водворенію музея въ новомъ помѣщеніи; смерти же онъ не боялся. Утромъ, въ самый день своей кончины, послѣдовавшей въ 8 ч. вечера, онъ прислалъ губернатору, непремѣнному попечителю архивной коммиссіи, 1.000 рублей на нужды музея.

Все остававшееся свободнымъ отъ служебныхъ занятій время онъ посвящалъ своему любимому дѣтищу-музею, которому былъ преданъ всей душею. Онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ обширныхъ коллекцій музея, описаніемъ вновь поступающихъ предметовъ, а въ 1888 г. издалъ прекрасное „Описаніе Тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ“ со многими рисунками и гравюрами. Онъ любилъ лично показывать посѣтителямъ сокровища музея и дѣлалъ это съ увлеченіемъ.

Покойный имѣлъ утѣшеніе видѣть обильные плоды своихъ трудовъ, положенныхъ имъ въ дѣло расширенія музея. О трудахъ его самымъ лестнымъ образомъ отзывались многіе ученые и высокопоставленные посѣтители музея. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, осмотрѣвъ музей 20 Октября 1885 г., дважды изволилъ вспоминать о немъ; за завтракомъ въ помѣщеніи драгунскаго Московскаго полка и за обѣдомъ въ залѣ Городской Думы и, обращаясь къ Жизневскому, поднималъ бокалъ за процвѣтаніе Тверскаго музея, а при отъѣздѣ послѣ обѣда изъ Думы на вокзалъ желѣзной дороги еще разъ благодарилъ его за его труды по устройству музея. Мило-

*) Гдѣ въ 1811 году Н. М. Карамзинъ читалъ императору Александру I свою исторію.

стивое вниманіе оказали музею Великій Князь Владиміръ Александровичъ, посѣтившій его 13 Іюня 1892 г. и Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская, посѣтившая Тверской музей вмѣстѣ съ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ 18 Октября 1893 г. Съ живымъ участіемъ относился къ музею графъ А. С. Уваровъ, посѣщавшій его и удивлявшійся его богатствамъ, и многіе другіе. И дѣйствительно, музей составляетъ славу Тверской губерніи.

Когда въ 1884 г. покойнымъ основателемъ Археологическаго Института Н. В. Калачовымъ была открыта въ Твери ученая архивная коммиссія, то предсѣдателемъ ея былъ избранъ А. К. Жизневскій. Древнія рукописи музея дали богатый матеріалъ для работъ членовъ коммиссіи. Жизневскій привлекалъ постоянно къ архивной работѣ всѣхъ, кто хоть немного интересовался родной стариной и такъ или иначе могъ принести пользу дѣлу изученія ея, и умѣло собралъ вокругъ себя полезныхъ дѣятелей и работниковъ. Съ полной готовностью и любовью онъ руководилъ занятіями членовъ коммиссіи; онъ указывалъ и доставлялъ имъ почти всѣ необходимые для работы матеріалы, благодаря своему вліянію и знакомствамъ онъ добывалъ нужныя справки въ столичныхъ архивахъ и умѣлъ передать своимъ сотрудникамъ горячую любовь къ архивному дѣлу, словомъ, былъ душею коммиссіи. Дѣятельность Тверской ученой архивной коммиссіи ознаменована весьма почтенными изслѣдованіями и трудами, и она выдается изъ ряда другихъ. Самому Жизневскому принадлежитъ цѣлый рядъ рефератовъ, читанныхъ имъ въ засѣданіяхъ коммиссіи. Замѣтимъ еще, что денежныя средства коммиссіи сравнительно съ другими крайне ограничены: она не имѣетъ даже своего печатнаго органа, и труды ея членовъ помѣщаются въ „Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Число членовъ гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ коммиссіяхъ, которыя даютъ званіе члена слишкомъ щедро.

Для храненія собираемыхъ архивной коммиссіей историческихъ документовъ былъ учрежденъ, согласно съ изданными на этотъ предметъ правилами, Тверской историческій архивъ, помѣщенный въ казенномъ зданіи, уступленномъ по ходатайству бывшаго губернатора А. Н. Сомова и А. К. Жизневскаго, заботами котораго оно было тщательно ремонтировано. Зданіе это стоитъ особнякомъ отъ другихъ на базарной площади и въ пожарномъ отношеніи безопасно.

Особенной заслугой Жизневскаго являются его заботы о возстановленіи древнихъ храмовъ. По его настояніямъ была возобновлена разрушившаяся древняя (XIV в.) церковь въ с. Микулинѣ Городищѣ, Старицкаго уѣзда (на освященіи которой онъ самъ присутствовалъ), и при его горячемъ участіи былъ возстановленъ Старовознесенскій деревянный храмъ въ г. Торжкѣ XVII в.

Большое содѣйствіе оказалъ онъ Антропологической выставкѣ въ Москвѣ 1878 г. и вообще Антропологическому отдѣлу Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Онъ организовалъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ Тверской губерніи курганныя раскопки, при чемъ добытые черепа, костяки и разные курганные предметы отсылались на выставку

и въ отдѣлъ, гдѣ были изслѣдованы и послужили матеріаломъ для монографіи предсѣдателя ея проф. А. П. Богданова (недавно скончавшагося) о доисторическихъ Тверитянахъ по курганнымъ раскопкамъ. Тверской музей участвовалъ въ Московской географической выставкѣ 1891, а самъ Жизневскій принималъ дѣятельное участіе въ археологическихъ съѣздахъ, на которыхъ выставлялъ свои коллекціи и велъ большую ученую переписку.

Весьма замѣчательна также дѣятельность Жизневскаго благотворительная, свидѣтельствующая о его добромъ сердцѣ. Онъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ „Обществѣ Доброхотной Копѣйки", возникшемъ въ Твери въ 1863 г. по почину покойной А. П. Глинки, супруги поэта. Онъ оставался постояннымъ и полезнѣйшимъ членомъ этого общества, нерѣдко предсѣдательствуя въ немъ, и притомъ въ самое трудное для общества время, когда ему грозило распаденіе, предотвращенное, быть можетъ, усиліями его. Въ 1867 г. въ Твери было открыто мѣстное управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, переименованное впослѣдствіи въ общество Краснаго Креста, и въ немъ, съ самаго его открытія, Жизневскій сталъ виднымъ дѣятелемъ, исполняя обязанности казначея. За выдающіяся свои заслуги Обществу Краснаго Креста онъ былъ удостоенъ высочайшей награды орденомъ св. Анны 1 степ. и избранъ почетнымъ членомъ Краснаго Креста.

Жизневскій такъ любилъ Тверь и сроднился съ нею, что не желалъ ее покинуть даже когда ему предстояла блестящая служебная будущность. Такъ въ 1876 г. онъ получилъ отъ главнаго управленія Кавказскаго намѣстничества приглашеніе занять мѣсто начальника управленія государственными имуществами на Кавказѣ (должность IV кл. съ содержаніемъ въ 6.000 р.); но онъ отклонилъ это предложеніе и остался въ Твери, хотя на Кавказѣ находился его родной братъ съ своимъ семействомъ. За то покойный пользовался въ Твери общей любовью и уваженіемъ. Когда въ 1888 г. исполнилось 25-лѣтіе управленія его Тверской Казенной Палатой, Тверская городская Дума въ засѣданіи 13 Апрѣля 1888 г. постановила просить его изъявить согласіе на принятіе званія почетнаго гражданина г. Твери. Въ этомъ званіи онъ былъ утвержденъ, съ высочайшаго соизволенія, 29 Декабря того же года.

Но чѣмъ особенно дорога и замѣчательна личность А. К. Жизневскаго, такъ это тѣмъ, что онъ, будучи не-Русскаго происхожденія, католикъ по вѣроисповѣданію, былъ искренне, всей душой преданъ Русской старинѣ и жилъ Русской жизнью. Онъ хлопочетъ о возобновленіи древнихъ храмовъ, присутствуетъ на церковныхъ торжествахъ, на освященіи церквей, поддерживаетъ самыя сердечныя отношенія съ духовенствомъ Тверской епархіи и самыя близкія, даже дружескія отношенія съ Тверскими архипастырями. Изъ Тверскихъ замѣчательныхъ людей онъ былъ друженъ съ извѣстнымъ романистомъ И. И. Лажечниковымъ и поэтомъ Ѳ. Н. Глинкой.

Всегда живой, энергичный, онъ не зналъ отдыху. Всегда онъ былъ въ ясномъ и добромъ расположеніи духа, исполненный душевнаго мира, всегда

и всѣмъ онъ былъ доволенъ. Ко всѣмъ онъ былъ привѣтливъ и любезенъ. Бѣднымъ онъ оказывалъ всегда помощь. Его вліяніе на общество было благотворно: онъ старался развить въ немъ интересъ къ роднымъ древностямъ и любовь къ родинѣ, ея прошлому, пробудить участіе къ мысли, къ наукѣ. Многіе не понимали его, считали его чудакомъ; но нельзя было не видѣть, что ему удавалось вносить движеніе и жизнь въ провинціальную среду, столь небогатую умственными интересами Путемъ вещественныхъ наглядныхъ памятниковъ онъ пробуждалъ любовь къ прошлому роднаго края и интересъ къ познанію его исторіи.

Погребенъ Августъ Казимировичъ 22 Марта на Смоленскомъ кладбищѣ г. Твери. На погребеніи его присутствовали: Тверской губернаторъ П. Д. Ахлестышевъ съ своей супругой, предсѣдательницей общества „Доброхотной Копѣйки", почти всѣ начальники отдѣльныхъ частей, сослуживцы покойнаго и многочисленная публика. Къ выносу тѣла покойнаго прибыли два депутата отъ Московскаго Археологическаго Общества В. К. Трутовскій и графъ И. А. Уваровъ, возложившіе на гробъ вѣнокъ. На гробъ было возложено всего 26 вѣнковъ; на одномъ изъ нихъ была надпись: „Замѣчательному дѣятелю на поприщѣ Русской археологіи, основателю Тверскаго музея, Русскому человѣку А. К. Жизневскому за работу на пользу Русской науки". На могилѣ почившаго говорили рѣчи: членъ Тверской ученой архивной коммиссіи В. И. Колосовъ и начальникъ отдѣленія Московской Казенной Палаты Н. А. Виноградовъ, служившій прежде подъ начальствомъ покойнаго.

А. О.

*

Русскіе люди относятся съ чувствомъ радостной признательности къ такимъ дѣятелямъ, каковы были въ наши дни Гацискій въ Нижнемъ, Жизневскій въ Твери, нѣкогда библіографъ Анастасевичъ въ Петербургѣ. Поляки происхожденіемъ, они оказали прочныя услуги Русскому самосознанію, разысканіемъ, сохраненіемъ, изученіемъ и добросовѣстною разработкою нашихъ древностей. Широта жизненныхъ началъ и безпримѣсно-христіанскій духъ, вѣющій отъ вещественныхъ, письменныхъ и словесныхъ памятниковъ древней Руси внушали этимъ людямъ искреннюю любовь къ новому ихъ отечеству. Въ одну изъ бесѣдъ съ нами, покойный А. К. Жизневскій передавалъ намъ, что, будучи студентомъ Московскаго университета, любилъ онъ въ лунныя ночи, ходить по Кремлю, и Кремлевская древность пробудила въ немъ первую любовь къ историческимъ поискамъ. Этой любви остался онъ вѣренъ во весь долгій вѣкъ свой и въ силу ея успѣлъ сдѣлать одинъ больше, чѣмъ иныя коммиссіи и ученыя общества.

Вѣчная память дорогому собрату! П. Б.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ОЧЕРКА СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ШИДЛОВСКИХЪ ВЪ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНѢ 1696—1727 г.г.

Собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. Спб. 1896. 8°. XII+266.

Въ настоящемъ году появилось въ свѣтъ изданіе С. И. Шидловскаго по исторіи рода Шидловскихъ. Въ виду цѣнности этого изданія, въ генеалогическомъ и историческомъ отношеніи нахожу нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Шидловскіе, въ старину называвшіеся Шиловыми, *по преданію* произошли отъ Кузьмы Васильевича Шилова, выѣхавшаго въ 1535 г. изъ Польши на службу къ великому князю Московскому Василію Ивановичу и жалованнаго помѣстьями въ Суздальскомъ уѣздѣ.

Мнѣ не разъ приходилось высказываться по поводу выѣздовъ нашихъ древнихъ дворянскихъ родовъ; въ большинствѣ случаевъ я ихъ отрицаю и считаю необходимымъ, въ случаѣ указанія на выѣздъ, представленіе неопровержимыхъ доказательствъ этого выѣзда. Вотъ почему я, несмотря даже на точное указаніе года (1535) выѣзда Кузьмы Васильевича Шилова, не могу согласиться съ дѣйствительностію этого выѣзда и говорю о немъ лишь какъ о преданіи, весьма сожалѣя, что С. И. Шидловскій, при указаніи на происхожденіе рода (стр. 1-я), не сдѣлалъ ссылки на документъ, доказывающій этотъ выѣздъ, если таковой, конечно, существуетъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Правда, указаніе на выѣздъ К. В. Шилова вошло въ Общій Гербовникъ (ч. V); но къ сожалѣнію Общій Гербовникъ не можетъ служить доказательствомъ, такъ какъ онъ полонъ фантастическихъ свѣдѣній, ни на чемъ не основанныхъ. Наконецъ, въ сочетаніи словъ «1535 годъ» и «великій князь Василій Ивановичъ»—явная ошибка (Общ. Герб V): въ 1535 г. великаго князя Василія Ивановича уже не было въ живыхъ, такъ какъ онъ умеръ 3 Декабря 1533 года.

Документы, помѣщенные въ настоящемъ изданіи, почти исключительно относятся къ Ѳедору Владимировичу Шилову, первому изъ этого рода, поселившемуся на Украйнѣ, и состоятъ изъ бумагъ хранящихся въ Архивѣ Морскаго Министерства и нѣсколькихъ извлечен-

ныхъ изъ Архива Департамента Герольдіи. Всѣхъ документовъ помѣщено 77, съ 1696 по 1727 годъ; въ концѣ личный и географическій указатели, что̀ дѣлаетъ книгу вполнѣ удобною для справокъ. Очень жаль, что не приложена поколѣнная роспись рода.

Ѳедоръ Владимировичъ Шиловъ, женившись на дочери Харьковскаго полковника Григорія Ероѳеича Донца, Ульянѣ Григорьевнѣ, перебрался изъ Москвы, гдѣ былъ стольникомъ, на службу къ своему тестю въ Малороссію, и благодаря высокому служебному положенію тестя, самъ занялъ непослѣднее мѣсто въ рядахъ казачей старшины, получивъ въ 1694 году мѣсто полковника Изюмскаго слободскаго полка; въ это же время онъ поддался существовавшей тогда въ Малороссіи модѣ: измѣнилъ свою Русскую фамилію на Польскій ладъ и сталъ писаться Шидловскимъ, каковому примѣру послѣдовали и слѣдующіе Шиловы, перебравшіеся на Украйну подъ крылышко хорошо устроившагося на новомъ мѣстѣ родственника.

Въ 1706 г. Ѳ. В. Шидловскій, уже въ чинѣ бригадира, сталъ Харьковскимъ полковниковъ, а въ 1709 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ всѣхъ слободскихъ полковъ, каковую должность занималъ по Апрѣль 1711 г., когда, по приказу императора Петра, былъ арестованъ и затѣмъ лишенъ чиновъ и имѣній. За что̀ именно пострадалъ онъ, достовѣрно сказать нельзя; вѣроятно онъ изъ угоды корыстолюбивому и не отличавшемуся честными правилами Меншикову не всегда дѣйствовалъ такъ, какъ бы слѣдовало, и въ трудную минуту Меншиковъ предпочелъ за лучшее пожертвовать Шидловскимъ чѣмъ рисковать самому чѣмъ бы то ни было, и произошла совершенно обыкновенная исторія: болѣе сильный, цѣлъ и невредимъ, а кто поменьше, тотъ уничтоженъ.

Паденіе Ѳ. В. Шидловскаго конечно, не могло не подѣйствовать и на судьбу его родственниковъ; но со временемъ они и безъ его помощи съумѣли воспользоваться свободою и привольемъ степей и стали одними изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ края, исторія коихъ не безъинтересна.

Будетъ очень жаль, если С. И. Шидловскій ограничится этимъ изданіемъ, такъ какъ подобныя бумаги представляютъ собою цѣнный вкладъ въ литературу мѣстнаго края.

Л. М. Савеловъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ М П. ПОГОДИНА.

Книга десятая. С.-ПБ. 1896 г. 8-ка, 584 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ отчетѣ о девятой книгѣ г. Н. Барсукова („Русскій Архивъ" 1895 г.) мы замѣтили, что книга эта издана почтеннымъ авторомъ на премію графа Уварова, которую онъ получилъ отъ Императорской Академіи Наукъ за первыя семь книгъ своего монументальнаго труда, что служило доказательствомъ что скудныя личныя средства издателя уже были истощены изданіемъ предшествующихъ томовъ. Мы выразили горячее пожеланіе, чтобы автору „Жизни и трудовъ М. П. Погодина" была предоставлена возможность докончить свое предпріятіе, и пожеланіе наше исполнилось скорѣе, чѣмъ мы предполагали. „Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1895 г., разсказываетъ Н. Б. Барсуковъ въ предисловіи къ Х-й книгѣ, меня посѣтилъ господинъ Московскій присяжный повѣренный Михаилъ Георгіевичъ Бажановъ, дотолѣ мнѣ вовсе незнакомый. Онъ сообщилъ, что довѣритель его, имя коего отказался назвать (какъ оказалось впослѣдствіи, Александръ Николаевичъ Мамонтовъ, давно извѣстный своимъ просвѣщеннымъ отношеніемъ ко всему, что касается Русской науки и литературы), сочувствуя направленію моего сочиненія и узнавъ изъ статьи г. Розанова, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (Культурная Хроника Русскаго Общества и Литературы за XIX вѣкъ, Октябрь 1895), что я не имѣю средствъ на продолженіе изданія моего сочиненія, выразилъ желаніе придти мнѣ на помощь своими денежными средствами". Такимъ образомъ печатаніе обезпечено съ матеріальной стороны, и всѣ цѣнящіе трудъ г. Н. Б. Барсукова искренне признательны А. Н. Мамонтову за тотъ подарокъ, который онъ имъ сдѣлалъ, давъ возможность читать далѣе біографію Погодина.

Мы уже нѣсколько разъ знакомили читателей „Русскаго Архива" съ пріемами почтеннаго біографа; здѣсь скажемъ лишь, что по своему интересу Х-я книга нисколько не уступаетъ предыдущимъ, даже превосходитъ ихъ. Подъ умѣлымъ перомъ автора, какъ живые, проходятъ уже знакомыя читателю лица: самъ Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Бодянскій, Григоровичъ, Срезневскій, Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, Хомяковъ, Кирѣевскій, Самаринъ, графы Уваровъ и Строгановъ, И. И. Давыдовъ и пр., пр., въ крайне интересныхъ и поучительныхъ событіяхъ ихъ жизни. Пора, кото-

рую рисуетъ X-я книга, весьма интересна въ исторіи нашего духовнаго движенія. Это конецъ 1848 г. и 1849 годъ, когда наукѣ и въ частности университетскому преподаванію грозила опасность: графъ Уваровъ вышелъ въ отставку, и министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ князь Ширинскій - Шихматовъ, былъ введенъ комплектъ студентовъ, каѳедра философіи закрыта и преподаваніе ея возложено на профессоровъ богословія, воспрещено чтеніе въ университетѣ нѣкоторыхъ юридическихъ предметовъ и т. д. Тогда же въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ произошелъ печальный эпизодъ съ печатаніемъ перевода записокъ Флетчера, результатомъ чего было лишеніе Бодянскаго профессуры въ Московскомъ университетѣ и переводъ въ Москву Григоровича изъ Казани. Эпизодъ этотъ весьма обстоятельно разсказанъ г. Барсуковымъ и во многомъ документально исправляетъ то, что ранѣе было извѣстно объ немъ по слухамъ, освѣщаетъ новымъ свѣтомъ многія страницы этой исторіи и отводитъ участвовавшимъ въ ней лицамъ иное мѣсто. Къ этой же порѣ относятся появленіе Рижскихъ писемъ Самарина и арестъ И. С. Аксакова.

Слѣдя за грустными страницами въ исторіи Русскаго просвѣщенія, читатель съ наслажденіемъ отдыхаетъ на эпизодахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ ученой дѣятельности Погодина, особенно къ его трудамъ по собиранію знаменитаго его книгохранилища. Страницы эти въ высшей степени интересны и поучительны, ибо вводятъ читателя въ самый процессъ собирательской дѣятельности Погодина, которая составляетъ одну изъ наиболѣе очевидныхъ его заслугъ.

Наша замѣтка о X-й книгѣ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“ значительно разрослась бы, еслибы мы захотѣли въ подробности перечислять всю массу интереснаго и поучительнаго матеріала, въ ней заключающагося. Кладемъ перо въ увѣренности, что слѣдующая XI книга не заставитъ себя долго ожидать. Порукою въ этомъ служитъ энергія почтеннаго біографа, которому позволяемъ себѣ сказать то, что говорилъ самъ Погодинъ въ письмѣ къ одному ученому: Впередъ, съ Божіей помощью!

И. Помяловскій.

ПИСЬМО ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА М. Ѳ. КАМЕНСКАГО КЪ ОДНОМУ ИЗЪ АКАДЕМИКОВЪ.

Reçu le 26 juin 1793.

Monsieur.

Je suis très sensible au désagrément qui vous arrive par votre déménagement de la maison académique. Il serait à souhaiter que les gens des lettres, comme vous au moins, ne fussent pas exposés à ces façons. On contracte toujours des certaines habitudes dont la privation ne fait pas plaisir, surtout étant en famille; mais la chose est sans remède, puisqu'une résolution académique une fois prise ne se change pas aussi facilement qu'une résolution quelconque d'un département civil, toujours gouverné par des avocats et qui toujours trouvent des camarades d'un avis contraire.

Daignez au moins, monsieur, en changeant de maison, ne point éloigner de vous mon fils; vous l'avez adopté, continuez de lui servir de père. Je sacrifie volontiers par an deux cent roubles pour son logement tout le tems qu'il restera chez vous et auprès de vous, ce que je crois devoir durer trois ou au moins deux ans encore. Permettez moi cependant de le prendre à Moscou pour un mois ou deux par les premiers traînaux, pour pouvoir juger de ses progrès par moi-même, de même que de l'état de sa santé. Comme je pars aujourd' hui pour mes terres, où je resterai jusqú à l'hiver, j'ai chargé madame Kamensky de vous envoyer au premier de Septembre mille roubles. Nous compterons à l'arrivée du jeune homme.

Si monsieur mon fils ne veut pas changer de caractère d'écriture, qu'il n'écrive pas en écrivant, mais qu'il peigne, qu'il dessine en ne se pressant pas de former ses lettres, et alors peut-être reformera-t-il sa main. Serait-il donc plus difficile de griffoner un A ou un B d'après un autre A ou un autre B, que de dessiner un nez d'après un nez ou bien un sourcil d'après le sourcil de monsieur votre élève? Le tout dépend d'une certaine application, et c'est là le mot de l'énigme que je conseillerais à notre très cher Nicolas de deviner.

Pardon, monsieur, voilà bien des balourdises; je le sens moi-même, mais je suis père, je m'entretiens de mon enfant et je pars pour ne plus en avoir des nouvelles de longtems. Daignez suppléer aux idées que j'aurais voulu pouvoir lui inculquer pour son bien, et voilà pourquoi je ne lui écris pas. Si son écriture ne change pas, je souhaitrais ne point commencer l'équitation pour l'engager d'autant plus à mieux écrire, à mieux dessiner, enfin à ne rien faire en négligeant.

D'après votre lettre j'ose espérer que mon fils, lors de son arrivée à Moscou, apportera avec lui quelques plans de fortification avec les profils que j'avais désiré et un plan d'attaque quelconque, faits par lui-même, et vous assure encore une fois de l'estime et de la considération avec lesquels je ne cesserai jamais d'être, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Michel Kamensky.

Moscou, le 8 juin 1793.

Agréez, s'il vous plait, mes très humbles hommages et les sentiments de reconnaissance pour toutes les bontés que madame Euler veut bien avoir pour mon fils. Puisse-t-elle les lui continuer et puisse-t-il s'en rendre digne.

Переводъ. Получено 23 Іюня 1793. Милостивый государь. Очень сожалѣю о непріятности, которую приходится вамъ испытать, выселяясь изъ академическаго дома. Желательно, чтобы поступали иначе съ учеными людьми, по крайней мѣрѣ съ такими, какъ вы. Всегда заводятся извѣстныя привычки; нарушеніе которыхъ тежело, особливо когда живешь семьею. Но поправить дѣло нельзя; вѣдь академическое постановленіе отмѣняется не такъ легко, какъ постановленіе какого нибудь гражданскаго департамента, гдѣ управляютъ стряпчіе и гдѣ всегда найдутся члены мнѣнія противнаго. По крайней мѣрѣ, милостивый государь, мѣняя мѣсто жительства, сдѣлайте милость, не удаляйте отъ себя моего сына. Вы его усвоили себѣ, продолжайте быть ему отцомъ. Я охотно жертвую по двѣсти рублей ежегодно за его помѣщеніе, все время пока онъ останется при васъ, чтó должно, думаю, продлиться три или по крайней мѣрѣ еще два года. Однако, позвольте мнѣ, по первому санному пути, взять его въ Москву на мѣсяцъ или ва два, чтобы я самъ могъ судить объ его успѣхахъ и о состояніи его здоровья. Сегодня отправляюсь я къ себѣ въ деревню, гдѣ останусь до зимы. Я поручилъ госпожѣ Каменской препроводить къ вамъ 1-го Сентября тысячу рублей. По пріѣздѣ молодаго человѣка мы сочтемся.—Если господинъ сынъ мой не желаетъ перемѣнить своего почерка, то пусть онъ не пишетъ, а рисуетъ, и не торопясь выводитъ буквы въ своихъ письмахъ; можетъ быть, такимъ образомъ

онъ поправитъ свою руку. Что труднѣе: напачкать *А* или *Б* съ другаго *А* или другаго Б., или срисовать носъ или бровь съ носа или брови господина вашего питомца? Все зависитъ отъ извѣстнаго прилежанія, и вотъ тутъ загадка, которую я бы посовѣтовалъ разгадать нашему милому Николаю —Простите, милостивый государь, мнѣ эти пустяки; я самъ ихъ такими считаю; но я отецъ, говорю о моемъ сынѣ и уѣзжаю, слѣдовательно долго не буду имѣть о немъ извѣстія. Пожалуйста, поддержите мысли, которыя бы я желалъ внѣдрить въ него для его блага, и вотъ почему я не пишу къ нему. Если почеркъ его не перемѣнится, я желалъ бы, чтобы онъ не начиналъ верховой ѣзды: пусть это побудитъ его лучше писать, лучше рисовать, словомъ отвыкнуть отъ небрежности. По письму вашему смѣю надѣяться, что сынъ мой привезетъ съ собою въ Москву планы фортификаціи съ профилями, какъ я желалъ, и планъ какой нибудь атаки, составленные имъ самимъ. Еще разъ вѣрьте уваженію и почтенію, съ каковыми не престану быть навсегда вашимъ м. г., покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Михаилъ Каменскій. Москва, 8 Іюня 1793.—Сдѣлайте милость, примите выраженіе моей почтительной признательности за всѣ милости, которыя госпожа Эйлеръ благоволитъ оказывать моему сыну. Да продолжитъ она ихъ, а онъ да будетъ ихъ достоинъ.

Печатается съ подлинника, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву и сообщеннаго имъ въ „Русскій Архивъ." Знаменитый воинъ и выученикъ Фридриха Великаго въ 1793 году, когда письмо это писано, жилъ въ отставкѣ и въ опалѣ (за то, что самовольно принялъ на себя командованіе войсками по кончинѣ князя Потемкина). Замѣчательна его забота о второмъ его сынѣ (позднѣе тоже великомъ полководцѣ), которому тогда было 16 лѣтъ отъ роду. Къ кому письмо написано, не знаемъ; во всякомъ случаѣ не къ славному Эйлеру, который умеръ въ 1783 году. Не пріятно ли его Фуссу, у котораго могла жить вдова Ейлера? П. Б.

О СТИХАХЪ КЪ ПОРТРЕТУ С. Д. НЕЧАЕВА.

Въ первой книжкѣ „Русскаго Архива“, 1895 года, въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Степанѣ Дмитріевичѣ Нечаевѣ, напечатано, что сослуживецъ его по Московскому Сенату Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, „человѣкъ, котораго никто не упрекнетъ въ льстивости“, выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ достоинства С. Д. Нечаева:

Кто, законъ храня въ Сенатѣ,
Звуковъ лиры не забылъ? и проч. (стр. 43).

Надняхъ мнѣ попался листокъ, на которомъ неизвѣстною мнѣ рукою написано *тоже* осьмистишіе съ заглавіемъ: *Къ портрету С. Д. Нечаева*, безъ означенія, приведенной въ „Русскомъ Архивѣ“ даты: „Москва 15 Ноября 1845 г.“

Но на томъ же листкѣ, подъ стихами, рукою хорошо мнѣ знакомою М. А. Дмитріева, написано: „Къ портрету Степана Дмитріевича Нечаева я никогда не писывалъ; а можетъ быть это не изъ другихъ ли какихъ моихъ стиховъ. Мих. Дмитріевъ“.

Николай Барсуковъ.

Означенные хвалебные стихи приписаны М. А. Дмитріеву въ той рукописи, которая была сообщена въ „Русскій Архивъ“ сыномъ С. Д. Нечаева, Дмитріемъ Степановичемъ. П. Б.

ОПЕЧАТКА.

Въ Воспоминаніяхъ Ѳ. А. Оома, стр. 429, строчка 2-я сверху, вмѣсто графъ Паленъ слѣдуетъ читать: графъ Панинъ.

Приложенный къ этому выпуску портретъ графа Н. П. Шереметева снятъ съ гравюры, принадлежащей Борису Сергѣевичу Шереметеву, господину директору Шереметевскаго Страннопріимнаго дома. Приносимъ ему глубочайшую признательность за дозволеніе познакомить читателей «Русскаго Архива» съ внѣшнимъ обликомъ приснопамятнаго благотворителя, душа котораго такъ привлекательно выражается въ его бумагахъ и перепискѣ, выше напечатанныхъ. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1896 года
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

Приложены: Книга „Архива Князя Воронцова" и портретъ графа Н. П. Шереметева.

—1639 гг.) въ Ростовскомъ Кремлѣ. „Ярославскія Еп. Вѣд.“, № 28.

Финиковъ В. Новгородская епархія въ первой половинѣ XVIII вѣка. „Новгородскія Еп. Вѣд.“, №№ 5, 6.

Хрусталевъ Д. Къ исторіи Иркутскаго духовнаго училища. „Иркутскія Еп. Вѣд.“, № 9.

Б. Н. Дмитровское духовное училище. (Первыя историческія свѣдѣнія о немъ). „Московскія Церк. Вѣд.“, № 23.

Е. Н. Старые синодики Антоніево-Сійскаго монастыря (Архангельской губ. Холмогорскаго уѣзда). „Архангельскія Еп. Вѣд.“, №№ 2, 3.

С...въ Н. Деревни Кадниково и Брянцево въ Вологодской губерніи, въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Челобитная царю Петру I о рѣшеніи между упомянутыми двумя деревнями спора о томъ, которой изъ нихъ быть почтовою станціей, 1702 г. „Вологодскія Еп. Вѣд.“, № 2.

С...въ Н. Черты быта и нравовъ Русскаго духовенства въ XVII столѣтіи. „Вологодскія Еп. Вѣд.“, № 1.

С...въ Н. Изъ быта духовенства XVII вѣка. Праздничные діаконы (Челобитная конца XVII вѣка). „Вологодскія Еп. Вѣд.“, № 4.

Ѳ. Ж. Изъ исторіи взаимныхъ отношеній между православными и уніатами во „Мстивлавщинѣ“ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка. „Могилевскія Еп. Вѣд.“, №№ 13—15.

Изъ жизни преосвященнаго Іосифа, бывшаго архіепископа Воронежскаго. „Воронежскія Еп. Вѣд.“, № 9.

Духовные дѣятели Тобольскаго края. „Тобольскія Еп. Вѣд.“, №№ 3, 4, 5.

Древняя Русь въ великіе дни. „Душеполезное Чтеніе“, № 7.

Лѣтніе народные праздники въ старину. „Ярославскія Еп. Вѣд.“, № 28.

Коронованіе православныхъ христіанскихъ государей. „Могилевскія Еп. Вѣд.“, №№ 12—15.

Къ трехсотлѣтію со дня рожденія царя Михаила Ѳеодоровича (1596 12 Іюля 1896). „Московскія Церк. Вѣд.“, № 27.

Трехсотлѣтіе со дня рожденія родоначальника благословеннаго царскаго дома Романовыхъ (1596 12 Іюля 1896 г.) „Душеполезное Чтеніе“, № 7.

Рождественская церковь во имя Собора Пресвятыя Богородицы, она же Строгановская, въ Нижнемъ-Новгородѣ. „Нижегородскія Еп. Вѣд.“, № 11.

Указатель литературы по исторіи Новгорода. „Новгородскія Еп. Вѣд.“, №№ 5, 6.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

„Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**